
UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00280961 4

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

Г. П. ДАНИЛЕВСКІЙ.

1869 г.

Дозволено цензурою. С-пб. 23 января 1893 г. Типо-литографія В. В. Комарова. Невскій, 136.

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

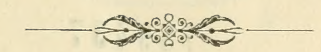
[1847—1890 г.].

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

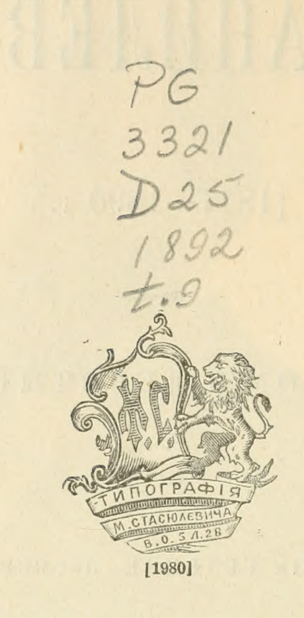
ВЪ ДЕВЯТИ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1893.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28

[1980]

LIBRARY
MAR 30 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Привѣтъ родинѣ.

Итакъ, исчезни сонъ блаженный,
Меня лелѣявшій порой, —
Съ твоей младенческой мечтой
Исчезнешь ты въ пучинѣ бренной!..
На крыльяхъ радости любимой
Летѣлъ съ тобой я въ край родной!..
Но съ силой злата нелюдимой
Я не вхожу въ неравный бой.
Я не хочу рукой младою,
Еще не свѣданной съ бѣдою,
Съ судьбы таинственной сорвать
Всей жизни грозную печать.
Но гдѣ-бъ я ни былъ въ жизни дальной,
Хоть въ кельѣ сумрачной, печальной,
Хоть и въ судѣ передъ столомъ,
За вѣчно страждущимъ перомъ, —
. . . . . всегда, всегда душою
Умчусь къ родимой сторонѣ,
Гдѣ я, взлелѣянный мечтою,
Расцвѣлъ, — гдѣ помнятъ обо мнѣ...
Итакъ, исчезни, сонъ блаженный,
Печали мнѣ не навѣвай,
Исчезни лучше въ жизни бренной
И скукой думы не играй!..

Но объ одномъ молю: домчися
Къ моимъ любимѣйшимъ мечтамъ,
И въ мысли . . . . . вселися,
Дай радость жизни ихъ часамъ,
Утѣшь моею ихъ мечтою,
Что я любилъ, любилъ порою...
Скажи, что я не въ ихъ странѣ,—
Гдѣ вѣрно помнятъ обо мнѣ...
Умчись же съ тяжкою слезою,
Мнѣ вольной груди не стѣсняй,
Залейся бурною волною
И сердца мнѣ не надрывай!..

1845 г., Москва.

Хуторокъ.

(*Юл. Ег. Замятиной*).

О вы, которымъ суждено
Въ столицахъ бѣдственной судьбою
Имѣть единое окно
Передъ фабричною стѣною;
Которыхъ тѣсный уголокъ
Не вѣдалъ жизненной удачи,
А вѣчный сѣренькій денекъ—
Переселенія на дачи;
Которымъ снится на-яву
„Пріютъ убогаго чухонца",
Лѣсъ на Крестовскомъ острову
И „Стрѣлка" съ захожденьемъ солнца...
Скорѣй спѣшите окунуть
Себя въ затишье нивъ безбрежныхъ,
Вслѣдъ бѣглымъ, на сиротскій путь,
Путь утѣсненныхъ и мятежныхъ...
Придите, сирые, подъ тѣнь
Широколиственнаго клёна,
Въ объятья грѣющаго лона
Забытыхъ рѣкъ и деревень...

Я вамъ отдамъ моихъ знакомыхъ,
Отдамъ—надъ водной глубиной—
Плескъ рыбъ и стаи насѣкомыхъ
Въ пахучемъ воздухѣ, зарей;
Луга, усыпанные макомъ,
Отъ вѣтра волны по овсу;
Надъ потемнѣлымъ буеракомъ
Гречихи бѣлой полосу;
Пруды, сверкающіе сталью,
Скирды пшеницы золотой,
И дождь косой надъ синей далью,
И лѣсъ, какъ дымъ, надъ крутизной...
Молчитъ забытая дорога,
И не летятъ изъ камышей
Ни звукъ серебрянаго рога,
Ни крики пестрыхъ егерей.
Зато весь день, скользя, ныряя,
То крикъ веселый затая,
То воздухъ звонко оглашая,
Кружится ласточекъ семья,—
Рядкомъ усѣлася, щебечетъ...
Вотъ потянуло вѣтеркомъ—
А тополь, какъ фонтанъ, лепечетъ
Зелено-лиственнымъ столбомъ...

* * *

Но нескончаемо-прекрасенъ
Тотъ мигъ въ селѣ, когда молчатъ
И высь, и даль, и степь, и садъ,
А воздухъ ночи нѣмъ и ясенъ.
На пламя свѣчки, мимо глазъ,
Въ окно влетаютъ непрестанно
То алый яхонтъ, то алмазъ,
То пѣсня мушки златотканной.
Пустыня, глушь и сонъ кругомъ;
Сова колышетъ вѣтвь сирени;
Отъ яворовъ упали тѣни,
И въ нихъ заснулъ, какъ въ люлькѣ, домъ...
А жукъ-рогачъ гудитъ протяжно
И, какъ звенящая струна,
Несется медленно и важно
Вдоль растворённаго окна...

Какъ мѣрный стукъ часовъ лѣнивыхъ,
Удары сердца вторятъ въ ладъ
Напѣвамъ грёзъ неторопливыхъ,—
И стаи замысловъ ретивыхъ
Заворожённые молчатъ.

1857 г.

Гроза.

(отрывокъ изъ поэмы).

Давно дождя, давно намъ бури!
Хлѣбъ чахнетъ, зноемъ обожжёнъ...
Клубятся тучи по лазури,
И меркнетъ день со всѣхъ сторонъ.
Съ набѣга вѣтеръ злобно рвется,
Дверьми и ставнями стучитъ;
Отсталый голубь въ небѣ вьется,
И вихорь по двору летитъ.
Солома, пыль, трава сухая,
Бумажки, перья, все столбомъ
Кружится, въ небо улетая, —
И вотъ громы́хнулъ первый громъ...
Сквозь тучи молнія сверкнула
И, какъ огнистый, длинный змѣй,
Мелькнувъ, за рощей утонула...
Вновь тишина и мракъ полей.
По темнымъ облачнымъ воло̀кнамъ
Ползетъ сѣдая полоса;
Забарабанилъ градъ по окнамъ,
Дождь опрокинулся въ лѣса.
Хвосты цыплятъ, какъ вѣеръ бальный,
Раскрылъ звѣздою вихрь нахальный;
Выходитъ пахарь на крыльцо, —
Дождь хлещетъ наискось въ лицо.
Дѣвчонка съ глиняною крынкой
Бѣжитъ, а вѣтеръ вслѣдъ за ней,
Оплелъ ей голову косынкой
И не даетъ прохода ей.
Вдали стремглавъ табунъ несется,
Погонщикъ машетъ и кричитъ,

И гулъ отъ топота копытъ
Въ степи стемнѣвшей раздается...

* * *

Дождь пересталъ, и громъ затихъ.
Омытый лугъ и садъ такъ блещутъ,
На каждомъ листикѣ трепещутъ
Алмазы капель дождевыхъ.
И каждый стволъ, жучокъ, букашка,
За садомъ мостъ и ближній пень,
Сарай, расшатанный плетень,
Полуистлѣвшая бумажка,
Пѣтухъ, разбитое стекло, —
Все смотритъ бойко и свѣтло...
Паукъ вчера оплелъ двѣ розы, —
И ожерельемъ золотымъ
По паутинкамъ голубымъ
Нависли дождевыя слёзы.
Душистъ и мягокъ черноземъ;
Звенитъ и рѣетъ все кругомъ...
Съ небесъ, сквозь облаковъ оконце,
Омывшись, выглянуло солнце;
И паръ дымится надъ землей,
И мчатся гуси за рѣкой.

1858 г.

Степь.

Пролетѣла гроза. Межъ высокой травой,
Въ перелѣскѣ, у зеркала водъ,
Я къ березкѣ усталый припалъ головой, —
Надо мной голубой небосводъ.
Я дремлю — не дремлю,
Соннымъ взоромъ ловлю
Тѣни тучъ,
Звонкій ключъ
И по мхамъ пробѣгающій лучъ.

* * *

Въ паутинѣ, какъ въ люлькѣ, качается жукъ;
Стрекоза, пролетая, звенитъ;

Изумрудную мушку опутавъ, паукъ
На чуть видимой нити виситъ;
А въ лучѣ, межъ травой,
Все въ пыли золотой —
Лепестки,
Мотыльки
И махроваго мака цвѣтки.

* *
*

Дождевыя росинки по вѣтвямъ висятъ,
Степь полна сладкой нѣги и сна;
Дунулъ вѣтеръ, и перлы на землю летятъ,
И березка звучитъ, какъ струна.
Шепчетъ сказочный боръ,
И встаетъ разговоръ
По лугамъ,
По доламъ
И синѣющимъ, дальнимъ холмамъ.

* *
*

Я тону въ нѣжномъ шепотѣ липъ и березъ,
Въ гордомъ шумѣ дубовыхъ вѣтвей,
Въ тихомъ шелестѣ травъ, въ звучномъ лепетѣ лозъ,
Въ плескѣ водъ и въ жужжаньи шмелей;
И я жажду обнять
Грудь пустыни, какъ мать,
Межъ дерёвъ
И цвѣтовъ —
Я заснуть, какъ младенецъ, готовъ!

1852 г.

У колыбели.

РОМАНСЪ.

Спи, малютка! Надъ тобою —
И покой, и тишина,
Колыбель твоя фатою
Дорогой осѣнена.
Колыбель твою качаетъ
Няня съ лѣвой стороны, —
Съ правой Ангелъ навѣваетъ
На тебя святые сны...

Чуть твой ликъ улыбкой милой
Озарится подъ фатой,—
Припадаетъ шестикрылый
Съ поцѣлуемъ надъ тобой...
Спи-жъ, дремли... Такъ въ полдень жаркой,
Опустившись на листокъ,
Подъ жасминной, бѣлой аркой
Дремлетъ крошка-мотылекъ!..

1849 г.

Къ женѣ.

Другъ мой, Ю—ка, ужели
Мы на жизненномъ пути
Всѣ цвѣты сорвать успѣли
И другихъ намъ не найти?
Нѣтъ, мой пролѣсокъ безцѣнный:
Чья душа любви полна,
Для того во всей вселенной
Вѣковѣчная весна!

1874 г.

Къ ***

Когда моя радость шумитъ и хохочетъ,
Начнетъ щебетать, лепетать, стрекотать,
Она такъ щебечетъ, лепечетъ, стрекочетъ,
Что силъ нѣтъ словечка у ней потерять;
Нѣтъ силъ ей отвѣтить, нѣтъ силъ разговоромъ
Прервать мою птичку, блаженство мое...
Я молча ловлю ее трепетнымъ взоромъ:
Все слушать бы, слушать, да слушать ее!
Но чуть звонкій лепетъ и хохотъ голубки
Лукавые глазки восторгомъ зажгутъ,
Блеснутъ средь коралловъ перловые зубки,
Румяною вишенкой щечки блеснутъ,—
Тогда-то смѣлѣй и смѣлѣй я пронзаю
Глазами глаза ей, и силъ нѣтъ внимать,
И жадно уста я съ устами смыкаю,
Хочу цѣловать, цѣловать, цѣловать...

1856 г.

---

*
* *

Ни предъ одной красавицей колѣнъ
Ты не склонялъ съ рыданьемъ и съ мольбою;
Тебѣ еще не вѣдомъ сердца плѣнъ
Съ его грызущими цѣпями.
Твоя душа младенчески-мирна̀,
Въ ней нѣтъ ни грёзъ, ни холода, ни зноя;
Она, какъ ночь предъ пасхою, полна
Молитвъ и тихаго покоя.
Но часъ придетъ, глаголъ рѣчей иныхъ
Въ ея тиши нежданно отзовется;
Она, какъ къ волѣ рвущійся орёлъ,
Почуявъ крылья, встрепенется.
Настанутъ дни борьбы и острыхъ ранъ,
Созрѣетъ страсть съ мучительными снами,
И занесетъ ихъ лютый ураганъ
Тебя палящими песками!

1852 г.

---

*
* *

Средь моря жизненной пустыни
Искалъ я, брошенный въ волнахъ,
Мнѣ заповѣданной твердыни
На Араратскихъ высотахъ.

*
* *

И вотъ, съ зеленою маслиной
Въ ковчегъ осиротѣлый мой
Слетѣлъ твой голосъ голубиный,
Дыша землей, дыша весной.

*
* *

Сойдя на берегъ лучезарный,
Я въ высяхъ той благой страны
Костеръ воздвигнулъ благодарный,
Да вьется къ небу дымъ алтарный
Благовѣстителю весны!

Славянская весна.

Скоро по небу снова направитъ
Бѣгъ Свѣтовидъ,
За моремъ зимнюю шубу оставитъ,
Все оживитъ.
Между фіалокъ, въ рощѣ тѣнистой,
Сядетъ Усладъ;
Въ кубки нацѣдитъ влаги душистой
Всѣмъ виноградъ.
Въ дебряхъ русалки свѣсятъ Купала
Вновь колыбель,
И передъ всѣми, безъ покрывала,
Явится Лель...

1846 г.

Дорогія слезы.

(Во время въѣзда Ея К. В. Принцессы А. Саксенъ-Альтенбургской).

Что за шумъ, и пальба, и восторгъ неземной,
И богатый кортежъ выступаетъ?
Удальцовъ-усачей экипажъ золотой,
Словно соколовъ строй, провожаетъ...
Свѣтелъ, радостенъ людъ, и кричитъ и валитъ
За Голубкой своей ненаглядной...
Что же ты, старичекъ мой, матросъ-инвалидъ
Слезы льешь на сюртукъ свой парадной?..
„Ничего-съ... такъ себѣ... сердцу трудно стерпѣть,
Сами брызнули слезы-злодѣйки;
Изъ глуши я спѣшилъ и успѣлъ поглядѣть,
Словно съ мачты, вонъ съ этой скамейки, —
На отраду Руси, на младую *Княжну* —
На невѣсту Вождя всего флота...
Мнѣ-ль не плакать отъ счастья, когда я взгляну
На жемчужину царскаго рода? —
Я матросъ... я старикъ — но отраднѣй всего
Видѣть образъ звѣзды ненаглядной...
Разгулялась душа, — плачу я, ничего...
Плачетъ пусть и сюртукъ мой парадной!“

1848 г.

Рашель

въ императорской публичной библіотекѣ.

(Наканунѣ 1854 года).

Въ чертогъ побѣднаго союза
Труда и мысли міровой
Она, плѣнительная муза,
Слетѣла тѣнью неземной.
Гостепріимная чужбина
Ее ввела въ знакомый храмъ,
Между Корнеля и Расина,
Къ ея наставникамъ-друзьямъ!
И, узнавая ученицу,
Соборъ сѣдыхъ учителей
Въ ней принималъ искусствъ царицу,
Склонясь, какъ нянька, передъ ней!
И ликовали эти сѣни,
Когда почтительной стопой
Ихъ проходилъ безсмертный геній
Въ лицѣ артистки молодой!

Памяти В. А. Каратыгина.

Еще одинъ высокій геній,
Еще художникъ, полный силъ,
Среди несмолкшихъ сожалѣній,
Свой чудный свѣточъ угасилъ!
Послѣдній исполинъ дубравы—
Онъ отошелъ во слѣдъ другихъ,
Во слѣдъ жрецовъ добра и славы,
Поэтовъ, свѣту дорогихъ...
Въ семьѣ родной, родимымъ словомъ,
Осиротѣлый, встрѣченъ онъ;
Въ семьѣ родной, въ вѣнцѣ лавровомъ
Онъ вѣчной славѣ пріобщенъ!

* * *

И той порой, какъ, трепетные внуки,
Сырой землѣ его мы предаемъ,
И наша грудь полна тоски и муки,

И слезы мы признательныя льемъ,
Въ тотъ чудный мигъ, когда благословляетъ
Его талантъ имъ восхищенный міръ,—
Безсмертнаго на небесахъ встрѣчаетъ
Съ улыбкой свѣтлою Шекспиръ!..
Бодрѣй же въ путь, таланты юной сцены,
Живой, могучей, дружною толпой:
Да процвѣтаетъ царство Мельпомены
На нашей родинѣ святой!

1853 г.

Послѣ концерта Серве.

Вамъ, упоительный Рубини
Въ небесномъ пѣніи смычка!
Вамъ, вдохновенный Паганини,
Чуть ваша дивная рука
Начнетъ метать огонь летучій
Мечтаній, грусти, нѣжныхъ грезъ,
И свѣтлой радости созвучій,
И безнадежной страсти слезъ!
Вамъ, странникъ вѣтренаго свѣта,
Я приношу мольбу поэта,
Да будетъ каждый вашъ аккордъ
Сочувствіемъ въ Россіи гордъ!

1852 г.

Раскаяніе разбойника.

Съ тѣхъ поръ, какъ суждено судьбою
За кровь невинныхъ мнѣ страдать,
Нигдѣ не видѣлъ я покоя,
Всего былъ долженъ убѣгать!..
Но вдругъ... опять мнѣ счастье вѣетъ,
Умолкла совѣсть наконецъ,
Опять меня лучъ солнца грѣетъ,
И хлѣбъ насущный шлетъ Творецъ!
Ужель разгнѣванной судьбою
Опять прощенье мнѣ дано?..

Ужели жизнію святою
Опять мнѣ жить здѣсь суждено?!
О, чудо! — нѣтъ въ душѣ сомнѣнья,
Надежда сердце вновь живитъ,
И съ Вѣрою — путемъ спасенья—
Любовь къ Всевышнему горитъ!

1844 г.

Казнь стрѣльцовъ.

Allez donc! ennemis de son nom, foule vaine!.
V. Hugo.

Не сдобровать тебѣ, Москва!
Не долго бунтовать придется...
Ты слышишь, ужъ кипитъ и льется
Въ тебѣ зловѣщая молва:
Царь Петръ изъ Вѣны возвратился!
Зовутъ стрѣльцовъ, зовутъ народъ, —
Въ Преображенскомъ эшафотъ
Какъ коршунъ въ небо взвился...
Затихъ мятежъ передъ Судьей;
Но хмуритъ бровь стрѣлецъ бунтливый,
Все суевѣрный и кичливый,
Не никнетъ гордой головой!..
Не знаетъ онъ, какія раны
Въ груди царевой растравилъ, —
Не видитъ онъ, какъ вьются враны
Надъ массой вырытыхъ могилъ...
Но—пробилъ часъ... нѣтъ словъ прощенья,
Отецъ отцовъ махнулъ рукой —
Стрѣльцы погибли! Поколѣнья
Ихъ не вспомянутъ со слезой...
Когда послѣдняго на плаху
Взвели, и Царь вблизи стоялъ:
„Прочь, Государь“, — онъ закричалъ, —
„Тебя забрызжу,“ — и съ размаху
Въ мѣшокъ скатилась голова,
Глотая дерзкія слова...

1847 г.

Къ графинѣ ***

Колымя́жскія палаты
Всѣми дивами богаты!
Колымя́жскіе сады —
Чудо сельской красоты!
Надъ водой лазурно-яркой
Мостъ повисъ воздушной аркой,
А подъ нимъ, въ струѣ живой,
Опрокинутъ мостъ другой...
Мягкій лугъ, оранжереи,
Вазы, портики, аллеи;
Средь развѣсистыхъ берёзъ,
Мрачныхъ дубовъ, елей, розъ
И душистыхъ декорацій
Изъ цвѣтущихъ липъ, акацій, —
Домъ, увѣнчанный гербомъ
(Казакомъ, вѣнцомъ и львомъ).
Это всё поэмой дышетъ...
Но мое-ль перо опишетъ
Эти дива и красы?
Ахъ, графиня, бьютъ часы,
Надо ѣхать, — нѣтъ отваги
Примириться съ злой судьбой, —
И оставить Колымя́ги
Съ ихъ хозяйкой молодой.

1850 г.

Къ графинѣ ***

Казачка гордой красотою,
Графиня сердцемъ и умомъ,
Жоржъ-Зандъ возвышенной душою
И своенравностью во всемъ!
О васъ гремитъ не даромъ слава:
Вы муза всѣмъ и Меценатъ...
Я воспѣвать васъ вѣчно радъ,
Моя Аспазія и Са́фо!

Вашъ свѣтлый умъ, вашъ милый взглядъ
Встрѣчать въ безмолвномъ восхищеньи,
Воздушный, легкій вашъ нарядъ
Слѣдить въ лѣсномъ уединеньи —
Такой блистательный удѣлъ,
Такое полное блаженство,
Съ тѣхъ поръ, какъ пало совершенство
И рай земной осиротѣлъ!...

1851 г.

КРЫМСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Бахчисарайская ночь.

Сакли и утесы
Мглой осѣнены.
На террассахъ розы
Въ сонъ погружены.
Пѣсня муэззина
Такъ грустна, грустна,
Что тоски-кручины
Вся душа полна.
Ханское кладбище
Глухо и темно
И, какъ пепелище,
Призраковъ полно...
Вязовъ-великановъ
Сонный рядъ стоитъ...
Тихій плескъ фонтановъ
Отъ дворцовъ летитъ.
И молчатъ утесы,
И сады молчатъ,
И однѣ лишь слезы
На очахъ дрожатъ.

Степи Аккермана.

(сонетъ ***).

Плыву въ степяхъ сухаго океана,
И въ безднѣ травъ качается мой челнъ,
Минуя кустъ пурпурнаго бурьяна
И купы розъ среди зеленыхъ волнъ.
На небѣ мгла. Тропинкой ѣхать трудно.
Въ пространствахъ звѣздъ маякъ мой не горитъ.
Но вотъ, вдали, пожаръ восходитъ чудный —
То пышный Днѣстръ играетъ и блеститъ.
Смолкаетъ степь. Мы стали одиноко.
И слышно мнѣ, какъ чуткій змѣй скользитъ,
Какъ журавли летятъ-звенятъ высоко,
Какъ мотылекъ травою шелеститъ.
Жду голоса съ отчизны... Ухо внемлетъ...
Но тихо все! Впередъ! Пустыня дремлетъ.

Поутру.

Ворвался въ саклю лучъ дневной,
Озолотилъ Фатимы щечки,
На грудь, на шелковыя строчки
Ея узорчатой сорочки
Упалъ волнистой полосой.
Лежитъ и млѣетъ красота!
Разстаться съ грёзами нѣтъ мочи...
Но вотъ она раскрыла очи,
Припомнила видѣнье ночи
И покраснѣла отъ стыда!

Слеза.

Прозябала бѣдная улитка
Въ глубинѣ холодной океана;
Безъ конца потемокъ вѣчныхъ пытка
Жгла ее, какъ пагубная рана.

Зарыдала жертва дна морскаго,
Изъ слезы жемчужина сложилась
И въ вѣнцѣ властителя земнаго
Между звѣздъ алтарныхъ засвѣтилась...
Такъ и ты, поэтъ тоски и горя,
Межъ людей проходишь одиноко...
Такъ и ты, какъ перлъ роскошный моря,
Наконецъ возносишься высоко.

Мисхоръ.

Видѣлъ я роскошный сонъ,
День и ночь мнѣ снится онъ.
Видѣлъ я, что ты со мной,
Мы вдвоемъ сидимъ съ тобой.
Любо намъ, не нужно свѣчъ,—
Безъ огня свободнѣй рѣчь.
Знаю я и безъ огня,
Что краса ты у меня,
Что головки отъ твоей
Брызнулъ ключъ живыхъ кудрей!
Воспаленная рука
И стыдлива, и робка.
Скрытъ впотьмахъ румянецъ щекъ,
Скрытъ лукавый башмачекъ...
Но—свѣтла и хороша
Обнаженная душа!

Іосафатова долина.

(Караимское кладбище близъ Чуфутъ-Кале).

Въ мерцаньи зарницы,
Въ сіяніи звѣздъ перекатныхъ,
Бѣлѣютъ гробницы
Подъ сѣнью кустовъ ароматныхъ.

Лиловой сиренью,
Косàми плакучей ракиты
И лунною тѣнью
Одѣты гранитныя плиты.
Ни крику, ни шума...
Спятъ крѣпко въ могилахъ Евреи,
Спитъ сердце и дума,
И спятъ, между камнями, змѣи.
Но вотъ улетаетъ
Далеко тревожная память.
Тоска поднимаетъ
На сердцѣ и бурю, и зáмять.
Изъ свѣта зарницы
Выходитъ востокъ предо мною...
Палаты столицы
Кипятъ беззаботной толпою...
Я вспомнилъ невольно
Любовь, красоту и искусства...
И страшно мнѣ больно
За бѣдныя смертныя чувства!

Посланіе изъ Уэмбаша.

„Monsieur NN lui-même autrefois faisait des vers... mais ses vers étaient d'une mediocrité déplorable".

A. Chenier.

Ты предался съ младенчества искусству,
И, свѣжъ и новъ, твой геній молодой
Доступенъ былъ восторженному чувству.
Ласкалъ тебя родитель добрый твой...
Ты затвердилъ, что грустной жизни муки
Не подсѣкутъ тебя, что не возьмешь
Ты топорà въ изнѣженныя руки,
Что за сохой на пашню не пойдешь,
Что для труда тебѣ не распинаться,
Житейскихъ благъ предъ нимъ не покидать,
Не убѣгать отъ свѣта, не терзаться
И горькой хлѣбъ слезой не обливать...

Что всѣ твои исполнятся желанья,
Что жизнь тебѣ все лучшее отдастъ,
Что міръ свои научныя познанья
Тебѣ за золото твое продастъ!
И ты пошелъ на зовъ роднаго слова.
Но перваго труда тернистый путь
Не закалилъ таланта молодаго,
Не развила могучихъ мышцей грудь:
Ты пренебрегъ младенческимъ ученьемъ,
Ты не вскормилъ родимымъ молокомъ
Родныхъ страстей, ты съ дерзкимъ нетерпѣньемъ
Растратилъ ихъ въ разгулѣ молодомъ,
Ты примирился съ мимолетнымъ счастьемъ,
Красы чужаго творчества скупилъ...
Пресытилъ умъ незрѣлымъ любострастьемъ
И жгучей нѣгой сердце изсушилъ!
Ты потерялъ зиждительныя силы,
Ты потерялъ сознанье красоты!..
И, какъ убійца бѣглый, до могилы
Терзаться вѣчно будешь ты!
Всѣмъ видно, всѣмъ, какъ чутко ты блуждаешь
Средь юныхъ музъ... Не дремлетъ зоркій духъ...
Ты съ ними дикъ; завистливый евнухъ,
Ты въ ихъ гаремъ за золото впускаешь...

Татарская басня.

(Я. П. ПОЛОНСКОМУ).

Надъ лукоморьемъ пышныхъ Оріандъ
Вознесся дубъ, таврическій гигантъ,
И съ трехъ сторонъ уютный палисадникъ
Предъ нимъ заплелъ кудрявый виноградникъ,
И лавръ, и миртъ, и мрачный кипарисъ
Вокругъ него роскошно разрослись...
И дождь, и громъ, и быстрыя метели
Надъ нимъ напрасно бились и гремѣли.
Онъ невредимъ, онъ одинокъ стоялъ
И холодно окрестность созерцалъ.

Съ его листовъ росы жемчужной слезы,
Звеня, спадали на листочки розы.
Въ тиши его безтрепетныхъ вѣтвей
Рыдалъ и пѣлъ залетный соловей.
И много лѣтъ, покоемъ гордымъ полнъ,
Качался онъ надъ бездной синихъ волнъ.
Сквозь щель скалы, цѣпляясь по каменьямъ,
Къ нему подползъ по виноградным звеньямъ
Трехгранный плющъ—и лиственную ткань
Сталъ разстилать на мраморную грань.
Покорно, робко къ дубу онъ склонился,
И старецъ имъ лукаво соблазнился,
И принятъ былъ отъ любострастныхъ струй
Томительный и жгучій поцѣлуй!
И прянулъ плющъ... Безъ страха обвиваясь
И тысячами нитей разростаясь,
И тысячами устьицъ и корней
Точа кору, какъ изумрудный змѣй
Надъ бронзовой, вѣтвистою колонной
Онъ заплетаться сталъ тесьмой зеленой,—
И почернѣлъ печальный стражъ садовъ
Подъ язвами невидимыхъ зубовъ!..
Но и врагу пошла не въ прибыль злоба,
И дубъ и плющъ изсохли разомъ оба...
И такъ погибъ таврическій гигантъ
Надъ лукоморьемъ пышныхъ Оріандъ...
И нынѣ дождь его нагорный мочитъ,
Незримый червь его останки точитъ,
Да, корни помертвѣвшіе поя,
Шумитъ подъ нимъ свободная струя.

Завѣщаніе изъ Евпаторійскихъ равнинъ.

Вѣтеръ по полю шумитъ,
Весь въ крови казакъ лежитъ,—
На курганѣ головой,
Подъ зеленой осокóй,
Конь ретивый въ головахъ,
А степной орелъ въ ногахъ.

Ахъ, орелъ, орелъ степной,
Побратаемся со мной!..
Ты начнешь меня терзать
И глаза мои клевать.
Дай же знать про это ей,
Старой матери моей!
Чуть она начнетъ пытать,—
Знай, о чемъ ей отвѣчать.
Ты скажи, что ханъ-султанъ
Взялъ меня служить въ свой станъ,
Что меня онъ отличилъ,
Что могилой наградилъ...
Что съ сынкомъ ужъ ей не жить,
Что волосъ ему не мыть!
Ихъ обмоетъ ливень грозъ,
Выжметъ, вывѣтритъ морозъ,
А расчешетъ ихъ бурьянъ,
А раскудритъ ураганъ...
Ты не жди его домой,
Зачерпни песку рукой,
Да посѣй, да поливай,
Да сыночка поджидай...
И когда цвѣтокъ взойдетъ,
Твой казакъ къ тебѣ придетъ!..

Новый грекъ.

Не для дѣлъ живыхъ художествъ,
Не для строгихъ думъ,—
Для ничтожествъ изъ ничтожествъ
Тратишь ты свой умъ.
Мелкій торгъ и щепетильность
Барышей земныхъ
Извратили меркантильность
Пылкихъ чувствъ твоихъ.
Позабылъ ты славу дѣдовъ,
Пиндъ и Геликонъ,
Платоническихъ обѣдовъ
Смѣлой лиры звонъ.

Позабылъ ты войны спартовъ
И стихи Аѳинъ...
Сталъ играть въ лото и въ карты
Средь родныхъ руинъ.
Пренебрегъ ты дива Рима
И его судьбы,
И отчизны бѣдной дыма
Мрачные столбы!
Ты не хочешь знать Орфея,
Термопильскихъ львовъ
И страдальца Прометея
Средь кавказскихъ льдовъ!..
Вазы, торсы и пилястры
Побросалъ ты вонъ
И отдать готовъ за пьястры
Весь свой Парѳенонъ!..

Въ Карасубазарѣ.

Поздравьте меня съ талисманомъ,
Я веселъ, и важенъ, и сытъ...
Я зажилъ таврическимъ ханомъ
Подъ тѣнью плакучихъ ракитъ.
Мой нравъ былъ до этого зеленъ,
Скорбѣлъ я, надежды тая.
Какъ дерзокъ теперь я и хмѣленъ,
Какъ мысль разгорѣлась моя!
Теперь-то мнѣ сердце любое
Открыто, какъ мой кошелекъ,
Теперь-то блаженство земное
Заглянетъ и въ мой уголокъ...
Скорѣе-жъ кувшины съ бузою
Несите къ Фатимѣ моей!
Не долго — отъ васъ я не скрою —
Искать мнѣ отрады у ней.

Гейневскій фаустъ.

„Я вызвалъ чорта. Чортъ явился,
И много чорту я дивился.
Онъ не уродъ и не калѣка,
Онъ типъ лихаго человѣка,
Добрякъ во цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Учтивъ, болтливъ и знаетъ свѣтъ.
Онъ очень тонкій дипломатъ
И обо всемъ поспорить радъ,
Немного блѣдностью страдаетъ,
Да это насъ не удивляетъ:
Онъ отъ санскритскаго не спитъ
И вѣкъ свой Гегеля зубритъ!
Хвалилъ мое онъ направленье
И изыскательный мой умъ;
Сказалъ, что самъ онъ, въ цвѣтѣ думъ,
Имѣлъ къ нему поползновенье.
Признался мнѣ, что въ нашей дружбѣ,
Что во взаимной нашей службѣ
Не будетъ проку намъ за свѣтомъ.
Онъ мнѣ раскланялся при этомъ,
Спросилъ:—кажись, еще сходился
Я съ вами гдѣ-то?—Робко я
Взглянулъ на чорта, спохватился,
И тутъ же съ нимъ я согласился,
Что мы—старинные друзья!“

Мертвая коса.

(ВЪ КЕРЧИ).

Ни мраморные бюсты, ни гробницы,
Ни урны съ пепломъ киммерійскихъ грековъ,
Ни золотыя кольца, ни запястья,
Ни вазы, ни каменья, ни слезницы,

Ни пышные, блестящіе вѣнцы,
Ничто меня въ моей Пантикапеѣ
Такъ не могло плѣнить и поразить,
Какъ длинная коса, коса Гречанки,
Коса давно умершей красоты!..
Недвижимый, растерзанный печалью,
Стоялъ я въ темной залѣ передъ ней
И былъ готовъ излюбленное сердце
Опять огнемъ желаній распалить...
Кого коса такая осѣняла,
На чьей она головкѣ распускалась?
Простая-ль дѣвушка въ цвѣты и въ ленты
Ее безмолвно убирала, тщетно
Дружка съ морей далекихъ поджидая,
Не дождалась, измучилась, страдая,
Невидимо угасла въ нищетѣ,
Была, какъ должно, сожжена, какъ должно
Зарыта въ землю, въ погребальной урнѣ,
Тысячелѣтье свѣта не видала —
И вновь себя спасенною косой
Напомнила забывчивому свѣту?..
Иль гордая красавица—кумиръ
Лѣнивой молодежи, стихотворцевъ
И городскихъ румяныхъ объѣдалъ,
И городскихъ, роскошныхъ сибаритовъ —
Ее вѣнцомъ лавровымъ осѣняла,
Готовясь сѣсть за брачную трапезу
Съ богатымъ гражданиномъ пышной Кафы,
Была внезапно быстрою чумой
Поражена, скончалась въ страшныхъ мукахъ,
Легла на столъ веселья блѣднымъ трупомъ,
Была рукой наемниковъ дрожащихъ,
Пугая самый воздухъ, сожжена,
И, наконецъ, тебя намъ завѣщала,
Душистая и черная коса—
Нѣмая и таинственная надпись
Надъ урною погибшей красоты?

Хуторокъ въ ногайской степи.

(ТРИ ОКТАВЫ).

Я ночевалъ на хуторѣ недавно,
Въ саду, подъ группами черешень вѣковыхъ;
И эту ночь опять я вижу явно...
Вокругъ меня изъ травъ и лозъ сухихъ
И звонъ, и стонъ встаютъ, несутся плавно,
Вдали села протяжный говоръ стихъ...
А тамъ, въ лѣсу, какъ зеркаломъ ручья,
Гремятъ и льются пѣсни соловья...
Чѣмъ-свѣтъ, ужъ я вскочилъ. Черта зари пунцовой
Зажглась, и степь очнулася. Чуть-чуть
Колеблясь, лентой дымъ вездѣ встаетъ лиловый;
И перепелъ кричитъ, и хочется вздремнуть,
И нѣга жжетъ глаза... Межъ тѣмъ несутъ сотовый,
Душистый медъ... Горитъ и млѣетъ грудь...
А тополь, какъ фонтанъ живой, лепечетъ
И въ воздухъ листъ свой изумрудный мечетъ.
Но вотъ, зажглась лазурь небесъ незримо,
И зной пахнулъ... Всѣ ставни на крючокъ...
Тарантулы ползутъ изъ норокъ... Нестерпимо
Томитъ и жалитъ солнце... Вихрится песокъ
Безъ вѣтру... Черноземъ истрескался... Но мимо
Плыветъ гроза... И, какъ шальной, сверчокъ
Ракетой алою надъ рожью пролетаетъ,
Звенитъ и крыльями усталыми сверкаетъ...

1850 г.

Тайна Мохамеда,

открытая другу Зопиру.

(ИЗЪ ВОЛЬТЕРА).

„Когда-бъ ты былъ другой, а не Зопиръ, тогда бы
Съ тобой я говорилъ, какъ божескій пророкъ,
А мечъ да алькоранъ въ рукахъ моихъ кровавыхъ

Заставили-бъ молчать невѣрныхъ наглецовъ.
Мой голосъ роковой, какъ громъ, надъ ними грянетъ,
И я увижу ихъ у гордыхъ ногъ... Но знай:
Я говорю съ тобой, какъ человѣкъ, и много
Силе́нъ я для того, чтобъ все тебѣ открыть!
Вотъ Мохамедъ каковъ! Съ тобой одни мы, — слушай!
Я гордъ, какъ человѣкъ, какъ онъ—честолюбивъ,
И никогда жрецы, вожди, владыки міра
Въ душѣ не строили того, что я воздвигъ!
По очереди всѣ народы славны были
Ученостью своей, побѣдами, до насъ;
Теперь пришла пора Аравіи по свѣту
Гремѣть! Народъ ея давно уже замолкъ
И славу позабылъ въ своихъ пустыняхъ. Знай же:
Теперь настали дни — и выростетъ колоссъ!
Давно разрушенъ міръ отъ Запада къ Востоку:
Персидскій славный тронъ вѣками потрясенъ,
Египетъ усмиренъ, вся Индія въ неволѣ,
И свѣтлый Цареградъ въ цѣпяхъ молчитъ, какъ рабъ;
Не видишь ли, какъ Римъ-гордецъ совсѣмъ въ упадкѣ,
Гроза былыхъ временъ, растерзанный скелетъ...
На этихъ-то частяхъ безжизненнаго міра
Возвыситъ новый міръ Аравіи сыновъ!
Слѣпой странѣ нужны и новые законы,
И силы новыя, и даже — новый богъ...
А знаешь ли, успѣхъ — завиднѣйшее дѣло:
Такъ почему и мнѣ не ввѣриться мечтѣ?
Въ Египтѣ Озирисъ, царь Нума въ древнемъ Римѣ,
Въ роскошной Персіи безсмертный Зороастръ —
Вѣдь люди-жъ были все, — а посмотри: народы
Всѣхъ святятъ, какъ боговъ, и чтутъ за вѣру ихъ!
Вотъ, наконецъ, и я, спустя тысячелѣтье,
Иду смѣнить ярмо законовъ грубыхъ ихъ...
Прочь идеалы... Грядетъ пророкъ могучій съ неба:
Онъ царь, онъ свѣтъ для родины святой!“

1847 г.

Пиръ Валтассара.

(ИЗЪ БАЙРОНА).

На тронѣ царь сидитъ, красавецъ-полубогъ;
Онъ сладостно на пиръ глядитъ въ изнеможеньи;
Сатрапы, женщины — все тонетъ въ наслажденьи,
И блещетъ весь въ огняхъ окуренный чертогъ.
Пѣснь изступленная безстыдно раздается;
Вѣнки давно уже свалились съ головы;
Горячія уста прилипли къ кубкамъ, — льется
Язычниковъ вино — въ сосуды Еговы...

*
* *

Но вдругъ, какъ молнія, упавшая съ небесъ,
Кровавая рука простерлась надъ толпою,
Чертя по мрамору огнистой полосою,
Какъ по песку, перстомъ: „манѝ, факѐлъ, фарѐсъ“.
Не такъ ужасенъ часъ преступника у плахи,
Лѣнтяя юноши — у старости сѣдой,
Какъ страшны были всѣмъ руки чертящей взмахи,
Сверкнувшіе мечомъ надъ грѣшной головой.

*
* *

Трепещетъ гордый царь, на смолкшій пиръ взирая;
Предчувствіе ножомъ вонзилось въ грудь его.
Онъ, не боявшійся на свѣтѣ ничего,
Впервые поблѣднѣлъ, къ рабамъ своимъ взывая:
„Бѣгите, варвары, къ кудесникамъ моимъ!
„Ведите ихъ сюда, мудрѣйшихъ въ цѣломъ мірѣ...
„Одни они прочтутъ успѣшно и своимъ
„Всезнаніемъ сотрутъ пятно на нашемъ пирѣ“.

*
* *

Явились мудрецы-халдейцы, но темно
Осталось и для нихъ пророчества значенье;
Тройною мглой отъ всѣхъ заслонено
Казалось имъ то дивное видѣнье.
Сѣдыя головы, мудрѣйшіе земли,
И первые изъ маговъ Вавилона,

Повергнувшись въ пыли у царственнаго трона,
Взглянули на слова — и словъ тѣхъ не прочли...

* * *

Но вотъ предсталъ одинъ, далекой Іудеи,
Врагомъ плѣненный сынъ,—пророкъ твой, Егова!
Онъ надпись ту прочелъ... Смутилися халдеи,
И ясны стали всѣмъ безмолвныя слова...
Заутра все сбылось и памятно донынѣ:
Въ могилѣ Валтассаръ, народъ его въ цѣпяхъ,
И гордый Вавилонъ, какъ лютый змѣй въ пустынѣ,
Издохъ, раздавленный карающей стопой.

Изъ Мицкевича.

Красавица моя! къ чему намъ рѣчь пустая?
Къ чему влюбленныхъ душъ, ихъ пламень раздѣляя,
Не можемъ просто мы другъ въ друга перелить?
Къ чему ихъ на слова летучія дробить,
Слова, что̀ на устахъ вѣтрѣютъ, застываютъ,
Пока родныхъ сердецъ и слуха достигаютъ?

* * *

„Люблю тебя, люблю!“—сто разъ тебѣ твержу я,
Ты-жъ этимъ смущена, ты ропщешь, негодуя,
Что я любви своей не въ силахъ одолѣть,
Не въ силахъ выразить, ни вымолвить, ни спѣть,—
И нѣтъ въ моей душѣ, какъ въ летаргіи, силы
О жизни знакъ подать, сходя во мракъ могилы.

* * *

Я истомилъ уста напрасными мольбами;
Теперь я жажду ихъ съ твоими слить устами
И лишь біеньемъ сердца съ милой говорить,
Лишь поцѣлуями, да вздохами здѣсь жить—
И такъ проговорить часы, и дни, и лѣта,
До окончанія и по скончаньи свѣта.

1858 г.

Наши крылья.

(изъ Новалиса).

Ночь придетъ, окошко отворю я,
Отворю его на милый югъ...
Грустный взоръ надеждой оживлю я,
Пробужу мольбы застывшій звукъ.
Намъ доступна всѣмъ небесъ дорога,
Чтобъ летѣть по ней душа могла,
Намъ любовь, намъ умъ даны отъ Бога,—
Два святыхъ, два Ангельскихъ крыла.
Разверну-же ихъ я на свободѣ,
И душа помчится высоко...
И Творца тогда во всей природѣ
Будетъ мнѣ благословить легко.

1848 г.

Мадонна.

(изъ Новалиса).

Въ тысячѣ образахъ я созерцалъ Тебя,
Дѣва пречистая, Матерь спасенія;
Но всѣхъ вѣрнѣй—Тебя только душа моя,
Только она начертитъ въ часъ моленія.

Близится-ль часъ этотъ,—въ мирномъ сіяніи
Звѣзды, какъ птички, на небо слетаются...
Вижу-ль Тебя тогда,—въ сладкомъ молчаніи
Мысли, какъ звѣзды, въ душѣ загораются...

1848 г.

Изъ Гейне.

На дальнемъ горизонтѣ,
Сквозь розовую мглу,
Чуть виденъ тихій городъ
И башни на валу.

Лѣнивый вѣтеръ зыблетъ
Верхи лазурныхъ волнъ,
Печальнымъ взмахомъ гонитъ
Гребецъ мой легкій челнъ.
Вотъ вспыхнулъ лучъ послѣдній,
Мелькнулъ и тамъ упалъ,
Гдѣ я любовь, безумецъ,
Гдѣ все я потерялъ.

* *
*

Когда разлучаются люди,
Другъ друга они обнимаютъ,
Томятся въ тоскѣ и въ тревогѣ,
Вопятъ и такъ горько рыдаютъ.

Съ тобою же мы не рыдали,
Безъ словъ и безъ воплей простились.
Тѣ слезы, тоска и проклятья
За нашей разлукой явились!

* *
*

Смерть—это прохладная ночь,
Жизнь—зноемъ пышущій день.
Смерклось,—мнѣ спится, мнѣ лѣнь,
Я утомился не въ мочь.
Дубъ надъ могилой моей,
Съ дуба поетъ соловей...
Въ пѣсняхъ и радость, и стонъ,
Пѣсни я слышу сквозь сонъ.

* *
*

Къ небу взоръ задумчивый лиле́я
Возвела печально изъ воды;
Страстью вспыхнулъ блѣдный мѣсяцъ, глядя
На нее съ лазурной высоты.

Оробѣвъ, стыдливою головкой
Вновь она склонилася къ волнѣ,—
А бѣднякъ нѣмой и блѣдный снова
На нее глядитъ и въ глубинѣ...

***

Гдѣ, скажи, тотъ ликъ завѣтный,
Предъ которымъ такъ, бывало,
Сердце жаждой безотвѣтной
И весельемъ трепетало?
Истощенъ ли пламень бурный,
Или нѣтъ у сердца власти,
И всѣ пѣсни эти—урны
Съ пепломъ юности и страсти?

1856 г.

Элизіумъ.

(изъ шиллера).

Стенящіе вопли минули!
Въ пирахъ Елисейскихъ полей
Печали и скорбь утонули!
Дней замогильныхъ теченье,
Вѣчнаго счастья восторгъ и паренье,
Въ свѣтлыхъ лугахъ тихоструйно-журчащій ручей!

***

Юно-лелѣющій
Май, вѣчно вѣющій,
Носится здѣсь по доламъ;
Время во снахъ золотыхъ пролетаетъ,
Духъ въ безконечныхъ пространствахъ витаетъ,
Истина рветъ свой покровъ по-поламъ!

***

Восторгъ безъ конца
Здѣсь волнуетъ сердца;

И нѣтъ здѣсь печальному горю прозванья,
И сладкимъ блаженствомъ зовется страданье!
Странникъ усталый, отъ зноя сгорая,
Члены въ тѣни шепотливой склоняя,
Ношу кладетъ здѣсь на вѣкъ наконецъ;
Серпъ изъ руки утомленной роняетъ
И подъ бренчаніе арфъ засыпаетъ,
Грезя о жатвѣ поконченной, жнецъ!

* * *

Знамя ли чье громы бури вздымали,
Стоны-ль убійства чей слухъ поражали,
Иль у кого подъ громóвой пятой
Горы дрожали порой:
Тихо тотъ дремлетъ у звучнаго лона
Ясныхъ ключей, межъ осокой зеленой
Бьющихъ живымъ серебромъ,—
Чуждъ ему воинскій громъ!

* * *

Съ вѣрнымъ супругомъ обнявшись, супруга
Пьетъ поцѣлуи средь злачнаго луга,
Нѣжитъ ихъ сладкій зефиръ;
Свѣтлый вѣнецъ свой Любовь обрѣтаетъ
И жала смерти на вѣкъ избѣгаетъ,
Празднуя вѣчно свой свадебный пиръ!

1858 г.

RÉSIGNATION.

ИЗЪ ШИЛЛЕРА.

И я, друзья, въ Аркадіи родился;
На утрѣ бытія
И мнѣ мой рокъ въ блаженствѣ поручился;
И я, друзья, въ Аркадіи родился,—
Но вся въ слезахъ прошла весна моя!

* * *

Не дважды май намъ въ жизни расцвѣтаетъ:
Моя весна прошла.

Молчанья богъ,—о, плачьте!—ужъ взываетъ,
Молчанья богъ мой свѣточъ погашаетъ,
И грёза отцвѣла!

*
* *

Я предъ тобой, о Вѣчности равенство,—
У полныхъ тайны вратъ!..
Возьми свою росписку на блаженство;
Она цѣла—не зналъ я совершенства,
Возьми ее назадъ.

*
* *

Къ тебѣ несу моей души признанье,
Праматерь-судія!
Есть о тебѣ между людей сказанье,
Что ты царишь, съ вѣсами воздаянья,
Вѣнецъ всѣхъ дѣлъ тая.

*
* *

Тамъ, слышно, смерть встрѣчаетъ преступленья,
Добро—восторги ждутъ;
Вскрываются сердечныя стремленья,
Рѣшаются загадки Провидѣнья,
И ты даешь намъ судъ.

*
* *

Тамъ кровъ родной изгнàннымъ возвращаютъ,
Нѣтъ терній въ той странѣ...
Но дочь боговъ, чтò Правдой называютъ,
Чтò всѣ бѣгутъ, немногіе лишь знаютъ,
Несетъ оковы мнѣ.

*
* *

„Въ иной странѣ,—отдай свою мнѣ младость,—
„Я расплачусь съ тобой;
„Порукой мнѣ моихъ обѣтовъ сладость!“
Я взялъ обѣтъ и отдалъ жизни радость
Ей до страны иной.

*
* *

„Отдай мнѣ все, что есть въ тебѣ святаго,
„Лауру—страсть твою!

„За гробомъ скорбь я уврачую снова...“
И сердце я разсѣкъ и изъ больнаго
Ей вырвалъ страсть мою.

***

„Ищи-жъ уплаты за своей могилой!“
Мнѣ наглый свѣтъ кричалъ:
„Обма́нщица, подкупленная силой,
„За призракъ, тѣнь,—земной твой Рай купила!—
„Что̀ безъ него ты сталъ?“

***

Людской толпы мнѣ слышалась огласка:
„Твой страхъ—одна мечта!
„И что̀ боговъ твоихъ больная сказка,
„Какъ не вселенной бѣдная развязка,
„Земныхъ умовъ земная острота?

***

„Что̀ будущность, гробовъ предназначенье,
Что́ Вѣчность гордая сама—
„Почтенная, въ туманномъ сокровеньи,
„Какъ не громадныхъ страховъ отраженье
„На зеркалѣ пугливаго ума?

***

„Превратный ликъ безжизненнаго тѣла,
„Ты, мумія временъ,
„Что̀ въ холодѣ могильнаго предѣла
„Смола надеждъ намъ сохранить умѣла
„И что́ тобой безсмертьемъ нареченъ!

***

„За лучъ надеждъ—найдемъ ли правду гдѣ мы?
„Ты отдалъ жизнь насущную свою!
„Шесть тысячъ лѣтъ уста могилы нѣмы;
„Возсталъ ли трупъ изъ тлѣнья, чтобы всѣ мы
„Увѣрили въ Праматерь-судію?“

***

Я видѣлъ: вѣкъ къ тебѣ за вѣкомъ мчался,
А міръ земной

Бездушнымъ трупомъ вслѣдъ распростирался;
Никто ко мнѣ изъ гроба не являлся,
Но вѣрилъ я обѣту всей душой!

* *
*

Я все заклалъ передъ твоимъ престоломъ
И вотъ явился наконецъ...
Презрѣвъ толпы лукавой произволомъ,
Я лишь однимъ твоимъ внималъ глаголамъ;
Богиня, гдѣ же мой вѣнецъ?

* *
*

„Я васъ равно люблю, земныя чада!“
Богиня мнѣ въ отвѣтъ:
„Есть два цвѣтка у васъ, средь вертограда,
„Есть два цвѣтка—премудрыхъ душъ отрада:
„Надеждъ и Наслажденій цвѣтъ!

* *
*

„Кто взялъ одинъ, другаго не касайся!
„Ученье всѣхъ вѣковъ:
„Не вѣришь ты—живи и наслаждайся;
„Увѣровалъ—страдай и распинайся!..
„Судья міровъ—исторія міровъ!..

* *
*

„Ты взялъ мечты—ты принялъ награжденье,
„Ты вѣру взялъ—она твой кладъ!
„Спроси у мудрыхъ міра разрѣшенья:
„Что взято нами силой у Мгновенья,
„Отдастъ ли Вѣчность намъ назадъ?“

1861 г.

Пѣсня могильщика.

(изъ гёльти).

Ну-ка, заступъ, не гуляй,
Полно, старый другъ, ворчать...
Всѣмъ достанетъ мѣста, знай,

Хоть тѣсна въ могилѣ доля,—
Ну,—да мертвымъ что̀ за воля?..
Станутъ, что-ли, танцовать?!

* * *

Этотъ черепъ—ка̀къ онъ глупъ!
Звалъ же каждаго глупцомъ...
Нынче безъ ушей, безъ губъ,
Не помадится плѣшивецъ,
А какъ вспомнишь—былъ счастливецъ
И ходилъ-то пѣтухомъ!

* * *

Эта рожа—безъ ноздрей,
Станъ роскошный—поминай!
Сколько въ свѣтѣ щеголе́й
Поклонялись ей, проворныхъ...
Щели вмѣсто глазокъ черныхъ,
И скелетъ весь—хоть бросай!

* * *

Ну-ка, заступъ, не гуляй,
Полно, старый другъ, ворчать...
Всѣмъ достанетъ мѣста, знай,
Хоть узка въ могилѣ доля...
Ну,—да мертвымъ что̀ за воля,
Станутъ, что-ли, танцовать?!

1846 г.

Фа́рисъ.

(Мицкевича).

Арабская пѣснь, въ честь эмира Таджъ-уль-Фе́хра.

Какъ рѣзвый челнъ, съ прибрежья убѣгая,
Ныряетъ вдоль кристалловъ голубыхъ
И, веслами грудь моря обнимая,
Лебяжью шею клонитъ между нихъ,—
Такъ со скалы арабъ коня свергаетъ
Въ просторъ степей, и вороной летунъ
Въ пескѣ съ глухимъ шуршаньемъ утопаетъ,
Какъ въ брызгахъ водъ расплавленный чугунъ...

Мой конь плыветъ въ сухихъ волнахъ; пучина
Песковъ шумитъ подъ взмахами дельфина...
Все быстрѣе, все быстрѣй,
Хрящъ кремнистый онъ взметаетъ;
Все сильнѣе, все сильнѣй,
И надъ пылью самъ взлетаетъ!
Мой конь, что хмара черная надъ нивой;
Звѣзда чела денни́цею блеститъ;
По вѣтру вѣетъ стра̀усовою гривой,
И молнія отъ бѣлыхъ ногъ летитъ!
Мчись, летунъ мой бѣлоногій,
Горы, дебри, прочь съ дороги!

***

Напрасно пальма молодая
Сулитъ мнѣ тѣнь свою и плодъ;
Я мчусь, ея не замѣчая...
И въ глубь оа̀зиса, подъ сводъ
Деревъ, она, смутясь, бѣжитъ
И гнѣвною листвой шумитъ.

***

Съ границъ пустынь утесы дикимъ взоромъ
На бедуина пристально глядятъ
И, звукъ копытъ подхватывая хоромъ,
Такъ грозно мнѣ во слѣдъ гремятъ:
„О, безумецъ, что онъ скачетъ!
Тамъ отъ солнечныхъ лучей,
Какъ отъ жгучихъ стрѣлъ, не спрячетъ
Головы нигдѣ твоей
Куща пальмъ листво̀й зеленой,
Ни намётовъ бѣлыхъ лоно...
Тамъ одинъ вокругъ наметъ—
Безпредѣльный небосводъ!
Только скалы тамъ ночуютъ,
Только звѣзды тамъ кочуютъ!..“
Напрасныя, напрасныя преграды!
Я мчусь, удвоивъ бѣгъ коня;
Гляжу, а гордыхъ скалъ громады
Уже далеко отъ меня
И, другъ за другомъ, предо мной
Бѣгутъ,—исчезъ ихъ длинный строй...

***

Угрозы ихъ услышалъ коршунъ; слѣпо
Плѣнить араба въ полѣ онъ рѣшилъ,
Взмахнулъ крыломъ и трижды мнѣ свирѣпо
Вѣнцомъ онъ чернымъ голову обвилъ.
„Чую,—каркалъ,—будутъ трупы,
Конь и всадникъ—оба глупы;
Всадникъ ищетъ здѣсь дороги,
Ищетъ корма бѣлоногій...
Всадникъ,—силъ пустая трата!—
Нѣтъ изъ тѣхъ краевъ возврата!
Тамъ лишь вѣтръ степной шагаетъ,
Слѣдъ свой тутъ же заметаетъ;
Не коню тѣхъ пашенъ клады:
Тамъ пасутся только гады,
Только трупы тамъ ночуютъ,
Только коршуны кочуютъ!“
Прокаркалъ, мнѣ когтями угрожая,
И трижды мы взглянули око въ око...
Кто-жъ струсилъ? коршунъ! Онъ взвился высоко...
Когда-жъ я лукъ напрягъ, отмстить желая,
И, цѣлясь вверхъ, въ него я взоромъ впился,
Ужъ онъ висѣлъ вверху, какъ сѣрый шарикъ,
Какъ воробей, какъ бабочка, комарикъ,
И наконецъ въ лазури растопился!
Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Скалы, коршунъ, прочь съ дороги!

***

Вотъ изъ-подъ солнца тучка заревая
Оторвалася, черезъ куполъ синій
Меня на крыльяхъ бѣлыхъ догоняя;
Со мной, гонцомъ песчаной той пустыни,
Она сравняться въ небѣ захотѣла—
И, надо мной повиснувъ, зашумѣла:
„О, шальнóй! куда онъ гонитъ?
Тамъ отъ жажды нѣтъ росинки;
Туча съ неба не урóнитъ
На лицо твое дождинки!
Звонкій ключъ, въ лугахъ кремнистыхъ,
Не промолвитъ словъ сребристыхъ;

Лечь роса не успѣваетъ,
Вѣтеръ въ летъ ее глотаетъ!“
Я не боюсь угрозъ! Лети, гонецъ!
И стала тучка по небу метаться,
Челомъ усталымъ ниже преклоняться
И оперлась на скалы наконецъ...
Когда-жъ мой взоръ къ ней гордо обратился,—
Уже на цѣлый небосклонъ
Отъ ней впередъ я унесенъ!
И злобный умыселъ открылся:
Румянецъ гнѣвнаго чела
Ей жолчью зависть облила,
И наконецъ, какъ трупъ, черна,
Въ горахъ укрылася она...
Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Тучи, птицы, прочь съ дороги!

***

Смѣло съ краю и до краю
Я вкругъ солнца взоръ бросаю,—
Ни внизу, ни надъ землей
Больше нѣтъ гонца за мной!
Сонмъ стихій заснулъ, не дышетъ,
Онъ шаговъ людскихъ не слышитъ.
Спитъ природа вкругъ нѣмая,
Какъ звѣрковъ незлобныхъ стая, —
Чьи глаза, впервой отъ-вѣка,
Видятъ образъ человѣка!

***

Но, Боже!.. Я не первый здѣсь... Ограда
Песчаная сверкаетъ вкругъ отряда...
То странники-ль, злодѣевъ-ли засада?
Я къ нимъ—они стоятъ; зову—молчатъ бойцы...
То мертвецы!
То древній караванъ, забытый
И вѣтромъ изъ песковъ отрытый...
На костякàхъ верблюдовъ и коней—
Скелеты высохшихъ людей;
Сквозь щели глазъ и голыхъ щекъ
Сочится струйкою песокъ...
И слышу я, со всѣхъ сторонъ
Твердитъ мнѣ ихъ зловѣщій стонъ:

„О, бедуинъ! въ какія страны
Летишь? глупецъ, тамъ ураганы!..“
Я несусь—я чуждъ тревоги!
Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Трупы, вихри, прочь съ дороги!

***

Пустынный ураганъ, вождь вихрей африканскихъ,
Властительно гулялъ среди песковъ гигантскихъ;
Завидѣлъ вдругъ меня вдали, остолбенѣлъ
И, закружась юлой, зловѣще заревѣлъ:
„Что тамъ за жалкій вихрь, мой младшій братъ? кого-то
Я вижу?—мелокъ онъ и низкаго полета!
Какъ смѣетъ онъ топтать тотъ край, гдѣ я одинъ
Отъ вѣка властелинъ?“
Сказалъ и ринулся за мной
Онъ, съ пирамиду высотой;
Но, устрашить бойца не успѣвая,
Ногой отъ злости о-земь билъ,
Дыханьемъ огненнымъ палилъ;
Покой Аравіи смущая,
Какъ грифъ, меня когтями рвалъ,
Крылами прахъ степной взметалъ...
Тискалъ въ горы, билъ въ долины,
Громоздилъ песку стремнины...
Я лечу, сражаюсь смѣло,
Я песчанистое тѣло,
Какъ безумный звѣрь, зубами
Четвертую, рву клоками...
И онъ въ рукахъ моихъ забился,
Столпомъ рванулся къ небесамъ,
Не вырвался и лопнулъ пополамъ,
Дождемъ песку съ высотъ пролился—
И, какъ твердыни длинный валъ,
У ногъ моихъ безжизненъ палъ!..

***

Я отдохнулъ! Взглянулъ на звѣзды ночи,
И всѣ онѣ, всѣ—золотыя очи
Склоняютъ на меня съ вершинъ...
На всей землѣ я былъ одинъ!
Какъ сладко грудью всею отдохнуть!

Широко, полно такъ вздыхаетъ грудь,
И воздуха Аравіи всей мало,
Чтобы на вздохъ одинъ мнѣ стало!

* * *

Какъ сладко нынѣ смѣлый взоръ
Мнѣ устремлять вокругъ въ просторъ!
И такъ далёко, такъ широко
Ночную мглу пронзаетъ око,
Что вижу далѣ я и шире,
Чѣмъ небосклонъ простерся въ мірѣ...

* * *

Какъ сладко мнѣ объятья распахнуть,
Ихъ съ лаской къ свѣту протянуть!
И мнится, небо я и землю
Съ востока къ западу объемлю...
Стрѣлою мысль, до грани звѣздной,
Все вверхъ и вверхъ летитъ надъ бездной...
И, какъ пчела въ глубь раны жало гонитъ
И сердце съ нимъ на вѣкъ хоронитъ,
Такъ душу въ высь я устремилъ
И въ небѣ съ мыслью схоронилъ!

1858 г.

Титанія.

(изъ поля лельѐвра).

I.

Въ вечерній часъ, подъ кровлею моею,
Когда шелъ снѣгъ и гаснулъ небосклонъ,
Я обогрѣлъ Титанію, ту фею,
Что обожалъ зеленый Оберонъ.

* * *

Она ко мнѣ нежданно постучалась:
„Скорѣй, скорѣй, поэтъ мой, отопри;
„Засыпалъ снѣгъ, безъ свиты я осталась...
„Скорѣй, скорѣй: мнѣ холодно, смотри!“

* *
*

Вошла,—въ углу, у очага, присѣла,—
Вся блѣдная, дрожа отъ вьюги злой;
Блескъ камелька̀ ея одеждой бѣлой
Игралъ, мерцая тѣнью голубой.

* *
*

Метель, валя сугробы, грохотала
Безъ устали у моего окна...
„А я безъ свиты!“—мнѣ она сказала:
„И въ эту мглу скиталась здѣсь одна!

* *
*

„Ты пріютилъ меня, о, мой спаситель...
„Что̀ хочешь взять на память встрѣчи той?
„Кольцо-ль, грядущаго провозвѣститель,
„Иль съ головы вѣнецъ мой золотой?

* *
*

„Клянусь,—и что́-бъ ни стоило мнѣ это,—
„Я въ эту ночь внемлю твоей мольбѣ...
„О, говори, я слушаю поэта:
„Не славы ли желается тебѣ?“

II.

Я отвѣчалъ: „Ни славы мнѣ не надо,
„Ни съ русыхъ косъ короны золотой;
„Чтобъ память о тебѣ была усладой,
„Царица, я любви молю одной!“

* *
*

И голосъ мой звучалъ въ истомѣ нѣжной;
Титанія, съ улыбкой, мнѣ въ отвѣтъ:
„Люби! зоветъ тебя порывъ мятежный,
„Люби, о, мой возлюбле́нный поэтъ!

* *
*

„Въ цвѣтущій май, подъ вѣковою ивой,
„Ты у тропинки сядь, въ глуши лѣсной;

„Тамъ, съ урнами на плèчахъ, горделиво
„Красавицы проходятъ въ часъ ночной...

***

„И ты увидишь ту, о, мой мечтатель,
„Которой взглядъ, одинъ лишь взглядъ, въ груди
„Раздуетъ пламя, что вложилъ Создатель
„Въ тебя... Она тамъ будетъ, приходи!"

III.

И я присѣлъ подъ вѣковою ивой,
Чтобъ у дороги видѣть, въ тьмѣ лѣсной,
Какъ, съ урнами на плèчахъ, горделиво
Красавицы проходятъ въ часъ ночной.

***

Во блескѣ звѣздъ тѣнь ночи золотилась,
Все небо было тихо и свѣтло;
Но сердце смутнымъ ожиданьемъ билось,
И жаждой грудь пылающую жгло.

***

И видѣлъ я, одна вслѣдъ за другою
Онѣ въ лѣсу прошли отъ тихихъ водъ;
Ихъ лица были блѣдны подъ луною,
И въ полный голосъ пѣлъ ихъ хороводъ.

***

Ихъ свѣтлый гимнъ, какъ ихъ душа живая,
Изъ мрака къ небу звѣздному всходилъ;
И этотъ ропотъ женскій, услаждая
Мнѣ сердце, духъ мой алчущій палилъ.

***

Ночь на-пролетъ, пока лишь въ отдаленьи
Мерцалъ послѣдней зорькой небосводъ,
Какъ призраки въ роскошномъ сновидѣньи,
Все шелъ и пѣлъ богинь тѣхъ хороводъ.

***

И, молчаливъ, тоской снѣдаемъ бурной,
Все думалъ я: изъ бѣлокурыхъ фей —
Которая, склонясь завѣтной урной
Къ моимъ устамъ, мнѣ тихо скажетъ: пей!?

IV.

И въ тотъ желанный мигъ, когда въ безбрежной
И блѣдной выси сумракъ утопалъ
Въ мерцаніи разсвѣта, голосъ нѣжный
Раздался вдругъ, и я затрепеталъ.

* * *

Услышалъ я рѣчь женщины прекрасной;
Казалось, рѣчь та съ высоты неслась.
Я ей внималъ, любовь волною страстной
Въ моей душѣ опять лилась, лилась!

* * *

Былыхъ скорбей умчалась вереница,
Какъ тяжкій сонъ, и пробудился я...
Со мной была она, моя царица,
Влюбленная красавица моя!

* * *

О, пойте, пташки,—страсть пылаетъ снова;
О, пойте, пойте! пѣть хочу я самъ...
Вы, ласточки, у зеркала рѣчнòва,
Вы, зяблики, по хлѣбнымъ зеленямъ!

* * *

Она съ зарей пришла неторопливо,
Съ той стороны, гдѣ такъ Востокъ пылалъ;
Ея прихода я нетерпѣливо,
Всю ночь, всю ночь, такъ страстно ожидалъ...

* * *

О, пойте, пташки! пламень жизни бурный
Мнѣ жаркимъ солнцемъ зàлилъ сердце вновь...
О, пойте, пойте! я изъ сладкой урны
Моей богини жадно пью любовь!

1856 г.

Ерунда по отдѣлу весеннихъ радостей.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ—
Разсказать, что тьма пропала,
Что въ журналахъ, вслѣдъ за Фетомъ,
Жизнь вездѣ затрепетала...
Міръ печати вновь проснулся,
Весь проснулся, книгой каждой,
Каждый славой встрепенулся
И доходовъ полонъ жаждой!
На дубу, соснѣ, на вербѣ-ль,
Всюду стонъ весенній бродитъ:
Перевелъ Шевченка Гербель,
Мей Евреевъ переводитъ...
Братство — честь родимыхъ краевъ!
Вновь поютъ, о, берегъ невскій,
Про Краевскаго Панаевъ,
Про Панаева Краевскій!
Тѣ *кузе́ны* злой судьбою
(Короли такъ встарь звалися!)
Жить подъ кровлею одною
И ругаться поклялися...
Распря ихъ, съ былою страстью,
Обѣщаетъ вспыхнуть снова,
Насолить другъ друга счастью
И подписчикамъ готова!
Вслѣдъ за ними, сонмъ журнальный
Вѣрно также не отстанетъ,
И филиппикой скандальной
Въ Туръ Катковъ съ Кампаньей грянетъ...
Слышу всюду, вижу всюду,
Раздраженья духомъ вѣетъ...
И кого, не знаю, буду
Самъ ругать, а брань ужъ зрѣетъ!

1861 г.

Стансы къ Сорокину.

(По поводу ареста Миреса въ Парижѣ).

Откуда сіе мнѣ, Сорокинъ-Зевесъ,
Все зрится Миресъ мнѣ, Миресъ и Миресъ,
И дни его бѣдствія злые?..

Засну ли я, Ротшильдъ въ глазахъ предо мной,
Проснуся, Перейра, кредитъ подвижной,
И Римъ, и капутъ Византіи!..

*
* *

Сидитъ на-легкѣ онъ въ Мазаской тюрьмѣ,
Галеры, и клейма, и цѣпь на умѣ...
Долой ужъ князья Полиньяки!
А ты, о Сорокинъ, тебѣ кто палачъ?
Сотрудникъ ли *Норда,* московскій богачъ,
Иль Ицка, иль самъ Дмитрандаки?

*
* *

Уймись! Твои семьдесятъ сгинутъ домовъ,
И самъ, какъ Миресъ, ты падешь отъ враговъ!
Смотри, за тобой ужъ отряженъ —
Отъ „Искры“ чиновникъ... Ты взятъ за грѣхи
И, прямо отъ трапезы, въ эти стихи
На цѣпь „Развлеченья“ посаженъ!

*
* *

Падешь, адвокаты не придутъ на зовъ,
И будешь вопить ты напрасно: О—бовъ,
О—бовъ, де-Пуле, Чернышевскій!
Всѣ клики и вопли тутъ будутъ вотще...
И развѣ поможетъ—Морни, да еще
Андрей Александрычъ Краевскій.

1861 г.

Еще непроходимая ерундища.

(Изъ книги: „Нѣтъ болѣе нравственнаго геморроя, или разоблаченіе городовъ, мѣстечекъ, селъ, лицъ, понятій и непониманій“).

Посвящается моему высокому патрону, Ивану Александровичу Чернокнижникову, и другу моему Евгену Колмогорову.

I.

ПЛАЧЪ КОЗИХИ И РАЗГУЛЯЯ.

Ой, кабы тетка Нева да вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы остроуміе Байбороды измѣрить,
Кабы филантропіи Кокорева вѣрить!

Ой, кабы мы Рафаэля по Шевыреву изучили,
Да въ кафтанахъ вмѣсто кургузыхъ фраковъ ходили!
Ой, кабы Ивану Яковличу пышно поминки-то справить,
Да о немъ бы „Искру“ помолчать заставить! —
Ой, кабы квасъ, а не ромъ, подносили мы ко рту,
Кабы всѣ журналы по боку да къ чорту,
Да кабы въ Москву-то патеръ Аскоченскій...
То-то пиръ настал бы на Руси вселенскій!

II.

ПИСАТЕЛЬНИЦѢ, МАМЗЕЛЬ ***

Знаю я, въ литературѣ
Ты, какъ въ жизни, не робка:
Я въ журналахъ вижу часто
Слѣдъ знакомый башмачка...
Правда, славу въ наше время
Гонорарій замѣнилъ.
Ты не даромъ, ты не даромъ
Избрала судьбы чернилъ!
Гонорарій отъ Записокъ,
Гонорарій отъ Пчелы,
Отъ милорда отъ Каткова
И газеты Гымалы... [1])
Но боюсь я, Анна Львовна,
Какъ бы гдѣ-нибудь въ углѣ
Да тебя бъ не подкузьмили
Тѣ, что такъ тебя хвалили —
Де-Пуле и Гымале!

III.

*
* *

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна!
Тотъ же все Случевскій
И мораль одна!

---

[1]) Сіе индійско-монгольское имя почтеннаго сотрудника Андрея Александровича, очевидно взятое изъ книги Зенда-Веста, по настоящему толкованію Н. И. Греча объ иностранныхъ несклоняемыхъ словахъ, не подлежало бы склоненію. Но А. Ѳ. Вельтманъ считаетъ языкъ санскритскій языкомъ, заимствованнымъ изъ Россіи, Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда, что на Окѣ, посему сіе неудобь-произносимое имя Гымале нами и предано склоненію.

Нѣтъ стиховъ хорошихъ,
Нѣту и плохихъ,
Повѣстей бывалыхъ,
Критикъ молодыхъ;
Холодъ, желчь и цифры,
Пасквиль — что ни листъ,
Да „Свистка“ надъ ухомъ,
Точно зубъ со свистомъ —
Добчинскаго свистъ... [1]).

1861 г.

Къ N. N.

(Изъ письма въ Петербургъ).

Гдѣ, скажи, средь этихъ свистовъ
И средь сихъ журнальныхъ вѣтровъ,
Критикъ Очкина Басистовъ
И Григорій Благосвѣтловъ?
Стихъ ли гласъ ихъ мольно-дурный,
Иль они по новой части,
И ихъ пѣсни ныньче — урны
Съ пепломъ юности и страсти?..

1861 г.

---

[1]) *Примѣчаніе автора:*

Списокъ субскрибѐнтамъ
Тиснуть ли опять? —
Это оппонентамъ
Хорошо бъ узнать...
Или холодъ свѣта
Съ больной головы —
На вопросъ крестьянскій
Сложите и вы?

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

АДВОКАТСТВО ЖЕНЩИНЫ,

ЕВГЕНІИ САРАФАНОВОЙ.

I.

Я человѣкъ, и потому
Дѣла людскія мнѣ не чужды!
Безцѣнны сердцу моему
Всѣ наши радости и нужды.
Отвергнувъ вѣка своего
Себялюбивыя искусства,
Елеемъ слова моего
Хотѣла-бъ я въ дѣла и чувства
Людей, родныхъ и близкихъ намъ,
Пролить цѣлительный бальзамъ!
Мнѣ не страшна борьба со свѣтомъ,
Я жажду на нее вступить,
Я жажду истинѣ служить—
Слезой, печалью и привѣтомъ...
Наука русская свѣжа,
Ростетъ она средь изысканій,
Какъ древле, въ горнѣ испытаній,
Росла славянская душа!
Зачѣмъ же намъ, какъ лживымъ слугамъ,
Таланты въ землю зарывать
И дѣлъ и словъ могучимъ плугомъ
Роскошныхъ нивъ не освѣжать?
Иль Ольга вывелась межъ нами,
Иль Коростень забыли мы,
Иль старины святой дѣлами
Въ насъ не воскормлены умы?

Не мы-ль кавалеристъ-дѣвицѣ
Вручили славныхъ дѣдовъ штыкъ,
Когда къ Москвѣ, Руси столицѣ,
Пришло дванадесять языкъ?

Mesdames, mesdames! возможно-ль это!
Какая вѣтреная блажь!
Покинуть шумъ большаго свѣта,
Покинуть милый ералашъ!..
Покинуть міръ, въ которомъ столько
Имѣетъ силы и бобёръ,
И протанцованная полька,
И изъ избы носимый соръ!
Покинуть Маріо счастливца,
Неисправимаго лѣнивца,
Врага фіоритуръ и гаммъ
И жертву модныхъ эпиграммъ?
Покинуть все, перчатки скинуть,
Взять мечъ, сандаліи обуть,
Забрало на чело надвинуть
И грудь кольчугою стянуть!
Нѣтъ, нѣтъ, вы морщитесь, бѣжите,
Меня вы слушать не хотите;
Вамъ страшенъ женщина-трубачъ,
Какъ надъ оврагомъ бородачъ!
Не бойтесь, слушайте спокойно:
Я поведу слова пристойно
И разскажу вамъ обо всемъ,
Да и о многомъ о другомъ.—

Въ чужомъ глазу мы видимъ спицы,
Въ своемъ не видимъ и бревна.
Мы модныхъ пошлостей страницы
Читаемъ жадно издавна.
Разсказовъ сердца сокровенныхъ,
Исторій душъ обыкновенныхъ,
Когда-бъ не мода, господа,
Мы не бросали-бъ никогда!
„Записки Пикквикскаго Клуба“
И „Торгъ житейской суеты“—
Для насъ безжизнены и грубы,
Не любопытны и просты.

Французскихъ сказокъ и куплетовъ
Мы день и ночь тревожно ждемъ
И старыхъ англійскихъ поэтовъ
За „Мускетеровъ“ отдаемъ!..

Станицкій, Юрьева, Крестовскій,
Т. Ч. и, съ Сафою московской,
Сатирикъ-Лейла, всѣхъ я васъ
Прошу послушать мой разсказъ.
Грѣшна я, милыя кузины:
Во время óно безъ ума
И я ходила отъ „Полины“
И отъ волшебнаго Дюма!
И я любила погремушки,
И фельетонныя игрушки,
И я поэта „Двухъ-судебъ“
Не поняла, прости мнѣ, Фебъ!..
„Post-scriptum“ этого признанья
Въ томъ состоитъ, что вы должны
Мнѣ извинить мои мечтанья,
Кокетство доброй старины,
И не всегда прямую совѣсть,
И злость, подъ мирной простотой,—
Все, чѣмъ богата эта повѣсть
И этой повѣсти герой!

II.

Романъ Романычъ самъ не знаетъ,
Чего ему недостаетъ.
Романъ Романычъ процвѣтаетъ
И припѣваючи живетъ.
Романъ Романычъ—старый хрѣнъ,
Какъ говорятъ у насъ—бывалый;
А впрочемъ, статный джентльменъ
И въ полномъ смыслѣ добрый малый.
Конечно, еслибъ въ мірѣ мнѣ
Быть „добрымъ малымъ“ приходилось,
Я-бъ безъ оглядки утопилась,
Какъ Кларенсъ, въ дѣдовскомъ винѣ.
Но мой герой смиренье любитъ
И жизни по-пусту не губитъ!

Въ немъ все здорово, все живетъ,
Все вѣетъ чуткимъ, бойкимъ духомъ:
Такой характеръ нашъ народъ,
Какъ Гоголь свѣту выдаетъ,
Зоветъ „удачею“ и „ухомъ“!..
Блеснуть онъ въ обществѣ не могъ,
Какъ дива намъ родной эпохи,
Импровизаторъ, вантрилогъ
Или танцующія блохи.
Но, чѣмъ пышнѣй цвѣтетъ цвѣтокъ,
Тѣмъ онъ скорѣй и отцвѣтаетъ:
Живетъ донынѣ Поль-де-Кокъ,
А кто „*** — а“ читаетъ?..

Романъ Романычъ—человѣкъ,
Которымъ начатъ новый вѣкъ!
Въ сочельникъ, въ восемьсотомъ годѣ,
Родился онъ, какъ всѣ мы, жилъ
Безъ церемоніи, по модѣ,
Слегка шалилъ, слегка хандрилъ
И паразитомъ всюду былъ.
Носилъ онъ цѣпи байронизма,
Балладъ Жуковскаго шишакъ,
Очки и кудри гегелизма,
Браду и шармеровскій фракъ!
И вотъ онъ жаръ свой остудилъ,
Сталъ очень тихъ и очень милъ,
Сталъ заниматься откупами,
Степнымъ хозяйствомъ, векселями,
Какъ новый Крезъ разбогатѣлъ
И препочтенно растолстѣлъ.
Торгуя хлѣбомъ и дровами
И занимаясь откупами,
Онъ никогда при томъ не прочь
И ближнимъ братіямъ помочь.
Онъ на балахъ творца Ночей
Индѣйскихъ, римскихъ и японскихъ
Внимаетъ Гунглю, межъ огней
И межъ деревъ и скалъ чухонскихъ!
Онъ пляшетъ польку за хромыхъ,
Онъ за голодныхъ ѣстъ котлеты
И созерцаетъ, за слѣпыхъ,

Великолѣпныя ракеты!—
Прапращуръ нашего героя,
Когда преданія не лгутъ,
Былъ изъ воинственнаго строя
Опричниковъ, прозваньемъ Пудъ.
Онъ гнулъ рубли, ломалъ подковы,
Пилъ медъ двуштофною стопой
И, засуча рукавъ бобровый,
Крутилъ спѣсиво усъ шелковый,
Гарцуя въ станѣ подъ Москвой.
Его потомокъ отдаленный
Женился на княжнѣ Древскòй,
И, такъ какъ съ нею родъ княжòй
Кончался, титулъ сей почтенный
Ему досталося носить,
Чтобъ имя рода сохранить...
И такъ Пудавовъ князь явился
И въ этомъ мірѣ поселился!
Сказанья древности гласятъ,
Что князь сей Савломъ прозывался,
Былъ простоватъ, вельми богатъ
И жизнью въ городѣ смущался...
Три внука Савла: внукъ Лукьянъ,
Внукъ Ѳараклей и внукъ Демьянъ—
Служили въ войскѣ. Всѣхъ скромнѣе
Быль говоритъ о Ѳараклеѣ:
„Князь Ѳараклей любилъ покой,
Любилъ покушать въ день скоромный
И умеръ тихо, подъ Коломной,
Въ своей деревнѣ родовой!“
Лукьянъ, съ женой его Ѳедорой,
Семьей и честью былъ богатъ.
За Минодорой, Митродорой
И за дородной Нимфодорой
Ему былъ посланъ сынъ Панкратъ.
Но ни Панкратъ, ни княжьи дочки
Вкусить, какъ должно, не могли
Благоутробія земли...
Ихъ жизнь была на волосочкѣ!
Панкратъ былъ оспой измождёнъ
И жизнь окончилъ отъ порухи,
А бичъ повальной золотухи

Убилъ до времени княженъ.
Печально князь Лукьянъ простился
Съ золотоглавою Москвой
И надъ рѣкою, надъ Окой,
Въ селѣ Мездрянкѣ водворился...
Но не таковъ былъ князь Демьянъ!
Младшій братъ въ семействѣ княжемъ,
Онъ былъ стрѣльцомъ лихимъ и ражимъ,
Дороденъ, честенъ и румянъ.
Царь Петръ женилъ его на нѣмкѣ,
На русокудрой иноземкѣ,
Супруговъ милостью сыскалъ
И къ нимъ въ деревню заѣзжалъ.
Въ ихъ родѣ, въ восемьсотомъ годѣ,
Романъ Романычъ былъ рожденъ,
Воспитанъ по тогдашней модѣ
И въ свѣтъ блистательно введенъ.
Замѣтимъ, всѣ его родные—
Мы для примѣра, хоть тайкомъ,
Ихъ имена здѣсь приведемъ—
Все наши славы молодыя!
Кузенъ Онѣгину, землякъ
И сватъ Адуеву, Большову
Онъ кумъ, Печорину своякъ
И братъ троюродный онъ Ноздрёву...
Ужь не сродни ли съ нимъ и вы,
Орфеи юные Невы,
Пѣвцы, поэты и артисты
И всѣхъ газетъ фельетонисты?..
Горою онъ за васъ стоитъ,
Про ваши онъ кричитъ побѣды
И, задавая вамъ обѣды,
Васъ и поитъ, и веселитъ...
(Мои собратія писаки
Узнали, гдѣ зимуютъ раки,
И любо имъ: мои друзья,
Не басней кормятъ соловья!)—

III.

Итакъ, пожмемъ другъ другу руки,
О мой читатель дорогой!

Романъ въ стихахъ: какіе звуки,
Какъ это вѣетъ стариной!
Твоя плѣнительная младость
Опять живетъ, опять цвѣтетъ,
И къ ней былая рифма *радость*
Опять играючи идетъ!
Опять веселыхъ отступленій,
Мечтаній, доброй простоты,
И романтическихъ стремленій,
И рѣчи сердца ищешь ты...
Среди словесныхъ ураганов,
Психологическихъ романовъ
И прозаическихъ поэмъ
Тебя измучили совсѣмъ!
Не обмани-жъ своихъ стремленій,
Не обмани-жъ моихъ надеждъ,
Да не падетъ поэтовъ геній
Средь апатіи и невѣждъ!
И броситъ мелочь аналитикъ,
И броситъ бредъ славянофилъ,
И разольетъ голодный критикъ
Ядъ полемическихъ чернилъ!
Романъ Романычъ... Чтò за диво,
Чтó за милѣйшій человѣкъ!
Съ какой прилежностью ревнивой
Его взлелѣялъ шумный вѣкъ!
Какъ я отрадно разбираю
Его любовь ко сну и чаю,
Его плѣнительную лѣнь
Въ тѣни наслѣдныхъ деревень,
И жирныя, какъ смоквы, губы,
И перламутровые зубы,
И безпримѣрный аппетитъ,
И круглый станъ, и здравый видъ!
Какъ милы мнѣ его штиблеты,
Его сапожекъ каблуки,
И шелкомъ шитые жилеты,
И на тесемочкахъ лорнеты,
И раздушенные платки!
Его кошачая походка,
Брюшко и кроткій, нѣжный взоръ,
И два умильныхъ подбородка,

И оживленный разговоръ!
И, наконецъ, его проворство,
Его открытость, непритворство,
И вкуса тонкаго примѣръ—
На среднемъ пальцѣ солитеръ!
Я сѣдовласому герою,
Винюсь, читатель, куры строю.
Чтò у кого изъ насъ болитъ,
Объ этомъ тотъ и говоритъ!
Герой мой старъ, герой мой блѣденъ,
Герой мой драматизмомъ бѣденъ;
Но страсть, какъ говорится, зла:
Придетъ, полюбишь и козла!

Романъ Романычъ вдовъ. Дворцомъ
Глядитъ его роскошный домъ.
Московскимъ трипомъ, зеркалами,
Сибирскимъ золотомъ, парчей,
Британской жизни простотой,
Кавказско-крымскими цвѣтами
И вкусомъ петербургскимъ онъ
Обогащенъ и наряженъ!
Медали строгія Толстаго,
Картины Бруни и другихъ,
Отъ Айвазовскаго, Брюлова,
До Майкова и Соколова,
Сверкаютъ въ рамкахъ золотыхъ
Въ его покояхъ росписныхъ...
Ковры, атласныя гардины,
Отъ Тура мебель, на дверяхъ
Портьеры, въ плющѣ и цвѣтахъ,
И въ каждой комнатѣ камины...
Бильярдъ, съ гимнастикой кругомъ,
Фонтанъ, столовая безъ оконъ,
Какъ шелковичный, теплый коконъ,
Съ лѣпнымъ, пахучимъ потолкомъ
И съ полисандровымъ столомъ...
Ни шума цѣлый день, ни крика
Во всѣхъ этажахъ; въ пять часовъ
Обѣдъ со свѣчами, таковъ
Плодъ комфортебельнаго шика,
Бытъ современныхъ мудрецовъ!

Люблю портреты я Зарянки,
Высокихъ комнатъ теплоту,
И пухъ ковровъ, и отоманки,
И камелечекъ у лежанки,
И блескъ, и всюду чистоту!
Люблю я кресла кабинета,
Рабочій столъ, рояль въ углу,
И нѣжный трепетъ полусвѣта,
И мѣхъ медвѣжій на полу...
Люблю я милую небрежность
Домашнихъ платій и рѣчей,
Работъ обдуманныхъ прилежность
И грезы пылкія ночей...
Мой идеалъ—мотивъ Шопена,
Семейный міръ мой идеалъ,
Въ часы волшебной грезы плѣна
Съ друзьями выпитый бокалъ,
Библіотека, статуэтки
Львовъ журналистики родной
И лавра славы модной вѣтки
Надъ вдохновенной головой!

IV.

Романъ Романычъ зиму любитъ
Въ столичномъ шумѣ проводить;
Романъ Романычъ деньги губитъ,
Какъ всѣ мы грѣшные! Попить
Въ кружкѣ отборной молодежи
Онъ не откажется во вѣкъ;
Какъ современный человѣкъ,
Абонированныя ложи
Во всѣхъ театрахъ каждый день
Имѣетъ онъ! Какъ духъ, какъ тѣнь,
На рысакѣ перелетаетъ
Отъ одного къ другому онъ,
Огнемъ искусства распаленъ.
Съ Вольнисъ рыдаетъ, вызываетъ
Milá (которая мила,
Остра, жива и весела);
Віоля съ хохотомъ встрѣчаетъ,
А черезъ мигъ букетъ бросаетъ

То Прихуновой, то Перро...
Хоть слушать Гамлета старо̀
У насъ инымъ отважнымъ франтамъ,
Романъ Романычъ вѣренъ былъ
Театра нашего талантамъ...
Онъ отъ души превозносилъ
Игру Мартынова, глубоко
Цѣнилъ Тальма̀ родной Руси
И нашей будущей Плесси
Предсказывалъ удѣлъ высокой...
Дождемся-ль, отъ своихъ людей,
Дождемся-ль русскаго Шекспира?
Намъ тяжела сатира дѣдовъ,
Ихъ зоркій взглядъ насъ тяготитъ,
И вдохновенный Грибоѣдовъ
Покинутъ нами и забытъ!
Пустѣетъ Шаховскаго сцена,
Молчатъ филиппики его,
И сходитъ съ трона своего
Родная наша Мельпомена!
А между тѣмъ, что годъ, ростетъ
Водевилистовъ новыхъ счетъ,
И распѣваются куплеты,
И раскупаются билеты,
И авторъ вызванъ каждый разъ
Друзьями—свѣту на показъ!
Оно, конечно, наслажденье
Въ театръ забраться въ воскресенье
И хлопать, хлопать отъ души
На наши кровные гроши!
Но согласитесь сами, право,
Водевилистовъ нашихъ слава—
Урокъ печальный для дѣтей
Живыхъ и трезвыхъ нашихъ дней!
Въ чемъ ихъ успѣхъ? Не въ словѣ зрѣломъ
Суда житейской суетѣ,
А въ каламбурѣ устарѣломъ,
Иль въ переводной остротѣ!..
Есть три-четыре дарованья,
Ихъ цѣнитъ критика и свѣтъ;
А остальное—подражанье
Или печальный пустоцвѣтъ.

Порой невинная бездѣлка
Получитъ и иной успѣхъ...
И что̀ же? Авторъ-скороспѣлка
Ужъ свысока глядитъ на всѣхъ!
Ужъ умъ его — депо сокровищъ,
Онъ смѣло судитъ и рядитъ
И намъ торжественно даритъ
Фалангу маленькихъ чудовищъ...
Романъ Романычъ хоронилъ
Съ другими вмѣстѣ этихъ франтовъ,
И дѣльныхъ ожидалъ талантовъ,
И русской сцены не бранилъ.
И былъ къ ея онъ пляскамъ падокъ,
Зломъ цвѣтобѣсія томимъ,
И дорогъ былъ ему, и сладокъ
Ея кофейни сѣрый дымъ.
Романъ Романычъ даже тѣни
Не признавалъ постыдной лѣни...
Онъ каждый день пѣшкомъ гулялъ
По невскому, франтилъ, лукаво
Въ кругу красавицъ выступалъ,
Глядѣлъ налѣво и направо
И шляпу по сто разъ снималъ
Отъ Милліонной до Садовой,
И „шуттингкотъ“ его бобровый,
И съ головой кабаньей трость —
Все возбуждало толки, злость
И зависть въ нашихъ денди! Грѣшенъ
Былъ старый левъ: носилъ усы
Неподражаемой красы!
Онъ, какъ ребенокъ, былъ утѣшенъ,
Какъ вслухъ롭талъ безусый фэшенъ.
Любилъ въ бильярдъ онъ поиграть,
Полюбоваться на̀ мостъ новый
И въ часъ, по мостовой торцовой,
Въ коляскѣ вѣнской проскакать...
„Листокъ художественный“ Тимма
Онъ не выписывалъ, затѣмъ,
Что всякій разъ, гуляя мимо
Тѣхъ оконъ, гдѣ на диво всѣмъ
Открыты русскія гравюры
И русскія каррикатуры,

Онъ могъ, копѣйки не платя,
Налюбоваться всѣмъ, шутя.
Болонокъ крохотныхъ, на лентахъ
Красавицъ, въ острой болтовнѣ,
По „просвѣщенной“ сторонѣ
Проспекта, въ тонкихъ комплиментахъ
Онъ, жмуря глазки, восхвалялъ
И очень ловко ихъ ласкалъ...
Онъ бенефисы въ пользу Лизы
Въ цыганскихъ операхъ слѣдилъ.
Зато онъ гналъ, зато громилъ
Леве, онеры и ремизы...
И пестрый карточный мѣлокъ
(Съ лихой козы хоть шерсти клокъ)
Употреблялъ лишь въ мирныхъ счетахъ,
Въ своихъ коммерческихъ работахъ.
Романъ Романычъ забѣгалъ
Въ Пассажъ, къ Пазетти, ѣлъ тартинки,
И макароны, и сардинки,
Газеты новыя читалъ,
Курилъ душистую сигару
И, полный споровъ, полный жару,
Онъ отъ Debâts спѣшилъ домой
И утѣшалъ себя Пчелой...
Въ журналахъ толстыхъ онъ охотно
Отдѣлы смѣси пробѣгалъ,
Романы скромно опускалъ,
Спалъ надъ стихами беззаботно,
Спалъ надъ науками порой
И только съ критикой иной,
Въ журналѣ палеваго цвѣта,
Онъ фантазировать любилъ,
Да въ „Современникѣ“ слѣдилъ
Творенья Новаго Поэта...

У насъ семь пятницъ на недѣлѣ!
Давно-ль хвалили романтизмъ?
И чтò-жъ? Къ нему мы охладѣли,
И романтизмъ — анахронизмъ!
Давно-ль у насъ въ великой модѣ
Былъ эстетическій туманъ,
Географическій романъ

И подражанія природѣ?
И вотъ, уже невдалекѣ
Филологическая школа:
Спасаютъ насъ отъ произвола
Въ литературномъ языкѣ!
И содрогнутся наши дѣды,
И внуки насъ благословятъ,
Когда въ Россіи буквоѣды
Идеалистовъ побѣдятъ!

V.

Все зналъ Романъ Романычъ. Шашни
Литературы для него
Не укрывали ничего.
Онъ не пахалъ родимой пашни,—
Въ печальной праздности старѣлъ
И сочинять самъ не хотѣлъ.
А въ годы юные стремился
Во слѣдъ за временемъ своимъ,
Въ изданьяхъ Дельвига трудился,
И былъ цѣнимъ, и былъ любимъ.
Не вѣритъ онъ теперь надеждѣ—
Зажечь огнемъ искусства грудь,
Мечтать, страдать, любить, какъ прежде,
И славнымъ быть когда-нибудь.
И въ золотомъ своемъ пріютѣ
Онъ, улыбаясь, говоритъ:
Минута намъ принадлежитъ,
Какъ мы принадлежимъ минутѣ!..
Онъ залилъ мертвою водой
Свою придирчивую совѣсть,
Онъ окропилъ водой живой
Обычныхъ наслажденій повѣсть,
И самолетъ-коверъ сложилъ,
И отвернулся отъ искусства,
И невидимкой-шапкой чувства
На вѣкъ для творчества закрылъ!
Наука строгая когда-то
Своею областью богатой
Его на время увлекла:

Онъ бросилъ свѣтскія дѣла,
Засѣлъ за Нестора, трудился,
Въ дѣлахъ, давно минувшихъ, рылся...
Но скоро онъ сознал отсталость
Неспеціальности своей,
И безнадежная усталость
Легла на міръ его идей.
Онъ съ горькимъ вздохомъ убѣдился,
Что ни Гизо, ни Робертъ Пиль
Съ его дендизмомъ не мирился;
Что нашихъ лѣтописей пыль
И жизнь халатная въ отставкѣ,
Шекспиръ и Сю, Ньютонъ и Гриммъ —
Мѣшались грустно передъ нимъ;
Что онъ еще на школьной лавкѣ
Энциклопедіей идей
Подрѣзалъ жизнь души своей!
Ума и мысли безграничность
Его наполнила тоской,
И погрузилася въ покой
Его порывистая личность...

Бываютъ дни, когда безъ цѣли
Мы уносились бы, какъ тѣнь;
Когда, какъ раненный олень,
Бѣжать бы вѣчно мы хотѣли!
Надежды свѣтлыя губя,
Мы ищемъ боли и страданья:
Трепещетъ въ насъ одно желанье—
Укрыться отъ самихъ себя!
Пространенъ міръ, могучи крылья...
Но нѣтъ! душа дрожитъ, какъ тать;
Напрасны жаркія усилья:
Намъ отъ себя не убѣжать!
Не убѣжать суда преступной
И уличенной суетѣ;
Не спитъ каратель неподкупный,
Въ своей безстрашной правотѣ!
Онъ, совѣсть грозная, жестоко
Бичуетъ насъ, и мы идемъ
Не безъ друзей, не одиноко,
Своимъ обыденнымъ путемъ.

И нашъ герой—и онъ терзался
Своей недремлющей судьбой,
И онъ съ убитою душой
По міру шумному скитался, —
И онъ страдалъ, и онъ бѣжалъ,
Бѣжалъ изъ пышныхъ, свѣтскихъ залъ...
Бѣжалъ въ края родимой степи,
На океанъ зеленыхъ волнъ,
Гдѣ острова — кургановъ цѣпи,
Гдѣ утлый возъ казачій — челнъ;
Туда, туда, къ пустынной сѣни,
Въ пріютъ молитвъ и вдохновеній,
Въ забытый, тихій уголокъ —
Въ мелкопомѣстный хуторокъ!

VI.

Въ глуши степей лежитъ Ольшанка,
Подъ косогоромъ, надъ Днѣпромъ,
Въ селѣ военная стоянка,
Въ садахъ черемухъ старый домъ.
Ольшанка — теплое мѣстечко
Для лицъ, ушедшихъ на покой.
Межъ камышей зеленыхъ рѣчка
Струится лентой голубой.
Подъ облаками вьется кречетъ,
И рѣютъ ласточки кругомъ,
И тополь, какъ фонтанъ, лепечетъ
Зелено-лиственнымъ столбомъ.
Прекрасенъ, чуденъ край пустыни,
Огни и пѣсни косарей,
И горизонта воздухъ синій,
И въ небѣ крики журавлей.
Сладка роскошная душистость
И нѣга лѣтнихъ вечеровъ,
Темнозеленая цвѣтистость
Въ туманѣ тонущихъ холмовъ.
Прекрасенъ бѣдный видъ деревни:
Кругомъ бурьянъ, да осокòръ,
Безъ темныхъ дебрей, башни древней
И голубыхъ наметовъ горъ...

Не поразитъ въ степи туриста
Блестящій раутъ на водахъ,
Съ игрой плѣнительнаго Листа
И съ фейерверкомъ на скалахъ,—
Руины мрачнаго аббатства,
Съ мостомъ, повисшимъ надъ рѣкой,
Съ фронтономъ рыцарскаго братства
И съ кастелляншей молодой...
Молчитъ забытая дорога,
И не летятъ изъ камышей
Ни звукъ серебрянаго рога,
Ни крики пестрыхъ егерей.
Зато въ селѣ уединенномъ,
Отъ бурь и свѣта заслоненномъ
Стѣной черешень и ракитъ,
Живѣе сердце говоритъ.
Зато подъ крышею убогой
Свѣжѣй и пламеннѣе трудъ,
И надъ пустынною дорогой
Цвѣты несмятые ростутъ...
Зато роскошной жатвы нива
Мила, какъ вѣрная жена,
И разстилается красиво
Холмовъ и пашень перспектива
У раствореннаго окна...
Сады, усыпанные макомъ,
Поля зеленаго овса,
Надъ обнаженнымъ буеракомъ
Гречихи бѣлой полоса...
Рѣка, синѣющая сталью,
Скирды пшеницы золотой,
И дождь надъ розовою далью,
И храмъ подъ бѣлою горой,
И крикъ тоскующей овсянки,
И ржанье конскихъ табуновъ,
Подъ тѣнью дремлющихъ дубовъ
Живая пѣсня поселянки...
О вы, которымъ суждено
Въ „Пальмирѣ сѣверной“ судьбою
Имѣть единое окно
Передъ фабричною стѣною!
Которымъ Невскій — степь и Крымъ,

А Институтъ Лѣсной — Алупка
И за стаканомъ чаю трубка —
Благоуханій южныхъ дымъ!
Которымъ милъ языкъ чухонца,
Пловучій мостъ черезъ Неву
И на Крестовскомъ острову
Въ іюлѣ захожденье солнца!..
Скорѣй бросайте преферансъ,
Въ вагонъ, а послѣ въ дилижансъ,
Садитесь, мчитесь пышнымъ садомъ,
Степями, вольнымъ вихремъ съ градомъ,
И пріѣзжайте, сбросивъ лѣнь,
На хуторъ маленькій, подъ сѣнь
Широколиственнаго клёна,
На берегъ рѣчки голубой,
У воскрешающаго лона
Природы чистой и живой!
Я вамъ отдамъ моихъ знакомыхъ,
Отдамъ на дремлющихъ прудахъ
Свирѣль овсянки въ камышахъ
И тучи пестрыхъ насѣкомыхъ
Въ дрожащихъ воздуха струяхъ.
Я научу васъ наслаждаться,
Я научу васъ удаляться
Туда, въ безмолвный, темный садъ,
Въ ряды древесныхъ колоннадъ,
Туда, гдѣ хмѣль оплелъ шиповникъ,
По вѣтвямъ липъ перебѣжалъ,
Сѣдыми блондами заткалъ
Сухой, игольчатый терновникъ,
На пень сосны перескочилъ
И пень гирляндами увилъ;
Туда, гдѣ ясеней плакучихъ
Развѣсилась живая прядь,
Гдѣ между липъ и розъ пахучихъ,
Дитя, любила я гулять...
Тамъ, по запутаннымъ дорожкамъ,
Такъ любо мчаться легкимъ ножкамъ,
Срывать листочки на лету,
Глотать прохладный воздухъ жадно,
И, утомившися, отрадно
Склониться къ темному кусту!..

А эхо, звукъ поймавъ, несется
Съ холма на холмъ, лепечетъ, вьется,
И каждый надо мною листъ
И свѣжъ, и зеленъ, и душистъ.
Вездѣ весельемъ, нѣгой вѣетъ,
Звенятъ малиновки въ кустахъ,
И на землѣ, и въ небесахъ
Душа привольной птицей рѣетъ.
И вижу я родникъ въ травѣ,
Къ нему протоптана дорожка,
Какъ шелкомъ вышитая стежка
На пышномъ, пестромъ рукавѣ.
Я упадаю на колѣни,
Я пью кристальную струю,
И перепархиваютъ тѣни
Въ ней черезъ голову мою.
Но больше всѣхъ красотъ люблю я
Тотъ часъ въ селѣ, когда молчатъ
И степь, и даль, и домъ, и садъ,
И на крыльцѣ одна сижу я.
На пламя свѣчки, мимо глазъ,
Въ окно влетаютъ непрестанно
То алый яхонтъ, то алмазъ,
То пѣсня мушки златотканной...
Пустыня, глушь и сонъ кругомъ;
Сова колышетъ вѣтвь сирени;
Рѣшеткой лиственныя тѣни,
Качаясь, устилаютъ домъ...
И дремлетъ черный стволъ каштана,
И темя дальняго кургана,
Какъ будто бѣлой простыней,
Покрыто лунной полосой...
И тихо, тихо сердце бьется,
И свѣтлы помыслы души...
Читатель мой! въ степной глуши
Легко и сладостно живется!

VII.

Романъ Романычъ хладнокровно
Покинулъ свой столичный домъ;

Размежевался полюбовно
Съ сосѣдомъ, скучнымъ старикомъ.
Сперва онъ свелъ и свѣрилъ книги,
Объѣздилъ пашни и лѣса
И, отпустивши волоса,
Сложилъ тяжелыя вериги
Заботъ, ольшанскій домъ убралъ,
Завелъ коней, собачьи своры,
Театръ домашній, пѣвчихъ хоры,
И сталъ давать за баломъ балъ...
Въ азартѣ онъ съ большой дороги
Набѣгомъ бралъ степныя дроги,
Проѣзжихъ въ домъ свой залучалъ
И ихъ на славу угощалъ...
Тогда гремѣли музыканты,
Стрѣляли пушки, аксельбанты
Кружились, домъ какъ жаръ горѣлъ,
И пѣвчихъ хоръ въ саду гремѣлъ!
И онъ трубилъ, что въ мірѣ нуженъ
Для счастья: маленькій умокъ,
Свободный грошикъ, вкусный ужинъ
И приднѣпровскій хуторокъ...
Но ранъ душевныхъ не укроешь,
Упрековъ сердца не зароешь
Въ наружномъ счастьи, и близка
Неукротимая тоска!
И, опустивъ въ безсильи руки,
Не разъ бродилъ онъ межъ полей,
Глухой и острой полонъ муки,
Съ печалью тяжкою своей...

Любилъ онъ степи вольной бури!
Бывало, выйдетъ на балконъ,
А тучи мчатся по лазури,
И меркнетъ день со всѣхъ сторонъ...
Холодный вѣтеръ злобно рвется,
Дверьми и ставнями стучитъ,
И вотъ гроза шумитъ и вьется,
И вихорь по двору летитъ...
Солома, пыль, трава сухая,
Бумажки, перья, все столбомъ
Кружится, въ небо улетая.

И вотъ ударилъ первый громъ.
Сквозь тучи молнія блеснула,
И, какъ пунцовая змѣя,
На темномъ небѣ промелькнула
И въ дальней рощѣ утонула
Ея звѣздистая струя...
По сизымъ, облачнымъ волокнамъ
Ползетъ сѣдая полоса;
Забарабанилъ градъ по окнамъ,
Одѣлись дымкою лѣса...
Хвосты цыплятъ, какъ вѣеръ бальный,
Раскрылъ звѣздою вихрь нахальный.
Мужикъ выходитъ на крыльцо,
И ливень бьетъ ему въ лицо.
Дѣвчонка, съ глиняною крынкой,
Бѣжитъ, а вѣтеръ вслѣдъ за ней
Оплелъ ей голову косынкой
И не даетъ проходу ей.
А тамъ, вдали, табунъ несется,
Погонщикъ машетъ и кричитъ,
И гулъ отъ топота копытъ
У дальнихъ мельницъ отдается...
И снова дождь, и снова градъ,
И снова бури шумный адъ.
Гроза прошла. Природа блещетъ
Невыразимою красой,
На каждомъ листикѣ трепещетъ
Алмазъ росинки золотой.
Шалфей, піоны, макъ, крапива,
Рѣка, село, подъ лѣсомъ жнива,
Колодезь, сѣренькій плетень,
И каждый кустикъ и кремень,
И каждый гвоздикъ, банка, пряжка,
Полуистлѣвшая бумажка,
Пѣтухъ, разбитое стекло—
Все смотритъ бойко и свѣтло.
Паукъ вчера оплелъ двѣ розы,
И ожерельемъ золотымъ
По паутинкамъ голубымъ
Нависли дождевыя слезы...
Душистъ и мягокъ черноземъ,
Звенитъ и рѣетъ все кругомъ...

Съ небесъ, сквозь узкое оконце,
Глядитъ заплаканное солнце,
И паръ дымится надъ землей,
И мчатся гуси за рѣкой.
Романъ Романычъ, возрождаясь
И новой жизнью наполняясь,
Глядѣлъ на будущность сквозь слезъ
У гроба падшихъ сновъ и грезъ...
Но, вспоминая скромныхъ дѣдовъ,
Дѣла ихъ мирныхъ, тихихъ дней,
Оригинальность ихъ затѣй
И колоссальность ихъ обѣдовъ,
Гостепріимство ихъ домовъ,
Домовъ въ тѣни живыхъ садовъ,
И оцѣнивъ свою ничтожность,
Ничтожность при избыткѣ силъ, —
Себѣ помочь онъ находилъ
Еще отрадную возможность...
Романъ Романычъ былъ отецъ —
Я вамъ открою наконецъ.

1853 г.

ГВАЯ-ЛЛИРЪ

или

МЕХИКАНСКІЯ НОЧИ.

Е. И. Ам—ой.

I.

Не былъ я межъ вами, Аллегани,
Чудный міръ природы и людей!
Не занесъ задумчивыхъ сказаній
Я на Русь отъ вашихъ дикарей!
Подъ шатромъ полночи темносиней,
Мѣдноцвѣтный, съ кольцами въ кудряхъ,
Мнѣ не пѣлъ печальный сынъ пустыни
О своихъ таинственныхъ отцахъ...
Но—я жду; свершится путь завѣтный!
Жадно я гляжу впередъ, впередъ...
И въ душѣ—смущенной—незамѣтно
Свѣтлый образъ Мехики встаетъ!

II.

Такъ и вы... Ни жизнь, ни сонъ ошибкой
Васъ со мной на свѣтѣ не свели;
Ни слезой, ни словомъ, ни улыбкой
Породнить они насъ не могли.
Чуждъ я вамъ,—торжественно высоко
Вашъ удѣлъ по жизни васъ ведетъ...
Но... я жду—незримо, одиноко...
Я терплю—пора моя прійдетъ!

1849 г.

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

„Sweet is a legacy!..“
Lord Byron. „*D. Juan*“, **IV**.

I.

Затворникъ хронику кончалъ.
Въ ней авторъ такъ повѣствовалъ:
Великій богъ—Тескатлепокъ [1])
Въ удѣлъ азтекскому народу
Далъ все—роскошную природу,
Богатство, славу, миръ, свободу,—
Безсмертья только дать не могъ.
Не могъ затѣмъ, что въ міръ изъ рая
Тогда-бъ и ду́хи всѣ сошли,
И ни о чемъ мольба святая
Не вознеслась бы отъ земли...

—

Какъ чаша счастія, полна
Красами Мехики долина [2]).
Порфиромъ Андъ окаймлена
Ея картинная равнина,
И купы селъ равнины той

---

[1]) *Тескатлепокъ*—душа и творецъ вселенной Азтековъ. Безъ него человѣкъ ничто, и подъ его кровомъ весь міръ находитъ защиту и покой. Его описываютъ вѣчно-юнымъ красавцемъ. Праздникъ въ честь его былъ ежегодно 9 мая, въ день полугодія, послѣ начала новаго солнца.

[2]) *Столица Мехико* находилась на островѣ, посреди большаго озера, которое въ свой чередъ было центромъ овальной долины Мехико (отъ богини—Мехитлы) или *Теночтитлана*.

Тѣснятся пестрою толпой.
И, какъ индійская царица,
Подъ сѣнью исполиновъ горъ,
Великолѣпная столица
Задумчивый склоняетъ взоръ
Надъ синимъ зеркаломъ озеръ...
Лучемъ вечернимъ блещутъ горы.
Давно лиловый небосклонъ
Одѣлся въ тонкіе узоры
Лучистыхъ, легкихъ волоконъ.
Чуть-чуть рисуясь, островами
Несутся тучки надъ водой,
И мчится голубь молодой,
Свистя пурпурными крылами,
Надъ тихо дремлющей землей.
На городъ палъ ночной туманъ,
Одѣлись мглой ковры саваннъ [1]),
Пирамидальными горами
Гнѣздятся капища боговъ,—
И ходитъ дымъ подъ облаками
Съ неугасаемыхъ костровъ...
Но вотъ надъ озеромъ, у храма,
Толпится радостный народъ:
Тамъ пѣснь звучитъ подъ громъ тамъ-тама
И вьется страстный хороводъ.

II.

Во мглѣ банановыхъ садовъ
Воздвигъ палаты Монтецума [2]);
Онъ жизнь ведетъ въ кругу жрецовъ,
Вдали отъ городскаго шума.
Кацикъ теперь не тотъ, что былъ
Когда-то прежде. Жаръ моленья
Въ немъ духъ воинственный смѣнилъ.

---

[1]) *Саванна* — высокая, лугообразная долина, покрытая холмами и растеніями ползучихъ *ліанъ*.

[2]) *Монтецума*, или, правильнѣе, *Монтеузома*—послѣдній кацикъ, царь Азтековъ, видѣвшій въ свое правленіе появленіе испанцевъ. Онъ значитъ по-мехикански—печальный человѣкъ. Гербъ его—орелъ, несущій въ когтяхъ дикую кошку.

Умножилъ онъ жрецовъ имѣнья
И храму санъ свой посвятилъ...

Вдали молитвъ онъ—прежній. Стѣны
Его дворцовъ въ коврахъ, цвѣтахъ;
Какъ прежде, въ тайныхъ теремахъ
Живутъ, не вѣдая измѣны,
Его подруги; также съ каждой
Онъ сердце дѣлитъ,—хоть оно
Теперь другой, сильнѣйшей жаждой,
Другою думой зажжено.

III.

Въ плащѣ, въ коралловыхъ серьгахъ,
Въ вѣнцѣ, въ запястьяхъ на ногахъ,
Покинувъ ванну золотую,
Идетъ за трапезу святую
Кацикъ. И молча, босикомъ,
Потупя взоръ, вожди сѣдые,
Держа сосуды дорогіе,
За нимъ становятся кругомъ.

И выдыхая, и глотая
Дымъ упоительной травы,
Царь задремалъ; но головы
Ко сну не клонитъ. Догорая,
Давно погасъ палящій день,
И быстро пала ночи тѣнь...
И быстро царь встаетъ, идетъ
И вѣрныхъ слугъ своихъ зоветъ.
Въ глухую полночь, въ отдаленьи,
Чертогъ пустынный засіялъ.
Туда къ жрецамъ, въ нѣмомъ волненьи,
Владыка Мехики предсталъ...

IV.

И вотъ надъ озеромъ, у храма,
Въ садахъ горятъ костры огней.

Межъ тѣмъ какъ купы дикарей,
Подъ звуки громкаго тамъ-тама,
Танцуютъ, вьются между нихъ,—
Толпы красавицъ молодыхъ
Проходятъ робкими рядами
Передъ кацикомъ и жрецами... [1]).

И въ паланкинѣ золотомъ,
Даровъ завѣтныхъ ожидая,
Сидитъ, уборами сіяя,
Роскошный юноша. Кругомъ
Его съ знаменами святыми
Вельможи гордые стоятъ,
И молча факелы предъ ними
Рабы косматые дымятъ...
Оконченъ выборъ. Раздѣляютъ
Жрецы съ царемъ ряды рабынь
И четырехъ земныхъ богинь
Красавцу-юношѣ вручаютъ.

V.

И пиръ гремитъ. Между толпой,
При звукахъ трубъ, жрецы сѣдые
Разносятъ явства дорогія.
И самъ счастливецъ молодой
Беретъ тамъ-тамъ. Онъ громко въ танецъ
Подругъ восторженный зоветъ,—
И въ ладъ играетъ и поетъ
Женоподобный Мехиканецъ.
Его открытые глаза
Полны ума. До плечъ прямою
Космой спадаютъ волоса.
Смолистой, рѣдкой бородою
Обрамленъ мѣдноцвѣтный ликъ...
И нѣжный, сладостный языкъ,

---

[1]) *Весталки азтекскихъ храмовъ*,—изъ которыхъ избирали подругъ жертвамъ Тескатлепока, — посвящались въ этотъ санъ съ четырнадцати лѣтъ.

И съ медленно-печальнымъ взглядомъ
Огонь души, и гордый видъ,
И станъ, не тронутый развратомъ —
Все въ немъ о жизни говоритъ,
О жизни первенцовъ земныхъ
Во цвѣтѣ силъ ихъ молодыхъ.

И льются звуки чередой...
Вотъ въ танецъ бросилась дикарка,
И свѣтъ костра окрасилъ ярко
Лицо малинче [1]) молодой.
Она летитъ. Вѣнокъ кассавы
Надъ ней и сохнетъ, и горитъ...
И какъ хрустятъ ея суставы,
Какъ вся трепещетъ и кипитъ!
За ней—другія. Изгибаясь
Вокругъ пѣвца, онѣ скользятъ,
И на ногахъ ихъ, ударяясь,
Запястья звонкія гремятъ...

Въ роскошной нѣгѣ, на свободѣ,
Тѣла ихъ гибки и стройны.
Вѣкъ недоступныя заботѣ,
Онѣ упруги и нѣжны.
Вся ткань ихъ кожи золотой
Сквозитъ отливомъ крови пылкой
И налилась надъ каждой жилкой,
Какъ кожа лани молодой...

VI.

Смолкаетъ пиръ. Жрецы уходятъ,
И всѣ торжественно пѣвца
Въ покои брачнаго дворца
Съ его подругами уводятъ.
Огни погасли. Тишина

---

[1]) *Малинче* — имя молодой дѣвицы вообще. Иногда оно употреблялось даже, какъ имя собственное. Такъ Кортеса, черезъ его туземную любимицу, прекрасную *малинче*,—всѣ звали *малинчинъ*, желая оказать ему особое уваженіе.

Весь городъ миромъ наполняетъ,
И мягкимъ свѣтомъ обливаетъ
Изгибы озера луна...

Чуть-чуть дрожитъ въ лазури водъ
Тѣнь опрокинутая зданій,
И океанъ благоуханій
По соннымъ улицамъ встаетъ.
Ни звука жизни, все молчитъ.
Весь воздухъ нѣгою палитъ.
Во мглѣ, безмолвными тѣнями,
Чернѣютъ капища боговъ...
И только дымъ надъ ихъ главами
Шумитъ багровыми столпами
Съ неугасаемыхъ костровъ.

VII.

Но кто же онъ, пѣвецъ, въ угрюмый
Чертогъ жрецовъ вошедшій? Онъ
Не изъ семейства-ль Монтецумы
Служенью Солнца обреченъ?
Не для того-ль и роскошь эта,
Чтобъ съ нею грусть онъ загасилъ
И, въ удаленіи отъ свѣта,
Спокойно тронъ свой позабылъ?

Иль желтый моръ съ лагунъ востока
Грозить бѣдой народу сталъ,
И перстъ правдиваго пророка
Въ немъ избавленье указалъ?..

Кто онъ, что честь и поклоненье
Ему такое? Самъ кацикъ
Предъ нимъ съ вѣнцомъ своимъ поникъ
И, будто близкое паденье
Завидѣвъ царства своего,
Роднымъ богамъ черезъ него
Творитъ послѣднее моленье...

VIII.

На лонѣ дѣвственной природы
Вскормленный жизнью кочевой,
Пастухъ нагорный, сынъ свободы,
Похищенъ онъ въ семьѣ родной.
Похищенъ онъ на жертву богу
Гонцами тайными жрецовъ.
И онъ падетъ, и понемногу
Готовятъ страшную дорогу
Ему служители боговъ.

Но не въ темницѣ, подъ цѣпями,
Содержатъ плѣнника жрецы...
Во власть ему даны дворцы
Съ непроходимыми садами.
Тамъ новоизбранный кумиръ
Въ разгулѣ оргій утопаетъ...
И слѣпо смерть свою встрѣчаетъ
Красавецъ-плѣнникъ Гвая-Ллиръ [1]).

IX.

Блаженны падшіе для бога,—
Жрецы народу говорятъ,
И предъ лицомъ Тескатлепока
Дары кровавые дымятъ...
Въ одеждахъ розъ, въ дыму куреній,
По свѣтозарному пути
За Солнцемъ, въ звукахъ райскихъ пѣній,
Имъ предназначено идти.
Но пусть жрецы къ богамъ нѣмымъ
Народъ трепещущій сзываютъ
И рай за гибель обѣщаютъ
У плахи плѣнникамъ своимъ.
Пусть на позорищахъ кровавыхъ
Въ кичливыхъ Мехики сыновъ

---

[1]) *Гвая-Ллиръ*—по-мехикански *слеза-нѣги*, или вѣрнѣе—сладострастія.

Они вселяютъ съ жаждой славы
Слѣпую злобу на враговъ, —
И Монтецума одаряетъ
Ихъ за побѣды... Рай земной
Едва-ль охотно покидаетъ
Для нихъ избранникъ молодой...

X.

Стрѣлой летитъ обычный годъ.
Обычной жертвы ждетъ народъ.
И вотъ она — не за горами.
И черезъ мѣсяцъ Божій міръ,
Съ его волшебными ночами,
Покинуть долженъ Гвая-Ллиръ...

До этихъ поръ въ служеньи храма,
Въ молитвахъ дни онъ проводилъ.
Но — часъ желанный наступилъ,
Широко развернулась рама
Его усладъ, и жизни богъ
Въ нѣмомъ кругу жрецовъ явился...
На зовъ страстей онъ устремился
И, какъ спаленный мотылекъ,
Въ ихъ жгучей нѣгѣ закружился.

Такъ метеоръ порой летитъ
Во мглѣ, минутная комета,
И чуть примѣтной нитью свѣта
Шатеръ небесный бороздитъ.
Но вспыхнетъ снопъ его огнями,—
Вдали, внизу яснѣютъ вдругъ
Озеръ нежданный полукругъ,
Селенье, лѣсъ, — и звѣзды сами
Встрѣчаютъ робкими лучами
Каскады яркіе подругъ.

XI.

Конецъ печальный ближе сталъ;
Но плѣнникъ въ счастьи утопалъ.

Жрецы за нимъ слѣдили строже.
Чуть загорался небосводъ,
Онъ оставлялъ ночное ложе,
Кидался въ холодъ ясныхъ водъ.

Тогда не могъ онъ отогнать
Съ лица восторженной улыбки;
Его, какъ дѣвы, цѣловать
Бросалися ручныя рыбки,
И солнца лучъ, дробясь на немъ,
Не смѣлъ срывать своимъ огнемъ
Жемчужныхъ брызогъ страстной влаги
Съ его кудрей, съ груди нагой,
Со складокъ ватовой бумаги
Его тильматли [1]) вырѣзной...

Въ вѣнкѣ изъ перьевъ голубыхъ,
Въ серьгахъ, въ сандальяхъ золотыхъ,
Подъ тканью легкой, нѣжно-бѣлой,
Скрывалъ онъ бронзовое тѣло.
Въ тѣни тропическихъ садовъ,
Въ упругой дремля колыбели,
Подъ говоръ трепетныхъ листовъ
Онъ отдыхалъ. Вдали чернѣли
Въ бананахъ мертвые пруды.
И часто сладкія мечты
Его внезапно покидали,
Когда предъ нимъ по зыбкой стали
Зеленой лентою скользилъ
Въ кусты пугливый крокодилъ...

Порой на главной теокалли [2])
Онъ шелъ въ процессіи жрецовъ,
И груды тлѣвшихъ череповъ [3])
Его по лѣстницамъ встрѣчали.
Невольно плѣнникъ трепеталъ...

---

[1]) *Тильматли* — особенно изысканный и вычурный плащъ.

[2]) *Теокалли* — храмъ.

[3]) Одни сподвижники Кортеса насчитали до ста тысячъ съ половиною жертвенныхъ череповъ въ одномъ изъ зданій главнаго храма Мехико.

Но смѣло шелъ. Въ чаду моленій
Онъ въ небесахъ святыхъ внималъ
Словамъ пророческихъ видѣній...

Пожары звѣздъ, снопы кометъ,
Крестами плывшихъ надъ востокомъ,
И гулъ зловѣщихъ тучъ, и свѣтъ,
Летѣвшій палевымъ потокомъ
Надъ Оризабой снѣговымъ,
Столицѣ вдругъ заговорили
О чемъ-то страшномъ. По нѣмымъ
Дворцамъ таинственно ходили
Отъ береговъ морскихъ гонцы,
И съ дикимъ ужасомъ жрецы
Въ мольбахъ къ востоку обращались...
Но вѣчнымъ шумомъ оглашались
Чертоги плѣнника, и онъ
Былъ прежнимъ счастьемъ окруженъ.

XII.

Когда въ покоѣ окуренномъ
Съ друзьями свѣтлый Гвая-Ллиръ
Садился за вечерній пиръ,
Богатствомъ, вкусомъ утонченнымъ
Роскошный столъ его сіялъ.
Гостей хозяинъ одарялъ
Одеждой, золотомъ, цвѣтами,
И ароматными плодами
Столъ начинался. Между тѣмъ,
Какъ блюда рыбъ и птицъ мѣняли
Пажи гостямъ, рабыни всѣмъ
Табакко пьяный зажигали,
И жирный, пѣнный шоколадъ
Съ духами всякъ себѣ готовилъ, —
Хозяинъ въ пѣсняхъ славословилъ
Своихъ гостей, и старъ и младъ
Кружился въ пляскѣ изступленной...
Когда же пульке [1]) благовонный

[1]) *Пульке* — алойное вино, любимый напитокъ у древнихъ и новѣйшихъ обитателей Мехики.

Ихъ молвь гортанную смыкалъ,
И гость за чашей засыпалъ;
Когда, желанья распаляя,
Чернѣла полночь голубая,
И въ тучи, нѣгою полна,
Стыдливо пряталась луна:

Тогда, тогда счастливца Гвая
Громада зданій вѣковая
Скрывала въ знойной тишинѣ,
И до зари, въ тревожномъ снѣ,
Его плѣнительныхъ желаній
Искали, жаждая лобзаній,
Четыре дива красоты,
Четыре свѣтлыя звѣзды...
Тогда и смерть, и страхъ видѣній
И цѣлый міръ онъ забывалъ
И слѣпо чашу наслажденій
Съ улыбкой дѣтской допивалъ
Въ кругу несмѣтныхъ искушеній,
Въ кругу палатъ своихъ, садовъ,
Подъ стражей зоркою жрецовъ...

НОЧЬ ВТОРАЯ.

„Какъ не любить тебя, таинственная ночь?“
Е. Растопчина. „Ноттурно“.

„Qual maraviglia!!“
Dante. „Divina comedia“.

I.

И годъ промчался... Въ полумракѣ,
Согнувши изнуренный станъ,
Сидѣлъ на трепетномъ гамакѣ,
Весь блѣдный, Гвая. Кустъ ліанъ
Надъ нимъ каскадомъ разсыпался,
И жадно, страстно онъ вдыхалъ
Ихъ пряный запахъ, улыбался,
Глаза болѣзненно смыкалъ...

Его подруга молодая,
Чуть-чуть дыша, полунагая,
Виднѣлась робко въ темнотѣ,
И на маньоковомъ листѣ
Округлый ликъ прелестной груди
Дрожалъ туманною чертой...
Такъ капля матовая ртути
Блеститъ, дрожитъ сама собой.

Дика, страстна малинче Чалла... [1])
Она послѣдняя пѣвца
Съ змѣиной тонкостью жреца
Своей красой очаровала.
Небесъ любимецъ Гвая-Ллиръ
Въ рукахъ ея покинетъ міръ,
Въ рукахъ одной... И вся полна
Вакханка дикимъ упоеньемъ, —
И завтра срокъ, — и съ нетерпѣньемъ
Прощальной ночи ждетъ она.

Закинувъ на спину головку,
Ломая руки, жаркій пухъ
Одеждъ отбросивъ на цыновку,
Она чуть переводитъ духъ.
И вдругъ встаетъ, хватаетъ кубокъ.
Скользнувъ, разсыпалась коса...
Горятъ и сохнутъ розы губокъ...
Какъ звѣзды, вспыхнули глаза,—
И, станъ свой тонкій нагибая
Къ груди счастливца, вся пылая,
Она садится передъ нимъ
Съ своимъ сосудомъ золотымъ.

II.

„Какъ бога, Чалла любитъ брата“,
Малинче Ллиру говоритъ:

---

1) *Чалла* — имя собственное, еще означаетъ понятіе хитрости или, скорѣе, жадности падкихъ до сластолюбія, меланхолическихъ дикарокъ Мехики.

„Съ тобой покинуть жизнь я рада, —
„Судьба меня не устрашитъ!..
„Ты проклялъ все, ты проклялъ мать.
„Не содрогнувшись, ты отдать
„Рѣшился годы жизни цѣлой
„За нашихъ дѣвъ. И скоро три
„Съ тобой завяли. Жертвѣ смѣло
„Свое измученное тѣло
„Теперь отдашь ты. Но — смотри:
„Вотъ кубокъ; кровь змѣи гремучей
„Въ его винѣ... Пріими его,
„И закипитъ твой духъ могучій,
„И часъ мученья твоего
„Подыметъ Мехику грозою,
„И грянетъ вновь войной былою
„Кацикъ съ тѣснинъ уснувшихъ горъ...
„Но ты молчишь?.. Боязнь, укоръ,
„Тоска твой омрачили взоръ...
„Ужель меня покинешь ты?
„Ужель пора?“ она взываетъ.
И эхо съ темной высоты
„Пора!“ печально отвѣчаетъ...

III.

Очнулся Лліръ на эти звуки.
Откинувъ влажный шелкъ кудрей,
Съ гамака бросился онъ къ ней...
Сплелися трепетныя руки,
Снизались жадныя уста,
И вѣтви гибкаго куста
Надъ упоенною четой
Склонились нѣжной головой.

„На завтра — смерть! Но слушай, Чалла...
„Разсказамъ дѣдовъ ты внимала.
„Была пора, къ намъ бѣлый геній
„Съ морей востока приходилъ.
„Законамъ вѣры, учрежденій
„Жрецовъ онъ нашихъ научилъ;
„Онъ, какъ дитя, былъ тихъ, незлобенъ;

„Покрытый черной пеленой,
„Весь бѣлый, съ бѣлой бородой,
„Межъ нашихъ горъ, богамъ подобенъ,
„Ходилъ онъ, правя всей землей [1]).
„Онъ въ нашихъ жертвахъ не нуждался:
„Его законъ была любовь.
„Но, говорятъ, онъ стосковался
„По дальнимъ братьямъ и разстался
„Съ пустынной Мехикою вновь...
„Да, онъ ушелъ въ края чужіе;
„Но, удаляясь, указалъ
„Отцамъ востокъ и завѣщалъ,
„Что скоро, вслѣдъ ему, другіе
„Къ намъ духи бѣлые прійдутъ
„И всѣмъ безсмертіе дадутъ
„На этомъ свѣтѣ... Жизнь земную,
„Какъ нашу хижину родную,
„Бросать намъ, Чалла, тяжело..."

— „Но, братъ мой, солнце такъ свѣтло,
„Такъ пышны звѣздныя дубравы [2])
„Саванны неба голубой!
„Не тамъ ли, въ вѣчности святой,
„Мы будемъ жить, подъ сѣнью славы,
„Съ тобой, орелъ мой молодой?...
„Властитель! близокъ срокъ прощанья, —
„Душа моя полна огня!!...
„Ты помнишь мигъ того свиданья,
„И полночь ту, когда меня
„Впервые жадными руками
„Встрѣчалъ ты въ этой тишинѣ?..
„Смотри же, снова передъ нами
„Та-жъ ночь, тѣ-жъ звѣзды въ вышинѣ,
„И будто тѣми же огнями,
„Какъ мы, проникнуты онѣ..."

---

[1]) Азтекское преданіе о бѣломъ духѣ — *Кветсалькогюатль*.

[2]) *Звѣздныя дубравы*, *сады* — chortos ouranon, выраженіе поэта Гезихія. Его приводитъ Гумбольдтъ въ „Kosmos".

IV.

Нѣтъ, прочь твои объятья, прочь!
Не исцѣлить имъ сердца, Чалла...
Безумной страстью вся ты стала, —
А эта дѣвственная ночь
Такъ безмятежна, такъ высоко
Чиста и безгранична... Глубоко
Объяты сномъ гиганты горъ,
И Оризаба, храмъ двуглавый,
Дымитъ свой пламень величавый,
Свой вѣчно-тлѣющій костеръ.
Нѣмой восторгъ мечты объемлетъ,
И гимны слышатся съ небесъ,
И цѣлый міръ какъ будто дремлетъ
Подъ сѣнью дѣвственныхъ завѣсъ...

Бѣги, страдалецъ: ночь одна
Еще во власть тебѣ дана!
Скорѣй покинь свой гротъ кристальный,
Сокройся въ мракъ нѣмыхъ деревъ,
И встрѣтитъ день тебя прощальный
Въ покоѣ силъ, подъ грёзой сновъ,
На лонѣ дремлющихъ садовъ...

И быстро плѣнникъ молодой
Изъ свода темнаго выходитъ.
Онъ робкій взоръ кругомъ обводитъ
И вдругъ дрожитъ, и самъ не свой
Идетъ пустынною тропой.
Въ концѣ тропы той есть одинъ
Утесъ, — о немъ припомнилъ Гвая...
Съ него виднѣе голубая
Гряда родныхъ его долинъ.

V.

На черно-синемъ небѣ, пылью
Алмазныхъ звѣздъ окружена

Сребристо-бѣлая луна...
Въ прозрачномъ воздухѣ ванилью
И ананасомъ пахнетъ. Садъ
Въ каймѣ бамбуковыхъ оградъ
Чуть движетъ тѣнь листовъ. Фонтаны
Журчатъ въ аллеяхъ. Здѣсь и тамъ
Взвились на воздухъ по скаламъ
Широколистые бананы,
И съ тонкихъ пальмовыхъ стволовъ,
Одѣтый въ брызги свѣтляковъ,
Струится плющъ. А далѣ — мгла
Чернѣй вороньяго крыла...
Въ прохладѣ сонной тигръ свободный
Не шелохнетъ сухимъ кустомъ.
Косматый пень тройнымъ кольцомъ
Обнялъ и спитъ удавъ голодный,
И подъ серебряной росой
Сверкаетъ желтой чешуей.

Мерцанье ночи, тихій лепетъ
Фонтановъ, видъ родимыхъ горъ—
Все обаяло слухъ и взоръ
Страдальца. Жизни сладкій трепетъ
Проникъ въ больную грудь. Слеза
Въ улыбкѣ радостной блеснула,
И грёза легкая сомкнула
Его усталые глаза.
Онъ спитъ, а дымчатой волной
Надъ нимъ кружится мошекъ рой.
Со звонкихъ лозъ сальсапарелли,
Въ нѣмой тиши, со всѣхъ сторонъ
Встаютъ задумчивыя трели...
И Гвая-Ллиру снится сонъ.

VI.

Не лоно моря-океана
Колышетъ знойный ураганъ:
Предъ нимъ волнуется саванна
Коврами яркими ліанъ.
Не челноки скользятъ рядами,

Не по валамъ ихъ весла мчатъ:
То тучки вольными орлами
Надъ Кордильерами кружатъ.

Волканы, горы снѣговыя,
Онъ васъ узналъ, былой дикарь;
Онъ васъ узналъ, лѣса родные, —
Природы сынъ, природы царь.
Здѣсь съ томага́укомъ онъ скитался,
Кормилъ убогую семью;
Въ ладьѣ истерзанной пускался
На ловъ по бурному ручью...
Случалось, здѣсь, у водопада,
Склонясь въ колѣни головой,
Сидитъ онъ. Быстрая громада
Предъ нимъ жемчужной пеленой
Несется. Волны по обломамъ
Дробятся, прыгаютъ, кипятъ,
Клубами змѣй скользятъ, шипятъ,
И съ дикимъ ропотомъ и громомъ
Слетаетъ въ бездну водопадъ...
А Гвая-Ллиръ тревожной думой
Стремится вдаль, къ инымъ краямъ, —
Къ высокимъ храмамъ и дворцамъ,
Къ столицѣ пышной Монтецумы...

VII.

И видитъ онъ вигвамъ [1]) родной.
Но отъ дождей зимы сырой
Размытъ онъ весь. Его костеръ
Потухъ, и съ визгомъ вѣтеръ горъ
Въ немъ ходитъ ходуномъ, одинъ —
Владыка дремлющихъ долинъ.
Не смята вкругъ него трава
Слѣдами легкихъ мокассинъ [2]).
Одна нагая голова

---

[1]) *Вигвамъ* — шалашъ.
[2]) *Мокассины* — сандали изъ древесины.

Торчитъ у входа на шестѣ...
И вдругъ — въ безмолвной пустотѣ
Окровавленными устами
Она замолвила: „Межъ нами
Свирѣпый голодъ пировалъ.
Кочевье мерло. Изнывалъ
И я. Но разъ, въ минуту злую,
Я матерь Гваеву больную
Отъ всѣхъ украдкой задавилъ...
И сытъ три дня, три ночи былъ!

Мои мнѣ братья отомстили:
Съ живаго сняли волоса
И нá колъ черепъ посадили...
И воронъ вырвалъ мнѣ глаза...
Но знаю я,—враги мои
Всѣ перемерли. Разнесли
Ихъ трупы мутные ручьи.
Они засыпаны песками,
И раки синими клещами
Впились въ ихъ мертвыя уста“.

И голова вокругъ шеста
Кружилась звонко... Сердце Гвая
Все изнывало. Замирая,
Въ бреду, въ слезахъ очнулся онъ...
Но мирный блескъ исхода ночи
Смежилъ испуганныя очи, —
И Ллиръ другой увидѣлъ сонъ.

VIII.

На небѣ—вечеръ. Зной пустыни
Облилъ огнями куполъ синій.
Ликуетъ городъ. Не видать
Въ немъ болѣ грѣшныхъ покаяній,
Терзаній плоти; не слыхать
На перекресткахъ призываній
На гибель бури и громовъ.
Народъ кипитъ. Толпы рабовъ
Несутъ кумиръ Тескатлепока.

Роскошный бюстъ красавца-бога,
Съ колчаномъ стрѣлъ въ рукѣ одной,
Съ зеркальнымъ вѣеромъ въ другой,
На голубомъ шару, на тронѣ,
Сіяетъ въ радужной коронѣ.

Его уносятъ въ главный храмъ,
Въ дыму кадилъ, и ставятъ тамъ
На вышинѣ, подъ сводъ пурпурный
Бумажныхъ тканей и щитовъ,
И льютъ душистый сокъ плодовъ
Предъ нимъ въ серебряныя урны.

IX.

Обрядъ открытъ. На площадь храма
Стремится радостный народъ.
Свирѣли, бубны, гулъ тамъ-тама
Повсюду слышатся. И вотъ—
Въ плащахъ изъ легкихъ перьевъ птицъ
Подходятъ воины рядами,
Сверкая мрачными цвѣтами
Отатуированныхъ лицъ.
Луки, щиты, узоръ колчана
Оплетены въ гирлянды розъ,
И развѣваются у стана
Пучки съ враговъ Тенохтитлана [1])
Оскальпированныхъ волосъ.
Подъ звукъ коралловыхъ роговъ,
За ними, въ мантіяхъ богатыхъ,
Пять тысячъ избранныхъ жрецовъ
Идутъ. Въ клочкахъ сѣдинъ косматыхъ
Ихъ черный, жертвенный покровъ...

И вереницею печальной
Все выше, выше мрачный храмъ
Они, какъ лентою спиральной,
Объемлютъ, вьются къ небесамъ.

---

[1]) *Тенохтитланъ*—другое названіе Мехики.

X.

Гонцы кричатъ. Народъ толпится
Съ дарами раковинъ, плодовъ,
Металловъ, амбры и цвѣтовъ.
И вдругъ все вздрогнуло, стремится...
Вотъ онъ, вотъ плѣнникъ молодой,—
Плыветъ въ пирогѣ расписной.

Угрюмъ и дикъ, какъ жрецъ печальный,
Глядитъ на встрѣчу жертвы храмъ...
Съ его главы пирамидальной
Костры дымятся по краямъ.
Межъ нихъ овальной яшмы камень
Сверкнулъ... И вотъ сильнѣе пламень
Рванулся въ небо, затрещалъ,—
Кумиръ на тронѣ просіялъ.
Блѣднѣетъ, гаснетъ солнца кругъ.
Прощаясь съ міромъ наслажденій,
Въ послѣдній разъ среди подругъ
Идетъ пѣвецъ, въ дыму куреній,
На роковой, призывный звукъ.
Онъ рветъ съ себя цвѣты и платья,
Тамъ-тамъ онъ свой о камень бьетъ
И молча въ страшныя объятья
Холодной гибели идетъ...

XI.

Надѣты звонкія оковы.
Тѣснѣй становятся жрецы.
Всѣ ждутъ. Кациковы гонцы
Принять священный трупъ готовы.
Въ ту-жъ ночь, на блюдѣ золотомъ,
Роскошно убранный цвѣтами,
Облитый саго и виномъ,
Сіять онъ будетъ за столомъ
Царя. Кровавый прахъ съ мольбами
Пожрутъ. Семь сутокъ пировать

И Бога славить будутъ гости.
А тамъ сожгутъ нагія кости,
Счастливца новаго искать
Начнутъ, и новый будетъ пиръ,—
И такъ исчезнетъ Гвая-Ллиръ!..

Встаетъ ли вихорь надъ землей,—
Летитъ онъ, все ниспровергаетъ,
Несется бѣшеной рѣкой,
Утесы, долы затопляетъ;
Иль теплой, страстною волной
Пахнетъ и плечи дѣвъ ласкаетъ...
И вдругъ исчезъ,—и лишь одинъ
Листокъ ліаны, имъ измятой,
Трепеща въ воздухѣ долинъ,
Его напомнитъ въ часъ отрады,
Средь мира новаго картинъ!

XII.

Угасъ пѣвца послѣдній день...
Средь страшныхъ кликовъ увлекаютъ
Его на смертную ступень,
И пять жрецовъ его хватаютъ.
Уже на камень роковой
Онъ положенъ. Уже сѣкира
Взвилась надъ грудью Гвая-Ллира.
И брызжетъ кровь. И жрецъ шестой
Сквозь рану быстро запускаетъ
Нагую руку, чуть дыша,
И, въ злобной радости дрожа,
Живое сердце вырываетъ...
Оно трепещетъ у него...
Безмолвно жрецъ его подъемлетъ
Къ зарѣ угасшей,—вотъ его
Бросаетъ къ идолу... И внемлетъ
Страдалецъ смутный гулъ кругомъ.
И видитъ тамъ, внизу, въ волненьи —
Толпа, въ восторгѣ неземномъ,
Повергласъ ницъ въ благоговѣньи!..
. . . .

—

Очнулся скорбный Гвая-Ллиръ.
Глядитъ—въ саду онъ. Небо утра
Сіяетъ сводомъ перламутра.
И тихъ, и дивенъ Божій міръ.
Облитый яркими лучами,
Боится онъ поднять глаза.
Родимой матери слезами
Чело его кропитъ роса...

Вдругъ слышитъ онъ, изъ-за кустовъ
Его зовутъ... И, замирая,
Вскочилъ, глядитъ безмолвный Гвая
На встрѣчу жертвенныхъ гонцовъ...

Но что же это,—рой видѣній
Къ нему вернулся?—Вкругъ него
Рядъ *бѣлыхъ* воиновъ... Его
Влечетъ съ улыбкой свѣтлый геній
И вдаль указуетъ,—а тамъ
Уже не вьются къ небесамъ
Огни костровъ. Могучій храмъ
Стоитъ, молчитъ, какъ-будто внемлетъ
Сказаньямъ тайны роковой,
И тихо, тихо крестъ подъемлетъ
Надъ очарованной землей.

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

„An Indian girl was sitting where
„Her lover, slain in battle, slept;
„Her maiden veil, her own black hair,
„Came down o'er eyes that wept;
„And wildly, in her woodland tongne,
„This sad and simple lay che sung...“
W. C. Bryant.

— „Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ мірѣ зла!“
Н. Некрасовъ.

I.

. . . .

Промчались дни... Въ борьбѣ кровавой
Палъ исполинъ Тенохтитланъ...
И Новый-Свѣтъ покрылся славой

Хоругви гордой христіанъ.
Миръ возвращенъ. Трофеи боя
У ногъ Кортеса сложены.
И вотъ, сподвижники войны
Американскаго героя
Корабль спускаютъ въ океанъ,
Корабль, Кастильѣ посвященный,
Дарами Андовъ нагруженный,
Дарами пышныхъ поморянъ.
И часъ ударилъ. Капитанъ
Трубитъ въ Кастилію походъ...
Походъ желанный настаетъ.

—

Вечерній сумракъ. Тѣнью алой
Огней зари, сквозь свѣтъ луны,
Хребты валовъ окроплены.
Свѣжѣетъ вѣтеръ. Заплескало
Въ снастяхъ упругихъ. Налился
Широкій парусъ. Грудью твердой
Скользнулъ по вѣтру куттеръ гордой.
Надъ мачтой гибкой флагъ взвился
Фатой пурпурной. Улетѣли
Назадъ вершины береговъ,
И купы пышныхъ острововъ
По горизонту засинѣли
Предъ нимъ. Сильнѣй пошла волна.
Свѣтлѣе блѣдная луна
Зажглась. Раздвинулись широко
Саванны моря. Одиноко
Понесся куттеръ... И скалы
За нимъ кремнистыя сокрылись,
И звѣзды ярко отразились,
И серебромъ зачешуились
Зелено-сизые валы...

II.

Корабль летитъ. Толпой веселой
Испанцы праздные сидятъ
На палубѣ, и ковшъ тяжелый
Обходитъ ратниковъ. Звучатъ

Межъ ними кости роковыя...
Пылаютъ взоры игрока.
Дрожитъ коварная рука,
Теряя пѐзо золотые,
Мечомъ и кровью нажитые... [1]).
И брань, и шумъ, и пьяный смѣхъ,—
И страсть тревожитъ алчно всѣхъ.

Вдали огней, у пушки мѣдной,
Склонясь на бортъ, въ тѣни, монахъ
Стоитъ задумчивый и блѣдный.
Въ его ввалившихся глазахъ—
Восторгъ... Онъ мысленно летитъ
Въ громадно-мертвенный Мадридъ—
Туда, за дальнія моря,
Подъ острый сводъ монастыря.
Вотъ дома онъ... Межъ братій слышно,
Что самъ король его приметъ!..
И передъ дворъ сурово-пышный
Его ведутъ. Холодный потъ
Бѣжитъ со лба его. Покорно
Азтеки робкіе за нимъ,
За грознымъ пастыремъ своимъ,
Идутъ. И робко штатъ придворный
Тѣснится вкругъ него... И онъ—
У трона гордо вознесенъ.
Обсѣчены интригамъ лапы.
Король во власть его даетъ
Весь дальній міръ... И съ буллой папы,
Подъ сѣнью кардинальской шляпы,
Владыка за море идетъ!..

III.

Игра шумнѣй... На бочкѣ винной,
Въ кругу азартномъ, капитанъ
Сидитъ—взбѣшенный... Поваръ длинный
Очистилъ рыцаря карманъ...

---

[1]) Извѣстно, что сподвижники Кортеса возвращались въ Испанію, потерявъ въ игрѣ все свое состояніе.

Ни звонкой цѣпи, ни браслета
На толстомъ нѣтъ... Едва
Позоръ стерпѣла голова,
Когда на дряблаго поэта
Литой шишакъ засѣлъ съ нея,
Съ гигантской лысины ея.
Языкъ проклятьями стрѣляетъ,
Носъ жирно-красный побѣлѣлъ,
И Донъ-Осмала присмирѣлъ...
Тоскливо мутный взоръ сверкаетъ.
Къ землѣ оплывшая рука
Скользитъ. Качнулся онъ слегка —
И рухнулся, и носомъ звонко
Запѣлъ, — и сталъ хитрить онъ тонко
Во снѣ, какъ лучше-бъ осѣтить
Ему азтекскую красотку,
Что̀ тамъ внизу, свою находку
Въ тиши, до времени, сокрыть
И отъ супруги затаить.

Межъ-тѣмъ фонарь лучомъ багровымъ
Плащи и лица игроковъ
Зажегъ . . . . . Подъ покровомъ
Небесъ, надъ всплесками валовъ,
Ихъ буйный кругъ картиной чудной
Глядитъ изъ мрака... Непробудно
Храпитъ подъ пѣсни капитанъ...
Монахъ — ужъ папой. Римъ лобзаетъ
Его стопы... Припоминаетъ
Онъ о Кортесѣ... Другу санъ
Кацика Мехики вручаетъ...
И улыбается себѣ,
Своей блистательной судьбѣ.

IV.

Въ подводной клѣти, въ трюмѣ знойномъ,
Межъ кладей золота, сыны
Вѣнчанныхъ Андъ загвождены...
Ярмо оковъ желѣзомъ гнойнымъ
Тѣла ихъ слабыя гнететъ

И жалитъ. Звучно-мѣрно бьетъ
Ихъ другъ о друга качкой... Слезы
Изъ глазъ изъязвленныхъ бѣгутъ...
И, съ воплемъ бѣшеной угрозы,
Они катаются, ревутъ
И кандалы свои грызутъ.

Но молчаливъ ихъ стражъ. Одинъ
Онъ образъ тихій Мехиканца
Хранитъ. Космы его сѣдинъ
На бѣлый плащъ доминиканца
Спадаютъ, раннею грозой
Опепеленныя... Съ тоской
Крестомъ къ груди прижаты руки.
Немолчно-плачущіе звуки
Страдальцевъ духъ его язвятъ...
Но мысль покорна, кротокъ взглядъ;
Слегка дрожащія уста
Полны молитвъ, и весь любовью
Проникнутъ новый сынъ Христа!
Но вотъ онъ вздрогнулъ. Сердце кровью
Въ немъ залилось... Знакомый міръ
Встаетъ въ душѣ его... Тоскливо
Мятется грудь... И торопливо
На дверь онъ смотритъ, и пугливо
Чему-то внемлетъ *Гвая-Ллиръ*...

V.

Пышна каюта Донъ-Осмала.
Но передъ ней малинче Чалла,—
Въ гранадской тюникѣ своей,
Въ серьгахъ, въ азтекскихъ фермуарахъ
И въ алыхъ шелковыхъ шальварахъ,—
Великолѣпнѣй и пышнѣй!..
Побѣдъ не мало Донъ-Осмала
Въ кругу красавицъ одержалъ.
Побѣдамъ счетъ онъ потерялъ...
Но непреклонной волей Чалла
Предъ властелиномъ вознеслась
И отчимъ прахомъ поклялась—

Богамъ родимымъ вѣрной быть,
Врагамъ за вѣру отомстить...

Въ раздумьи горестномъ чуть дышетъ
Малинче. Вдругъ изъ трюма слышитъ
Стонъ раздирающій она...
И, какъ ножомъ пробуждена,
Раздувши ноздри, вся дрожа, —
И ужасаясь, и спѣша,—
Она къ тюрьмѣ подводной сходитъ
И дверь тяжелую отводитъ.

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Ты здѣсь, сестра!.. Ты-ль это?!

ЧАЛЛА.

Я —
Раба, защитница твоя!
Долой оковы землякамъ —
И месть желанная врагамъ
Свершится...

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Небо защищаетъ
Моихъ спасителей! Боговъ
Не тронетъ мечъ... А жизнь враговъ
Хранить Творецъ повелѣваетъ...

ЧАЛЛА.

Боговъ?! Нѣтъ, нѣтъ... Пришельцы злые,
Какъ всѣ мы — смертные, больные,
Не боги... Духъ коварный ихъ
Постыденъ... Звѣри вмѣстѣ съ ними
Воюютъ... Молніи за нихъ...
Они собаками своими
Азтекскихъ воиновъ травятъ, —
Они съ рабынями ихъ спятъ...
У нихъ ни маиса, ни злата
Земля не знаетъ... Ихъ страна —
Однимъ оружіемъ богата,

Одною алчностью полна.
Иди за ними!! Бѣлый демонъ
Покорство, преданность почтетъ...
Но полководствуетъ не всѣмъ онъ...
Отмщенье хищника найдетъ!

—

Сидитъ опять въ раздумьи Чалла...
Полночь. Каюту Донъ-Осмала
Наполнилъ сладострастный паръ
Индійскихъ урнъ... Мятежный жаръ
Колеблетъ Чаллы грудь... Душа
Къ былому рвется... И, дрожа,
Малинче снова къ трюму сходитъ
И роковую дверь отводитъ.

ЧАЛЛА.

Ты плачешь, братъ мой? Будь спокоенъ,
Теперь твой духъ отцовъ достоинъ...
Очнись... Смотри, съ тобою я —
Раба, любимица твоя...
Раба желаній...

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Слаще му́ки
Всей жизни — мертвыхъ благъ твоихъ!..
Уйди!! Ужель забыть для нихъ
Мнѣ Спаса проткнутыя руки,
Его страдальческую кровь,
Его всемірную любовь
И духъ незлобивый?... Ужели
Мнѣ чистый крестъ мой поругать
Съ тобой,—и пасть мнѣ, въ самомъ дѣлѣ?...
Скажи, — ужель твоей постели
Себя мнѣ, грѣшница, отдать?..

—

Мракъ. Въ тучи прячется луна...
Грознѣй грозы вскочила Чалла.
Нѣмымъ отчаяньемъ полна,
Съ зажженнымъ факеломъ, она
Опять предъ дверью трюма стала...
И вновь идетъ, и вся кипитъ,
И, задыхаясь, говоритъ:

ЧАЛЛА.

Ты хочешь, братъ, спасаться?

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Нѣтъ!

ЧАЛЛА.

Сломить врага и пиръ кровавый
Свершить надъ хищниками славы?..

ГВАЯ-ЛЛИРЪ.

Да будетъ славенъ сынъ побѣдъ!
Да месть забудутъ дѣти плѣна...
Постыдна черная измѣна,
Постыденъ рушенный завѣтъ!

ЧАЛЛА.

А, трусъ! Свершились опасенья...
Рабъ жизни — рабъ своихъ враговъ!
Но проклялъ крикъ его презрѣнья,
Проклятья родины, отцовъ!..
Бѣгутъ года... Пескомъ заноситъ
Долину Андъ... Летитъ, кричитъ
Косматый воронъ — пищи проситъ...
А ко́ндоръ брату говоритъ:
„Гдѣ-жъ мехиканцы?... Ни въ Чолулѣ,
Ни въ битвахъ грозныхъ, ни въ горахъ,
Ни въ Тласкаланѣ, ни въ лѣсахъ
Не видно ихъ? Они заснули?
Они укрылись?“ — Замолчитъ
Крылатый царь и улетитъ,
Роняя слезы, за предѣлы
Азтекскіе. — И вотъ, лежатъ
Нагія кости. Прахомъ стрѣлы
Заноситъ. Тлѣютъ и хрустятъ
Останки жизни... Зной пустыни
Заразой гонитъ воздухъ синій...

А воронъ вьется и глядитъ
На кости, — славныхъ дней потомокъ, —
И плачетъ тихо и летитъ
Съ обломка кости на обломокъ...
Прости-жъ, о, родина!..“

Сказала —
И факелъ быстро полетѣлъ
На клади съ порохомъ. И Чалла
Съ свирѣпой радостью внимала,
Какъ онъ, воткнувшись, зашипѣлъ
Надъ страшной массой—и на мигъ
Потухъ... Толпа полунагихъ
Азтековъ смолкла въ ожиданьи
Удара, въ тихомъ упованьи
Творя мольбы... И скоро крикъ
Ужасный раздался изъ трюма:
— Великъ, могучъ Тескатлепокъ!
Великъ и славенъ Монтецума...
Спустилъ стрѣлу воитель-богъ!..
Спустилъ стрѣлу, стрѣла летитъ,
Огнемъ небесъ она разитъ! —
И все очнулось! Донъ-Осмала
Вскочилъ, весь блѣдный и нѣмой.
Матросы шумною толпой,
Поднявшись, замерли... Упала
На всѣхъ карательной грозой
О смерти мысль... И стихли всѣ!..
И въ ужасающей красѣ
Картиной взрыва озарились
Саванны дѣвственныхъ валовъ
И даль прозрачныхъ облаковъ, —
И грани двухъ земныхъ міровъ
Борьбою смерти огласились.

ПИРЪ У ПОЭТА КАТУЛЛА.

ПИРЪ У ПОЭТА КАТУЛЛА [1]).

Сцены изъ римской жизни въ стихахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КАЙ ВАЛЕРІЙ КАТУЛЛЪ, любимый римскій поэтъ временъ Юлія Цезаря.
ЛЕЗБІЯ, сирота, гречанка съ острова Лезбоса, воспитанная Катулломъ.
АГЕНОБАРБЪ-РОМУЛЪ-ПАНДОРА, казначей Диктатора, влюбленный въ Лезбію.
ЛИЗИППЪ, грекъ, продавецъ фигъ.
СКАВРЪ, римскій купецъ.
ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМЪ, начальникъ рабовъ и кухни Катулла.
СИМФОНІЯ, пѣвица.
НАЧАЛЬНИКЪ ЛИКТОРСКОЙ СТРАЖИ.
ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ РАБЪ Катулла.

Хоръ пѣвицъ, ликторы и слуги.

Дѣйствіе происходитъ на загородной виллѣ, въ виду Рима, за 60 лѣтъ до Р. Х.

---

[1]) Поставлена на сцену въ ноябрѣ 1852 г. въ С.-Петербургѣ на Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ знаменитаго Мартынова I въ роли Агенобарба-Пандоры, при участіи Каратыгина I въ роли Катулла и извѣстной пѣвицы Леоновой въ роли Симфоніи.

Театръ представляетъ садъ, въ глубинѣ котораго, между виноградныхъ листьевъ и навѣса изъ плюща, лавровъ и акацій—декорація Рима, освѣщеннаго лучами вечерней зари. Вправо—уголъ мраморнаго портика, на террасѣ котораго стоятъ вазы съ кактусомъ, плющемъ и тысячелиственникомъ. Влѣво, у подножія остроконечной скалы, подъ вѣтвями деревъ—скамьи для возлежанія и столъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Два раба и главный экономъ. Рабы накрываютъ столъ.

ЭКОНОМЪ.

Готовы ль фрукты, устрицы и вина?

1-Й РАБЪ.

Готовы.

ЭКОНОМЪ.

Не спѣшите за работой,
Еще свѣтло! Катуллъ пошелъ ловить
Муренъ къ Агриппѣ, да увидѣлъ въ полѣ
Албанскихъ жницъ,—забылся, легъ къ пригорку
И все глядитъ на загорѣлыхъ жницъ!
Пока ослы притащутъ по утесамъ
Гостей изъ Рима, мы накроемъ столъ
И приведемъ пѣвицъ транстеверинскихъ.

2-Й РАБЪ.

А слышалъ ты, сосѣди говорятъ,
Что этотъ пиръ едва ли повторится?

ЭКОНОМЪ.

Не разсуждай! Приказано—работай,
А то, какъ разъ, вороны унесутъ
Изъ рукъ тарелки!

1-Й РАБЪ.

Кто же званъ на ужинъ?

ЭКОНОМЪ.

Богатые купцы.

2-й РАБЪ.

А небогатымъ
Катуллъ забылъ отправить приглашенья?

ЭКОНОМЪ.

Эй, замолчи! По римской поговоркѣ,
Скорѣй въ гробу чихнетъ мертвецъ,
Чѣмъ скажетъ умное глупецъ.

2-й РАБЪ.

Ну, а каковъ сегодня будетъ ужинъ?
Насъ не пускаютъ въ кухню повара —
Останется-ль и намъ перекусить
Съ тобой сегодня?

ЭКОНОМЪ.

Рано на зарѣ
Катуллъ свои мнѣ отдалъ приказанья:
Ступай на кухню, говоритъ, скорѣй,
Вверхъ дномъ поставь и домъ, и погреба,
Печь раскали, замучай поваренковъ
И приготовь мнѣ ужинъ повкуснѣй,
Да не простой, — диктаторскій, волшебный.
Возьми, сказалъ, завѣтный мой мѣшокъ, —
Въ немъ пауки еще не завелись
И мышь съ своимъ гнѣздомъ не поселилась, —
Все золото его снеси на торгъ,
Скупи припасовъ и найми пѣвицъ!
На ужинъ сдѣлай бѣлую похлебку
Изъ языковъ павлиньихъ и яицъ,
Въ винѣ свари тарентскую мурену,
Живую брось въ кристальный кипятокъ,
Чтобъ долѣе плескалася въ кастрюлѣ
И вмѣсто ложки свой отваръ мѣшала!
Чтобъ устрицы къ закускѣ подавались
Не наши римскія — полуживыя,
А устрицы пиценскія, такія,
Чтобъ двигались, урчали и пищали,
Какъ станемъ мы глотать ихъ, запивая
Изъ раковинъ лимонною водой!
Въ саду нарѣзать гроздій винограда,

Прозрачнаго, какъ золотой янтарь,
И нѣжнаго, какъ грезы лѣтней ночи...

1-й РАБЪ.

Шутникъ!

ЭКОНОМЪ.

Не смѣйся,—это рѣчь Катулла!
Подай, сказалъ онъ, наконецъ, всѣхъ винъ,
Безъ примѣси, какъ Римъ безсмертный, старыхъ,
Какъ горный медъ густыхъ и благовонныхъ!
Да тутъ же помѣсти застольный черепъ,
Какъ слѣдуетъ, какъ завѣщали предки,—
Чтобъ жизни пиръ не слишкомъ заносился
И вѣчно помнилъ близкій свой конецъ,
Приходъ расправы неподкупной смерти!
Готовъ ли черепъ?

2-й РАБЪ.

Вотъ, стоитъ, на мѣстѣ...

1-й РАБЪ.

А много ли гостей къ Катуллу будетъ?

ЭКОНОМЪ.

Э, въ томъ-то, другъ, и дѣло: самъ я съ этимъ
Вопросомъ поутру къ нему подъѣхалъ,
А онъ нахмурилъ брови и замѣтилъ:
Когда-то въ часъ веселія Лукуллъ,
Гоняя повара, сказалъ съ досадой:
„Ты думаешь, что если я одинъ
Обѣдаю, такъ въ роскоши нѣтъ нужды? —
Не умничай, готовь обѣдъ на сотню;
Сегодня пиръ роскошнѣй всѣхъ пировъ, —
Лукуллъ обѣдать будетъ у Лукулла“.
Тебѣ скажу я, другъ мой, то же: нынче
Катуллъ на ужинъ явится къ Катуллу,
И потому въ разсчеты не пускайся.
Да вотъ и онъ! Ступайте за цвѣтами! (*Рабы уходятъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Катуллъ и вскорѣ Лезбія.

КАТУЛЛЪ (*Эконому*).

Ну, что, счастливо-ль удался нашъ ужинъ?

ЭКОНОМЪ.

Отлично!

КАТУЛЛЪ.

Позаботься-жъ на досугѣ
Убрать получше блюда и вино! (*Экономъ, кланяясь, уходитъ*).

КАТУЛЛЪ (*смотритъ на Римъ и на поля, тонущія въ туманѣ*).

Привѣтствую тебя въ послѣдній разъ,
Катуллова блистательная слава!
Отпировала ты свой праздникъ шумный,
Отпировала пышно и безумно!
Какъ молодость, какъ сонъ ты пронеслась...
И дней блаженства чаша золотая
Не падаетъ изъ рукъ недопитая!
Угасшій мигъ, разбитыя мечты —
Веселая, плѣнительная прихоть!
Я посвятилъ собраніе стиховъ
Богатому и пылкому ребенку,
Безусому Агриппѣ, запѣвалѣ
Всѣхъ шалуновъ, гулякъ и скомороховъ...
Агриппа мнѣ прислалъ мѣшокъ червонцевъ,
Пустилъ меня въ свой виноградный садъ,
И бросилъ я столицы шумный адъ;
Мѣшокъ на плечи и съ Лезбіей пустился
Пѣшкомъ въ дорогу пыльную, пришелъ
Въ волшебный край, въ душистый, темный садикъ
Съ фонтанами, утесами, съ толпой
Рабовъ, рабынь; подъ тѣнью плющевой
Нашелъ цвѣты и мраморную ванну!
Я высыпалъ завѣтный свой мѣшокъ,

Я сталъ искать въ душѣ своей желаній.—
Восьмнадцать дней промчалося въ довольствѣ,
Восьмнадцать упоительныхъ вѣковъ
Роскошною мечтою пролетѣли!
Въ послѣдній разъ я горсть червонцевъ бросилъ,—
Какъ стая птицъ, въ послѣдній разъ желанья
На эту горсть, порхая, опустились
И по зерну клюютъ минуты счастья...
Угаснетъ день, промчится свѣтлый пиръ,
И снова насъ суровый встрѣтитъ міръ!
Опять пойдемъ мы съ Лезбіей отсюда,
Одѣнемся въ тряпье, возьмемъ по палкѣ
И станемъ вновь блуждать по перекресткамъ,
Блуждать, мечтать, мечтать и голодать!
Темнѣй же, день, вставай, волшебный сумракъ,
И спорь съ весельемъ дорогая дружба,
Пока не пустъ заманчивый мѣшокъ!
Вчера подъ вечеръ, между темныхъ лавровъ,
Въ задумчивой прогулкѣ по скаламъ,
Склонивъ на грудь роскошную головку
И уронивъ сверкающіе локти
Вдоль туники, въ душевной лихорадкѣ,
О женихѣ далекомъ помышляя,
Моя сиротка лепетала вслухъ,
Меня въ тѣни деревъ не замѣчая:
„Нѣтъ, нѣтъ, Катуллъ, тебя я не покину,
Ты Лезбіи въ замужство не отдашь!
Клянусь душой любить тебя, какъ солнце
Въ твоихъ стихахъ душистыхъ любитъ розы,
И, еслибъ самъ Юпитеръ предложилъ
Мнѣ золото Данаи за мгновенье
Моей любви, за пару поцѣлуевъ—
Я отказала-бъ смѣло громовержцу!..“
Быть можетъ такъ, быть можетъ и не лгали
Невинныя уста... Какъ знать и какъ судить,
Я не могу, не смѣю вѣрить сердцу:
Мое добро я дѣлалъ безкорыстно
И не отдамся въ сладостный обманъ!
То, въ чемъ клянется женщина мужчинѣ,
Написано ребенкомъ на пескѣ
И на волнѣ написано воздушной!
Подуетъ вѣтеръ—улетитъ песокъ,

Волна волною смѣнится, и клятвы
Умчатъ съ собой роскошныя мечты,
Недолгое блаженство красоты!
(Лезбія выходитъ изъ-за колоннъ портика).

ЛЕЗБІЯ.

Ты звалъ меня?

КАТУЛЛЪ.

Нѣтъ, я тебя не звалъ.

ЛЕЗБІЯ.

Такъ я уйду... (*останавливается*) Ты обо мнѣ не думалъ?

КАТУЛЛЪ.

Не думалъ...

ЛЕЗБІЯ.

Такъ о комъ же думалъ ты?

КАТУЛЛЪ.

Какъ ты мила сегодня! Нарядилась
Въ отборныя и дорогія платья...

ЛЕЗБІЯ.

Послушай! Мнѣ сосѣдка говорила,
Что въ Римѣ, возлѣ югуртинскихъ бань,
Заѣзжій Галлъ или Еврей, не знаю,
Составъ одинъ безцѣнный продаетъ:
Отъ этого состава голубыми
Становятся глаза у черноокихъ.

КАТУЛЛЪ.

Не вѣрь сосѣдкѣ!

ЛЕЗБІЯ.

Отчего не вѣрить?
Такая скука, право!.. Цѣлый день
Гуляешь все, да примѣряешь платья,
И въ воздухѣ такъ тихо и тепло,
Кругомъ цвѣты, фонтаны и утесы—
Одно и то же.—зеркало возьмешь—

И въ зеркалѣ все старое, какъ прежде,—
Одни и тѣ же черные глаза!
Такая скука!

КАТУЛЛЪ.

Мнѣ-жъ совсѣмъ не скучно!

ЛЕЗБІЯ.

Еще бы, цѣлый день писать стихи!
И что нашелъ ты въ этихъ скучныхъ строчкахъ?

КАТУЛЛЪ.

А, ты хитришь!—Не ты-ль вчера твердила
Весь день мои послѣдніе стихи?

ЛЕЗБІЯ.

Да! да! Я буду вѣчно ихъ твердить!
На зло тебѣ ихъ продиктую вѣтру,
А тотъ разскажетъ ихъ торговкамъ римскимъ!
На зло тебѣ сороку научу
Твердить твои стихи ежеминутно...
Сорока и посланье, вотъ забавно!..
(*Катуллъ ее не слушаетъ*).
Катуллъ, поѣдешь въ Римъ... Ты измѣнишься,
Ты отъ богатства сталъ совсѣмъ иной!
Брось эту виллу,—здѣсь всего такъ много,
Такая роскошь, скука,—въ Римѣ лучше!

КАТУЛЛЪ.

Эхъ, Лезбія! Не осуждай богатства,
И не тебѣ богатство осуждать!

ЛЕЗБІЯ (*въ сторону*).

Онъ о моемъ далекомъ женихѣ
Припомнилъ, онъ меня любить не можетъ
И никогда меня любить не станетъ!
Я подросла, а между тѣмъ плѣнила
Его иная въ мірѣ красота!
Я слышала сквозь вѣтви, за стѣной,
Какъ повара съ рабами толковали
Объ ужинѣ... Онъ ждетъ къ себѣ кого-то,
Онъ ждетъ, лукавецъ, ждетъ—и я не знаю!

КАТУЛЛЪ.

Ну, что же ты нахохлилась, мой милый
Воробушекъ? Садись ко мнѣ поближе
И повтори вчерашнія слова:
„Когда бы самъ Юпитеръ предложилъ
„Мнѣ золото Данаи за мгновенье
„Моей любви, за пару поцѣлуевъ —
„Я отказала-бъ смѣло громовержцу!"
Я слышалъ все, меня ты не обманешь,—
Агенобарбъ-Пандора—громовержецъ?..

ЛЕЗБІЯ (*вспыхнувъ*).

Пандора?

КАТУЛЛЪ (*въ сторону*).

Милое созданье неба!
Какъ въ ней невинность пылко негодуетъ!

ЛЕЗБІЯ.

Пандора!.. Этотъ лысый... этотъ страшный
Толстякъ... багровый... съ рыбьими глазами...
И съ грушей вмѣсто носа... Объѣдало...
Хорошъ!.. Красавецъ!..

КАТУЛЛЪ.

И, прибавь, вдовецъ,
Питающій надежды вновь жениться!

ЛЕЗБІЯ.

А, ты смѣешься! Погоди-жъ, Катуллъ!
Скажи мнѣ лучше, скоро-ль я увижу
Твою любовь, твою, Катуллъ, невѣсту?
Ты ждешь ее, вчера ты толковалъ
О ней въ саду съ пріятелемъ! Я помню,
Корнелій Непотъ весь дрожалъ, внимая,
Какъ ты ее стихомъ живописалъ!

КАТУЛЛЪ (*въ сторону*).

Ревнивица, вотъ прямо въ цѣль попала!
Я говорилъ о беотійской Сафо!

ЛЕЗБІЯ.

Такъ ты молчишь, смѣшался; ты не даромъ
Готовилъ ужинъ нынче?.. Ну, женись,
Бери ее, красавицу-невѣсту:
Она желта, какъ старый померанецъ
Желта, навѣрно и въ гвоздичномъ маслѣ
Купается... Влюбиться въ померанецъ—
Завидный вкусъ! Торговка!

КАТУЛЛЪ.

Успокойся!

ЛЕЗБІЯ.

У Лезбіи отыщется поклонникъ!

КАТУЛЛЪ.

Ужъ не Пандора-ль?

ЛЕЗБІЯ.

Да, Катуллъ, Пандора!
Я отъ тебя скрывалась, но теперь
Ты долженъ знать: я влюблена въ Пандору!

КАТУЛЛЪ.

Ты влюблена въ Пандору?

ЛЕЗБІЯ.

Влюблена!

КАТУЛЛЪ.

О, времена! о, жалкій вѣкъ! о, нравы! —
Какъ говоритъ великій Цицеронъ...

ЛЕЗБІЯ.

Я нынче не приду къ тебѣ на ужинъ!

КАТУЛЛЪ.

И кстати! ужинъ нынче холостой,
А на пирушкѣ вольной не годится
Дѣвицѣ быть: какъ разъ сорвется слово

Такое, отъ котораго завянутъ
И не твои дѣвическія уши!

ЛЕЗБІЯ (*про себя*).

Онъ удалить меня отсюда хочетъ...
Постой же: притворюсь, что ѣду въ Римъ,
И посмотрю, кто сядетъ съ нимъ за ужинъ!
О, боги, боги! — Сердце замираетъ! (*Вслухъ*)
Я ѣду въ Римъ, Катуллъ!

КАТУЛЛЪ (*не слушая ее*).

Однако, странно:
Гостей моихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ!

ЛЕЗБІЯ.

Катуллъ!
Я ѣду въ Римъ! Ты слышишь?

КАТУЛЛЪ.

Поѣзжай!

ЛЕЗБІЯ.

Къ Агенобарбу-Ромулу-Пандорѣ...

КАТУЛЛЪ.

Къ Агенобарбу-Ромулу-Пандорѣ!

ЛЕЗБІЯ.

Прощай, Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Прощай, прощай, мой другъ!
Не позабудь одѣться понаряднѣй!

ЛЕЗБІЯ.

Не смѣйся, я съ тобою не шучу:
Я навсегда съ тобою разстаюся!

КАТУЛЛЪ.

Да... навсегда!

ЛЕЗБІЯ (*возвращаясь, сквозь слезы*).

Смотри-жъ, потомъ не плачь,
Катуллъ.

КАТУЛЛЪ.

Не буду плакать!

ЛЕЗБІЯ (*въ сторону*).

Погоди же,
Влюбиться въ померанецъ! Сумасшедшій! (*Уходитъ*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Катуллъ и вскорѣ Агенобарбъ-Пандора, Лизиппъ и Скавръ.

КАТУЛЛЪ.

Прелестная, капризная шалунья!
Отправится къ какой-нибудь подругѣ,
Въ уютный домикъ, подъ живымъ ручьемъ,
Межъ кипарисовъ, розъ и гіацинтовъ,
Потолковать о грезахъ, о любви...
А дуетъ губки! Всѣ вы таковы,
Наслѣдницы лукавыя Венеры!
Капризы ваши—пропасть безъ конца,
Прикрытая душистыми цвѣтами!
И не всегда мы счастливо обходимъ
На жизненной дорогѣ эту пропасть! (*Всходитъ на скалу*).
Однако, гости наши запоздали,—
Совсѣмъ ужъ вечеръ, падаетъ роса!
(*Между деревьевъ показывается Пандора*).
Да вотъ и гость... Нѣтъ, это не изъ нашей
Семьи!.. Кто-бъ это былъ?—Пандора! боги!

ПАНДОРА (*не видя его*).

Лазутчики мнѣ донесли, что здѣсь
Скрывается питомица Катулла.

КАТУЛЛЪ.

Пронюхалъ волкъ, куда загнали стадо!

ПАНДОРА.

Лѣсная незабудка и репейникъ—
Какой противный красотѣ союзъ!

КАТУЛЛЪ.

А самъ—красавецъ, нечего сказать!

ПАНДОРА.

Онъ, говорятъ, недурно пишетъ! Впрочемъ,
Кто нынче занятъ этой болтовней...
Я, напримѣръ, по-гречески читаю,
Но я читаю съ цѣлью, для того,
Чтобъ не забыть по-гречески,—а нашихъ
Всегда я плохо какъ-то разбираю:
Начнешь читать—все острые намеки
На злыхъ людей,—совсѣмъ рябитъ въ глазахъ. (*Встрѣчается съ Катулломъ*).
Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Пандора!

ПАНДОРА.

Вотъ некстати встрѣча!

КАТУЛЛЪ.

Что привело тебя въ мое жилище?

ПАНДОРА.

Я—мнѣ хотѣлось—ты не думай, впрочемъ...

РАБЪ (*съ двумя другими рабами несетъ цвѣты и вина*).

Несутъ цвѣты!

ПАНДОРА (*спохватившись*).

Я... слышалъ запахъ рыбы
И захотѣлъ—рѣшился попросить
Любезнаго поэта познакомить

Меня съ его бесѣдой и столомъ. (*Про себя*)
Не дурно сказано! Нашелся славно!

КАТУЛЛЪ.

Что-жъ, просимъ милости!

ПАНДОРА.

Но ты, Катуллъ,
Не разсердись за эту откровенность!

КАТУЛЛЪ.

О, ничего! Вѣдь нынче въ модѣ!
Нѣтъ недостатка въ дорогихъ гостяхъ:
Зовешь двоихъ, а шестерыхъ встрѣчаешь;
Всякъ за собой ведетъ на званый пиръ
Еще друзей своихъ; друзья спокойно
Ведутъ своихъ знакомыхъ и родныхъ...
Не все-ль равно, ты прошенъ иль не прошенъ?

ПАНДОРА.

Благодарю достойнаго поэта! (*Про себя*)
Вотъ и успѣхъ! Я Лезбію увижу
И вдоволь съ ней теперь наговорюсь!

КАТУЛЛЪ (*про себя*).

Сегодня я кормлю его охотно,
А завтра онъ накормитъ ли Катулла?
Э, будь что будетъ!

РАБЪ (*стоя на скалѣ*).

Гости на дорогѣ.

КАТУЛЛЪ.

И Скавръ, и тотъ пріѣхавшій купецъ?

РАБЪ.

Они.

КАТУЛЛЪ.

Добро пожаловать, друзья!
(*Входятъ Лизиппъ и Скавръ*).
Привѣтъ вамъ, гости добрые! Пандора,

Позволь тебѣ представить двухъ достойныхъ
Поклонниковъ добра и красоты!
Лизиппъ—купецъ изъ дальней Арголиды,
На кораблѣ приплывшій въ гости къ намъ,
Чтобъ сбыть у насъ непроданный товаръ
И увидать—

ЛИЗИППЪ (*перебивая его*).

И поклониться славѣ
Того, чей даръ—второе наше солнце,
Того, кого Катулломъ мы зовемъ!

КАТУЛЛЪ.

Ты слишкомъ добръ!—Второй, его ты знаешь:
Тиберій Скавръ—почтенный торговецъ
Изъ Рима.

ПАНДОРА.

Да, тебя я точно знаю:
Мнѣ каждый день приносятъ отъ тебя
Баранину, индѣекъ и колбасы!

СКАВРЪ.

Здоровье твоему желудку, добрый
Старикъ!

ПАНДОРА.

Старикъ?—Какая злая шутка!

КАТУЛЛЪ.

Садитесь, гости, и да льются шумно
Веселые за пиромъ разговоры,
Какъ будемъ лить мы сладкое вино!
(*Садятся за столъ.—Рабы прислуживаютъ*).
Вотъ устрицы—вотъ рыба—вотъ похлебка
Изъ языковъ павлиньихъ и яицъ!
Берите, не скупитесь!—Ты же, мальчикъ,
Намъ наливай фалернскаго,—сто лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ дѣды нашихъ дѣдовъ
Его въ садахъ по бочкамъ разливали!

ЛИЗИППЪ.

Похлебка—прелесть, устрицы—какъ мысли
Твоихъ созданій, такъ и льются въ душу.

ПАНДОРА (*про себя*).

Каплунъ недуренъ, видно повара
Стащили у меня!

СКАВРЪ.

Ты—всюду геній,
Катуллъ, въ стихахъ и въ кухонномъ искусствѣ!

КАТУЛЛЪ.

Берите, пейте, смѣйтесь, веселитесь,
Отъ счастья готовъ я опьянѣть.
Эй, рабъ!—Обрызгать насъ отваромъ листьевъ
Фіалокъ, мяты и душистыхъ лавровъ,
Чтобъ возбудить въ насъ аппетитъ и бодрость;
Сандаліи съ усталыхъ снять и руки
Подать умыть намъ розовой водой!
(*Рабы исполняютъ его приказанія*).

СКАВРЪ.

Итакъ, Лизиппъ, чѣмъ Греція красивѣй
И лучше Рима?—Ты не досказалъ.

ЛИЗИППЪ.

У Греціи плѣнительное небо,
Вся Грецiя—сады и острова!

СКАВРЪ.

У Рима также небо голубое,
Роскошное, и вся страна—что садъ,
Въ которомъ нѣтъ безплоднаго кусточка!

ЛИЗИППЪ.

У Греціи, какъ у вакханки чудной,
Нѣтъ грустныхъ дней, нѣтъ слезъ: она въ цвѣтахъ,
Въ сверкающемъ вѣнкѣ изъ винограда,
Поетъ, кружится, словно рѣзвый мальчикъ,
За новостью гоняется, и новость

Становится у вѣтренной законъ;
Что на умѣ у ней, то и на дѣлѣ:
Болтливая, въ наряды влюблена,
И, скрытность презирая, щеголяетъ
Своей живой, порхающею рѣчью!

СКАВРЪ.

Да, ваша рѣчь въ пословицу вошла!

КАТУЛЛЪ (*задумчиво*).

Хорошъ и нашъ гигантъ, суровый Римъ!
Мечъ при бедрѣ, въ рукѣ копье и знамя,
Побѣднымъ осѣненное орломъ,
Орломъ того, кто царства и народы,
Какъ свѣтлые, роскошные ручьи,
Въ родимомъ морѣ слилъ на диво свѣта!
Онъ гордо имъ надъ міромъ потрясаетъ,
Врагамъ и злу открыто смотритъ въ очи;
У ногъ его дробятся съ воплемъ волны
Народныхъ смутъ, — онъ крѣпко держитъ руль:
Весь изъ желѣза, весь—законъ и правда,
Вознесся онъ въ суровой красотѣ
И полные любви къ отчизнѣ очи
Возводитъ смѣло къ вѣчнымъ небесамъ,
Гдѣ видитъ міръ высокаго искусства!
Не хуже васъ, идя на бой съ врагами,
Исторію побѣдъ народныхъ пишетъ
Подъ тучей стрѣлъ, а чистой красотѣ
И вдохновеннымъ геніямъ внимая,
Получше васъ еще достойный трудъ
Своихъ родныхъ талантовъ награждаетъ!

ЛИЗИППЪ.

Но красота гречанокъ... наши дѣвы...

КАТУЛЛЪ.

Пустое... Римлянки—не вамъ чета!
Гречанки страстны, пылки, легковѣрны,
У грековъ есть продажныя Елены...
У римлянъ—римляне, сосѣдъ, не греки!

Въ обдуманной, холодной красотѣ,
Разумныя и гордыя, какъ слава
Оружія безстрашныхъ ихъ сыновъ,
Онѣ своей любви огонь и ласки
Однимъ мужьямъ на радость берегутъ!
И дикая аѳинская плясунья
Подъ кровлею священнаго угла
Супруги римской недостойна ленты
Сандаліи покорно развязать
На той, кто намъ кормилица и мать!

ЛИЗИППЪ.

Ну, это, другъ, ужъ много!

КАТУЛЛЪ.

Нѣтъ, немного!

ЛИЗИППЪ.

Исторія...

КАТУЛЛЪ.

Исторія не хуже
Красавицъ вашихъ, не краснѣя, лжетъ!

СКАВРЪ.

Чѣмъ спорить намъ, не лучше ли, друзья...

ПАНДОРА (*утирая ротъ*).

По моему, ни Греція, ни Римъ
Не лучше: лучше ихъ обоихъ этотъ
Зажаренный съ орѣхами каплунъ!

СКАВРЪ.

Вотъ, славно сказано! Здоровье гостя!

ЛИЗИППЪ.

Да здравствуетъ находчивый Пандора!

ПАНДОРА.

Благодарю, я правъ, я это знаю.

КАТУЛЛЪ.

Въ исходѣ пиръ, а хмѣль еще далеко
Цвѣтами нашихъ мыслей не убралъ.
Какъ строй спартанцевъ трезвыхъ, наши чаши
Фалангою незыблемой стоятъ
И со стола веселья не скатились!
Эй, рабъ, вели къ столу моихъ пѣвицъ! (*Рабъ уходитъ*).
Я не хочу васъ плясками дарить,—
Мессинская вакханка не предстанетъ,
Танцуя изступленную осу...
Мы будемъ слушать пѣсни Ювенала
И старика Гомера сладкій гимнъ! (*Входятъ пѣвицы*).
Ну, стройте лиры и скорѣй за пѣсни!
Да что-нибудь попроще, понѣжнѣе:
Гармонія не терпитъ дикихъ звуковъ! (*Пѣвицы берутся за лиры*).
Нѣтъ, погодите! Я вамъ заплатилъ,
Такъ ужъ вполнѣ хозяинъ буду съ вами.
Я васъ поставлю въ группы—у террасы
И по скаламъ—вотъ такъ, чтобъ зрѣнье слуху
Завидовать не стало у гостей.
(*Устанавливаетъ ихъ группами*).
Кто между вами запѣвало?

ОДНА ИЗЪ ПѢВИЦЪ.

Я.

КАТУЛЛЪ.

Ну, для тебя не мѣсто между хора:
Здѣсь становись и начинай смѣлѣй!

ПѢВИЦА (*поетъ*).

Какъ рыбка надъ сонной рѣкой,
Серебристой сверкнувъ чешуей,
Пропадаетъ,
И тихо, подъ сѣнью вѣтвей,
Волна, встрепенувшись надъ ней,
Пробѣгаетъ,—
Въ моихъ омраченныхъ мечтахъ
Тѣнь подруги въ лучахъ и цвѣтахъ
Выступаетъ,

И долго, любовью дыша,
Моя молодая душа
Замираетъ!

СКАВРЪ (*въ восторгѣ*).

Прекрасно!

КАТУЛЛЪ.

Имя какъ твое, пѣвица?

ПѢВИЦА.

Симфонія!

КАТУЛЛЪ.

Всѣ кубки отъ стола
Дарю тебѣ, Симфонія, за пѣсню!

ПАНДОРА (*про себя*).

А Лезбіи все нѣтъ, какъ нѣтъ межъ нами!

КАТУЛЛЪ.

Еще одну, еще такую-жъ пѣсню...
Въ груди щемитъ, какъ будто жало змѣя
Вползло туда съ предчувствіемъ печальнымъ!
О счастіи влюбленныхъ намъ пропой!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тѣ же и Лезбія.

ЛЕЗБІЯ (*пробираясь между пѣвицъ подъ покрываломъ*).

Я пропою тебѣ такую пѣсню!

КАТУЛЛЪ.

Кто ты? Зачѣмъ лицо твое закрыто?

ЛЕЗБІЯ.

Я—бѣдная пѣвица изъ Тарента,
Прошу на хлѣбъ для бѣднаго отца

И не хочу, чтобъ люди находили
Мой голосъ хуже моего лица.

КАТУЛЛЪ.

Какъ странно... голосъ будто мнѣ знакомый...
Изволь, пропой намъ, — я тебѣ плачу!

ПАНДОРА (*про себя*).

А Лезбіи все нѣтъ!

ЛЕЗБІЯ.

Стихи Катулла!
Хоръ, повторяй за мною... Я пою!

ПѢВИЦА (*поетъ*).

Не срывай цвѣтовъ весны:
На цвѣтахъ роятся осы;
Не влюбляйся отъ жены:
Злѣе осъ у женъ вопросы!
Ты въ цвѣты зимы вглядись,
Ихъ дыханьемъ упивайся —
И, влюбляясь, не женись,
И... женившись, не влюбляйся!

СКАВРЪ (*съ кубкомъ*).

Да здравствуетъ прелестная пѣвица!

КАТУЛЛЪ.

О, пѣсни, пѣсни, какъ вы тяжки сердцу!

ПАНДОРА (*разсѣянно*).

Скажи, Катуллъ, гдѣ Лезбія твоя?

КАТУЛЛЪ (*не слушая его*).

Бываетъ время, пѣсня льется въ душу,
Какъ вѣянье весны благоуханной;
А иногда не знаешь, какъ убить
Тоски, въ душѣ напѣвомъ пробужденной!

ПАНДОРА (*перебивая его*).

Да гдѣ-жъ твоя питомица, Катуллъ?

КАТУЛЛЪ (*вспыхнувъ*).

Питомица?.. Тебѣ какое дѣло?

ПАНДОРА (*въ сторону*).

Ай, ай! попался!

КАТУЛЛЪ.

Ты затѣялъ шашни!
Ты не ко мнѣ, ты къ Лезбіи пришелъ?

ЛЕЗБІЯ (*въ сторону*).

Уйти скорѣй, пока огонь остынетъ,
А то еще сорветъ онъ покрывало!
(*Уходитъ; за нею удаляются пѣвицы*).

ПАНДОРА.

Я пошутилъ!

КАТУЛЛЪ.

Ты пошутилъ? Слѣпой же
Ты кротъ, когда со мною споръ затѣялъ!

ПАНДОРА.

Катуллъ!..

КАТУЛЛЪ.

Пять тысячъ безпощадныхъ словъ,
Пять тысячъ сатирическихъ стиховъ
Готовься встрѣтить, иль во всемъ сознайся!

ПАНДОРА.

Потише! (*Въ сторону*). Боги! онъ меня погубитъ!
На ближней виллѣ... (*Вслухъ*). Берегись, Катуллъ,
На ближней виллѣ, съ римскими друзьями,
Пируетъ въ виноградникѣ диктаторъ!

КАТУЛЛЪ.

Мнѣ жаль тебя! Нѣтъ у тебя ни вѣрныхъ
Рабовъ, ни любящей подруги; войлокъ
У входа въ дверь Катулла чистоплотнѣй
Твоей кровати; мухи и сверчки
Во снѣ танцуютъ по твоимъ губамъ;

Твои пріятели отъ злости сохнутъ
И отъ боговъ надѣлены такими
Зубами, что булыжникъ римскихъ стѣнъ
Имъ ни почемъ и мягче старой груши!

ПАНДОРА.

Катуллъ... чужіе!..

КАТУЛЛЪ.

Ничего, Пандора!
Скажи мнѣ лучше, какъ твой аппетитъ
Такъ надъ тобой беретъ порою силу,
Что, заперши́сь въ своемъ дому, на волѣ,
Для всѣхъ незримой яствой объѣдаясь,
Ты ставишь сзади вѣрнаго раба,
Чтобъ онъ тебя удерживалъ отъ лишней
Охоты — черезъ мѣру закусить
И лопнуть надъ неконченной похлебкой!
(*Пандора хочетъ говорить*).
Скажи мнѣ лучше, какъ ты воровалъ
Въ былые дни, скитаяся въ лохмотьяхъ,
У Ювенала на пиру салфетки
И золотыя ложки клалъ въ карманъ!

ЛИЗИППЪ.

Не можетъ быть!

СКАВРЪ.

Катуллъ, навѣрно, шутитъ!

ПАНДОРА.

Конечно шутитъ, этакой проказникъ!

КАТУЛЛЪ.

Такъ ежели пошло уже на то... (*останавливается*)
Во имя шутки, наполняйте ваши
Забытыя, покинутыя чаши!

СКАВРЪ (*съ чашею*).

Да здравствуетъ достойный нашъ хозяинъ!

ЛИЗИППЪ (*поднимая чашу*).

Здоровье музъ, во славу красоты!
Да здравствуютъ Анакреонъ и Пиндаръ,
Да здравствуютъ Виргилій и Гомеръ!

СКАВРЪ.

Да здравствуетъ священный, мирный трудъ
Подъ маслиной, за сладкою амфорой!

ПАНДОРА (*про себя*).

Давай-ка, предложу я выпить въ честь
Диктатора, — онъ за стѣной сосѣдней
И рѣчь мою услышитъ... пригодится! (*Вслухъ*).
Вы знаете, я—главный казначей,
Храню казну диктатора...

СКАВРЪ (*въ сторону*).

Хранишь ли?
Не то я слышалъ о тебѣ въ народѣ!

ПАНДОРА.

Меня диктаторъ другомъ называетъ,
Меня диктаторъ любитъ, награждаетъ! (*Поднимаетъ чашу*).
Да здравствуетъ властительный диктаторъ! (*Никто не отвѣчаетъ*).

КАТУЛЛЪ.

Ты промахнулся... Не ходи, козелъ,
Въ чужіе огороды — ошибешься!
Катуллъ тебя къ себѣ не приглашалъ,
Ты самъ къ нему безъ совѣсти назвался:
Такъ не пеняй же, если мы тебѣ
За мирною бесѣдой не внимаемъ
И за тобой не поднимаемъ кубка
Во славу славы римскаго народа!
Не изъ твоихъ нечистыхъ устъ подобнымъ
Рѣчамъ на пирѣ нашемъ раздаваться!

ПАНДОРА (*вспыхнувъ*).

Ты—дерзкій злоязычникъ! (*Про себя*). Погоди же,
Я отплачу за Лезбію тебѣ!

КАТУЛЛЪ.

Вѣнки, друзья, на голову, вѣнки!
Шумѣть давайте, спорить, веселиться!
Я у себя вамъ не позволю пить
Изподтишка цикуты ядовитой,
Чтобъ смерти страхъ васъ больше заставлялъ
Въ послѣднiй разъ на свѣтѣ напиваться!
Нѣтъ, нѣтъ, у насъ не мѣсто этой модѣ:
Мы будемъ пить за славу музъ и грацiй
И нашихъ чашъ пустыми не уронимъ!
Сюда, мои прелестныя пѣвицы,
Опять за пѣсни, пѣсни и любовь!
(*Лезбiя и пѣвицы*).

ПАНДОРА (*вставая*).

Такъ ты не хочешь слушаться Пандоры,
Ты за диктатора не хочешь пить?
Терпи же самъ, а мнѣ позволь отъ сердца
Благодарить тебя за вкусный ужинъ,
За кушанья твои, вино и соль,
Которой ты свои усыпалъ блюда!
Ты накормилъ меня, Катуллъ, отлично;
Я сытъ по горло, сытъ и принесу
Тебѣ за все отъ сердца благодарность:
Я не замедлю съ дорогимъ отвѣтомъ!
Расправятся съ тобою, сорванецъ...
Къ диктатору, къ диктатору съ доносомъ,
И посмотрю я, какъ запляшешь ты
Передъ его карающимъ декретомъ!

КАТУЛЛЪ.

Пандора!

ПАНДОРА (*съ улыбкой*).

И потому одинъ за всѣхъ отвѣтишь!
Законъ гласитъ: кто оскорбитъ хоть мыслью
Диктатора — повиненъ грозной казни!
Прощай, Катуллъ, благодарю за ужинъ! (*Уходитъ*).

ЛИЗИППЪ И СКАВРЪ.

Катуллъ, что̀ сдѣлалъ ты?

ЛЕЗБІЯ (*въ сторону*).

О, боги, боги!
Его казнитъ диктаторъ безпощадный!

КАТУЛЛЪ (*беретъ чашу*).

Да здравствуетъ гармонія вселенной,
Гармонія природы и людей,
Гармонія богатства и талантовъ!
Чтобъ гордый Римъ, чтобъ всепобѣдный Римъ,
Подъ маніемъ волшебнаго жезла,
Какъ музыка торжественнаго гимна,
Какъ за душу хватающая пѣснь,
Явился въ блескѣ силъ и дивной славы,
Въ святыхъ лучахъ зиждительной державы,
Явился намъ въ могучей красотѣ...
Да здравствуетъ гармонія вселенной,
Да здравствуетъ вселенной красота!

ЛИЗИППЪ И СКАВРЪ (*поднимая чаши*).

Да здравствуютъ гармонія и слава!

КАТУЛЛЪ.

Красавицы — за лиры! Дайте мнѣ
Безумною душою позабыться!
Забыть весь міръ, забыть враговъ и слезы,
Готовыя изъ груди полной хлынуть!

ЛЕЗБІЯ (*опуская покрывало*).

И Лезбію ты хочешь позабыть?

КАТУЛЛЪ.

Какъ? Это ты—ты мнѣ такъ нѣжно пѣла?
Ты, мой цвѣтокъ, моя живая радость,
Ты пѣла мнѣ...

ЛЕЗБІЯ.

Да, это пѣла я!

КАТУЛЛЪ.

Притворщица! Да развѣ могъ тебя я
Въ безумствѣ непростительномъ забыть,

Отдать твою привязанность и дружбу
За чью-нибудь мнѣ чуждую любовь?

ЛЕЗБІЯ.

За померанецъ, — помнишь померанецъ?...

КАТУЛЛЪ.

Вотъ кубокъ, пей за славу нашей славы!
(*Всѣ наливаютъ чаши.—Слышны рога*).

ЛЕЗБІЯ.

Катуллъ! о, боги! Это часъ послѣдній
Тебѣ трубятъ!

КАТУЛЛЪ (*роняетъ чашу*).

Ужели? Быть не можетъ!
(*Входитъ Пандора; за нимъ толпа ликторовъ*).

ПАНДОРА (*со свиткомъ въ рукѣ*).

Декретъ Катуллу!

СКАВРЪ (*кидаясь къ нему*).

Негодяй!

ПАНДОРА (*торжественно*).

Диктаторъ
Изволитъ въ немъ съ Катулломъ говорить!
(*Всѣ преклоняютъ головы*).

КАТУЛЛЪ (*принимая свитокъ*).

Что-жъ въ немъ Катуллу диктаторъ говоритъ?

ПАНДОРА (*насмѣшливо*).

А какъ тебѣ сказать, — не знаю право:
Должно быть, въ немъ о смерти говорится!

КАТУЛЛЪ.

О смерти?

ЛЕЗБІЯ.

Боги!

СКАВРЪ (*съ угрозою*).

Лжешь ты, негодяй!

ПАНДОРА.

Не горячитесь! Онъ выслушалъ меня
И говоритъ: садись, вотъ тутъ, Пандора,
Садись! — Онъ такъ всегда мнѣ говоритъ.
Велѣлъ подать пергаменту и спицу,
Махнулъ рукой, склонился головой,
Потомъ взглянулъ, сурово сдвинулъ брови
И сталъ писать: онъ, сколько мнѣ извѣстно,
Всегда такъ пишетъ грозныя посланья!

КАТУЛЛЪ.

За что же смерть? Ужель святая правда
Оставила тебя, безсмертный Римъ?
Прощайте, гости! Пиръ еще не конченъ,
Такъ допивайте чаши безъ меня!
А я пойду — пойду туда, повыше!
Ты, Лезбія...

ЛЕЗБІЯ.

О, боги! боги!

КАТУЛЛЪ (*сквозь слезы*).

Слезы,
Мои мечты, мои надежды, грезы —
Всѣ до одной тебѣ я завѣщаю!
Не раздавай моихъ произведеній,
Пускай они со мною отлетятъ...
Какъ Индіи печальная вдовица,
Сложи ихъ всѣ въ костеръ и надо мной
Сожги его безцѣнною рукой!

ПАНДОРА (*съ досадой*).

Катуллъ!

ЛЕЗБІЯ.

Прощай!

КАТУЛЛЪ.

Прощай, моя сиротка!
Ты никогда меня не позабудешь?..

ПАНДОРА (*выходя изъ себя*).

Какая дерзость! Слышишь ли, Катуллъ,
Диктаторъ ждетъ...

КАТУЛЛЪ.

Умилосердись, небо!..
Друзья, прощайте! Оба вы — поэты,
Я это знаю: вамъ передаю
Поэзіи чарующей арену!
Любите жизнь, отчизну и людей,
Не продавайте дѣвственной работы
За золото, художеству служите,
Какъ честный рабъ, какъ вдохновенный жрецъ,
И для минуты счастья не бросайте
На смѣхъ толпы поруганнаго сердца!

ПАНДОРА (*обнажая мечъ*).

Катуллъ!

КАТУЛЛЪ.

Иду, готовь свою сѣкиру!

ЛЕЗБІЯ (*падая на руки пѣвицъ*).

Прощай, мое единственное счастье!

КАТУЛЛЪ (*обращаясь къ Риму, который тонетъ въ сумракѣ наступающей ночи*).

Прощай и ты, безсмертный, вѣчный городъ!
Тебѣ, какъ сынъ, я праведно служилъ!
Какъ пахарь, я прошелся съ тяжкимъ плугомъ,
Ора̀ломъ добродѣтели священной
Изборздилъ покинутыя нивы
Твоей души и бросилъ въ эту землю
Великихъ дѣлъ святыя сѣмена!
Произрастай же, молодое племя
Гражданскихъ доблестей! Да придетъ время,
Когда въ твою плѣнительную сѣнь
Слетитъ моя тоскующая тѣнь
И, никому незримая, заплачетъ!
Высоко поднимай свои столпы

Среди слѣпой и вѣтренной толпы,
Бичуй порокъ, терзай безъ сожалѣнья
Противниковъ народной славы гидру;
На пеплѣ смутъ, волненій и тревогъ
Да возрастетъ роскошный виноградникъ —
Всѣхъ доблестей и счастія разсадникъ;
Да укрѣпится гордо правота,
Одѣнется на праздникъ красота,
И пѣснь любви и мира смѣнитъ слезы!..

ПАНДОРА (*въ бѣшенствѣ*).

Катуллъ! Я ликторамъ велю связать
Тебя, — читай!

КАТУЛЛЪ.

О, добрый другъ, читаю,
Ты видишь: я гонителей прощаю! (*Читаетъ декретъ*).
Что́ же это? (*Протираетъ глаза*). Ха, ха, ха! Вотъ это мило!

ПАНДОРА.

Ты шутишь? Наглость эта не у мѣста!

КАТУЛЛЪ.

Да какъ же мнѣ, Пандора, не смѣяться?

ЛЕЗБІЯ (*рыдая*).

Безжалостный, не рви такъ больно сердца!

КАТУЛЛЪ.

Послушайте!

ПАНДОРА.

Читай!

КАТУЛЛЪ.

Поближе станьте,
Вотъ такъ, въ кружокъ! „Посланіе Катуллу“ (*Читаетъ*).
„Привѣтъ тебѣ, Катуллъ!
Въ моемъ пиру веселомъ
Тебя лишь одного
Недоставало ныньче!
Ты отказался пить
Въ своемъ дому за друга:

Надѣюсь, у меня
Ты будешь пить охотно!
Пандору я тебѣ
Во власть предоставляю...
Такихъ, какъ онъ, не мало,
Катуллъ у насъ одинъ". (*Пандора блѣднѣетъ*).

— „Не взыщи за бѣдную импровизацію. Бери всѣхъ своихъ друзей и приходи ко мнѣ, подъ сводъ душистыхъ лавровъ, окончить сладкій вечеръ съ твоимъ защитникомъ и поклонникомъ. Диктаторъ Юлій".

ПАНДОРА (*въ страшномъ ужасѣ трепещетъ и роняетъ мечъ*).

Что-жъ это значитъ?

КАТУЛЛЪ.

Я глазамъ не вѣрю!

НАЧАЛЬНИКЪ ЛИКТОРОВЪ (*отдѣляясь отъ стражи*).

А это значитъ то, что ты немного
Съ своимъ доносомъ опоздалъ! Пока
Ты съ нимъ спѣшилъ, другой доносъ — почище,
Диктаторъ о тебѣ изъ Рима принялъ!
Ты, говорятъ, съ его казной дѣлился...

ПАНДОРА (*падая на колѣни*).

Катуллъ, прости, не погуби меня!

КАТУЛЛЪ.

Не погубить? Теперь ты спохватился?
(*Обращается къ окружающимъ*).
Друзья, пойдемъ, диктаторъ насъ изволитъ
Къ себѣ на пиръ высокій приглашать!

ПАНДОРА (*на колѣняхъ, униженно*).

Не позабудь меня, Катуллъ, на пирѣ,—
Ты съ этихъ поръ — великій человѣкъ!
Припомни обо мнѣ въ твоемъ величьи,—
Ты по пути блистательномъ идешь!

КАТУЛЛЪ.

Да, я иду не такъ, какъ ты, Пандора,
Не трепеща, не потупляя взора,
И клевета за мною не ползетъ!

ПАНДОРА (*простирая руки*).

Катуллъ, я знаю, ты врагамъ прощаешь,
Ты отъ рожденья милосердъ и добръ:
Кормилица твоя мнѣ это говорила!

КАТУЛЛЪ (*съ улыбкой*).

Кормилица? Пусть такъ! Тебя диктаторъ
Во власть мнѣ отдалъ — онъ тебя проститъ!
Но ты за это у меня попляшешь...
Эй, слуги вѣрные, сюда, скорѣе!
(*Рабы и повара окружаютъ его*).
Клянусь вотъ этой лысиной (*опускаетъ руку на голову Пандоры*):
За службу
Я отдаю вамъ этого проныру!
Онъ угоститъ васъ долженъ всѣмъ на свѣтѣ —
Всѣмъ, чѣмъ богатъ его роскошный домъ!
Пять сутокъ отъ него не уходите, (*Пандора въ большомъ удивленіи*)
Очистите карманъ и погреба
И на привольѣ пышномъ поживите!

ЛЕЗБІЯ (*проходя мимо Пандоры, насмѣшливо*).

Прощай, Пандора!

ПАНДОРА (*качая головою*).

Лезбія...

КАТУЛЛЪ.

Подумай
О предстоящемъ пирѣ и расходахъ:
Не дешево тебѣ онъ обойдется! (*Окружающимъ*).
А мы, друзья, пойдемъ по приглашенью!
Теперь свою приподниму я лиру,
Теперь коснусь я струнъ живыхъ и миру
Въ священномъ вдохновеньи пропою
Открыто пѣснь завѣтную свою!
Друзья! Отъ сердца мы воскликнемъ:
Да здравствуетъ нашъ Цезарь — слава Рима!

(*Удаляется. Пандора на колѣняхъ съ поникшей головою. Слуги и повара Катулла его окружаютъ*).

1852 г.

КОНЕЦЪ.

НЕ ВЫТАНЦОВАЛОСЬ.

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

НЕ ВЫТАНЦОВАЛОСЬ.

ПОВѢСТЬ.

(Изъ записокъ о послѣднемъ изъ рода гетманскихъ потомковъ)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій.

Изъ Петербурга въ Малороссію, на родное пепелище предковъ, ѣхалъ двадцати-девятилѣтній статскій совѣтникъ, Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій, единственный потомокъ знаменитаго гетманскаго рода. Въ его черныхъ блестящихъ глазахъ, черныхъ густыхъ бровяхъ и рословъ, плечистомъ станѣ, какъ и въ походкѣ, нѣсколько лѣнивой и вялой, легко виднѣлись черты, общія его родичамъ; но современность наложила на него иной, свой отпечатокъ, во всемъ, отъ аккуратно-приличнаго характера до страсти къ блеску и слѣпой вѣры въ общую многимъ, какую-то небывалую, сказочно-громкую карьеру.

Его мечты вертѣлись на одномъ: онъ хотѣлъ во что бы то ни стало разбогатѣть, разбогатѣть неслыханно, какъ богатѣютъ откупщики, архитекторы, ловкіе командиры отдѣльныхъ частей и десятки другихъ избранниковъ. Съ первыхъ юношескихъ лѣтъ, богатство рисовалось ему въ манящихъ, волшебныхъ грезахъ, и всѣ дороги вели къ нему. Дѣтскіе сны осыпали его дождемъ алмазовъ и жемчуговъ; юношескія мечты водили его по золотымъ палатамъ, полнымъ бархатовъ и шелковъ, вкусныхъ блюдъ и толпы разодѣтой прислуги, хорошенькихъ женщинъ и темныхъ, благоуханныхъ комнатъ; первые зрѣлые годы представили ему уже прямо выразительную картину кучекъ ассигнацій и отчищенныхъ новой чеканки червонцевъ, по

тысячамъ, десяткамъ и сотнямъ тысячъ въ каждой кучѣ. Всѣ пути избирались къ этому. Какъ Магометъ мечталъ еще ребенкомъ о преобразованіяхъ міра, Иванъ Ильичъ спалъ и видѣлъ себя во снѣ богачемъ изъ богачей. — Въ дѣйствительности же, мальчикъ Ваня былъ сынъ обѣднѣвшаго украинскаго панка изъ родовитыхъ, въ десять лѣтъ уже круглый сирота, безъ отца и матери. Правда, у него была бабка, знаменитая и потѣшная старушка, жена генералъ-аншефа, временъ Екатерины, полная старинныхъ причудъ и владѣтельница единственнаго, послѣдняго достоянія гетмановъ Говоруха-Щебетковскихъ, которымъ приходилась наслѣдницей по женской сторонѣ, именно маленькаго хутора на Деснѣ, Калиновый-Овражокъ. Здѣсь она, въ старинной гетманской резиденціи, среди дубовыхъ рощъ и вишневыхъ садовъ, проживала свой вѣкъ. Сюда взяла сиротой Ванюшу, когда онъ остался одинъ, какъ перстъ, въ маленькомъ городишкѣ, гдѣ въ одинъ мѣсяцъ умерли его отецъ и мать, продержала его года три у себя и черезъ какого-то оригинала, изъ петербургскихъ мистиковъ и массоновъ, пріятеля и сослуживца своего покойнаго мужа, втесала внука въ ученіе въ первое аристократическое училище, съ какихъ поръ ея внукъ и сталъ уже окончательно жить на счетъ бабушки.

Это былъ лицей. Шумная царскосельская школа, паркеты и зеркала, французская болтовня веселыхъ и нарядныхъ гувернеровъ, товарищи-аристократы, сыновья все генераловъ, да графовъ, близость столицы, садовъ и палатъ царскихъ, у самыхъ оконъ, все это питало грезы ребенка. Золотой паукъ плелъ неусыпно золотую паутину. — Чернобровый Ваня тихо бѣгаетъ въ чистенькой форменной курточкѣ. Товарищи его зовутъ хохленкомъ, онъ имъ на это улыбается. Наука плохо дается ему. За то, учитель собирается поставить ему нуль; онъ расплачется, и ему ставятъ снисходительный баллъ. Надулся директоръ; Ваня приводитъ свой рабочій книжный ящикъ по чистотѣ въ положеніе уѣздной улицы, въ день проѣзда черезъ нее губернатора, а директоръ гладитъ его по головѣ. Но проходитъ мѣсяцъ, два, цѣлый годъ — близки экзамены. Какъ тутъ быть? Аккуратный Ванюша ходитъ по цѣлымъ днямъ и думаетъ, какъ ему вывернуться, и надумалъ. Изо всѣхъ предметовъ утащены въ рукавъ билеты и предварительно заучены; ими ловко замѣнены, у публичнаго стола, билеты, вынутые по жребію; и весь экзаменъ сданъ такъ превосходно, что ахнули и учителя, и ученики. — Оставался годъ до выпуска. Толкуя о своей бѣдности, Ванюша льстилъ богатымъ товарищамъ, ѣлъ ихъ конфекты, сидѣлъ по праздникамъ въ ихъ ложахъ въ театрѣ и, щепетильно причесанный, ходилъ тихонько по комнатамъ ихъ домовъ, заглядывая въ каждое зеркало и

въ каждый ящикъ столовъ, а на бѣдныхъ фискалилъ тайкомъ начальству. Въ началѣ послѣднядо года онъ сталъ вторымъ по списку въ классѣ. Первымъ былъ нѣкто Гальтербергъ. Однажды весь классъ старшихъ рѣшился проучить за дерзости грубаго и тупоумнаго учителя математики и положилъ единогласно не только не выучить заданной лекціи, но и вовсе съ нимъ не говорить. Всѣ шумно и весело ожидали его прихода. Учитель вышелъ; мертвая тишина воцарилась въ комнатѣ. „Ну, щелкоперы!—началъ учитель:—что я задавалъ?“—Молчать. Онъ опять; снова молчаніе. Онъ по списку вызываетъ; сидятъ, какъ въ ротъ воды набрали. Учитель въ бѣшенствѣ выскочилъ изъ класса. Явились надзиратели и директоръ. Послѣдній самъ взялъ списокъ учениковъ и началъ вызывать изъ шалуновъ болѣе извѣстныхъ. Всѣ промолчали снова. „Что-же, это бунтъ?“ закричалъ генералъ. Впереди всѣхъ, блѣдный, какъ полотно, стоялъ Говоруха-Щебетковскій, съ потупленными глазами. „И вы, Щебетковскій, не знаете урока?“ спросилъ директоръ. „Я знаю!“ отвѣтилъ чуть слышно Щебетковскій: „я не зналъ, что такъ положено классомъ, и выучилъ!“—„Да; то есть, вы по доброй волѣ выучили и только скромничаете! Вы на нихъ не похожи! Говорите урокъ...“ и Щебетковскій сказалъ безъ запинки. Его тутъ же отличили. Гальтербергъ смѣненъ изъ первыхъ въ послѣдніе, Щебетковскій внесенъ первымъ въ списокъ, а весь классъ оставленъ на недѣлю на хлѣбъ и на воду, кромѣ, разумѣется, новаго перваго ученика, которому на это время предоставленъ столъ директора. Товарищи отъ него отвернулись. Имя предателя заклеймило его школьную репутацію! Приблизились новые экзамены. Никто не хотѣлъ ему показать трудныхъ задачъ и объяснить темныхъ мѣстъ разныхъ предметовъ. Щебетковскій укрылся въ себя и выкинулъ небывалую штуку, которая открылась поздно только, впослѣдствіи, и безвредно для него. На послѣднемъ экзаменѣ отвѣчали по печатной программѣ, причемъ ученики вынимали только по жребію номеръ извѣстнаго билета программы. Всѣ поэтому подходили къ столу съ программой, брали номеръ билета, экзаменаторъ вносилъ номеръ въ особый списокъ для памяти, а ученикъ, пока предыдущіе отвѣчали, садился съ программой обдумывать отвѣтъ къ сторонѣ, на особый стулъ. Щебетковскій въ три ночи взялъ и написалъ между строками своихъ программъ мельчайшими буквами отвѣты на всѣ вопросы; смѣло потомъ выходилъ къ столу, смѣло вынималъ номера билетовъ, садился къ сторонѣ и въ три-четыре минуты схватывалъ на-лету вкратцѣ главныя статьи вписаннаго въ программу отвѣта. Онъ кончилъ курсъ и первымъ по поведенію, и первымъ по ученію. Имя Ивана Говорухи-Щебетковскаго внесено, сверхъ того, золотыми

буквами на мраморную доску училища. Онъ выпущенъ съ правомъ на чинъ девятаго класса. Двери лучшаго министерства открылись ему, и завидная репутація дѣльнаго, толковитаго и надежнаго малаго сопровождала его изъ тихой школы по гранитнымъ ступенямъ квартиры министра и оттуда въ канцелярію.

Здѣсь Щебетковскій явился въ новомъ свѣтѣ. Въ школѣ онъ твердилъ о своей бѣдности; здѣсь, на первыхъ же порахъ, намекнулъ, что отъ службы онъ ждетъ малаго, именно однихъ почестей, а что у него есть свое состояніе въ Малороссіи, гдѣ ждетъ его такое-то и такое наслѣдство отъ бабушки. Имя Малороссіи и бабушки-хуторянки, да еще генеральши, особенно обворожительно подѣйствовало на его ближайшаго начальника, директора департамента, который былъ также малороссъ, хотя изъ духовенства, имѣлъ плотный, жирный затылокъ, говорилъ въ носъ и былъ страшно скупъ. У директора было три дочки, застарѣлыя дѣвицы; поэтому онъ тотчасъ возымѣлъ виды на Щебетковскаго.— „Такъ у васъ, батенька, и хуторокъ есть, и бабушка богатенькая?“ — „Есть, ваше превосходительство!“ — „Ну, какъ-же тамъ? И ставокъ, и млинокъ, и вишневенькій садокъ?“ — „И ставокъ, ваше превосходительство, и млинокъ, и садокъ“... — „Эхъ, давно я не былъ въ Малороссіи! Славная, славная земелька! И имѣнія, я думаю, стали еще богаче!“ — „Какъ-же! Вотъ нашъ хуторъ прежде давалъ бабушкѣ всего тысячу, а теперь десять тысячъ дохода!“ — „Генеральское жалованье!“ замѣчалъ со вздохомъ директоръ департамента, потирая затылокъ. Щебетковскій тотчасъ сталъ вхожъ къ нему въ домъ. Директоръ освѣдомился въ его формулярѣ, и точно—тамъ стояло: имѣется объявленнаго наслѣдства отъ родной бабки, при хуторѣ Калиновый-Овражокъ, 22 души крестьянъ и 206 десятинъ земли. На службу Щебетковскій сталъ являться аккуратно, ранѣе прочихъ приходить, позднѣе всѣхъ уходить и еще брать кипы дѣлъ на домъ. Черезъ годъ онъ утвержденъ въ чинѣ девятаго класса; черезъ два полученъ новый чинъ, черезъ три еще новый. На Иванѣ Ильичѣ голландское бѣлье, лаковые сапоги, золотая цѣпочка и пальто съ бобромъ. Это, впрочемъ, остатки отъ жалованья. Онъ живетъ въ бѣдной комнаткѣ, на четвертомъ этажѣ. За то директоръ имъ не нахвалится и прочитъ его изъ столоначальниковъ въ начальники отдѣленія. „А что, какъ вы думаете, господа,—спрашиваетъ Щебетковскій своихъ подчиненныхъ, кривыхъ и хромыхъ писцовъ, сѣдовласыхъ старцевъ, знающихъ насквозь дѣла директора:—много нажилъ нашъ генералъ?“ — „Да тысяченокъ сто серебрецомъ есть!“ отвѣчаютъ тѣ, ухмыляя небритыя рожи. „Дѣльно!—думаетъ Щебетковскій:—пятьдесятъ тысячъ дастъ мнѣ, да еще въ добавокъ за дочкой дастъ казенную квартиру и вѣчное свое

покровительство.“ И вышелъ торгъ. Онъ довелъ до того старика, что тотъ первый проговорился съ петербургской наивностью. „А что, Иванъ Ильичъ, ты уже пять лѣтъ ѣшь мой хлѣбъ-соль и вхожъ въ мою семью; женись на моей Машѣ... я дамъ тебѣ хорошее обезпеченіе!“ Щебетковскій кинулся къ старику и поцѣловалъ его въ плечо и въ животъ. „Папенька, позвольте васъ такъ звать... я сирота... я давно влюбленъ въ вашу старшую дочь... Но, что-же вы дадите? Я не такъ богатъ, чтобы достойно ее содержать!“ — Директоръ оглянулся по комнатѣ. Они были одни. „Дамъ пятьдесятъ тысячъ цѣлковыхъ!“ —(„Вѣрно расчелъ! Не дурно!“ — подумалъ, мысленно улыбнувшись, Иванъ Ильичъ.) — „Покорно васъ благодарю; но мое положеніе по службѣ еще не довольно обезпечено!“ смиренно отвѣтилъ Иванъ Ильичъ. Директоръ уставилъ въ него глаза, черезъ очки, и улыбнулся. „Чего-же тебѣ нужно?“ — „Я желалъ бы быть начальникомъ отдѣленія, ваше превосходительство.“ — „Изволь, я объ этомъ давно думалъ, и создаю для тебя особое отдѣленіе!“ — И дѣйствительно, черезъ три года министръ утвердилъ штатъ новаго отдѣленія. Щебетковскій получилъ мѣсто начальника отдѣленія и новую квартиру изъ пяти комнатъ маленькихъ отдѣльныхъ квартиръ, откуда услужливый архитекторъ предварительно выгналъ четыре семьи бѣдныхъ писцовъ и инвалида министерскаго швейцара. Щебетковскій сталъ уже на ноги жениха и даже началъ оклеивать квартиру свою любимыми масаковыми, подъ бронзу, обоями, по вкусу директорской дочки, барышни вообще золотушной, съ подслѣповатыми глазами и съ широчайшимъ, всегда распухшимъ носомъ. Онъ уже имѣлъ чинъ статскаго совѣтника; сторожа по ошибкѣ звали его уже превосходительствомъ, а чиновники-товарищи видѣли въ немъ близкаго министерскаго временщика. Все передъ нимъ улыбалось, но въ душѣ трепетало. Онъ былъ вхожъ къ самому министру, и, признаться надо, самъ директоръ департамента, его нареченный тесть, потрухивалъ его вліянія на старика-министра и говорилъ въ шутку: „Смотри, Иванъ Ильичъ, ты уже очень тянешь; еще не обойди меня и самъ на мое мѣсто не сядь!“ — „Вотъ еще вздумали, ваше превосходительство; ходите-ка лучше съ червей (это было за обычнымъ преферансикомъ послѣ обѣда) — а то еще проиграетесь! Минетъ постъ, и мы сыграемъ свадьбу; отъ бабушки еще нѣтъ разрѣшенія! А кстати, говорятъ, къ пасхѣ наградъ не будетъ...“ Тѣмъ разговоръ, пока, и кончался. На страстной недѣлѣ нежданный ударъ поразилъ все министерство: заслуженный директоръ и негласно-нареченный тесть Щебетковскаго умеръ отъ удара. Щебетковскій—какъ отрѣзалъ: съ того же дня пересталъ бывать въ семьѣ покойника. Если онъ не получилъ пятидесяти тысячъ, за то остался съ ка-

зенной квартирой въ пять комнатъ и начальникомъ отдѣленія. Въ его головѣ уже зрѣлъ новый планъ: получить доходное мѣсто въ провинціи. Для этого онъ успѣлъ перейти въ томъ-же департаментѣ въ отдѣленіе распорядительное, откуда легко получались хлѣбныя мѣста въ губерніяхъ. Какъ явился изъ посторонняго министерства новый директоръ департамента, чиновникъ дотолѣ небывалый: на видъ лѣнивый и неаккуратный, явно смѣявшійся надъ формальностями, полный и румяный, съ круглымъ, здоровымъ лицомъ, опушеннымъ бакенбардами такой величины, что они напоминали разомъ и запретные усы, и недозволенную бороду, веселый, толстый хохотунъ, вѣжливый съ подчиненными, ровный и спокойный со старшими, и съ языкомъ, острымъ, какъ бритва; когда его круглое, мягкое тѣло, съ румяными щеками и чудовищными бакенами, вваливалось въ департаментскія комнаты,—повѣяло на всѣхъ чѣмъ-то неожиданнымъ. Все мигомъ ожило. Молодежь подняла головы и стала работать вдесятеро противъ прежняго. Старики и консерваторы надулись и стали шептаться. „Господа, что вы шепчетесь?—крикнулъ весело изъ присутствія новый директоръ:—можете говорить громко, если нечего дѣлать и хотите отдохнуть.“ Говорятъ, что въ комнатахъ, близкихъ съ присутственными, даже стали запросто курить у новаго директора. „Сигара работы не испортитъ,—говорилъ онъ:—лишь бы не подожгла бумаги; а голова свѣжѣе, и домой не тянетъ ранѣе“. Щебетковскій тотчасъ понялъ вѣяніе новаго духа и сталъ въ числѣ либераловъ и жаркихъ хвалителей новаго директора. Но онъ ошибся. Либо чутье уже у такихъ новыхъ начальниковъ тоньше само по себѣ, либо на него донесли, только нежданно, среди самыхъ очаровательныхъ его надеждъ, произошла такая сцена.

Былъ докладъ у министра. Старикъ-министръ, застегнутый на всѣ пуговицы и въ звѣздахъ, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, обложенный подушками, и слушалъ докладъ директоровъ и начальниковъ отдѣленій. Дошла очередь до Щебетковскаго. Звонкимъ, дипломатически-точнымъ голосомъ сталъ онъ читать проекты отношеній, смѣтъ, наградъ, поощреній, отвѣтовъ и выговоровъ, по своему вѣдомству. Новый директоръ, его начальникъ, сидѣлъ противъ него, рядомъ съ министромъ, съ которымъ очевидно былъ на короткой ногѣ любимаго и приближеннѣйшаго человѣка, и изрѣдка шептался съ нимъ, не спуская глазъ съ Щебетковскаго. „Хорошо, хорошо; на это все, я думаю, можно согласиться!“ перебивалъ онъ изрѣдка. Щебетковскій торжествовалъ. Окончa чтеніе, онъ уже принимался подвигать бумаги къ министру. Вдругъ его директоръ остановилъ.

— Позвольте...

— Что угодно вашему превосходительству!

— Скажите мнѣ откровенно, у васъ нѣтъ въ виду другаго мѣста службы?

— Какъ такъ-съ?

— Вы не можете себѣ сыскать другаго мѣста службы?

Щебетковскій обомлѣлъ.

— Я не понимаю вашего превосходительства... Чѣмъ я могъ васъ прогнѣвить?

Директоръ опять нагнулся къ уху министра и что-то ему шепнулъ.

— Я слышалъ, — началъ директоръ вслухъ: — что вы бросили свою невѣсту, дочь моего предшественника. Цѣною ея руки вы получили отъ него настоящую свою должность. Но это бы еще ничего. Вы раздумали. Да зачѣмъ же вы другихъ совращаете? Я имѣю вѣрныя данныя, что вы пускали въ ходъ подкупъ, чтобы получить мѣсто предсѣдателя палаты въ губерніи...

— Это клевета, ваше превосходительство!—залепеталъ Щебетковскій:—меня обнесли враги...

Произошла тяжелая, невыразимая сцена. Министръ, осторожный, какъ всѣ старики, принялъ по-виду сторону гонимаго. Щебетковскаго на время удалили отъ должности и причислили къ министерству сверхштатнымъ. Обстоятельства его еще могли бы поправиться, но неумолимая судьба подсѣкла его служебную карьеру окончательно. Онъ вздумалъ пойти съ своимъ бойкимъ врагомъ на хитрости, укротить его смиреніемъ, застегнулся съ низу до верху, взялъ портфель подъ мышку и пошелъ къ нему на квартиру.

— Что вамъ угодно?—спросилъ рѣзко директоръ, вставая ему на встрѣчу съ дивана, на которомъ онъ сидѣлъ въ одной рубашкѣ, среди кучи газетъ и журналовъ.

— Ваше превосходительство!

— Ну, что-же вамъ нужно? Говорите безъ околичностей!

— Помилуйте, что вы со мной сдѣлали?

— Ну?

— Помилуйте, вы погубили мою репутацію!

— Такъ что-же? Я не желаю служить съ людьми, подобными вамъ!

— Это бы еще ничего. Но вы изволили меня при министрѣ чуть не подлецомъ назвать, въ подкупѣ стали уличать...

— Что-же? Вамъ угодно стрѣляться? — замѣтилъ директоръ, потирая руки и косясь на свою волосатую, распахнутую грудь:— извините, что я васъ такъ принимаю! Но я сію минуту буду готовъ...

— Ваше превосходительство шутить изволите, не въ дуэли дѣло!

— Что же вамъ нужно отъ меня? Я васъ не понимаю...

— Я бы умолялъ, ваше превосходительство, снять съ меня этотъ позоръ касательно подкупа и дозволить мнѣ остаться служить... я вѣкъ стану Бога за васъ молить!

— Безчестный человѣкъ! — сказалъ на это почти вслухъ директоръ, вспыхнувши и смѣривши его глазами съ ногъ до головы: — извините, я не могу исполнить вашей просьбы! — прибавилъ онъ, подумавши и переведя духъ.

И, хлопнувши дверью, ушелъ во внутреннія комнаты.

Гроза пролетѣла надъ головой Щебетковскаго; но онъ скоро оправился. Двѣ недѣли министръ ожидалъ его отставки. Щебетковскій просто сказывался больнымъ и не ходилъ на службу, но появлялся вездѣ въ обществѣ.

— Что вы, Иванъ Ильичъ, бросаете службу?—спрашивали его.

— Да, на время. Я получилъ письмо о смерти бабки и ѣду домой, въ Малороссію, принять имѣніе и устроить дѣла. Да и здоровье улучшить немного.

— А позвольте узнать, какъ велико наслѣдство вамъ достается?

Щебетковскій лукаво улыбался.

— О! имѣніе небольшое, да мѣста за то дорогія! Извѣстно: Украйна — золотое дно, житница Россіи!

— Да, какъ бы не такъ!—думали знакомые:—знаемъ мы тебя! Я думаю, бабка-то милліонерша умерла, и ты изъ-за пустяковъ не бросилъ бы такой карьеры!

Одного боялся Иванъ Ильичъ, что грозный гонитель его, директоръ, разскажетъ въ департаментѣ и вездѣ его свиданіе съ нимъ и унизительную просьбу его о прощеніи и мировой. Онъ для этого даже пустился на тайныя развѣдки. Но вспыльчивый и прямодушный начальникъ его былъ по преимуществу лѣнтяй и давно забылъ о Щебетковскомъ. — „Хорошо же, — подумалъ Иванъ Ильичъ:—оно теперь вполнѣ кстати: бабушка умерла хотя не теперь, хотя уже семь мѣсяцевъ назадъ, но все-таки предлогъ не потерянъ. Я ѣду домой,—ѣду съ шикомъ. Одна льдина подломилась, перескочимъ на другую. Переждемъ времечко, годъ-другой, хотя бы и три года. Если тамъ не удастся, воротимся опять въ Петербургъ: чинъ мой откроетъ всегда и потомъ дорогу. А между тѣмъ тутъ все перемелется, мука будетъ. А родина моя—еще непочатой край...“

И такимъ образомъ Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій пустился на родину. — Гардеробъ его мгновенно увеличился значительнымъ запасомъ бѣлья и платья самой послѣдней моды и степеннаго достоинства. Англоманъ по привычкамъ и стремленіямъ и пе-

тербургскій нѣмецъ по аккуратности и расчетливости, онъ ѣхалъ безъ слуги. Здѣсь еще былъ расчетъ на лучшее укрытіе отъ посторонних развѣдокъ о своемъ прошломъ, для чего онъ еще и въ Петербургѣ постоянно мѣнялъ наемную прислугу. Чемоданъ, полный бѣлья и платья, и ящикъ, полный книгъ и комнатныхъ бездѣлушекъ, составляли его дорожную поклажу.

На желѣзной дорогѣ онъ явился аристократомъ по преимуществу, велъ себя степенно и съ выдержкой, куря на станціяхъ первѣйшія сигары и едва перегибая голову черезъ края длинныхъ и туго-накрахмаленныхъ воротничковъ. Съ сосѣдомъ по вагону онъ едва завелъ короткій разговоръ сперва по англійски, потомъ по-французски. Языки ему дались. Разговоръ вертѣлся о послѣднихъ новостяхъ заграничной политики и петербургской высшей администраціи. Сосѣдъ съ благоговѣніемъ подумалъ: „Вѣроятно дипломатъ!“

Въ Москвѣ Щебетковскій остановился въ самомъ темнѣйшемъ номерѣ темнѣйшей гостинницы, но въ срединѣ города, и тотчасъ сдѣлалъ нѣсколько посѣщеній. Онъ посѣтилъ семью одного извѣстнаго и всѣми уважаемаго славянофильскаго семейства, прокравшись туда черезъ какое-то посредство, и явилъ себя опальнымъ добровольнымъ изгнанникомъ Петербурга и поэтому бранителемъ сѣвернаго нерусскаго чиновничества. Тутъ же онъ, на многолюдномъ вечерѣ, въ кругу задушевнаго чайнаго присѣста, намекнулъ, что происходитъ отъ древней украинской фамиліи, служитъ единственнымъ представителемъ вымершаго гетманскаго рода, прогремѣвшаго въ исторіи послѣднихъ дней независимости Малороссіи, сказалъ, что ѣдетъ заниматься украинской стариной, предпринимаетъ строго-обдуманное путешествіе по ея степямъ и старозаимочнымъ историческимъ захолустьямъ.—Хозяева съ торжественнымъ почтеніемъ глядѣли на него, осыпая его прямодушными разспросами о любопытнѣйшихъ особенностяхъ его родины; а два маленькихъ студента, бывшіе на томъ вечерѣ и нарочно приглашенные заранѣе взглянуть на дорогаго гостя, ихъ земляка, выйдя съ вечера на улицу, далеко за полночь, бросились у воротъ другъ къ другу въ объятія и рѣшили, что это навѣрное эмиссаръ таинственнаго общества „Украинскій Разсвѣтъ“, о которомъ тогда ходили разнорѣчивые толки, и, придя домой, каждый написалъ на родномъ нарѣчіи стихи, впрочемъ жалкое подражаніе любимому народному поэту. — Иванъ Ильичъ на другой день посѣтилъ издателя одного московскаго журнала, которому тоже сказалъ, что бросилъ нѣмецкій городъ, что представляетъ послѣднюю отрасль извѣстнаго гетманскаго рода и ѣдетъ путешествовать и жить на югѣ. Старый журналистъ, услыша еще отъ лакея историческое имя Говорухи-Щебетковскаго, даже привскочилъ на стулѣ: такъ оно

подѣйствовало на него, среди его книжныхъ занятій. „А, гетманецъ, гетманецъ! милости просимъ! садитесь! Вы—потомокъ Павла Говорухи-Щебетченка, или Щебетковскаго, какъ его зовутъ впослѣдствіи?" —„Точно такъ!" — И разговоръ оживился.—„Вы богаты?" спросилъ неожиданно практическій журналистъ.—„Нѣтъ; у меня только маленькій хуторъ на Деснѣ". — „Не Калиновый ли Овражокъ?" — „Да-съ". — „Чѣмъ же вы будете жить? фабрику думаете открыть? это теперь въ модѣ!" — „Нѣтъ, я думаю изучать старину..." Журналистъ улыбнулся и болѣе ничего не говорилъ. Ему нечего было извлекать изъ личности гостя. Гость для него былъ романтикъ, и онъ его проводилъ одними напутствіями: „работайте: это—жизнь души и слава человѣчества!"—Иванъ Ильичъ остался недовольнымъ первымъ посѣщеніемъ журналиста. За то на именинномъ литературномъ вечерѣ у него, дней черезъ пять, онъ встрѣтилъ, вмѣсто литераторовъ, большое число людей практическихъ перваго свойства: баснословныхъ откупщиковъ, суконныхъ и ситцевыхъ фабрикантовъ громаднаго богатства и чайныхъ торговцевъ, монополистовъ отмѣннѣйшей сноровки, выдержки и гордости. Все это весело шутило, разсматривало древніе рисунки и книги и толковало о литературѣ и торговлѣ. Щебетковскій, котораго хозяинъ представилъ, сказавши: „Господа, забѣсованный украинецъ и добрый человѣкъ!"—подсѣлъ къ толкующимъ о торговлѣ и извлекъ много-много поучительнаго. Одинъ гость даже чуть было не сманилъ его въ одно денежное предпріятіе, толкуя все, что ему, какъ и его товарищамъ, нужны люди свѣтскіе, современные и горячіе. Предпріятіе обѣщало неслыханные барыши по одному дѣлу въ пограничной намъ странѣ въ Азіи. Но Щебетковскій вѣжливо уклонился подъ видомъ неопытности и подумалъ: „Нѣтъ, лучше попытаемся въ Малороссіи." За то въ одинъ вечеръ онъ до точности увидѣлъ бездну путей, которыми съ разныхъ концовъ двигались въ то время колоніи смѣлыхъ и ловкихъ бойцовъ, положившихъ себѣ завоевать обѣтованную страну богатства, какого-бы то ни было рода.—Наконецъ, Иванъ Ильичъ даже посѣтилъ въ Москвѣ одну заслуженную вельможную личность, жившую тогда въ тишинѣ; явился къ тому лицу, отрекомендовавшись просто: „статскій совѣтникъ Щебетковскій, проѣздомъ изъ Петербурга въ Малороссію!"—просидѣлъ у него часа два, польстилъ ему двумя-тремя словами, наглядѣлся на его львиную серебристую голову и отвислыя, старческія губы, благосклонно улыбавшіяся ему, и потомъ самъ не могъ рѣшить, зачѣмъ онъ туда заѣзжалъ.

Наконецъ, взято мѣсто въ каретѣ маль-постъ. Иванъ Ильичъ взглянулъ въ бумажникъ—издержано всего сорокъ пять цѣлковыхъ. Отлично; а между тѣмъ, многое увидѣно и еще болѣе услышано.

Карета покатилась по шоссе. На первой же станціи новое пальто спрятано и надѣто старое. Была весна. Прехорошенькая гувернантка ѣхала съ нимъ въ одномъ отдѣленіи кареты. Ихъ было только двое. Но, узнавши изъ книги ѣздоковъ, кто она такая, Щебетковскій не сдѣлалъ лишняго движенія во всю дорогу, не далъ воли ни языку, ни сердцу, чѣмъ бы непремѣнно воспользовался пылкій юноша его круга на его мѣстѣ. Гувернантка даже удивилась, даже обидѣлась и долго на послѣдней станціи, откуда уѣзжала въ сторону, оглядывала его съ холоднымъ презрѣніемъ съ ногъ до головы. А какіе вечера и ночи пролетѣли надъ ними. Воздухъ дышалъ почками березъ и липъ. Кони дружно несли громадную карету, и колеса глухо стучали по овлаженному шоссе. Вздыхала гувернантка, вздыхалъ и Щебетковскій. Болѣе и болѣе застилался для него туманомъ столичный міръ, Петербургъ, служебная дорога, отличія, шумная свѣтская жизнь, театры, повсюдный блескъ и движеніе, и надежды, надежды, разбитыя надежды на скорое достиженіе цѣли... Онъ припалъ къ мягкой стѣнкѣ кареты, и она скоро смочилась потокомъ быстрыхъ и обильныхъ слезъ его. Все мелькнуло разомъ въ его умѣ и угасло навсегда. Онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, подавляя рыданія. Сосѣдка не услышала ни одного его вздоха. Недавній позоръ прошибалъ его ознобомъ и дрожью.—„Нѣтъ, не воротиться мнѣ болѣе въ Петербургъ,—думалъ онъ:—этотъ человѣкъ не дастъ мнѣ нигдѣ потачки! А можетъ быть...“ И онъ думалъ, думалъ. Утромъ онъ сидѣлъ по прежнему спокойный и румяный и, съ позволенія сосѣдки, курилъ въ окно отличную сигару.

Шоссе смѣнилось обыкновенною большою дорогой. Послѣдняя свернула вправо. И вотъ, послѣ скучныхъ и избитыхъ, всѣмъ надоѣвшихъ картинъ почтовыхъ великорусскихъ путей, начались тихіе проселки лѣсной и холмистой, старосвѣтской Малороссіи, живописная глушь по Деснѣ и сѣверному Приднѣпровью.

Вотъ Глуховъ, вотъ Борзна, вотъ Батуринъ. Все имена славныя въ исторіи гетманщины. Еще два-три переѣзда, и близка родина Хмѣльницкаго и Полуботка, Чигиринъ и Черкассы, Суботово и Корсунъ, откуда вышло столько буйныхъ силъ и молодецкихъ дѣлъ, откуда летѣли драться Чернота и Небаба, Кривоносъ и Колода, Нечай и Морозенко. Вотъ дебри и скалы, запечатлѣнныя особою святостью послѣднихъ битвъ казачества съ поляками. Тутъ разносился голосъ Богдана: „За вѣру, молодцы, за вѣру!“ Здѣсь разбилъ онъ шляхту и взялъ богатый польскій лагерь съ тяжелыми рыдванами и панами, золочеными палатками и парчевыми постелями; а тамъ провозглашенъ онъ гетманомъ. Полупольская, полуукраинская лѣсная Малороссія еще красивѣе степной. Здѣсь—скалы и воды, лѣса

на кручахъ; тамъ—ровная гладь и гладь, безъ конца и разновидностей. Степь утомляетъ. А тутъ выдаются такія мѣста, что удивляешься: неужели это Малороссія, а не чистая Швейцарія?

— Неужели это уже Малороссія? — думалъ и Щебетковскій, въѣхавши въ границы своей родины, съ послѣднею повороткою отъ Брянска на Батуринъ и Козелецъ, когда въ его глазахъ мелкнулъ высокій, бѣлоскалистый берегъ Десны, и ежечасно въ сторонѣ отъ дороги виднѣлся ему то старый, полуразрушенный, каменный, длинный домъ, а кругомъ остатки рвовъ и насыпей, и сбоку вѣковая роща яворовъ, то надъ прибрежною высью бѣдная, старинной постройки, почернѣлая церковь и кругомъ камни убогихъ гробницъ съ прахомъ славныхъ дѣдовъ. У воротъ ветхой корчмы иногда встрѣчалъ его бѣлый каменный столбъ, а на немъ грубая насѣчка и надпись въ полупольскихъ, въ полуславянскихъ виршахъ. А невдалекѣ, подъ горою, лежало тихое, былое войсковое село. Но Иванъ Ильичъ, потомокъ одного изъ славныхъ гетмановъ, смотрѣлъ на все глазами чуждаго пришельца, и непонятны ему были эти живыя и бѣдныя письмена былыхъ судебъ его родины.

Онъ давно уже ѣхалъ на долгихъ, въ фургонѣ наемнаго жида, обязавшагося доставить на родной хуторъ его, мосциваго пана, не болѣе, какъ на третій день отъ мѣста выѣзда. Но третій день оказался шестымъ. Иванъ Ильичъ бранилъ жида, но внутренно не жалѣлъ о медленности ѣзды. На послѣднемъ перевалѣ выкормили лошадей особенно старательно и разспросили въ точности о дорогѣ. Щебетковскій уѣхалъ отъ покойной бабки по девятому году и потому рѣшительно почти не помнилъ вида хутора и его окрестностей.

Фургонъ долго ѣхалъ дубовымъ лѣсомъ, по берегу какой-то незавидной, второстепенной рѣченки. Встрѣтилась корчма и одинокій колодезь. Потомъ еще лѣсъ и крутая поворотка вправо, въ гору, по изрытому дождями боку широкаго провалья. Лошади еще пробѣжали верстъ двадцать полемъ, между всходами свѣжихъ хлѣбовъ. Свернули на новый проселокъ; его пересѣкъ другой. Поѣхали еще правѣе. Пошелъ мелкій игольчатый терновникъ, кое-гдѣ перерѣзанный долинками и полянами, заросшими огромными лопухами и колючими лапчатыми будяками, чуть не въ ростъ человѣка. По мычанію коровъ, крикамъ собакъ и пѣтуховъ (время клонилось къ вечеру) Щебетковскій догадался, что близко долженъ быть поселокъ. Въ сторонѣ, на холмѣ, онъ увидѣлъ три мельницы и рощу стараго ракитника. Онъ узналъ родной хуторъ. — „Э! постой, постой! держи лѣвѣе! должно быть тутъ!“ сказалъ онъ усталому возницѣ, неожиданно оживившись. Вскорѣ на окраинѣ поля показался рядъ дымо-

выхъ полосъ отъ трубъ, какъ рядъ лентъ, развѣянныхъ по тихому небу. Поселокъ былъ въ котловинѣ, за косогоромъ. Еще пробѣжали лошади, и зачернѣли верхи колодезныхъ журавлей, а тамъ выяснился и самый хуторъ, Калиновый-Овражокъ, по старинѣ, какъ былъ еще при прадѣдахъ Ивана Ильича, весь въ разсыпку по взгорью котловины, спадавшей къ Деснѣ, усѣвшись, какъ и куда попало: хата бокомъ, хата задомъ, хата угломъ и передомъ къ улицѣ, къ заборамъ, огородамъ и рѣчному, отвѣсному прибрежью. „Нѣтъ, отсюда не подъѣдешь! — сказалъ опять, еще болѣе вглядѣвшись въ окрестность, Щебетковскій: — держи назадъ и кругомъ, а я пойду прямо пѣшкомъ!“ — И онъ выскочилъ изъ фургона, а возница поплелся въ объѣздъ.

Завидѣвши крышу стараго длиннаго дома, Иванъ Ильичъ пошелъ прямо на него полемъ. Но не прошелъ онъ и полъ-версты, какъ дорогу ему загородили невиданной величины бурьяны, крапива, лопухи и всякая травная глушь такой величины, что онъ шелъ сперва, бодро продираясь сквозь нихъ, а потомъ окунулся въ странную, причудливую зелень, какъ въ лѣсъ, и потерялъ изъ виду хуторъ. Какъ сказочныя видѣнія, хватали его травы и кусты своими лапами, и онъ чуть не оставилъ на нихъ полы своего пальто и часовой цѣпочки. Опутанный ими, весь въ паутинѣ ихъ лиственныхъ паучковъ, вышелъ онъ наконецъ изъ ихъ прохладныхъ темныхъ впадинъ и опять увидѣлъ хуторъ и домъ надъ садомъ. Надо было еще перейти черезъ оврагъ. Не съ распростертыми объятіями, не съ хлѣбомъ и солью встрѣчало новаго наслѣдника тихое родовое пепелище. Онъ скорѣе бралъ его приступомъ; пробравшись сквозь бурьяны, онъ едва-едва спустился въ глубокій, сырой оврагъ и, цѣпляясь за кусты, взобрался на его другую сторону. Тутъ уже онъ былъ съ боку барскаго сада. Стоило только повернуть за уголъ двора, къ воротамъ.

Онъ подошелъ къ обвалившимся каменнымъ столбамъ широкихъ воротъ. Огромный пустынный дворъ, заросшій густою свѣжею травой, замыкался со всѣхъ сторонъ либо кирпичнымъ же ветхимъ заборомъ, либо полуразрушенными каменными службами. Какъ разъ противъ воротъ обрисовался огромный, въ два яруса, каменный домъ, со множествомъ деревянныхъ пристроекъ и надстроекъ, стекляныхъ крытыхъ переходовъ, трубъ съ желѣзными шапками и флюгерами и двумя рядами старыхъ, огромныхъ оконъ. Кирпичныя стѣны были изжелта зеленаго цвѣта, испятнанныя красными дождевыми проточинами съ крыши по бокамъ и обросшія кое-гдѣ мхомъ. Водосточныя трубы давно, очевидно, были засорены воробьями и ласточками, и въ нихъ на крышѣ обильно росли травы, а кое-гдѣ отъ случайно

занесенныхъ сѣмянъ—и цѣлыя деревца березокъ и кленовъ, наслѣдія толпы величественныхъ деревьевъ того же имени, застилавшихъ со стороны сада своими царственными вершинами остатки гетманскаго дома. На гребнѣ крыши сидѣлъ павлинъ. Близъ кухни на ходу остановился старый ручной журавль, обративши голову къ воротамъ, куда входилъ неожиданный имъ гость. А весь домъ, пристройки, крыльца, трубы и два ряда оконъ блестѣли, обливаемые потоками вечерняго солнца, заходившаго за косогоръ, за сквозными столбами старыхъ воротъ.

Щебетковскій остановился. „Вотъ замокъ во вкусѣ Вальтеръ-Скотта. Я, право не ожидалъ!“ — подумалъ онъ и не могъ ступить ни шагу, любуясь чудною картиною этого запустѣнія.

А на сѣромъ, дубовомъ крыльцѣ давно уже сидѣла, прислоня къ глазамъ ладонь отъ солнца и глядя на гостя, такая же сѣрая развалина, старая-престарая ключница Аграфена, былая фрейлина его бабки и послѣдняя подруга ея предсмертнаго одиночества. Она, да и не она одна, всѣ на хуторѣ и сосѣди ждали Ивана Ильича. Но они его ждали съ другою обстановкой—въ каретѣ шестерикомъ, съ лакеями, съ обозомъ и съ кухней, съ колоколами и бубенчиками, какъ ѣздили въ старину и какъ долженъ былъ ѣхать со службы изъ столицы молодой баринъ, чиновный и чуть не генералъ. Она не ожидала ни фургона жида, вскорѣ въѣхавшаго за нимъ во дворъ, ни его самого пѣшкомъ. Когда онъ пошелъ къ дому и она встала съ крыльца и пошла ему на встрѣчу, съ перваго же раза узнала она въ его чертахъ черты знакомыя, ликъ предковъ, черные глаза и черныя густыя брови, но съ минуту еще она смотрѣла на него, не рѣшаясь, за кого его признать, за пана, за сгонщика изъ города или за слугу-пана, и потомъ уже бросилась къ нему съ криками: „Панычъ, голубчикъ, соколикъ!“ цѣлуя ему руки и плечи.— „Такъ это ты, Аграфена?“—„Я, панычъ-голубчикъ, я! Да какой же вы большой стали, да красивый!“ — „А ты развѣ помнишь?“ — „Я васъ вотъ какимъ еще выносила. А мало развѣ ваши ножки тутъ выбѣгали, когда жили у бабушки?“—„Ну, Аграфена, показывай же домъ. Я думаю, все погнило, и мнѣ негдѣ будетъ и пріютиться!“

Аграфена хватилась за карманы; потомъ, ковыляя, кинулась въ кухонку, родъ маленькой пристройки у каменнаго флигеля, близъ сада, гдѣ былъ ея пріютъ и куда вела протоптанная въ густой травѣ дорожка. Тутъ было оживленнѣе. Площадка у кухоннаго крылечка была расчищена; куры ходили подъ окнами и рылись въ землѣ. Выплеснутая съ крыльца вода означала хлопотливость. Бѣленькая кошечка, умываясь лапкой на призбѣ, подъ окномъ, прямо говорила: „гости — гости!“ — Аграфена вбѣжала въ сѣни и скоро

оттуда вышла, гремя связкою ключей, а въ темнотѣ сѣней за нею мелькнули двѣ чьи-то головы и опять скрылись.

Жутко сжалось сердце Ивана Ильича, когда онъ вступилъ въ широкія и прохладныя сѣни нижняго яруса дома и пошелъ впереди Аграфены. Она разсказывала значеніе и исторію комнатъ, гдѣ смѣнилось столько поколѣній. Предокъ гетманъ не жилъ въ этомъ домѣ. На мѣстѣ каменнаго стоялъ прежде дубовый, съ частоколомъ и бойницами. Каменный построенъ уже позднѣе, его внукомъ, при Екатеринѣ. Здѣсь отпировало шумно богатое наслѣдіе храбраго гетмана. Вотъ нижній и верхній ярусы. Вотъ корридоры и лѣстницы. Залъ, съ круглыми зеркалами, въ рамахъ изъ бронзы и рѣзнаго дерева, съ точеными столиками на выгнутыхъ кривыхъ ножкахъ, съ тумбочками и люстрами, съ хорами, а на хорахъ пушечка и подставки для музыкантовъ. Гостинная съ огромнымъ диваномъ, опять съ зеркалами и старинными гравюрами, представлявшими сады и замки, горы и пастуховъ, воиновъ временъ Кромвеля и Костюшки, Ришелье и Колумба. Надъ диваномъ и по сторонамъ зеленыхъ изразцовыхъ печей — два ряда семейныхъ портретовъ въ позолоченныхъ почернѣлыхъ рамахъ.—Въ сумеркахъ ясно виденъ былъ на одномъ портретѣ толстый и чубатый гетманъ Говоруха-Щебетченко, въ красномъ жупанѣ, сѣдой и съ саблей на перевязи черезъ плечо. На другихъ—вельможная свита молодцоватыхъ потомковъ, въ мундирахъ и кафтанахъ, въ пудрѣ и эполетахъ, всякихъ видовъ и цвѣта. Полуистлѣвшіе ковры, буфеты, спальня вверху и спальня внизу съ штофными одѣялами и шкафами съ посудой. Въ верхней залѣ нѣсколько оконъ было растворено, по случаю отсутствія стеколъ. Звонкое восклицаніе раздалось при входѣ посѣтителей подъ потолкомъ. Щебетковскій взглянулъ: тамъ носилась влетѣвшая на просторѣ ласточка. Гнѣздо крылатой семьи лѣпилось въ самомъ верху, подъ зеркаломъ, и маленькіе желтоватые носики глядѣли оттуда. Иванъ Ильичъ еще прошелъ рядъ комнатъ, сошелъ опять внизъ, поднялся наверхъ и, минуя тѣ же комнаты, уже тонувшія въ потемкахъ, вышелъ изъ верхней гостинной на крыльцо, почти висѣвшее на воздухѣ. Запахъ цвѣтущихъ бѣлыхъ акацій охватилъ его, и чудный, старинный, заглохшій садъ, спадавшій къ Деснѣ темными, широко-вершинными уступами, какъ зелеными холмами, открылся передъ нимъ. Свѣжесть майской ночи неслась къ этимъ вершинамъ и устилала ихъ. Туманъ не заслонялъ вида за рѣкой,—и лѣса, и холмы боролись съ темнотой и послѣдними отблесками угасшей зари. На хуторѣ кое-гдѣ раздавался лай собакъ и крики ребятишекъ. А въ концѣ сада, внизу, тамъ, гдѣ столѣтнія вербы скрывали рѣку, плотину и мельницу, слегка отзываясь и какъ-будто ворча, засыпала, еще перелетывая

и тыкаясь носами въ вѣтвяхъ, громадная стая грачей, оснащавшихъ своими гнѣздами каждую верхушку. — „Просто Веверлей и Эме-Веръ!“ —думалъ про себя Иванъ Ильичъ, стоя на балконѣ: — „экія мѣста! Шотландія, да и только. И я почти герой романа. Недостаетъ только привидѣній и красавицъ!“ — Онъ стоялъ еще долго. Оглянулся — въ гостинной уже зажжены свѣчи, и на порогѣ стоятъ Аграфена и атаманъ, староста хутора.

— Ну, я вашъ панъ! — сказалъ Иванъ Ильичъ, садясь на диванъ и на-скоро освѣдомясь о состояніи имѣнія: —смотри же, чтобъ у васъ все шло въ порядкѣ; я вамъ не старая барыня.

Атаманъ все кланялся.

— Есть деньги въ экономіи?

— Какія у насъ деньги? Хлѣбъ не уродилъ, овцы падаютъ, а лѣсу никто не покупаетъ!

„Плохо же!“ —подумалъ Иванъ Ильичъ: — „хорошо, что захватилъ малую толику изъ Петербурга,—надо этою статьею заняться!“ и отпустилъ атамана, объявя, что завтра займется осмотромъ амбаровъ, гумна, скота и всего хозяйства.

Аграфена поставила на столъ кое-какую закуску и стала въ сторонѣ.

— Ну, какъ же тутъ вѣкъ коротаешь? Ты, кажется, и моею няней была?

— О, да и рада же, что я васъ дождалася! Скучно, совсѣмъ скучно безъ господъ. То еще при покойномъ старомъ баринѣ было весело и живо тутъ, слугъ пропасть было и гости наѣзжали; и при бабушкѣ вашей было ничего; все-таки хоть на кого покричитъ, выйдетъ на крыльцо, вся это въ бѣломъ и съ ключечкой такой, вишневой палкою; кого-нибудь тутъ же и прибьетъ, и меня по щекамъ била до старости. А то совсѣмъ скучно стало; точно вымерло все. Ни души иной разъ не видишь цѣлый день на дворѣ, пока не выйдешь на улицу.

— А мужъ у тебя есть?

— Былъ, Онисимъ Андреичъ, и еще какой мужъ, такого уже и не найдешь, хоть бы и хотѣла. Самъ пряжу прялъ, коровъ доилъ, за бабу шепталъ и дѣтей около роженицъ принималъ. Ну, сущая баба, только такой здоровенный, въ косовую сажень, а совсѣмъ кроткій, смирный. Даже серьги въ обоихъ ушахъ носилъ, по женскому. На немъ и все хозяйство лежало. А теперь плохо безъ него. Есть у меня и прислуга, по милости бабушки покойницы, и жалованье сто ассигнаціями при экономіи получаю, а все плохо безъ него.

— Такъ ты на жалованьи?...

— Какъ же, получаю, выдаютъ...

— Гмъ! сто рублей однако! — повторилъ Иванъ Ильичъ и сдѣлалъ гримасу.—Гдѣ же ты мнѣ спать постелешь? — прибавилъ онъ.

— Пожалуйте сюда, въ диванную. Тутъ уже все готово...

На старомъ сафьянномъ диванѣ постлана была свѣжая, бѣлая постель. Оба чемодана, съ бѣльемъ и платьемъ и съ книгами, стояли тутъ же, внесенные жидомъ-ямщикомъ, котораго уже разсчитали, и садовникомъ Селигонтомъ (онъ же кучеръ, лакей и писарь покойной бабушки)—пьяницею изъ пьяницъ и самаго мрачнаго вида и разговора человѣкомъ, почему его на первый разъ и скрыли отъ новаго барина.

Ивана Ильича раздѣла Аграфена. Зажегши дорожную стеариновую свѣчку и развернувши книжку какого-то новаго журнала, онъ легъ. Но тутъ же глаза сами собою закрылись, свѣчка едва была погашена, и онъ заснулъ непробуднымъ сномъ.

Аграфена, придя въ свою хатку, въ свой пріютъ въ боку кухоннаго флигеля, тотчасъ зажгла лампадку передъ множествомъ образовъ, украшенныхъ сухими травами, выкроенными изъ цвѣтной бумаги херувимами и голубями, слѣпленными изъ тѣста и повѣшенными на ниточкахъ. Вся комнатка скупой жительницы освѣтилась: ея окованный сундукъ со всякимъ хламомъ, келейно и въ долгіе годы натасканнымъ изъ такого же вздорнаго хлама барской кладовой, на полкахъ посуда, на окошкахъ занавѣсочки, на стѣнѣ уланскій киверъ и старое солдатское ружье. Какъ появленіе этихъ вещей трудно было объяснить у ключницы, такъ нелегко было объяснить и происхожденіе остальнаго ея богатства. Какъ жукъ, тащила она въ свое обиталище, въ огромный окованный сундукъ, все, что попадало подъ руку: кусочекъ сахару, мужской забытый цѣлыми поколѣніями въ кладовой суконный жилетъ, распоротый женскій плисовый лифъ, цвѣту масаковаго, сливнаго желе, кисти отъ какого-то полога, кучерскую шапку, кусокъ холста, проволоку съ головнаго убора прошлаго вѣка, засаленныя игральныя карты и прочее. Подъ самою кроватью у нея лежали кучи такого же свойства. Помолившись Богу, перечтя съ поклонами много молитвъ, Аграфена раздѣлась, надѣла, по случаю возврата барина, новую сорочку, легла и стала думать: „Хорошо, что панъ пріѣхалъ. Теперь я уже буду старше атамана. Про коваля Харька разскажу и про Ивана Смуху разскажу. А когда жалованье? Должно статься теперь скорѣе раздадутъ. Получу два цѣлковыхъ. Два, да шестьдесятъ три въ сундукѣ, въ холстѣ, шестьдесятъ пять...“ Она долго не спала.

II.

Первые дни на хуторѣ.

Проснулся Иванъ Ильичъ довольно поздно и потянулся сладко-сладко. Невыразимая прелесть и сладость разливались по его тѣлу. Закинувши руки на подушку и выбившись изъ-подъ одѣяла, онъ прислушивался. Ни одинъ звукъ не долеталъ до его слуха. Тишина въ домѣ, въ саду и кругомъ была полная. Одно солнце глядѣло привольными лучами въ комнату. Ощущеніе безусловной, торжественной свободы было первое. Мысль, что у него теперь нѣтъ ни начальства, ни департаментскихъ обязанностей, ни соперниковъ и враговъ по службѣ, что никто на него не смотритъ, никто шпіонскимъ ухомъ его не подслушиваетъ, что и пролежать онъ можетъ, сколько душѣ его угодно, просто его дѣтски восхищала. „Ахъ, ты, Господи, Господи!“ шепталъ онъ вслухъ и чувствовалъ, что все въ немъ ликовало. Въ растворенныя окна изъ сада несся еще болѣе сильный, чѣмъ съ вечера, запахъ акацій. Пожелтѣлая занавѣска на окнѣ колыхалась. Онъ обернулся, услыша какой-то шорохъ. Бѣлая кошечка Аграфены, не видя новаго гостя и вѣроятно взобравшись съ надворья на такую высоту по дереву, близъ балкона и потомъ по карнизу, просунула изъ-подъ занавѣски голову, съ живымъ воробьемъ въ зубахъ, и прыгнула въ комнату, пробираясь по коврамъ далѣе, давно знакомою тропинкой, вѣроятно къ новорожденной семьѣ, выведенной гдѣ-нибудь подъ развалинами дивана въ другихъ комнатахъ.

Иванъ Ильичъ крикнулъ. Никто не являлся. Онъ выглянулъ въ сосѣднюю комнату. У отчищенныхъ сапоговъ и приготовленнаго умыванья сидѣла въ креслахъ Аграфена и спала, сложа на груди руки. Онъ ее разбудилъ.

— А я васъ давно уже, давно ожидаю, да не хотѣла будить...

— И отлично сдѣлала, Аграфена; я славно выспался.

Утираясь полотенцемъ, какъ былъ въ одной рубахѣ, Иванъ Ильичъ вышелъ на балконъ. Вѣтерокъ обдалъ его новою свѣжестью. На крыльцѣ, высоко вознесшемся надъ садомъ, онъ очутился, какъ на верху колокольни: такъ оно было ловко прилѣплено желѣзными подпорами къ стѣнѣ и открывало чудные виды на садовыя вершины, окрестность за рѣкой и на избы разметаннаго по оврагу и его бокамъ хутора. „Попробуй-ка такъ выйти на крыльцо въ Петербургѣ,—подумалъ Иванъ Ильичъ:—сейчасъ будочникъ явится!“

— А это что такое? — спросилъ Щебетковскій, разглядѣвши по ту сторону за Десной, между картинкой холмовъ, кое-гдѣ пе-

ресѣченныхъ лѣсами и долинками, маленькій зеленый поселокъ, кучу вербъ, колодезь, бѣлую мазанку, сарайчикъ и десятка два ульевъ съ куренемъ въ оградѣ густаго садика, точно рисунокъ, вытканный на коврѣ или выведенный тонкою кисточкой на табакеркѣ: такъ онъ уютно рисовался по тотъ бокъ рѣки, освѣщенный солнцемъ, со стаей голубей, кружившихся надъ его вербами, въ самомъ небѣ.

Аграфена подперла рукою щеку и ступила ближе къ балясамъ.

— Это Антонъ Степанычъ Фабриціусъ.

— Кто?

— Фабриціусъ...

Щебетковскій обернулся съ удивленіемъ, слыша это римское имя, такъ отчетливо произносимое старухой, и опять спросилъ:

— Какъ Фабриціусъ? Откуда онъ и какъ попалъ сюда?

— А такъ и попалъ... пріятель вашей бабушки. Ихъ наша покойница очень любили. Все черезъ плотину, бывало, ходили къ барынѣ: перепелокъ имъ носилъ, почитать что-нибудь. Совсѣмъ смирный человѣкъ. Пчелы у него есть; землю въ наемъ отдаетъ. А то больше все у отца Аѳанасія, въ Мирномъ, проживаетъ. Ладанъ намъ носитъ, лѣкарства иной разъ, веретена дѣлаетъ, иконы пишетъ, шепчетъ...

Напившись чаю, Иванъ Ильичъ пошелъ въ садъ. Онъ его сразу узналъ и вспомнилъ, не смотря на его заглохшій и запущенный видъ. На мѣстѣ прежнихъ цвѣтниковъ и затѣйливыхъ площадокъ былъ густой сѣнокосъ. Рыбная сажалка подъ нижнею террассой представляла видъ зеленаго болота, поросшаго тростниками и осокой. Обвалившіеся кирпичные столбики, подножіе бывшихъ тутъ когда-то статуй, едва краснѣлись изъ травы. За то столѣтнія липовыя и кленовыя аллеи были еще гуще и темнѣе, вмѣстѣ съ глядѣвшими изъ кустовъ навѣсами хмѣлевыхъ и виноградныхъ бесѣдокъ. У поворота къ бывшимъ когда-то теплицамъ Иванъ Ильичъ простоялъ долго, будто что-то вспоминая. Здѣсь онъ въ дѣтствѣ, уѣзжая въ ученіе, выкопалъ черепкомъ ямку и похоронилъ въ ней свои бабки и оловяннаго солдата, какъ теперь помнилъ его, въ зеленой курткѣ, съ голубыми ногами и въ красномъ киверѣ. Мѣста этого нельзя уже было отыскать. Здѣсь росли яблони, не бывшія тогда. Пообѣдалъ Щебетковскій на-скоро. Въ дѣвичьей его ждали раскрытые сундуки и Аграфена съ ключами отъ кладовой. Остальную половину дня онъ ходилъ по комнатамъ, открывалъ и закрывалъ шкафы съ посудою, дверцы въ тумбахъ и стекла въ этажеркахъ. А сундуки въ дѣвичьей? Чего тутъ только не было! Старинные желтые,

зеленые, голубые и коричневые кафтаны; шелковыя женскія платья со шлейфами; шинели, камзолы, распоротые женскіе лифы, кроватные пологи и головные уборы; тутъ же кучами лежали запасенные бабушкою куски простыхъ и тонкихъ холстовъ, мотки нитокъ, одѣяла, бѣлье всякаго рода и ковры съ невиданными узорами. Ключница Аграфена считала долгомъ отдать отчетъ въ малѣйшихъ мелочахъ и сперва тащила изъ сосѣдней кладовой въ дѣвичью всякій хламъ, попавшій туда въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ и Богъ вѣсть черезъ чьи руки,—банки со всякими сушеньями, наволоки съ козьимъ пухомъ, два мужскихъ сѣдла чуть не временъ Шведовъ и Полтавскаго боя, кучерскіе армяки и шляпы временъ Екатерины, какіе-то казакины и куртки съ галунами, родъ охотничьихъ нарядовъ, ружья безъ курковъ, всякую посуду,—и наконецъ туда потащила самого хозяина. Иванъ Ильичъ въ темной и обширной кладовой отыскалъ прежде всего кадку съ медомъ, захватилъ ложку, сѣлъ близъ кадки и, уписывая любимый липецъ, сказалъ: „Ну, няня, то послѣ посмотримъ; а теперь давай къ этому хлѣба!“ Ревизія кладовой кончилась уничтоженіемъ связки сушеныхъ сладкихъ яблоковъ.

Щебетковскій вошелъ въ спальню бабушки и выдвинулъ ящики круглаго стола, подъ иконами. Въ одномъ изъ ящиковъ лежала пачка какихъ-то сѣмянъ, шерстяная женская перчатка и отбитый носикъ чайника, не считая множества лоскутьевъ, хранившихся тамъ. Въ другомъ—аспидная доска съ полузатертыми строками неровнаго дѣтскаго почерка. „Неужели это мое писаніе?“—подумалъ онъ и спросилъ: „Аграфена! Послѣ меня тутъ не учили никого изъ дѣтей?“—„Никого-съ; это ваша дощечка!“—Въ глубинѣ одного изъ ящиковъ бабушкина комода Щебетковскій замѣтилъ связку писемъ, обернутыхъ розовой ленточкой. „Тоже мои, изъ лицея!“ подумалъ онъ и бросилъ письма обратно въ ящикъ. Тутъ онъ увидѣлъ еще кучу исписанныхъ листковъ, взялъ одинъ, и рука его невольно дрогнула. То былъ почеркъ бабушки, черновое письмо о немъ, рекомендація внучка какому-то знакомому въ Петербургѣ. Онъ упалъ на диванъ и сталъ читать:

— „Милостивый Государь мой, господинъ Коллегенъ—Ассесоръ! Поручаю вамъ моего Ваничку! Это—розовое, милое дитя; чувствительной души его еще не коснулись раны свѣта. Онъ кругленькій, какъ украинскій коржикъ. Память непостижимая, притомъ ретивъ и благонравенъ. При рожденіи отъ бѣдной матери вынесъ корь, а недавно у меня чуть не умеръ, оборвавшись съ яблони. Дѣло было такъ. Вы мнѣ прислали Карамзина и Жильблаза. Я сѣла съ разборомъ почты, а онъ въ садъ, забѣжалъ въ самую глубину, къ моему уединенному эрмитажу изъ ясеней, и влѣзъ на яблоню. Слышу: вой

нянекъ; несутъ его едва живаго и въ крови. Насилу вылѣчили. Итакъ, онъ рѣзвъ. Сберегите моего внука. Внука! imaginez vous! А давно ли мы съ вами танцовали на балѣ у рейткнехта дюка де-Баскино? Годы летятъ и не ждутъ насъ. Вы уже въ чинахъ; слышу, тоже и женились. А помните-ли Греттицъ-фонъ-Грессенихъ и эту прекрасную фрейлейнъ Миранду, на вечерѣ у сержанта Гауровича? Увы! И я живу вдали отъ шума свѣта, въ уединеніи думъ и въ пустынѣ души, какъ говоритъ нашъ общій любимецъ Руссо, притомъ-же вы и я...“

На этомъ обрывалась страничка изъ жизни бабушки.

Долго Иванъ Ильичъ вертѣлъ въ рукахъ пожелтѣлый клочекъ письма. Многое толпилось ему на умъ; но никакого коллегенъ ассесора, пріятеля бабушки, онъ не могъ припомнить.

Вечерняя заря играла всѣми яркими переливами огней, освѣщая правую сторону сада, уголъ дома и конюшни, и обливая румянымъ свѣтомъ окна, полы, стулья и рѣзные подзеркальники, когда Щебетковскій сошелъ съ верхняго яруса дома, витою лѣстницею, въ нижнее жилье, въ старинную библіотеку. Окна ея также выходили въ садъ; по стѣнамъ шли шкафы, между окнами ситцевые диваны. Иванъ Ильичъ отперъ одинъ шкафъ, потомъ другой, осмотрѣлъ пыльныя полки съ книгами. Ото всего, отъ книгъ, полокъ, дивановъ и занавѣсокъ на окнахъ, несло затхлостью и гнилью. Онъ растворилъ окна, подставилъ къ верхней полкѣ легкую точеную лѣсенку, взялъ первую попавшуюся книгу, сдулъ съ ея краевъ пыль и сѣлъ въ кресло у окна. Это былъ переводъ какого-то стариннаго романа, прошлаго вѣка, съ длинными разговорами и сладкими героями. Отъ слежавшихся страницъ съ краснымъ стариннымъ обрѣзомъ и въ кожаномъ желтомъ переплетѣ повѣяло тою же затхлостью и гнилью. Иванъ Ильичъ потребовалъ варенья и воды, освѣжился, сталъ читать и задремалъ. Книга готова была выпасть изъ его рукъ...

Вдругъ, близъ него, скрипнула половица. Онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ, съ зеленымъ картузомъ въ рукѣ и улыбаясь, старичокъ лѣтъ шестидесяти, въ рыжеватомъ завитомъ парикѣ, на тоненькихъ ножкахъ, въ желтомъ нанковомъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ и жилетѣ и съ большою печаткою у часовъ. На первыхъ порахъ, Ивану Ильичу съ дремоты показалось, что сбѣжалъ по рѣзной лѣсенкѣ, изъ шкафа библіотеки, или выскочилъ изъ самой книги, развернутой у него на колѣняхъ, одинъ изъ героевъ забытаго людьми романа. Онъ заговорилъ; отъ его словъ такъ и повѣяло милордами Георгами, Правдинами, Грандисонами и мадамъ Ратклифъ, въ переводахъ.

— Имѣю высокое счастье рекомендовать себя вашему вниманію... Пріѣздъ вашъ въ сіи достолюбимыя мѣстности...

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Антонъ Степанычъ... Антонъ Степанычъ Фабриціусъ!

— Очень радъ-съ. Милости просимъ садиться.

— Ахъ, какъ я уже радъ, Иванъ Ильичъ, какъ я радъ, такъ и не описать! — говорилъ Антонъ Степанычъ, тряся хозяина за обѣ руки. Долго еще говорили новые знакомые другъ другу любезности. Антонъ Степанычъ, какъ взялъ Ивана Ильича за руки, такъ и не выпускалъ его изъ своихъ морщинистыхъ горячихъ рукъ, пока тотъ вѣжливо не высвободился самъ.

Ивану Ильичу было весело.

— Какъ это вы, дорогой Антонъ Степанычъ, вошли такъ, что я и не замѣтилъ?

— А не безпокойтесь. Всѣ входы и выходы въ здѣшнихъ палестинахъ мнѣ вполнѣ знакомы. Мой же собственный фольваркъ, такъ сказать уголъ мой, недалеко отсюда, за рѣкою, — и я каждодневно бывалъ здѣсь при покойной вашей бабушкѣ, потому что она была больна, а кольми паче еще и потому, что я ее любилъ-съ...

— Очень радъ, Антонъ Степанычъ, очень радъ. Садитесь. Милости просимъ. Будемъ почаще видѣться. Вѣдь я теперь вашъ новый сосѣдъ, помѣщикъ... Научите, какъ это все устроить тамъ, вводъ во владѣніе, явка суду о моемъ пріѣздѣ...

Антонъ Степанычъ крякнулъ.

— Гмъ! Это-съ легко-съ... А вы знаете завѣщаніе покойной бабушки?

— Какое завѣщаніе? Кому?

Ознобъ прошелъ по спинѣ Щебетковскаго.

— Велите подать свѣчи.

Подали свѣчку. Протянутыя вѣтви яблонь съ лапчатыми листьями кленовъ причудливо освѣтились снизу, утопая въ темнотѣ своими вершинами. Вѣтру не было. Пламя свѣчи стояло неподвижно, какъ статная хуторянская дѣвка съ тарелкой за столомъ строгой пани. Гдѣ-то подняли крики милліоны лягушекъ. Соловей отзывался. А изъ воздуха, пахнущаго почками цвѣтовъ, стали сыпаться на скатерть сотни мошекъ и коровокъ, сотни бабочекъ и букашекъ, золотистыхъ, серебристыхъ, зеленыхъ, огненныхъ и кисейныхъ. Антонъ Степанычъ что-то вынулъ изъ боковаго кармана сюртука. Это была бумага. Оглянувшись опять по сторонамъ и наставя носъ къ самой свѣчкѣ, онъ началъ:

— „Явно, доброхотно и самовольно завѣщаю все движимое и

недвижимое имѣніе мое, а именно: хуторъ предковъ покойнаго мужа моего, Калиновскій-Овражокъ, со крестьяне, землями, сѣнными угодьями, домомъ и мельницею, все въ домѣ и за домомъ, въ кладовыхъ и въ амбарахъ, земли 216 десятинъ и душъ 22, какъ единственное наслѣдіе преславнаго и превеликаго гетмана Павла Щебетковскаго, внуку моему, нынѣ служащему въ Петербургѣ, Ивану Ильичу Говорухѣ-Щебетковскому, коему тотъ гетманъ приходится пращуромъ, а ему внукъ мой единственнымъ потомкомъ. Сей пращуръ былъ славенъ, а еще болѣе богатъ. Половина Нижнебайрацкаго повѣта, всѣ земли и люди, были въ его рукахъ. Дальнѣйшіе потомки преславнаго рода обѣднѣли и прожились, но не теряли шляхетскаго гонору и силы. А посему, внукъ мой Иванъ Ильинъ сынъ“ (Иванъ Ильичъ, это вы!) „обязанъ свято чтить мою, завѣщательки, волю. Сирѣчь: обязанъ онъ, по всѣ дни, прежде всего памятовать, что его родъ есть родъ первостатейный, который онъ долженъ не умалять, а возвышать и гордиться имъ передо всѣми; каменный панскій домъ, яко-бы палацъ, отъ предковъ перешедшій, поддерживать; такожде хранить и холить при дворѣ садовое, огородное и цвѣточное ремесло, разводить лѣчебныя и красильныя травы. А для сего, послѣдь-сказаннаго, благословлять крестьянъ хуторскихъ свадьбы не иначе, какъ когда отцы жениха и невѣсты насадятъ въ своихъ огородахъ три или четыре и до пяти щепъ плодовыхъ и ягодныхъ. Долгу оставляю ему и говорю заплатить: попу, отцу Аѳанасію двѣсти рублей, да сосѣду моему и куму, Антону Степанову сыну, Фабриціусу сто...“

— Эти деньги, Иванъ Ильичъ, заплачены; не бойтесь!

— Очень радъ. Далѣе.

— А далѣе—молитвы-съ...

— Какія?

— О васъ...

Щебетковскій былъ тронутъ. Взявши бумагу, онъ ее поцѣловалъ.

— Разскажите мнѣ о бабушкѣ, что это за женщина была? Я мало ее помню.

— Чудная дама была. Долго разсказывать.

— А о предкахъ моихъ тоже знаете? Что это за прадѣдъ у меня, или пращуръ этотъ былъ, гетманъ? Говорила она про него?

— Какъ не говорить-съ! Все бывало о своемъ родѣ трубитъ. Такая уже гордянка была! Да и я кое-кого изъ такихъ стариковъ дворовыхъ тутъ засталъ. Пріѣхавши тогда, старину въ очію видѣлъ. Чудныя времена тогда были. Право, чудныя! У вашего пращура этого, да и у дѣдушки еще, своя музыка была, два хора пѣвчихъ. Турецкіе пироги подавались; изъ пушекъ на именинахъ палили.

Здѣсь больше въ старину съ польской шляхты примѣры брались. Попойки по недѣлямъ дѣлались. Первый основатель вашего рода былъ гетманъ Павелъ Говоруха-Щебетковскій. Былъ онъ точно славенъ и соорудилъ сей домъ на вышинѣ берега, такъ сказать, какъ орлиное гнѣздо. Портретъ его вамъ легко представить. Это прелюбопытно. Еще говорятъ о немъ, что онъ, то есть тѣнь его — ходитъ ночью по дому...

И долго за полночь бесѣдовали новые знакомцы. Пуншъ развязалъ окончательно языкъ и окрасилъ клюквой носъ старика. Иванъ Ильичъ слушалъ съ жадностію эту живую лѣтопись. Собрались уходить изъ сада. Посмѣялись надъ тѣмъ, что тѣнь прадѣда или пращура напугаетъ когда-нибудь новаго жильца въ домѣ.

Щебетковскій пробрался въ домъ, по лѣстницѣ прошелъ въ верхній этажъ, отворилъ дверь на балконъ и усѣлся, любуясь темнотою окрестностей. Долго онъ сидѣлъ. Слова старика не шли изъ его головы. Какая поэзія, какая канва для романа, эта исторія его дома! Тѣ же окрестности, та же Десна, тѣ же лѣса и горы; а какъ все измѣнилось! Фантазія дополняла то, что передавалъ старикъ-сосѣдъ, и мыслямъ Ивана Ильича не было конца...

— Да бывало, какъ соберутся другъ къ другу ваши предки, да сутокъ по пяти танцуютъ, не отдыхая! — говорилъ, между прочимъ, старикъ: — возьмутся этакъ за руки, да все парами, все парами, паръ въ пятьдесятъ, и пойдутъ кругомъ, по всѣмъ комнатамъ. А бабушка ваша помнила еще балы вашего родича, гетманскаго племянника, какъ тогда еще въ парикахъ и въ кружевахъ, да въ венецейскихъ бархатахъ ходили. Шпорами звенятъ, панночки каблуками пристукиваютъ, руками разводятъ и ножками пишутъ узоры. А мазурки выводили, такъ до восхода солнца все гремѣло и ломало полы...

Иванъ Ильичъ легъ спать. Комната, полу-освѣщенная мѣсяцемъ, опять рисовала ему прошлое. Въ открытую дверь балкона какъ будто заглядывала старина. Изъ темныхъ дверей залы слышался шорохъ, будто двигались тѣни. Глаза закрылись, сонъ охватилъ его — и зала расширилась, освѣтилась. Чудный полонезъ наполнилъ ее. Во снѣ, не во снѣ, — предки двинулись парами, все парами, идутъ кругомъ, звенятъ шпорами, стучатъ каблуками, покручиваютъ усы. Дамы волочатъ длинные шлейфы, мужчины идутъ рядомъ, любезничая съ ними и откинувъ за плечи шелковые, вышитые галунами рукава нарядныхъ кафтановъ. А Иванъ Ильичъ глядитъ и старается угадать ихъ лица: „какъ бы меня не замѣтили здѣсь на диванѣ; ишь, Антонъ Степанычъ и не предупредилъ. Это кто? Кажется гетманъ? нѣтъ, что я! это простой рейтаръ; какъ можно! сейчасъ видно: рыжій и сухопарый, какъ нѣмецъ! А вотъ гетманъ...“

И дѣйствительно, гетманъ шелъ, головою выше всей толпы. Вотъ онъ, сѣдоусый, съ огромнымъ брюхомъ, грузный и съ короткой шеей, толстый и тяжкій на подъемъ. На немъ зеленый шелковый кафтанъ и парчевая венгерка. Жилъ онъ буйно, ѣлъ до отвалу, пилъ сточертованную горѣлку съ перцемъ, билъ жидовъ и ляховъ, вѣшалъ плѣнныхъ, жегъ города и оставилъ пропасть золота и серебра своему наслѣднику.

А вотъ его наслѣдникъ, родной сынъ. Онъ идетъ и шепчется съ какою-то красавицей. Но какъ не похожъ онъ на своего отца. Это два разные вѣка. Онъ идетъ молодымъ и красивымъ блондиномъ, какъ былъ въ тѣ дни, когда явился впервые къ отцу на церемоніальное бритье усовъ и бороды, на двадцать первомъ году, въ длинной черной венгеркѣ, въ качествѣ ученика кіевскаго коллегіума, съ Гораціемъ подъ мышкой, говоря по-латыни и тщательно скрывая въ листахъ завѣтной книги кіевскіе сувениры, розы, ленточки и волоса. Онъ женился на панночкѣ изъ-за Случи. Цѣны богатствамъ своимъ онъ не зналъ, но объяснили ему это, по смерти отца, арендаторы, присланные тестемъ. Земли и воды пошли въ оборотъ. Настроились винокурни и мельницы, шинки и заѣзжіе дворы; настроились богатыя палаты въ хуторахъ его и въ дальнихъ городахъ, въ Кіевѣ, Глуховѣ и Черниговѣ. Но всю жизнь гетманскій сынъ, панъ Лонгинъ Говоруха, рвался изъ-за арендаторскихъ счетовъ и смѣтъ къ свѣтильнику музъ, затепленному въ тѣ дни, въ великой Руси, Ломоносовымъ и первымъ въ Москвѣ университетомъ. Онъ умеръ, заучивая стихи на взятіе Хотина и начавши тетрадь мемуаровъ о бывшихъ въ Питерѣ дворцовыхъ волненіяхъ. Тетрадь вскорѣ пошла на обертку свѣчей въ канделябры на балахъ сына.

За то вотъ сынъ. Какое румяное, полное, счастливое лицо! Вельможный юноша, наслѣдникъ милліоновъ, семнадцати лѣтъ онъ улетѣлъ въ Парижъ съ племянникомъ Разумовскаго. Отецъ не жалѣлъ на него ни золота, ни старинныхъ своихъ связей. Молодцоватый мотъ, панъ Никита Лонгиновичъ воротился изъ Парижа, бредя Фернейскимъ мудрецомъ и новѣйшимъ комфортомъ. Щеголь, съ женоподобнымъ лицомъ, явился онъ въ любимую резиденцію отца, на хуторъ Калиновый-Овражекъ, въ голубомъ шелковомъ кафтанѣ, съ брилліантовыми пуговицами, въ чулкахъ и въ пудрѣ, сталъ съ первыхъ же словъ звать стараго отца, печальнаго и угасавшаго пана Лонгина, „cher papa“ и пышно оживилъ и преобразилъ нравы своего хутора и цѣлаго своего околотка. Вмѣстѣ съ толками о Потемкинѣ и греческомъ проектѣ, въ домѣ пана Лонгина показались венеціанскіе обои, рѣзные шкафы и столы, слуги въ пудреныхъ парикахъ и свои оркестры музыки и пѣвчихъ. Панъ Лонгинъ

умеръ отъ удара, не дождавшись увидѣть сына женатымъ. А сынъ подхватилъ себѣ жену не изъ русскихъ. И это — знаменитая бабушка Ивана Ильича, девяносто-лѣтняя старушка, Вильгельмина Карловна, пріютившая, воспитавшая и спасшая его подъ конецъ послѣднимъ достояніемъ рода Щебетковскихъ...

Это было такъ. Не чаяла и не гадала молоденькая, румяная и свѣтлорусая шведка, фрейлейнъ Вильгельминхенъ, аристократка изъ окрестностей Выборга, какъ ея дядюшка, истопникъ скромнаго Гатчинскаго дворца, сказалъ ей и двумъ бѣлокурымъ дочкамъ своимъ: „Дѣти! Идите посмотрѣть на ученіе солдатъ на плацу. Ныньче любопытно". Дѣвушки нарядились въ бѣлыя платьица и чепцы и вышли на плацъ. А на плацу, усыпанномъ песочкомъ, шагалъ уже взадъ и впередъ, въ косѣ, треугольной шляпѣ и въ огромныхъ ботфортахъ, царственный сержантъ и креатура великаго короля Фрица, сердясь, крича и уча ружейнымъ пріемамъ роту своихъ любимыхъ пѣшихъ драбантовъ. Дѣвочки заглядѣлись и не видѣли, что одну изъ нихъ, болѣе бѣлокурую и румяную, намѣтилъ уже глазъ, вооруженный щегольскимъ, складнымъ лорнетомъ. Прошелъ мѣсяцъ, начались темныя сентябрьскія ночи. Въ одну изъ такихъ ночей у стѣны дворцовой пристройки разыгралась испанская серенада. Старый истопникъ спалъ, дочки его съ крикомъ кинулись подъ постели; а вынувши зимнюю раму, въ окно влѣзъ красивый, отчаянный щеголь изъ гвардейскихъ колоновожатыхъ и на руки закадычныхъ пріятелей спустилъ по лѣстницѣ трепетавшую отъ стыда любви и страху, похищенную имъ бабушку Ивана Ильича, Вильгельмину Карловну...

Быстро и въ чаду пролетѣли первые молодые дни, мѣсяцы и годы. Никита Лонгиновичъ увезъ свою жену въ украинскія села и хутора. Окруживъ ее утроеннымъ блескомъ и роскошью, съ дикой страстью предался онъ пиршествамъ и охотѣ, споилъ въ два-три года цѣлый околотокъ, — и вдругъ, послѣ ряда шумныхъ оргій дома и въ отъѣзжихъ поляхъ, неожиданно бросилъ свою жену, уѣхалъ торопливо въ Петербургъ, гдѣ между тѣмъ, также неожиданно, начались другія времена, поступилъ тамъ на службу, записавшись пугливо въ какую-то коллегію, сталъ посѣщать монастыри и церкви и уже болѣе не возвращался. Судьба его осталась загадочною. Впослѣдствіи долетали слухи, что за нимъ было открылись какіе-то заграничные грѣшки. Другіе говорили, что его сманили мистики, и онъ попалъ въ секту не то иллюминатовъ, не то массоновъ. Тщетно писала къ нему его жена. Черезъ два года ее извѣстили, что мужъ ея скончался, погребенъ съ почестями на такомъ-то кладбищѣ, — и вмѣстѣ сообщили ей длинный списокъ его долговъ. Продано два

большихъ имѣнія, потомъ еще два, потомъ еще три поменьше. Дома распроданы за деревнями. Пятнадцать лѣтъ сряду бѣдную женщину тревожили разные векселя и взысканія, капитанъ-исправники и магистраты. Кроткая и тихая, жаждущая семейнаго счастія, какъ иная историческая эпоха въ жизни народа, расплачивалась она, проливая позднія и никому ненужныя слезы, съ долгами эпохи предыдущей, эпохи безумной, грѣшной, сластолюбивой и буйно, безплодно-расточительной.

Сынъ ея — но говорить ли о немъ? Его судьба была судьбой обѣднѣвшаго украинскаго и обще-русскаго дворянства. Онъ служилъ по гражданской части, потерявши жену, умершую отъ родовъ, и поруча единственнаго сына своей матери. Служба ему не дала ничего, кромѣ безплодныхъ огорченій, обманутыхъ надеждъ и тысячи горькихъ разочарованій на широкомъ полѣ бюрократизма нашей отчизны. Онъ также скоро умеръ въ безвѣстномъ, грязномъ городишкѣ одной изъ западныхъ губерній, и никто не хотѣлъ вѣрить, идя за его гробомъ, что это—представитель одной изъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ украинскихъ фамилій.

Иванъ Ильичъ разоспался подъ чудными видѣніями, такъ что старая Аграфена утромъ сперва и ротъ ему отъ мухъ закрывала платкомъ, и будила его, и чайникъ ставила то съ самовара, то на самоваръ; наконецъ даже перепугалась и, придя на кухню, стала не въ шутку разсказывать, что баринъ спитъ, точно убитый, и какъ бы съ нимъ не сталось чего дурнаго. Ничего дурнаго съ бариномъ, впрочемъ, не сталось. Проснулся онъ бодрый и свѣжій, громко закричалъ: „Няня, душечка, давай чаю! давай умываться!" и сейчасъ послалъ за Фабриціусомъ, или, какъ люди его, кромѣ Аграфены, звали—Фабриціушомъ. Антонъ Степанычъ явился, опять улыбался, жалъ мягкими руками руки Ивана Ильича, вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ и ужиналъ.

— Что, не видѣли тѣни прадѣда?

— Не видѣлъ!

— Ну, и я говорилъ, что это пустяки! А сонъ какой видѣли?

— Пропасть!..

Прежде всего новые друзья занялись дѣлами. Составлена бумага съ явочнымъ прошеніемъ въ судъ. Совершенъ вводъ во владѣніе. Чиновники уѣхали, начался осмотръ и разборка хозяйственныхъ статей, что увеличить, что убавить и чѣмъ расширить доходы.

— А что, скажите, какъ, по здѣшнимъ цѣнамъ, стоитъ мое имѣніе, Антонъ Степанычъ?—спросилъ какъ-то Щебетковскій.

— Двѣсти шестнадцать десятинъ земли — двѣнадцать тысячъ,

да двадцать двѣ души крестьянъ мужскаго пола, положимъ, пять тысячъ; да постройки три тысячи, итого двадцать тысячъ. Не дурно!

— Какъ? серебромъ?—спросилъ Щебетковскій.

— О, нѣтъ! Гдѣ же! ассигнаціями!

Иванъ Ильичъ повѣсилъ носъ.

— Да вы что, Иванъ Ильичъ! Вѣдь это всетаки хорошо: до шести тысячъ цѣлковыхъ...

У Щебетковскаго прошелъ морозъ по спинѣ. „Да, хвали ты, старикашка-хуторянинъ!“—подумалъ онъ, горько улыбнувшись:—„а я могъ получить въ Петербургѣ мѣсто съ шестью тысячами цѣлковыхъ въ годъ дохода, когда бы не проклятая судьба моя!“

Съ задаткомъ сильной горечи въ тайникахъ души, Иванъ Ильичъ махнулъ рукой на свои печальныя деревенскія обстоятельства, досталъ шкатулку, пересчиталъ остальныя, вывезенныя изъ Петербурга деньги, увидѣлъ, что ихъ тамъ было еще свыше четырехъ-тысячъ-семисотъ рублей серебромъ, три съ половиною тысячи заложилъ на дно шкатулки, а остальныя взялъ на расходъ и, сказавши себѣ: „Э! будь, что будетъ, а я уже свое возьму!“ рѣшилъ горячо приняться за устройство хозяйства.

Ежедневно встрѣчаясь съ Антонъ Степанычемъ, онъ разспрашивалъ его о сосѣдяхъ, о предводителѣ, о сильныхъ, вліятельныхъ и богатыхъ сосѣдяхъ околотка, объ уѣздныхъ и губернскихъ партіяхъ, словомъ—обо всемъ. Разные проекты начинали созидаться въ головѣ Щебетковскаго. А старикъ, млѣя отъ восторговъ новой дружбы, держа за руки сосѣда и нѣжно заглядывая ему въ глаза, почти каждый разговоръ кончалъ словами:

— Вотъ вы, Иванъ Ильичъ, и пріѣхали, и пріѣхали! Да! Вотъ мы и устроимъ васъ, и женимъ! Да еще на какой! Служба васъ огорчила, разстроила! А наша хуторянка залѣчитъ всѣ ваши раны и заживитъ всѣ обиды! Такъ-то съ... Это уже будетъ наше дѣло, наше, стариковское! Подумайте-ка!

И Фабриціусъ лукаво улыбался.

„Что за чортъ! что онъ объ этомъ все толкуетъ!“ — подумалъ наконецъ Иванъ Ильичъ и рѣшился обстоятельно объ этомъ переговорить съ Антономъ Степанычемъ.

День былъ выбранъ.

Но прежде скажемъ, кто былъ Антонъ Степанычъ.

III.

Антонъ Степанычъ Фабриціусъ.

Антонъ Степанычъ Фабриціусъ въ молодости своей и задолго, разумѣется, до той поры, какъ онъ поселился въ собственномъ фольваркѣ и сталъ сосѣдомъ Щебетковскаго, нося дома зеленый халатъ, подпоясанный платкомъ, а въ гостяхъ желтую нанковую пару платья, — былъ лихой, бѣлокурый уланъ, игралъ на скрипкѣ, рисовалъ дамамъ узоры для шитья и танцовалъ котильонъ и мазурку. Какъ всѣ нѣмцы, онъ былъ романтикъ. Судьба, надѣля его неимовѣрнымъ задоромъ женитьбы, олицетворила въ немъ типъ старосвѣтскаго украинскаго жениха. Еще до сихъ поръ мѣстные жители, близъ Мелитополя и Орѣхова, помнятъ его щегольскіе усики и завитой бѣлокурый кокъ. День и ночь ѣздилъ онъ тогда, лѣтомъ и зимою. Сперва бралъ отпуски и командировки, а потомъ и въ отставку вышелъ для цѣли женитьбы. Былъ у него деньщикъ Сидоръ, онъ же и кучеръ. Ѣдучи въ чистенькой нетечанкѣ, на тройкѣ саврасыхъ меринковъ, въ тѣ блаженныя, молодыя времена, добродѣтельный нѣмецъ, онъ же и русскій уланъ, вступалъ съ нимъ въ разсужденья. „Ты куда это, Сидоръ, везешь меня теперь?“ — „Къ Чемерзовой!“ — „А что? развѣ у Чемерзовой тоже дочка есть?“ — „Есть, да еще и какая: бѣлая, полная и изъ себя краля!“ — „Ну, и приданое будетъ?“ — „Будетъ; я уже узнавалъ!“ — „И за меня пойдетъ?“ — „Пойдетъ!“

Въ другой разъ, задумавши сдѣлать коварный набѣгъ на какой-нибудь домъ несказанной зажиточности, бѣлокурый уланъ Фабриціусъ ѣхалъ туда и вдругъ замѣчалъ, что Сидоръ сворачиваетъ и беретъ другую дорогу. — „Ты куда это? ты не туда везешь!“ — „Стану я туда везти!“ — „А что?“ — „Нѣтъ уже, не повезу!“ — „Да что такое, говори!“ — „Барышня не подходящая: косая, сердитая и людей поѣдомъ ѣстъ!“ — Случалось наконецъ и такъ, что Фабриціусъ приказывалъ ѣхать къ вдовѣ Пепшеренской, что на Сибалкѣ живетъ, въ гороховатскомъ уѣздѣ. А Сидоръ на это свистѣлъ себѣ подъ носъ и возражалъ, что отъ полковницкаго повара онъ слышалъ, что эта вдова уже умерла. — „Умерла, такъ и умерла!“ говорилъ баринъ и въ особомъ спискѣ, который возилъ всегда съ собою въ карманѣ, отмѣчалъ: „Вдова Пепшеренская скончалась.“ Этотъ аккуратнѣйшій нѣмецкій списокъ дѣлился на четыре столбца и носилъ такой видъ:

Списокъ невѣстамъ Макарославской губерніи.

Имена.	Кто такова?	Наружный видъ.	Состоянія.
Эдокси Коржова.	Дѣвица.	Пріятна, но рыжа.	130 душъ крестьянъ.
Безворотная Настасья Парфентьевна.	Вдова Маіора . .	Красива	Имѣетъ капиталъ.
Машенька Ильина.	Дочь Судьи . . .	Прекраснаго роста, худощава . . .	Безпомѣстна, но отецъ загребистая лапа.
Историкова Пашенька.	Поповна	Съ припадкомъ .	Капиталу 15 тысячъ.
Катишь Вовтузенко	Анфанъ-дамуръ .	Въ веснушкахъ. .	Дадутъ хорошо.
Любочка Петржиковская. . . .	Помѣщица . . .	Шатенка	29 душъ и мельн.

Заботясь о дружескихъ отношеніяхъ къ знакомымъ и незнакомымъ, лихой уланъ одновременно съ этимъ завелъ еще списокъ всѣмъ именинамъ, днямъ рожденія и другимъ семейнымъ праздникамъ по сосѣдству своего полка и далѣе. Появленія его на эти праздники были до того точны, что иногда сами хозяева не знали, какой у нихъ день, а являлся Антонъ Степанычъ, хозяева переглядывались, и пирогъ подавался непремѣнно.

Поведеніе Фабриціуса въ домахъ невѣстъ было также очень любопытно. Едва его чистенькая нетечанка и тройка саврасыхъ коней показывались въ околицѣ деревни, чуткіе носы чуткой дворни уже знали, что ѣдетъ женихъ.—„Барышня, душечка, женихъ пріѣхалъ!“ говорили, вбѣгая въ попыхахъ, увѣсистыя горничныя. — Мать невѣсты возводила голосъ степеннѣе. — „Ну, машеръ, тебѣ слѣдуетъ теперь показать себя! Надѣнь ту шнуровку, что потуже; а то у тебя эти вещи вѣчно черезъ край смотрятъ! Косыночку набрось слегка, да смажься тоже еще тѣмъ, знаешь, что Парашенька дала!“ — Жениха встрѣчали радушно. Невѣста выходила къ столу, опустя глаза, и, едва шевеля блѣдными губами, тихо отвѣчала на поощрительные вопросы маменьки. Проходилъ день, другой. Женихъ являлся вторично. Все подвигало къ пріятному сближенію. Вотъ онъ уже гуляетъ съ невѣстою между вишнями. Лакеи и дѣвки толпятся въ корридорѣ и выглядываютъ на него, какъ на звѣря. Онъ уже улыбается и говоритъ громче прежняго. Вотъ онъ поселился во флигелѣ. Этимъ не стѣсняется ни та, ни другая сторона, а слуги ведутъ развѣдки изъ обоихъ лагерей. Сидоръ говоритъ: „хорошіе господа и барышня—мое почтеніе!“ Хозяйскіе слуги тоже лишній разъ бѣгаютъ въ шинокъ выпить, въ счетъ будущаго барина. И за-

живается, бывало, уланъ Фабриціусъ у добрыхъ хуторянъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ, до того, что иногда и въ хозяйство вмѣшается, и мужика лѣниваго подеретъ за чубъ, и ключника уличитъ въ лишней раздачѣ хлѣба, соблюдая интересы барыни и барышни. А иной разъ и заболѣетъ. „Это куда?“—спрашиваютъ, бывало, иногда хозяева, глядя изъ окна на одинъ извѣстный, продолговатый инструментъ, несомый для приличія во флигель подъ салфеткою, украдкою отъ постороннихъ взоровъ, по просьбѣ гостя. „Къ жениху, сударыня!“—отвѣчаютъ люди.—„Что-жъ тамъ такое?“ — „Да они тоже вчера обкушались за ужиномъ варениками и просили, чтобъ вамъ про то не говорить!“ И вотъ приходитъ пора. Сидоръ, стягивая съ барина носки и сапоги, озирается и говоритъ: „Теперь уже пора; дѣлайте предложеніе; они не откажутъ! Уже все переспросили: и какой вы добрый, и гдѣ у васъ дядя, и что имѣете, и все! Я уже кучу насказалъ! А барышня въ васъ вотъ какъ влюблены! Вчерась меня остановили въ саду и говорятъ:—„Сидоръ!“ А я говорю: „что, барышня?“ „Ахъ, говоритъ, Сидоръ, какъ бы пѣтушокъ да курочка, да жили бы мы до-купочки!“ — „Такъ-таки и сказала?“ — „Такъ-таки и сказала!“—„Гмъ!“ Фабриціусъ улыбается, гладитъ свой бѣлокурый хохолокъ, крутитъ усы, ходитъ по комнатѣ и на утро же дѣлаетъ предложеніе. Дѣвица, точно, оказывается не прочь. Но подаютъ ему экипажъ, ѣхать надо; глядь — а въ нетечанкѣ „гарбузъ“ (тыква), несомнѣнный знакъ отказа, по мѣстному обычаю... Что тутъ дѣлать?—„А вѣдь мнѣ, Сидоръ, отказали!“—говоритъ Антонъ Степанычъ, выѣзжая за деревню. — „Отказали!“ —отвѣчаетъ печально Сидоръ. Съ горяча Фабриціусъ хватаетъ тыкву, чтобы швырнуть ее о земь. Но послѣ одумывается. „Что пользы? Это все-таки ѣдятъ, и оно вкусно!“ И тыква на ближнемъ перевалѣ услаждаетъ его расчетливый желудокъ и огорченную душу. Проходилъ годъ, два. Разъѣзды не унимались. Не сновалъ такъ по своему участку какой-нибудь коронный засѣдатель, или капитанъ-исправникъ, какъ сновалъ въ былые годы этотъ смертный уланъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, гдѣ только пахло невѣстою. И его не обѣгали; напротивъ, даже рады были его пріѣзду. Бесѣда его нравилась, а лошади ѣли сѣно даровое, непокупное. И несмотря на то, что отказъ за отказомъ ложились на его судьбу, Фабриціусъ въ глазахъ знавшихъ его даже какъ будто не старѣлся и съ каждымъ годомъ приходилъ въ большій трепетъ, чуть заслышитъ иногда о новомъ обѣтованномъ уголкѣ, гдѣ зрѣли, въ тиши и пустынѣ, новыя невѣсты. Казалось, цѣль жениться стала его насущною потребностью. Скажутъ-ли при немъ, что женился такой-то шведскій или испанскій принцъ, или, положимъ, въ Америкѣ такая-то дочь банкира отъ любви отрави-

лась: онъ уже сейчасъ задумается, точно съ нимъ самимъ случилась эта исторія. И подъ конецъ до того втянулся онъ въ ремесло жениха, что ни о чемъ болѣе и не мыслилъ! Такова уже была сила воли и привычки нѣмецкой души, задумавшей себѣ какую-нибудь карьеру.

За этими, однако, сватовствами мелькнуло ровно тридцать лѣтъ. Въ провинціи и не то еще случается, такъ что и не спохватишься. Подошелъ одинъ разъ Фабриціусъ къ зеркалу, взглянулъ и ужаснулся: вмѣсто щеголеватаго, бѣлокураго кока, на головѣ былъ зародышъ широчайшей плѣши, а вмѣсто румяныхъ щекъ—какое-то подобіе печенаго яблока. „Нѣтъ, чортъ возьми!—подумалъ онъ:—надо торопиться; а то этакъ свистуномъ, пожалуй, и на всю жизнь останешься!“ Сказалъ и сталъ думать. Походный чемоданъ его давно потерся. Шкатулка съ бритвами, помадой, гребешками и духами тоже потерлась. И самъ онъ какъ будто полинялъ и потерся. Сидоръ, былой его деньщикъ, а теперь тоже отставной, какъ и онъ, гдѣ-то снялъ садъ и рыбную ловлю. Лошади перевелись. И не будь еще добрыхъ людей на свѣтѣ, то и самъ Фабриціусъ, отставной уланскій ротмистръ, послѣ службы въ бѣднѣйшихъ закоулкахъ, гдѣ-нибудь уже замерзъ бы или спился съ кругу.

Добрый человѣкъ нашелся. Это былъ магнатъ и въ то время предводитель дворянства того уѣзда, куда пріѣхалъ Щебетковскій, Акимъ Захарычъ Гончаренко, который въ самую критическую минуту жизни Фабриціуса, когда послѣдній уже жилъ въ какой-то конурѣ и голодалъ, снялъ откупъ по всей губерніи и далъ ходъ Фабриціусу. Антонъ Степанычъ явился къ нему въ одномъ старомъ, потертомъ сюртукѣ, убитый и отупѣлый отъ неудачъ и бѣдности, и принялся работать, какъ муравей. Копался, копался и самъ въ концѣ зашибъ копѣйку. Гончаренко нажилъ баснословныя сотни тысячъ и, не почивши на лаврахъ откупа, взялся за другія дѣла. А Фабриціусъ, уже пятидесятилѣтній старецъ, болѣе склонный къ покою, сказалъ себѣ: „баста!“ и превратился въ панка-хуторянина, какимъ его мы и нашли по сосѣдству Щебетковскаго. Въ службѣ его по откупу прошло около пятнадцати лѣтъ. Когда онъ очутился снова на покоѣ, въ маленькомъ, уютномъ фольваркѣ, то были годы, когда уже не сунешься свататься. Задоръ женитьбы канулъ у него вмѣстѣ съ лѣтами. Остались отъ нѣжнаго ремесла: одна тихая, безропотная наружность, сладкій взоръ, робкій голосъ и все еще изъ-подтишка лукаво-плутоватые помыслы, при видѣ всякой здоровой бабенки или прилично-состоятельной и молоденькой барышни. Поселившись на хуторѣ, онъ обзавелся пчелами, огородомъ, сталъ держать на арендѣ шинокъ, отдавать въ наемъ землю и отъ зари до зари ловить пе-

репеловъ на дудочку. Это было его любимое занятіе. Тутъ на волѣ разыгрывались его несбывшіяся романическія грезы о женитьбѣ. Списокъ невѣстъ онъ какъ-то нашелъ и разорвалъ его, хлопнувши себя по лысинѣ и залившись горькими-горькими слезами. А списокъ именинниковъ и именинницъ оставилъ у себя и, приспособя его къ новому сосѣдству, пополнилъ и расширилъ...

Снова, уже въ качествѣ степеннаго сосѣда, начались разъѣзды его изъ мирнаго фольварка. Фабриціусъ ѣздилъ уже, какъ свободный дворянинъ-помѣщикъ, хотя мелкопомѣстный и, какъ о немъ выражались, что онъ помѣщикъ, какъ за денежку пистолетъ. Въ дни выѣздовъ, занявши лошадку у сосѣдняго попа, онъ не хотѣлъ по прежнему явиться безъ пріятностей. Къ каждому сосѣду или сосѣдкѣ, въ гостинецъ, онъ привозилъ либо пѣтуха своего завода, либо банку варенья, зажитую у какой-нибудь пріятельницы-скопидомки, либо просвиру съ частичками—изъ ближняго монастыря. И простыхъ людей онъ не обходилъ. Сосѣдніе хуторяне-мужики его боготворили. Онъ имъ писалъ иконы, дѣлалъ веретена, красилъ ведра и давалъ совѣты о разныхъ домашнихъ лѣченіяхъ. Но вотъ бѣда: знакомые въ шутку, разъ навсегда, сохранили за нимъ имя „жениха“ и уже иначе его не звали. Нося парикъ, желтую нанковую пару и большую печатку у часовъ, въ торжественные дни онъ иногда надѣвалъ на шею бѣлый кисейный, густо накрахмаленный платокъ, высоко и чопорно, какъ жабо, подпиравшій его гладенькій, выбритый подбородокъ и худощавыя, мѣдно-красныя, морщинистыя щечки. Въ гостяхъ вообще онъ держалъ себя гордо, боясь насмѣшекъ и обижаясь при малѣйшемъ видѣ издѣвки надъ собою. Особенно высокомѣренъ онъ былъ съ дѣтьми, и гдѣ, бывало, соберется ихъ веселая гурьба, тамъ уже онъ ходитъ изъ угла въ уголъ, какъ надутый индѣйскій пѣтухъ.

Не оставляли его иногда насмѣшками и взрослые. Да и была тому причина. Всѣхъ поражало то, что гдѣ бы онъ ни былъ, въ своей нанковой парѣ (такой желтой, что въ ней онъ издали казался канарейкой)—эта пара была постоянно чиста, какъ съ иголочки. А между тѣмъ, онъ ее никому не отдавалъ мыть и жилъ въ гостяхъ иногда по мѣсяцамъ. Шалуны-молодежь стали наблюдать за нимъ и подсмотрѣли, что бѣднякъ... самъ мылъ свое бѣлье и платье! Если онъ загостится, бывало, гдѣ-нибудь долго, высмотритъ въ саду прудъ или рѣчку, шмыгнетъ туда, подъ вечеръ, или рано поутру, выберетъ кустикъ, раздѣнется до нага, осмотритъ платье, тутъ же, что надо, самъ заштопаетъ, вымоетъ все, карпетки, рубаху, штаны, и развѣситъ все платье сушиться по кустамъ, а самъ войдетъ въ воду. Сядетъ и станетъ дожидаться, плескаясь, посвистывая и кидая

въ воду камешки. Когда все высохнетъ, онъ выйдетъ, умоетъ съ мыломъ лицо и руки, выполощетъ ротъ, одѣнется и явится въ домъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Иная еще странность его состояла въ томъ, что для собакъ онъ за обѣдомъ всегда дѣлалъ изъ хлѣба катышки и клалъ ихъ въ карманъ; а послѣ обѣда ходитъ, бывало, по двору и раздаетъ ихъ собакамъ, приговаривая: „вотъ это, Налетай, тебѣ! о вотъ это, Брунька, или Шумило, тебѣ!" Собаки вездѣ знали его и, вертя хвостами, расхаживали за нимъ по двору. Еще любилъ онъ, въ гостяхъ ли или дома, когда въ комнатѣ, гдѣ онъ спитъ, поютъ сверчки. И если ихъ тамъ не было, то онъ самъ ловилъ ихъ и напускалъ. По цѣлымъ вечерамъ, бывало, особенно зимой, сидитъ на постели и слушаетъ ихъ, покачивая въ ладъ головою, и приговариваетъ: „мои дѣтки, мои кузнечики, пойте, пойте! кричите!" Хозяйствомъ его на хуторѣ завѣдывала „наймичка"—толстая и старая, кривая на одинъ глазъ, работница. Злая отъ природы и ругавшаяся съ утра до вечера, она ухаживала за Антономъ Степанычемъ, какъ за ребенкомъ. Доя корову, варя ему обѣдъ, обмывая и обшивая его, она служила ему всѣми силами; но тѣмъ не менѣе обкрадывала его и таскала въ свой сундучекъ всякую плохо залежавшуюся его вещицу. А Фабриціусъ, обезпеченный въ насущномъ, являясь изъ разъѣздовъ по гостямъ, сниметъ себѣ нанковый сюртукъ, надѣнетъ халатъ, подпояшется платочкомъ, надѣнетъ зеленый картузъ съ утинымъ длиннымъ козырькомъ, возьметъ перепелиную дудочку и сѣтку и пойдетъ бродить по гречихамъ, просамъ и овсянищамъ. „А куда это вы, Антонъ Степанычъ?"—спрашиваютъ его окружные помѣщики, разъѣзжая на бѣговыхъ дрожкахъ по своимъ полямъ и завидя его гдѣ-нибудь подъ кочкою, въ лощинкѣ, или по поясъ въ чорвонно-золотыхъ, сверкающихъ колосьяхъ пшеницы. „Куда вы идете?"—„Въ Петриковку-съ, Петриковку-съ!" — кричитъ Фабриціусъ, улыбаясь и раскланиваясь изъ пшеницы клеенчатымъ зеленымъ картузомъ. — „А оттуда куда?" — „Въ Путиловку!" И отмахиваетъ онъ такимъ образомъ верстъ по пятнадцати и болѣе въ сутки. По праздникамъ онъ и теперь ходитъ за пять верстъ, или ѣздитъ, когда за нимъ пришлетъ отецъ Афанасій, въ церковь села Ратушекъ, гдѣ помѣщикъ тридцатый годъ уже живетъ въ отлучкѣ за-границей. Тамъ онъ, хотя и лютеранинъ, у пріятеля-священника пьетъ чай, толкуетъ о грѣхахъ міра сего и о политикѣ, и незримо катятся его часы. Одного равнодушно не можетъ до сихъ поръ слышать Антонъ Степанычъ: это—рѣчи о чьемъ-нибудь сватовствѣ... Какъ старая почтовая лошадь, готовая ежечасно и непрошенно стать въ оглобли лихой кибитки, и какъ потерявшій въ болотахъ здоровье охотникъ, любовно на-

травливающій въ кабинетѣ молодыхъ щенковъ,—онъ донынѣ замираетъ и трепещетъ, чуть услышитъ о какомъ-нибудь любовномъ похожденіи. Но самъ онъ уже давно далекъ отъ мысли о семейномъ счастьи. Когда же именинниковъ не имѣется, а дудочка не манитъ уже въ поле, его занимаетъ ручной журавль, живущій у него въ саду...

Что за милый, степной журка!

Этотъ журавль, лѣтъ за пять назадъ, Богъ вѣсть кѣмъ подстрѣленный, упалъ у него на выгонѣ, близъ хутора Щебетковскаго, долго кричалъ и кидался, съ перебитымъ крыломъ, на обступившихъ его мальчишекъ съ Калинова-Овражка; но потомъ, взятый подъ покровъ Антономъ Степанычемъ, освоился, выздоровѣлъ и уже не покидалъ его гостепріимнаго фольварка. Зимою онъ жилъ на кухнѣ и въ сараѣ съ птицею, а лѣтомъ важно шагалъ по двору, клюя всякую всячину, воюя съ дворовою собакой. За то весною и осенью, когда по небу тянулись вереницами его свободные крылатые товарищи, онъ стоялъ на одной ногѣ, задумавшись, среди двора, иногда по цѣлымъ днямъ, съ холоднымъ отчаяніемъ закинувши къ верху свою голову съ черными, сверкающими глазами и печально отставивши перебитое крыло. Онъ стоялъ, стоялъ, и вдругъ начиналъ дѣлать неистовые, уморительные прыжки, силясь подняться на воздухъ... Но, исколесивши попусту весь дворъ и садъ, опускался гдѣ-нибудь на крышу сарая и важно сходилъ оттуда по лѣстницѣ, какъ бы раздумавши летѣть, и, принимаясь для развлеченія глупо долбить носомъ траву, снова отправлялся мѣрно шагать по двору и уже болѣе не слѣдилъ въ небѣ криковъ и полета своихъ крылатыхъ товарищей... Одинъ Фабриціусъ, подмѣтя гдѣ-нибудь изъ-за угла, горько усмѣхался, утиралъ рукавомъ слезы и говорилъ: „Нѣтъ, врешь, братъ ты, журка! Не полетишь; хоть бы и хотѣлось, не полетишь! У тебя крыльевъ нѣту! Вотъ — что! Крыльевъ нѣту, журавлище!..“

IV.

Прасковья Кондратьевна Джéнджеръ.

Этому-то человѣку одинъ разъ, какъ уже обжились между собою и вдоволь ознакомились, Щебетковскій предложилъ такой вопросъ:

— Скажите, въ самомъ дѣлѣ, Антонъ Степановичъ, есть у насъ въ околоткѣ хорошія невѣсты?

— То-есть, какъ хорошія?

И Фабриціусъ насторожилъ уши.

— Ну, просто хорошія: красивыя, богатыя, умныя, или, какъ тамъ еще говорятъ?—Вы же мнѣ совѣтовали жениться, помните, и выхвалялись быть сватомъ!

— Да, точно я, дѣйствительно, я совѣтовалъ...

Старикъ задумался.

Мѣсто, гдѣ случайно сосѣди встрѣтились, была извѣстная уже плотина, соединявшая ихъ усадьбы. Густыя вербы, отѣнявшія ее, потеряли счетъ годамъ. Съ одного конца ея, къ хутору Щебетковскаго, устроена была мельница. Тутъ, выбравши зеленое, прохладное затишье, особенно любилъ проводить время Фабриціусъ, иногда съ удочкой, а иногда и такъ, усѣвшись надъ темнымъ омутомъ и свѣсивши съ мельничнаго лежня на воздухъ ноги. Сосѣди и теперь помѣстились между рабочихъ, старыхъ, мшистыхъ колесъ — Иванъ Ильичъ въ модной бархатной полукофточкѣ, а Фабриціусъ въ неизмѣнномъ зеленомъ халатѣ и въ картузѣ съ утинымъ козырькомъ.

Трудно было выбрать болѣе укромное мѣстечко. Кругомъ торчали сквозящіе, влажные листья водныхъ порослей. Султаны и метелки старыхъ и новыхъ камышей махровымъ ободомъ огибали поверхность залива. Съ колесныхъ лопатокъ и со стѣнъ амбара звучно падали свѣтлыя капли воды. Между ветхихъ засововъ пробивались и кое-гдѣ, по доскамъ, шуршукали тѣ-же вороватыя струйки, просачиваясь изъ запертой, въ верхнемъ жолобѣ, рѣки, отъ мощнаго напора которой, по временамъ, сильно вздрагивалъ весь мельничный станъ, съ навѣсами и переходами, съ тяжелымъ, взброшеннымъ па воздухъ маховымъ колесомъ и съ цѣлою сѣтью свойственныхъ каждой незатѣйливой хуторянской мельницѣ колышковъ, тычинокъ, дощечекъ и жердочекъ. Въ этомъ напорѣ постепенно чудилась Антону Степанычу его собственная, невозвратно-мелькнувшая молодость, съ бубенчиками и съ тройками, съ переѣздами по всякимъ уголкамъ,—молодость, которая будто рвалась и просилась къ нему изъ какого-то затвора, изъ какого-то далекаго перехода. Такъ всегда грезится добрымъ, мечтательнымъ старикамъ! Казалось, обычная картина оживится. Отъ угла плотины покажется, весь перепачканный мукою, мильникъ; пройдетъ онъ извѣстными, протоптанными у всякой мельницы тропинками, отъ мосточка къ спуску и отъ спуска къ амбару, шагнетъ съ плотины на доску, перекинутую къ рабочимъ хотокàмъ, покопается въ верхнемъ жолобѣ, повернетъ таинственную рогульку и скроется въ нижнія амбарныя сѣни, причемъ только блеснетъ на солнцѣ его полная, широкая, усыпанная мукою лысина. Колесо медленно повернется, пуститъ изъ-подъ себя первую молочную струю, и пойдетъ бить въ шумной пѣнѣ сѣрыми, сверкающими лопатками.

Столбъ серебристой пыли, съ радугою на верхушкѣ, встанетъ надъ омутомъ. Двѣ-три лягушки съ азартомъ прыгнутъ съ берега изъ камышей. А со старой мельничной крыши взлетитъ и пойдетъ тихо кружиться въ небѣ огромная стая голубей, согнанныхъ далеко слышнымъ гуломъ и грохотомъ мельницы. Но мельница, какъ и молодость Антона Степаныча, на этотъ разъ молчала...

— Вы на то не смотрите,—началъ старикъ,—что я остался на всю жизнь холостякомъ, такъ сказать, свистуномъ-съ! Когда я былъ уланомъ и еще служилъ подъ Мелитополемъ, я не разъ даже пытался и увозить помѣщичьихъ дочекъ! И красавицъ, Боже мой, какихъ красавицъ! Бывали темныя ночи, шумѣлъ вѣтеръ; а мы съ Манвелловымъ, или съ Скрипицынымъ, съ товарищами, стоимъ, бывало, и ждемъ на тройкѣ. И какъ бы не перехватили насъ одинъ разъ, навѣрное бы увезъ и женился! Да не удалось! Потому что нѣтъ, скажу вамъ прямо, нѣтъ на свѣтѣ такого счастія, какъ имѣть добрую, вѣрную и, можно сказать, хорошую жену! Сказано въ писаніи, помните?—рече Господь: не добро быти человѣку едину, сотворимъ ему помощницу по нему... Ну, да что дѣлать! Эхъ-ма! Самъ-то я остался холостякомъ... Да-съ!

— Это все такъ, Антонъ Степанычъ; только вы на мой вопросъ прямо не отвѣчали. Я васъ спрашиваю: какія такія, въ самомъ дѣлѣ, есть у насъ въ околоткѣ хорошія и достаточныя невѣсты?

Старикъ сдвинулъ губы и преважно задумался. Онъ начиналъ входить въ свою колею. Былыя стремленія вновь зашевелились въ его головѣ.

— Хорошія и достаточныя? Извольте! Знаемъ мы такихъ, очень многихъ знаемъ! Напримѣръ... Да нѣтъ, вы прежде мнѣ скажите, въ шутку вы, или настоящимъ образомъ меня спрашиваете? Я объ этомъ шутить никакъ не могу: ни-ни! Уже это должно идти по порядку...

— Помилуйте, какія тутъ шутки! Ей-Богу, я говорю вамъ напрямикъ. Посватайте, я и женюсь!

Щебетковскій даже испугался. Съ такимъ рѣдкимъ спеціалистомъ по этой части, каковъ былъ его сосѣдъ, надо было все дѣлать въ народѣ и съ приличіемъ.

— Извольте! — сказалъ, подумавши, Фабриціусъ: — извольте! Сѣмененковы барышни есть! Тамъ ни отца, ни матери нѣту; понимаете? и все на возрастѣ уже! По семнадцати душъ приданаго будетъ и земли по полтораста десятинъ, удобной и неудобной!

— Фи, полноте! это неподходящія! По боку ихъ, по боку! Еще!

— Еще: Ковалевъ, Григорій Лукичъ; недалеко живетъ; у него

дочка есть и племянница. За дочкой сто десятинъ земли и винокурня, на Дядьчинѣ; очень выгодный кусокъ! А за племянницей еще, въ Почепѣ, есть домикъ порядочный, — она оттуда!

— Еще, еще, Антонъ Степанычъ! Это все мало...

— А еще: вдова-поручица въ уѣздѣ есть, молоденькая, да такая черноглазая и разухабистая; все офицеры за ней волочатся... Мухина тоже помѣщица за Ястребцами; у этой двѣ дочки и сынъ; за дочками побожилась отдать по хутору и лѣсъ. А то есть еще Чекменевъ, сахарный заводчикъ. У исправника тоже хорошенькая дочка, да чуть ли еще не институтка; славно играетъ на фортопьянахъ, что чудо,—только не много... какъ бы сказать? — какъ будто изъ себя худощава—ну, да онѣ всѣ, эти институтки, уже такія сухопарыя; грифеля да мѣлъ, говорятъ, со стѣнъ зубами грызутъ, для интересу!

— Нѣтъ, Антонъ Степанычъ, нѣтъ; и это все неподходящія. Вы уже поищите мнѣ такую, чтобъ въ носъ било: знаете, голубчикъ, капиталъ-ли, такъ капиталъ; души ли, такъ чтобы сотнями считались! Чтобъ не даромъ и дѣло начинать! Тогда и вы останетесь не въ накладѣ; я вамъ за труды прямо обѣщаю порядочный кушъ...

— Полноте, что вы! — сказалъ, краснѣя какъ ракъ, Фабриціусъ:—да я и такъ радъ. Что вы? Я и такъ очень радъ, по чести увѣряю!

Старикъ вздохнулъ и задумался.

— Да!! что же я? вотъ вамъ! — сказалъ онъ, спохватившись:— вотъ вамъ невѣсты, да и не одна, а нѣсколько, именно разомъ три! Дженджерька, Прасковья Кондратьевна, пани Дженджериха, какъ ее тутъ называютъ, съ дочерьми! Ну, да и курьёзная же эта дама,— ха-ха-ха! Право! стараго, знаете, такого покрою; чуть не въ серпянкѣ ходитъ и по-малороссійски говоритъ. Это чистая рѣдкость! Впрочемъ, она женщина вполнѣ добрая, семьянинка и любитъ очень своихъ дочекъ. Всего же у нея, прямо сказать, полная чаша! Только этимъ хохлацкимъ, грубымъ нравомъ домъ ея вамъ, пожалуй, не понравится.

— Оно, разумѣется, — сказалъ модный статскій совѣтникъ:—не хотѣлось бы себя продавать какой нибудь дегтярницѣ. Какъ-то морозъ по кожѣ подираетъ, какъ вспомнишь, какія бываютъ убоища, хоть и богатыя! А впрочемъ, Антонъ Степанычъ, скажите, сколько Прасковья Кондратьевна эта, или какъ ее тамъ вы зовете, Дженджериха, что-ли, даетъ за своими дочками приданаго?

— Да тысячъ по восемьдесятъ ассигнаціями дастъ за каждою. Накопила таки за свой вѣкъ! Ну, и за другимъ прочимъ не постоитъ!

Будутъ, разумѣется, и вороха перинъ и подушекъ—ха-ха-ха!—мотковъ и нитокъ, боченковъ меду и наливокъ, и сундуки со всякимъ добромъ, съ придаными рубашками и простынями, платьемъ и шубами; даже... пеленки для будущихъ дѣтей, внучатъ, говорятъ, наготовила! Вы уже не прогнѣвайтесь: такъ велось еще здѣсь въ старину, такъ у иныхъ и донынѣ ведется!

Щебетковскій внутренно улыбнулся.—Семъ-ка, съѣздимъ, изъ любопытства! — подумалъ онъ, а мысли говорили: — „Какое бы тамъ убоище ни было, а все-таки восемьдесятъ тысячъ чистогану, — поѣдешь въ Петербургъ и опять дѣла устроишь!"

И онъ тихо спросилъ, не поднимая головы:

— А гдѣ, Антонъ Степанычъ, живетъ эта помѣщица?

— Гдѣ живетъ?—Да верстахъ въ тридцати будетъ, и еще моя пріятельница!

— Ну, такъ знаете что? поѣдемте-ка къ этой помѣщицѣ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, и поѣдемте въ первый же свободный день! Черезъ недѣлю, напримѣръ! Согласны?

— Поѣдемте!

И пріятели ударили по рукамъ.

Черезъ недѣлю, какъ сказано, Щебетковскій и Фабриціусъ собрались и поѣхали. Старикъ, разумѣется, надѣлъ свою нанковую пару, а Щебетковскій употребилъ не мало средствъ для придачи своей наружности свѣтскаго и изящнаго вида. Тщательно выбрилъ смугло-матовыя щеки, подрумянилъ помадою губы, надушился. Наконецъ, изъ свѣжаго запаса петербургскаго платья надѣлъ самое модное и свѣжее и покатилъ.

Выѣхали новые пріятели въ превосходный вечеръ, когда съ Калиноваго-Овражка доносились звуки пѣсенъ, а деревенское стадо медленно шло по горѣ къ рѣкѣ.

— Скажите, Антонъ Степанычъ, какъ нажила свое состояніе пани Дженджериха?—спросилъ дорогою Говоруха-Щебетковскій:—и какъ ея настоящая фамилія?

— Дженджерь! А нажила она очень просто, какъ и всѣ мы, грѣшные люди: трудомъ и стараніями!

И Фабриціусъ сталъ по пути съ увлеченіемъ разсказывать ея исторію.

Щебетковскій соображалъ ее по своему...

Прасковья Кондратьевна Дженджерь была когда-то сирота и жила на хлѣбахъ. Потомъ вышла, на сороковомъ году, за-мужъ за вдовца-городничаго, овдовѣла и успѣла, послѣ смерти мужа, неусыпными заботами сколотить порядочный собственный капиталецъ. Теперь ей было лѣтъ уже подъ семьдесятъ. Лучшаго типа послѣдней, умирающей,

старосвѣтской украинской женщины-помѣщицы и хозяйки прошлаго вѣка трудно было найти. Она доживала дни, какъ исключеніе, какъ забытая мода, какъ снѣгъ, укрывшійся въ глубинѣ степной лѣсистой балки до жаркихъ дней апрѣля. Вся жизнь ея была рядъ хлопотъ о пріобрѣтеніи, хлопотъ безпорядочныхъ, урывками, обо всемъ, отъ земледѣлія, дававшаго ей крупные барыши, до полученія кровныхъ пятаковъ съ послѣдней свиньи, двадцати грядокъ огорода и грубаго вязанья или шитья полудюжины или дюжины, работавшихъ отъ зари до зари, до отупѣнія мозга и ослѣпленія глазъ, несчастныхъ горничныхъ дѣвчонокъ. Кормъ и содержаніе послѣднихъ всегда, въ годичномъ итогѣ, превышали доходъ съ производимаго ими шитья и вязанья кружевъ. Хлопоты о доходахъ не имѣли ни особой цѣли, ни причины. Все давно уже было у нея полной чашей. Но заботы не прекращались. Каждый шинкарь, каждый сгонщикъ скота и барановъ, каждый промышленникъ въ засаленной дубленкѣ былъ ея почетнѣйшимъ гостемъ. „Ахъ, бѣдная, какъ она трудится!“ говорили о ней сосѣди: „это все для дочерей! Вотъ истинная мать!“ — Такъ и она любила говорить о себѣ и такъ думала сама. Но нѣтъ! Эта жажда, эта скорѣе жадность пріобрѣтенія, уничтожавшая въ ней подъ-часъ подобіе женщины, коренилась въ другомъ и имѣла другія причины. Безъ этихъ хлопотъ она просто не могла бы жить. Умирай ея всѣ дочки или выдай она ихъ неожиданно всѣхъ за князей, она все-таки не угомонилась бы—и также бы водилась со сгонщиками и шинкарями, грубо божилась бы, надувая купца при продажѣ хлѣба и всякой рухляди, и сама, умирая, думала бы объ одномъ: „Ахъ, прахъ ихъ побери! Вѣдь пшеница подоспѣла... Чего добраго, эти дуры еще пропустятъ, и она осыпется!“—Дѣятельность и бойкость ея по хозяйству доходили до изумительныхъ размѣровъ. Но она любила пощеголять и своей любовью къ дочкамъ...

Одна дочка ея когда-то была пристроена за-мужемъ; но умерла отъ родовъ, вскорѣ послѣ брака. Три другія оставались дѣвами. Средняя, двадцати семи лѣтъ, была нѣженкою и любимицею Прасковьи Кондратьевы. „Боже-жъ мой, милый Господи!“—говорила она часто двумъ-тремъ смиреннымъ посѣтительницамъ изъ мелкопомѣстныхъ, со свойственнымъ ей, какимъ-то неистово-лихорадочнымъ увлеченіемъ, причемъ грубыя, морщинистыя руки ея, охорашивая ленты чепца или платье на застарѣвшей дочкѣ, дрожали, а старое, загорѣлое лицо, особенно ротъ, поводились конвульсіями: „Что это за дочка у меня была! И какая бѣлая была! Такая бѣлая, такая бѣлая! Да одинъ лѣкарь ее чѣмъ-то намазалъ, шельма, анаѳемская душа,— такъ съ тѣхъ поръ она, какъ почернѣла, какъ почернѣла, да и до сихъ поръ почернѣла!“ И конвульсивное движеніе перебѣгало по

всему лицу ея, заставляя трястись и качаться оборки огромнаго, старомоднаго чепца въ видѣ пернатаго сказочнаго шлема. Эту же дочку, впрочемъ, и теперь еще она колотила собственными руками не менѣе разу въ полгода.

Собственно такъ называемое любимое хозяйство Прасковьи Кондратьевны, сохраняя слѣды стариннаго украинскаго домоводства, состояло изъ исполинскихъ скоповъ масла, молока и варенья, меда и холстовъ. Холсты, впрочемъ, самаго грубаго, допотопнаго свойства, шли въ продажу оптомъ, или мѣнялись, для приданаго дочерямъ, на болѣе хорошіе холсты. Но она чутко понимала и новое дѣло въ хозяйствѣ. Похоронивъ своего мужа, который вообще былъ просто колпакъ, она купила лѣсу и тотчасъ устроила рубку дровъ. Продала ихъ тысячъ на тридцать ассигнаціями; потомъ стала устраивать овечій заводъ. Въ пять лѣтъ у нея по полямъ ходило уже тонкорунное стадо въ тысячу головъ. Не забывалось и хлѣбопашество. Прикупая мало-по-малу земли, она жила безвыѣздно на своемъ хуторѣ и отнюдь не представляла брюзгливой, сварливой, разслабленной и плаксиво-скупой или падкой на одно ханжество старушенки. Напротивъ, это была въ полномъ смыслѣ слова „женщина-гренадеръ“, вершковъ въ десять росту, увѣрявшая съ молоду, что если бы она была не женщина, то въ полкъ бы пошла служить и до генераловъ бы дослужилась. Вся она хранила отпечатокъ неслыханной бойкости и смѣлости. Напримѣръ, говорятъ, ни съ того, ни съ сего какъ-то представилось ей, что подати беретъ не казна, а сами чиновники, и она положила не давать денегъ по рекрутскимъ участкамъ. Пріѣхалъ чиновникъ. „Не дамъ денегъ!“ — Тотъ вспылилъ. Она на него. Онъ говоритъ:—„Отчего вы не платите?“—Она ему: „А ты, шельма, сорви-голова, прежде давай росписку!“ — „Вы надуете! Росписки не будетъ!“—„А?! Когда такъ, такъ ты обманщикъ? Дѣвки! бабы! сюда!“ Пятнадцать бабъ въ это время подобострастно трепали во дворѣ ея ленъ. Она гаркнула: „розогъ!“ Розги принесли; чиновникъ было бѣжать, но его разложили, по ея командѣ, и высѣкли, какъ нельзя лучше. „Чтобъ не обижалъ дамскаго полу, чтобъ сиротъ не трогалъ!“—причитывала она. И что же? Чиновникъ уѣхалъ, какъ встрепанный, и даже не жаловался. И въ самомъ дѣлѣ, какъ пожаловаться! Носила она, правда, чепчикъ; но за то носила и сапоги. Сверхъ юбки изъ простой, темной фланели, въ будни она по плечамъ и поясу перевязывалась на-крестъ какимъ-то вѣчнымъ кашемировымъ платкомъ. И тогда казалось, что она облачалась въ кольчугу и прочіе доспѣхи. Смѣялась она громко. Въ жару, на работѣ, потъ съ лица утирала прямо концемъ подола. На сѣнокосахъ и во время жатвы хлѣба, равно какъ и при огородномъ или строи-

тельномъ дѣлѣ, Прасковья Кондратьевна стояла, какъ вѣрнѣйшій прикащикъ, на часахъ, не умолкая тарантѣть по-малороссійски всякіе выговоры и во всеуслышаніе умывать головы неисправныхъ вассаловъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ тутъ же, снявъ предварительно съ руки вязаную нитяную перчатку, она при всѣхъ трепала за чубъ, приговаривая: „А вотъ, когда я тебѣ, Митро̀, совѣтовала огородъ загородить, такъ ты и не послушался; а теперь у тебя свиньи поѣли разсаду, и не изъ-чего будетъ твоей женѣ борщу сварить!“ Вспудренный Митро̀, малый въ косовую сажень ростомъ, на это только встряхивалъ волосами, смиренно цѣловалъ ручку у Прасковьи Кондратьевны и снова становился къ своему дѣлу. По сорнымъ ли залежамъ, по камышамъ ли, или по лѣсу предстоялъ ей путь, она не задумывалась, приподнимала юбку и съ черешневою длинною палкою, всегдашнею сопутницей, шла, разбивая межи и борозды будущихъ пахатей и покосовъ. На гумнѣ иногда столбомъ стояла пыль отъ вѣянья проса или пшеницы. Волы, вывозя, по близости ея, мякину, чихали и мотали мордами; а она неколебимо высилась въ своемъ чепцѣ, среди шума и пыли, какъ ни въ чемъ не бывало, и возвращалась домой съ цѣлыми пуками колосьевъ въ волосахъ и платьѣ, что предоставляла обирать своимъ дочкамъ. Какъ истинная старосвѣтская, степная помѣщица, она была хозяйкой и въ полѣ, и дома. Крылечко ея было за солнцемъ. На немъ постоянно сохли на веревкахъ цвѣты и лѣчебныя травы: ромашка, шалфей, бузина, мята, заря, деревей и звѣробой. Въ сѣняхъ висѣли кулечки, мѣшочки и корзиночки, полныя всякаго добра. Что-же, значитъ, была самая кладовая? Туда хоть и не заглядывай! Извѣстно только, что оттуда, на угощенье гостямъ и на продовольствіе хозяйки, выходили такія горы луку, грибовъ, маку, меду, яицъ, варенья, всякихъ сушеній и соленій, что можно было, кажется, ими прокормить цѣлую армію! Иногда видѣли, какъ она въ полѣ сидѣла близъ рабочихъ, на землѣ, воткнувъ передъ собою огромный синій зонтикъ, и вязала подъ нимъ чулокъ, а тутъ-же, близъ нея, розгами наказывали какую-нибудь ослушницу, не пришедшую во-время полоть хлѣбъ или поливать бакши. И она на пискъ бабы приговаривала: „Такъ тебѣ и надо; я и чиновниковъ за лукавство сѣкла! А тебя и подавно!“

Чубы съ весны рано начинали трещать у ея мужиковъ. За то ранѣе другихъ у нея начинались и покосы, и уборка хлѣбовъ. Съ осени домъ ея не переставалъ принимать купцовъ и окрестныхъ торгашей. Одному она продавала медъ и воскобойни, другому пшено, третьему ленъ, четвертому овецъ и лошадей изъ маленькаго собственнаго конскаго завода, куда сама она выбрала и отличнаго заводскаго жеребца. Купцы у нея пили чай въ дѣвичьей: сама она съ

ними хоть и якшалась, но говорила: „То—купецъ; а я, какая-бы ни была, а всетаки дворянка!“

Освобождаясь иногда отъ работъ, что впрочемъ было рѣдко, она предавалась нѣгѣ домашняго очага, то-есть, въ это время какъ-то сладко и мечтательно распускалась, точно таяла. Тогда она, неожиданно и по долгимъ часамъ, задумывалась, глядя неопредѣлительно на шкафъ или на вышитую подушечку подъ ногами, порывисто вздыхала и, вся расчувствовавшись и раскраснѣвшись, какъ послѣ жаркой бани, вдругъ начинала истерически рыдать... Дочки, сидя тутъ-же въ комнатѣ и никакъ не ожидая такого припадка отъ маменьки, вскакивали и, сердясь, говорили: „Что это, право, маменька; дожили до сѣдыхъ волосъ, а тоже нѣжничаете!“ Но о чемъ носилась мыслями въ это время пани Дженджериха, оставалось для всѣхъ тайною. „Глупыя вы дочки!“—говорила она только на это, успокоившись и утирая ротъ:—„поживете съ мое, тоже узнаете, что такое слезы! А теперь, Господа благодаря, по правдѣ сказать,—всего у насъ вдоволь!“ Она отправлялась спать въ маленькую комнатку съ огромною двуспальною периной, предметомъ особенныхъ попеченій ея съ отдаленнаго брачнаго времени. Дочки относили, и не безъ основанія, чувствительность маменьки къ воспоминанію о какомъ-нибудь, покойномъ уже, ея обожателѣ, и соглашались, между тѣмъ, что дѣйствительно „Господа благодаря, всего у нихъ теперь вдоволь!“—хотя обожателямъ бы тоже не мѣшало завестись и у нихъ самихъ.

Къ этой-то добродушной старой помѣщицѣ ѣхали Фабриціусъ и Щебетковскій.

Выѣхали они уже поздно и поэтому, какъ и слѣдовало ожидать, на дорогѣ заночевали. Бабушкинъ тряскій экипажъ, родъ колясочки прежняго времени, запряженный, пока собирался Иванъ Ильичъ со средствами, четвернею занятыхъ у сосѣдняго барышника добрыхъ лошадокъ, сильно утомилъ ѣздоковъ. Остановились они на ночлегъ, за семь верстъ до хутора Прасковьи Кондратьевны, у крестьянина въ вольной деревушкѣ, съ которымъ Фабриціусъ былъ пріятель. Пріятель однако долго не хотѣлъ отворить дверей, увѣряя все, что онъ на печи, что уже темно, и что жена не хочетъ подать ему сапоговъ.

— Стыдно, братъ!—уговаривалъ у дверей Антонъ Степанычъ:—ты, видно, пьянъ!

— Кто? Я пьянъ?! Я пьянъ?! Э! Ей Богу же, я не пьянъ!

Двери наконецъ отворились, и пріятелей впустили. Щебетковскій кое-какъ помѣстился, впотьмахъ, гдѣ-то на лавкѣ и на другое утро, проснувшись, помнилъ, что ночью въ душной хатѣ все

подъ потолкомъ что-то билось, точно милліоны мухъ сновали и колотились въ вышинѣ, да сильно кричалъ надъ самымъ ухомъ его ребенокъ. Рано поднялъ его спутникъ, усадилъ въ экипажъ, и онъ очнулся уже только тогда, какъ они подъѣзжали, румянымъ и сіяющимъ утромъ, къ Дарьевкѣ, селенію помѣщицы, и оно открылось у ихъ ногъ, подъ косогоромъ, подернутое легкимъ паромъ отъ рѣки и дымомъ отъ нѣсколькихъ рядовъ веселенькихъ, загроможденныхъ хлѣбными кладями, хатъ. Двѣ цесарскихъ курицы ходили по двору Дженджерихи; утки-шавкуны, хрипя и покачиваясь, плелись отъ кухни къ колодцу.

— Барыня дома?—спросилъ Фабриціусъ дворовую бабу.

— Никакъ нѣтъ!

— А гдѣ же онѣ?

— Въ полѣ, у косарей!

— Ну, ничего! — шепнулъ вполголоса Антонъ Степанычъ:— заѣдемъ; она скоро вѣрно будетъ!

И они, миновавъ ворота, съ форсомъ подкатили къ крыльцу. Началась обычная исторія.

Барышни вышли всѣ толпой, съ застѣнчивыми улыбками приняли гостей, тутъ же распорядились съ чаемъ, съ закускою, пригласили ихъ въ гостиную и, усѣвшись по кресламъ, раздѣлили между собой общую бесѣду. Антонъ Степанычъ съ сладкою улыбкою тутъ же разговорился о хозяйствѣ, о хлѣбахъ, о городскихъ новостяхъ, чтобы по мѣрѣ силъ, какъ онъ желалъ, замять настоящую цѣль ихъ поѣздки. Барышни были въ духѣ. Явились три шавки, жирныя-прежирныя и пухлыя, какъ сами хозяйки. Средняя изъ хозяекъ, вообще болѣе оживленная и разбитная, отряхаясь, какъ болонка, встала и, поправивши на головѣ младшей сестры тирбушончики, предложила, пока еще не жарко, пойти въ садъ.

Походивши по саду, гости и хозяйки едва успѣли усѣсться въ тѣнистомъ мѣстѣ, на дворовомъ крыльцѣ, какъ со стороны улицы послышался стукъ колесъ и крупный сердитый голосъ:

— Чтобъ тебѣ, шельма, и на томъ свѣтѣ, и на этомъ не было проходу! Чтобъ попрыщихи и сто болячекъ матери твоей усѣлось на спинѣ!

Такъ раздался голосъ съ улицы.

— Разбойницкая твоя душа! А и ты самъ разбойникъ!

Съ этими словами во дворъ въѣхали дрожки въ видѣ большой орѣховой скорлупы. Держа надъ собою огромный зонтикъ, въѣхала пани Дженджериха въ ворота, въ большомъ бѣломъ чепцѣ, подвязанномъ подъ подбородкомъ, въ шалевомъ черномъ платкѣ и въ сапогахъ. Гнѣвъ еще не покинулъ ея загорѣлаго, суроваго лица; темные

глаза яростно и туманно блуждали, не замѣчая гостей, а руки размахивали по воздуху. Слѣзши съ дрожекъ, она взялась подъ бока у самаго крыльца и, покачивая головою вправо и влѣво, начала опять:

— Такъ ты опрокидывать барыню? А? Такъ-то ты? Вотъ я же тебя! Ну, пошелъ же теперь и выспись; ты вѣрно жены давно не видѣлъ, оттого и задремалъ и меня въ канаву вывалилъ! Вонъ какъ ногу, бестія, ободралъ! Выше лодышки, подъ самою икрою!

И, пылая гнѣвомъ, Прасковья Кондратьевна обернула къ присутствующимъ ногу, обнажившп ее выше колѣна, и сказала:

— Вотъ посмотрите!—да вдругъ и остолбенѣла...

То была чудная картина. Щебетковскій и Фабриціусъ стояли съ понуренными глазами; дѣвицы, блѣднѣя отъ стыда и досады, прятались молча другъ за дружку; а сама Прасковья Кондратьевна озадачилась и стояла, какъ дѣва на извѣстной гравюрѣ, переходящая съ приподнятою полою черезъ потокъ...

— А! это вы, господинъ Хвабриціушъ! Откуда Богъ принесъ? А это кто?—И Прасковья Кондратьевна, распрямляясь и щурясь на Щебетковскаго, тотчасъ же озарилась пріятною улыбкой.

— Здѣшній помѣщикъ, Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій, вашъ теперешній, недалекій сосѣдъ!—съ достоинствомъ проговорилъ Щебетковскій и поклонился.

— Говоруха, Говоруха? А, знаю! Это съ Калиновки! Ну, милости же просимъ, милости просимъ, пане Говоруха! Пожалуйте въ комнаты! Дочки, просите! Милости просимъ!—И, громко говоря, смѣясь и останавливаясь, она царицею вошла въ низенькія сѣни. —Да вы, я думаю, и закусить имъ не дали, и обѣда не заказали? Хороши хозяйки; чтобъ васъ нелегкая взяла! — замѣтила она уже въ передней дочерямъ. Тѣ, какъ говорится, спекли раковъ и смолчали. Но гости перебили и сказали, что давно уже позавтракали.

— А! такъ вотъ что; такъ какъ же я рада, какъ же я рада!— И лукавая пани, простодушно вводя ихъ въ комнаты, уже тихо улыбалась; а между тѣмъ сразу давно смекнула, и зачѣмъ они пріѣхали, и чѣмъ она была имъ интересна.

— Ну, давно же я васъ не видѣла, прегордый пане Хвабриціушъ!—обратилась она къ Антону Степанычу, усаживаясь на диванѣ въ гостиной; а дочки тѣмъ временемъ, одна за другою, скрывались, суетясь и хлопоча объ обѣдѣ. — Думаю себѣ: отчего бы это онъ не ѣхалъ? А у него новый сосѣдъ: вонъ оно что! Такъ, такъ! Да гдѣ-же вы изволите, или изволили служить, пане Говоруха?

Щебетковскій удовлетворилъ ея любопытство.

— Зачѣмъ же изволили пріѣхать? Погостить? А?

— Нѣтъ! имѣнье въ наслѣдство принять.

— Вильгельмины Карловны?

— Да-съ!

— Знала, знала! хорошая была помѣщица и даже немного сродни намъ! Ну, да уже богатыя бѣдному никогда не родня! А хорошо умѣла варенье покойница варить! Что же это, душечка Раичка, Лукерья? Что же это на столъ не накрываютъ?

Въ голосѣ и въ движеніяхъ хозяйки явились суетливость и вниманіе. Это значило, что посѣтитель ей понравился.

— Гости, я думаю,—продолжала она:—такъ уже проголодались, что всѣхъ насъ на пропалую тайкомъ бранятъ!

— Гдѣ же-съ? Нѣтъ-съ; мы сыты-съ! — отвѣчалъ и за себя, и за товарища Антонъ Степанычъ, стоявшій у нея всегда на заднихъ лапкахъ...

— Такъ, такъ! О, я знаю, что панъ „старый женихъ" тонкій и деликатный человѣкъ! Ну, да Богъ съ нимъ! А что скажете о слухахъ? А вотъ я такъ слышала, что опять новая подать положена на насъ!—И Прасковья Кондратьевна смиренно сложила на колѣняхъ загорѣлыя руки и, устремя на гостей широкіе глаза, начала являть на лицѣ своемъ слѣды любопытства. Тѣ какъ-то замяли рѣчь эту, зная слабую струну хозяйки о податяхъ. Но она не угомонилась и проговорила до самаго обѣда объ извѣстномъ уже всѣмъ анекдотѣ, какъ она высѣкла земскаго чиновника и какъ тотъ смолчалъ.

— Пусть меня хоть съ конвоемъ возьмутъ, хоть въ Сибирь на поселеніе сошлютъ, а я не платила и не буду платить ни подушнаго, ни другихъ повинностей! Это еще что? Мати Божа! Плати за гимназіи, за институты! Да я развѣ въ нихъ училась?! Или мои дочки были студентами? Тьфу! А тутъ еще плати за мосты, за столбовыя дороги, за гати! Да развѣ я по нимъ ѣздила когда-нибудь? Убей меня Богъ, коли я и въ Кіевѣ, не то что въ Полтавѣ, или въ Москвѣ была! А платить я не буду и не намѣрена!

Дочки на силу уняли въ этотъ разъ маменьку и подняли ее подъ-руки, приглашая идти къ столу.

— Милости просимъ закусить; милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ!—сказала, вставая, Прасковья Кондратьевна, и гости послѣдовали за нею.

— Что это? Боже мой, какая старина! — думалъ между тѣмъ Щебетковскій, садясь за столъ:—вотъ еще какіе злаки зрѣютъ по нашимъ захолустьямъ! А нашимъ писателямъ не вѣрятъ! Да это не барыня, а сущій тамбуръ-мажоръ преображенскаго полка!

Все занимало петербургскаго гостя въ этомъ оригинальномъ уголкѣ.

Вмѣсто мужской прислуги, за стульями стояли три дѣвки, толстыя-претолстыя, въ чистыхъ, бѣлыхъ рубашкахъ, засученныхъ на рукахъ до локтей. Юбки на нихъ были изъ голубой и зеленой набойки, а широкія русыя, полныя косы, въ ладонь, распущены по спинѣ до колѣнъ. Щебетковскій думалъ, что онѣ переконфузятся при видѣ его. Но дѣвки бойко и съ улыбками глядѣли ему прямо въ глаза своими широкими сѣрыми глазами и даже, какъ казалось ему, усмѣхались.

Хозяйка то одной, то другой приговаривала:

— Ты!! Эй, ты! развѣ не видишь? развѣ не знаешь своего дѣла?—И дѣвки сновали, какъ мухи.

Вооружившись ложкой, Щебетковскій едва успѣлъ приняться за первое блюдо, какъ одна изъ дѣвокъ, наклонивши къ нему полные, обнаженные, сверкающіе локти, сказала:

— Вотъ покушайте этого! — У Щебетковскаго чуть вилка не выпала изъ рукъ. Явилось другое блюдо, именно цыплята въ сметанѣ; дѣвка опять нагнулась къ нему и говоритъ:

— Да вы вотъ этотъ кусочекъ возьмите; видите, какъ на васъ онъ смотритъ!

— Что за чортъ возьми! — подумалъ Щебетковскій: — Это еще что за порядки?—А дѣвка прикоснулась плечомъ опять къ нему и говоритъ:

— Скушаете крылышко, будете скоро ходить; скушаете головку, ума Богъ придастъ, а скушаете сердце, полюбятъ васъ! — Всѣ засмѣялись. Засмѣялся и Щебетковскій.

— А, прахъ тебя возьми, Гàпко! — расхохотавшись, сказала хозяйка:—и гдѣ ты, вѣдьма, такому выучилась?

А въ окна пахло сиренью, и всякіе птичьи голоса щебетали изъ сада...

Другія дѣвки усердно хлопали голыми пятками и, звеня шейными крестами и монистами, быстро исполняли свое дѣло, а потомъ снова становились за стульями вдоль стѣны и стояли, не шелохнувшись, какъ свѣчки. Когда какая опаздывала и долго не появлялась съ какимъ-нибудь блюдомъ, то Прасковья Кондратьевна сердилась вслухъ, краснѣла, покачивалась и говорила остальнымъ:

— Что-жъ это? Съ Никитою поваромъ слюбилась, что-ли? Или занимать Христа-ради у сосѣдей пошла? Развѣ у насъ уже и соусу не стало, или огурцовъ нѣтъ? Побойтесь вы Бога и не срамите барыню даромъ!

Накушались гости не то чтобы до отвалу, а почти до изнеможенія силъ, и съ трудомъ встали со стульевъ.

Прасковья Кондратьевна не скрыла своей любимой привычки. Едва хлопая отяжелѣвшими вѣками, она встала изъ-за стола и тотчасъ сказала:

— Ну, дочки, теперь же вы сами уже пока занимайте гостей, а я пойду немножко засну. А послѣ, Антонъ Степанычъ, мы съ вами запремся; нужно сосчитать деньги! Только что за арендную степь съ продажи хлѣба получили. Нашъ Левенчукъ съ ярмарки привезъ,—пять тысячъ!...

Иванъ Ильичъ поклонился, провожая ее, и не безъ увлеченія глянулъ на Раичку, Лушеньку и Грушеньку.

— Что же вы такою овечкой глядите? — шепнулъ ему при этомъ Антонъ Степанычъ: — спасовали? Э! Я не такой прыти отъ васъ ожидалъ! Останьтесь же, а я тоже пойду отдохнуть!

Прасковья Кондратьевна отправилась безъ церемоніи въ амбаръ, гдѣ было приготовлено для нея свѣжее сѣно; а Фабриціусъ—въ садъ, въ пчельный сарайчикъ, гдѣ тоже было прохладно и тихо, и тоже скоро тамъ заснулъ...

Едва Иванъ Ильичъ очутился наединѣ съ барышнями, какъ неожиданно развернулся и показалъ даже большую ловкость въ обращеніи съ дѣвицами. Онъ подумалъ: — Что за чортъ! Вѣдь деревенщина! съ ними можно и подурачиться! Театра настоящаго онѣ не видѣли, искусствъ другихъ тоже не понимаютъ, то можно съ ними и побалаганничать... Лишь бы пыли въ глаза пустить и занять ихъ особенно!—И онъ сталъ, дѣйствительно, просто балаганничать. Успѣхъ былъ полный. Эти здоровыя деревенскія лица, мало отличавшіяся отъ лицъ ихъ горничныхъ, слѣдили за нимъ, какъ за чудомъ.

Прежде началъ съ анекдотовъ. Барышни просто животики надрывали. Мысль завербовать себѣ богатую невѣсту окрыляла Ивана Ильича. „Восемьдесять тысячъ!“ —думалъ онъ, перевирая всякую чепуху изъ читаннаго когда-то сборника анекдотовъ:—„не худо! не унывать!“ Смѣхъ слушательницъ не прерывался. Потомъ онъ проигралъ довольно бѣгло на фортепьянахъ какую-то польку Фогелева и еще какой-то вальсъ и спросилъ о нихъ мнѣнія хозяекъ. Эти были въ восторгѣ. Затѣмъ онъ задумчиво взялъ нѣсколько гармоническихъ аккордовъ, спѣлъ подъ-рядъ, но какъ-то сухо и рѣзко, пѣсни: „Слышишь, разумѣешь“, „Вдоль по улицѣ метелица мететъ“ и „Катьку“. Послѣднюю онъ даже пропѣлъ нѣсколько ухарски, взмахивая волосами, пригаркивая и подпрыгивая на табуретѣ. Музыку онъ кончилъ варламовскою мелодіею: „Ты не пой, соловей“ и пѣснею: „Меня душитъ тоска“—и сказалъ, что это все выучилъ

самоучкой. Не успѣли барышни опомниться, какъ онъ перешелъ къ фокусамъ.

— Вы тутъ станьте, а вы тутъ, а вы вотъ здѣсь! Я положу эти три шарика, выйду въ другую комнату и возвращусь; не буду смотрѣть, а узнаю, кто изъ васъ и до какого шарика дотронулся!— Ушелъ, пришелъ и дѣйствительно отгадалъ. Началъ кидать разомъ на воздухъ четырьмя картофелинами, которыя нарочно потребовалъ, и подбрасывалъ ихъ такъ, что всѣ четыре были въ одно время на воздухѣ. Словомъ, пустился на все и самъ изумлялся своей юркости. Фокусамъ онъ выучился еще въ лицеѣ у одного товарища.

Когда Прасковья Кондратьевна, въ сопровожденіи также проснувшагося Антона Степаныча, пришла,—въ комнатахъ были чистѣйшіе Содомъ и Гоморра. Полныя барышни прыгали по кресламъ, несмотря на свои лѣта и степенность, а Иванъ Ильичъ, съ колодою картъ въ рукахъ, гонялся за ними; и даже всѣ дѣвки изъ заднихъ комнатъ сбѣжались, стоя толпою и съ тупо-напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за продѣлками гостя.

— Вотъ, подите, молодежь!—произнесла хозяйка, входя въ гостиную и садясь съ Фабриціусомъ продолжать разговоръ, начатый еще въ ея комнатѣ, между тѣмъ какъ на столъ подали уже графины яблочнаго квасу, тарелки съ вареньемъ и домашнею пастилой. Утирая ротъ и заспанное лицо, Прасковья Кондратьевна искоса слѣдила за дочерьми и Говорухой и шепталась съ Антономъ Степанычемъ.

Легко было угадать предметъ бесѣды хозяйки и ея стараго знакомаго. Послѣдній, добродушно скрестивъ ноги и нагнувшись къ ней къ самому уху, въ десятый разъ уже повторялъ: „что сосѣдъ его и ученъ, и образованъ, и съ министромъ знакомъ, и чинъ полковницкій имѣетъ, и выгодное мѣсто занималъ, и что въ Варшавѣ тетка у него со связями есть, да и свое порядочное имѣется состояніе!" (О теткѣ онъ прибавилъ, какъ всякій ловкій сватъ).

Напились чаю. Щебетковскій усталъ: такъ долго онъ проказилъ. И кто бы могъ подумать: статскій совѣтникъ и недавній петербургскій денди! Что значитъ провинція! Что значитъ невѣсты съ приданымъ! Посидя немного, онъ всталъ и отозвалъ Фабриціуса къ окошку.

— Пора ѣхать, — сказалъ онъ, отирая потъ: — велите скорѣе запрягать! На первый разъ довольно! Просто не въ моготу!

— А что, понравилась?

— Понравилась!

— Кто же, кто? — второпяхъ спрашивалъ Антонъ Степанычъ, поблѣднѣвши и даже чуть не роняя слюны отъ крайняго любопытства.

— Послѣ разскажу; а теперь поѣдемъ! Нѣтъ силъ!

— Да куда же это вы, господа? — спросила хозяйка: — только что полакомили насъ собою, да и ѣдете? Вонъ, Раичка мнѣ сказала, что вы и музыкальный игрокъ! Это очень пріятно имѣть такихъ знакомыхъ! Теперь уже мы просто нотъ не будемъ покупать: вы намъ насочиняете, а мы ихъ и спишемъ, и дѣло съ концемъ!

Щебетковскій и Фабриціусъ взялись за шапки...

— Ну, такъ вы, по крайней мѣрѣ, поѣзжайте отъ насъ не горою, черезъ Кадинцы, а вправо долиною, черезъ Мерловку: тутъ меньше горъ и мостки лучше!

Гости поблагодарили и уѣхали, почти при захожденіи солнца.

— Не хотите ли на дорогу квасу, или наливки, или моченыхъ яблоковъ? — спрашивала Прасковья Кондратьевна, стоя съ дочками на крыльцѣ, въ то время какъ путники садились въ экипажъ и вся многочисленная дворня высыпала изъ всякихъ угловъ и закоулковъ глядѣть на жениха.

— Нѣтъ, покорнѣйше благодаримъ; не безпокойтесь! — отвѣчали гости, усаживаясь.

— А вѣдь вы не повѣрите, — продолжала хозяйка, лукаво улыбаясь и величественно рисуясь во всей своей старосвѣтской красо на крыльцѣ, въ лучахъ заходящаго солнца, какъ временъ былыхъ воеводша, одѣтая въ простой голубой шушунъ съ мелкими воротничками, въ накидкѣ и въ монистѣ: — вѣдь теперь дочки мои уже, скажу вамъ, просто убиваться по васъ будутъ! Что вы съ ними надѣлали теперь? А?! Вотъ, сказано — мужчины! И не жалко?

Барышни на это, по мѣстной пословицѣ, опять спекли раковъ. Все нравилось Говорухѣ въ этой картинѣ: и беззастѣнчивая пани, и толпа дворни, и ремесло жениха, и весь этотъ теплый, уютный и домовитый уголокъ.

Давно уже Антонъ Степанычъ толкалъ его ногою. А онъ только смотрѣлъ на крыльцо и улыбался.

Но вотъ кучеръ повернулъ возжи, лошади фыркнули, и колясочка тронулась по мягкой зелени неутоптаннаго, заросшаго травою дворика, мимо густыхъ и развѣсистыхъ вербъ околицы...

— Ну, что-съ, каково? — даже вскрикнулъ дорогою Фабриціусъ, когда они успѣли миновать послѣднюю хату деревни и спускались въ Мерловскую долину длиннымъ отлогомъ лѣсистаго косогора.

Дорога эта хоть и была верстъ десять далѣе, но представляла тотъ рѣдкій, ровный, какъ по столу, путь, какіе представляетъ иногда еще на югѣ гладкая, верстъ на пятьдесятъ и болѣе, ни разу не паханная, степь.

— Да ничего еще пока!—отвѣтилъ Щебетковскій.

— Какъ такъ?

— Да такъ же!

— А когда вы будете разсказывать, Иванъ Ильичъ, кто вамъ изъ трехъ барышенъ понравился и на какой вы думаете свататься?

— Какъ пріѣдемъ домой, тогда и разскажу!

— Ну, смотрите же! Не утаите! — отвѣчалъ старикъ.

— Да нѣтъ! — думалъ въ то же время Фабриціусъ: — Я у тебя выпытаю! Подожди, доѣдемъ до Крученокъ, стемнѣетъ...

Въ это время съ откоса холма, по которому спускался экипажъ, показалось влѣво, за долиной, что-то странное, село не село, фабрика не фабрика, а какая-то куча зданій со шпицами, глухими, громадными стѣнами и съ красными кирпичными трубами, какъ бываетъ въ фабричныхъ городахъ. Въ нѣкоторыхъ трубахъ слышалось свистящее хрипѣніе и клокотаніе, и дымъ и паръ широкою полосой вырывались оттуда. Кругомъ и вдалекѣ шли нескончаемые лѣса...

— Что это такое? — спросилъ Говоруха, показывая въ ту сторону рукою.

— А вотъ что такое! — отвѣтилъ старикъ, отгоняя дремоту, и оживился:—вонъ, видите-ли, лѣсъ? Его тутъ ровно три тысячи десятинъ, и все дубъ, столѣтній дубъ, не чищенный и не тронутый въ продажу. Вонъ то далѣе, видите, по рѣкѣ, какъ будто все верхушки домовъ? Это—цѣлый рядъ водяныхъ мельницъ и крупчатокъ; есть тутъ и сукновальни, и крупорушни. А вонъ то, видите, уже чуть чернѣетъ по косогорамъ, вправо и еще правѣе, далѣе? Это—овчарные загоны, тысячъ на пять и на десять овцы. Трубы же вотъ эти и стѣны—это фабрика; да какая фабрика? На пятьдесятъ тысячъ рублей серебромъ сахару въ годъ продается; не только здѣсь, даже въ столицахъ этотъ сахаръ извѣстенъ.

— Кому же принадлежитъ это имѣніе?

— Сиротѣ, вообразите, принадлежитъ, мальчику лѣтъ семнадцати, который еще въ Петербургѣ учится, не то въ правовѣдахъ, не то въ пажескомъ корпусѣ, а всѣмъ управляетъ опека. Фамилія этому мальчику Галайданъ; говорятъ, происходитъ отъ какого-то разбойника Галайды. Вотъ бы, Иванъ Ильичъ, желалось быть на мѣстѣ этого мальчика и курсъ кончать въ Петербургѣ!

— Да, дѣйствительно, хорошо!

Старикъ зѣвнулъ.

— Вотъ тоже, Иванъ Ильичъ,—продолжалъ онъ:—въ самыя потемки пожалуй, ночью, верстъ черезъ двѣнадцать или болѣе, придется

намъ ѣхать черезъ имѣніе моего бывшаго благодѣтеля, Акима Захарыча Гончаренко. Кажется, я вамъ о немъ говорилъ?

— Какъ же, какъ же, помню! Онъ еще васъ въ люди вывелъ? Богачъ?...

— Да, этотъ Гончаренко, скажу вамъ, такъ меня любитъ и такой хлѣбосолъ, что не выпустилъ бы насъ долго; и хорошо, что мы ночью, тайкомъ, проѣдемъ мимо него. Отличный и пребогатѣйшій человѣкъ!

— Отчего же бы намъ къ нему не заѣхать?

— О, нельзя! Это—особа важная, держится строжайшаго этикета. Нельзя, сейчасъ узнаетъ, зачѣмъ мы ѣздили! Былъ здѣсь губернскимъ предводителемъ. Живетъ, однако же, больше по старинѣ, на всю губу, и вдовецъ. Къ нему надо осторожно да осторожно ѣхать, и притомъ заискать. Я вамъ даже скажу, что и не осмѣлюсь васъ ему представить. На какой еще часъ попадешь?.. Да-съ, извините!

Однако же, Антонъ Степанычъ, это обидно. Отчего же такъ?

— Э, молодой человѣкъ, нельзя, нельзя; пусть другой везетъ! Я не имѣю права, не достоинъ. Это—слишкомъ недосягаемая для меня особа! А вы, пожалуй, попробуйте!

Старикъ въ потемкахъ коварно усмѣхнулся. Щебетковскій насупилъ брови. На него повѣяло провинціальными предразсудками, и онъ поневолѣ шепнулъ себѣ подъ-носъ:

— Татарщина! Добрый человѣкъ, а падокъ Лазаря пѣть.

Проѣхали еще верстъ пять.

— Иванъ Ильичъ!

— Что?

— Какъ же насчетъ сватовства?

Щебетковскій вздохнулъ и подумалъ:—„Да, надо торопиться, пока меня еще тутъ мало знаютъ, пока еще я въ модѣ!“ — и отвѣтилъ:

— Что же, я согласенъ... на Раичкѣ... на средней; она ничего!

— Еще бы! Помилуйте, восемьдесятъ тысячъ чистоганомъ! Да вы заживете паномъ! Что вы, по правдѣ? Небогатый человѣкъ, служили, а теперь нѣтъ. У насъ это мало значитъ. Тутъ всѣ помѣшаны на сребролюбіи...

— Ну, какъ же это сдѣлать? говорите!

— А вотъ какъ. Черезъ недѣльку мы опять туда хватимъ, а тамъ опять, потомъ уже вы одни — да съ Богомъ и предложеніе. Но прежде маменькѣ, непремѣнно! Слышите ли? Маменькѣ первой, а то обидится и ничего не дастъ! Если же вы будете въ робости, то, пожалуй, я за васъ предложеніе сдѣлаю!

Щебетковскій молчалъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ:—дайте, еще подумаю. Раиса Петровна увлекательна, полна, знаете, здорова этакъ, силы такъ и брызжутъ вездѣ; ну, да все, знаете, робость пока еще беретъ!

— О! подумайте, подумайте; надо обдумавши всегда!—И старикъ со вздохомъ помыслилъ: — Боже тебя благослови, добрый человѣкъ! Ты, кажется, добрый и стоишь полнаго счастія! А вотъ мнѣ не удалось, не удалось!

Оба замолчали.

Дремота стала одолѣвать старика. Онъ еще повозился немного, уткнулся какъ-то бокомъ, почти носомъ, въ подкладку колясочнаго бока и заснулъ. Лошади бѣжали свѣжею рысью. Росою отдавало въ воздухѣ. Мѣсяцъ всходилъ въ эту пору поздно, почти передъ зарею, и еще не вырѣзывался. Но звѣзды освѣщали путь...

А колясочка мѣрною рысью катилась по гладкой, совсѣмъ стемнѣвшей дорогѣ...

— Позвольте же, однако! — вдругъ послышался громкій голосъ надъ самымъ ухомъ Ивана Ильича: — этакъ не водится! позвольте!

Иванъ Ильичъ открылъ глаза.

Толпа конюховъ, какіе бываютъ при большихъ богатыхъ конюшняхъ, въ черныхъ плисовыхъ поддевкахъ и въ кумачныхъ рубашкахъ, съ фонарями въ рукахъ, стояли около коляски. Въ потемкахъ непроглядной ночи виднѣлись по сторонамъ еще какіе-то люди и, казалось, вмѣстѣ съ конюхами распрягали уже лошадей.

Сквозь тронутую свѣтомъ тѣхъ же фонарей каменную рѣшетку ограды, вправо отъ улицы, гдѣ стояла коляска, виднѣлся широкій домикъ, гдѣ перебѣгали огоньки. И опять раздалось у коляски: — Позвольте, однако, позвольте! Не знаю, милостивый государь, съ кѣмъ имѣю честь говорить. Но тебя, предатель, Антонъ, не выпущу! И какъ ты, братъ, тамъ хочешь, а уже вылѣзай! Такъ мимо пріятелей не ѣздятъ! Если бы не случай, если бы не поиски за Анчаромъ, такъ и не захватили бы тебя! Милости просимъ!

Передъ самымъ носомъ Щебетковскаго, съ огромной пѣнковой трубкой, изъ которой сыпались фейерверкомъ искры, стоялъ низенькаго роста, полный, лысый, съ сѣдыми бакенбардами и широкоплечій хозяинъ деревни той, названный выше другъ Фабриціуса, Акимъ Захарычъ Гончаренко. Антонъ Степанычъ, вскинувшись отъ сна и узнавши, гдѣ они и кто ихъ перенялъ, сначала было сильно струсилъ и, прикорнувши къ углу коляски, притворился, что спитъ. Но дѣлать было нечего. Надобно было вставать. Пойманные спутники встали и за хозяиномъ медленно пошли черезъ дворъ. Дорогой, узнавши отъ Антона Степаныча фамилію хозяина этой деревни,

Щебетковскій, въ свой чередъ, почувствовалъ какое-то смущеніе и непонятный трепетъ. Молчаніе Фабриціуса сбивало его до невѣроятности.

V.

Акимъ Захарычъ Гончаренко.

Новый знакомецъ торопливо провелъ нежданныхъ гостей въ домъ, взялъ въ передней свѣчку, освѣтилъ ихъ съ ногъ до головы, глянулъ на Фабриціуса, качнулъ головою, сдвинулъ плечами и, показывая Щебетковскому рукою залъ, сказалъ:

— Таковъ онъ у меня уже всегда, этотъ Антонъ Степанычъ! Милости просимъ!

Въ передней Щебетковскій мелькомъ увидѣлъ оленьи и лосьи рога, прибитые съ мордами звѣрей по стѣнамъ, для вѣшанья шапокъ и верхняго платья посѣтителей.

— Милости просимъ пока въ кабинетъ! — прибавилъ Гончаренко, провожая гостей черезъ полуосвѣщенный залъ:—Антонушка, займи товарища! А я пока устрою вамъ закуску. Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Щебетковскій назвалъ себя.

— Ну, господа, вы меня извините: я уже поужиналъ, а сытый голодному не товарищъ! Пока я распоряжусь, чѣмъ Богъ послалъ, а вы тутъ посидите. Завтра же познакомлю васъ съ моею семьей! Антонъ! опять осовѣлъ? Займи же гостя!

Щебетковскій и Фабриціусъ остались въ кабинетѣ, сохранявшемъ еще видъ старыхъ украинскихъ деревенскихъ кабинетовъ. Одна вещь особенно заняла вниманіе Щебетковскаго...

На кругломъ столикѣ, у окна, видно забытая кѣмъ-нибудь, лежала раскрытая и заложенная зеленою, вышитою шелкомъ, закладкою, новенькая книжка, французскій романъ Бальзака; а возлѣ—стаканъ воды, покрытый голубенькимъ кисейнымъ шарфикомъ.

— Что это?—спросилъ Щебетковскій, подымая шарфикъ и указывая Антону Степанычу.

Фабриціусъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и, стоя у дверей, молча переминался съ ноги на ногу.

— Что вы, Антонъ Степанычъ?

— Это вѣрно...

Только и могъ проговорить старикъ. Замѣшательству его не было границъ, равно какъ и удивленію Щебетковскаго.

Пройдя невѣрными шагами черезъ комнату, Фабриціусъ дотронулся сперва до книжки, потомъ до шарфика, уставилъ на Ивана Ильича совершенно мутные глаза и вмѣсто отвѣта только могъ проговорить:

— Да-съ!

— Что такое: да-съ?—спросилъ тотъ.

Старикъ утеръ лобъ, глаза и ротъ и улыбнулся. Подбоченившись, онъ вдругъ просвѣтлѣлъ, оглянулся по комнатѣ и спросилъ:

— А? Каково? Каковъ шарфикъ? Вѣдь это Александры Акимовны, дочки Акима Захарыча...

Щебетковскаго будто обдало варомъ. Таинственность Фабриціуса при случайномъ отзывѣ о Гончаренкѣ давно смутно наводила его на какія-то соображенія. Теперь онъ вдругъ сталъ на сторожѣ. Старикъ же неожиданно впалъ въ прежнюю веселость и разсѣянность и, забывши, что самъ везъ жениха, наклонился къ уху Ивана Ильича и прибавилъ:

— Тутъ такое милое созданіе, что прелесть!

— Странное дѣло, — думалъ между тѣмъ Щебетковскій: — отчего же это онъ не упомянулъ мнѣ ее, вычисляя здѣшнихъ окружныхъ невѣстъ?

— А какъ велико состояніе Гончаренка? Кажется, богачъ? — спросилъ онъ.

— О! это темная вода, Иванъ Ильичъ, темная вода! Разное говорятъ; а я такъ думаю, какъ бы сказать не солгать, значительно,— шепталъ старикъ, покачиваясь и барабаня пальцами по губамъ:—у него должно быть въ ломбардѣ, да частью еще въ оборотѣ, тысячъ четыреста, если не больше!

— Четыреста тысячъ!

— Да, четыреста! — и старикъ возвелъ глаза къ небу.

— Серебромъ?

— Серебромъ, серебромъ! Благодѣтельный человѣкъ!

У Щебетковскаго мигомъ вспотѣли затылокъ и спина.

— Да и какъ не нажить такого состоянія: откупъ держалъ девять лѣтъ, сначала въ уѣздѣ, а потомъ и въ губерніи! — заключилъ старикъ.

— Четыреста тысячъ! — думалъ Иванъ Ильичъ.

— А какъ велико семейство Акима Захарыча? — спросилъ онъ, помолчавъ и какъ бы разсѣянно, облокотившись о столъ.

— Одна дочка, душечка Иванъ Ильичъ, одна дочка, и какая красоточка! чудо!

При этихъ словахъ Щебетковскій невольно и быстро взглянулъ на Антона Степаныча, думая найти въ лицѣ его особое движеніе.

Но старикъ очень равнодушно разглядывалъ какой-то рогъ на стѣнѣ кабинета и посвистывалъ.—Ну, штука!—подумалъ Иванъ Ильичъ и искоса посмотрѣлъ на него опять.

Когда Гончаренко обратно вошелъ въ кабинетъ и пригласилъ гостей въ залъ, Щебетковскій былъ еще изъ-синя блѣденъ, жилы на вискахъ его стучали, а руки тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, теперь же мы не скоро отсюда вырвемся!—сказалъ шутливо и весело Фабриціусъ, волоча по корридору свои усталыя ножки и почтительно-громкимъ сморканьемъ стараясь заглушить свои отчаянно-фамильярныя слова. — „Да чортъ бы тебя побралъ!“ думалъ на это Щебетковскій: „а отчего ты, ракалія, не намекнулъ мнѣ даже объ этой невѣстѣ прежде?! Или, впрочемъ, ужъ не уродъ ли она какой-нибудь, или слишкомъ застарѣлая дѣвка? Да все же, однако, тутъ больше шансовъ, чѣмъ у этой Дженджерихи!“

Залъ, освѣщенный нѣсколькими кенкетами, съ большимъ столомъ, уставленнымъ на-скоро приготовленною закускою, открылся передъ гостьми. Антонъ Захарычъ не надоѣдалъ гостямъ угощеньями, а только легкимъ движеніемъ бровей направлялъ быстрыя руки казачковъ. Усѣвшись на хозяйское мѣсто, онъ самъ не ѣлъ, а только поминутно, съ разрѣшенія гостей, перемѣняя трубку за трубкой, курилъ и пристально слушалъ разсказы Антона Степаныча объ уѣздномъ городѣ, гдѣ тому все было извѣстно и гдѣ самъ Гончаренко давно уже не бывалъ, хотя многія лица тамъ по разнымъ отношеніямъ его занимали.

Тутъ Щебетковскій, при блескѣ высокихъ чугунныхъ кенкетовъ въ видѣ переплетавшихся руками музъ и грацій, вполнѣ разглядѣлъ хозяина дома.

Отставной полковникъ гвардіи, это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, какъ я сказалъ уже, небольшаго роста, съ красивою лысиной, забранной съ боковъ довольно еще густыми сѣдыми волосами, съ крѣпкою, выдавшеюся грудью и широкими плечами. Маленькія, круглыя ручки его были въ волосахъ и очень бѣлы. На немъ была надѣта старенькая, темно-сѣрая венгерка съ черными шнурками и кистями, безъ мишуры и другихъ изысканныхъ украшеній, какія носили въ старину первые малороссійскіе помѣщики. Большая пѣнковая трубка, въ бѣломъ замшевомъ чехлѣ, постоянно дымилась въ его рукахъ. Долгою и громкою баснею ходило въ околоткѣ его горькое и драматическое отчаяніе при потерѣ жены, когда онъ, растерзанный и убитый, съ первымъ ребенкомъ на груди, стоялъ въ церкви, у ея гроба; приготовился въ порывѣ нерасчетливаго сердечнаго увлеченія, въ слѣдъ улетающему, милому существу, сказать, въ присутствіи своихъ сосѣдей, надгробную трогательную рѣчь, но

не сказалъ ничего; безъ слезинки въ глазу подошелъ, шатаясь, къ гробу и съ торжественнымъ умиленіемъ сказалъ только: — „Душенька Варя, помни ты меня!“ — отрѣзалъ однимъ взмахомъ ножницъ два огромныхъ своихъ уса и, положа ихъ на гробъ, заплакалъ какимъ-то смѣшнымъ, дѣтски-прерывистымъ плачемъ, и всѣ кругомъ него плакали. — Похороны справлены. Единственная дочь поручена имъ родной сестрѣ его, приглашенной для этого въ домъ его, и жизнь снова широкою рѣкой покатилась для Акима Захарыча.

Весело еще жилъ, по своему, Акимъ Захарычъ.

Хлѣбосольство украинское, о которомъ сохранилось отъ былой дѣдовщины столько любопытныхъ подробностей, въ немъ, какъ въ немногихъ другихъ изъ товарищей его помѣщиковъ, держалось еще съ обычными своими красками.

Впервые въ жизни Иванъ Ильичъ сталъ за ужиномъ хмѣлѣть и вдругъ ни съ того, ни съ сего, съ двухъ капельныхъ, меньше наперстка, рюмокъ, разсмѣялся.

— Что это въ самомъ дѣлѣ такое?—спросилъ онъ и смѣшался.

— Ничего; наливка-съ! это уже у меня такъ заведено! Никакихъ иноземныхъ винъ я не выписываю и не пью; а наливокъ сколько угодно, — кушайте!

— Чортъ возьми! кажется, я опьянѣлъ!—думалъ про себя Щебетковскій, хлопая отяжелѣвшими вѣками и косясь на цѣлый строй разно-мастыхъ бутылокъ, флягъ и граненыхъ флакончиковъ на столѣ.

— Да,—повторялъ Акимъ Захарычъ: — у меня ужъ такъ ровно двадцать семь лѣтъ заведено! Ни мадеры, ни шампанскаго, ни хересу я не покупаю. Кто, скажите, хорошій хересъ сюда завезетъ? Городской нашъ нѣмецъ бурды напуститъ, да подкраситъ ее сандаракомъ и жженымъ медомъ, да насургучитъ и штемпель свой нѣмецкій приложитъ; а ты и пей, пей потому только, что это тебѣ нѣмецъ продалъ, и потому, что есть на свѣтѣ въ одномъ мѣстѣ островъ Мадера, а въ другомъ городъ Хересъ, а въ третьемъ рѣчка Рейнъ, должно быть еще прескверная рѣченка, не шире нашей Калиновки! Ну ихъ къ дьяволу! Угощу я васъ лучше нашею доморощенною!

И подавались на столъ опять разнообразныя наливки.

Щебетковскій и Фабриціусъ уже пили стаканчиками; онѣ смахивали, впрочемъ, на морсъ. Одна наливка стояла въ погребу Гончаренка уже семь лѣтъ, другая пятнадцать, третья на-дняхъ еще только была сдѣлана и, не окрѣпнувши еще, отдавалась всѣмъ тонкимъ запахомъ свѣжаго, душистаго фрукта. Тутъ были и терновка,

и вишневка, и барбарисовка, и смородиновка, и клубниковка, и десятки другихъ, отъ неоцѣненной горьковатой рябиновки до „попадьи".

— Отчего же эта наливка у васъ носитъ такое странное названіе?—спрашивали иногда у Гончаренка гости, уже начиная едва двигать обезсиленными и липнувшими къ гортанямъ языками и уже разражаясь то тамъ, то сямъ, безъ всякой видимой причины, громкимъ и заразительно-веселымъ смѣхомъ.

— Оттого, — отвѣчалъ Акимъ Захарычъ:—называется она попадья (и не я ее такъ назвалъ, а еще мой отецъ), что отъ нея иногда гости, если бываютъ особенно усердны и добросовѣстны, неожиданно попàдаютъ...

— Ха, ха, ха!—подхватывали на это гости и нагружались еще болѣе. Падать они, впрочемъ, еще вообще не падали. А напитокъ, назначенный уже собственно для того, чтобы уложить гостей, подавался въ концѣ трапезы. Это была знаменитая украинская „варенуха"—вскипяченная смѣсь крѣпкой горѣлки съ плодами, медомъ и духами.

— Вотъ, господа,—говорилъ съ улыбкой Акимъ Захарычъ, провожая ихъ:—вы, Иванъ Ильичъ, ляжете въ уборной моей сестры; мы ее вамъ опростали. А ты, Антонъ, комменъ-зи-геръ; по старой дружбѣ, пойдемъ спать ко мнѣ, въ кабинетъ!

— У! Боже мой, Боже мой!—думалъ Щебетковскій, раскидавшись на мягкой хорошенькой кушеткѣ, на которой, можетъ быть, не разъ покоилась и дочка хозяина:—Однако, не сказалъ же мнѣ ничего старый хрычъ Фабриціусъ про этого славнаго, право, такого добраго и гостепріимнаго хозяина... Тутъ Щебетковскій зѣвнулъ. Ему показалось, что за дверью, въ сосѣдней комнатѣ, откуда въ дверную щель пробивался свѣтъ свѣчи, раздавались сдержанный, шаловливый шопотъ и смѣхъ, и будто бы кто-то наклонялся къ двери.

— Да еще спать гдѣ положили! Возлѣ ея, кажется, комнаты! Должно быть, я не засну до утра!—На этомъ онъ, впрочемъ, тутъ же захрапѣлъ, какъ убитый, и проспалъ отлично всю ночь.

На другой день, проснувшись довольно рано и на первыхъ порахъ, при затворенныхъ ставняхъ, не зная,—какъ это бываетъ,—гдѣ онъ очутился, Щебетковскій подумалъ, что проснется съ одурманенною головою. Однакоже, сверхъ ожиданія, благодаря свойству наливокъ, всталъ бодрый и свѣжій. Заботясь о еще большей свѣжести, онъ узналъ отъ вошедшаго пожилаго камердинера, что въ саду, за каштановой бесѣдкой, есть на рѣкѣ купальня, что баринъ, сестра ихъ и барышня, да и Антонъ Степанычъ еще спятъ, и поспѣшилъ направиться туда.

Пройдя по туманнымъ и еще росистымъ дорожкамъ обширнаго сада къ купальнѣ, онъ тамъ раздѣлся, выколотилъ прутикомъ свой сюртукъ, вытряхнулъ усердно сѣренькіе брюки и жилетъ, обшлагомъ сюртука расправилъ и выгладилъ и безъ того, впрочемъ, хорошо сохраненный шейный голубой платочекъ, равно какъ и снятую крахмальную голландскую рубашку, осмотрѣлъ вычищенные лакеемъ сапоги, снялъ кое-гдѣ съ платья послѣднія пылинки, разложилъ все по скамьѣ въ палаткѣ купальни и, потягиваясь, пошелъ въ воду.

— Вотъ любопытно, — думалъ онъ, сидя въ свѣтлой, прохладной водѣ: — какъ-то я ее увижу? Брюнетка ли она, блондинка ли? Тоненькая, или полная? И при томъ, какъ она явится? Вѣроятно жеманясь, вся перетянутая снуровкой, какъ оса, и присыпанная пудрой! О, я уже вижу эту картину! Отецъ сидитъ въ гостиной, Антонъ Степанычъ близъ него; а она входитъ изъ той двери, которая въ ея половину, съ работой и какъ будто невзначай. Знаемъ мы васъ... Да и наружность я уже угадываю. Ни у одного нашего богача не видѣлъ я истинно-хорошенькихъ дочерей: у чиновныхъ богачей онѣ уксусно-жеманны и безтѣлесны, у купцовъ—набитыя дуры и часто безнравственны, у откупщиковъ—съ какими-то татарскими лицами! Боже мой, что значитъ мое желаніе жениться непремѣнно на богатой! Четыреста тысячъ... Вотъ если бы здѣсь?

Въ это время, въ рѣкѣ, Щебетковскому послышалось, будто кто-то бѣжалъ по отдаленной дорожкѣ сада.

Не успѣлъ онъ опомниться, какъ раздался звонкій смѣхъ и говоръ; ему отвѣчалъ другой хохотъ уже ближе, за кустами.

— А что, Даша, несешь тазъ?

— Несу!

И, распахнувъ полотняную дверку, въ палатку стремглавъ вбѣжала свѣженькая, толстенькая, порядочнаго роста барышня въ бѣлой кисейной блузѣ, съ полураскрытою грудью и съ бѣлокурыми, пышными волосами, упавшими на плечи. „Ай!“ крикнула она и зажала въ ужасѣ глаза, увидѣвъ торчавшую изъ воды незнакомую усатую голову; съ секунду постояла и въ одинъ мигъ, поворотившись и поднявши нѣсколько замоченный росою подолъ юбки, снова кинулась въ дверь, гдѣ чуть не сбила съ ногъ уже подоспѣвшую съ тазомъ и такую же, какъ она, смазливую горничную, которая успѣла только крикнуть: „Вотъ тебѣ и на!“

Легкими сернами скрылись обѣ дѣвушки въ аллеяхъ сада.

— Эге-ге! Такъ вотъ она, вотъ незнакомая-то дочка Гончаренка!—подумалъ между тѣмъ Щебетковскій, медленно выходя изъ

воды и принимаясь на-скоро одѣваться:—Какъ неприлично я ей, однако, показался, хотя, впрочемъ, кромѣ лица и усовъ она ничего не видѣла! И она не можетъ обидѣться!

— А барышня однако того! — прибавилъ онъ, направляя носъ въ ту сторону, куда она исчезла:—какъ говорится, еще полевымъ горошкомъ дѣвочка пахнетъ!—И онъ даже слегка невольно потянулъ въ себя воздухъ, будто дѣйствительно ощущая слѣдъ того неуловимаго благоуханія здоровья и молодости, которое еще въ нашъ вѣкъ принадлежитъ всякой молоденькой и свѣженькой деревенской дѣвушкѣ.

Иванъ Ильичъ пріятно ошибся и въ домѣ.

Не жеманною, не съ работой и не въ гостиной встрѣтилъ онъ дочку Акима Захарыча. Въ залѣ былъ накрытъ круглый столъ. На столѣ стоялъ модный серебряный самоваръ, окруженный дорогимъ чайнымъ приборомъ и всякаго рода сухарями, печеньями, булками и сливками. Акимъ Захарычъ сидѣлъ въ креслѣ, съ неизмѣнною трубкой и въ той же, что вчера, сѣрой венгеркѣ съ черными шнурками. Дочка его, одѣтая въ розовое холстинковое платье по шею, стоя, улыбалась и разливала чай. При ней сидѣла еще низенькая, съ широкимъ лицомъ и въ чепчикѣ, особа — сестра Гончаренка. Чистенькій и выбритый Фабриціусъ стоялъ тутъ же и отпускалъ комплименты и шуточки.

Раскланявшись съ гостемъ, Гончаренко расправилъ усы и, глядя на дочь, не вставая съ мѣста, сказалъ Щебетковскому:

— Дочка моя, Александра Акимовна, — Шурочка. А это моя сестра, Марѳуша! — и прибавилъ: — Шурочка, подойди ко мнѣ!

Александра Акимовна все съ тою же неудержимою улыбкою прошла мимо Щебетковскаго и, наклонившись къ груди отца, поцѣловала его, вся румяная и чуть не фыркая отъ смѣха. Тутъ Щебетковскій мелькомъ снова увидѣлъ ея рослый, полный, царственно-стройный станъ, пышно-округленную, дѣвственную грудь, полныя, пышныя, обнаженныя выше локтей руки, дѣтски болтавшіяся по ея бокамъ, и дѣтски-смѣющіяся, румяныя щеки. — „Какая хорошенькая!“ —невольно въ душѣ самъ себѣ шепнулъ Щебетковскій, хотѣлъ найти прежнюю смѣлость и бойкость, хотѣлъ опять развернуться, завладѣть общею бесѣдою, и не нашелъ въ себѣ ни того, ни другаго, какъ человѣкъ во снѣ, не подбирающій, въ горячую минуту, прыткихъ ногъ, съ цѣлію улепетнуть отъ какой-нибудь страшной погони.

Александра Акимовна стала между тѣмъ трунить надъ Фабриціусомъ, давала ему чай безъ сахару, не давала ложечки. Наконецъ, улучивъ минуту, подсѣла къ нему.

— Такъ какъ же? Все ройки? — сказала она.

— Все ройки, ройки, Александра Акимовна: да еще какіе! И вамъ я одинъ на счастье посадилъ. А птички есть у васъ новыя теперь?

— Да, чернаго дрозда прислалъ мнѣ нашъ пасѣчникъ, а лѣсничій поймалъ сойку и двухъ пѣночекъ.

— А какъ бы-съ обревизовать?

— Нельзя теперь, что вы!

И Шурочка повела глазами на гостя. Фабриціусъ опять принялся вертѣть въ рукахъ костяной ножикъ Александры Акимовны, то гладя имъ себя по щекѣ, то нюхая его, то пристально его разсматривая.

— Кто это? — переждавши, тихо спросила старика Шурочка, опять поведя глазами на Щебетковскаго.

Фабриціусъ, съ достодолжнымъ почтеніемъ къ слушательницѣ, но не безъ легкости отзывовъ и вида небольшаго покровительства къ гостю, сталъ разсказывать о немъ, о его бабкѣ, о деревнѣ, объ отставкѣ, и кончилъ, слегка ударяя себя ножикомъ по рукѣ, словами: „Да, онъ, кажется, добрый малый; но вообще франтъ и, кажется, петербургскій выжига! Охъ, Александра Акимовна, что это за люди нынче, какъ я посмотрю...“

Но Шурочка давно уже не слушала Антона Степаныча и пристально, плавными, дѣтски-напряженными взорами слѣдила за гостемъ. Ей было все въ диковинку: и такой почетный чинъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, и то, что передъ нею именно петербургскій житель, и его смѣлая, ясная, порывистая рѣчь, и весь нарядъ его, отъ щегольскаго сюртука до какой-то пуговки, все ярко-блестѣвшей изъ-подъ стула на его лаковой полуботинкѣ. Чуть заговаривала опять съ Фабриціусомъ Шурочка, пристально, не спуская глазъ, слѣдилъ за нею и Щебетковскій.

— О, время, время! — между тѣмъ ораторствовалъ хозяинъ дома: — тридцать лѣтъ я безвыѣздно живу дома въ деревнѣ. Служилъ въ гвардіи, былъ во фронтѣ ремешкомъ, въ квартирѣ съ товарищами — военною косточкой, кутилой. Всю душу отдавалъ имъ; подъ-часъ на карту ставилъ все состояніе. И что же? Какъ въ воду канулъ: никто и строкой съ той поры не помянулъ... Вы какъ думаете?

— О! — съ улыбкой отвѣтилъ Иванъ Ильичъ: — Петербургъ, со временъ незапамятныхъ, славится полнымъ отсутствіемъ сердца. Сердце Россіи въ Москвѣ; вы, я думаю, сами это хорошо знаете?

— Такъ, такъ! — съ хрипотой и цѣлыми потоками дыма заговорилъ Гончаренко, перекладывая ногу на ногу и придвигаясь почти къ носу собесѣдника: — такъ! Однако, согласитесь же, грустно... Вотъ,

я вамъ разскажу о томъ, какъ мы съ товарищемъ моимъ Агоравымъ одну нѣмку спасли...

— Ну!—подумала при этомъ сестра Гончаренка, таинственная Марѳа Захаровна, въ чепцѣ и молчаливо вязавшая, въ углу гостиной, чулокъ:—и этому гостю пошелъ тоже разсказывать! И какъ не совѣстно! Просто зѣвать хочется! Охъ, однако, кажется, петли спустила...

Спицы быстро мелькали въ рукахъ ея.

За то съ какимъ наслажденіемъ и вниманіемъ слѣдилъ самъ гость, Иванъ Ильичъ, за каждымъ движеніемъ Шурочки. Разумѣется, онъ не слышалъ ни слова ея отца и упивался всѣмъ ея существомъ на просторѣ, безъ помѣхи.

Съ перваго взгляда, дѣйствительно, Шурочка наводила своимъ здоровьемъ и ликующею, свѣжею, какою-то простодушною красотою прямо столбнякъ на каждаго сластолюбиваго человѣка. Это былъ тонкій и душистый плодъ въ пуху. Наши малороссы прямо назвали бы ее: огурчикъ, полтавское яблочко; другіе тутъ еще прибавили бы: кругленькая, Богъ съ нею, какъ сундучекъ, шкатулочка. Если бы она, положимъ, попала въ плѣнъ къ туркамъ, и ее вывели бы, какъ выводили нѣкогда, лѣтъ двѣсти назадъ, ея предшественницъ, такихъ же пригожихъ казачекъ, какъ она, на базаръ невольниковъ, въ Константинополѣ,—покупщикъ подошелъ бы и на первую бы ее обратилъ свое плотоядное вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ: станъ у нея былъ рослый и плотный, грудь высокая, руки полныя, губы красныя, щеки круглыя, глаза веселые, коса пышная, хоть бы царицѣ подъ вѣнецъ, и вся она—чисто пышка. Не будь у нея какой-то невольной, плавной, властительной походки, когда она шла при постороннихъ, мѣрно сдерживая свои руки, въ остальное время ее приняли бы еще за ребенка. Тогда въ домашнемъ, привольномъ быту это былъ просто избалованный мальчишка. Изъ-подъ гребня тотчасъ у нея выбивалась косма волосъ, на лбу появлялся какой-то чубъ, руки болтались по бокамъ, какъ хворостинки, талія мигомъ отъ разныхъ грушъ, перехваченной тарелки людскаго борщу и зеленыхъ ягодъ всякаго свойства становилась толще, приводя въ неописанное отчаяніе отупѣлую надъ чулкомъ тетушку, которая тутъ же начинала ее бранить и осматривать перепачканныя всякимъ съѣдомымъ руки. А Шурочка не каялась. Вырвавшись со смѣхомъ отъ тетки, съ измятымъ платьемъ и съ тѣмъ же чубомъ, она медленно, по своему, не спѣша, покачивая головой и переваливаясь, какъ уточка, шла къ новымъ проказамъ. Лѣтомъ не было покоя ея горничнымъ. То и дѣло она купалась то въ рѣкѣ, то дома, въ комнатѣ, просто въ тазу: влѣзетъ туда, или въ простыя ночевки, и начнетъ

возиться, обливаясь и брызгаясь, какъ воробей, умѣющій носомъ вымыть себѣ всякое перышко. А зимой нѣтъ ея цѣлый день въ домѣ.— „Гдѣ барышня?“—„Съ горъ катаются!“ — Тутъ уже она составила цѣлую шайку изъ деревенскихъ мальчишекъ и дѣвочекъ. Одѣтая въ уморительный ситцевый капотъ и ваточную шапочку, въ длинныхъ мужскихъ сапогахъ, она садится въ крошечныя дѣтскія саночки и летитъ по снѣжному откосу. Шумъ, гамъ, прыганье на холодѣ. Прибѣжитъ къ теткѣ: „Душечка, тетечка, пупочка, простите! Я только немножечко...“ А на самой лица нѣтъ: чистый піонъ отъ бѣготни, едва переводитъ духъ и вся въ поту. Училась она въ сосѣднемъ городскомъ пансіонѣ, выйдя оттуда на четырнадцатомъ году и привезя домой кучу сувенировъ. Всѣ ея дорогія вещицы были у нея спрятаны въ особой шкатулочкѣ, въ комнатѣ, подъ кроватью, чтобъ никто не видалъ ихъ мѣста. Въ нѣсколькихъ десяткахъ другихъ ящиковъ, комодовъ, шкатулочекъ и ящичковъ хранились ея другія, менѣе важныя вещи. Какъ сурокъ, какъ жукъ, она тащила въ свою норку все, что попадало въ ея смиренное владѣніе. Шурочка, уѣзжая въ пансіонъ и прощаясь съ своею комнатой, написала на стѣнѣ, въ углу, за притолкомъ окна, подъ занавѣской, карандашомъ: „Прощай, моя комната!“—Когда же она воротилась и дворовые люди ее встрѣтили словами: „Ахъ, барышня, какъ вы выросли; вы уже невѣста!“— она тотчасъ кинулась въ эту комнату, откинула занавѣску, посмотрѣла, не замарали ли мѣломъ ея надписи, нашла ее цѣлою, оглянулась, не смотрятъ-ли за нею, поцѣловала надпись, потомъ затерла ее пальцемъ, подумала и, опять на томъ же мѣстѣ надписавши: „здравствуй, комнаточка!“ позвала къ себѣ няню и велѣла принести всѣхъ своихъ птицъ и ручнаго зайца, о которомъ справлялась даже въ письмахъ изъ города. Тогда запасъ ея ящичковъ увеличился снова чуть не вдвое. Отецъ ее взялъ изъ ученья по четырнадцатому году, просто потому, что по ней соскучился, сдалъ ее опять на руки сестрѣ и окружилъ ее всѣми прихотями. Ростя, красуясь и зрѣя въ тишинѣ, какъ всѣ, какъ тысячи другихъ украинскихъ дѣвушекъ, она своими, особенными глазами смотрѣла на міръ.

Недаромъ Иванъ Ильичъ, еще увидѣвши ее мелькомъ изъ воды въ купальнѣ, сказалъ, что эта барышня еще горошкомъ пахнетъ. Въ ея присутствіи теперь, при видѣ ея манящей, какой-то ядовито-задирающей и вмѣстѣ дѣтски-простодушной наружности, слыша тихій шорохъ ея свѣжаго и свѣтленькаго платья и ея шопотливые, сдержанные переговоры съ Фабриціусомъ, Щебетковскій просто таялъ. Онъ испытывалъ ощущеніе человѣка, идущаго по полю въ волнахъ весенняго запаха отъ цвѣтущихъ готовыхъ покосовъ. И сейчасъ же уже услужливое воображеніе непрошенно стало рисовать Ивану

Ильичу его положеніе въ отношеніи къ Шурочкѣ. Онъ думалъ: „Вотъ онъ старается понравиться отцу ея, понравился ей, дѣлаетъ предложеніе, получилъ ея руку и вмѣстѣ съ нею все состояніе. Духъ замираетъ! Нѣтъ, пустяки; жалкія выдумки. Не такого ему нужно зятя!"

— Такъ вы меня не слушаете? — спросилъ наконецъ за какимъ-то словомъ Акимъ Захарычъ, видя, что Иванъ Ильичъ не отвѣчаетъ ему уже на нѣсколько вопросовъ.

— О! нѣтъ, какъ можно: я все помню, что вы говорили!

— Ну, такъ какъ же вы думаете о конныхъ грабляхъ?

— О конныхъ грабляхъ?

— Да...

— Совершенно съ вами согласенъ!

— Ну, то-то же! — замѣтилъ самодовольно старикъ, распахнулъ венгерку, всталъ, отеръ съ лица обильный потъ и, отдавши человѣку, караулившему у дверей, опять набить трубку, сталъ мягко и скорыми шагами ходить по гостиной.

Иванъ Ильичъ пересѣлъ на диванъ, ближе къ Шурочкѣ.

— Это ваша работа? — спросилъ онъ, указывая на пяльцы.

— О, да... нѣтъ! я даже почти не умѣю вышивать! — отвѣтила она съ улыбкой и, закраснѣвшись, отвернулась въ сторону.

Фабриціусъ прокашлялся.

— Гмъ... онѣ, Александра Акимовна, только-съ по тамбуру, — вклеилъ онъ.

— Читаете ли вы? — спросилъ опять Щебетковскій: — теперь такъ много пишутъ.

— О, да!.. — и голосъ у нея оборвался: — я читала много прекрасныхъ сочиненій!

Она тоскливо глянула по гостиной. Отецъ ея, стоя въ углу у печи, какъ-то бокомъ, съ торжествующимъ наслажденіемъ выслушалъ ея отвѣтъ, какъ бы говоря: „Молодецъ, молодецъ! хорошо отвѣтила!" — и опять заходилъ по комнатѣ.

— Я вотъ люблю цвѣты! — сказала сама Шурочка, перебирая косынку платья и медленно-важно отведя глаза отъ своихъ колѣнъ на Щебетковскаго, будто спрашивая его: „Кажется, черезъ это я не провинціалка?"

Отецъ на половинѣ дороги остановился и опять, бокомъ выслушавши слова дочери, плавно и мягко заходилъ по гостиной.

— Цвѣты? цвѣты? — спросилъ Иванъ Ильичъ: — да знаете ли вы преданіе арабовъ о происхожденіи цвѣтовъ?

— Нѣтъ! — отвѣтили въ одинъ голосъ Гончаренко, Шурочка и Фабриціусъ.

Даже Мареа Захаровна оторвала глаза отъ чулка и вмѣстѣ съ чепцомъ и сѣрыми, лѣнивыми вѣками подняла ихъ на Щебетковскаго.

— Арабы говорятъ, что когда Аллахъ создалъ землю, онъ такъ былъ обрадованъ ея видомъ, что отъ полноты души, на своемъ одиночествѣ, улыбнулся; и изъ этой улыбки родились женщины и цвѣты...

— Прелесть, это просто прелесть! — почти крикнулъ отъ удовольствія Гончаренко.

Иванъ Ильичъ взглянулъ. Старикъ на него смотрѣлъ торжествующимъ, напряженнымъ взоромъ и тоже стоя бокомъ въ концѣ комнаты, у дивана. Остальные были не менѣе довольны поэтическимъ преданьемъ.

— Грустно мнѣ, какъ я подумаю,—продолжалъ Иванъ Ильичъ подъ общее настроеніе жадныхъ слушателей, не безъ отрады любуясь ихъ лицами:—отчего это Петербургу, столицамъ, суждено слѣдить за всѣми новыми, великими открытіями, а здѣсь у насъ, у васъ въ глуши, объ нихъ и понятія не имѣютъ! Напримѣръ, теперь, какъ не восхищаться сердцу человѣческому, когда найдено, открыто и подтверждено, что если на безводной лунѣ нѣтъ жизни, общихъ намъ животныхъ, за то на другихъ звѣздахъ, на планетахъ, живутъ растенія и люди,—люди, намъ подобные!

— На звѣздахъ люди? — спросилъ съ замирающимъ дыханіемъ Гончаренко, почти вырвалъ изъ рукъ лакея трубку и, куря и хрипя по своему, сѣлъ противъ самаго носа Щебетковскаго.

— На планидахъ-съ?—спросилъ и Фабриціусъ.

— Этого мало,—продолжалъ Иванъ Ильичъ:—наука воздухоплаванія такъ далеко подвинулась, что есть надежды, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, полетами шаровъ по воздуху черезъ земли и океаны замѣнить наши почты. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Америкѣ изобрѣтены были однимъ труженикомъ стальныя крылья, обтянутыя тончайшей гутта-перчевой клеенкой. Особый механизмъ на груди приводилъ ихъ въ движеніе.

— Ну, ну? — спросилъ, усиливая грудной хрипъ, Гончаренко.

— Объявлено было въ газетахъ объ ихъ испытаніи. Собралась огромная толпа зрителей. Изобрѣтатель сталъ на возвышеніе, положилъ собранныя деньги въ карманъ, развернулъ широкія, тонкія, трепетавшія, какъ живыя, крылья, взмахнулъ ими разъ-два и поднялся изъ середины удивленной толпы. Высоко въ небѣ онъ измѣнилъ полетъ, прилегъ грудью надъ землей и быстро скрылся въ синевѣ...

— А-а-а! — зашипѣлъ, хлопая себя въ восторгѣ по колѣнямъ

и заливаясь истерическимъ смѣхомъ, Гончаренко: — вотъ молодецъ! скажите! — И онъ утиралъ платкомъ радостныя слезы, торопливо кашляя и спѣша слушать далѣе. — Ну, чѣмъ же кончилось? Чѣмъ? — прибавилъ онъ, тыча въ руки лакею за новою набивкой трубку.

— Увы! Кончилось несчастьемъ. Газеты прибавляютъ, что этотъ смѣльчакъ, подъ-вечеръ, летѣлъ ниже, надъ лѣсомъ, собираясь спуститься къ одной деревушкѣ. Охотникъ случайно увидѣлъ его, принялъ за птицу и убилъ изъ штуцера. На утро нашли его безъ денегъ, разбитаго въ дребезги, вмѣстѣ съ изломанными въ клочки крыльями и машиной. Пока еще его тайна вновь не открыта. За то о воздушныхъ шарахъ идутъ смѣлыя изслѣдованія...

— Кушать подано! — громко произнесъ лакей, въ перчаткахъ, появившись на порогѣ гостиной.

Всѣ встали и пошли въ залъ, молча и съ захваченнымъ дыханіемъ. Щебетковскій шелъ свободно, дыханіе его было ровно и привольно. Глаза весело посматривали по сторонамъ.

На столѣ, убранномъ съ изяществомъ и роскошью, была снова уже знакомая баттарея наливокъ. Хрусталь, посуда и бѣлье были замѣчательной изысканности. Супъ скоро задымился въ тарелкахъ. Иванъ Ильичъ замѣтилъ, что у всѣхъ былъ отличный аппетитъ. Только Марѳа Захаровна, по прежнему, почти не спускала съ него сѣрыхъ, тяжелыхъ и лѣнивыхъ вѣкъ, хотя костлявые и страшно загорѣвшіе пальцы ея исправно работали надъ тарелкой. Гончаренко, сейчасъ же хлебнувши супу, обмочилъ въ него концы своихъ усовъ и принялся обсмактывать и утирать ихъ, что дѣлалъ до конца обѣда.

— Вы гдѣ служили въ Петербургѣ? — спросилъ онъ, кончая тарелку.

— Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, болѣе работая по слѣдственно-судебной части.

— Пріѣхали устроить дѣла?

— Да-съ.

— А вотъ я служилъ въ гвардіи; да это уже давно. Совсѣмъ тутъ окостенѣлъ и оскотинился за этимъ хозяйствомъ.

Щебетковскій бережно и вѣжливо отеръ свои румяныя губы и щегольскіе усики бѣлой, какъ снѣгъ, салфеткой, положилъ ее на столъ и развязно налилъ Шурочкѣ воды, замѣтивши, что Фабриціусъ пыхтитъ и давно безнадежно силится сдѣлать то же самое, между тѣмъ скатывая въ рукахъ знакомые уже намъ хлѣбные шарики для собакъ.

Обѣдъ кончился. Всѣ молча встали изъ-за стола. Щебетковскій

снова спокойно и развязно сѣлъ въ гостиной, обратившись къ Шурочкѣ съ какимъ-то незначительнымъ вопросомъ. Но онъ ликовалъ въ душѣ.

Впечатлѣніе, произведенное имъ на слушателей рядомъ неслыханныхъ живописныхъ разсказовъ, переданныхъ рѣчью звонкою, ясною и незнакомою слуху мирныхъ и добродушныхъ домосѣдовъ, было полное и поражающее. Кровь кинулась въ лицо Шурочкѣ. Она молчала, опустивши глаза; но мысли ея носились далеко, далеко. Марѳа Захаровна, впервые въ жизни, сидѣла на диванѣ, рядомъ съ племянницей, а не въ углу, у окна, и не думала брать чулка. А старикъ Гончаренко, въ долгіе годы жизни въ деревнѣ не освѣженный ни выѣздами въ столицы, ни прилежнымъ чтеніемъ газетъ и мысленнымъ слѣдованіемъ за теченіемъ событій, волновавшихъ свѣтъ, просто пришелъ въ какой-то столбнякъ и не зналъ, что съ нимъ дѣлалось. Слушая Ивана Ильича, онъ даже забывалъ о трубкѣ, за обѣдомъ болѣе суетился, чѣмъ ѣлъ, сопѣлъ немилосердно, ершилъ густоватыя брови и то смѣялся, заливаясь сиплымъ, рѣзкимъ хохотомъ, то быстро утиралъ слезы, самъ не знавши, откуда онѣ брались. Даже Фабриціусъ, уже коротко знавшій Щебетковскаго, и тотъ съ первыхъ же его разсказовъ сталъ смотрѣть на него во всѣ глаза; а подъ конецъ даже озирался по комнатѣ, будто не зналъ, гдѣ онъ очутился и на яву ли слышитъ произносимое.

Нагнувшись къ уху Антона Степаныча, Иванъ Ильичъ что-то ему шепнулъ. Тотъ вышелъ, и черезъ четверть часа слуга доложилъ, что лошади Ивана Ильича поданы.

— Куда же вы?—спросилъ печально Гончаренко, не ожидавшій такого скораго отъѣзда:—вы бы вечерокъ еще съ нами просидѣли! Право, васъ заслушаешься!

Иванъ Ильичъ вѣжливо, но сухо и съ достоинствомъ отказался, даже ловко замялъ самую возможность дальнѣйшихъ удерживаній, взялъ шапку и сталъ откланиваться.

— А ты, братъ Антонъ, — обратился Гончаренко къ Фабриціусу:—все юлишь по прежнему? Вѣрно, уже опять собакамъ раздавалъ шарики?

— Нельзя-съ; раздавалъ-съ! У васъ, Акимъ Захарычъ, песики все чистоплотные и умные...

— Охъ ты, егоза Иванычъ, чистоплотные!—А вы, Иванъ Ильичъ, надѣюсь, теперь знаете дорогу къ намъ; милости просимъ. Пріѣдете, поохотимся. Вѣдь у насъ охота еще первобытная, дѣдовская, на дикихъ козъ и на кабанчиковъ...

Щебетковскій молчалъ.

— Благодарите, благодарите; скажите, что буду!—шепталъ ему сзади Фабриціусъ. Тотъ молча обернулся къ нему.

— Если ничто не помѣшаетъ и я поустроюсь съ дѣлами, для которыхъ я пріѣхалъ, то постараюсь быть у васъ!—отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

Фабриціусъ вытаращилъ на него глаза.

Гости откланялись и уже выѣхали за ворота, а въ домѣ все еще раздавался рѣзвый хохотъ дѣвушки.

Миновали опять околицу, выѣхали въ поле. Снова поѣхали надъ берегами рѣки и степью.

Фабриціусъ первый нарушилъ молчаніе. Заглянувъ въ лицо Щебетковскаго, онъ тихо спросилъ:

— А что, Иванъ Ильичъ, каковъ панъ? Вотъ, можно сказать, магнатъ! Такой богачъ, такой гордецъ, а васъ какъ принялъ! Прелесть моя, да и только!

Щебетковскій усмѣхнулся.

— Уже таково вѣрно наше счастье съ вами, Антонъ Степанычъ!

— Нѣтъ, какъ принялъ, какъ принялъ! Фа-фа-фа! Даже ухаживалъ! Замѣтили, какъ онъ просилъ бывать? Какъ за столомъ вамъ подливалъ?

И старикъ качалъ головою.

— А за то, — продолжалъ онъ:—посмотрѣли бы вы, какъ онъ здѣшнюю уѣздную братію принимаетъ! Кормить - кормитъ и поить — поитъ; это такъ! Но уже никакого искательства! Ни-ни, и ни Боже мой!

— А однако же,—мыслилъ про себя, подъ возгласы сосѣда, Щебетковскій: — отчего это въ самомъ дѣлѣ этотъ чудакъ Фабриціусъ прежде мнѣ не сказалъ ничего о домѣ Гончаренка и о томъ, что у него есть дочка, когда мнѣ высчитывалъ здѣшнихъ невѣстъ? Странно, не понимаю! Надо узнать!

Лошади бѣжали дружною рысью.

— Ну-съ, почтеннѣйшій Иванъ Ильичъ, а теперь уже позвольте васъ спросить,—началъ Фабриціусъ:—и насчетъ настоящаго нашего дѣла: какъ же вамъ нравится, по правдѣ, домъ Прасковьи Кондратьевны и хоть бы сама дѣвица Раичка? Что намѣрены вы теперь тамъ предпринять и когда опять туда махнемъ? Вы молчите?

— Нѣтъ, ничего, я думаю именно объ этомъ! — отвѣтилъ Щебетковскій.

— Объ этомъ? Э, нѣтъ! Жалко мнѣ, по правдѣ, васъ. Раичка эта точно нѣсколько мѣшковата, да и чувства, кажется, имѣетъ холодныя. Вамъ не такую надо, вижу: огонь, чтобъ такъ и горѣла сама...

Щебетковскій, недоумѣвая, глянулъ на него.

— Да,—продолжалъ старикъ:—да! Вамъ надо другую! Вспомнилъ я, погодите, объ одной вдовѣ, моей знакомой, надъ Днѣпромъ! Она живетъ какъ разъ въ лѣсу, въ дремучемъ лѣсу, и можно поручиться—богатѣйшая помѣщица. Каменныя палаты у нея, залъ въ два свѣта, камины, зеркала; сама въ очкахъ съ пуклями, хотя всего тридцати лѣтъ, и распродувная бестія, бабулька! Одной рукой въ вистъ деретъ съ гусарами, а другой тутъ же съ кирасирами банкъ мечетъ. И такая разбитная, въ сажень ростомъ, глаза вотъ какія, на выкатѣ, предебелая, презентабельная, просто камергерская особа, штатсъ-дама, царица Бона, да и только! Я бы вамъ совѣтовалъ къ послѣдней! Хотите? Опять катнемъ вмѣстѣ? Я могу получить рекомендательныя письма!

— Нѣтъ, Антонъ Степанычъ, — перебилъ съ улыбкой Щебетковскій:—я уже что положилъ, того не перемѣняю! Мы съ вами, какъ еще пообживемся, опять поѣдемъ къ Прасковьѣ Кондратьевнѣ. непремѣнно! Слышите-ли? Не отступаться! Пословица говоритъ: „куй желѣзо, пока горячо!“ Такъ?

— О! Такъ, такъ, разумѣется!

— То-то-же, мой почтеннѣйшій! Надо торопиться. Вѣдь мнѣ на-дняхъ тридцать лѣтъ; а дѣло, надо думать, и въ особенности... если мнѣ еще тамъ и понравилось? Не такъ-ли?

— Такъ, отъ души такъ! Вы не повѣрите, какое это блаженство—семейный уголокъ, милая дамочка, кроватка, тамъ дѣтки. Ахъ, оставайтесь вы у насъ на Украйнѣ, Иванъ Ильичъ!

— Да что же вамъ особеннаго въ томъ, что я останусь?

— Помилуйте: эта тишина, эта природа, довольство всѣмъ, довольство малымъ; да и вашъ собственный хуторокъ. Вѣдь это прелесть! Какой садъ, какой домъ старинный! Надъ всѣмъ благодать; земля—чудо, люди честные, тихіе. Стоитъ только заняться: доходы васъ обогатятъ. Да и прадѣдушка вашъ, пращуръ этотъ, гетманъ, говорятъ, самъ бережетъ ваше достояніе...

— А?

— Точно, ей-Богу. Говорятъ, его тѣнь кроткая по дому и по саду, когда никого нѣтъ, ходитъ, на все смотритъ, заботится и бережетъ. Право, и люди его видѣли; какъ есть въ казацкомъ гетманскомъ нарядѣ ходилъ, весь бѣлый, какъ пухъ, а усы и брови точно молочные. Этакая охрана-благодать въ домѣ, сущая благодать! И я еще при бабушкѣ, до васъ, нѣсколько разъ по ночамъ въ саду караулилъ, хотѣлъ его подсмотрѣть—да не удалося... Оставайтесь-ка вы у насъ!

Щебетковскій на это молча улыбался. Лошади ѣхали опушкою

лѣса. Снова вечерѣло. Иванъ Ильичъ, лѣниво наслаждаясь видами, думалъ между тѣмъ, отчего старикъ умолчалъ ему о Шурочкѣ. Этотъ вопросъ, впрочемъ, разрѣшался легко.

Антонъ Степанычъ, какъ уже сказано, былъ особенно близокъ къ дому Акима Захарыча. Когда еще Гончаренко гвардействовалъ и жилъ въ полку на жалованьи, до смерти своего дяди, державшаго его въ ежевыхъ рукавицахъ, а послѣ себя все-таки оставившаго ему и его сестрѣ деревеньку, Акимъ Захарычъ тогда же сошелся съ Фабриціусомъ, по случаю хлопотъ по выданнымъ, въ дни кутежей, векселямъ на имя разныхъ ростовщиковъ, такъ какъ Антонъ Степанычъ вышелъ тоже тогда изъ улановъ и бродилъ по уѣзду. Потомъ Гончаренко принялъ наслѣдство, женился, сталъ держать очень счастливо откупъ и взялъ къ себѣ честнаго и кропотливаго украинскаго нѣмца сперва въ письмоводители, а потомъ и въ товарищи по нѣсколькимъ паямъ. Нажилъ Акимъ Захарычъ, нажилъ и Фабриціусъ. Тутъ и счелъ себя Антонъ Степанычъ рѣшительно близкимъ къ семьѣ Гончаренка. Когда у послѣдняго родилась дочь и еще нѣсколько дней жила ея мать, онъ на крестинахъ, сверхъ обыкновенія, подкутилъ такъ, что его должны были держать за руки. Тѣмъ не менѣе, однако, еще не охмѣлѣвши вполнѣ, онъ приподнялъ при гостяхъ новорожденную, въ пеленочкахъ, на воздухъ и сказалъ въ сильномъ душевномъ движеніи: — „Господа и вы всѣ, дворяне, дворянское сословіе! Я пользуюсь симъ случаемъ... клянусь, это... это дитя—все равно, какъ бы мое родное! Если Сашенька выростетъ, я берусь найти и найду жениха такого, такого, что еще и свѣтъ не видѣлъ такого! Ныньче молодежь пустая и коварная. А я уже буду слѣдить и ей найду жениха съ золотымъ чубомъ, то есть... то есть... ну, да вы меня понимаете, господа? Генералъ-ли, магнатъ-ли, богачъ-ли какой, я только укажу отцу и скажу: вотъ вамъ зять! О, ей суждена судьба высокая!“ Вслѣдъ за этимъ, изъ жилетнаго кармана, гдѣ потомъ только хранились уже знакомые намъ хлѣбные катышки для собакъ, онъ вынулъ тщательно переписанные, частію собственнаго сочиненія, а частію келейно заимствованные у одного писателя старыхъ временъ стишки и прочелъ кантъ въ честь новорожденной, который начинался такъ:

„Въ честь Россіянки прекрасной,
„Пойте, пойте гимнъ согласной!“

Съ той поры Фабриціусъ замолчалъ, и длинный рядъ годовъ, во все младенчество, отрочество и наступившую юность Шурочки, сперва живя въ домѣ отца ея, а потомъ не переставая навѣщать его, считалъ себя рѣшительно обязаннымъ пріискать жениха Шурочкѣ и

скупился на этотъ счетъ страшно. Изъ окрестныхъ молодыхъ помѣщиковъ и служащихъ, по его мнѣнію, не подходилъ никто. За то онъ часто задумывался надъ газетами и слушая разсказы о разныхъ особахъ перваго почета въ столицахъ. Какъ-то пріѣхалъ въ ту губернію молодой губернаторъ, красавецъ, о которомъ всѣ кричали. Шурочкѣ тогда было четырнадцать лѣтъ. Онъ сталъ прочить его ей въ женихи, но раздумалъ, узнавши, что общій любимецъ, ставшій на первыхъ порахъ чѣмъ-то въ родѣ Гарунъ-аль-Рашида, даже переодѣвавшійся по ночамъ, для изслѣдованія страданій человѣчества, нежданно оказался самымъ пустѣйшимъ щелкоперомъ, даже падкимъ на взятки. Потомъ его мысли остановились на одномъ писателѣ въ Москвѣ, молва о романтической поэмѣ котораго, увлекавшей молодежь, долетѣла и до него, и онъ самъ своими руками переписалъ эту поэму. Писателя смѣнилъ болѣе практическій генералъ, въ сосѣдствѣ дѣлавшій маневры. Наконецъ, его мысли летали даже во Францію, и одно время, когда новѣйшій Бонапартъ тщетно искалъ себѣ подруги изъ вѣнчанныхъ особъ и остановилъ свой выборъ на испанкѣ Монтихо, Антонъ Степанычъ въ простотѣ души подумалъ: „Вотъ судьба! Ну, отчего ему было не завернуть сюда? И чѣмъ Шурочка хуже какой-нибудь испанки? По крайней мѣрѣ, уже украсилъ бы престолъ, да и на ея головкѣ была бы корона!“

Готовя такого рода партію для своей любимицы, онъ Щебетковскаго не считалъ достойнымъ для нея женихомъ, да кромѣ того полагалъ, что и ея батюшка съ людьми такого мелкаго полета не способенъ и дружбы водить, не только родства...

Къ концу дороги оба размечтались, и Фабриціусъ, и Щебетковскій. Щебетковскій самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается; мысли его бѣжали, бѣжали и смѣняли одна другую. Фабриціусъ думалъ: „Перепелиную клѣтку кончу, наловлю перепеловъ и сейчасъ же лучшаго отвезу Александрѣ Акимовнѣ. И ройка молодаго отвезу на медъ! Она любитъ, проказница...“

Пріѣхали.

Антонъ Степанычъ простился, упомянулъ, что если угодно сосѣду, онъ готовъ завтра съ нимъ идти на охоту, или съ удочкой заняться; что рыба клюетъ, что это онъ слышалъ и въ деревнѣ Акима Захарыча, въ Катериновкѣ, отъ повара Любима. Щебетковскій съ увлеченіемъ, нѣжно пожалъ его руку и поблагодарилъ, сказавши, что пойдетъ съ нимъ, куда угодно, съ удовольствіемъ, лишь бы коротать хуторянскую скуку. „Кстати! я кое-что и изъ журналовъ думаю выписать!—заключилъ онъ:—будемъ читать и слѣдить за всѣмъ!“

Старикъ пошелъ опять темными дорожками къ плотинѣ, садомъ.

Вошелъ въ домъ и сильно изумился, найдя на крыльцѣ, на сторожѣ, свою кривую и невзрачную ключницу пьяною.—„Ты!! дура! что съ тобой?"—допрашивалъ онъ ее.—„Кто тебя напоилъ? признавайся!"—Ключница, красная, какъ уголь, и улыбаясь поминутно, перешла съ трудомъ въ комнату, зажгла свѣчу и указала на столѣ, въ салфеткахъ, какіе-то узелки, бутыль съ наливкой и письмо.—„Это отъ кого?"—„Горпина пріймачка привезла отъ той пани, что на Деркачахъ!"—„Отъ Прасковьи Кондратьевны, отъ Дженджерихи? ты врешь!"—„Ей-же Богу-жъ-то; вотъ это, передъ вечеромъ уже, и привезла, да не дождалась васъ, спѣшила!"—„А ты уже и напилась?"—Ключница только стыдливо отвернулась и съ улыбкой стала утираться. Фабриціусъ вскрылъ письмо, малорусскія выраженія котораго мы сокращаемъ: „Родненькій мой, Антонъ Степанычъ! За привозъ сосѣда присылаю бубличковъ, редиса, пять колерабокъ, девять огурчиковъ изъ парниковъ, кусокъ холста и наливочки. Салфетки воротите и складень. Да не успѣла запечатать наливки; закупорьте сами—неравно люди ваши выпьютъ. Вы же холостой. Сосѣдъ—ничего, такой бойкій и, видно, можетъ быть хорошимъ хозяиномъ; а мнѣ такого и нужно. Пріѣзжайте опять: я не прочь, да и мои дуры тоже. Только напишите, какую готовить; а то у всѣхъ таліи разныя. Надо платье заказывать въ городѣ. Еще разъ, родненькій, спасибо. Ваша ко услугамъ — Парасковья Дженджерь". Фабриціусъ крякнулъ и легъ спать.

А для Ивана Ильича—опять знакомая картина.

Съ соннымъ, перерывистымъ карканіемъ, усаживаясь на густыхъ вербахъ, шумѣла еще обычная стая грачей. Изъ саду пахло. Листья громадныхъ тополей шушукали у верхнихъ оконъ, гдѣ въ гостиной была спальня Ивана Ильича.

Иванъ Ильичъ такъ размечтался, пріѣхавши домой и легши спать на любимомъ мѣстѣ, въ старинной гостиной, на диванѣ, подъ портретомъ прадѣда, такъ, что просто глазъ не могъ сомкнуть. Въ ушахъ его раздавались веселые, отрадные звуки, жилы на вискахъ бились и стучали. И весь его составъ ликовалъ при мысли, что онъ одинъ въ своемъ домѣ, одинъ, свободенъ, независимъ ни отъ кого, и никто не подслушаетъ его голоса, ни его сокровенныхъ, задушевныхъ мыслей и стремленій, развѣ милая тѣнь прадѣда, о которой говорилъ ему добрякъ-сосѣдъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Крѣпость, взятая безъ вѣдома коменданта.

Начались осенніе дни. Лѣнивый малороссъ, собравъ кое-какъ годовой запасъ хлѣба, сидѣлъ въ чистой, выметенной хатѣ и, подъ вліяніемъ дешеваго довольства, думалъ, идти ли ему уже пахать подъ яровое, для будущаго лѣта, или нѣтъ? На землѣ Щебетковскаго также кое-какъ копошились, сняли и молотили хлѣбъ. Подъвечеръ еще неслись съ поля, вмѣстѣ съ пылью, ржаніе и глухой гулъ бѣжавшаго къ водопою конскаго табуна. Надъ мельницей, огромнымъ, ветхимъ домомъ и похоронною часовней въ саду кружились огромныя стаи грачей. На деревушкѣ, спадавшей въ разсыпку по косогору, скрипѣли дружно, утро и вечеръ, деревянные журавли на колодцахъ. Между крестьянскихъ избъ выростала новая деревня, тѣснившая старую, деревня изъ золотистыхъ скирдъ молодаго хлѣба. Мелкіе барышники уже шныряли по окружности, выбирая пробы: то проса, то пшеницы, то льну, то гречихи. „Эге-ге!—думалъ Иванъ Ильичъ:—да какой же тутъ богатый околотокъ! Наслѣдникъ Балабанъ, хоть бы и эта хозяйственная помѣщица Дженджериха и Гончаренко! Все тузы!“ Случилось какъ-то такъ, что Иванъ Ильичъ не видѣлся съ своимъ сосѣдомъ черезъ рѣчку довольно долго, ни у себя дома, ни въ собственномъ монашескомъ фольваркѣ Антона Степаныча, ни на дружески соединявшей ихъ усадьбы плотинѣ, съ знакомою уже мельницей. За недѣлю передъ тѣмъ встрѣтилъ онъ его, идучи въ поле, гдѣ-то подъ оврагомъ, кислаго, съ покраснѣвшими глазками и съ одышкой. „Куда вы, Антонъ Степанычъ?“—„А вотъ, поразмяться немного; какъ-будто расклеился, занедужилъ! Съ собачкой на перепеловъ захотѣлось; вонъ какого песика прикормилъ!“ Щебетковскій глянулъ: собаченка шла тоже, поджавши хвостъ. Вскорѣ потомъ узналъ онъ, что изъ усадьбы Антона Степаныча ѣздили въ казенное село Колтуны за фельдшеромъ. Пришелъ къ нему и уже засталъ его въ сильнѣйшей горячкѣ. Болѣзнь была захвачена, старикъ спасенъ, но уже не оправлялся во всю зиму и проскрипѣлъ вплоть до весны.

Между тѣмъ, незадолго до первыхъ заморозковъ, наступили охотничьи времена. Окрестность, издревле еще богатая лѣсами, вызвала нѣсколько знаменитыхъ травлей. Старозаймочныя дебри огласились

звуками роговъ и атуканья доѣзжачихъ. У Гончаренка, въ лѣсной дачѣ, высмотрѣно было стадо дикихъ козъ и два-три кабана. Щебетковскій не упустилъ случая и поѣхалъ къ нему. Видѣлъ онъ съѣздъ отчаянныхъ охотниковъ, ближнихъ и дальнихъ, любителей лошадей и псовой травли, въ полу-польскихъ, въ полу-шотландскихъ охотничьихъ нарядахъ. Видѣлъ начальную церемонію охоты, выводку своръ, роздыхъ въ лѣсу подъ столѣтнимъ яворомъ, причемъ серебряные стаканчики переходили изъ рукъ въ руки. Видѣлъ разставленныхъ по кабаньему пути, на пняхъ, стрѣлковъ, слышалъ трескъ валежника, видѣлъ дымъ выстрѣловъ и выбѣжавшаго изъ кустовъ, въ крови и въ пѣнѣ, обезумѣвшаго отъ ярости и боли, сѣренькаго вепря. Видѣлъ наконецъ этого вепря, съ торжествомъ положеннаго на серебряное блюдо, и лучшаго конюха Акима Захарыча, бѣлокураго Герасима, на носилкахъ, смертельно раненаго этимъ кабаномъ, въ то время, какъ гончіе, открывъ слѣдъ его, залаяли и кинулись по мелкосрубью и кочковатымъ оврагамъ, а звѣрь пошелъ на людей. Въ лѣсу снова былъ роздыхъ. Турій рогъ ходилъ между гостьми. А за позднимъ обѣдомъ Александрѣ Акимовнѣ и Марѳѣ Захаровнѣ, по обычаю старины, отрѣзанные съ общаго блюда старѣйшимъ изъ участниковъ охоты, толстымъ паномъ Жмайловскимъ, за двѣсти верстъ нарочно пріѣхавшимъ сюда на охоту, были поданы съ особою церемоніею на золоченыхъ блюдцахъ филейный кусокъ козы, смоченной въ уксусѣ, и ребрушки кабана, жаренаго съ кашей. Передъ разъѣздомъ, какъ заведено было, гости опять пили изъ серебряныхъ чарочекъ и турьяго рога, распѣвая пѣсни старобытной Украйны, и, выйдя со двора, лицомъ къ лѣсу, стрѣляли, чтобъ водился звѣрь, по обычаю, холостыми выстрѣлами изъ своихъ ружей и винтовокъ, все работы Кухенрейтера, Лазаря Лазарини и лучшихъ венгерскихъ заводчиковъ. Щебетковскій при этомъ тоже, поддерживая обычай, попаливалъ изъ какого-то саженнаго шведа, даннаго ему щедростью заботливаго хозяина.

Держалъ себя вообще Щебетковскій осторожно и вѣжливо. У Гончаренка же сталъ бывать чаще и чаще, особенно когда легъ отличный зимній путь. О Петербургѣ онъ скоро забылъ. Пріѣзжая то въ будни, то въ праздникъ въ Катериновку, а иначе въ Надеждино-Прекрасное, какъ романтически именовалось имѣніе Акимомъ Захарычемъ, онъ привозилъ съ собою то новую пріобрѣтенную книжку, то желаніе въ чемъ-нибудь посовѣтоваться съ Акимомъ Захарычемъ, то новый пріобрѣтенный гдѣ-нибудь разсказъ о какомъ-либо занимательномъ современномъ событіи въ Европѣ или въ столицѣ. Иногда онъ по прежнему пѣлъ, иногда читалъ до поздней ночи, иногда заводилъ любопытное разсужденіе о какомъ-нибудь явленіи въ исторіи

міра, или въ астрономіи, сообщая увлекательныя свѣдѣнія о новѣйшихъ открытіяхъ древностей. На души, жившія въ мирномъ безлюдьѣ и въ совершенномъ удаленіи отъ шумнаго коловорота совершенныхъ обществъ, эти слова производили глубокое впечатлѣніе. „Да вы намъ сегодня, Иванъ Ильичъ, экспромтомъ цѣлую лекцію прочли!“ —говорилъ иногда Акимъ Захарычъ, просидѣвши съ трубкою въ кругу семьи нѣсколько часовъ сряду и думая: „Какой, однако, это милый и образованный молодой человѣкъ и какъ много подаетъ надеждъ!“ Но еслибы болѣе строгій и проницательный слушатель въ это время наблюдалъ за Иваномъ Ильичемъ, онъ подсмотрѣлъ бы, что пожалуй, чего добраго, увлекательный разскащикъ передъ тѣмъ, какъ произносилъ экспромтомъ цѣлыя лекціи, копался надъ довольно-увѣсистыми книжками, найденными въ дѣдовской библіотекѣ. Въ теплые, нѣсколько сыроватые зимніе дни, по льдистому снѣгу Акимъ Захарычъ и Иванъ Ильичъ въ маленькихъ, какъ орѣховая скорлупка, крытыхъ алымъ коврикомъ санкахъ объѣзжали заводскихъ рысаковъ. Одинъ разъ Иванъ Ильичъ даже неожиданно слеталъ съ Акимомъ Захарычемъ на-легкѣ, въ простыхъ пошевняхъ, на одну конную ярмарку, гдѣ-то верстъ за двѣсти, куда случайно пригнали для распродажи чей-то не слишкомъ казистый, но довольно крѣпкой рабочей породы табунъ и гдѣ Гончаренко, купивши его дешево, взялъ порядочный барышъ. Акимъ Захарычъ уже окончательно освоился съ нимъ и въ мысляхъ своихъ къ даровитости, ловкости и образованности Щебетковскаго придавалъ еще качества сметливости, умѣнья обдѣлывать дѣла и опытной житейской мудрости, такъ что, особенно при послѣдней покупкѣ табуна, гдѣ онъ умѣлъ подъѣхать и къ продавцу, и къ другимъ покупателямъ косвенно, какъ бы постороннее лицо, онъ уже шутя говорилъ: „Вы, Иванъ Ильичъ, хотя и молодой человѣкъ, а старшій тутъ!“

Въ разъѣзды свои Ивану Ильичу удалось самому повѣрить слова Фабриціуса о состояніи Гончаренка. Знакомый Акима Захарыча священникъ, встрѣченный на обѣдѣ у исправника, на вопросъ Щебетковскаго: „дѣйствительно-ли Гончаренко на откупахъ нажилъ четыреста тысячъ?“ — отвѣчалъ, что это дѣйствительно такъ, и что по его мнѣнію онъ нажилъ еще болѣе, потому что у одного Мамышевскаго винокура въ ростѣ его пять тысячъ серебромъ было два года назадъ, да порядочный кушъ загребъ у него для оборотовъ Петръ Васильичъ Замуруевъ, сгонщикъ, который впрочемъ слишкомъ уже забираетъ рыси и путается. Другой короткій пріятель Акима Захарыча, геморроидальный страдалецъ съ разстроеннымъ до крайности желудкомъ и облѣзшими волосами,—почему постоянно возилъ въ бричкѣ подъ ногами, въ ящичкѣ, паричекъ табачнаго цвѣта,—когда

къ нему адресовался Щебетковскій, еще болѣе подтвердилъ его мнѣніе о состояніи Гончаренка. Это было въ домѣ послѣдняго, гдѣ постоянно клали спать и его, и этого господина въ одной комнатѣ. Чистя зубы щеткой, этотъ страдалецъ, тѣмъ не менѣе лукавый человѣкъ, на вопросъ Щебетковскаго о состояніи Акима Захарыча, только замоталъ головою, не говоря ни слова, такъ какъ у него былъ полонъ ротъ воды, и уже выпустивши воду, сказалъ: — „О-о! состояніе Акима Захарыча? Это цѣлая Ротшильдовская компанія!“

Любила ли Александра Акимовна Ивана Ильича? вправѣ спросить теперь меня всякая читательница, очень вѣрно и основательно зная, что эта дѣвица и этотъ молодой человѣкъ для того и сведены въ этой повѣсти, чтобы занять мѣста героини и героя. Положительнѣе можно было бы отвѣтить, что скорѣе она не любила его, но, видаясь не безъ удовольствія довольно часто съ нимъ, она начинала къ нему привыкать. Еслибы его кто въ ея присутствіи ловко ругнулъ, или вѣжливо осудилъ бы его за какой-нибудь общественный проступокъ, она защищала бы его и охотно привела нѣсколько смягчительныхъ свѣдѣній въ его оправданіе. Знай она, что модныя барышни любятъ поминать своихъ обожаемыхъ въ молитвахъ, она непремѣнно и охотно помянула бы и его въ вечерней и утренней молитвѣ, вслѣдъ за покойною матерью своею, отцемъ и теткой. Уѣзжай изъ ихъ мѣста Иванъ Ильичъ, она простилась бы съ нимъ степенно и задумчиво, хотя бы три дня потомъ не принималась съ обычною свѣжестью ни за какую работу; а узнай она потомъ неожиданно, этакъ черезъ годъ, или черезъ два, что положимъ такой-то Иванъ Ильичъ Щебетковскій, который, помните, тогда-то бывалъ у нихъ, умеръ въ Костромѣ отъ холеры, или подстрѣленъ на войнѣ на Кавказѣ, она встревожилась бы и, вскрикнувъ: „Ахъ! Боже мой, какая жалость! Вотъ бѣдный! Такой молодой еще былъ!“ — упросила бы разсказать, какъ это случилось, что онъ умеръ, и прилежно выслушала бы все повѣствованіе.

Зима кончалась. Въ воздухѣ повеселѣло. Дороги обстоялись и казались уже черными полосами. Прошелъ великій постъ; прошла и Пасха. Мало по малу поля обнажились. Окна выставлены. Явилась зелень. Акимъ Захарычъ рано открылъ покосы и уже почти не сходилъ съ своей зеленой степи. На всѣхъ окнахъ его висѣли въ нитяныхъ клѣткахъ перепела. Табунъ ходилъ верстъ за двадцать, въ другомъ участкѣ его, по полю косякомъ, съ верховыми сторожами. Ивану Ильичу нравилась роль влюбленнаго. Въ Петербургѣ любовь онъ видѣлъ только на сценѣ въ водевиляхъ и со всѣмъ новымъ поколѣніемъ своихъ сверстниковъ охотно ей не вѣрилъ. Здѣсь же, на свободѣ, отрадно предаться ея живописнымъ карти-

намъ. Онъ вставалъ рано по утру, садился на осѣдланную лошадь и ѣхалъ на поля. Тамъ онъ въ волю мечталъ, — мечталъ и о свѣжемъ личикѣ Шурочки, и о ея плечахъ, и о толстенькихъ ручкахъ. „Боже! какъ она меня любитъ!“ —думалъ онъ иногда ни съ того, ни съ сего, и прибавлялъ, спохватясь: — „и полюбитъ крѣпко!“ На немъ былъ коротенькій сюртукъ, въ рукахъ нагайка. Конь рысью бѣжалъ по зеленѣющимъ полямъ. Романтическія увлеченія заходили еще дальше. Иногда Иванъ Ильичъ, запоздавши въ полѣ, оставлялъ лошадь въ шинкѣ, подъ селомъ Гончаренка, а самъ шелъ къ нему въ рощу и садомъ, уже впотьмахъ, пробирался къ дому. Онъ отыскивалъ угольную комнату, уборную Шурочки, гдѣ та работала всегда съ теткой, прислонялся къ окну и по цѣлымъ часамъ, до полуночи, глядѣлъ за ея движеніями, когда она болтала, шутила съ горничными и, наконецъ, зѣвая, уходила спать. Уходя, Щебетковскій иногда на окно клалъ кленовый листъ, полный ягодъ, или книжку, съ закладкой на какой-нибудь страстной сценѣ, и послѣ не спрашивалъ ее о нихъ, стараясь угадать по лицу, что о немъ думали. Шурочка стала замѣчать его страстные взоры, тетка напряженно молчала. Такъ прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Щебетковскій самъ себя не могъ понять: любилъ ли онъ самъ? Ему все хотѣлось чего-то рѣзкаго, смѣлаго, какъ будто у него отнимали лучшее сокровище. Онъ медлилъ и боялся посовѣтоваться съ своею совѣстью. Дни становились душнѣй и душнѣй. Шурочка уже собиралась съ Маѳой Захаровной варить варенье и даже имѣла поползновеніе улепетнуть въ лѣсъ, версты за четыре, за глубокимъ оврагомъ, собирать тамъ дикую землянику...

Въ это время какъ-то завернулъ къ нимъ послѣ обѣда Щебетковскій, какъ обыкновенно, почитать, поболтать и погулять по саду. Вошелъ въ переднюю—нѣтъ никого; въ кабинетъ и въ залу — тоже, въ гостиную—тоже никого нѣтъ. Оправившись, онъ собрался было идти на дальнѣйшіе поиски, какъ раздались шаги съ садоваго крыльца, и Шурочка, съ руками въ вишневомъ сокѣ, раскраснѣвшаяся у желѣзнаго таганка, въ коричневомъ платьѣ и такой же ситцевой пелериночкѣ, на скрипѣвшихъ каблучкахъ козловыхъ башмаковъ, вбѣжала въ гостиную. — „Ахъ, мои батюшки!“ — крикнула она, увидѣвши Щебетковскаго, и стала трясти замаранными руками. „Дома папенька?“ — „Нѣтъ-съ, въ полѣ; тамъ и корни пустилъ у косарей!“ — „А скоро будетъ?“ — „Да говорю же вамъ, что заспживается тамъ, иногда и ночуетъ!“ — „Но я же его подожду!“ — Шурочка, встряхивая руками, побѣжала далѣе. — „Куда-же вы?“ — „А вотъ руки вымою; ишь какъ, и-и-Боже мой, какъ вымазалась!“ — И, размазa-

тривая липнувшіе пальцы, надъ которыми роились мухи, она побѣжала въ корридоръ.

Акимъ Захарычъ не пріѣхалъ къ чаю. Но хозяйки распорядились и безъ него. Угостивши чаемъ Ивана Ильича, Шурочка полѣзла въ гостиной въ столъ, достала оттуда замасленныхъ картъ и сказала:

— Давайте, тетенька, обыграемъ Ивана Ильича въ дураки!

Сѣли за столъ. Щебетковскій много ихъ смѣшилъ на этотъ разъ, подтасовывалъ и кралъ карты, ходилъ не въ очередь и билъ короля дамой, а все-таки кончилъ тѣмъ, что обыгралъ и Александру Акимовну, и Марѳу Захаровну. Вечеръ прошелъ незамѣтно. Къ ужину опять ждали Акима Захарыча и не дождались. Ужинали безъ него. Послѣ ужина еще подождали нѣсколько Акима Захарыча и, убѣдившись, что онъ остался ночевать въ полѣ, вѣроятно въ куренѣ, близъ табуна, въ другомъ своемъ участкѣ, предложили Ивану Ильичу переночевать. Посидѣли еще немного и разошлись.

Комната, гдѣ отвели ночлегъ Щебетковскому, была рядомъ съ залой и стѣна объ стѣну съ кабинетомъ хозяина. Въ ней, подъстать охотническимъ наклонностямъ хозяина, по стѣнамъ, на подставкахъ, были укрѣплены очень изрядно-сдѣланныя домашними средствами чучела животныхъ и птицъ, водившихся въ тѣхъ мѣстахъ и большею частію убитыхъ рукою самого хозяина. Постель нашелъ Иванъ Ильичъ чистую, свѣжую, на мягкомъ зеленомъ сафьяновомъ диванѣ съ пружинами, который и нѣжилъ, и вмѣстѣ прохлаждалъ тѣло. Улегшись и отпустивъ слугу, онъ еще нѣсколько времени читалъ какую-то старинную книжку разрозненнаго журнала съ повѣстью изъ американскаго быта. Потомъ потушилъ свѣчу и перевернулся на другой бокъ, съ цѣлью заснуть. Но сонъ не бралъ его. Ночь была душистая и теплая. Въ растворенное для свѣжести окно доносился шорохъ слегка задѣваемыхъ легкимъ вѣтромъ древесныхъ вершинъ. Передъ самымъ окномъ стоялъ исполинскій берестъ, совершенно заслоняя его отъ лучей и безъ того въ эту ночь заслоненнаго облаками мѣсяца, почему чучела звѣрей и птицъ едва виднѣлись по стѣнамъ и простѣнкамъ комнаты. Въ дальней комнатѣ пробило два часа ночи. Тишина въ окрестности была полная. Только въ самой комнатѣ Ивана Ильича, должно быть забытая прислугою, раскрылась, съ вечера еще, маленькая особая заслонка въ печкѣ для освѣженія воздуха зимою и, вертясь безъ устали подъ теченіемъ воздуха, тихо звенѣла въ общей тишинѣ комнатъ на разные лады. Вѣроятно звуки ея долетали и до другихъ покоевъ, потому что на противуположной почти сторонѣ дома, какъ бы въ комнатѣ хозяекъ, Щебетковскому послышались слова: „*Марья, Марья*“; че-

резъ нѣсколько минутъ шопотливый зовъ усилился и опять замолкъ. Видно было, что особа, звавшая служанку, убѣдилась въ отсутствіи послѣдней. И не мудрено: кто могъ, въ эту ночь вырвался изъ-подъ душной кровли и спалъ, разметавшись на открытомъ воздухѣ. Скрипнула отдаленная дверь и опять отворилась, какъ будто отпиравшая ее убѣдилась, что въ другихъ сосѣднихъ комнатахъ нѣтъ ни одного лица, которое бы прошло въ комнату гостя и закрыло бы назойливую вьюшку. Вдругъ Щебетковскому почудилось,—и ознобъ пробѣжалъ по его спинѣ,—что по дубовому полу залы беззвучно шли чьи-то шаги, и къ самой его двери тихо близилась чья-то едва шелестѣвшая нога. — „*Неужели это она?*“ —подумалъ онъ и, въ порывѣ какого-то неопредѣленнаго движенія, сперва вскочилъ, какъ есть, а потомъ опять упалъ въ постель. Все на минуту замолкло. Какъ ни напрягалъ зрѣнія Щебетковскій, никакъ нельзя было рѣшить, отворяется, или не отворяется его дверь. Однако онъ, не долго думая, оставилъ кушетку и, какъ видѣніе, какъ безплотный духъ, началъ красться къ двери, и ни одинъ ловкій воръ такъ неслышно не крался къ шкатулкѣ, полной золота. На полупути онъ остановился и твердо спросилъ:—„Александра Акимовна! Это вы?“ — Шурочка въ это время, также осторожно, какъ призракъ, рукою едва успѣла закрыть заслонку надъ вьюшкой, очутившись поэтому совершенно всѣмъ тѣломъ въ комнатѣ гостя и, готовясь уже также тихо уйти отъ него, думала:—„Вотъ и отлично; я таки закрыла, а онъ спитъ и не слышитъ! Что за бѣда! Зато дѣло сдѣлано!“ Вопросъ Щебетковскаго ее поразилъ. „Да, это я!“—отвѣчала она, окаменѣвъ отъ неожиданности, и не знала даже, испугаться ли ей и крикнуть, или просто опрометью бѣжать изъ чужой спальни, гдѣ она такъ безсовѣстно поймалась. „Не бойтесь, умоляю васъ, не бойтесь!“ — залепеталъ скороговоркою Щебетковскій:—„ангелъ мой, Александра Акимовна, не бойтесь!“ — „Что вамъ?!“ —спросила тихо Шурочка, все еще держась за ручку двери и не переступая черезъ порогъ. Ей даже казалось сперва, не заболѣлъ ли сильно гость и не требуетъ ли онъ помощи. — „Александра Акимовна, не бойтесь, не бойтесь, умоляю васъ! Оставьте дверь, никто не услышитъ! Я сейчасъ свѣчку зажгу!“ — Щебетковскій чувствовалъ, какъ прерывалось у него дыханіе.

— Что вамъ?! — еще разъ спросила Шурочка. Щебетковскій поймалъ ея руку, нѣжно привлекъ къ себѣ и, повторяя:

— Спасите меня, я васъ люблю, будьте моей женой, — онъ сжалъ Шурочку въ своихъ объятіяхъ. Въ это время начинало разсвѣтать. Она посмотрѣла ему только въ лицо.

— Вы будете моей женой?—повторилъ онъ.

— Буду.

— Поклянитесь мнѣ въ томъ.

— Клянусь вамъ Богомъ!—отвѣчала Шурочка очень наивно и выпорхнула въ темный еще залъ...

— Дѣло сдѣлано! Теперь она наша!—подумалъ Щебетковскій, легъ и еще успѣлъ заснуть до выхода къ чаю.

Торжественно-степенный вышелъ на другой день Иванъ Ильичъ въ залъ, гдѣ уже суетливо раздавалъ по хозяйству приказанія подъѣхавшій незадолго утромъ Акимъ Захарычъ, поклонился хозяйкамъ, поболталъ съ хозяиномъ, напился чаю и велѣлъ запрягать лошадей, торопливо увѣряя, что пора ѣхать и что надо еще повидаться съ однимъ барышникомъ, который торгуетъ у него ленъ. Въ это время подкатила таратайка съ двумя веселыми сосѣдями Акима Захарыча. Всѣ снова разговорились, и Щебетковскій просидѣлъ еще до обѣда. Шурочка при этомъ сидѣла какъ-то сама не своя, перешептываясь изрѣдка о незначащихъ вещахъ съ теткой и почти не поднимая глазъ. Послѣ обѣда Щебетковскій сухо взялся за фуражку и, простившись съ Акимомъ Захарычемъ, который особенно какъ-то на этотъ разъ тепло пожалъ ему руку, уѣхалъ. Шурочка корридоромъ выскочила въ сѣни и сунула ему записку. Садясь въ экипажъ, Щебетковскій прочелъ: „Я твоя... на вѣки... Будемъ потихоньку переписываться... Твоя, милый Ваня!.. Mon ange! — Жду! А. Г.“ Послѣ отъѣзда его она еще слушала продолжавшійся общій разговоръ. Потомъ встала, безсознательно дошла до спальни, глянула искоса въ зеркало, сѣла бокомъ къ окну, на край стула, взяла въ ротъ какой-то листокъ, медленно вздохнула, губа и уголъ брови ея дрогнули, крупныя слезы выступили изъ ея глазъ, и, громко рыдая, упала она широкимъ и добрымъ лицомъ въ измятую подушку...

Между тѣмъ, невѣдомо для Антона Степаныча и самого Щебетковскаго и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого разсказа, сосѣдніе и болѣе отдаленные языки уже усердно работали. Двоюродныя сестры, троюродныя сестры, крестницы, кумушки и экономки не жалѣли ни догадокъ, ни соображеній. Самые ядовитые пересуды шли уже на счетъ новаго гостя. Сплетались небывалыя происшествія на счетъ его здѣшней, Петербургской и даже Тифлисской жизни, хотя въ послѣднемъ краѣ онъ даже и не бывалъ.

Всѣ уже прямо толковали объ очевидно близкой помолвкѣ Щебетковскаго съ дочкой Гончаренка. Одинъ Антонъ Степанычъ ничего не зналъ.

Едва оправившись отъ болѣзни, онъ былъ еще слабъ и какъ-то дѣтски робокъ ко всему окружающему. Съ первымъ весеннимъ тепломъ онъ сталъ опять прогуливаться въ своемъ зеленомъ халатѣ,

подпоясанномъ платкомъ, и въ картузѣ съ утинымъ козырькомъ. Первый визитъ былъ, разумѣется, къ сосѣду за рѣку. Щебетковскій принялъ его радушно, и Антонъ Степанычъ замѣтилъ, что онъ уже кое-что смыслитъ въ хозяйствѣ, копается въ саду и знакомится съ пріемами и веденіемъ полевыхъ работъ.

Вдругъ, совершенно неожиданно, произошли два слѣдующихъ случая. Была въ Колтунахъ ярмарка. Антонъ Степанычъ чопорно расхаживалъ между мѣщанствомъ и мужичьемъ, которое онъ въ глубинѣ своихъ дворянскихъ убѣжденій отъ всей души презиралъ, и прицѣнялся то къ новымъ ульямъ, то къ стану готовыхъ колесъ, то къ связкѣ луку, готовясь кутнуть и утереть носъ цѣлой десятирублевой ассигнаціи, какъ услышалъ свое имя. По площади, между палатокъ, ѣхала въ крытой бричкѣ грузная и исполинская особа, въ которой тотчасъ Антонъ Степанычъ узналъ Прасковью Кондратьевну. Но пани Дженджериха, навьючивъ весь свой экипажъ покупками, такъ что даже дѣвка ея, сидѣвшая на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, держала на колѣняхъ какую-то завязанную кладь, узнала его еще прежде.—„А, чортовъ сынъ!“—кричала она довольно громко, высунувшись изъ брички. Антону Степанычу при этой выходкѣ показалось сперва, что она пьяна или говоритъ кому-нибудь другому. И онъ, смѣшавшись, сталъ оглядываться по сторонамъ. — „Нѣтъ, тебѣ, тебѣ я говорю!“ — подхватила опять во всю глотку толстая помѣщица, махая зонтикомъ и подъѣзжая къ нему. Онъ открылъ ротъ и даже въ изумленіи картузъ снялъ.

— Такъ это ты надъ добрыми людьми смѣяться думаешь?—кричала сердитая помѣщица:—и *такъ* ты ѣздишь сватать всякую шушваль, всякую дрянь, а самъ потомъ насмѣхаешься, да и носа не показываешь? Слава Богу, есть чѣмъ жить и безъ васъ! Ранчка моя не такого еще жениха найдетъ, какъ эта прохвостница Гончаренкова. Да и скоро найдетъ, вотъ что тебѣ: полковникъ одинъ сватается! И еще богатый, и Станиславъ на шеѣ есть, и не такой шибеникъ, какъ твой нюня! Да и ты самъ съ нимъ выѣденнаго яйца не стоишь, вотъ тебѣ что! Да! Пошелъ, Дормидошка!—И, плюнувъ чуть не въ самый носъ Антона Степаныча, свирѣпая пани поѣхала съ площади, въ кругу разступившагося и глазѣвшаго на нее народа. „Что за притча!“ думалъ старикъ, оставшись среди ярмарки и озадаченный такъ, что долго не могъ собраться съ мыслями: „что Прасковья Кондратьевна, хотя и почтенная дама, крупна на выраженія и любитъ таки покричать и показать себя, это всякъ знаетъ! Однако же, за что такое неуважительное обхожденіе? Чѣмъ виноватъ я, и чѣмъ виноватъ Иванъ Ильичъ?“

Не успѣлъ объясниться съ сосѣдомъ Фабриціусъ на счетъ этой

встрѣчи, какъ подоспѣлъ другой случай. Откладывая свое посѣщеніе къ Щебетковскому, Антонъ Степанычъ однажды пошелъ съ дудочкой. Была отличная перепелиная охота. Сидя какъ-то въ молодомъ просѣ, поглядывалъ онъ по сторонамъ и, задумавшись, почти безсознательно сюсюркалъ въ свистокъ. Вдругъ, шагахъ въ пятидесяти отъ него, у дороги, поднялся изо ржи незнакомый какъ будто дворовый мальчишка и, осторожно глянувъ по сторонамъ, опять опустился въ рожь.

— Эй, ты! Кто ты такой? — крикнулъ старикъ, поднимаясь въ свой чередъ изъ проса. — Отвѣта не было. — Говори-же, отвѣчай!—крикнулъ еще громче Фабриціусъ, начиная видѣть въ этомъ мальчикѣ и въ этомъ упорствѣ что-то недоброе, и голосъ его рѣзко откликнулся по полю, уже захваченному началомъ сумерекъ. Отвѣта снова не было. Бросивъ сѣть, Фабриціусъ поплелся къ замѣченному мѣсту, сдѣлалъ шаговъ десять въ одну сторону и потомъ на-крестъ въ другую. Мальчикъ, открытый врасплохъ, выскочилъ, какъ заяцъ, изъ-подъ его ногъ и пустился бѣжать. Подъ мышкой его была какая-то книжка. Подобравъ полы халата, старикъ кинулся вслѣдъ за нимъ. Кочки и бурьянъ мѣшали бѣжать, но мальчикъ былъ скоро нагнанъ.

— Ну, что вамъ? что?—спросилъ онъ довольно дерзко, остановившись передъ старикомъ.

— Какъ ты смѣешь, дрянь! — прикрикнулъ на него старикъ и ухватилъ его за вихоръ.

— Я не дрянь, а драться чужимъ нельзя!—И, хвативъ довольно ловко по рукѣ старика, мальчишка снова пустился бѣжать.

— А, такъ ты такъ?—зашипѣлъ уже съ яростью преслѣдователь: — теперь же ужъ не убѣжишь! — Скинулъ сапогъ съ ноги и пустилъ имъ въ голыя пятки бѣглеца. Сапогъ сбилъ послѣдняго; мальчишка запнулся, упалъ и выронилъ книжку.

— Ну, ее-то мнѣ и нужно!—сказалъ Антонъ Степанычъ:—а ты можешь себѣ идти!

— Нѣтъ, вы отдайте книжку!—заговорилъ покоренный, всхлипывая:—а вы драться не смѣете! я барину скажу!

— Кто твой баринъ? — спросилъ старикъ, не отошедши еще отъ злости и трепетавшими руками раскрывая книжку непонятнаго языка и содержанія, въ которую, однако, была вложена записочка.

— Акима Захарыча барина; изъ ученья взятъ! отдайте книжку!— За спиной у старика точно что-то полилось или забѣгали муравьи. Онъ взломалъ печать на запискѣ и прочелъ слѣдующее: „Желанье твое, милый Ваничка, исполняю. Папеньки послѣ-завтра опять дома

не будетъ Онъ на три дня уѣзжаетъ въ Побывное. Пріѣзжай; безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизнь. Письма твои я прячу. Марѳа Захаровна тоже собирается въ лѣсъ идти за ягодами. Я, значитъ, буду одна. Не томи меня, покажи себя—пріѣзжай! Твоя на вѣки, любящая—Александра Гончаренко...“ Руки старика сами собой осунулись по туловищу. Лицо вытянулось, и глаза затмились, точно ихъ кто-нибудь задулъ. Давно ушелъ и разобиженный, пойманный мальчикъ; давно и солнце опустилось за склонъ зеленѣющаго холма. А Фабриціусъ все еще стоялъ среди поля, и огненными строками мелькало передъ его глазами извѣстіе: „Иванъ Ильичъ Щебетковскій женится на Александѣ Акимовнѣ Гончаренко...“

— Какъ? — повторялъ на другой день Фабриціусъ, осматривая свою нетечанку и шныряя торопливо то въ домикъ, то на конюшню: — Этотъ молокососъ, этотъ вертопрахъ, эта, можно сказать, сволочь, голь, — женится на Шурочкѣ? Да куда же отецъ глядѣлъ?

И кто-же, какъ не самъ онъ, Антонъ Степанычъ, лично, своею особою, хотя и случайно, но все же таки дѣйствительно самъ привезъ его и ввелъ въ домъ Акима Захарыча. Какова же судьба? Семнадцать лѣтъ обдумываетъ дѣло и попасться въ просакъ. „Нѣтъ! Дѣло еще не потеряно! Скорѣй, скорѣе лошадей! Ѣду къ самому отцу; все открою, все разоблачу! Выведу его на свѣжую воду. Да и ее, сударушку, распеку порядкомъ!“ И Антонъ Степанычъ, торжественно нарядившись, покатилъ къ Гончаренкѣ.

Въ то же почти время изъ уѣзднаго города почта повезла въ Петербургъ отъ Ивана Ильича письмо слѣдующаго содержанія. На конвертѣ: Его Высокоблагородію Карлу Богдановичу Шмерцу, экзекутору такого-то департамента. Милостивый Государь, любезный другъ и бывшій когда-то мой начальникъ, Карлъ Богдановичъ. Пишу къ вамъ изъ собственнаго моего, дѣдовскаго помѣстья. Край очень живописный и благодатный; страна лѣни, черешенъ и вареииковъ. Отставку я получилъ отъ его превосходительства, Василія Емельяновича. Передайте ему мой поклонъ, равно какъ и всему его семейству. Карьера бумагъ кончена. Ремесло пахаря и чумака теперь смѣнило ихъ. Помните, какъ мы, уходя изъ присутствія и покуривая у васъ трубочки, подтрунивали надъ этимъ чернильнымъ міромъ. О! вижу васъ теперь отсюда: хромые и слѣпые, толстые и плѣшивые, въ потертыхъ и въ новыхъ вицмундирахъ, чающіе движенія чиновъ и орденовъ, какъ подборъ калѣкъ у Силоамской купѣли, со страстишкой понюхать у сосѣда щепотку табачку и прочесть, между двумя отношеніями, новый листокъ Пчелки. Больше я съ вами уже не буду переводить канцелярскихъ принадлежностей. Живу теперь

привольно, ѣмъ, пью, сплю, веселюсь, разъѣзжаю, волочусь за дочками сосѣднихъ помѣщиковъ. Кстати, мой другъ, Карлъ Богдановичъ. Я женюсь, женюсь на пышкѣ, такой крупичатой, аппетитной, русой и здоровой, только немножко тяжелой на подъемъ, дѣвушкѣ. Отецъ ея—образецъ старыхъ нравовъ, но богатъ и съ умѣньемъ жить. Скоро вѣроятно и покончимъ дѣло и присосѣдимъ ее, голубушку, къ своему домашнему обиходу. А теперь, пока, прошу васъ убѣдительно, въ ожиданіи моего брака, отыскать на Выборгской сторонѣ извѣстную уже вамъ мою былую пріятельницу, Мину Антоновну, по прилагаемому адресу. Она, говорятъ, проживаетъ теперь въ бѣдности. Прошу на посылаемую сумму расчесться съ нею, да загладятся старые грѣхи; а на остальное купить мнѣ ящикъ лучшихъ сигаръ. Кстати, сообщаю вамъ еще забавный здѣшній случай.“

Тутъ приводился довольно грязненькій разсказъ о происшествіи съ исправницей и однимъ отставнымъ ротмистромъ.

VII.

Маневръ.

Въ бѣломъ жилетѣ и въ бѣломъ жабо, съ самой суровой и торжественной физіономіей, покатилъ Антонъ Степанычъ къ Гончаренкѣ. Лошади были заняты у сосѣдняго священника, страстнаго любителя пчелъ и обладателя прехорошенькой молодой жены. Въѣхалъ онъ во дворъ съ громомъ и съ шумомъ. Акима Захарыча еще издали замѣтилъ онъ на крыльцѣ, въ разговорѣ съ павлоградскимъ жидкомъ, покупщикомъ мѣстной пшеницы и льну.

— А, Антонъ,—ласково сказалъ Гончаренко: — ты уже выздоровѣлъ? Очень радъ!—И, не оборачиваясь, сталъ пересчитывать поданныя купцомъ деньги. — Вообрази, продалъ пшеницу по осьми цѣлковыхъ за четверть! Какова цѣна выпала! Собиралъ долго, да все и спустилъ теперь; а вотъ онъ еще кланяется и проситъ, думая, что я задерживаю запасъ! — Антонъ Степанычъ, чопорно осадивъ лѣзшій на уши галстухъ, глянулъ изъ-подъ-лобья и видѣлъ, что жидокъ, дѣйствительно, кланялся.

— Да что, братецъ,—продолжалъ Гончаренко:—это только, смѣха ради, можно охать у насъ на хозяйство! каковы куши другіе нашито украинскіе тузы взяли, кто съумѣлъ выдержать лѣтъ пять и семь цѣны, не давая много воли своимъ женамъ-модницамъ да дочкамъ. Вонъ Хрисанфъ Михайлычъ Прузовъ продалъ шестнадцать тысячъ пятьсотъ четвертей пшеницы по восьми цѣлковыхъ и получилъ въ

одинъ разъ сто двадцать восемь тысячъ рублей серебромъ, а на ассигнаціи четыреста шестьдесятъ двѣ тысячи. Ну, что твой сосѣдъ, потомокъ блаженной памяти гетмана Щебетковскаго? Что въ самомъ дѣлѣ онъ насъ забылъ?.. Да и ты, братъ, что такимъ сычомъ смотришь?..

— Я-съ, Акимъ Захарычъ-съ... я-съ къ вамъ одно дѣло имѣю-съ, важное,—не угодно-ли—одно дѣло... переговорить-съ...

— Что такое, что такое? Фу, какая у тебя оффиціальная физіономія! Пойдемъ, впрочемъ, говори!

Друзья усѣлись въ знакомомъ уже кабинетѣ. Фабриціусъ положилъ на колѣни шапку, стиснутыя въ трубочку замшевыя перчатки, помолчалъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ началъ:

— Акимъ Захарычъ! Извѣстно-ли вамъ, что на имя, честь и руку вашей дочери посягаетъ ничтожный, мало-извѣстный человѣкъ?

Гончаренко поднялъ брови, и въ груди его послышалось хрипѣнье...

— Повтори!

— Извѣстно ли вамъ, что Шурочку сгубили, околдовали; она нѣжничаетъ, влюбляется, записочки пишетъ, можетъ быть на шею цѣпляется уже всѣмъ встрѣчнымъ мужчинамъ...

— Ну, кому-же первому? Говори безъ обиняковъ!

— Мальчишка, пройдоха, галантеръ, полотеръ, кровопійца, этотъ-то мой!.. Какъ его? душегубъ, какъ его?—да вы знаете...

— Чортъ тебя, братецъ, разберетъ! Говори порядкомъ,—крикнулъ Гончаренко:—ну! что слюни развѣсилъ, хныкать собираешься? говори порядкомъ!

Антонъ Степанычъ перемялся на стулѣ, оправилъ галстухъ и брякнулъ:

— Иванъ Ильичъ Щебетковскій, этотъ-то самый Щебетковскій, этотъ-то самый потомокъ гетмана, какъ вы говорите... Онъ, онъ, бестія! Я же его на мою бѣду и привезъ сюда! Я же и отогрѣлъ на груди у себя змѣю эту! Акимъ Захарычъ, другъ! благодѣтель! Позвольте! Александра Акимовна пусть позволятъ, — саблю отточу, кирасу надѣну, бумаги десть на грудь запрячу, чтобъ не опасно было, вызову его на поединокъ и убью!... Убью, клянусь, убью!

Акимъ Захарычъ всталъ, набилъ трубку, отеръ капли пота на лбу, сѣлъ опять рядомъ съ другомъ, нагнулся ему къ уху и сказалъ:

— Добрякъ ты мой, Антонъ, спасибо тебѣ; только я все это уже знаю, и самъ не прочь! Подождемъ! Открытаго предложенія еще не было; а каша давно заварилась...

— Да помилуйте, да какъ же это: пройдоха, мальчишка, галан-

теръ, полотеръ, губитель! — вскрикнулъ Фабриціусъ и даже отскочилъ.

— Ну, ты не бѣсись на него, Антонъ, а то мы поссоримся! Онъ, по моему, добрый малый, умный, и имѣньишко есть, хоть небольшое, а все-таки есть! Какого же еще намъ князя искать?..

Фабриціусъ поникъ головой, вздохнулъ и замолчалъ.

Черезъ полчаса онъ уже сидѣлъ на любимомъ мѣстечкѣ, въ горенкѣ Александры Акимовны, и отпускалъ шуточки и намеки на сердечныя склонности рода человѣческаго; комнатныя дѣвки работали вокругъ большаго стола новое бѣлье барышнѣ и тоже посмѣивались между собою. „Вотъ, тутъ бы поскорѣе гербики нашить *азъ* и *ща*!“ — сказалъ Антонъ Степанычъ, ткнувъ пальцемъ въ воротникъ скромной сорочки. Шурочка такъ и сгорѣла. Казачекъ внесъ на подносѣ фляжку съ водкой и закуску. Старикъ выпилъ, хотѣлъ что-то сказать особенно сладкое, улыбнулся, носъ его сморщился, вѣки дрогнули, и на губу его сбѣжала крупная слеза. Надъ кроватью Шурочки висѣла подержанная, желто-фіолетовая гитарка Маrѳы Захаровны. На этой гитарѣ съ молоду еще тетенька любила играть въ часы печали. Антонъ Степанычъ проворно сдернулъ ее съ гвоздя, обтеръ обшлагомъ пыль, откашлялся и дребезжащимъ голосомъ запѣлъ сочиненный имъ когда-то при рожденіи Шурочки извѣстный кантъ:

„Въ честь россіянки прекрасной,
„Пойте, пойте гимнъ согласной!“

Пѣсня до того разстроила старика, что онъ разрыдался, всталъ, сказалъ: „Дочь моя, Александра Акимовна, Шурочка! поздравляю васъ... тебя... а впрочемъ выходи за него замужъ! онъ добрый человѣкъ!“ и убѣжалъ изъ ея комнаты.

По уходѣ его Шурочка сѣла къ столу, медленно склонилась къ шитью, медленно вздохнула, и мысль ея понеслась далеко—далеко. А фрейлины ея затянули свадебную деревенскую пѣсню.

Перекусивши и еще выпивши не одну рюмку знаменитой наливки„ попадьи“ съ самимъ Акимомъ Захарычемъ, Фабриціусъ козыремъ взобрался на нетечанку и снова помчался къ Калиновской усадьбѣ. Пара пѣгашекъ священника только пофыркивала. „Эхъ, тузъ ты, стрѣла, проноза! Эхъ, молодой же ты человѣкъ! — говорилъ про Щебетковскаго самъ съ собой Фабриціусъ: — вѣдь вотъ, пойди же ты съ нимъ; возьмутъ, да и завоюютъ съ разу!“

Лошадки въ пѣнѣ и въ мылѣ примчали Антона Степаныча къ крыльцу Ивана Ильича.

— Дома баринъ?

— Никакъ нѣтъ...

— Гдѣ же онъ?

— Только-что уѣхали.

— Куда? быть не можетъ!

— Въ городъ-съ. Въ городѣ ярмарка. Должно быть платье заказывать; говорятъ, новый портной изъ Кіева пріѣхалъ; или деньги въ казначейство взносить!

Старикъ тревожно взглянулъ на лошадей. „Что братъ, Ваня, довезутъ? а?" — „Куда?!" — „Въ городъ-то, въ догонку?" —Верзило-кучеръ, озадаченный непривычнымъ наѣздничествомъ Фабриціуса, искоса посмотрѣлъ ему въ носъ, потомъ на ноги и переложилъ возжи изъ рукъ въ руки. „Какъ не довезти! Довезутъ: чай, не обывательскія!" — „Ну, такъ жарь ее, братъ, Ваня, откалывай во всѣ лопатки; я тебѣ пятиалтынный дамъ на водку!" —Запалилъ долговязый священниковъ кучеръ во всю Ивановскую, и полетѣлъ старикъ въ городъ, въ догонку за Щебетковскимъ. До города было опять безъ малаго верстъ семнадцать. Солнце садилось уже, когда онъ догналъ сосѣда, почти у городскихъ воротъ. Бойко выскочилъ Антонъ Степанычъ изъ таратайки, обмахнулъ платочкомъ пыль съ сапоговъ, подбѣжалъ къ Щебетковскому, умильно потрепалъ его по колѣну и сладко-пресладко сталъ смотрѣть ему въ глаза. „Радуйтесь и веселитесь!" хотѣлъ онъ уже сказать на-прямикъ. Но какъ выразиться такъ откровенно и еще при двухъ кучерахъ? А французскаго языка на этотъ случай не хватало. „Вене, же-ву-занъ..." только и вертѣлось въ умѣ.— „Что вы, Антонъ Степанычъ, куда это вы?" — „Я тоже, почтеннѣйшій Иванъ Ильичъ, я тоже — портной новый изъ Кіева — обносился — надо брючки, и сюртучокъ — и еще коечего!" — „Да вы что-то особенно радостно смотрите, и жилетъ на васъ бѣлый, и жабо; фу ты, пропасть! Эхъ, берегитесь: ужъ не шашни-ли съ какою-нибудь горожанкою завели?" — „Э-э! помилуйте-съ, какія шашни-съ! Такъ, въ городѣ захотѣлось побыть! Не хотите-ли въ одномъ номерѣ для экономіи остановиться?" —Щебетковскій принялъ это предложеніе. Старикъ усѣлся въ свою таратайку, Ваня стегнулъ лошадей, и пріятели потащились, утопая въ пескѣ городскихъ улицъ. На лицѣ старика играла улыбка. „Постой, погоди,— думалъ онъ: —объявлю ему всю правду въ городѣ; вотъ, я полагаю, обрадуется, отцомъ роднымъ будетъ звать, десять десятинъ лугу и пасѣку всю подаритъ за труды! Что ему въ ней тогда, какъ тысячникомъ сдѣлается!" — На лугъ и пасѣку, какъ видно, онъ сильно разсчитывалъ. Отъ взятокъ онъ, тоже, какъ видно, былъ не прочь.

Остановились пріятели въ городѣ, въ одномъ номерѣ. Съ пути Щебетковскому захотѣлось чаю. Отчего же не напиться съ сосѣдомъ чаю? И дуетъ старикъ чуть не пятый стаканъ. „Ну, какъ же ваше здоровье теперь, Антонъ Степанычъ?" — „Слава тебѣ, Господи,

слава тебѣ! Малый, рому, или французской водки! Не хотите-ли рому?“ — „Да вы кутите, Антонъ Степанычъ!“ — „Ничего-съ, ни-и-чего-съ; для друга, для дружка дашь и сережку изъ ушка! Малый, рому!“ — и, накрывъ дрожащею, морщинистою рукою чашку, старикъ самъ отправился въ буфетъ искать сердце-бѣснующаго напитка. Копался онъ долго. Сосѣду его, какъ видно, надоѣло ожидать. — „Гдѣ Иванъ Ильичъ?“ — спросилъ Фабриціусъ, возвратясь изъ буфета съ какою-то мутно-бурою флягой. Вопросъ адресовался къ половому, который, яростно дуя и плюя, чистилъ чей-то сапогъ со шпорой. „Изъ энтого номера?“ — „Да!“ — Половой глянулъ противъ свѣта на сапогъ и, прищурясь, отвѣтилъ: — „Пошли на бильярдъ къ Каплуновичу играть!“ — „Ишь ты, а меня и не подождалъ!“ — подумалъ съ досадою старикъ. Зная, что *Каплуновичъ* — такое уже мѣсто, откуда пріѣзжему, а особенно холостяку, трудно вырваться скоро, онъ со вздохомъ взглянулъ на припасенную флягу, отправился одинъ въ свой номеръ, смастерилъ себѣ, въ отместку, порцію забирательнаго пуншу, закурилъ трубочку, сѣлъ съ ногами на окно и сталъ дожидать пріятеля. А на душѣ-то такъ весело, что и не сказать словами. „Боже ты мой правый и единый, — думалъ Антонъ Степанычъ, сидя на окнѣ: — покрой ее святымъ покровомъ твоей Небесной Матери; отгони отъ нея горе злыхъ и печаль лукавыхъ! Дай счастье ей, вѣрной рабѣ дома твоего! Господи, Господи!“ — И онъ почти вслухъ молился.

Трактиръ Каплуновича, куда между тѣмъ ушелъ Щебетковскій, кипѣлъ народомъ. Это былъ аристократическій трактиръ, содержимый вдовою Шкловскаго негоціанта изъ іерусалимскихъ помѣщиковъ, носившей имя Хайки Абрамовны. Притонъ всѣхъ ремонтеровъ, проѣзжихъ гусаровъ и туземныхъ гулякъ изъ дворянъ и купцовъ, этотъ пріютъ закопченныхъ трубочнымъ дымомъ залъ и корридоровъ во время ярмарки особенно оживлялся. Иногда отсюда выходилъ съ разбитымъ носомъ самъ мѣстный городничій. А когда проходили черезъ городъ уланы, то отсюда въ окно, къ счастью только втораго этажа, обыкновенно вылеталъ на улицу безъ галстуха, съ колодою смятыхъ картъ въ рукахъ, либо весьма почтенной наружности членъ уѣзднаго суда, либо, вслѣдствіе какого-нибудь карточнаго фокуса за штосомъ, кто-нибудь изъ самихъ господъ улановъ. Выпивши у буфета рюмку бальзаму, Щебетковскій закусилъ огурцомъ и вошелъ въ общій залъ, изъ котораго три двери вели въ три отдѣльныя бильярдныя комнаты. По всѣмъ угламъ были кучи посѣтителей, табачный дымъ стоялъ столбомъ. Лампы только-что начинали зажигать. Пробравшись за купеческими и дворянскими спинами поближе къ одному изъ бильярдовъ, Иванъ Ильичъ задумчиво сталъ

раскуривать папироску, сравнивая мысленно это грязное и бѣдное мѣсто наслажденій съ зеркальными ресторанами Невскаго проспекта.— „Ба! Щебетковскій! Говоруха! Говори-щебечи, банкъ мечи! какими судьбами?“ — „Силентьевъ, Вася!“ И пріятели-соученики обнялись дружески, на время прервавши общую игру въ алягеръ. Щебетковскій, опомнившись отъ первой встрѣчи, сталъ смотрѣть на былаго товарища, тщетно стараясь угадать въ потертомъ зеленомъ вицъ-мундирѣ его, въ небритомъ подбородкѣ и въ красно-багровыхъ глазахъ—памятную голубую курточку съ бѣлымъ воротникомъ, дѣтски-нѣжныя щечки и свѣтло-синіе глазки нѣкогда близкаго ему соученика Васи. Дѣло непостижимое! Отставной и недоученный лицеистъ Василій Силентьевъ когда-то дѣйствительно пользовался особымъ расположеніемъ другаго мальчика, Ивана Щебетковскаго, слылъ въ лицеѣ за отличнаго товарища и лихаго малаго, отличался необыкновенною памятью, страшною лѣнью и сонливостью на урокахъ и дикою страстью къ самымъ буйнымъ, отчаяннымъ похожденіямъ, въ ущербъ добропорядочному поведенію. Изломанные столы и скамейки, изрѣзанные переплеты книгъ и платье, разбитыя стекла въ окнахъ директора и надзирателей, подожженные волосы у сонныхъ сторожей, чернила, опрокинутыя на платье особенно щегольскаго учителя географіи, и наконецъ, цѣлый ребяческій бунтъ, устроенный въ наказаніе учителя латинскаго языка за то, что послѣдній настоялъ передъ директоромъ высѣчь ученика старшаго класса,— были слабыми памятниками пребыванія въ лицеѣ этого Силентьева. Многіе изъ болѣе впечатлительныхъ товарищей его, бывшіе потомъ либо въ полкахъ, либо въ канцеляріяхъ, долго еще отыскивали имя его въ газетахъ, дѣтски-преданно ожидая, что вотъ безпримѣрный другъ ихъ отличится гдѣ-нибудь на войнѣ, при взятіи штурмомъ недоступнѣйшей батареи, или прославится въ литературѣ, или затмитъ всю предшествующую извѣстность ихъ школы какимъ-нибудь проектомъ или рѣшеннымъ труднымъ дѣломъ на гражданской службѣ. Но имени *Силентьева* не попадалось въ газетахъ, и самъ онъ совершенно исчезъ изъ глазъ горсти былыхъ друзей дѣтства, разсѣянныхъ по свѣту. Щебетковскій глядѣлъ на него и не узнавалъ его. Что значатъ семь-восемь лѣтъ разлуки! Знаменитый коноводъ школьныхъ энергическихъ предпріятій стоялъ теперь передъ нимъ оборванный, неумытый и нечесанный. Воротъ грязной рубашки выбивался изъ-подъ бураго шелковаго платка на красноватой шеѣ. Сапоги съ загнутыми длиннѣйшими носками, работы уѣзднаго мастера Васюка-Васюченка, выказывали, въ объемистыя дырки, тѣло безъ чулковъ. Онъ свирѣпо косился на шаръ, ерзая кіемъ по рукѣ и кашляя тѣмъ кашлемъ здоровенныхъ дѣтинъ изъ отставныхъ кавалерійскихъ офицеровъ,

который называется *„какъ-изъ-бочки“*, — вообще былъ, кажется, не прочь убить муху, втесаться въ прихвостни къ богатенькому барину, лишь бы пообѣдать на чужой счетъ, смотрѣлъ непріязненнымъ тономъ на все, что отзывалось порядочнымъ обществомъ, и водился уже нѣсколько лѣтъ сряду съ одними самыми темными и отпѣтыми забулдыгами. „Мы, браэцъ, простяки, батраки, чумаки; мы, браэцъ, черррнорррабочіе!“ — говорилъ онъ, дерзко глядя въ глаза всякому новичку, на уѣздныхъ пирушкахъ и попойкахъ. Въ этомъ самоуничиженіи, впрочемъ, укрывался имъ особый ухарскій оттѣнокъ: „дескать, сволочь ты, барченокъ, а вотъ мы, по пословицѣ, и неумыты, да веселы и сыты!“ — Окончательно сказать, Силентьевъ, изгнанный нѣкогда, при общемъ полусожалѣніи, полуторжествѣ товарищей, изъ лицея, потомъ юнкеръ и съ грѣхомъ пополамъ офицеръ какого-то пограничнаго полка, наконецъ—судейскій протоколистъ, изгнанный вскорѣ и тутъ изъ общества смиренной канцеляріи, былъ уже просто грязноватый уѣздный побродяга и дармоѣдъ, еще добрый сердцемъ, но окончательно растлѣнный провинціальною тиной, нечистый на руку и неоффиціально, подъ угломъ, не разъ битый за кое-какія черезъ-чуръ уже крупныя, кляузническія продѣлки.

— „Такъ ты, дружище, здѣсь служишь?“ — спросилъ его Щебетковскій, не безъ тяжелаго, грустнаго чувства продолжая осматривать жалкую ветошь его мутно-сѣраго наряда и измѣненныя черты его лица.— „Да, братъ, кобелишко, здѣсь! Что, небось, забылъ, какъ тебя звали въ лицеѣ кобелишкою? прытокъ ты былъ и больно труслнвъ! А? Каковъ шаръ? Смотри! Аррръ... А мы такъ, братъ, тянемъ лямку, въ чернилахъ купаемся; а ты, значитъ, все на высшихъ точкахъ, сюперфлю-вассерфлю пробиваешься?“ И, перекосясь лицомъ и всѣмъ туловищемъ, онъ стукнулъ громко по полу кіемъ и сталъ въ дерзкую драматическую позу. Два сидѣвшіе пѣхотные офицера переглянулись при этомъ между собою и ушли, а одинъ купецъ вдругъ разсмѣялся, точно изъ ружья выстрѣлилъ, и также пошелъ, махая рукою, въ буфетъ. „Фи, нельзя! съ фами нельзя, у фасъ шуллерскій кій и подъ руку говоришь!“ сказалъ съ сердцемъ партнеръ Силентьева, низенькій человѣчекъ съ огромной головой и съ кривыми ногами, бросая на бильярдъ кій и уходя: „меня предупреждаль, да я не поферилъ; шуллерскій кій, шуллерскій кій, и самъ фи шуллеръ! Господа, это шуллеръ! партія не въ счетъ!“ — „Ха-ха-ха! у-у-у!“ затрубилъ въ слѣдъ уходящему нѣмцу Силентьевъ, которому очевидно такіе отзывы были не въ диковинку. — „Хочешь, Щебетковскій, сънграемъ по червонцу въ алягеръ, вдвоемъ; да закусить вели подать!“ — „Я въ бильярдъ не играю, а закусить за-

куспмъ!“—И онъ заказалъ довольно отборную закуску. „Ну, по два цѣлковыхъ сыграемъ!“—„Нѣтъ, не могу!“—„Ну, по гривеннику!“—„Да не могу-же!“ —„Ну, я буду и за тебя, и за себя играть!“—Силентьевъ выставилъ и ловко пустилъ по красному въ догонку бѣлаго. Пошли разспросы о старинѣ и о старыхъ товарищахъ. „Ну, а ты, чѣмъ тутъ служишь?“ — „Я? Служилъ въ судѣ, да уже теперь не служу; по маслу, браэцъ, спустили! Въ дѣлѣ Южакова съ Сысоевымъ покривилъ душою! Знаешь, любовишко завелась; ну, и прихапнулъ, знаешь, самъ-венъ-сенъ-рубль анъ-аржанъ; а секретарь Масловъ и донесъ Борису Карпычу, судьѣ,—ну и спустили по маслу, этакъ, знаешь—фюйть!“ — и наставивши ладонь, Силентьевъ свиснулъ на вѣтеръ. У Ивана Ильича даже ознобъ пошелъ по спинѣ отъ такой безцеремонности былаго товарища...

— „А что, душа, скажи ты мнѣ, по чистой правдѣ: служа здѣсь въ судѣ, узналъ ты здѣшнихъ помѣщиковъ?“ — „Какъ свои пять пальцевъ!“ —Щебетковскій подумалъ, взялъ кій и сталъ играть съ Силентьевымъ, причемъ изъ ударовъ его видно было, что бильярдъ не совсѣмъ ему незнакомъ. — „Хорошо: коли ты знаешь окружныхъ помѣщиковъ, скажи, знаешь ли ты Гончаренка?“—„Акима-то Захарыча?“—„Да!“—Силентьевъ съ громомъ посадилъ желтый шаръ въ среднюю и остановился.—„Маненько знаемъ“, проговорилъ онъ.—„А что, какъ велико имѣніе этого Гончаренка?“ спросилъ Щебетковскій опять.—„Фю-фю-фю!“ засвисталъ Силентьевъ, цѣлясь опять въ желтаго и поднимая ногу при этомъ въ уровень съ ухомъ.—„А что?“—„Да было имѣніе значительное, спроси хоть кого хочешь!“—„Какъ было? А теперь?“—„Теперь не совсѣмъ! не совсѣмъ!“ Иванъ Ильичъ почувствовалъ, какъ-бы кто-нибудь сталъ ему отъ затылка вдоль спины лить холодную воду. — „Что ты за вздоръ несешь?.. Вѣдь онъ былъ же откупщикомъ и страшные куши нажилъ?“ — „Такъ, дружище, такъ; былъ и нажилъ! На откупахъ нажилъ, а на подрядахъ все спустилъ, да еще чуть ли и не приплатился; селитру вздумалъ поставлять, а послѣ хлѣбъ и дрова! Его и вкатили въ полторы сотни тысячъ убытку!“—„Да какъ же это такъ?! Полно тебѣ!! Вѣдь у него четыреста тысячъ чистаго капиталу лежитъ въ ломбардѣ!“ Кій въ рукахъ Щебетковскаго, отставленный отъ бильярда, дрожалъ. Самъ онъ былъ бѣлѣе стѣны. „Четыреста тысячъ?!“ Съ этими словами Силентьевъ тоже оставилъ кій. „Ну, уже, братъ, извини; я уже дѣло-то это почище тебя знаю; я, а послѣ Прокопенко, и просьбу ему писали, какъ тянули его съ залогами къ расчету. Кромѣ деревни у него ничего не осталось; да и та принадлежитъ не ему одному, а съ сестрой—тамъ дѣва безволосая такая—кислая живетъ, Марѳа или Мавра прозывается... Ну, а кромѣ ея—

кромѣ этой деревни—вотъ еще что у этого-то Гончаренка есть, коли хочешь знать: на сто десятинъ соловьинаго свисту, да на двѣсти десятинъ заячьяго бѣгу, да на четыреста или и больше тысячъ—снѣтковъ въ Зундѣ и въ Бельтѣ съ нѣмецкими осетрами торговлю ведутъ!.. Человѣкъ, что же закуску? человѣкъ!... Вотъ тебѣ и состояніе его!“ Щебетковскій очутился въ положеніи преступника, которому прочли приговоръ. Силентьевъ между тѣмъ подъ его ухомъ билъ по шарамъ, сердился на половаго, что тотъ не несетъ закуски, и въ добавокъ ни съ сего, ни съ того пропѣлъ пѣтухомъ, причемъ изъ сосѣдней залы, снова раздосадованные его выходками, выглянули два сердитые пѣхотные офицера и нѣмецъ, звавшій его шуллеромъ. Закуску принесли. Силентьевъ осушилъ сразу пять рюмокъ настойки, заѣдая ее селедками и икрой, потомъ принялся за котлеты, потомъ за соусъ, тамъ за жаркое, а наконецъ опять за икру и за настойку. Щебетковскій же, какъ замолчалъ, и замолчалъ. Водки не пилъ, ничего не ѣлъ; разсѣянно отвѣчалъ на слова Силентьева, разсѣянно расплатился съ половымъ. И когда, прощаясь съ Силентьевымъ, почувствовалъ на губахъ своихъ прикосновеніе жирныхъ и грязныхъ губъ его и услышалъ шопотливую просьбу его: „же-ву-при, Говоруха, дай мнѣ взаймы депозитку! просто, пароль-донеръ, не на что табаку купить!“—тотъ не отказалъ и далъ ему пяти-рублевую бумажку. Щебетковскій давно шелъ по темной уже улицѣ города, а Силентьевъ все еще стоялъ у бильярда, потупивъ голову и разсматривая безсознательно бумажку. Такой суммы давно уже, очень давно не было разомъ въ рукахъ загулявшаго бѣдняка...

— Какъ? Закабалить себя за такой пустякъ? — думалъ между тѣмъ Иванъ Ильичъ, шибче и шибче шагая впотьмахъ: — деревня одна, да и то не вся его, а часть! Ахъ, я дуракъ, дуракъ! Ахъ, ослиная голова! Что же я думалъ? гдѣ же глаза были? Знакомый Гончаренка священникъ подтвердилъ слова Фабриціуса о богатствѣ Акима Захарыча, упомянувши, что и у Мамышевскаго винокура его деньги были, и порядочный кушъ взялъ у него для оборотовъ еще сгонщикъ Замуруевъ, Петръ Васильичъ. Да и тотъ геморроидальный, тоже коротко-знавшій Акима Захарыча, сказалъ:—о-о-о! это цѣлая Ротшильдовская компанія! И другіе подтверждали мои разспросы! Прямо же нельзя было разспрашивать и производить справки! Неужели же они всѣ сговорились и надули?—И Щебетковскій не зналъ, что дѣлать.

Безсознательно вошелъ онъ въ номеръ темной гостиницы, бросилъ судорожно шапку и перчатки, потянулся, зѣвнулъ, усѣлся передъ самымъ носомъ Фабриціуса, положилъ ногу на ногу и нервически спросилъ:—„Ну-съ? что же вы, мой несравненный, безъ

меня дѣлали, а?“ Антонъ Степанычъ въ свой чередъ, только того и ожидавшій, быстро подмахнулъ стулъ еще ближе къ Щебетковскому, взялъ его за колѣни и необыкновенно сладкимъ голосомъ сказалъ:— „Итакъ, Иванъ Ильичъ, часъ насталъ; радуйтесь и веселитесь: не всегда ходятъ тучи по небу, бываетъ...“ Съ этими словами Щебетковскій неожиданно захохоталъ въ самое лицо старика, судорожно скрестилъ руки на груди и, глядя на него лихорадочно-блестящими глазами, перебилъ:

— Бываетъ все на свѣтѣ, почтеннѣйшій Антонъ Степанычъ, а досаднѣе всего то, что иногда черепахи надуваютъ орловъ, а лягушки журавлей. Баба бабой и останется...—„Что вы говорите, я васъ не понимаю?“—„То... что портной испортилъ мнѣ цѣлую штуку сукна! Но утро вечера мудренѣе. У меня голова что-то болитъ! Оставимъ бесѣду до-завтра!“ Съ этими словами Щебетковскій раздѣлся, легъ, повозился еще на постели, дождался, пока раздѣлся и его соквартирантъ, и погасилъ свѣчку. „У-у! да какой-же ты зубатый: должно быть на кіяхъ проигрался! Что-же? Время не уйдетъ, разскажемъ и завтра!“ На утро, послѣ пуншу-ли, или послѣ тревогъ предъидущаго дня, старикъ проснулся поздно.

— Гдѣ Иванъ Ильичъ?—было его первымъ вопросомъ священникову кучеру, который, какъ видно, давно уже вертѣлъ носомъ въ передней, ворча надъ его чемоданомъ. Кровать Щебетковскаго была пуста. „Гдѣ Иванъ Ильичъ?“—повторилъ снова Фабриціусъ, поднимаясь на постели, съ перекошеннымъ отъ сна лицомъ и странно-охрипшимъ голосомъ. „Уѣхали! — отвѣтилъ сурово кучеръ:—велѣли вамъ сказать, чтобъ вы за нимъ не ѣздили; а то, говоритъ, надоѣдаете!“—„Какъ, что? Что ты врешь?“—и негодованію старика не было границъ. Щебетковскій однако расплатился за номеръ, чай, пищу людей и даже за пуншъ и за кормъ лошадей Антона Степаныча. Старикъ усѣлся въ таратайку и, повѣся носъ, направился обратно во свояси, въ какомъ-то неопредѣленно-грустномъ состояніи духа. Старикъ впервые, своимъ дѣвственно-непорочнымъ сердцемъ, чувствовалъ что-то затаенное недоброе въ поступкахъ Щебетковскаго. Но что это было, онъ еще не зналъ...

А между тѣмъ въ домѣ новаго лица, дальняго сосѣда Говорухи, Тентерь-Отребинскаго, въ тотъ-же день сидѣлъ нежданный гость. Этотъ гость былъ Иванъ Ильичъ Щебетковскій. Но прежде, нежели мы скажемъ, зачѣмъ онъ сидѣлъ у него, объяснимъ, кто былъ Матвѣй Леонтьевичъ Тентерь-Отребинскій.

VIII.

Тентерь-Отребинскій.

Далекій сосѣдъ Щебетковскаго, онъ проживалъ отъ него верстахъ въ двадцати, и они почти не знали другъ друга. „Кто такой тамъ живетъ?“ спрашивали проѣзжіе у окрестныхъ мужиковъ, указывая на темную чащу Суходольскаго лѣса, откуда глядѣла красная верхушка его дома. „А Богъ его знаетъ, кто онъ такой; панъ живетъ, да и только!“ — Болѣе ничего не узнавали проѣзжающіе, хотя Матвѣй Леонтьевичъ Тентерь-Отребинскій вообще былъ человѣкъ простой и по своему гостепріимный. Судьба его была долго притчею въ околоткѣ. — Въ дѣтствѣ онъ учился отлично, безпрестанно привозилъ своему крестному отцу и благодѣтелю похвальные листы; платье содержалъ въ чистотѣ, говорилъ тихо, сидѣлъ тихо, сморкался тихо и вообще былъ не глупый и сметливый мальчикъ. Крестный папенька, принявшій его и воспитавшій сиротою, постоянно удостоивался ото всѣхъ почти вслухъ при немъ произносимой похвалы: „Вотъ благодѣтель, такъ благодѣтель; что онъ ему? а между тѣмъ, какія заботы, какія попеченія!“ — Сперва благодѣтель готовилъ его просто для какого-то служебнаго мѣста, изрѣдка только заставляя его на-бѣло переписывать бумаги: то частное письмо къ кому-нибудь покрасивѣе, то форменное прошеніе. Потомъ, возъимѣвши мысль. что коммерція болѣе даетъ выгодъ въ жизни, сталъ готовить его къ себѣ въ прикащики, думая про себя, а еще чаще толкуя своимъ пріятелямъ: „Вотъ, бѣдный сирота, голышъ; къ чему онъ будетъ увеличивать только собою толпу взяточниковъ? У меня же ему будетъ поприще приловчиться къ житейскому, меня успокоить и себѣ скорѣе нажить кусокъ!“ Университетъ, куда пріемышъ опредѣлился было изучать медицину и гдѣ съ успѣхомъ уже разбиралъ тычинки и пестики, по настоянію крестнаго отца, былъ оставленъ. Новый прикащикъ горячо принялся за конторскіе счеты, посѣвы и покосы и на новомъ пути рѣшительно сталъ пожинать лавры. „Э-ге-ге! да это просто находка: трудолюбивъ, честенъ, кротокъ, смиренъ и исполненъ страха Божія и уваженія къ старшимъ. Не женить ли его на Агаѳьѣ Семеновнѣ?“ —И добросердечный благодѣтель въ третій разъ задумалъ измѣнить жизненный путь своего питомца. Онъ положилъ женить его на весьма сдобной, но уже не первой красоты особѣ, проживавшей двадцать лѣтъ въ его усадьбѣ, во флигелѣ, въ качествѣ домоправительницы, а для

большей вѣрности мужа къ женѣ и обратно, мимо всѣхъ своихъ родныхъ, положилъ зачислить за питомцемъ передъ свадьбою, при жизни своей, посредствомъ дарственной записи, все свое имѣніе, бывшее у него благопріобрѣтеннымъ. Питомецъ согласился. Послѣ келейнаго семейнаго пира, чета была помолвлена; помолвка, по настоянію заботливаго благодѣтеля, скрѣплена была торжественнымъ поцѣлуемъ. Черезъ мѣсяцъ имѣніе было зачислено законною дарственною записью за женихомъ, и послѣдній введенъ, въ глазахъ растроганнаго благодѣтеля, во владѣніе. „Ну, Матюша, ты теперь богатъ; все твое, что было мое! Корми же только меня до гроба! Кормите, дѣти! Будете кормить?“ — Дѣти, то-есть двадцати-лѣтній женихъ и тридцати-лѣтняя невѣста, объявили, что будутъ... Да впрочемъ, крестный папенька толковалъ о прокормленіи только такъ, ради красоты слова. Билъ же онъ навѣрняка и зналъ, что рыцарски-стойкаго Матюшу не подкупишь ничѣмъ и что честь его, въ денежныхъ и всякихъ дѣлахъ, несокрушима. Перешелъ Матюша въ домъ благодѣтеля (прежде онъ жилъ тоже во флигелѣ) и, пока готовились къ свадьбѣ, сталъ хлопотать и суетиться еще болѣе. Но вышелъ непредвидѣнный случай. Сердобольный крестный папенька, въ молодости буянъ и кутила, но вообще скупаго и тугаго характера, черезъ полъ-года послѣ совершенія дарственной записи какъ-то, въ пылу заносчивой перебранки, шумной бури самовластія, каковою онъ иногда имѣлъ обычай угощать своихъ домашнихъ, ни съ того, ни съ сего, не пожалѣвши прежде цѣлой кучи оскорбительныхъ упрековъ и угрозъ, развернулся да и далъ полновѣсную пощечину своему крестнику. Даже Агаѳья Семеновна при этомъ привскочила и сказала кислымъ своимъ голосомъ и въ носъ: „Прокофій Парѳенычъ, какъ тебѣ не совѣстно!“—Матюши не узнали. Въ одно мгновеніе онъ помертвѣлъ. Въ первомъ безсознательномъ движеніи онъ хотѣлъ было куда-то бѣжать. Потомъ обратился къ Прокофію Парѳенычу и, моргая воспаленными глазами и всхлипывая, сказалъ: „Я благородный человѣкъ и имѣнія вашего до смерти вашей не возьму. А вы, папенька, послѣ этого подлецъ! Такъ за даровой хлѣбъ не помахиваютъ; подавитесь имъ сами, а не я, — а ко мнѣ теперь и не подходите!“ — „Что ты, что ты, Матюшка, съ ума сошелъ?“ — вскрикнулъ было опомнившійся благодѣтель. Но Матюша, какъ нѣкая кара высшая, явился неумолимымъ. Мѣрными, быстрыми шагами отправился онъ въ старую баню въ саду; растворилъ ветхую дверь, на посланнаго за нимъ лакея крикнулъ: „Вонъ отсюда! Знай, что это мѣсто теперь мое, и вы сами мои!“ Заперся, да ровно семнадцать лѣтъ и не выходилъ оттуда. Обросъ волосами, пожелтѣлъ и высохъ, какъ пергаментъ; корни, какъ говорится, пустилъ въ своей

конурѣ и не вышелъ оттуда ни разу, въ то время, какъ все имѣніе и превосходный домъ принадлежали уже ему, по праву. „Мнѣ твоего куска не нужно", говорилъ онъ крестному отцу и сдержалъ слово. Семнадцать лѣтъ принималъ, говорятъ, пищу въ окно, спалъ на бараньемъ тулупѣ, читалъ одни святцы и въ болѣзняхъ отвергалъ лѣкарства. Обидчикъ черезъ день уже одумался окончательно и страшно перепугался. „Что, какъ онъ возьметъ, да и выгонитъ меня отсюда? Теперь вѣдь онъ полновластный хозяинъ: второпяхъ-то я прежде и забылъ его женить! Какъ быть?" Пошли совѣщанія. Прокофій Парѳенычъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ къ мѣстнымъ юристамъ и властямъ. Происшествіе въ его усадьбѣ огласилось. Его утѣшали; но роковая баня не давала ему покоя. Оно и дѣйствительно: крестникъ пожалуй и не требовалъ отъ него ничего. Да вѣдь онъ *могъ* потребовать, *могъ* каждую минуту вышвырнуть его изъ имѣнія, со всею его челядью. А тогда одно оставалось на старости лѣтъ: ходить по міру съ сумою. На Агаѳью Семеновну мало было надежды. Наступилъ какой-то праздникъ и съ нимъ какой-то торжественный день въ былой жизни его усадьбы. Прокофій Парѳенычъ одѣлся понаряднѣе, пригласилъ мѣстнаго духовника и, оросивши лицо слезами, съ причтомъ отправился къ банѣ. Дверь отперли. „Крестникъ, Матюша! Матвѣй Леонтьевичъ! Я къ тебѣ пришелъ; прости меня, виноватъ я передъ тобою!" Такъ сказалъ старикъ и опустился передъ затворникомъ на колѣни. Крестникъ, желтый и страшно-исхудалый, какъ мумія, всталъ медленно съ сырой, подгнившей кровати, покрытой полуистлѣвшимъ тулупомъ, поклонился передъ образами, тоже заплакалъ, однако же отвѣтилъ: „Богъ васъ проститъ, Прокофій Парѳенычъ; имѣнія вашего я не возьму, пока вы живы; живите въ немъ мирно и счастливо! Но меня уже вы не увидите; намъ вдвоемъ не житье на свѣтѣ,— и нѣтъ между нами отнынѣ ничего общаго, хоть и пропаду я въ этой клѣткѣ, какъ собака, не сойти мнѣ съ этого мѣста!"—Дѣйствительно, Прокофій Парѳенычъ прожилъ послѣ того еще, какъ сказано, почти семнадцать лѣтъ, не безъ тревоги однако поглядывая на баню, откуда могъ ежечасно выйти настоящій владѣлецъ, только черезъ первыя десять лѣтъ своего заточенія однажды законно напомнившій о своей личности суду, чтобы не пропустить десятилѣтней давности. Прокофій Парѳенычъ скончался. Незадолго до него скончалась и Агаѳья Семеновна, оставшаяся безбрачною. Едва старый помѣщикъ испустилъ духъ, Матвѣй Леонтьевичъ узналъ объ этомъ, вышелъ на воздухъ, шатаясь, въ полуобморокѣ, дошелъ до кабинета, принялъ ключи отъ столовъ и сундуковъ, и гонцы полетѣли отъ него во всѣ концы. Намека на прошлое какъ не бывало. Всѣ ду-

мали, что въ странномъ наслѣдникѣ давно уже наглухо вымерли всѣ чувства, всѣ способности ощущать радости, счастье, желанія, всѣ средства обонять, осязать, видѣть, слышать, вкушать, словомъ—жить. И всѣ ошиблись. Гонцы привезли цирюльниковъ, портныхъ, сапожниковъ, цѣлую кучу лѣкарей и чиновниковъ. Деревня была не малая, а скупой покойникъ оставилъ еще подъ спудомъ не одинъ мѣшокъ съ цѣлковыми. Было чѣмъ выплатить за свое преобразованіе. Мигомъ выбрили Матвѣя Леонтьевича, причесали, умыли, одѣли по послѣдней модѣ съ ногъ до головы, написали ему цѣлую кучу рецептовъ для поправленія здоровья и прошеній для пріема имѣнія во владѣніе, которымъ наслѣдникъ, какъ сказано въ прошеніи, не владѣлъ лично по болѣзни, и надавали всякихъ свидѣтельствъ, съ печатями и рукоприкладствами. Гости съѣзжались, дверь растворилась, и въ залъ вошелъ новый владѣтель села Голенищева-Червоннаго, Матвѣй Леонтьевичъ Тентерь-Отребинскій,—настоящая фамилія бѣднаго пріемыша, родъ котораго вообще былъ изъ старинныхъ родовъ того околотка. Лица гостей были въ недоумѣніи, какъ встрѣтить его: улыбками или слезами? Покойникъ, подъ богатымъ парчевымъ покровомъ, лежалъ въ столовой галлереѣ, гдѣ надъ нимъ читали и плакали, кому слѣдовало читать и плакать. Стройный, черноволосый, нѣсколько смуглый, новый хозяинъ, хотя былъ слегка слабъ и мало говорилъ, обворожилъ всѣхъ пріятностью своихъ манеръ, бѣлизною бѣлья съ брильянтовыми запонками, и баснословно-роскошнымъ поминальнымъ обѣдомъ. Старика-покойника похоронилъ онъ съ большимъ почетомъ, роздалъ богатую милостыню на погребеніи, одарилъ духовенство бѣлое и черное, а также старыхъ слугъ покойника, которыхъ впрочемъ тутъ же счелъ долгомъ спровадить во всѣ концы посредствомъ паспортовъ и отпускныхъ. Но самъ онъ не проронилъ ни одной слезы ни въ церкви, ни на могилѣ, ни на прощальномъ обѣдѣ. Гости разъѣхались. И только подслѣповатый дьячекъ церкви Голенищева-Червоннаго увѣрялъ впослѣдствіи, что слышалъ, подъ вечеръ похороннаго дня, когда гостей уже не было, какъ кто-то во ржи, за садомъ, жалобно и ревмя ревѣлъ, а потомъ оттуда поднялся будто-бы новый баринъ Матвѣй Леонтьевичъ.

Нельзя сказать, чтобы Тентерь-Отребинскій былъ вполнѣ хомякъ и сидень. Ни онъ ни къ кому, дѣйствительно, не напрашивался, ни у него не толкалась съ утра до вечера уѣздная челядь. За то уже, если онъ давалъ званые обѣды и вечера, то послѣдніе надолго оставались въ умахъ окрестныхъ жителей. Хозяйство и всѣ дѣла шли у него отлично. Онъ не суетился и не метался ни въ полѣ, ни за кабинетнымъ столомъ. А тысячи отлагались къ тысячамъ, и ни онъ, ни кто другой не зналъ, кому достанутся всѣ эти тысячи,

потому что Тентерь-Отребинскій былъ совершенно безроденъ и жениться не располагалъ. Богачемъ его назвать — было мало, потому что богачей и безъ него довольно считалось въ окружности. У одного было несчетное количество десятинъ земли, у другаго крестьянъ, у третьяго лѣсу. У него же и того, и другаго, и третьяго было множество, и въ добавокъ ко всему—уже не мнимыхъ, какъ у Гончаренка, а настоящихъ было у него, какъ говорили знающіе, ровно пятьсотъ шестьдесятъ тысячъ серебромъ. Увы! въ уѣздахъ суждено большею частію прославляться однимъ такимъ состояніямъ, каковы состоянія добраго, но неосмотрительнаго Гончаренка и ему подобныхъ. Отребинскій держалъ отличнаго повара, котораго сперва обучилъ на кухнѣ мѣстнаго генералъ-губернатора, потомъ даже на кухнѣ какого-то министра, отличавшагося гастрономическимъ вкусомъ, и наконецъ при одномъ геніальномъ парижскомъ ресторатёрѣ. Ѣлъ онъ умѣренно, но изящно, въ высшемъ смыслѣ этого слова, и всегда почти одинъ. Гостей сзывалъ онъ разомъ уже на большіе званые обѣды. Пилъ отборнѣйшія вина. Носилъ самое тонкое бѣлье и первѣйшаго вкуса и моды платье. Года́ самовольнаго заточенія и поста, казалось, должны были убить въ немъ органы гастрономическихъ чувствъ. Но было наоборотъ. Въ ѣдѣ и питьѣ онъ былъ также молодъ и артистиченъ, какъ самый даровитый юноша, и, несмотря на свои почти сорокъ пять лѣтъ, когда гастрономы уже теряютъ драгоцѣнную свѣжесть позыва къ пищѣ и къ питью и становятся, въ большей или меньшей степени, обжорами, находилъ еще, что въ числѣ здравыхъ и положительныхъ благъ житейскихъ онъ ничего не знаетъ выше хорошаго аппетита. Дамы нѣсколько его боялись и мысленно, хотя совершенно напрасно, считали просто грязнымъ человѣкомъ.

Дѣлъ спорныхъ всякаго рода онъ вообще избѣгалъ; отъ своихъ отплачивался, а другимъ говорилъ: „Господа! слезы, вздохи, изліянія родства и дружбы,—все это вздоръ. И вамъ хочется имѣніе получить, и вамъ. Богъ васъ знаетъ, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ по совѣсти; ну, а на дѣлѣ вы обладаете правомъ законной внѣшности, а вы нѣтъ; ну, и концы въ воду! Счастье счастливому и горе дураку!“—Рѣзкія сужденія ему прощались. Соперниковъ по силѣ свободы слова и независимости положенія въ уѣздѣ у него не было. Уважая долгъ общественный, онъ не подпадалъ ни единой пенѣ, ни единому взысканію. Въ добавокъ ко всему, самъ онъ ничего особеннаго не искалъ, потому что почти все имѣлъ. — „Я не ищу,—говорилъ онъ,—у ближняго ни осла его, ни скота его, ни рабы, ни рабыни его; не ищу, наконецъ, и жены ничьей, не потому, чтобы принадлежалъ къ глупѣйшей сектѣ холостяковъ, а просто потому,

что не люблю женщинъ!" „Вездѣ,—говорилъ онъ,—во всѣхъ чувствахъ и лакомствахъ нужны только двѣ вещи: здоровье и вкусъ. А здѣсь я отсталъ: подъ пятьдесятъ лѣтъ трудно влюбляться! Въ карантинѣ моемъ состарѣлось же у меня и сердце. А коли умъ бодръ, да сердце немощно, то брака быть не можетъ!" — И онъ мирно проживалъ въ лѣсной глуши, въ своемъ зажиточномъ Голенищевѣ-Червонномъ. Мужики его благоденствовали, почти не видя его, до того, что окрестные чужіе мужики, какъ сказано уже, даже не знали его и по фамиліи. Дѣла его текли, какъ по маслу. Капиталы его обращались и росли въ конторахъ столичныхъ откупщиковъ, въ двухъ или трехъ акціонерныхъ обществахъ и дома, кое у кого, совершенно незримые. И никто не мѣшалъ ни наслаждаться свободою, ни со вкусомъ ѣсть и пить Матвѣю Леонтьевичу Тентерь-Отребинскому, сколько его душѣ было угодно. У него-то сидѣлъ въ роковой день, по отъѣздѣ изъ города, гдѣ узналъ о ложности мнимаго приданаго Шурочки Гончаренко, Иванъ Ильичъ Щебетковскій.

Матвѣй Леонтьевичъ принялъ его сухо, но вѣжливо. На ярко-отполированномъ палисандровомъ столѣ обѣденной комнаты, отдѣланной подъ лѣпной лакированный дубъ, съ большимъ, постоянно горѣвшимъ каминомъ, стоялъ сервизъ съ закуской и винами, пробки которыхъ украшались серебряными куколками Наполеона и Петра Великаго. Красивые лакеи въ ливреяхъ и казаки стояли у дверей.

— Вы изволите знать Акима Захарыча Гончаренко?—спросилъ Щебетковскій.

— Какъ же-съ. Какъ не знать. Я мало съ нимъ знакомъ, видѣлъ его раза два и жалѣю, потому что, какъ слышалъ, это предобрый человѣкъ! Говорятъ, онъ большой поклонникъ Украйны и всѣми силами старается поддержать ея старинные обычаи?

— Да, это правда, дѣйствительно правда... но...

— Говорятъ, еще наливки у него необыкновенныя?

— Истинная правда, и превкусныя. Только родъ его не слишкомъ древній, далѣе Екатерининскихъ временъ не восходитъ. А вотъ мой родъ,—если, Матвѣй Леонтьевичъ, вамъ любопытно знать,—идетъ по прямой линіи отъ знаменитаго гетмана украинскаго Полуботка, который погибъ въ Петербургѣ...

— Можетъ ли быть? Какъ это любопытно! Это вашъ предокъ!—И хозяинъ съ увлеченіемъ пожалъ руку Щебетковскаго.—Я въ послѣднее время очень много читалъ старую исторію Малороссіи и, не скрою отъ васъ, очень уважаю память вашего предка. Вы должны имъ гордиться. Такъ, точно такъ! Онъ умеръ на чужбинѣ!

— Да; но его прахъ послѣдующіе потомки перенесли въ теперешнее мое село, гдѣ я живу и единственно имъ владѣю...

— Очень пріятно, очень пріятно. Я самъ хотя бѣднаго происхожденія, но также украинскій дворянинъ и высоко чту это достоинство! Жалѣю очень, что не женатъ. Первымъ дѣломъ моимъ были бы хлопоты объ устройствѣ майората, для поддержанія нашего рода въ моемъ лицѣ!

Бесѣда на минуту прекратилась. Слуги приняли закуску и ушли.

— У меня къ вамъ, Матвѣй Леонтьевичъ, есть просьба!—произнесъ, помолчавъ, Щебетковскій.

— А! вы меня ловите на словѣ? Извольте, согласенъ и не отказываюсь отъ обѣщанія. При нашей встрѣчѣ у предводителя, въ прошлую осень, я точно самъ вызвался вамъ на одолженіе. Но помните ли вы... Иванъ Ильичъ, кажется?

— Такъ точно, Иванъ Ильичъ.

— Помните ли мои слова? Я говорилъ: мое одолженіе вамъ будетъ первое и послѣднее!

Съ этимъ словомъ, странный хозяинъ Щебетковскаго нѣсколько задумался и еще прервалъ общее теченіе рѣчи такими словами:

— Въ дни моего бѣдствія, ничтожный и скованный собственною прихотью, я много страдалъ. Я вамъ покажусь страннымъ; но то, что я выработалъ въ себѣ, я никому не отдамъ. Я выработалъ слѣдующую мысль: лучше свободы я не знаю ничего! Говоря безъ тонкостей, я живу, какъ знаю и какъ хочу. Ни въ комъ не нуждаюсь и никому, по правдѣ, не нуженъ. Откровенностей и исповѣдей въ преданности, а особенно въ чувствѣ дружбы никому не дѣлаю, потому что думаю такъ: иногда откроешь душу, а туда возьмутъ, да и наплюютъ. Разумѣется, выше денегъ, то-есть выше средства имѣть желаемое и при этомъ никому не кланяться и не пѣть Лазаря,—повторяю,—нѣтъ ничего на свѣтѣ. Однако же, я понимаю комфортъ еще и съ такой стороны, что еслибы, вмѣсто этого дома, судьба кинула меня въ лужу мутной воды, то я и тамъ постарался бы найти своего рода лягушечій комфортъ и спокойствіе. Изъ-за этого желанія спокойствія я ни передъ кѣмъ и не одолжаюсь: иначе еще придется расчитываться. Не одолжаю я и самъ никого. Вотъ хоть бы, напримѣръ, кинулся бы, положимъ, въ воду мой родной братъ, котораго впрочемъ у меня нѣтъ; спасать его я не сталъ бы. Во-первыхъ, замочишься, а во-вторыхъ, можетъ быть этого ему и не надо. Да что и скрывать? Одни дураки не подлецы, извините меня! Какой братъ на землѣ не обрадовался бы скорописной, какъ говорится, смерти брата, еслибы послѣ него осталось наслѣдство?— Да-съ... Однако же, позвольте: въ чемъ ваша просьба? Я вашъ должникъ. Вотъ вашу только, да этого, еще, пожалуй, Гончаренка просьбу я бы и исполнилъ. Его просьбу, особенно, еслибы онъ пріѣхалъ

просить денегъ взаймы, исполнилъ бы потому, что тогда, не выѣзжая изъ дома, кстати могъ бы съ нимъ познакомиться. А вашу, я уже говорилъ — почему. — Ваша покойная бабушка, не дай ей Богъ царствія небеснаго, за то, что она сдѣлала меня должникомъ вашимъ, въ дни тягостнѣйшаго моего недуга, невѣдомо для меня, присылала ко мнѣ лѣкаря и денегъ. Говорятъ, она была помѣшанная. Это только и миритъ меня съ нею... Въ чемъ же, однако, еще разъ позвольте мнѣ спросить, состоитъ ваша просьба?

Иванъ Ильичъ уже зналъ нѣсколько странности господина Отребинскаго и потому, нимало не потерявшись, рѣшился стать на его же точку зрѣнія и пойти на-прямики.

— Дѣло мое, Матвѣй Леонтьевичъ, вотъ въ чемъ состоитъ. Съ вами, вижу, должно отбросить всякіе обряды и говорить откровенно. Спасите меня, Матвѣй Леонтьевичъ; я несчастнѣйшій человѣкъ!

Тентерь-Отребинскій глянулъ на собесѣдника и даже сдѣлалъ движеніе, какъ бы думалъ ухватиться за ручку звонка, желая приказать принести одеколону.

— Говорите, говорите откровенно! Я слушаю!

— Надо вамъ разсказать съ начала. Выпало мнѣ наслѣдство, котораго я никакъ не ожидалъ. Наслѣдство пустое, всего пятьдесятъ душъ и шестьсотъ десятинъ земли...

— Что же, это еще ничего! Кусокъ изрядный, и можно бы прожить вѣкъ независимо.

— Да дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ я имѣлъ уже обезпеченное мѣсто. Жалованья, правда, немного, около семисотъ рублей серебромъ; но за то впереди была карьера. Тетка моя близка въ Варшавѣ къ одному значительному лицу, и я самъ вхожъ былъ къ министру, которому даже...

— Э-э! послушайте, мой милый, вы заноситесь! Петербургъ — это все-таки зависимость, а деревня — сущее благо для человѣка нашихъ дней. Приволье ничего не дѣлать, ѣсть вкусно, спать безъ тѣни хандры и сидѣть по цѣлымъ днямъ, сложа руки и созерцая собственное свое достоинство... Какъ хотите, это — завидная участь!

— Да, Матвѣй Леонтьевичъ, вамъ хорошо трунить! А между тѣмъ, согласитесь, Петербургъ, балы, театры, общество, полное высшихъ стремленій, литература. Среди этой горячечной дѣятельности и самъ становишься трудолюбивъ, честолюбивъ и ретивъ къ общему благу, къ всемірнымъ цѣлямъ...

— Петербургъ, — началъ задумчиво хозяинъ: — Петербуръ, это — невыносимая вещь для всякаго человѣка, любящаго болѣе всего самого себя, вотъ какъ я, напримѣръ, то-есть, любящаго достойное

любви! Я тамъ не былъ; но думаю, что это—сущая гадость, весь этотъ жизненный шумъ и гамъ, который вы превозносите. Ну, кто меня дернетъ быть, положимъ, чиновникомъ, хоть бы и начальникомъ отдѣленія, или департамента? Ну, за что я буду рыться съ утра до вечера въ пыльныхъ и кляузныхъ дѣлахъ, отыскивая въ этомъ навозѣ гнусную падаль людскихъ ошибокъ и злодѣйствъ всякаго рода; да у меня и груди не достанетъ для подобныхъ меѳитическихъ изверженій! Даже изъ любопытства скверно. Это, какъ думаю, не городъ, а обширный пустой гробъ, гдѣ ползаютъ во фракахъ и въ мундирахъ тощіе черви и съ голоду грызутъ другъ друга...

— Такъ какой же исходъ всему этому? Ну, я бросилъ Петербургъ, пріѣхалъ сюда, сѣлъ на хозяйство, даже увлекся запашками и умолотами. Скука же однако сидѣть одному въ четырехъ стѣнахъ!

— Вы любите читать?

— Да... Но согласитесь, въ четырехъ стѣнахъ одному?

— Искусство васъ ни одно не занимаетъ?

— Люблю искусства, но самъ не художникъ...

— Сойдитесь съ какой-нибудь артисткой, пьянисткой, что-ли, да помоложе; составьте условія, перевезите ее къ себѣ, вотъ вамъ и лакомство—особенно въ этомъ случаѣ музыка хороша! Не шутя; я бы самъ договорилъ себѣ этакую поставщицу фортепьянныхъ благъ, да тугъ нѣсколько на ухо и не различаю лучшей пьесы отъ коровьяго мычанья...

— Вспало мнѣ, дѣйствительно, Матвѣй Леонтьевичъ, на мысль пополнить недостатокъ деревенской холостой жизни по закону. „Не добро человѣку быть едину“—какъ сказано...

— Вы захотѣли обабиться?

— Да, и нашелъ милое созданіе, здоровое, молоденькое существо...

— Поэзія пеленокъ! Не понимаю и этой страсти; но думаю, извините, что хотя семейныя добродѣтели и картины и трогательны, а жена съ флюсомъ на губѣ и крикъ груднаго мальчишки, когда спать хочется, все-таки плохая вещь. Такъ и навостришь лыжи изъ той-же деревни, либо къ сосѣду, либо къ сосѣдкѣ, либо въ тотъ-же вашъ сквернѣйшій Петербургъ... Не совѣтую вамъ, мой милый, и жениться! Право, это пустыя бредни. Развѣ уже только увлекся, да что-нибудь плохое сдѣлалъ, и нужно разсчесться бракомъ...

— Матвѣй Леонтьевичъ! Вы меня не выдадите?—спросилъ Щебетковскій торжественно и стиснувъ ему руку.

— Нѣтъ! Только если нужно кого вызывать на дуэль, я не иду въ секунданты и беру назадъ свое слово.

— Матвѣй Леонтьевичъ, тутъ дѣло не въ томъ. Въ Петербургъ

нѣтъ уже мнѣ возврата! Но злость меня беретъ, когда подумаю, за что я его оставилъ! Мы всѣ — люди современные; надѣюсь, вы не удивитесь при моихъ словахъ. Я встрѣтилъ здѣсь дѣвушку, некрасивую, по правдѣ, и даже черезъ-чуръ некрасивую...

— Это-то милое, чудное созданіе, что-ли?

— Да,—подхватилъ, нѣсколько смѣшавшись, Иванъ Ильичъ:—здоровое, молоденькое существо, богатое, какъ мнѣ сказали, и очень богатое, Матвѣй Леонтьевичъ, ослѣпительно богатое...

— А!!

— Я увлекся! Пріударилъ, сильно пріударилъ и увлекъ и ее. Барышня сперва глазки стала дѣлать, кошельки мнѣ вязать, ленточки на память и волоски дарить, а потомъ и на свиданіе пришла... Мы вступили въ дѣятельную переписку, хоть сегодня увози...

— Поздравляю васъ, монъ-шеръ; отъ души поздравляю! Что же? Зовете шаферомъ или въ посаженые?

И Тентерь-Отребинскій съ увлеченіемъ пожалъ ему руку.

— Но вотъ мое горе: меня надули!..

— Быть не можетъ; такъ-таки и надули?

— Надули! Я узналъ, что они просто нищіе, хотя и были недавно еще богаты...

— Жаль; очень жаль! Это—дѣло дѣйствительно гадкое.

Иванъ Ильичъ примостился къ самому носу Матвѣя Леонтевича.

— Поѣзжайте, откажитесь за меня, Матвѣй Леонтьевичъ! Вотъ моя просьба!

— Какъ такъ?!

— Откажитесь за меня передъ отцомъ, а дочкѣ даже можете не говорить; они уже тамъ сами устроятъ дѣло. Главное отецъ; а она повздыхаетъ и утѣшится послѣ.

— Да вы-то что же сами?

— Да я боюсь...

— Какъ такъ??

И Отребинскій глянулъ не безъ удивленія на собесѣдника. Но Иванъ Ильичъ очень мирно сидѣлъ противъ него, смотря ему въ глаза и только пощипывая конецъ перчатки.

— Именно боюсь. Вы вообразите одно. Дѣвушка очень достойная, милая даже, и такая еще аппетитная, огурчикъ точно; увѣренъ, и вамъ понравится. Но если я съ одной стороны не намѣренъ нищихъ плодить и раздѣлять съ ней брака, то съ другой стороны, вѣроятно, какъ я уже обдумалъ, и отецъ не захочетъ шутить! Предложенія-то я изъ предосторожности не сдѣлалъ, и прямо придраться нельзя; мало ли кто можетъ изъ молодежи ѣздить въ каждый домъ и волочиться... Да однако же есть причина...

Отребинскій всталъ, прошелся по комнатѣ и позвонилъ. Вошелъ слуга въ сѣромъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами и въ красномъ жилетѣ съ гербами.

— Вы хотите, чтобъ я ѣхалъ непремѣнно?—спросилъ онъ Щебетковскаго.

— Да, прошу васъ; на васъ одна надежда... Вы такъ смѣлы... самостоятельны...

— А барышни этой вамъ не жаль?

— Да посудите сами,—подхватилъ Иванъ Ильичъ, вскочивъ со стула:— молодость моя, мечты, счастье—все погибнетъ! А она и милая дѣвушка, и могла бы подарить своею любовью... да что-же дѣлать? бѣдна...

— Сколько же вамъ нужно приданаго?

— Мнѣ сказали, что за нею около четырехсотъ тысячъ, а оказалось ничего. Справки плохо были сдѣланы прежде. Да я бы и на ста тысячахъ серебромъ помирился, и ужъ, клянусь, осчастливилъ бы свою жену!

— Запречь шестерикъ въ карету!—обратился Тентерь-Отребинскій къ лакею:—Маликъ поѣдетъ! Хомуты надѣть наборные. Ступай!

Слуга пошелъ къ двери.

— Да, я и забылъ васъ спросить: къ кому же это ѣхать?

— У этого самаго, что я вамъ говорилъ, Акима Захарыча Гончаренка случилось это дѣло; а дочку его зовутъ Шурочкою, Александра Акимовна.

Сборы были недолги. У Отребинскаго все дома шло, какъ по маслу. Слегка перекусивъ, онъ вышелъ и тутъ-же сѣлъ въ карету, объемистую, крѣпкую и спокойную. Ему туда подали только-что привезенную съ почты книжку французскаго журнала. Шестерикъ вороноцѣгихъ, громаднаго роста, почти въ девять вершковъ, лошадей, среди которыхъ искусный Маликъ, самъ гигантъ по стану, ходилъ, какъ карликъ, стояли, какъ вкопанные, блестя бляхами наборовъ и распустивъ до копытъ черные, гладкіе хвосты.

— Страненъ немного я покажусь этимъ господамъ, — сказалъ Тентерь-Отребинскій изъ кареты:—ну, да это ничего; мнѣ давно тамъ хотѣлось быть! Только что-же, если они не повѣрятъ моему отказу, и скажутъ: быть не можетъ, это достойный и благородный человѣкъ?

Иванъ Ильичъ, опершись о балюстраду крыльца, кивнулъ головой и шепнулъ:

— Не бойтесь, повѣрятъ. Лишь бы мнѣ развязать руки для другихъ исканій. Да вы, впрочемъ, можете нисколько меня не жалѣть въ этомъ разговорѣ; скажите имъ, что хотите! Скажите, что

это сущій негодяй и эгоистъ; что вы даже не соглашались ѣхать съ такимъ порученіемъ, а онъ просилъ и послалъ. Лишь бы отказаться... Вѣдь мы современные люди, Матвѣй Леонтьевичъ, не правда-ли?— И онъ засмѣялся...

IX.

Посольство.

Но карета двинулась, подхваченная плотнымъ шестерикомъ вороноцѣгихъ, и Иванъ Ильичъ не слышалъ, что отвѣтилъ на его слова Тентерь. Да онъ, кажется, и ничего не отвѣтилъ; а тутъ же вынулъ французскій журналъ и принялся читать.

Тентерь выѣхалъ уже передъ вечеромъ, и потому по пути къ Гончаренкѣ пришлось ему переночевать у знакомаго содержателя постоялаго двора, забиравшаго у него овесъ и хлѣбъ. Отъ Гончаренка онъ тоже вернулся уже поздно на другой день. Шестерня воронопѣгихъ подкатила его къ крыльцу, на стемнѣвшемъ уже дворѣ, вся въ мылѣ. Слуги выскочили изъ дверей; за ними на порогѣ показался встревоженный Щебетковскій, безъ сомнѣнія дожидавшійся возвращенія своего посла. Послѣ уже Тентерь узналъ, что его гость весь день не находилъ покоя: то сновалъ передъ окнами, то уходилъ въ садъ, то писалъ и рвалъ какія-то письма; даже плохо пообѣдалъ, несмотря на гастрономическія дарованія повара Матвѣя Леонтьевича. Взведенный на крыльцо, Тентерь сбросилъ въ передней шинель, протянулъ руку гостю и велѣлъ тотчасъ подавать свѣчи и закуску въ гостиную. Лицо его, смуглое и блѣдно-худощавое, было замѣтно изнурено. Непривычная поѣздка его утомила.

— Вотъ, мой несравненный,—сказалъ онъ, усѣвшись въ гостиной въ мягкія кресла и наливая въ граненый стаканъ тончайшаго сорта лафиту, между тѣмъ какъ свѣчи и лампа подъ экраномъ разливали нѣжный свѣтъ по бархату и золоту, картинамъ и фарфору, коврамъ и цвѣтамъ убранной съ замѣчательнымъ вкусомъ гостиной:—толкуйте послѣ этого о трудахъ и усиліяхъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Да я бы теперь ни за какія блага не поѣхалъ даже вотъ за пять верстъ. Всего разломало...

— А я полагалъ, что у васъ очень спокойный экипажъ!—сказалъ какъ-то особенно тихо и подобострастно сидѣвшій передъ нимъ на кончикѣ дивана Иванъ Ильичъ.

— Какое, мой милѣйшій! экипажъ, какъ экипажъ. То ли дѣло

сидѣть дома да пить вотъ этакой лафитъ; не хотите-ли, монъ-шеръ?— Гей! человѣкъ! Сигару!

Человѣкъ явился, подалъ на серебряномъ подносѣ сигару и неслышными шагами опять скрылся.

— Да, если такъ жить, какъ вы живете,—возразилъ Иванъ Ильичъ, тоже наливая лафиту и закусывая сардинкой:—такъ ни Петербургъ, никакая въ мірѣ забота не придетъ въ голову!

— Ошибаетесь, ошибаетесь. Вотъ видите-ли, даю опять вамъ честное слово: все отъ насъ зависитъ. Коли человѣкъ одаренъ порядочнымъ запасомъ желанія быть спокойнымъ и довольствоваться одною возможностью безнаказанно и привольно сидѣть, сложа руки и созерцая собственное свое достоинство, то и въ лужѣ, не только въ этомъ домѣ, можно отлично произвести всѣ эти занятія.

— Но неужели же никакого особенно завѣтнаго желанія у васъ, Матвѣй Леонтьевичъ, нѣтъ? Ни мысли о бракѣ, о большемъ богатствѣ, о всеобщемъ уваженіи, славѣ, или хотя долговѣчности?

— Есть одно, сознаюсь: довести свои доходы до того, чтобы наконецъ представилась возможность, не влѣзая никому въ карманъ, имѣть на жалованьѣ француза-повара, прямо изъ Парижа, хоть бы, положимъ, самого Сойе...

— А бракъ? Молоденькая, свѣжая, здоровая барышня, которую отдаютъ со слезами и воплями, невинность въ батистовой сорочкѣ и бумажной юбкѣ...

— Вы циникъ, а я цинизма не люблю!—рѣзко перебилъ Тентерь:—это какъ-то дурно дѣйствуетъ на мои нервы и на пищевареніе. Не хотите-ли шампанскаго?

— Помилуйте,—подхватилъ Щебетковскій:—гдѣ же тутъ пить шампанское, хотя, быть можетъ, мнѣ суждено услышать отъ васъ... не совсѣмъ—пріятный разсказъ о моей судьбѣ?...

— Да... о вашей судьбѣ? Вотъ какъ было дѣло.

Матвѣй Леонтьевичъ еще выпилъ лафиту и началъ:

— Пріѣзжаю я, мой несравненный, къ этимъ Гончаренкамъ. Докладываютъ. Хозяинъ самъ выскочилъ въ переднюю. Очень радъ, говоритъ, очень радъ! Давно наслышался и желалъ познакомиться. Вошелъ я въ домъ. Тамъ закуска стоитъ. Попы около прохаживаются. Какой-то гость съ фуражкой у печки прислонился и задумчиво смотритъ на графинчики. Меня въ гостиную. Тамъ дама въ шляпкѣ сидитъ и наряжена. Другіе тоже, смотрю, въ нарядѣ. Поговорили мы съ отцомъ. Входитъ дочка, вся въ розовомъ и съ лентами. Присѣла и такъ, съ улыбкою, знаете, на меня поглядѣла. Думаю, что бы это значило? Ужъ не на праздникъ ли семейный какой подоспѣлъ?...

Щебетковскій при этомъ сказалъ: — „а, постойте!“ и ударилъ себя по лбу. „Ахъ, вѣдь точно, вѣдь вы въ день рожденія Александры Акимовны попали! Вотъ случай!“

— Да, вѣрно случай. Слушайте-же. Сижу я. Входятъ еще двѣ дамы, изъ суда кое-кто, еще пятеро. Словомъ, набралось гостей. Шурочка, или какъ тамъ вы ее зовете, курочка что-ли, такая живая, подвижная, ходитъ передъ всѣми, на меня поглядываетъ,—нельзя же, въ первый разъ въ домѣ. Поглядываетъ, глазенки такъ бѣгаютъ. Въ румянецъ скоро вошла. Тутъ подзываетъ ее какая-то дама, оправила на ней косыночку, обдернула рукавчики и что-то сказала ей, глядя на меня. Подходитъ дочка ко мнѣ и, не смотря мнѣ въ глаза, спрашиваетъ:—„вы не на милодѣдовскую плотину ѣхали?“ — „На милодѣдовскую“.—„Иванъ Ильичъ не будетъ?“—„Не знаю, сударыня!..“

— Такъ и спросила?—перебилъ Щебетковскій.

— Да, спросила. Постояла она, ножкою повернула и говоритъ опять:—„Странно: Иванъ Ильичъ съ папенькою очень друженъ, а сегодня не пріѣхалъ, и уже болѣе недѣли не былъ у насъ! Вы съ нимъ знакомы?“—„Да, такъ—кланяемся только“.—„Тутъ съ нимъ очень хочетъ свидѣться одна наша знакомая.“—И ушла, думая тѣмъ скрыть себя. Ну-съ, а я жду, помня ваше порученіе. Приходило мнѣ при этомъ въ голову, зачѣмъ собственно открыто отказываться вамъ, когда явно ничего еще не было между вами: не лучше ли было бы такъ дѣло оставить...

— Охъ, и мнѣ уже приходило въ голову; да сгоряча рѣшилъ такъ. Нечего дѣлать... трусилъ, чтобъ не принудили жениться!

— И я такъ подумалъ, и я. Набралось гостей довольно. Отслужили молебенъ. Изъ столовой загремѣли тарелки и ножи. Скоро обѣдать пойдутъ. А послѣ обѣда, дѣло понятное, за наливки сядутъ. Когда тутъ наединѣ объясняться? Сильно не хотѣлось откладывать до новаго визита. Смотрю, хозяинъ бесѣдуетъ съ однимъ духовнымъ лицомъ. Всталъ я и подхожу. „Извините, Акимъ Захарычъ: имѣю къ вамъ одно дѣло.“—„А, милости просимъ, милости просимъ. Пожалуйте въ кабинетъ, тамъ намъ будетъ просторнѣе. Не лошадокъ ли покупать? Есть у меня чудный шестерикъ, сѣрый въ яблокахъ, все по шести вершковъ.“—„Нѣтъ-съ, не о лошадяхъ дѣло.“—Вошли мы въ кабинетъ, сѣли у окна. Какъ начать?—„Извините меня, Акимъ Захарычъ, началъ я: въ первый разъ къ вамъ пріѣхалъ и, быть можетъ, сообщу не совсѣмъ пріятное для васъ.“—„Не стѣсняйтесь!“—отвѣтилъ онъ и сталъ крутить усы. Молодецъ молодцомъ, усища по грудь. „Могу ли?“—спросилъ я и началъ теряться.—„Не стѣсняйтесь, милостивый государь!“ повторилъ онъ и еще бойчѣе сталъ крутить усы. Я

началъ: „изволите ли вы знать господина Щебетковскаго?“—Онъ видно не ожидалъ такого вопроса и сперва неопредѣленно глянулъ внизъ. „Знаю“.—„Какого вы мнѣнія о немъ?“—„Для чего вамъ?“—„Такъ, это идетъ къ дѣлу.“—Онъ выкинулъ пепелъ изъ трубки и отвѣтилъ: „Не знаю, для чего это вамъ, только полагаю его за честнаго и благороднаго человѣка.“—„Онъ отъявленный мерзавецъ и негодяй!“ отвѣтилъ я...

— Какъ? Это *вы* сказали? — спросилъ Щебетковскій, привскочивъ на стулѣ.

— Вы сами, наипочтеннѣйшій мой, поручили мнѣ это, и это входило въ планъ мой!—отвѣтилъ спокойно Тентерь:—не хотите ли хересу? у меня отличный.

— Благодарю васъ, не хочется. Продолжайте.

— Отъявленный, говорю, мерзавецъ и негодяй! На это Гончаренко, ошеломленный и никакъ этого не ожидавшій, сдѣлалъ то же почти, что и вы. Онъ поблѣднѣлъ, брови его заходили, а рука стала судорожно ловить упавшій чубукъ, какъ будто въ намѣреніи поблагодарить меня за откровенность. „Что вы, милостивый государь?“ зашипѣлъ онъ хриплымъ голосомъ и не смотря на меня. Что же мнѣ дѣлать? упросили меня, послали, долженъ былъ ѣхать и поѣхалъ!—„Да какъ вы смѣете забываться?“ кричитъ. „Успокойтесь, говорю, Акимъ Захарычъ, сядьте, вотъ такъ! Не горячитесь; я и разскажу! Сядьте“.—Сѣлъ онъ опять; слушаетъ, а въ груди, какъ мѣха кузнечные, такъ и храпитъ. „Видите ли, говорю, въ чемъ дѣло: можетъ быть отъ васъ укрылось; только этотъ господинъ Щебетковскій сталъ ухаживать за вашею дочерью. Онъ придумывалъ для этого всѣ средства. Онъ успѣлъ въ этомъ... и... она его сильно полюбила!“—„Ну?!“—„Онъ показалъ ей, что отвѣчаетъ пламенно и безкорыстно“.—„Ну?!“—„Они вступили въ переписку“.—„Ну, ну?!“—„Стали имѣть тайныя свиданія“.—„Да ну-те, наконецъ, что-же изъ всего этого?“—„Онъ искалъ не ея, а ея состоянія... Ему сказали, что она богата...“—„Ну, да,“ перебилъ старикъ: „и имѣетъ таки, чѣмъ прожить, слава Богу; она у меня одна!“ „Эхъ, Акимъ Захарычъ, долго вамъ объяснять это. Человѣкъ этотъ—человѣкъ новаго поколѣнія. Что вамъ довольно, ему мало. Съ чѣмъ вы проживете вѣкъ, припѣваючи, среди мирныхъ благъ укромнаго уголка, съ тѣмъ онъ сочтетъ себя нищимъ, и, еслибы не полиція нашего отечества, я думаю—пошелъ бы еще грабить“.—Понурилъ старикъ голову и уже ничего не возражалъ. „Ему сказали на вѣтеръ, что за нею четыреста тысячъ, нажитыхъ вами на откупахъ; онъ и повелъ преслѣдованія, съ тончайшимъ расчетомъ людей, подобныхъ ему. Теперь узналъ, что за нею очень мало, или почти ничего, по его планамъ

и видамъ, и поручилъ мнѣ, мнѣ, вашему покорнѣйшему слугѣ, ѣхать къ вамъ и предупредить васъ, что онъ считаетъ долгомъ, *какъ честный человѣкъ,*—именно, кажется, онъ такъ сказалъ: какъ честный человѣкъ,—отказаться заранѣе и навсегда отъ руки вашей дочери, каковыя мысли проситъ осторожно сообщить ей!"—„Зачѣмъ же такъ обижать?" спросилъ опять тихо Акимъ Захарычъ, принимаясь дрожащими руками чистить и набивать трубку. Я удивился его словамъ, тѣмъ болѣе, что ожидалъ другаго при этомъ; ожидалъ, что онъ ухватитъ что ни попало и пуститъ въ голову посла. Оставилъ потомъ трубку и всталъ. „Понимаю,—говоритъ, а самъ силится улыбнуться:—изъ этого видно, что онъ очень... очень ловкій человѣкъ!"—И сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ. „Очень ловкій, весьма, весьма ловкій человѣкъ!"—И подошелъ къ окну. „Очень, весьма ловокъ... А вы какъ думаете?" спрашиваетъ, барабаня по стеклу. „Думаю тоже, что не безъ ловкости, хотя и простоватъ..."—„Гдѣ вамъ простоватъ?" закричалъ старикъ, быстро оборотясь, причемъ лицо его все—все было въ слезахъ. „Удивительно лукавъ! повелъ дѣло удивительно! Ха-ха! Да и отдѣлалъ же, вотъ отдѣлалъ. Вообразите, вѣдь зналъ, что смѣшно же отцу вызывать на дуэль человѣка за то, что не хочетъ быть женихомъ его дочери, когда тотъ и предложенія не сдѣлалъ! Ай, да молодые люди! ай, да молодое поколѣніе! Какіе же подлецы!" — И, обтеревъ слезы, сталъ онъ еще быстрѣе ходить по комнатѣ. Но не выдержалъ и расхохотался, хватаясь за бока и повторяя: „дрянь, ей Богу дрянь; не вѣрьте вы этой молодежи! все дрянь и мелочь! подлость! подлецы! безъ сердца! Охъ-хо-хо!"—Прошибъ ознобомъ и меня этотъ смѣхъ старика...

— Что же послѣ этого?—спросилъ Щебетковскій.

— Послѣ этого еще случилась оказія. Упалъ онъ на диванъ. Я его успокоилъ и оставилъ окончательно придти въ себя. „Чортъ съ нимъ! рѣшилъ онъ о васъ: пропадай онъ! я и знать его, собаку, и преслѣдовать не хочу". Вышелъ я, а самъ сталъ у двери; думаю, что-то будетъ, не посягнулъ бы еще на жизнь. Смотрю въ щель изъ-за двери: всталъ онъ, вздохнулъ, подошелъ къ зеркалу надъ столомъ, оправился и сталъ чесаться. Волненіе не унималось еще; лицо то багровѣло, то блѣднѣло. Вдругъ щетка надъ головой его остановилась; онъ повернулся и сталъ вслушиваться... шагнулъ къ двери въ ширмѣ и распахнулъ ее. За дверью, войдя туда потихоньку, до начала еще нашего объясненія, корридоромъ, стояла блѣдная и полу-живая Шурочка. Должно быть, инстинктивно угадала она мой пріѣздъ и приглашеніе отца въ кабинетъ и все подслушала...

Щебетковскій передернулся на стулѣ и сталъ кусать до крови ногти...

— Это ни на что не похоже,—началъ онъ жалобнымъ и плаксивымъ голосомъ:—вѣчно такъ; перессорятъ людей, обнесутъ сплетнями, совѣстно послѣ и въ свѣтъ показаться! Наплели мнѣ о ея состояніи, а теперь еще охуждать будутъ. Ну, чѣмъ же я виноватъ тутъ? Просто мученіе!!..

Тентерь взглянулъ на часы. Лампа и свѣчи сильно уже нагорѣли. Было за полночь.

— Ну, Иванъ Ильичъ, завтра наплачетесь и надумаетесь, а теперь еще я кончу мою исторію. Человѣкъ! готовить постель Ивану Ильичу, а на завтра они утромъ поѣдутъ рано; дать лошадямъ овса!

— Читали ли вы, мой милѣйшій, — спросилъ, уже шутливо и весело мигая, собесѣдникъ его:—романы Поля-Феваля?

— Читалъ; а что̀?

— Тамъ много есть такихъ патетическихъ сценъ, какую я видѣлъ у Гончаренка въ заключеніе спектакля. Вообразите, монъ-шеръ, послѣ всѣхъ передрягъ, и я, и батюшка, да и сама кажется дочка, какъ и слѣдуетъ, очень плотно закусили за обѣдомъ. Выпито было тоже изрядно. Старикъ разболтался въ горячкѣ увлеченія о былой службѣ и лошадяхъ. Встали изъ-за стола поздно, и всѣ гурьбой отправились спать по флигелямъ и по амбарамъ. Думаю себѣ: прикорну пойду и я гдѣ-нибудь на свѣжести подъ кустикомъ въ саду. И пошелъ. Иду себѣ съ палочкой по дорожкѣ, да поглядываю по сторонамъ. Вдругъ на одной повороткѣ, какъ изъ-подъ земли выросла, является передо мною эта барышня, Шурочка. Сначала было даже я ее и не узналъ. Гдѣ тамъ различать: мало ли этого фрукта было тамъ на праздникѣ въ ту пору. Смотрю: батюшки вы мои! Что это такое! Вся въ огнѣ; коса у височка распустилась; даже красива-то мнѣ она въ то время показалась... Стала поперекъ дороги да и глядитъ прямо въ лицо. „Что̀ вамъ, говорю, угодно, Александра Акимовна?“ —Оглянула она меня съ ногъ до головы и говоритъ, а губы какъ мѣлъ: „Странно мнѣ очень ваше поведеніе. Какъ вы смѣли давеча дѣлать такія низости и говорить папенькѣ такія вещи? Я все слышала.“ —„Можетъ быть вы, сударыня, и слышали; только говорилъ я не отъ себя, а по порученію: мнѣ все отъ слова до слова это поручилъ передать вашему папенькѣ Иванъ Ильичъ!“ — „Вы лжете!“ говоритъ и такъ странно, усмѣхаясь, на меня глядитъ: „вы его задумали очернить, а тамъ сами за меня и посватаетесь... Только не бывать этому, хоть вы и богаты! Лучше утоплюсь, а за васъ не пойду!“ —„Напрасно, отвѣчаю, затрудняетесь, сударыня. Обо мнѣ весь околотокъ знаетъ. Брачнымъ дѣломъ за-

няться я не намѣренъ и умру холостякомъ, а попалъ въ это дѣло по добротѣ характера и чтобъ расквитаться на счетъ обоюдныхъ одолженій. Спросите хоть кого угодно. Сватали за меня Свинчуткину барышню, съ хорошимъ состояніемъ: не послушался сватьевъ. Предлагалъ тоже откупщикъ Духоблаговскій свою дочку и сто тысячъ чистогану,—тоже убоялся премудрости.“—Тутъ она задумалась и, протянувъ руку, какъ будто про себя сказала: „Знаете-ли, еслибы даже Щебетковскій и захотѣлъ меня обидѣть, я бы и тогда, кажется, выпустила бы изъ этой руки кровь до послѣдней капли за него.“—Сказала и ушла. Да что? Я вамъ замѣчу: не то удивительно, что она это сказала, а то вѣдь диковинная вещь, что она въ эту минуту вѣрила тому, что говорила, и какъ разъ выполнила бы слова. Дай ланцетъ, такъ жилу бы и пересѣкла! Ажно, грѣха нечего таить, заглядѣлся на нее, какъ пошла опять по дорожкѣ, плывя лодочкою, мелькая полными, круглыми, раскраснѣвшимися локотками.—Ну, что вы задумались, Иванъ Ильичъ?

— Я? Ничего...

— То-то ничего. Читали вы когда-нибудь американскія сцены или про охоту въ Африкѣ?

— Читалъ...

— Гдѣ вамъ читать! Охотникомъ быть вы не умѣете. До охотницкой души надо дослужиться у Бога. Охотникъ, вѣдь это—тоже дитя, или поэтъ. А вы—чистѣйшая проза. Да и я съ вами! Ну-съ; такъ вы читали?

— Читалъ.

— Помните описаніе, какъ тигровая самка дѣтей защищаетъ?

— Помню...

— Ну, это все равно какъ барышня эта Гончаренкова любовь свою въ саду защищала! Славная барышня; право, такой комочекъ, кругленькая — и съ сердцемъ...

Щебетковскій кисло улыбнулся.

— Пора спать, — сказалъ онъ, принужденно желая придать лицу холодно-спокойное выраженіе.

— Да, пора. Не хотите-ли на ночь наливки, или чего-нибудь другаго. А? монъ-шеръ? не стѣсняйтесь!

— Нѣтъ, не хочу.

— А вотъ я такъ выпью. Хочется пожуировать.

Гость и хозяинъ разстались. Скоро въ двухъ разныхъ концахъ дома они расположились на пуховикахъ, выслали слугъ, укрылись одѣялами, а свѣчъ еще не тушили. Хозяинъ легъ, выпилъ стаканъ сливянки, попробовалъ, спустя немного времени, рябиновки съ подноса, уставленнаго бутылками и флягами, и рябиновки выпилъ сряду

двѣ рюмки, досталъ съ этажерки книгу французскаго журнала и сталъ читать. Такъ онъ дѣлалъ частенько. Непривычные люди въ Малороссіи могутъ назвать это запоемъ. Ему однако же не читалось. Онъ сѣлъ на постель и сталъ разбирать, отчего слова: „Славная однако барышня эта Гончаренко!“ какъ врѣзались въ умѣ, такъ тамъ и остались.—Немного погодя, на другомъ концѣ дома поднялся на постели и Щебетковскій. Онъ также сѣлъ на пуховикъ, поджавъ ноги, и сталъ размышлять: „Странное дѣло, какъ пятки чешутся!—думалъ онъ.—Съ Осипа лѣсничаго тоже деньги надо будетъ получить... Сто да семьдесятъ два съ полтиной отъ Бугаева, итого сто семьдесятъ два съ полтиной... Да пшеницы можно продать! Не худо бы и на овсѣ тоже перехватить копѣйку. У Швецова давно не былъ. Надо съѣздить. Тарантасъ тоже вотъ бы заказать...“ Вдругъ дыханье Ивана Ильича замерло. Нежданная мысль прервала его обычныя увлекательныя грезы. „А что̀, если я, олухъ Царя небеснаго, да и тутъ сдѣлалъ промахъ? Что, если въ этомъ-то собственно мнѣ налгали, то-есть, что Гончаренко бѣденъ, а онъ вдругъ дѣйствительно капиталистъ? Батюшки, батюшки! Вотъ убилъ-то бобра, вотъ разодолжилъ!“—И онъ почувствовалъ, какъ холодная капля пота проступила у него на лбу и сбѣжала на носъ.

X.

Шурочка въ гостяхъ у Фабриціуса.

На утро Щебетковскій прощался съ Тентерь-Отребинскимъ нѣсколько сумрачно и кисло.

— Теперь мы съ вами квиты за бабушку! — сказалъ полушутливо хозяинъ, провожая гостя.

— Что за счеты, помилуйте; я всегда къ вашимъ услугамъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Вы меня не знаете. Что̀ сказано, то уже свято. Въ васъ я, надѣюсь, не буду нуждаться. Для собственнаго же спокойствія и вамъ не совѣтую склоняться на одолженія съ моей стороны.

— Экъ, медвѣдь какой! — думалъ Щебетковскій, садясь въ экипажъ.

— Совѣтую вамъ ѣхать прямикомъ, черезъ Бувандѣевскую усадьбу: скорѣе доѣдете; да кстати можете и къ хозяину заѣхать. Онъ, кажется, сегодня свадьбу справляетъ. Молодой человѣкъ, всего двад-

цати трехъ лѣтъ. Только-что курсъ въ университетѣ кончилъ и имѣетъ восемьсотъ душъ. Сирота,—и по любви на красавицѣ первѣйшей женится, на Яснопольской, если слышали...

— Да, хорошо имъ жениться на красавицахъ, коли восемьсотъ душъ!—думалъ Щебетковскій, выѣхавши за деревню:—и какіе однако тутъ по околотку и вблизи все тузы живутъ, а мнѣ не удается!—И всю дорогу спрашивалъ кучера о владѣльцѣ Бувандѣевской усадьбы. Даже въ трактирѣ по дорогѣ, не доѣзжая до нея, остановился нарочно и спросилъ о томъ же трактирщика. Оказалось, что дѣйствительно молодой помѣщикъ Бувандѣевъ двадцатитрехъ лѣтъ, сирота, пріѣхалъ изъ ученья, живетъ съ дядею и женится на Яснопольской. — Чортъ ихъ возьми! — даже съ сердцемъ подумалъ Щебетковскій: — и зачѣмъ я буду къ нимъ заѣзжать! Точно навязываюсь. Провались они и съ свадьбою, и съ имѣніемъ! — Приближаясь, однако, къ названному помѣстью, Щебетковскій измѣнилъ настроеніе мыслей. Онъ поминутно выглядывалъ изъ коляски. Усадьба, съ флюгеромъ на красной крышѣ господскаго дома, показалась среди садовъ, издали, на отлогомъ косогорѣ. За двѣ версты еще стали попадаться поминутно пьяные мужики и бабы, спѣшившіе въ Бувандѣевскую-балку, или шедшіе уже оттуда. Кое-гдѣ подъ стогами, у дороги, сидѣли съ улыбками, покачиваясь, тоже охмѣлѣвшіе слобожане. Праздничныя лица сіяли. — Что это такое? — спросилъ Иванъ Ильичъ у двухъ бабъ, цѣловавшихся у дороги. — Панъ Буванди женится! — Была свадьба? — Была! Да и свадьба же, вотъ свадьба; съ роду такой и не бывало еще. А сегодня пиръ, и всѣхъ угощаютъ. Кто ни приди, такъ и угощаютъ! Спѣшите и вы, люди добрые. И вамъ дадутъ горѣлки; а не захотите, такъ пива, или варенухи, или меду, или чего захотите! Идите только. Славный панъ, и его всѣ любятъ! — И совѣтамъ цѣлующейся бабы не было конца. Подъѣхалъ къ усадьбѣ Щебетковскій ближе и увидѣлъ, что помѣщика, дѣйствительно, всѣ любили. По улицѣ не было возможности проѣхать. Почти на версту пространства, безъ движенія, лежали распластавшіеся на землѣ, испившіе чашу угощеній. Поровнялся онъ съ трудомъ съ кухней; у воротъ стояли двѣ, выкрашенныхъ голубою краскою, исполинскихъ бочки съ водкою. На бочкахъ, подмостивъ шаткія доски, стоялъ съ флягами какой-то не то писарь, не то ключникъ, раскраснѣвшійся и уже съ одною улыбкою, взамѣнъ всѣхъ силъ, языка и голоса. Всякъ, свой и чужой, пѣшій и конный, тамошній и проѣзжій, трезвый и уже пьяный, имѣлъ право подходить къ бочкамъ и, вступая на барскій дворъ или ѣдучи далѣе, выпивать изъ рукъ улыбающагося виночерпія водки, сколько душѣ было угодно. А во дворѣ, что оказалось сквозь ворота, передъ окнами

господскаго дома, подъ звонъ и громъ нѣсколькихъ бродячихъ скрипокъ, цымбалъ и контрабасовъ, съ поднятыми руками, безъ шапокъ и въ разнообразныхъ положеніяхъ, веселая толпа тѣхъ же мужиковъ и бабъ отплясывала „метелицу“ и „журавля“.

— А ты кто?—спросилъ не впопадъ Щебетковскій у виночерпія, глядя изъ коляски съ тѣмъ же приторно-кислымъ взглядомъ. Виночерпій поклонился, хотѣлъ что-то сказать, но только еще медовѣе и обязательнѣе улыбнулся, зѣвнулъ и сталъ опять усердно и яростно черпать изъ бочекъ. „То князь! усердіе!“ замѣтили за него мужики, толковавшіе у бочекъ, въ заднихъ рядахъ, и не успѣвшіе еще добраться до щедраго ковшика. „А гдѣ же самъ баринъ?“ спросилъ Щебетковскій. „Гдѣ! извѣстно гдѣ, съ женою...“ Отвѣтъ былъ приправленъ выходкою, отъ которой въ-чужѣ зависть такъ и разлилась по каждой жилкѣ Ивана Ильича. „Эхъ, чортъ возьми!“ подумалъ онъ, поѣхавши мимо веселаго двора далѣе: „молодъ, богатъ и такую, говорятъ, подхватилъ! — Да что, — прибавилъ онъ мысленно уже въ полѣ, когда усадьба, дворъ и брачный пиръ Бувандѣя остались за его спиною:—что сѣтовать объ этихъ событіяхъ, о вступающихъ въ бракъ богачахъ, о Гончаренкахъ и обо всемъ въ мірѣ? Что любовь, что дружба, что чувства — сущій вздоръ! Комфортъ и довольство—вотъ счастіе“.

Подъѣзжая къ своему хутору, Щебетковскій уже насвистывалъ какую-то пѣсенку.

Такъ собственно дешево и обошлось это событіе Ивану Ильичу. Всѣ зажили по прежнему мирно и спокойно. Мстить тутъ было некому, да и не за что. Все тутъ носило видъ благонамѣренности и осторожности. Акимъ Захарычъ Гончаренко могъ бы, разумѣется, погорячиться болѣе, да не захотѣлъ, видно, слишкомъ оглашать дѣла. Притомъ же, очевиднаго права на это онъ и не имѣлъ. Мало ли на свѣтѣ, особенно въ деревенскомъ быту, случается подобныхъ исторій. Иные сватаются и женятся, другіе только ухаживаютъ, третьи даже и не ухаживаютъ, а уже просто по одному виду и положенію въ жизни вездѣ считаются за жениховъ. Были когда-то въ одномъ мѣстѣ три офицера, которые походомъ считали долгомъ на каждомъ почти роздыхѣ, иногда даже на простыхъ дневкахъ, выдавать себя за жениховъ, свататься и получать согласіе дочерей и родителей. Положеніе жениха имъ давало болѣе или менѣе хорошія выгоды: лучшую квартиру, перины, вкусный обѣдъ, винную порцію для команды, иногда болѣе или менѣе грѣшное или невинное свиданіе

при лунѣ, поцѣлуи невинности, слезы растроганной матушки, иногда на прокатъ тарантасъ и тройку лошадей, а подчасъ и денежную ссуду отъ батюшки, и тому подобныя одолженія. Невѣста, разумѣется, забывалась на первомъ же дальнѣйшемъ перевалѣ, гдѣ тарантасъ и тройка закладывались общему кассиру и банкиру полка, маіору Дряздамордову, а деньги проигрывались въ дьябелку или въ штосъ... Словомъ, поступокъ Ивана Ильича, хотя и огласился, никого собственно не удивилъ.

Наступила осень. Моросилъ мелкій, сѣрый дождикъ, называемый тамъ „мжичкою". Среди обмокшихъ и пожелтѣлыхъ полей, по сырой, напухшей дорогѣ, тащилась торопливо простая кибитка. Сидѣвшія въ ней прятались, при встрѣчѣ съ другими проѣзжими. Это были дѣвица Гончаренко и ея тетушка, Марѳа Захаровна. Воспользовавшись отъѣздомъ Акима Захарыча на какую-то конную ярмарку за полтораста верстъ, послѣ долгихъ и горячихъ обсужденій, онѣ понадѣвали на голову теплые капоры на ватѣ, въ видѣ утиныхъ носовъ, обмотались платками, наскоро одѣлись въ салопы, смастерили подводу и покатили въ ночь къ Антону Степановичу. Возница ихъ составленной на-скоро, импровизованной тройки юлилъ на козлахъ бойко и вертѣлся, понукая лошадей и посвистывая, какъ юла. Дорогою тетушка сидѣла сурово, отпуская только краткія, но вразумительныя поученія. Племянница же то и дѣло высовывала изъ кибитки посинѣлое отъ холоду, какъ сизая слива, застигнутая морозами, личико, опушенное оборкой старомоднаго капора.

— Ахъ, тетенька, ахъ Василій! — повторила она, ломая руки: — мы, кажется, никогда не пріѣдемъ къ этому Антону Степановичу. — Онѣ однако же пріѣхали, съ грѣхомъ пополамъ, на другой день. Фабриціусъ вытянулъ лицо, когда, стоя на крыльцѣ, увидѣлъ въѣхавшую на свой фольваркъ, съ двумя дамами, кибитку и въ нихъ узналъ Александру Акимовну и Марѳу Захаровну.

— Что имѣете ко мнѣ? — спросилъ онъ при этомъ рѣзко и даже, вопреки всякимъ приличіямъ, забывши подать руку дамамъ и вывести ихъ изъ кибитки, но въ то же время очень хорошо, хотя и смутно сознавая причину ихъ появленія. Онъ уже, хотя отдаленно, стороною, былъ извѣщенъ касательно отказа своего сосѣда черезъ рѣку. Именно, это произошло такъ. Вскорѣ послѣ необъяснимаго отъѣзда Щебетковскаго изъ города, изъ номера, гдѣ они остановились вмѣстѣ, Фабриціусъ подождалъ, подождалъ, и рѣшился все-таки первый навѣстить пріятеля. Въ обычномъ зеленомъ халатѣ своемъ и съ платкомъ въ рукахъ, пошелъ онъ изъ своего жилья къ плотинѣ, въ намѣреніи перейти въ Калиновый хуторъ. На плотинѣ встрѣтился онъ съ дворовою дѣвченкою, дочкою старой ключницы и домопра-

вительницы Щебетковскаго, Улиты. Дѣвочка какъ-то особенно бойко посмотрѣла на Фабриціуса и быстро пошла мимо, чуть поклонившись.

— Эй, ты, шилохвостая, эй! куда бѣжишь? Чай къ женихамъ?— окликнулъ ее Антонъ Степановичъ, спускаясь къ другому уже берегу и не думая ее особенно задѣть. Дѣвчонка однако пріостановилась.

— Можетъ быть вамъ женихи нужны, а намъ нѣтъ!—звонко выкрикнула она и опять пошла впередъ, бойко размахивая смуглыми руками.

— Эге! Да какая же ты юркая, обидчивая! Подите, пожалуйста— точно ея испугалися! Постой, эй, ты, постой!—Дѣвчонка остановилась на пригоркѣ и откинула съ красиваго личика космы густыхъ, русыхъ волосъ.—Эй, ты, послушай!

— Ну, чего вамъ?

— Баринъ дома?

— Дома.

— Можно видѣть его?

— Можно; только скажу вамъ, что онъ уже не поѣдетъ къ тѣмъ панамъ Гончаренкамъ, куда вы его возили! — прибавила она неожиданно, какъ видно сочтя долгомъ пригвоздить кстати въ рѣчь слухъ, перешедшій уже изъ барскаго дома и на кухню.

— Какъ не поѣдетъ? Кто тебѣ сказалъ это? Ахъ, ты дура! Вотъ погоди, я объявлю все Ивану Ильичу!—крикнулъ Антонъ Степанычъ, даже привскочивши отъ негодованія на мѣстѣ.

— Кто сказалъ, уже знаемъ! А баринъ не поѣдетъ, и вы не ругайтеся; много у васъ такихъ дуръ найдется,—много! А онъ не поѣдетъ, не поѣдетъ! — Дѣвчонка съ этими словами ускорила шаги и скрылась за мельницей.

— Тьфу!—произнесъ на все, помолчавъ, Фибриціусъ. Постоялъ, постоялъ и, положивъ, что рѣшительно тутъ самъ чортъ въ догадкахъ ногу сломаетъ, ушелъ домой. Неразрѣшимое поведеніе сосѣда начинало его обижать и, наконецъ, просто по-стариковски разбѣсило. Онъ положилъ не церемониться болѣе съ этимъ молокососомъ за рѣкою и при встрѣчѣ такъ отбрить, чтобъ долго помнилъ.—Онъ думаетъ, что я его побоюсь! — размышлялъ самъ съ собою Фабриціусъ: — ого-го! не на таковскаго напалъ! Еще молоко не обсохло на губахъ: вотъ что! Такъ отдѣлаю, пристрамлю, усовѣщу, что и своихъ не найдетъ! Надо ихъ учить, сорванцовъ! Кому же и учить, какъ не намъ!—Съ этими словами онъ рѣшился показать характеръ и выждать самому, чтобъ Щебетковскій первый къ нему явился и просилъ извиненія. Наступила мокрая погода; листъ началъ опа-

дать. На плотинѣ была слякоть. Сосѣдъ не думалъ приходить, и, казалось, двѣ усадьбы начинаютъ, кромѣ рѣки, раздѣляться навсегда еще другою, болѣе недосягаемою преградою, черезъ которую уже не построишь ни плотины, ни моста. По цѣлымъ днямъ Антонъ Степанычъ стоялъ на крыльцѣ, поджидая Ивана Ильича. Къ Гончаренкамъ же онъ, послѣ своей послѣдней поѣздки, не рѣшался уже такъ скоро ѣхать. Фабриціусъ поджидалъ сосѣда напрасно. Въ одинъ изъ такихъ-то дней въѣхала къ нему во дворъ съ сѣдоками извѣстная уже кибитка.

— Что вы имѣете ко мнѣ?—повторилъ старикъ, слѣдя глазами всходившихъ на крыльцо посѣтительницъ. Шурочка, не отвѣтивъ ни слова, едва кивнула ему головой, хотѣла развязать застежку у капора, заплакала и быстро прошла изъ сѣней въ комнаты. Марѳа Захаровна, печальнымъ взоромъ указавъ ей во слѣдъ, также молча прошла за нею. Что-то роковое увидѣлось во всемъ этомъ старику.

Успокоившись, Шурочка выпила воды, сняла съ вспотѣвшей груди платокъ, сняла бережно капоръ, посадила близъ себя старика, который былъ какъ ошпаренный и только безъ причины ерошилъ себѣ паричокъ, улыбнулась и стала говорить:

— Душенька, Антонъ Степанычъ, голубчикъ! идите къ Ивану Ильичу!

— Зачѣмъ??...

Шурочка вздохнула, подержала руку надъ сильно дышавшею грудью и отвѣтила, указавъ на тетку:

— Папеньки нѣтъ; онъ въ Тутолминѣ. Мы съ тетенькой уѣхали потихоньку. Идите къ Ивану Ильичу!

— Да зачѣмъ-же? право не понимаю!

Шурочка опять перевела духъ.

— Какъ вамъ сказать? Вотъ видите ли: къ намъ пріѣзжалъ одинъ помѣщикъ, такой смуглый, препротивный и, говорятъ, очень богатый, Тентерь-Отребинскій...

— Знаю...

— Онъ, вообразите, привезъ отказъ отъ Ивана Ильича. Можете себѣ представить!

И Шурочка передала все, какъ было въ день ея рожденія.

— Ахъ, ты Господи! Да что-же это они, съ ума сошли, что ли!— произнесъ на ея разсказъ старикъ и торопливо сталъ собираться. Надѣлъ сюртукъ и желтыя нанковыя брючки, которыя столько разъ на своемъ вѣку самъ онъ мылъ; бросилъ ихъ и началъ примѣрять фракъ. За фракомъ и пикейнымъ жилетомъ, также отброшенными опять, вниманіе его заняли почему-то вышитыя гарусныя подтяжки, и онъ стоялъ, повертывая и пощелкивая ихъ на ладони.

— Да вы вотъ что, Антонъ Степанычъ,—сказала заботливо Марѳа Захаровна:—теперь уже поздно; напоите насъ чаемъ, а завтра поутру и отправитесь къ нему!

— И въ самомъ дѣлѣ, матушка!—Старикъ какъ-будто очнулся, засуетился съ бабой-кухаркой надъ самоваромъ, вздулъ угли, внесъ въ отведенную гостямъ комнату свѣчу, потому что было уже темно, и рѣшилъ съ ними — послать предварительно кого-нибудь узнать, дома ли Щебетковскій и что дѣлаетъ. Выборъ идти дозоромъ палъ на кучера гостей, Василія, и Шурочка взялась сама сдѣлать ему наставленія.

— Иди въ кухню ихнюю, какъ будто такъ, чужой, и скажи, что присланъ хлѣбъ покупать и просишь о себѣ доложить. Какъ введутъ тебя, ты и скажи: нѣтъ ли, баринъ, хлѣба продажнаго? Да послѣ и скажи, чтобъ завтра были дома, что твой баринъ къ нимъ будетъ: у Антона Степаныча, молъ, остановились,— по фамиліи зовутся, если спроситъ, скажи, Тюфякинъ; такъ и скажи—Тюфякинъ. Слышишь, Василій?

— Слушаю.

— Какъ придешь, прямо ко мнѣ и все разскажи.—Василій ушелъ, встряхнувши головой. Баба-кухарка Фабриціуса показывала ему дорогу.

Между тѣмъ, въ ожиданіи возврата посланнаго, гостьи сѣли за чай. Тихо и тревожно бесѣдуя, напились чаю. Баба сняла самоваръ и чашки и ушла. Антонъ Степанычъ, кряхтя, все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; потомъ сидѣлъ, раскиснувъ и понуривъ голову, на диванѣ. Наконецъ, сталъ дремать. Гостьи снимали нагаръ со свѣчи, шушукались и гадали на картахъ. Карты въ десятый разъ раскладывались на столѣ. Червонный король въ десятый разъ падалъ близъ червонной дамы. Узенькія губы тетушки не умолкали шептать, а розовыя ушки племянницы слушать. Только посланный все еще не возвращался. Наконецъ, и тетушка стала дремать. Фабриціусъ просто храпѣлъ. Шурочка тихо встала и неслышно вышла освѣжиться воздухомъ ночи въ сѣни и на крыльцо. Дождь пересталъ. Мѣсяцъ не былъ виденъ; но тепло и какъ-то не по осеннему кротко дышала ночь. Опершись ножкой о боковую перекладину крыльца, стала она и задумалась. Съ недавняго времени она себя не узнавала: откуда взялась у нея сила воли. Кровь какъ-то ходчѣе и смѣлѣе переливалась въ жилахъ. Голосъ измѣнился. Сердце жаждало сильныхъ движеній. Вдругъ за угломъ домика хрустнули щепки и послышались шаги...

— Ты это, Василій?

— Я, барышня...

— Ну, что? былъ?

— Ничего... былъ...

— Говори-же, говори, разсказывай, да тише...

Василій сталъ у крыльца.

— Прихожу я на кухню.

— Ну?

— Говорю, господинъ Тюхвакинскій прислалъ. Хлѣбъ есть, говорю, продажный?

— Что-же они?

— Баба старая какая-то сидѣла въ кухнѣ и чулокъ штопала. Сейчасъ пошла и доложила. Провели меня до него.

— Ну, ну?

— Привели въ переднюю. Потребовалъ къ себѣ прямо въ залу. Смотрю: лежитъ на диванѣ и съ котенкомъ играетъ, а тутъ-же, возлѣ него, чай на подносѣ стоитъ и книжка на подушкѣ лежитъ. У стола чай распиваетъ ихняя ключница; а тутъ же какая-то черномазенькая дѣвчонка, лѣтъ такъ пятнадцати, чулокъ вяжетъ и смѣется; должно быть, дочка ключницы, какъ полагаю. Сейчасъ подозвалъ къ себѣ, говоритъ: „здравствуй, чей ты?“—Тюхваковскаго, говорю; баринъ у Антона Степаныча остановился и хлѣбъ покупаетъ, а завтра хотятъ быть у васъ утромъ! — „Хлѣбъ, говоритъ, продажный есть; а только странно, говоритъ, какъ это твой баринъ, должно быть и помѣщикъ еще, знается съ этою жужелицою Фабриціусомъ.“ Такъ и сказалъ—жужелицею.—Стало мнѣ жалко. Я и говорю:—какъ вамъ не стыдно, баринъ, лаяться; Антонъ Степанычъ, говорю, человѣкъ усердный и господамъ нашимъ очень нравится!—„Ну, уже поусердствовалъ онъ мнѣ!“ добавляетъ и засмѣялся, посмотрѣвши на ключницу; та тоже засмѣялась, и дѣвчонка эта за нею. „Посваталъ было, говоритъ, меня за нищую, да еще и харахорится! Дрянь, говоритъ, и принимать его я не намѣренъ! Просто, говоритъ, осрамилъ меня съ этимъ сватовствомъ, а еще сосѣдомъ называется!“ — Очень бранить сталъ, лаяться на Антона Степаныча,—прибавилъ Василій.—Шурочка на это ничего не сказала. Только слышно было, какъ прерывисто дышала она, ухватясь впотьмахъ за верхушку перилъ.—„Ну, Василій, больше ничего не было?“—„Что было? харцизъ онъ проклятый!“ — даже вскрикнулъ посолъ, тряхнувъ волосами.—„Какъ ты смѣешь такъ говорить?“—„А также; я проговорился, значитъ, въ сердцахъ за Антона Степаныча, что человѣкъ, молъ, крѣпостной Акима Захарыча, и барину служу вѣрою и правдою, и баринъ его любитъ.“ — Онъ и вскинулся. „Шпіоны, говоритъ, уже подсылаются. Вонъ отсюда!“ Да какъ крикнетъ, да съ чубукомъ; да травилъ еще, антихристъ, собакою своею...

Александра Акимовна отпустила Василія спать, велѣвши рано-рано вставать и запрягать, до зари. Сама вошла въ комнату, разбудила Фабриціуса и тетку, весело разболталась, объявила, что Щебетковскаго нѣтъ дома, да и кстати, потому что она уже раздумала сноситься съ нимъ и прекращаетъ всякое знакомство. Собесѣдники потолковали еще, разошлисъ спать, и рано на зарѣ домикъ Фабриціуса опять опустѣлъ. Василій сурово сидѣлъ на козлахъ, помахивая возжами. Лошади еле плелись; на дворѣ опять было пасмурно и морозило. А сидѣвшія въ кибиткѣ такъ и катались отъ смѣху. Смѣшила тетку Шурочка. Все ей доставляло пищу заливаться самымъ искреннимъ хохотомъ: и ея ваточный капоръ въ видѣ утинаго носа, на который она прежде не обращала вниманія, салопъ и печальная кибитка, и Василій на козлахъ съ озлобленнымъ лицомъ, и погода, и грязная дорога, и вчерашній вечеръ. „Вотъ потѣха, тетенька, — говорила она: — вообразите! Вчера Василію нашему чуть собаки ногъ не обкусали! Противный этотъ Щебетковскій, да и Тентерь тоже порядкомъ препротивный, смуглый такой, глазища такъ и смотрятъ,—я думаю, злой, и много о себѣ думаетъ!“ — Проѣхали онѣ еще далѣе. Тетка уже дремала. „Да, я полагаю, — прибавила опять Шурочка:—что и Щебетковскій тоже сильно много о себѣ думаетъ! И чѣмъ гордятся эти мужчины!“ — „Это все такъ, — замѣтила тетка, зѣвнувши и перекрестя ротъ: — только жаль мнѣ Антона Степаныча! Старикъ, какъ куръ во щи, попалъ въ эту исторію и какъ-то странно смотрѣлъ, когда мы прощались!“

И дѣйствительно. Не успѣли гости уѣхать отъ Фабриціуса, какъ онъ пришелъ въ сильное волненіе, одѣлся въ парадное платье, гдѣ въ карманахъ такъ часто лежали дѣлаемые имъ за обѣдомъ катышки для собакъ, напялилъ картузъ и ворча пошелъ прямо черезъ плотину, съ цѣлью крупно объясниться съ сосѣдомъ. Но тутъ случилось бѣдствіе. Щебетковскій, видно, ожидалъ его, или увидѣлъ издали въ окно, только распорядился съ быстротою молніи, и старика къ нему не допустили. Онъ былъ просто вытолканъ, съ совѣтомъ впередъ лучше вовсе не переступать плотины, раздѣляющей двѣ усадьбы, для собственной его безопасности. Ошеломленный и оскорбленный до глубины души, старикъ ушелъ къ себѣ обратно.

Вечеромъ, черезъ два или три дня послѣ того, прибѣжалъ во дворъ Щебетковскаго мальчикъ-пастухъ съ поля и перепуганнымъ голосомъ объявилъ:

— Тамъ на полѣ, за оврагомъ, съ паномъ, что̀ за рѣкою живетъ, приключилось что-то совсѣмъ недоброе. Сидитъ въ халатѣ на кочкѣ, да бьетъ въ дудочку, хотя уже перепеловъ вовсе нѣтъ, и самъ тутъ же вава̀вкаетъ перепеломъ!

Иванъ Ильичъ, подъ шумокъ осенней непогоды, сталъ обдумывать, какъ ему увеличить доходъ съ имѣнія. Оказалось, что изъ запаса лѣса его можно продать десятинъ полтораста, рублей по сто серебромъ за десятину, и того составляется кушъ почти въ пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями. Задумалъ, перекинулъ на счетахъ и рѣшилъ ѣхать отыскивать покупщиковъ.

На съѣздѣ дворянъ въ городѣ, для раскладки земскихъ повинностей, въ лавкѣ купца, торговавшаго хлѣбомъ, овцами, чаемъ, табакомъ и чѣмъ попало, встрѣтился онъ съ Тентерь-Отребинскимъ, котораго едва узналъ въ огромной, черно-бурой медвѣжьей шубѣ.

— А! господинъ Щебетковскій!

— Матвѣй Леонтьевичъ!..

— Что вы здѣсь?

— Лѣсъ хлопочу продать.

— Жениться опять затѣваете?

— Нельзя-же. Надо исполнить долгъ жизни.

— И есть невѣста?

— Да, есть!—И Щебетковскій сталъ высчитывать: Хлопкова, Бутеньина, Шандрина дочь... Мало-ли ихъ!

Все молоденькихъ и самыхъ богатыхъ считалъ.—Тентерь запахнулся шубой, такъ что носъ едва торчалъ, и перебилъ:

— А Гончаренко?

— Э! Я объ нихъ и думать забылъ.

— А вотъ я такъ думаю къ нимъ опять съѣздить; жалко, полъ-года пропустилъ!—замѣтилъ Тентерь-Отребинскій.

— Что-же? лошадей покупать?

— Да... лошадей!

И, немного помолчавши, Тентерь прибавилъ:

— Какъ-то, право, скучно наконецъ становится дома одному, безъ особенныхъ занятій и страсти. Поваръ поваромъ; помните, я вамъ говорилъ, что француза хочу имѣть. Только хорошо бы къ этому и увлеченіе какое-нибудь, хоть бы, напримѣръ, страсть къ охотѣ, или лошадямъ! Мнѣ кажется, еслибы я женщину какую нашелъ, просто бы кажется въ кабалу къ ней пошелъ. Есть у меня чудакъ одинъ сосѣдъ докторъ и другой сосѣдъ, тоже пріятель. Докторъ живетъ сущимъ Франклиномъ, все о человѣчествѣ и благѣ толкуетъ и разводитъ у себя подъ хатою виноградъ на солнечной сторонѣ. Этотъ говоритъ: коли у тебя будутъ дѣти, я ихъ все въ холодной водѣ стану купать и спартанцевъ изъ нихъ сдѣлаю. А сосѣдъ винограда не садитъ, и дѣтей не предлагаетъ купать въ морозной водѣ; а совѣтуетъ, когда женюсь, майоратъ сдѣлать. Сущіе чудаки. Да нѣтъ, врядъ ли мнѣ избѣгнуть вѣковать холостякомъ. Какъ-то жен-

щины мнѣ кажутся такими странными существами, что право смѣшно даже подумать о волокитствѣ, а еще тѣмъ паче о такъ называемой страсти. Только, впрочемъ, эта Шурочка — исключеніе... Прелесть дѣвочка!

Щебетковскій слушалъ молча и думалъ:

— Хорошо бы его самого захватить въ покупщики лѣса: онъ съ капиталами, бестія, и, кажется, уже черезъ-чуръ размечтался.

Черезъ полтора года Щебетковскій получилъ письмо отъ Тентеръ-Отребинскаго: „Извѣщаю васъ: я женюсь на Шурочкѣ Гончаренко. Не послѣдняя глупость. Впрочемъ, отецъ ея не пожалѣлъ приданаго и даетъ за нею чистоганомъ четыреста тысячъ!“

XI.

Тѣнь прадѣда.

> „Не умѣла песья нога на блюдѣ лежать, такъ ступай подъ столъ“.
>
> *Пословица.*
>
> „Господа! Не вызывайте напрасно уроковъ исторіи, поучительныхъ дѣлъ прошлаго: и для нихъ нужны силы и сердце. Нашъ вѣкъ имъ не внемлетъ. Онъ вяло идетъ мимо. Горбатаго излѣчитъ одна могила“.
>
> *Лекція всякаго русскаго публициста.*

Прошло еще пять лѣтъ, еще десять, и еще пять. Двадцать лѣтъ прошло. Ивану Ильичу Говорухѣ-Щебетковскому исполнилось сорокъ девять лѣтъ. Много утекло въ рѣкѣ Калиновкѣ воды, и много совершилось событій съ тѣхъ поръ вокругъ тихаго хутора Ивана Ильича. Какія же перемѣны произошли въ немъ самомъ съ тѣхъ поръ? Большія перемѣны!

Чинъ статскаго совѣтника, столько льстившій въ молодости, остался, разумѣется, тотъ-же самый. Имѣніе не уменьшилось и не увеличилось. Наружность была почти столько-же привлекательна и даже моложава. Но измѣнилась и значительно измѣнилась внутренняя, душевная его сторона. Зарывшись въ хозяйство, гдѣ, впрочемъ, онъ не рисковалъ, Иванъ Ильичъ велъ знакомство съ немногими. Исторія съ Гончаренками заставила его поудержаться въ

выѣздахъ на первыя времена. А потомъ произошло дѣло, попадающееся на каждомъ шагу.

Иванъ Ильичъ обзавелся молоденькою ключницей. Черезъ два года эта госпожа уступила мѣсто другой. За этою появились новыя, и жизнь его потекла мирно, тихо, сухо, себялюбиво и совершенно однообразно. Одинъ день напоминалъ сотню другихъ. Не опомнился Иванъ Ильичъ, какъ бездна молодыхъ и радужныхъ надеждъ и увлеченій оставили его душу. Будничный, сѣренькій цвѣтъ легъ на всѣ его мечты почти мгновенно. Сытый обѣдъ, лежанье въ халатѣ за книгой, а потомъ и вовсе безъ книги; сборы по цѣлымъ днямъ сдѣлать какой-нибудь пустякъ: написать письмо въ городъ, приказать починить задвижку у двери,—все это скоро принесло ожидаемый плодъ. Иванъ Ильичъ, недавно еще мечтавшій жениться не иначе, какъ на милліонеркѣ, мирился съ радостью получить лишніе сто рублей за арендуемый шинокъ на большой сосѣдней дорогѣ. Иванъ Ильичъ, гордо отзывавшійся о своей петербургской карьерѣ по службѣ въ одной изъ модно-властныхъ министерскихъ канцелярій, робѣлъ при мысли о дворянскихъ выборахъ въ уѣздѣ, жалъ руку становому и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на своего уѣзднаго предводителя, тысяче-душнаго отставнаго гусарскаго буяна и картежника. Робость стала главною чертою во всемъ его характерѣ. Несмѣлый и въ хозяйствѣ, онъ былъ далеко оставленъ на всѣхъ его путяхъ своими сосѣдями-помѣщиками изъ молодыхъ, изъ которыхъ въ эти годы у одного явилась винокурня, у другаго—сахарный заводъ, у третьяго—новыя машины, замѣнившія прежнія сельско-хозяйственныя орудія. Не видя въ сильной конкурренціи съ людьми капитальными способовъ самому пуститься въ обороты, онъ отъ скуки вдался въ старинный родъ хозяйства, дѣлавшій и донынѣ дѣлающій изъ помѣщика старосту: началъ безостановочно, съ утра до вечера, стоять надъ душою работающаго мужика, въ то время, какъ вся работа въ день, надъ которою онъ назябся и намучился отъ скуки, стоила иногда гривенникъ. Служба болѣе не влекла. Въ карты онъ не игралъ. Жениться, или, лучше сказать, посвататься—не рѣшался. И сталъ онъ квадратомъ, въ два обхвата толщиною. Сшилъ себѣ широкіе штаны, широкій какой-то балахонъ. Сталъ пить, ѣсть и спать. И не было въ его исторіи ни одного эпизода, который бы могъ напомнить скучающему ученику заманчивую картину въ родѣ открытія Америки, появленія Магомета или событій первой французской революціи...

Нѣтъ, впрочемъ, было одно яркое событіе, и его-то я намѣренъ теперь передать читателю.

Проснулся однажды Иванъ Ильичъ и самъ пришелъ въ удивле-

ніе, отчего онъ такъ рано проснулся. Дѣло въ томъ, что его пощекотала за пятки смазливая бабенка, Акулина XIV, какъ титуловали себя иныя высокія особы въ Европѣ, исправлявшая у него должность домоправительницы.

Утро едва занялось и смотрѣло, свѣжее и розовое, изъ фруктоваго садика въ окна и стекляныя полураскрытыя двери съ балкона въ гостиную.

— Вставайте, срамники, безсапожники! — произнесла веселая домоправительница:—вставайте, безстыдники! Обозъ вернулся съ рыбою и съ солью!

— Ну, дайте мнѣ, душечка, карпетки, и все другое; *оныхъ* не нужно! Застегни вотъ тутъ пряжечку; теперь завяжи вотъ это, а теперь вотъ это, а теперь уже позови Прошку...

Пришелъ Прошка, новый слуга, изъ дворовыхъ парней, въ синей чунаркѣ, какую носятъ сгонщики скота и мѣщане, весь въ репейникахъ и клочкахъ сѣна, обличителяхъ его долгаго странствія по степнымъ пустырямъ. Иванъ Ильичъ ласково окинулъ его взоромъ и, какъ бы любуясь вѣрнымъ слугою, продолжалъ молчать и улыбаться. Улыбнулся при этомъ и Прошка.

— Ну, Прохоръ Тимофеичъ! Разскажи же ты мнѣ, какъ ты ѣздилъ, продалъ ли пшеницу, купилъ ли соли и рыбы, что такое видѣлъ и не нападали ли на васъ разбойники.

Прошка крякнулъ.

— Ѣздилъ я, пане, хорошо, пшеницу продалъ, соли и рыбы купилъ, не видѣлъ ничего особаго; разбойники тоже не нападали, и все какъ слѣдуетъ. А вотъ и остальныя отъ пшеницы деньги.

Онъ подалъ пачку ассигнацій.

— Дать Прошкѣ водки! — крикнулъ баринъ.

— Извѣстно вашей милости,—замѣтилъ Прошка:—я не пьющъ!

— Да врешь ты, братецъ; не меня тебѣ увѣрять. Любишь ты кокнуть преизрядно, не увѣряй!

Прошка точно любилъ выпить. И теперь даже лѣвый глазъ его былъ меньше праваго и готовился прикрыться неугомонною вѣкой, которая всегда, какъ штора на окнѣ, опускалась сама собою, едва Прошка убивалъ муху.

Пока Прошку угощали и онъ клалъ за пазуху чунарки остальной кусокъ вкусной булки отъ хлѣба, поданнаго для закусыванья рюмки водки, Иванъ Ильичъ бросилъ взглядъ изъ окна залы во дворъ, гдѣ изъ-подъ рогожъ съ возовъ выкладывали привезенную рыбу и соль, и увидѣлъ, что на одномъ возу поднялся въ трехъ-угольной шляпѣ какой-то незнакомецъ, очевидно спавшій до-того на возу, и

натягивалъ на себя темнозеленый, съ красными выпушками, мундиръ и шпагу.

— Кто это такой?—спросилъ Иванъ Ильичъ у Прошки.

— А Богъ его знаетъ, кто такой! — отвѣтилъ Прошка тихо и даже для большей таинственности переступилъ отъ порога къ серединѣ комнаты:—попался на дорогѣ, подошелъ; возьмите да возьмите, говоритъ, къ своему пану. Мы и взяли. Всю дорогу пѣсни пѣлъ, свистѣлъ на какой-то дудкѣ да спалъ. Должно быть, засѣдатель, а можетъ и не засѣдатель, а что-нибудь другое!

Не успѣлъ этого кончить Прошка, въ дверяхъ показался незнакомецъ. Это былъ высокаго, громаднаго роста юноша, румяный, съ атлетическими членами, голубоокій и съ русыми, кудрявыми волосами, которые львиною гривой окаймляли его голову и лѣзли на глаза. Онъ вошелъ, весело расшаркался и еще веселѣе и развязнѣе отрекомендовался. Оказалось, что онъ: „Феликсъ Францовичъ Подгурскій, помѣщикъ изъ-подъ Умани, имѣетъ домъ въ Бердичевѣ, ѣдетъ къ роднымъ въ Смоленскъ, но на дорогѣ ограбленъ, потерялъ шкатулку съ деньгами, подалъ объ этомъ кому слѣдуетъ объявленіе и, пока найдется его достояніе, проситъ покрова и гостепріимства Ивана Ильича, какъ помѣщика и дворянина, значитъ товарища ему по сану и крови“.

Иванъ Ильичъ, одичавшій до невозможности въ своемъ хуторѣ, принялъ было сперва эту рѣчь сурово и даже невѣжливо-негостепріимно. Онъ сталъ извиняться отрывочно и сухо въ невыгодности помѣщенія своего дома, обветшавшаго и развалившагося до того, что самъ онъ жилъ только въ двухъ комнатахъ, въ гостиной и въ угольной. Взявшись за подбородокъ, не бритый уже двѣ недѣли, онъ даже хотѣлъ сослаться и на него, что вотъ, дескать, какой у него небритый и непривлекательный подбородокъ. Словомъ, жутко и дико было ему на первыхъ порахъ это посѣщеніе. Но посѣтитель не церемонился. Усѣлся на стулѣ, закинулъ ножку за ножку, шляпу взялъ подъ плечо, оправился, взглянулъ съ улыбкой на хозяина, и эта улыбка уже не покидала его.

Иванъ Ильичъ еще разъ потеръ подбородокъ, постоялъ, помолчалъ и—дѣлать нечего—пошелъ въ свою спальню. Тамъ онъ скинулъ балахонъ, въ который одѣла его Акулина, облачился въ какую-то верблюжью куртку и снова явился къ гостю.

Чай подали въ розовыхъ чашечкахъ, на зеленыхъ блюдцахъ, такъ походившихъ на освѣщавшее ихъ утро, тонувшее въ зелени душистаго сада. Хозяинъ и гость разговорились.

— Пріятныя мѣста, пріятныя у васъ мѣста! — говорилъ гость.

— Да, Феликсъ Францовичъ! не могу пожаловаться на судьбу!

Вотъ я и въ Петербургѣ служилъ, и министру былъ извѣстенъ, и о громкой карьерѣ мечталъ, а какъ попалъ сюда, какъ вкусилъ благъ тихой природы и свободной лѣни,—то все забылъ и считаю... считаю себя... счас... спокойнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ!

— Такъ-съ, совершенно такъ; и нельзя не считать. Вы какъ бы анахоретъ, или пустынникъ! Вотъ и я, какой силы и геркулесовскаго объема человѣкъ; а выше тихаго пріюта дружбы и меланхоліи ничего не люблю!

— Такъ и вы любите меланхолію?

— И я...

— Оставайтесь же со мною подольше раздѣлить это счастіе!— сказалъ Иванъ Ильичъ, блеснувши жирными, посѣрѣвшими отъ лѣни и скуки глазами и ухвативши гостя за руку:—оставайтесь у меня! заживемъ! Знаете, покой, тишина, сады, женщины!.. Я васъ познакомлю съ одною прелестною сосѣдкою — изъ простыхъ! Я эту масть предпочитаю другимъ. А вы? А?

Феликсъ Францычъ Подгурскій на это осклабился по уши и только замоталъ головою. Грива его какъ-то задвигалась при этомъ и будто ощетинилась сама собою, а затылокъ и толстые пальцы пухлыхъ рукъ налились кровью.

— Феликсъ Францычъ, у меня къ вамъ просьба!

— Что такое?

— Скиньте вашъ мундиръ и надѣньте мой халатъ или просторный сюртукъ!

— Съ удовольствіемъ.

— Откуда у васъ этотъ мундиръ? гдѣ вы служите?

— По коммиссаріату служилъ и теперь съ мундиромъ въ отставкѣ.

Мундиръ снятъ въ особо-очищенной комнатѣ, одной изъ давно-забитыхъ на-глухо въ верхнемъ этажѣ, и Подгурскій явился въ какой-то просторной полосатой курткѣ. Веселая домоправительница Акулина XIV-я, проводившая гостя наверхъ, укрывшись въ корридорѣ подъ развѣшенною перепелиною сѣтью, подглядѣла, какъ онъ переодѣвался, и, быстро войдя въ кухню, объявила во всеуслышаніе: — Ну, сударики-молодчики мои! Поселилась у насъ фря!—И когда вслѣдъ затѣмъ ее стали допрашивать—какая же фря?—она залилась истерическимъ хохотомъ, упала на лавку и разсказала, какъ гость снималъ мундиръ и какъ у него подъ мундиромъ не оказалось, кромѣ флейты въ сапогѣ, ничего болѣе, ни жилета, ни бѣлья. Флейта была любимою забавою Феликса Францыча.

Итакъ, Подгурскій поселился у Говорухи-Щебетковскаго.

Первое время Иванъ Ильичъ очень деликатничалъ съ своимъ го-

стемъ:—Феликсъ Францычъ, да Феликсъ Францычъ!—Самъ ему даже перины ощупывалъ передъ ночлегомъ, спрашивалъ, что онъ любитъ кушать, и угощалъ его разными невинными деревенскими удовольствіями: ходилъ съ нимъ по саду, по выгону, а тамъ и на хуторянскія вечерницы, гдѣ, мощный Ловласъ, самъ онъ вкушалъ отъ всякихъ запрещенныхъ и незапрещенныхъ плодовъ. Потомъ они свыклись, ѣздили нѣсколько разъ въ церковь, обѣдали у попа, бывали раза два по дѣламъ хозяйства въ городѣ и наконецъ уже не разлучались. По цѣлымъ днямъ сидѣли они на крыльцѣ, молча или бесѣдуя другъ съ другомъ. Послѣ веселаго разговора, то одинъ вздохнетъ, то другой. — О, Клеменція, Клеменція!—взывалъ иногда при этомъ Подгурскій:—славная была женщина!—Щебетковскій женщинъ не вспоминалъ и не жалѣлъ; но не разъ заводилъ рѣчь о какомъ-то старикѣ — Субботѣ Иванычѣ, истинномъ своемъ другѣ, смятомъ бурями судьбы,—и не кончалъ разговора. И странное дѣло! Судьбѣ, наконецъ, угодно было въ лицѣ Щебетковскаго сыграть роль этого самаго Субботы Иваныча...

Какъ нѣкогда, двадцать лѣтъ назадъ, щегольской Иванъ Ильичъ сидѣлъ съ смиреннымъ Вахненкою, и послѣднему пришло на мысль женить своего сосѣда; такъ и теперь самому Ивану Ильичу, уже маститому, квадратному со всѣхъ сторонъ, помѣщику и холостяку, пришло въ голову женить Подгурскаго. И все то, что нѣкогда онъ самъ питалъ въ душѣ, обращалось имъ теперь къ судьбѣ гостя. Онъ хотѣлъ жениться на богатой, и того давай, дескать, женю на зажиточной. Какъ знатокъ по призванію и ремеслу, онъ повелъ это дѣло еще осмотрительнѣе, чѣмъ самъ. Но это впереди. Мы еще на разсказѣ въ іюнѣ, а дѣло было въ августѣ.

Какъ сказано, Иванъ Ильичъ ни съ того, ни съ сего, чисто полюбилъ своего гостя. Разъ какъ-то спросилъ:—А что же ваше дѣло о пропавшей шкатулкѣ?—и когда получилъ въ отвѣтъ: — А Богъ знаетъ! подождемъ!—болѣе уже не спрашивалъ. Пущены были въ ходъ всѣ деревенскія увеселенія. Иногда даже хозяинъ и гость, запершись, бражничали. Иванъ Ильичъ былъ на-волосъ отъ запоя въ одиночку. Бывали вечера, когда и тѣнь грусти осѣняла ихъ своимъ покровомъ. Нахохлившись, какъ воробьи передъ дождемъ, просиживали они тогда цѣлые часы, не говоря ни слова другъ съ другомъ. Было ли это отъ несваренія желудка, или такъ отъ чего-нибудь, только въ это время Феликсъ Францычъ прибѣгалъ къ своей флейтѣ, вынималъ ее и игралъ на ней до поту лица. Эта игра производила на Ивана Ильича горькое впечатлѣніе. Иногда онъ даже при этомъ плакалъ. Желая развеселить хозяина, Подгурскій подсаживался ближе.

— Это кто у васъ написанъ на портретѣ? — спрашивалъ иной разъ въ такую минуту Феликсъ Францычъ, указывая на изображеніе во весь ростъ, надъ диваномъ, молодцоватаго мужчины на конѣ, въ красномъ долгополомъ кунтушѣ, въ усахъ и при саблѣ.

— Это мой предокъ одинъ написанъ, прадѣдъ! — отвѣчалъ задумчиво Иванъ Ильичъ: — говорятъ, онъ иногда ходитъ здѣсь по саду и по дому; тѣнь его ходитъ! Впрочемъ, я не боюсь!

И, печально вздохнувши, какъ бы сравнивая свою неказистую фигуру, гороховый балахонъ и кудрявый хохолокъ, съ значительною уже просѣдью, съ красивымъ кунтушомъ, черными бровями и съ залихватскими усами прадѣда, Щебетковскій прибавлялъ:

— Великой силы и сана былъ человѣкъ! Гетманомъ былъ и цѣлымъ краемъ правилъ. Нашъ родъ имъ и славится. Вонъ и булава его, и бердышъ висятъ на стѣнѣ! Неописанной знатности былъ человѣкъ, и еще, куда бы ни шелъ, въ гости или даже такъ куда-нибудь, вездѣ передъ нимъ играли трубачи, — иначе и не ходилъ. И кого бы ни поискать по сосѣдству, ни у кого нѣтъ такого знаменитаго рода!

На эти геральдическія сказанія гость обыкновенно отмалчивался, зѣвалъ въ руку, глядя въ землю, незамѣтно вставалъ, какъ-будто за чѣмъ-нибудь важнымъ, шелъ къ домоправительницѣ въ чуланъ или въ кладовую и говорилъ: —Тамъ, Акулина Парфентьевна, Иванъ Ильичъ опять все такое говоритъ! Вы, душенька, дайте мнѣ грушъ или меду, что привезли съ пасѣки! Хочется, душенька! —Домоправительница на это, несмотря на то, что была уже очевидно не прочь побаловать гостя своего барина, сердито фыркала, однакоже давала желаемаго, прибавляя: — У! Сахаръ Медовичи! все бы имъ лакомиться! На-те, да только, чтобъ Иванъ Ильичъ не узнали!

Подгурскій садился въ уголъ и, мурлыкая, какъ котъ, ѣлъ втихомолку груши и медъ...

Въ такихъ-то событіяхъ пришелъ роковой августъ.

Иванъ Ильичъ однажды ходилъ-ходилъ по комнатѣ, потиралъ руки и лобъ, судилъ, усмѣхался про себя, бормоталъ что-то вслухъ, наконецъ остановился посреди комнаты, разставилъ врозь руки, склонилъ голову, расхохотался почти во все горло и сѣлъ писать. Черезъ часъ было послано письмо къ помѣщицѣ, знакомой уже намъ пани, Прасковьѣ Кондратьевнѣ Джинджерихѣ, такого содержанія:

„Милостивая государыня и къ сожалѣнію не маменька,
Прасковья Кондратьевна!

Везу къ вамъ отличнаго жениха. Согласны?“

И получилъ на это отвѣтъ:

„Государь мой, Иванъ Ильичъ, и къ сожалѣнію не сынъ — мой,— ваше высокородіе! Вы имѣете на примѣтѣ жениха, а мнѣ сына. Везите. Отчего-же: я не прочь, и посмотрю. Можетъ, мы и сойдемся, и вы станете сватомъ, коли не стали сами когда-то сыномъ. А впрочемъ, остаюсь, ко услугамъ, доброжелателька ваша

Прасковія Кондратіева дочь
Дженджерь".

У пани Дженджерихи въ это время уже не было ни одной незамужней дочки. Къ чему же суровой пани были нужны женихи? Отвѣтъ простой. Въ это время у старшей дочери ея, вышедшей замужъ двадцать лѣтъ назадъ, родились двѣ дочки, Маврикія и Капитолина, бывшія теперь уже невѣстами. Бабушка обѣихъ ихъ приняла на воспитаніе, а значитъ—и обязалась выдать ихъ замужъ. Это были, несмотря на годы, двѣ дебелыя, грузныя дѣвы, и назывались, вмѣсто Маврикіи и Капитолины, одна Мапочкою, а другая Цапочкою.

Эти барышни не имѣли рѣшительно никакого понятія о трудѣ и весь день, съ утра до ночи, сидѣли, сложа руки и только помышляя, какъ бы получше принарядиться. Бабушка была къ нимъ очень слаба и поминутно думала, какъ бы скорѣе выдать ихъ замужъ. Еще на десятомъ году старшей, а младшей на девятомъ стала она дѣлать приданое. Теперь же особенно она торопилась. Ее сильно пугало сосѣдство Головковскаго уѣзда, гдѣ тогда былъ разсадникъ лучшихъ невѣстъ. Въ одномъ мѣстѣ, на пространствѣ двадцати верстъ, ихъ насчитывалось тогда около двадцати семи, какъ иногда весною, подъ ветхимъ дупломъ липы, встрѣчается цѣлая семья груздей и сыроѣжекъ. Разумѣется, были между этими невѣстами и застарѣлые березовики, и скромныя дождянки, и даже мухоморы. Но вообще ихъ поколѣніе славилось и только ждало избранника, который бы явился, мелькнулъ и погубилъ ихъ цѣлую кучу. Избранникъ пока не являлся, и Прасковья Кондратьевна стала ежегодно задавать пиры въ день рожденія своего, въ концѣ августа, чтобы заранѣе завербовать вниманіе свѣта на Мапочку и Цапочку. Въ этотъ день въ мирный домикъ пани Дженджерихи началъ съѣзжаться цѣлый уѣздъ. Такъ случилось и теперь, когда Иванъ Ильичъ въ такой праздникъ рѣшился ей представить своего гостя...

Съ самаго утра штатъ хуторянской кухни былъ усиленъ сосѣднимъ полковницкимъ поваромъ, изъ литовскихъ губерній, Казимир-

жемъ Праскундзицкимъ, который, явясь сюда, счелъ долгомъ прежде всего напиться пьянымъ до омертвѣнія, почему и отнесенъ былъ въ погребъ проспаться, и приглашенною же на время женою его, экономкой полковника, Кастульей Кантидьевной. Кастулья Кантидьевна была шляхетскаго достоинства до выхода въ замужество за полковницкаго повара, носила постоянно на головѣ желтый шелковый платокъ и, являясь на хуторянскіе съѣзды съ предложеніемъ услугъ экономки, нализывалась еще прежде супруга и начинала, съ пылающими щеками, увѣрять во всеуслышаніе, что печеніе блиновъ, приготовленіе водокъ и закусокъ, а равно и весь остальной парадъ, это уже, извините, это уже ея дѣло, и никто до него не коснется. На этотъ разъ собственная ключница пани Дженджерихи, должно быть, угощая повара и его супругу, сама хватила черезъ край и съ утра усѣлась на дѣвичьемъ крыльцѣ съ ключами, тоже въ нарядномъ платкѣ и безъ ногъ, сложа руки и поминутно улыбаясь всѣмъ мимоидущимъ...

Наконецъ, стали являться и гости. Коляска Говорухи-Щебетковскаго подкатила изъ послѣднихъ. Иванъ Ильичъ, собственноручно обрившій по утру своего сожителя и напомадившій его жасминною помадой, вошелъ свѣтлѣе майскаго утра. Сожитель выпрыгнулъ за нимъ тоже въ духѣ, принаряженный въ лѣтнюю пикейную пару съ плеча гостепріимнаго хозяина.

— Да, — сказалъ, входя въ переднюю, Иванъ Ильичъ:—я васъ, Феликсъ Францычъ, и не спросилъ — говорите вы по-французски?

— О, ке-ле-монъ-шеръ, дасъ гейстъ, ми-не ки-не иси! — отвѣтилъ безъ запинки атлетическій Подгурскій, тряхнувши бѣлокурыми кудрями и усмѣхнувшись во весь объемъ румяныхъ и круглыхъ щекъ: разумѣется говорю!

Иванъ Ильичъ такъ и помертвѣлъ. Нерѣшительно ступилъ онъ за порогъ, неловко вошелъ въ гостиную, все обдумывая дикую рѣчь, отпущенную пріятелемъ, и, войдя въ кругъ дамъ, гдѣ ласково приняла его все та же величественная и бойкая, хотя уже совсѣмъ сѣдая, пани Дженджериха, сказалъ, махнувши рукой:

— Феликсъ Францычъ Подгурскій, помѣщикъ изъ-подъ Умани, имѣетъ домъ въ Бердичевѣ; ѣхалъ въ Смоленскъ къ роднымъ, но ограбленъ на дорогѣ и пока гоститъ у меня...

— Очень рада, очень, Хвеликсъ Хранцовичъ! — заговорила величественная хозяйка:—а на васъ, Иванъ Ильичъ, я даже сердита. Отчего вы насъ забыли и такъ рѣдко бываете?

— Что дѣлать? Занялся по имѣнію, Прасковья Кондратьевна!

— Ну, милости же просимъ!

Гости окружили Говоруху-Щебетковскаго. Подгурскій покрутилъ

усы, глянулъ козыремъ вправо, глянулъ влѣво и пошелъ знакомиться съ кавалерами и съ дамами.

Пока готовился столъ къ обѣду, Подгурскій былъ въ этомъ домѣ уже свой. Дамы и дѣвицы сразу рѣшили, что онъ душка и похожъ на Геркулеса. Вслѣдъ затѣмъ какъ-то найдено, что имя Феликсъ— значитъ счастливецъ, и пріятель Ивана Ильича мгновенно сталъ львомъ собранія...

Повертываясь на каблукахъ, Подгурскій юлилъ волчкомъ. Талія его была перетянута куколкой. Словомъ, онъ былъ вполнѣ амурчикъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда нѣкоторыя дамы поспѣшили тотчасъ пріобрѣсти его въ свое расположеніе, и онъ, побрякивая цѣпочкой, занятой у Ивана Ильича, подсаживался то къ одной, то къ другой. Посчастливилось ему у многихъ. Во-первыхъ, у одной маменьки, у которой было три дочки, такъ себѣ, фи-донки, слывшія у мѣстныхъ жениховъ за особъ въ черномъ тѣлѣ, хотя онѣ и пріѣхали на праздникъ Прасковьи Кондратьевны въ нарядныхъ кисейныхъ платьицахъ, въ шнуровкахъ и газовыхъ галстучкахъ, причесанныя болонками. Во-вторыхъ, Подгурскому повезло счастье у другой маменьки, имѣвшей всего одну дочь, которая была зато разбитная, смуглая дѣва, гусаръ-барышня, съ усами въ полъ-вершка и съ глазами, изъ которыхъ такъ и глядѣло по купидону. Наконецъ, посчастливилось ему и у третьей маменьки, у одной несчастной и горемычной винокурши, подарившей мужа, въ продолженіе девяти лѣтъ женитьбы, тремя двойнями дѣтей женскаго пола, и какъ нарочно похожихъ, какъ двѣ капли воды, на печальную маменьку, о которой мужъ со злобой говорилъ: — „Да-съ, жена моя еще такъ себѣ, Богъ съ ней, ничего; да лицо-то у нея, батюшка мой, мордецъ, вотъ что!“ — Но больше всѣхъ, разумѣется, ухаживала за Подгурскимъ сама величественная Прасковья Кондратьевна. Феликсъ Францычъ развернулся, сталъ отпускать комплименты и просто всѣхъ очаровалъ.

Всѣ пошли за столъ. Обѣдъ шелъ, какъ вездѣ, сперва тихо, потомъ шумно, наконецъ уже никто никого не слушалъ, всѣ говорили разомъ и шумѣли изо всѣхъ силъ посудой. Подъ конецъ стола экономка Кастулья Кантидьевна, съ бантомъ чепца уже на затылкѣ, внесла дымящуюся чашу варенухи, и тутъ уже дамы оставили столъ, а мужчины принялись пить на всей волѣ. Кастулья Кантидьевна при этомъ тоже развернулась и стала разсказывать такія вещи, что пирующіе сначала фыркали и хохотали до упаду, а потомъ должны были просто вывести ее подъ руки. Немного погодя послѣ обѣда загремѣлъ изъ сада хоръ трубачей, и начались танцы. Тутъ общая веселость превзошла всѣ мѣры. Мужчины выходили изъ силъ, танцуя до упаду. И несмотря на то, что у иного плѣшь свѣтилась, какъ

вычищенный мѣдный тазъ, а за животомъ не видно было ногъ, онъ носился и юлилъ легче вѣтру. Другой былъ, кажется, не толще чубука и съ жиденькимъ хохолкомъ походилъ на воробья, а тоже прыгалъ и носился по комнатѣ фертомъ. Наконецъ третій, который еще вчера ходилъ падишахомъ у себя по загонамъ и огородамъ, обращая къ рабочимъ лицо, полное торжественности, теперь вертѣлся, какъ бѣшеный дервишъ. Просто чудеса! Но всѣхъ превзошелъ Подгурскій.

Послѣ какого-то танца, несмотря на то, что въ немъ путалъ страшно всѣ па и не имѣлъ рѣшительно никакого понятія о кадансѣ, онъ привелъ всѣхъ въ неописанный восторгъ своею любезностью и нашептывая разныя милыя вещи. Три разбитныхъ дѣвицы изъ застарѣлыхъ романтическихъ душъ, три сосѣдки, жившія въ большой дружбѣ, взяли его подъ руки, увели въ дальнюю диванную и тамъ на потребованной бумагѣ, общимъ приговоромъ, написали ему нѣжный аттестатъ сердца, бывшій въ модѣ нѣкогда у ихъ бабушекъ. Въ аттестатѣ онѣ шаловливо изобразили достоинства амурчика Подгурскаго, сказали, что онъ кавалеръ, достойный общаго участія, и подписались вымышленными именами: *Сирень*, *Привязанность* и *Вздохъ*.

Подали дессертъ. Въ залѣ, между тѣмъ, опять зашумѣли. Феликсъ Францычъ принесъ свою флейту и сталъ играть. Тутъ уже внучки хозяйки, бывшія до той минуты совершенно въ тѣни, не вытерпѣли и высказались также рѣшительно въ его пользу. Но что дѣвицы? Ихъ всегда легко совратить съ пути истины и завладѣть ихъ неопытнымъ сердцемъ. Даже мужчины, и тѣ ахали отъ удовольствія при звукахъ флейты Подгурскаго. Такъ, одинъ подслѣповатый и разслабленный князь, загулявшій черезчуръ надъ варенухою, до того при этомъ растрогался, что, когда замолкли одобренія, увелъ Подгурскаго къ окну, долго не могъ сказать ему ни слова, снялъ очки, протеръ ихъ, надѣлъ и, наконецъ, пожавши руки Подгурскаго, сказалъ ему:—Душечка, будемъ говорить другъ другу ты!— Феликсъ Францычъ отступилъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, за что же? Я не достоинъ; хотя мой слабый талантъ...

— Ну, такъ поѣдемъ къ нашему предводителю! Я съ нимъ знакомъ: онъ за васъ отдастъ дочку!

— Нѣтъ, я къ предводителю не поѣду-съ... Есть причина! Благодарю...

— Такъ уже, душечка, вотъ что!—подхватилъ опьянѣвшій князь: —поѣдемъ, шерчикъ, къ однѣмъ барышнямъ въ городъ! Онѣ споютъ намъ Катьку...

Подгурскій надъ городскими барышнями было призадумался. Князь до того расфамильярничался, что сталъ тыкать ему въ животъ пальцемъ. Все кругомъ тоже шумѣло. Барышни трещали, какъ сороки. А на стулѣ среди двухъ ненаглядныхъ внучекъ, Мапочки и Цапочки, величественно возсѣдала пани Дженджериха, отирая потъ съ лица и грустно поглядывая на нихъ, какъ бы обдумывая, что вотъ скоро придется проститься съ одною изъ нихъ. Вечеръ близился, и солнце ярко освѣщало низенькія комнаты счастливаго хуторянскаго домика. Карьера Феликса Францыча Подгурскаго, помѣщика изъ-подъ Умани и друга Ивана Ильича Говорухи-Щебетковскаго, готова была составиться...

Вдругъ на улицѣ деревушки раздался колокольчикъ, и къ крыльцу кто-то подкатилъ на обывательскихъ. Грянули и затихли бубенчики. Въ лакейской забѣгали слуги. Дверь въ залъ растворилась, и вошелъ всѣмъ извѣстный знакомый исправникъ.

— А! Богданъ Богданычъ! Богданъ Богданычъ! Какими судьбами? вотъ разодолжили!

Богданъ Богданычъ, самъ хуторянинъ и потому избранный помѣщиками въ исправники, имѣлъ ротъ, устроенный такъ, что подбородка и нижней губы какъ-будто и не бывало и будто онъ каждую минуту собирался свиснуть въ ключъ, какое сравненіе даже поддерживалось самимъ выговоромъ его, въ видѣ птичьяго присвистыванья. Обмахнувшись платкомъ, исправникъ мелкимъ шагомъ, какъ говорится, дребеденью, обкатилъ весь залъ, подошелъ къ ручкѣ каждой дамы, а съ хозяйкой поцѣловался, кромѣ того, еще на-крестъ три раза.

— Водочки Богдану Богданычу, водочки! — крикнула хозяйка.

Исправникъ, выпивши водки, сѣлъ передъ полукружіемъ гостей, устремившихся къ нему съ добродушными улыбками и взорами, самъ улыбнулся, надѣлъ очки, досталъ изъ боковаго кармана бумагу, развернулъ ее, щелкнулъ указательнымъ пальцемъ и сказалъ, — причемъ, разумѣется, ротъ его какъ бы свиснулъ въ ключъ: „А я-съ, господа-съ, къ вамъ-съ съ новостью-сссъ!“ Кружокъ сдвинулся тѣснѣе, и онъ началъ читать бумагу вслухъ: „Симъ имѣю честь извѣстить наискорѣйше такого-то предводителя уѣзда, съ просьбою передать секретно таковое же сообщеніе исправнику онаго же уѣзда, что въ такомъ-то хуторѣ Калиновый-Ключъ, принадлежащемъ помѣщику Говорухѣ-Щебетковскому, проживаетъ одинъ предосудительный человѣкъ. Особаго преступленія онъ не сдѣлалъ, а выдаетъ себя также за помѣщика и порядочнаго человѣка, въ то время, какъ онъ... (гм!) ничто иное, какъ вольноотпущенный человѣкъ генерала Стерлитамацкаго, разгуливающій въ похищенномъ вицъ-мундирѣ одного

изъ коммисаріатскихъ чиновниковъ. Почему—захватить его и немедленно препроводить ко мнѣ для дальнѣйшихъ распоряженій. Имя его—Феликсъ Подгурскій. Такой-то губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Махрабатовъ".

Исправникъ сложилъ вчетверо бумагу, всунулъ ее въ карманъ, снялъ очки, окинулъ взоромъ собраніе и прибавилъ: „А сей предосудительный человѣкъ, господа, никто иной, какъ вотъ кто!"

И, привставши, онъ торжественно указалъ на спутника Ивана Ильича. Дамы разъахались, мужчины разомъ заговорили, а бѣдный Феликсъ Подгурскій какъ былъ, такъ и окаменѣлъ.

Зашумѣли стулья, задвигались ноги и руки, расходились языки. Исправникъ сказалъ:—„Ну братъ, Феликсъ, поѣдемъ, нечего дѣлать; да бери уже кстати и свою флейту, — по дорогѣ сыграешь что-нибудь съ горя!" И, уводя Феликса, онъ сталъ прощаться со всѣми на-скоро, говоря, что къ вечеру спѣшитъ еще представить арестанта въ городъ къ предводителю.

— Ишь, какой вы, Богданъ Богданычъ,—говорили ему на это нѣкоторые изъ гостей:—всегда вы такъ! водки не-бойсь выпьете, а тамъ и отколете такую штуку!

— Э! господа-господа! Да въ томъ-то и дѣло! Я люблю, чтобъ все по душѣ было сдѣлано, и дворянству обиды бы не причинило! А тутъ, господа, кому какая обида? Развѣ то, что не отличили лакея отъ помѣщика? Ну, да теперь по костюму какъ-разъ собьешься. Всѣ прилично одѣты! Прощайте!

И онъ уѣхалъ, усадивши между двухъ понятыхъ оробѣвшаго Феликса.

Едва замолкъ исправницкій колокольчикъ, едва гости стали приходить въ себя отъ ошеломившаго ихъ событія и дамы стали собираться уѣзжать, а Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій, на котораго было не обратили особаго вниманія, стоялъ съ поникнувшею головой, какъ вдругъ, въ виду всѣхъ гостей, изъ залы появилась величественная фигура пани Джeнджерихи. Она шла, колыхаясь и тряся сѣдою головой, въ гигантскомъ чепцѣ, шла грознѣе зимнихъ вѣтровъ и осенней непогоды, съ длинною палкою отъ комнатной щетки въ рукахъ.

— Пошелъ вонъ, дуракъ!—сказала она гнѣвно, глядя прямо въ глаза Ивану Ильичу:—пошелъ вонъ, свинья, и не показывайся больше на мои глаза никогда, отнынѣ и во-вѣки!

Иванъ Ильичъ было улыбнулся, даже робко глянулъ въ сторону, какъ бы отыскивая, къ кому это такъ крупно обратилась гнѣвная пани. Но у Прасковьи Кондратьевны уже лицо сводилось конвульсіями, и на побѣлѣвшихъ губахъ выступила пѣна.

— Что смотришь? Тебѣ-то, тебѣ и говорю!—крикнула она, уже не будучи въ силахъ удержать своего порыва:—ты двадцать лѣтъ назадъ насмѣялся надъ моими дочками, а теперь внучекъ моихъ пріѣхалъ позорить! Такъ не бывать же тому, сякой-такой сынъ! Хлопцы, а ну-те его въ три шеи!—И сама нанесла палкою первый ударъ по его благородной спинѣ. Холопы докончили грустную сцену. Прошка хотѣлъ защищать барина, но улепетнулъ при первомъ звукѣ ея голоса. Обществу же помѣщиковъ и безъ него было много дѣла: четыре дамы и пять дѣвицъ упали при этомъ въ обморокъ и требовали ихъ помощи...

Трепещущій, блѣдный, какъ стѣна, и въ изорванномъ сюртукѣ выскочилъ Иванъ Ильичъ на крыльцо, а оттуда за ворота, гдѣ уже ждалъ его экипажъ. Иные говорятъ, что черезъ дворъ еще, по приказу хозяйки, гнала его мокрою тряпкой судомойка, а въ околицѣ поручено его было вслухъ бранить տремъ зубастымъ бабамъ изъ штата задняго двора Прасковьи Кондратьевны.

Какъ бы то ни было, велика была со стороны Ивана Ильича обида, нанесенная мирной сходкѣ помѣщиковъ. Но и возмездіе переходило всѣ границы.

Обезумѣвшій отъ оскорбленія, онъ пріѣхалъ домой и на первыхъ порахъ, какъ баба, расплакался.

— Какъ!—говорилъ онъ, судорожно всхлипывая и расхаживая у себя по гостиной:—побить помѣщика и дворянина, да еще такого знатнаго рода! Да я статскій совѣтникъ; а вѣдь это выше полковника! Постой же, постой же, подлая баба, я тебя упеку! Да и ихъ всѣхъ; всѣхъ подъ судъ, всѣхъ! О! Я имъ задамъ!..

И, утирая слезы негодованія, онъ часа два ходилъ взадъ и впередъ мимо портрета молодцоватаго своего прадѣда, не зная, что предпринять. Хотѣлъ онъ скакать прямо къ губернатору, потомъ къ губернскому предводителю. Хотѣлъ и короче покончить дѣло: убить изъ пистолета Прасковью Кондратьевну, или, зазвавши ее подъ видомъ перемирія къ себѣ, высѣчь ее на конюшнѣ. Мелькнула у него даже мысль пригласить ее со всѣми гостями и даже съ исправникомъ къ себѣ на обѣдъ и всѣхъ отравить.

Къ ночи онъ успокоился. Усталый, сѣлъ онъ въ кресло, пока постлали ему постель на диванѣ подъ портретомъ прадѣда. Онъ легъ, но долго еще двигался и рѣшительно не могъ заснуть. Шумъ рѣчей и звонъ посуды, гуденье трубъ и танцы долго отдавались въ его ушахъ. Наконецъ, еще поворочавшись, онъ зѣвнулъ, подумалъ: „А, чертъ ихъ однако побери! Только я омою кровью это глубокое оскорбленіе, оскорбленіе моей чести, чести гражданина, чести всего моего знатнаго рода!“ и сталъ забываться легкою дремотою...

Садъ, надъ которымъ чернѣла маковка старой фамильной часовни гетмана Полуботка и его потомства, былъ весь освѣщенъ золотымъ сіяніемъ мѣсяца; и тихая, бѣлая, дремотливая ночь глядѣла въ окна и въ стекляныя, полурастворенныя двери съ балкона въ гостиную. Ни одинъ звукъ не долеталъ ни съ поля, ни изъ деревушки.

— Эка досада, однако!—подумалъ про себя Иванъ Ильичъ:—лѣнь встать, запереть двери; а то вѣдь говорятъ, что прадѣдъ-то мой, гетманъ Щебетковскій, коли онъ не весь сгнилъ, любитъ иногда прохаживаться по саду и даже по комнатамъ!

И вдругъ Щебетковскому показалось, что въ глубинѣ залитаго бѣлымъ, мерцающимъ сіяніемъ сада мелькнуло надъ деревьями что-то прозрачное и высокое, какъ будто кто шелъ надъ землею. Дверь на балконѣ въ то же время сама собою еще болѣе растворилась, и на крыльцѣ скрипнула половица. И въ то же мгновеніе на порогѣ, во весь ростъ, показался въ красномъ, знакомомъ кунтушѣ, съ саблею и въ усахъ, страшилищный гигантскій прадѣдъ.

— Здоровъ былъ, правнукъ!—сказалъ прадѣдъ, неслышно подходя къ дивану, и Щебетковскому показалось, что подъ ослѣпительное и какое-то опьяняющее мерцанье ночи посѣтитель совершенно темными глазами, скрытыми подъ парой кустоватыхъ бровей, разсматривалъ на стѣнахъ знакомое оружіе, саблю и свой завѣтный бердышъ.

Гетманъ поднялъ руку въ шитомъ золотомъ рукавѣ, повернулся и указалъ ею въ садъ. А тамъ, надъ вершинами деревьевъ, какъ-будто взошла темная туча, показались другія головы и туловища: это остальные покойники тоже высунулись и смотрѣли, что скажетъ панъ гетманъ.

— Видишь?—сказалъ прадѣдъ:—не я одинъ, то все твои родичи! Всѣ мы за тебя бились и головы несли на съѣденье собакамъ да воронамъ! Одинъ ты, одинъ ты, поганый выродокъ, пакостишь весь нашъ родъ!

И суровая тѣнь прадѣда впотьмахъ на время поникла головою.

— Что ты дѣлаешь?—сказалъ опять со стономъ и грозно, топнувши ногою, прадѣдъ:—что ты дѣлаешь, говори?! Ну, слушай же ты меня и не пророни ни единаго слова! Не даромъ я потревожилъ свои старыя кости...

— Такъ ли жили въ старину? то ли дѣлали дворянскіе потомки, рыцарскія души?..

— Нѣтъ! Мы били Татаръ, да Ляховъ, служили отчизнѣ вѣрою

и правдой, а не валялись, какъ кабаны, въ грязи! И не за то я пришелъ покарать тебя, что ты не носишь сабли, даже не гарцуешь на конѣ. Всякому своя доля и не тѣ у васъ теперь времена. Также и не за то, что тебя, моего потомка, поколотили, какъ послѣдняго щенка, свои же братья, дворяне. Нѣтъ въ тебѣ болѣе дворянской крови, хоть и носишь ты чинъ статскаго совѣтника...

— Когда-то держалъ меня за чубъ своею царскою рукою Петръ Первый, и въ цѣпи меня заковалъ, и въ темницу ко мнѣ приходилъ. А я все ему говорилъ правду! такъ и тебѣ теперь ее всю скажу до чиста!

— Нѣтъ въ тебѣ болѣе дворянской крови, нѣтъ ни капли! И не узнать въ тебѣ болѣе нашего потомка! Какъ же ты смѣешь, какъ ты можешь гордиться и хвастать своими родичами и дѣдами, ты, что самъ старой бабьей юбки не стоишь! Какъ ты жилъ и живешь? на что похожи твои дѣла? куда ты свои силы растратилъ? какую пользу принесъ людямъ? Мы завоевали тебѣ землю; а вспахалъ ли ты ее, какъ слѣдуетъ? Мы срубили тебѣ хуторъ; а хорошо ли живутъ на этомъ хуторѣ твои мужики? мы служили родинѣ; а ты ее продалъ, продалъ, какъ измѣнникъ, дармоѣдству, своей утробѣ и лѣни! Свистунъ ты, братъ Иванъ Ильичъ, свистунъ и свистуномъ останешься! всюду ты посовался, понюхалъ и ничего у тебя не вытанцовалось.

Красный великанъ кончилъ, повернулся и, колышась въ своемъ долгополомъ кунтушѣ и звеня саблею, медленно двинулся и вышелъ въ раскрытыя, прозрачныя двери гостиной. Тамъ въ саду тѣнь его мелькнула снова надъ мерцающими вершинами деревьевъ и слилась съ сумерками дремотливой ночи.

Иванъ Ильичъ въ ужасѣ раскрылъ глаза. Ночь была тиха и точно прислушивалась, какую тревогу било сердце Щебетковскаго.

— Покаюсь, ей-Богу покаюсь! — подумалъ про себя Иванъ Ильичъ, едва переведя дыханіе: — съ завтрашняго же дня покаюсь и начну новую жизнь!

И, перевернувшись на другой бокъ на мягкой перинѣ, онъ сталъ строить планы, что какъ перемѣнится не только онъ, но и хуторъ; какъ его совсѣмъ не узнаютъ и всѣ будутъ хвалить! Сталъ онъ въ мысляхъ сооружать мужикамъ новыя хаты, разводить табуны, отдавать въ наемъ сосѣдямъ пустопорожнія, праздныя земли, и дошелъ до того, что началъ помышлять уже о службѣ по выборамъ, о попечительствѣ надъ уѣзднымъ училищемъ, о сельской больницѣ и, въ видѣ памятника себѣ въ потомствѣ, о вольной для всего хутора...

Утромъ онъ проснулся очень поздно и долго лежалъ въ ту-

помъ, безсмысленномъ настроеніи духа, какъ послѣ пьянства или долгой головной боли. Напрасно домоправительница, по обычаю, щекотала его за пятки и дергала его за одѣяло, повторяя свои любимыя поговорки: „у! безстыдники, срамники! Вставайте; уже обѣдать скоро пора!“ — Суровый и безъ отвѣтныхъ шутокъ всталъ съ постели Иванъ Ильичъ. Но его скоро развеселилъ видъ полунагаго ребенка, который былъ похожъ на него самого и, бѣжавши черезъ дворъ, расквасилъ себѣ носъ. Иванъ Ильичъ, какъ былъ въ халатѣ, вышелъ на крыльцо, подозвалъ его къ себѣ, посадилъ на колѣни и долго, долго такъ сидѣлъ.

День прошелъ своимъ чередомъ. Баринъ обѣдалъ, баринъ отдыхалъ, баринъ чай кушалъ, ходилъ, ужиналъ и спать легъ. Вслѣдъ за нимъ также прошли и другіе дни. Касательно же намѣреній страшной ночи кончилось тѣмъ, что, увидавши какъ-то, мимоходомъ, въ гостиной портретъ прадѣда, Иванъ Ильичъ позвалъ домоправительницу, посовѣтовался съ ней и принялся за дѣло. Онъ подставилъ къ стѣнѣ столъ, на столъ помѣстилъ стулъ, на стулъ табуретку, велѣлъ повернуть портретъ лицомъ къ стѣнѣ, подъ предлогомъ безсонницъ и дурныхъ мыслей по ночамъ, и не остался въ накладѣ. На задней сторонѣ портрета былъ написанъ затѣйливымъ преемникомъ стариннаго художника, вѣроятно въ минуту отдохновенія или по волѣ какого-нибудь причудливаго потомка знатнаго прадѣда, очень красивый бѣлый пудель. Иванъ Ильичъ остался имъ очень доволенъ и больше уже не переворачивалъ портрета.

Зажилъ по прежнему Иванъ Ильичъ Говоруха-Щебетковскій, спокойно и привольно. Иногда только выпадали ему хлопоты: либо крестить новаго обитателя земнаго міра, рожденнаго въ поварской, либо купить рубашонку и игрушекъ другимъ ребятишкамъ уже на подросткѣ. Прежде прачки и экономки у него мѣнялись часто. Но когда, года два спустя, хотѣлъ онъ смѣнить Акулину XIV, то эта особа нагнала на него самого такой копоти, что онъ боялся, какъ бы не онъ ее, а она его самого не выпроводила изъ Калиноваго хутора.

Здоровьемъ онъ не изсякалъ. Съ лѣтами только прибавлялось въ немъ тѣло. И никогда болѣе онъ уже не вспоминалъ ни о проказахъ своей молодости, ни о событіи у пани Дженджерихи. И только разъ, въ пріятельскомъ кругу у исправника, все у того же неизмѣннаго Богдана Богданыча, гдѣ какъ-то зашелъ разговоръ о Петербургѣ, о Европѣ, о выборахъ и о прочемъ, онъ осѣнился внезапною, неисповѣдимою, раздирающею грустью, и когда замолкъ присяжный уѣздный острякъ Петръ Матвѣичъ Тентерь-Отребинскій, сынъ извѣстнаго Матвѣя Леонтьевича и Шурочки Гончаренко, служившій въ

предводительской канцеляріи и выносившій оттуда разные анекдоты, большею частію таинственнаго содержанія,—Иванъ Ильичъ вдругъ перебилъ общій разговоръ замѣчаніемъ: „А вотъ я вамъ, господа, разскажу, какой скверный сонъ про моего прадѣда я видѣлъ одинъ разъ!“ и повѣдалъ неровнымъ, робкимъ голосомъ, какъ однажды посѣтила его безпокойная тѣнь его прадѣда.

1860 г.

РАЗСКАЗЫ.

ШАРИКЪ.

Жилъ въ Москвѣ бѣдный портной, еврей Айзикъ Шмуль. Трудолюбивый и выносливый, онъ проводилъ съ семьей цѣлые дни впроголодь, копаясь, отъ ранняго утра до поздней ночи, въ подвальной конурѣ, надъ разнымъ носильнымъ хламомъ, который бралъ отъ рыночниковъ и небогатыхъ людей въ починку, передѣлку и перелицовку.

Работалъ онъ безъ вывѣски. Исполняя заказы, ходилъ съ конца въ конецъ Москвы за деньгами, въ одномъ и томъ-же, сильно поношенномъ сюртучишкѣ безъ нѣсколькихъ пуговицъ, въ пестрыхъ, узкихъ брюкахъ и въ помятомъ цилиндрѣ, похожемъ болѣе на воронье гнѣздо, чѣмъ на шляпу. Отъ одежды Шмуля постоянно почему-то отдавало страннымъ запахомъ, напоминавшимъ запахъ жаренаго рябчика. „А, рябчикъ уже тутъ!" говорили себѣ заказчики, заслыша въ передней робкое переступаніе худыхъ ногъ портнаго, обутыхъ въ истоптанныя, съ искривленными каблуками, ботинки.

Большіе, черные, постоянно унылые и какъ бы заплаканные глаза Шмуля съ жаднымъ вниманіемъ устремлялись на руки входящаго заказчика, а длинный, мясистый носъ и толстыя, безусыя губы, при видѣ вынутыхъ денегъ, освѣщались блаженною улыбкой, и весь онъ, съ принесенною въ черномъ чехлѣ работой, отвѣшивая низкіе поклоны, какъ-то судорожно дергался сверху внизъ, точно у него силой отнимали эту работу, а онъ боролся, увертываясь и не выпуская ея изъ рукъ.

— Отчего, Шмуль, у тебя постоянно такіе унылые глаза?— спрашивали портнаго заказчики.

— У бѣднаго еврея печаль,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ: — чего ему радоваться и веселиться?

— Но почему-же?

— Еврей иначе не можетъ смотрѣть на свѣтъ, за неправду, какъ съ печалью, презрѣніемъ и скорбью.

— А почему отъ тебя рябчикомъ пахнетъ?

Шмуль краснѣлъ, какъ ракъ.

— Баринъ шутитъ, — отвѣчалъ онъ съ гордымъ недоумѣніемъ, оглядываясь на свою одежду:—бѣдный еврей, можетъ, давно не только рябчика въ глаза не видѣлъ, но и ничего не ѣлъ.

Въ окраинахъ Москвы свирѣпствовала повальная оспа. Заболѣли жена и двое дѣтей Шмуля. Жена умерла; дѣти-близнецы, сынъ Іоська и дочь Ри́вка, выздоровѣли, но ихъ лица до того были разрисованы оспой, что казались тёрками, на которыхъ трутъ рѣдьку и хрѣнъ. Сильно горевалъ и убивался портной, схоронивъ жену. Жить стало еще тяжелѣе. Дѣтямъ шелъ пятый годъ. Надо было ходить за ними, обшивать ихъ, чесать ихъ всклокоченныя, курчавыя головы, варить имъ лапшу на молокѣ, и въ то же время не разгибать спины надъ заказами. Работа валилась изъ его рукъ. Голодалъ еще болѣе Шмуль съ дѣтьми. Голодалъ и выкормленный покойною Суррой, вихрастый, съ кривыми лапами, песъ Шарикъ.

Эту собаку жена портнаго, однажды осенью, нашла подъ Москвой на огородѣ, куда ходила съ корзиной за покупкой дешевыхъ остатковъ капусты и картофеля. Услыша тихіе, жалобные стоны изъ канавы, поросшей травой, Сурра подошла и увидѣла въ травѣ свернувшуюся въ жалкій комокъ и дрожавшую отъ холода, голода и увѣчій собаченку. „Злые люди били тебя, видно, на смерть“, подумала Сурра: „и бросили сюда издыхать, но ты еще жива и будешь жить!“ Она подняла собаку. Та еле двигала искалѣченными ногами; съ боковъ клочьями висѣла шерсть. Взявъ собаку въ корзину, портниха принесла ее домой, накормила, а вечеромъ, когда купала дѣтей, сварила щелокъ и для собаки, бережно вымыла ее и уложила въ подвальный чуланъ, прикрывъ ее старыми рогожами.

Долго Сурра носила въ чуланъ собакѣ, тайно отъ мужа, ѣсть и пить. Шмуль не любилъ собакъ, говоря, что отъ нихъ, обжоръ, кромѣ блохъ, никакого нѣтъ толку. Портниха размышляла: „Выздоровѣетъ бѣдный песъ, наберется съ силами, тогда выпущу его на волю; кто-нибудь сжалится надъ нимъ и возьметъ его себѣ... Бываютъ красивыя и изъ уличныхъ: можетъ быть, и это такая“. Собака понемногу оправилась, вылѣзла изъ-подъ рогожъ и, въ отсутствіи портнаго, была выпущена—размяться и побродить на дворѣ. Сурра взглянула на нее и увидѣла, что о красотѣ найденной собаки нечего было и думать. Острая, съ торчавшими ушами, морда и кривыя, крѣпкія лапы ея съ перваго взгляда напоминали какъ-бы нѣчто, похожее на таксу. Но неуклюжій, съ глупою закорючкой, хвостъ,

а вмѣсто черныхъ глазъ и гладкой, черной, съ желтыми подпалинами, шерсти таксъ, длинныя лохмотья какой-то буро-лиловой шерсти и разномастные—сѣрый и голубой—глаза найденной собаки прямо указывали на ея происхожденіе отъ простой и самой заурядной дворняжки.

Оправясь отъ увѣчій, собака, впрочемъ, оказалась весьма веселой и рѣзвой. Она стрѣлой носилась за Суррой и волчкомъ вилась у ея ногъ, когда та ходила въ лавочку или во дворѣ развѣшивала бѣлье. За эту веселость и рѣзвость портниха назвала его Шарикомъ. Какъ-то Сурра обронила на улицѣ свертокъ съ покупкой. Шарикъ поднялъ его и принесъ въ зубахъ за хозяйкой.

— Что̀ это? откуда уродина?—спросилъ Шмуль, увидѣвъ впервые эту собаку, беззаботно прыгавшую за Суррой.

— Шарикъ,—отвѣтила, смутясь, жена.

— Шарикъ,—ну, и пусть Шарикъ,—а откуда онъ и зачѣмъ?—настаивалъ Шмуль.

Портниха объяснила, какъ, гдѣ и въ какомъ видѣ она нашла его.

— Онъ, представь, и поноску носитъ,—прибавила Сурра, стараясь такъ или иначе смягчить мужа.

— Поноску? вотъ что̀!—сказалъ Шмуль, недовѣрчиво разглядывая собаку, которая, въ свой чередъ, пристально глядѣла ему въ глаза.

— А—ну!—произнесъ портной, бросая черезъ рѣшетку въ садъ свою шапку:—пиль!

Шарикъ кинулся кубаремъ въ калитку и притащилъ изъ сада шапку. За шапкой были туда брошены платокъ, хлѣбный сухарь и говяжья кость. Все это Шарикъ также нашелъ и принесъ.

— Держи его, закрой ему глаза,—сказалъ портной женѣ. Онъ вынулъ изъ кармана копѣйку, поплевалъ на нее, швырнулъ ее въ траву, на конецъ двора, и крикнулъ снова: пиль!

Шарикъ сначала не понялъ, въ чемъ дѣло, и смотрѣлъ, склоняя то одно, то другое ухо, въ разныя стороны. Слыша повторенія приказа и видя, что въ его услугахъ, попрежнему, нуждаются, онъ, обнюхивая землю, кинулся-было въ садъ, исколесилъ его нѣсколько разъ вдоль и поперекъ, возвратился и, съ высунутымъ языкомъ, недовольный поисками, сѣлъ на заднія лапы.

— Пиль, шельма, пиль!—твердилъ портной.

„А, такъ вотъ что̀“, какъ-бы подумалъ Шарикъ: „значитъ, все-таки что-то брошено, только не тамъ!“ Онъ шевельнулъ хвостомъ, увидѣлъ, что хозяинъ смотритъ въ конецъ двора, бросился туда, уткнулся носомъ въ траву, росшую подъ заборомъ, прошелъ по ней

нѣсколько шаговъ и, съ радостнымъ визгомъ, подбѣжалъ къ Шмулю: въ зубахъ у него была копѣйка.

Портной, однако, остался не вполнѣ доволенъ собакой. „Поноску, дѣйствительно, она носитъ", разсуждалъ онъ: „но зачѣмъ намъ этотъ песъ? Самимъ тѣсно и голодно, лишній только ротъ"... Сурра замѣтила это недовольство мужа и стала придумывать, чѣмъ-бы расположить его въ пользу собаки.

Какъ-то къ обѣду Шмуль долго не возвращался отъ заказчиковъ. Проголодалась портниха съ дѣтьми; еще болѣе проголодался и Шарикъ. Сидя, какъ вкопанный, съ подведенными, тощими боками, онъ давно поглядывалъ на припертую, варйстую печь, изъ которой такъ вкусно пахло молочною кашей и щукой съ лукомъ. Шмуль, наконецъ, пришелъ и усѣлся, съ женой и дѣтьми, за обѣдъ. О собакѣ никто не вспоминалъ. Слыша дружное чавканье ртовъ, Шарикъ попрежнему степенно и вѣжливо сидѣлъ вдали отъ стола, изрѣдка только склоняя то на одинъ, то на другой бокъ голову и, точно для развлеченія, слѣдя за сонными, вялыми мухами, ползавшими, въ ожиданіи зимней спячки, по нагрѣтому карнизу печи. Сурра, впрочемъ, не покидала мысли о собакѣ.

Раздумывая, какъ бы окончательно расположить въ ея пользу мужа, она въ концѣ обѣда сказала ему:

— Шарикъ, можетъ-быть, собака не простая.

— Это почему?—спросилъ портной: — носитъ поноску; немудрено,— наученъ и еще что̀ дѣлаетъ. Вотъ вздумала! И кто такую паршивую барбоску станетъ учить? на что̀ она, кому?

— Ну, не говори,—можетъ, онъ былъ у фокусниковъ, а тѣ научили его и не такимъ штукамъ, да обѣднѣли и бросили его, либо потеряли,—говорила Сурра, подкладывая мужу лакомые куски.

— Попробуй, попытай,—отвѣтилъ, съ усмѣшкой, Шмуль: — ты его нашла, ты съ нимъ и возись.

— Самъ попробуй,—развѣ я что̀ знаю въ такихъ дѣлахъ, или ходила съ фокусниками?

Портной былъ въ духѣ въ тотъ день отъ полученныхъ заказовъ и еще болѣе отъ фаршированной съ лукомъ щуки. Онъ оглянулся на Шарика, который, въ прежнемъ ожиданіи подачки, сидѣлъ неподвижно, не спуская глазъ съ хозяйскаго стола. „Осрамлю ее", подумалъ о женѣ Шмуль: „такъ и быть, испытаю собаку: только она, разумѣется, не отличится". Не вставая со скамьи, портной кольцомъ сложилъ руки, наставилъ ихъ противъ собаки и едва сказалъ: „аванцъ!" —Шарикъ слегка пригнулся и мгновенно проскочилъ черезъ руки Шмуля, какъ сквозь обручъ. Присѣвшая къ столу, Сурра ахнула отъ восхищенія. „Что̀ время терять!" подумалъ, между тѣмъ,

Шарикъ. Видя, что озадаченный его подвигомъ хозяинъ, нагнувшись, недовѣрчиво разсматривалъ его лапы, точно удивляясь, какъ такой невзрачный песъ, и на такихъ кривуляхъ, могъ произвести подобный прыжокъ,—Шарикъ шевельнулъ хвостомъ, еще ниже пригнулся, вскочилъ на скамью и легче мухи перелетѣлъ черезъ спину самого Шмуля. Сурра, покатившись со смѣху, припала къ столу; а Шарикъ, недолго думая, опять прыгнулъ на скамью и перемахнулъ черезъ спину хозяйки.

— Да, собака изъ ученыхъ,—невольно согласился съ женою Шмуль: — и кто могъ ожидать? съ виду — плюгавая шавка: а за такую, пожалуй, охотникъ дастъ не меньше синей, а то пожалуй и красную.

Съ той поры Шарикъ водворился на жительствѣ у портнаго, дѣля съ хозяевами сытые и голодные, веселые и горестные дни, служа имъ въ видѣ забавы за столомъ, срывая съ прохожихъ шапки и расхаживая, въ видѣ солдата, на заднихъ лапахъ, со вложенной въ переднія лапы палкой, какъ съ ружьемъ. Веселые дни портнаго, со смертью его жены, окончательно прошли и не возвращались. Овдовѣвшій Шмуль впалъ въ безисходную бѣдность и горе. Онъ выбился вовсе изъ силъ и сталъ роптать: „Богъ Исаака и Іакова, гдѣ Ты?" восклицалъ онъ мысленно, не попадая отъ слезъ ниткой въ иглу: „почему Ты, о Господи, глухъ ко мнѣ? за что̀ губишь бѣднаго еврея и его неповинныхъ дѣтей? Отчего христіанамъ хорошо? Смотришь, никуда негодный, пьяница завалящій, шарлатанъ, живетъ хорошо, а бѣдному еврею вездѣ неудача и тѣснота! Даже вонъ, русскій песъ Шарикъ — и тотъ счастливъ, такъ весело вѣчно возится съ друзьями своими, собаками сосѣдей".

Былъ жаркій, пыльный и душный день. Портной съ утра ходилъ по заказчикамъ за деньгами и нигдѣ не получилъ ни копѣйки. Особенно огорчилъ его одинъ мелкій адвокатъ, задолжавшій ему болѣе ста рублей и постоянно говорившій: „приходи завтра, денегъ нѣтъ". Отмахалъ Шмуль съ Прѣсни за Покровку, въ Плетешкй, и оттуда къ Серпуховской заставѣ, на Замоскворѣчье. Усталъ и проголодался онъ до невозможности, и пить ему сильно хотѣлось. Пирожники кричали: „вотъ горячіе, съ пылу!" На лоткахъ красовались горы моченыхъ грушъ, всякихъ ягодъ и квасъ, а въ карманѣ было пусто. Къ вечеру доплелся онъ на Садовую и присѣлъ въ ближнемъ переулкѣ, на столбикѣ, у какихъ-то воротъ. Черезъ каменный заборъ изъ сада, возлѣ котораго онъ сидѣлъ, повѣяло прохладой. Послышалось тихое, стройное пѣніе. Шмуль оглянулся.

Невдали, въ глубинѣ переулка, сквозь вечернюю мглу, онъ увидѣлъ деревья, за чугунною оградой, а за ними ярко освѣщенныя

окна церкви. На паперти, полулежа, дремало нѣсколько нищихъ. Дорога Шмулю была мимо этой церкви. Отдохнувъ, онъ всталъ, пошелъ далѣе, поровнялся съ церковною оградой и повернулъ къ паперти. „Дай, посмотрю,—подумалъ онъ: — какъ молятся христіане; никогда не былъ въ ихъ храмѣ“. Дверь въ церковь была отворена. На портнаго, въ сумеркахъ, никто не обратилъ вниманія. Онъ вошелъ въ церковь.

Былъ канунъ приходскаго праздника. Убранный особенно торжественно, со множествомъ горящихъ передъ иконами свѣчей, позолоченный алтарь, въ кадильномъ дыму, точно плавалъ на воздухѣ по облакамъ. Въ его раскрытыхъ вратахъ стоялъ, въ бѣлой, изъ серебрянаго глазета, ризѣ, съ сѣдою, длинною бородой, священникъ. Онъ тихо возглашалъ моленіе. Хоръ любителей, изъ купцовъ этого прихода, вторилъ ему, съ незримаго за колоннами клироса, переливами нѣжныхъ, на диво спѣвшихся голосовъ, среди которыхъ, какъ отъ звука дальняго грома, изрѣдка и въ мѣру слышалось гудѣніе мощнаго баса. Шмуль почувствовалъ, какъ-бы нѣчто вдругъ подхватило его и стало уносить куда-то вверхъ, далеко-далеко. Надъ нимъ и вкругъ него звучало и вѣяло что-то волшебное, неземное. „Свѣте тихій“, слышалось отъ клироса. Волосы шевельнулись на головѣ Шмуля, и весь онъ стоялъ, охваченный мучительнымъ и сладкимъ трепетомъ. Церковь опустѣла, служба кончилась. Вслѣдъ за прочими богомольцами, вышелъ на улицу и портной.

Долго-ли онъ пробылъ въ церкви и какъ добрелъ до своего подвала, раздѣлся и легъ спать, онъ мало впослѣдствіи помнилъ. Ясно сознавалъ онъ одно, что усталость и голодъ въ то время мгновенно оставили его. Онъ почувствовалъ себя бодрымъ, спокойнымъ и готовымъ на новую работу. Должникъ-адвокатъ выигралъ безнадежное выгодное дѣло и неожиданно расплатился съ нимъ. Прочіе заказчики, точно условясь, также въ непродолжительномъ времени уплатили свои долги. Одни прислали деньги черезъ прислугу; другіе для расплаты сами явились къ Шмулю на квартиру, да еще съ извиненіями за просрочку. „Что за диво!“ изумлялся портной: „не только рыночники, капитанша-ростовщица, даже скалыга участковый приставъ не только расплатился до копѣйки, а еще заказалъ другое платье и, чего не бывало прежде, на матеріалъ далъ впередъ деньги“. Новые заказы посыпались въ то же время такъ, что портной взялъ къ себѣ въ помощь подмастерья, вскорѣ затѣмъ другаго, а спустя полгода перебрался изъ подвала въ просторную и теплую комнату, о двухъ окнахъ, на антресоляхъ двухъ-этажнаго деревяннаго дома, въ переулкѣ на Плющихѣ. Дѣтямъ онъ купилъ по полдюжинѣ бѣлья, новые сапоги и шубейки,

и себя не забылъ: справилъ себѣ, вмѣсто помятаго цилиндра, еще малоподержанную, поярковую шляпу котелкомъ и — съ чьего-то плеча — теплое, длинное пальто съ барашковымъ воротникомъ. Дѣти по двору стали бѣгать сытыя, пузатыя, такъ какъ постная лапша съ лукомъ у Шмуля смѣнилась теперь бараниной, клецками и рубцами. Отощавшій до крайности, кривоногій песъ Шарикъ тоже теперь ходилъ сытый и пузатый, лукаво помахивая закорюченнымъ, наполовину облѣзлымъ, въ голодные дни, хвостомъ, какъ бы говоря: „что́ взяли? вотъ мы каковы!“ Дѣла Шмуля вскорѣ наконецъ пошли такъ хорошо, что онъ сталъ подумывать и о вывѣскѣ. Въ одномъ было препятствіе: домъ, гдѣ онъ жилъ, стоялъ въ глубинѣ грязнаго дровянаго двора, такъ что вывѣски изъ-за дровъ, съ переулка, пожалуй, не было бы видно.

Кончая теперь заказанную работу, Шмуль весело бралъ ее подъ мышку и съ тросточкой, въ модномъ котелкѣ и новомъ пальто шелъ по улицамъ въ такомъ духѣ, что самъ удивлялся. „Это все за мою правду и честность Богъ послалъ“,—разсуждалъ онъ, гордо выступая двойными подошвами по панели: — „за то, что я всѣ обряды и правила Израиля соблюдаю, какъ слѣдуетъ“.

И дѣйствительно, евреи того и ближнихъ околотковъ знали доподлинно, что Шмуль никогда въ ротъ не бралъ свинины, — не только въ видѣ жирной ветчины, но и самыхъ невинныхъ, тощихъ сосисокъ, а съ пятницы подъ субботу, какъ ни требовали того срочные и спѣшные заказы, сидѣлъ съ дѣтьми въ потемкахъ, не зажигая огня. Что же касается празднованія субботы, онъ соблюдалъ ее до того строго, что не ходилъ въ этотъ день ни къ заказчикамъ, ни въ лавку за припасами, и даже не топилъ печки, заготовляя пищу, какъ установлено Талмудомъ, наканунѣ. Разъ, впрочемъ, встрѣтился великій соблазнъ: приходилось отправиться съ работой за деньгами именно въ субботу. Шмуль и помедлилъ бы, но выгодный заказчикъ жилъ на другомъ концѣ Москвы и въ тотъ день съ утра покидалъ городъ. Памятуя, что Израилю въ день субботній воспрещены всякія поѣздки, кромѣ морскаго путешествія, то-есть ѣзды на водѣ, Шмуль сѣлъ въ вагонъ конки, подложивъ подъ себя бутылку съ водой, и спокойно на ней съѣздилъ за деньгами.

„Вотъ, говорятъ,“ — разсуждалъ онъ: — „плохо евреямъ. Оно правда: на улицѣ мальчишки показываютъ тебѣ, свернувъ изъ полы платья, свиное ухо, зовутъ тебя пархатымъ, нечистымъ. А отчего нечистота? Отъ бѣдности. Дай евреямъ волю вездѣ жить, дѣлать честно дѣла, богатѣть, развѣ то будетъ? Не одинъ ли у всѣхъ Богъ? Я тружусь, не пьянствую, забочусь о дѣтяхъ, вотъ Богъ оттого и склонился ко мнѣ, за правду, оттого и улучшились мои дѣла“.—

„Оттого-ли, однако?“ —раздумывалъ иногда Шмуль:— „не было-ли тутъ другой причины?“ Въ голову ему сама собой приходила мысль, что поправка въ его дѣлахъ началась, какъ нарочно, съ того вечера, когда онъ, истомленный ходьбой, голодомъ и жаждой, нежданно зашелъ въ христіанскій храмъ и постоялъ тамъ какихъ-нибудь полчаса. „Случай, не болѣе!“ —старался себя увѣрить Шмуль: — „вѣдь я вовсе не молился тамъ... фуй! развѣ я осмѣлился бы? Ну, и что такое, наконецъ, если я, зайдя въ ту церковь, послушалъ, какъ сѣдой попъ читаетъ тамъ молитвы и какъ поютъ купеческіе пѣвчіе? Впрочемъ, очень хорошо поютъ и столько въ церкви образовъ, такъ пахнетъ въ ней ладаномъ и свѣтло,—не то, что въ нашей темной, бѣдной и всегда печальной синагогѣ“.

Дѣла портнаго становились все лучше. Явились у него заказчики и изъ военныхъ. Нѣкій подполковникъ, получивъ въ командованіе батальонъ, заказалъ ему для себя цѣлую новую обмундировку: лѣтнюю, зимнюю, будничную и парадную. Шмуль нажилъ на этомъ не мало. За командиромъ обратились къ нему съ заказами и офицеры того батальона.

— Отчего ты, любезный, не заведешь вывѣски?—говорили ему офицеры:—шьешь не хуже модныхъ портныхъ, а тебя почти никто не знаетъ...

Шмуль подумалъ и завелъ вывѣску. Дровъ къ началу лѣта во дворѣ стало менѣе, и огромная вывѣска: „Портной изъ Варшавы— Августъ Самойловъ“ —стала всѣмъ видна съ переулка. Въ числѣ новыхъ давальцевъ къ Шмулю, передъ осенью, явился, съ заказомъ новой суконной рясы, не старый еще сосѣдній протоіерей. Шмуль снялъ съ него мѣрку, сходилъ въ гостиный дворъ, гдѣ забиралъ товаръ, и, зайдя на квартиру протоіерея, выложилъ передъ нимъ штуку тончайшаго, съ заграничной пломбой, сукна. Заказчику очень понравился товаръ.

— Суконце важное... А давно-ли мастеришь въ нашихъ краяхъ?— спросилъ священникъ, гладя сукно по ворсу и противъ ворса и приглядываясь къ нему на свѣтъ.

Польщенный похвалой важнаго духовнаго лица, Шмуль сообщилъ ему о своемъ прошломъ и не утерпѣлъ, кстати, разсказать, какъ онъ случайно, годъ назадъ, зашелъ вечеромъ въ церковь и какъ съ той поры совершенно неожиданно поправились его дѣла.

— Крестись, чадо! — отвѣтилъ ему на это священникъ: — перстъ Божій указываетъ тебѣ, какъ и что дѣлать.

Шмуль не нашелся, что отвѣтить на это, и промолчалъ. Выйдя въ нѣкоторомъ смущеніи отъ священника, онъ несмѣло прошелъ нѣсколько шаговъ по улицѣ и тряхнулъ головой.

„Вотъ еще что выдумалъ!“ —сказалъ онъ себѣ въ неудовольствіи: — „точно не всякая вѣра сильна у Бога,—точно ихъ вѣра праведнѣе и сильнѣе! Не мало господъ и прежде,—да какіе,—генералы, графы, богачи,—особенно полковница Ульянова,—два дома у нея, на Стоженкѣ и Мясницкой, — предлагали мнѣ то же... Устоялъ, однако, бѣдный еврейчикъ въ вѣрѣ въ дни всякаго горя, — теперь-же и пуще того устою!“

Съ осени Шмуль принанялъ, рядомъ съ прежнею своею комнатою, на антресоляхъ, еще другую; въ прежней помѣщался онъ самъ съ дѣтьми, а въ новой работали и спали его подмастерьи. Старуха-кухарка нижнихъ жильцовъ, — сапожниковъ, тоже евреевъ, — была договорена варить ему обѣдать и ставить самоваръ. Къ зимѣ дрова опять завалили дворъ. „Надо весной искать другую квартиру,“ — думалъ портной: — „вывѣски не видно съ переулка; впрочемъ, еще мѣсяцъ-другой такой работы, можно перейти не только на Арбатъ, а хоть и на Тверскую“.

Стояла морозная погода. Дѣти Шмуля рѣже стали выбѣгать во дворъ и на улицу и скучали взаперти. Онъ справилъ имъ теплыя шапки, рукавицы и калоши. Рѣзвый сынишка спускался разъ въ новыхъ калошахъ по крутой обледенѣлой лѣстницѣ, поскользнулся и со втораго этажа скатился по ступенькамъ внизъ.

— Тату, тату!—закричала Ривка, вбѣгая къ отцу:—тамъ Іоська упалъ, лежитъ и не дышетъ.

Шмуль бросился къ сыну, поднялъ его: мальчикъ былъ какъ мертвый. Онъ внесъ его въ комнату, тёръ ему виски, брызгалъ въ лицо водой,—Іоська лежалъ бездыханный.

„Умеръ! а не умеръ, непремѣнно помретъ!“ въ ужасѣ думалъ Шмуль, прислушиваясь къ чуть слышному дыханію сына и вглядываясь въ его безжизненное рябое личико. Сбѣжались сосѣди; были приведены знахари и знахарки. Но что они ни дѣлали, что ни предпринимали, мальчикъ не приходилъ въ себя. Такъ онъ, въ безсознательномъ состояніи, пролежалъ нѣсколько дней. Въ длинныя, темныя ночи, просиживая, при свѣтѣ ночника, надъ сыномъ, Шмуль безнадежно ломалъ надъ нимъ руки, билъ себя въ грудь, или, по обычаю единоплеменниковъ, босой, въ разорванномъ бѣльѣ, забивался въ уголъ, посыпалъ себѣ голову золой и, тихо всхлипывая, повторялъ: „Богъ Исаака и Іакова! опять Ты отвернулся отъ меня, жестокій, опять караешь и казнишь неповиннаго! за что, вай-миръ, за что?“

Вьюга гудѣла на дворѣ, снѣгъ ледяными ворохами билъ въ окна. Ночникъ догоралъ, а Шмуль до утра не смыкалъ глазъ, не отходилъ отъ сына. Въ одну изъ такихъ ночей, измученный долгою без-

сонницей, онъ забылся короткою дремотой и вдругъ, точно ударилъ его кто-нибудь по головѣ, очнулся. Впотьмахъ надъ нимъ прозвучало странное слово. Онъ явственно разобралъ чей-то тихій, но властный голосъ: „Крестись!“ Думая, что это ему приснилось, онъ закрылъ глаза; но опять услышалъ: „Хочешь спасти дитя, крестись!“ Вскочивъ съ полсти, на которой онъ прилегъ у кровати сына, Шмуль оправилъ потухшій ночникъ, осмотрѣлся кругомъ. Въ комнатѣ, кромѣ дѣтей, не было никого. Ривка мирно спала на лежанкѣ, въ одномъ углу комнаты; въ другомъ, по прежнему, какъ мертвый, лежалъ неподвижно Іоська. Шмуль отошелъ къ окну, вперилъ глаза въ надворье, гдѣ, злобно кружась, гудѣла вьюга, и задумался.

— Крестись!—громче раздался за его плечами тотъ-же голосъ.

Ужасъ охватилъ Шмуля.

„Да для чего-же?“—сказалъ онъ себѣ:—„чѣмъ одна вѣра выше другой? сына моего, мертваго Іоську, не спасти теперь никому!“ Шмуль оглянулся и замеръ. У кровати сына стояло что-то бѣлое. На слабыхъ, худыхъ ножкахъ, кто-то, шатаясь, шелъ къ нему, протянувъ руки. Портной бросился къ призраку: то былъ его очнувшійся Іоська. Весь домъ утромъ сбѣжался на радостные крики Шмуля, дивясь на мальчика, который столько времени былъ какъ мертвый и ожилъ.

— Это по вѣрѣ моей, по вѣрѣ отцовъ!—всѣмъ твердилъ и объяснялъ Шмуль:—Богъ израиля, владыко нашъ, явилъ мнѣ такую милость!

Въ несказанномъ счастьѣ отъ спасенія сына, Шмуль сталъ обдумывать, чѣмъ бы ознаменовать эту радость, и рѣшилъ пожертвовать въ синагогу цѣнную пелену на свитки священныхъ книгъ Торы. Справившись, однако, о ея стоимости, онъ остановился съ исполненіемъ жертвы. „Дорого, не по карману!“—разсуждалъ онъ, вспомнивъ жену:—„будь жива Сурра, купилъ-бы одну матерію, а она вышила-бы; теперь лучше пожертвую коврикъ къ каѳедрѣ,—это будетъ дешевле... Да и коврикъ не подождать ли, пока болѣе соберусь со средствами? Вѣдь тоже не мало обойдется; дешевый неприлично, да и не примутъ. Къ тому-же времени и Іоська подростетъ, станетъ учиться грамотѣ; введу его въ синагогу, да кстати простелю тамъ, при всѣхъ, и коверъ...“

Мысли о возвращенномъ къ жизни сынѣ не выходили изъ головы Шмуля. Онъ думалъ объ его будущности, воображалъ его себѣ красивымъ, стройнымъ отрокомъ, потомъ разумнымъ юношей, на выучкѣ въ хедерѣ, у первыхъ по знаніямъ меламдовъ. Іоська давно вытвердилъ по Сидеру всѣ молитвы, прошелъ Хумешъ (Пятикнижіе) и изучаетъ Мишну и Талмудъ. На степеннаго острослова-ученика

заглядываются въ синагогѣ первые еврейскіе тузы. Его черныя кудри вьются до плечъ, какъ у Авессалома; рябины на лицѣ съ годами исчезли, а уменъ и находчивъ онъ, какъ его соименникъ, прекрасный Іосифъ, и стихи пишетъ, какъ Давидъ. Наука кончена, Іоська поступилъ въ банкирскую контору, да какія дѣла дѣлаетъ!—Вотъ, изъ тщедушнаго и жалкаго мальчика выйдетъ если не самъ реббе Ротшильдъ или реббе Монтефіоре, то по крайней мѣрѣ баронъ Френкель.

Прошло еще нѣкоторое время. Шмуль выгодно купилъ, по случаю, мягкой мебели, горшковъ съ цвѣтами, ситцевыя занавѣски на окна.

У какого-то закладчика, также случайно и выгодно, онъ купилъ къ дивану и красивый коверъ. Совѣсть шевельнулась у него.

„Какъ же это?"—мыслилъ онъ:—„я положу коверъ у себя, а обѣщалъ на синагогу?—Ничего!"—утѣшалъ онъ себя:—„я обѣщалъ новый, а это подержанный, для синагоги не идетъ".

Жилье Шмуля совсѣмъ перестало походить на скудный уголъ убогаго поденщика. Фарфоровая посуда красовалась за стекломъ на горкѣ, по стѣнамъ были развѣшаны хромолитографіи, на столѣ передъ диваномъ стояла лампа. Одно смущало его: по комнатамъ ходилъ все тотъ же лохматый и кривоногій, съ закорюченнымъ, облѣзлымъ хвостомъ, Шарикъ. Собака съ нѣкотораго времени такъ опротивѣла Шмулю, что онъ сталъ забывать объ ея пищѣ, а когда дѣти кормили ее, ворчалъ и гналъ ее отъ себя. „Надо сбыть эту уродину!"—думалъ портной, глядя на Шарика, умильно ластившагося къ нему:—„у полковницы Ульяновой отличные бѣлые пуделя, ходятъ наполовину стриженые, задъ безъ шерсти и морда пострижена, такъ что торчатъ только усы да брови, а на шеѣ голубые банты; непремѣнно выпрошу у нея щенка, а этого хоть отдать прохвостамъ, на живодерню,—одно жаль, покойница Сурра выкормила его. Отвелъ бы на толкучку, подъ Сухареву,—да кто купитъ?"

Рѣшеніе сбыть Шарика такъ засѣло въ голову Шмуля, что онъ безъ досады уже не могъ видѣть его, а когда тотъ при встрѣчѣ бросался по привычкѣ къ нему, онъ даже угощалъ его пинками.

„Вотъ чортовъ песъ",—отмахиваясь, думалъ Шмуль:—„лѣзетъ на грудь, выпачкалъ всего грязными лапищами и не думаетъ, гдѣ вскорѣ очутится".

Сшивъ на собаку ошейникъ, портной выбралъ бичевку и повелъ Шарика на рынокъ; но собака, всегда охотно слѣдовавшая за портнымъ, тутъ вдругъ почему-то запрыгала, вмѣсто четырехъ, на трехъ ногахъ, поджавъ одну изъ заднихъ,—можетъ быть, вслѣдствіе примерзшаго къ ней комка снѣга.

„Нѣтъ, подожду",—подумалъ Шмуль:—„пусть выходится, еще забракуютъ хромую".

Судьба Шарика была отсрочена.

Былъ холодный и темный вечеръ въ концѣ зимы. Порывистый вѣтеръ раскачивалъ безлистыя, обледенѣлыя деревья сзади дома, въ которомъ была квартира портнаго. Жильцы двухъ нижнихъ этажей этого дома давно погасили огни и спали. Дѣти Шмуля, набѣгавшись на дворѣ, также уже улеглись. Спали въ сосѣдней комнатѣ мезонина, побывавъ съ вечера въ банѣ, и оба подмастерья. Шмуль, пока было свѣтло, на-скоро выутюжилъ конченную чью-то пару платья и тоже улегся, сердясь на кухарку нижнихъ жильцовъ, которая съ обѣда куда-то отлучилась и во-время не поставила вечерняго самовара, и когда внесла его, онъ такъ сильно дымилъ, что вообще покладистый нравомъ Шмуль раскричался и велѣлъ вынести его на лѣстницу за дверь. Подмастерьи, послѣ обычной еженедѣльной бани, показались ему тоже подозрительными: смѣялись громко, отвѣчали, точно хмѣльные, невпопадъ, а ложась спать, такъ долго возились за тонкою дощатою стѣной, что Шмуль не выдержалъ и крикнулъ:

— Цыцъ! шарлатаны! пьяницы! Откуда взяли денегъ, надрызгались? Я васъ!

Наморившись за день на ходьбѣ по заказчикамъ и на работѣ, портной вскорѣ заснулъ. Холодный вѣтеръ продолжалъ еще шумѣть на дворѣ, раскачивая деревья; зато въ комнатѣ было такъ уютно и тепло. Къ полночи вѣтеръ замолкъ. Кругомъ настала тишина. Слышно было въ комнатѣ, гдѣ-то въ углу, только позвякиванье сверчка, да Шарикъ, переходя отъ жарко натопленной печи на болѣе прохладную средину комнаты и опять возвращаясь къ печи, то мирно дремалъ, то вдругъ поднималъ голову и тревожно, съ просонья, навострялъ уши, точно обнюхивалъ темный воздухъ.

Шмулю приснился дивный и радостный сонъ. Онъ увидѣлъ себя вдругъ въ раззолоченной какой-то комнатѣ, въ компаніи пышныхъ богачей. На каждомъ были дорогія платья и каждый съ похвалой говорилъ, что это работа Шмуля. Среди хвалившихъ и славившихъ его богачей, портной разглядѣлъ и своего Іоську; но это уже былъ не Іоська и даже не Іосель, а гордый, съ крупными брилліантами на манишкѣ и на перстняхъ, милліонеръ-банкиръ, баронъ Іосифъ Шмуленштейнъ. Всѣ были веселы и шумны, пили дорогія вина и играли въ карты по большой. Одно обстоятельство нѣсколько безпокоило Шмуля, а именно, не совсѣмъ чистый и пріятный воздухъ въ раззолоченной палатѣ. Пахло какъ бы дымомъ или гарью. „Треклятая стряпуха забыла, значитъ, на лѣстницѣ самоваръ!“ — подумалъ Шмуль и самъ невольно улыбнулся во снѣ этой неподходящей мысли. — „Какая глупость!“ — рѣшилъ онъ, сладко потяги-

ваясь на кровати:—„ну, можетъ-ли стряпуха Мавра даже попасть въ такой домъ?“

Ѣдкая гарь, однако, усиливалась. Кто-то простоналъ у изголовья портнаго, кто-то тронулъ его чѣмъ-то теплымъ за руку, потомъ за лицо. „Тьфу! не Шарикъ-ли вздумалъ ластиться?“—пришло въ голову Шмуля:—„и зачѣмъ я этого аспида оставилъ тутъ, не прогналъ на морозъ?“ Портной очнулся. На дворѣ была еще ночь, но въ комнатѣ что-то свѣтилось. Шмуль протеръ глаза. У кровати, странно визжа, дѣйствительно метался Шарикъ. Портной уже собирался вытолкать его за дверь, но остановился. Комната наполовину была полна дымомъ. Очевидно, горѣло гдѣ-то невдали, чуть-ли даже не здѣсь, на антресоляхъ. Сквозь щели притворенной двери изъ корридора мерцалъ огонь. Шмуль вскочилъ, отворилъ дверь и вскрикнулъ. Корридоръ былъ полонъ дыма. Онъ поспѣшилъ къ лѣстницѣ. Пламя хлынуло ему на встрѣчу. Огненные языки вились надъ выходомъ и уже касались перегородки, за которою спали подмастерьи. Портной бросился къ дѣтямъ, подхватилъ ихъ сонныхъ на руки и, прикрывъ одѣяломъ, побѣжалъ сквозь удушливый дымъ къ выходу и замеръ въ ужасѣ. Путь на лѣстницу былъ уже прегражденъ. Портной распахнулъ выходную дверь... Лѣстница сверху до низу пылала. Шарикъ съ визгомъ скользнулъ мимо Шмуля и стремглавъ кинулся по ступенямъ въ это пламя.

„Боже Господи! Богъ Единый!“ въ смертномъ страхѣ мыслилъ портной, кинувшись обратно въ комнату и запирая за собой дверь въ корридоръ:—„лѣстница въ огнѣ, другаго выхода нѣтъ, а дымъ и пламя увеличиваются, скоро вспыхнетъ и это послѣднее убѣжище. Что дѣлать? Что предпринять?“

Спустивъ на полъ испуганныхъ огнемъ, кричавшихъ и хватавшихся за него дѣтей, Шмуль подошелъ къ окну. Во дворѣ было тихо. Жильцы нижнихъ этажей, очевидно, еще спали, не зная, какая бѣда грозила имъ. Портной выбилъ стекла въ окнахъ, выломалъ рамы, высунулся наружу и сталъ кричать:

— Пожаръ! вай-миръ! гевалтъ! спасайтесь! горимъ!

Отклика не было. Шмуль еще громче повторилъ крики. Въ переулкѣ замелькали тѣни. Кто-то оттуда сталъ ломиться въ запертыя ворота. Верхній этажъ дома, между тѣмъ, разгорался, застилая дворъ дымомъ и освѣщая краснымъ отблескомъ остатки сложенныхъ возлѣ дома дровъ.

„Сгоримъ, сгоримъ, какъ солома!“ — съ содроганіемъ думалъ портной:—„а чѣмъ спасти хоть бы дѣтей?“ Онъ упалъ ницъ и сталъ горячо молиться. „Спаси Израиля, Богъ Авраама, Исаака и Іакова! Богъ Единый, помилуй и помоги!.. Не меня, спаси хоть ма-

лыхъ дѣтей...“ Шмулю вспомнилось, что онъ обѣщалъ жертву на синагогу и не выполнилъ ея. „Не только коверъ, пелену куплю и внесу!“—шепталъ онъ трясущимися отъ страха губами:—„все прозакладую, отдамъ... все!“—И онъ бросился къ кроватямъ, сорвалъ съ нихъ простыни и одѣяла, связалъ ихъ въ длинный канатъ и сталъ концомъ его обматывать плачущую дочку. „Она легче, не оборвется и крѣпче стянетъ узлы!“—думалъ онъ: — „за нею спущу и сына“.

— Не плачь, Ривка! — говорилъ онъ дочери: — спасу тебя въ окошко, не бойся, видишь, на этихъ связкахъ, а ты, какъ только станешь на-земь, развязывайся скорѣй.

Дымъ врывался въ комнату болѣе и болѣе; въ ней становилось трудно дышать. Огонь, треща за дверью, охватилъ, очевидно, весь корридоръ. Надъ притолкомъ корридорной двери уже мелькали огненныя змѣйки. Портной быстро спустилъ изъ окна дѣвочку, вздернулъ канатъ обратно и сталъ обвязывать имъ сына. Ворота во дворъ растворились. Подъ окнами, въ дыму, который валилъ уже и изъ остальныхъ этажей, двигались люди. Нижніе жильцы проснулись, выбрасывая въ окна, впопыхахъ, разную рухлядь.

— Помогите, держите!—закричалъ Шмуль, бережно спуская изъ окна сына.

Снизу увидѣли его, отстраняясь отъ дыма, протянули руки и приняли Іоську, но при этомъ такъ потянули канатъ, что портной не удержалъ его и выронилъ изъ рукъ.

Шмуль обмеръ въ ужасѣ. Онъ понялъ, что спасенія ему болѣе нѣтъ. Онъ долженъ былъ неминуемо сгорѣть. Удушливый, жгучій дымъ, захватывая дыханіе, летѣлъ къ открытымъ окнамъ, вырываясь сквозь нихъ багрово-темными клубами. Портной высунулся на мгновенье въ окно, взглянулъ внизъ и увидѣлъ, что броситься туда съ трехсаженной высоты—значило разбиться вдребезги. Онъ схватилъ коверъ, набросилъ его на голову и безпомощно припалъ въ уголъ подъ окномъ.

„Здѣсь постигнетъ меня послѣдняя участь“, — думалъ онъ, замирая:—„хлынетъ пламя, вспыхнетъ одежда, задохнусь, сгорю...“ Ему вспомнился въ этотъ мигъ Шарикъ. „Бѣдный, вѣрный песъ!“—сказалъ онъ себѣ:—„я гналъ его, хотѣлъ сбыть, а онъ-то и разбудилъ меня, сохранилъ жизнь дѣтямъ и самъ, какъ бы показывая путь, бросился въ огонь...“

Страшныя секунды летѣли. Шумъ и гулъ пожара увеличивались. Пылавшая корридорная дверь съ трескомъ рухнула. Портной

невольно выглянулъ изъ-подъ ковра и обмеръ. Ярко освѣщенная комната была въ огнѣ; горѣла мебель и занавѣски оконъ. Шмуль сбросилъ съ себя коверъ... Внезапная мысль охватила его.

„Богъ Израиля не далъ мнѣ всей помощи, отвернулся отъ меня!“ — подумалъ онъ: — „неужели же точно есть другой Богъ, милостивѣе и сильнѣе? И неужели оттого только, что я зашелъ въ Его свѣтлый храмъ, вся жизнь моя стала лучше? И я не понялъ Его зова, остался глухъ къ Нему... Лучше сразу разбиться, чѣмъ медленно сгорѣть...“

Шмуль вскочилъ на подоконникъ, уцѣпился за него, свѣсилъ ноги наружу и на мгновеніе помедлилъ. Клубы дыма душили его; волосы на головѣ и бородѣ затрещали. Шмуль закрылъ глаза, поднялъ руку и, мысля: „Богъ христіанскій! Іисусъ, спаси меня, бѣднаго!“ — осѣнилъ себя крестомъ и бросился изъ окна...

Черезъ недѣлю въ церкви близъ Садовой полковница Ульянова принимала отъ купѣли новаго христіанина. То былъ портной Айзикъ Шмуль. Въ бѣлой, длинной рубахѣ, съ розовою лентой вмѣсто пояса, онъ принялъ крещеніе не одинъ, а съ дѣтьми. Сіяющій и радостный стоялъ онъ во время обряда, слушая молитвы и думая: „Нѣтъ, не простой случай, не выкинутая изъ нижняго жилья чья-то перина, какъ увѣряли тогда, спасла меня. Едва я сорвался и бросился въ темную, страшную пропасть, точно нѣкія, огненно-голубыя крылья подхватили меня, и на нихъ-то я бережно спустился и невредимъ сталъ на ноги... Святъ Господь Іисусъ Христосъ! И нѣтъ выше, радостнѣе вѣры въ Него!“

А у воротъ новой квартиры портнаго, въ домѣ его крестной, Ульяновой, въ обществѣ бѣлыхъ пуделей хозяйки, сидѣлъ на заднихъ лапахъ, съ виляющимъ хвостомъ, уцѣлѣвшій на пожарѣ Шарикъ. Онъ не былъ выстриженъ, такъ какъ изъ огня выскочилъ совершенно безъ шерсти; но зато былъ чисто вымытъ и въ голубомъ ошейникѣ, какъ и пуделя, поглядывалъ на улицу съ такимъ спокойствіемъ, какъ бы ничего особаго съ нимъ и не было.

1890 г.

ДѢВОЧКА.

(ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ ОБЪ ОДНОЙ ПТАШКѢ).

Его высокородіе господинъ полиціймейстеръ Сантуринъ вѣнчался съ туземною барышней. Розами устилался путь новобрачныхъ. Будочники стояли въ новыхъ мундирахъ и съ нафабренными усами. Завитые и распомаженные щеголи выскакивали изъ зала перваго губернскаго парикмахера, мосье Исидора, что на Московской улицѣ (въ какомъ городѣ ихъ у насъ нѣтъ!), и уносились, — кто въ церковь, а кто домой, въ ожиданіи вечера.

Непомѣрно скверенъ былъ только день, мрачно противорѣчившій восторженному настроенію гражданскихъ сердецъ.

Въ ту минуту, какъ среди смолкнувшаго городскаго шума и горячечной суеты купцовъ, готовившихъ иллюминацію, кончилась брачная церемонія и счастливый *молодой*, носившій въ одномъ ухѣ вату, а въ другомъ волокна морскаго каната, протянулъ свои губы къ розовымъ губкамъ сочетавшейся съ нимъ барышни,—въ отдаленнѣйшемъ изъ закоулковъ города къ небольшому домику подкатила коляска, вся перепачканная грязью. Въ коляскѣ былъ губернскій землемѣръ вообще и краснорѣчивый Жюль Фавръ въ особенности, Щуковичъ, перезябшій до-нельзя подъ октябрьскимъ туманомъ и голодный отъ неустаннаго сидѣнія за планами безконечнаго, тщетнаго полюбовнаго размежеванія туземныхъ аборигеновъ. Онъ радъ былъ, что пара сѣрыхъ рысаковъ наконецъ примчала его къ домашнему порогу, и, вбѣжавъ въ переднюю, крикнулъ: „обѣдать!“ Нанятый слуга его, Михайло, вмѣсто отвѣта, упалъ ему въ ноги...

— Это что такое? Что за китайскія церемоніи?

— Такъ и такъ, ваше высокоблагородіе, смилуйтесь! Защитите и спасите сироту безродную; не оставьте моей племянницы...

— Да что ты за чепуху несешь? Денегъ тебѣ, что ли, на выпивку нужно? Говори прямо!

Михайло опять въ ноги.

— Нѣтъ, не денегъ, а вотъ какая притча... Съ этими словами онъ выдернулъ за руку изъ своей конурки дѣвочку лѣтъ четырнадцати-пятнадцати, въ платочкѣ на головѣ, съ красными и отъ слезъ припухшими глазами.

— Это-съ моя племянница, — началъ Михайло, всхлипывая: — мы одной деревни; я по пашпорту, извѣстно вашей милости, а она въ бѣлошвейной, въ обученіи, у парикмахера Исидора, на Московской, при магазинѣ отдана. Уже второй годъ она у него... Только французъ этотъ — пріударилъ за ней... Ну, извѣстное дѣло, дитя... Что-же-съ? Убивалась она, плакала, плакала, — сбѣжать хотѣла... А вчерась онъ, окаянный, съ ночи опоилъ ее чѣмъ-то, или такъ задобрилъ,—задарилъ, выходитъ, что ли, лакомствами всякими,—заперъ ее подъ видомъ ареста за лѣность... Ну, а нынче вотъ прибѣжала ко мнѣ... Что ужъ тутъ!.. Какъ его земля носитъ, окаяннаго!.. продолжалъ Михайло, уже громко рыдая и произнося каждое слово съ усиліемъ.

— Вотъ что! — повторялъ про себя Щуковичъ, качая головою, и спросилъ дѣвочку: — Какъ тебя зовутъ?

— Фрося...

— Правда ли все это, что говоритъ твой дядя?

Слезы закапали изъ глазъ дѣвочки... Круглыя, побѣлѣвшія отъ страха и отчаянія, полныя губки вздрогнули. Посинѣлое, маленькое личико отклонилось въ сторону. Она стала перебирать конецъ косынки...

— Говори же, не бойся! Правда это?

Дѣвочка опять смолчала. Наконецъ, послѣ долгихъ приставаній Щуковича и Михайлы, чуть слышно отвѣтила:

— Правда...

Кровь кинулась въ голову Щуковича. Онъ былъ грозою мѣстныхъ Донъ-Жуановъ и казнокрадовъ, и тщетно три губернатора сряду, правившіе губерніею, старались сбыть его съ рукъ. Его спасало собственное начальство. Онъ представлялъ зародышъ тѣхъ адвокатовъ, которымъ суждено, вѣроятно, вскорѣ начать новую эпоху въ русскомъ судопроизводствѣ. Онъ могъ ясно, почти осязательно излагать самыя запутанныя дѣла, онъ уже прославился рѣшеніемъ нѣсколькихъ давнишнихъ процессовъ, ежегодно загромождавшихъ мѣстныя присутствія грудами бумагъ, и губернія кричала о немъ. Со всѣмъ увлеченіемъ пылкаго юриста, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, Щуковичъ бросался на каждое дѣло и велъ его побѣдоносно до конца. Ничѣмъ не пренебрегалъ онъ. Богачи осыпали его за рѣшеніе своихъ тяжбъ огромною платой, подарками каменныхъ до-

мовъ, рысистыхъ лошадей, экипажей и просто золотомъ; съ бѣдняковъ онъ не бралъ ничего. Разводя въ свободное время садъ при маленькомъ домикѣ, въ концѣ города, гдѣ жилъ онъ самъ, Щуковичъ, кромѣ того, страстно слѣдилъ за родною литературой, втихомолку пописывалъ стишки, любилъ декламацію и, читая много медицинскихъ сочиненій, занимался даромъ врачебною практикой. Множество бѣдныхъ людей ходили къ нему совѣтоваться, и онъ всѣмъ помогалъ; а сосѣднія мѣщанки, вдовы-солдатки и хуторяне подгородныхъ селъ считали его отцемъ, за нѣсколько счастливыхъ и дѣйствительно поразительныхъ опытовъ лѣченія самоучкой. Вотъ этотъ-то господинъ крикнулъ: „лошадей не отпрягать!“ Посадилъ съ собою въ коляску Михайлу и дѣвочку и полетѣлъ искать суда на обидчика-француза. Никогда еще задоръ такъ не овладѣвалъ Щуковичемъ, какъ теперь. Не обращая вниманія на то, что было уже четыре часа по-полудни и что голодъ давно уже его мучилъ, онъ хотѣлъ разомъ накрыть преступника, и, разумѣется, въ голову ему не приходило, чтобы тутъ не одержалъ побѣды *онъ*, одержавшій столько побѣдъ въ мірѣ юридическомъ.

Коляска подлетѣла къ дому младшаго полиціймейстера. Какъ угорѣлый, влетѣлъ Щуковичъ въ переднюю и въ пріемную.

— Павелъ Николаевичъ! Нужны ваши быстрыя и неотразимыя мѣры! Вы у меня въ долгу: помогите! Дѣло вопіющее. Я привезъ дѣвочку, одну дѣвочку здѣшнюю. Такъ и такъ...

Младшій полиціймейстеръ, въ ожиданіи вечера у своего главы отдыхавшій послѣ жирнаго обѣда у какого-то купца и разбуженный собственно для Щуковича, выслушалъ его съ измятымъ лицомъ, зѣвнулъ, подошелъ къ зеркалу, взглянулъ на свой языкъ и, гладя бакены отъ ушей къ носу, отвѣтилъ:

— Охъ, ужъ вы мнѣ адвокаты! Не оберется отъ васъ Россія хлопотъ! Оно, дѣйствительно,—этотъ Исидоръ извѣстный пакостникъ и негодяй! Да что же дѣлать съ нимъ, хоть бы и мнѣ? Не далѣе, какъ вчера, губернаторъ велѣлъ мнѣ подать въ отставку... ну, я и подалъ! Оно, разумѣется, я еще не уволенъ... Да кто же поручится, что мой преемникъ не соблазнится на благодарность со стороны обвиняемаго и не повернетъ слѣдствія въ его сторону? Вѣдь дѣло уголовное, тутъ пахнетъ острогомъ, — и французъ ничего не пожалѣетъ... Знаю я его!.. А кто-съ началъ слѣдствіе-съ? А? Кто началъ? Я-съ, Павелъ Николаевъ, сынъ Трощенко! Ну, и упекутъ меня же подъ судъ... Не могу, никакъ не могу принять вашего дѣла,—извините!

— Къ кому же мнѣ обратиться?!

— Коли такой уже задоръ напалъ тягаться съ французомъ,

поѣзжайте къ частному приставу. А еще лучше, оставьте... Оставьте это безъ вниманія! Мало ли этихъ дѣвчонокъ шляется по городу, и все съ такими же жалобами. На всякое чиханіе не наздравствуешься! Бросьте! Это мой благой совѣтъ!..

Поѣхалъ Щуковичъ къ частному. Везетъ опять лакея, везетъ и дѣвочку. Уже пять часовъ вечера... Частнаго пристава застаетъ онъ за бумагами, мрачнаго и небритаго... Это былъ дикій, зелено-блѣдный, темный, грязный и несообщительный человѣкъ. Онъ всегда смотрѣлъ внизъ, взятки бралъ, не глядя и молча, и колотилъ будочниковъ собственноручно и также въ полномъ безмолвіи.

— Максимъ Иванычъ!—началъ опять Щуковичъ:—такъ и такъ, окажите содѣйствіе. Надо наказать одного негодяя... Исидора! Ей-Богу, надо! Я привезъ дѣвочку, вотъ она! Такъ и такъ!...

Вмѣсто всякаго замѣчанія, приставъ обратился къ писарю:

— Степанъ! дѣло мѣщанки Саможаренковой!—Писарь ткнулъ носъ въ уголъ, повозился тамъ и подалъ пыльную связку бумагъ.

— Вотъ, вотъ, видите? А?! Это дѣло-съ того-же-съ самаго Исидора. Такихъ дѣлъ его у насъ же восемь другихъ... Ну? И вы думаете выиграть свое?.. Отложите попеченіе. Лбомъ стѣны не прошибешь! Такъ-то-съ!

И приставъ началъ опять писать.

— Да я однако-же прошу васъ начать слѣдствіе...

— Дудки!.. Вы думаете, что вы на своемъ вѣку кончите это дѣло? Повторяю: у этого Исидора таковыхъ наберется восемь уже, и все у бестіи на-счетъ седьмой заповѣди... Дѣла эти, разумѣется, идутъ своимъ махомъ, а онъ живетъ въ свое удовольствіе! И какъ живетъ, мы и сами не знаемъ... Отписывается, должно быть, ловко— и все тутъ!

— Это срамъ! У васъ нѣтъ совѣсти, господа, я вижу! Такое вопіющее беззаконіе, и нѣтъ ему расправы... Я васъ прошу, требую...

Приставъ понюхалъ табаку, потеръ лобъ и вдругъ, оборотясь всѣмъ тѣломъ къ Щуковичу, отвѣтилъ:

— Милостивый государь, увольте! У меня жена и дѣти... Увольте меня, ради Бога, увольте! У васъ связи и знакомства; вы же и законы хорошо знаете! А у меня дѣлъ гибель... Куда намъ? Избавьте, обратитесь лучше къ младшему полиціймейстеру...

— Да я у него сейчасъ былъ; онъ къ вамъ меня направилъ. Его отставляютъ...

— Ну, и меня отставляютъ! Я и забылъ вамъ передать,—даже съ радостью поспѣшилъ подхватить приставъ:—я также подалъ уже въ отставку, коли хотите знать! Не приму такого дѣла къ слѣдствію. Не могу...

— Какъ тутъ быть?—думалъ Щуковичъ, выходя отъ пристава:— одинъ отказывается, другой отказывается! Къ кому же ѣхать? Къ старшему полиціймейстеру? Но онъ теперь на верху счастія, какъ индѣйскій набобъ, и до горя ли ближняго ему теперь? Женится, жена его станетъ составлять аллегри и всякія лотереи въ пользу бѣдныхъ. Увидитъ ли она, услышитъ ли хоть разъ истинно-бѣднаго и страждущаго? И что такое моя дѣвочка? Соблазненная служанка! Романъ съ горничной! Эка невидаль! Да и мало ли ихъ въ самомъ дѣлѣ! Пируйте, ваше высокоблагородіе! Все въ городѣ обстоитъ благополучно: и права, и обычаи страны, и честь, и совѣсть, и имущество гражданъ...

— Куда прикажете ѣхать?—спросилъ кучеръ, летя безъ цѣли по мостовой.

— Къ Безходанцеву...

Лошади понеслись опять. На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло...

Безходанцевъ былъ прежде полковникъ изъ гвардейцевъ. Въ свѣтѣ щеголь и дамскій угодникъ, онъ отличался отмѣнною чистоплотностью; въ дѣлахъ былъ сухъ и кратокъ, стригся подъ гребенку, носилъ изящные бѣлокурые усики, запускалъ длинные розовые ногти, душился тонкими духами и тайкомъ дома пѣлъ итальянскія аріи, вѣроятно, въ память своей гвардейской молодости. Его вообще любили, но какъ-то нехотя, скупо и пугливо. Самая исторія въ полку, по которой онъ перешелъ изъ гвардіи въ провинцію, впрочемъ, не набросила на него особенной тѣни. Онъ любилъ книги и стоялъ за молодое поколѣніе. Тѣмъ не менѣе, собственный его казачекъ трепеталъ его, какъ огня... Щуковичъ засталъ его послѣ обѣда, за роялемъ. Казачекъ сейчасъ его ввелъ. Красивый полковникъ принялъ его безъ эполетъ, извинился, далъ ему сигару и, видя волненіе своего знакомца и гостя, попросилъ его говорить откровенно. Не забылъ опять Щуковичъ и „человѣколюбія“, и „вопля поруганной невинности“, и „падежа скорбящей добродѣтели“, и множества другихъ, трогательныхъ и размягчающихъ душу, выраженій. Щуковичъ кончилъ. Чувствительный полковникъ тотчасъ взялъ перо, провелъ имъ по своимъ щегольскимъ усамъ, помолчалъ, взглянулъ на свои розовые ногти и сталъ писать. Это было письмо къ младшему полиціймейстеру, письмо,—надо отдать ему справедливость,—такого ѣдкаго содержанія, что когда Щуковичъ опять заѣхалъ къ младшему полиціймейстеру, этотъ послѣдній утеръ лобъ, мгновенно орошенный холоднымъ потомъ, и помѣтилъ прошеніе Щуковича словами: „Такого-то года и числа: принять къ слѣдствію“.

— Ну, слава Богу! — думалъ Щуковичъ и поѣхалъ съ помѣченной бумагой въ канцелярію городской полиціи.

— Это, впрочемъ, очень любопытно, если *мнѣ*, губернскому пресловутому адвокату, не удалось до этого часа начать этого дѣла, то каково-же было бы начать его самой этой дѣвочкѣ?

Онъ вошелъ въ душную и темную канцелярію. Груды ежечасно растущихъ бумагъ требовали отъ жрецовъ ихъ и вечерняго присутствія. Канцеляристы хорошо знали Щуковича; любовались ежедневно его рысаками, передавали другъ другу его юридическія побѣды, встрѣчали его съ поклонами, съ улыбками, и вообще смотрѣли на него дружески.

— Какъ? и вы здѣсь?—спросилъ его одинъ изъ столоначальниковъ, добивавшійся со всѣми быть за панибрата:—и вы въ насъ, грѣшныхъ, имѣете нужду?

— Да, здѣсь! Что-же дѣлать!

— А что у васъ за дѣльце? Должокъ, чай, на комъ-нибудь, или свидѣтельство какое отъ полиціи нужно?

— Нѣтъ, а вотъ что-съ...

И Щуковичъ разсказалъ снова свое дѣло. Бумага его, съ помѣткой младшаго полиціймейстера, прочтена.

Канцеляристы окружили адвоката и его сопутниковъ.

— Господа, я васъ прошу скорѣе начать это дѣло...

— Да что же вы торопитесь? Не хотите ли посидѣть? Вотъ Папироска: не угодно ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, избавьте; я еще не обѣдалъ! Начинайте слѣдствіе, и съ Богомъ...

Любезный столоначальникъ пожалъ плечами.

— Вы торопитесь непремѣнно? — сказалъ онъ:—не понимаю! А, впрочемъ... Дневальный! Позвать сюда Мареу!

— Кто это Марѳа?—спросилъ Щуковичъ.

— А это одна солдатка! Она у насъ ходокъ по этой части! Вѣдь такихъ дѣлъ у насъ каждый мѣсяцъ гибель...

— Да помилуйте,—перебилъ Щуковичъ:—тутъ нужна врачебная управа, а не солдатка Марѳа!

Столоначальникъ расхохотался во все горло.

— Управа?! Полноте; ну, стоитъ ли созывать для всякой дряни врачебную управу! Мы и такъ обойдемся, полноте...

— Ну, уже нѣтъ, не обойдетесь: взгляните сюда!

Щуковичъ раскрылъ сводъ законовъ, на-скоро перелистовалъ его, указалъ статью, и чиновники, волей-неволей, должны были уступить ему.

Было восемь часовъ вечера, когда Щуковичъ, послѣ первыхъ успѣшныхъ формальностей, поѣхалъ домой. Городъ уже горѣлъ иллюминаціей, экипажи сновали и прыгали по мостовой, а соборная

церковь кипѣла свидѣтелями счастливаго событія въ семьѣ главы городской полиціи. Вѣнчаніе совершилось, и гости выходили уже изъ церкви. Хожалые кричали: „карету Мымрина!“ — „карету Стовбенко!“ и просто: — „Иванъ Васильича ка́-ре́-ту́!“

Наконецъ, Щуковичъ сѣлъ за столъ и налилъ тарелку борщу. Тутъ-же возлѣ него, на особомъ столикѣ, велѣно было приготовить обѣдать и виновницѣ поѣздокъ къ центрамъ правосудія.

— Ну, Фрося, много-же васъ всѣхъ у француза? — началъ Щуковичъ. Фрося не отвѣчала и не трогала пищи.

— Эка, бѣдная ты, точно горемъ подавилась! — замѣтилъ Михайло.

Щуковичъ не настаивалъ; кончилъ обѣдъ, выслалъ Михайлу и сталъ разспрашивать Фросю о ея житьѣ-бытьѣ у француза. Сперва она отмалчивалась, то тупо глядѣла въ полъ, то вертѣла конецъ стараго головнаго платка, то вдругъ заливалась самыми горькими, быстрыми слезами и, ломая руки, взглядывала то въ окно, откуда будто ей грозила невидимая рука, то на образъ. Ее больше всего убивала мысль: „Что скажетъ ей и что сдѣлаетъ съ нею мать?“

Щуковичъ побожился, что защититъ ее передъ матерью и у нея, жившей въ сосѣдней губерніи, выпроситъ ей позволеніе воротиться домой въ деревню. „Нѣтъ, не пуститъ меня мать въ деревню! Я уже два года въ обученіи и уже аглицкимъ шитьемъ стала шить. Не пуститъ! А еще четыре тоже дѣвочки учатся въ швейной у Исидора! Не пуститъ!“ Изъ словъ Фроси оказалось, что подъ видомъ родства Исидоръ помѣстилъ, этажомъ выше себя, надъ магазиномъ своимъ, какую-то француженку, *мамзель Пуссенъ*, и выхлопоталъ ей право держать швейную; что эта швейная содержится на его деньги, а мамзель Пуссенъ только принимаетъ заказы; что въ первыхъ комнатахъ у нея чисто, а во внутреннихъ духота и нечистота; что дѣвочки у нея голодаютъ, а по ночамъ работаютъ на себя, чтобы хоть два раза въ недѣлю на складчину ѣсть мясо; что у нихъ нѣтъ ни бѣлья, ни одѣялъ, ни шубъ; что всѣ спятъ въ-повалку на полу и чередуются зимой, кому спать ближе къ печи, а кому къ двери, откуда иногда надуваетъ на полъ изъ сѣней снѣгу; что мамзель Пуссенъ — старая дѣвка, бьетъ утюжными брусками дѣвочекъ по головѣ до крови и со злости выщипываетъ иногда съ головы имъ волосы, а у одной вырвала въ бѣшенствѣ бровь, за то, что ту всѣ подруги хвалили за хорошенькія соболиныя бровки; что многія бѣлошвейки слѣпнутъ у нея надъ шитьемъ золотомъ; что, наконецъ, „новенькихъ“ она всегда ласкаетъ, и какъ только такая явится къ мамзель Пуссенъ, сейчасъ снизу начинаетъ Исидоръ ходить обѣдать, а послѣ пристаетъ къ новенькой съ глупостями, и когда та обра-

титъ вниманіе на него, то такую всѣ другія дѣвочки долго зовутъ послѣ того француженкой и аристократкой. А взрослымъ и сама мамзель Пуссенъ говоритъ: „На тебя твои родные шлютъ одежду, да я ее продаю; а теперь ты и сама на возрастѣ и можешь себя одѣть!“ Ну, и одѣваются онѣ на свой счетъ...

Заварилось дѣло. Начали писать и отписываться.

Щуковичъ лѣзъ изъ кожи, чтобы побѣдить.

Благодѣтели, безъ сомнѣнія, тотчасъ перекинули вѣсточку самому Исидору, что вотъ, молъ, на него поступилъ такой-то и такой-то искъ, и еще не отъ простаго какого-нибудь челобитчика, а отъ самого Щуковича. Потерялся было, не на шутку, съ перваго разу Исидоръ, знавшій таланты Щуковича по слухамъ и брившій лично нѣсколько разъ его благородныя щеки; даже гнусно потерялся, до того, что безъ причины надѣлъ старенькую рыжую шинельку, въ которой впервые явился въ Россію изъ Франціи и которую надѣвалъ только по ночамъ, и въ ней пошелъ ходить по улицамъ. Его просто пришибла нежданная мысль: „Чѣмъ я куплю мосье Щуковича, чѣмъ я куплю его? Его ничѣмъ не купишь! Да!“—думалъ онъ и, дрожа отъ трусости, чувствовалъ уже, какъ его вели по улицѣ русскіе солдаты и какъ за нимъ со скрипомъ замыкались двери губернскаго острога. Поздно онъ воротился въ тотъ же день домой и двое сутокъ лично не принималъ гостей въ своемъ магазинѣ, гдѣ такъ ловко онъ покручивалъ всегда свои бѣлокурые усики, картавя безъ милосердія и встрѣчному и поперечному рапортуя о своихъ маленькихъ любовныхъ интрижкахъ, причемъ, разумѣется, смиренныя личности Фроси и какой-нибудь Маши дерзко замѣнялись фамиліями туземныхъ великосвѣтскихъ барынь и даже барышень. Сильно затосковалъ французъ...

Только черезъ пять дней дѣло его устроилось какъ-то такъ, что печальный Исидоръ неожиданно поднялъ носъ, съ улыбкой появился снова въ магазинѣ и сталъ еще болѣе прежняго развязенъ. Имя Щуковича болѣе не пугало его. Онъ даже самъ затѣялъ дать острастку знаменитому адвокату. Въ видѣ диверсіоннаго отряда былъ для этого посланъ къ нему коммѝ изъ магазина...

Сидѣлъ Щуковичъ дома вечеромъ и пилъ чай. На порогѣ явился развязный незнакомецъ въ общипанномъ кургузомъ полуфракѣ съ пуговицами въ ладонь величиною и въ желто-зеленыхъ крокодиловыхъ брюкахъ. Это былъ подмастерье Исидора, ярославскій мѣщанинъ, съ сѣрыми глазами на выкатѣ, съ румяными щеками и съ лошадиными губами, корчившій изъ себя француза, для чего постоянно кричалъ другимъ мальчишкамъ въ магазинѣ: „мальшѝкъ, шипси!“—или: „мальшѝкъ, мосье папиросъ э-дю-фѐ!“ —Войдя къ Щу-

ковичу, офранцуженный Этьенъ, а православный Степка, бойко тряхнулъ волосами и отрапортовалъ: „Мосье Исидоръ поручили вамъ сказать, что если вы переманиваете изъ швейной ихъ сестры лѣнивыхъ дѣвокъ, то они вамъ и остальныхъ всѣхъ оттуда вышлютъ!“ — Щуковичъ вспыхнулъ... „Ахъ ты, мерзавецъ!“ — крикнулъ онъ и схватилъ шандалъ, въ намѣреніи пустить имъ въ мнимаго француза Этьена. Но консервативная природа взяла верхъ, и Степка выскочилъ невредимъ и цѣлъ изъ квартиры Щуковича. Исидоръ, однакоже, не угомонился и, съ безпримѣрною пошлостью, буквально исполнилъ свою угрозу. Какъ-то опять Щуковичъ воротился поздно изъ присутствія; во дворѣ его встрѣтила толпа изъ семи дѣвочекъ, безъ платковъ на головѣ и босикомъ по морозу. Всѣ дрожали и, заливаясь слезами, объявили, что ихъ прогнали къ нему мамзель Пуссенъ и мосье Исидоръ. Щуковичъ долженъ былъ помѣстить ихъ у себя на хлѣбахъ, пока полиція приметъ свои мѣры.

„Нѣтъ, это уже изъ рукъ вонъ! — подумалъ Щуковичъ: — это превосходитъ всякую степень дерзости! Была-не-была!“ И онъ поѣхалъ объясниться къ губернатору, лицу дѣйствительно очень доброму и любившему показать, что онъ самостоятеленъ. Губернаторъ принялъ дѣло къ сердцу. Самъ осмотрѣлъ всѣ бумаги по слѣдствію, гдѣ оказались уже и подчистки, и ложныя показанія. Все дѣло поручено переизслѣдовать губернаторскому адъютанту. Юноша-адъютантъ принялся за дѣло тѣмъ, что цѣлый вечеръ просидѣлъ у Щуковича, выкурилъ пять отличныхъ сигаръ, много говорилъ о злоупотребленіяхъ всякаго рода въ отечествѣ, признался, что не получаетъ никакихъ журналовъ, но что теперь „подпишется непремѣнно!“ — („и опять вретъ!“ подумалъ на это Щуковичъ), разсказалъ планъ, по которому думалъ начать слѣдствіе, и кончилъ тѣмъ, что на первомъ же балѣ въ городѣ завертѣлся и забылъ обо всемъ сказанномъ. — А въ дѣлѣ явился новый эпизодъ...

Сидѣлъ какъ-то, снова подъ-вечеръ, Щуковичъ дома и пилъ чай. Говорятъ ему, что за нимъ присланъ экипажъ отъ госпожи Дымоглотовой.

— Кто это такая Дымоглотова?

— Это по довѣренности матери Фроси! — робко отвѣчаетъ Михайло: — пріѣхала, говорятъ, нарочно изъ своей вотчины и остановилась въ трахтирѣ Венеція...

Поѣхалъ Щуковичъ въ Венецію, мимоходомъ взглянувши, при надѣваніи шубы, за перегородку, въ конурку Михайлы. Фрося, съ тѣмъ же напряженіемъ, молча сидѣла въ уголку и шевелила ногой оборку поношеннаго своего, старенькаго платья. Покраснѣвшій кон-

чикъ носа ясно выражалъ, что до нея уже дошелъ слухъ о пріѣздѣ Дымоглотовой и что она хорошо обдумала встрѣчу съ нею.

Въ указанномъ номерѣ гостиницы Щуковича привѣтствовала довольно суровая и полная барыня, круглая и неповоротливая, какъ кочанъ брюквы, съ короткими руками и въ чепцѣ съ лиловыми лентами. Стоя у стола и судорожно тормоша на груди кашемировый платокъ, она двинулась-было впередъ и остановилась, какъ бы совѣстясь...

— Рекомендую — мужъ мой! — сказала она, сунувши руку въ направленіи къ мужчинѣ средняго роста и заспанной наружности, который тѣмъ временемъ, однако, довольно спокойно мялся у стѣны.— Благодаримъ васъ за хлопоты, что вы приняли на себя труды... такъ сказать... постарались за эту дѣвку! — прибавила пріѣзжая.

— Помилуйте,—подхватилъ Щуковичъ, садясь въ кресло и съ жаромъ обращаясь къ ласковымъ супругамъ: — да это былъ мой долгъ совѣсти, человѣколюбія!—Заспанный мужъ, крутя усы, крякнулъ и подступилъ ближе. Это былъ чистѣйшій образецъ отставнаго бурбона, съ вздутыми, толстыми губами, точно пчелы ихъ искусали, съ широкимъ краснымъ затылкомъ, прикрытымъ галстухомъ съ пряжкой, и мѣдноцвѣтнымъ, рябоватымъ лицомъ, на щекахъ котораго къ губамъ уздечкой протягивались тоненькіе, рыжеватые бакены.

— Э, милостивый государь! Э, мы вамъ очень-съ благодарны; э, но... Онъ немного говорилъ въ носъ.

Мужъ и жена приблизились къ столу.

— Что такое? — спросилъ Щуковичъ.

Пріѣзжая госпожа крякнула и судорожно, безъ нужды, стала подтягивать подъ бородою ленты у чепца.

— Э, но, — продолжалъ супругъ: — хоть мы и благодарны вамъ, но просимъ васъ болѣе не вмѣшиваться въ это дѣло!

Ноги у Щуковича дрогнули сами собою.

— Какъ-съ не вмѣшиваться?

— Да такъ же-съ!—замѣтилъ, подступая уже почти въ упоръ и крутя усы, супругъ:—мы думаемъ идти съ французомъ на мировую...

Щуковичъ улыбнулся.

— На мировую? Да развѣ вы съ нимъ ссорились?

Онъ думалъ не на шутку, что его мистифицируютъ.

— Безъ каламбуровъ, безъ каламбуровъ! Па-ажалуйста, прошу васъ! — замѣтилъ еще громче и грознѣе супругъ Дымоглотовъ: — мы пріѣхали, чтобы покончить это дѣло домашними средствами... Понимаете?! Исидоръ—добрый человѣкъ, и его оклеветали... А мы имѣемъ отъ ея матери полную довѣренность во всемъ!..

Щуковичъ былъ разгромленъ. Онъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему

дѣлать: смѣяться ли, плакать ли, или, недолго думая, взять да и хлопнуть прямо въ сѣрые, заплывшіе и сонные глаза нецеремоннаго бакенбардиста...

— Да-съ, полную довѣренность! Не хотите ли покурить?—спокойно добавилъ супругъ Дымоглотовъ и отправился набивать себѣ трубку. У жены глаза такъ и бѣгали, а руки по прежнему возились то у чепца, то у кашемировой шали.

— Но бѣдная дѣвочка?—залепеталъ Щуковичъ:—честь ея? Вѣдь это единственное, единственное достояніе этого существа... все, что она только имѣетъ и что можетъ въ будущемъ принести въ наслѣдство своимъ дѣтямъ...

Дымоглотовъ опять, плечомъ впередъ, подступилъ къ нему.

— А не угодно ли вамъ, милостивый государь, — сказалъ онъ шопотомъ и держа кулакъ передъ собою: — убираться съ вашими нѣжностями... Мы-съ люди простые-съ, военная косточка... мы смотримъ на вещи прямо, не умствуя...

Щуковичъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать и поклонился.

— Мнѣ точно остается только уйти! — сказалъ онъ съ улыбкой, видя, на какихъ людей напалъ: — успокойтесь! Защищайте, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, Исидора! Не онъ ли и вызвалъ васъ сюда?.. Но знайте, этому дѣлу только два исхода: или дѣвочка останется при своемъ показаніи, и тогда французъ попадетъ въ острогъ; если же она покажетъ, что оболгала его понапрасну и взнесетъ бѣду на другаго... въ послѣднемъ случаѣ ее оставятъ до совершеннолѣтія подъ присмотромъ полиціи, а потомъ сошлютъ... Какъ-то тогда, сударыня, зашевелится у васъ совѣсть?!

Сударыня, однакоже, пребыла въ полномъ молчаніи, и спокойны остались торчавшія на ея головѣ ея лиловыя ленты. А мужъ, куря трубку, просто указалъ Щуковичу двери...

Фрося, между тѣмъ, продолжала жить у дяди за перегородкой, копаясь въ разной рухляди, штопая старое платье, перетирая посуду и изрѣдка порываясь напѣвать подъ носъ разныя пѣсенки. Она уже успокоилась, и свѣженькая улыбка не покидала ея прежде убитаго и запуганнаго лица; синенькіе глазки смотрѣли ласково, а косы тщательно заплетались уже и клались вокругъ головы толстенькимъ вѣночкомъ.

Но не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, Щуковичъ уже не узналъ ея болѣе. По утрамъ прежде онъ училъ ее молитвамъ и простому счету, купилъ ей ситцу на платье и любовался ея дѣтской копотливостью. Тутъ вдругъ она опять усѣлась въ уголъ, надулась, стала рѣдко отвѣчать на всѣ вопросы, перестала заботливо чесаться, болѣе не штопала, выходила уже за ворота, болтала съ прохожими, а одинъ

разъ, какъ-то послѣ обѣда, пріодѣлась и безъ спросу куда-то ушла тайкомъ, не возвращалась до поздняго вечера и пришла тихо за перегородку, но уже не съ пустыми руками, а съ узелкомъ орѣховъ и въ полъ-пьяна. Михайло все это видѣлъ. Замѣтилъ и Щуковичъ...

— Михайло! Это что?! Гдѣ Фрося была?—спросилъ онъ.

Михайло злобно покачалъ головой, вытирая стаканы, глянулъ въ сторону перегородки и прошипѣлъ:

— Таскалась тоже въ Венецію!

— Это какъ?

— Сестру мою, а ея, значитъ, мать привезли тоже изъ деревни, съ нарочнымъ...

— Ну?

— Мать-то ее сдуру и выманила отсюда тайкомъ, еще и вчера за ней на извощикѣ пріѣзжала; значитъ, сбиваютъ, чтобъ отказалась отъ всѣхъ своихъ показаній... Весь вечеръ уговаривала ее, безстыжая корга, сама... свое дѣтище-то, на кухнѣ; говоритъ, даже медомъ подчивали... Ну, и пошатнулась, видно, дѣвка! Сама уже и хвастаетъ, что мать-то ей и серьги купила, и въ театръ обѣщала взять...

— Гдѣ она? гдѣ Фрося? — крикнулъ Щуковичъ, идя за перегородку...

Михайло, передъ тѣмъ уходившій на кухню, глянулъ за перегородку, откуда былъ другой выходъ въ корридоръ, и ахнулъ.

— Нѣту-съ... Опять, должно быть, ушла туда-же, завидѣвши, что вы рано воротились домой; да вѣрно и вовсе убѣжала, такъ какъ и тряпье свое разбросала...

Вошелъ Щуковичъ за перегородку. На тюфякѣ Михайлы лежалъ кусокъ дряннаго ситца, а въ платкѣ лежало нѣсколько горстей орѣховъ. Новенькіе козловые, должно быть тоже подаренные, башмаки засунуты были подъ подушку.

— Ахъ, ты, пташка, пташка! И за что себя продала!— крикнулъ Михайло, ударивши себя въ грудь. А Фрося, точно, уже совсѣмъ переселилась въ Венецію. На ней явилось новенькое зеленое съ мушками платье. Въ карманѣ ея завелся полтинникъ, а отъ волосъ стало нести розеткой. По вечерамъ, когда фонари зажигались на главной улицѣ, у воротъ Венеціи, окруженная поварами и конюхами, Фрося садилась на лавочку и, смѣясь и грызя во весь ротъ орѣхи, разсказывала о своемъ житьѣ-бытьѣ у француза, отпускала иногда безсмысленныя, на французскій ладъ, фразы, въ родѣ: „Команъ-ву-порте-ву!“ или: „Ке-ле-ма-шеръ, боку-са-ва!“—и праздная челядь награждала ее взрывами самаго дурацкаго хохота и навязчивыми грубыми ласками.

— Что тутъ, однако, дѣлается?—подумалъ однажды Щуковичъ и

рѣшился узнать о ходѣ дѣла у самого губернатора:—здѣсь что-то темно и загадочно!—Онъ поѣхалъ къ губернатору.

Губернаторъ, на первый вопросъ, съ грустною улыбкою подалъ Щуковичу бумагу, принятую имъ отъ Дымоглотовой, слѣдующаго содержанія: „Ваше превосходительство! Извѣстныя всѣмъ благодѣянія ваши несчастнымъ и обижаемымъ страдальцамъ побуждаютъ меня на сей разъ прибѣгнуть къ вамъ. Извѣстный кляузникъ и крючокъ, здѣшній адвокатъ Щуковичъ, вмѣшался въ дѣла дочери довѣрительницы моей, по имени Евфросиніи Александровой Индюковой, замаралъ понапрасну доносомъ бывшаго французскаго, а нынѣ русскаго подданнаго, извѣстнаго здѣшняго парикмахера, Исидора Салэ. — Дѣвочка-же эта давно замѣчена нами въ порочномъ и безнравственномъ поведеніи и отдана для исправленія въ швейную при модномъ магазинѣ двоюродной сестры Исидора, мамзель Пуссенъ. Она тамъ лѣнилась, не хотѣла учиться и бѣжала къ этому Щуковичу, гдѣ служитъ ея дядя, Михайло Индюковъ. Тамъ она Щуковичу, а при его содѣйствіи и самой полиціи, дала ложный извѣтъ на Исидора, а нынѣ, при моемъ вразумленіи о пагубѣ своей души, во всемъ чистосердечно раскаялась и созналась на бумагѣ при подписаніи свидѣтелями: отставнымъ квартальнымъ надзирателемъ Бордуновымъ и купеческими сыновьями Сырейщиковыми и Добросвѣтовыми. А посему, прося ваше превосходительство о прекращеніи названнаго дѣла по жалобѣ указанной Евфросиніи на парикмахера Исидора и о взысканіи по законамъ съ Щуковича за непрошенное вмѣшательство въ неподлежащія ему и вымышленныя дѣла, пребываю такая-то подпоручица Дарья Аркадьевна дочь Дымоглотова“.

— Ну, что-съ?—спросилъ губернаторъ.

— Это верхъ наглости, ваше превосходительство!...

— Что же дѣлать? У нея довѣренность... Но, нѣтъ, разбить ихъ стачку, разбить!—говорилъ съ сердцемъ губернаторъ и велѣлъ своему адъютанту, тому самому, который за танцами одного вечера забылъ вовсе о порученномъ ему дѣлѣ, принять къ этому тотчасъ, немедленно и самыя строжайшія мѣры...

Адъютантъ опять всполошился. Ему совѣстно было передъ Щуковичемъ. Да еще передъ тѣмъ онъ сильно проигрался въ карты и почему-то усердно сталъ работать по службѣ. Кинулся онъ съ Щуковичемъ къ дѣвочкѣ, призвали ее въ полицію; но она уперлась на своемъ: „Обнесла я по злобѣ мосье Исидора!“ да и баста. Ничего болѣе отъ нея не узнали. — Кто-же... на кого-же ты покажешь?.. допрашивали ее въ полиціи. — Нашъ поваръ Никишка, это онъ! — не краснѣя сказала Фрося. Позвали Никишку. Но отъ этого ничего уже не добились. Перепуганный зовомъ въ полицію, онъ только

молчалъ, глупо смотрѣлъ на всѣхъ сѣрыми, потухшими отъ страха и блуждающими глазами и едва шевелилъ бѣлыми, какъ мѣлъ, губами... Тѣмъ исторія и кончилась.

Щуковичъ, озабоченный кучею другихъ дѣлъ, тоже ее бросилъ.

Мосье Исидоръ остался въ томъ-же магазинѣ и въ томъ-же городѣ.

Фрося, говорятъ, совершенно утѣшилась и живетъ уже на вольной квартирѣ, работая той-же мамзель Пуссенъ по-штучно. Недавно я видѣлъ ее на извозчикѣ съ толстымъ драгуномъ. За-то, проѣзжая нашъ украинскій городъ, вы можете видѣть на главной его улицѣ рядъ зеркальныхъ оконъ, чугунное крыльцо и рѣзныя двери прелестнѣйшаго парикмахерскаго магазина. Раззолоченныя вывѣски, въ сажень величиною, цѣпляются по всѣмъ стѣнамъ, карнизамъ и даже по крыльцу магазина. А въ окна смотрятъ кучи блестящихъ тросточекъ, цѣпочекъ, банокъ, стклянокъ, запонокъ, бѣлья, платья, книгъ и галстуховъ. Уже въ самыхъ дверяхъ, при входѣ, встрѣчаетъ васъ запахъ лоделаванда и прижженныхъ волосъ. За дверью же самъ хозяинъ, прелюбезнѣйшій господинъ съ тонкими, нѣжными чертами лица, очаруетъ васъ своею постоянною улыбкой и бѣлокурыми усиками. Подъ предлогомъ завивки волосъ, онъ сбываетъ вамъ голландское бѣлье; подъ предлогомъ стрижки, сбываетъ романы новѣйшей парижской фабрикаціи. И, пересыпая работу свою и своихъ подмастерьевъ анекдотами о своихъ похожденіяхъ, онъ тутъ-же лепечетъ о Бонапартѣ и объ англійскомъ парламентѣ, о дѣлахъ Китая и о турецкомъ займѣ, вскрикивая: „Voici le dernier numéro de l'Indépendance Belge! Lamartine est hors de Paris! Lamoricière revient... Мальшѝкъ, ишѝ шипсѝ!“ И православный Степка, въ кургузомъ полуфракѣ и въ желто-зеленыхъ, крокодиловыхъ брюкахъ, передаетъ его приказъ далѣе, тѣмъ-же тономъ: „Мальшѝкъ, ишѝ шипсѝ!“

На вывѣскѣ магазина красуется та же надпись:

Isidor de Paris.
Gants-Linges-Frisure.
Perruques.
Salon pour la coupe des cheveux.
Bibliothèque de lecture.

Прохожіе любуются золотыми словами вывѣски, хлыстиками, банками и галстухами. А въ кругу искреннихъ пріятелей, двухъ-трехъ соотечественниковъ-магазинщиковъ изъ мѣстной французской колоніи, мосье Исидоръ даже вовсе не церемонится и говоритъ, весело отзываясь о заведенныхъ съ нимъ разными матерями дѣлахъ и

выпивши стаканъ роднаго шаблú, по-русски, какъ любятъ говорить вообще подкутившіе иностранцы въ Россіи: „О!! я такой шилавѐкъ, такой шилавѐкъ, que lorsque je veux, когда я хочу, чтобъ никто не кадúль по моей улицѣ, то никто, personne, personne, и не будить кадúть!“

И пріятелямъ его кажется, что дѣйствительно, если Исидоръ захочетъ, то не только человѣкъ, даже самое солнце, освѣщающее окрестные смиренные поля и луга, не посмѣетъ заглянуть въ улицу, гдѣ широко раскинулись блестящія вывѣски магазина безцеремоннаго и блаженнаго французика...

Это, господа, быль!..

1859 г.

ПАСѢЧНИКИ.

(РАЗСКАЗЪ ЗЕМЛЕМѢРА).

Однажды, среди хлопотъ по полюбовному размежеванію, провозился я, въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей *** уѣзда, что-то очень долго. Дѣло шло о поемныхъ лугахъ и о водяной мельницѣ, между старухой помѣщицей и ея сосѣдомъ однодворцемъ. Посредники выходили изъ себя. Нашъ братъ, землемѣръ, въ такія минуты оказывается рѣшительно лишнимъ. Ветхіе старички иногда еще коротаютъ время, прохаживаясь, съ астролябіей и вѣхами въ рукахъ, по пустыннымъ окрестностямъ, подготовляя очерки спорныхъ луговинъ, гдѣ-нибудь подъ горою, что̀ въ Пѣстушахъ, или планъ сельца Колокольчикова, что̀ въ Подзозулиной-балкѣ. Но мы, пылкіе юноши, у которыхъ на ногахъ еще не видно мозолей отъ свершенныхъ прогулокъ по свѣту, мы просто не знаемъ, что дѣлать отъ скуки. Изволь бесѣдовать съ отряженными къ тебѣ вѣховщиками, которые, особенно въ теплую погоду, такъ и смотрятъ въ лѣсъ. „Дѣло понятное!“—думалъ я, проживая въ старомъ флигелѣ у помѣщицы:—„съ такой хозяйкой просто со скуки умрешь!“ Въ предчувствіи близкаго пораженія, необузданная барыня питала ко всему нашему сословію ненависть непримиримую. За хозяйскій столъ меня не звали; порція наливки въ рукахъ буфетчика уменьшилась... А на бѣду еще посредники и предводительскій чиновникъ уѣхали, по случаю дворянскаго засѣданія, въ городъ. Къ счастью, я вспомнилъ объ одной сосѣдкѣ, о милой дамочкѣ, съ которой встрѣтился зимою на вечерѣ у предводителя, и рѣшился, отъ нечего дѣлать, завернуть къ ней на село и, замѣтьте, завернуть пѣшкомъ, потому что объ экипажѣ нечего было и намекать разобиженной полюбовнымъ размежеваніемъ барынѣ...

Стояла весна.

Сборы были не долги. Село Бѣлобабовка, на рѣкѣ Грунь-сухая, лежало какихъ-нибудь въ семи или восьми верстахъ; пройдти ихъ землемѣру было такъ же легко, какъ иному мужику, ворочающему жернова и чугунные берковцы, смолотить лишній десятокъ сноповъ въ день. Я закурилъ трубку, запасся инструментами, въ надеждѣ, если не застану самой помѣщицы дома, позаняться съ ея прикащиками провѣркою ея участковыхъ плановъ; разспросилъ о дорогѣ и пошелъ. — „Идите, этакъ, прямо!“ —говорилъ мнѣ тоненькою фистулою, ломаясь и важничая, главный поваръ барыни, Доримедонтъ, стоя, съ трубкою въ зубахъ, на крыльцѣ кухни: — „спуститесь подъ горку; тутъ вамъ будетъ, такъ сказать, поворотка въ боръ, тамъ ступайте все прямо, прямо, одна дорога и есть; тутъ, около дороги, зати́нка, по-просту лѣсная пасѣка, и живетъ на ней пасѣчникъ Гордѣй; окликните его, а онъ уже васъ и доведетъ!“ — прибавилъ убѣдительно поваръ, сплевывая въ сторону и косясь на мои пятки: — „а онъ и доведетъ!“

Я спустился подъ-гору, свернулъ на воротку и не замѣтилъ, какъ охватили меня темные своды бора. На душѣ моей повеселѣло; я забылъ и старую помѣщицу, и хлопоты по полюбовному размежеванію, и самую цѣль своей прогулки въ село Бѣлобабовку...

Шаги мои робко раздавались по узкой просѣкѣ. Въ два ряда, по сторонамъ, стояли такія сосны, что взглянуть на нихъ, такъ шапка валилась. Вообще, этотъ боръ принадлежалъ къ рѣдкимъ исключеніямъ безлѣснаго *** уѣзда, составляя вѣковое достояніе множества мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ отъ рѣки Грунь-тихой вплоть до ея сосѣдки, Грунь-сухой. Любо было даже издали глядѣть на его ровный, сосна къ соснѣ и вершина къ вершинѣ, нетронутый и многолѣтній островъ. Гордо высились даже мелоча̀, разбѣжавшіяся отъ главнаго клина кудрявыми и веселыми древесными выселками, по легкимъ водомо̀инамъ и приземистымъ холмамъ гладкой, какъ стрѣла, степи. Въѣзжихъ дорогъ въ этотъ боръ было очень мало. Причиною этому, впрочемъ, была не столько заботливость владѣльцевъ о сохранности его, сколько обширная, болотистая низменность, лежавшая по ту сторону бора, съ извилистыми, влажными тропинками, по которымъ съ трудомъ пробирались окрестные поселяне, искони знаменитые садовники и пчеловоды. Часто, проѣзжая здѣсь, вы встрѣтите большой обозъ съ дровами.

— Откуда, братцы, ѣдете?

— Изъ-подъ Трофимцовъ!—отвѣтятъ вамъ.

— А какія дрова?

— Груша да яблоня лѣсная!

И вотъ нынѣшняя участь старинныхъ грунтовыхъ садовъ и заповѣдныхъ засѣкъ стараго украинскаго юга.

Боръ неожиданно смѣнился кущами чернаго лѣса. Надо мною затемнѣла и сдвинулась сѣтчатая листва берестняка и кленовъ. Въ ея зелено-золотистыхъ просвѣтахъ, съ легкимъ свистомъ, шныряли дрозды и тѣ странныя степныя птички, „ракшѝ“, которыхъ иногда можно встрѣтить у дороги, на копнѣ сѣна или на кочкѣ, и при взлетѣ которыхъ кажется, что зеленый вѣеръ, брошенный изъ-за угла, раскрылся и летитъ по воздуху. Замелькали свѣтлыя лужайки. Близость воды была очевидна. Въ простѣнкѣ мелкихъ орѣшниковъ мелькнула верхушка куреня... И чѣмъ ближе къ пасѣкѣ, деревья становились свѣжѣй и зеленѣй. Точно пчелы сманивали лучшихъ красавцевъ бора. Всѣ деревья кругомъ стояли, какъ въ праздничныхъ нарядахъ, распространяя то первое, еще не прискучившее весеннее благоуханіе, которое такъ радуетъ живущихъ вблизи лѣсныхъ мѣстъ. Вездѣ стояли столбы нѣжныхъ черемухъ, окинутыхъ медвянодушистымъ цвѣтомъ. Вездѣ покачивались стрѣльчатыя лозы, усыпанныя пушистыми, голубоватыми куколками, и гордо красовались кудрявыя дикія яблони, точно одѣтыя въ розовыя и палевыя мантіи, съ которыхъ, при легкомъ вѣтрѣ, сыпалась на кусты и на травы душистая метель крылатыхъ бабочекъ...

Я обошелъ маленькій ровъ и вступилъ на пасѣку. Въ куренѣ не было ни души. Я окликнулъ пасѣчника Гордѣя. Отвѣта не было; только эхо, звонко отозвавшись въ нѣсколькихъ мѣстахъ бора, вызвало прежнюю, еще болѣе торжественную тишину...

Будучи не чуждъ хозяйственныхъ соображеній, къ которымъ невольно привыкаешь, живя между нашими помѣщиками, охотниками потолковать о хозяйствѣ, я оглянулъ пасѣку, въ которой было мало чѣмъ меньше сотни ульевъ, и тутъ же пожалѣлъ, что пасѣчникъ, хотя и выбралъ такое удобное мѣсто для первой перекочевки пчелъ, по всей очевидности ходилъ за этимъ дѣломъ спустя рукава. Ульи стояли маленькіе, кривые, наскоро прикрытые черепками и лубками и почернѣвшіе отъ дождей и вѣтра. Другіе, пустые, печальною грудой лежали тутъ же, въ сторонѣ, въ ожиданьи близкой поры роенья. Тѣсные домики крылатыхъ медоносицъ тонули въ густой травѣ, которая такъ вредна для пчелъ, заводя сырость и насѣкомыхъ. А между тѣмъ, повторяю, лучшаго мѣста для пасѣки трудно было выбрать. Тутъ же, внизу площадки, виднѣлось и маленькое озерко. Пчелы въ это время еще не носили меду, а собирали по лугамъ и деревьямъ воскъ для новой „дѣтвы“, какъ говорится, „новили“ — заново меблировали восчаныя клѣточки своихъ домиковъ. Недавно еще слабыя и черезъ силу преодолѣвающія лег-

кій весенній вѣтеръ, онѣ уже съ мятежнымъ шумомъ вылетали изъ ульевъ за душистымъ, цвѣтовымъ „взяткомъ“, и пасѣка издавала пріятное, такъ знакомое пчеловодамъ гудѣнье. Между разною утварью кинулся мнѣ въ глаза неуклюжій, заиндевѣвшій самоварчикъ и какая-то запачканная книжка. Посуда и кое-какое платье были разбросаны тутъ же, по угламъ. Исключеніе составлялъ большой муравленый кувшинъ съ водою, поставленный на полкѣ и заткнутый пучкомъ только-что сорванной, свѣжей клубники. Я опустился въ курень, на солому. Смятое, належалое мѣсто на ней было такъ уютно, что, казалось, здѣсь больше ничего нельзя было и дѣлать, какъ только лежать и ничего не дѣлать...

Со стороны бора послышались шаги. Кто-то обошелъ деревья, миновалъ ульи и сталъ у куреня, молча, какъ бы слушая. Нѣсколько минутъ прошло въ тишинѣ...

„Осторожный человѣкъ!“—подумалъ я и приподнялся на соломѣ. У низенькаго, треугольнаго входа въ курень показались голова съ рыжеватыми усами и рука съ наломанными вѣтками. Это былъ пасѣчникъ Гордѣй, полу-мужикъ и полу-мѣщанинъ, изъ вольноотпущенныхъ.

Назвавъ себя, я вышелъ изъ куреня, причемъ худощавый и длинный пасѣчникъ обрисовался передо мною во весь ростъ, въ зеленомъ замасленномъ картузѣ, долгополомъ сюртукѣ изъ голубой нанки, какую носятъ въ мелкихъ городкахъ мѣщане въ первую пору счастливыхъ барышей, и въ темныхъ съ цвѣточками брюкахъ, заботливо всунутыхъ въ высокіе сапоги. И не одинъ пасѣчникъ явился передо мною. Рядомъ съ нимъ на веревкѣ стояли еще двѣ огромныя собаки, мохнатыя и полуслѣпыя отъ нависшей клочками сивой, почти красной шерсти, почему постоянно имъ простригали косые, зеленоватые глаза.

— Не кусаются?—спросилъ я.

— Даже и не лаютъ!—отвѣтилъ отрывисто Гордѣй, бросивъ въ курень вѣтки и картузъ и молча отправившись привязывать собакъ къ дальней соснѣ, за ульями.

Собаки Гордѣя, точно, не лаяли. Зато ходили грудью на волка и, кинувшись, безъ всякаго шума, на какую бы то ни было добычу, тутъ же ее и душили на смерть. Въ такихъ собакахъ особенно нуждаются южные поселенцы не храброй руки, которымъ приходится водворяться въ степныхъ слободскихъ и приднѣпровскихъ участкахъ.

— Не можешь ли ты, братецъ, провести меня на Бѣлобабовку?—спросилъ я Гордѣя.

Пасѣчникъ молча оглянулъ меня и сталъ ближе, какъ бы изъ

уваженія, но въ то же время съ напряженнымъ любопытствомъ осматривая меня. Погладивъ, на мой вопросъ, голову, онъ только переступилъ съ ноги на ногу и закинулъ руки за спину, причемъ сухощавый станъ его нѣсколько сгорбился. Такъ, сколько замѣтилъ я, обыкновенно держатся дворовые люди не первой молодости и резонерскаго характера, отшедшіе, посредствомъ отпускной, на такое житье, гдѣ можно сразу успокоиться и вдоволь належаться и выспаться. Гордѣй принадлежалъ къ числу ихъ. Слѣды былой, избалованной и исковерканной на дармоѣдствѣ жизни проглядывали у него во всемъ. Впрочемъ, хотя онъ сѣлъ на пасѣку и не прямо отъ плуга, совершенно лѣнивымъ назвать его было нельзя. Встрѣчаясь съ нимъ не одинъ разъ впослѣдствіи, я узналъ, что онъ былъ даже человѣкъ старательный и особенно усердно заботился о своемъ прибыткѣ. „А кого вамъ, смѣю спросить, надо на Бѣлобабовкѣ?" возразилъ Гордѣй.

Я разсказалъ ему свои намѣренія. Осторожный Гордѣй, какъ видно, успокоился (онъ на Бѣлобабовкѣ снималъ участокъ бора и опасался назойливыхъ соперниковъ), тутъ же разговорился и объявилъ, что ему всѣ бѣлобабовцы чуть не кумовья, что онъ тамъ бываетъ почти каждый день, у прикащика недавно крестилъ сынишку, на церковь пожертвовалъ новую икону и у помѣщицы снимаетъ уже второй годъ на бору, тутъ же недалеко, еще мѣсто для пасѣки.

— А что? — спросилъ я, закуривъ трубку и заинтересованный Гордѣемъ: — какъ идетъ хозяйство бѣлобабовской помѣщицы?

Гордѣй подумалъ и не отвѣтилъ ни слова.

— А что? плохо идетъ? Да ты, братъ, не бойся: я человѣкъ посторонній и сору изъ избы не вынесу...

Гордѣй, улыбнувшись, сталъ водить рукою по листьямъ орѣшника.

— Странное дѣло! — продолжалъ я, въ то время, какъ каріе, рысьи глазки Гордѣя такъ и слѣдили за мною: — вѣдь вотчина этой барыни чего не захватываетъ: отъ Печерековскихъ пустошей и до Пяти-Колодцевъ, — все ея луга да залежи!

— „Да! — замѣтилъ, какъ бы въ раздумьи, Гордѣй: — много угодій... только-съ говорится, велика Ѳедора..." и, замолчавши, отвернулся; въ подвижномъ лицѣ его играла каждая жилка...

— Вотъ оно какъ! — подхватилъ я не безъ любопытства: — а поди ты съ нашимъ братомъ землемѣромъ; вѣдь мы, отмѣривая-то каждый день этакія линіи взадъ и впередъ, и Богъ знаетъ, чего не заберемъ въ голову! И богатство-то, и раздолье-то, и всякое довольство!...

Гордѣй оживился.

— Да, сударь, всякія бываютъ земли; вотъ хоть бы и на долю нашей сосѣдки! Измѣрилъ и я не мало дорогъ и бездорожья на свѣтѣ; цѣну земелькѣ знаю!

— Такъ, стало быть, мы съ тобой одного болота кулики?— подхватилъ я, желая еще болѣе подзадорить неразговорчиваго собеcѣдника.

— Да-съ!—продолжалъ Гордѣй:—такихъ плодородныхъ земель, какъ въ этихъ мѣстахъ, такъ я еще и не видывалъ! Это правда, вотъ хоть бы и въ Бѣлобабовкѣ: рабочихъ рукъ точно мало, за то земли по тридцати, да по сорока десятинъ на душу; три водяныхъ мельницы объ осьми жерновахъ; лѣсъ дубовый, весь строевой, а по рѣчкѣ сплавъ,—только подавай: берутъ и на колеса, и на сваи, и на доски; а конскій табунъ такъ еще покойный отецъ наслѣдницы завелъ, какъ былъ въ здѣшнихъ мѣстахъ исправникомъ! Нѣтъ-съ, имѣніе хорошее, хорошее! Нечего жаловаться!

— Да отчего же барынѣ-то бѣлобабовской тутъ не живется? вѣдь, чай, и теперь въ городѣ?

— Да-съ, въ городѣ! Такъ уже, не живется, видно, да и только!— отвѣтилъ Гордѣй, усмѣхнувшись...

Мы этакъ не мало ходили, бесѣдуя, съ Гордѣемъ по пасѣкѣ, съ площадки которой виднѣлась вся обширная болотистая низменность, отдѣлявшая боръ отъ возвышенности, за которою, въ туманномъ просвѣтѣ синѣющаго далекаго лѣса, очевидно обозначавшемъ логовище большой рѣки, чуть виднѣлась верхушка бѣлобабовской церкви.

Въ это время заворчали собаки. Между сосенъ, въ кустахъ орѣшника, показались два старика, одинъ повыше, другой пониже, оба бѣлые, какъ черемухи въ цвѣту, въ бѣлыхъ шапкахъ и въ бѣлыхъ, широкихъ кафтанахъ до земли. Гордѣй извинился и пошелъ къ нимъ. Нѣсколько минутъ онъ съ жаромъ о чемъ-то говорилъ съ ними, размахивая руками, и вернулся не въ духѣ. Старики еще постояли, поглядѣли на меня и въ своихъ бѣлыхъ кафтанахъ и шапкахъ, колышась, какъ тѣни, медленно удалились къ поворотке просѣки.

— Кто это?

— А! — отвѣтилъ, съ неудовольствіемъ и какою-то непріязненностью Гордѣй:—прахъ ихъ побери! Тѣшинскіе богачи, тоже пасѣчники; тутъ на бору близъ меня и заведеніе; отецъ съ сыномъ; такъ сюда всѣ и ползутъ, мѣста нѣтъ! Одному сто-пятнадцать, а другому восемьдесятъ лѣтъ! Шутка ли? Деньги лопатами загребаютъ, а туда же попрошайничаютъ: ульи, вишь, понадобились,—пчелы роиться стали! У кого что, а у нихъ уже роятся!..

Гордѣй плюнулъ; онъ былъ, очевидно, разсерженъ.

— Что же ты, обѣщалъ имъ?

— А съ какой стати я буду обѣщать? ну ихъ!—отвѣтилъ Гордѣй и молча глянулъ въ ту сторону, гдѣ между кустовъ орѣшника уже едва виднѣлись бѣлыя шапки тѣшинскихъ пасѣчниковъ...

Мы походили еще нѣсколько между куренемъ и соснами.

— Ну, а у тебя какъ дѣла идутъ?—спросилъ я, останавливаясь у обрыва площадки и невольно продолжая любоваться зелеными тòпями.

— Ничего!—отвѣтилъ Гордѣй:—идутъ себѣ, плетутся!

— То-есть, какъ же это?

— Да такъ же; плохо идутъ, коли хотите знать, да и все тутъ!

— Быть не можетъ! Пчелы идутъ плохо? При этакой-то веснѣ? Разскажи, пожалуйста! Что-то странно это, когда подумаю, что весь вашъ край только и хвалится, что вашими, да еще волганскими пчеловодами...

Рыжіе усы и каріе глазки Гордѣя задвигались. Видно было, что внутри его опять кипѣло. И немудрено, какъ я узналъ впослѣдствіи: Гордѣй былъ, какъ выражаются о такихъ людяхъ, „придорожное гореваньице“...

Я выбралъ мѣстечко у края площадки, сѣлъ на перевернутый улей и занялся вооруженіемъ большой пѣнковой трубки, которая составляла неизмѣнную утѣху мою во всѣхъ многообразныхъ похожденіяхъ „дѣловой практики“ уѣзднаго землемѣра. Гордѣй началъ:— „Скажу вамъ, сударь, то-есть, по чистой по правдѣ, что нѣтъ тому на свѣтѣ большаго такого горя, какъ видѣть гоненіе судьбы-съ! А опричь того, еще просто непонятныя дѣла!“ .

Гордѣй на минуту перемолкъ и началъ опять тихимъ, какимъ-то плаксивымъ и будто размякшимъ для большей жалости голосомъ:

— Пришелъ я, сударь, въ эти мѣста изъ крѣпостныхъ, какъ вольную получилъ. Много на первыхъ-то порахъ, съ горяча, путей и дороженекъ я поиспробовалъ! Глупъ былъ! Кидался и въ наемъ по камердинерамъ, и въ трактирные, и въ мелкое, какъ есть, торгашество по мостамъ, да на перекресткахъ въ городахъ. Я изъ Великороссіи, сударь; на Окѣ, если изволите знать, и родина моя. Понамаялся! Ну, да этому и давно, лѣтъ уже съ десять, и больше будетъ; ходилъ и въ тонкомъ сукнѣ, и при часахъ, и въ бархатныхъ жилеткахъ; а случалось и такъ, что спозаранку-то, какъ народу еще мало на улицахъ, и милостыню просилъ. Всего было! Глупъ былъ! Опомнился я, однако, во-время; осадилъ меня одинъ, изъ вольноотпущенныхъ тоже, — старикъ уже былъ, безсемейный и совсѣмъ, какъ говорится, прогорѣвшій съ перваго размаху; гово-

ритъ: „Куражъ куражемъ, а о спасеніи души тоже помышляй!“ Шла молва въ нашей сторонѣ о здѣшнихъ пасѣчникахъ; меня вотъ такъ и подманило... Мѣста въ лѣсахъ, я думалъ себѣ, ни по чемъ, да и сбытъ хорошій; въ городѣ, по близости, какъ извѣстно и вашей милости, свѣчная восковая фабрика, а медъ и помѣщики, и монастыри, и нашъ братъ, здѣшній поселенецъ, берутъ—только подавай! Ну, я и сѣлъ на пасѣку; да что,—дѣло совсѣмъ выходитъ плёвое! Эти, старые-то здѣшніе пчеловоды точно заворожили всѣ мѣста на бору, хоть брось!

— Что-жъ такъ, однако? Времена дурныя подошли, что ли?

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ!—отвѣтилъ Гордѣй мягче и какъ-то грустно-задумчиво:—на время пожаловаться нельзя, травы родятся по колѣно: пчела только носи! Маломедкости въ здѣшнемъ краѣ и не знаютъ. А не идетъ у меня, однако, да и только! Какъ заколдовано, другаго и не придумаешь. Да вотъ, просто, сударь, вамъ сказать,—продолжалъ Гордѣй, присѣвъ на траву:—видали-ль вы когда, какъ на жнивѣ иной колосъ стоитъ въ ростъ человѣческій; а тутъ же, въ серединкѣ-то, завелась худосочина, отъ земли или и такъ, отъ сѣмени; не родится на ней хлѣба, да и полно! Вотъ такъ и у меня! То вдругъ гнильцовая зараза ударитъ передъ утренниками, какъ наступятъ первыя росы, то пасѣка съ пасѣкою чужою въ сѣчку ударится, вотъ какъ бы настоящее сраженіе происходитъ,—ажно страшно становится; и переведется иногда, въ одинъ разъ, полъ-завода. То такъ, видно кто-нибудь дорогу перейдетъ, станутъ вдругъ всѣ пчелы, какъ сонныя, и мрутъ до той поры, что и на рои ничего не останется. Ходилъ я и къ бабамъ, и солдатъ одинъ ворожилъ: ничего не беретъ! А вотъ года съ три, такъ случилась такая оказія. До тысячи колодокъ было; семерыхъ работниковъ держалъ; повѣрите-ли, господа съѣзжаться стали смотрѣть; губернаторъ мальчика въ ученье отдалъ! Ну, и перебился я зиму; кормилъ пчелу лучшимъ медомъ и еще прикупалъ. Привалила, хоть бы и теперь, весна да запалилъ жаръ, и зароились мои пчелки,—да такъ, что ульевъ въ городѣ на сто цѣлковыхъ подрядилъ. Что же, сударь: въ полъ-лѣта это вдругъ налетѣли жуколки такія, „шершни“ здѣсь прозываются, съ хоботкомъ да съ рожками, стали бить и поѣдать пчелу; а тутъ пошли дожди, завелась тля, да такая, что какъ перевернули ульи, а тамъ даже и воску нѣтъ,—одна паутина да гниль! Такъ тутъ, повѣрите-ли, хоть въ воду, какъ изъ тысячи-то колодокъ, да осталась вся пасѣка на тридцати! Вотъ оно, какъ идутъ у меня дѣла, если вы желаете знать! Теперь и другую, особенную пасѣку развожу второе лѣто, тутъ же на бору,—да что?.. Проку нѣтъ, вотъ что! Проку, барышей... нѣтъ...

И Гордѣй, съ усиліемъ проговоривъ послѣднія слова, нагнулся къ землѣ и замолчалъ. Я также молчалъ, смиренно потягивая изъ погасавшей уже и хрипѣвшей трубки.

Въ это время за кустами, внизу площадки, послышалось теньканье колокольчика; раздался быстрый и мягкій стукъ неокованныхъ колесъ, и изъ-за холма, въ сторонѣ кустовъ, показался на телѣжкѣ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ полотняной фуражкѣ и старомодномъ сюртукѣ домашняго покроя.

— Сысоичъ, приказчикъ изъ Тѣшина,—шепнулъ Гордѣй, поспѣшно вскакивая съ травы...

Не успѣлъ онъ приподняться, какъ голубая телѣжонка круто повернула внизу, между ракитниками, и подвезла къ обрыву площадки коротенькаго румянаго толстяка, сидѣвшаго среди мѣшечковъ и какихъ-то связокъ. Телѣжка, при помощи краснощекаго и сутуловатаго мальчишки-кучера въ долгополомъ армякѣ, остановилась; только разбитый колокольчикъ на дышлѣ долго еще не могъ успокоиться и неистово заливался, потому что косматыя и, какъ видно, пріобрѣтенныя въ разное время лошаденки въ дышлѣ были чуть не полъ-аршина одна выше другой и долго не могли найти точки равновѣсія. Сысоичъ съ усиліемъ повернулся между клажи, позвалъ къ себѣ Гордѣя и спросилъ тихо, однакоже такъ, что я слышалъ: — „А кто это?“

Гордѣй назвалъ меня и, какъ видно, тутъ же, на-скоро, выболталъ ему всю подноготную о моихъ намѣреніяхъ идти на Бѣлобабовку и повѣрить тамъ запущенные участковые планы помѣщицы.— Слова Гордѣя погрузили тѣшинскаго приказчика въ раздумье, причемъ онъ нѣсколько разъ поднималъ на меня красноватые, заплывшіе жиромъ и весьма глуповатые глазки.

— Ну, миленькій, вотъ же что! — заговорилъ опять шопотомъ Сысоичъ: — сходи, миленькій, въ курень и захвати кувшинчикъ съ водицею; страхъ хочется испить! Просто, какъ-будто вотъ горитъ что внутри!—И онъ пощупалъ животъ.— „А куда изволите?“ —спросилъ Гордѣй развязно, косясь на меня и устанавливаясь поближе къ телѣжкѣ, съ хозяиномъ которой онъ былъ, очевидно, на пріятельской ногѣ, или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ это показать...

— А къ Семенычу, къ винокуру, голубчикъ! — возразилъ, зѣвнувъ, толстый приказчикъ: вообрази, звалъ новоспѣлой отвѣдать; это на какихъ-то косточкахъ, шельма, настоялъ! Говоритъ, какъ нальешь, такъ точно масло,—не льется наливка, а капаетъ; чуточку только послѣ въ носъ пошибаетъ!

Гордѣй на это льстиво замоталъ головою и пошелъ въ глубину площадки.

— Да ужъ и медку, мамочка, захвати кстати! — крикнулъ ему вслѣдъ, пожираемый жаждой. толстый Сысоичъ...

И, не слѣзая съ телѣжки, Сысоичъ снялъ бѣлую фуражку,—причемъ на полномъ и розовомъ, какъ яблоко, темени его не оказалось ни единаго волоска,—и, поклонившись мнѣ, произнесъ:

— Честь имѣю-съ!.. Тѣшинскій управитель изъ разночинцевъ, Ардальонъ Сысоичъ!

Я также отрекомендовался.

— Въ наши мѣста изволили пожаловать?—спросилъ онъ съ деликатною улыбкой.

— Да-съ, есть одно дѣло по сосѣдству по размежеванію; а пока теперь предпринялъ прогулку на село Дарьи Романовны Стебликовой, если знаете?

— Какъ не знать? какъ не знать? — произнесъ Сысоичъ и, вздохнувъ, прибавилъ: — А вотъ, я никакъ, простите, въ толкъ не возьму: отчего это теперешніе господа совсѣмъ не живутъ въ своихъ вотчинахъ, то-то они имъ и не нужны?

Я счелъ долгомъ сослаться на пріятности нынѣшней городской жизни, такъ сманивающей нашихъ деревенскихъ хозяевъ, и пустился развивать мысль объ общественныхъ увеселеніяхъ. Но толстый собесѣдникъ меня не слушалъ. Онъ съ усиленнымъ вниманіемъ глядѣлъ на площадку и вдругъ спросилъ меня:

— А что, изволили вы говорить съ здѣшнимъ пасѣчникомъ?

— Говорилъ, а что?

— Такъ-съ, хорошій человѣкъ!—замѣтилъ приказчикъ какъ бы въ раздумьи и продолжая глядѣть въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться хлопотавшій для него Гордѣй.

— Не пьетъ, не буянитъ и всѣмъ пріятенъ! — продолжалъ онъ:—только вотъ бѣда, дѣла-то его какъ-то того, не клеятся! Дѣла-то его...

Я спросилъ о причинѣ, Сысоичъ подмигнулъ...

— Причина очень простая!—скромно замѣтилъ онъ, какъ-бы готовясь читать самое отрадное, похвальное слово Гордѣю: — очень простая причина! Есть здѣсь въ степяхъ, въ простонародьи, такое слово, еще испоконъ-вѣку идетъ между здѣшними хозяевами, что дѣло пчельное удается только людямъ *чистымъ*, непорочнымъ, такъ сказать, безъ всякаго изъяну! Это, можно выразиться, оселокъ человѣка!.. Присмотритесь-ка: вѣдь здѣсь, по этой причинѣ, ногой не пустятъ на пасѣку человѣка, который бы лишнее слово иногда любилъ ввернуть въ разговорѣ! Сказано бо есть въ народѣ: „ходи за пчелою, какъ за твоею душою!“ Ну, а у Гордѣя безъ изъяну не обойдется; и хорошій онъ человѣкъ, и о прибыткѣ заботится, да и

вытерпѣлъ много на своемъ вѣку, а не обойдется! Бывали за нимъ грѣшки, и небольшіе грѣшки, а бывали! Есть за нимъ одна маленькая исторійка, такъ-себѣ, дѣльце прошедшее и почти давно позабытое... а дѣльце нечистое... и я его знаю... Мистическій Ардальонъ Сысоичъ замолчалъ. Въ концѣ площадки, между сосенъ, показался ликующій Гордѣй съ кувшиномъ воды и крынкой меду. Видно было, что онъ особенно старался угодить гостю. Напившись и уложивъ крынку на телѣжку, Сысоичъ сказалъ мнѣ еще два-три слова, лукаво подмигнулъ на Гордѣя и тронулся далѣе. Пасѣчникъ пошелъ съ нимъ рядомъ. — „А что же-съ,“ —заговорилъ онъ почтительно:— „когда же-съ на-счетъ прибавки платы тѣшинскимъ плотникамъ? Я уже, сударь, обѣщалъ ихъ артельному!“ — Сысоичъ на это съ улыбкою погрозилъ ему пальцемъ. еще разъ кивнулъ мнѣ и поѣхалъ далѣе.

— Очень добрый человѣкъ!—произнесъ отрывисто Гордѣй, возвращаясь ко мнѣ, причемъ, однако, въ лицѣ у него не было ни кровинки:—только нечего ему совсѣмъ дѣлать у насъ при старостѣ, да при конторщикѣ! Въ здѣшнемъ околоткѣ, скажу вамъ, совсѣмъ никакихъ даже происшествій не бываетъ; народъ самый тихій и работящій! Такъ вотъ только, отъ скуки, все ѣздитъ по знакомымъ!— И, засмѣявшись, Гордѣй запахнулся кафтаномъ.

На дворѣ начинало вечерѣть. Я вспомнилъ о цѣли своей прогулки.

— Ты мнѣ, Гордѣй, сказывалъ, что другую теперь пасѣку разводишь на бору? Не по дорогѣ ли она намъ будетъ? Проведи, братецъ, на Бѣлобабовку, уже время!

— Да куда же вы, сударь?—заговорилъ быстро Гордѣй:—еще успѣете на село; чай, пѣшкомъ-то устали; да и приказчикъ тамошній теперь еще въ полѣ; вечеромъ тоже немного наработаете! Лучше посидите еще, да и медку не пожелаете ли? У меня прошлогодній припасенъ, а то можно и самоварчикъ взогрѣть; а завтра холодкомъ, на зарѣ, и пойдете; и пасѣку мою другую тогда лучше поглядите. Авось, съ легкой руки вашей, и счастье мнѣ привалитъ!..

„А и въ самомъ-дѣлѣ, пережду я у него!“ —подумалъ я:— „торопиться нечего; погода славная, я же и усталъ!“

— Ну, благодарствуй, Гордѣй!—сказалъ я:—быть по твоему, остаюсь у тебя! Угощай гостя!

Гордѣй засуетился; вздулъ сухой дождевикъ, родъ гриба, который постоянно дымился у него на пасѣкѣ, съ подвѣтренной стороны, отгоняя отъ ульевъ комаровъ и мошекъ; и скоро на травѣ у куреня задымился низенькій, пузатый самоварчикъ. Гордѣй повеселѣлъ; суровое и рѣзкое выраженіе его узкихъ и блѣдныхъ губъ, его сухо-

щаваго лица исчезло; острые глазки увлажились; рыжеватые усы заботливо шевелились. Онъ отъ души хотѣлъ меня угостить; и, несмотря на свое постоянное отвращеніе къ самоварамъ и самоварникамъ, которые такъ не ладятъ съ нашею несложною, степною простотой, я обрадовался, когда налитой стаканчикъ очутился передо мной...

А между тѣмъ стѣны исполинскихъ сосенъ, площадка съ ульями и островерхимъ куренемъ, долина внизу и камыши, все уже подернулось вечернимъ отблескомъ. Солнце скатилось къ окраинѣ горизонта. И на всемъ,—на островерхомъ куренѣ и стволахъ сосенъ, на голубомъ кафтанѣ и брошенномъ поодаль картузѣ Гордѣя, на крышкахъ ульевъ и головахъ страшилищныхъ собакъ, на дальнихъ озерахъ и на концахъ моихъ сапогъ,—вездѣ легли желтопурпурныя, перебѣгающія пятна...

И вотъ, заслышавъ близкія сумерки, слетѣлись первые отряды рабочихъ пчелъ. Бодрыя и радостныя работницы, какъ бы нехотя, какъ бы желая еще разъ взглянуть на отдаленные луга и перелѣски, гдѣ цѣлый день метались и звонко гомозились онѣ, не опускались еще къ темнымъ отверстіямъ знакомыхъ ульевъ и, забывъ свои пѣсни, медленно плавали вверху деревьевъ, надъ нашими головами, и, будто засыпая, золотистыми искорками висѣли въ вечерѣющихъ потокахъ соннаго воздуха...

Совсѣмъ стемнѣло.

— А кто тебѣ, Гордѣй, обѣдать готовитъ?—спросилъ я, перевертывая послѣдній стаканъ и развалившись у куреня, на травѣ.

— Кумушка одна, молодка, готовитъ, на деревнѣ; тутъ недалеко и живетъ!..—отвѣтилъ развязно Гордѣй, суетясь за собираніемъ посуды.

Стаканы скоро были унесены. Сонъ меня сталъ сильно одолѣвать. Я перебрался въ курень, упалъ на мягкую солому и скоро заснулъ. Но въ первыя минуты мнѣ все слышался голосъ Гордѣя. Впослѣдствіи я сообразилъ, что Гордѣй въ самомъ дѣлѣ разсказывалъ мнѣ о сосѣдяхъ-старикахъ, тѣшинскихъ пасѣчникахъ, къ которымъ онъ питалъ нерасположеніе, о стопятнадцатилѣтнемъ отцѣ и восьмидесятилѣтнемъ сынѣ.

— Вы не повѣрите,—разсказывалъ насмѣшливо Гордѣй: — что это за сквалыги! Отецъ сталъ ужъ совсѣмъ, какъ не человѣкъ, ничего не понимаетъ; а скупъ, говорятъ, и деньги зарываетъ! Продалъ, съ годъ назадъ, меду и зашилъ два цѣлковыхъ въ голенище; а сынъ-то подмѣтилъ и вырѣзалъ! Вотъ, пришелъ отецъ жаловаться къ исправнику.—Такъ и такъ, говоритъ, уймите сына; шалитъ, говоритъ, надо посѣчь, батюшка, обворовалъ меня!—Позвать сына!—

говоритъ исправникъ:—а какой ему годъ?—Восьмидесятый годокъ пошелъ, батюшка!—Разсмѣялся на это исправникъ и успокоилъ старика. Можетъ, это и неправда, а только говорятъ, и я въ городѣ слышалъ...

Многое еще говорилъ Гордѣй, сидя у двери куреня, склонивъ голову и обхвативъ колѣни руками; но я скоро почувствовалъ сладкое обаяніе неудержимаго сна; голосъ Гордѣя сталъ мнѣ казаться голосомъ комара, который будто возился гдѣ-то у меня надъ ухомъ; треугольный просвѣтъ куреня превратился въ зеленоватый шаръ, убѣжалъ прочь и сталъ колыхаться вдали межъ кустами, будто поддразнивая меня. Словомъ, всякая чепуха полѣзла въ голову...

Когда я опять раскрылъ глаза, была уже черная, черная ночь. Я приподнялся. Гордѣй, раскинувшись навзничь, спалъ у куреня. И онъ измаялся. По лѣсу шли какіе-то глухіе, завывающіе звуки, точно перекликались въ его чащѣ волки. Собаки пасѣчника не лаяли, но слышно было, какъ онѣ иной разъ тревожно метались на длинной привязи, точно высматривали кого въ кустахъ. Я посидѣлъ еще немного и опять упалъ, какъ убитый... Было ясное утро, когда я проснулся. Гордѣй уже исчезъ. Онъ до зари еще снялся и пошелъ съ разными своими снадобьями, въ сопровожденіи собакъ, на другую свою пасѣку, а меня не захотѣлъ разбудить. Онъ, какъ дѣловой человѣкъ, торопился; время роенья было не далеко, барыши его подмывали...

Вмѣсто Гордѣя, у куреня сидѣлъ приземистый, плохенькій, грязненькій и, какъ говорится, пришибленный мужичекъ, въ обдерганной шапкѣ и въ старой свиткѣ съ прорванными локтями. Въ немъ я тотчасъ узналъ савинскаго *Михрютку*, какъ его прозывали въ окрестностяхъ,—одного изъ работниковъ, проживавшихъ въ наймахъ у того самаго однодворца, о которомъ я упомянулъ въ началѣ разсказа.—„А! Михрютка!“—закричалъ я, протирая съ полусонья глаза:—„ты здѣсь?“—Михрютка закивалъ головою и что-то забормоталъ, причемъ его подслѣповатые глазки изъявляли уже несказанное удовольствіе при видѣ знакомаго. Онъ сидѣлъ и рылся въ землѣ. Это было его вѣчное ремесло. Куда бы его ни послали, онъ шелъ безъ отговорокъ, на пути заглядывалъ подъ каждое бревно, подъ каждую вѣточку, собирая грибы, общипывая травы и безпрестанно разсуждая съ самимъ собою вслухъ. Прозвище Михрютки было ему дано по случаю неказистой и загнанной его фигурки. Съ боку припека и пятая спица въ колесницѣ во всемъ, онъ, однако, былъ любимъ всѣми. Оно точно: суровый и дубоватый однодворецъ, хозяинъ его, держалъ его, какъ бы не замѣчая, и Михрютка, работая на него, какъ ломовая лошадь, также какъ-будто не выражалъ

къ своему хозяину ни особой пріязни, ни особаго отвращенія. Но посторонній глазъ могъ примѣтить въ этихъ отношеніяхъ тѣнь затаенной симпатіи. Хозяинъ и работникъ жили, какъ живутъ на свѣтѣ, по выраженію народа: „ложка да миска, петля да пуговка, топоръ да топорище". Они были нужны другъ другу. Нуженъ оказывался, впрочемъ, Михрютка и не одному угнетенному сосѣдкой однодворцу. Всякой работѣ его у хозяина было свое время; да и немного было работы, съ тѣхъ поръ, какъ сосѣдка-помѣщица вздумала отнять у него поемные луга и мельницу. Онъ сталъ подмога и вѣстовщикъ всѣхъ почти окрестныхъ поселянъ: одному несъ въ поле брусокъ для косы, другому забытаго въ хатѣ ребенка, съ третьимъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ, толкуя по своему, отрывистыми и какими-то слезливо-насмѣшливыми фразами, о томъ, что: „Вотъ, точно, Гарасько, возьмутъ у тебя сына въ косари, возьмутъ!" или: „Нечего, друже, дѣлать; околѣла твоя корова, околѣла, бѣсъ ее побери!" И утѣшалъ онъ, и задумывался, какъ бы пріискивая средство помочь горемыкѣ, и двигался во всѣ стороны, какъ лихорадочный, приговаривая: „Ахъ ты, бѣда-бѣда! Горе, да и только!" Такъ и теперь Михрютка занесъ Гордѣю обѣдать по пути, Богъ вѣдаетъ, какимъ образомъ, изъ далекой Бѣлобабовки на свои выселки.

— А что, какъ? того... ваше благородіе... какъ насчетъ той пани? Возьмутъ у насъ мельницу, возьмутъ?—спрашивалъ онъ дрожащимъ голосомъ, завертывая въ дырявый платокъ съ полъ-десятка набранныхъ подъ кустами грибовъ, должно быть для дѣтей своего хозяина, и выводя меня, по просьбѣ ушедшаго утромъ Гордѣя, на тропинку къ другой пасѣкѣ послѣдняго.

— Ничего, братъ, не бойся!—говорилъ я:—по законамъ рѣшать дѣло! Скажи своему Ѳедору Ивановичу, чтобы не опасался и даромъ не ѣздилъ въ городъ! Скажи, по законамъ все рѣшится! Да прибавь, что дѣло его правое, посредники давно признали это, и только надо еще, понимаешь, собрать нѣкоторыя справки! — Михрютка притихъ и шелъ, слушая меня, съ замирающимъ, трепетнымъ восторгомъ.

— Вотъ, вотъ... — началъ онъ, останавливаясь на перекресткѣ и утирая слезившіеся глаза: — вотъ оно, какъ теперь! вотъ оно!— И быстро пошелъ въ сторону, размахивая руками. — „Куда же ты? Постой!"—Но Михрютка ничего уже не слышалъ; дырявая свитка его залихватски колыхалась, платокъ развернулся, и грибы посыпались на траву, а ноги учащали скорѣе и скорѣе. „Куда же ты?" кричалъ я ему вслѣдъ. Михрютка обернулся. Лицо его сіяло, брови двигались, по бородѣ текли слезы. — На слободку! Туда!..

Ѳедоръ Иванычъ... Дѣтки его!.. — Михрютка не договорилъ и скрылся за кустами...

Я пошелъ далѣе.

Въ лѣсу стало темнѣть. Сосны смѣнились дубомъ и берестнякомъ. Въ просвѣтѣ, между ихъ маковокъ, скоро кинулся мнѣ въ глаза улей-бортовикъ, высоко подвязанный къ вершинѣ исполинской липы. Но, вмѣсто гладкой поляны, на которой, по словамъ Гордѣя, онъ пробивалъ мѣсто для новаго пчельника, передо мною предстала дикая, глухая просѣка, въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ, съ десятками бѣлыхъ, огромныхъ ульевъ, надъ которыми жужжали и метались тучи пчелъ. „Это не то!"—подумалъ я:—„сбился съ дороги, должно быть!" И въ то же время передо мною, изъ-за кучи зеленаго хвороста, наваленнаго по близости, очевидно для ограды, поднялся весь бѣлый, какъ призракъ, старикъ съ густою и широкою бородою. Этотъ день ознаменовался для меня еще однимъ знакомствомъ.

Не трудно было узнать въ представшемъ старикѣ одного изъ видѣнныхъ мною вчера пасѣчниковъ-сосѣдей Гордѣя; другой старикъ, помоложе, хотя такой же бѣлый, накинувъ черную сѣтку на лицо, стоялъ поодаль, нагнувшись передъ кустомъ и готовясь собирать въ улей новый рой, тогда, какъ разомъ изъ двухъ ближнихъ ульевъ поднимались другіе рои и, то свиваясь, то развиваясь въ воздухѣ, клубомъ стояли надъ пасѣкою. Старикъ, по завѣту старины, готовясь переселить молодыхъ медоносицъ въ новый улей, заботливо обмахивалъ и освѣжалъ его бѣлую, чистую средину вѣникомъ изъ первыхъ, благовонныхъ травъ, обрызгавъ ихъ медовою сытою съ молокомъ и крещенскою водой. Заботясь о будущемъ жилищѣ для молодаго роя, онъ совершенно былъ углубленъ въ работу и не замѣчалъ моего прихода. То были образцы старинныхъ украинскихъ пчеловодовъ, какихъ уже теперь мало, старцевъ чистыхъ и благочестивыхъ, сурово степенныхъ и важныхъ на слова.

— Богъ въ помощь!—сказалъ я, подходя къ старшему обитателю бора и невольно любуясь живописными и рѣзкими морщинами его лица, которое, среди благоухающаго лѣса и всегда на вѣтрѣ и свободѣ, цвѣло здоровьемъ и какою-то мудрою веселостью, въ то время какъ глаза его, уже едва глядѣвшіе изъ-подъ густо-нависшихъ, клочковатыхъ бровей, ласково встрѣчали гостя.

— Спасибо!—отвѣтилъ съ улыбкой и поклономъ старикъ, щурясь на меня изъ-подъ ладони и едва передвигая ноги.

— Или уже роятся?—спросилъ я, оглядывая съ затаеннымъ наслажденіемъ его пасѣку, отъ которой такъ и вѣяло стариной и таинственностью.

— Да, роятся; далъ Господь! Вонъ, какое тепло! Хорошее

время!—произнесъ старикъ медленно, обращаясь лицомъ къ солнцу и почесывая рукою открытую, загорѣлую грудь.

— А какъ тебя звать, старинушка?

— Тарасомъ! — отвѣтилъ старикъ, ласково прищуриваясь на меня.

— Ну, Тарасъ, я же у тебя и отдохну!—сказалъ я и вошелъ въ курень, сопровождаемый медленными шагами и поклонами старика.

Какая разница съ Гордѣемъ и его обстановкой!

Въ куренѣ было и бѣдно, и пусто. Но малиновка лучше не свила бы своего гнѣзда. Самовара и чашечекъ, правда, здѣсь не было, и трава обильно проростала плоскую крышу куреня, походившаго, вслѣдствіе этого, на зеленую, кудрявую голову, выглядывавшую изъ-за ульевъ. Зато всѣ нужныя средства для лѣченья и сбереженья пчелъ стояли тутъ же, на полкахъ, а въ главномъ углу куреня, на рѣзной липовой подставкѣ, виднѣлись образа угодниковъ *Савватія и Зоссимы*, завѣтныхъ покровителей пчеловодства. Заговорилъ я съ Тарасомъ; его рѣчи не были рѣзки и холодны, какъ рѣчи Гордѣя, который и стариковъ-сосѣдей не щадилъ, и Ардальона Сысоича охаялъ, и на самихъ пчелъ смотрѣлъ какъ-то равнодушно-непріязненно, видя въ нихъ одно средство къ прибыли...

Не то было съ Тарасомъ. Послѣдній о пчелахъ говорилъ не иначе, какъ съ какимъ-то сіяющимъ, торжественнымъ увлеченіемъ, причемъ широкая, сѣдая борода его такъ важно покачивалась на груди; не иначе называлъ ихъ, какъ непорочная, чистая пчела. Упомянулъ я о Гордѣѣ; онъ и о Гордѣѣ выразился:

— Да, жаль; человѣкъ работящій, только не удается ему дѣло что-то; жаль!—И только.

— Ну, а сынъ твой, доволенъ ли ты сыномъ, дѣдушка? — спросилъ я.

— Ничего, доволенъ! — отвѣтилъ кротко старикъ: — человѣкъ онъ тихій и праведный!

— Навралъ! — подумалъ я, вспоминая вчерашній разсказъ Гордѣя объ исправникѣ и о вырѣзанныхъ деньгахъ. Долго еще сидѣлъ я въ куренѣ стараго пасѣчника; съ особеннымъ восхищеніемъ вслушивался я въ тихія рѣчи его, межъ тѣмъ какъ вѣтеръ, съ тихимъ шелестомъ пробираясь сквозь соломенныя стѣнки куреня, доносилъ ко мнѣ медвяный запахъ травъ съ ближней луговины.

Провожая меня, Тарасъ остановился подъ темнымъ дубомъ и на вопросъ, кто первый завелъ у нихъ пасѣку, степенно-торжественнымъ и однозвучнымъ голосомъ разсказалъ мнѣ:

— Охъ, годы мои, годы! Какъ вспомнишь, такъ просто тяжко становится, что до этой поры не прибралъ Господь!

Долго живу я, пожалуй и Потемкина князя помню, какъ мимо насъ въ Туречину ѣздилъ; а отецъ-то мой еще дольше жилъ! Завелъ покойникъ пасѣку тогда еще, какъ населялось Тѣшино, Бѣлобабовка, да и всѣ почти ближнія наши слободы... То было хорошее время... И старикъ на минуту поникъ головой.—За то же и любо было, какъ караваны, въ десятки возовъ, шли отъ насъ за Кіевъ и въ Крымъ съ медомъ да воскомъ. Повѣрите ли: у нашего брата, простаго казака, на Ворсклѣ да на Донцѣ иной разъ бывало по двѣ и по три тысячи колодокъ пчелъ! И пчелы не теперешнія, выродившіяся, а дикія, отъ созданія свѣта, вылетали изъ нашихъ затинокъ. А теперь... и народъ выродился, и пчелы выродились.

Тарасъ, внезапно освѣщенный пробившимся сквозь листву дуба лучемъ, опять замолчалъ.—Да что! молодые изъ хозяевъ не обращаютъ вниманія теперь на эту прибыль. Что имъ она? Много ли дастъ барышей? Вотъ нашъ тѣшинскій, умный такой, приказчикъ, а вырубилъ весь свой лѣсъ, да обстроилъ конскій заводъ. Былъ я на мѣстѣ, какъ онъ рубилъ старый, запущенный липнякъ, за Груныо. Топоръ-то какъ хватилъ, а двухсотлѣтняя липа и повалилась; смотримъ, а въ дуплѣ ея старая борть; и вынули изъ нея бѣлую, какъ слезу, глыбу дикаго меду, пудовъ тридцать. Мы такъ и ахнули! Пчелиная семья давно уже за грѣхи наши улетѣла, а хозяйство намъ оставила: на-те, значитъ, берите, а мнѣ не нужно, Богъ съ вами!—Тарасъ замолчалъ. Поднявшійся вѣтеръ перебиралъ листочками сосѣдней ясени. Старикъ, подъ вдохновеніемъ завѣтныхъ воспоминаній, стоялъ передо мною, полузакрытый низенькими порослями дуба, какъ таинственное лѣсное видѣніе...

— А вотъ, хоть бы и отецъ мой покойный,—началъ онъ:—не намъ былъ чета. Силы неимовѣрной былъ! Черезъ три года, подъ осень, какъ пчелъ на зиму въ амшенникъ складывалъ, къ родичамъ за Полтаву ходилъ. И ничего; перевалитъ-было за плечо котомку и пойдетъ отмѣривать, по сто верстъ въ недѣлю дѣлалъ! И какой чудной еще былъ; дожилъ до того, что уже какъ дитя сталъ. Напослѣдокъ только сидѣлъ все на солнцѣ у куреня, да грѣлся... Я только, бывало, смотрю на него. Вотъ однажды и призываетъ онъ меня къ себѣ: „Возьми ты, говоритъ, меня, Тараско, и вынеси на гору, что надъ большою проѣзжею дорогой, за селомъ, гдѣ лѣсъ!“ Богъ знаетъ отчего, только забилось у меня сердце, какъ я это услышалъ. Взялъ я его на плечи (посильнѣй, знаете, тогда еще былъ) и понесъ. Несу его огородами за околицу. Вынесъ... „Ну, теперь опусти ты меня, говоритъ, на травку. Посади, говоритъ, послѣдній разъ поглядѣть на все: и откуда, говоритъ, пришелъ я, и какъ день и солнце заходятъ!“ — Опустилъ я его на траву, надъ горою, а самъ чуть живой стою и себя не помню. Сидѣлъ онъ этакъ

долго, да все озирается, да все смотритъ и точно усмѣхается, а вѣтеръ волосы перебираетъ на головѣ. Страшно мнѣ стало... Погода была, вотъ хоть бы и теперь, весенняя, теплая; птицы щебетали, по дорогѣ шли косари, пѣсни пѣли... Да вдругъ онъ обернулся ко мнѣ и говоритъ не своимъ голосомъ: „Ой, что же это? слѣпну я, что ли, Тараско?“ Протянулъ передъ собою руки, точно шарилъ, искалъ чего, поводилъ, поводилъ руками, да тутъ же и отошелъ... Повѣсилъ я голову и какъ ни судилъ, а пришлось просить священника; похоронили его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ желалъ... И глядитъ онъ теперь денно и нощно на столбовую дорогу и на поле и видитъ, какъ день начинается, какъ солнце заходитъ...

Я простился съ Тарасомъ.

Разговоръ съ Михрюткой, отыскиваніе Гордѣя, бесѣда съ Тарасомъ и новые поиски Гордѣя — все это отняло у меня не мало времени; и когда я нашелъ опять Гордѣя, солнце снова начинало уже опускаться къ закату. Я чувствовалъ себя въ какомъ-то особенно пріятномъ настроеніи. Закусивъ пирогами и ухою, которые были принесены утромъ Михрюткой со слободки, я вступилъ съ Гордѣемъ въ подробные разспросы о сосѣдяхъ и не разъ улыбался на его ѣдкія, острыя выходки противъ окрестныхъ чудаковъ. Онъ вообще былъ смышленый и даровитый человѣкъ. Желая помочь ему докончить къ вечеру расчистку лунокъ для ульевъ и подготовку забора, я тоже принялся подскабливать траву и обтесывать колышки.

— Ты говоришь, что пришелъ изъ дворовыхъ? — спросилъ я, между прочимъ, Гордѣя, вспоминая разсказъ Ардальона Сысоича и любопытствуя узнать, что за грѣшки водились за Гордѣемъ и что могло повредить благодатному успѣху его занятій пчелинымъ дѣломъ. Я и самъ не разъ слышалъ, что, по степнымъ повѣрьямъ, особенно грѣховные поступки въ отношеніи къ женщинамъ вредятъ этому...

— Да-съ! — отвѣтилъ Гордѣй: — точно такъ; баринъ нашъ скончался, а тутъ, видите ли, по его духовной, всей дворнѣ и дали отпускныя.

— Что же, гдѣ же теперь проживаетъ ваша дворня, твои былые товарищи?

— Да по правдѣ вамъ сказать, при жизни покойнаго барина дворня-то наша была велика, шестьдесятъ семь человѣкъ, и при этомъ еще была очень распущена, все шлялась больше безъ всякаго дѣла, дармоѣдничала; а тутъ уже и совсѣмъ разбрелась. — Когда въ сумерки уже, отведя опять собакъ на старую пасѣку, повелъ меня Гордѣй къ долинѣ, на Бѣлобабовку, онъ какъ-будто о чемъ-то все думалъ, о чемъ-то хотѣлъ все поговорить со мною. Я исподтишка

наблюдалъ его: голубой кафтанъ его какъ-то особенно козыристо покачивался на немъ, а зеленый картузъ, свѣшанный на-бокъ, просто отчаянно сидѣлъ на его головѣ. Молча шагалъ онъ, взглядывая то вдаль, то на меня, то въ землю, то на кусты, и вдругъ произнесъ:— „А вѣдь я знаю, сударь: вѣдь вы вчера говорили, должно быть, обо мнѣ съ тѣшинскимъ приказчикомъ?“

— Говорилъ! А что развѣ?

— Да такъ-съ, ничего! Онъ изъ нашихъ мѣстъ и тоже, какъ и я, сюда пріѣхалъ! Другаго только барина былъ!

— А, такъ вотъ онъ откуда! Я этого и не зналъ!

Я замолчалъ. Онъ тоже. Такъ мы вошли въ первые кусты долины...

Видно, терпѣніе Гордѣя наконецъ лопнуло. Онъ какъ-то особенно передернулся, притиснулъ къ носу козырекъ и обратился ко мнѣ. Лицо его было блѣдно, узенькіе глаза пристально слѣдили за мною...

— Досадно мнѣ, право, сударь,—началъ онъ:—что этотъ человѣкъ выноситъ соръ изъ избы и вездѣ меня порочитъ одною вещью!

Гордѣй, пройдя съ форсомъ нѣсколько шаговъ, замолчалъ, какъ бы выжидая, какое впечатлѣніе произведутъ его слова на меня. Но мнѣ было особенно грустно; я шелъ молча... Гордѣй раза два еще взглянулъ на меня, прошелся, еще порывистѣе придернулъ къ носу замасленный картузъ и возразилъ:

— А вотъ, видите ли, сударь, а вотъ теперь уже мнѣ и понятно: тѣшинскій Сысоичъ отлично успѣлъ на меня вчера наговорить. Ну, да пусть его знобитъ! Пусть... Эка звѣрь! Вотъ душа-то; нѣтъ, вотъ бездумный!..

И когда я сказалъ, что Сысоичъ рѣшительно ничего мнѣ такого не говорилъ, Гордѣй задумался и сказалъ:

— Нѣтъ, сударь, не обманывайте меня: я сразу замѣтилъ, что онъ уже успѣлъ поговорить обо мнѣ. Была со мной точно одна исторія; и хотя она давно уже была, а все еще такъ вотъ и стоитъ передо мною... И я хочу, сударь, вамъ разсказать ее!

И онъ началъ:

— Былъ я у барина сперва на селѣ, мужиченкомъ съ косою ходилъ. Услышалъ разъ баринъ, какъ я пою на работѣ, и взялъ меня во дворню, въ пѣвчіе. Такъ я и жилъ при немъ. Ну, нельзя сказать, чтобъ въ первую пору опять не манило на деревню. Жила у насъ на селѣ дѣвка умная и красивая. Одна осталась на хозяйствѣ сиротою, да на какомъ хозяйствѣ! Изба новая, большая, хоть на двѣ семьи; огородъ чуть не на десятину; а лѣсъ—такъ дикихъ однихъ яблокъ, да грушъ, изъ ея участка, по три воза продавали! Я и сталъ за нею приволакиваться. Слюбились мы. Передъ петров-

ками все это уладили; приходимъ къ барину и бухъ въ ноги. А баринъ, какъ я уже докладывалъ, былъ очень старъ, ничего не помнилъ и все только сидѣлъ въ креслѣ, а камердинеръ ему книжки читалъ. — „Я, говоритъ, голубчики, - Богъ съ вами, —ничего не знаю: по мнѣ—Богъ васъ да благословитъ; только дѣло это отъ старосты зависитъ, какъ онъ рѣшитъ!“ Мы къ старостѣ. А это былъ преехидный человѣкъ. — „Нѣтъ, говоритъ, какой онъ мнѣ работникъ! Женится на Дарьѣ, на село перейдетъ; а какой онъ мнѣ пахарь! Мужикъ намъ, батракъ нуженъ, а не дворовый, картежникъ, да лѣнтяй. Богъ съ ними, съ этакими!“—Такъ и отрѣзалъ барину. А баринъ любилъ и почиталъ его. Что ты будешь дѣлать! Ужъ я и мать къ нему съ поклономъ засылалъ, и самъ носилъ мадеру, и Дарья женѣ его новый полушубокъ снесла. Не беретъ ничего, да и баста! Честности былъ удивительной! Такъ мы бились цѣлый годъ... Вижу, невѣста моя совсѣмъ измѣнилась, на себя не походитъ; всѣ смотрятъ на нее да головами качаютъ... „Ну, Гордѣюшка, говоритъ: что хошь, вели, все для тебя сдѣлаю; не пожалѣю теперь ни себя, ни добра своего!“ Сидѣли мы этакъ и говорили. Поглядѣлъ я на нее, а она вся не своя, дрожитъ, и жаръ въ глазахъ. — „Что-жъ, говорю, Дарья; приходится намъ, видно, съ тобою разлучиться! Такъ дольше уже нельзя намъ любиться; и ничего между нашихъ душенекъ не было, только баринъ узнаетъ, плохо будетъ мнѣ!“ — Она, какъ была, такъ и ударилась; руки упали, головою бултыхнулась объ стѣну, и ни слова, вся помертвѣла... Я къ ней: „Пошутилъ я, говорю, душа моя, пошутилъ! Еще не все пропало!“ Вотъ она и говоритъ: „Ну, Гордѣй, хорошо же, приходи завтра опять сюда, объ эту же пору; увидишь тогда!“ — сказала, встала этакъ и пошла улицею. Пошелъ и я на барскій дворъ, а сердце такъ и колотится. Вотъ, занялось утро, позвали насъ къ обѣду; и только что я хлебнулъ первую ложку, слышимъ, бѣгутъ. „*Пожаръ, пожаръ*!“ Выбѣжали... Дарьина изба вся въ полымѣ, а искры уже перекидываетъ на крестьянскіе хлѣба, которые тутъ, къ сторонкѣ, стояли; осенью только-что мужики и собрали. Вѣтеръ былъ отъ села; другихъ дворовъ не тронуло, а Дарьина изба и весь мірской хлѣбъ сгорѣли до тла. Да еще та бѣда: подъ скирдами прилегъ соснуть нашъ лѣсничій, старичекъ такой тихій былъ, только немного изъ себя тучноватъ; чуть, бывало, пригрѣетъ солнце, онъ уже и тычется гдѣ-нибудь, въ холодкѣ приляжетъ и проспитъ до вечера. Сгорѣлъ также. Схватили дѣвку, ведутъ къ допросу. „Такъ и такъ“, говоритъ старостѣ, а сама убивается: „неповинна я въ душѣ человѣческой, видитъ Богъ, неповинна; а несла золу изъ печи, да и обронила уголь!“ Стали ее судить. А мнѣ такъ на чистоту, шальная, все сказала: „Любила я

тебя больно, Гордѣюшка, больно любила и хотѣла выжечь все свое богатство: пускай себѣ не зарятся! Судомойкою бы пошла во дворню, а доказала бы тебѣ любовь свою!"

— Ахъ ты дура, дура! — подумалъ я. — Ну, подите же! Да что! Такова уже видно моя участь, еще въ тѣ поры, была!

— Что же ты, женился на ней? — перебилъ я, невольно заинтересованный его разсказомъ...

— Гдѣ жениться, помилуйте! — замѣтилъ иронически Гордѣй и пристально взглянулъ на меня: — вѣдь на поселеніе присудили сумасбродницу, за поджогъ и причиненіе смерти, по закону присудили, а мнѣ же не идти за нею...

Онъ продолжалъ:

— Какъ теперь это помню: захотѣлось мнѣ увидѣть, какъ везти ее станутъ. Выпросилъ у кучеровъ барскаго коня, да ночью, до свѣта, и махнулъ въ городъ. Что же вы думаете? Все наше село ужъ тамъ! Вѣдь хлѣбъ и всѣхъ погубила, лѣсничаго сожгла, а ничего! Таковъ ужъ народецъ! Староста было слово, а они: знаемъ, молъ, кормилецъ, знаемъ, что она преступленіе сдѣлала, знаемъ: судъ ее и караетъ за это, идетъ она въ Сибирь; да утѣшеніе-то ей нужно, кормилецъ, утѣшеніе! И стали съ иконами на дорогѣ, и всего-то надавали ей на телѣгу конвойную, и такъ это жалобно все говорятъ, да кланяются: голубушка, родненькая, бѣдненькая ты, дѣвчоночка наша! Такъ что, вижу, конвойнаго офицера даже до слезъ прошибло; а я, стоючи за угломъ, такъ просто чуть головой объ стѣну не бился!

Мы вошли въ камыши, между которыми извивалась и терялась вдали узенькая, влажная тропинка...

Солнце, между тѣмъ, давно закатилось; боръ едва уже виднѣлся за озерами, и низменность тонула въ туманѣ. Впрочемъ, лучи солнца какъ будто еще носились въ сумеркахъ и захватывали кое-гдѣ выступившіе верхи зеленыхъ кустарниковъ да синеватыя полосы водныхъ застоевъ.

Гордѣй молчалъ. Молчалъ и я...

И вдругъ, точно благовѣстъ въ глухую, передъ-праздничную ночь, со стороны бора раздалась громкая, въ нѣсколько десятковъ голосовъ, пѣсня. Быстро перелетѣла она черезъ кусты и камыши и, пройдясь по долинѣ, сначала замерла и затерялась въ отдаленьи. Но опять и еще громче зазвучали голоса, точно сердились и на жалобы Гордѣя, и на мое тоскливое раздумье. Свѣжею и благодатною струею повѣяло отъ нихъ. И не прошло пяти минутъ, какъ промежъ камышей затопали десятки шаговъ, и на дорогу высыпала цѣлою деревнею толпа крестьянъ съ граблями и косами. Нарядныя

бабы и дѣвки, всѣ въ цвѣтахъ и лентахъ, шли впереди; статные мужики шли сзади; съ боку, въ припрыжку, съ цѣлыми ворохами цвѣтовъ и болотныхъ порослей, бѣжали босоногіе ребятишки...

Толпа, поровнявшись со мною, поклонилась и на время замолкла; но, уже на близкой плотинѣ, опять раздалась ея пѣсня.

— Чьи это? — спросилъ я Гордѣя.

— Бѣлобабовскіе! Съ косовицы ранней идутъ! Вы не повѣрите,— прибавилъ онъ: — травы у мужиковъ уродило столько, что и не запомнятъ! Просто благодать! Даже досадно!

Въ потемкахъ уже не было видно Гордѣя; мы шли почти ощупью. Но я замѣтилъ, что пѣсня и вообще вся картина нежданно выступившей крестьянской толпы сильно подѣйствовала и на него. Можетъ быть, вспомнилъ онъ молодость, когда, бодрый и свѣжій, разгуливалъ съ косою и пѣсней по лугамъ и сѣннымъ раздольямъ.

Повѣяло нежданно сыростью. Между вербъ сверкнулъ въ потемкахъ прудъ; запахло дымомъ, и на косогорѣ, тихо вздрогнувъ, будто развѣшенные по окраинѣ неба, мелькнули огоньки деревни. Мѣсяцъ еще не вырѣзывался. Домъ помѣщицы выступилъ середи пространнаго двора, и во всемъ селѣ ни одна собака не лаяла... Въ Бѣлобабовкѣ я пробылъ недолго. Несказанно обрадовался я, когда прикатилъ за мною верхомъ на саврасомъ, толстобокомъ битюгѣ ликующій Михрютка и, задыхаясь отъ радости, объявилъ, что дѣло его хозяина кончено и меня зовутъ нарѣзать на участки законныя межи.

1855 г.

СВЯТОЧНЫЕ ВЕЧЕРА.

ОТЪ АВТОРА.

Въ зиму 1879 года, во время господствовавшей въ Царицынѣ „ветлянской чумы“, въ Петербургѣ была сильная паника, по поводу такъ названной тогда, открытой врачами „Прокофьевской чумы“. Въ обществѣ ни о чемъ другомъ столько не говорили, какъ о чумѣ. Въ одномъ кружкѣ, собиравшемся у милаго, образованнаго старожила Петербурга, возникла мысль избрать, для развлеченія себя иную тему разговоровъ,—а именно обязательное сообщеніе каждымъ изъ членовъ кружка, по очереди, фантастическихъ разсказовъ, въ родѣ тѣхъ, которые написалъ когда-то знаменитый Боккачіо, во время бывшей въ XIV вѣкѣ „Флорентійской чумы“. Осуществленію этой мысли способствовало то обстоятельство, что въ упомянутомъ гостепріимномъ кружкѣ собирались любители безгрѣшныхъ сказокъ о привидѣніяхъ, явленіяхъ духовъ и прочей бѣсовщинѣ, въ родѣ старинныхъ разсказовъ: „Вечера на Хопрѣ“,—„Панъ Твардовскій“,—„Вечеръ на кавказскихъ водахъ въ 1824 году“, и др. Общество было, такимъ образомъ, съ фантастической подкладкой. Автору было поручено составленіе протоколовъ предпринятыхъ бесѣдъ, изъ чего и составлены нижеприводимые святочные разсказы.

I.

МЕРТВЕЦЪ-УБІЙЦА.

Это случилось въ прошломъ, XVIII вѣкѣ, въ царствованіе Екатерины II. Въ большомъ великорусскомъ селѣ скончался скоропостижно зажиточный, одинокій крестьянинъ, слывшій за знахаря и упыря. „Бѣда“,—стали толковать крестьяне:—„при жизни поѣдомъ всѣхъ ѣлъ; не дастъ покоя и послѣ смерти“.—Его положили въ гробъ, вынесли на ночь въ церковь и выкопали для него яму на кладбищѣ. Похороны ожидались „постныя“: не только сосѣди жутко посматривали на опустѣвшую избу покойника, даже болѣе храбрый церковный причтъ почесывался, собираясь его отпѣвать. А тутъ еще подошла непогода, затрещалъ морозъ, загудѣла метель по задворкамъ и въ сосѣднемъ, дремучемъ лѣсу. Первый изъ причта не выдержалъ, очевидно струсилъ, дьяконъ. Пришелъ къ священнику, сталъ проситься, наканунѣ похоронъ, въ дальнее село, навѣстить умирающую тещу.—„Какъ же ты ѣдешь?—уперся попъ:—кто же будетъ помогать при отпѣваніи? нешто не знаешь, какая мошна? родичи чай вотъ какъ отблагодарятъ“.—„Не могу, отче, ради Господа, отпусти“.

Отпустилъ попъ дьякона, остался съ однимъ дьячкомъ. Дьячекъ прозвонилъ до зари къ заутренней, отперъ церковь, вошелъ туда съ попомъ и зажегъ свѣчи. Началась служба въ пустой, холодной, старой церкви. Стужа ли замкнула всѣ двери села, покойникъ ли пугалъ старухъ и стариковъ, только никто изъ прихожанъ не явился къ заутренней.

Дьячекъ читаетъ молитвы, напѣваетъ, пряча носъ въ шубейку, а самъ, вторя священнику, возглашавшему изъ алтаря, все посматриваетъ на мертвеца, лежавшаго въ гробу, подъ пеленой, среди церкви.

Заря еще не занималась. На дворѣ была непроглядная тьма. Въ окна похлестывалъ уносимый метелью снѣгъ, на колокольнѣ что-то съ вѣтромъ выло, и скрипѣли петли ставней и наружныхъ

дверей. Желтенькія, крохотныя свѣчи чуть теплились у темныхъ, древнихъ образовъ.

И вдругъ дьячку показалось, что убогій, потертый церковный покровъ шевельнулся на мертвецѣ. Причетникъ потеръ глаза, подумалъ: — „Съ нами крестная сила!“ — и опять сталъ читать по книгѣ. А глаза такъ и тянетъ снова посмотрѣть на средину темной, холодной церкви.

Не вытерпѣлъ дьячекъ, глянулъ и видитъ: у мертвеца шевелится борода, будто онъ дышетъ, уставился на царскія двери.

— Батюшка! — сказалъ дьячекъ съ клироса, остановясь читать: — у насъ не ладно.

— Что тамъ?

— Мертвецъ ожилъ, страшно мнѣ.

— Полно, неразумный, молись о Господѣ! — отвѣтилъ попъ, продолжая службу.

Дьячекъ отвернулся, углубился въ книгу. Долго ли онъ тамъ читалъ, неизвѣстно. На дворѣ какъ будто стало свѣтать.

— Ну, слава тебѣ, Боже, скоро крикнутъ пѣтухи, — подумалъ дьячекъ въ ту минуту, когда священникъ готовился стать въ царскихъ вратахъ, читая отпускъ съ заутренней.

Дьячекъ глянулъ опять на средину церкви, вскрикнулъ въ ужасѣ не своимъ голосомъ и лишился чувствъ...

Онъ ясно передъ тѣмъ увидалъ, какъ потомъ разсказывалъ всему селу, что мертвецъ поднялся на одрѣ, опросталъ руки изъ-подъ могильнаго покрова, посидѣлъ чуточку въ гробу и сталъ вставать — блѣдный, посинѣлый, съ страшною, трясущеюся бородой. Священникъ испуганно и безмолвно глядѣлъ на него изъ алтаря. Мертвецъ, съ распростертыми руками, раскрывъ ротъ, шелъ прямо къ попу...

— —

Когда на дворѣ совсѣмъ разсвѣло и народъ, спохватясь долго отсутствующаго причта, вошелъ въ церковь, — передъ всѣми предстала страшная картина.

Дьячекъ безъ памяти, съ отнявшимся языкомъ, лежалъ ницъ у клироса. Въ царскихъ вратахъ лежалъ навзничь бездыханный, съ перегрызеннымъ горломъ, священникъ, а въ гробу — неподвижный, блѣдный мертвецъ, съ окровавленными губами и бородой.

Вопли и плачъ поднялись въ селѣ. Убивалась попадья, чуть не умерла отъ горя и дьячиха. Но послѣднюю отлили водой; у дьячка вернулась рѣчь, а съ нею и память. Онъ все разсказалъ, какъ было.

— Упырь, людоѣдъ! — рѣшили крестьяне міромъ: — это онъ за-

грызъ батюшку. Не хоронить его на кладбищѣ, а въ лѣсу, и припечатать его не отпускной молитвой, а осиновымъ коломъ.

Отвезли знахаря-мертвеца въ самую чащу лѣса, вырыли тамъ другую яму, положили туда упыря и пробили его насквозь въ грудь острымъ осиновымъ коломъ: теперь не будетъ портить сатана неповинныхъ людей.

Священника похоронили съ честью, попадью щедро одарили, а церковь начальство, за такой святотатственный казусъ, до новыхъ распоряженій впредь, запечатало.

Остались прихожане безъ попа и безъ церкви. Ѣздили они, просили. Консисторія все собиралась произвести слѣдствіе. Благочинный бралъ посильныя приношенія, обѣщалъ уладить дѣло, но церковь не отпечатывали. Крестьяне собирались писать прошеніе, но не знали, куда подать.

— — —

Дѣло случайно дошло до свѣдѣнія Екатерины. Слушая докладъ генералъ-прокурора, кн. Вяземскаго, о разныхъ происшествіяхъ, она обратила вниманіе на случай съ упыремъ.

— Что же ты думаешь объ этомъ?—спросила императрица докладчика.

— Казусъ необычный,—отвѣтилъ генералъ-прокуроръ:—онъ коренится въ суевѣріяхъ грубой черни.

— Хороши суевѣрія... перегрызенное горло! вѣдь священника-то тоже схоронили. Отложи, князь, это дѣло вонъ на тотъ ломберный столъ и позови ко мнѣ Степана Иваныча Шешковскаго... хоть сегодня же вечеромъ, передъ оперой...

Явился къ императрицѣ знаменитый сыщикъ, глава и двигатель тайной экспедиціи, Шешковскій.

— Что благоугодно премудрой монархинѣ? — спросилъ тайный совѣтникъ и владимірскій кавалеръ, Степанъ Ивановичъ, согнувшись у двери, съ треуголомъ подъ мышкой и шпагой на боку.

— А вотъ, сударь, бумажка, прочти и скажи свое мнѣніе.

Шешковскій отошелъ съ бумагой къ окну, прочелъ ее и, подойдя къ Екатеринѣ, замеръ въ ожиданіи ея рѣшенія.

— Ну, что́?—спросила она:—любопытная исторія—попъ, загрызенный мертвецомъ?

— Зѣло любопытная,—отвѣтилъ сыщикъ:—и гдѣ же, въ храмѣ!

— То-то въ храмѣ. И консисторія, запечатавъ церковь, предлагаетъ дѣло предать волѣ божьей, а прихожанамъ, освятивъ храмъ, поставить новаго попа...

— Попущеніе Господне, за грѣхи, милосердая монархиня... Какъ иначе и быть!—произнесъ, набожно поднявъ глаза, Шешковскій.

— Ну, а я – грѣшный человѣкъ!—думаю, что здѣсь иное!—сказала императрица и, взявъ перо, написала резолюцію на докладѣ: „Ѣхать въ то село особо-назначенному мною слѣдователю и, тайно дознавъ истину, доложить лично мнѣ“.

Екатерина дала Шешковскому прочесть свое рѣшеніе.

— Кого, ваше величество, изволите командировать? — спросилъ Степанъ Иванычъ.

— Кому же, государь мой, и ѣхать, какъ не тебѣ?—отвѣтила императрица: — держи все въ секретѣ, какъ здѣсь, такъ и въ губерніи,—и все мнѣ доподлинно своею особой разузнай.

Шешковскій поклонился еще ниже.

— Великая монархиня! мое ли то дѣло? съ бѣсами, прости, да съ колдунами, я еще не вѣдался и не знаю съ ними обихода... вѣдь они...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, батюшка Степанъ Иванычъ, что ныньче вѣкъ Дидерота и Руссо, а не царевны Софіи и Никиты Пустосвята... Мнѣ чудится, я предчувствую, убѣждена, что здѣсь все всклепано на неповинныхъ, хоть по твоему можетъ и существующихъ бѣсовъ и упырей.

Шешковскій, съ именнымъ повелѣніемъ Екатерины въ карманѣ, переодѣвшись безпомѣстнымъ дворяниномъ, полетѣлъ съ небольшою поклажей по назначенію.

Въ губерніи онъ оставилъ чемоданъ, съ запасною форменною одеждой, на постояломъ въ уѣздномъ городкѣ; самъ переодѣлся вновь въ скуфейку и рясу странника и пошелъ по пути къ указанному селу. Верстъ за двадцать до него,—то было ужъ второе лѣто послѣ событія съ священникомъ и упыремъ,—его догналъ обозъ съ хлѣбомъ.

— Куда ѣдете?—Въ Овиново; а тебя Господь куда несетъ? — Въ Соловки.—Далекій путь, спаси тебя Боже,—чай притомился?— Ужъ такъ-то, православные, ноженьки отбилъ.—Ну, садись, подвеземъ.

Подвезли извозчики до Овинова, а за нимъ было Свиблово, то самое село, гдѣ случилась исторія въ церкви. Везутъ странника мужики и толкуютъ о свибловскихъ: всѣхъ знаютъ, всѣхъ хвалятъ, мужики добрые, не разъ хлѣбомъ у нихъ торговали.—Что же, храмъ божій есть у нихъ?—Нѣту-ти, закрыли изъ-за Господней немилости, благочинный скоро обѣщаетъ открыть, да дорожится.—Кто же будетъ попомъ?—Два дьякона ищутъ, ихній и овиновскій.—Кого же хочетъ міръ?—Овиновскаго, подобрѣе будетъ; ихній злюка и съ женой живетъ не въ ладахъ. Вонъ и его хата, на выгонѣ, подъ лѣсомъ, — выселился за рѣку—держитъ огородъ.

Странникъ всталъ у околицы, поблагодарилъ извозчиковъ, вы-

ждалъ вечера и зашелъ къ дьякону. Хозяина не было дома, дьяконица пустила его въ избу. Ночью странникъ расхворался. Лежитъ на палатяхъ, охаетъ, не можетъ дальше идти. Возвратился дьяконъ, обругалъ жену: пускаешь всякую сволочь, еще помретъ, придется на свой счетъ хоронить. Услышалъ эти рѣчи странникъ, подозвалъ дьякона, отдалъ ему бѣдную свою кису, проситъ молиться за него, а неодужаетъ—схоронить по христіанскому обряду. Принялъ дьяконъ убогую суму богомольца, говоритъ: ну, лежи, авось еще встанешь. День лежалъ больной, два слова не выговоритъ, только охаетъ потихоньку. Забылъ о немъ дьяконъ, возвратился разъ ночью съ огорода и сцѣпился съ женой,—ну ругаться и корить другъ друга.— Да ты что́? говоритъ дьяконица: ты убійца, злодѣй.—Какой я убійца, сякая ты, такая! я слуга Божій, второй на клиросѣ чинъ... а поможетъ благочинный, буду и первымъ!—Убійца, ты перегрызъ горло попу... самъ признавался...

Далѣе странникъ ничего не могъ разслышать. Хозяева вцѣпились другъ въ друга и подняли такую свалку, что хоть вонъ неси святыхъ. Къ утру все угомонилось, затихло. Странникъ днемъ объявилъ, что ему лучше, поблагодарилъ за хлѣбъ-соль и пошелъ далѣе...

Возвратясь въ городъ, онъ явился къ воеводѣ, прося о себѣ доложить. Ему отвѣтили, что его высокородіе изволитъ кушать пуншъ и принять не можетъ. Странникъ потребовалъ непромедлительнаго пріема.

Его ввели къ воеводѣ, возсѣдавшему у самовара за пуншемъ.

— Кто ты, сякой, такой, и какъ смѣлъ безпокоить меня?

Странникъ вынулъ и показалъ именной указъ императрицы.

Въ тотъ же день въ Свиблово поскакала драгунская команда. Къ воеводѣ привезли дьякона, дьяконицу и дьячка.

Дьяконъ не узналъ сперва въ ассистентѣ воеводы гостившаго у него странника. Шешковскій облекся въ форменный кафтанъ и во всѣ регаліи. Дьяконъ на допросѣ заперся во всемъ; долго его не выдавала и дьяконица. Но когда Шешковскій назвалъ имъ себя и объявилъ дьяконицѣ, что, хотя пытка болѣе не практикуется, онъ, на свой страхъ и по личному убѣжденію, имѣетъ нѣчто употребить, и велѣлъ принести это „нѣчто“, то-есть изрядную плеть, веревку и хомутъ, и напомнилъ ей слышанное странникомъ,—баба все раскрыла: какъ дьяконъ, по злобѣ на попа, вмѣсто поѣздки къ тещѣ, переждалъ въ лѣсу, проникъ въ церковь, легъ въ гробъ, а мертвеца спряталъ въ складкахъ пелены подъ одромъ, напугалъ дьячка и задушилъ, загрызъ священника, а мертвецу выпачкалъ кровью ротъ и бороду и скрылся.

— Что̀ скажешь на сію улику твоей жены? — спросилъ Шешковскій.

Дьяконъ молчалъ.

— А ну, ваше высокородіе, — подмигнулъ Степанъ Ивановичъ воеводѣ.

Двери растворились: въ сосѣдней комнатѣ къ потолку былъ приправленъ хомутъ и стоялъ „нарочито внушительнаго вида“ добрый драгунъ съ тройчатой плетью.

Дьяконъ упалъ въ ноги Шешковскому и во всемъ покаялся.

Его осудили, наказали черезъ палача въ Свибловѣ и сослали въ Сибирь. Церковь отпечатали, овиновскаго дьякона, женивъ предварительно на дочери загрызеннаго священника, посвятили въ настоятели свибловскаго прихода. Мѣстнаго благочиннаго разстригли и сослали на покаяніе въ Соловки.

— Ну, что̀, не я ли тебѣ говорила? — произнесла Екатерина, встрѣтивъ Шешковскаго: — а ты, да и ты—предать волѣ Божьей, казусъ отъ суевѣрія грубой толпы. Мертвецъ-убійца! ну, можетъ ли двигаться, а кольми паче еще злодѣйствовать покойникъ, мертвецъ?

— Такъ, великая монархиня, такъ, мудрая и милостивая къ намъ мать! — отвѣтилъ, низко кланяясь, Шешковскій: — ты всѣхъ прозорливѣе, всѣхъ умнѣй.

Онъ еще что-то говорилъ. Екатерина стала перебирать очередныя бумаги, его не слушая. Грустная и презрительная улыбка играла на ея отуманившемся лицѣ...

II.

ЖИЗНЬ ЧЕРЕЗЪ СТО ЛѢТЪ.

«Еще никто не видѣлъ моего лица».

Древняя надпись на статуѣ Изиды.

Настоящій разсказъ относится къ нынѣшнему вѣку, а именно, къ 1868 году.

Нѣкто Порошинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, шести, черноволосый, сухощавый, блѣдный и красивый, незадолго до времени, котораго касается этотъ разсказъ, кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ избѣгъ тогдашнихъ волненій молодежи, вслѣдствіе особаго склада своей природы. Всѣ его помыслы, стремленія и привязанности вращались въ особомъ, заколдованномъ кругу, который можно бы назвать „идеальнымъ", въ обширномъ значеніи этого слова. Онъ читалъ философовъ, деистовъ, но рядомъ съ ними и натуралистовъ,—послѣднихъ—для сравненія съ первыми.

Жадно пробѣгая въ газетахъ извѣстія о сверхъестественныхъ явленіяхъ, призракахъ, сомнамбулистахъ и медіумахъ, онъ самъ, впрочемъ, не вѣрилъ въ практическій сомнамбулизмъ и медіумизмъ, особенно въ тѣ его проявленія, которыя трактуются и публично показываются шарлатанами, въ родѣ Юма, Бредифа, Следа, братьевъ Эдди и другихъ фокусниковъ этого пошиба.

Пріѣхавъ въ 1868 г. въ Парижъ, для поправленія своего вообще разстроеннаго и слабаго здоровья, Порошинъ посѣщалъ лекціи разныхъ ученыхъ, но не пропускалъ и другихъ диковинокъ, въ томъ числѣ фантастическихъ вечеровъ, въ родѣ сеансовъ Роберъ-Гудена и ему подобныхъ, гдѣ показывались опыты такъ называемой высшей физики, явленія спектровъ, ясновидѣнія и прочія трансцедентальныя затѣи, гдѣ онъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ ловкіе, умные и вообще всегда весьма милые французскіе фокусники-шарлатаны морочатъ уличную, пресыщенную другими удовольствіями толпу.

Однажды Порошинъ сидѣлъ въ залѣ такого физика. На сценѣ была усыплена какая-то бѣлокурая дѣвица, читавшая запечатанныя письма и диктовавшая рецепты больнымъ изъ публики. Все шло хорошо, какъ по маслу. Щеголеватый профессоръ сомнамбулизма, во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и такихъ же перчаткахъ, щебеталъ съ каѳедры передъ спящею ясновидящей, сыпля именами новѣйшихъ свѣтилъ реальной философіи и путая, по обычаю французовъ, Шопенгауэра съ Гартманомъ и Штрауса съ Фейербахомъ. Становилось очень скучно. Въ залѣ была давка и духота. Лампы тускло освѣщали море головъ. И въ то время, когда Порошинъ уже хотѣлъ уѣзжать, одна изъ этихъ головъ, въ красной восточной фескѣ, шевельнулась среди публики, и изъ ея устъ послышался рѣзкій голосъ:

— Это шарлатанство, надувательство грубаго вида!

Всѣ всполошились, оглянулись. Профессоръ смутился.

— Грубый обманъ и ложь! — повторилъ громко человѣкъ съ красивымъ смуглымъ и умнымъ лицомъ: — публика должна протестовать...

— Кто вы? — спросилъ хозяинъ вечера: — такъ не смущаютъ зрителей! Если вы не вѣрите въ опыты ясновидѣнія, зачѣмъ сюда пришли? зачѣмъ платили деньги? можете ихъ получить обратно...

— Шарлатанство!—твердилъ тотъ же восточный человѣкъ, очевидно армянинъ: — я говорю не противъ сомнамбулизма, а противъ такихъ обмановъ, какіе разыгрываются здѣсь... Вы усыпили свою соучастницу. Она не спитъ, а потому такая же обманщица, извините, какъ вы... Но я вѣрю въ ясновидѣніе,—я его поклонникъ и занимаюсь имъ давно...

Въ публикѣ, смѣшанной съ подставными, очевидно наемными зрителями, compères, поднялся невообразимый шумъ. Армянинъ въ фескѣ вскочилъ на стулъ, показалъ руками, что хочетъ говорить.

— Но я вѣрю въ могучую, безпредѣльно-великую силу сомнамбулизма, — смѣло продолжалъ армянинъ ломанымъ французскимъ языкомъ, когда все затихло:—я самъ владѣю даромъ усыпленія... И вотъ доказательство...

— Вонъ его, за дверь! долой!—кричали подставные клакеры, съ красными, вспотѣвшими лицами.

— Пусть говоритъ, пусть дѣлаетъ опытъ по своему! — кричали другіе изъ зрителей, толпясь къ сценѣ.

Сконфуженный, съ измятымъ галстухомъ и распоротой въ давкѣ фалдой фрака, взъерошенный магъ-профессоръ, съ своимъ помощникомъ, возвратился на каѳедру. Туда же дали пройти и человѣку въ фескѣ.

— Я хочу, желаю, требую, чтобы вы сами заснули! — сказалъ

послѣдній, обращая черные, повелительные и умные глаза къ профессору:—садитесь, вотъ такъ; сложите ваши руки и спите... слышите ли? спите, я приказываю!..

Профессоръ улыбнулся, поморщился, сѣлъ, окинулъ общество растеряннымъ, недовольнымъ взглядомъ; очевидно противъ воли, закрылъ глаза, зѣвнулъ... и, къ удивленію всѣхъ, заснулъ. Армянинъ сложилъ на груди руки, поглядѣлъ также повелительно на помощника профессора, шершаваго, коротко-остриженнаго и рыжаго малаго, очевидно изъ отставныхъ военныхъ, поднялъ руку, устремилъ къ нему протянутые пальцы—помощникъ также заснулъ...

Изумленіе публики было безъ границъ. Всѣ замерли, глядя на таинственную феску.

— La séance est levée! засѣданіе наше кончено!—сказалъ армянинъ, медленно и важно сходя со сцены:—вы видѣли! вотъ сомнамбулизмъ!

Поднялась давка и суета. Всѣ хотѣли его видѣть ближе, съ нимъ говорить. Но таинственный незнакомецъ исчезъ въ толпѣ, точно провалился сквозь полъ.

„Не вѣрится“,—подумалъ Порошинъ, уходя изъ залы практической физики:—„старыя штуки на новый ладъ! Простодушные, легковѣрные французы не догадались, дали промахъ. Очевидно, и армянинъ былъ тѣмъ же наемнымъ, подставнымъ лицомъ... Магъ-профессоръ замѣтилъ охлажденіе къ себѣ посѣтителей, ну, и придумалъ такимъ образомъ подогрѣть ихъ вниманіе. Та же реклама, то же шарлатанство. Да при томъ и не особенно оригинально... Извѣстна продѣлка американскаго журналиста, который, для поднятія подписки на свой журналъ, сталъ печатать въ другихъ изданіяхъ самыя рѣзкія, наглыя на себя нападки отъ вымышленныхъ лицъ: одни печатно выставляли его мошенникомъ и клятвопреступникомъ, другіе воромъ и убійцей, третьи развратникомъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Онъ не скупился платить за такія дружескія рекламы, пока всѣ не задумались — да видно же любопытный это и недюжинный человѣкъ, когда о немъ всѣ такъ кричатъ!—и стали раскупать его собственную газету“.

Прошло съ этого вечера нѣсколько мѣсяцевъ. Порошинъ забылъ о сомнамбулистѣ-профессорѣ и объ армянинѣ. Разъ онъ шелъ съ товарищемъ Чубаровымъ сквозь Луврскій дворъ. Видитъ, Чубаровъ раскланялся съ какимъ-то человѣкомъ въ фескѣ. Порошинъ узналъ армянина.

— Какъ ты его знаешь?—спросилъ онъ Чубарова.

— Еще бы не знать такой замѣчательной особы.—отвѣтилъ съ

улыбкой Чубаровъ:—мы съ нимъ жили какъ-то на водахъ, въ Германіи.

— Да чѣмъ же онъ знаменитъ?

— Помилуй, онъ вызыватель духовъ, медіумъ и чуть не заклинатель змѣй...

— Нѣтъ, вздоръ! ты шутишь, — возразилъ Порошинъ: — ты не такой, чтобъ знался съ вызывателями духовъ и заклинателями змѣй... Слушай, чему я былъ очевидцемъ...

Порошинъ передалъ разсказъ о случаѣ въ залѣ профессора ясновидѣнія. Чубаровъ задумался.

— Ты ошибаешься, это не шарлатанъ и не могъ быть въ стачкѣ съ сомнамбулистами! — сказалъ онъ: — у этого армянина, чортъ бы его побралъ, есть дѣйствительно кое-какіе способы... Но я тебѣ, Порошинъ, о нихъ не сообщу...

— Почему?

— Ты за послѣднее время что-то ужъ очень похудѣлъ, еще сталъ блѣднѣе, и зрачки вонъ у тебя нѣсколько расширены, и нервный ты такой... Тебѣ это опасно, я же испыталъ...

— Полно, глупости! разскажи!—присталъ Порошинъ къ пріятелю:—не мучь меня; правда, какая бы она ни была, никогда меня не потревожитъ... Я добиваюсь истины; одна ложь, одни обманы мучатъ и раздражаютъ меня... Разскажи, открой, въ чемъ это дѣло? Ты вѣрно знаешь и адресъ армянина, у него бывалъ и здѣсь... Такъ послѣ водъ не встрѣчаются... Онъ на тебя посмотрѣлъ очень сочувственно...

Дѣлать нечего, Чубаровъ зашелъ съ Порошинымъ въ кафе, на набережной Сены, и это ему сообщилъ. Оказалось, что армянинъ, адресъ котораго Чубаровъ здѣсь же передалъ пріятелю, обладалъ секретомъ—переносить человѣка, во снѣ, черезъ сто лѣтъ впередъ.

— И ты этому вѣришь?—спросилъ съ болѣзненной улыбкой Порошинъ.

— Еще бы, — нехотя отвѣтилъ Чубаровъ: — какъ не вѣрить, когда я самъ, благодаря этому странному человѣку, испыталъ такого рода путешествіе...

— И не раскаиваешься?

— Пожалуй, съ нѣкоторой стороны, досадно и даже обидно...

— Почему обидно?

— Да потому, что не хотѣлось, а пришлось проснуться... Во снѣ было такъ хорошо...

— Гм! и какъ онъ это дѣлаетъ?

— Даетъ, представь, какія-то пилюли...

— Что въ ротъ, то спасибо? — раздражительно засмѣявшись.

спросилъ Порошинъ:—экіе ловкіе эти азіаты! Ну, можно ли такъ морочить людей? Да еще, пожалуй, и деньги беретъ?

— Беретъ, другъ мой, и большія...

— Гм!—промычалъ Порошинъ:—отсохни моя рука, если я ему дамъ хоть полушку за такой обидный обманъ.

Чубаровъ, однако, былъ убѣжденъ, что Порошинъ не вытерпитъ, и боялся особенно за его здоровье, не очень-то подходящее для такихъ опытовъ.

Такъ и случилось.

Порошинъ въ тотъ же день думалъ-думалъ, нанялъ фіакръ и покатилъ по бульварамъ на площадь Трона (place du Trône или barrière du Trône), украшенную двумя колоннами, съ бюстами старинныхъ французскихъ королей, гдѣ, по адресу Чубарова, жилъ таинственный армянинъ.

Армянинъ жилъ съ женою, хорошенькою и молодою женщиной. Онъ принялъ гостя не совсѣмъ дружелюбно.

— Вы можете перенести меня въ будущую жизнь? — спросилъ Порошинъ армянина, послѣ первыхъ съ нимъ объясненій.

— Да... но только въ будущую жизнь — на землѣ.

— Понятное дѣло... Гдѣ же именно и когда вы мнѣ дадите пожить въ будущемъ?

— Здѣсь же, въ Парижѣ... иначе, разумѣется, и быть не можетъ! Вы заснете въ моей комнатѣ и очнетесь въ ней же, черезъ сто лѣтъ, т. е. проснетесь черезъ секунду, когда задремлете и очутитесь во времени, которое настанетъ для Парижа, для цѣлаго свѣта, по прошествіи ста лѣтъ...

— Чепуха, — въ волненіи и сердито произнесъ Порошинъ: — извините меня, галлюцинаціи какія-нибудь отъ наркотическихъ средствъ. Еще дурно сдѣлается, будетъ голова трещать, какъ раскаленный котелъ, отупѣешь на время, руки будутъ трястись...

— Видно, что вы ужъ пытались дѣлать такіе эксперименты,— сказалъ, чуть замѣтно усмѣхнувшись, армянинъ.

— Ну, да... былъ такъ слабъ, увлекъ одинъ индѣецъ, здѣсь же, на всемірной выставкѣ, — отвѣтилъ Порошинъ.

— Все увидите сами, сами испытаете, — произнесъ серьезно и какъ-то задумчиво-грустно армянинъ: — мои средства иныя, безвредныя, достались отъ отца, отъ дѣда на родинѣ, въ Арменіи. Не всего достигъ человѣкъ, слабы силы смертныхъ, — но кое-что открывается мудрымъ Востока, достойнымъ умамъ. Знаете надпись на статуѣ богини Изиды: никто еще не видѣлъ моего лица? — Да, это бываетъ открыто немногимъ.

— Кому открыто? не вѣрю...—сказалъ Порошинъ:—а ужъ въ Азіи еще болѣе, простите, падкихъ къ продѣлкамъ, ловкихъ фокусниковъ и шарлатановъ. Я долго объ этомъ думалъ... а впрочемъ, сколько стоитъ вашъ опытъ съ усыпленіемъ?

— По сто франковъ за день, а если недѣля, — нѣсколько дешевле—пятьсотъ франковъ за недѣлю!—спокойно и также задумчиво отвѣтилъ армянинъ.

— То есть, какъ пятьсотъ за недѣлю? за какую недѣлю?

— Ну, вы проснетесь и, положимъ, захотите прожить въ томъ вѣкѣ, то есть въ 1968 году XX-го столѣтія, ровно семь дней... вотъ за каждый день и внесете плату!

— Когда внесу?

— Впередъ, разумѣется...

— Ха-ха-ха! Что вы!—засмѣялся Порошинъ:—нашли простака, чтобъ я этому повѣрилъ. Съ васъ еще надо взять деньги за эту шутку... Слышите-ли, наѣсться вашихъ восточныхъ specій и, въ смѣшномъ видѣ, пластомъ пролежать передъ вами часъ-другой, потѣшая вашу наблюдательность...

— Не часъ и не два, ровно недѣлю, повторяю, вы будете спать,—сказалъ съ достоинствомъ и также спокойно армянинъ: — и дѣло вовсе не шуточное, не на смѣхъ! Есть не мало охотниковъ... и не одни молодые люди, какъ вы, а солидные ученые, буржуа,—и даже владѣтельныя особы обращаются ко мнѣ и къ моей женѣ...

— Какія особы? И почему также къ вашей женѣ?

— Тайна досталась намъ отъ ея родныхъ, пешаверскихъ армянъ; ее и меня звали съ этой тайной въ Испанію, Италію и даже въ Мексику; испанская королева два раза засыпала, при нашемъ посредствѣ, а покойный мексиканскій императоръ, несчастный Максиміанъ, мнѣ даже пожаловалъ орденъ незадолго до своей катастрофы...

„Ну, ужъ я-то не засну, ни въ какомъ случаѣ!"—сказалъ себѣ съ твердостью Порошинъ, уходя отъ армянина.

Ему показалось, что жена послѣдняго, провожая его съ лѣстницы, смотрѣла на него подозрительно и насмѣшливо, какъ бы мысля: „Придешь еще, голубчикъ, придешь".

Такъ и случилось.

На другой же день Порошинъ возвратился на площадь Трона, къ армянину.

— Вотъ пятьсотъ франковъ, — сказалъ онъ, запыхавшись отъ высокой лѣстницы и поспѣшной, тревожной ходьбы: — гдѣ ваши снадобья? я готовъ...

— Это для меня,—сказалъ армянинъ, считая тонкими, бѣлыми и нѣжными, какъ у женщины, пальцами принесенное золото: — но вѣдь нужны деньги и для васъ?

— Какія деньги? это еще для чего?

— Вы же проснетесь въ томъ вѣкѣ, проживете въ то именно время — семь дней сряду,—вамъ нужно ѣсть, пить, захотите, пожалуй, и удовольствій.

— Сколько нужно?—спросилъ, глядя въ полъ, Порошинъ.

— Это зависитъ отъ васъ самихъ... смотря по вашимъ наклонностямъ. Вашихъ привычекъ я не знаю.

— Однакоже... и мнѣ притомъ трудно... я тамъ, понимаете, не жилъ... экая чепуха! даже смѣшно...

Порошинъ, однако, теперь не смѣялся. Глаза его были строги и съ острымъ, лихорадочнымъ блескомъ смотрѣли куда-то далеко. Поблѣднѣвшія его губы слегка вздрагивали.

Армянинъ подумалъ съ минуту.

— Полагаю, — сказалъ онъ: — этихъ денегъ, то-есть пятисотъ франковъ, будетъ достаточно... Я устрою ихъ обмѣнъ и вручу вамъ ихъ передъ сномъ, — а проснувшись — вы отдадите мой заработокъ особо мнѣ или женѣ...

— Вексель надо?—спросилъ Порѳшинъ.

— О! я вамъ и такъ повѣрю, — отвѣтилъ армянинъ: — кромѣ того, вамъ нужно... платье...

— Какое платье?

— Да черезъ сто лѣтъ, надѣюсь, не въ этой жакеткѣ и не въ этихъ узкихъ панталонахъ будутъ ходить.

— Гдѣ же я возьму? притомъ, здѣшніе портные врядъ-ли подозрѣваютъ будущія моды...

— О! я вамъ и въ этомъ помогу! У моей жены есть на такой случай запасъ.

Армянинъ сходилъ въ комнату жены и вынесъ оттуда картонную коробку съ платьемъ, замшевый мѣшочекъ, какой-то страннаго вида ящичекъ и небольшую жаровню.

— Вотъ нарядъ, въ которомъ парижане будутъ ходить черезъ сто лѣтъ,—сказалъ онъ:—а это тогдашнія, то-есть будущія монеты.

Онъ вынулъ изъ картонки шелковый просторный полукафтанъ, или скорѣе полухалатъ, яркаго, невиданнаго, восточнаго цвѣта, до колѣнъ, такіе же широкіе панталоны, еще болѣе яркій шейный платокъ и мягкую соломенную, въ видѣ зонтика, шляпу и открылъ замшевый мѣшочекъ. Изъ мѣшочка онъ высыпалъ горсть золотыхъ монетъ, съ надписью на одной ихъ сторонѣ, по-французски: „равенство, свобода, братство“ — „Французская республика 1968 г.“ —

а на другой сторонѣ—какія-то восточныя письмена, въ родѣ арабской или еврейской азбуки, или даже іероглифовъ.

— Нелѣпость!—сказалъ, отвернувшись, Порошинъ:—у французовъ никогда не будетъ республики... Они по природѣ монархисты, а вкусомъ — фетиши... Да и вы рискуете, — теперь здѣсь правитъ Людовикъ Бонапартъ,—его агенты увидятъ у васъ эти монеты, вы еще насидитесь въ полиціи, васъ осудятъ и вышлютъ.

— Это ужъ мое дѣло,—серьезно и сухо отвѣтилъ армянинъ.

Онъ раздулъ принесенную съ угольями жаровню и взялъ въ руки серебряный, съ финифтью, изящнаго и страннаго вида ящичекъ. Изъ ящичка онъ вынулъ нѣсколько зеренъ. Зерна были черныя, блестящія, точно-выточенныя изъ агата.

— Эти пилюли, — произнесъ съ важностью и даже благоговѣніемъ армянинъ:—вы примете, если на это рѣшились, одну за другою... Вотъ ровно семь пилюль, — вы проглотите ихъ и, проспавъ здѣсь семь дней, ровно столько же дней проживете въ слѣдующемъ вѣкѣ... Понятно ли вамъ? Но еще одно условіе, — не мое, а тѣхъ, кто оставилъ намъ эти зерна.

— Какое? говорите скорѣе: не мучьте, не томите, у меня точно лихорадка...

— За каждый день жизни въ томъ земномъ вѣкѣ, то есть черезъ сто лѣтъ,—вы однимъ годомъ менѣе проживете въ этомъ свѣтѣ, или вѣкѣ... Условіе—извините—не шуточное, и я васъ о томъ предупреждаю... Подумайте прежде, чѣмъ рѣшитесь заснуть.

— Давайте ваши пилюли, я рѣшился!—отвѣтилъ, покраснѣвъ, Порошинъ: — не хочу откладывать, давайте теперь же.—Порошинъ взялъ пилюли.

Армянинъ помогъ гостю переодѣться въ принесенное „будущее платье", причемъ услуживалъ ему съ отмѣнною любезностью. Незамѣтно вошедшая въ это время жена армянина полуспустила гардины на окна, переставила нѣкоторую мебель и бросила на уголья жаровни какую-то нѣжно-пахучую, янтарнаго цвѣта, смолу. Въ комнатѣ мгновенно сталъ распространяться необъяснимый, томительно-сладкій, опьяняющій запахъ.

— А что это за надписи на оборотѣ монетъ? - спросилъ онъ хозяина:—съ какой стати во Франціи будутъ чеканить, на національныхъ деньгахъ, подобныя азіатскія письмена?

— Это все вы узнаете сами, проглотивъ послѣднюю изъ пилюль,—вѣжливо-сдержанно отвѣтилъ восточный магъ.

Порошинъ взялъ на ладонь поданныя зерна, поглядѣлъ на нихъ съ секунду и быстро проглотилъ ихъ одно за другимъ. Армянинъ

указалъ ему на ключъ въ двери, стаканъ и воду въ графинѣ, также вѣжливо откланялся и вышелъ съ женой.

„Посмотримъ“,—подумалъ Порошинъ, замыкая за ними дверь: — „и ужъ если надуютъ, я не пощажу ихъ, обо всемъ напечатаю въ газетахъ“...

Онъ подошелъ къ столу, выпилъ залпомъ стаканъ воды и взглянулъ на площадь Трона въ окно. Наступалъ вечеръ. Солнце золотило крыши домовъ, колонны съ бюстами королей, фонтанъ и вѣтви старыхъ каштановъ.

Непонятная, чарующая нѣга стала охватывать Порошина. — „Нѣтъ! не поддамся! даже вовсе не засну и посмотрю, что будетъ!“ — сказалъ онъ себѣ, принимаясь ходить по мягкому, пестрому ковру небольшой, уютной горенки.

Долго ли такъ ходилъ Порошинъ, улыбаясь предстоящему испытанію и думая о своей рѣшимости наблюдать,—этого онъ впослѣдствіи не помнилъ. Подойдя къ окну, онъ опять взглянулъ на площадь и потеръ глаза: площадь Трона какъ бы застлало туманомъ. Порошинъ присѣлъ на кушетку, склонилъ голову.—„Да что же это со мною?—мыслилъ онъ:—я какъ будто дремлю!“—Онъ почувствовалъ, что, одолѣваемый неудержимой наклонностью заснуть, онъ ложится, протягиваетъ ноги и противъ воли дремлетъ, даже засыпаетъ.

...„Нѣтъ, чортъ возьми, не засну! не засну, ни за какія блага въ свѣтѣ!“—сказалъ себѣ Порошинъ, усиливаясь выбиться изъ сладкихъ, охватившихъ его грезъ, усиливаясь не покориться имъ и встать.

...Это ему какъ бы удалось...

Онъ вскочилъ и подошелъ къ окну. Что за чудо? Та же самая place или barrière du Trône, тѣ же колонны съ бюстами, фонтанъ и каштаны,—но какъ будто и не тѣ. Солнце било косыми, фантастическими, желтовато-розовыми лучами. Пахло опьяняющимъ запахомъ лилій, ландышей или акацій. Голова кружилась, какъ весной въ цвѣтущей теплицѣ. Улицы кипѣли народомъ. На балконахъ и въ окнахъ развѣвались веселые, причудливые флаги, знамена. Очевидно, былъ какой-то праздникъ. Осьми- и десяти-этажные дома были снизу до верху увѣшаны громадными хромолитографическими картинами, въ видѣ вывѣсокъ. Звуковъ подковъ и колесъ не было слышно. Страннаго вида экипажи, одно-ярусные, двухъ- и даже трехъ-ярусные омнибусы, кареты, красивыя съ зонтами долгуши и какіе-то паланкины, въ родѣ подвижныхъ бесѣдокъ, наполненные проѣзжавшею публикой, двигались среди залитой асфальтомъ площади,—какъ подумалъ Порошинъ,—на обитыхъ гуттаперчевыми шинами колесахъ и по гуттаперчевымъ рельсамъ, а главное — безъ помощи лошадей и

пара.—„А! съ помощью сжатаго воздуха!"—догадался Порошинъ:—„и какая масса грамотныхъ, охотниковъ до чтенія новостей... Всѣ на крышахъ омнибусовъ, въ паланкинахъ и долгушахъ съ громадными листами газетъ". Ѣдущая публика снизу казалась, съ этими газетными листами, въ видѣ двигавшейся громадной нивы бѣлыхъ грибовъ... За площадью была видна часть новой городской стѣны, окружавшей Парижъ. Простымъ глазомъ можно было разсмотрѣть, что на этой стѣнѣ ходили, въ странныхъ, длинныхъ одеждахъ, вооруженные воины, а надъ ближайшей крѣпостной башней развѣвалось исполинское красное знамя, съ изображеніемъ желтаго дракона.

— „Что за чепуха! драконъ!—подумалъ Порошинъ:—и откуда въ Парижѣ драконъ? точно во снѣ, а между тѣмъ, я вовсе уже не сплю".

Сгорая любопытствомъ, онъ осмотрѣлся, увидѣлъ, что и на немъ одежда, походившая на одѣяніе уличной публики, поспѣшилъ отомкнуть дверь комнаты и спустился на улицу, такъ какъ наступалъ вечеръ и солнце готовилось зайти за башню съ знаменемъ.

Очутившись на асфальтовой, въ видѣ узорнаго паркета, мостовой, Порошинъ прежде всего убѣдился, что находится дѣйствительно среди тѣхъ же ему знакомыхъ парижанъ: бойкая французская рѣчь, веселые возгласы, шутки, азбука надписей на вывѣскахъ,—все убѣждало, что онъ въ самомъ дѣлѣ въ Парижѣ. Но какъ, съ кѣмъ и о чемъ ему заговорить? Вѣдь онъ изъ далекаго XIX вѣка, вѣдь люди XX вѣка сразу его распознаютъ, или просто, не понявъ, сочтутъ за сумасшедшаго, подозрительнаго, еще арестуютъ, запрутъ на всѣ семь дней въ тюрьму. Что у него съ ними общаго? И какъ эти новые люди встрѣтятъ его понятія, самые обороты мыслей, реченія, слова? „Надо спросить книжную лавку,—рѣшилъ на площади Порошинъ:—кабинетъ для чтенія, а еще лучше кафе-ресторанъ!" Тамъ онъ лично и безъ посторонняго пособія ознакомится съ текущими событіями, съ новостями того любопытнаго, неразгаданнаго дня... Но какого дня? Онъ заснулъ, или точнѣе — его стремились усыпить—въ среду, 15 августа 1868 года. Посмотримъ...

— „Нѣтъ! — сказалъ себѣ Порошинъ: — не стану ни о чемъ спрашивать, ни о книжныхъ лавкахъ, ни о кафе-ресторанѣ; самъ все найду".

Отыскавъ по близости кофейню, Порошинъ подошелъ къ столику, взялъ газету съ заголовкомъ: „Геній XX вѣка" и сталъ ее читать.

Чѣмъ далѣе онъ читалъ этотъ „Геній" и другія газеты, тѣмъ

болѣе рябили въ его глазахъ разныя диковинки и чудеса: росписаніе подземныхъ поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, между Англіей и Франціей; экспедиція изъ всеславянскаго торговаго порта, Константинополя, въ срединное море Африки, искусственно устроенное на мѣстѣ бывшей песчаной Сахары, куда напустили воду изъ болѣе возвышеннаго Средиземнаго моря.

Въ одной изъ газетъ, въ передовой статьѣ, Порошинъ наткнулся на фразу: „Въ старые, незапамятные годы, послѣ низверженія династіи Бонапартовъ и, какъ извѣстно, во время правленія нынѣ угасшей династіи Гамбеттидовъ...“ Волосы шевельнулись на головѣ чтеца, и онъ боязливо оглянулся, не увидѣлъ бы его за чтеніемъ такихъ ужасовъ полицейскій сержантъ.

— „Ужели краснобай Гамбетта могъ дѣйствительно когда-нибудь смѣнить во Франціи династію Наполеонидовъ?“ —подумалъ Порошинъ: —„но кто же теперь правитъ французами?“ —Едва онъ это помыслилъ, какъ ему въ глаза попалась новая, болѣе загадочная фраза. Онъ обратилъ вниманіе на заголовокъ послѣдняго законодательнаго акта...

„Божьею милостью и по волѣ правительствующаго, высокаго народа китайскаго, — мы, европейскіе министры его свѣтозарнаго величества, императора Китая и Богдыхана Европы, — по зрѣломъ обсужденіи въ мѣстныхъ и общемъ европейскомъ парламентахъ, постановили и постановляемъ...“

— „Какъ? китайцы? вотъ небывальщина! и откуда взялся въ Европѣ Богдыханъ?“ —спрашивалъ себя Порошинъ: —„какъ бы это въ точности узнать? Спросить? Но кого? Меня какъ разъ сочтутъ за безумнаго, незнающаго такихъ, повидимому, общеизвѣстныхъ вещей, какъ исторія дня, обратятъ на меня вниманіе... Вотъ что...“ — обрадовался Порошинъ: —„надо обратиться къ учебнику исторіи прошедшаго вѣка, или еще проще—купить календарь...“

Порошинъ подошелъ къ буфету, выпилъ рюмку какой-то спиртной специи, очень отдававшей шафраномъ и имбиремъ, и закусилъ тартинкой; послѣдняя тоже обратила на себя его вниманіе: оказалось, что это былъ ломтикъ хлѣба, съ приправой „птичьяго гнѣзда“. Буфетчикъ и слуги были съ бритыми головами, длинными, заплетенными косами и въ черныхъ шелковыхъ, китайскихъ шапочкахъ. Посѣтители сидѣли съ опахалами; на головахъ военныхъ были широкополыя шляпы съ шариками и павлиньими перьями. Вездѣ отзывалось китайщиной, и это очень шло къ французамъ, какъ извѣстно, и въ былое время, въ XIX столѣтіи, бывшимъ великими охотниками до разныхъ „chinoiseries“.

Найдя книжную лавку, Порошинъ купилъ и тамъ же сталъ чи-

тать календарь. То, что онъ узналъ изъ этого чтенія, привело его еще въ большее изумленіе.

Оказалось, что китайцы, которыхъ, по исторической статьѣ календаря, въ половинѣ XIX вѣка считалось около 300 милліоновъ, уже въ то время начинали смущать политико-экономовъ страшно-быстрымъ ростомъ своего народонаселенія. Къ концу же XIX столѣтія китайцевъ считалось до 500 милліоновъ, т.-е. половина всего человѣчества, живущаго на землѣ. Наступилъ XX вѣкъ, и въ первую четверть этого новаго вѣка народонаселеніе Китая возросло до 700 милліоновъ. Жители Небесной имперіи, соперничая съ своими сосѣдями, японцами, переняли у Европы всѣ практическія познанія, въ особенности геніальныя техническія изобрѣтенія европейцевъ въ дѣлѣ войны. Они завели громадную сухопутную армію въ 5 милліоновъ солдатъ и исполинскій паровой флотъ въ сто мониторовъ и вдвое быстроходныхъ, гигантскихъ паровыхъ крейсеровъ. Покрывъ свою страну сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которыя у нихъ дошли до Западной Сибири и Афганистана, они сперва покорили и поглотили изнѣженную Японію, потомъ завоевали и обратили въ свои колоніи республику Соединенныхъ Штатовъ Америки, въ чемъ имъ помогла новая, истребительная междоусобная война Сѣверныхъ и Южныхъ Штатовъ, которою наполнилось начало XX вѣка, при постыдномъ соперничествѣ двухъ тогдашнихъ президентскихъ династій. Переселивъ въ завоеванную Америку избытокъ своего народа, тѣснившагося подъ конецъ, за недостаткомъ земли, на пловучихъ и свайныхъ постройкахъ ихъ рѣкъ и озеръ, китайцы обратили вниманіе на Европу. Они послали свой флотъ въ Атлантическій океанъ, гдѣ въ 1930 г. произошла колоссальная морская битва китайскихъ мониторовъ съ мониторами еще существовавшихъ тогда, самостоятельныхъ государствъ европейскаго материка, — Англіи, Франціи, Италіи и Германіи. Дѣло, по словамъ календаря, рѣшилось особыми подводными, китайскими „минами-пушками", которыя подплывали подъ килевыя части европейскихъ мониторовъ и, стрѣляя залпами бомбъ, начиненныхъ динамитомъ, взрывали и топили эти грозныя когда-то суда.

Европа въ 1930 году была завоевана Китаемъ...

Отдѣльныя, во время оно сильныя и славныя государства, Франція. Англія, Италія и Германія, поглотившія незадолго передъ тѣмъ рядъ второстепенныхъ странъ—Испанію, Австрію, Швецію и Данію, были въ свой чередъ поглощены и упразднены китайцами. Побѣдители прекратили ихъ самостоятельное существованіе и обратили ихъ, какъ и Америку, въ свою колонію. Явилась федеративная Европа, которой Богдыханъ, въ утѣшеніе туземныхъ ученыхъ и

публицистовъ, далъ названіе „Соединенныхъ Штатовъ Европы“, подчиненныхъ китайскому императору. Самъ онъ съ тѣхъ поръ сталъ именоваться Богдыханомъ Европы, какъ нѣкогда англійская королева носила титулъ императрицы Индіи.

Порошинъ съ трепетомъ сталъ доискиваться, въ занимательномъ календарѣ, свѣдѣній о судьбахъ Россіи. Она, къ его утѣшенію, уцѣлѣла въ этой общей ломкѣ, вслѣдствіе своего дружескаго китайцамъ нейтралитета, который она объявила во время нашествія жителей Небесной имперіи на Европу, — въ отместку Англіи за Пальмерстона и его преемниковъ, Франціи — за Наполеонидовъ, Австріи — за ея вѣчныя измѣны и предательства и Германіи — за Бисмарка, „прижимавшаго славянъ къ стѣнѣ...“ „Досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!“ —радостно подумалъ Порошинъ, читая эти откровенія прошлаго...

Богдыханъ, за дружбу къ Россіи, давъ средство славянамъ окончательно изгнать турокъ въ Азію („вонъ до какого времени была эта возня!“ — подумалъ Порошинъ) и образовать на Балканскомъ полуостровѣ отдѣльную славяно-греческую дунайскую имперію, дружественную Россіи, не мѣшалъ и русскимъ исполнить ихъ послѣдній, главный долгъ... Русскіе, какъ гласилъ календарь, благодаря желѣзной дорогѣ, устроенной отъ Урала до Хивы и новаго передоваго поста китайцевъ на западѣ, до Афганистана, разбили англичанъ въ Пешаверѣ, выгнали ихъ изъ Восточной Индіи и устроили третью россійскую столицу въ Калькуттѣ. Милости Богдыхана къ завоеванной Европѣ были, впрочемъ, неизреченны. Обложивъ европейскій, покоренный его войсками, материкъ тяжкою ежегодною данью—въ милліардъ франковъ — и обязанностью обработывать на своихъ фабрикахъ исключительно китайское сырье, Богдыханъ упразднилъ всѣ непроизводительныя европейскія арміи и флоты („вонъ когда лига мира дождалась исполненія своей грезы объ общемъ разоруженіи!“ —не утерпѣлъ подумать Порошинъ). Замѣнивъ эти постоянныя войска сухопутною и морскою гражданскою „китайскою жандармеріей“, китайцы окружили главныя столицы и города упраздненныхъ европейскихъ государствъ новыми китайскими крѣпостными стѣнами, снабдивъ ихъ своими гарнизонами и своими пушками, но за то они предоставили каждому изъ „Соединенныхъ Штатовъ Европы“ устраиваться, по былой американской системѣ, на свой особый ладъ, — безъ права носить и имѣть какое бы то ни было оружіе. Даже ножи и вилки исчезли изъ употребленія; всѣ въ Европѣ съ тѣхъ поръ ѣли, какъ въ Китаѣ, только ложками и палочками.

Германія при этомъ съ удовольствіемъ сохранила свой „юнкер-

скій ландтагъ", Италія—„папство", Англія—„палату лордовъ" и „майоратъ", Франція — сперва „коммуну", а потомъ „умѣренную республику" президентами которой, съ 1935 по 1968 годъ, были дѣятели съ разными громкими именами, между которыми Порошинъ насчиталъ пять Гамбеттъ и двѣнадцать Ротшильдовъ. По прекращеніи „династіи Гамбеттидовъ" (такъ и выразился календарь), Франція большею частью состояла подъ мѣстнымъ верховнымъ владычествомъ президентовъ-евреевъ изъ банкирскаго дома Ротшильдовъ. Перенесясь въ 1968 г., Порошинъ, слѣдовательно, засталъ французовъ подъ управленіемъ Ротшильда XII. Евреи-адмиралы въ это время командовали французскимъ флотомъ въ океанахъ, евреи-фельдмаршалы охраняли, во имя китайскаго повелителя, французскія границы, и евреи-министры, съ президентомъ въ пейсахъ и ермолкѣ, встрѣчали правящаго Европой Богдыхана, Ца-о-дзы, при недавнемъ тріумфальномъ посѣщеніи послѣднимъ Парижа, отчего и до сихъ поръ, вторую недѣлю, парижскія улицы и дома были увѣшаны флагами.

Французская республика, съ поры окончательной побѣды жителей Небесной имперіи, мирно и дружно ужилась съ китайскимъ богдыханствомъ. Прежде у французовъ имперія чередовалась съ республикой. Теперь у нихъ разомъ и рядомъ, къ общему удовольствію, были и та, и другая.

— „Вотъ почему на монетахъ, данныхъ мнѣ армяниномъ",—догадался Порошинъ:—„съ одной стороны вычеканены „Liberté, égalité, fraternité"—и надпись „Французская Республика", а съ другой стороны—внушительная китайская бамбуковая палка".

Вышелъ Порошинъ изъ книжной лавки при вечернемъ освѣщеніи. Улицы и площади Парижа горѣли яркими, какъ дневной свѣтъ, электрическими солнцами. Проголодавшись, онъ зашелъ въ громадный ресторанъ съ надписью „Столица міра—Пекинъ", гдѣ вся прислуга была одѣта китайцами. Онъ потребовалъ себѣ модныхъ блюдъ; ему подали жаренаго фазана и рисовой каши, которые онъ торопился ѣсть, чтобы не опоздать въ театръ. Но онъ замѣтилъ, что другіе посѣтители „Пекина", между ѣдой, брали со стола какія-то трубочки и подносили ихъ къ ушамъ. Онъ освѣдомился у гарсона,—что это? Ему отвѣтили: „телефонъ".

— Да въ чемъ-же дѣло, не понимаю? (Тогда, въ 1868 г., еще не знали этого изобрѣтенія). Ему объяснили, что каждая изъ трубочекъ, лежащихъ на столѣ, была соединена проволокой съ различными театрами,—оперой, водевилемъ, концертною залой,—и что за небольшую, особую плату посѣтитель можетъ, кушая, въ то же время слѣдить за любой парижской и даже болѣе отдаленной сценой.

Порошинъ поднесъ къ уху первую попавшуюся трубочку: ему

послышались апплодисменты, которыми публика встрѣчала какую-то актрису въ „Comédie Française". Онъ поднесъ къ уху другую трубочку: стали слышны заключительныя, нѣжныя рулады концертной аріи, исполнявшейся въ ту минуту въ оперѣ знаменитымъ кантонскимъ пѣвцомъ. Уходя изъ кафе, Порошинъ поднесъ къ уху третью изъ трубочекъ: ему послышалась рѣчь, въ какой-то аудиторіи, о превосходствѣ реальнаго элемента въ искусствѣ, а именно объ окончательной замѣнѣ фотографіей всѣхъ родовъ живописи.

Такъ проспалъ Порошинъ въ Парижѣ, или, какъ ему несомнѣнно казалось, прожилъ семь условленныхъ, веселыхъ и беззаботныхъ дней будущаго тысяча девятьсотъ шестьдесятъ восьмаго года.

Денегъ, взятыхъ Порошинымъ у армянина изъ XIX вѣка, оказалось вдоволь, потому что все, и въ тогдашнемъ Парижѣ, было сравнительно дешево.

Онъ посѣщалъ всевозможныя, особенно модныя увеселенія. Всѣ стремились въ громадный желѣзный и каменный, на манеръ древне-римскаго, Коллизей. Въ модѣ были звѣриныя травли, бой быковъ, борьба низшихъ человѣческихъ расъ съ тиграми и львами, конскія скачки съ невѣроятными препятствіями—черезъ пороховые погреба съ зажженными факелами, черезъ динамитныя батареи—и единоборство пѣтуховъ и крысъ. Все это производилось въ названномъ Коллизеѣ. Роль древнихъ гладіаторовъ-рабовъ исполняли въ борьбѣ съ дикими, пускаемыми на арену звѣрями, нарочно для этой цѣли привозимые изъ внутренней Африки, жители озера Ніанзе и Танганаки. Когда на аренѣ Коллизея лилась звѣриная или людская кровь, парижскія дамы пили шампанское и бросали изъ ложъ побѣдителямъ роскошные букеты, которые во время оно бросались Патти и Дженни Линдъ.

Порошинъ отъ Коллизея переходилъ къ безчисленнымъ кафешантанамъ, отъ послѣднихъ къ пирушкамъ съ молодыми людьми, между которыми пріобрѣлъ много знакомыхъ. Удивляясь, что онъ сталъ способенъ къ этого рода забавамъ, онъ нерѣдко входилъ въ споры съ простодушными, всѣмъ и всегда довольными французами. Узнавъ, что Порошинъ русскій, парижане были съ нимъ особенно любезны. Онъ не стѣснялся въ бесѣдахъ съ ними.

— Да полно, какая же у васъ республика, когда вы покорены китайскимъ Богдыханомъ и, въ его декретахъ, имепуетесь его рабами? гдѣ же ваша свобода?—спрашивалъ Порошинъ парижанъ.

— О, les chinois... ce sont nos meilleurs et bons amis...

— Но какіе же вамъ они друзья, когда вы съ прочею Европой имъ платите такую страшную дань, и ихъ знамя вѣетъ надъ стѣнами нѣкогда славнаго Парижа?

— За то мы избавились отъ царства адвокатовъ... Нѣтъ болѣе адвокатовъ,—говорили ликующіе парижане:—есть только прокуроры и милующій Богдыханъ...

Порошинъ узналъ, что правосудіе въ XX-мъ вѣкѣ оченъ упростилось. Давно замѣчая, что спиртные напитки и отчасти хлороформъ развязываютъ языкъ, тогдашніе ученые стали дѣлать остроумные опыты и изобрѣли особую жидкость, изъ которой добыли газъ, названный спирто-хлороформомъ или алколо-хлораломъ. Напуская этотъ газъ въ особую комнату, прокуроры силой вводили туда подозрѣваемыхъ и подсудимыхъ, и послѣдніе, надышавшись предательскимъ испареніемъ, теряли главное изъ чувствъ—силу воли, послѣ чего прямо диктовали стенографамъ все, что̀ дѣлали и говорили, все, что̀ у нихъ было въ сокровенныхъ помышленіяхъ. Съ тѣхъ поръ упразднились полицейскія дознанія, предварительныя и судебныя слѣдствія, очныя ставки, перекрестные допросы, доносы и отдѣленія явныхъ и тайныхъ сыщиковъ.

— Потомъ, извините, вы всегда кичились свободой и мягкостью вашихъ нравовъ, — допытывалъ французовъ Порошинъ: — а у васъ вонъ и теперь существуетъ казнь...

— Нельзя!—отвѣчали находчивые парижане: — каждый народъ имѣетъ право принимать мѣры въ огражденіе своей безопасности отъ преступниковъ и злодѣевъ!

— Но еще нелѣпость... Вы кичитись республикой, равенствомъ, свободой, а у васъ, кромѣ китайскаго, общаго всѣмъ вамъ гнета, есть еще мѣстный, частный гнетъ... еврейскій! Кромѣ многихъ прежнихъ династій, вы проходите наконецъ черезъ династію израильскихъ президентовъ своей республики, Ротшильдовъ... Извините, но это—позоръ! Евреи возсѣдаютъ у васъ на тронѣ Генриха IV-го и Людовика XIV-го, банкиры, биржевики красуются въ креслахъ Робеспьера и Мирабо... Этого не представляла исторія даже такихъ торгашей, какъ англичане; у нихъ тоже были и есть свои Ротшильды, но тѣ у нихъ не шли и не идутъ дальше банкирскихъ конторъ и несгораемыхъ сундуковъ...

— Это мы сдѣлали поневолѣ.

— Какъ поневолѣ?

— Евреи съ началомъ нынѣшняго, XX-го вѣка, черезъ свои банкирскія конторы, завладѣли всею металлическою монетою въ мірѣ, всѣмъ золотомъ и серебромъ. Производя давленіе на биржѣ, они получили неотразимое вліяніе и на выборные классы великой, но завоеванной китайцами Франціи. За то при первомъ же президентѣ изъ дома Ротшильдовъ у насъ оказался финансовый рай: полное равновѣсіе прихода съ расходомъ въ бюджетѣ, устройство всѣхъ

общественныхъ отправленій на акціонерный ладъ и окончательное введеніе удобныхъ бумажныхъ денегъ, вмѣсто металлическихъ...

— Но вы говорите, что Ротшильды взяли верхъ черезъ захватъ въ свои руки всѣхъ металловъ въ мірѣ?

— Да, золото всего міра перешло къ нимъ, они имъ и донынѣ владѣютъ, а намъ за него предоставили, въ видѣ векселей на себя, очень красиво отпечатанныя ассигнаціи. Это значительно удобнѣе, ихъ легко носить въ карманѣ. Золото любятъ у насъ носить одни, какъ вы, иностранцы.

— Вы упомянули также объ устройствѣ всѣхъ общественныхъ нуждъ на акціонерный ладъ.

— Точно такъ.

— Какъ это случилось?

— За примѣромъ не далеко ходить. Со вступленіемъ въ управленіе Ротшильдовъ исчезли окончательно въ домахъ лампы, печи и графины.

— Не понимаю, какъ это?—спросилъ Порошинъ:—развѣ измѣнился климатъ, пропала зима, солнце не заходитъ съ той поры и люди не нуждаются въ питьѣ?

— Вы недостаточно поняли меня,—отвѣтилъ французъ, съ улыбкой вглядываясь въ Порошина:—я говорю только, что печи, графины и лампы окончательно исчезли, съ мудрымъ президентствомъ Ротшильдовъ, не только у насъ, но полагаю и въ другихъ цивилизованныхъ городахъ. А что эти рѣдкости доброй старины дѣйствительно исчезли, это вамъ, вѣроятно, извѣстно... и вы ихъ теперь увидите развѣ только въ музеяхъ диковинокъ прошлыхъ временъ...

Порошинъ боялся далѣе объ этомъ разспрашивать, чтобъ не возбудить подозрѣнія на свой счетъ. Онъ вскорѣ лично убѣдился, что каждый домъ и каждая комната въ новомъ Парижѣ получали тепло, свѣтъ и воду изъ общаго резервуара этихъ матеріаловъ, устроеннаго въ нѣсколькихъ километрахъ за городской стѣной.

Онъ взялъ духовой фіакръ, нарочно съѣздилъ и осмотрѣлъ это замѣчательное, монументальное зданіе, доставлявшее особыми проводниками для парижанъ электрическій свѣтъ—въ ихъ зданія и уличные фонари, воду—въ кухни, бани, умывальные столы и прямо въ прицѣпленные къ столамъ на гуттаперчевыхъ трубочкахъ стаканы и другіе сосуды, и тепло—въ каждый домъ, въ каждый обитаемый уголокъ. Все ограничивалось кранами: повернешь одинъ — въ комнатѣ засвѣтитъ яркая электрическая луна, повернешь другой — наливается сквозь мягкую трубочку въ сосуды вода, повернешь третій— въ холодной комнатѣ становится, по желанію, тепло и даже жарко.

Проводники этихъ снадобій управлялись особыми регуляторами,

экранами, градусниками и другими измѣрителями для разсчета съ акціонернымъ обществомъ ихъ поставщиковъ.

Это любопытное „центральное водо-тепло- и свѣто-хранилище" Порошину показывалъ бойкій и говорливый привратникъ—„портье", хотя французъ, но съ итальянскимъ профилемъ лица, одѣтый въ цвѣтное китайское полукафтанье и съ длинною, щегольски-заплетенною, до пятъ, косой, по фамиліи Бонапартъ.

— Вы носите громкую фамилію?—спросилъ, смутившись, Порошинъ: — не происходите ли отъ былыхъ во власти Наполеонидовъ? Ихъ династія когда-то здѣсь правила...

— О, мосье! вы правы! — грустно отвѣтилъ, покуривая особую сигаретку съ примѣсью опіума, портье:—мало ли что было въ старину? Намъ, скромнымъ и вѣрнымъ слугамъ Богдыхана, нѣтъ дѣла до прошлаго этой счастливой страны... Вы, какъ иностранецъ, встрѣтите и гарсоновъ въ отеляхъ изъ этой же, нынѣ обѣднѣвшей фамиліи, и ветошниковъ, и продавцевъ каштановъ и газетъ. Это все мои дяди и кузены... Благодаря многоженству, много у каждаго изъ насъ, бѣдныхъ провинціаловъ, родныхъ.

— Какому многоженству? Развѣ во Франціи мормонизмъ?

— Не знаю, мосье, что вы хотите сказать этимъ мудренымъ и мнѣ непонятнымъ словомъ. Только многоженство даровано Франціи въ правленіе предпослѣдняго изъ мудрыхъ Ротшильдовъ, нынѣ правящихъ нами во имя пресвѣтлаго Богдыхана,—даровано въ награду за допущеніе этой геніальной банкирской расы ко всѣмъ тайнамъ нашей государственной казны.

— Но почему же Ротшильды васъ надѣлили именно этой наградой?

— А какъ же? — отвѣтилъ, съ чопорностью ученаго знатока, самодовольный портье Бонапартъ:—у Авраама и прочихъ праотцевъ было по нѣсколько женъ. Ну, а введя іудейское исповѣданіе въ счастливой, процвѣтающей Франціи, наши новые правители рекомендовали и этотъ обычай.

— Такъ и еврейская вѣра введена у васъ?

— Если хотите, у насъ нѣтъ теперь ужъ никакой вѣры,—спокойно улыбнулся привратникъ: — китайцы на этотъ счетъ особенно покладливы и дали намъ полную свободу. Проповѣди у насъ замѣнены поучительными воскресными фельетонами министерскихъ газетъ, а большинство обрядовъ нотаріальными актами. Прибавилось только нотаріусовъ и ихъ писцовъ.

— Бракъ, однакоже, очевидно сохранился, если у васъ введено многоженство?—спросилъ Порошинъ:—какой, скажите, у васъ бракъ, гражданскій или тоже... китайскій, то-есть никакой?.. и на какіе сроки?

— Бракъ у насъ дѣйствительно китайскій, то-есть примѣненный, въ духѣ вѣка, къ формамъ юридическаго подержанія имущества, или найма прислуги, квартиръ,—на годъ, на мѣсяцъ и даже, для желающихъ, на болѣе короткіе сроки... О, мосье, китайцы—первые люди въ мірѣ.

...Порошинъ не замѣтилъ, какъ шли его минуты, часы и дни. Парижскіе новые нравы и особенно дамскіе наряды его повергали въ изумленіе. Парижанки носили неимовѣрные костюмы, или скорѣе ходили почти вовсе безъ костюмовъ. На улицахъ и въ гостяхъ Порошинъ на нихъ видѣлъ еще нѣкое подобіе легкихъ, широкихъ, въ китайскомъ вкусѣ, бурнусовъ, сандалій и шляпъ. Дома же и на театральныхъ сценахъ онѣ, вмѣсто одеждъ, какъ дикари, имѣли лишь красивые, убранные дорогими, искусственными каменьями пояса, да на ногахъ, рукахъ и шеяхъ—золотые, серебряные и аллюминіевые браслеты, кольца, запястья и ожерелья. Каждая только и дѣлала — купалась, душилась, заплетала волосы, кушала, посѣщала театры, звѣриныя травли и влюблялась...

Для Порошина, вообще сдержаннаго и неохотника до пустыхъ развлеченій и забавъ, начался рядъ такихъ эксцентрическихъ похожденій, такой душевной и сердечной суеты, что онъ самъ себѣ не вѣрилъ, удивляясь, откуда у него берется такая пустота и такой задоръ.

Кутежи съ уличными шелопаями, сидѣніе по цѣлымъ днямъ передъ бычачьими и пѣтушьими боями въ Коллизеѣ, ужины съ убранными въ браслеты и кольца красавицами, посѣщеніе мѣстныхъ палатъ и скачекъ на искусственныхъ, движимыхъ сжатымъ воздухомъ, лошадяхъ и прочія развлеченія до того замотали и вскружили голову Порошину, что онъ, и безъ того слабый здоровьемъ, окончательно выбился изъ силъ.

Онъ особенно потомъ помнилъ свой послѣдній день, проведенный въ 1968 году.

Въ этотъ послѣдній, роковой, седьмой день, въ послѣдніе часы, минуты и секунды, передъ условнымъ досаднымъ пробужденіемъ, Порошинъ,—какъ онъ это ясно вспоминалъ впослѣдствіи,—бѣшенно и злобно хохоча въ глаза какому-то французскому академику, раздражительно-ѣдко повторялъ:

— Вы все изобрѣли и все выдумали! Надо вамъ отдать честь! Вы испытали и несете на себѣ иго евреевъ и китайцевъ, а летать по воздуху все-таки не съумѣли и не изобрѣли... Достигли этого, все-таки, русскіе, русскіе, русскіе!..

Озадаченный французскій академикъ только па него поглядывалъ.

— Притомъ... что у васъ за нравы, извините, и какой цинизмъ во всемъ. Хоть бы эти костюмы у вашихъ женщинъ... ха-ха! Одни кольца, да запястья, какъ у дикарей...

— Но позвольте,—вмѣшался французъ:—вы хоть и русскій, но развѣ и у васъ не введены такія же моды? Парижъ и теперь по этой части законодатель. Откуда же вы, что этого не знали и этому удивляетесь?

— Я съ крайняго сѣвера, изъ Колы,—смѣшавшись, продолжалъ Порошинъ: — да не въ томъ дѣло, хоть бы и у насъ вы ввели такую же распущенность! Далѣе... Вы въ конецъ убили дѣвственность и невинность невѣсты, — уничтожили святую роль матери. Всѣ женщины у васъ кокотки, да, кокотки! знаете это... древнее слово?

— Не слышалъ.

— У васъ во всемъ невообразимый, разнузданный и дикій произволъ страстей.

— Мы за то чужды предразсудковъ,—возразилъ съ достоинствомъ академикъ:—у насъ вездѣ поклоненіе природѣ, реальность.

— Это, пожалуй, забавно, но дико, дико до невозможности! — горячился и кричалъ на площади Трона Порошинъ, гдѣ происходилъ этотъ обмѣнъ его мыслей съ ученымъ:—у васъ полное паденіе искусствъ, поэзіи, живописи, музыки! Ваша живопись замѣнена китайщиной, безжизненной, сухой, ремесленной, всюду лѣзущей и все поглощающей фотографіей.

— За то дешево, схоже, какъ дважды два, съ природой, и избавляетъ отъ пестроты красокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! — кричалъ Порошинъ: — фотографія — сколокъ одного, мелкаго и ничтожнаго момента природы; художественная живопись — могучее зеркало природы, въ ея полномъ и идеальномъ объемѣ!.. Потомъ музыка,—Богъ мой!—что у васъ за музыка! Вагнеровщина, доведенная до абсурда... слышали про Вагнера?

— Это что за имя? въ древности были Моцартъ, Бетховенъ, Россини,—о Вагнерѣ никто не знаетъ...

— Былъ такой чудакъ, дѣлавшій съ музыкой, какъ съ кроликами, опыты сто лѣтъ назадъ. Вы, теперешніе французы, развили его идеи и показали въ точности, въ какія трущобы насъ велъ этотъ и ему подобные борцы за музыку будущаго... Мелодія у васъ исчезла; ея больше нѣтъ и слѣда! Ни пѣсни, ни былаго, задушевнаго, чуднаго французскаго романса, ни единой сносной музыкальной картины... Волны безсмысленныхъ тоновъ и звуковъ, безъ страсти и безъ выраженія, — хаосъ!.. Наконецъ, иду далѣе... куда вы дѣли драму, высокую комедію?

— Это что такое?—удивился академикъ-французъ.

— Вы замѣнили комедію и драму, — не стану вамъ объяснять ихъ значенія, если ихъ забыли теперешніе парижане!—съ грустью сказалъ Порошинъ: — вы замѣнили все это глупѣйшимъ, но реальнымъ водевилемъ, съ провальями и переодѣваньями, гнуснымъ сумбуромъ циническихъ, будничныхъ, уличныхъ сценъ, какъ замѣнили былую оперу шансонетными дивертисементами, да притомъ въ такое время, когда и всѣ-то ваши шансонетки сплошь лишены тѣни мелодіи, живаго, задушевнаго мотива, наравнѣ со всею вашею музыкой...

— Мы, реалисты, васъ, къ сожалѣнію, совершенно не понимаемъ!—отозвались на площади нѣкоторые слушатели этого спора:— вы, мосье, точно вышли изъ какого-то допотопнаго архива, точно явились съ того свѣта, изъ отдаленной прадѣдовской старины.

— Да, вы правы! я жилъ и дышалъ инымъ вѣкомъ, иною эпохой! Я васъ не понимаю и отъ души сожалѣю! — произнесъ съ новою запальчивостью Порошинъ: — вы презираете все, что не ведетъ къ практической, обыденной, низменной пользѣ! Вы пренебрегаете идеями великаго философскаго цикла и дали развитіе одному — практическимъ, техническимъ, не идущимъ далѣе земли, наукамъ и ремесламъ. Вы отдали лучъ солнца за кусокъ удобренія, пѣсню вольнаго, поэтическаго соловья за мычаніе упитанной для убоя телушки, а Вольтера и Руссо,—вѣроятно, вы не забыли хоть именъ этихъ свѣтилъ вашей страны?—промѣняли на тупицу Либиха и другаго тупицу, Вирхова. Надѣюсь, этихъ-то вашихъ апостоловъ вы отлично знаете и помните донынѣ?..

— Зато мы вѣрны природѣ! — повторилъ академикъ-французъ, закуривая у столика ресторана кальянъ съ опіумомъ.

— Зато васъ, свободныхъ французовъ, поколотили и завоевали китайцы, и поработили евреи,—съ бѣшенствомъ отвѣтилъ Порошинъ...

III.

ПРОКАЗЫ ДУХОВЪ.

Это было лѣтъ 10 тому назадъ,—разсказывалъ штабсъ-капитанъ Заруцкій:—я, въ качествѣ юнкера, долженъ былъ держать экзаменъ на офицерскій чинъ въ тверскомъ училищѣ. Пріѣхавъ въ Тверь, я долго искалъ квартиру. Мнѣ хотѣлось нанять одну-двѣ комнаты отъ жильцовъ, съ мебелью, чаемъ и со столомъ, чтобъ имѣть скромный свой уголъ, безъ толкотни и шума гостиницы.

Бродя по городу, я увидѣлъ въ отдаленной, глухой улицѣ небольшой деревянный двухъ-этажный домикъ съ билетиками на окнахъ втораго этажа и нанялъ здѣсь двѣ комнаты, черезъ сѣни отъ хозяевъ квартиры. Хозяева оказались добродушными старичками, мужемъ и женой. Съ перваго же дня они окружили меня полнымъ вниманіемъ, заботливо содержали мои комнаты, одежду, бѣлье, отлично кормили и вообще ухаживали за мной, какъ за роднымъ. Возвращался я домой поздно, спалъ послѣ ученій и всякихъ служебныхъ занятій, какъ убитый.

Встрѣтя нѣкоторыхъ знакомыхъ въ Твери, я свободные вечера проводилъ у нихъ.

— Гдѣ вы наняли квартиру? — спросила меня одна тверская дама на одномъ изъ такихъ вечеровъ.

Я назвалъ улицу, домъ и квартирныхъ хозяевъ, Губаревыхъ.

— У Губаревыхъ?—произнесла дама:—и вы не боитесь?

— Чего же мнѣ бояться? Люди отличные, смотрятъ, какъ за роднымъ сыномъ,—отвѣтилъ я.

— Помилуйте... да эта квартира по мѣсяцамъ стоитъ незанята, все бѣлѣютъ въ окнахъ билетики...

— Ну, и что же? не сходятся цѣной, а я не торговался. Улица тихая, поросла даже травой; ни пѣшихъ, ни проѣзжихъ,—весь день занимайся, читай, пиши,—никто не помѣшаетъ, не развлечетъ.

— Какъ не помѣшаетъ? Да развѣ вы не знаете, — сказала съ

непритворнымъ ужасомъ дама: — въ этомъ домѣ и именно въ верхнемъ его этажѣ давно поселилось привидѣніе, не дающее покоя его жильцамъ. Оно ходитъ по ночамъ безъ умолку по комнатамъ, двигаетъ мебелью, выпиваетъ воду, перекладываетъ съ мѣста на мѣсто разные предметы...

— Ну, крѣпко же я спалъ всѣ эти ночи, что не замѣтилъ этого,—сказалъ я съ улыбкой.

— Увѣряю васъ... клянусь, въ городѣ всѣ это знаютъ и избѣгаютъ губаревской квартиры...

— Деревянный домъ, —спросилъ я: — желтый, съ мезониномъ? Можетъ быть не та улица, не тотъ домъ?

— Именно Губаревыхъ... Одни мои знакомые, напуганные, взволнованные, едва убрались.

— Со мной шашка и револьверъ, —произнесъ я: —бояться нечего... Я постараюсь поладить съ этимъ привидѣніемъ.

Разговоръ съ тверской дамой, однако, произвелъ на меня впечатлѣніе.— „Вотъ провинція! — думалъ я: — непремѣнно что-нибудь сочинитъ, наплететъ, раздуетъ въ гору и сама потомъ волнуется собственными страхами! И откуда это взялось? Любопытно все-таки...“

Привидѣніе не выходило у меня изъ головы. Я не совсѣмъ спокойно пришелъ съ вечера, гдѣ это слышалъ, домой; втащился по скрипучей лѣстницѣ, позвонилъ. Хозяйка подала мнѣ свѣчу, проводила въ мои комнаты, осмотрѣла постель, поставила свѣжей воды въ графинѣ, спичекъ на столикъ у изголовья и, пожелавъ мнѣ, какъ всегда, спокойной ночи, ушла, забравъ для чистки мое платье и сапоги.

Я прошелъ въ туфляхъ въ сѣни, заперъ дверь на ключъ, раздѣлся и легъ, осмотрѣвъ предварительно всѣ закоулки въ обѣихъ моихъ комнатахъ, заглянулъ подъ мебель, за печку, въ шкафъ и комодъ и даже за оконныя занавѣски.

Въ то время печатался любопытный переводный англійскій романъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, мною начатый давно. Я взялъ книгу „Русскаго Вѣстника“, прочелъ пять-шесть страницъ и, чувствуя дремоту, усталый отъ дневныхъ занятій, крѣпко уснулъ, отложивъ разогнутую книгу на столикъ у кровати. Помню, что, засыпая, я все думалъ: „Эка, наплели! и откуда взяться здѣсь привидѣнію, призракамъ? Въ этакомъ домишкѣ, и притомъ въ Твери! Добро бы гдѣ-нибудѣ въ Шотландіи, въ зáмкѣ какомъ-нибудь, или въ Швейцарскихъ мрачныхъ горахъ... а то на антресоляхъ, у Губаревыхъ... въ улицѣ, гдѣ выросла трава, пасутся козы и не видать по днямъ человѣческаго лица“...

И вдругъ — слышу шелестъ, явственный шелестъ, у изголовья.

Я проснулся, сталъ прислушиваться. Въ полной тишинѣ, впотьмахъ, слышу, точно кто-либо шаритъ по столу, переворачиваетъ листы разогнутой книги журнала.

„Мыши!" — подумалъ я сперва, вспоминая, какъ стоялъ до моего прихода круглый, на одной ножкѣ, столикъ и какъ я его взялъ отъ стѣны и поставилъ у изголовья. — „Нѣтъ! — сказалъ я себѣ, размысливъ немного: — мыши не могли взобраться на столъ по гладкой ножкѣ, да еще потомъ взлѣзть изъ-подъ круглой доски наверхъ. А столикъ стоялъ, не касаясь ни ближней мебели, ни моей постели"...

Подождавъ нѣсколько минутъ, я опять услышалъ ясно-различаемый шелестъ переворачиванія листовъ книги, лежавшей на столѣ.

„Надо изловить, поймать", — подумалъ я, изловчаясь тихо встать и зажечь спичку.

Приподнявшись на локтѣ, я медленно нащупалъ на столѣ спичечницу, взялъ ее въ руки и приготовился черкнуть спичку о края спичечницы. Въ эту минуту изумленный, потрясенный необычайнымъ явленіемъ мой слухъ явственно различалъ, какъ невидимая чья-то рука мѣрно переворачивала листъ за листомъ въ спокойно-лежавшей книгѣ.

„Да! это не мыши, не шутка чья-либо, — подумалъ я, прислушиваясь къ шороху на столѣ и готовясь увидѣть, откуда и кто протянулъ руку въ запертую комнату и трогалъ ею книгу: — любопытно увидѣть эту блѣдную руку блѣднаго призрака"...

Я нажалъ спичку, черкнулъ ею. Спичка вспыхнула, ярко освѣтивъ столъ, мою подушку и меня, сидѣвшаго въ одномъ бѣльѣ на постели.

Никого въ комнатѣ не было, и ничья рука не касалась книги. А между тѣмъ, — я это ясно видѣлъ и помню все до мелочей, — въ то мгновеніе, когда спичка вспыхнула, тронутый чьею-то незримою рукой, листъ перевертывался на моихъ глазахъ съ одной половины разогнутой книги на другую.

Спичка погасла. Я зажегъ свѣчу, обошелъ съ нею опять обѣ комнаты, отомкнулъ дверь въ сѣни, заглянулъ и туда, смотрѣлъ снова за печь, въ шкафъ и комодъ, подъ мебель и за занавѣски, — никого въ комнатахъ не было, и вездѣ была полная тишина.

Легъ я опять и нѣкоторое время не тушилъ свѣчи, курилъ для развлеченія себя, осматривалъ книгу, столикъ; наконецъ, еще далѣе отставилъ послѣдній отъ кровати, снялъ съ него все, кромѣ книги, разогнутой, какъ прежде, пополамъ, и сталъ слѣдить. Листы, пока горѣла свѣча, не перевертывались. Замѣтивъ послѣднюю открытую страницу книги, я задулъ свѣчу, укуталъ голову въ одѣяло и старался заснуть. Прошло съ полчаса, я заснулъ. Сплю и думаю: „Ну,

это мнѣ все казалось; вѣроятно, теченіе воздуха, — упругіе, разогнутые листы книги сами собой поднимались и съ шелестомъ ложились на другую сторону книги...“

Меня вдругъ опять, какъ варомъ обдало. Я былъ разбуженъ явственнымъ шелестомъ быстро и будто нетерпѣливо перебираемыхъ листовъ. И въ то же время мнѣ почудилось, что въ другомъ углу комнаты, на этажеркѣ, кто-то тронулъ графинъ и, будто наливая изъ него воду, зазвенѣлъ имъ о стаканъ...

„Не доставало еще этой чертовщины!“ —мыслилъ я съ досадой, стараясь ничего не слышать и ни на что не обращать вниманія: — „не встану, буду терпѣть, буду спать“.

Сонъ охватилъ меня, подъ новый шелестъ листовъ и новое постукиванье графина о стаканъ, изъ котораго, очевидно, пили.

Утромъ я проснулся съ первымъ солнечнымъ лучемъ. Очнувшись и собравшись съ мыслями, я прежде всего бросился къ книгѣ, — посмотрѣлъ число, выставленное па верхней замѣченной мною страницѣ. Вмѣсто цифры, какъ теперь помню, 177-й, на верху книги была 219-я страница; невидимая рука перевернула, пока я спалъ, — ровно сорокъ двѣ страницы, то есть двадцать одинъ листъ... Двадцать одинъ разъ пальцы привидѣнія прикасались къ книгѣ!

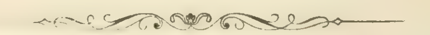
Но каково было мое вторичное изумленіе, когда я подошелъ къ этажеркѣ и взглянулъ на графинъ, съ вечера наполненный и при мнѣ поставленный хозяйкой: онъ былъ пустъ... Призракъ выпилъ его до дна...

— Да вы, можетъ быть, не перемѣняли воду? — спросилъ я хозяйку, хватаясь за это предположеніе, какъ за якорь спасенія.

— Именно, сударь, вы правы; извините, я забыла перемѣнить... Вода у насъ, впрочемъ, хорошая; вы, вѣроятно, сами изволили ее выпить... жажда-съ...

Я остолбенѣлъ.

— Вотъ и судите... заключилъ Заруцкій: — какъ это объяснить? Отлично помню, что хозяйка перемѣняла воду и что я ночью не прикасался къ графину. Кто же трогалъ книгу и выпилъ воду?

IV.

ПРИЗРАКИ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, — сказала одна изъ нашихъ собесѣдницъ: — въ Петербургѣ умерла старушка, моя родственница, тяжело хворавшая уже нѣсколько времени. Сестра моей родственницы, жившая на другомъ концѣ города и уже дня два не видавшая ее, вспомнила о ней въ ту минуту, когда ложилась спать. Рѣшивъ на утро навѣстить больную сестру, она потушила свѣчу и ужъ начала засыпать.

Вдругъ видитъ, при свѣтѣ теплившейся лампады, что изъ-за ширмы, стоявшей передъ ея кроватью, выглядываетъ голова ея сестры.

Эту голову, это лицо сестры моя родственница видѣла совершенно отчетливо и тотчасъ ее окликнула, удивляясь ея столь позднему, при нездоровьи, посѣщенію.

Отвѣта, однако, не послѣдовало, и голова, высунувшись изъ-за ширмы, черезъ нѣсколько секундъ исчезла...

Полагая, что такой поздній и поспѣшный заѣздъ вызванъ какимъ-нибудь чрезвычайнымъ происшествіемъ въ семьѣ больной сестры, моя родственница вскочила съ постели, вышла за ширму, но ни тамъ, ни въ другихъ комнатахъ никого не было...

Дама, о которой я говорю, была женщина очень образованная, вовсе не суевѣрная и отличалась скорѣе недостаткомъ, чѣмъ избыткомъ впечатлительности и воображенія.

Послѣ перваго впечатлѣнія отъ таинственнаго заѣзда больной сестры, она старалась себѣ объяснить этотъ случай сномъ, предполагая, что сестра ей пригрезилась, подъ вліяніемъ безпокойной, предсонной думы о ней.

Она не разбудила никого, снова легла въ постель и спокойно проспала остальную часть ночи.

Но каково же было ея удивленіе, когда рано утромъ ее разбудили роковымъ извѣстіемъ, что ея сестра умерла въ ту ночь и, какъ

оказалось, въ тотъ самый часъ, когда она видѣла ея лицо, выглянувшее изъ-за ширмы!..

— Другой случай былъ въ Тифлисѣ и съ вашею покорною слугой. Я тогда была дѣвочкой лѣтъ шести-семи. Пріѣхала я въ Тифлисъ съ матерью, старшею сестрой, слугою и горничной. Мы остановились во второмъ этажѣ тамошней извѣстной гостиницы; отвели намъ нѣсколько комнатъ съ балкономъ на улицу. Въ первую же ночь, проведенную нами на кое-какъ устроенныхъ постеляхъ, среди раскрытыхъ чемодановъ и сундуковъ, случилось событіе, сильно напугавшее меня.

Я спала на одной кровати съ сестрой, дѣвушкой лѣтъ семнадцати. Помню, что меня разбудилъ сдержанный, но тревожный разговоръ горничной съ сестрой.

— Ахъ, барышня, не могу глазъ сомкнуть,—говорила горничная:—на балконѣ ходитъ что-то страшное, рогатое... Еще съ вечера нижніе жильцы увѣряли, что оно ночью непремѣнно заглядываетъ въ окно...

— Да гдѣ-жъ оно, гдѣ?—шептала въ ужасѣ сестра.

— Постойте, слышите? топчется по балкону ногами... слышите? вотъ опять шаги, подходитъ..

— Да откуда же подходитъ? балконъ высоко надъ землей.

— Ай!—вскрикнула моя сестра, упавъ на подушку:—рогà, рогà...

Какъ я ни была мала и труслива, я подняла голову изъ-за дрожавшей сестры, взглянула и обмерла: съ надворья, въ блѣдныхъ сумеркахъ, ясно обозначилось нѣчто косматое, съ рогами, приникшее къ окну и будто смотрѣвшее, чтò дѣлается въ комнатѣ. Я также упала носомъ въ подушку и ну—плакать.

Проснулась матушка, разбудили лакея. Едва нашли ключъ, отдали его лакею и тотъ изъ сосѣдней комнаты, имѣвшей также выходъ на балконъ, отперъ стеклянную дверь, вышелъ наружу, осмотрѣлъ балконъ: тамъ ничего не было.

Но мы, т.-е. я съ сестрой и горничная, отлично видѣли привидѣніе—косматое, страшное и съ рогами.

Ночь провели безъ сна. На утро давай соображать, что бы это было? Слуга ходилъ къ хозяевамъ, къ нижнимъ жильцамъ, которые передъ нами стояли наверху, въ нашихъ комнатахъ, и перешли внизъ, изъ-за того же привидѣнія. Онъ разспрашивалъ ихъ, но ничего не добился. Хозяева увѣряли, что это пустяки, что намъ такъ показалось. Другихъ свободныхъ комнатъ не было, и мы поневолѣ остались въ тѣхъ же, но приняли мѣры осторожности. Ключъ отъ балконной двери матушка положила себѣ подъ подушку, чтобъ имѣть

его всегда на готовѣ. Осмотрѣли тщательно балконъ, висѣвшій надъ улицей,—оказалось, что къ нему даже не подходила водосточная труба,—осмотрѣли всѣ смежныя двери, окна, комнаты, и легли спать.

Слуга заперся отъ корридора гостиницы, мы заперлись отъ комнаты, гдѣ спалъ слуга. Горничная взлѣзла на высокую лежанку, за печью, обставилась еще стульями. Поговоривъ немного, мы погасили свѣчи и уснули...

И опять слышимъ топотъ. Я очнулась первая, взглянула въ направленіи оконъ и взвизгнула не своимъ голосомъ. Всѣ вскочили, дрожимъ отъ ужаса: по балкону снова ходитъ чудище; длинные, какъ на рисункахъ о страшномъ судѣ, загнутые надъ мохнатымъ лбомъ, бѣсовскіе рога шевелятся за окномъ, и два глаза пристально смотрятъ сквозь стекло въ комнату.

Слуга также проснулся.

— Барыня, ключъ, скорѣе ключъ!—шепталъ онъ за дверью.

Мы подали ему ключъ.

Онъ изловчился, быстро отперъ дверь,—съ балкона на крышу дома, бывшую надъ нимъ невысоко, спрыгнуло что-то мохнатое, легкое, какъ вѣтеръ...

Утромъ слуга добился, въ чемъ дѣло.

Оказалось, что этотъ страшный тифлисскій призракъ былъ козелъ; онъ являлся съ сосѣдняго двора, сѣноваль котораго былъ на склонѣ горы, какъ разъ въ уровень съ крышей гостиницы. Покушавъ сѣна, козелъ имѣлъ обычай вскакивать въ слуховое окно сѣновала и странствовать по окрестнымъ крышамъ, крыльцамъ и балконамъ. Передъ тѣмъ въ нашихъ комнатахъ,—до насъ и нижнихъ жильцовъ,—долго жилъ какой-то одинокій постоялецъ. Онъ имѣлъ обычай пить по ночамъ чай у окна и, замѣтивъ спрыгнувшаго съ крыши на балконъ козла, давалъ ему сухарей и молока. Козелъ привыкъ къ нему и каждую ночь получалъ свою порцію. А когда этотъ жилецъ уѣхалъ, козелъ, продолжая свои посѣщенія, сперва напугалъ и заставилъ втихомолку спуститься внизъ жильцовъ, занимавшихъ наши комнаты, а потомъ напугалъ и насъ...

Въ Николаевѣ стояли въ небольшомъ, одноэтажномъ домикѣ, два офицера. Сидѣли они вечеромъ, однажды, у окна. Была зима. Свѣтилъ полный мѣсяцъ. Бесѣда пріятелей смолкла, они задумались, куря папиросы. Вдругъ слышатъ, съ надворья кто-то стукнулъ въ наружную раму... разъ, другой и третій. Переглянулись они, ждутъ. Минуты три спустя, опять незримая рука постучала въ окно. Одинъ изъ нихъ выбѣжалъ на крыльцо, обошелъ уголъ дома,—никого нѣтъ.

Домъ былъ на краю города и выходилъ на обширный, ярко-освѣщенный луною пустырь. Потолковали пріятели и рѣшили, что это имъ такъ показалось, или что дрожало отъ движенія воздуха стекло старой двойной рамы,—хотя ночь была тихая, безъ малѣйшаго вѣтра. На вторую ночь повторилась та же исторія, на третью снова. Это вывело офицеровъ изъ терпѣнія. Осмотрѣвъ днемъ окрестные дворы, овраги и площадь, они рѣшились выслѣдить, что̀ это за чудо?—Ночью одинъ сѣлъ съ папироскою у окна, другой, одѣвшись въ шубу, спрятался въ тѣни у сосѣдняго забора. Долго ли сидѣлъ онъ—послѣдній не помнилъ, — только опять раздался стукъ, явственное дребезжаніе наружной оконной рамы. Сторожившій подъ заборомъ офицеръ бросился къ дому,—изъ-подъ оконнаго притолка выскочила какая-то тѣнь... Ночь на этотъ разъ была нѣсколько мглистая; мѣсяцъ то и дѣло прятался въ налетавшія облака. Тѣнь кинулась бѣжать по площади; офицеръ за нею,—далѣе, далѣе,—вотъ-вотъ настигаетъ. Добѣжали они до какого-то оврага. У оврага—стоитъ запряженный въ сани конь. Тѣнь бросилась въ сани, офицеръ ее за полу и тоже въ сани. Лошадь помчалась.—Зачѣмъ ты насъ пугалъ?—спрашиваетъ офицеръ.—Тѣнь молчитъ.—Говори, говори!—присталъ офицеръ, теребя незнакомаго и стараясь вырвать у него возжи... Но сани нечаянно, или благодаря возницѣ, раскатились, и офицеръ вывалился, среди пустыннаго, занесеннаго снѣгомъ взгорья. Онъ едва нашелъ дорогу и возвратился домой къ утру, съ трудомъ выбравшись изъ овраговъ, куда его завезла незнакомая, ускользнувшая отъ него тѣнь.

V.

ТАИНСТВЕННАЯ СВѢЧА.

Нѣкто Кирилловъ, будучи командированъ въ приволжскія губерніи, ѣхалъ туда съ своимъ секретаремъ. Надо было свернуть съ большаго почтоваго тракта на проселокъ. Кирилловъ ѣхалъ въ собственной коляскѣ, по фельдъегерской подорожной и открытому листу. Дѣло было спѣшное и нетерпящее отлагательствъ. Проселочный путь оказался очень удобнымъ. Погода была передъ тѣмъ сухая. Стоялъ превосходный, весь въ зелени и цвѣтахъ, оглашаемый птичьими свистами, май. Но едва странники проѣхали верстъ полтораста, мѣняя въ волостяхъ обывательскихъ лошадей, небо заволокло тучами, стало пасмурно, и пошелъ теплый тихій дождь. Дорога мигомъ испортилась. До мѣста назначенія, небольшаго уѣзднаго города, оставалось два-три перегона. Въ предпослѣдней волости дали Кириллову лошадей нехотя, уговаривая его переждать, пока просохнетъ. Онъ на это не могъ согласиться. Лошади пристали. Едва сдѣлавъ съ обѣда до вечера верстъ десять-пятнадцать, коляска насилу втащилась въ какую-то разбросанную, заросшую садами, деревню и остановилась въ околицѣ: ни взадъ, ни впередъ.

— Переночевали бы, ваше превосходительство, — сказалъ обывательскій ямщикъ: — до Терновки еще семь верстъ, а лошади не довезутъ.

— Какая это деревня?

— Дубки.

— Государственныхъ крестьянъ?

— Вольная.

— Расправа есть?

— Есть-то есть, да нѣту-ти лошадей. Тутошніе все гоняютъ на ночь въ луга. А пока за ними сходятъ, настанетъ и ночь. Эвоси, и солнышко заходитъ.

— Гдѣ же тутъ перебыть?

— Въ постояломъ развѣ... да нѣтъ, баринъ, тамъ кабакъ,— ужъ не знаю, куда васъ и вести. Мужики всѣ въ отхожихъ работахъ, остались почитай однѣ бабы.

— Да вонъ-же у васъ церковь, — отозвался секретарь: — значитъ, есть священникъ.

— Есть,—отвѣтилъ ямщикъ.

— Ну, вези къ батюшкѣ.

Подъѣхали къ дому священника, на обширной, поросшей травою площади. Священникъ оказался вдовцомъ, лѣтъ пятидесяти, очень серьезнымъ, благообразнымъ и радушнымъ человѣкомъ.

Узнавъ, что гость его важный въ столичной іерархіи чиновникъ, онъ удвоилъ къ нему вниманіе, предложилъ странникамъ чаю, ужинъ и собственную опочивальню.

Кирилловъ съ секретаремъ напились чаю и закусили на воздухѣ, на крыльцѣ попова домика, выходившаго окнами противъ церкви. Дождь пересталъ, и хотя небо еще было заволочено тучками, или скорѣе туманомъ, на дворѣ было тепло и такъ тихо, что слышался говоръ отдаленныхъ переулковъ, гдѣ засыпала, съ быстро-наставшими сумерками, наморившаяся за день деревня. Гости и хозяинъ засидѣлись долго у столика, накрытаго бѣлой скатертью и уставленнаго скромнымъ угощеніемъ сельскаго священника.

— Что у васъ такая маленькая церковь? — спросилъ Кирилловъ:—точно вросла въ землю и даже будто покачнулась.

— Древній храмъ, очень древній,—отвѣчалъ священникъ:—еще при моемъ прадѣдѣ лажена, а при дѣдѣ достроена... Мхомъ поросла, и колокольня точно какъ бы наклонилась маленько, но еще держится.

— Что же, мало средствъ, нечѣмъ обновить?

— Народъ здѣсь смирный, свободный, какъ воздухъ,—ну, и не тѣмъ занятъ. А церковь древняя и строили ее древніе, благочестивые люди...

Поговорили еще гости, поблагодарили хозяина за хлѣбъ-соль и, распорядясь насчетъ дальнѣйшаго съ утромъ пути, ушли спать. Комната, гдѣ имъ предложили ночлегъ, выходила окнами на площадь. Священникъ легъ въ чистой пріемной, смежной съ этой комнатой.

Боясь простудиться, Кирилловъ легъ, не открывъ окна, и потому отъ духоты долго не могъ заснуть.

Постель священника, на которой онъ расположился спать, была у стѣны противъ оконъ; секретарь легъ на диванчикъ у двери. Свѣчу погасили и смолкли. Затихъ по сосѣдству и священникъ. На дворѣ еще болѣе стемнѣло.

Такъ лежалъ, ворочаясь и думая о разныхъ разностяхъ, Кирилловъ часъ или болѣе того. Обернувшись на постели къ окну, онъ сталъ всматриваться въ очеркъ церкви, неясно рисовавшейся въ сумеркахъ.

Ему показалось, что церковь слабо освѣщена...

„Вѣроятно, небо окончательно очистилось, и взошелъ мѣсяцъ за нашимъ домомъ,—подумалъ Кирилловъ:—лунные лучи и отражаются въ церковныхъ окнахъ".

Кирилловъ приподнялся на постели, вглядѣлся пристальнѣе. „Нѣтъ, это не лунные лучи!—сказалъ онъ себѣ:—всѣ окна подърядъ, но освѣщены только три лѣвыя, въ главной части церкви, а правыя, въ придѣлѣ, подъ колокольней, темны, — значитъ, церковь освѣщена изнутри".

Чѣмъ болѣе всматривался Кирилловъ, тѣмъ явственнѣе сталъ различать красноватый, мерцающій блескъ, отличный отъ блѣдныхъ лунныхъ лучей.

„Свѣча!—подумалъ онъ:—въ церкви зажжена свѣча! Либо тамъ воры, либо покойникъ... Но какая неосторожность—ставить на ночь у гроба, въ такой ветхой церкви, свѣчу!"

— Батюшка, а батюшка!—сказалъ Кирилловъ, помнившій, что священникъ шевелился въ сосѣдней комнатѣ, нѣсколько минутъ назадъ. Окликъ пришлось повторить.

— А? Что прикажете? — отозвался изъ-за двери проснувшійся хозяинъ.

— У васъ, батюшка, свѣтится въ церкви.

— Извините, тамъ темно, и ключи у меня.

— Да отчего же свѣтится? Не забыли-ль погасить какую свѣчку у образовъ? Была сегодня вечерня?

— Не было.

— Такъ не стоитъ ли тамъ покойникъ?—спросилъ Кирилловъ.

Священникъ повозился по полу ногами, очевидно, отыскивая башмаки. Черезъ минуту онъ появился, въ халатѣ, на порогѣ.

— Гдѣ свѣтится?—спросилъ онъ, глядя въ окно:—вотъ странно, въ церкви дѣйствительно покойникъ... его вынесли за часъ до вашего къ намъ прибытія... но только никто у образовъ, а тѣмъ паче у гроба, не зажигалъ свѣчи.

— Угодно-ли, пойдемъ, стоитъ посмотрѣть, — сказалъ Кирилловъ, любопытствуя узнать, что это за странность.

Священникъ нехотя досталъ изъ-подъ подушки ключи. Разбудили секретаря. Тотъ, узнавши, въ чемъ дѣло, въ особенности засуетился. „Чудеса, чудеса!"—шепталъ онъ: — „покойникъ... и свѣтится".

Гости и священникъ вышли на площадь. Три окна, явственно и безъ всякаго сомнѣнія были изнутри слабо освѣщены. Но едва любопытствующіе стали подходить къ церкви, свѣтъ внезапно погасъ.

— Намъ это показалось, — замѣтилъ священникъ: — никакого огня въ церкви быть не можетъ. Даромъ только, сударь, потревожились... помилуйте, у насъ очень строго насчетъ огня.

Кирилловъ ужъ повернулъ къ дому. Ему хотѣлось спать.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, — засуетился секретарь: — такъ этого оставлять бы не слѣдовало... осмотримъ церковь...

Дѣлать нечего. Священникъ, гремя ключами, отперъ церковную дверь. У секретаря нашлись спички. Зажгли стоявшій въ придѣлѣ, у порога, фонарь и вошли въ храмъ.

Церковь, какъ всѣ сельскія церкви: чистая, уютная. Пахнетъ ладаномъ. Посрединѣ, передъ алтаремъ, стоялъ гробъ съ покойникомъ, какимъ-то молодымъ, суровымъ и красивымъ работникомъ. Непокрытое лицо глядѣло спокойно, точно умершій заснулъ.

— Горячка-съ...—вскользь сказалъ священникъ, идя къ алтарю.

Кирилловъ и секретарь съ нимъ осмотрѣли алтарь, шкафъ съ ризами, поднимали покровъ алтаря, покровъ, накинутый на гробъ, всѣ углы главнаго и входнаго церковныхъ отдѣленій и даже приподнимали покровъ надъ небольшимъ аналоемъ, стоявшимъ у гроба.

Священникъ тѣмъ внимательнѣе осматривалъ церковь, что ему казалось всего правдоподобнѣе, какъ онъ потомъ говорилъ, искать, не притаился ли гдѣ воръ.

Еще потолковали, еще осмотрѣли церковь, поднявъ выше фонарь,—возвратились и снова легли спать.

Рѣшась болѣе не думать о видѣнномъ свѣтѣ, Кирилловъ обернулся къ стѣнѣ, но еще мелькомъ взглянулъ съ постели на церковь, и на этотъ разъ ея окна были темны.

Прошло съ часъ или болѣе. Кирилловъ хорошо помнилъ, что онъ спалъ и, какъ ему казалось, спали и другіе. „Этакая чепуха иной разъ пойдетъ въ голову,—думалъ Кирилловъ во снѣ: — да не одному, а всѣмъ троимъ; трое видѣли свѣтъ въ запертой церкви и, не пойди туда, сами не осмотри, на всю жизнь осталась бы легенда о заколдованной свѣчѣ“...

— „Ахъ, я простота!—вдругъ пришло на мысль опять пробудившемуся Кириллову:—ну, какъ я не догадался? да и священникъ хорошъ! Объясненіе прямое и весьма несложное:.. За церковью долженъ быть тотъ именно постоялый съ кабакомъ, куда намъ не совѣтовали заѣзжать... Ну, очевидное дѣло: на постояломъ еще не спятъ, окна его освѣщены и, просвѣчивая сквозь окна церкви, ввели насъ въ такое заблужденіе“...

Съ этою мыслью Кирилловъ опять старался заснуть, соображая, какъ онъ утромъ пристыдитъ священника, забывшаго о такомъ обстоятельствѣ.

Въ это время Кириллову показалось, что его секретарь почему-то не спитъ. Какъ ужъ ему это показалось, онъ впослѣдствіи не могъ и объяснить: самъ онъ лежалъ лицомъ къ стѣнѣ, и въ комнатѣ была полная тишина.

Онъ снова медленно, задерживая дыханіе, приподнялся на локтѣ и тихо обернулъ голову въ комнату...

Секретарь сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ, спустивъ ноги на полъ съ дивана, и неподвижно, какъ бы въ оцѣпенѣніи, смотрѣлъ въ окна на площадь. На дворѣ окончательно стемнѣло, и на этомъ черномъ, ночномъ фонѣ еще неуловимѣе и мрачнѣе рисовалась ветхая, вросшая въ землю, церковь, съ покачнувшеюся на бокъ сквозною деревянною колокольней.

Кириллова обдало, какъ варомъ. Волосы шевельнулись на его головѣ...

Три лѣвыхъ окна церкви были снова, и ужъ теперь явственнѣе, освѣщены изнутри...

— Что вы, Иванъ Семенычъ?—спросилъ Кирилловъ секретаря:—не спите?

Тотъ, не находя словъ на коснѣющемъ отъ волненія языкѣ, только показалъ рукой на церковь.

— Батюшка, а батюшка!—сказалъ Кирилловъ, ступя за порогъ комнаты, гдѣ спалъ священникъ:—вставайте, въ церкви опять огонь.

— Быть не можетъ, что вы!

— Вставайте, глядите.

Всѣ трое опять вышли на крыльцо. Церковь была видимо изнутри освѣщена.

— А постоялый? кабакъ по тотъ бокъ площади?—спросилъ Кирилловъ:—это его окна просвѣчиваютъ...

— Постоялый въ другомъ концѣ села, а за церковью—общественный, всегда запертый, хлѣбный магазинъ.

— Кругомъ обойдемъ, кругомъ, ваше превосходительство,—проговорилъ, наконецъ, онѣмѣвшій отъ волненія и страха секретарь.

Взяли фонарь и, его не зажигая, тихо, безъ малѣйшаго шороха, обошли кругомъ церковь. Всѣ зданія на площади были темны; въ окнахъ храма, при обходѣ священника и его гостей, ясно мерцалъ слабый, будто подвижный, огонекъ, погасшій мгновенно, едва они обошли церковь.

— Войдемъ, снова осмотримъ,—прошепталъ уже не съ прежней смѣлостью Кирилловъ:—нельзя же такъ оставить... или это общая

намъ троимъ галлюцинація, или въ церкви, дѣйствительно, то вспыхивая, то угасая, горитъ незамѣченная нами, при первомъ осмотрѣ, свѣча... очевидно мѣшалъ ее разглядѣть свѣтъ фонаря.

— Войдемъ безъ онаго,—произнесъ робкимъ, дрожавшимъ голосомъ секретарь.

— Съ нами крестная сила!—сказалъ священникъ, снова отмыкая дверь.

Въ церкви было темно. Ни одна свѣча передъ алтаремъ и въ другихъ ея частяхъ не горѣла. Покойникъ лежалъ также неподвижно. Наверху только, на колокольнѣ, чирикая, возились воробьи, да взлетывали галки и голуби, очевидно чуя близкій разсвѣтъ.

— Это тамъ, это оттуда... бѣлый голубь, можетъ быть! — прошепталъ секретарь.

— Какой бѣлый голубь?—спросилъ священникъ.

— Да тотъ, котораго носятъ бѣсу на кладбище за неразмѣнный рубль! Иной разъ вырвется, бѣсы погонятся,—ни голубя, ни рубля...

— Стыдно, сударь, такое суевѣрство! — сказалъ священникъ, дрожащими руками зажигая въ сѣняхъ фонарь: — извольте идти на колокольню... осмотримъ, коли ваше желаніе, всѣхъ голубей, галочье и воробьевъ.

Кирилловъ предложилъ принять мѣры осторожности. Выходную дверь церкви заперли изнутри замкомъ и пошли по витой, узкой внутренней лѣсенкѣ на колокольню. Птицы, при блескѣ фонаря, шарахнулись и шумными стаями, цѣпляясь о звонкіе края колоколовъ и о пыльныя стѣны, стали вылетать съ колокольной вышки.

— Ну, гдѣ же вашъ бѣлый голубь? — спросилъ священникъ, когда осмотрѣли колокольню: — а теперь, для-ради достовѣрности, изслѣдуемъ снова и церковь.

Опять съ фонаремъ обошли алтарь, осмотрѣли шкафъ и всѣ углы, и поднимали покровы надъ алтаремъ и покойникомъ. Нигдѣ ничего, церковь пуста.

— А все сіе отъ безвѣрія,—началъ священникъ:—вотъ у васъ бѣлые голуби... а тамъ можетъ и еще какія праздныя сплетенія...

Онъ не договорилъ. Кириллову въ эту минуту вздумалось приподнять покровъ надъ небольшимъ аналоемъ, стоявшимъ у гроба. Этотъ аналой они ужъ въ первый приходъ осматривали.

Кирилловъ взялся за край покрова, приподнялъ его и окаменѣлъ. Секретарь вскрикнулъ. У священника изъ рукъ чуть не упалъ фонарь...

Что же они увидѣли?

Подъ покровомъ узкаго, невысокаго аналоя, съежившись, сидѣла

худенькая, сморщенная, какъ грибъ, сѣдая, повязанная по лицу платкомъ, старушенка...

— Ты здѣсь чего?—спросилъ, первый опомнившись, священникъ.

— Зубъ, батюшка, зубъ совсѣмъ одолѣлъ! — проговорила старушка, хватаясь за обвязанную щеку.

— Ну, такъ что же, что зубъ?

— Люди это сказывали, научили, — отвѣчала, дрожа, старушенка:—возьми клещи и выдерни у покойника тотъ самый зубъ... и пройдетъ на вѣки вѣковъ...

— Такъ ты, Ѳедосѣевна, грабить покойника?

— Вотъ клещи и свѣчка, — отвѣтила, падая въ ноги священнику, Ѳедосѣевна:—не погуби, батюшка, — совсѣмъ одолѣлъ зубъ...

— Но гдѣ же ты была, какъ въ первое время мы приходили?

— На колокольнѣ пряталась. Не погуби, отецъ Савелій, нѣтъ житья отъ этого самаго, то есть кутнаго зуба.

— Ну, и выдернула у покойника?

— Крѣпонекъ больно... дергала, дергала — а тутъ страхъ... а тутъ, Господи, какой страхъ! и руки дрожатъ...

VI.

Прогулка домоваго.

Это было года два назадъ, въ концѣ зимы,—сказалъ Кольчугинъ:—я нанялъ въ Петербургѣ вечеромъ извозчика отъ Пяти-угловъ на Васильевскій островъ. Въ пути я разговорился съ возницей, въ виду того, что его добрый, рослый, вороной конь, при въѣздѣ на Дворцовый мостъ, уперся и началъ дѣлать съ санками круги.

— Что съ нимъ?—спросилъ я извозчика:—не перевернулъ бы саней...

— Не бойтесь, ваша милость,—отвѣтилъ извозчикъ, беря коня подъ уздцы и бережно его вводя на мостъ.

— Испорченъ видно?

— Да... нелегкая его возьми!

— Кто же испортилъ? видно мальчишки ваши ѣздили и не сберегли?

— Бѣсъ подшутилъ!—отвѣтилъ не въ шутку извозчикъ:—нечистая сила подшутила.

— Какъ бѣсъ? какая нечистая сила?

— Видите-ли, все норовитъ влѣво съ моста, на аглицкую набережную.

— Ну? вѣрно на квартиру?

— Бѣсъ испортилъ, было навожденіе.

— Гдѣ?

— На аглицкой этой самой набережной.

Я сталъ разспрашивать, и извозчикъ, молодой парень, лѣтъ двадцати двухъ, русый, статный и толковый, передалъ мнѣ слѣдующее:

— Мѣсяцъ тому назадъ, въ концѣ масляной недѣли, я стоялъ съ этимъ самымъ конемъ на набережной, у втораго дома за сенатомъ. Тамъ подъѣздъ банка, коли изволите знать... Вотъ я стою, нѣтъ сѣдоковъ; забился я въ санки подъ полость и задремалъ. Было два или три часа по полуночи. Это я хорошо замѣтилъ,—слышно

было, какъ на крѣпости били часы. Чувствую, кто-то толкаетъ меня за плечо; высунулъ изъ-подъ полости голову, вижу: парадный подъѣздъ банка отпертъ, на крыльцѣ стоитъ высокій, въ богатой шубѣ, теплой шапкѣ и съ красной ленточкой на шеѣ, баринъ, изъ себя румяный и сѣдой, а у санокъ — швейцаръ съ фонаремъ. — Свободенъ?—спросилъ меня швейцаръ.—Свободенъ,—отвѣтилъ я.—Баринъ сѣлъ въ сани и сказалъ:—На Волково кладбище.—Привезъ я его къ оградѣ кладбища; баринъ вынулъ бумажникъ, бросилъ мнѣ безъ торгу на полость новую рублевую бумажку и прошелъ въ калитку ограды.—Прикажете ждать?—спросилъ я.—Завтра о ту же пору и тамъ же будь у сената.—Я уѣхалъ, а на слѣдующую ночь опять стоялъ на набережной у подъѣзда банка. И опять, въ два часа ночи, засвѣтился подъѣздъ, вышелъ баринъ, и швейцаръ его подсадилъ въ сани.—Куда?—спрашиваю.—Туда же, на Волково.—Привезъ я и опять получилъ рубль... И такъ-то я возилъ этого барина мѣсяцъ. Присматривался, куда онъ уходитъ на кладбищѣ,—ничего не разобралъ... Какъ только подъѣдетъ, дежурный сторожъ сниметъ шапку, отворитъ ему калитку и пропуститъ; баринъ войдетъ за ограду, пройдетъ малость по дорогѣ къ церкви... и вдругъ—нѣтъ его! точно провалится между могилъ, или въ глазахъ такъ зарябитъ, будто станутъ запорошены.

Ну, да ладно!—думаю себѣ:—что бы онъ ни дѣлалъ тамъ, намъ какое дѣло? Деньги платитъ.—Сталъ я хозяину давать полныя выручки, три рубля не менѣе за день, а рубль-то прямо этотъ ночной пошелъ на свою прибыль. Хозяинъ мнѣ справилъ новый полушубокъ, да и домой матери я переслалъ больше двадцати пяти цѣлковыхъ на хозяйство. И лошади по нутру пришлось: то, бывало, маешься по закоулкамъ, ловишь, манишь позднихъ сѣдоковъ; а тутъ, какъ за полночь, прямо на эту самую набережную, къ сенату; лошадь поѣстъ овсеца, отдохнетъ, — хлопъ... и готовъ рубль-цѣлковый! И прямо отъ Волкова, по близости, на фатеру въ Ямскую...

Все бы шло хорошо; ни я барину ни словечка, ни онъ мнѣ. Да подмѣтили наши ребята, что хозяинъ ужъ больно мной доволенъ,—ну, приставать ко мнѣ.—Ѳедька съ бабой важной свѣдался, она балуетъ его,—стали толковать:—угости, съ тебя слѣдуетъ могарычъ.—Отчего же?—говорю:—пойдемъ въ трактиръ.—Угостилъ ребятъ. Выпили съ дюжину пива, развязались языки. Давай они допытывать, что̀ и какъ. Я имъ и разсказалъ. А въ трактирѣ сидѣлъ баринъ „изъ стрюцкихъ"—должно чиновникъ. Выслушалъ онъ мои слова и говоритъ:—„Ты бы, извозчикъ, осторожнѣе; это ты возишь домоваго или просто сказать—бѣса... И ты его денегъ безъ креста теперь не бери; сперва перекрестись, а тогда и принимай".—Да

какъ же узнать бѣса? — спрашиваю чиновника. — „А какъ будешь ѣхать противъ мѣсяца, погляди, падаетъ-ли отъ того барина тѣнь? — Если есть тѣнь—человѣкъ, а безъ тѣни—бѣсъ...“

Смутилъ меня этотъ чиновникъ. Думаю: постой, сегодня же ночью все выведу на чистую воду. Сталъ я опять у банка. Вышелъ съ подъѣзда баринъ, и я его повезъ, какъ всегда; въ послѣднее время его ужъ и не спрашивалъ,—зналъ, куда везти...

Выѣхали мы отъ сената къ синоду, оттуда стали пересѣкать площадь у Конногвардейскаго бульвара. Съ бульвара ярко свѣтилъ мѣсяцъ. Я и давай изловчаться, чтобъ незамѣтно оглянуться влѣво. есть-ли отъ барина тѣнь. И только-что я думалъ оглянуться, онъ хвать меня за плечо... „Не хотѣлъ, говоритъ, по чести меня возить, больше возить не будешь; никогда не узнаешь, кто я такой...“ Я такъ и обмеръ; думаю: ну, какъ онъ могъ узнать мои мысли? — Я отвѣчаю: ваше благородіе, не на васъ... „На меня, говоритъ: только помни, никогда тебѣ меня не узнать“.

Дрожалъ я всю дорогу до Волкова отъ этакого страха. Привезъ туда; баринъ опять бросилъ бумажку. — Прикажете завтра?—спрашиваю. — Не нужно,—отвѣтилъ:—больше меня во вѣки не будешь возить...

Ушелъ онъ и исчезъ между могилами, какъ дымъ улетѣлъ куда-то.

Думаю: шутишь. Выѣхалъ я опять на слѣдующую ночь на набережную, простоялъ до утра, — никто съ подъѣзда не выходилъ. Вижу, дворники метутъ банковскій тротуаръ; я къ нимъ: — Кто, спрашиваю, тутъ живетъ? — Никого, отвѣчаютъ, нѣту здѣсь, кромѣ швейцара; утромъ приходятъ господа на службу, а къ обѣду расходятся; квартиръ никому нѣтъ.—Что за навожденіе? Выѣхалъ я на вторую ночь, опять никого. Заѣхалъ съ Галерной къ дворнику, спрашиваю, — тотъ то же самое, — видно, говоритъ, тебѣ приснилось. Дождавшись утра, вышелъ швейцаръ,—я его сейчасъ узналъ; спрашиваю,—онъ даже осерчалъ, чуть не гонитъ въ шею: я тебя, говоритъ, никогда и не видѣлъ, проваливай—какіе тутъ жильцы! никто отсюда не выходилъ, и никого ты не возилъ,—все это тебѣ либо съ дуру, либо со сна, а вѣрнѣе съ пьяна... Постоялъ я еще ночь, утромъ поѣхалъ на Волково, давай толковать съ сторожами; тамъ я примѣтилъ рыжаго одного, въ веснушкахъ,—всѣ отреклись, и рыжій: знать тебя не знаемъ, никого ты не привозилъ, и видимъ тебя впервое,— у насъ строго заказано, никого въ калитку по ночамъ на кладбище не пускаемъ... Такъ это и кончилось, съ той поры я не ѣзжу на аглицкую набережную, заработокъ этотъ прекратился,—одна бѣда— лошадь споровилась и все ее тянетъ туда... Хозяинъ дуется, ребята

прохода не даютъ; а что это за оказія была съ банковскимъ этимъ самымъ бариномъ, ума не приложу...

— И это все правда?

— Сущая правда! вотъ вамъ святой крестъ! — заключилъ разсказчикъ.

Такъ разсказывалъ извозчикъ. Я — на всякій случай, разсчитываясь съ нимъ,—замѣтилъ номеръ его бляхи и передалъ о его сообщеніи нѣкоторымъ изъ знакомыхъ, въ томъ числѣ одному писателю,— собираясь еще разъ отыскать этого извозчика и разспросить его подробнѣе, — между прочимъ съѣздить съ нимъ на кладбище и разспросить тамошнихъ сторожей. Меня, однако, предупредили. Одинъ изъ репортеровъ разсказалъ часть этой исторіи въ газетной замѣткѣ; а черезъ недѣлю по ея появленіи въ печати, ко мнѣ явился высшій членъ сыскной полиціи. Объяснивъ мнѣ, что слухъ объ извозчикѣ, возившемъ „банковскаго бѣса“, обратилъ на себя вниманіе полицейскаго начальства, это лицо просило меня дать средство полиціи отыскать упомянутаго извозчика. — Но кто же вамъ сообщилъ обо мнѣ?—спросилъ я полицейскаго агента.—Тотъ улыбнулся:—Позвольте намъ быть на этотъ разъ всезнающими.—Я сообщилъ агенту номеръ бляхи извозчика, съ однимъ условіемъ, чтобъ мнѣ дали возможность ознакомиться съ окончательнымъ разъясненіемъ этого дѣла. Каково же было мое удивленіе, когда дня черезъ три меня увѣдомили, что извозчикъ найденъ, но отъ всего отперся, увѣряя, что газета, сообщившая вкратцѣ его разсказъ, все на него выдумала. Я поѣхалъ по письменному извѣщенію къ агенту, производившему это изслѣдованіе. Былъ призванъ извозчикъ. Послѣдній, разумѣется, меня не узналъ: онъ меня видѣлъ ночью, при томъ въ шубѣ и шапкѣ, а теперь я былъ въ сюртукѣ. На новые разспросы полицейскаго агента при мнѣ, извозчикъ повторялъ одно: знать ничего не знаю, ничего такого не говорилъ, все выдумано на меня...

Признаюсь, я пришелъ въ немалое смущеніе. Бросалась тѣнь на мое собственное сообщеніе пріятелямъ. Мнѣ пришло въ голову попросить агента дать мнѣ остаться съ извозчикомъ наединѣ. Онъ согласился. Я прямо объявилъ извозчику, что я то лицо, которому онъ сообщилъ свой разсказъ. Извозчикъ сильно смѣшался.

— И не стыдно тебѣ запираться, врать? — сказалъ я: — теперь и я, черезъ тебя, выхожу лгуномъ.

Извозчикъ оглянулся по комнатѣ, замигалъ глазами.

— Ваше благородіе,—сказалъ онъ: — да какъ же мнѣ не отпираться? Меня какъ взяли, сейчасъ это на ночь въ арестантскую, паспортъ отобрали, выручку отобрали и еще побили...

— Кто побилъ?

— Анисимычъ и Николай Θедосѣевичъ.

— Кто это?

— Вахтера въ арестантской.

Меня возмутило это признаніе. Я позвалъ полицейскаго агента, сообщилъ ему жалобу извозчика и просилъ его при мнѣ, немедленно, возвратить извозчику паспортъ, выручку и уплатить его убытки за три дня ареста, прибавя что-либо и въ вознагражденіе за побои усердныхъ вахтеровъ. Все это было исполнено. Извозчикъ упалъ агенту въ ноги. — Все разскажу, какъ было, — объявилъ онъ и повѣдалъ слово въ слово все, что передавалъ сперва мнѣ о томъ, какъ онъ возилъ на Волково банковскаго бѣса...

По указаніямъ извозчика, было произведено дознаніе — какъ на подъѣздѣ банка, такъ и на Волковскомъ кладбищѣ. Швейцаръ банка и кладбищенскіе сторожа остались при прежнемъ отрицаніи всей этой исторіи. Такъ она и понынѣ ничѣмъ не разъяснена. Но я утверждаю одно: извозчикъ былъ слишкомъ простой и добродушный малый, чтобы выдумать свой фантастическій разсказъ. Онъ при нашемъ разставаньи прибавилъ только одно: должно быть, — сказалъ онъ,—въ томъ мѣстѣ погребенъ кто-нибудь безъ·креста, оттого, сердечный, и маетса, все ѣздитъ на кладбище къ остальнымъ покойникамъ, погребеннымъ, какъ слѣдъ, по вѣрѣ...

VII.

СТАРЫЕ БАШМАКИ.

(Итальянская легенда).

Дѣло было въ Италіи, наканунѣ великаго праздника. Бѣдный архивный чиновникъ, жившій на убогое жалованье, сидѣлъ въ раздумьи — дадутъ ли ему праздничное пособіе. Въ комнатѣ было холодно; онъ раздумывалъ, затопить ли ему каминъ? Надвинулись сумерки.

Въ его дверь постучались. Вошелъ плохо одѣтый старикъ, съ длинною, бѣлою бородой.

— Я бѣдный артистъ, — сказалъ онъ: — реставрирую старыя картины, при случаѣ; но работы у меня мало, и начинаетъ дрожать рука. Помогите чѣмъ-нибудь, и Господь да поможетъ вамъ счастливо провести съ вашими дѣтьми праздники, — заключилъ онъ съ кроткою улыбкой сѣрыхъ глазъ, въ которыхъ еще горѣлъ отблескъ молодости.

— Жалѣю отъ души,—отвѣтилъ чиновникъ:—я такой же бѣднякъ, и у меня нѣтъ не только дѣтей, даже собаки. Едва перебиваюсь, платя за эту каморку въ четвертомъ этажѣ, за дрова, за освѣщеніе и за платье, обязанный одѣваться, какъ подобаетъ казенному архиваріусу. А пища! а подписка въ пользу товарищей! Идите къ богатымъ; крошки ихъ трапезы цѣннѣе нашихъ хлѣбовъ!

— Нѣтъ-ли у васъ хоть пары старыхъ поношенныхъ башмаковъ? — произнесъ старикъ молящимъ голосомъ, протягивая руки.

— Нѣтъ! ровно ничего нѣтъ, что я могъ бы вамъ дать.

— Вѣрно вы не видите? Мои башмаки износились до невозможности, порыжѣли и пропускаютъ воду, какъ двѣ ветхихъ ладьи.

— У меня нѣтъ башмаковъ.—отвѣтилъ сухо чиновникъ.

— Простите съ миромъ!—сказалъ старикъ, склонивъ голову на грудь.

Онъ ушелъ, влача усталыя ноги. Чиновникъ заперъ за нимъ дверь и пожалъ плечами, какъ бы кому-то доказывая, что иначе онъ и не могъ поступить. „И въ самомъ дѣлѣ,—мыслилъ онъ:—будь у меня полонъ кошелекъ, я справилъ бы себѣ новое верхнее платье“. То, которое висѣло подъ шляпой на стѣнѣ, во многихъ мѣстахъ уже показывало свое внутреннее настроеніе. Разбитое стекло въ окнѣ было заслонено кускомъ пергамента съ готическими литерами.

А погода? Въ такую-ли погоду подобало встрѣчать наступавшій великій праздникъ? Шелъ снѣгъ. Въ его падающихъ хлопьяхъ, казалось, виднѣлось лицо и бѣлая борода. „Снѣгъ! онъ согрѣваетъ бѣдняковъ-поденщиковъ, очищающихъ отъ него улицы; но было бы не худо, если бы, вмѣстѣ съ снѣгомъ, время отъ времени, съ неба падала бы пара башмаковъ“.

Чтобъ высушить собственные, измокшіе башмаки, чиновникъ подложилъ щепокъ и зажегъ пару полѣнъ, припасенныхъ въ каминѣ. Его ноги были давно какъ два ледяныхъ обрубка. Онъ протянулъ ихъ къ огню, сложилъ руки на колѣни и задумался. Въ дымѣ затлѣвшихся полѣнъ ему опять повидѣлось скорбное и кроткое лицо стараго артиста, голосъ котораго, казалось, замеревъ, остался въ этой комнатѣ.—„Простите съ миромъ!“—сказалъ старикъ. „Съ миромъ!“ шепталъ кто-то спрятанный въ одеждѣ, висѣвшей на стѣнѣ. Чиновникъ обернулся и замеръ...

Кровать, накрытая краснымъ одѣяломъ, съ желтыми по немъ цвѣтами, заставила его вздрогнуть. Тягой воздуха въ каминъ край одѣяла колыхался. Подъ этимъ краемъ чиновникъ увидѣлъ другую пару своихъ башмаковъ, старыхъ и дѣйствительно „весьма поношенныхъ“, но тщательно высушенныхъ, вычищенныхъ и приготовленныхъ еще съ утра подъ кроватью, въ ожиданіи завтрашняго праздника. Пара же совершенно новыхъ башмаковъ дымилась, сушась у огня, на ногахъ чиновника. Ушедшій бѣднякъ, очевидно, разглядѣлъ тѣ старые, запасные башмаки и позволилъ себѣ помечтать о нихъ, какъ хозяинъ башмаковъ, разъ въ годъ, обыкновенно мечталъ о праздничномъ пособіи, разсчитывая на доброе сердце министра, который, по всей вѣроятности, не подозрѣвалъ о его существованіи. И что же отвѣтилъ чиновникъ старику?—„У меня нѣтъ башмаковъ!“ Но это ложь. Сказалъ-ли онъ ее съ умысломъ или по забывчивости? Ужели съ умысломъ?

Край одѣяла къ сторонѣ двери опять колыхнулся, точно старые башмаки, стоявшіе подъ кроватью и также обращенные носками къ двери, хотѣли идти сами собой, прямо къ старому художнику. Жаль стало чиновнику, что онъ такъ отпустилъ старика. Слѣдовало бы ему отдать лишніе башмаки.

— „Что ты? что ты?"—произнесъ кто-то внутри его:—„время сырое, а ноги всегда надо имѣть сухія. Надѣвай завтра старые, высушенные башмаки, сохраняй тѣло въ здравіи и теплѣ, — для чего иначе было бы и рождаться на свѣтъ?"

Съ этими мыслями, чиновникъ раздѣлся, легъ и заснулъ. Утромъ онъ проснулся бодрый, веселый; надѣлъ лучшее свое платье, высушенные старые башмаки и пошелъ къ обѣднѣ въ соборъ. Башмаки нѣсколько жали ему ноги, поскрипывая, точно новые башмаки первыхъ городскихъ щеголей, несмотря на то, что были „весьма поношены". Утро стояло туманное. Звонъ колоколовъ глухо раздавался по улицамъ. Въ соборѣ, на мраморномъ полу, старые башмаки такъ опять крякнули и заскрипѣли, что нѣкоторые изъ молящихся оглянулись на вошедшаго. Онъ забился за колонны, сталъ усердно повторять молитвы. И снова онъ замеръ... Тихими шагами, чуть шурша стоптанными, развалившимися башмаками, къ выходу изъ собора пробирался нищій старикъ. Въ полусвѣтѣ храма неясно рисовались его сгорбленный, тощій станъ, набожно, покорно сложенныя руки и бѣлая, длинная борода.

Первымъ чувствомъ чиновника было броситься къ узнанному имъ артисту. Но обѣдня еще не кончилась; органъ начиналъ гремѣть особенно торжественную пѣснь. При томъ, можно-ли было мѣняться башмаками на ступеняхъ храма?

Обѣдня кончилась. Собираясь угостить себя вкуснымъ, праздничнымъ завтракомъ, чиновникъ направился къ площади фонтановъ, куда, какъ ему казалось, мелькнуло что-то бѣлое... Чиновникъ быстро шелъ къ площади. Въ одномъ мѣстѣ, въ грязи, смѣшанной съ снѣгомъ, онъ разглядѣлъ подошву стараго, порыжѣлаго башмака. Мальчикъ, шлепавшій по грязи навстрѣчу, поднялъ и подбросилъ ногой изъ лужи другую, кѣмъ-то оброненную подошву, у которой торчала еще и половина каблука. — „Нѣтъ, надо, во что бы то ни стало, найти старика и ему помочь!"—подумалъ чиновникъ. Ища бѣднаго, теперь босаго художника, онъ долго ходилъ изъ улицы въ улицу, проголодался и рѣшилъ наконецъ закусить.

Чиновникъ вошелъ въ трактиръ, потребовалъ супу и дичи, жареной въ маслѣ, подъ прянымъ соусомъ, — отмѣнно вкусная роскошь, которую онъ себѣ позволялъ разъ въ годъ, — и оглянулся. Полуосвѣщенная комната, табачный дымъ, висѣвшій подъ сводомъ, и множество мрачныхъ людей, молча или чуть перешептываясь ѣвшихъ вкругъ маленькихъ столовъ,—все это непріятно подѣйствовало на вошедшаго. Крѣпче закутавшись въ платье, чтобы скрыть отъ назойливыхъ взглядовъ свои часы, онъ сѣлъ на лавку, вглядываясь въ глубину комнаты, гдѣ въ догоравшемъ каминѣ дымился

огромный котелъ, а надъ нимъ, съ шумовкой въ рукѣ, виднѣлся на стулѣ какой-то старикъ съ босыми ногами.

Принесли миску супа. Чиновникъ съ наслажденіемъ ее съѣлъ. Потъ выступилъ на его счастливомъ лицѣ. А пока онъ доѣдалъ бульонъ, мокая въ него мякишъ хлѣба, старикъ, сидѣвшій у камина, казалось, строго поглядывалъ на него. Пламя вспыхнуло подъ котломъ: архиваріусъ въ его отблескѣ узналъ, казалось, снова стараго художника. Тотъ продолжалъ на него смотрѣть такъ пристально, что чиновникъ невольно опустилъ глаза. Но и сотня другихъ глазъ была устремлена на него изъ разныхъ угловъ подозрительнаго подвала.—„Пещера воровъ!"—пронеслось въ его мысляхъ. Старикъ поднялся, показавъ трактирщику изъ-за плеча пальцемъ на архиваріуса. Трактирщикъ усмѣхнулся, прошелъ въ кухню и вынесъ оттуда порцію заказаннаго фрикассе.

Дичь оказалась невозможно жесткою. „Боже мой! но развѣ это фрикассе!"—мысленно вскрикнулъ чиновникъ:—„это бифштексъ изъ желѣза, или даже еще хуже — кусокъ дерева въ соусѣ! Въ жизни не ѣлъ ничего подобнаго"... И онъ жевалъ, жевалъ, поворачивая языкомъ кусокъ жаренаго дерева и чувствуя, какъ судороги стягиваютъ его челюсти.

Странная мысль пришла ему въ голову: ему показалось, что онъ жуетъ, безъ надежды когда-нибудь проглотить то, что̀ жуетъ, облитую соусомъ подошву стараго художника, оброненную въ грязи, на улицѣ. И его зубы, при этой мысли, мгновенно почувствовали нѣчто особенно противное, нѣчто кожано-упорное, съ запахомъ дубильной кислоты и ваксы...

Старикъ, ступая мягкими, босыми ногами, прошелъ отъ камина къ выходу; то былъ вовсе не художникъ. Кошка трактирщика охотно доѣла брошенное ей фрикассе, казавшееся чиновнику то желѣзомъ, то деревомъ, то подошвой.

Вкусъ кожи, съ запахомъ ваксы „весьма поношенныхъ башмаковъ", надолго однако прилипъ къ языку архиваріуса. И нерѣдко потомъ, подавая начальнику архива какой-либо древній пергаментный свитокъ или глиняный слѣпокъ съ іероглифовъ, онъ задумывался, невольно поглядывая на свои всегда чистые и хорошо-наваксенные башмаки.

VIII.

Божьи дѣти.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, — сказалъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ: — жилъ счастливый человѣкъ. Онъ обладалъ отличнымъ здоровьемъ, былъ среднихъ лѣтъ, весьма уменъ, образованъ, а главное — богатъ. Свое богатство онъ нажилъ собственнымъ трудомъ, умѣньемъ и бережливостью. Это богатство вскорѣ стало громаднымъ. Посторонніе и даже близкіе къ этому человѣку люди знали, что всѣ его обширныя, торговыя и заводскія дѣла идутъ необыкновенно успѣшно, но и не подозрѣвали обширности его богатства, хотя въ шутку между собою и называли его „индійскій Набобъ“.

Набобъ былъ холостъ и, какъ большая часть людей, вышедшихъ изъ ничтожества, безъ рода и племени. Никто не зналъ его семьи; никто на его званыхъ обѣдахъ и вечерахъ, которые онъ изрѣдка давалъ своему кругу, не слышалъ отъ него о его отцѣ и матери, а на шуточныя замѣчанія близкихъ: „вамъ пора бы въ такой роскоши, въ такихъ палатахъ—завестись хозяйкой“, онъ отвѣчалъ: „вотъ еще подожду... не все кончено... дѣла на всѣхъ парахъ... и какія дѣла! успокоюсь,—тогда!“ — „Не все кончено!“ улыбались про себя пріятели: „это — ловится еще милліончикъ! у богача желаніямъ нѣтъ конца, ихъ конецъ — одна могила!“

Набобъ, однако же, задумалъ увѣнчать созидаемое имъ сокровище земныхъ благъ. Онъ затѣялъ себѣ устроить уединенный, для одного его доступный пріютъ отдохновенія отъ ежедневныхъ, неустанныхъ, сверхъ-человѣческихъ трудовъ на пользу начатой имъ исполинской наживы.

Это задуманное „тихое пристанище“ была загородная, не вдали отъ столицы, гдѣ жилъ Набобъ, укромная дача. Рѣшено, сдѣлано. Среди дремучаго лѣса, между горъ и скалъ, въ часѣ ѣзды отъ шумнаго, торговаго города, былъ купленъ и расчищенъ небольшой участокъ земли, въ верстѣ отъ станціи желѣзной дороги. Путники,

ѣдущіе изъ столицы на просторъ провинцій, въ глушь полей и деревень, не подозрѣвали, что за гребнемъ еловаго бора, у одной изъ подгородныхъ станцій, скрывался очаровательный домикъ столичнаго Набоба. Здѣсь было все, чтобы успокоить и понѣжить усталый духъ и тѣло дѣловаго хозяина, чтобы никто его здѣсь не потревожилъ и не развлекъ.

Домикъ, во вкусѣ англійскихъ охотничьихъ коттеджей, съ рѣзными украшеніями и башенками, былъ выстроенъ на пригоркѣ, надъ крошечнымъ озеромъ, въ которое впадалъ вѣчно гремучій, свѣтлый горный ключъ. У подножія былъ небольшой, наполненный всякими древесными дивами, садикъ. И все это—домъ, озеро и садъ—окружалось высокою, съ желѣзными иглами, чугунною рѣшеткой, черезъ которую никто не могъ перелѣзть. Лучшіе, старѣйшіе и преданнѣйшіе изъ городскихъ слугъ хозяина были здѣсь поставлены сторожами, одинъ—въ видѣ привратника, другой—въ видѣ дворецкаго, еще нѣсколько — въ видѣ ловчихъ. Пріученные громадные, сытые псы берегли дачу, у всѣхъ ея воротъ и калитокъ. И всѣ ворота, калитки и подъѣзды, сверхъ того, были съ особыми, потайными замками и постоянно на запорѣ.

Красивый, молодцоватый Набобъ, отдѣлавшись отъ городскихъ дѣлъ, подписавъ десятки дѣловыхъ бумагъ и телеграммъ и отпустивъ бухгалтера, кассира, секретаря и кучу просителей, надѣвалъ пальто, фуражку, бралъ зонтикъ, дорожный мѣшокъ, садился въ вагонъ, доѣзжалъ до станціи, шелъ оттуда пѣшкомъ, лѣсною тропинкой, къ дачѣ и входилъ наконецъ въ свое заповѣдное пристанище.

Его встрѣчали свѣтлыя, уютныя комнаты, устланныя коврами и уставленныя мягкою, роскошною мебелью. Красивые шкафы были полны книгъ, собранія гравюръ. На этажеркахъ и столахъ лежали со всего свѣта газеты и иллюстрированныя изданія. Окна были уставлены цвѣтущими растеніями. А изъ оконъ, залитыхъ солнцемъ, былъ видъ на озеро, садъ и окрестные, то голубые въ дальнемъ туманѣ, то зеленѣющіе лѣсами холмы и скалы. Нужно о чемъ-либо переговорить съ городомъ—домикъ, при особыхъ усиліяхъ, былъ соединенъ телеграфною проволокой со станціей, и самъ хозяинъ, нѣкогда, въ бѣдности, служившій телеграфистомъ, могъ сноситься депешами, съ кѣмъ надо. Сверхъ того, изъ дачнаго кабинета въ городскую квартиру былъ проведенъ телефонъ. Но ни по телеграфу, ни по телефону сюда не обращались. Хозяинъ разъ навсегда отдалъ городскимъ слугамъ приказъ: не безпокоить его на дачѣ, а всякое спѣшное дѣло оставлять до его возврата въ городъ.

Наслажденіе Набоба тишиною и прелестью его пріюта, въ особенности его укромнаго, никому, кромѣ его, не доступнаго сада, было

истинное, полное. Онъ обходилъ дивные, издалека сюда перенесенные деревья и кусты, осматривалъ ихъ, приглядывался къ каждой, живописно очерченной вѣткѣ, къ каждому роскошному цвѣтку, обонялъ ихъ и любовался ими безъ конца. Въ кустахъ и къ вершинамъ деревъ были подвязаны искусственныя, приноровленныя къ птичьимъ породамъ, гнѣзда. Крылатое царство съ весны наполняло затишье сада, привольно здѣсь выводило дѣтей и, съ веселымъ щебетаніемъ, улетая въ горы и вольные лѣса, разносило всюду крылатую славу гордому своимъ пріютомъ хозяину.

Наступила новая весна. Снѣга растаяли, горные потоки сбѣжали въ долину. Лѣса и сады одѣлись зеленью. Стало тепло, зацвѣли кусты и травы. Птицы слетѣлись, суетливо принялись таскать новый хламъ и пухъ въ старыя, очищенныя гнѣзда.

Былъ теплый, безоблачный, майскій вечеръ. Набобъ подъѣхалъ съ гремящимъ и свистящимъ поѣздомъ, прошелъ знакомою тропинкой къ домику, сказалъ два-три ласковыхъ слова дачной прислугѣ, съ осени его не видавшей, бросилъ на столъ дорожный мѣшокъ, спросилъ, все ли благополучно, и ушелъ въ садъ, заперевъ за собою балконную дверь. Онъ не узналъ сада: такъ все здѣсь, казалось, съ новой весной, окрѣпло, разрослось и еще болѣе похорошѣло.

Но особенно онъ стремился взглянуть на одинъ родъ дорогихъ и рѣдкихъ лилій, выписанныхъ имъ откуда-то изъ-за моря, изъ Японіи или Австраліи. Такихъ лилій въ царствѣ, гдѣ жилъ Набобъ, еще никогда не видѣли и о нихъ не слыхали. Лиліи были небеснаго, голубаго цвѣта, съ розовыми каймами, точно разрисованныя красками зари, и далеко отъ нихъ лилось тонкое, чарующее благоуханіе. Лиліи, посаженныя у озера, какъ разъ въ этотъ вечеръ, по разсчету хозяина, должны были расцвѣсти.

Набобъ прошелъ нѣсколько тропинокъ, усыпанныхъ то сѣрымъ, то оранжевымъ, то почти краснымъ пескомъ, присѣлъ на скамью, отеръ лицо, хотѣлъ вынуть и закурить сигару—и остановился. — „Нѣтъ, подумалъ онъ: тотъ запахъ лучше; не оскверню его табачнымъ дымомъ!“ И онъ, потянувъ носомъ воздухъ, сталъ приглядываться, гдѣ его лиліи? Рабочіе, даже садовникъ изъ сада, по его приказанію, были усланы заранѣе. Солнце скрылось за горой; въ вечерней полумглѣ вырѣзывался изъ-за лѣса полный мѣсяцъ. Птицы смолкли. Пахло смолистыми почками тополей и распускавшейся сирени. Звенѣлъ гдѣ-то въ травѣ сверчокъ, но и тотъ вскорѣ затихъ.

„Какая тишина! какая полная, чудная отрада!“—мыслилъ Набобъ:—„и я одинъ всему этому владѣлецъ, однимъ этимъ наслаждаюсь... И никто, ничья тѣнь не мѣшаетъ мнѣ созерцать эти красоты, упиваться этимъ воздухомъ, этими ароматами. Я никому не

сдѣлалъ зла; всѣ мои подчиненные, пособники, товарищи и слуги любятъ меня, а многіе изъ нихъ мною только и живутъ, молятъ, чтобы продлилась моя жизнь. Не боюсь я ни предательства, ни измѣны; я всѣмъ нуженъ, всѣ за меня стоятъ и меня не промѣняютъ ни на кого. А дѣла-то какія, какіе подвиги я совершаю!.. И что мнѣ еще нужно?" — Онъ съ минуту подумалъ, перебирая мысли. „Ничего мнѣ болѣе не надо... я всего достигъ, все осуществилъ... милліоны на милліоны... да! вспомнилъ!—улыбнулся онъ:— не видѣлъ еще, не обонялъ моихъ лилій"...

И вдругъ Набобъ вздрогнулъ и замеръ. Ему померещился какъ бы шорохъ по тропинкѣ чьихъ-то шаговъ. Какъ? въ его саду, въ его пріютѣ, за этою высокою рѣшеткой съ острыми иглами, — посторонніе шаги? Ключъ отъ потайнаго замка въ желѣзной калиткѣ у дворецкаго. Кто же перелѣзъ черезъ эти иглы, кто могъ отомкнуть потайной замокъ? Набобъ сталъ прислушиваться, приглядываться. Сумерки еще болѣе сгустились; изъ лѣса сталъ болѣе виденъ мѣсяцъ. Его блѣдные лучи освѣщали верхушки ближней части деревъ. Шаги стихли. Внизу, у озера, послышался робкій голосъ. Да, говорятъ точно... шепчутся двое. Затаивъ дыханіе, Набобъ тихо, на цыпочкахъ, пробрался ближе къ деревьямъ, присѣлъ на другую скамью и сталъ слушать.

— Ахъ, дорогая, пусти меня!—шепталъ дѣтскій голосъ:—пусти, дай только взглянуть.

— Нельзя, — отвѣчалъ другой, какъ бы болѣе возмужалый голосъ.

— Да почему-же, почему? что за диво такое цвѣтокъ?

— Нельзя, повторяю тебѣ, не таковъ человѣкъ здѣшній хозяинъ.

— Да какой же онъ?

— Это страшный богачъ и еще болѣе страшный себялюбецъ! Все для себя и даже то, что для другихъ, также исключительно для себя. Онъ накопилъ и копитъ сокровища и удѣляетъ только тѣмъ, кто ему служитъ и кто помогаетъ ему богатѣть, копить еще болѣе богатства.

„Ложь!"—хотѣлъ крикнуть и удержался Набобъ: „ложь!" — мыслилъ онъ, дрожа отъ негодованія:—„а моя служба и мои жертвы въ богадѣльнѣ для старыхъ людей, а мои пожертвованія на пріюты, подачки бѣднымъ всякаго званія?"

— Онъ жертвуетъ на старыхъ и хилыхъ,—продолжалъ голосъ:— изъ честолюбія, изъ-за отличій, которыми его награждаютъ; онъ помогаетъ бѣднымъ и сирымъ, изъ жалкаго тщеславія, изъ-за отчетовъ, печатаемыхъ во всеобщее свѣдѣніе. Его грудь увѣшана крестами, а онъ не устыдился въ переполненной богадѣльнѣ, при видѣ

кроткой, девяностолѣтней старушки, вязавшей правнуку чулокъ въ своей келейкѣ, подумать и даже сказать: „вотъ живетъ-же, старушонка, не умираетъ, мѣшаетъ только другимъ занять мѣсто!“ Онъ-то, которому выстроить сто новыхъ богадѣленъ ни по чемъ!

Негодованіе Набоба, при этихъ словахъ, вышло изъ границъ. Онъ хотѣлъ броситься къ смѣлому болтуну.—„Какъ? слуги не досмотрѣли, впустили наглаго клеветника! Или дерзкіе воры, можетъ быть грабители, убійцы, подобрали ключъ? Надо пустить собакъ... дать знать по телефону, телеграфировать полиціи“... Опять раздались тихіе, точно золотые голоса.

— Но цвѣтокъ, цвѣтокъ?—лепеталъ дѣтскій голосъ:—не сорвать, позволь хоть дотронуться, понюхать...

— Боже тебя упаси его коснуться!—отвѣтилъ другой голосъ:—не только сорвать, дотронуться... черствый и злой, да, злой себялюбецъ, если это узнаетъ, если провѣдаетъ, что здѣсь у него, въ его сокровенномъ владѣніи, была чья-либо посторонняя нога, онъ прогонитъ дворецкаго, привратника и ловчихъ. Самъ исполнительный, неутомимый съ дѣтства работникъ, онъ все это сдѣлаетъ, будто бы изъ чувства справедливости; тѣ будутъ плакать, и онъ, черствый, заплачетъ! Сердце у него, какъ и эта ограда, желѣзная...

— Ахъ, Серафима! милая! но меня манятъ эти цвѣты, и онъ за меня, маленькую, не сдѣлаетъ зла слугамъ.

— Это сильный и безсердечный человѣкъ, и ты, крошка, херувимчикъ, поймешь его черствость, если я тебѣ скажу, что онъ знаетъ, какъ сотнями, тысячами мрутъ въ бѣдности, въ сырыхъ подвалахъ, голодныя дѣти городскихъ нищихъ и фабричныхъ, знаетъ—и копитъ свои милліоны. Въ пріютѣ, гдѣ онъ почетнымъ членомъ, все переполнено... сотни голодныхъ матерей тамъ, въ пріемной и у крыльца, стоятъ, съ прижатыми къ груди безграмотными прошеніями, жалобно глядятъ на попечителей — а тѣ важно, молча проходятъ...

— Дѣти, Серафима, ты говоришь,—маленькія, умирающія дѣти? и онъ не жалѣетъ умирающихъ?

— Да, но есть, которыя, какъ и та, съ чулкомъ, старушка, живутъ и не умираютъ. О! я ихъ видѣла въ такомъ подвалѣ; уголъ, едва повернуться. На тюфякѣ, на доскахъ, за лоскутомъ ветхой простыни, спитъ послѣ тяжкой работы мать, у груди—новорожденный, красивый, какъ и ты, натерпѣвшаяся крошка, и тоже дѣвочка, неимовѣрно худая отъ голода, а въ ногахъ... лѣтъ трехъ мальчикъ... Боже! многихъ видѣла я, но такого никогда... Мальчикъ—калѣка, безъ ногъ, безъ рукъ, то-есть вмѣсто нихъ какія-то плетки, какъ вѣточки, а голова, съ водяною въ мозгу, большая, съ кроткими, будто

вѣчно-плачущими глазами. Неизлѣчимо-больное дитя осуждено постоянно сидѣть въ томъ углу, въ той темнотѣ; сидитъ, и все его движеніе, вся жизнь—качаніе съ боку на бокъ его худенькаго тѣла и его большой, больной головы... И сколько такихъ! Другимъ дѣтямъ—весна, цвѣты, воздухъ, солнце, этимъ—только душные, сырые подвалы; прочимъ дѣтямъ святки, рождественскіе и крещенскіе вечера, этимъ—вѣчное страданіе и вѣчная тьма... Этотъ каменный, красивый человѣкъ не женится изъ себялюбія и чтобъ не имѣть дѣтей, которыхъ не любитъ...

— Но если ему все сказать, если попросить этого богача, — прервалъ со слезами голосъ дѣвочки:—онъ смягчится, поможетъ бѣднымъ калѣкамъ-дѣтямъ! Его теперь нѣтъ дома... Пойдемъ къ нему, когда онъ пріѣдетъ.

— Поможетъ?—сурово и властно возразилъ голосъ старшей:—нѣтъ, такой не смягчится! Онъ недавно, быть можетъ, и въ шутку, но подумалъ и сказалъ своему секретарю на докладѣ о подобныхъ калѣкахъ: эхъ, милый мой, такимъ дѣтямъ нужны не новыя койки, ихъ не вылѣчатъ: имъ лучшее лѣкарство—стрихнинъ или ціанистый кали...

— Что это?

— Сильный ядъ... Не расцвѣли его лиліи и не расцвѣтутъ: для нихъ нужно иное солнце, иная теплота... Его сердце—могила, ледъ...

Набобъ еще болѣе вознегодовалъ при этихъ словахъ.—„Что же это? кто такъ шпіонитъ, слѣдитъ за мной? Это не воры, не грабители, хуже... это убійцы моей чести, славы“.

И онъ подвинулся, тихо развелъ вѣтви и остолбенѣлъ. Мѣсяцъ поднялся выше, свѣтилъ ярко.

Въ его лучахъ, на тропинкѣ у озера, обрисовались: лѣтъ шестнадцати стройная, невиданной красоты, дѣвушка, съ свѣтлыми, распущенными косами; а рядомъ съ нею кудрявая, черноволосая, лѣтъ семи, дѣвочка; и обѣ въ бѣломъ и схожія другъ на друга, какъ сестры.

Набобъ миновалъ кусты, вышелъ на поляну; дѣвушекъ у озера уже не было. Онъ бросился къ калиткѣ въ концѣ сада: она была заперта. Онъ быстро обошелъ весь садъ, заглядывалъ подъ деревья и кусты,—садъ былъ пустъ. Были позваны дворецкій, огородникъ и привратникъ: всѣ клялись, что никого не видѣли и въ садъ не впускали. Замки были заперты и цѣпныя собаки спущены, но молчали. Набобъ отослалъ слугъ, упалъ на постель и долго не могъ сомкнуть глазъ. Мѣсяцъ наискось свѣтилъ въ широкія окна его кабинета, на бронзы, ковры, зеркала, на портреты великихъ дѣль-

цовъ міра, коимъ онъ покланялся, и на газеты, гдѣ его самого такъ хвалили и славили.

— Эти дѣвушки, очевидно, здѣшнія, свои... съ ближней станціи,— мыслилъ онъ:—дочери смотрителя или телеграфиста; тамъ изъ зависти сплетничаютъ на мой счетъ между собой и съ горожанами. Мало ли чего не плетутъ... Но такое знаніе не только дѣлъ, чуть не мыслей! О! я вывѣдаю, разузнаю, найду и пристыжу болтунью... А какая она красавица! что за голосъ, чисто ангельскій, а сердце..." И успокоенное воображеніе стало рисовать Набобу его новый подвигъ. Онъ мысленно бросилъ золотомъ, все разузналъ и нашелъ дѣвушку Серафиму. Это,—подсказывали ему мысли,—была старшая дочь бѣднаго стрѣлочника, отставнаго гвардейскаго солдата, крестница и воспитанница знатной княгини, навѣщавшая отца въ праздники, Набобъ вспомнилъ, что въ тотъ день былъ дѣйствительно праздникъ. Садовникъ, сослуживецъ стрѣлочника, разсказалъ дѣвушкамъ о лиліяхъ и, не ожидая въ тотъ день хозяина, такъ какъ лиліямъ не приходила еще пора цвѣсти, далъ имъ ключъ отъ желѣзной калитки. Прочіе слуги, очевидно, отъ страха, скрыли проступокъ товарища. Набобъ ихъ благодаритъ. Онъ навѣщаетъ въ новый праздникъ отца дѣвушекъ, видитъ и ее и рѣшаетъ дѣло невиданное и неслыханное: такой умной, красивой и доброй дѣвушкѣ онъ предлагаетъ свое сердце и руку...

Набобъ очнулся. Чудный сонъ улетѣлъ, а изъ глубины померкшей комнаты на него смотритъ то кроткое личико чистенькой, богомольной старушки, вяжущей въ девяносто лѣтъ внуку чулокъ, передъ неугасимою, какъ ея тихая жизнь, бѣдною лампадкой,—то худыя плечи и большая голова безнадежно-больнаго, двигавшагося съ боку на бокъ, жалкаго калѣки. Еще длилась ночь. Все погружалось въ сонъ и тишину. Въ кабинетѣ Набоба раздался рѣзкій, нѣсколько разъ повторенный звонокъ телефона. На него отвѣтилъ звонокъ изъ городской квартиры. Былъ разбуженъ дежурный въ конторѣ, затѣмъ поднятъ на ноги и позванъ къ телефону секретарь.

— Сколько келій въ нашей богадѣльнѣ?—спросилъ Набобъ по телефону.

— Пятьдесятъ.

— А сколько кандидатокъ?

— Не понимаю-съ... чьихъ? по чьей рекомендаціи?

— Никакихъ рекомендацій... Сколько желающихъ, нуждающихся? Есть у васъ списокъ?

— Но теперь, извините, три часа ночи...

— Не отойду отъ телефона... справку сію секунду.

Молчаніе. Черезъ три минуты отвѣтъ:

— Заявлено сверхъ устава сто двадцать прошеній.

— Сто двадцать безпомощныхъ старухъ?

— Такъ точно. Но не при всѣхъ бумагахъ — нужны свидѣтельства врачей.

— Вздоръ. Завтра къ моему возврату приготовить смѣту и чекъ на открытіе новыхъ полутораста помѣщеній, съ полнымъ содержаніемъ.

— Но это потребуетъ новаго зданія и расхода чуть не въ двѣсти тысячъ.

— Не ваше дѣло, хоть полмилліона. Чтобъ всѣ бумаги были готовы.

Передъ разсвѣтомъ—опять звонокъ. Секретарь, писавшій въ конторѣ, снова у телефона.

— Сколько коекъ въ дѣтскомъ пріютѣ?

— Въ какомъ?

— Во всѣхъ, гдѣ служу.

— Сто семьдесятъ.

— На сколько прошеній отказано?

— Извините, пятый часъ... но я сію минуту...

Прошло четверть часа. Набобъ нетерпѣливо, громко звонитъ.

— Трудно опредѣлить,—отвѣчаетъ секретарь:—я считаю, считаю... нѣтъ числа...

— Готовьте новую бумагу. Позвать утромъ архитектора и подрядчиковъ и составить смѣту на пять новыхъ пріютовъ.

— На пять?.. По сколько коекъ?

— По сто, на пятьсотъ дѣтей.

— Но это потребуетъ... зданія... нѣсколько зданій... и постояннаго, большаго расхода...

— Не ваше дѣло... я подпишу, въ видѣ аванса, чекъ на милліонъ.

Секретарь, въ почтительномъ ужасѣ, молчитъ.

— Еще не все,—говоритъ Набобъ: — позовите нотаріуса, изготовьте дарственную. Я уступаю эту свою дачу, гдѣ теперь нахожусь, подъ пристанище для неизлѣчимо-больныхъ дѣтей.

— Извините,—робко произноситъ секретарь:—вы тревожитесь, не спите, такое позднее время. Все ли у васъ благополучно?.. и какъ ваше здоровье?

— Не безпокойтесь, милый, здѣсь у меня все благополучно! О, я совершенно здоровъ и буду назадъ съ первымъ поѣздомъ.

Набобъ, сдѣлавъ эти распоряженія, прилегъ и крѣпко заснулъ. Спалъ онъ недолго, но сладко... Начиналась румяная заря, когда онъ очнулся, увидѣлъ, что не раздѣтъ, все припомнилъ и бросился на балконъ.

Чудный утренній воздухъ былъ полонъ необычнаго, чарующаго

благоуханія. Это благоуханіе волшебною, широкою волной, лилось по всему саду. Набобъ понялъ, что подъ новымъ солнцемъ, при новой, его собственной, сердечной теплотѣ, у озера расцвѣли его заморскія лиліи... Онъ спустился съ пригорка и обмеръ.

У куста благоухавшихъ лилій стояли двѣ вечернія гостьи, старшая и младшая. Младшей удалось увидѣть и понюхать такъ ее манившій, чудный цвѣтокъ. Набобъ протянулъ руки отъ счастья и вскрикнулъ. Гостьи его не видѣли.

Надъ ихъ плечами развернулись голубыя, съ розовыми каймами, крылья, и обѣ гостьи, эти божьи дѣти, какъ понялъ Набобъ, зашумѣвъ въ воздухѣ, стройно и властно поднялись надъ озеромъ, садомъ, холмами, и исчезли въ синемъ небѣ.

IX.

Счастливый мертвецъ.

Это было лѣтъ тридцать назадъ. Въ одной изъ нашихъ южныхъ губерній проживалъ весьма даровитый, ретивый и всѣми любимый исправникъ. Тогда исправники служили по выборамъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ. Назовемъ его Подкованцевъ. Онъ былъ изъ бѣдныхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ, помѣстья не имѣлъ, а владѣлъ небольшимъ домомъ и огородомъ на краю уѣзднаго города, гдѣ жилъ. Его жена — болѣзненная, кроткая женщина, разстроила въ конецъ свое здоровье, ухаживая за кучею дѣтей. Мужъ и жена мечтали объ одномъ: купить съ аукціона родовое, небольшое имѣніе, которое вотъ-вотъ должно было продаваться съ публичныхъ торговъ, за долгъ въ казну родныхъ исправника. Жена, послѣ смерти бабки, получила небольшой капиталецъ; но его далеко не хватало на выкупъ этого имѣнія. Подкованцевы ожидали наступленія срока торговъ и придумывали, откуда бы взять недостающую сумму для покупки имѣнія; оно было еще южнѣе, въ лѣсистой мѣстности, у низовьевъ Днѣпра. Исправникъ, какъ всѣ это знали, взятокъ не бралъ. Откупщикъ, имѣвшій къ нему множество дѣлъ, рѣшилъ подъѣхать, безъ вѣдома мужа, съ предложеніемъ крупной благодарности — его женѣ. Въ томъ году въ губерніи, о которой идетъ рѣчь, появилась смѣлая и ловко-организованная шайка разбойниковъ. Въ губернскомъ правленіи считали ее въ количествѣ до восьмидесяти человѣкъ и не знали, что̀ дѣлать, чтобы ее переловить. Были свѣдѣнія, что шайка дѣлится на особыя кучки; что ея члены въ обычное время мирно проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи, въ видѣ крестьянъ, шинкарей, мелкихъ торговцевъ, псаломщиковъ, сгонщиковъ скота и нищихъ, и собираются въ ватаги, когда задумывается и рѣшается какое-либо особенно выгодное и ловкое предпріятіе. Главою всей шайки этихъ грабителей, конокрадовъ и разбойниковъ большихъ и проселочныхъ дорогъ считался нѣкій Березовскій. Кто

онъ былъ? Никто этого не зналъ и въ дѣйствительности его не видѣлъ. Слѣдъ шайки, по нѣкоторымъ, особенно смѣлымъ грабежамъ, со взломомъ и всякими насиліями, показался въ уѣздѣ, гдѣ служилъ Подкованцевъ. Исправникъ думалъ-думалъ и, глядя на жену, незадолго передъ тѣмъ какъ-то особенно повеселѣвшую, сказалъ ей:—Ѣду къ губернатору, попрошу особыхъ полномочій, выговорю себѣ впередъ, на случай успѣха, хорошее вознагражденіе и изловлю Березовскаго; если казна расщедрится, да и купцы, не разъ ограбленные, сложатся, то заполучимъ добрый кушъ... пожалуй, купимъ и имѣніе.—Да, не мѣшаетъ,—отвѣтила жена:—еще не хватаетъ... на торгахъ могутъ наддать цѣну...— Сказано-сдѣлано. Подкованцевъ съѣздилъ къ начальству. Его знали за искуснаго и умнаго дѣятеля; дали ему нужныя полномочія и различныя указанія, и онъ сталъ работать. Были пойманы человѣкъ пять-шесть изъ шайки, потомъ еще двое. Одинъ изъ пойманныхъ выдалъ главную нить. Были указаны притоны, мѣста сборовъ. Исправникъ обомлѣлъ отъ восторга. Въ ближайшую ночь—это было лѣтомъ—онъ, верстахъ въ двадцати, надѣялся наконецъ живьемъ захватить самого Березовскаго... Дѣло шло о выдачѣ сообщникомъ начальника шайки, на любовномъ свиданіи у какой-то вдовы-казачки. Едва стемнѣло, исправникъ уложилъ въ карманы по пистолету, на-скоро простился съ женою, сказавъ:—„ну, теперь жди съ побѣдой! со щитомъ или на щитѣ! имѣніе наше!"—и укатилъ. Прошелъ часъ, другой; уѣздный городишко стихъ; предмѣстье, гдѣ былъ дворъ исправника, погрузилось въ сонъ. Подкованцева уложила дѣтей, отпустила прислугу ужинать и, замирая отъ волненія, сѣла съ картами раскладывать пасьянсъ. Прислуга долго не возвращалась. — „Какъ барина нѣтъ, вѣчно перепьются—засидятся въ кухнѣ!" — подумала она, прислушиваясь къ запоздалымъ подводамъ, еще тянувшимся со скрипомъ изъ-подъ моста въ городъ, мимо ихъ воротъ. Она даже подошла къ окну и, приложивъ лицо къ оконной рамѣ, взглянула въ темноту. Сторожъ былъ, очевидно, въ исправности, ворота на запорѣ. Вдругъ ей послышался стукъ въ ворота.—Неужели подъѣхалъ уже мужъ? какъ она не слышала колокольчика? — Опять легкій стукъ. Видно, сторожъ заснулъ. Подкованцева бросилась въ дѣвичью, хотѣла оттуда крикнуть на кухню,—въ залѣ послышались шаги. — Исправничиха стремглавъ кинулась туда. Передъ нею стояли два незнакомыхъ мужчины. Извиняясь за поздній заѣздъ, они представились хозяйкѣ. Это были два смиренные помѣщика сосѣдняго уѣзда. По ихъ словамъ, они имѣли экстренное дѣло къ исправнику.—Мужа нѣтъ,—сказала хозяйка.—Мы знаемъ,—отвѣтили гости:—но дѣло спѣшное; не позволите ли подождать?—Исправничиха подумала:—лучше пусть посто-

ронніе перебудутъ здѣсь, чѣмъ такъ тревожиться одной,—и пригласила пріѣзжихъ садиться. Явилась между тѣмъ служанка. Она подала чай.—Нализалась! — подумала, глядя на ея пошатываніе, хозяйка:—ну, послѣ поговоримъ! — Вечеръ кончился въ разговорахъ. Бесѣдовали о мѣстныхъ и столичныхъ новостяхъ. Одинъ изъ гостей уходилъ освѣдомляться о своемъ экипажѣ, о лошадяхъ. Еще поговорили. Былъ уже второй часъ ночи. У Подкованцевой давно слипались глаза, и она украдкой позѣвывала. — Не хотите ли у насъ переночевать?—сказала она, поглядывая, куда опять запропастилась горничная?—Гости встали, прощаясь. Изъ передней выглянуло третье лицо—слуга гостей.—„Видите ли, сударыня, — сказалъ одинъ изъ гостей, увидѣвъ своего слугу:—вы не безпокойтесь, не тревожьтесь,—продолжалъ онъ, подойдя къ рукѣ хозяйки: — благодаримъ за вниманіе, но оставаться у васъ на ночлегъ мы не можемъ, переночуемъ въ другомъ мѣстѣ... а дѣло-то вотъ въ чемъ... Я—*Березовскій*...“

Можете себѣ представить изумленіе и испугъ Подкованцевой. Барыня чуть не упала въ обморокъ. Ее поддержали. — „Успокойтесь,—сказалъ ей Березовскій:—жизнь ваша и вашей семьи въ безопасности; вы исполните только безпрекословно наше желаніе. Ваша дворня опоена сонными каплями; не кричите, не поднимайте шума... Вотъ вамъ свѣча, держите ее и ведите насъ въ вашу спальню. Тамъ, подъ кроватью, у васъ шкатулка, а въ шкатулкѣ четырнадцать тысячъ; десять изъ нихъ—ваше наслѣдство отъ бабки, а четыре... кажется, вамъ ихъ далъ откупщикъ Себыкинъ, въ надеждѣ черезъ васъ уговорить вашего мужа погасить дѣло о насильственной смерти еврея-шинкаря. Вы могли бы смѣло взять эти деньги; еврея... по ошибкѣ... придушилъ не Себыкинъ, а мы... за одинъ доносъ. Пожалуйте, идемъ... да держите свѣчу; она падаетъ у васъ...“ Подкованцева, чуть жива отъ ужаса, провела грабителей въ спальню, гдѣ мирно почивали ея дѣти, и выдала завѣтную шкатулку. Березовскій весьма вѣжливо поблагодарилъ, еще разъ попросилъ не тревожиться по пусту, беречь себя, и ночные гости, выѣхавъ со двора, умчались. Подкованцева, рыдая, упала передъ кіотомъ. Грабители проскакали верстъ семь, своротили съ большой дороги въ оврагъ, проѣхали оврагомъ версты двѣ и направились къ уединенной корчмѣ, стоявшей на перекресткѣ двухъ проселковъ, у лѣса. Корчмарь-еврей впустилъ ихъ въ чистую жилую избу. Грабители зажгли свѣчу, заперли и стали считать и дѣлить деньги. Вдругъ на большой дорогѣ раздался заливистый, знакомый имъ звонъ колокольчика... Березовскій прислушался и мигомъ погасилъ огонь. Прошло нѣсколько минутъ. Колокольчикъ сталъ затихать; путники по большой дорогѣ, очевидно, проѣхали далѣе. Но едва грабители хотѣли вновь зажечь свѣчу и

кончить дѣлежъ, у корчмы раздался стукъ колесъ и храпъ остановленныхъ лошадей. Долго стучались прiѣзжiе. Шинкарь прикинулся спящимъ, наконецъ отперъ ворота. Въ избу вошелъ высокiй, молодцоватый Подкованцевъ. Подъѣхавъ съ подвязаннымъ колокольчикомъ, онъ вынулъ спички и зажегъ стоявшую на столѣ свѣчу. Гости также притворились спящими. На вопросъ: кто это? — струсившiй еврей отвѣтилъ: — проѣзжiе помѣщики. — Знаешь ихъ? — Почемъ знать! — Буди ихъ. — Еврей сталъ толкать гостей. Тѣ встали. Начался спросъ: кто вы, откуда, куда ѣдете? Тѣ вломились въ амбицiю, жалуясь на безпокойство и увѣряя, что спали давно. — А зачѣмъ же вы вдругъ погасили свѣчу, едва заслышали мой колокольчикъ? Я исправникъ! — Знаемъ, — сказали гости: — что же вамъ нужно? — Ваши паспорты, господа. — Одинъ изъ гостей вынулъ дворянское свидѣтельство. — „Здѣсь прописано имя и фамилiя помѣщика NN, — произнесъ исправникъ: — а я его лично знаю, вы самозванецъ, — и потому, господа, шутки въ сторону, прямо отвѣчайте, кто вы? Изба окружена сотскими; оставь насъ, уйди!“ — обратился Подкованцевъ къ корчмарю. Тотъ вышелъ. Исправникъ сказалъ: — отвѣчайте, кто изъ васъ Березовскiй? признавайтесь, вамъ спасенiя нѣтъ. — Онъ вынулъ пистолеты и сталъ у дверей. Оба грабителя были щуплые, худощавые, невзрачные на видъ. Подкованцевъ могъ кулакомъ положить обоихъ на мѣстѣ. Березовскiй взглянулъ на товарища, назвалъ себя и сталъ торговаться. Сошлись на четырехъ тысячахъ — сумма, которой именно не доставало исправнику до восемнадцати тысячъ, на выкупъ родовой деревеньки. Получивъ и со вздохомъ пересчитавъ деньги, онъ отпустилъ мнимыхъ помѣщиковъ и, когда тѣ уѣхали, сказалъ сотскимъ: ну, ребята, можете расходиться, и здѣсь не удалось, — и направился домой. Онъ радостно объявилъ женѣ: — поздравь, сейчасъ накрылъ Березовскаго, вотъ и деньги, — теперь наше дѣло въ шляпѣ! — Какъ? — вскрикнула жена: — такъ и шкатулку отбилъ? — Какую? Никакой шкатулки у нихъ не было! — Та разсказала, въ чемъ дѣло. Едва Подкованцевъ сознался ей, какую дурацкую штуку съ нимъ сыгралъ ловкiй разбойникъ, исправничиха вскрикнула не своимъ голосомъ и грохнулась на полъ... Мужъ бросился приводить ее въ чувство; она была недвижима. Позвали уѣзднаго врача — горькаго пьяницу; тотъ повозился надъ нею, давалъ ей нюхать спиртъ, теръ ей руки и ноги, подносилъ свѣчу къ глазамъ, зеркало къ губамъ и, наконецъ, объявилъ, что она умерла, вѣроятно отъ разрыва сердца, которымъ, по его мнѣнiю, она страдала. Подкованцеву обмыли, одѣли, положили на столъ, и растерянный, измученный мужъ подумалъ: — ну, мертвой не оживить; надо думать о живыхъ, о дѣтяхъ! — велѣлъ запрягать лучшую свою тройку и снова бросился искать Березовскаго. Одинъ

изъ сотскихъ, бывшихъ у корчмы, догадался, что оттуда могъ быть выпущенъ, пожалуй, по ошибкѣ, самъ Березовскій, рѣшилъ его выслѣдить и, загнавъ лошадь, возвратился къ обѣду и объявилъ, что слѣдъ заподозрѣннаго имъ Березовскаго направился къ мѣстечку А**, лежавшему невдалекѣ, у Днѣпра. Туда и понесся разсвирѣпѣвшій исправникъ. Подкованцеву, между тѣмъ, вынесли въ церковь на сосѣднее кладбище. Забулдыга псаломщикъ, дьяконскій сынъ, изгнанный за пьянство и буйство изъ бурсы, былъ позванъ читать надъ покойницею псалтырь.—Не стану томить васъ подробностями... Подкованцева оказалась въ летаргическомъ обморокѣ—все слышала, чувствовала, но не могла очнуться, не могла встать. Ночью въ церкви, среди чтенія псалтыря, ей померещился стукъ въ церковное окно. Чтецъ остановился, поднялъ оконницу.—Что тебѣ?—спросилъ онъ.—Панъ пришлетъ, ранкомъ, за казною; гдѣ ты ее зарылъ?—Кому нужно? — спросилъ чтецъ. — Рыжаго прислали: онъ и отроетъ.—А я?—Велѣно тебѣ читать, а онъ будто за картошкой на огородъ... говори же скорѣе.—Подъ вербою, въ грядкѣ луку зарылъ,—отвѣтилъ псаломщикъ. — Подъ какою? — У самой рѣчки... Да ты скажи Рыжему, чтобъ меня перемѣнилъ; ѣсть хочется и выпить бы.—Ну, скажу; ты однако не уходи, коли не пришлютъ другаго.—Прошелъ часъ. Псаломщикъ, очевидно, не вынесъ голода и жажды, погасилъ свѣчу и ворча сквозь зубы ушелъ и замкнулъ за собою церковную дверь. Подкованцева вылѣзла изъ гроба и, не помня себя отъ волненія, бросилась къ городу. На дорогѣ ее обогналъ какой-то поселянинъ, на повозкѣ, съ мѣшками. Она его окликнула и доѣхала съ нимъ къ пріятельницѣ, подругѣ по пансіону, женѣ аптекаря. Тамъ она, черезъ силу, разсказала второпяхъ, въ чемъ дѣло. Аптекарша позвала мужа. Подкованцева была едва жива и все твердила: „скорѣе, скорѣе, берите заступъ, молю васъ, ройте!"—Аптекарь, честный, сердобольный нѣмецъ, далъ ей успокоительныхъ капель, уложилъ ее въ постель и поспѣшилъ, по ея указанію, на огородъ дьякона, гдѣ, подъ указанной вербой, при помощи полицейскихъ, и была найдена въ цѣлости шкатулка Подкованцевой. Березовскій, какъ послѣ оказалось, выпущенный изъ корчмы, гдѣ съ товарищемъ началъ было дѣлить деньги, рѣшился, впредь до болѣе спокойнаго часа, спрятать шкатулку въ самомъ городѣ, черезъ псаломщика, состоявшаго въ шайкѣ грабителей въ качествѣ укрывателя награбленныхъ вещей, а Рыжій, черезъ котораго онъ съ пути прислалъ новую отмѣну своего приказа, былъ городской лавочникъ, исполнявшій при шайкѣ обязанность разсыльнаго и вѣстоваго. Шкатулку аптекарь успѣлъ выкопать ранѣе, чѣмъ Рыжій и его пособники, ждавшіе, пока стихнетъ возня во дворѣ дьякона, успѣли ее пере-

нести въ иное мѣсто. Въ ту же ночь были арестованы: псаломщикъ — въ кабакѣ, Рыжій — въ квартирѣ, при своей лавочкѣ, а Березовскій — на другой день, въ мѣстечкѣ А**. Подкованцевъ убѣдился, что тарантасъ грабителей не въѣзжалъ въ мѣстечко, но что туда въѣхалъ, на возу́ съ арбузами и дынями, человѣкъ, похожій на Березовскаго, въ крестьянской свитѣ и поярковой шляпѣ, очевидно, успѣвъ уже гдѣ-то сбыть и свой тарантасъ, и лошадей, и одежду помѣщика. „Гдѣ тутъ хорошая шинкарка?“ — лихо спросилъ исправникъ, тоже переодѣтый, перваго встрѣчнаго обывателя мѣстечка. Тотъ указалъ ему дальній дворъ. Оставя лошадей у околицы и зная сибаритскіе обычаи грабителя, Подкованцевъ вошелъ молодцемъ въ шинокъ, пошутилъ съ смазливой, румяною бабой-шинкаркой, потребовалъ корчикъ перцовки, выпилъ его, бросилъ на прилавокъ серебряный талеръ, и, утирая усы, козыремъ посмотрѣлъ на хозяйку. — „Ну, ночка была! — сказалъ онъ: — заработали! а гдѣ сватъ?“ — Шинкарка налила еще корчикъ водки. — „Гдѣ сватъ? пока вернется, пеки яичницу, жарь гуся! — произнесъ гость: — надо справить магарычи“... — Шинкарка молча выглянула въ окно на Днѣпръ. „Знаю, купается, шельма — чистунъ!“ — сказалъ гость и, бросивъ другой талеръ на прилавокъ, вышелъ на рѣку. Тамъ онъ тотчасъ узналъ въ водѣ, среди пархатыхъ, мѣстныхъ купальщиковъ, сѣрые, наигранные глаза и острую мордочку Березовскаго. Послѣдній также въ подошедшемъ рослома, запыленномъ мѣщанинѣ узналъ своего врага — исправника и, будто продолжая купаться, пока его преслѣдователь раздѣвался, шибко поплылъ на другой бокъ Днѣпра, въ кусты... Но къ берегу отъ околицы уже подъѣзжала тройка исправника, съ понятыми. Подкованцевъ поймалъ Березовскаго въ водѣ за ногу, когда тотъ уже былъ готовъ ускользнуть въ зеленыя, безбрежныя плавни за рѣкой. — Къ зимѣ Подкованцевъ купилъ задуманную деревню. Поймавъ Березовскаго, онъ все разсказалъ губернатору; деньги, поднесенныя его женѣ, какъ потомъ увѣряли, возвратилъ черезъ начальство откупщику, а купцы, въ благодарность за избавленіе отъ Березовскаго, сложились и предложили Подкованцеву, подъ вексель, недостающія для покупки деньги. Они по векселю, разумѣется, не думали съ него требовать долга. То были, говорятъ, иныя времена и нравы; во всякомъ случаѣ — фабула о безкорыстномъ полицейскомъ чинѣ въ то время была возможна... Передъ выходомъ въ отставку, когда имѣніе куплено уже было и семья Подкованцева тамъ проживала, онъ самъ навѣстилъ Березовскаго въ губернской тюрьмѣ. Свиданіе происходило при смотрителѣ острога. „Скажи, братецъ, какъ это ты пронюхалъ, что я уѣхалъ тебя искать, — спросилъ Подкованцевъ разбойника: — а главное, какъ ты узналъ, что у меня въ шкатулкѣ такая-то именно

сумма?“—Никто самъ по себѣ ничего!—отвѣтилъ со вздохомъ Березовскій, оправляя на себѣ кандалы:—все въ пособникахъ!—„Да кто же тебѣ помогалъ у меня-то? въ моемъ-то исправницкомъ домѣ?“—Бабы, ваше благородіе, все онѣ; я передъ тѣмъ двѣ ночи ночевалъ у васъ-же, во дворѣ, одну въ саду, а другую въ такой это коморочкѣ, около дѣтской.—И ножъ былъ съ тобою?—спросилъ исправникъ.—А уже какъ же это намъ, мужчинамъ, безъ бритвы-то?—усмѣхнулся недавній душегубъ.

X.

РАЗБОЙНИКЪ ГАРКУША.

(Изъ Украинскихъ легендъ).

Слава Гаркуши, по малорусскимъ преданіямъ, началась съ 1777 г. — Этотъ годъ остался надолго памятенъ малороссамъ. Въ продолженіи 10 лѣтъ, начиная съ этого года, Гаркуша былъ страшилищемъ Малороссіи. Преданіе такъ рисуетъ портретъ его. Это былъ широкоплечій, мускулистый, средняго роста мужчина; лицо загорѣлое, грубое; глаза черные; волосы на головѣ и на усахъ такіе же. Когда онъ былъ чѣмъ-нибудь разсерженъ, лицо его становилось багровымъ, глаза бросали молніи, всѣ мускулы были въ движеніи. Гаркуша, по преданіямъ, никого не умерщвлялъ, развѣ въ крайности. Одинъ изъ старожиловъ передаетъ слѣдующій разсказъ о смерти Гаркуши, слышанный имъ отъ дряхлаго бандуриста, лично знавшаго Гаркушу. Однажды преслѣдовали его гдѣ-то по Днѣпру. Видя невозможность спастись отъ преслѣдователей сухимъ путемъ, онъ рѣшается почти на явную смерть: отрубаетъ толстую веревку, которою была привязана, такъ-называемая, душегубка, садится въ нее и плыветъ. Другой лодки не было. Преслѣдовавшіе послали отыскать ее по близости на рѣкѣ. Между тѣмъ бѣглецъ счастливо переплываетъ большую половину Днѣпра. Уже онъ близко подлѣ берега. Вдругъ подулъ сильный вѣтеръ; Гаркуша покачнулся и—исчезъ въ синихъ волнахъ днѣпровскихъ. Старожилъ приводитъ слѣдующіе анекдоты объ этомъ разбойникѣ.—Засѣдатель ...скаго земскаго суда ѣхалъ верхомъ въ городъ изъ одной деревни, владѣтель которой праздновалъ тогда свои именины и потому звалъ къ себѣ въ гости всѣхъ знатныхъ лицъ околотка. Была ночь — и ночь темная. Тучи покрывали все небо. Этому страннику оставалось не болѣе трехъ верстъ. Онъ своротилъ вправо съ большой дороги и поѣхалъ по маленькой тропинкѣ, ведущей черезъ лѣсъ,—желая этимъ сократить

путь. Ужъ онъ благополучно пересѣкъ лѣсъ, ужъ онъ проѣзжалъ городскіе луга; въ это самое время навстрѣчу ему попадаются два человѣка, одѣтые въ русское платье. Желая выказать себя имъ, а можетъ быть и просто по невольному побужденію, родившемуся въ головѣ его отъ излишняго употребленія крѣпкихъ напитковъ, онъ. именемъ земской полиціи, спросилъ ихъ: кто они? Ему отвѣчали: хиба не бачите? — „Покажите мнѣ ваши виды, мнѣ — засѣдателю нижняго земскаго суда сего уѣзда!“ —закричалъ онъ. — „Якихъ вамъ треба?“ — „Да тѣхъ, которые вы имѣете“. — „Стривай, заразъ!“ — Одинъ изъ нихъ свистнулъ, въ минуту явилось человѣкъ десять гайдамаковъ. — „Берите, лишень, его, та ведите въ ту балку“, — сказалъ Гаркуша. Засѣдатель былъ приведенъ въ назначенное мѣсто. Тамъ совершена была надъ нимъ, безъ жалости, извѣстнаго рода — экзекуція. Потомъ Гаркуша давалъ ему различнаго рода наставленія и, отходя отъ него, прибавилъ: — „та гляди мини, не смотри, куды ми пидемъ, а не то очей въ тебѣ не стане!“ — Не мудрено, что ...ская земская полиція долго помнила этотъ случай. Преданіе говоритъ, что наставленія Гаркуши переходили отъ одного засѣдателя къ другому по наслѣдству. —Однажды Гаркуша, съ двумя молодцами изъ своей ватаги, пріѣхалъ въ казенное селеніе, къ одной вдовѣ, и приказалъ подать себѣ поужинать. Она ему говорила, что у нея ничего нѣтъ: „засѣдатель бувъ тутъ позавчора, та все, що було, описавъ, та позабиравъ за недоимку, а я вже ему въ прошлую недилю заплатыла пивторы копы“. — „Жалко, що я не могу его теперычка промуштроваты. Ачь, якій бисивъ сыну! та винъ вже не минеть моихъ рукъ!“... Старушка приготовила своимъ гостямъ ужинъ. Гаркуша, за радушный пріемъ, оставилъ вдовѣ, въ приданое тремъ ея дочерямъ, можетъ быть и не послѣднимъ красавицамъ въ Малороссіи, — трудно повѣрить, — тысячу рублей. — „Кажи“, — прибавилъ Гаркуша, прощаясь со старухой: — „кажи усякому, що си гроши давъ тоби Гаркуша; а хто зосмилыцця у тебѣ ихъ отняти, то тому я, не на живитъ, а на смерть, вси руки повывертаю“. — Гаркуша любилъ разъѣзжать по городамъ и селеніямъ въ генеральскомъ мундирѣ. Въ такомъ случаѣ за нимъ всегда слѣдовала большая свита. Однажды онъ пріѣхалъ въ такомъ видѣ въ Конотопъ, уѣздный городъ Черниговской губерніи, и прямо на дворъ къ городничему.

Извѣстный библіографъ и изслѣдователь Малороссіи, А. М. Лазаревскій, на мой вопросъ о Гаркушѣ, въ 1854 г., сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Гаркуша большею частью дѣйствовалъ въ предѣлахъ настоящей Черниговской губерніи.

Фамилія городничаго, о которомъ упоминается въ статьѣ „Украинскаго Альманаха“—Базилевичъ. Гаркуша, между прочимъ, велѣлъ одному изъ своихъ хлопцевъ дать нѣсколько ударовъ нагайкою женѣ Базилевича за то, что она не соблюдала постовъ по средамъ и пятницамъ.

Въ одну погоню за шайкою Гаркуши, на Гнилице, около Конотопа, конотопцы догнали одного разбойника, но не рѣшились живымъ взять, а убили его изъ ружья, и убилъ именно казакъ Зимивецъ изъ ружья, которое было заряжено серебрянымъ гудзикомъ (пуговицею), которую нарочно для этого конотопскій протопопъ отрѣзалъ отъ ризы. Простыя пули, по мнѣнію народа, не брали разбойниковъ Гаркушиныхъ.

Будучи уже разбойникомъ, Гаркуша женился, въ Роменскомъ уѣздѣ, на помѣщичьей дѣвкѣ, и здѣсь-то исправникъ едва не схватилъ его.

Пойманъ-же Гаркуша въ г. Ромнахъ „бублейницею“ (женщиною, торгующею бубликами). Это происходило такимъ образомъ. Гаркуша покупалъ цѣлую коробку бубликовъ; торговка, узнавъ его, схитрила: подъ предлогомъ, что у нея нѣтъ сдачи, она пригласила его войти къ себѣ во дворъ; между тѣмъ оповѣстила народъ и полицію, и Гаркуша былъ схваченъ.

Въ допросѣ Гаркуша показалъ себя выходцемъ изъ Черноморья.

Все дѣло о его разбояхъ хранится въ Роменскомъ уѣздномъ судѣ. Впрочемъ, часть этого дѣла, именно о нападеніи на домъ Базилевича, находится въ Конотопскомъ уѣздномъ судѣ.

Большею частью Гаркуша жилъ въ м. Смѣломъ, гдѣ его не задерживали, за что онъ щедрою рукою сыпалъ деньги.

Сохранилось преданіе, что Гаркуша строптивымъ помѣщикамъ шилъ красные сапоги, т.-е. приказывалъ сдирать съ ногъ кожу. Но врядъ ли это справедливо; Гаркуша только въ нуждѣ употреблялъ насиліе.

Въ Харьковской губерніи запорожцы часто пошаливали [1]), грабили помѣщиковъ, и противлявшихся тиранили и даже умерщвляли; но все это проказили, такъ называемые, „гайдамаки, харцызы“, являвшіеся въ разныхъ мѣстахъ и потомъ скрывшіеся оттуда. Потомъ явилась сильная партія, въ короткое время составившаяся и нахлынувшая откуда-то въ Харьковскую губернію. Обращаясь въ тамошнихъ мѣстахъ, она наводила ужасъ на всѣхъ помѣщиковъ. Случалось такъ, что разбойники наѣзжали къ иному помѣщику, забирали

---

[1]) „*Современникъ*“ 1841 г. XXV т., стр. 1—89, XXVI стр. 1—86, статья Г. Ѳ. Квитки—Основьяненко „*Преданіе о Гаркушѣ*“.

все, что могли, и уѣзжали, не ударивъ даже никого. Подъ заграбленныя вещи брали у помѣщика фуры и воловъ, а послѣ нѣсколькихъ дней, въ одно утро, всѣ фуры и волы оказывались близъ помѣщичьяго двора, вмѣстѣ съ деньгами и запискою, въ которой говорилось, что уплачивается за столько-то дней работы волами.—Въ одномъ селеніи жили два помѣщика. Къ одному изъ нихъ, о которомъ говорили очень дурно, нагрянули разбойники. Управившись тамъ по своему желанію, возвращались мимо другаго. Увидѣвъ его среди двора, съ небольшимъ числомъ людей, приготовившагося къ оборонѣ, разбойники говорили ему: „Не бойся ничего. Ты добрый панъ. Мы тебя не тронемъ; иди въ домъ и успокой свою панью и дѣточекъ". И въ самомъ дѣлѣ, ѣхали мимо, не сдѣлавъ ему вреда, тогда какъ сосѣда его обирали до чиста и сверхъ того производили ему чувствительное наставленіе... Только съ открытіемъ намѣстничествъ введенъ здѣсь порядокъ; но благодѣтельныя мѣры правительства не всѣми понимались, да и сами исполнители не по всѣмъ частямъ были еще готовы. А потому, дѣйствія по нѣкоторымъ предметамъ шли слабо, какъ это нерѣдко случается при введеніи новаго устройства. Притомъ же суевѣрный простой народъ распускалъ ужасныя нелѣпости объ этой шайкѣ. Надобно сказать, что Гаркуша именно и явился передъ самымъ преобразованіемъ Черниговскаго намѣстничества. Собравъ небольшую шайку, онъ ходилъ съ нею открыто, проповѣдывалъ какія-то странныя идеи. Его очень скоро схватили и упрятали въ Сибирь. Позднѣе дѣйствовавшая здѣсь шайка распускала слухи, будто бы этотъ самый Гаркуша вырвался изъ Сибири и атаманствовалъ надъ ними. Въ самомъ дѣлѣ, они при дѣйствіяхъ своихъ всегда кричали:—„Батько Гаркуша такъ приказалъ". Власти собирали толпы мужиковъ, вооружали ихъ и намѣревались выступать противъ разбойниковъ. Тутъ шайка совершенно исчезала, а проявлялась очень скоро въ другомъ уѣздѣ, подалѣе отъ прежнихъ дѣйствій. Надобно, однако, замѣтить, не слышно, чтобы эти разбойники кого убивали, тиранили или поджигали гдѣ; они только грабили, а у иного и оставляли даже кое-что для прожитія. Случалось, что иная шайка какъ-то необыкновенно долго гостила въ иномъ уѣздѣ: о мѣстопребываніи ея, при всѣхъ усиленныхъ стараніяхъ, не получалось свѣдѣній. Казалось, ея нѣтъ нигдѣ, а является вездѣ. Можетъ быть и выдумывали, но только увѣряли, что атаманъ ихъ, называющійся Гаркушей, являлся въ разныхъ видахъ. Вечеромъ, при холодной, ненастной погодѣ, случайно, къ кому-либо изъ помѣщиковъ въѣдетъ бывало военный чиновникъ, купецъ съ товарами, или важный гражданскій чиновникъ и проситъ укрыть его на ночь въ предостереженіе отъ разбойниковъ. Ему даютъ убѣжище, а ночью,

когда въ домѣ всѣ безпечно спали, странникъ впускалъ товарищей и въ благодарность за гостепріимство грабилъ добродушныхъ хозяевъ. Разсказываютъ, что по какому-то случаю былъ схваченъ одинъ изъ разбойнической шайки. Говорятъ, что будто самъ Гаркуша поддался съ умысломъ, чтобы высмотрѣть дѣйствія городничихи. Какое бы ему, казалось, до того дѣло? Какъ ни идетъ управленіе, ему нѣтъ ни пользы, ни вреда, но такъ говорятъ. Вѣрно только то, что городничиха приказала схваченнаго разбойника содержать подъ строгимъ присмотромъ. Не представляя его къ суду, морила голодомъ, выспрашивала ни о чемъ болѣе, какъ только о мѣстѣ, гдѣ хранятся награбленныя имъ сокровища. Уже она располагала приступить къ пыткѣ, какъ арестантъ ушелъ. — „Мы его берегли до сего часу крѣпко,—говорили потомъ сторожа:—не давали ему и ѣсть; а ему кто-то со стороны приносилъ всего. Мы никакъ не додумались, кто ему это приносилъ? А не разъ заставали, что онъ доѣдаетъ поросятину, да еще и горилку пьетъ. Мы станемъ его бранить и приказывать, чтобы онъ ничего не ѣлъ, а онъ въ отвѣтъ пѣсни поетъ. Вотъ такъ и было до сего часа. Какъ приказали намъ вести его, мы и хотѣли связать ему руки, а онъ и говоритъ: — „На что вы свяжете меня?“ А мы говоримъ:—„чтобы ты часомъ не ушелъ“.— А онъ говоритъ:—„я и такъ не уйду“.—А мы спрашиваемъ: „іо? (неужто)?“—А онъ говоритъ: „ей Богу“.—А мы говоримъ: „а пу. побожись больше“. — Онъ и побожился, и таки крѣпко. Вотъ мы и повели его. Только-что вышли на улицу, смотримъ,—онъ не то думаетъ: поворотилъ въ другую сторону. Мы ему говоримъ: „иди за нами“. А онъ поетъ, рукою махнулъ и идетъ своею дорогою. Мы ему кричимъ: „Брехунъ! сбрехалъ; побожился, а самъ уходишь“. А онъ все-таки идетъ и не оглядывается. Глядимъ, уже далеченько отошелъ; мы стоимъ и совѣтуемся: что намъ дѣлать? А вотъ этотъ Климкò и говоритъ:—„Побѣжимъ, да поймаемъ его“.—А мы говоримъ: „Побѣжимъ“.—Глядимъ, примѣчаемъ, а онъ все далѣе, все далѣе... Какъ же совсѣмъ скрылся, тутъ мы принялись ругать его“.

Вскорѣ за тѣмъ доставлено къ городничему письмо отъ Гаркуши, коимъ онъ благодаритъ жену его за хлѣбъ-соль и угощеніе, оказанное товарищу его, и что онъ вскорѣ посѣтитъ его самъ. съ семьею своею, и лично покажетъ свое расположеніе къ ней.— „Причемъ,—такъ писалъ онъ, и городничій имѣлъ духъ показывать это письмо многимъ и Квиткѣ также:—покажу, братику, и тебѣ любовь свою за твое мудрое управленіе городомъ.“

Гаркуша, по словамъ Квитки-Основьяненка, никого не убивалъ и не губилъ. Онъ и не грабилъ „благонажитаго“. Однимъ словомъ, Гаркуша ни одному человѣку безвинно не причинилъ даже испуга,

не только зла. Вся цѣль Гаркуши была—исправить людей и истребить злоупотребленія. По удостовѣренію Квитки, Гаркуша обучался въ кіевской академіи и учился хорошо. Онъ въ классѣ философіи былъ изъ отличныхъ: объ этомъ можно удостовѣриться изъ академическихъ списковъ. На диспутахъ онъ побѣждалъ своихъ противниковъ. И съ такими свѣдѣніями, познаніями и понятіями, не вѣрилось, чтобы онъ вдавался въ разбойничество, душегубство и, еще болѣе, подлый грабежъ для своей пользы. Современники Гаркуши говорили о немъ, будто бы онъ, будучи одаренъ чистымъ, здравымъ разсудкомъ, видя вещи, какъ онѣ есть, сострадая къ угнетаемымъ, не видя благороднаго употребленія даровъ, случайно полученныхъ людьми, — сперва негодовалъ, скорбѣлъ и почувствовалъ въ себѣ призваніе пресѣчь зло, искоренить злоупотребленія, дать способы добродѣтельному дѣйствовать по чувствамъ своимъ, а у сильнаго отнять возможность угнетать слабаго. Онъ принялся дѣйствовать, но по молодости и неопытности,—безъ обдуманнаго плана. Его не поняли, схватили, судили и сослали было на житье въ Сибирь. Еслибы онъ могъ быть тамъ полезенъ, — онъ бы остался; но видя, что ему тамъ нечего дѣлать, онъ нашелъ средство возвратиться сюда и началъ дѣйствовать для пользы общей. Гаркуша любилъ повторять латинскую пословицу: homini, quem nescis, nequaquam male dicendum est (не знавши человѣка, не должно говорить о немъ худо). Онъ былъ, по словамъ Квитки, „лѣтъ сорока съ небольшимъ; лицо имѣлъ смуглое, загорѣлое, запекшееся на солнечномъ жару; волосы на головѣ подстриженные, по обыкновенію тогдашнихъ малороссіянъ; усы — широкіе, густые, черные; глаза — быстро глядящіе и проницательные. Одѣвался онъ въ малороссійское платье, скромное, т. е. темнаго сукна и безъ блестящихъ выкладокъ; рукава верхней черкески не закидывалъ назадъ, но надѣвалъ на руки. Одинъ только обыкновенный ножъ на цѣпочкѣ за поясомъ, и никакого больше оружія: ни сабли при боку, ни пистолетовъ за поясомъ, по обычаю дорожныхъ — ничего этого не было“. По словамъ Квитки, исторія съ пріѣздомъ Гаркуши къ городничему происходила такимъ образомъ. Въ передней послышался шумъ: „пріѣхали, пріѣхали!“ Колокольчики гремятъ у крыльца, ямщики кричатъ на усталыхъ лошадей, слуги изъ дома выходятъ со свѣчами на крыльцо; за ними поспѣшаетъ городничій, застегивается, торопится, прицѣпляетъ шпагу, служанка догоняетъ его съ треугольною шляпою, онъ схватываетъ ее и, вытянувшись, стоитъ на крыльцѣ, держа въ рукахъ рапортъ. Карета вѣнской работы, съ чемоданами и ящиками, останавливается у крыльца. Восемь почтовыхъ лошадей, измученныя, всѣ въ мылѣ, шатаются отъ усталости. Человѣкъ весь запыленный, подобія въ лицѣ

не видно, быстро вскакиваетъ съ козелъ, ловко отпираетъ дверцы у кареты и откидываетъ подножку. Изъ кареты выскакиваетъ бывшій уже офицеръ и становится принимать генерала. Другой слуга, также вершковъ десяти, какъ и первый, встаетъ лѣниво съ запятокъ (видно спалъ всю дорогу), протираетъ глаза, весь въ пыли, зѣваетъ и, съ удивленіемъ не проснувшагося, разсматриваетъ всѣхъ и все, разбирая, куда они пріѣхали? Судья вполголоса закричалъ городничему: „Къ подножкѣ! идите къ подножкѣ!.. Такъ должно встрѣтить...“ Изъ кареты показался генералъ: на пышномъ плащѣ блестящая звѣзда; на головѣ, сверхъ колпака, шелковая стеганая шапочка; щека подвязана бѣлымъ платкомъ. Лицо чистое, бѣлое, румяное; замѣтны морщины, какъ у человѣка лѣтъ за шестьдесятъ. Изъ-подъ колпака висѣли развитыя пукли сѣдыхъ волосъ. Онъ вылѣзалъ медленно, потому что одна нога была окутана и обвязана; онъ съ трудомъ двигалъ ею.

Разговоръ не прерывался. Генералъ въ подробности разсказывалъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ недавно конченную войну съ турками, чертилъ на столѣ планы сраженій, штурмовъ; адъютантъ безъ запинки подсказывалъ имена храбрѣйшихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, коихъ генералъ не могъ же всѣхъ припомнить. Городничій слушалъ, городничиха слушала, и оба удивлялись, не понимая дѣла ни на волосъ. Разговоръ коснулся и до Гаркуши. Городничиха тутъ разсыпалась въ разсказахъ. Что знала, слышала, все высказала генералу и заключила описаніемъ мѣръ, какія она предприняла, чтобы схватить проклятаго харцыза. Подали ужинъ. Генералъ кушалъ хорошо. Немного мѣшала ему больная, раненая щека, — но ничего. Послѣ ужина генералъ просилъ хозяйку успокоиться, а самъ расположился съ хозяиномъ покурить, „пока до чего дѣло дойдетъ“. Такъ примолвилъ онъ, снимая платокъ, коимъ завязана была его щека. Городничиха вошла въ спальню, кликала дѣвокъ, — никто нейдетъ. Она въ дѣвичью,—нѣтъ ни одной. Она прошла въ переднюю, чтобы послать за ними слугу,—ни одного человѣка нѣтъ въ передней. Она вышла на крыльцо, звала дѣвокъ, слугъ—никто не отзывается. Разсердилась, воротилась, еще дожидала, — нѣтъ никого! Что могла, сбросила съ себя, сѣла на кровать—никто нейдетъ... Она прилегла, вздремнула; потомъ, утомясь чрезъ весь день, заснула крѣпко. Генералъ продолжалъ пересказывать разныя приключенія изъ жизни своей. Вдругъ вступили въ комнату четыре человѣка страшнаго вида, въ казачьихъ платьяхъ. „Управились со всѣми, батьку!“ — сказалъ одинъ изъ нихъ грубымъ голосомъ и малороссійскимъ нарѣчіемъ, обращаясь къ генералу. Кончивъ трубку, Гаркуша съ прежнимъ равнодушіемъ всталъ и сказалъ: „Пойдемъ же къ пани-городничихѣ.

Веди!—ты мужъ, дорогу долженъ знать. Хлопцы, хлопцы за мною". И затѣмъ прибавилъ мужу: „Войди одинъ и объяви, что Гаркуша здѣсь".—Городничій, дрожа, взошелъ въ спальню жены и робкимъ голосомъ на-силу проговорилъ: „Душечка! Гаркуша здѣсь!.." — Городничиха какъ ни спала крѣпко, но это извѣстіе и во снѣ поразило ее. Она мигомъ вскочила и вскричала: „Здѣсь? Наконецъ поймали!" — „Нѣтъ, голубочка, чорта два меня поймаютъ. Я самъ явился. Вотъ и хорошо, что ты одѣтая спала; намъ меньше заботъ". Потомъ, взявъ ее за руку, сказалъ: „Сядь, голубочка, подлѣ меня",—и посадилъ ее.—„Пана-городничаго я задобрилъ, онъ не приревнуетъ васъ ко мнѣ. Ну, поговоримъ же любенько. Узнала ли ты меня, пани-городничиха?" Городничиха, дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣчала: „У... у... узнала..." — Квитка кончаетъ: „Однимъ словомъ, Гаркуша увидѣлъ, что зло сильно владычествуетъ между людьми, что изъ блаженной жизни, данной въ удѣлъ каждому, враги добра, не страшась преслѣдованія закона, превратили ее въ мучительное истязаніе, услаждаясь стенаніями ближнихъ, забыли мыслить о возмездіи,—и вотъ Гаркуша, одушевленный на истребленіе зла, изшелъ на дѣло. Онъ не убиваетъ, но, узнавъ о лихоимствѣ судей, корыстолюбіи ихъ, несправедливомъ управленіи,—является, выставляетъ передъ ними пороки, злоупотребленія, неправды ихъ, стремится еще навести ихъ на истинный путь убѣжденіями, увѣщаніями, угрозами — и грозитъ воздать некающимся по дѣламъ ихъ. Говорятъ, Гаркуша—грабитель.— Вотъ съ какою цѣлью отнимаетъ онъ у иного достояніе. Услышавъ о купцѣ, собравшемъ, или, правильнѣе сказать, содравшемъ, изъ чего только могъ, великое богатство и не обращающемъ его на общую пользу, или провѣдавъ о зловредномъ ростовщикѣ, пользующемся слабостью ближняго и разорившемъ его непомѣрными процентами и лихвенными начетами, — Гаркуша являлся у такихъ, отбиралъ неправедно ими нажитое и бралъ къ себѣ, но не для себя. Объѣзжая самъ и имѣя великое число во всемъ здѣшнемъ краѣ вѣрныхъ людей, узнавалъ бѣдныя семейства, худо устроившія дѣла свои; небольшихъ помѣщиковъ и другихъ, впавшихъ въ несчастное положеніе, онъ снабжалъ изъ денегъ, отнятыхъ у тѣхъ, которые не умѣли изъ нихъ сдѣлать общеполезнаго употребленія, наставлялъ, какъ устроить дѣла свои—и, слыша отъ нихъ благодарность, самъ имѣлъ душевное наслажденіе, видя изъ прежде бѣдныхъ—цвѣтущихъ состояніемъ. А сколько Гаркуша истребилъ, переловилъ шаекъ гайдамакъ, настоящихъ харцызовъ, набѣжавшихъ сюда изъ вольницы запорожской, разбойничавшихъ во всемъ краѣ и разглашавшихъ, что они изъ шайки Гаркуши! Нѣтъ, онъ, не любя и малѣйшей неправды, не терпѣлъ такого зла и отбивалъ у настоящихъ разбойниковъ охоту на-

бѣгать сюда на промыслы. Однимъ словомъ, Гаркуша искоренялъ зло, преслѣдовалъ пороки людей. Гаркуша былъ совершенно окруженъ военною командою; непривыкшихъ къ битвѣ, но всетаки нападавшихъ на него, почти шутя отбивалъ.

Часть разбойниковъ была убита; прочіе всѣ взяты. Когда заковывали Гаркушу и Товпыгу особо, — Гаркуша сказалъ: „Какъ ни жалка смерть моего Довбни, но завидую ему: онъ избѣжалъ посмѣянія отъ злой городничихи, а мнѣ эта участь предстоитъ!“ —и, скрежеща зубами, трясъ цѣпями въ ярости. По снятіи допросовъ, Гаркуша былъ заключенъ въ тюрьму, и караулъ приставленъ уже не изъ обывателей, а изъ военной команды, поймавшей его. Когда объявили Гаркушѣ рѣшительный о немъ судебный приговоръ, онъ, поклонясь присутствующимъ, сказалъ: „Справедливо. При всемъ ученіи моемъ, я ложно понялъ вещи, а предъ закономъ и въ томъ уже преступникъ, что принялся дѣйствовать самовластно. Участь мою, еще прежде васъ, истина нарекла устами юности“.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

I.

ХУТОРОКЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

(Родина Н. В. Гоголя).

Покинувъ придонецкія равнины, я отправился въ Миргородъ. Не доѣзжая до Коломака, я свернулъ вправо, по пути къ мѣсту, манившему мое воображеніе еще съ раннихъ лѣтъ моего дѣтства. „Когда кто изъ васъ будетъ въ нашихъ краяхъ“,—писалъ веселый *пасѣчникъ*, издавая въ свѣтъ свои *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*,—„то заверните ко мнѣ: я васъ напою удивительнымъ грушевымъ квасомъ!..“ Это наивное приглашеніе очень меня заняло; но исполнить его я не могъ. Во время выхода въ свѣтъ „Вечеровъ“, у меня былъ одинъ только конь — липовая вѣтка, на которой я галопировалъ по саду, и отлучался я тогда изъ родительскаго дома не далѣе вѣтряной мельницы, скрипъ тяжелыхъ крыльевъ которой слышался въ моей дѣтской комнатѣ... И грустно мнѣ было, что не могу я поѣхать къ доброму пасѣчнику, который своими разсказами плѣнялъ и, вмѣстѣ, пугалъ меня, не менѣе своихъ внуковъ. И былъ я въ полной увѣренности, что существуетъ на свѣтѣ хуторъ, гдѣ, при дрожащемъ свѣтѣ каганца, старый дѣдушка сидитъ по длиннымъ зимнимъ вечерамъ и сказываетъ, не умолкая, свои плѣнительныя, чудныя повѣсти. Передо мною ясно совершалась исторія „красной свитки“ въ „Сорочинской ярмаркѣ“, проходила тихая и задумчивая утопленница „Майской Ночи“ и возставала на далекихъ Карпатскихъ горахъ фигура ледянаго всадника въ „Страшной Мести“... И вотъ теперь, черезъ много лѣтъ, когда мы уже оплакали Рудаго-Панька, когда уже нѣтъ его на свѣтѣ и опустѣлъ безъ него его родимый хуторъ, я ѣхалъ въ этотъ хуторъ...

Дорога изъ Колонтая, черезъ Опошню, идетъ роскошными Кочубеевскими степями. Степи еще не видѣли въ это лѣто косы и пышно разстилали ковры своихъ цвѣтовъ. Цвѣты качались тихо на стебелькахъ и струили благоуханія... Былъ полдень, и голова кружилась отъ ихъ опьяняющаго курева...

Лошади шли почти шагомъ, срывая на ходу головки бѣлой кашки и махровыхъ султанчиковъ. Изъ телѣжки, почти не нагибаясь, я нарвалъ букетъ зинзивера, смолки и шевліи: такъ высока была украинская трава! Солнце было подернуто бѣлымъ, тусклымъ паромъ; но это не мѣшало богатой зелени горѣть своими яркими нарядами. Подъ вліяніемъ воспоминанія о картинахъ степной природы въ „Тарасѣ Бульбѣ“, я смотрѣлъ на окрестность. Роскошные кусты репейника, съ пышными, алыми, какъ макъ, головками, стояли густыми кучами, будто косари въ пунцовыхъ шапкахъ, держа въ рукахъ свои колючія косы. Цѣлая поляна дикой пшеницы просвѣчивала на солнцѣ тонкими, шелковистыми стеблями, нагнувшими къ землѣ свои золотые колосья. У самой дороги, по полянѣ, убранной серебряною тканью ковыля, на сочныхъ, четыреугольныхъ стволахъ, поднимались изъ земли странныя, фантастическія травы. Лѣнивая дрофа, съ полузажмуренными глазами, пробираясь сквозь ихъ высокіе стволы, шагала на красныхъ лапкахъ почти у самой телѣги. И цѣлый міръ кузнечиковъ трепеталъ въ воздухѣ, падалъ, опять поднимался и летѣлъ, то алыми, то голубыми, то бирюзовыми ракетами, надъ чудною картиною нескошеннаго луга; то была фантастическая, причудливая, невѣроятная картина, родъ празднества, родъ пышнаго, торжественнаго сборища всевозможныхъ степныхъ цвѣтовъ и травъ. Самое скромное и неприхотливое воображеніе, при видѣ этого міра и этой жизни, родило бы цѣлый рядъ прелестныхъ образовъ. Алые, фіолетовые, бѣлые, какъ пѣна, махровые, стрѣльчатые, длинные, широкіе, словомъ, всевозможные цвѣты устилали лугъ... Онъ мнѣ казался раутомъ сказочнаго дворца, и въ тонкихъ очертаніяхъ травъ, сквозившихъ лучами выглянувшаго солнца, видѣлъ я образы легкихъ, граціозныхъ и нарядныхъ красавицъ... Я былъ въ сладкомъ и нескончаемомъ сновидѣніи...

У встрѣчавшихся жнецовъ я спрашивалъ: „Гдѣ хуторъ Гоголя?“

— Хуторъ Гоголя?..— спрашивали меня въ свой чередъ добрые казаки съ удивленіемъ:—не знаемъ!

— Ахъ! я забылъ: хуторъ Яновскаго!

— А, Яновскаго, знаемо, пане, знаемо! Ось вамъ дорога!..

И мнѣ указывали дорогу къ Рудому Паньку, къ Яновскому-Гоголю, на хуторъ *Яновщину*.

Отъ самой Опошни и вплоть до села Воронянщины, я былъ свидѣтелемъ картины истинно-степной, истинно-хуторянской. Ѣхалъ я, по причинѣ нестерпимаго жара, всю дорогу почти шагомъ. Всю дорогу за мною, на волахъ, сидя на возу съ корзинами спѣлой шелковицы, ѣхалъ толстый казакъ, свѣсивъ ноги съ воза, лѣниво сгорбясь и наклонивъ сонную голову на грудь. Онъ ѣхалъ, покачиваясь на

возу, и пѣлъ, пѣлъ онъ все одно и то же. пѣлъ слѣдующія слова, по-видимому, начало любимой своей пѣсни:

„Якъ булы́ въ кума бжолы!
Ой... та булы́... въ кума... б-ж-о-лы!“

Онъ пѣлъ энергически первую строку, начало второй—слабѣе, а конецъ второй строки уже пѣлъ заснувши. Встрѣчавшійся толчокъ будилъ его, и онъ снова пѣлъ одно и то же, съ тѣми же пріемами, засыпалъ при словѣ „Ой!.. та булы́ въ кума б-ж-о-лы!“ и, проснувшись на толчкѣ, опять принимался за старое...

Узнавъ отъ него интересную новость, что „были у кума пчелы“, я думалъ, что онъ повѣдаетъ мнѣ при этомъ новость и полюбопытнѣе; ничуть не бывало: онъ пѣлъ двадцать верстъ одно и то же! Это мнѣ надоѣло, и я поѣхалъ рысью. Но, проѣхавъ верстъ пять, я раздумалъ, и мысль—не услышу ли я конца интересной пѣсни казака, заставила меня поѣхать снова тише. Я поѣхалъ тише, казачьи волы скоро меня догнали, и я опять услышалъ пѣсню ихъ хозяина... Увы! я не узналъ отъ него болѣе того, что „были у кума пчелы“!

До хутора Яновщины оставалось три версты; онъ былъ спрятанъ за косогоромъ. Все здѣсь уже вѣяло и „Старосвѣтскими помѣщиками“, и садомъ Плюшкина, и птичьими дворами Коробочки. Наивно-роскошныя картины жизни хуторянъ тѣснились вокругъ меня. Я вспомнилъ разсказъ одного моего знакомаго. Этотъ знакомый, пріѣхавъ на станцію возлѣ Миргорода, отправился на постоялый дворъ и, къ прискорбію своему, узналъ, что тамъ ничего не готовили съѣстнаго. Въ досадѣ онъ кликнулъ хозяина.

— Нѣтъ ли у васъ хоть яичницы?

— Я-съ... къ вашимъ услугамъ... я самъ... *Яичница!*

Это была точно фамилія содержателя постоялаго двора, и мой знакомый примирился со скудостію его припасовъ, вспомня о героѣ „Женитьбы“.

Не доѣзжая двухъ верстъ до Яновщины, я остановился въ чистенькой хатѣ, на хуторѣ Воронянщина, по причинѣ соскочившей гайки съ колеса моего экипажа, которую пошли отыскивать. Хозяйка хаты съ груднымъ ребенкомъ стала у дверей и пустилась меня разспрашивать. Замѣтя ея словоохотливость, я тоже обратилъ къ ней нѣсколько вопросовъ. Она охала, разсказывая о томъ, что теперь уже долго не увидитъ Яновскаго пана.

— И никогда не увидишь...—сказалъ я, съ грустью отвернувшись отъ нея:—развѣ увидишь на томъ свѣтѣ!

— Ни, паночку! то неправда, что говорятъ, будто онъ умеръ! похороненъ не онъ, а одинъ убогій старецъ; а самъ онъ опять по-

ѣхалъ молиться за насъ въ святой Ерусалимъ! Не умеръ онъ, а уѣхалъ, и черезъ одиннадцать лѣтъ опять вернется къ намъ!

Странная вещь: сосѣдніе хуторяне, зная, что Гоголь, около двѣнадцати лѣтъ жившій за границею, часто и надолго отлучался съ родины, снова, впрочемъ, въ нее возвращаясь,—и теперь не хотятъ вѣрить, чтобы онъ умеръ! Многіе изъ нихъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, даже гадали по немъ, ставя на ночь, по своему обычаю, пустой горшокъ и сажая въ него паука. Старинные казаки, гадая на своихъ родичей и ближнихъ, такъ часто въ былыя времена пропадавшихъ безъ вѣсти, при этомъ полагали: если паукъ вылѣзетъ ночью изъ горшка съ выгнутыми, скользкими стѣнками, то человѣкъ, по которомъ гадали, живъ и возвратится. Паукъ, на котораго было возложено хуторянами рѣшить, живъ ли Рудый-Панько, ночью заткалъ паутиною весь горшокъ и по ней вылѣзъ... Грустно останавливаться на этомъ! Но нельзя не увидѣть, въ странномъ упорствѣ сосѣдей Гоголя, любви ихъ къ нему. Онъ столько помогалъ имъ совѣтомъ и дѣломъ! Не одинъ изъ грамотеевъ по Миргородской и Рѣшетиловской дорогѣ показывалъ намъ съ гордостью духовно-нравственныя книги, подаренныя ему Гоголемъ, при неоднократныхъ его поѣздкахъ за границу и изъ-за границы. А сколькимъ нуждающимся сосѣдямъ удѣлялъ онъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни, изъ небольшихъ литературныхъ доходовъ своихъ!..

И вотъ, хуторъ *Яновщина* выглянулъ между двухъ отлогихъ холмовъ. Опишемъ вкратцѣ его мѣстоположеніе и прямо перейдемъ къ нѣкоторымъ любопытнымъ свѣдѣніямъ о жизни его покойнаго владѣльца.

Вотъ они, мѣста, въ которыхъ прошло веселое дѣтство Гоголя! Широкая поляна надъ косогоромъ. Справа избы хутора, чистенькія, окрашенныя бѣлою и желтою краскою, въ тѣни прелестныхъ садиковъ; слѣва левада, родъ огромнаго огорода; середина его, обращенная къ хутору, обсажена липами и вербами. Передъ этою оградою каменная церковь съ зеленою крышею. Ограда церкви сдѣлана изъ окрашенныхъ желтою и бѣлою краскою кирпичей; кирпичи сложены въ видѣ рѣшетки, сквозными стѣнами. Церковь между левадою и хуторомъ; противъ нея, примыкая къ хатамъ хутора, съ правой же стороны, новая ограда; за этою оградою панскій деревянный домъ, съ красною крышею, въ одинъ этажъ; направо отъ него флигель, налѣво людскія строенія. За домомъ садъ; за садомъ пруды. За прудами неоглядныя равнины Украинскихъ степей... Я въѣхалъ во дворъ. Сердце сжалось невольною тоскою... По двору бѣгали ребятишки, играя и весело потрясая своими кудрявыми головками. Вѣтеръ волновалъ листья ясеней; кукушка куковала въ купѣ деревьевъ за церковью, и стаи скворцовъ

и воробьевъ кружили надъ хатами хутора... Все было полно жизни, все шло своимъ чередомъ... А хозяина этого хутора уже не было въ живыхъ!..

Много въ последнее время видѣлъ я людей, истинно горевавшихъ о Гоголѣ, и самъ я горевалъ вмѣстѣ съ этими людьми. Но никогда еще не было мнѣ такъ тяжело, какъ въ то время, когда я увидѣлъ наконецъ *трауръ* и слезы теперешнихъ обывателей Яновщины,—матери и двухъ сестеръ покойнаго Гоголя. Третья сестра Гоголя, еще при жизни его, вышла замужъ и нынѣ находится въ Кіевѣ.

Прежде всего остановимся на *флигелѣ*, который помѣщается на дворѣ, направо отъ дома, такъ какъ въ этомъ флигелѣ, въ свои неоднократные пріѣзды на хуторъ, обыкновенно жилъ и работалъ Гоголь. Здѣсь онъ написалъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ", въ последнее свое пребываніе въ Яновщинѣ, въ прошломъ году, съ 20-го апрѣля по 22-е мая. Осенью прошлаго года онъ-было опять переѣхалъ на хуторъ, къ свадьбѣ своей сестры; но остановился въ Тулѣ, провелъ нѣсколько времени въ близлежащемъ монастырѣ и потомъ пріѣхалъ обратно въ Москву, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и скончался.

Флигель—низенькое, продолговатое строеніе съ крытою галлереей, выходящею во дворъ. Ветхія ступени ведутъ на крыльцо; черезъ небольшія сѣни открывается входъ въ пространную комнату, родъ залы, а отсюда въ гостиную. Въ этой комнатѣ, да еще въ кабинетѣ, поочередно работалъ и отдыхалъ Гоголь. Постоянно тревожное состояніе его духа заставляло его мѣнять комнаты своей работы; также точно и спать нѣсколько дней сряду въ одной и той же комнатѣ, какъ намъ говорили, онъ не могъ. Въ гостиной окна выходятъ въ палисадникъ за флигелемъ. Палисадникъ кончается группою тополей; за тополями видъ на избы хутора и на степи. Одно изъ оконъ сдѣлано въ двери, которая ведетъ на балконъ, въ палисадникъ. Здѣсь у двери иногда помѣщалась рабочая конторка автора „Тараса Бульбы", и тогда, во время работы, онъ могъ любоваться видомъ на хуторъ и степи... Кабинетъ находится въ сторонѣ и имѣетъ особый выходъ. Здѣсь более всего оставался покойный авторъ „Ревизора"; въ послѣднее свое пребываніе въ Яновщинѣ, онъ не выходилъ отсюда иногда по цѣлымъ днямъ, являясь въ домъ, къ столь любимой имъ матери, только на нѣсколько минутъ. Это—комната въ десять шаговъ длины и въ четыре шага ширины. Два маленькія окошечка выходятъ во дворъ; между ними помѣщается небольшое зеркальцо; окна завѣшаны бѣлыми кисейными занавѣсками. Влѣво отъ двери — печь; вправо — дубовый шкафъ для книгъ. Шкафъ этотъ заказанъ Гоголемъ въ прошлое лѣто и оконченъ уже безъ него. Влѣво отъ печи — простенькая кровать,

покрытая ковромъ. Здѣсь замѣчу, кстати, что Гоголь въ послѣднее время много занимался улучшеніемъ фабрикаціи домашнихъ ковровъ, самъ рисовалъ по цѣлымъ днямъ узоры для нихъ, — и это занятіе, вмѣстѣ съ разведеніемъ деревьевъ въ саду, составляло главное удовольствіе его въ немногіе часы его отдыха... Надъ кроватью въ углу — образъ св. угодника Митрофана. Наконецъ, спинкой къ забитой двери, между печью и кроватью, помѣщается рабочій столъ Гоголя. Это—на высокихъ ножкахъ конторка съ косою доскою изъ грушеваго дерева, покрытою кожею; на верхней платформѣ ея съ двухъ сторонъ вдѣланы чернильница и песочница. Гоголь за этою конторкой работалъ стоя. Подобный же столъ я видѣлъ у него и въ Москвѣ, въ квартирѣ графа А. П. Толстого (въ домѣ Талызина на Никитскомъ бульварѣ), гдѣ онъ и скончался. На стѣнѣ, возлѣ рабочаго стола, помѣщается привезенный Гоголемъ изъ Италіи нерукотворенный образъ Спасителя, писанный масляными красками.

О домѣ, гдѣ помѣщается теперь семейство покойнаго, мы не можемъ сказать ничего особеннаго. Домъ выстроенъ удобно, даже красиво; выстроенъ такъ, какъ строились въ старину всѣ дома въ украинскихъ селахъ. По стѣнамъ развѣшаны превосходныя старинныя гравюры. Въ залѣ стоитъ рояль, за которымъ въ послѣднее время Гоголь, при помощи своихъ близкихъ знакомыхъ, составлялъ собраніе украинскихъ пѣсенъ съ музыкою. Это собраніе, почти изъ тридцати пѣсенъ, теперь находится, какъ намъ говорили, въ Москвѣ, у Н. С. А--вой, и мы отъ души желаемъ скорѣе увидѣть его въ печати.

Перейдемъ въ садъ, столько занимавшій воображеніе Гоголя. Въ немъ онъ гулялъ, въ немъ обдумывалъ свои поэтическія созданія; въ немъ онъ принималъ немногихъ изъ своихъ близкихъ пріятелей; въ немъ, наконецъ, подъ сѣнью широколиственныхъ кленовъ, посаженныхъ еще дѣдомъ его, переносился воображеніемъ въ сказочныя времена запорожья и гетманщины и обдумывалъ мрачныя и поэтическія натуры героевъ своего „Тараса Бульбы“.

Садъ расположенъ во вкусѣ всѣхъ украинскихъ сельскихъ садовъ. Деревья его высоки и тѣнисты. По сторонамъ аллеи, идущей вправо отъ садоваго балкона, Гоголь въ прошломъ году сажалъ молодыя поросли клена и береста. Теперь эти деревца уже укрѣпились и покачиваютъ новыми листиками. Далѣе, за ними, на луговой полянѣ, у корней другихъ деревьевъ, Гоголь посадилъ нѣсколько желудей. Изъ желудей теперь выросли крохотные дубки, родоначальники будущей дубравы, куда, быть можетъ, черезъ много лѣтъ, придутъ новые посѣтители родины нашего поэта, съ новыми надеждами и заботами, и вспомнятъ они того, кто съ такою любовью сажалъ этотъ садъ... Влѣво отъ балкона идетъ другая аллея; здѣсь не такъ нависли дикія,

ползучія вѣтви деревъ; здѣсь уже прошелъ заступъ цивилизаціи. Дорожка аллеи, въ два шага шириною, идетъ надъ однимъ прудомъ и упирается своимъ концомъ въ другой, смежный съ нимъ прудъ. По этой дорожкѣ особенно любилъ гулять Гоголь. И до сихъ поръ обитателямъ хутора близъ Диканьки видится порою, въ концѣ этой дорожки, покойный Гоголь въ любимомъ своемъ черномъ плащѣ. Надъ этою дорожкою, на холмѣ, устроена деревянная бесѣдка, разрушенная бурею скоро послѣ отъѣзда Гоголя изъ Яновщины. Тутъ же, недалеко, въ тѣни нависшихъ липъ и акацій, чернѣетъ небольшой гротъ, съ огромнымъ дикимъ камнемъ у входа. На этомъ камнѣ Гоголь игралъ, будучи ребенкомъ трехъ лѣтъ... Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой поры онъ часто садился на этотъ камень и любилъ съ него глядѣть въ свѣтлыя воды сельскаго пруда.

На прудѣ, за садомъ, передъ домомъ, устроена купальня. Къ ней ѣздятъ на маленькомъ двухъ-весельномъ паромѣ. Ее устроилъ для себя Гоголь, но купался въ ней не болѣе трехъ разъ. Такъ же точно, впослѣдствіи, за три мѣсяца до смерти, онъ поступилъ и съ идропатіей. — За прудомъ разстилается широкая, огороженная поляна. У самаго пруда она, благодаря заботливости Гоголя, обсажена деревьями, и въ особенности красива здѣсь недавно-разросшаяся аллея изъ серебристыхъ тополей: покойный ухаживалъ за нею съ самымъ теплымъ участіемъ.

День свой въ Яновщинѣ Гоголь проводилъ такъ. Вставалъ онъ рано; въ воскресенье шелъ въ церковь; въ будни тотчасъ принимался за работу. Работалъ онъ иногда по пяти часовъ сряду и рѣдко выходилъ изъ своего кабинета ранѣе полудня. Онъ шелъ тотчасъ гулять, обыкновенно на поляну за церковью; иногда же въ это время, вплоть до обѣда, гулялъ въ саду. Обѣдая въ своемъ семействѣ, онъ былъ всегда веселъ, шутилъ, смѣшилъ всѣхъ своими импровизированными разсказами и все послѣобѣденное время также оставался въ кругу семейства. Вечеромъ онъ или катался на паромѣ по прудамъ, или работалъ въ саду, или снова уходилъ въ свой кабинетъ. Ложился онъ спать довольно рано, почти не позже десяти часовъ вечера. Оставаясь среди своего семейства, онъ въ особенности любилъ приниматься за разныя домашнія работы: рисовалъ узоры для ковровъ, кроилъ платья и принималъ участіе въ окраскѣ стѣнъ и въ обойкѣ мебели.

Изъ сосѣдей Гоголя немногіе его посѣщали. Иные боялись обезпокоить его среди литературныхъ занятій, другіе почти никогда не жили въ своихъ помѣстьяхъ, а третьи, по странному мнѣнію о характерѣ сатирическихъ писателей, просто боялись его. Главными собесѣдниками покойнаго изъ сосѣдей его были грамотные хуторяне,

убогіе и несчастные разныхъ сословій, которымъ онъ всегда помогалъ, и нѣкоторыя духовныя особы.

Къ украшеніямъ дома Яновщины въ послѣднее время прибавились: портретъ покойнаго, писанный Моллеромъ масляными красками, чрезвычайно схожій (портретъ этотъ привезенъ Гоголемъ изъ Петербурга, въ подарокъ матери), и трость изъ жилы пальмоваго листа, на которую Гоголь опирался въ своихъ странствованіяхъ по Святой Землѣ.

Итакъ, вотъ небольшой очеркъ Яновщины. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о жизн покойнаго и о времени, въ которое онъ особенно былъ близокъ къ мирному украинскому хуторку.

Авторъ статьи, напечатанной въ „Отечественныхъ Запискахъ“: *Нѣсколько словъ для біографіи Н. В. Гоголя*, говоритъ, что Гоголь родился въ *1808 году*, въ деревнѣ *Васильевкѣ*, какъ теперь называется хуторъ Яновщина. Н. В. Гоголь, по словамъ матери его, родился въ *1809 году*, *19-го марта*, въ селѣ *Сорочинцахъ*, которое находится верстахъ въ двадцати отъ Яновщины. До него г-жа Гоголь имѣла дѣтей, изъ которыхъ ни одно не жило болѣе нѣсколькихъ дней. Поэтому появленія на свѣтъ Николая Васильевича ожидали съ грустнымъ и, вмѣстѣ, тяжелымъ чувствомъ. Будетъ ли суждено новому ребенку остаться въ-живыхъ? Родился мальчикъ, котораго назвали Николаемъ. Новорожденный былъ необыкновенно слабъ и худъ. Долго опасались за его жизнь. Черезъ шесть недѣль онъ былъ перевезенъ въ Яновщину. Несмотря на слабый организмъ, онъ скоро показалъ, что не въ тѣлѣ сила человѣка. Трехъ лѣтъ отъ роду, не учась грамотѣ у учителя, онъ уже бѣгло читалъ и писалъ слова мѣломъ, запомнивъ алфавитъ по рисованнымъ, игрушечнымъ буквамъ...

Будучи пяти лѣтъ отъ роду, онъ вздумалъ писать стихи. Никто не помнитъ, какого рода стихи писалъ онъ; но вотъ что̀ осталось въ памяти его домашнихъ: „Извѣстный литераторъ нашъ, *Капнистъ*, заѣхавъ однажды къ отцу молодаго поэта, засталъ пятилѣтняго сына его за перомъ. Малютка Гоголь сидѣлъ за столомъ, глубокомысленно задумавшись надъ какою-то фразою. Капнисту удалось просьбами, ласками и другими средствами заставить новаго литератора прочесть свое произведеніе. Гоголь отвелъ Капниста въ другую комнату и тамъ прочелъ ему свои стихи... Капнистъ никому не сказалъ о содержаніи этихъ стиховъ. Онъ вышелъ къ домашнимъ Гоголя, глубоко тронутый, лаская и обнимая маленькаго писателя, и сказалъ: „Изъ него будетъ большой талантъ, дай ему только судьба въ руководители учителя-христіанина!“ Это намъ сообщилъ М. В. Гоголь. Что̀ же касается до

охоты автора „Мертвыхъ Душъ“ писать стихи, то она проявилась въ немъ впослѣдствіи еще не одинъ разъ. Кромѣ поэмы въ стихахъ, *Ганцъ-Кюхельгартенъ*, напечатанной имъ подъ псевдонимомъ Алова, укажемъ еще на стихотвореніе „*Россія подъ игомъ татаръ*“; это стихотвореніе никогда не было напечатано; Гоголь прислалъ его къ своей матушкѣ изъ Нѣжинскаго лицея, тщательно переписавъ его въ изящную книжечку, украшенную собственными его рисунками. Изъ всего содержанія этой эпопеи, къ сожалѣнію, увезенной изъ Яновщины черезъ нѣсколько лѣтъ самимъ авторомъ, матушка покойнаго помнитъ только окончаніе—слѣдующіе два стиха:

„Раздвинувъ тучки среброручны,
Явилась трепетно луна“.

Извѣстно, что впослѣдствіи, разгадавъ въ себѣ призваніе и начавъ писать прозою, Гоголь молчалъ о своемъ стихотворномъ поприщѣ. Онъ сжегъ своего „Ганца-Кюхельгартена“. Якимъ, человѣкъ его, о которомъ уже упомянуто въ „Отечественныхъ Запискахъ“, находится теперь въ Яновщинѣ. Я разспрашивалъ его объ этомъ сожженіи. Робкій и застѣнчивый Якимъ, бывшій камердинеръ Гоголя, а теперь дворецкій и ключникъ, разсказалъ мнѣ, что его баринъ точно однажды вдругъ пришелъ домой и послалъ его скупать и отбирать отданные на коммиссію книгопродавцамъ синенькіе экземпляры „Ганца-Кюхельгартена“. Шестьсотъ книжекъ сожжены безъ всякаго милосердія. Вотъ случай, обрисовывающій характеръ Якима. Узнавъ о смерти Пушкина въ 1837 году, онъ сидѣлъ въ передней и плакалъ.

— О чемъ ты плачешь, Якимъ?—спросили его.

— Какъ мнѣ не плакать... Пушкинъ умеръ!

— Да тебѣ то чтò? Развѣ ты его знаешь?

— Какъ чтó? какъ не знать?.. Помилуйте, да они такъ любили барина! Бывало, снѣгъ, дождь, слякоть въ Петербургѣ, а они въ своей шинелькѣ бѣгутъ съ Мойки, отъ Полицейскаго моста, въ Мѣщанскую, въ домъ Іохима-каретника, гдѣ мы жили!.. По цѣлымъ ночамъ просиживали у барина, слушая, какъ тотъ имъ читалъ свои сочиненія, а у насъ иногда и свѣчей своихъ не было!

Я разспрашивалъ Якима объ этомъ періодѣ жизни Гоголя, и онъ сообщилъ мнѣ много любопытнаго. Интересны его разсказы, объясняющіе отношенія первой тогдашней литературной славы къ Гоголю. Пушкинъ иногда приходилъ къ Гоголю въ кабинетъ и рылся въ его бумагахъ. Занимаясь „Дубровскимъ“, „Повѣстями Бѣлкина“ и „Капитанскою дочкою“, Пушкинъ съ любовію слѣдилъ за развитіемъ бу-

дущаго автора „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“. Вспомните отзывы Пушкина въ издаваемомъ имъ „Современникѣ“ о первыхъ повѣстяхъ Гоголя! Вспомните наконецъ его выноски, съ подписью—*Редакторъ*, къ повѣстямъ Гоголя, напечатаннымъ въ „Современникѣ“! Въ 1836 году Гоголь уѣхалъ вторично за границу. Наканунѣ его отъѣзда, по словамъ Якима, Пушкинъ просидѣлъ у него всю ночь на-пролетъ, читая ему свои произведенія и слушая отрывки изъ сочиненій Гоголя. Это было послѣднее свиданіе. Въ 1837 году Пушкинъ скончался, и Гоголь уже его не видалъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ.

Гоголя отдали въ ученіе въ Полтаву, а потомъ въ Нѣжинъ. Г. Кукольникъ говорилъ намъ, что Гоголь, его соученикъ по Нѣжинскому лицею, вообще былъ веселаго и предпріимчиваго характера. Онъ уже окрѣпъ, изъ хилаго ребенка вышелъ сильный и пылкій юноша, страстный до всего изящнаго и высокаго. На школьной скамейкѣ будущій сатирикъ и юмористъ переписывалъ для себя только-что выходившія въ свѣтъ поэмы Пушкина: „Цыгане“, „Полтава“, „Братья Разбойники“ и главы „Евгенія Онѣгина“. Онъ обыкновенно переписывалъ ихъ на самой лучшей бумагѣ и украшалъ рисунками собственнаго изобрѣтенія. Чтобы ознакомить читателей съ состояніемъ духа нашего поэта-юмориста въ этотъ періодъ времени, приведемъ здѣсь *четыре письма его*, писанныя имъ къ матушкѣ изъ училища. Первыя три письма относятся къ 1827 году, когда онъ былъ 18-ти лѣтъ. Приводимъ ихъ по порядку:

1-е.—„Почтеннѣйшая маменька! Къ числу мечтательностей своихъ иногда желаю быть ясновидцемъ, знать, чтò у васъ дѣлается, чѣмъ вы занимаетесь. И вѣрите ли, съ какимъ удовольствіемъ занимаюсь я отгадываніемъ всего, чтò васъ занимаетъ... Какъ вы проводили масляную? Весело ли? были ли у васъ веселыя собранія?—Извините, что закидываю васъ кучею вопросовъ. Обыкновенно человѣку, какъ говорятъ, порядкомъ повеселившемуся, всегда хочется сдѣлаться участникомъ другихъ, особливо ближайшихъ къ нему... Кто же ближе къ моему сердцу, какъ не вы, ваша радость, ваше удовольствіе. Посмотрите же, какъ я повеселился!..—Вы знаете, какой я охотникъ до всего радостнаго! Вы одни только видѣли, что подъ видомъ, иногда для другихъ холоднымъ, угрюмымъ, таилось желаніе веселости (разумѣется, не буйной!), и часто, въ часы задумчивости, когда другимъ казался я печальнымъ, когда они видѣли или хотѣли видѣть во мнѣ признаки сантиментальной мечтательности, я разгадывалъ науку веселой, счастливой жизни... Я удивлялся, какъ люди, жадные счастья, немедленно убѣгаютъ его, встрѣтившись съ нимъ!..

„Ежели о чемъ я теперь думаю, такъ это о будущемъ моемъ житьѣ-бытьѣ. Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, а съ нимъ

вмѣстѣ и служба Государю. До сихъ поръ я былъ счастливъ; но ежели счастіе состоитъ въ томъ, чтобъ быть довольну своимъ состояніемъ, то не совсѣмъ, не совсѣмъ, — до вступленія въ службу, до пріобрѣтенія, можно сказать, собственнаго постояннаго мѣста...

„Масляницу, всю недѣлю, мы провели такъ, какъ желаю всякому ее провести; мы веселились безъ-устали. Четыре дня сряду былъ у насъ *театръ*, и, къ чести нашей, всѣ признали единодушно, что изъ провинціальныхъ театровъ ни одинъ не годится противъ нашего! Правда, играли всѣ прекрасно. Двѣ французскія піесы — Мольèра и Флоріана; одну нѣмецкую — Коцебу, и русскія: „Недоросль“ Фонъ-Визина и др. Декораціи были отличныя, освѣщеніе великолѣпное, посѣтителей много, все пріѣзжіе и все съ отличнымъ вкусомъ. Музыка тоже состояла изъ нашихъ. Осмнадцать увертюръ Россини, Вебера и другихъ были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой провелъ теперь! Дай Богъ, чтобы вы провели его еще веселѣе!“

2-е. — „Позвольте, во-первыхъ, почтеннѣйшая маменька, поздравить васъ съ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія Христова. Думаю, что вы провели первые дни его хорошо; желаю и окончить его весело. Благодарю васъ за присылку денегъ; въ это время онѣ бываютъ мнѣ очень нужны. Мой планъ жизни теперь удивительно строгъ и точенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Каждая копѣйка теперь имѣетъ у меня мѣсто; я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ томъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ—видѣть и чувствовать *прекрасное!* Для него-то я, съ величайшимъ трудомъ, собираю все свое годовое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я сорокъ рублей — деньги весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу очень пріятно. Не забываю также и *русскихъ* и выписываю, чтò только выходитъ самаго отличнаго; разумѣется, что я ограничиваюсь немногимъ; въ цѣлые полугода я не пріобрѣтаю болѣе одной книжки, и это меня печалитъ чрезвычайно! Какъ сильно можетъ быть влеченіе къ хорошему! Иногда читаю объявленіе о выходѣ въ свѣтъ творенія прекраснаго — сильно бьется сердце... и съ тяжкимъ вздохомъ роняю изъ рукъ газету, видя невозможность имѣть его; мечтаніе—достать его, смущаетъ сонъ мой, и въ это время полученію денегъ я радуюсь болѣе самаго жаркаго корыстолюбца... Не знаю, чтò было бы со мною, еслибъ я еще не могъ чувствовать отъ этого радости; я бы умеръ отъ тоски и скуки! Это одно услаждаетъ разлуку мою съ вами. Вы рисуетесь въ свѣтлыхъ

мечтахъ моихъ. Давно ли я пріѣхалъ съ Рождества, а уже трехъ мѣсяцевъ какъ не бывало; половина времени до каникулъ утекла; еще половина, и я опять съ вами, опять увижу васъ и снова развеселюсь во всю ивановскую... Не могу надивиться, какъ весела, какъ разнообразна жизнь наша! Одно имя каникулъ уже приводитъ меня въ восхищеніе... Увидѣть всѣхъ родныхъ, всѣхъ близкихъ сердцу... очаровательно!"

3-е.—„Получилъ ваше письмо сегодня и къ моей горести узналъ, что вы больны! Я уже это замѣтилъ изъ одной краткости письма вашего, которому видно мѣшала много болѣзнь. Всегда нужно судьбѣ, въ самомъ удовольствіи покоя, въ которомъ я находился, зачернить начатокъ свѣтлыхъ дней ѣдкостію горя. Меня мучитъ ваша болѣзнь... Сдѣлайте милость, берегите себя...

Я не могу нарадоваться, вспомнивъ, сколько меня ожидаетъ дома близкихъ моему сердцу. Желаю, чтобъ этотъ годъ, какъ и всѣ будущіе, Богъ подарилъ намъ изобиліе, чтобы роскошь плодородія упитала счастливое наше жилище. Чтобы всѣ крестьяне наши были награждены съ избыткомъ за годичные труды свои. Здѣсь поговариваютъ о плодородіи этого года; я думаю, что и у васъ также; желательно мнѣ бы узнать объ этомъ отъ васъ. Также, водится ли что̀ въ саду нашемъ? Здѣсь и на фрукты урожай! Позвольте поговорить съ вами теперь касательно платья. Ежели посылать деньги, то не тогда, когда будете присылать за мной; нужно гораздо прежде, а то экипажъ всегда дожидается; тогда нужно метаться по всѣмъ портнымъ, и то еще ежели сыщешь, несмотря на дорогую плату. Я совѣтовалъ бы вамъ деньги отправить тотчасъ по полученіи моего письма; оно какъ-разъ и выйдетъ, что къ времени моего отъѣзда платье поспѣетъ, для чего нужно, по крайней мѣрѣ, три недѣли, а то мнѣ всегда за скоростью шьютъ на живую нитку...

„Присылайте за мною экипажъ поумѣстительнѣе, потому что я ѣду со всѣмъ богатствомъ вещественныхъ и умственныхъ имуществъ, и вы увидите *труды мои.* Теперь я оканчиваю посылать за себя представителей, то-есть письма. Черезъ двѣ недѣли явится творецъ ихъ, никогда неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, все тотъ же пламенный, признательный, никогда не загашавшій вѣчнаго огня привязанности къ родинѣ и роднымъ!"

4-е. — (Въ 1826 году, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о кончинѣ отца).

„Не безпокойтесь, маменька! Я этотъ ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ симъ извѣстіемъ; однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опеча-

ленъ; оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія; хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою... Но Богъ удержалъ меня, и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва замѣтную грусть, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему!—Благословляю тебя, священная Вѣра! въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ! я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга всего драгоцѣннаго моему сердцу!..“

Все это письмо проникнуто горячею любовью покойнаго къ роднымъ. Въ концѣ письма, во второй припискѣ, онъ прибавляетъ просьбу къ матушкѣ, выслать ему десять рублей на покупку курса русской словесности. *„А собственно для меня,—заключаетъ онъ,—не нужно ничего“*.

Семнадцатилѣтній мальчикъ въ отдаленномъ провинціальномъ городкѣ, въ школѣ, за годовое жалованье свое выписывающій изъ Лемберга Шиллера, невольно остановитъ вниманіе каждаго. Все занимало и волновало его! Минуты даромъ онъ не терялъ еще съ раннихъ лѣтъ своего дѣтства.

Первые годы юношескаго возраста онъ провелъ вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, Иваномъ, рано похищеннымъ смертью. Отецъ Гоголя часто ѣздилъ въ поле со своими сыновьями и дорогою задавалъ имъ темы для импровизацій: „солнце“, „степь“, „небеса“. Старшій сынъ всегда отличался изумительною находчивостью въ импровизаціяхъ... Отецъ Гоголя самъ писалъ; труды его состояли изъ театральныхъ, комическихъ пьесъ, написанныхъ для домашней сцены въ семействѣ Трощинскихъ, которые постоянно ласкали и отца, и сына Гоголей. Эти комедіи Гоголь, при отъѣздѣ въ Петербургъ, послѣ смерти отца взялъ съ собою для того, чтобъ напечатать ихъ. Неизвѣстно, какой участи подверглись онѣ въ Петербургѣ, потому что ихъ никто и нигдѣ болѣе не видалъ, за исключеніемъ выписокъ изъ нихъ, послужившихъ эпиграфами къ нѣкоторымъ повѣстямъ Гоголя.

Смерть младшаго брата, Ивана, до того поразила Николая Васильевича, что принуждены были перевести его изъ Полтавы въ Нѣжинъ, чтобы отвлечь его мысли отъ могилы брата. По окончаніи курса въ Нѣжинскомъ лицеѣ, Гоголь былъ увезенъ А. С. Д—скимъ въ Петербургъ, гдѣ занимался снова науками, въ особенности иностранными языками и живописью. Въ 1829 году онъ неожиданно уѣхалъ за границу. — Извѣстны послѣдствія этой фантастической поѣздки. Гоголь пріѣхалъ въ Любекъ, написалъ оттуда письмо къ матери, которое мы сами читали, описалъ ей подробно всѣ муки своего разочарованія въ

мѣстахъ, которыя онъ такъ жаждалъ увидѣть, къ письму приложилъ очеркъ перомъ улицы, въ которой нанялъ себѣ помѣщеніе, скоро увидѣлъ близкій конецъ своихъ денегъ и съ грустью возвратился въ Петербургъ.

1852 годъ.

II.

Дивногорскъ.

(Очеркъ изъ путевыхъ замѣтокъ).

Кто слыхалъ въ Россіи о Дивногорскѣ? Кто слыхалъ у насъ о Дивáхъ, какъ его еще называютъ туземцы? Кто знаетъ изъ читателей нашихъ, что на крутомъ берегу Дона, въ восемнадцати верстахъ отъ города Острогожска, при впаденіи рѣки Тихой-Сосны въ Донъ, возвышается гребень каменистыхъ горъ, на которомъ бѣлѣетъ шестнадцать столпообразныхъ, мѣловыхъ утесовъ, темный дубовый лѣсъ и тихая пустынь отшельниковъ? Еслибы кто изъ читателей вздумалъ обратиться къ нашимъ литературнымъ источникамъ, то ни въ одной книгѣ путешествій и описаній мѣстъ достопримѣчательныхъ онъ не нашелъ бы извѣстія о Дивногорскѣ [1]). А между тѣмъ, въ этой пустыни, въ мѣловыхъ холмахъ, устроены тихія жилища людей, которымъ стали бѣдны приманки жизни суетной; по стѣнѣ скалъ плетется улиткообразная лѣстница, по уступамъ каменнымъ лѣпятся изсѣченныя и давно покинутыя въ мѣловомъ кряжѣ келіи, въ каменныхъ, громадныхъ столбахъ, вознесшихся надъ бездною, продѣланы входы и устроены церкви, и наконецъ Петръ Великій, во время Азовскаго похода, идя изъ Воронежа внизъ по теченію Дона, здѣсь молился о будущей побѣдѣ за Русь, здѣсь отдыхалъ съ кораблями-барками и любовался съ колоссальныхъ горъ равниною Придонскаго прибрежья.

Нѣсколько лѣтъ назадъ авторъ этого очерка, проѣзжая изъ города Бирюча въ Острогожскъ, въ слободкѣ Александровскомъ, въ мѣстахъ родины нашего заслуженнаго профессора А. В. Никитенко, разговорился съ старымъ хуторяниномъ, помнившимъ А. В. Никитенко еще въ дѣтствѣ, и узналъ отъ него, что въ семи верстахъ отъ большой дороги лежитъ монастырь, куда рѣдко завертывала нога русскихъ

---

[1]) Нѣсколько строкъ мы находимъ о Дивногорскѣ въ „Полномъ собраніи историческихъ свѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ“, Александра Ратшина. Москва 1852 года.

путниковъ. Я своротилъ изъ Коротояка вправо, и скоро Донъ заблисталъ передо мною своими синими водами. Это были тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда носились мысли Бориса Годунова, воздвигавшаго по южнымъ степямъ оплотъ противъ крымцевъ и ногайцевъ. Острогожскъ — одна изъ тѣхъ крѣпостей, которыя онъ построилъ на такъ-называемой Бѣлгородской линіи или Бѣлгородской чертѣ, вмѣстѣ съ тремя Бѣлгородами, Чугуевомъ, Салтовомъ, Харьковомъ и Цареборисовомъ, которому далъ свое живописное въ исторіи вѣка имя. Нѣкоторыя изъ этихъ, сильныхъ тогда крѣпостей стали городами, другія слободами, а третьи, какъ Салтовъ, на берегу Донца, даже и имени слободъ теперь не удержали. То было время смутъ и бѣдствій; дикія орды разоряли слободскія поселенія, и все жалось за стѣнами крѣпостей. Въ Острогожскѣ, на площади, гдѣ теперь соборъ, по увѣренію одного жителя его, было тогда въ одномъ мѣстѣ до десяти церквей: такъ тѣснились предки наши въ Малороссіи даже съ своими храмами! Незадолго до присоединенія Малороссіи къ родной Россіи царя Алексѣя Михайловича, именно въ 1640 году, какъ говорятъ туземцы, выходцами изъ Кіева былъ основанъ Дивногорскій мужской монастырь. До 1786 года онъ процвѣталъ приношеніями сосѣднихъ богомольцевъ и трудами братіи, пополнявшейся изъ разныхъ отдаленныхъ пустыней и, между прочимъ, изъ Святогорскаго монастыря, близъ Изюма. Въ 1786 году онъ упраздненъ, вмѣстѣ съ многими тогдашними монастырями, и земли его отошли въ казну. Но, во время холеры 1831 года, народъ, стекавшійся изъ окрестныхъ мѣстъ на поклоненіе святынѣ древняго мѣста, сталъ получать чудотворное исцѣленіе отъ иконы Богоматери въ монастырскомъ храмѣ, и пустынь была возобновлена. Вотъ, въ немногихъ словахъ, мѣстность Дивногорскаго монастыря. По уступамъ мѣловыхъ горъ, которыя угломъ упираются къ Дону и у подошвы своей образуютъ обширные, зеленые луга, вправо возвышаются шестнадцать колоссальныхъ столбовъ, — каменныхъ пирамидъ, образовавшихся отъ обваловъ горы, и иные изъ этихъ столбовъ имѣютъ до пяти и семи саженъ вышины. Въ одномъ изъ этихъ столбовъ, надъ отвѣсомъ горы саженъ въ пятнадцать, словно въ воздухѣ виситъ высѣченная въ известнякѣ церковь, во имя Іоанна Крестителя. Сюда ведетъ, карабкаясь съ камня на камень, змѣеобразная лѣстница, и едва поднимешься надъ бездною, едва блеснетъ надъ церковью бѣлый крестъ,— чудные виды степей, по которымъ катятся серебряныя волны ковыли, виды луговъ, съ пѣснями пастуховъ и погонщиковъ, съ моремъ камышей по берегамъ Дона, и вечеромъ—огни рыбацкихъ костровъ, разложенные послѣ обильной ловли, открываются съ маковки горнаго хребта. Влѣво по уступамъ горъ, вдали, среди садовъ и лѣса, зеленѣетъ крыша монастырской церкви и бѣлѣютъ зданія отшельнической

братіи. Здѣсь, проѣхавши дорогою, прорѣзанною усиленными трудами въ известнякѣ, надъ самою окраиною горнаго отвѣса, путникъ встрѣчаетъ прежде всего низенькую, кое-какъ сложенную плотину, на которой сидятъ дѣти кочующихъ рыбаковъ и ловятъ удочками мѣстную, необыкновенно вкусную, рыбку бирючь, которою такъ славятся кухни окрестныхъ Придонскихъ городковъ, и чуть ли самый городъ Бирючь не получилъ своего имени отъ этой рыбки. Въ самомъ монастырѣ двѣ церкви: одна во имя Успенія Богородицы, при которой придѣлъ Николая Чудотворца, и другая во имя Владимірской иконы Богоматери. Отъ первой церкви ко второй ведетъ, поднимаясь въ гору, деревянная лѣстница. Въ верхней церкви есть пещеры, какъ повѣствуютъ туземцы, вырытыя, на пространствѣ почти шестидесяти саженъ во внутренность горы, кіевскими монашествующими пришельцами. Живопись въ обѣихъ церквахъ новѣйшая, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ иконъ, запечатлѣнныхъ слѣдами древности. Монастырскія келіи необыкновенно уютны, чисты, красивы. Малая числомъ братія—велика духомъ подвижничества и трудовъ на пользу спасенія душевнаго. Всѣ жизненные припасы пріобрѣтаются личными работами братіи,—потому что кружка для вкладовъ постороннихъ подаяній никогда не бываетъ богата сборомъ, и скудныя денежныя средства монастыря восполняются трудами обитателей его.

Не ищите лѣтописей въ этой пу́стыни, не ищите въ ней краснорѣчивыхъ историческихъ сказаній: страницы монастырской исторіи написаны на каменныхъ столбахъ и пирамидахъ, — на этой великой книгѣ окрестной природы! Что-то необыкновенное чувствуется въ этихъ тихихъ, картинныхъ мѣстахъ! Надъ тонущею въ сумерки окрестностью, на вершинѣ горы, вправо, гдѣ въ каменной пирамидѣ стоитъ церковь, въ бесѣдѣ съ полуслѣпымъ, бѣднымъ сторожемъ пустыннаго храма, видятся надъ Дономъ иныя времена и иные люди! Великій изъ великихъ выходитъ на берегъ, какъ повѣствуетъ клочекъ страницы въ ветхомъ молитвенникѣ пустынной церкви, выходитъ на берегъ среди своихъ сподвижниковъ, и молится за отчизну; русскіе корабли-лодки, наполненные войскомъ, качаются подъ парусами у берега, и на яркомъ кострѣ дымится скромный ужинъ царя, у котораго во власти полміра...

А вотъ, за перелѣскомъ, выше столбовъ и выше монастыря, — развалины городища, земляныя, размытыя укрѣпленія, холмы и бастіоны, наугольники и бойницы! Это—дозорный пунктъ надъ окрестностью, видимою отсюда верстъ на пятьдесятъ кругомъ, другихъ вѣковъ и другой образованности: это—городище временъ скиѳскихъ, временъ Геродота, переселенія народовъ и близкаго водруженія животворящаго креста апостоломъ Андреемъ надъ холмами кіевскими, надъ купѣлью будущей отчизны русскихъ!

И въ виду этихъ живыхъ скрижалей, надъ которыми вьются тѣни сарматовъ и Аттилы, дикихъ ордынцевъ и Бориса Годунова, и не менѣе грозныхъ Османовъ Азова, на берегу Дона, между тростниковъ и прибрежныхъ порослей, у перевоза на паромѣ, чернѣютъ соломенные курени рыбаковъ. Обѣ ночи, въ двое сутокъ, прожитыхъ мною близъ Дивногорска, я провелъ подъ крышами этихъ куреней...

Рыбаки изъ окрестныхъ селъ и городовъ—типъ совершенно оригинальный. Это смѣсь малороссійскаго степнаго типа съ типомъ рыбаковъ русскихъ, рыбаковъ по большимъ срединнымъ русскимъ рѣкамъ. Набожная степенность и молчаливость ихъ лишь изрѣдка нарушаются празднымъ разгуломъ, когда, въ пестрыхъ рубахахъ и широкихъ малороссійскихъ шароварахъ, они наполняютъ торговыя площади и, среди короткаго веселья, проживаютъ нажитое долгимъ трудомъ. Разсказы этихъ рыбаковъ любопытны, какъ и самый дикій, пустынный образъ ихъ жизни. Вѣчно на водѣ, вѣчно на-готовѣ, боясь спугнуть чуткую водную добычу, они представляютъ любопытную смѣсь осторожности и дикости, таинственности и безстрашія. Нѣкоторые между ними слывутъ за отличныхъ пѣсенниковъ, другіе за балагуровъ-сказочниковъ. Здѣсь слышатся пѣсни про близкія Прикаспійскія станицы и киргизовъ, про Крымъ и сказочное взятіе Азова. Стихи, распѣваемые въ другихъ мѣстахъ слѣпцами, стихи религіозные—также здѣсь поются иногда на зарѣ, въ тихій майскій вечеръ. Вотъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя пѣлъ Викентій Туловъ, рыбакъ изъ-подъ Воронежа, въ одну изъ ночевокъ, проведенныхъ авторомъ на берегу Дона, въ рыбацкихъ куреняхъ.

Пѣсня про двухъ братьевъ.

— „Ой, изъ Крыму ли, братцы, изъ Ногаева,
И стояли тутъ орды Ордынскія;
А и ѣхали два брата родимые,
Родимые, одной матери.
Подъ большимъ братомъ конь уставаетъ,
А меньшой за большаго умираетъ.
Охъ ты гой еси, мой братъ ты родимый,
А родимый, одной матери!
А я тебя, братецъ, посверстнѣе,
Посверстнѣе, послабѣе,—
И пѣшъ путь-дороженьку пройду!
Когда было добру молодцу время,
Бусурмане молодца почитали;
Вотъ, какъ стало молодцу безвременье,
Никто уже молодца не почитаетъ,
Не почитаетъ, не поважаетъ,
А и самъ се молодецъ разсуждаетъ:

Соколъ ли на семъ свѣтѣ не птица.
Кречетъ ли во міру семъ не удача,—
На его тожъ безвременье бываетъ,
Онъ пѣшъ да по чисту полю гуляетъ.
Худая же малая птица,
Птица малая синица, —
И та надъ соколомъ насмѣялась,
Напередъ его синица залетѣла".

Эта пѣсня, вѣроятно, потерпѣла измѣненія; въ спискѣ народныхъ былинъ Кирши Данилова есть ея варіантъ [1]).

Что касается стиховъ религіознаго содержанія, то два сообщенные мнѣ Викентіемъ Туловымъ очень мало разнятся отъ напечатанныхъ въ сборникѣ Г. Кирѣевскаго [2]). Рыбакъ зналъ цѣлую пѣсню о „Пу́стыни" и о „Грѣшной душѣ". Изъ „Адамова плача" зналъ окончаніе. Особенно слово въ слово сохранились въ его памяти слѣдующіе, полные красоты, стихи изъ „Адамова плача". Туловъ очень часто вращался среди семинаристовъ воронежскихъ, и потому неудивительно, что, при его любознательности и дарованіи музыкальномъ, онъ удержалъ болѣе въ памяти эти отрывки:

— „Оставимъ мы злобу,
Воспріемлемъ кротость!
Возлюбимъ мы нищихъ,
Убогую братью;
Обуемъ мы босыхъ,
Одѣнемъ мы нагихъ, —
Одѣнемъ мы нагихъ
Своимъ одѣяньемъ!
Проводимъ мы мертвыхъ
Отъ двора до церкви,
До Божьяго храма,—
Съ ярыми свѣчами,
Съ горькими слезами!
Прижмемъ руки къ сердцу,
Прольемъ слезы къ Богу,
И воззримъ мы, братье,
На дубовы гробы:
Ой вы, гробы-гробы,
Превѣчные домы, —
Сколько намъ ни жити,
Васъ не миновати!"

Кромѣ стиха „до Божьяго храма", прибавленнаго въ пѣснѣ Тулова, весь отрывокъ вѣренъ тексту Г. Кирѣевскаго.

---

[1]) Варіантъ этотъ въ „Древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ, собр. Киршею Даниловымъ", въ изданіи 1818 г.

[2]) См. Чтенія Импер. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1848 года, № 9.

Замѣчу кстати, что рыбакъ Туловъ прежде ходилъ, какъ мнѣ разсказывали, съ кружкою на построеніе храма въ ближнемъ селѣ; но потомъ взялъ неводъ, сталъ работать, разбогатѣлъ, крестилъ трехъ внучатъ и часто ѣздитъ къ пятой дочкѣ своей въ гости, которая замужемъ за гуртовщикомъ подъ Воронежемъ, посылающимъ въ Петербургъ рогатый скотъ стадами.

На третій день, передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Дивногорска, прибѣжалъ ко мнѣ четырнадцатилѣтній мальчикъ, Саша, сынъ другаго рыбака изъ Коротояка, и, за кремень съ походнымъ стальнымъ огнивомъ (во время послѣднихъ поѣздокъ по Украйнѣ я постоянно запасался перстнями, лентами, серьгами, чумацкими трубками и тому подобными вещами, для обмѣна ихъ на пѣсни и преданія), сообщилъ мнѣ сказку о „Ледяной дочкѣ", на малороссійскомъ языкѣ, чисто-степную, которую я, впрочемъ, узналъ еще и въ русскомъ варіантѣ, и потому представляю ее здѣсь подъ тѣмъ именемъ, подъ которымъ она сообщена по-русски. Признаюсь, въ этой сказкѣ особенно выяснился тотъ самобытный поэтическій тактъ, которымъ такъ богаты наши малороссійскія сказки, полныя простоты и живописности, безъ всякой натяжки и неестественной фантастичности, преобладающей въ легендахъ востока. Въ сказкахъ малороссійскихъ постоянно, даже и при картинахъ душевнаго горя, рисуется какое-то таинственное, мечтательное довольство окружающимъ, причудливая способность передавать человѣческія страсти и человѣческія мысли предметамъ неодушевленнымъ, поражающимъ вниманіе человѣка. Всѣ эти сказки родились не въ мірѣ призраковъ сказокъ германскихъ, испанскихъ и швейцарскихъ, не въ мірѣ отвлеченныхъ идеаловъ, а, если можно такъ выразиться, въ мірѣ людей, въ сосѣдствѣ людей, въ кругу человѣческой обыденной жизни и обыденной дѣятельности. Вотъ сообщенная мнѣ сказка.

Снѣгурка.

„Жили-были дѣдъ да баба,
Не было у нихъ дѣтей:
И сидѣли подъ окошкомъ,
Горевали дѣдъ и баба, —
А на улицѣ изъ снѣгу
Вереница ребятишекъ
Гору снѣжную лѣпила.
„Не пойти ль и намъ на старость, —
Молвилъ бабѣ дѣдъ съ усмѣшкой, —
Полѣпить шаровъ изъ снѣгу?"
— Что-жъ! пойдемъ!—съ усмѣшкой также
Баба дѣду отвѣчала: —
Старость наша—то же дѣтство! —
И шары лѣпить изъ снѣгу
Принялися дѣдъ и баба.

„Что вы дѣлаете, старцы?"—
Отозвался голосъ тихій, —
И прохожій съ бородою
У воротъ остановился.
— Лѣпимъ дитятко!—съ усмѣшкой
Отвѣчали дѣдъ и баба.
„Богъ же въ помощь, Божьи люди!"—
Молвилъ, кланяясь, прохожій
И, какъ тѣнь, исчезъ въ потемкахъ.
Лѣпитъ дѣдъ изъ снѣгу ножки,
Лѣпитъ носикъ, лѣпитъ ротикъ, —
Только вдругъ изъ губокъ бѣлыхъ
Теплый паръ повѣялъ струйкой,
Глазки синіе раскрылись,
И красавица-снѣгурка,
Отряхая мелкій иней,
Передъ старцемъ встрепенулась,
Встрепенулась, какъ живая.
„Крошка!—молвила старуха:—
„Будь отнынѣ нашей дочкой!"
И, въ тулупъ закутавъ теплый,
Унесла снѣгурку въ хату.

Вотъ, идутъ за днями ночи,
За ночами дни проходятъ;
Не по днямъ, не по минутамъ
Хорошѣетъ и милѣетъ
Русокудрая снѣгурка.
Не успѣли дѣдъ и баба
Встрѣтить первые морозы,
Стала дѣвушкой-рѣзвушкой
Русокудрая снѣгурка!
Не успѣли дѣдъ и баба
Встрѣтить первыя метели,
Стала пышною невѣстой
Русокудрая снѣгурка!
Не успѣли дѣдъ и баба
Наварить къ веселью браги,
Женихи, какъ листья въ осень,
Къ нимъ посыпались въ ворота,
И, любуясь кралей-дочкой,
Бабѣ дѣдъ шепталъ тихонько:
Ну, какъ знаешь, пани-матко,
„А пора встрѣчать и сватовъ!"

Только вотъ, тепломъ пахнуло,
Потянулъ весенній вѣтеръ,
И затаяли потоки.
И, когда тепломъ пахнуло,
Потянулъ весенній вѣтеръ

И затаяли потоки, —
Призадумалась, замолкла
И головкою поникла
Русокудрая снѣгурка...
Разъ, зарей вечерней было,
Вышелъ дѣдъ, присѣлъ на призбѣ
И тихонько бабѣ молвилъ:
„Погляди, какою павой
„Выступаетъ наша дочка!"
А красавица-снѣгурка,
Коромысло взявъ на плечи,
Отъ колодца — отъ криницы
Шла, былинкой изгибаясь
И былинкой колыхаясь,
Вся въ дукатахъ, вся въ гранатахъ!
Только вдругъ остановилась,
Протянула въ воздухъ руки
И тихонько стала таять,
Стала таять, словно свѣчка,
Заклубилась легкимъ паромъ
И на небо улетѣла...

Прибѣжали дѣдъ и баба,
Покачали головою
И примолвили печально:
„Не ужиться пташкѣ въ клѣткѣ,
А душѣ на этомъ свѣтѣ!"

Слышанное мною въ окрестностяхъ Дивногорска гармонировало съ картинами чудной пустыни, съ картинами монастыря, этого жилища отошедшихъ отъ жизни для вѣчности, какъ бы висящаго на воздухѣ, съ своими столпообразными утесами и лѣсами, съ каменными дорогами и развалинами древняго городища. Историческія пѣсни и историческіе берега, волны Дона и память о Петрѣ Великомъ, богатая степная природа и бѣдность человѣческаго духа, жалкая передъ этими дивами-горами и дивами-лѣсами, наконецъ отшельническая братія и сказочная легенда о бренности человѣческой красоты и силы, этихъ гостей тлѣннаго міра, олицетворенныхъ въ бѣдной снѣгуркѣ, — все это оставило во мнѣ глубокія впечатлѣнія, и я навсегда сохраню въ себѣ память о Дивногорскѣ! Тѣмъ болѣе сохраню эту память, что нигдѣ, ни въ глубинѣ Россіи, ни въ окрестностяхъ Кіева, ни въ срединѣ Украинскихъ степей, я не видѣлъ ничего подобнаго причудливой и очаровательной красотѣ Дивногорска. Одинъ Георгіевскій монастырь на южномъ берегу Крыма поспоритъ съ Дивногорскомъ очаровательностью своей полуденной природы.

1853 г.

III.

АРАКЧЕЕВСКІЯ ПОСЕЛЕНІЯ НА УКРАЙНѢ.

„Я не безмолвствовалъ о налогахъ въ мирное время, о грозныхъ военныхъ поселеніяхъ...“ (Разговоръ 1824 года. „Для потомства“. Изд. 1862 г.).

Карамзинъ.

Съ поставщикомъ лѣса на постройку сосѣдняго этапнаго зданія мы стояли, облокотившись о ворота постоялаго двора, въ деревушкѣ Андреевкѣ и смотрѣли черезъ заборъ.

Невдалекѣ отъ насъ толпа поселянъ возилась, ломая и разбирая кирпичныя стѣны какого-то обширнаго зданія. Кирпичъ, сложенный въ кучи правильными рядами, тутъ же накладывался на возы, вереницы которыхъ разъѣзжались въ разныя стороны; бревна потолковъ, доски половъ, стропила и красивая черепица крыши, двери и оконныя рамы также лежали кругомъ по засоренному штукатуркой двору, поочереди накладывались на воловъ и подводы и развозились.

— „А труда-то, труда, а денегъ-то потрачено было на все это!“ — сказалъ со вздохомъ Иванъ Алексѣичъ: — „Вотъ поднялся бы изъ гроба-то графъ Аракчеевъ, да посмотрѣлъ бы теперь на дѣло рукъ своихъ!“

— „А что такое?“

— „Да какъ же! Подумайте: эти зданія, комитеты-съ разные, да правленія, да военныя рабочія команды, госпитали-съ, дома для генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ-съ, не говоря уже о манежахъ зимнихъ и лѣтнихъ, конюшняхъ и даже каменныхъ заборчикахъ, все теперь велѣно упразднить, продать съ аукціона-съ, съ молотка! Жалость да и только! Ажно слезы прошибаютъ, глядючи теперь на все это“...

Старикъ отеръ дѣйствительно слезы, тихо вздохнулъ и мутнымъ, боязливымъ взоромъ снова окинулъ толпу, копошившуюся надъ разбираніемъ кирпича.

— „Батюшки, батюшки! Что это дѣлается!“ — повторялъ онъ,

оглядываясь по сторонамъ:—„вонъ гдѣ еще недавно и вывѣска золотая висѣла!.. Давно ли мы въ это зданіе, въ этотъ комитетъ съ почтеніемъ входили, шапки еще на дворѣ снимали; кругомъ толпились сторожа, дежурные, лекзекуторы, ехрейторы; полотеры каждодневно съ швабрами полы мыли; а тамъ полсотни писарей сидѣло, все столы да столы, чинно такъ, бумагъ груды... Войдешь, бывало, станешь у дверей и обомлѣешь: скрипъ перьевъ такой, какъ вотъ черви-съ, ей Богу, на шелкозичной плантаціи въ Чугуевѣ точатъ листики. Всѣмъ дѣламъ были эти леестры, ко всякой особѣ писались отношенія и предложенія, а къ мелкой сошкѣ, волостнымъ маіорамъ что ли, положимъ, предписанія; а тѣ, въ свою очередь, рапорты, донесенія, объясненія, и со всего этого еще копіи оставались... А теперь? Пришелъ я намедни въ ихнее теперешнее, мужицкое значитъ правленіе: сидитъ за краснымъ столомъ рыло въ бородѣ—голова, а сборщикъ почтительно ему на словахъ какое-то дѣло поясняетъ, и оба въ сермягахъ, косматые... Тьфу! Я ажно плюнулъ и вышелъ! Нужно было попросить этого голову лѣску ссудить изъ назначеннаго къ продажѣ; мнѣ даже очень нужно было его попросить. А не попросилъ, потому что рыло неотесанное... Ну, какъ я, капитанъ въ отставкѣ, попрошу его?"

— „Оттого у васъ, Иванъ Алексѣевичъ, этапъ и не подвигается въ постройкѣ"...

Старикъ оправился, хотѣлъ что-то сказать и опять прищурилъ глаза къ сторонѣ кирпичныхъ кучъ.

— „Вонъ еще пять лѣтъ назадъ, въ каждой деревушкѣ, тутъ при въѣздѣ, такъ парадно шланбаумъ былъ устроенъ, абафта-съ подъ крышечкой красовалась. Наѣдутъ, при передвиженіи съ мѣста на мѣсто, полковые; часовой сейчасъ къ шланбауму, и патруль на площадку къ абафтѣ-съ, такъ ночью запоздаетъ бывало мужикъ съ возомъ сноповъ съ поля, и того прежде остановятъ и спросятъ, а потомъ уже пропустятъ..."

— „А теперь? Развѣ вы недовольны тѣмъ, что, заснувши смиренно въ тарантасѣ, не боитесь болѣе головы разбить о ненужную и дикую въ этихъ пустыхъ мѣстахъ перекладину?"

— „Теперь-то? А вотъ я что вамъ доложу. Давеча я ѣхалъ черезъ Осиновку; мальчишки собрались гурьбой на площадку тамошней абафты и давай въ мяча въ этакомъ-то, такъ сказать-съ, святомъ и почтенномъ мѣстѣ играть, гдѣ и полковники прежде подъ арестомъ сиживали и уважительной стопой чуть дотрогивались, ступая ножками, до тамошняго помоста, а одинъ сорванецъ взлѣзъ на самый брусъ шланбаума, осѣдлалъ его, какъ конька, и лупитъ его по ребрамъ плеточкой".

Мы помолчали. Старикъ грустно понюхалъ табаку.

— „Скажите, Иванъ Алексѣевичъ, много хлопотъ стоили дѣйствительно эти поселенія Аракчееву?“

— „И не говорите, и не говорите! Бывало, налетитъ сюда грозой; какъ разгремится, какъ взорветъ его, и пошелъ, и пошелъ; за сто верстъ щепки, за пятьдесятъ стружки летѣли. Ну, а потомъ уже здѣшнее начальство и усвоило себѣ его поведеніе. И само, до послѣдняго человѣка, иначе и не вело себя, какъ пріѣдетъ каждый въ свою палестину: тоже порядкомъ и разгремится, и взорветъ его непремѣнно нелегкая, и стружки, и щепки летятъ далеко. Поселяне непремѣнно въ мундирныхъ кафтанахъ и фуражкахъ форменныхъ за плугами ходятъ, по формѣ усы и бакены носили,—бороды имъ воспрещены были; а наѣдетъ власть какая, всѣмъ это сейчасъ смотръ, выстроятъ во хронтъ и смотрятъ. У каждаго безвыходно солдатъ на кватерѣ стоитъ съ лошадью; значитъ, ты хозяинъ, корми солдата, корми и лошадь его. Много въ первое время это причинило непріятностей въ народѣ: знаете, тамъ жена у иного невѣрна оказалась, тамъ, положимъ, отъ тѣсноты и всякой помѣхи затосковалъ самъ мужъ, а послѣ все обошлось. Къ смотрамъ это, правда, бывало, въ рабочую пору, улицы подметали, канавки, родъ тротуаровъ по улицамъ вездѣ устраивали; песокъ издалека везли къ казеннымъ зданіямъ. Зато вездѣ порядокъ былъ; все въ аккуратъ дѣлалось...“

— „Что же теперь тутъ не въ аккуратъ дѣлается?“

— „Что? И вы еще спрашиваете? А пирамидки кирпичныя по дорогамъ куда дѣлись? А?“

— „Ну? Не знаю...“

— „Какъ ну? Для чего пирамидки устраивались? Отвѣчайте! Вѣдь онѣ замѣняли по дорогамъ версты, и въ то же время служили знаками въ зимнее время, въ метели, когда въ степи какъ разъ собьешься съ дороги. Что же сдѣлало съ ними теперь это мужичье? Чуть ихъ расформировали, чуть они выбрали себѣ этихъ головъ да старшинъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ по ночамъ разломали всѣ эти пирамидки и развезли по домамъ на поправку печей. Мы, дескать, и такъ зимою найдемъ дорогу. Тычки изъ вѣтокъ поставимъ, какъ у государственныхъ крестьянъ, сосѣдей нашихъ, заведено, а кирпичъ мы дѣлали, мы пирамидки ставили и беремъ ихъ себѣ. Ихъ судили, штрафовали, да такъ и бросили дѣло“.

За спиной нашей послышался голосъ:

— „Надоѣло намъ, Иванъ Алексѣевичъ, бѣлить ихъ послѣ дождей, да глиной подмазывать на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ въ разныхъ мѣстахъ!“—сказалъ подошедшій къ намъ торговецъ бакалейной лавочки, также изъ поселянъ:—„Заслышитъ начальство, что ѣдетъ какая-нибудь, даже, такъ сказать, простая особа, изъ особъ

за-урядъ, сгоняй поселянъ, чини пирамидки. Вотъ мы, какъ дѣти, и посѣкли самую розочку-то съ дуру. Глупы мы, что дѣлать, Иванъ Алексѣевичъ! Я уже и самъ своимъ говорилъ..."

— „И ты тоже, съ своимъ рыломъ, туда же суешься!"—злобно зашипѣлъ старикъ:—„Ужъ далъ бы удовольствіе молодымъ господамъ языки чесать! А то и мы съ своими дегтярными чоботами въ ихъ барскія палаты затесались..."

Купчикъ запахнулся полами синяго кафтана, вздохнулъ, взглянулъ разсѣянно черезъ заборъ и сказалъ:

— „Вы, сударь, про все разспросили Ивана Алексѣевича?"

— „Почти..."

— „Спросите ихъ, какъ они офицерскій чинъ получили. Вѣдь они тоже изъ нашихъ, изъ кантонистовъ вышли..."

Старикъ позеленѣлъ. Табачная капля сбѣжала ему на фіолетовый, растерявшійся и въ досадѣ вилявшій носъ, и долго онъ ловилъ ее концомъ также дрожавшаго клѣтчатаго платка.

— „Я чинъ получилъ по заслугѣ! Такъ-то-съ! Былъ у насъ окружной изъ нѣмцевъ, злюка изъ злюкъ, и такой уже аккуратистъ, что куда мы всѣ привычны были къ чистотѣ и къ порядку, а гдѣ бывало онъ корень пуститъ, ажно тошно смотрѣть на него, душу вонъ воротитъ. Имѣлъ я должность, знаете, крошечную такую, съ пуговку—за конюшнями надзиралъ, а хотѣлось получить мѣстечко доходное, гдѣ нуженъ былъ офицерскій чинъ. Я же былъ изъ кантонистовъ ундеромъ. Ну, я и выдумалъ, когда ожидали въ нашъ округъ этого нѣмца, такой рисунокъ кирпичнаго заборчика, что когда онъ пріѣхалъ, да метнулъ въ сторону нечаянно на него взглядомъ, такъ изъ коляски даже сейчасъ вышелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ возлѣ него, смотрѣлъ, даже заплакалъ отъ радости. А заборчикъ вышелъ весь сквозной, точно изъ дерева, прорѣзной. Дѣлала его цѣлая рабочая рота, день и ночь трудилась. Вышло красиво, только непрочно; пойдетъ корова, почешется и вывалитъ стѣнку. Но, соблюдая благолѣпіе улицъ, мы дали приказъ: не допускать коровъ чесаться о заборы въ той деревушкѣ, и дѣло обошлось. Графъ пріѣхалъ, за заборчики того нѣмца по плечу потрепалъ, къ себѣ на обѣдъ пригласилъ, да разсердившись тутъ же на одного начальника изъ русскихъ князьковъ за вольнодумство, при всемъ сопровождавшемъ его генералитетѣ, и гаркнулъ: „Я васъ, сударь, знать не хочу, что вы ваше сіятельство; вы передо мной рядовой солдатъ, а въ вашей дистанціи у поселянъ лица все еще бунтовщиками смотрятъ, у трехъ бакенбарды этакими стогами сѣна запущены, все еще на бороды смахиваютъ. Отставляю васъ отъ должности! Берите примѣръ съ *корнета Васильева*: онъ не только усерднѣйшій слуга Его Величества, Государя и Благодѣтеля моего, но при-

томъ и успѣшный прожектеръ. Взять, судари мои, примѣръ съ его заборчика во всѣ поселенія!" — „Слушаемъ!" — отвѣтили раболѣпно всѣ начальники, стоя передъ графомъ на аудіенціи. — „Смѣю доложить", — прибавилъ мой окружной: — „Васильевъ не корнетъ, а унтеръ-офицеръ!" Графъ метнулъ въ него огненнымъ взоромъ, и сказалъ: „Знаю, но такая ошибка въ ошибку не ставится!" — И представьте, желая ли поддержать въ себѣ поэтому сходство съ королями, не въ примѣръ другимъ, выхлопоталъ мнѣ чинъ корнета — за изобрѣтеніе въ безлѣсныхъ степяхъ забора, удобнаго и дешеваго, сохраняющаго экономію имперіи. Ну, что же ты рыло-то скалишь?" — прибавилъ старикъ лавочнику: — „коли меня въ благородство произвели, значитъ, я стоилъ того!"

— „Что и говорить-то, что и говорить! Ты, ваше благородіе, все свое, да и мы свое. Объясни ихъ высокоблагородію ту причту: отчего же это нашъ братъ, поселянинъ, вотъ хоть бы и я, богатый человѣкъ, какъ ты меня считаешь, отчего, чуть насъ назначили обратить въ первое состояніе, мы въ три-дорога закупили у господъ помѣщиковъ хвороста да кольевъ и поспѣшили заплести плетневые заборы на мѣсто-то вашихъ кирпичныхъ, а ваши рядчикамъ распродали, либо въ мусоръ сволокли? На зло тѣсненію, скажешь, баринъ? Отъ супротивности? Анъ нѣтъ: самъ же ты признался, что коровы чесамшись твои заборчики валяли; не на привязи же ихъ держать было. Да и мазка, бѣленье, поправка всякая разоряла, а тутъ десять хворостинокъ приволокъ и починилъ опять лѣтъ на пять, на шесть..."

— „Тьфу! Не слушайте его!" — крикнулъ сердито старикъ: — „за плетни они стоятъ потому, что хвороста украдутъ и у помѣщиковъ, и въ казнѣ, а кирпичъ сдѣлай самъ, либо купи на заводѣ! Извините, я маленько васъ оставлю; вонъ идетъ г. аудиторъ Поклонскій. Есть къ нему дѣло..."

Васильевъ насъ оставилъ. Я же съ лавочникомъ вышелъ потихоньку изъ воротъ постоялаго двора и пошелъ съ нимъ вдоль улицъ, къ сторонѣ огромнаго сада шелковичныхъ плантацій и разсадника разныхъ ботаническихъ растеній. Въ тѣни дремучихъ ракитъ, тополей и бѣлыхъ акацій возвышались бѣлыя, громадныя зданія недавно закрытаго здѣсь военнаго госпиталя. Ряды зеленыхъ крышъ весело сверкали на солнцѣ, уходя въ развѣсистыя кущи пространныхъ, ловко раскинутыхъ аллей. Флигеля, размалеванные по стѣнамъ желтою краскою, или окрашенные краскою синею, розовою, шли по сторонамъ главныхъ корпусовъ.

— „Дворцы, да и полно!" — сказалъ я, невольно любуясь огромными, удобными и щегольскими постройками: — „а тоже кажется пусты: вонъ однѣ ласточки да стрижи теперь кружатся роемъ подъ крышами".

— „И тоже назначены къ продажѣ съ аукціона. Пока, однако,

тутъ помѣщается послѣдняя смѣна военнаго начальства. Она завершаетъ тутъ прежнія дѣла. А шелковицу нашу видѣли теперь?"

— „Нѣтъ..."

— „Извольте своротить сюда,—подъ вербами вамъ не видно".

Мы свернули къ другой сторонѣ дороги. Я остолбенѣлъ отъ картины, представившейся моимъ глазамъ. Громадныя плантаціи тутовыхъ деревьевъ, какъ казалось, въ нѣсколько десятковъ десятинъ земли, шли низменною равниною, огибая съ этой стороны госпиталь и крайнія улицы села. Былъ май мѣсяцъ. Всѣ остальныя деревья сверкали яркою, нѣжною зеленью. Шелковичныя зарѳсли стояли безлистыя, сухія, точно зимою лѣсной хворостъ, сквозя какъ стебли травы на далекое пространство.

— „Что это значитъ?"

— „Вымерзли въ эту зиму до тла".

— „Какая жалость!"

— „Да-съ; сказать бы что отъ дурнаго присмотра — такъ нѣтъ! Просто надъ этими... про... надъ нашими бѣдными поселеніями точно ворохъ разныхъ бѣдъ кто-нибудь высыпалъ. Тысячи народа нашего сгонялись сюда, ямки и канавы рыли, молодыя деревца сажали, школы сѣянковъ разводили, окапывали каждый кустикъ. Садовники тутъ содержались, всякому жалованье шло. При преемникѣ гр. Аракчеева, при графѣ Никитинѣ, пудъ что ли шелку со всѣхъ поселеній въ губерніи нашей, Харьковской, говорятъ, собиралось... Ну, теперь разочло начальство, что какъ всѣ эти продовольствія кавалеріи натурою, такъ равно ремонты всякихъ штабовъ да комитетовъ больно дорого стоятъ казнѣ, и проку оттого нѣтъ никакого; тоже разочли и о шелководствѣ нашемъ военномъ. Отдали это, послѣ всякой тамъ переписки, съ торговъ частному лицу наши шелковичные сады. Тотъ ухватился за даровыя эти рощи, думаетъ: вотъ сорву барыши! А тутъ эта зима; все въ два послѣдніе мѣсяца зимою и вымерзло до корешка".

— „Отойдутъ же хоть изъ корня деревья?"

— „Богъ ихъ знаетъ, можетъ и отойдутъ; лѣтъ пять надо будетъ подождать, когда нѣкоторыя и отойдутъ! Да что, пустое это дѣло тутъ! Нашъ братъ мало понимаетъ въ немъ, а наймомъ все вести, врядъ ли выгодно будетъ! Это не то, что „на дурничку", согнать человѣкъ семьсотъ въ одинъ день съ бабами, да послѣ и щеголять, продавши три-четыре фунта сырца. Супротивъ хлѣбопашества врядъ ли это, али другое какое дѣло тутъ верхъ возьметъ".

— „Такъ вы довольны, то-есть поселяне, что эту военщину теперь распустили, и васъ опять поворотили въ государственныхъ?"

Лавочникъ сѣлъ на остатокъ какой-то былой уличной тумбочки, указавши мнѣ возлѣ такую же, и отвѣтилъ:

— „Какъ не рады, ваше высокоблагородіе! Господа офицеры изъ нашего былаго начальства, въ родѣ вотъ господина корнета Васильева...“

— „Да развѣ онъ до сихъ поръ корнетъ?“

— „Такъ на корнетѣ и остался: мы его Заборчиковымъ и зовемъ... больше отъ начальства не удостоенъ, особенно, какъ за поставку сапоговъ съ картонными подошвами его отчислили въ чистую... Такъ вотъ эти-то господа нашею перемѣною недовольны! А ужъ за то мы-то всѣ, простой народъ, и — и! Повѣрите ли, какъ увидѣли всѣ, что бороды запускать лѣтомъ-то можно, когда не то что до бритвы, вшей некогда вычесать съ головы, да что этихъ фуражекъ военныхъ не требуютъ носить, и на сгоны не сгоняютъ насъ гуртомъ песокъ возить, либо дрова гг. офицерамъ, либо щекатурить какія конюшни, да пустяки всякіе, бесѣдки что ли строить, — такъ просто не опомнились отъ радости. Спросите по церквамъ, сколько свѣчнаго сбора прибавилось у насъ съ тѣхъ поръ. Пахать и сѣять мы стали вдвое, скота держимъ втрое противъ прежняго. Лѣтъ пять - шесть назадъ, сколько недоимки въ податяхъ было, а теперь, спросите въ Харьковѣ, за полгода впередъ сносятъ, до срока, не то что еще недоимки тамъ какія!“

— „Коммерція же ваша какъ идетъ?“

— „Коммерція — ничего-съ! Вотъ я прежде больше бакалеей, чаемъ, сахаромъ, да французскими винами торговалъ, да табакомъ: знаете, полки въ нашей слободѣ, все кавалерія еще недавно стояла; ну, для военнаго лишь бы пуншикъ, да папироска, да вотъ еще карты. Забирать-то точно забирали у меня гибель: чуть привезешь чего свѣжаго изъ Харькова, отъ Лемера или отъ Павлова, такъ и расхватаютъ. Да только расплата шла туго. На двухъ полкахъ по тысячѣ цѣлковыхъ такъ и пропало, а на войну, въ походъ, сколько долговъ увезено у меня—и не спрашивайте...“

— „Теперь же?“

— „Теперь не то. Теперь я самъ — и подчиненный, и начальство. Я, примѣромъ, бородачъ, торгую, а сосѣдъ мой, мужикъ, головою въ правленіи сидитъ. Ну, случись должекъ, его теперь легче и выправишь. Да, кромѣ бакалеи-то, я сталъ теперь и ситцами торговать, и ссыпку хлѣба началъ...“

— „Ситцами?!“

— „А какъ бы вы думали? Заверните-ка теперь сюда въ праздникъ какой, не говорю уже о ярмаркѣ. У нашей церкви возы съ краснымъ товаромъ стоятъ. Дѣти орѣхи съ лотковъ покупаютъ. А поселянка въ церкви свѣчку-таки поставитъ, помолится, а потомъ къ краснорядцу норовитъ, и уже дешевки какой ей не подавай теперь: „французскаго ситцу“ по 30 к. с., да по 40 к. ей подавай. Ну, и сунешь ей клинцовскаго какого или бетепажевскаго, замѣсто француз-

скаго. Подите вы, хе-хе! съ нашими запасницами прежними теперь! Иной разъ штуку ситцу да бунта три платковъ раскупятъ, пока еще послѣ обѣдни иные старики молебны за новую волю нашу правятъ...“

— „А ссыпка хлѣба?“

— „Это тоже хорошее дѣло. Я вотъ, да еще одинъ тутъ, плохенькій капитанчикъ изъ отставныхъ, амбары для этого построили. Да что капитанъ? Денжатъ у него маловато; жмется. Намъ такіе неопасны; да опять же торгуетъ онъ на шестьсотъ цѣлковыхъ, положимъ, а за сто, въ томъ числѣ, еще сидѣльца амбарнаго держитъ; самъ же дома больше все трубочку сосетъ. Нашъ же братъ самъ: и въ красной лавкѣ посидишь, и въ амбарѣ кули пріймешь, — у иного за чистыя деньги, у другаго такъ, дашь ему какой ножикъ, либо веревку, либо связку табаку, либо платокъ его бабѣ. Ну, такъ-то глядишь, сотня-другая четвертей пшеницы и наберется. Да эти же свои братья поселяне ее и за четыреста верстъ, и въ Бердянскъ къ морю весной свезутъ чуть не за даромъ; они за солью ѣдутъ, въ деньгахъ нуждаются,—ты имъ дашь впередъ, и глядишь—къ Троицѣ вернулись: рубль на полтину и выторгованъ; такъ-то-съ...“

— „Кромѣ васъ и другіе поселяне торгуютъ уже хлѣбомъ?“

— „Что я за хлѣбный купецъ? это я такъ, ради скуки только, всего по-немногу; лишь бы не съ убытками, какъ съ гг. офицерами, лемеровскими винами! А вотъ въ слободахъ другихъ у насъ, въ Лозовенькѣ, Балаклеѣ, Волоховомъ-Яру, такъ тамъ есть такіе ссыпщики изъ нашихъ мужиковъ, что съ той поры, какъ къ намъ воротили волю, по тысячѣ и по двѣ четвертей изъ однихъ воротъ стали къ морю возить на чумацкихъ фурахъ. Взгляните вы на наши хлѣбные токи осенью — такъ ломятся теперь отъ скирдъ. О нехозяевахъ и не слышно. Всякъ теперь за плугъ ухватился, не то что прежде выгоднѣе было, такъ гдѣ нибудь мотаться. Землю теперь раздѣлили по душамъ, и податями обложили каждую десятину: волею, неволею, работай. Да и лучше. Побывали бы вы на нашихъ торгахъ, когда залишнюю землю съ аукціона, значитъ, отдаютъ; года въ два, три разъ это бывать завелось“.

— „Какія же это земли залишнія?“

— „Да, видите ли, прежде на этихъ земляхъ сгономъ сѣно для кавалеріи косили, а болѣе это сѣно, слышно, самимъ гг. начальникамъ шло. Ну-съ, а теперь нарѣзали на каждое село, на общество, положимъ, по $4^1/_2$ десятины на душу; за нихъ идутъ въ казну подати. А лишнія земли при каждомъ селѣ, десятинъ по 500, по 1,000 и болѣе, раздаютъ съ торговъ. Такихъ десятинъ тысячъ 50 наберется тутъ только въ окружности. Ихъ расхватываютъ по рублю-цѣлковому и болѣе на одно лѣто съ десятины. Деньги вносятъ разомъ, чистога-

номъ, да кладутъ-то ихъ теперь, слышно, въ простенькое, такъ сказать, уѣздное казначейство, подъ замокъ что ли Ѳедора Ивановича, коли знаете, г. казначея въ Харьковѣ: можетъ быть, подорожныя у него брали—г. Литвиновъ фамилія... Ну, у этого денежка невзначай со стола казеннаго не упадетъ! Можетъ слышали, какъ дважды подъ его подвалъ хваты подрывались? Не удалось! Теперь-то, говорятъ, казна и увидала, какъ ее сосали эти-то поселенія. А залишнія земли и отъ нашихъ все-таки поселянскихъ рукъ не ушли. Бо̀льшую часть дачъ этихъ мы же съ торговъ разобрали обществами; только поглядите теперь: свинки по землѣ этой сѣнокосной уже не толкутся, лошади какой блудящей по травѣ тамъ не увидите! Своихъ сторожей держатъ; да и сѣно-то косятъ почище, стоги складываютъ повыше и поаккуратнѣе. Ну, словомъ, благодать на сердце Царево сошла, когда Онъ, голубчикъ, о насъ-то подумалъ...“

Вдали показался опять корнетъ Васильевъ. Онъ шелъ чернѣе тучи осенней.

— „Замѣчаете, видно аудиторъ-то Поклонскій барину дурныя вѣсти далъ...“

— „А что?“

— „Торгуютъ вмѣстѣ эти палаты-съ, гошпитали, подъ коими мы теперь сидимъ. Видно, цѣну на торги великую готовитъ начальство...“

Старикъ подошелъ, снялъ картузъ, обтеръ съ лысины потъ и со всего размаха ударилъ о землю и картузомъ, и носовымъ платкомъ. Мы переглянулись. Погодя немного, Васильевъ улыбнулся. Хмурыя, кустоватыя брови его разошлись. Сизый носикъ опять весело и хитро задвигался.

— „Мы съ Поклонскимъ хотѣли съ торговъ госпиталь этотъ купить. Торги, кажется, будутъ черезъ полгода; да пугаютъ большою цѣною. Мы даемъ чистоганомъ пять тысячъ цѣлковыхъ.“

Лавочникъ сердито фыркнулъ.

— „Что ты?“

— „Какъ что?! Да вѣдь вы за глаза двадцать тысячъ на сломъ на одномъ кирпичѣ выберете.“

— „Эка важность! А тебѣ-то что, суконное твое рыло? А? Чего ты присталъ? Спрашиваютъ тебя, что ли? Или завидно стало?“

— „Какъ не завидно, коли отецъ мой лично, отцы наши своими руками эти-то махинища сооружали, а я мальчишкой воду сюда и песокъ таскалъ.“

— „Но, вѣдь это, дружище, казнѣ даромъ обошлось! Вы сгономъ работали, почитай, барщиной. То, все же хорошо получить казнѣ 5,000 р. за то, на что она почти не тратилась.“

— „Пять тысячъ! Меньше 50,000 цѣлковыхъ отдать нельзя. Извини, ваше благородіе!“

— „Ты, что ли, отдавать будешь?“

— „Да, я!“

— „Ты?“

— „Я!“

— „Тьфу!“ Васильевъ опять со злостью плюнулъ и показалъ мнѣ на ладонь:

— „Это видите?“

— „Вижу!“

— „Волосамъ тутъ не быть?“

— „Не быть...“

— „Ну, такъ и этому мужичью, всякимъ лавочникамъ, господами не сдѣлаться. Погодите, пофинтите вы еще годокъ, другой. А тамъ опять васъ въ военные поселяне повернутъ.“

Старикъ простился со мной и ушелъ въ комитетъ. Мы съ лавочникомъ воротились на постоялый дворъ. Дорогой онъ сказалъ мнѣ:

— „Сынишка мой грамотѣ обученъ...“

— „Чай, при прежнихъ порядкахъ?“

— „Да, правда. А теперь наши слободы всѣ отвѣтили, на предложеніе самимъ завести школы: не хотимъ школъ, а нужно обучить сына кому, онъ и самъ къ дьячку его отведетъ.“

— „Что же? Вѣдь это скверно? Въ кабакахъ отъ поселянъ отбоя нѣтъ, а по гривеннику въ годъ съ души на учителя сложиться тяжело...“

Лавочникъ вздохнулъ и осмотрѣлся кругомъ.

— „Тяжело? Гдѣ тяжело! Не безпокойтесь, баринъ, все будетъ. А теперь еще молчатъ, потому, прежніе распорядки еще на свѣжей памяти. Дайте самимъ сдѣлать, и сдѣлаютъ“.

— „Такъ ты говорилъ про сына?“.

— „Да, онъ у меня грамотѣ обученъ, читаетъ исторію. И говоритъ онъ, что эти наши поселенскія слободы прежде знаменитыя были, Андреевка, равно какъ и Балаклея. Въ Андреевкѣ сотня изюмскаго слободскаго полка стояла, и знать тутъ сотникъ отъ татаръ, да отъ поляковъ отбивался, и царя Петра I у себя въ гостяхъ принималъ, такъ и въ печатныхъ книгахъ записано. А въ Балаклеѣ, вблизи села, царь Петръ лагеремъ стоялъ, какъ подъ Полтаву на шведа шелъ, и колоколъ тамъ на церковь самъ встащилъ. Да и въ лѣтописяхъ нашихъ украинскихъ постоянно эти имена попадаются. Намъ, старикамъ, пріятно вычитывать, что и въ старину села и слободы эти жили, какъ подобаетъ человѣку. А графъ-то Аракчеевъ... все перегнулъ, перевернулъ, перекрестилъ по своему... Андреевку нашу назвали Ново-Бори-

соглѣбскомъ, а старую-то, еще въ дни Годунова, говорятъ, славную, Балаклею—Ново-Серпуховомъ. Точно завоеватель-непріятель въ Крыму свои имена надавалъ урочищамъ. Повѣрите ли, въ первые годы поселянъ хватали въ холодную, сѣкли, чуть, вмѣсто Ново-Серпухова, Балаклеей свою слободу прозовутъ между собою. А въ обоихъ селахъ по пяти тысячъ душъ, не слышно было искони донынѣ ни грабежей, ни убійствъ, ни супротивности начальству... Порядки тяжелые измѣнились, мы опять вольными по царѣ стали, а именъ намъ нашихъ не возвращаютъ, и господа офицеры, наше еще военное начальство, межъ собой и съ народомъ наши старыя имена говорятъ, а въ бумагахъ все новыя прозвища наши пишутъ. А люди они теперь на подборъ хорошіе: все изъ новыхъ, ласковыхъ и умныхъ. Законъ берегутъ и насъ отстаиваютъ. Такъ видите ли; теперь велѣно, что ли...“

— „Въ прежнее время, я слышалъ, поселяне ваши сильно сосѣдніе помѣщичьи лѣса обижали. Теперь же тише стали?“

— „Куда имъ теперь! Вотъ у насъ въ Андреевкѣ теперь головою Астафьевъ. Случилось недавно такое дѣло. Въ семи верстахъ отсюда живетъ помѣщикъ; лѣсничій его и далъ поселянину нашему Лещенку вывезти пять штукъ дерева. Помѣщикъ далъ знать прямо головѣ. Голова взялъ понятыхъ, лично накрылъ украденное дерево и положилъ по суду такъ: Лещенка заставить отвезти дерево обратно помѣщику, да по оцѣнкѣ за кражу, по таксѣ казенной, десять цѣлковыхъ штрафа въ пользу помѣщика съ него же; да еще Лещенка предалъ штрафу работой въ пользу общества. Такъ какъ привелъ въ исполненіе этотъ приговоръ, воровство у андреевскихъ поселянъ какъ рукой сняло. А прежде, пошло бы дѣло за справками, да командировками, да перепискими, да отписками...“

Черезъ два часа послѣ этого разговора съ корнетомъ Васильевымъ и лавочникомъ, я въѣхалъ въ г. Чугуевъ, средоточіе бывшихъ еще недавно сѣверныхъ (на Украйнѣ) военныхъ поселеній. Любимое дѣтище графовъ Аракчеева и Никитина, Чугуевъ сталъ, въ послѣдніе два, три года, рѣшительно неузнаваемъ.

Прежде Чугуевъ былъ весь въ садахъ. Старинные акты говорятъ, что тутъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, были виноградники. Сообразивши, что Чугуевъ находится на крутой горѣ, окружаемой съ двухъ сторонъ Донцомъ, графъ Аракчеевъ рѣшилъ изъ него сдѣлать столицу своихъ подбритыхъ, вымуштрованныхъ и всячески перекроенныхъ на его мѣрку „граничаръ“—Gränzes-Völker, какъ въ Австріи, сводившей съ ума тогда сего великаго стратига. Пока у окрестныхъ помѣщиковъ волей и неволей скупались хутора и села, тутъ же обращаемыя въ поселенія, а вольныхъ хлѣбопашцевъ изъ бывшихъ украинскихъ казаковъ силой, нерѣдко съ грозными военными экзекуціями, дѣлали

безобразными двуутробками, т.-е. солдатами-пахарями,—въ Чугуевѣ особенно трудно было бороться съ народонаселеніемъ. Отсюда, между прочимъ, выведено сорокъ отставныхъ маіоровъ, поселенныхъ гуртомъ близъ Салтова въ селѣ, прозванномъ народомъ Сороковкой, гдѣ каждый изъ маіоровъ получилъ по 40 десятинъ казенной земли, а ихъ земли близъ Чугуева взяты подъ поселеніе.

Кто изъ бывшихъ на югѣ Россіи не помнитъ сороковыхъ годовъ, времени высшаго процвѣтанія города Чугуева? Кто не помнитъ его бѣлыхъ, точно изъ карты вырѣзанныхъ по одному образцу, домиковъ, вытянутыхъ въ шеренги по длиннымъ улицамъ и крытыхъ черепицей? Кто не помнитъ его нескончаемыхъ смотровъ, парадовъ, вѣчной пыли, поднимаемой конскими копытами, пушками и ногами, въ три темпа поднимаемыми вверхъ? Во всѣхъ уголкахъ мундиры. Въ окнахъ усы, трубки, красные лацканы и опять мундиры. Здѣсь замыслилась и привелась въ исполненіе подъ Вознесенскомъ знаменитая кадриль, исполненная верхомъ на лошадяхъ уланами. Заставы у въѣзда и выѣзда, гауптвахты тамъ же, гауптвахта еще въ срединѣ города. Скачутъ курьеры; почтовая контора ломится отъ тюковъ съ письмами, предписаніями и донесеніями. Команды входятъ, выходятъ и опять входятъ. Поселяне чистятъ офицерскихъ лошадей, кормятъ солдатъ, ходятъ артелями на сгонныя работы, въ родѣ сыпанія „песку по песку“, о чемъ сохранились намеки въ распѣваемой теперь здѣсь пѣснѣ о быломъ:

„Жизнь въ военномъ поселеньѣ
Настоящее мученье;
    Волостные, окружные,
    Все-то строгіе такіе,
        Лучшихъ не сыскать!
Люди возятъ хлѣбъ мѣшками,
Мы же все песокъ возами—
        Сыпать по песку!“

Теперь Чугуевъ, отрадно даже сказать, сталъ гражданскимъ городомъ. Аптека изъ окрестностей (отчего она была за городомъ въ верстѣ?—Богъ вѣсть!) перешла въ средину его. Домики до того ударились въ перестройку на гражданскій ладъ, не на вытяжку и не по одной формѣ, что иные вылѣзли даже на улицу вовсе бокомъ. Явилось много постоялыхъ дворовъ. Казенные офицерскіе и генеральскіе дома распроданы въ частныя руки. Явилось много гражданскихъ костюмовъ, постоянныхъ гражданъ въ пальто и чуйкахъ. Базаръ гудитъ народомъ по понедѣльникамъ. Являются вывѣски частныхъ мастеровыхъ.

Словомъ, изъ какой-то холостой, недомовитой гостиницы, гдѣ каждый ухорскій проѣзжій, временной ея обитатель, позволяетъ себѣ и столы исчерчивать ножикомъ, и на стѣнахъ всякія прелести писать,—

Чугуевъ становится теперь, и скоро окончательно станетъ, семейнымъ домомъ, милымъ и уютнымъ жилищемъ, у котораго составятся и свои отрадныя преданія, и свои постоянные обладатели по праву собственности.

Но еще много въ Чугуевѣ теперь разношерстной и разнокалиберной публики изъ былыхъ его судебъ: отставныхъ писарей, аудиторовъ не у дѣлъ, заштатныхъ чиновъ всякаго званія, составляющихъ въ немъ партію старую, или, такъ называемыхъ здѣсь, аракчеевофиловъ. Они вѣроятно скоро перестанутъ неприлично ругаться и окончательно угомонятся, направивъ свои силы къ другимъ поприщамъ: къ земледѣлію, или торговлѣ хотя пряниками или пастилой изъ осиновскихъ и зарожненскихъ грушъ и сливъ на базарѣ.

Въ Чугуевѣ не слышно болѣе неугомонной барабанной трели. Надъ зданіемъ главнаго штаба хорошенькая каланча съ часами, а въ самомъ зданіи, вмѣсто сотни писарей, аудиторовъ и прочихъ чиновъ, очень успѣшно организованное на новый ладъ военное училище... не кантонистовъ, а дѣтей всякихъ сословій, приготовляемыхъ въ техническія военныя званія по артиллеріи, фортификаціи и инженерному искусству. На площадкѣ былой грозной „чугуевской главной гаубтвахты“ я увидѣлъ толпу веселыхъ, краснощекихъ дѣтей, игравшихъ въ мячъ между уроками.

Въ домѣ бывшихъ полковыхъ командировъ, квартировавшихъ здѣсь въ домѣ, давшемъ столько сюжетовъ очеркамъ г. Турбина и прекраснымъ разсказамъ изъ военной жизни г. Аѳанасьева, теперь главная откупная контора. Тамъ, гдѣ мелькали личики полковницкихъ дочекъ, а рядомъ съ ними усики разныхъ „съ ума сводовъ“, торчатъ бочки, ведра и молчаливыя лица писцовъ канцеляріи акцизно-откупнаго коммиссіонерства, также доживающаго тутъ свой вѣкъ.

Вмѣсто десятка генераловъ, постоянно считавшихся здѣсь старшинствомъ, коменданта и окружнаго, которому всѣ и все мѣшали, сбивая съ толку всѣ его распоряженія о поселянахъ, здѣсь теперь одна власть: новопоставленный „отъ губерніи“ городничій. Заведены свои квартальные, пока собственно „хватальные“ (для пьяницъ изъ разнаго былаго здѣсь люда) изъ унтеръ-офицеровъ. Много выходитъ въ этой ломкѣ стараго и перестройкѣ всего здѣшняго мірка тяжелыхъ казусовъ для этого городничаго. Откупъ, пользуясь прежнимъ произволомъ, позволяетъ себѣ еще производить при погребахъ виноградныхъ винъ продажу водки на выносъ и для распивки на мѣстѣ. Городничій Тризна запрашиваетъ откупъ объ этихъ нарушеніяхъ его правъ и обязанностей. Винный главный коммиссіонеръ, по поводу запроса городничаго Тризны „представить ему списокъ мѣстъ продажи питій“, отвѣчаетъ на печатномъ бланкѣ, какъ нѣкій маршалъ Пелисье

смиренному русскому капитану порта: „Мы не понимаемъ изъ запроса вашего, что̀ нужно вашему благородію отъ насъ: *склянки, пробки, деньги, или самые горячіе напитки.*“ И бумага—за нумеромъ и за ссылкой на своего почтеннаго патрона, барона Фитингофа, который вѣроятно объ этомъ и не помышляетъ.

Входитъ г. Тризна въ три часа въ частный отель, содержимый нѣкоею вдовою-солдаткою, слыша о буйствѣ и крикахъ, вылетавшихъ изъ оконъ сего кабачка, и говоритъ: „По закону далѣе полуночи кабаки не могутъ быть открыты. Выходите отсюда всѣ домой“. Утромъ храбрая вдова призвана къ допросу. Но отвѣчать и судиться у частнаго гражданскаго городничаго она не желаетъ.

— „Дайте мнѣ антиллерійскаго начальника!“ кричитъ она, вспоминая былыя здѣшнія привилегіи и желая имѣть надъ собою судъ спеціалиста, такъ какъ мужъ ея былъ тутъ когда-то въ артиллеріи.

Такова-то была здѣсь прежде путаница семи подраздѣленій разныхъ подчиненныхъ! Теперь, слава тебѣ Господи, все минуетъ, все обстроится за-ново. Я здѣсь выросъ, служилъ въ разныхъ службахъ и знаю мѣсто: городъ лѣтъ черезъ десять будетъ на славу; особенно, какъ созрѣетъ и сосѣдній съ нашимъ военно-поселенскимъ, крестьянскій вопросъ.

Вечеромъ пилъ я чай въ подгородной поселенской слободкѣ Осиновкѣ, у бывшаго еще недавно военнаго поселянина, а теперь второй гильдіи купца Зорина. Онъ держитъ гурты рогатаго скота и овецъ, нагуливаетъ ихъ на арендуемыхъ земляхъ и осенью бьетъ на сало и солонину въ собственныхъ бойняхъ. Недавно онъ завелъ и свѣчной заводъ. Прежде онъ держалъ разные подряды на военныя команды. Теперь у него, говорятъ, капиталъ тысячъ въ двѣсти серебромъ. Старшаго сына онъ выдѣлилъ и далъ ему чистоганомъ 25,000 р. с. Сверхъ того, онъ купилъ на границѣ Купянскаго уѣзда тысячу десятинъ земли, гдѣ ведетъ уже два года хлѣбопашество наймомъ. Землю эту онъ, какъ слышно, купилъ у какого-то обѣднѣвшаго помѣщика.

Въ домикѣ у него, оклеенномъ французскими обоями, стоитъ рояль. На столѣ лежатъ „Биржевыя Вѣдомости“ и книжка журнала „Время“. Младшій сынъ его учится уже давно. Ему лѣтъ десять. Зимою онъ учится, а лѣтомъ ѣздитъ въ фургонѣ, съ отцовскими сгонщиками, въ объѣздъ гуртовъ скота и овецъ. Старикъ былаго не бранитъ, а въ молодое и новое вѣруетъ всею душой. Счастливъ этотъ несчастный „мономанъ села Грузина“, что его громадныя и опасныя ошибки исправлены теперь такою опытною рукой.

1862 г.

IV.

НѢМЕЦКІЯ КОЛОНІИ БЛИЗЪ КРЫМА.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ по Малороссіи).

Въ Россіи въ настоящее время [1]) находится до 300.000 человѣкъ колонистовъ разныхъ племенъ и вѣроисповѣданій. Первые колонисты были водворены въ нашемъ отечествѣ около 1763 года по указу императрицы Екатерины II; имъ дано было на каждое семейство отъ двадцати-пяти до тридцати десятинъ земли. Всѣ колонисты состояли подъ вѣдѣніемъ комитета опекунства объ иностранцахъ. Особенныя привилегіи быстро развили благосостояніе нашихъ колоній. Съ той поры ихъ народонаселеніе безпрестанно увеличивалось. Въ Сарептской колоніи оно удвоивалось въ каждыя двадцать два или двадцать пять лѣтъ. Взглянемъ на состояніе нѣмецкихъ колоній въ нашихъ херсонскихъ степяхъ, именно колоній *менонистовъ*.

Недавно мы имѣли случай видѣть всѣ менонистскія колоніи, которыя лежатъ по большой дорогѣ изъ Керчи, чрезъ Арабатскую Стрѣлку, Мелитополь и Орѣховъ, въ Екатеринославль.

Колоніи эти, числомъ до двадцати нумеровъ, какъ ихъ называютъ русскіе, носятъ имена или нѣмецкія, или татарскія, или русскія. Онѣ расположены въ небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и представляютъ видъ небольшихъ германскихъ торговыхъ городковъ. Большая дорога идетъ чрезъ ихъ главныя улицы.

Каждому хозяину полагается обязанностью воздѣлывать небольшой домашній садъ. Часть этого сада засѣвается фруктовыми деревьями, другая часть дикими деревьями, третья тутовыми. Кромѣ этого сада, всѣ хозяева общими средствами обязаны воздѣлывать огромный общественный садъ своей колоніи. Этотъ садъ имѣетъ также три разряда деревъ, фруктовыхъ, дикихъ и тутовыхъ. Подобное распоряженіе имѣло самое благодѣтельное вліяніе на пустынныя степи нашего юга. До-

---

[1]) Писано въ 1855 г.

рога, по которой вы большею частію не встрѣтите даже верстъ, замѣняемыхъ здѣсь небольшими насыпями, во многихъ мѣстахъ идетъ роскошною аллеею менонистскихъ плантацій... Степи наши обращаются въ сады...

Сверхъ этой первой обязанности, менонистскіе колонисты должны устроивать въ своихъ хлѣбныхъ поляхъ живыя изгороди. Живыя изгороди удались здѣсь въ отличномъ видѣ. Кромѣ тѣни, которою онѣ увеличиваютъ влажность атмосферы и степной почвы, живыя изгороди составляютъ притомъ лучшую защиту противъ постоянныхъ степныхъ вѣтровъ, изъ которыхъ восточный, лѣтній, особенно страшенъ для нашей благословенной житницы Малороссіи.

Самыя травы вокругъ садовъ и живыхъ изгородей оживляются, разростаются и даютъ превосходный укосъ. Иногда въ мѣстахъ, долгое время обнаженныхъ и обгорѣлыхъ, вдругъ являются травы самыя сочныя и рѣдкія. Въ несчастные годы, когда для южныхъ хозяйствъ въ Крыму и въ степяхъ Украйны сѣно чрезвычайно дорожаетъ, у менонистовъ его бываетъ столько, что они имъ снабжаютъ самыхъ отдаленныхъ своихъ сосѣдей.

Колоніи состоятъ изъ главной улицы и двухъ или трехъ переулковъ. Дома всѣ деревянные, на каменныхъ фундаментахъ, въ два и часто въ три этажа. Кровли высокія, острыя, выкрашенныя въ красный или въ черный цвѣтъ. Крыльцо каждаго дома выходитъ на улицу, что̀ очень поражаетъ путешественниковъ, привыкшихъ въ Крыму къ домамъ, которые на улицу не имѣютъ даже оконъ и представляютъ сплошныя, печальныя массы. Передъ домомъ зажиточныхъ менонистовъ вы увидите колодезь съ колесомъ и чистенькою голубою бадьей; подлѣ помѣщается длинное корыто, куда бѣжитъ вода для скота. Кромѣ домоваго садика, который выходитъ на улицу, какъ въ Москвѣ въ Садовой улицѣ, или въ Петербургѣ на Большомъ проспектѣ Васильевскаго острова, вы иногда увидите хорошенькій павильонъ, въ которомъ женскій полъ менонистскаго семейства въ лѣтніе дни купается въ чистенькихъ и оранжевыхъ ваннахъ. Рядомъ съ каждымъ домомъ устроены сараи; одна часть сарая служитъ для помѣщенія фабрики или мастерской, въ другой ставятся земледѣльческія орудія и экипажи. За сараемъ помѣщаются конюшни, овечьи загоны, бойни, погреба и ледники. У каждаго селенія возвышается столбъ съ надписью на металлической доскѣ: такая-то колонія, столько-то жителей и домовъ.

Менонисты имѣютъ довольно оригинальное устройство своихъ общинъ. Они не допускаютъ между собою никакой роскоши, никакого щегольства. Дорогія ткани, модныя платья женщинъ и мужчинъ, пестрые цвѣта, все это запрещено у нихъ. Для женщинъ существуетъ здѣсь такой же, установленный годами, неизмѣнный нарядъ, какъ и

для мужчинъ. Въ этомъ ихъ хозяева находятъ огромную выгоду. Подобно тому, какъ въ Петербургѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ денди, напримѣръ, ни въ какомъ случаѣ въ настоящее время не смѣютъ ходить, положимъ, въ желтыхъ шелковыхъ фракахъ или въ блондовыхъ жилетахъ, такъ точно и менонистскія модницы не смѣютъ носить прически à la Titus, или шелковыхъ платьевъ съ воланами. У менонистовъ не существуетъ даже словъ и понятій о модѣ и современности вкуса. У нихъ все, какъ въ старину. Мужчины уже четвертый десятокъ носятъ зеленыя суконныя куртки, узкіе черные панталоны, что̀ безобразитъ ихъ неуклюжія и длинныя ноги, башмаки, подкованные гвоздями, и шапки съ колоссальными козырьками; лѣтомъ къ этому костюму присоединяется соломенная шляпа. Женщины ходятъ въ синихъ чулкахъ; эти синіе чулки какъ нельзя лучше приходятся къ менонисткамъ, потому что онѣ ужасныя умницы, скороспѣлки, пишутъ, кромѣ отчетовъ по экономіи, свои дневники и участвуютъ въ туземныхъ газетахъ, „Zeitung", которыхъ у нихъ двѣ. Всѣ менонистки носятъ короткія шерстяныя юпки, черные передники, голубые ситцевые корсажи и нѣсколько нитокъ ожерелья. Волосы убираютъ въ корзинку, а виски заплетаютъ косичками и въ видѣ бѣлокурыхъ клапанчиковъ укладываютъ по бокамъ бровей.

Мужчины и женщины всѣ ужасные флегматики, но опрятны, разсудительны, работящи и экономны. Изгнавъ роскошь, менонисты распорядились такъ же и съ изящными искусствами: музыка у нихъ предана остракизму и запрещена подъ страхомъ строгихъ взысканій. Танцы считаются однимъ изъ смертныхъ грѣховъ. Молодые мужчины совершенно удалены отъ женскаго общества. Менонисты говорятъ, что сближеніе молодыхъ людей обоего пола порождаетъ только пошлое волокитство, безхарактерность, легкость и вѣтренность мыслей. Вы ихъ не увѣрите, что это отчужденіе мужчинъ отъ общества женщинъ порождаетъ еще худшія послѣдствія: угрюмость характера первыхъ и смѣшную сентиментальность послѣднихъ; молодые мужчины, въ свободное время, губятъ свои досуги въ пьянствѣ, въ куреніи кнастера и въ чтеніи глупѣйшихъ рыцарскихъ сказокъ, и, наконецъ, браки рѣдко бываютъ счастливы у менонистовъ, потому что женихъ и невѣста до дня свадьбы рѣдко знаютъ другъ друга даже по имени.

Менонистское начальство считаетъ обязанностью слѣдить за частною жизнью каждаго изъ колонистовъ. Когда какой-нибудь членъ менонистскаго общества своими поступками, развратнымъ поведеніемъ или неповиновеніемъ обществу навлечетъ на себя общее негодованіе, его призываютъ въ молитвенный домъ. Президентъ совѣта читаетъ ему его проступки, укоряетъ его въ безчестной жизни и, отъ имени общества, исключаетъ изъ числа членовъ колоніи: это значитъ, что ви-

новный лишается чести, всего имѣнія, жены и дѣтей... Никто ему не смѣетъ подать руку! Исключенному остается одно: поступить въ наемники къ одному изъ членовъ колоніи. Если онъ исправится, лѣтъ чрезъ пять, правленіе колоніи призываетъ его вновь въ молитвенный домъ, читаетъ ему положеніе совѣта и объявляетъ, что общество, исключивъ его изъ своего состава, положило своею обязанностью слѣдить за нимъ, что онъ своею послѣднею честною жизнью искупилъ свое прошедшее, и что общество вновь принимаетъ его въ свою среду, возвращаетъ ему его права, имѣніе и семейство, бывшее безъ него подъ опекою общества.

Благодѣтельныя мѣры правительства совершенно осчастливили этотъ чудный уголокъ Россіи.—Въ числѣ менонистовъ есть семейства, которыя пришли въ наше отечество, не имѣя ничего, кромѣ жажды труда и хозяйственныхъ познаній, а нынѣ пользуются огромными богатствами. Фамиліи *Корниза*, помѣстья котораго, Тощенакъ и Юшакли, чудно устроены, и *Пфейля* пользуются всеобщимъ уваженіемъ.

Корнизъ, съ самаго прибытія въ Россію до нынѣшняго времени, постоянно былъ главою менонистскихъ колоній. Честность, здравый умъ, геніальныя способности въ наукѣ хозяйства и въ практикѣ положительной жизни, наконецъ, европейская ученость, доказательствомъ которой служатъ его сочиненія по части хозяйства и сельской промышленности, все это характеризуетъ представителя менонистовъ. Корнизъ, кромѣ заботъ о своихъ соотечественникахъ, много сдѣлалъ и для другихъ племенъ южной Россіи. Такъ, его содѣйствіемъ къ осуществленію благихъ предначертаній правительства, дикіе ногайцы стали теперь народомъ осѣдлымъ. Корнизъ сперва входилъ съ ними въ дружбу, потомъ надежнѣйшихъ ногайцевъ бралъ къ себѣ въ наемники, въ услуженіе, училъ ихъ обработкѣ земли, посѣву хлѣбовъ и деревьевъ, обогащалъ ихъ сколько можно, просвѣщалъ, словомъ—доводилъ ихъ личность до личности европейца, и потомъ отпускалъ ихъ въ родныя кочевья... Образованіе такихъ пришлецовъ быстро распространялось на дикихъ ногайцевъ, они бросали свои кибитки, селились въ степяхъ, у рѣкъ и озеръ, заводили вначалѣ родъ татарскихъ ауловъ, строили сакли, потомъ малороссійскія мазанки, хаты, а нынѣ вы встрѣтите цѣлыя ногайскія селенія, которыхъ нельзя отличить отъ нѣмецкихъ колоній. По распоряженію мѣстнаго начальства, здѣсь обращаютъ большое вниманіе на благочиніе ногайскихъ поселеній. Дурные хозяева, за нерадѣніе и нечистоту въ домахъ, переселяются въ заднюю часть деревень, и желаніе жить въ главной улицѣ, на большой дорогѣ, заставляетъ ногайцевъ бросать и природную лѣнь, и природную дикость.

Несмотря на нынѣшнее свое богатство, ни одинъ изъ честныхъ менонистовъ не перемѣнитъ своихъ привычекъ и образа жизни.

У одного изъ богатѣйшихъ менонистскихъ магнатовъ я какъ-то провелъ весь день и успѣлъ подмѣтить много страннаго въ чудной жизни его семейства. Старикъ-хозяинъ имѣетъ теперь состояніе въ нѣсколько милліоновъ. Въ разговорахъ своихъ онъ иногда ссылается на нѣкоторые участки своихъ земель, говоря: „да! у меня есть тамъ-то клочекъ чернозема, тамъ-то клочекъ степей“,—а эти клочки состоятъ изъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ земли. Получая не одинъ десятокъ тысячъ рублей дохода, мой знакомый менонистъ живетъ очень просто, его дочери готовятъ ему обѣдъ, служатъ за столомъ, моютъ его бумажные колпаки и стелютъ гостямъ чистыя, настоящія германскія постели.

У другаго менониста состояніе значительнѣе, чѣмъ у предъидущаго, и, несмотря на это, честный колонистъ объѣзжаетъ на простой телѣжкѣ каждый годъ свои земли, гдѣ пасутся безчисленныя стада овецъ и лошадей; выдалъ единственную дочь за своего чабана̀, пастуха, и вовсе не жалѣетъ своего зятя, который, по-прежнему, цѣлое лѣто живетъ въ степи съ овцами и только зимою предается счастію семейнаго уголка.

Кстати о стадахъ овецъ и лошадей. Теперь на югѣ, особенно у колонистовъ, коневодство играетъ важную роль. Заимствуемъ здѣсь описаніе степныхъ новороссійскихъ табуновъ изъ сочиненія Коля и, показавъ нашимъ читателямъ любопытную сторону нашей степной жизни, тѣмъ самымъ постараемся обратить ихъ вниманіе на богатства нашихъ колоній.

Подъ степными или дикими лошадьми не должно разумѣть такихъ, которыя пасутся на волѣ, безъ всякаго надзора, и которыхъ потомъ ловятъ; въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, встрѣчаются еще табуны дикихъ, никому не принадлежащихъ лошадей въ киргизскихъ и аральскихъ степяхъ, гдѣ есть огромныя, необитаемыя, никому не принадлежащія пространства. Въ новороссійскихъ степяхъ важнѣйшіе изъ помѣщиковъ владѣютъ такими огромными землями, что, за недостаткомъ людей, могутъ обработывать только самомалѣйшую часть оныхъ, а потому, кромѣ овецъ и рогатаго скота, содержатъ большіе табуны лошадей, которые посылаютъ въ отдаленнѣйшія пастбища или самыя плохія угодья, и тѣмъ безполезную траву превращаютъ въ выгодныя силы, и за-дешево воспитываютъ въ пустыняхъ сильную породу лошадей.

Они покупаютъ кобылъ и жеребцовъ и отсылаютъ ихъ, подъ надзоромъ пастуховъ, въ степи для расплода. Жеребята оставляются въ табунахъ, пока число лошадей въ табунѣ не возростетъ до извѣстнаго предѣла, то-есть пока имѣніе можетъ ихъ прокормить, не вредя про-

чимъ отраслямъ хозяйства. Это число, по величинѣ имѣнія, бываетъ различно: отъ 100 до 800, даже 1000 лошадей. Иногда помѣщики имѣютъ нѣсколько подобныхъ табуновъ, которые вмѣстѣ возростаютъ тысячъ до десяти штукъ; но тогда табуны распредѣляются по разнымъ имѣніямъ, изъ которыхъ для каждаго едва ли назначается болѣе тысячи. Когда табунъ размножается до извѣстнаго числа лошадей, соотвѣтственнаго имѣнію, начинается пользованіе онымъ; до того лошади родятся и издыхаютъ, не принося никакой выгоды; пользованіе состоитъ въ томъ, что изъ табуна частію берутъ рабочихъ лошадей, нужныхъ для хозяйства въ имѣніи, частію же этихъ, на свободѣ степей окрѣпшихъ, сильныхъ животныхъ продаютъ охотникамъ, ремонтерамъ и на ярмаркахъ.

Степное воспитаніе лошадей производится подъ надзоромъ табунщиковъ.

Эти табунщики составляютъ столь же отличный типъ степей, какъ и дикія лошади, и едва ли во всей Европѣ можно найти подобныхъ людей: развѣ только нѣчто подобное можно встрѣтить у ихъ антиподовъ, въ пампасахъ, или травяныхъ степяхъ Южной Америки. Пастухи овецъ и скота суть настоящіе телѣгообитатели и возятъ за собою въ своихъ странствованіяхъ телѣги, съ которыми на короткое время и утверждаются въ томъ или въ другомъ мѣстѣ. Этого небольшаго удобства табунщикъ не имѣетъ, потому-что дикость и быстрота коней заставляютъ его постоянно быть верхомъ на лошади. Бурный темпераментъ его питомцевъ не даетъ ему ни минуты покоя: онъ день и ночь остается на лошади, которая не только служитъ ему сидѣньемъ, но и столомъ для обѣда, диваномъ и постелью... Этотъ народъ пріобрѣтаетъ удивительную способность удовлетворять всѣ свои прихоти, для чего прочимъ людямъ необходима разная мебель, помощью одной лошади, отъ четырехъ ногъ которой они такъ же не отдѣлены, какъ центавры отъ своихъ...

Когда другіе люди ищутъ покоя, тогда именно табунщикъ лишенъ его. Ночью, когда лошади далеко уходятъ пастись, онъ долженъ постоянно объѣзжать табунъ, потому-что тогда-то и собираются всѣ опасности отъ волковъ, воровъ, бури и прочаго. Въ проливной дождь и метель ему хуже, чѣмъ лошадямъ, потому-что послѣднія могутъ отвертываться отъ вѣтра, а онъ долженъ постоянно идти противъ направленія бури, чтобъ смотрѣть за лошадьми и отгонять ихъ; иначе онѣ безъ призора, въ сильную непогоду, разсѣваются по обнаженной степи... Табунщикъ обыкновенно носитъ панталоны изъ шкуры жеребячей или телячей; родъ камзола изъ того же матеріала, внутрь шерстью, подъ которою прежде билось лошадиное сердце, согрѣваетъ его грудь. Все это стягиваетъ кожаный ремень, къ которому навѣ-

шиваются разныя рѣдкости: кусочки металла, янтарь, деньги, древности...

Такъ-какъ табунщики бываютъ и врачами порученной имъ скотины, и почти всегда знаютъ съ дюжину разныхъ средствъ, то обыкновенно пояса ихъ обвѣшиваются хирургическими и медицинскими снарядами. Они носятъ высокія, цилиндрическія шапки изъ чернаго бараньяго мѣха. Сверху надѣваютъ свитку изъ темной овечьей шерсти; снаружи къ ней придѣланъ большой капишонъ, который надвигается на шапку и лицо и въ которомъ, какъ въ древнихъ шлемахъ, оставлены отверстія для глазъ, носа и рта. Въ хорошую погоду капишонъ виситъ на спинѣ, какъ мѣшокъ, и дѣйствительно вмѣсто его и употребляется... Табунщикъ бываетъ вооруженъ арапникомъ, арканомъ и дубиной. Арканъ—веревка, длиною аршинъ въ пятнадцать, съ узломъ на концѣ: когда нужно, табунщикъ бросаетъ его на лошадь, обматываетъ веревку объ ея шею, затягиваетъ узелъ и повергаетъ плѣнника на землю. Дубинка обдѣлана на кончикѣ желѣзомъ: ею бьютъ, иногда ее бросаютъ.

Сверхъ этихъ вещей и чашки съ водою (такъ какъ надобно возить съ собою и колодезь, необходимый при безводіи степей), сверхъ сумы съ хлѣбомъ и фляжки съ водкой, табунщикъ имѣетъ еще нѣкоторыя бездѣлицы, что можно себѣ и представить, если вообразить, что лошадь его—арсеналъ, спальня, кладовая и кухня, и что она должна мчать въ галопъ всѣ предметы, удовлетворяющіе жизненнымъ потребностямъ. Эти, сказаннымъ образомъ обвѣшанные, вооруженные дубиновержцы, работая своимъ хлопающимъ арапникомъ, умѣютъ удивительно искусно управлять неукротимыми конями своего табуна, рѣшать ихъ споры, водить ихъ днемъ и ночью, въ бури и непогоды, защищать отъ волковъ. Болѣе всего хлопотъ причиняютъ имъ жеребцы, которые постоянно стараются утвердить свою власть надъ другими лошадьми, а потому и находятся съ ними во всегдашней враждѣ...

Эти злые и упрямые султаны табуновъ, изъ коихъ нѣкоторые живутъ въ степи лѣтъ по пятнадцати и двадцати, не видавъ въ глаза конюшни, иногда до того надоѣдаютъ табунщикамъ, что они проклинаютъ свое ремесло, отправляются къ хозяевамъ и объявляютъ, что они съ такимъ-то жеребцомъ не могутъ болѣе служить и, какъ говоритъ Коль, или имъ не служить, или жеребцу не быть въ табунѣ!.. Въ такихъ случаяхъ своевольный жеребецъ продается, или на время отсылается въ темницу конюшни, гдѣ и долженъ искупить свою необузданность.

При неимовѣрныхъ трудахъ, табунщикъ рѣдко достигаетъ старости. Разумѣется, и плата ему бываетъ высока. Они получаютъ ежегодно отъ пяти до шести рублей за лошадь, и, слѣдовательно, за тысячу

штукъ получатъ отъ пяти до шести тысячъ рублей ассигнаціями! Это было бы выгодное жалованье для пастуха, еслибъ онъ не долженъ былъ платить за пропадающихъ лошадей, нанимать себѣ товарищей, которыхъ при табунѣ въ тысячу лошадей не можетъ быть менѣе трехъ, и держать своихъ верховыхъ лошадей для ѣзды.

Кража лошадей въ степяхъ производится иногда въ большомъ видѣ, и при несчастіи можно въ одну ночь потерять большое число. Впрочемъ, если табунщики счастливы, ловки, поселяютъ страхъ въ ворахъ и звѣряхъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ могутъ собрать порядочный капиталецъ и оставить свое званіе. Но жадность къ деньгамъ ослѣпляетъ ихъ: они не оставляютъ своего ремесла вò-время и обыкновенно теряютъ все, чтò до того успѣютъ сберечь.

Иногда въ тяжелой жизни табунщиковъ бываетъ и веселье. Денегъ у нихъ довольно, жидъ вѣритъ на сколько угодно, и они проводятъ ночи въ степныхъ корчмахъ. Поутру, проспавшись, мчатся на бѣгунахъ за табуномъ и сгоняютъ разсѣянныхъ. Если лошади въ ночь надѣлали вредъ въ поляхъ или садахъ, то они умѣютъ хитростями избѣжать отвѣтственности.

Бываютъ и между табунщиками ужасные конокрады. Если они прогоняютъ свой табунъ, то берегись странникъ, остановившійся на большой дорогѣ. Будто занимаясь только своими лошадьми, они подходятъ ближе и ближе и пасутъ своихъ лошадей подлѣ дороги; но чуть солнце закатится и наступятъ сумерки, они напрягаютъ свое зрѣніе, какъ совы, и гдѣ только завидятъ парочку лошадокъ, которыхъ, можетъ-быть, выпрягъ обозникъ и пустилъ на травку, или которыя зашли подалѣе отъ сосѣдней деревни, тотчасъ настигаютъ ихъ безжалостнымъ арканомъ и гонятъ весь табунъ въ степь. Табунщики не держатъ краденаго добра, а передаютъ его своимъ пріятелямъ противной стороны, съ которыми всегда имѣютъ ночныя сходбища; эти пріятели препровождаютъ плѣнниковъ далѣе, и такимъ-образомъ слѣдъ ихъ теряется. Время этихъ сдѣлокъ—тихая лѣтняя ночь... Воры-пастухи совершаютъ тогда свои переѣзды верстъ по сорока и по пятидесяти, о которыхъ такъ же мало извѣстно, какъ и о ночныхъ странствованіяхъ хищныхъ жителей пустыни. Монгольскіе могильные холмы бываютъ при этомъ случаѣ мѣстами сходки, впадины пещеръ—кошельками, а широкая степь—базаромъ...

Весною лошадямъ приволье во всѣхъ отношеніяхъ. Только волки, проголодавшись послѣ зимы, иногда ихъ сильно безпокоятъ. Волки, конечно, не осмѣливаются прямо нападать на табуны, оберегаемые пастухами; но иногда случается имъ зарѣзать жеребенка, оставленнаго матерью, или отсталую хромую лошадь. Если то завидятъ другія лошади, то не даютъ пощады, а дубинка пастуха вылетаетъ изъ

его рукъ и убиваетъ хищника до смерти. Лѣтомъ случается, что лошади терпятъ отъ жаровъ. Тогда онѣ пасутся только ночью въ прохладныхъ, нѣсколько сыроватыхъ долинахъ и оврагахъ, но къ утру уже теряютъ аппетитъ и не ѣдятъ болѣе ни былинки. При наступленіи жара, онѣ выходятъ на высокую степь, которая иногда еще освѣжается вѣтеркомъ, тогда-какъ долины и овраги, бывшіе ночью прохладными погребами, днемъ раскаляются, какъ печи. Такъ-какъ въ степи тѣни вовсе нѣтъ, то лошади становятся въ кружокъ головами и доставляютъ другъ другу тѣнь, хотя, впрочемъ, весьма скудную. Въ этомъ положеніи стоятъ онѣ небольшими отдѣленіями по цѣлымъ часамъ, какъ статуи, и иногда только мотаютъ головой, навѣвая тѣмъ себѣ нѣсколько прохлады. Пастухи обыкновенно лежатъ кружками. Послѣ жажды и зноя лѣта, наступаетъ наконецъ пріятное осеннее время, когда степь вновь зеленѣетъ, вода течетъ обильнѣе, табуны отгуливаются и собираются со свѣжими силами.

Собственно въ началѣ октября всѣ стада возвращаются изъ степей, или ихъ выгоняютъ туда только днемъ. Но если стоитъ хорошее время, то оставляютъ ихъ въ степяхъ и послѣ этого срока, пока наконецъ вдругъ налетитъ вьюга, предвѣстница зимы. Тогда только и слышно, что у того помѣщика вьюга загнала сотню лошадей въ лиманъ, озеро, образовавшееся отъ морскихъ наводненій, у другаго еще болѣе погибло въ оврагѣ. Но еще хуже этихъ вьюгъ густые туманы, случающіеся осенью, такъ-что шагахъ въ десяти ничего нельзя различить. Тогда пастухи собираютъ свои табуны въ возможно-тѣсный кругъ и безпрестанно его объѣзжаютъ; иногда туманы образуются такъ скоро, что лошадей не успѣваютъ собрать: если притомъ являются еще злые люди, то гибель табуна неизбѣжна.

Табуны пригоняются на ярмарки, для продажи лошадей, въ Балту и въ Бердичевъ. На ярмаркахъ обводятъ мѣста веревками или обносятъ лѣсомъ, и туда пускаютъ табуны. Подлѣ сидитъ хозяинъ, вокругъ ходятъ охотники и покупщики и выбираютъ. Отъ продавца нельзя требовать, чтобъ онъ показалъ или подвелъ лошадь. Онъ отвѣчаетъ, что „это дикія лошади, смотрите и выбирайте: такой-то лошади столько-то лѣтъ, я стою за это, больше ни за что не ручаюсь,—она стоитъ столько-то. Но напередъ я не могу поймать лошади: это стоитъ много хлопотъ, и пожалуй при этомъ еще испортишь лошадь. Дайте табунщику столько-то на водку... Если поймаетъ хорошо и осторожно, ваша взяла!“ Дѣйствительно, табунщикъ можетъ такъ туго набросить арканъ, что отъ этого лошадь пострадаетъ. Самыя большія покупки дѣлаются не на ярмаркахъ, а въ самыхъ табунахъ. Ремонтеры и вообще оптовые закупщики ѣздятъ изъ табуна въ табунъ и разспрашиваютъ, есть ли лошади столькихъ-то лѣтъ, такого-то цвѣта, замѣ-

чаютъ, сколько ихъ, и когда набрали достаточное число, то отправляютъ ихъ на мѣсто назначенія. При полученіи смотрятъ только лошадямъ въ зубы, чтобъ убѣдиться на счетъ лѣтъ; впрочемъ, извѣстно, что этотъ дикій товаръ приблизительно имѣетъ равную цѣну, и что только воспитаніе и обученіе лошади открываетъ ея хорошія и худыя свойства.

Мы должны сказать еще нѣсколько словъ о зимѣ. Это время года самое несчастное для бѣдныхъ животныхъ: оно исполнено лишеній, голода, холода, производитъ болѣзни и даже смерть. Загонъ, гдѣ ихъ собираютъ, представляетъ валъ, обведенный рвомъ; только по мѣстамъ находится родъ крыши для защиты отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Въ такомъ жалкомъ жильѣ бѣдныя животныя должны терпѣть ужасную стужу. Въ то же время они подвергаются иногда мученіямъ голода.

Въ началѣ зимы, когда въ степяхъ подъ снѣгомъ еще зеленѣютъ немногія осеннія травы, табунщикъ подкладываетъ имъ иногда пуки сѣна и соломы, и такимъ образомъ онѣ перебиваются кое-какъ до января. Но тогда недостатокъ проявляется во всей силѣ; всѣ запасы истощаются, дурная погода продолжается, и бѣдному табуну подкладываютъ уже солому, назначенную было для топлива, и тростникъ; въ отчаянныхъ случаяхъ раскрываютъ соломенныя и тростниковыя крыши и кормятъ скотъ тѣмъ, что достаютъ. Всякую зиму табуны выходятъ больными и исхудалыми, будто привидѣнія. Счастіе, когда лошади еще выходятъ, потому-что случаются зимы, когда онѣ падаютъ жертвами лишеній; много лѣтъ тогда потребно для того, чтобы вновь поправить и усилить табуны. Въ такіе годы,—по словамъ автора „Обозрѣнія экономической статистики Россіи“,—хозяева готовы отдать все. Они обращаются къ скрягамъ, которые, въ надеждѣ на такія времена, цѣлые годы хранили сѣнные запасы и теперь продаютъ ихъ за безмѣрную цѣну, открываютъ амбары съ хлѣбомъ, который былъ спрятанъ для „благопріятныхъ обстоятельствъ“. Картофель, рѣпа, кукуруза, хлѣбъ, все дѣлится съ животными; скупость человѣка переходитъ въ жалость.

1855 г.

V.

БЮДЖЕТЪ ОДНОГО ВЗЯТОЧНИКА.

На-дняхъ судьба забросила меня, мимоѣздомъ, въ одинъ глухой степной городокъ.

Дѣло было простое: еврею, возницѣ моему, разумѣется на долгихъ, нужно было покормить лошадей. Вылѣзши изъ-подъ клеенчатой занавѣски душнаго фургона, я вошелъ въ питейный домъ, при которомъ находился и постоялый заѣзжій дворъ. Въ ожиданіи яичницы и вѣчнаго самовара, я усѣлся передъ столикомъ, въ качествѣ самаго кроткаго и долготерпѣливаго странника. Модныя журнальныя картинки тридцатыхъ годовъ висѣли между окнами въ рамкахъ. Пожаръ Московскаго театра, удостоившійся уже чести перейти на носовые платки и обои, помѣщался на двухъ полосахъ послѣднихъ, облѣпившихъ уголъ стѣны у печи. Духота была смертельная. Вдругъ я услышалъ: „Держи, держи! воръ! гвалтъ, держи!“ —и въ то же время мимо окна промчались взапуски, шлепая туфлями, два незнакомыхъ еврея, въ фуфайкахъ, и мой возница, также еврей. Я выбѣжалъ на крыльцо. Оказалось, что пока извозчикъ мой и шинкарь пересказывали другъ другу новости о Харьковѣ и Кіевѣ, о Іоськахъ и Юдкахъ, смѣлая и ловкая посторонняя рука, почти въ виду евреевъ, направилась въ фургонъ, вытащила оттуда мое пальто и мѣшокъ съ поклажей и готовилась уже скрыться за уголъ. Общій гвалтъ поднялъ на ноги цѣлый кварталъ. Выскочили изъ дворовъ Хайки, Нухимы, Мошки и Берки. Воръ былъ схваченъ и съ тріумфомъ отправленъ въ полицію при несмѣтной толпѣ любопытныхъ. Онъ оказался отставнымъ уланскимъ солдатомъ Шебардинымъ. Схваченный за полу обезумѣвшимъ отъ страху и злости евреемъ, племянникомъ шинкаря, онъ озадачилъ всѣхъ вопросомъ: „Гдѣ тутъ живетъ Селивёрстовъ?“ — „Кто Селивёрстовъ?“ — „А нашъ солдатикъ!“ — „А на что?“ — „Да я его тутъ искалъ!“ — „Въ фургонѣ??? Ступай, ступай къ частному...“

Такимъ-то образомъ я и познакомился съ героемъ моего разсказа, съ частнымъ приставомъ уѣзднаго степнаго городка NN, городка,

окруженнаго безлѣсьемъ и глушью и выстроеннаго „въ разсыпку и разметку“, чисто по-украински, на невылазномъ пескѣ. Частный приставъ, назовемъ его хоть Иванъ Семенычемъ, былъ непостижимо добрымъ, толстымъ, живымъ и уморительно-подвижнымъ, пятидесяти-пяти лѣтнимъ существомъ. Маленькими, нѣжными и веселыми глазками онъ такъ и смотрѣлъ въ душу. Переваливаясь то съ дивана на стулъ, то со стула опять на диванъ, онъ поминутно поджималъ подъ себя ножки, складывалъ на животѣ руки, утиралъ клѣтчатымъ платкомъ потѣющее лицо и подбородокъ и заливался самымъ добродушнымъ смѣхомъ. Послѣ кучи весело разсказанныхъ анекдотовъ, когда я былъ уже представленъ его женѣ, свояченицѣ и двумъ его дѣтямъ, Петѣ и Ѳеклушѣ,—находясь подъ вліяніемъ происшествія съ воромъ и комическихъ разсказовъ хозяина, я медленно отодвинулъ стаканъ съ чаемъ, помолчалъ и вдругъ озадачилъ частнаго пристава такимъ вопросомъ:

— „Послушайте, Иванъ Семенычъ, скажите мнѣ по правдѣ... берете вы взятки?“

Хозяинъ мой замеръ на стулѣ; улыбка его застыла на губахъ.

— Какъ-съ?—спросилъ онъ немного погодя и весь превратился въ изумленіе.

Болѣе онъ не произнесъ ни слова, и я самъ видѣлъ, какъ капля крупнаго пота собралась у него на лысинѣ, сползла на лобъ и стала скатываться на носъ...

— „Берете ли вы взятки?“—повторилъ я внятно и явственно.

— Ахъ, батюшки! да что это такое? Какіе вы вопросы задаете?—отвѣтилъ Иванъ Семенычъ, утираясь платкомъ и сѣменя ногами по полу. Животъ его такъ и ходилъ; жена усиленно сморкалась у окна; свояченица, потупя глаза, подбирала на спицы кучу спущенныхъ петель. Даже Петя и Ѳеклуша, съ разинутыми ртами, стояли у двери и казались изумленными...

— „Эхъ, Иванъ Семенычъ, Иванъ Семенычъ, что же васъ такъ смутилъ мой вопросъ. И неужели вамъ не приходило въ голову, что такой же вопросъ: „А ну-ка, почтеннѣйшее чадо Іоаннъ, не бралъ ли ты взятокъ?“ зададутъ вамъ на томъ свѣтѣ?

Приставъ молча и сурово всталъ со стула, бережно оправилъ жилетъ и сюртукъ съ форменными пуговицами, не глядя на меня, раза два прошелся по комнатѣ, сталъ у окна и сказалъ:

— Милостивый государь, такими вещами не шутятъ!

Я кинулся его успокоивать, хотѣлъ все обратить въ шутку, ссылался на мой откровенный, нѣсколько вѣтренный и юркій характеръ, столько вредившій мнѣ въ жизни въ былые годы. Иванъ Семенычъ, молча выслушавъ меня, сказалъ: „Жена, сестра, дѣти, маршъ! оставьте насъ!“—и когда тѣ вышли, съ увлеченіемъ сжалъ мнѣ руки и спросилъ:

— Какъ вы думаете... я подлецъ?

Я былъ въ свою очередь озадаченъ!

— „Подлецъ, подлецъ!“ думаете вы!—подхватилъ съ горячностью Иванъ Семенычъ:—и всѣ вы такъ думаете! Да оно, пожалуй, что и правда!

— „О! помилуйте!—началъ я:—я не думалъ, не мыслилъ васъ обидѣть, Иванъ Семенычъ“.

Онъ утерся, заперъ крѣпче дверь, сѣлъ и стиснулъ меня за руку:

— Милостивый государь! Скажу вамъ, что я васъ не боюсь! Молоды вы очень пугать насъ! Вздоръ вся ваша обличительная литература! Да и не провести вамъ насъ, старыхъ воробьевъ! Вы не служите: это видѣлъ я изъ вашего паспорта! Ну, да хоть бы вы и служили, хоть бы и раз-ученые были всѣ ваши высшіе чины, такъ все-таки ничего они съ нами не сдѣлаютъ. Скажите вы этимъ господамъ, коли когда приведетъ васъ судьба говорить съ ними, что ничего таки, ровно ничего они не сдѣлаютъ съ нами! Такъ-таки ровно ничего! Коли насъ, мелкихъ, топить, такъ топи палаты, правленія, цѣлые уѣзды, губерніи! Всѣ нынче на насъ ѣздятъ! Вонъ начальникъ, одинъ изъ бывшихъ у насъ, не чета вашимъ обличителямъ, вздумалъ отставлять взяточниковъ. Началось дѣло съ надсмотрщиковъ гражданской палаты по крѣпостнымъ дѣламъ, вывозящихъ въ концѣ года по 20 тысячъ рублей серебромъ изъ города, и, переходя вдоль всякихъ секретарей, протоколистовъ и столоначальниковъ, покончилось становыми приставами! Что же-съ?? Вышелъ такой годикъ, скажу вамъ, что пришлось хоть публиковать въ губернскихъ вѣдомостяхъ о вызовѣ лицъ, желающихъ служить, положимъ, въ губернскомъ правленіи и двухъ нашихъ палатахъ! Всѣ чиновники ушли да и не далеко, и тутъ же близко ушли, даже въ ту же губернію: поступили на службу къ другому начальству... Да-съ! Тутъ-же, на рѣчкѣ Безыменкѣ, въ каменныхъ палатахъ проживалъ у насъ свой начальникъ откупщикъ, господинъ, положимъ, Чубуковъ, Климъ Григорьевичъ! Жилъ онъ на всей вольготности, ѣлъ на золотѣ, спалъ на бархатѣ, ходилъ по атласу, сидѣлъ на шелку и глядѣлъ на милліоны. Помощничекъ его, откупщикъ въ осьмнадцатомъ отъ него колѣнѣ и выжига такой же, какъ и онъ, 84-й пробы, получалъ жалованья отъ него 3.000 рублей серебромъ! Три тысячи рублей серебромъ—и получаетъ кто-же? кулакъ, борода, синяя чуйка, рядецъ изъ села Трехполтинова! Да вѣдь это генеральское и чуть-чуть не сенаторское жалованье! Господи! Такъ какъ-же было не бѣжать къ такому-то трехъ-бунчужному пашѣ, къ такому Сарданапалу нашимъ всѣмъ чиновникамъ? Ну, и перебѣжали! Онъ же кстати и не важничаетъ, не говоритъ вамъ *ты*, не лицепріятничаетъ, формуляровъ самовластно и по пустякамъ на вѣки

не мараетъ, не гнетъ всѣхъ за грошъ въ три-погибели, денегъ даетъ вдоволь, хоть за то и требуетъ службы на чистоту, и не упрекаетъ за взятки... потому-что тамъ взятокъ уже никто и не беретъ, и брать не можетъ, затѣмъ, что каждый въ жизни обезпеченъ. Сказано очень умно: работникъ дорожитъ тѣмъ мѣстомъ, которое его обезпечиваетъ. Беретъ же тотъ, кто не взять—не можетъ. Вы не вѣрите?—Слушайте: говорю вамъ по совѣсти. Взятки бываютъ трехъ родовъ: вынужденныя, добровольныя и навязчивыя. За вынужденныя—да покараетъ насъ Богъ! Навязчивыхъ нынѣ уже мало... А добровольныя—добровольныя беру-съ... и я!

У меня морозъ прошелъ по кожѣ. Иванъ Семенычъ набилъ трубку, высѣкъ огня, закурилъ и отворилъ дверь.

— Пойдемте въ садъ. Душно здѣсь. Я вамъ сообщу одну вещицу.

Мы вышли, побродили по единственной дорожкѣ, какая была въ саду, пока начало вечерѣть, сѣли на лавочкѣ, и приставъ, разговорившись о своихъ расходахъ и житьѣ-бытьѣ, спросилъ меня:

— Знаете ли, сколько я получаю жалованья?

— „Нѣтъ!"

— Двѣсти рублей ассигнаціями.

Я ничего не отвѣтилъ.

— А хотите ли знать, сколько мнѣ съ семьей, да и всякому другому нужно непремѣнно прожить въ этой трущобѣ?

— „Не знаю".

— Такъ слушайте же и, если захотите, хоть записывайте. Помните только, что жалованья я получаю двѣсти рублей ассигнаціями въ годъ.

И онъ началъ такъ:

— Домъ мой состоитъ изъ меня, жены, свояченицы, двухъ дѣтей, кухарки, дѣвчонки для прислуги, кучера, лошади и дворовой собаки. Итого: осьми человѣкъ и двухъ скотовъ. Пожалуй, вы скажете, что безъ жены, значитъ и безъ дѣтей, можно бы, для сокращенія расходовъ, и обойтись въ пользу страны? Ну, да вѣдь ими-то господа частные пристава прежде своего сана обзаводятся!.. Издержки начинаются съ обѣда. Пожалуй, вы скажете, что и обѣдъ ненуженъ. На это отвѣчу, что даже тотъ писецъ уѣзднаго суда, который получаетъ въ мѣсяцъ казеннаго жалованія 3 рубля серебромъ и нанимаетъ квартиру за городомъ въ двухъ верстахъ, и тотъ эту квартиру нанимаетъ со столомъ, съ платою по 5 р. сер., вмѣстѣ за этотъ столъ и квартиру. (Замѣчайте: 3 и 5! Онъ уже на два цѣлковыхъ долженъ взять взятку). Итакъ, я ѣмъ и пью чай. Это уже обычай самыхъ бѣдныхъ русскихъ людей... то-есть, виноватъ, взяточниковъ!—Чаю выходитъ у меня въ мѣсяцъ 1 фунтъ; чай именуется: фамильный, цѣною у насъ

$1^{1}/_{2}$ р. сер. Сахару выходитъ въ утро 8 кусковъ. Я пью въ накладку; остальная семья въ прикуску; свояченица же моя, ради смиренности и сиротства своего, даже въ приглядку, какъ я тому ни противился. Итого 8 кусковъ въ утро, 10 фунтовъ въ мѣсяцъ; по 30 коп. сер. фунтъ у Лебезнева: 3 р. сер. въ мѣсяцъ. Да $1^{1}/_{2}$ р. сер. за чай. Въ мѣсяцъ всего $4^{1}/_{2}$ р. сер.; а въ годъ чай и сахаръ 54 р. сер. Далѣе, обѣдъ нашъ и людской. Нашъ: на базарѣ берется 5 фунтовъ говядины, у того же Лебезнева-мошенника, хоть придуши его, по 3 к. сер., значитъ на 15 к. сер. Хлѣба: три булки по 12 к. сер. каждая (еще въ 1849 году я самъ тутъ засталъ булку по 5 к. сер.), всего за хлѣбъ 36 к. сер.—Зелени: капусты, моркови на 3 к. сер.— Картофелю: кладите тоже на 3 к. сер. — Крупъ въ кашу: на 6 к сер. — Соль берется оптомъ. Ну, кладите въ обѣдъ на все кушанье на 3 к. сер. Масла на весь обѣдъ въ кашу и на заправу блюдъ, по отсутствію кормовъ для скота, 30 к. сер. (пудъ нынѣ по 12 р. сер.). Хрѣнъ, уксусъ и горчица также запасаются оптомъ. Ну, кладите въ обѣдъ: на 4 к. сер. Да молока копѣекъ на 10 сер. Считайте-ка по пальцамъ, ну-ка! три да три, три да три копѣйки сер. А сочтите обѣдъ. (Мы принесли счеты и стали выкладывать аккуратно). Въ итогѣ выходитъ: 1 рубль 10 к. сер. Считайте еще, что послѣдніе три года, во время войны, говядина была по 5 к. сер. за фунтъ, такъ и больше выйдетъ. Безъ рюмки водки трудно обойтись въ нашемъ ремеслѣ, послѣ всякой бѣготни: еще 3 к. сер. Итого нашъ обѣдъ въ день 1 р. 13 к. сер.—Теперь людской. Если нашъ состоитъ всего изъ борща, каши и жаркого, то людской можетъ уже смѣло состоять: изъ одного борща и каши. Кладите имъ: вмѣсто мяса, на трехъ человѣкъ, сала свиного на 3 к. сер.; зелени на 3 к. сер.; крупъ для каши на 5 к. сер.; квасу-сыровцу на 3 к. сер., соли на 3 к. сер.; хлѣба ржаного на 12 к. сер. Итого: людской обѣдъ 29 к. сер. —Съ нашимъ вмѣстѣ, общій обѣдъ въ моемъ домѣ: 1 р. 42 к. сер.

Замѣтьте, высчитавши это, я по строжайшей экономіи кладу, что ужинъ моей семьѣ и людямъ долженъ составляться, если желудокъ потребуетъ таковаго, изъ остатковъ обѣденныхъ. Изъ нихъ же должна продовольствоваться круглый годъ дворовая собака. И изъ тѣхъ же, наконецъ, экономическихъ остатковъ должны пополняться болѣе роскошными прибавками обѣдъ и ужинъ въ праздничные дни. Предоставляю вамъ судить, каковы, значитъ, у насъ эти праздничные банкеты, въ Рождество, на Новый Годъ и на Пасху, когда, по пословицѣ, „и у подпечной крысы сластей полныя мисы".

Итакъ, *ѣда* (то-есть чай, обѣдъ и ужинъ) въ моемъ домѣ обходится: обѣдъ по 1 р. 42 к. сер. въ день, въ мѣсяцъ 42 р. 60 к. сер., въ годъ 511 р. 20 к.; а включая сюда стоимость чая въ годъ,

приведенную выше, 54 р. сер., получимъ всего въ итогѣ за ѣду въ годъ: 565 р. 20 к. сер.

Далѣе. Квартира здѣсь, подобная моей, стоитъ 150 р. сер. Кладите, что мнѣ сбавляютъ по отводу 70 р. сер.—Я доплачиваю отъ себя: 80 р. сер. Ихъ только и считаемъ.

Дрова. Сажень у насъ, на безлѣсьѣ, стоитъ 13 р. сер. Нужно въ обрѣзъ 6 саженъ въ годъ: итого 78 р. сер. — Да на кухню кладите не дровъ, а навознаго овечьяго кирпича, по здѣшнему кизяка, 2 сажени въ годъ, по 5 руб. сер.: итого 10 руб. сер. Выходитъ на дрова 88 р. сер.

Далѣе. Освѣщеніе. Кладите 1 фунтъ сальныхъ свѣчей на два дня, или 3 фунта въ недѣлю, въ пятьдесятъ недѣль 150 фунтовъ, по 12 к. сер. Сколько выйдетъ?—18 р. сер. въ годъ.

Переходимъ къ одеждѣ. Я дѣлаю пару платья въ годъ. Сукно по 2 р. сер. аршинъ; 5 аршинъ на пару, на сюртукъ и брюки—10 р. сер. Работа Щеголеву или Швенкелю 3 р. сер. Прикладъ 2 р. Сапогъ три пары въ годъ, по 3 р. сер.; итого 10 р. сер. (Тутъ считается починка на 1 р. сер.). Бѣлье, галстухи, жилетъ и шапка—на все кладу въ годъ 5 р. сер. Значитъ, мой костюмъ въ годъ: 35 р. с.

Жена моя. Два платья ситцевыхъ по 2 р. сер. съ шитьемъ и одно къ празднику шелковое, канаусовое, 10 р. сер. Вы скажете, зачѣмъ шелковое? А вонъ не хотите ли посмотрѣть? Видите, вонъ, идетъ мой хожалый солдатъ, изъ губернскихъ будочниковъ? У него есть жена. Какъ бы вы думали? И она носитъ шелковыя платья! Что скажетъ моя жена, коли я откажу? Итакъ, за платья 14 р. сер. Шляпка одна въ годъ: 4 р. сер. Чепчикъ: 2 руб. сер. — Башмаковъ 6 паръ, по 50 к. сер., — 3 руб. сер. — Платокъ большой на плечи 2 р. сер.—Мантилья 6 р. сер. Зонтикъ 2 р. сер. Всего женинъ нарядъ 33 р. сер.

Можетъ быть, да и навѣрное, я еще многое тутъ позабылъ. Ну, да пусть уже такъ! Одежду свояченицы кладите столько же, 33 р. сер. — У другихъ нѣтъ свояченицъ—ну, тѣ и счастливцы. Моя хоть и пьетъ чай въ приглядку, за то вертитъ хвостомъ не хуже моей половины. Одежду обоихъ дѣтей: каждому кладите столько же, коли не больше; вы знаете, что такое дѣти?.. Ну, да при хлопотахъ матери, кладите обоимъ 33 р. сер. Итакъ, одежда всей семьи, со мною, выходитъ: 134 р. сер. въ годъ.

Одежда людская. Дѣвкѣ комнатной старое барынино платье. Кромѣ того, на 2 фартука, по 40 к. сер.,—хотя лѣтомъ полагается ходить босикомъ, но все-таки она сноситъ въ годъ 2 пары башмаковъ, по 40 к. сер., и одни сапоги въ $1^1/_2$ р. сер.; два платка: въ 30 и

50 к. сер.—Тулупъ на зиму: 5 р. сер.—Двѣ рубахи, по 1 р. сер. каждая,—считая холстъ по 7 к. сер. аршинъ. Итого 10 р. 90 к. с.

Кучеру: 2 пары сапогъ — 3 р. сер. Тулупъ: 5 р. сер. Армякъ: 4 р. сер.—Поясъ: 50 к. сер. Шапка зимняя: 1 р. сер. Лѣтняя: 75 к. сер. Рукавицы: 50 к. сер. Двѣ китайчатыхъ рубахи $1^1/_2$ р. сер. Однѣ брюки китайчатыя, кубовыя синія: $1^1/_2$ р. с.

Кухаркѣ: менѣе, чѣмъ дѣвкѣ въ платкахъ, но болѣе въ сапогахъ, по случаю ходьбы на базаръ зимой и на рѣку мыть бѣлье въ проруби. Значитъ, тоже самое: 10 р. 90 к. сер. А всего одежда дворни въ годъ: 41 р. 5 к.

Жалованье бабамъ (о, изумленіе!) кладите всего по 10 р. сер. въ годъ! Менѣе 1 р. сер. въ мѣсяцъ! Вѣдь это — со временъ царя Гороха и царицы Чечевицы! Жалованье кучеру не полагается: онъ изъ полицейскихъ, только армякъ носитъ.

Но вотъ что всего любопытнѣе, и этимъ я завершу свой бюджетъ. Какъ вы думаете, нужна мнѣ лошадь? Нужна или нѣтъ, отвѣчайте прямо?! Вы улыбаетесь, считаете это прихотью? Нѣтъ-съ, не прихоть это-съ. Говорятъ тебѣ: драка, воровство, офицеры буйство чинятъ, жида побили! Гдѣ, какъ? Въ Скотовиловкѣ. Ну, и бѣги въ Скотовиловку! А Скотовиловка ровно четыре версты за городомъ и въ городской чертѣ считается! И сколько такихъ селъ считается въ городской чертѣ?.. Да и городъ-то весь почти изъ селъ сострoился, на пять мѣряныхъ верстъ раскинулся! На пять верстъ! Цѣпь длинная! Ну, и исходи, избѣгай ее въ день съ конца въ конецъ разъ пять — шесть! А исторіи въ родѣ вашей тутъ каждый день: изъ народонаселенія двѣ трети жидовъ; они смирны, да за то грязны. А вѣдь полиція и чистоту нравовъ, и чистоту заднихъ дворовъ наблюдай! Войска проходятъ поминутно: смотри и за ихъ выгодами! Словомъ, батюшка, безъ лошади да безъ таратаечки нашему брату не обойтись. Ну-съ, и содержимъ мы эту лошадь! Такъ какъ-же-бы вы думали? Сколько стоитъ содержаніе лошади въ годъ? А?.. Считая возъ сѣна, въ три-четыре копны, въ 3 р. сер., а по нынѣшнимъ цѣнамъ и того дороже, выйдетъ въ годъ: 60 р. сер. Ровно, значитъ, содержаніе моего рысистаго скота стоитъ столько, сколько я самъ получаю жалованья: двѣсти рублей ассигнаціями, съ небольшимъ! Вотъ и судите, брать ли намъ взятки, или не брать?.. Подводите итогъ, подводите... Это для меня самого любопытно...

И онъ устремилъ глаза на счеты...

Я положилъ на счетахъ всѣ вышеозначенныя цифры, взглянулъ на кости и пришелъ въ истинное изумленіе. На костяхъ стояло въ итогѣ:

Чай и сахаръ.	54 р.	сер.
Пища семьи и дворни	511 „	20 к. с.
Квартира	80 „	—
Дрова	88 „	—
Освѣщеніе	18 „	—
Платье семьи	134 „	—
Одежда дворни	41 „	5 „ „
Жалованье бабамъ	20 „	—
Прокормъ лошади	60 „	—
Ремонтъ упряжи и домашней утвари. .	10 „	—
Всего въ годъ	1016 р.	25 к. с.

Я не могъ вытерпѣть и вскочилъ...

— „Тысяча шестнадцать рублей двадцать пять копѣекъ серебромъ!“ — воскликнулъ я: — „да возможное-ли это дѣло? Здѣсь, въ глуши!..“

— Тысяча шестнадцать рублей, точно такъ! Не менѣе, о, еще далеко не менѣе тысячи серебромъ! Вы скажете, что хоть это и въ обрѣзъ, да можетъ быть во всемъ и экономія? Не спорю... Но на эту экономію я положилъ праздники и ужинъ (я на ужинъ ни семьѣ, ни дворнѣ, ни скотамъ ничего ни клалъ!). А теперь еще положите: болѣзни, непредвидѣнные случаи, посылки матери моей... Вѣдь у меня 80-ти лѣтняя старуха мать еще жива — и у брата въ Житомірѣ живетъ... Да на постъ: на говѣнье попу, на молебны; на сласти, наконецъ...

— „О, если еще сласти считать...“ замѣтилъ я.

— А какъ бы вы думали: безъ трубки табаку обойдется теперь нашъ братъ?? Вѣдь я уже все принимаю въ разсчетъ... И жена нюхаетъ! Богомоловскій 3-й сортъ, да подмѣшиваетъ золы... А конфектъ дѣтишкамъ я и не кладу...

Мы помолчали и встали. Уже окончательно стемнѣло, и скоро мѣсяцъ вырѣзался изъ-за соборной церкви, построенной еще, какъ говорятъ, при Запорожцахъ.

— „На комъ же вы, Иванъ Семеновичъ, добираете то, чего вамъ не даетъ казна?“ — спросилъ я, ходя по саду.

Приставъ хотѣлъ отвѣтить и замолчалъ. Надъ заборомъ у воротъ показалась голова моего жида-возницы. Онъ сгоралъ нетерпѣніемъ и страхомъ при видѣ долгаго визита моего у пристава и подъѣхалъ съ фургономъ. Я ему крикнулъ, чтобъ онъ отъѣхалъ къ сторонѣ, а самъ возобновилъ вопросъ. Приставъ вздохнулъ, и на лицѣ его показалось то же строгое и печальное выраженіе, какое я еще въ домѣ разъ у него замѣтилъ.

— Съ купцовъ беремъ... — отвѣтилъ онъ со вздохомъ: — вѣдь они все

сами тычутъ, добровольно тычутъ! Съ безпаспортныхъ тоже... Съ этихъ нашъ городничій, правда, лично получаетъ; ну, да знаетъ тоже честь, и съ нами дѣлится. Бѣглыхъ у насъ особенно много лѣтомъ и зимой на заработкахъ проживаетъ. Все съ сѣвера Россіи! Потомъ ярмарки... Десять тысячъ серебромъ у насъ полиціи одна весенняя ярмарка даетъ. Народъ-то тогда все голодный; ну, и украсть, и выпить, и побуйствовать любитъ! Вора поймаешь, его посадишь въ холодную, а изъ кармановъ-то его кража все въ нашъ же карманъ идетъ! Жиды тоже за явку паспортовъ даютъ... Наконецъ и откупъ... Взятка съ этой козы такая уже, что и не взять совѣстно! Не подоишь ее, такъ пожалуй, говорятъ, и заболѣетъ коза... Да и мало ли еще съ кого... Все добровольныя, а насилія нѣтъ, убей Богъ, нѣтъ... Больно все вздорожало, и все тутъ... А насилія мы, по крайней мѣрѣ я, не дѣлаемъ, убей Богъ—ни на волосъ!

— „Иванъ Семеновичъ,—сказалъ я, прощаясь съ добродушнымъ старикомъ:—вы не будете сердиться за одинъ вопросъ?"

— А что? опять спросите: взяточникъ ли я и подлецъ-ли?

— „О, нѣтъ! Помилуйте, что вы говорите?"

— Такъ что-же?

— „Позволите вы мнѣ напечатать то, что вы мнѣ теперь разсказали? У меня одинъ знакомый въ журналахъ пишетъ..."

— Напечатать?.. А, пожалуй! Только по имени не обзовите,—а то городничій прогонитъ... Я литературу люблю и самъ г. Щедрина и г. Громеку читалъ; а тотъ — и-и!.. не любитъ, убей Богъ, не любитъ... говоритъ, всѣхъ этихъ писателей бы въ мѣшокъ, да въ воду...

1860 г.

VI.

ШАМИЛЬ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Пока столицы еще ждали кавказскаго героя, наши степи уже встрѣчали его. 12-го сентября Шамиль проѣхалъ черезъ Изюмъ. 13-го утромъ, въ 4 часа, онъ былъ на станціи въ Чугуевѣ, въ 36 верстахъ отъ Харькова. Я проѣзжалъ въ это время черезъ Чугуевъ. Значительная толпа народа суетилась у подъѣзда станціи. Въ корридорѣ, у дверей въ комнаты на-лѣво, стояли молча офицеры и нѣсколько генераловъ. Всѣ говорили шепотомъ. Иные нагибались къ замочной скважинѣ и смотрѣли въ комнату.

— Шамиль напился чаю и спитъ!—сказалъ кто-то.

— Такъ онъ и чай пьетъ?—спросили изъ толпы.

Вышелъ изъ комнаты, гдѣ отдыхалъ имамъ, въ черкесскомъ нарядѣ офицеръ, говорившій по-русски.

— Чтò Шамиль?—спросили его.

— Легъ вздремнуть.

— А Кази-Магона, его сынъ?

— Куритъ папироску.

— Мариландъ Спиглазова?—спросилъ кто-то.

Офицеръ вынулъ пачку изъ кармана и взглянулъ на сигнатурку.

— Нѣтъ, Достоевскаго! — отвѣтилъ онъ съ улыбкой:—купили въ Бахмутѣ; крѣпкія, турецкія.

Мнѣ сразу мелькнулъ въ умѣ Петербургъ и почтенный фабрикантъ, авторъ „Бѣлыхъ ночей“ и очень недурныхъ папиросъ.

— Какъ его взяли?—допрашивалъ молодой офицерикъ:—говорятъ, что его жена, армянка, стрѣляла по многимъ въ послѣднія минуты, что у него два мильона денегъ серебромъ и золотомъ осталось, и что онъ просился въ Мекку?

— Многое говорятъ,—отвѣтилъ офицеръ въ черкескѣ:—Дюмà еще не то напишетъ! Читали мы его сказки! А Шамиль и не знаетъ про него; мы спрашивали.

Толпа у дверей засуетилась. Вышелъ сынъ Шамиля—съ бѣлымъ, нѣсколько грубымъ и загорѣлымъ лицомъ, въ свѣтломъ плащѣ верблюжьяго цвѣта и въ черной бараньей папахѣ на головѣ. Съ нимъ переводчикъ.

— Имамъ проснулся и позволяетъ войти всѣмъ! — сказалъ онъ громко и съ улыбкой, въ отвѣтъ на всякія просьбы стоявшихъ у замочной скважины.

Мы всѣ вошли. Шамиль сидѣлъ на станціонномъ диванѣ, старенькомъ, столько знакомомъ каждому изъ насъ, у ломбернаго стола. Комната, оклеенная полосатыми обоями, украшалась портретомъ Государя Императора, въ ростъ, надъ диваномъ. Шамиль сидѣлъ подъ портретомъ и, при входѣ нашемъ, повѣрялъ свои карманные часы съ большими часами, висѣвшими на стѣнѣ, при входѣ въ комнату. Мы поклонились и полукругомъ, толпой человѣкъ въ тридцать, стали близъ него, шагахъ въ двухъ. Онъ спряталъ часы въ карманъ, куда-то подъ бѣлые костяные патроны на груди черной черкески, и тихо, болѣе глазами, чѣмъ головой, отвѣтилъ на нашъ поклонъ. Всѣ молчали, только смотрѣли на него.

Вотъ его портретъ. Огромная, бѣлая, свернутая не то изъ кисеи, не то изъ тонкой шерстяной ткани, чалма на головѣ; широкая, длинная, подкрашенная коричневою краскою, борода; черные, нѣсколько блуждающіе, будто убѣгающіе отъ рѣзкаго дневнаго свѣта, глаза, постоянно опущенные книзу. Въ рукахъ четки. Лицо гладкое и еще довольно свѣжее. У глаза нѣсколько морщинъ. Морщина, и довольно рѣзкая, между бровей. Губы его иногда что-то шепчутъ, будто молитву. Голосъ его тихій, нѣсколько глухой. Вообще, Шамиль производитъ скорѣе впечатлѣніе духовнаго лица, нежели воинственнаго человѣка. Это скорѣе герой романовъ Морьера и лицо изъ мистическихъ и тихихъ сказокъ „Тысячи и одной ночи“, чѣмъ виновникъ кровавыхъ реляцій „Инвалида“, отъ намѣстничества графа Воронцова до князя Барятинскаго. Смотря на эти мягкіе, ласковые глаза, на старческое, монашеское шептаніе губъ, на четки и неподвижную, сурмленную бороду, съ важностью которой насъ познакомили съ дѣтства и похожденія Хаджи-Бабы въ Испагани, и пресловутая „Шехеразада“, никакъ нельзя допустить, чтобы этотъ человѣкъ былъ виновникомъ драмъ, оглашавшихъ столько лѣтъ Кавказъ. Такія лица я видѣлъ въ Крыму, задолго до войны, подъ вечеръ, за перилами башенокъ минарета, сзывавшихъ прохожихъ на молитвы.

Мы стояли, молчали, смотрѣли и смотрѣли. Вотъ онъ вздохнулъ, вотъ бѣлыми, небольшими руками сталъ поправлять перевязь на груди, у шашки. Оружіе ему возвращено. Сзади, за кучею стоявшихъ, шелъ разговоръ шепотомъ; говорилъ станціонный смотритель.—Это пріѣхалъ,

выслалъ всѣхъ, прослалъ коврикъ, разулся, умылся и давай молиться; молился долго. Напился чаю и легъ спать. Да не спалъ, все ворочался. Потомъ сталъ говорить. Я спрашиваю переводчика, о чемъ онъ бормочетъ. Говоритъ: наскучило ѣхать въ каретѣ; просится ѣхать въ Петербургъ верхомъ.

Посѣтители еще постояли, посмотрѣли, помолчали и стали расходиться.

— Вотъ онъ какой! Тихій, да простой.

— Такъ это-то Шамиль? И стоило будить меня въ четыре часа, глазѣть на него: такъ себѣ, какой-то простякъ, родъ татарина, чтò съ халатами ходятъ.

На крыльцѣ стояли два русскіе офицера, изъ кавказскихъ уроженцевъ, въ черкескахъ, прикомандированные къ сосѣдней дивизіи, собранной въ Чугуевѣ.

— Эхъ, левъ, левъ, голова-то, глаза! Вотъ геній, вотъ герой царственный!—говорилъ одинъ изъ нихъ съ пылавшими глазами:—у такого великаго плѣнника и на ординарцахъ не безчестье простоять! Вотъ бы сюжетъ Лермонтову. Это не чета Печорину.

Толки шли разные. Были и такія недостойныя слова: „Звѣрь, чистый звѣрь; чтò на него смотрѣть! Въ крѣпость его теперь; не мало народу онъ погубилъ!“

Я опять воротился въ комнату. Шамиля окружали спутники его, въ черкескахъ. Почтительно снявши съ него чалму, въ то время, какъ онъ все еще сидѣлъ на диванѣ (причемъ я замѣтилъ его бритую, серебристую голову, прикрытую парчевою шапочкой), спутники надѣли ему черезъ плечо ятаганъ, служа ему, какъ служатъ послушники высшему духовному лицу. Шамиль спросилъ, скоро ли онъ поѣдетъ далѣе. Ему сказали, что посланный къ корпусному командиру все еще не возвращается. Прошло еще довольно времени. Посланный воротился и объявилъ, что корпусный командиръ на свиданіе не будетъ. Ему подали лошадей. Онъ всталъ, накинулъ плащъ, быстро оглянулся и быстро прошелъ по опустѣлой комнатѣ. Тутъ только, при видѣ его исполинскаго роста и твердой, царственной поступи, мнѣ пришли на умъ Ахта и Гергебиль, Дарго и Ведены. Сѣвши въ карету (говорятъ, уступленную ему княземъ Барятинскимъ), онъ раза три нетерпѣливо оглядывался и все спрашивалъ что-то. Это онъ ждалъ замѣшкавшагося своего сына. Ямщикъ тронулъ возжи, и Шамиль уѣхалъ, среди новой толпы, собравшейся на улицѣ уже оживленнаго города.

Подкатили дрожечки, на нихъ два юнкера.

— Эхъ, Петя, опоздали! Не догнать-ли его?

— Нѣтъ, Гриша, не догонишь! Лошадь пристала!

— Такъ какъ же?

— А какъ? Въ Кочеткѣ (въ пяти верстахъ), въ воксалѣ, сегодня Юлію Пастрану показываютъ; лучше вечеромъ поѣдемъ туда!

— Ну, хорошо...

И простодушныя дрожечки поѣхали назадъ.

День этотъ и слѣдующій прошли тихо. Только войска все передвигались. Подъ вечеръ изъ Харькова прискакалъ фельдъегерь. Объявлено, что Государь будетъ въ Чугуевъ не 16, а 15 сентября, завтра, во вторникъ, утромъ, что смотръ войскамъ назначенъ также 15, и что Шамиль 14 опять будетъ назадъ въ Чугуевъ изъ Харькова, что ему объявлено приказаніе быть на царскомъ смотру.

Въ самомъ дѣлѣ, вечеромъ 14 числа, въ понедѣльникъ, новый фельдъегерь привезъ извѣстіе, что Шамиль выѣхалъ снова изъ Харькова, въ 6 часовъ послѣ обѣда, и въ 8 будетъ въ Чугуевѣ и остановится въ домѣ начальника округа, на площади, рядомъ съ корпуснымъ штабомъ, близъ собора. Толпа дамъ, уже въ 7 часовъ, ожидала его, разряженная, въ сѣняхъ подъѣзда. Шли новые толки.

— Вы слышали, mesdames, что Шамиль въ Харьковѣ былъ въ конномъ циркѣ и такъ восхитился представленіемъ плясуновъ и — главное—плясуній, что спросилъ, нельзя-ли начать представленіе снова?

— Я только-что изъ Харькова,—отозвалась одна дама:—тамъ его не увидѣла, такъ пріѣхала сюда.

— Разскажите, какъ же онъ тамъ принятъ...

— Онъ остановился на Екатеринославской улицѣ, катался на лошадяхъ, совершенно восхитился городомъ и дамами, нахлынувшими къ нему. Однѣ потчивали его ананасами, другія конфектами, третьи улыбками. Кто-то спросилъ, нравятся-ли ему наши дамы? Онъ отвѣчалъ: не всѣ—молодыя.

— А вы знаете, что̀ за судъ онъ изрекъ года за два, на Кавказѣ, надъ однимъ жидомъ?—спросилъ какой-то офицеръ:—говорятъ, одинъ черкесъ, рубя дрова, взялъ въ плѣнъ еврея, русскаго маркитанта, и посадилъ его сзади себя верхомъ на коня. Дорогою еврей, дрожа отъ ужаса, выдернулъ изъ-за его пояса топоръ, убилъ черкеса, столкнулъ его и поскакалъ, но былъ пойманъ другимъ черкесомъ, видѣвшимъ это, и приведенъ къ Шамилю. Вотъ судъ Шамиля: семью убитаго черкеса онъ велѣлъ наградить; черкеса, поймавшаго вновь еврея, велѣлъ высѣчь, за то, что онъ на мѣстѣ не убилъ жида; а жиду объявилъ такъ: прощаю тебя за то, что въ первый разъ въ жизни вижу храбраго жида...

Вошелъ полный господинъ, съ вѣстью, что пріѣхалъ передовой Шамиля. Ворвавшійся вѣтеръ чуть не загасилъ стеариновой свѣчи на стѣнѣ сѣней.

— Ахъ, Боже мой, войдетъ Шамиль, и мы его не увидимъ впотьмахъ; нельзя-ли лампу?

Но сторожъ-солдатъ былъ неумолимъ и не обращалъ вниманія на вопли дамъ, хотя, въ самомъ дѣлѣ, свѣча то и дѣло гасла. Вдругъ подъѣхалъ экипажъ, вошелъ сынъ Шамиля съ мюридомъ, и едва прошелъ по лѣстницѣ вверхъ, явился и самъ имамъ. Многіе прошли за нимъ наверхъ. Ему тотчасъ подали чай. Онъ сѣлъ на диванъ и окинулъ глазами комнату. Три картины, рисованныя масляными красками, висѣли по стѣнамъ: сцены изъ библейской исторіи и пожаръ какого-то города. На пожаръ онъ глядѣлъ долѣе. Опять вошли дамы и новые офицеры, столпились полукругомъ у стола, стояли, молчали и смотрѣли... Пронесли ему двѣ складныя кровати. Глаза у него слипались. Онъ даже зѣвнулъ; на большомъ пальцѣ правой руки, державшей черныя четки, блеснуло серебряное, грубой работы, кольцо. Посѣтители постояли, посмотрѣли и разошлись.

На утро Государь принималъ Шамиля. Имамъ, какъ я самъ видѣлъ, шелъ во временной дворецъ блѣднѣе обыкновеннаго и тревожно двигалъ руками, гладя бороду. Потомъ Шамиль былъ на смотру, верхомъ. Блистательное войско, парадные наряды и эволюціи заняли его чрезвычайно.

Но вотъ Государь въ половинѣ 3 часа по полудни 16-го сентября въѣхалъ въ Харьковъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Шамиль. Въ 8 часовъ вечера зажглась по городу иллюминація. Запылала въ огняхъ громадная, исполинская колокольня собора, зажглись вензеля, тріумфальныя арки на площадяхъ, запылало электрическое солнце надъ университетомъ. Шамиля повезли по городу.

— Чтò это? вѣрно слова какія-нибудь?—спросилъ онъ, подъѣзжая съ Екатеринославской улицы къ университету, гдѣ надъ горой изъ огней составлена была надпись, длиною саженей въ 50, вдоль оконъ, надъ тополями.

— Да, слова,—отвѣтилъ переводчикъ.

— Чтò-же такое, я хочу знать?

— „*Да распространяется повсюду стремленіе къ просвѣщенію!*“

— А!...

И имамъ склонилъ голову, въ знакъ удовольствія.

Но вотъ у освѣщеннаго дворянскаго собранія толпа крикнула ура. Государь пріѣхалъ на дворянскій балъ. Шамиль въ бѣломъ тюрбанѣ, бѣлой кашемировой черкескѣ, съ сыномъ и тремя мюридами, высился надъ раздушенною толпою дамъ. Войдя въ залъ, Шамиль отшатнулся отъ двери, такъ его поразило освѣщеніе, убранство громадной залы, украшенной гербами уѣздовъ и цвѣтами, блескъ свѣчей и нарядовъ.

Заиграла музыка, пары двинулись въ польскомъ. Шамиль вошелъ въ толпу, изумленными глазами окидывая костюмы дамъ...

— Боже мой,—говорили въ толпѣ, разглядывая его сурмленную бороду, усы, черные, блуждающіе глаза, бѣлый огромный тюрбанъ и губы, шептавшія какія-то слова:—кто сказалъ бы еще недѣлю назадъ, что Шамиль, вооруженный Шамиль, будетъ въ Харьковѣ, на балѣ, среди дамъ, танцующихъ польскій?

Балъ развернулся во всемъ блескѣ. Толпа сдвигалась поминутно вездѣ, куда шелъ „послѣдній кавказскій левъ".

— Не усталъ-ли имамъ?—спросили его черезъ переводчика:—вчера онъ былъ на смотру съ дороги, сегодня съ дороги на балу?

— Въ присутствіи Его Величества Русскаго Императора я не чувствую усталости!—отвѣтилъ Шамиль.

— А кто ему изъ дамъ болѣе нравится?

— Всѣ нравятся!—отвѣтилъ Шамиль.

— А позволяетъ-ли ему законъ его вѣры быть въ обществѣ женщинъ?

— Я самъ законъ моей вѣры и могу...

Въ родѣ этого давалъ отвѣты глава мюридизма на пышномъ балѣ Харькова.

Сыну его дали одинъ вопросъ:

— Видите, какъ у насъ всѣ свободны, какъ весело?

— Да, хорошо у васъ; но надо много денегъ!

Одинъ молоденькій господинъ протиснулся къ Шамилю и спросилъ переводчика:

— Читалъ ли Шамиль книгу г. Вердеревскаго: „Плѣнъ у Шамиля княгинь Орбеліани и Чавчавадзе?"

— Шамиль не видѣлъ ни одной европейской книги и не знаетъ, что о немъ пишутъ!

— А газеты у него получались?

— Ему дѣла не было до газетъ; а покойный его сынъ получалъ Петербургскія и Московскія Вѣдомости, но недолго!

На балѣ узнали, что Шамилю назначено жить въ Калугѣ.

— Отчего вы такъ упорно не сдавались? Видите, какъ здѣсь хорошо!

— Да, я жалѣю, что не зналъ Россіи и что ранѣе не искалъ ея дружбы! Я съ полнымъ довѣріемъ теперь ѣду въ глубь Россіи, въ Москву и въ Петербургъ...

Жены его и сынъ Магма-Шапи остались въ Шурахъ.

Еще часа два ходила толпа на балѣ за нимъ. Онъ не ужиналъ, смотрѣлся въ зеркала новой залы, нарочно выстроенной для пріѣзда

Государя, еще прошелся и уѣхалъ, сказавши губернскому предводителю дворянства, когда Государь уже уѣхалъ:

— Все, что̀ я здѣсь видѣлъ, меня очень заняло; но въ особенности то, какъ любитъ высокое сословіе дворянъ своего молодаго Государя!

Черезъ день Шамиль уѣзжалъ въ Москву.

На крыльцѣ его спросили:

— Какъ же все это, что̀ онъ видитъ, можно сравнить съ его Кавказомъ?

Шамиль отвѣтилъ:

— Кавказъ--это жизнь, дѣйствительность; а то, что̀ теперь вижу, сказка для меня!

1859 г.

МЕЛКІЯ СТАТЬИ.

I.

КАРРИКАТУРА ВЪ РОССІИ

ВЪ СТАРИНУ.

Въ Россіи каррикатура существуетъ давно. Въ Публичной Библіотекѣ хранятся два собранія лубочныхъ картинокъ, принадлежавшихъ Погодину и Далю. Послѣднее (шесть тетрадей, въ большой листъ) заключаетъ въ себѣ: 1) картины духовнаго содержанія, изображенія лицъ библейской исторіи, числомъ 177; 2) изображенія духовныхъ событій, мѣстъ и аллегорій, 144 картины; 3) картины поучительныя, примѣры въ лицахъ, иносказанія, явленія природы и перелицовки, 120; 4) въ большой листъ—духовныя и иносказательныя картины, до 100; 5) картины шуточныя и сказочныя, сказки въ лицахъ и сказочныя преданія, до 80, и 6) картины шуточно-балагурныя, какъ онѣ названы въ надписи надъ фоліантомъ. Послѣднихъ помѣщено до 112.

Первыя народныя каррикатуры въ Россіи встрѣчаются въ лубочныхъ изданіяхъ. Что̀ такое лубочныя картинки? По словамъ Снегирева („Историческій Сборникъ“ Д. Валуева, 191—221 стр., 1845 г.), изъ псковской правой грамоты 1148 года видно, что писывали въ старину на „лубѣ“—„тое вы бы досмотрѣли, да и на лубъ выписали“—по рѣдкости и дороговизнѣ бумаги и пергамента. Лубочныя картинки развѣшиваются донынѣ для продажи на лубкахъ. Въ Москвѣ есть улица „Лубянка“, близъ которой находится урочище „Печатники“—Печатная Слобода въ XVII вѣкѣ, гдѣ рѣзались на лубахъ картинки, называемыя суздальскими, по разнощикамъ-суздальцамъ, которые въ свою очередь называются еще въ Сибири панками, а въ Осташковѣ богатырями, отъ продаваемыхъ ими „богатырей“. Множество рукъ занято донынѣ въ Москвѣ и подмосковныхъ деревняхъ вырѣзываніемъ и испещреніемъ этихъ картинокъ. Самоучки-рѣзчики не отступаютъ ни на шагъ отъ вѣковыхъ образцовъ и красятъ, какъ красили еще при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, корни зеленою краскою, деревья сандальною, наряды сурикомъ, а лица баканомъ. Морозовъ, наставникъ Царя Алексѣя Михайловича, училъ своего питомца по картинкамъ. Зотовъ, учитель Петра I, извѣстный подъ именемъ Князя-Папы,

также прибѣгалъ къ рисункамъ, развѣшивая ихъ по учебной комнатѣ питомца. Живопись въ Россіи, встрѣчаемая на древнѣйшихъ памятникахъ, „Святославовомъ Сборникѣ“, „Житіи Бориса и Глѣба“, лицевыхъ псалтыряхъ XV и XVI вѣковъ, произвела гравированіе, заимствовавъ его, позже, черезъ Польшу и Литву изъ Германіи. Печатное дѣло явилось въ Москвѣ и называлось прежде фряжскимъ дѣломъ. „Смѣта въ што станутъ двѣ штанбы печатныя здѣлами, да станы на фряжское дѣло“ — (1612 г.). — Къ первой книгѣ Апостола, печатанной въ Москвѣ 1564 г., приложенъ эстампъ, изображающій Св. Евангелиста Луку. Въ 1629 году явился эстампъ, хранящійся въ библіотекѣ гр. Ѳ. П. Толстого, съ подписью: „Темница богогродная святыхъ осужденникъ“. Съ тѣхъ поръ рѣзьба и печатаніе на деревѣ у насъ утвердились. Въ царствованіе Петра I стали извѣстны имена граверовъ: Ѳедора Никитина, Мартына Нехорошевскаго, Григорія Тептегорскаго, вырѣзавшаго въ 1713 году, въ Москвѣ, „Мѣсяцословъ въ лицахъ“. Въ началѣ XVIII вѣка, въ Москвѣ учреждено особенное гравировальное заведеніе подъ надзоромъ Брюсса, выпустившее въ свѣтъ первыя наши географическія карты, портреты и разные эстампы. При Екатеринѣ I, въ Петербургѣ, открыта въ Академіи Наукъ фигурная типографія. Наконецъ, въ царствованіе Екатерины II и въ послѣдующіе годы гравированіе въ Россіи, подъ вліяніемъ Академіи Художествъ, расширило свои предѣлы и произвело такіе таланты, каковы гр. Ѳ. П. Толстой, Іорданъ, Уткинъ, Иванъ Теребеневъ и другіе.

Въ XVII вѣкѣ впервые появились у насъ и сатирическія картинки, или такъ называемые: „Нѣмецкіе потѣшные листы“.

Въ приходорасходной книгѣ Оружейной Палаты 1634—37 годовъ, по словамъ Снегирева, сказано: „іюня въ 16 день дано торговымъ людямъ овощнаго ряду за Нѣмецкіе за печатные листы 20 алтынъ; а взяли тѣ листы изъ Государевы Мастерскія палаты въ хоромы государю Царевичу Алексѣю Михайловичу“. Въ другой говорится: „Торговому человѣку Андрюшкѣ Петрову за девять листовъ потѣшныхъ 8 алтынъ и 2 деньги“. Любопытно еще, что въ „Журналѣ изящныхъ искусствъ“, изд. на 1807 г. профессоромъ Буле, по замѣчанію одного путешественника, сказано: „Видѣнныя на ярмаркѣ въ Сенъ-Клу французскія лубочныя картинки — ничто передъ нашими, московскаго издѣлія. И тѣ, и другія рѣшительно въ одномъ стилѣ. Но во французскихъ нѣтъ той замысловатости, какую мы находимъ въ нашихъ“.

Первые потѣшные листы, изобличавшіе житейскія глупости, пороки и нелѣпости, явились въ видѣ разговоровъ: мальчика съ мудрецомъ, профессора съ мужикомъ и глупаго жениха со свахою. Далѣе являются уже болѣе полныя каррикатуры: 1) денежный дьяволъ сып-

летъ на землю деньги, а подбираютъ ихъ цѣловальники, портные, сапожники, стряпчіе, ярыжки прошлаго вѣка и франтихи; 2) изображеніе быка, ставшаго мясникомъ, мужика—судіею, осла—погонщикомъ, дѣтей, сѣкущихъ старика, и другихъ нелѣпостей; 3) извѣстная притча: Голландскій лѣкарь и добрый аптекарь; 4) Ѳомушка музыкантъ, да Ерема поплюхантъ; 5) Прохоръ да Борисъ—поссорились, подрались; 6) головные уборы чудовищнаго вида у дамы и кавалера щеголей XVIII вѣка; 7) спеленанный нѣмецъ, гдѣ уже прямо виденъ задатокъ будущаго, болѣе-художественнаго направленія нашей каррикатуры, и 8) веселое гулянье кота съ кошкою, на шестеркѣ мышей, цугомъ, въ коляскѣ, — сатира на старосвѣтскіе поѣзды прошлаго времени.

Скоро явились и политическія каррикатуры. Въ тетради собранія Даля „Балагурныхъ лубочныхъ картинокъ“ (въ Публичной Библіотекѣ) рядъ народныхъ сатиръ открывается пятью образцами извѣстной картинки: Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обверчена въ черныхъ тряпицахъ, какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь съ церемоніею отдавали. Снегиревъ говоритъ, что безотчетное преданіе относитъ эту лубочную каррикатуру ко времени Царя Ивана Васильевича. Другіе ее относятъ ко времени Петра I; третьи—къ погребенію въ Римѣ папы, который ревностно старался, черезъ своихъ коммиссіонеровъ, сѣять въ Россіи сѣмена католицизма. Въ сочиненіи Чеха Вѣнцеслава Гайка, 1552 года, изданномъ въ Вѣнѣ въ 1783 году, упоминается объ этомъ покушеніи римскаго первосвященника, и при этомъ на поляхъ отмѣчено: „Изготовили-было такую же сатиру, какую лютеране съ прочими, о погребеніи кота“ („Вѣстникъ Европы“, 1821 года, № 9). Сюда же относятся насмѣшки надъ нашимъ старымъ сутяжествомъ и дѣлопроизводствомъ въ лубочныхъ картинкахъ: „Шемякинъ Судъ“ — „Челобитная леща на окуня“ и „Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ“, полнѣйшая изъ всѣхъ (въ далевскомъ собраніи, въ Публичной Библіотекѣ, въ четырехъ превосходныхъ образцахъ), гдѣ является лещъ-сутяга и крючкотворъ. Подписи послѣдней каррикатуры не имѣютъ ничего равнаго себѣ, кромѣ развѣ „Притчи о пѣтухѣ и о курицѣ“, гдѣ пѣтухъ приговоренъ къ наказанію: „за его отлучку изъ своего дому, отъ своихъ куръ, и о возъимѣніи съ чужими амуръ“. Извѣстны остроумныя подписи въ „Повѣсти о Ершѣ“:

Пришелъ Богданъ—ерша Богъ далъ; пришелъ Устинъ—ерша упустилъ; пришелъ Иванъ—опять ерша поймалъ; пришелъ Потапъ—сталъ ерша топтать; пришелъ Давыдъ—сталъ ерша давить; пришелъ Лазарь—по ерша слазилъ; пришелъ Мартынъ—Константину барыша алтынъ; пришелъ Назаръ—понесъ ерша на базаръ! Нынѣ дороги! Пришелъ

Аносъ—и даромъ ерша унесъ; пришелъ Павелъ—котелъ поставилъ; пришелъ Селиванъ—воды въ котелъ наливалъ; пришелъ Глѣбъ—принесъ хлѣбъ; пришелъ Вавила—поднялъ ерша на вилу; пришелъ Филиппъ—сталъ ерша пилить; пришелъ Андрей—Тита по плѣши огрѣлъ; пришелъ Елизаръ—только полизалъ и пр.

Войны Россіи съ Турками, Поляками и „постылыми Нѣмцами" въ особенности давали поводъ къ народнымъ каррикатурамъ. Такъ, любопытно, что семилѣтняя война увѣковѣчилась каррикатурами: гдѣ „казаки берутъ верхъ надъ толстобрюхими прусскими драбантами". Первые выѣзжаютъ съ пиками въ рукахъ, а послѣдніе съ трубками въ зубахъ.

Кромѣ войны, моды и борьба новизны съ стариною давали также пищу русской лубочной сатирѣ. Изображены барыни прошлаго вѣка, съ чепцами на головѣ на подобіе кораблей, дававшими поводъ острякамъ говорить: „Щеголихи носятъ на головахъ цѣлыя деревни!" Тутъ-же „фишбейны", „бочки" и „черныя мушки", означавшія, какъ извѣстно, цѣлыя рѣчи: мушка на концѣ носа—отказъ, среди носа—отказъ не всѣмъ; на подбородкѣ—надежда; между бровей—вѣрность; подъ щекою—пылъ страсти. Не забыты и парики съ трехъ-этажными пуклями, длинными косами и кошельками. Наконецъ, являются совершенно опредѣленныя сатиры на позднѣйшій семейный бытъ: 1) „Старый мужъ и молодая жена", 2) „О богатомъ купцѣ, пропившемъ упрямую жену", 3) „Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро", 4) „Ограбленный медвѣдь, нарядившійся петиметромъ," и 5) „Репримантъ хвастливымъ людямъ, которые въ гости къ себѣ многихъ зовутъ, а сами отъ того изъ дома бѣгутъ". Сюда же относится и знаменитое „Сказаніе о честномъ Семикѣ и о честной Масляницѣ", которое въ далевскомъ собраніи, въ Публичной Библіотекѣ, въ V тетради, находится въ шести превосходныхъ образцахъ; одинъ изъ послѣднихъ даже отличается отдаленною древностью и очевидно претерпѣлъ множество переходовъ по нашимъ деревнямъ и станціоннымъ домамъ.

Въ далевскомъ собраніи находятся еще слѣдующія картинки: 1) Куре доброгласное, воспѣваніе твое великое и красное, звѣрямъ спѣть очень сласное; 2) медвѣдь съ козою проклажаются, на музыкѣ своей забавляются (семь экземпляровъ разныхъ изданій), 3) голандскій лѣкарь и добрый аптекарь (четыре образца), гдѣ, между прочимъ, такая подпись: „Объявилъ своей науки, чтобъ старухи не были въ старой скукѣ, я всѣхъ старухъ молодыми переправлю и ума прибавлю; вотъ и машина изготовлена, и все къ ней приноровлено; всякая старуха помолодѣетъ и прежнее чувство возымѣетъ; старики телѣжки покупали, старухъ съ радостью къ лѣкарю отпускали, иныхъ же на себѣ таскали; въ машину сажаютъ, мѣхами раздуваютъ; старуха за-

скакала, заплясала и въ пятнадцать лѣтъ себя показала. Кто знаетъ это ученіе—поправлять старухъ безъ мученія? А я много переправилъ, и себя вездѣ прославилъ". На рисункѣ старухи подаютъ просьбы о перерожденіи, старики ихъ ведутъ и несутъ; а голландскій лѣкарь стоитъ съ лѣкарствами. 4) Пословица: змѣя хоть и умираетъ, а зелье все хватаетъ; 5) разговоръ между профессоромъ и крестьяниномъ; 6) книжникъ и мальчикъ; 7) пьющій и непьющій; 8) о пьянствѣ; 9) пьяница; 10) аптека цѣлительная съ похмѣлья; 11) знаменитая картинка: печеніе блиновъ, съ подписью: „Пожалуй, поди прочь отъ меня, мнѣ нѣтъ дѣла до тебя; пришедъ, хваташъ, блины печь мѣшашъ" и т. д.; 12) воръ съ курицей; 13) это, бабушка, грыжа; 14) Парамошка съ Савоською въ карты играли; 15) Прохоръ да Борисъ,—и другія.

Ходебщики съ „райками", на гуляньяхъ о масляной недѣлѣ и на святкахъ, издавна показываютъ лубочныя картины, сопровождая ихъ особыми прибаутками: „А вотъ городъ Щетинъ; тамъ стоятъ два корабля, одинъ съ дымомъ, другой съ пылью; ѣдутъ въ Питеръ, дешево продадутъ, богачами вернутся, извѣстно—нѣмцы!"—или: „А вотъ городъ Парижъ, войдешь—угоришь!"—„Входитъ въ трактиръ подъячій, требуетъ пирогъ горячій".

Теребеневскія каррикатуры 12-го года уже были чисто-политическими. Въ Публичной Библіотекѣ есть два сборника этихъ каррикатуръ: погодинскій и принадлежащій Библіотекѣ. Въ тридцатыхъ годахъ они, какъ рѣдкость, продавались въ Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, въ лавкѣ подъ № 37 по Зеркальной линіи, у Слёнина. Въ 1855 году онѣ изданы были вновь по мѣднымъ доскамъ, оставшимся у сыновей Теребенева, литографомъ Траншелемъ. Тогда вышла одна тетрадь, въ числѣ десяти каррикатуръ, очень красиво иллюминованныхъ. По одной припискѣ на частномъ экземплярѣ значится, что въ отечественную войну эти каррикатуры продавались по 5 р. ассигн. за картину. Альбомъ 1855 года изъ 10 картинъ продавался по 3 р. сер. съ пересылкой. Въ экземплярѣ Публичной Библіотеки съ теребеневскими каррикатурами переплетены и другія каррикатуры 1812 года, частію подражанія, частію дополненія къ первымъ. На теребеневскихъ стоитъ подпись: Иванъ Теребеневъ,—иногда буквы: И. Т.; на иныхъ же вовсе нѣтъ подписи.

Въ началѣ сборника изображенъ французскій, вороній супъ, поѣдаемый исхудалыми голышами, французами, съ подписью:

„Бѣда намъ съ великимъ нашимъ Наполеономъ:
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ;
Не тутъ-то было! Похлебаемъ-те хоть вороній супъ!"

Картина: Зимнія квартиры Наполеона, — представляетъ Бонапарта въ снѣгу по горло, среди полей, а два генерала торчатъ рядомъ, тоже чуть видные изъ снѣга. Подпись: „Какъ прикажете записать въ бюллетенѣ?“ — „Пишите: остановились на зимнихъ квартирахъ!“

Подкачиваніе на блокахъ. Союзники тянутъ француза къ потолку; другіе ѣдятъ ворону. Подпись:

„Худо въ карты играть,
А козырей не знать!
Господа! эта ворона—
Намъ не оборона!“

Баба и коза. Французы ворвались въ избу. „Что у тебя есть закусить?“ —Коза!— „Ай—ай! караулъ! казакъ!“ и всѣ бѣгутъ вонъ.

Тріумфальное прибытіе въ Парижъ. Наполеонъ стоитъ на ракѣ, который пятится; въ рукахъ его палка; на ней висятъ лавры побѣдъ: собака, телѣга, трубка и лапти; Бонапартъ ползетъ въ тріумфальныя ворота, сдѣланныя въ видѣ висѣлицы; на нихъ висятъ ворона и оселъ; вверху надпись: „Завоевателю“.

Двойникъ этой каррикатуры: Возвращеніе домой русскаго ратника. Ратникъ несетъ на штыкѣ Французовъ; мальчикъ, его сынъ, на древкѣ французскаго знамени ѣдетъ верхомъ. Подпись: „Для курьёзу ребятишкамъ бирюльки несу!“

Крестьянинъ Иванъ Долбила. „Постой, мусью! Не вдругъ пройдешь! Здѣсь хоть мужички—да все Русскіе!“ Слѣдуетъ угощеніе врага, съ подписью: „Вотъ и вилы тройчатки; пригодились убирать да укладывать! Ну, мусью, полно вздрагивать!“

Подобная же картинка, съ подписью:

Русскій Геркулесъ
Загналъ Французовъ въ лѣсъ
И давитъ, какъ мухъ!

Картинка: Вологодскій ратникъ. Подпись: „Французъ: „Пардонъ!“ — А-га! пардонъ, колчаногій? Поминай, какъ тебя звали! Сидѣлъ бы ты дома, такъ не докорналъ бы тебя Ерема!“

Торжественный въѣздъ въ Парижъ непобѣдимой французской арміи. Торжественное шествіе слѣпыхъ, хромыхъ, безногихъ, на деревяшкахъ; на плечахъ несутъ похоронные знаки. По бокамъ улицы скамьи для зрителей, съ нумерами для продажи мѣстъ, пустыя.

Французы-крысы въ гостяхъ у старостихи Василисы. Подпись:

Добрыхъ людей
Да званыхъ гостей
Съ честью у насъ встрѣчаютъ
И въ передній уголъ сажаютъ.

Знать, вы въ Москвѣ-то не солоно похлебали,
Что хуже прежняго и тоще стали!
А кабы занесло васъ въ Питеръ,
Онъ бы вамъ всѣ бока повытеръ!

Эта картина возбуждала въ народѣ особое сочувствіе.

Глобусъ Россіи въ рукахъ врага. Подпись: „Вотъ тебѣ село да вотчина, чтобъ тебя вело да корчило!“

Русская хлѣбъ-соль. Нарисованы палка и бомбы. Подпись: „Что-жъ, батюшка, бѣжишь? вотъ тебѣ хлѣбъ-соль!“

Ледяная гора, съ которой катится величіе французскихъ временщиковъ. Подпись: „Не все коту масляница!“

Ловля рыбы. Подпись:

„Казакъ петлей вокругъ шей
Французовъ удитъ, какъ ершей:
И мелкую сію скотину
Кладетъ въ корзину...“

Пляска Наполеона подъ кнутомъ ратника, при игрѣ мужика на свирѣли. Подпись:

„И мы твою, братъ, слышали, погудку;
Въ присядку попляши теперь подъ нашу дудку!“

Наполеонъ пляшетъ и припѣваетъ, взявшись за бока:

Ахъ, скучно мнѣ
На чужой сторонѣ!

Смотръ французскимъ войскамъ на обратномъ походѣ черезъ Смоленскъ. Французы стоятъ, одѣтые въ пучки сѣна, въ ведра, вмѣсто шишаковъ, въ юбки, фуфайки; тутъ же лошадь, подпертая дрекольемъ. Подпись: „Хотя одѣты некрасиво, да тепло!“

По „Монитёру“: „Усердная и добровольная поставка рекрутъ отъ французскаго народа своему императору“. Нарисованы: калѣка, дряхлый старикъ и общипанный уличный мальчишка. Подпись: „Отъ двухъ департаментовъ три рекрута и двѣ лошади“.

Ретирада французской конницы, съѣвшей въ Россіи лошадей. Нарисованы уланы, кирасиры, гусары, мамелюки, кто на конькахъ, кто на пикѣ верхомъ, кто въ салопѣ, а кто съ лошадинымъ окорокомъ подъ мышкой, про-запасъ.

Каррикатуры—Терентьевна, доколачивающая башмакомъ безпардоннаго француза, и Свинья-парламентеръ и Наполеонъ—отличаются мастерскимъ выполненіемъ, равно-какъ и три сатиры: Французы-учителя и всякіе проходимцы, оставляющіе Россію,—французское воспитаніе и набиваніе головы ребенка западнымъ зломъ...

За каррикатурой: Пусканіе Наполеономъ мыльныхъ пузырей, при-

чемъ на мыльныхъ пузыряхъ надписи его замысловъ: „Порабощеніе Англіи! — Походъ въ Индію! — Присвоеніе всемірной торговли! — Взятіе Петербурга! — Взятіе Риги! — Взятіе Калуги!“ — слѣдуютъ каррикатуры: Носъ, привезенный Наполеономъ изъ Россіи въ Парижъ, и Наполеонъ въ Парижѣ, изображенный на громадныхъ ходуляхъ, съ подписью:

Кто смѣлъ разнесть столь ложны слухи,
Что будто сталъ я меньше мухи?

Въ утѣшеніе Бонапарту, каррикатура: Наполеонъ, прикладывающій себѣ пластыри — листки „Монитёра“.

Кухня главной квартиры въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ. На полу валяются мыши, лягушки, всякая падаль, кошки и собаки; а бабушка Кузьминишна угощаетъ французскихъ мародеровъ щами-кипяткомъ.

Наполеонъ пускаетъ змѣя бумажнаго. На рисункѣ змѣй падаетъ, потому что штыкъ „1813 годъ“ протыкаетъ его. Другой рисунокъ: Карнавалъ или парижскія игрища, гдѣ Наполеонъ изображенъ въ видѣ паяца, занимающаго публику.

Картина съ надписью: „Жидъ обманываетъ вещами, цыганъ лошадьми, французъ воспитаніемъ!“ Внизу вопросъ: „Который вреднѣе?“ — и другая символическая: Портретъ Наполеона; лицо состоитъ изъ труповъ; звѣзда на груди изъ его политической паутины; волосы изъ змѣй, и т. д.

На нѣкоторыхъ теребеневскихъ каррикатурахъ подпись: „Взято изъ „Сына Отечества“, 1813 года“.

Въ числѣ десяти теребеневскихъ каррикатуръ, изданныхъ въ 1855 году, находятся: 1) Французскій вояжеръ въ 1812 году. Изображенъ Наполеонъ на салазкахъ, привязанныхъ къ хвосту свиньи. Онъ говоритъ: „Въ Парижѣ — прокладна, на Москва — очинь жарко!“ а свинья отвѣчаетъ: „Уй, уй, уй, мусью!“ — 2) „Наполеонъ у Русскихъ въ банѣ“, съ подписями: „Наполеонъ: „Эдакого мученья я съ роду не терпѣлъ; меня скоблятъ и жарятъ, какъ въ аду!“ — Ратникъ: „Отдувайся, коли самъ полѣзъ въ русскую баню; попотѣй хорошенько, а мы не устанемъ поддавать пару“. — Солдатъ: „Натремъ тебѣ и бока, и спину, и затылокъ; будешь помнить легкую нашу руку“. — Казакъ: „Побрѣемъ тебя, погладимъ, молодцомъ поставимъ!“ — 3) „Наполеонъ, разбитый при Люценѣ, прикладываетъ пластырь изъ бюллетеней“. — 4) Обратный путь или дѣйствіе русскаго слабительнаго порошка. — 5) Казакъ вручаетъ Наполеону визитный билетъ на взаимное посѣщеніе въ Парижѣ, съ надписью на билетѣ: Москва. 6) Казацкая шутка, извѣстная продѣлка надъ буквой Н (Наполеонъ) въ Берлинѣ. 7) Наполеонъ, въ намѣреніи уничтожить Пруссію, грибъ съѣлъ, — мастерской рисунокъ

гриба, подъ носомъ Бонапарта. 8) Разрушеніе всемірной монархіи. 9) Кораблекрушеніе; корабль летитъ на раздутыхъ парусахъ, съ надписями на нихъ: Италія, Франція, Баварія, Саксонія, Рейнскій союзъ и другіе; онъ разбивается о скалу, съ надписью: Москва; Наполеонъ спасается по морю на лодочкѣ. И 10) „Угощеніе Наполеону въ Россіи," съ надписью:

Свое добро тебѣ пріѣлось,
Гостинцевъ русскихъ захотѣлось;
Вотъ сласти русскія, поѣшь, не подавись,
Вотъ съ перцемъ сбитенёкъ, попей, не обожгись!

При этомъ Наполеона сажаютъ въ бочку съ „*калужскимъ* тѣстомъ", въ ротъ тычутъ ему пряникъ, съ надписью: „*Вяземскій* пряникъ", а въ кружку ему льютъ сбитень, съ надписью на самоварѣ: „Вскипяченъ на *московскомъ* пожарищѣ".

II.

МОСКОВСКАЯ ЧУМА 1770—1771 ГОДА.

„Исторія — лучшій наставникъ человѣчества“.

Императрица Екатерина II.

Сто десять лѣтъ назадъ Россія вела войну съ Турціей. Пробравшись изъ Азіи, чума (Pestis Indica) долго слѣдила тогда за воюющими арміями, поражая тѣхъ, кого щадили ядра и пули, и черезъ Нѣжинъ и Кіевъ наконецъ двинулась къ Серпухову, на сѣверъ.

Въ декабрѣ 1770 г. страшные признаки чумы обозначались, по словамъ императрицы Екатерины, въ Москвѣ („Сборникъ историческаго общества“, т. XIII, 1874 г., стр. 192). Морозы задержали-было ея развитіе. Но *съ первымъ тепломъ весны* слѣдующаго 1771 года, моровая язва распространилась въ Москвѣ съ ужасающей силой. Ее, по словамъ Екатерины, туда завезли съ суконныхъ фабрикъ, вмѣстѣ съ шерстью, изъ Серпухова. (Тамъ же). Трупы людей, умершихъ отъ чумы, валялись по улицамъ; чернь грабила одежды съ мертвыхъ, врывалась въ зачумленные дома. Населеніе Москвы въ отчаяніи и страхѣ бросилось въ окрестныя села и города. Московскій главнокомандующій, старикъ-фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, также бѣжалъ изъ столицы въ свое подмосковное помѣстье, село Марѳино; за нимъ изъ города выѣхали другія знатныя лица и всѣ, кто имѣлъ средства скрыться въ другихъ мѣстахъ.

Императрица Екатерина въ апрѣлѣ 1771 года, поручивъ генералъ-адъютанту графу Якову Брюссу учрежденіе вокругъ Петербурга карантинныхъ заставъ, для предупрежденія моровой язвы, собственноручно писала ему: „Въ разсужденіе оказавшихся въ Москвѣ прилипчивыхъ горячекъ съ пятнами, *о коихъ нынѣ еще доктора спорятъ, какъ оныя именовать*“. Она приказала устроить, сверхъ петербургской, еще слѣдующія заставы отъ Москвы: первую въ Твери, вторую въ Вышнемъ-Волочкѣ, третью въ Бронницахъ, и кромѣ того, на дорогахъ, идущихъ къ Петербургу, „яко знатнѣйшему въ имперіи порту“,

особыя заставы: на старо-русской, тихвинской, новой и старой новгородской и на смоленской дорогахъ. На этихъ заставахъ были опредѣлены „гвардіи офицеры, съ командами“, для наикрѣпчайшаго смотрѣнія, чтобъ никто безъ осмотра и окуренія не былъ пропущенъ изъ ѣдущихъ и пѣшихъ, съ ихъ экипажемъ и пожитками. Тогда же Екатерина велѣла отпустить въ карантины нужные медикаменты и достаточное число врачей. Мѣсяцемъ ранѣе, а именно еще въ мартѣ 1771 г., Екатерина подобныя же полномочія дала въ Москву генералъ-поручику Петру Дмитріевичу Еропкину. (Сбор. ист. общ. 1874 г., XIII т., стр. 80—81).

Между тѣмъ, 18 мая того же года Екатерина писала къ госпожѣ Бьелке (урожденной Гротгусъ): „Тому, кто вамъ скажетъ, что въ Москвѣ чума (la peste), скажите, что онъ *солгалъ*; тамъ были только случаи горячекъ, гнилой и съ пятнами (fièvres putrides et pourprées); но для прекращенія паническаго страха и толковъ, я взяла всѣ предосторожности. Теперь жалуются на строгіе карантины. Не изувѣры ли тѣ, которые видятъ чуму тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ?“ (Тамъ же, стр. 95).

Съ началомъ сентября дѣло, однако, приняло иной оборотъ; 5 сентября Екатерина отвѣчала московскимъ сенаторамъ, по поводу моровой язвы: „Мы вѣдаемъ, что безспорно великая препона быть можетъ скорому учрежденію нашихъ предписаній обширность города, — состояніе домовъ, нравы, застарѣлые обычаи... Но—надлежитъ преодолѣть препятствія, а не ими страшиться,—помогать учрежденію, сдѣланному для общей безопасности отъ мора“.—Повелѣвалось на тридцать верстъ вокругъ Москвы опорожнять подъ карантины дома, выводя жителей въ другія мѣста, а гдѣ нѣтъ домовъ—строить ихъ на счетъ казны; для избавленія людей отъ голода и холода имѣть подрядчиковъ, подвозить припасы,—а наипаче предписывать смотрѣть: „чтобы гражданамъ не было сдѣлано отъ корыстолюбія подлыхъ душъ *утѣсненія и угнетенія*“. (Тамъ же, стр. 164).

9 сентября вышелъ собственноручный манифестъ императрицы—о принятіи общихъ мѣръ противъ чумы, со ссылкой на указы о томъ же предметѣ отъ 1738 года. Въ манифестѣ Екатерина съ соболѣзнованіемъ указывала на тѣхъ, „кои, поставляя карантинъ себѣ за великое отягощеніе, скрываютъ больныхъ и не объявляютъ о нихъ поставленнымъ въ каждой части города начальникамъ; другіе, оставляя больныхъ въ домахъ однихъ, безъ помощи и попеченія, сами разбѣгаются и разносятъ болѣзнь и трепетъ, которыми заражены; третьи вынашиваютъ скрытно мертвыхъ и кидаютъ на улицѣ христіанскія тѣла безъ погребенія, распространяя заразу единственно, чтобъ не разстаться съ зараженными пожитками и не подвергнуться осмотру при-

ставленныхъ къ тому людей". Манифестъ кончался словами: „Всякое же угнетеніе, утѣсненіе, грубость и нахальство всѣмъ и каждому запрещаемъ употреблять, — наипаче же *паки и паки наистрожайше запрещаемъ* всѣмъ начальникамъ и подчиненнымъ *брать взятки* и лихоимствовать, какъ при осмотрахъ, такъ и при выводѣ въ карантинъ". (Тамъ же, стр. 166).

10 сентября 1771 г. Екатерина въ письмѣ къ гр. П. И. Панину писала: „Язва на Москвѣ, слава Богу, умаляться начала"...

Но черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ произошелъ бунтъ, убійство архіепископа, и было рѣшено отправить туда съ высшими полномочіями довѣренную отъ императрицы особу. Чумный бунтъ 16—17 сентября подробно описанъ Екатериною уже нѣсколько позднѣе, а именно 3 октября, въ письмѣ къ г-жѣ Бьелке и къ Вольтеру. (Сборникъ ист. общ. 1874 г. т. XIII, стр. 172—174, 175—178).

Въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина выразилась по этому поводу: „Москва—особый міръ, а не городъ". Еще позднѣе, 20-го октября того же года, описывая *чумный бунтъ* А. И. Бибикову, Екатерина объ этихъ событіяхъ сказала: „*За московскими дурнотами* я на ваши письма до днесь не отвѣтствовала. Проводили и мы мѣсяцъ (сентябрь) въ такихъ обстоятельствахъ, какъ Петръ Великій жилъ *тридцать лѣтъ*. Онъ сквозь всѣхъ трудностей продрался со славою; мы надѣемся изъ нихъ выйти съ честью. Слабость фельдмаршала Салтыкова превзошла понятіе, ибо онъ не устыдился просить увольненія, когда своею персоною нужнѣе тамъ былъ, и не ожидавъ увольненія — выѣхалъ,—чаять можно,—забавляться со псами. Обыкновенная полиція стала коротка, мать наша Москва велика; ударили въ набатъ; чернь кинулась въ Кремль архіерея искать; оберъ-полиціймейстеръ сталъ коротокъ, а отчасти и оплошалъ" и пр. (Тамъ же, стр. 179—180).

Въ половинѣ сентября 1771 г. положеніе Москвы было невыносимое. Въ день умирало до 800 и 1,000 человѣкъ... Дворяне и все чиновничество бѣжало изъ столицы. Присутствія сами собою закрылись. Даже медики, оставшіеся въ городѣ, опустили руки, утверждая, что до наступленія новой стужи невозможно избавиться отъ чумы. Народъ сталъ толпиться у Варварскихъ воротъ, принося даянія иконѣ Боголюбской Богоматери. Архіепископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, родомъ молдаванинъ, приказалъ запечатать сундукъ по сбору даяній и перенести икону въ другое мѣсто, чтобъ устранить скопленіе народа въ тѣсномъ пространствѣ, куда приходили чумные, умирая здѣсь же у воротъ. Разъяренная чернь, съ криками: „грабятъ Боголюбскую Богородицу", а по письму Екатерины къ Вольтеру (отъ 6 окт., Сбор. ист. общ. т. XIII, стр. 75—76) съ криками: „архіерей хочетъ ограбить казну Богоматери! надо его убить!"—бросилась сперва въ Чудовъ мона-

стырь, гдѣ не нашла Амвросія (онъ въ крестьянской сермягѣ ушелъ тайнымъ подземнымъ ходомъ изъ Кремля), затѣмъ въ Донской монастырь. Тамъ его нашли, вытащили изъ алтаря и звѣрски убили. Приставъ одной изъ карантинныхъ частей города, генералъ П. Д. Еропкинъ, съ 30—40 гвардейскими инвалидами и съ двумя пушченками (по словамъ императрицы) отважился выйти противъ взбунтовавшейся черни (разбившей и выпившей винные склады въ Чудовомъ монастырѣ) и разогналъ ее нѣсколькими залпами картечи, положа на мѣстѣ до тысячи мятежниковъ. Такъ кончился памятный до нынѣ въ Москвѣ „чумный бунтъ“ или Софьинъ-день 1771 года.

Подробное описаніе этого бунта, составленное протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ, напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г. (ч. I, стр. 910—916).

По словамъ этого очевидца, Амвросій Зертисъ-Каменскій уѣхалъ изъ Кремля въ кибиткѣ, съ племянникомъ Николаемъ, Н. Бантышъ-Каменскимъ (отцемъ извѣстнаго писателя Д. Н.), когда мятежники, избивъ консисторскаго канцеляриста и солдатъ, пришедшихъ печатать сундукъ съ деньгами у Варварскихъ воротъ, бросились въ Кремль, выломавъ и его ворота. Толпа была вооружена кольями, камнями, топорами и кистенями. Найдя Амвросія на хорахъ за алтаремъ и стащивъ его оттуда за волосы, бунтовщики дали ему, по его просьбѣ, приложиться къ образу Донской Богоматери и затѣмъ стали его допрашивать:

— Ты ли не велѣлъ хоронить покойниковъ *у церквей* (карантинное правило)?

— Ты ли присудилъ забирать насъ *въ карантины*?

— Кто съ тобой въ *этой думѣ* заодно?

Несчастнаго архіерея послѣ допроса били дубьемъ „близъ двухъ часовъ“. Бросивъ полумертваго страдальца, убійцы возвратились къ нему опять, видя, что у него „одна рука правая отмашкою двигнулася“—и стали опять бить его кольями по головѣ. То же повторилось, когда „пожался тотъ страдалецъ раменами“. Одинъ „церковникъ“ послѣднимъ довершилъ его ударомъ „отрубя нѣсколько отъ главы, коя часть надъ глазомъ и осталася висящею“ (Русск. Архивъ 1863 г., ч. I, стр. 913—914).

Первый натискъ Еропкина чуть не кончился для него бѣдою. Мятежники такъ нажали его солдатъ, что тѣ бросились бѣжать, и Еропкинъ едва успѣлъ увезти свою пушку къ Спасскимъ воротамъ съ помощью штыковъ. Ему помогъ подоспѣвшій отрядъ великолуцкаго полка. Чернь разсѣялась отъ картечи; но ея расходившіеся звонари „у набатныхъ колоколовъ“ до того старались, что солдаты едва стащили ихъ съ колоколенъ „на штыкахъ“. Кремль и всѣ входы въ него

Еропкинъ занялъ солдатами, подъ командою бывшихъ у него гвардейскихъ офицеровъ. (Тамъ же).

Императрица, еще не зная о чумномъ бунтѣ, рѣшила послать въ Москву графа Григорія Григорьевича Орлова. Объ этомъ ея рѣшеніи остался слѣдъ въ ея опубликованной перепискѣ и въ архивѣ государственнаго совѣта (т. I, ч. 1-я, стр. 412, протоколъ 19-го сентября 1771 года).

19-го сентября въ совѣтѣ императрицы была объявлена высочайшая ея воля послать въ Москву такую „довѣренную особу, коя бы, имѣя полную власть, въ состояніи была избавить тотъ городъ (Москву) отъ совершенной погибели". Совѣтъ тотчасъ же приступилъ къ сужденію „объ изысканіи сей особы", а 21-го одобрялъ и „заготовленную для дачи *посылаемому въ Москву* генералъ-фельдцехмейстеру Орлову полную мочь въ дѣланіи тамъ всего, что за нужное найдетъ къ избавленію отъ заразы". Въ письмѣ къ Вольтеру (Переписка Екатерины съ Вольтеромъ, ч. 2, стр. 39) императрица выразилась: „Графъ Орловъ *просилъ меня* позволить ему отправиться въ Москву, дабы разсмотрѣть на мѣстѣ, какія можно пристойнѣйшія мѣры взять къ прекращенію сего зла. Я согласилась — не безъ ощущенія сильной горечи". Въ то время (около 12-го сентября) въ Москвѣ умирало *уже болѣе 800 человѣкъ въ сутки.* (Архивъ госуд. совѣта, т. I, ч. I, стр. 142).

Орловъ выѣхалъ изъ Петербурга 21-го сентября въ Подберезье; по пути, 22-го числа, его встрѣтила вѣсть о московскомъ мятежѣ и объ убійствѣ Амвросія. Онъ безъ колебанія продолжалъ путь и по страшной осенней распутицѣ прибылъ въ Москву 26-го сентября. Екатерина писала Бибикову (20-го октября): „Тамо до его пріѣзда всѣ, по образцу графа Салтыкова, получа terreur panique, отъ язвы по норамъ расползлись, но теперь паки возвратились по мѣстамъ. Старый хрычъ фельдмаршалъ уволенъ".

Съ Орловымъ въ Москву пріѣхали искусный въ то время хирургъ Тодте (Todte) и нѣсколько расторопныхъ гвардейскихъ офицеровъ, въ томъ числѣ знаменитый впослѣдствіи Архаровъ, преображенскій капитанъ Сем. Бор. Волоцкой и семеновскіе капитаны — князь Сер. Ив. Одоевскій и А. Дм. Симоновъ. По окончаніи чумной заразы эти офицеры получили похвальныя письма императрицы и по тысячѣ червонцевъ награды — (см. Сборникъ имп. истор. общ. 1874 г., т. XIII, стр. 184). Одинъ изъ командированныхъ офицеровъ, преображенскій капитанъ, Александръ Александровичъ Саблуковъ, оставилъ любопытные документы о пребываніи своемъ въ Москвѣ во время чумы 1771 г.,— письма его въ копіяхъ къ родителямъ, переписку коммиссіи исполнительной и врачебной и даже свои расходныя тетради во время

завѣдыванія имъ московскими карантинными домами. Эти документы, сохранившіеся въ фамильномъ архивѣ его внука, П. А. Муханова, напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г. (т. IV, стр. 330—339).

Будучи посланъ въ Москву ранѣе своихъ товарищей (9-го августа 1771 г.), еще въ распоряженіе Еропкина, Саблуковъ находился тамъ „въ самое лютѣйшее и опасное время, когда зараза свирѣпствовала“ — и, будучи дѣятельнѣйшимъ пособникомъ Еропкина по усмиренію чумнаго бунта, оставался въ Москвѣ до закрытія всѣхъ коммиссій, т.-е. до декабря слѣдующаго 1772 г. По его словамъ, къ Еропкину было отправлено „нарочитое число другихъ лейбъ-гвардіи офицеровъ и унтеръ-офицеровъ“. Чумной бунтъ, по приказу Еропкина, Саблуковъ укротилъ при помощи „своей дивизіи изъ восьмидесяти-восьми престарѣлыхъ гвардейскихъ солдатъ и одной полковой пушки“. Ему помогалъ капитанъ Волоцкой, съ которымъ онъ, разогнавъ толпу, двое сутокъ оставался на мосту у рва, противъ Спасскихъ воротъ, охраняя входъ черезъ нихъ въ Кремль.

Радость Москвы при появленіи среди нея „ближайшей къ императрицѣ особы“—графа Григорія Орлова—была неописанная. Любимый тогдашній поэтъ-москвичъ Василій Майковъ такъ привѣтствовалъ пріѣздъ графа Орлова:

„Не тѣмъ ты есть великъ, что ты вельможа первый:—
Достойно симъ почтенъ отъ россКой ты Минервы
За множество твоихъ къ Отечеству заслугъ! —
Но тѣмъ, что обществу всегда ты вѣрный другъ...
Не самую-ль къ нему ты дружбу тѣмъ являешь,
Когда ты спасть Москву отъ бѣдствія желаешь?
Дерзай, прехрабрый мужъ, дерзай на подвигъ сей,
Возстанови покой межъ страждущихъ людей...
Когда-жъ потщишься ты Москву отъ бѣдъ избавить,
Ей должно образъ твой среди себя поставить —
И вырѣзать сіи на камени слова:
„*Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва!*“

(Замѣчательно, что впослѣдствіи именно этотъ самый, послѣдній стихъ Майкова вырѣзанъ на памятникѣ въ честь подвига Орлова въ Царскомъ Селѣ).

Исполненіе порученія императрицы далось, впрочемъ, Орлову не легко. Его ожидали всякаго рода затруденія и непріятности. Началось съ поджога Головинскаго дворца (нынѣ мѣсто лицея Цесаревича), гдѣ Орловъ остановился, немедленно учредивъ двѣ коммиссіи: противочумную и слѣдственную по дѣлу убіенія архіепископа Амвросія. („Жизнеописаніе князя Г. Г. Орлова“ — А. П. Барсукова, Русскій Архивъ, 1873 г., ч. I, стр. 67—75).

Стремясь къ устраненію главнѣйшей причины размноженія заразы,

т.-е. народнаго отвращенія къ больницамъ и карантинамъ, гдѣ дѣйствовали грубые и невѣжественные тогдашніе чиновники и врачи,— Орловъ лично ободрялъ москвичей, обходилъ больницы, строго наблюдалъ за пищей и лѣкарствами. Потомокъ убитаго Амвросія, Дмитрій Бантышъ-Каменскій (см. его „Словарь достопамятныхъ людей русской земли" 1836 г., ч. IV, стр. 49—53) говоритъ о немъ: „Орловъ прекратилъ *народныя сходки, посѣщалъ госпитали* (чумные), оказывалъ человѣколюбивое пособіе зараженнымъ, неослабно *надзиралъ за врачами*, приказывалъ сожигать платье, бѣлье, кровати умиравшихъ отъ чумы".

Народъ ежедневно видѣлъ среди себя Орлова, всегда веселаго, привѣтливаго, щедро разсыпавшаго пособія отъ лица государыни. Черезъ мѣсяцъ по его прибытіи въ Москву, тамъ среднимъ числомъ уже умирало въ день не болѣе 353 человѣкъ. (Архивъ государственнаго совѣта, т. 1, ч. 1, стр. 423).

По преданію, строгость карантиновъ при Орловѣ была такъ велика, что вокругъ всей Москвы былъ устроенъ высокій частоколъ; бывшимъ подъ командой гвардейскихъ офицеровъ солдатамъ, державшимъ пикеты вокругъ Москвы, велѣно было *стрѣлять* по всякому, кто рѣшался прорываться безъ осмотра сквозь карантинную цѣпь, — причемъ особые стрѣлки обязательно убивали выбѣгавшихъ изъ Москвы *собакъ* и даже перелетавшихъ черезъ кордоны *сорокъ* и *воронъ*, какъ плотоядныхъ птицъ. Частныя и дѣловыя письма, даже проткнутыя и прокуренныя сѣрой, въ первое время, на особо-установленныхъ почтовыхъ пунктахъ не передавались изъ рукъ въ руки за цѣпь, а перебрасывались на стрѣлахъ. (Слышано отъ внука еврея Розенберга, ѣздившаго въ то время въ Москву за покупкой серебряныхъ издѣлій для Полтавы).

Ѣдущіе изъ Москвы держали въ Твери недѣльный, а въ Торжкѣ *шестинедѣльный* карантинъ (Архивъ госуд. сов., т. 1, ч. 1, стр. 413).

Саблуковъ оставилъ небезъинтересныя свѣдѣнія объ остромъ періодѣ московской чумы. Онъ писалъ, между прочимъ, къ своему отцу отъ 22 августа 1771 г.: „Занимать денегъ не у кого; почти всѣ господа разъѣхались по деревнямъ". „У меня въ командѣ 1,000 дворовъ; ежегодно имѣю дѣло съ 300 чел. (больныхъ). Приходится сталкиваться съ полицейскими крючками" (29 августа). Далѣе онъ пишетъ:

„Язва гораздо умножилась и нѣтъ никакого способа ее совсѣмъ искоренить, да и *медики утверждаютъ, что до наступленія стужи отъ нея избавиться нельзя.* Народъ часъ отъ часу убываетъ; *всѣ мастеровые, хлѣбники, пирожники, разнощики всякіе* — расходятся по деревнямъ. Изъ моей части въ шесть дней вышло около 700 человѣкъ. Ихъ осматриваютъ доктора и выдаютъ билеты о здоровьи" (20 авг. и 1 сентября). „Суды всѣ заперты" (5 сентября). „Во дво-

рахъ остается не болѣе, какъ человѣка по три, а въ господскихъ домахъ оставлено только по одному дворнику". (8 сент.). Описавъ чумный бунтъ и распоряженія Орлова,—онъ отъ 27 октября пишетъ отцу: „чума уменьшается", а отъ 5 января 1772 г. извѣщаетъ: „Въ моей части уже шесть недѣль все, слава Богу, благополучно!"

О дѣятельности Орлова Екатерина писала къ г. Бьелке, 13 ноября 1771 г. „Вообще эта болѣзнь ходитъ только между черныо; люди высшихъ сословій отъ нея изъяты, принимая необходимыя предосторожности. *Графъ Орловъ не только запретилъ хоронить въ городѣ*, но даже не иначе позволяетъ народу слушать литургію, *какъ оставаясь внѣ церкви, во время богослуженія.* Наши церкви малы, всѣ молятся стоя и обыкновенно бываетъ большая давка; притомъ извнѣ слышно хорошо, такъ какъ обѣдня всегда громко служится и поется. Народъ отъ такихъ увѣщаній сдѣлался такъ благоразуменъ, что даже не поднимаетъ денегъ, если они попадаются ему подъ ногами („Сборникъ ист. общ.", т. XIII, 1874 г., стр. 186).

Въ собственноручномъ черновомъ наставленіи князю Михаилу Волхонскому, смѣнившему Орлова по ослабленіи чумы, Екатерина писала, въ ноябрѣ 1771 г., что передъ пріѣздомъ въ Москву Орлова тамъ „отъ 800 до 1000 человѣкъ въ день мерло" и что онъ нашелъ всѣ тамошнія правительства „разныя въ *незасѣданіи*, всѣхъ людей въ унынiи, отчаяніи и худомъ послушаніи" — и что зло прекратилось Орловымъ при помощи сенаторовъ Мельгунова, Еропкина и Дмитрія Волкова, а также оберъ-прокурора Всеволожскаго и Баскакова. Посылая князя Волконскаго начальствовать въ Москву, Екатерина писала ему (6 пунктъ наставленія): „Предписуя вамъ строгое взысканіе отъ всѣхъ исполненія законовъ, учрежденій и повелѣній, не разумѣемъ мы отнюдь подъ симъ, чтобы вы неумѣренною строгостью всѣхъ приводили въ *страхъ и трепетъ*..." Московскій отставной батальонъ гвардіи, столько оказавшій пользы во время чумы, императрица велѣла Мельгунову, по окончаніи заразы, перевести въ Муромъ. Ему же она рекомендовала слѣдующую разумную мѣру: „Весьма-бъ полезно было, еслибъ большіе фабриканты добровольно согласились *перенести фабрики* въ уѣздные города; ибо Москва отнюдь не способна для фабрикъ; тамо и дешевле, и работники менѣе подвержены всякимъ неистовствамъ".

По словамъ Екатерины, въ письмѣ ея отъ 3-го декабря 1771 г. къ Вольтеру, въ день выѣзда Орлова изъ Москвы (28-го ноября), тамъ было только двое умершихъ. Передъ выѣздомъ его изъ Москвы, какъ говоритъ Екатерина въ письмѣ къ г-жѣ Бьелке, изъ 1965 больныхъ умирало только 38 человѣкъ. Могилы рыли каторжные, получая за работу по 30—40 коп. отъ могилы.

5-го декабря Орловъ представилъ совѣту императрицы отчетъ о своей дѣятельности, гдѣ заявилъ, что „*попущенія карантинныхъ* частныхъ *смотрителей* и ихъ грабежъ въ зараженныхъ домахъ были главною причиною распространенія болѣзни, народнаго отвращенія къ карантинамъ и мятежа, и что съ начала язвы по ноябрь въ Москвѣ умерло отъ чумы 50,000 человѣкъ. Уѣзжая изъ Москвы, Орловъ учредилъ тамъ хлѣбные магазины для пропитанія народа (Архивъ госуд. совѣта, т. 1, ч. 1, стр. 425).

Возвращеніе Орлова въ Петербургъ было привѣтствовано торжествами. Кромѣ тріумфальныхъ воротъ въ Царскомъ Селѣ (на дорогѣ въ Гатчину), въ честь Орлова была выбита медаль съ его портретомъ и изображеніемъ Курція, бросающагося въ пропасть, съ надписью: „И Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ“.

1879 г.

III.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

I.

Отъ Петербурга до Берлина.

Unter den Linden, 1-го февраля 1860 г.

Ты правъ, милый домосѣдъ. Не безъ удивленія, наконецъ, увидѣлъ я себя въ вагонѣ желѣзной дороги, по пути въ чужіе края. Ты говорилъ, что рельсы убили поэзію путешествій, и что если уже бросать хуторъ и теплое сидѣнье съ трубочкой за нумеромъ Искры, то развѣ ѣхать уже прямо въ Парижъ на тройкѣ, съ бубенчиками, съ дугой и съ русскимъ ямщикомъ, и не иначе, какъ по проселкамъ старой Европы. Ты мнѣ пророчилъ бѣдствія: ты говорилъ, что насъ всѣ надуваютъ, что въ Италіи я замерзну, въ Парижѣ умру со скуки, въ Турціи не увижу турокъ и въ честной Германіи, въ первомъ же театрѣ, у меня украдутъ изъ кармана платокъ. Но я все-таки ѣду, оставивъ нашъ уѣздъ, борьбу нашихъ горацієвъ и куріяцієвъ, тьму губернскихъ комеражей въ самомъ разгарѣ, дядюшку съ флюсомъ, тетушку въ насморкѣ, приказчика въ отчаяніи отъ непроданной пшеницы, и ѣду на западъ. Мнѣ хочется посмотрѣть на этотъ западъ, какъ тамъ живетъ нашъ-же братъ, деревенскій собственникъ, то есть, какъ себѣ дни влачатъ на западѣ, положимъ, французскіе Собакевичъ и Ноздрёвъ, итальянскіе Маниловы, мужъ и жена, въ какой-нибудь villa Manilovka, близъ Ponte-Savigliano, какой-нибудь нѣмецкій Плюшкинъ въ крохотной мызѣ подъ Нюренбергомъ, и, положимъ, амстердамская Коробочка, соперница петербургской Гебгардтъ, и значитъ тоже „дама изъ Амстердама". Мнѣ хочется узнать на дѣлѣ, возможны ли, напримѣръ, гдѣ нибудь въ мелкопомѣстной деревушкѣ, на сѣверѣ Франціи, въ Бретани и Вандеѣ, гдѣ еще сохранились, говорятъ, преданія бы-

лой французской жизни селъ, такіе счастливцы, какъ наши Кифа Мокіевъ и Мока Кифіевичъ, и процвѣтаютъ ли въ какомъ-нибудь счастливомъ, тихомъ уголкѣ южной Франціи, положимъ, близъ Марсели или Монпелье, въ излучинѣ зеленѣющихъ береговъ Луары, подобные нашимъ безгрѣшные старцы Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна! Найди ихъ, я непремѣнно посѣтилъ бы этихъ французскихъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ!..

Мнѣ хочется узнать, какъ они живутъ тамъ, эти наши братья, забытые иностранными писателями. Или, можетъ быть, ихъ вовсе тамъ нѣтъ?

Со мною выѣхали, также по пути за границу, генералъ Л*** и его свояченица, Аграфена Львовна Сконтхоржевская, бойкая вдова, болѣе ловкаго, чѣмъ привлекательнаго вида. Мы условились половину путешествія по Европѣ сдѣлать вмѣстѣ. Генералъ былъ немолодъ и звалъ ее „дочь моя“.

На первомъ же перевалѣ нашемъ, во Псковѣ, вдова озадачила меня, втиснувши въ нашъ общій запасный чемоданъ пять фунтовъ московскаго чаю и нѣсколько свертковъ обыкновенныхъ стеариновыхъ свѣчей.

— „Это, сударыня, зачѣмъ“?

— „А вотъ видите-ли: въ заграничныхъ гостиницахъ за свѣчи страшно дерутъ; хоть зажгите ихъ только, чтобъ письмо запечатать, все поставятъ въ счетъ—Lichten, значитъ столько-то... Ну, мы и будемъ зажигать и возить свои. А уже безъ своего чаю я, ни-ни! не обойдусь никакъ! Помилуйте, тамъ чай морской; свинство, я думаю, какое-нибудь“...

— „Смотри, Агаша, чтобъ у тебя пруссаки не выпотрошили этого-то зелья: туда запрещено это ввозить“,—замѣтилъ на это генералъ.

— „И, душа моя: твое превосходительство и не догадается, какъ я провезу его въ такомъ мѣстѣ, что и не посмѣютъ посмотрѣть“.

— „Ну, коли такъ, то вези“...

Еще въ Россіи намъ повѣяло, говорю, Европой. Въ Ригѣ, напримѣръ, въ срединѣ каждой двери въ гостиницѣ, оказалась на нѣмецкій ладъ, дверка со стеклышкомъ, величиной въ человѣческій глазъ и съ задвижечкой со стороны нумера. Это вотъ для чего: прійдетъ кто-нибудь и постучится въ дверь. Ну, вы ему сразу не отворите, а посмотрите прежде, кто пришелъ и стоитъ въ коридорѣ? Коли непріятный человѣкъ, положимъ заимодавецъ вашъ, ну и не пустите. Потомъ также тутъ озадачили насъ на кроватяхъ, необыкновенно чистыхъ и съ готовымъ свѣжимъ бѣльемъ, какія-то мягкія, точно сбитыя изъ молочной пѣны, перины. Я долго мучился съ своею: взобью ее, положу и лягу. Смотрю и потонулъ; надъ головой одна гора, надъ ногами

другая. Опять взобью, расправлю жидкій пухъ и лягу, и снова провалился: концы перины подъ потолкомъ, а самъ въ ея срединѣ чуть не задохнешься. Заглянулъ въ генеральскій нумеръ, тамъ такая же исторія. Аграфена Львовна то же не приберетъ, какъ спать на такой perинѣ. Кельнеръ гостиницы вывелъ насъ изъ затрудненія. Оказалось, что эти перины были—одѣяла. Нечего дѣлать, легъ, укрылся и очутился, какъ будто укрытый воздушнымъ шаромъ. А ничего, тепло, только обвернуться нельзя, знаете, подоткнуться, какъ иной разъ на хуторѣ, бывало, по извѣстному обычаю, скажешь ложась спать. „Ну, Иванъ, укрой же меня; подоткни меня, скажи сказку, перекрести, и ступай себѣ, а уже засну я самъ“.

Наши нѣмецкія провинціи, наши горделивыя Эстъ-Лифъ-ундъ-Курляндъ, возбудили въ моихъ спутникахъ нѣсколько желчныхъ ощущеній. Генералъ, вообще не жалующій съ корнетскаго чина нѣмцевъ русскихъ и нѣмцевъ нѣмецкихъ, объявилъ мнѣ напрямикъ, что еслибы не рижскія сигары, которыя онъ всегда донынѣ курилъ, да не курляндскія собаки, съ которыми онъ иногда охотился, то и эти пресловутыя страны онъ назвалъ бы, какъ назвалъ знаменитый писатель всю Германію: „Гадчайшая отрыжка голландскаго кнастера съ баварскимъ пивомъ“!

Тѣмъ не менѣе я любовался отъ души многимъ въ нашемъ остзейскомъ уголкѣ: напримѣръ, гладкостью дорогъ, чистотою станцій. Одна бѣда, близъ Вендена, на одной станціи смотритель-латышъ никакъ не хотѣлъ дать намъ для чаю самовара, а все предлагалъ воды, грѣтой въ кастрюлѣ, увѣряя, что это все равно и еще лучше. Въ Ригѣ также на улицахъ мнѣ показалось, что я на пасхѣ въ Москвѣ, подъ Новинскимъ: во всѣхъ перекресткахъ узенькихъ улицъ, во всѣхъ концахъ и закоулкахъ города, ежеминутно раздавалось тенькaнье маленькихъ колокольчиковъ. Я оглядывался, и мнѣ казалось, что толпа ребятишекъ, усѣвшись на деревянныхъ коней, обтянутыхъ кожей, съ шумомъ кружились и колыхались вокругъ извѣстнаго столба, подъ качелями, гремя бубенчиками и щелкая праздничные орѣхи. Увы, эти мальчишки подъ Новинскимъ оказывались простыми проѣзжающими. Нѣмецкая аккуратность предусмотрѣла, что въ такихъ узкихъ улицахъ, каковы улицы Риги, лошадь какъ разъ вскочитъ на шею зѣваки горожанина, и потому обязала каждаго ѣздока снабдить бока лошади довольно увѣсистымъ колокольчикомъ. Нѣмецкая ѣзда дуги не допускаетъ; колокольчикъ привязывается прямо къ сѣделкѣ и на бѣгу бьется о ребра лошади, съ утра до поздняго вечера звеня по городскимъ улицамъ. Извозчики тоже поразятъ хоть кого. Вообразите, что это не извозчики, а лакеи въ ливреяхъ, въ родѣ тѣхъ двухъ, которые въ „Грозѣ“ водятъ сумасшедшую старуху барыню подъ руку. Лив-

рея — синяя, съ желтыми выпушками и перлизами и съ нѣсколькими воротничками. Лошадей пара и все костлявые драбанты, худые до невѣроятности. Но ужъ улицы верхъ любопытства: узки до того, что буквально изъ окна въ окно черезъ мостовую можно у сосѣда сигару закурить. Вы идете, не успѣете сдѣлать двѣсти шаговъ, уже вамъ дорогу преградилъ огромный, сутуловатый и съ остроконечною черепичною крышею домъ. Вы берете вправо, та же исторія. А вотъ перекрестокъ: тутъ уже рѣшительная и вѣчная толкотня и давка. Любопытно видѣть туземныхъ прохожихъ. Наткнувшись на сани, которыя давно тутъ же ожидаютъ очереди, чтобы разминуться съ другими встрѣчными санями, прохожій прямо беретъ руками за задокъ саней и пересовываетъ ихъ съ сѣдокомъ лѣвѣе, хотя тутъ же наѣхавшій на него справа третій ѣздокъ, именно извозчикъ въ синей ливреѣ и съ трубкою въ зубахъ, опять ставитъ ему своихъ пару прямо въ упоръ, и одинъ изъ пегасовъ его дуетъ въ самыя уши и въ затылокъ озадаченнаго прохожаго.

Но вотъ мелькаютъ Митава, Шавли и еще куча польскихъ, латышскихъ и еврейскихъ селеній. Мы у самой границы. Вотъ Таурогенъ. Русскія ассигнаціи размѣнены на прусское серебро и золото. Бѣдность послѣднихъ русскихъ предѣловъ, съ грязными латышами, оборванными евреями и санями безъ верха, прощайте! Вотъ намъ запряженъ уже щегольской крытый возокъ за тѣ же двѣнадцать к. сер., какъ за нашу перекладную. Вотъ и сама первая прусская станція. Вмѣсто плутоватаго содержателя станціи еврея, насъ встрѣчаетъ почтенный сѣдовласый бюргеръ, въ сѣромъ пальто, родъ нашего гувернера при богатыхъ дѣтяхъ. Онъ зажигаетъ на станціонномъ столѣ карсельскую лампу. Другой, также почтенный и сѣдовласый господинъ, и то же въ сѣроватомъ пальто, входитъ и начинаетъ спрашивать, нѣтъ ли у насъ чего запрещеннаго: кожаныхъ издѣлій, табаку, сигаръ, конфектовъ, какихъ-то марцепаненъ, и чаю. Сопутница моя „честью увѣряетъ“ что ничего *подобнаго* нѣтъ, и бюргеръ уходитъ, вѣря на слово дамѣ, и не трогая чемодановъ нашихъ. Кто это? Прусскій таможенный чиновникъ. Подается новый маленькій крытый возокъ, парой въ дышло, на козлы ямщикомъ садится опять почтенный и румяный господинъ, въ синей ливреѣ, круглой клеенчатой шляпѣ и съ трубой черезъ плечо. Мы ѣдемъ ночью. Онъ трубитъ разные прусскіе марши и салютуетъ каждое селеніе и каждую спящую корчму. А рослыя и сытыя лошади прыгаютъ мѣрнымъ галопомъ.

И такъ, прощай Россія!

Я, признаюсь, на самой пограничной чертѣ, пока нашъ возница предъявлялъ кордонной сторожкѣ наши паспорты, сталъ приглядываться къ землѣ, ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не красною ли или голу-

бою краскою обведена чужая земля? Ничего подобнаго не было. Тотъ же осинникъ, береза и сосна, та же снѣжная поляна, сѣрое небо и струйки снѣга, бѣгущаго по вѣтру, вдоль морозной полянки. Ворона сидитъ на березѣ; ворона ходитъ по дорогѣ—и ко всему еще очень и очень холодно.

Генералъ сидѣлъ сумрачный. Вдова курила папироску, радуясь, что надула таможню и провезла чай.

— „А что, ваше превосходительство,—началъ я:—вѣдь мы за пять минутъ были на свѣтѣ десятаго числа, а переѣхали границу, сразу состарѣлись и поумнѣли на двѣнадцать дней, и теперь уже у насъ двадцать второе число!"

— „Это ошибка календаря, это все на фуфу..."

— „Какое на фуфу, Жоржъ,—перебила свояченица:—я еще лучше тебѣ скажу; пріѣдемъ въ первый городишко, здѣсь и ты увидишь, что мы состаримся сразу на пятьдесятъ лѣтъ..."

— „Какъ такъ?"

— „Да также. Въ Тильзитѣ, напримѣръ, городкѣ, въ родѣ нашей Обояни по объему или Изюма, ты найдешь множество ресторановъ, съ кучами журналовъ, и самый городъ освѣщенъ газомъ..."

— „Еще бы,—недовольно возразилъ генералъ либеральной свояченицѣ:—тамъ заключенъ тильзитскій миръ".

И поперхнулся, не зная самъ, къ чему онъ это сказалъ.

Дѣйствительно, въѣхавши въ городъ поздно вечеромъ, мы увидѣли вездѣ яркіе, бѣловатые огни чуднаго газа, а пока вещи наши перетаскивали въ кенигсбергскій мальпостъ и генералъ сопѣлъ, насмѣшливо вглядываясь въ добродушныя лица прусскихъ почтовыхъ чиновниковъ, въ красныхъ воротникахъ, мы со вдовушкой вошли въ пивную лавочку чрезъ улицу, насупротивъ почты, съ цѣлью закусить. Чуть отворилась дверь, мы были ослѣплены блескомъ освѣщенія и чистоты этой пивной. На бархатныхъ стульяхъ, за огромными кружками съ пивомъ, сидѣли прусскіе офицеры, въ синихъ мундирныхъ кафтанахъ, съ золотыми гладкими пуговицами безъ гербовъ и съ красными воротниками. Одни играли въ карты, другіе въ домино. Тутъ же сидѣло нѣсколько штатскихъ. На насъ никто почти не обратилъ вниманія. Одинъ только штатскій, взглянувъ на московскую лисью шубу моей сопутницы, нагнулся къ уху сосѣда и шепнулъ: „Die Russen". Пожилая дама въ чепцѣ прислуживала посѣтителямъ и стояла за конторкой.

Очутившись на лежачихъ рессорахъ громаднаго почтоваго дилижанса, запряженнаго четверней цугомъ, безъ форрейтора, генералъ поневолѣ вздохнулъ, что-то покачалъ головой и тутъ же заснулъ.

Въ Кенигсбергъ мы пріѣхали рано утромъ. Былъ праздникъ; ма-

газины заперты. Мы остановились на главной площади, въ Hôtel du Nord. Это генералъ устроилъ. Онъ все увѣрялъ, что намъ, какъ русскимъ, иначе не слѣдуетъ нигдѣ останавливаться, что для того и въ Брюсселѣ издается самый Nord, и что его русскіе читаютъ. На площади стоитъ памятникъ Фридриху-Вильгельму III: бронзовая фигура короля на конѣ. Въ числѣ барельефовъ, на одномъ изображенъ король, вручающій Гарденбергу обновленные законы, въ присутствіи Швангорста и Штейна. Генералъ о новыхъ законахъ помолчалъ, но выразился, что Штейна напрасно тутъ помѣстили, что это былъ просто филантропъ и шарлатанъ, и больше ничего. За то въ полдень генералъ былъ утѣшенъ: на площадь въѣхало до двадцати саней, все парой въ дышло и въ краковскихъ уборахъ, и начали дѣлать эволюціи— то съѣдутся и станутъ рядомъ, то опять разъѣдутся. Это было общество городскихъ франтовъ, устроившихъ загородный пикникъ съ дамами. Генералъ вышелъ на балконъ, несмотря на холодъ, въ одномъ сюртукѣ, посмотрѣлъ на площадь и сказалъ:

— „Площадь красива, но мала, больше одного баталіона не поставишь на ученье. А пресловутая площадь св. Марка въ Венеціи, говорятъ, и того тѣснѣе... То-ли дѣло наша Русь! Нѣмцы!“

Въ театрѣ мы со вдовушкой не мало посмѣялись, когда генералъ, при входѣ въ партеръ, который тутъ называется „паркетомъ“, сталъ оглядываться, ожидая, чтобы капельдинеръ въ мундирѣ снялъ съ него пальто и калоши. Вмѣсто капельдинера предстала старуха въ салопѣ и въ тепломъ капорѣ, съ улыбкой сдѣлала книксенъ, предложила генералу самому снять его платье, и даже контръ-марки взамѣнъ его не дала. „Платье ваше вотъ тутъ будетъ лежать; послѣ представленія просто придете, возьмете и надѣнете!“—И точно: театръ кончился, платье наше было цѣло. Генералъ запустилъ руку въ карманъ пальто: и сигарочница его была тамъ цѣла. Старуха-капельдинеръ проводила насъ тою же насмѣшливою улыбкой. А во время спектакля публика была, какъ дома: кому нужно, вывѣсилъ свою шинель или шарфъ прямо черезъ барьеръ ложи, въ амфитеатръ, и дѣло съ концомъ. Шинель виситъ, и никого не обижаетъ. Въ антрактѣ кто-то громко чихнулъ, въ два или три пріема, чихнулъ всласть; мальчишки-гимназисты подхватили это чиханіе рукоплесканіями, и шутливый раёкъ прокричалъ ему браво.

— „Чортъ знаетъ, что такое; свинство! точно въ харчевнѣ!“— замѣтилъ мой спутникъ, выходя изъ театра, и даже не захотѣлъ сопровождать, на другой день, меня и свояченицы своей, когда мы пошли осмотрѣть домъ, гдѣ жилъ извѣстный философъ Кантъ, „Kantsche-Haus“, какъ называлъ его мальчикъ-кельнеръ въ гостиницѣ, совѣтовавшій намъ его осмотрѣть...

Мы въѣхали въ Берлинъ по желѣзной дорогѣ, съ курьерскимъ поѣздомъ, черезъ Эльбингъ, Бромбергъ, Крейцъ и Кюстринъ, отхватывая версту менѣе чѣмъ въ минуту, значитъ въ часъ отъ шестидесяти до семидесяти верстъ. Просто духъ захватывало у раскрытаго окошка вагона. Шпага пушкинскаго лгуна-курьера тутъ навѣрное била бы, высунувшись на воздухъ, по верстамъ, какъ по частоколу. На каждой станціи предлагались готовый кофе, пиво и бутерброды. Въ вагонахъ курили. Вислу мы перелетѣли по мосту, близъ Диршау, въ пять милліоновъ талеровъ, на пяти быкахъ, съ арками въ 120 саженъ пролета; машинисты здѣсь щеголяютъ и пускаютъ поѣздъ быстрѣе: мостъ весь на желѣзныхъ прутьяхъ, звенитъ, какъ исполинская штара. Не доѣзжая Берлина, намъ предложили заказать извозчиковъ по телеграфу, по случаю ночи, что̀ мы и сдѣлали...

— „Нѣтъ, это уже Европа! Во многомъ хорошо и удобно!—говорилъ генералъ:—только очень рѣзко разсуждаютъ въ вагонахъ и курятъ! Это не хорошо...“

II.

Отъ Берлина до Парижа.

25-го февраля 1860 г.—Boulevard Bonne-Nouvelle.

Берлинъ не озадачиваетъ сразу такъ, какъ Парижъ; Берлинъ нравится, какъ тихая заря лѣтомъ въ лѣсу, послѣ дикой и бѣдной зеленью пустыни. Путешественникъ, проснувшись утромъ, выглядываетъ въ окно и улыбается. Круглолицыя и русыя служанки быстро идутъ съ корзинами, полными всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Гимназисты, съ книгами и письменными сумками за плечами, спѣша на лекціи, мимоходомъ превращаютъ бульварные тротуары въ арену для катанья, и на конькахъ, вынутыхъ изъ той же сумки, шныряютъ и перекликаются между смиренными и важными пѣшеходами. Большія щегольскія кареты на плоскихъ рессорахъ, въ одну лошадь, катятся по мостовой, съ кучерами въ круглыхъ клеенчатыхъ шляпахъ, горделиво помахивающихъ длиннымъ бичемъ, и съ трубками въ зубахъ. Сигары дымятся во рту у каждаго прохожаго франта, лакея, офицера, генерала, разносчика; даже почталіонъ, неся на перевязи передъ собой ящикъ съ городскою почтой, какъ замоскворѣцкій блинникъ блины, тоже заходитъ по пути въ магазинъ сигаръ, покупаетъ за два гроша гаванскую сигару, какую-нибудь „cabannas flora“, закуриваетъ и отправляется далѣе. Солдатъ, тутъ же встрѣтившись на улицѣ со щеголемъ, въ ла-

ковыхъ сапогахъ и съ лорнетомъ, берется подъ козырекъ и закуриваетъ у него свою глиняную трубку. Сигары и трубки такъ сроднились съ привычками нѣмцевъ, что сколько полиція не печатаетъ объявленій, что нельзя курить въ залахъ станцій и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, нѣмецъ, какъ усѣлся на своемъ мѣстѣ въ вагонѣ или за чашкой кофе на перевалѣ курьерскаго поѣзда, такъ и закурилъ. Иной бѣжитъ въ припрыжку по улицѣ, давно забылъ, что сигара его потухла, а онъ все-таки сосетъ и сплевываетъ. Вы входите въ магазинъ, и прежде чѣмъ что-нибудь сторговали, купецъ уже суетливо ищетъ спички и вѣжливо вамъ подаетъ закурить вашу потухшую сигару. Но что это?.. Вы присматриваетесь изъ окна вашей гостиницы... Собаки! Собаки везутъ телѣжки съ молокомъ, телѣжки съ кореньями и огородной зеленью, съ сыромъ и водою. На каждой ременный хомутикъ или одна веревочная постромка, а не то постромка и хомутикъ вмѣстѣ, и на головѣ непремѣнно еще, сверхъ того, проволочный намордникъ. Ни одна собака въ нѣмецкой столицѣ не можетъ выскочить на улицу, чтобъ побѣгать, нанюхаться всякой всячины и себя показать собачьему роду безъ намордника. Брылястые барбосы, въ одиночку и парой, въ дышлѣ, привезя нагруженную телѣгу, останавливаются и посматриваютъ на проходящихъ собачьихъ миссъ сквозь желѣзные грубые намордники. Миссы, разумѣется, въ намордникахъ мѣдныхъ, бронзовыхъ и даже посеребренныхъ. Голыя американки, съ клочками волосъ на однѣхъ бровяхъ, бѣгутъ за своими хозяйками въ голубыхъ попонкахъ, а у иной еще на шеѣ розовый бантикъ. Мопсы, стриксы, шарлотки, сеттеры и пойнтеры, всѣ смѣло и весело бѣгаютъ по улицамъ счастливаго Берлина, не боясь рокового крючка „профоста“. Крючекъ не схватитъ ни одной, потому что у каждой собаки намордникъ. Если оно не совсѣмъ свободно, за то безопасно, и для тѣхъ „кто лаетъ“ и для тѣхъ, „на кого лаютъ“. Тѣмъ не менѣе собачье племя этого какъ будто даже и не замѣчаетъ. Увѣсистый меделянскій силачъ, таща во всѣ мускулы тяжелую телѣжку, на ходу принюхивается ко всему лакомому, и уморительно смотрѣть, какъ хозаинъ идетъ себѣ и куритъ, придерживаясь за маленькое дышло, вмѣсто возжей, а лошадь его на ходу во все горло лаетъ, разсерженная неудачнымъ поползновеніемъ гдѣ-нибудь понюхать или утащить. Къ такой лошади не подходите: она возитъ телѣжку и въ то же время бережетъ добычу хозяина. Этотъ уйдетъ въ молочную лавку и расплачивается, а лошадь почешется лапой, полижетъ усталые бока, взберется съ хомутикомъ на телѣжку и сидитъ, гордо поглядывая съ своего сѣдалища и огрызаясь на проходящихъ. Силы иныхъ изъ такихъ собакъ замѣчательны; сдавши ношу, хозяинъ садится самъ на телѣжку и ѣдетъ рысцой на маленькомъ конькѣ, ловко изворачиваясь

между настоящими тяжелыми каретами, которыя, кстати, въ Берлинѣ называются не каретами, а „дрожками". Позвать извозчика—значитъ здѣсь позвать „дрожки". Меня долго занималъ вопросъ въ Берлинѣ: какъ могутъ выгодно существовать извозчики когда такса за ѣзду въ одинъ конецъ у нихъ такая же, какъ въ Петербургѣ, именно пять грошей, то-есть около пятнадцати копѣекъ серебромъ, а у каждой вмѣсто нашей адской машины, называемой одиночными дрожками или гитарой, новенькая карета, въ четыре мѣста, вся въ стеклахъ, внутри обитая синимъ штофомъ или сукномъ и на плоскихъ рессорахъ. Лошадь при этомъ въ англійскихъ шорахъ, а самъ извозчикъ въ щегольской ливреѣ и круглой шляпѣ. Внутри кареты прибита печатная такса за ѣзду. Извозчики, сверхъ того, не навязываются до тошноты каждому прохожему, и кучей цѣпныхъ собакъ не кидаются на него при выходѣ изъ каждаго ресторана и театра, а стоятъ вереницей вдоль тротуаровъ на перекресткѣ, и вы берете очередного, передняго...

Но вотъ день разгорается. Въ гостиницахъ, по отдѣльнымъ нумерамъ, утренній кофе и чай, со спиртовыми самоварами, „Theemaschine", отошелъ. Съѣдены круглыя, въ куриное яйцо величиною, берлинскія горячія булочки, съ свѣжимъ масломъ, зеленымъ сыромъ, вареной ветчиной и колбасами. Постояльцы сходятъ съ лѣстницъ, и въ ихъ комнаты являются циммеръ-медхены, гостиничныя служанки, съ полотенцами, щетками и свѣжей водой. Онѣ метутъ комнаты, стелятъ на постели чистое бѣлье, кладутъ въ умывальные шкафы чистыя полотенца, стираютъ пыль, выбиваютъ ковры, наливаютъ въ чернильницы новыхъ чернилъ, если вы пишете, наливаютъ въ графины свѣжей воды, если вы измѣняете туземному пиву и пьете берлинскую воду, надо прибавить, довольно солоноватую. А внизу лѣстницы уже предлагаютъ вамъ новости того дня: билетъ въ оперу, билетъ въ комедію-водевиль или билетъ въ засѣданіе палаты депутатовъ... Берлинъ теперь, какъ говорятъ знатоки, напоминаетъ Парижъ временъ Гизо и Луи-Филиппа, а Парижъ въ свой чередъ нынче напоминаетъ Берлинъ за десять или пятнадцать лѣтъ назадъ.—Тутъ же, въ сѣняхъ, у часовъ, висятъ за стеклами театральныя афиши, планы театровъ, планы желѣзныхъ дорогъ и городовъ Европы, а на маленькомъ столикѣ адресъ-календарь Берлина, съ адресами всѣхъ главныхъ мѣстъ и лицъ города. Но вы не останавливаетесь въ сѣняхъ. Передъ крыльцомъ, на улицѣ, красуется хорошенькая башенька, вся пестрая отъ наклеенныхъ на нее разноцвѣтныхъ бумагъ. Это столбъ для наклейки афишъ. Съ зарею, уже всѣ сотни такихъ столбовъ по улицамъ столицы бѣлокурыхъ нѣмецкихъ французовъ, то-есть милыхъ пруссаковъ, оклеены свѣжими афишами, на розовой, желтой, синей, зеленой и

бѣлой бумагѣ, зовущихъ васъ въ сотни мѣстъ увеселеній и продажи новостей. Вамъ не для чего за этимъ бѣжать за три версты къ театру или волей-неволей взбираться въ душную харчевню и искать нумеръ газеты, чтобы узнать, что дѣлается въ тотъ день на бѣломъ свѣтѣ.—За то коммиссіонера въ своей гостиницѣ вы не пропустите: онъ вамъ и билетъ достанетъ, если вамъ некогда, и на почту закупоритъ и отправитъ посылку, и съ нужнымъ человѣкомъ переговоритъ за самую бездѣлицу.

Въ былые годы Берлинъ обѣдалъ въ двѣнадцать часовъ, въ 1847 году сталъ обѣдать въ часъ и въ два, а теперь, по мнѣнію бюргеровъ старыхъ временъ, de l'ancien règime, испортился совсѣмъ и обѣдаетъ въ 3 часа пополудни. Вы сходите за табль-д'отъ въ той же вашей гостиницѣ, садитесь за общій столъ и ждете двѣ минуты. Обѣдъ здѣсь съ лица стоитъ 20 грошей, т.-е. 60 к. с.—Вы переноситесь мысленно при этомъ въ русскія гостиницы, напримѣръ, къ Палкину и думаете: „Ну, нѣмцы подадутъ дрянь и что можно подать за 20 грошей?“ и неожиданно изумляетесь. Не успѣли разрѣзать тминной, колбаснообразной булочки, какъ васъ буквально осыпаютъ съ двухъ сторонъ блюдами. Справа движутся супы рыбные, слѣва мясные. Не успѣли вы съѣсть этого, какъ на маленькихъ блюдахъ фрачные кёльнеры подаютъ вамъ разомъ по четыре сорта соусовъ, по стольку же холоднаго, въ такой же численности другихъ соусовъ, потомъ жаренаго, потомъ пирожнаго, наконецъ, орѣховъ, яблокъ, изюму, варенья, желе и мороженаго. Вы съ непривычки путаетесь, накладываете къ соусу, на ту же тарелку, холодныхъ колбасокъ, какихъ-то кореньевъ, не то брюквы, не то моркови, потомъ ветчины, потомъ котлетъ и рыбы. Блюда подоспѣваютъ безъ устали и промежутковъ. Одни кельнеры подхватываютъ у васъ старую тарелку, другіе тутъ же ставятъ передъ вами по четыре сорта салатовъ, моченыхъ яблокъ, кислаго варенья къ жаркому, пикулей, моченаго крыжовника, брусники, компота изъ чернослива и картофеля съ зеленью и уксусомъ: это все салаты. А жаренаго? Чего тутъ нѣтъ? и индѣйка, и дикая коза, и куропатка, и рябчикъ, и костлявая или вовсе безкостная какая-то морская рыба, и наконецъ нашъ старинный знакомецъ воробей, впрочемъ не московскій и не курскій, а нѣмецкій воробей, и довольно вкусный, хотя и старый, котораго, слѣдовательно, по пословицѣ, не надуешь. Пивныя бутылки пестрятъ столъ. Пробки съ розоваго шампанскаго хлопаютъ. Дамы въ чепчикахъ раскраснѣлись; раскраснѣлись и кавалеры. Носы отливаютъ блескомъ заходящаго солнца въ Тиръ-гартенѣ; отливаются и увѣсистыя пули въ разговорахъ бородатыхъ остряковъ. А оберъ-кельнеръ расхаживаетъ во фракѣ между простыхъ кельнеровъ и управляетъ непостижимою тайною пестраго дождя изъ блюдъ, именуемаго

обѣдомъ въ берлинскомъ табль-д'отѣ. Я какъ-то разъ сталъ считать блюда кушаньевъ, насчиталъ двадцать-два, и бросилъ...

Отъ пяти до шести часовъ послѣ обѣда Берлинъ сидитъ въ кофейняхъ за газетами. Я говорю до шести, потому что въ шесть часовъ уже начало спектаклей въ его театрахъ. Извѣстно, что спектакли здѣсь идутъ отъ шести не далѣе девяти и рѣдко десяти часовъ. Въ десять подъѣзды театровъ уже совершенно пусты. Берлинцы въ это время уже спятъ. Петербургскій читатель, въ десять часовъ для шику только ѣдущій, подъ видомъ запоздавшаго, въ оперу, на это поморщится. За то посмотрите на лица берлинскихъ женщинъ, какъ на нихъ отражается этотъ родъ здоровой жизни. Всякаго пріѣзжаго въ Пруссію прежде всего поразитъ необыкновенная моложавость здѣшнихъ солдатъ. Но таково все прусское войско. Я къ нему присматривался и на ученьи, и у казармъ, и при разводѣ часовыхъ, и въ деревняхъ, и по желѣзнымъ дорогамъ. Румяныя, полныя и дѣтски-моложавыя щеки, какъ говорится, „щеки рѣпой“ и „глаза съ поволокой“, меня встрѣчали и провожали вездѣ. Прусская армія—это великій вооруженный прусскій народъ, какъ сказалъ въ этомъ январѣ, при открытіи берлинскихъ палатъ, принцъ регентъ. Пруссія служитъ вся, каждый пруссакъ обязанъ служить съ 21-го по 32-й годъ своей жизни; съ извѣстными промежутками и отпусками, но служитъ въ лучшей своей молодости. Отъ этого и видъ моложавости и эти оригинальныя „щеки рѣпой“ каждаго военнаго мундира.

Второе, что васъ поразитъ въ Берлинѣ и маленькихъ прусскихъ городкахъ—это красота и многочисленность женщинъ вездѣ, куда вы ни попадете. Билеты въ театрахъ принимаютъ женщины, верхнее платье хранятъ въ разнаго рода представленіяхъ женщины, въ гостиницахъ служатъ женщины, въ магазинахъ и ресторанахъ за конторками сидятъ онѣ же. Идите вы по улицѣ—въ каждомъ окошкѣ цвѣты и женщины. Рядъ горшковъ съ аврикулами, гіацинтами и тюльпанами, и между ними русый локонъ, или синіе глаза и румяныя щечки, склоненныя надъ работой. Еще теперь въ Берлинѣ далеко до весны, а всѣ окна уже уставлены цвѣтами, луковицами. Горшки и горшечки все щегольскіе. Окно въ нижнемъ этажѣ не закрыто ревнивою занавѣской. Вы смѣло можете заглянуть внутрь комнаты. Начатая гарусная работа съ иглой лежитъ на столѣ. Полъ обитъ ковромъ. Каминъ дымится. Собачка въ намордникѣ спитъ на табуретѣ подъ яркой полосой солнечнаго луча, а бѣлокурая хозяйка, должно быть, обращаясь къ шумящимъ въ сосѣдней комнатѣ дѣтямъ, стоитъ у полурастворенной вправо двери, до половины видная изъ нея, съ своимъ чистенькимъ бѣлымъ чепцомъ и въ бѣломъ передникѣ.

Войдете ли вы въ театры—опять замѣтное преобладаніе женщинъ.

Въ креслахъ, во всѣхъ рядахъ отдѣльно продаваемыхъ разрядовъ ложъ, вездѣ женщины. По двѣ, по три и въ одиночку, спокойно являются тихія и миловидныя посѣтительницы. Пришла, отдала свое пальто у входа, пробралась къ своему мѣсту, вынула изъ кармана или портъ-сака бинокль, развернула особаго рода здѣшнюю театральную афишку, то-есть афишку вмѣстѣ съ газетой „Theater-Zwischenakts-Zeitung“ и читаетъ въ ожиданіи поднятія завѣсы. Въ этой газетѣ-афишкѣ, стоющей одинъ грошъ, вначалѣ напечатана афиша, съ точнымъ обозначеніемъ, когда поднимется занавѣсъ, какого цвѣта завѣса будетъ означать перемѣну декорацій и какого цвѣта окончаніе актовъ, кто изъ труппы того театра боленъ и кто въ отпуску, и когда кончится спектакль. Потомъ въ газеткѣ идетъ отдѣлъ подъ именемъ „Theater-confect“, и эти театральныя конфекты состоятъ изъ крошечныхъ анекдотовъ, изъ разсказовъ объ успѣхахъ или паденіи вчерашнихъ спектаклей, гдѣ вы сами были, изъ заграничныхъ театральныхъ новостей въ три-четыре строки. Это помѣщается на двухъ столбцахъ первой страницы газетки; остальныя три ея страницы заняты городскими публикаціями. Представленіе Шиллерова *Донъ-Карлоса* превзошло мои ожиданія. Начать съ того, что въ этотъ вечеръ большая часть посѣтительницъ явилась въ партеръ и въ ложи, кромѣ афишъ, еще съ томиками шиллеровскаго текста. Билетъ я досталъ съ большимъ трудомъ и не раскаялся. Какая постановка! какіе костюмы, декораціи, какая образцовая выдержанность игры и какой подборъ исполнителей! Отъ перваго до послѣдняго лица въ безсмертной, пылкой и полной дивной поэзіи драмѣ могучаго поэта, вездѣ поставлены были исполнители перваго разряда. Кто ни являлся предо мною, былъ ли это самъ король-инквизиторъ, фрейлина, пажъ, адмиралъ непобѣдимой армады, маркизъ Поза или вѣчно-юная и милая намъ всѣмъ личность самого царственнаго юноши, —Донъ-Карлоса, это все были первостепенные таланты, какъ говорится, спѣвшіеся до изумительнаго единства и жизненности своихъ ролей. И какъ живо шла вся великая трагедія, эта знаменитая „Trauerspiel in 5 Abtheilungen von Schiller“. Съ какимъ напряженіемъ слушала ее милая, образованная и также образцовая публика! Между выходами и появленіемъ новыхъ лицъ, когда теченіе драмы было уже порывистымъ, клокочущимъ водопадомъ, когда мрачный король уже заподозрилъ свою очаровательную королеву въ любви къ ея пасынку и своему сыну, и событія росли и сплетались на роковую и неизбѣжную погибель обоихъ прелестныхъ жертвъ чудной драмы, всѣ дыханія слушателей были въ одинъ ладъ; слышно было бы, какъ пролетала бы по залѣ муха. Я взглянулъ направо—старикъ, весь бѣлый и въ ермолкѣ, свѣся руки и голову, плакалъ. Взглянулъ налѣво—студентъ, втиснувши глаза въ простой рого-

вой бинокль, родъ зрительной трубы, будто смотрѣлъ на сцену, а слезы такъ и текли съ его щекъ на грудь. Я повелъ глазами впередъ — двѣ нѣмочки передо мной, должно быть, двѣ сестры или пансіонерки-подруги, съ раскраснѣвшимися ушами и слегка развившимися прическами, обернулись другъ къ другу и цѣловались, взявшись за руки и какъ бы прощаясь или дѣля, дружка съ дружкой, невыразимое горе и блаженство вмѣстѣ.

Говоря съ охотой и наслажденіемъ о Германіи шиллеровской, о Германіи наивной и румяной а не разсчетливой и мрачно-холодной, словомъ, говоря съ отрадой о Пруссіи, скорѣе, чѣмъ объ Австріи, которая мнѣ здѣсь постоянно кажется Германіею „умышленною", гётевскою, я прибавлю, что на представленіи Донъ-Карлоса, при мнѣ, присутствовала почти вся королевская фамилія.

Изъ текущихъ мимолетныхъ театральныхъ новостей въ Берлинѣ замѣчу блистательную, безъ пропусковъ, постановку мейерберовой оперы „Профетъ", очень миленькій комическій балетъ „Фликъ и Флокъ" съ прелестными превращеніями, гдѣ, между прочимъ, на необитаемомъ островѣ кристалловъ и коралловъ, является отрядъ танцующихъ раковъ и лягушекъ, и гдѣ, въ числѣ апотеозъ морскихъ державъ, изъ волнъ выплываетъ декорація и нашей Невы съ биржей и университетомъ, и съ танцами русской и казачка. Наконецъ, нельзя не замѣтить новаго очаровательнаго театра „Викторіи", освѣщеннаго восемью газовыми люстрами и десятками газовыхъ кенкетовъ. Здѣсь шла при мнѣ шутка-комедія „Жонглеръ", чисто въ нѣмецко-мѣщанскомъ, воскресномъ вкусѣ, довольно смѣшной, впрочемъ, пошлый, городской фарсъ. Этотъ родъ здѣсь допускается такъ же, какъ и существованіе общей всѣмъ столицамъ Европы касты женщинъ-франтихъ, грань которыхъ съ одной стороны аристократки, а съ другой камеліи, и на которыхъ въ Берлинѣ вы можете вдоволь насмотрѣться въ громадномъ магазинѣ модъ Герзона и компаніи, гдѣ въ двухъ этажахъ съ утра до ночи толпится раздушенный рой героинь попелина, репса и всякихъ бархатовъ и шелковъ. Эти на представленіяхъ Донъ-Карлоса врядъ ли бываютъ...

Едва я, какъ-то, бродя по городу и присматриваясь къ его своеобразному, нѣжно-сѣренькому виду, къ его собакамъ и островерхимъ черепичнымъ крышамъ, воротился въ свой нумеръ, невольно тронутый любовью берлинцевъ къ памяти славнаго короля Фридриха Великаго, —ко мнѣ вошелъ мой спутникъ отъ Россіи, генералъ Л*, который въ Берлинѣ сталъ отдѣльно отъ меня, въ Hôtel des princes.

— „Какъ вы думаете, кто навѣшалъ вѣнковъ на чугунной рѣшеткѣ вокругъ Фридриха Великаго?"—спросилъ я его.

— „О, разумѣется, полиція! Мой братъ видѣлъ въ Парижѣ, рано

по утру, какъ это дѣлается у наполеоновской колонны городскими сержантами...“

Онъ прошелся по комнатѣ и спросилъ:

— „А вы будете сегодня въ палатахъ?“

— „Въ какихъ?“

— „Ужъ разумѣется не въ уголовной или гражданской... Я досталъ билетъ въ этотъ Haus der Abgeordneten, что ли, какъ тамъ называется эта вторая камера или палата здѣшнихъ депутатовъ... Да не думаю, впрочемъ, идти, а вотъ не хотите ли, я вамъ уступлю свое мѣсто?“

— „Отчего же такъ?“

— „Да такъ-съ! Я вотъ въ Россіи и Гоголя не любилъ; не ожидаю и здѣсь добра отъ этихъ бюргеровъ и шмерцевъ, которые своими нечистыми руками берутся за святое дѣло законовъ и судьбы своей страны! Вѣдь они, кромѣ своихъ узкихъ мѣщанскихъ цѣлей, ничего не видятъ, и главное—позволяютъ себѣ либеральничать и фамильярничать... Сдѣлали бы меня ихъ президентомъ! А вотъ въ палату здѣшнихъ перовъ, Herren-Haus, я не досталъ билета...“

Кое-какъ я убѣдилъ генерала ѣхать въ палату депутатовъ, черезъ коммиссіонера гостиницы въ полчаса досталъ еще туда два билета, убѣдилъ и свояченицу генерала ѣхать съ нами, и всѣ трое, въ одиннадцать часовъ утра, 17-го февраля, мы уже сидѣли на верхней боковой трибунѣ, на хорахъ красивой залы „des Hauses der Abgeordneten“.

На впускномъ печатномъ билетѣ значилось: „Nur gültig für den 17 Februar 1860. Einlasz-Karte zur Tribüne im Sitzungs-Saale des Hauses der Abgeordneten, — Eingang durch die Niederwall-Strasse, № 8“.—Посторонніе посѣтители входятъ особо отъ двери депутатовъ. У входа намъ подали печатную программу засѣданія съ означеніемъ, что будетъ обсуждаться на преніяхъ того дня. Тутъ же у входа, на ступенькахъ узенькой витой лѣстницы, среди толкотни пробиравшихся въ трибуны и на-скоро отдававшихъ свое пальто и трости хранителямъ верхняго платья, мы купили планъ залы палаты депутатовъ, съ клѣточками, въ которыя были подъ нумерами вписаны всѣ имена членовъ палаты, президента, и на министерскихъ креслахъ самихъ министровъ. Клѣточки, сверхъ вписанныхъ именъ, были еще покрыты красками: желтою, лиловою, коричневою, розовою, темно-коричневою и голубою. Эти краски означали круги партій палаты. Зритель, при видѣ члена, вставшаго съ кресла и идущаго къ каѳедрѣ, съ цѣлью говорить рѣчь, въ клѣточкѣ его мѣста сейчасъ увидитъ его имя, узнаетъ, какой онъ партіи, а по нумеру у его имени въ такой же клѣткѣ найдетъ на оборотѣ всего плана, на другой страницѣ, еще

имя города, области и околотка, выбравшихъ его своимъ представителемъ. Всѣхъ членовъ теперь въ этой палатѣ 352.

Подъ каѳедрою ораторовъ двѣ конторки, за которыми стоймя пишутъ шесть стенографовъ; сзади, на большомъ возвышеніи, президентскій столъ, занимаемый теперь г. Симсономъ, изъ Кенигсберга, партіи „bei keiner Fraction", что означаетъ голубая краска его клѣточки. Слѣва на хорахъ: королевская ложа и ложа дипломатическаго корпуса; насупротивъ центра ложа верхней палаты („Herren-Haus") и ложа журналистовъ, съ ихъ собственными стенографами, а справа однѣ трибуны для публики. Вскорѣ послѣ нашего входа въ трибуну, когда уже шли пренія, въ королевскую ложу вошли: наслѣдный принцъ (сынъ принца-регента) и принцъ Карлъ. Оба они вошли, почти не замѣченные и до конца засѣданія, не вставая съ мѣста, слушали ораторовъ, изрѣдка прерываемыхъ тихимъ, какимъ-то особеннымъ гуломъ палатскаго браво и восклицаніями или отдѣльнымъ смѣхомъ той или другой партіи, со скамеекъ депутатовъ-слушателей. Публика сидѣла молча...

Между тѣмъ ораторы всходили на каѳедру и уходили. Сперва говорилъ Ведель, изъ Кремцова, но говорилъ съ больною, распухшею губой и вяло; онъ поддерживалъ министерство. Потомъ говорилъ сѣдой и стриженый подъ гребенку г. Штронъ, изъ партіи Финке и Венцеля, также довольно сухо. Наконецъ, всталъ г. Дункеръ, также изъ партіи Финке-Венцеля, представитель берлинскаго купечества и либералъ. Съ первыхъ словъ его онъ уже рѣзко выразился: „Я ни за министерство, ни за коммиссію",—и тихій ропотъ похвалъ и браво, или жесткихъ, но также тихихъ и будто произносимыхъ за стѣной, въ другой комнатѣ, восклицаній его противниковъ, сопровождалъ каждую мысль его. Онъ говорилъ, что Европѣ точно грозятъ опасности, что для спокойствія отчизны нужно войско, для войска деньги, а для денегъ налоги, но не такіе налоги, какіе теперь предлагаютъ. Говорилъ онъ долго. Въ концѣ преній всталъ за министерскимъ столомъ худенькій молодой брюнетъ, и сталъ читать опроверженіе противныхъ проекту доводовъ. Это былъ министръ финансовъ Патовъ...

Изъ Берлина мы выѣхали въ семь часовъ вечера, съ курьерскимъ поѣздомъ въ Парижъ, куда и прибыли въ двадцать-шесть часовъ ѣзды, на другой день, также вечеромъ, пролетая по семидесяти-пяти верстъ въ часъ. Съ нами возвращался прусскій помѣщикъ, пріѣзжавшій слѣдить въ Берлинѣ за исходомъ проектовъ о налогѣ съ земли и о гражданскомъ бракѣ. Это былъ полный, лѣнивый съ виду и кроткій добрякъ. Онъ намъ разсказывалъ, какъ у нихъ стригутъ овецъ, какъ живутъ крестьяне, освобожденные Штейномъ, какъ въ хижинахъ теперь попадаются и бронзы, и фортепіано, и ковры, какъ сама земля

помѣщичья теперь вздорожала почти до 500 и 700 р. с. за десятину, обрабатываясь всѣми дивами современныхъ орудій хозяйства.

Скоро мелькнула граница Бельгіи; кондукторы, картавя, стали выкрикивать по-французски. Кельнъ, отечество о-де-колона, и Литтихъ или Ліежъ, отечество всѣхъ лучшихъ ружейныхъ стволовъ въ Европѣ, пролетѣли у оконъ вагоновъ, какъ сонъ. Пошли холмы и скалы Намюра и Шарлеруа; на скалахъ зеленѣющіе плющи; вездѣ дымовыя трубы фабрикъ. А вотъ и граница Франціи. Тутъ уже явились французскіе чиновники и какія-то дамы въ чепцахъ. И тѣ и другія усердно осмотрѣли и мигомъ перемѣтили наши чемоданы. Я вспомнилъ Орсини. Пошли опять равнины, и взорамъ стало просторнѣе.

— „А вотъ и мѣстечко для сраженьица“!—сказалъ съ улыбкой генералъ:—„тутъ, кажется, наши молодцы шли къ Парижу въ четырнадцатомъ году...“

Мы въѣхали въ вагонахъ въ самыя улицы Парижа. Былъ послѣдній часъ масляницы, mardi gras. Вообразите, что это было!!

III.

Парижъ.

8-го марта 1860.

Если Берлинъ съ перваго взгляда удивляетъ своими собаками, запряженными въ телѣжки, собаками въ хомутикахъ и уздечкахъ, какъ въ англійскихъ шорахъ, наивно лающихъ на прохожихъ за работою развозки молока и кореньевъ по городскимъ лавочкамъ, за то Парижъ, на первомъ шагу, озадачиваетъ своими хожалыми, своими „черными человѣчками“, какъ ихъ тутъ называютъ. Эти молчаливые и вѣжливые господа тихо прогуливаются съ утра до утра вдоль по улицамъ, одѣтые въ черный треуголъ, черный плащъ съ капюшономъ и украшенные черною бородкой и таковыми же усами. Гдѣ бы вы ни застоялись, на что̀ бы ни засмотрѣлись, этотъ призракъ Парижа, эта тихая и молчаливая тѣнь тотчасъ выростетъ предъ вами и начнетъ васъ обнюхивать и наблюдать. За то никто вамъ лучше и вѣрнѣе не укажетъ дороги, которой вы не знаете; никто вѣжливѣе не скажетъ вамъ: „не застаивайтесь такъ долго, идите далѣе! Здѣсь тѣсно!“ Съ быстротою телеграфа эти господа переговариваются между собою, и, въ случаѣ нужды, собираются въ дружныя кучи, которыхъ сильно побаивается нынѣшняя парижская чернь.

У Парижа болѣе нѣтъ ни открытыхъ преній въ палатахъ, ни свободы гласности въ обсужденіи великихъ общественныхъ вопросовъ, ни

возможности строить баррикады, такъ какъ камни на главныхъ улицахъ исподоволь и незамѣтно замѣнены теперь мелкимъ, какъ бисеръ, щебнемъ „макадама", особаго рода шоссе. Нѣтъ у Парижа ни Виктора Гюго, ни Тіера, ни Луи-Блана, ни Ламартина. За-то по прежнему снуютъ по немъ, съ изумительною быстротою, громадные, бѣлые омнибусы, запряженные обыкновенно парою бѣлыхъ нормандскихъ лошадей; также высоко сидятъ на ихъ козлахъ безмолвные кучера, а толпа ѣздоковъ сидитъ не только внутри кареты, но еще въ два ряда на крышѣ. Вы садитесь, ѣдете; вамъ нужно вправо—кондукторъ даетъ вамъ корреспонденцію въ другой омнибусъ, въ счетъ первой вашей платы. Вы входите въ бюро, на маленькую станцію, и ждете прихода очередной кареты. Въ комнатѣ тепло. Маленькая чугунная печка топится. По стѣнамъ вывѣски. Раздался свистокъ. Вы садитесь и ѣдете далѣе. Въ каретѣ опять городскія вывѣски. Вы лѣзете на имперіалъ, на крышу омнибуса, и тамъ вывѣски...

Страсть къ вывѣскамъ не покинула парижанъ и теперь. Еще великій авторъ „Рима" замѣтилъ эти громадныя объявленія, ползущія въ Парижѣ на каждое свободное мѣсто. Стѣны домовъ и заборовъ съ утра каждаго дня уже оклеены новыми афишами и объявленіями. Не оклеиваютъ только тѣхъ простѣнковъ, гдѣ написано: „Défense d'afficher". На каждой оборотной и лицевой части двери и ставень вывѣски; на окнахъ и подоконникахъ вывѣски. Ступени крылецъ перемѣшаны съ вывѣсками. На столбахъ, на телѣгахъ, на бокахъ возовъ для передвиженія кладей вывѣски. Телѣга везетъ дрова, а съ боку написано золотыми буквами: „На улицѣ Сенъ-Виктора есть отличный переплетчикъ: спросить въ 15-мъ №".—Вывѣски эти даже лѣзутъ подъ крыши и на самыя крыши. Вы идете по улицѣ Лафита, а на одномъ изъ домовъ ея читаете: Отличная и первая во всемъ Парижѣ модистка живетъ на Тампльскомъ бульварѣ, № 22-й". —Иногда, какъ, напримѣръ, въ улицѣ Сентъ-Антуанъ, цѣлая глухая стѣна семи-этажнаго дома, отъ земли до крыши, украшена изображеніемъ колоссальнаго, величиною саженъ въ пять, если не болѣе, сѣраго пальто, съ надписью, гдѣ каждая буква въ сажень, такого содержанія: „Портной; дѣлаетъ пальто, сюртуки, фраки, жилеты и все, что̀ угодно. Спросить тамъ-то".—Наконецъ этого мало. Надъ входами кофеень, чуть вечеръ, зажигаются изъ газовыхъ крошечныхъ рожковъ огненныя надписи, гласящія объ именахъ знаменитыхъ заведеній. Вы берете газету, даже театральную афишку — и тамъ въ концѣ куча объявленій. Идите днемъ по улицѣ, незнакомый господинъ, въ блузѣ, а иногда даже во фракѣ, стоитъ на тротуарѣ и молча тычетъ въ руки каждому проходящему билетики съ адресами портныхъ и сапожниковъ. А ночью этотъ самый господинъ поставитъ на телѣжку фонарь, а бока его украситъ

огромными объявленіями, зажжетъ въ фонарѣ свѣчу, и потащитъ впереди себя тѣлежку...

Еслибъ вы пріѣхали теперь въ Парижъ, вы одно здѣсь дѣйствительно благословили бы отъ души: это погоду. Въ то время, какъ Петербургъ и Москва въ февралѣ тонутъ еще въ снѣгахъ, жмутся отъ морозовъ и мятелей, здѣсь раздушенная и разряженная толпа ходитъ въ сюртукахъ, безъ пальто, безъ шарфовъ и калошъ. На деревьяхъ еще нѣтъ листьевъ. За-то солнце ярко свѣтитъ, по-апрѣльски, а воздухъ нѣжитъ и вмѣстѣ освѣжаетъ. Экипажи непрерывною цѣпью, и днемъ и ночью, снуютъ во всѣхъ направленіяхъ. Прежде отъ ихъ колесъ было больше грома. Нынѣшній макадамъ почти не издаетъ громкихъ звуковъ, и кареты поминутно грозятъ расквасить носъ зазѣвавшемуся пѣшеходу...

Театры набиты биткомъ ежедневно. Въ университетѣ идутъ еще любопытныя лекціи по всѣмъ частямъ опытныхъ наукъ. Но уже общество рвется къ деревнямъ, къ полямъ, къ деревьямъ и свободѣ, и за неимѣніемъ этого всего, пока отправляется въ Jardin des plantes, особаго рода общественный садъ.

Какъ-то я ходилъ по этому очаровательному убѣжищу дѣтей, играющихъ здѣсь подъ тѣнью громаднаго кедра ливанскаго, въ три обхвата толщиною. Толпа стояла надъ „ямами медвѣдей", обложенными гранитомъ и окруженными плотными желѣзными рѣшетками, гдѣ бурый Михайло Васильевичъ ходилъ на заднихъ лапахъ, танцовалъ вальсъ и самъ собою взбирался отъ времени до времени на гимнастическій столбъ, выманивая кусокъ хлѣба и жареный картофель, бросаемые ему сверху прямо въ пасть. Бѣлый медвѣдь безъ устали отвѣшивалъ поклоны, кланяясь до земли и роняя бѣлую пѣну отъ излишняго усердія, съ тою же цѣлью. Вы прошли двадцать шаговъ мимо зеленыхъ лужаекъ съ красивыми лѣсными хижинами, гдѣ на привольѣ, за изгородью изъ проволочныхъ рѣшетокъ, бѣгаютъ козы, лани, олени, ходятъ степенные буйволы и ламы, каждые по парѣ, самецъ и самка, на своемъ собственномъ участкѣ, и слышите особенный странный крикъ. Передъ вами каменный домикъ, родъ за̀мка, и новая, болѣе крѣпкая ограда вокругъ поляны, усаженной огромными деревьями. Что̀ это? Слонъ бѣгаетъ, выбрыкивая не хуже любого тѣленка на хуторѣ, когда мухи его кусаютъ и онъ носится съ хвостомъ въ видѣ сороки. Курятникъ соединенъ съ голубятникомъ. Это цѣлая колонія хижинокъ, бесѣдокъ и норокъ, обтянутая сверху проволочною сѣтью. Здѣсь царство кудахтающаго и воркующаго міра. Вотъ пунцово-багровыя кохинхинки. Это расхаживающіе живые огни, куски мерцающаго пламени. Крохотные бѣлые, будто молочные, корольки, помѣщаются близъ куропатокъ и какихъ-то малиново-желтыхъ утокъ, у которыхъ носы утиные, а

сами онѣ сидятъ иногда на вѣткахъ. Вотъ и бѣлые, съ алою оторочкою, фазаны. Тутъ же павлины. На своей собственной землькѣ, у своего собственнаго болота, бѣгаютъ всякаго вида и смѣха кулики. Одинъ совершенная попрошайка-старуха, даже будто въ чепцѣ и будто у груди держитъ прошеніе; завидѣлъ васъ и идетъ, переступая съ ноги на ногу, за подачкой кусочка булки. Египетскіе адъютанты или секретари, изъ породы аистовъ, стоятъ почтительно и задумчиво. Страусы высовываютъ сѣрую голову изъ-за ограды нашихъ милыхъ, степныхъ журокъ, ожидающихъ только знакомаго крика изъ-подъ голубыхъ французскихъ облаковъ, чтобы улетѣть съ товарищами, въ ихъ звонкихъ треугольныхъ, къ пустыннымъ раздольямъ херсонскаго юга. Вотъ хищные звѣри и птицы. Но они знакомы намъ по звѣринцамъ Зама. Развѣ вы остановитесь передъ семействами альпійскихъ и пиренейскихъ орловъ? Жутко становится на душѣ, при взглядѣ на эти исполинскія крылья и эти длинные загнутые носы, какъ кривые янинскіе ятаганы. Не даромъ ходятъ толки о томъ, какъ ловко эти крылатые силачи уносятъ осьми и десяти-лѣтнихъ дѣтей. Васъ поразятъ гиппопотамы. Они поминутно барахтаются въ водѣ, выказывая то свои розовыя бычачьи ноздри и дымящіяся уши, то сѣрую, жирную, слоновью спину. Собраніе живыхъ змѣй и крокодиловъ привлекаетъ не всякаго. Вы видите за рѣшеткой, какъ иная ехидна свилась на вѣткѣ своего деревца кольцомъ; другая поднимается особою лѣсенкою въ свой домикъ и высовываетъ изъ готическаго окошечка свою зловѣщую головку. За то толпа непроходимая, со смѣхомъ и вѣчными прибаутками, постоянно окружаетъ колонію обезьянъ, для которыхъ теперешнее помѣщеніе съ отдѣльными кельями выстроилъ бывшій министръ Людовика Филиппа, знаменитый Тіеръ, и французы сложили остроту, будто обезьяны послали ему благодарственный адресъ, съ надписью „Au grand Thiers les singes reconnaissants!“ —Въ самомъ дѣлѣ, ничего нѣтъ уморательнѣе этихъ мартышекъ, орангутанговъ и крошечныхъ лѣсныхъ обезьянокъ. Напримѣръ, одна другой при васъ чешетъ въ головѣ и ловитъ тамъ насѣкомыхъ. Другая недавно произвела дѣтеныша, который ползаетъ на заднихъ лапкахъ, совершенно, какъ дитя; вы ему бросаете хлѣба — мать тутъ же крошитъ его въ тарелку съ молокомъ, мочитъ его, дуетъ на него и бережно кладетъ его дитяти въ ротъ. Третья кинулась за брошенною вами конфектой, оцарапала палецъ и разсматриваетъ его, точь въ точь, какъ модистка, уколовшая руку иглой и высматривающая, съ наморщенною бровью, прежде чѣмъ пососать больное мѣсто...

Не успѣлъ я однажды, за такою прогулкою въ этомъ миломъ саду, налюбоваться его зимнею вѣчно-зеленѣющею рощею, его обезьянами, кроликами, верблюдами и журавлями, и уже выходилъ съ толпой изъ

тіеровскаго жилища обезьянъ, гдѣ хранятся и клѣтки съ звѣрками, изъ породы грызуновъ, проводящими зиму въ спячкѣ, какъ-то сурками, ежами и дикобразами, какъ услышалъ за собою по-русски:

— „Вотъ тебѣ и на! Не родись красивъ, а родись счастливъ! Кто бы могъ подумать, что нашъ бичъ, наши украинскіе овражки, наши суслики, удостоятся чести водиться за стекломъ, въ клѣткахъ парижскаго сада?!“

Я оглянулся. Это былъ мой прусскій сопутникъ, генералъ ***), съ его свояченицею. Послѣдней я было даже не узналъ. Такъ измѣнилась она мгновенно во всеизмѣняющемъ Парижѣ. Волосы ея были взбиты въ какіе-то три яруса; на головѣ красовалась соломенная дѣтская шляпа, съ фазановымъ алымъ перомъ. Платье волочилось длиннѣйшимъ шлейфомъ, подметая дорожки, а спереди было поднято отъ земли на четверть, сверху платья былъ накинутъ какой-то казакинъ. Я имъ обрадовался.

— „Попросите Юрія Николаевича,“ —шепнула мнѣ вдовушка, — „отпустить меня съ вами на балъ гризетокъ въ Шато-Ружъ или въ Мабиль, мнѣ хочется посмотрѣть тамъ настоящій канканъ! Это прелесть, что за народъ эти французы! Я все ими здѣсь любуюсь“...

— „А вотъ позвольте васъ познакомить“,—отнесся ко мнѣ генералъ, указывая на толстаго, съ багровымъ лицомъ и едва дышавшаго отъ жира господина, въ широкой соломенной шляпѣ: „это тоже нашъ соотечественникъ, господинъ Тулантьевъ! Уже четвертый годъ тутъ живетъ: издаетъ одно сочиненіе о Россіи!“

— „Очень радъ!“ —сказалъ я, когда толпа гуляющихъ двинулась далѣе. — „Позвольте узнать, о чемъ вы пишете?“

Дѣтски-румяный и съ отвислымъ животомъ и подбородкомъ Тулантьевъ посмотрѣлъ въ землю и, тихо передвигая мягкія ножки въ широчайшихъ панталонахъ, дѣтски-тоненькимъ голосомъ отвѣчалъ:

— „Я этимъ у насъ не могъ заняться; у насъ тамъ какъ-то этакъ пошло все, журналы тоже пишутъ все этакое. Я избралъ поприще публициста — доказываю, что мы богаты, здоровы, сильны и умны; но подражать нѣмцамъ и, въ особенности, англичанамъ не должны, а скорѣе шведамъ. Посмотрите, какъ они экономны, тихи, аккуратны: о нихъ ни слуху, ни духу въ газетахъ; а они богатѣютъ, и счастливы, и учатся хорошо, и ѣдятъ; дамы же у нихъ, кромѣ чернаго, ничего не носятъ... Потомъ я еще на Гоголя и на Бѣлинскаго каррикатуры здѣсь издаю; говорятъ, и другой изъ нашихъ въ Петербургѣ это же предпринимаетъ, да его заѣли ваши жирардены... У меня независимое состояніе, но я себя посвящаю обществу.

Пройдя немного, онъ опять отнесся ко мнѣ:

— „Скажите, вы дома обѣдаете, въ квартирѣ, или по трактирамъ?“

— „А что-съ?“

— „Да такъ-съ, я любитель... я люблю покушать, и хотѣлъ съ вами посовѣтоваться... говорятъ, недалеко отъ Лувра открытъ новый трактирчикъ...“

Генералъ перебилъ его слова:

— „А, Иванъ Семенычъ вѣрно и васъ метитъ осѣдлать своею гастрономіей! Рекомендую вамъ: онъ проѣлъ дома триста душъ, а теперь пріѣхалъ сюда наживать новыхъ... Тсъ! Постойте, господа, смотрите!“

Мы остановились. Въ двухъ шагахъ мимо насъ прошла дамочка съ двумя дѣтьми. Генералъ шепнулъ намъ:

— „Это графиня N. N., урожденная Кобылкина. Она здѣсь уже третій годъ; я ее вчера въ нашей здѣшней церкви видѣлъ, пріѣхала для воспитанія дочекъ-малютокъ, и дошла до того, что тѣ по-французски молятся! Это изъ рукъ вонъ! Вамъ бы, Иванъ Семенычъ, это прихлопнуть въ вашемъ новомъ сочиненіи!“

— „Да, прихлопну!“ — произнесъ тоненькимъ голоскомъ Тулантьевъ, икнувши и печально поглядывая въ сторону, какъ бы думая, кого бы затащить пообѣдать въ новооткрытый трактирчикъ близъ Лувра.

Мы разстались.

Дня черезъ три ко мнѣ въ нумеръ постучался слуга мой, бывшій зуавъ, нюхавшій крымскаго пороху и все увѣрявшій меня, что знаетъ по-русски, потому что „poisson“ по-русски называется „rippa“. Онъ ввелъ ко мнѣ коренастаго увальня, во фракѣ и ливрейной шляпѣ, и остановился, ухмыляясь, у двери. Уже по его одному виду я догадался, что приведенный имъ незнакомецъ что-нибудь особенно странное для обитателя Парижа. Этотъ незнакомецъ оказался крѣпостнымъ слугою Тулантьева, истинный саратовецъ.

— „Иванъ Семенычъ просятъ васъ на свиданіе-съ въ рю де ла Маделень-съ, гдѣ издается газета ле Норъ-съ!“

При послѣднемъ находилась и цидулка, съ приглашеніемъ на свиданіе, по части парижской кухни и русской публицистики, въ кабинетъ для чтенія при новоустроенномъ агентствѣ для русскихъ, въ Office du Nord.

Дорогою я разговорился съ Антономъ. Это былъ малый смышленый, но болѣе себѣ на умѣ, чѣмъ краснобай.

— „Отчего именно тебя баринъ взялъ изъ Россіи, а не нанимаетъ тутъ здѣшнихъ? Вѣдь съ тобою, я думаю, одни хлопоты?“

— „Предпочитаютъ-съ!“

— „Вотъ какъ! Что же, тебѣ нравится Парижъ?“

— „Да-съ, ничего, и Луи-Бонапартъ ничего, все въ порядкѣ держитъ. Да съ хранцузомъ иначе и нельзя...“

— „Это отчего?“

— „Несообразный народъ; что въ комнатѣ ни накомситъ, все и прётъ на улицу, соръ, помои; даже изъ окна иной разъ тебя ошпарятъ изъ лоханки. Вотъ мы стояли у одной мадамы въ шамбръгарни-съ, недалеко отъ рю Вивьенъ, нумеро дузъ; такъ сама-то мадамъ не только лягушекъ въ сметанномъ соусѣ ѣла, а пойдетъ на базаръ, на двадцать сантимовъ морскихъ пауковъ купитъ, да съ уксусомъ и поѣстъ!“

— „А что тебѣ, Антонъ, тутъ больше всего понравилось?“

— „Водка-съ! Эдакой водки ни въ Москвѣ, ни въ Саратовѣ и не нюхалъ-съ; боюсь, что носъ красный станетъ; каждое вокресенье напиваюсь. Должно быть трехпробная и безъ акциза. А намедни, баринъ посылалъ въ театръ де Фюнанбюль взять билетъ; ноги я промочилъ, купилъ этой водки здѣшней, да какъ стёрся, такъ просто, какъ въ банѣ побывалъ. У насъ не такая! Ну, и народъ тутъ одѣвается лучше: только улицы узкія!“

— „А знаешь ты, Антонъ, что въ эти три года, какъ ты тутъ живешь, у насъ уже начали дѣло улучшенія.“

Я не договорилъ.

— „Манципаціи-то?“ — перебилъ Антонъ.

— „Да...“

— „Какъ не слыхать! Господа наши-то пріѣзжіе, какъ только сюда носъ покажутъ. сейчасъ объяснять: какъ, и когда, и что, и въ какой, значитъ, мѣрѣ будетъ? Все объясняютъ...“

— „А твой баринъ говорилъ тебѣ?“

— „Признаться, самъ-то онъ не начиналъ, а я не посмѣлъ спросить! Такъ, другіе баютъ! Да я отъ него не отойду. Онъ больше у меня ученый; все книжки пишетъ. Еще въ Саратовѣ говорилъ—печатать буду, а не печатаетъ. Только распредобрѣющая душа... Жилетку полѣднюю готовъ тебѣ отдать!“

Тулантьевъ угостилъ меня дѣйствительно отличнымъ обѣдомъ. Я его отблагодарилъ. Но — довольно о русскихъ.

Что же еще сказать о современномъ Парижѣ?

Его монументальная сторона обстоитъ благополучно. Тѣ же дивныя набережныя, на которыя еще Наполеонъ I бросилъ десять милл. франковъ. Тотъ же самый Наполеонъ на верху Вандомской колонны. Та же наконецъ площадь Согласія, съ Луксорскимъ обелискомъ, гдѣ за семьдесятъ лѣтъ назадъ пали подъ гильотиной 1,500 человѣкъ, въ томъ числѣ Людовикъ XVI, Шарлотта Корде, жирондисты и Робеспьеръ. Теперь здѣсь шумятъ исполинскіе фонтаны, бродятъ разряженныя толпы, и кучи блестящихъ экипажей носятся по хитропридуманному шоссе красноватаго макадама, отъ Тюльери къ Елисейскимъ полямъ, и обратно.

Я какъ-то зашелъ въ знаменитый кафе-Прокопъ, славный еще при Людовикѣ XV. Сюда нѣкогда въ молодости собирались, за трубкой и кружкой пива, Руссо, Дидеротъ, Вольтеръ, и другія, менѣе аристократическія извѣстности. Теперь я спросилъ здѣсь устрицъ — нѣтъ; спросилъ лучшую сигару, закурилъ — сквернѣйшая.

Изъ новыхъ монументиковъ Парижа полезнѣйшіе — это такъ называемые „веспасьенны", красивенькія колонны по бульварамъ, со впадинами снаружи, значеніе которыхъ Антонъ мнѣ первый объявилъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ...

Нельзя не замѣтить также роскошнаго, громаднаго зданія близъ Сены и Лувра, крытаго городского рынка. Это наша сѣнная площадь и обжорный рядъ. Но какое различіе! Торговки сидятъ въ чепцахъ и въ лентахъ, а иная еще и въ бархатной мантильѣ, съ газетой въ рукахъ. У каждой столъ для товаровъ, а надъ кресломъ ея дощечки съ ея фамиліей: Louise Cabet,—Marie Sansbeuf. На столахъ—овощи, цвѣты, говядина, плоды, рыба; послѣдняя еще прямо въ проточной водѣ,—именно, особые фонтанчики бьютъ изъ крановъ въ лахани, а въ лаханяхъ плещутся караси, вьюны, пискари, шевелятся раки и плаваютъ какія-то ракушки, въ родѣ устрицъ. Иная dame de la Halle читаетъ газету; вы покупаете кусокъ морской рыбы и собираетесь уйти. Она вамъ прибавляетъ: „Э-э, мой милый, добрый господинъ: вы говорите—дорого. А вонъ, Англія все вооружается: какъ сожгутъ нашъ флотъ, какъ убьютъ нашу торговлю, тогда и не то будете платить. А все Пальмерстонъ! Все этотъ Пальмерстонъ! Чтобъ онъ подавился!"

Нижніе этажи всего Парижа—это цѣлый и сплошной рядъ разнообразнѣйшихъ магазиновъ, самыхъ богатыхъ въ мірѣ въ центрѣ города. Напримѣръ, на бульварахъ и въ Пале-Роялѣ есть десятки, въ одинъ рядъ, магазиновъ часовъ, надоѣдающихъ выставкою своихъ цѣпочекъ до тошноты. Въ окнахъ разложены товары, и тутъ же у каждаго ярлыкъ съ постоянною цѣною. Это очень оригинально.

Вы вглядываетесь еще зорче въ Парижъ.

По улицамъ шагаютъ громадныя бѣлыя и нормандскія лошади, въ шорахъ, по четыре и по пяти въ рядъ, съ косматыми гривами и ступицами; онѣ везутъ на двухколесныхъ исполинскихъ телѣгахъ камни, бочки, дерево и опять бочки, дерево и камни. Это все для Парижа, который молодится и перестраивается.

Раздается трескъ барабановъ. Впереди полка линейцевъ идетъ музыка; но трубы молчатъ; трещатъ одни барабаны. Тамбуръ-мажоръ махнулъ булавой, и чудный оркестръ исполняетъ кадриль Мюзара, держа крошечныя дощечки съ нотами, на ходу, на особыхъ подставкахъ на груди. Это я видѣлъ и въ Берлинѣ.

А вотъ Елисейскія поля, то-есть особый садъ, родъ нашего Тверского бульвара, только шире значительно, въ самомъ городѣ. Въ воскресенье здѣсь являются лавочки, маріонетки, паяцы, временныя кухни, уличные ученые съ электрическими машинами, владѣльцы переносныхъ вѣсовъ, предлагающіе узнать вѣсъ вашего тѣла, каретки съ козлами, вмѣсто лошадей, для потѣхи дѣтскаго общества, танцы... Веселятся здѣсь дѣти, веселятся и взрослые, но больше дѣти...

Взрослые здѣсь какъ-то все задумываются.

Идетъ ли франтъ, по улицѣ, онъ ловко машетъ тросточкой и куритъ, но будто о чемъ-то вспомнилъ, и смотритъ задумчиво въ землю. То же дѣлаетъ и офицеръ, и гризетка, и разнощикъ всякой мелочи. Или парижане выучились быть серьезными? или горькій опытъ отъучилъ отъ той беззаботности и веселости, о которой мы знаемъ по романамъ Сю и Дюма, и по пѣснямъ Беранже?

— „Все у васъ есть, Андрей Иванычъ, одного только недостаетъ!“ —говорилъ Чичиковъ Тентетникову: „жены недостаетъ Андрей Иванычъ!“ Такъ и вы сказали бы, еслибъ теперь посѣтили Парижъ.

Все у него есть, и чистота, и порядокъ, и равняется онъ въ своихъ улицахъ, какъ Берлинъ, и Петербургъ, по шнурочку вытягивается, а чего-то недостаетъ ему...

— „Жизни недостаетъ Парижу!“—сказалъ мнѣ одинъ помѣщикъ близъ Марсели, на дняхъ, когда я пріѣхалъ къ нему въ деревню, посмотрѣть на его житье-бытье.

Но объ этомъ до слѣдующаго письма.

— „Парижъ—это современный Іерусалимъ“,—говорилъ мнѣ почтенный французскій радикалъ,—„онъ до той поры будетъ кроить политику, пока придутъ новые варвары, и мы увидимъ окончательное разрушеніе нашего храма Соломона. Право, перевести бы нашу столицу, то-есть чиновниковъ нашихъ и полицію, хоть бы въ Дижонъ, что ли! А то, имѣя подъ рукою центры ученыхъ, убили и литературу нашу, и чудную былую старинную жизнь нашего Парижа!“

IV.

Французскіе депутаты въ Луврѣ.

1-го марта 1860 года.

Парижъ, 1-го марта 1860 года. (Rue Lamartine, № 30).

Благодаря ранней веснѣ, Парижъ давно бросилъ калоши, одѣлся по лѣтнему и гуляетъ по бульварамъ, покупая свѣжія расцвѣтшія віолетки и пучки подснѣжниковъ, по два су букетикъ. Дѣти напол-

няютъ каждую площадку бульвара, прыгая черезъ веревочки, играя въ лошадки и подражая маленькому сыну императора, le petit Bebé de la France, расхаживаютъ въ медвѣжьихъ шапкахъ, съ ружьями на караулъ, какъ его уже рисуютъ во всѣхъ иллюстраціяхъ. Но на всемъ этомъ лежитъ какая-то тѣнь скуки и однообразія, сѣренькій цвѣтъ будничной, прозаической скуки. Выстроенныя будочки по бульварамъ замѣнили разноску нѣкогда крикливыхъ ежедневныхъ листковъ, и прилично одѣтая дама вамъ молча вручаетъ за десять су, выглядывая въ чепцѣ изъ будочки, какъ изъ фонаря, ту же „Presse", которую нѣкогда съ громами и чуть ли не съ барабанами носили по городу бородатые продавцы. За то, куда ни глянете, вездѣ „черный человѣчекъ" въ черномъ треуголѣ, черномъ плащѣ, съ чернымъ капишономъ за плечами, въ черной бородкѣ и „съ черными мыслями" въ головѣ. Это знаменитые sergeants de ville, благородная семья защитниковъ спокойствія великаго города, имя же ей легіонъ. Посмотрѣли вправо, черный человѣчекъ разглядываетъ какую-то бумажку на землѣ и трогаетъ ее ногой; взглянули влѣво—два такіе господина шепчутся и будто слѣдятъ за вами, бросили взоръ впередъ, одинъ изъ нихъ уже передъ вашимъ носомъ и тоже склонился къ громадному стеклу магазина, будто разсматривая красиво разложенныя въ окнѣ бездѣлушки...

Но вотъ Парижъ ожилъ и зашевелился. Знаменитыя слова „panes et circenses"—„хлѣба намъ и театровъ!" звучатъ здѣсь всегда сильно и мѣтко.

Монитеръ напечаталъ на дняхъ коротенькое извѣстіе: „1-го марта сего 1860 года, императоръ лично откроетъ въ залѣ луврскаго дворца засѣданія законодательнаго собранія *и произнесетъ рѣчь.* А потому собираться съ такихъ-то подъѣздовъ и т. д."—И довольно. Толпа засуетилась и стала осаждать начальника дворцовыхъ церемоній, какъ нѣсколько лѣтъ, съ такимъ же рвеніемъ, спѣшила осаждать Севастополь, а въ прошломъ году Венецію...

Я, признаюсь, самъ не безъ волненія узналъ объ этомъ. Мысли о старинной палатѣ депутатовъ, о Гизо и Тьерѣ, объ учредительномъ собраніи и преніяхъ временнаго правительства, о Луи-Бланѣ и Ламартинѣ, о Косидіерѣ и Кавеньякѣ, все это разомъ мелькнуло у меня въ умѣ. Но какъ попасть туда, въ это недоступное нынче простымъ смертнымъ собраніе, какъ попасть людямъ толпы, и притомъ скромному и никому незнакомому иностранцу? Я тщетно ожидалъ, искалъ, толкался и къ префекту и „черныхъ человѣчковъ" спрашивалъ, и гарсоновъ въ кофейняхъ подкупалъ. Не везетъ. А между тѣмъ кругомъ шептались и толковали вслухъ: „Гдѣ онъ проѣдетъ?"—„Кто?"—„Императоръ!"—„А! улицей Риволи, улицей Риволи; этакъ, какъ

свернешь вправо, мимо набережной Сены!" — „А кортежъ будетъ съ нимъ?" — „О! о! непремѣнно! Уже это непремѣнно! эскадронъ спереди и эскадронъ сзади, а на каскахъ у всѣхъ хвосты, а на груди кирасы... Это очень красиво!" — „Глазки и лапки, глазки и лапки" Гоголя и мнѣ пришли невольно при этомъ на умъ...

И вдругъ совершенно неожиданно, — какъ говорилось въ романахъ г. Воскресенскаго, — съ неба на меня упалъ пригласительный билетъ. Это мнѣ устроилъ обязательный литераторъ N. N. На билетѣ значилось: „Ouverture de la session législative de 1860. Par ordre de l'Empereur, le grand maître des céremonies a l'honneur de prévenir, m-r qu'il est invité à assister à l'ouverture de la session législative de 1860, qui sera faite par l'Empereur, le jeudi 1-r mars, dans la grande salle du palais du Louvre". Въ концѣ прибавлено было: „Быть во фракахъ и въ бѣлыхъ галстухахъ; входъ съ площади Наполеона III, занимать мѣста не позже двѣнадцати часовъ утра".

Не безъ труда я добылъ платье свѣтскихъ людей, оставленное мною у домашняго очага въ селѣ Бѣлобабовкѣ, на рѣкѣ Сухорыбицѣ, и въ одиннадцать часовъ утра, 1-го марта, вышелъ на бульвары, спѣша къ Лувру. Чистильщики сапоговъ и торговки на улицахъ съ любопытствомъ и особенною вѣжливостью сторонились, давая мнѣ дорогу и заглядывая на краснорѣчивый мой бѣлый галстухъ. На углу улицы Jean Jaque Rousseau, куда я по дорогѣ забѣжалъ на почту, узнать, нѣтъ ли вѣстей съ далекой Россіи, одинъ господинъ подбѣжалъ ко мнѣ, тронулъ меня за плечо и спросилъ: „Monsieur, Mille pardons! *Вы тамъ будете?..*" — „Буду!" — „А! Вотъ что! И императоръ лично тамъ произнесетъ рѣчь??" — „Лично!" — „А!! Извините!" — „Ничего-съ!" — И онъ пошелъ, приподнявши шляпу и задумчиво шагая отъ меня.

Близъ Палерояля нельзя уже было пройти отъ давки народа. Конные жандармы, въ красныхъ брюкахъ и съ красными хвостами на каскахъ, стояли у тротуаровъ верхомъ, вдоль золотой рѣшетки наружнаго двора Лувра. Я прошелъ садомъ Палерояля. У стеклянной ротонды стояла кучка прилично одѣтыхъ господъ. Какой-то старикъ толковалъ, взглядывая къ сторонѣ Лувра. „Онъ сегодня будетъ, говорятъ, много говорить, много... И о Сардиніи, и о папѣ, и о Россіи, и о Вѣнѣ... Онъ будетъ въ духѣ!" Слушатели тоже взглядывали къ сторонѣ Лувра, и молча расходились. Улица Риволи, улица уже во вкусѣ Наполеона III, ровная и прямая, какъ стрѣла, вытянутая въ струнку на нѣсколько верстъ, врѣзавшаяся въ самую грудь Парижа и снесшая съ лица его цѣлые кварталы, гудѣла какъ рой. Блузники, модистки, жарельщики каштановъ, водоносы, фіакры, щеголи, дѣти и сержанты, все стояло, глядѣло куда-то вправо и ожидало. Я пошелъ

также вправо, держа билетъ въ рукѣ. Подхожу къ воротамъ. Часовой кричитъ: „Нельзя! Тутъ нельзя! Подальше!“ — „Куда же мнѣ идти?“ —Три сержанта, спѣша съ трехъ разныхъ сторонъ и злобно глядя на мой бѣлый галстухъ, съ улыбкой подхватываютъ: „Лѣвѣе, monsieur; вонъ туда, кругомъ!“ я пошелъ кругомъ. Черезъ двѣсти шаговъ, однако, завидя раскрытыя другія ворота, гдѣ съ часовымъ разсуждалъ какой-то толстый офицеръ, я вошелъ туда и очутился во внутреннемъ дворѣ, куда, очевидно, публики не допускали. Тутъ стояла куча солдатъ, не то чистя, не то заряжая ружья. „Не сюда, не сюда!“ закричали мнѣ какіе-то повара или лакеи. Солдаты сердито смотрѣли на меня черезъ плечо. Я взялъ еще лѣвѣе, и опять попалъ во внутренній дворъ. Тутъ снова значительная толпа солдатъ, съ ружьями кучей, какъ на бивакѣ. Наконецъ я вышелъ къ назначенному входу. Тутъ уже были разложены зеленые и красные ковры, подъѣзжали пышныя кареты и разодѣтая толпа, дамы, дѣвицы, военные, сенаторы, депутаты, посланники и морскіе офицеры, выскакивали изъ экипажей, на козлахъ которыхъ возсѣдали напудренные кучера, въ чулкахъ и башмакахъ, и съ мѣховыми перелинками на груди. Мнѣ указали дорогу вслѣдъ за толпой, шедшей сплошной густой волною по длинному корридору. По двумъ сторонамъ толпы стояли ряды гвардейскихъ жандармовъ, въ ботфортахъ и въ медвѣжьихъ шапкахъ, напоминающихъ старую гвардію перваго императора. Мы взошли во второй этажъ. Тамъ опять проходная зала, въ видѣ корридора, и опять съ двухъ боковъ стѣны изъ латоносцевъ, съ ружьями на караулъ. Но вотъ и зала засѣданія. По цвѣту билетовъ толпу дѣлятъ на двое, одесную и ошуію. У меня былъ желтый, и я попалъ въ среду козлищъ, то есть ошуію. Тутъ уже была страшная давка. По обычаю всѣхъ почти парижскихъ общественныхъ собраній, переднія мѣста занимали здѣсь тѣ, кто прежде пришелъ. Дамы перешептывались, пищали, ахали и охали, а все таки стояли кое-гдѣ сзади мужчинъ.

Опишу залу. Это громадный продолговатый четыреугольникъ, съ выпуклымъ въ видѣ длиннаго круглаго свода потолкомъ въ два свѣта. Верхнія окна круглыя, въ самомъ потолкѣ. Послѣдній разрисованъ аллегорическими фресками въ колоссальную величину. Вотъ сельское хозяйство, вотъ поэзія, вотъ войско. Надъ нижними окнами, опираясь на рядъ раззолоченныхъ колоннъ, идетъ вокругъ всей залы открытая галлерея. Тамъ уже сидѣла разряженная толпа дамъ. Мужчинъ туда не пускали. Я взглянулъ на наряды дамъ: все сливалось въ однообразную черту, и лица и наряды. Мелькали только, болѣе другихъ, лиловый цвѣтъ лентъ и шляпокъ, коричневыя платья и черныя перчатки на перилахъ баллюстрадъ. Подробностей нарядовъ нельзя было разсмотрѣть ни въ какой бинокль: такъ было наверху тѣсно и сжато.

А онѣ-то бѣдныя надрывались, говорятъ, и тратились: многія, по слухамъ, понесли съ собою въ верхнюю галлерею платья въ 5,000 и въ 10,000 франковъ цѣною! Въ глубинѣ залы, насупротивъ входа, съ потолка висѣлъ огромный балдахинъ, алаго бархата, съ гербомъ и короной вверху, усыпанный золотыми пчелами. Подъ нимъ на возвышеніи, съ рядомъ ступеней, стояло красное кресло; другое, ниже, рядомъ съ нимъ, стояло лѣвѣе.

Толпа пустилась разсуждать, зачѣмъ это низшее кресло. Одни говорили у меня за спиной: „это кресло для императрицы!“ — „Нѣтъ, быть не можетъ; для нея вонъ мѣсто, еще лѣвѣе, въ сторонѣ, между мѣстъ для принцессы Матильды и Клотильды сардинской!“

— „Voyons, qui est la?“ отнесся впереди меня толстый господинъ въ жабо, должно быть провинціальный помѣщикъ, пріѣхавшій тоже взглянуть на тѣнь своего былого собранія: „объясняйте мнѣ, господа молодежь! Я старикъ, домосѣдъ, и отсталъ отъ обычаевъ, мундировъ и лицъ вашей новой аристократіи! Кто эти господа?“

— „Влѣво, въ срединѣ залы, тотчасъ подъ трономъ, сенаторы: у нихъ золотое шитье на мундирахъ!“ — началъ объяснять старику румяный юноша, должно быть сынъ одного изъ новѣйшихъ сановниковъ: — „а направо, въ срединѣ залы и тоже подъ трономъ, тотчасъ у его ступеней, депутаты, у нихъ шитье также есть, но серебряное, а не золотое; золотое у сенаторовъ! Видите!“ „Вижу! Продолжайте!“ съ простодушнымъ, провинціальнымъ взоромъ замѣтилъ откровенный толстякъ. — „Къ намъ ближе и далѣе отъ трона, въ срединѣ залы депутаты парижской магистратуры; видите? на нихъ круглыя шапочки, а мантіи — малиновыя и черныя. Потомъ господа въ мундирахъ, съ серебрянымъ шитьемъ по голубому бархату, это ученые, все академики и профессоры. А рядомъ съ ними военные: генералы и полковники, армія, гвардія и флотъ!“ — „А національная гвардія есть тутъ?“ — спросилъ толстякъ. Юноша сталъ на цыпочки, посмотрѣлъ во всѣ стороны; потомъ у сосѣда взялъ бинокль, еще посмотрѣлъ и добродушно отвѣчалъ: „Нѣтъ, monsieur, ее нѣтъ; національной гвардіи тутъ нѣтъ!“ Старикъ отвернулся отъ него и, сопя, сталъ смотрѣть въ другую сторону...

Зала шумѣла громче и громче. Сенаторы важно поглаживали свои лысины и горделиво поглядывали съ своихъ мѣстъ. Депутаты-законодатели съ мѣщанской простотой шныряли между великими сего міра, между гвардіей, арміей и флотомъ. Какой-то полковникъ, саженнаго роста, гвардейскій волтижеръ, какъ мнѣ назвали его полкъ, высился цѣлою головою надъ рядами военныхъ, сверкая алыми круглыми щеками, громко смѣясь, причемъ блистали бѣлые ровные его зубы, и покручивая черные страшилищной величины усы, надъ длинною чер-

ною бородкой. Усы у него шли въ три яруса. „Сущій полякъ часовой въ Тарасѣ Бульбѣ“!—сказалъ я вполголоса самъ себѣ, вглядываясь въ эти три яруса залихватскихъ войлокообразныхъ усовъ гвардейскаго волтижера.—„Да! И ростомъ онъ его напоминаетъ!“—отозвался также по-русски голосъ за мною... Я оглянулся: рыжій, блѣдный и рябоватый господинъ стоитъ степенно и смотритъ въ лорнетъ черезъ мое плечо. На мой взглядъ онъ не обернулся снова. Я тоже промолчалъ... Кто это былъ? Русскій ли? или одинъ изъ тѣхъ, которые здѣсь уже выучились говорить на многихъ языкахъ и охотно всматриваются въ толпу, слѣдя за нею во всѣхъ направленіяхъ?..

На эстрадѣ у трона стали появляться разныя лица: каммергеры въ красныхъ кафтанахъ, министры, маршалы, какіе-то господа въ лиловыхъ вицъ-фракахъ и съ зелеными лентами черезъ плечо. Но вотъ бархатная занавѣса за трономъ отдернулась, и взошли на эстраду новые голубые мундиры; это знаменитые cent-guardes, т.-е. стража императора. Войдя въ ботфортахъ, голубыхъ мундирахъ, зеленыхъ каскахъ съ хвостами и въ кирасахъ, они стали полукружіемъ, сзади трона, вздѣвши обнаженныя сабли свои, въ видѣ штыковъ, на дула карабиновъ. Штыки въ полтора аршина длины, какъ мавританскіе кинжалы! Это особенно эффектно! Вся эстрада была въ полумракѣ; солнце блистало на однихъ этихъ гигантскихъ штыкахъ...

— „Вотъ это графъ Морни, вотъ это герцогъ Малаховъ, Пелиссіе“,—говорили мои сосѣди, разсматривая столпы отечества, тѣснившіеся на эстрадѣ...

— „Вотъ взошелъ Фульдъ, вотъ Шаслу-Лоба, вотъ Канроберъ“...

— „А вотъ папскій нунцій, въ красномъ подрясникѣ, сѣдой и въ красной шапкѣ. Онъ сѣлъ. Видите?“

И пошли острить по поводу современныхъ слуховъ.

— „Вы замѣчаете, онъ одинъ? Никто съ нимъ не говоритъ! Онъ блистаетъ своимъ одиночествомъ!.. Онъ спрятался въ свое пунцовое величіе!.. Онъ теперь думаетъ о Римѣ, о папѣ... Чтò, какъ чрезъ десять минутъ съ этого кресла скажутъ: „il n'y a plus de pape, messieurs!..“

Три господина, близъ меня, вправо, довольно громко разсуждали о богатствѣ графа Морни.

— „У него дача во сто тысячъ франковъ, лошади по пяти тысячъ пара; коляска въ десять тысячъ! Поваръ у него получаетъ по пятисотъ франковъ въ мѣсяцъ жалованья“...

— „А что, господа, Ламартинъ здѣсь? не можете ли вы мнѣ его указать здѣсь?“ — отнесся къ нимъ вышеназванный толстякъ-провинціалъ.

— „О, monsieur! Ламартина здѣсь нѣтъ, не ищите его!“—отвѣ-

чали со вздохомъ хвалители богатства графа Морни: — „его здѣсь еще нѣтъ! Онъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, но поправляется; ему общество помогаетъ! И вѣроятно вскорѣ *его захотятъ здѣсь увидѣть*"...

— „Захотятъ?" —спросилъ толстякъ, тряся огромною, сѣдою головою: — „захотятъ?! Да захочетъ ли онъ самъ еще сюда? Спросите вы этого великаго, великаго человѣка Франціи!.."

Словъ старика я не дослушалъ. Въ залѣ настала вдругъ мертвая тишина. Какой-то господинъ, въ лиловомъ мундирѣ, быстро прошелъ по эстрадѣ, съ которой тутъ же всѣ мгновенно исчезли, будто ихъ смело незримымъ вихремъ. Изъ лѣвыхъ боковыхъ дверей на эстраду взошли три дамы въ шляпкахъ. Сенаторы и депутаты крикнули: „Vive l'impératrice!" Средняя, въ бѣлой шляпкѣ и въ бѣлой мантильѣ, поклонилась на этотъ крикъ и сѣла. Сѣли и остальныя двѣ. Это были: императрица Евгенія; справа у нея въ голубой мантильѣ, принцесса Клотильда сардинская, жена принца Наполеона; слѣва, въ желтомъ, принцесса Матильда...

Зала было помолчала; но вскорѣ опять заговорила и загудѣла. Былъ часъ пополудни. Но императоръ все еще не появлялся. — „Это удивительно!" —шептали кругомъ: — „Онъ такъ всегда точенъ, а теперь... Что бы это значило?"

Еще бо́льшая мертвая тишина мгновенно воцарилась въ залѣ, въ галлереяхъ и внизу за колоннами. Никто не давалъ сигнала, а стало тихо такъ, что муху можно было услышать. На дворцовомъ плацѣ загремѣлъ барабанъ. Гдѣ-то, кто-то *шепотомъ на всю залу сказалъ:* „Il vient"...

Ожидали, что императоръ войдетъ на эстраду прямо изъ боковыхъ дверей, изъ-подъ балдахина. А толпа раздвинулась сзади назадъ, у обыкновеннаго входа, и небольшого роста, плотный и будто сутуловатый блондинъ показался на порогѣ, сопровожадаемый новою стражей. Крики: vive l'impereur! потрясли залу. Я глянулъ черезъ головы сосѣдей. Проходомъ залы къ трону, между военныхъ и ученыхъ, сенаторовъ и депутатовъ, шелъ, слегка кланяясь, Наполеонъ III. Его бѣлокурая, нѣсколько лысая на темени, голова мелькала между рядами, не перестававшими кричать и махать въ воздухѣ треугольными шляпами...

Онъ медленно и твердо взошелъ на эстраду, сѣлъ на верхнее кресло, скрестилъ внизу ноги, поправилъ у бока шпагу, положилъ на колѣни шляпу и развернулъ тонкую тетрадь въ листъ величиной, сшитую по краямъ голубыми лентами. На меньшемъ креслѣ сѣлъ принцъ Напол онъ, толстый, даже тучный брюнетъ, съ лорнетомъ въ глазу...

Р здались слова: „Messieurs, asseyez vous!" Не знаю, кто это

сказалъ. Должно быть *онъ.* Всѣ мигомъ сѣли. Передо мною очутилось море сѣдыхъ и лысыхъ головъ, гдѣ молодыхъ видно было очень мало...

Тетрадь развернулась, и звонкимъ, чистымъ голосомъ императоръ сталъ читать извѣстную рѣчь, переданную уже вамъ и всему свѣту сегодня по телеграфу. Рѣчь болѣе десяти разъ перерывалась рукоплесканіями и криками браво собранія и публики. Она начиналась знаменитыми словами: „A l'ouverture de la dernière session, je tenais à prémunir vos ésprits contre les appréhensions exagérées d'une guerre probable. Aujourd'hui j'ai à coeur de vous rassurer contre les inquiétudes, suscitées par la paix même“...

Онъ читалъ довольно сухо. Изрѣдка прерываемый криками, онъ путалъ слова, холодно повторялъ сказанное начало мысли, тѣмъ же звукомъ продолжалъ далѣе и, кончивши, молча сложилъ, подъ громы браво, рукописную тетрадь съ бантиками голубыхъ лентъ по концамъ ея корешка.

Тогда вышелъ высокій господинъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, прочелъ обращеніе къ депутатамъ, объявилъ, что вновь избранные должны произнести присягу самому императору и началъ, на ступеняхъ эстрады, подъ креслами трона, выкликать имена. Каждый вызванный, по одиночкѣ, привставалъ съ своего мѣста и выкрикивалъ. „Je jure!“ Я вспомнилъ знаменитое: „Je jure!“ самого императора, когда онъ въ качествѣ президента республики сходилъ съ каѳедры и протянулъ руку Кавеньяку. Нѣкоторые выкрикивали очень громко и съ особеннымъ эффектнымъ движеніемъ руки. Другіе не слыхали, вѣроятно, довольно тихаго голоса вызывавшаго, съ секунду медлили отвѣчать, и тотъ очень спокойно, тоже будто воображая, что уже тѣ отозвались, переходилъ къ другимъ. Императоръ молча и неподвижно смотрѣлъ съ креселъ въ нихъ, въ массу залы, залитой блестящими мундирами.

Присяга кончилась. Императоръ всталъ, поклонился на обѣ стороны, и пошелъ тою же дорогой и среди тѣхъ же восклицаній. Императрицу проводили тѣми же криками.

— „Voilà tout!“ — сказалъ толстякъ-провинціалъ, тряся сѣдою, курчавою головой и пробираясь къ выходу...

Едва пробившись сквозь толпу изъ луврскаго двора, я зашелъ въ кофейню Пале-рояля и зачитался газетъ. Въ три часа я вышелъ на улицу. Крикуны въ синихъ блузахъ уже расхаживали въ толпѣ и выкрикивали: „Вотъ рѣчь мипер атора; вотъ новая рѣчь его самого, сказанная только сегодня—три су!“

V.

Старосвѣтскіе помѣщики на югѣ Франціи.

Это было въ Парижѣ, въ началѣ марта 1860 года. Собралось нѣсколько человѣкъ въ кабинетѣ для чтенія Office du Nord, все русскіе. На столахъ лежали „Современникъ“, за январь 1860 г., двѣ, три русскія газеты и куча другихъ разноязычныхъ изданій. Шли толки о статьѣ Панаева о Бѣлинскомъ. Кто-то сказалъ, что, со времени первыхъ своихъ повѣстей, этотъ писатель не производилъ ничего болѣе полнаго той особенно ласкающей и вкрадчиво-грѣющей простоты и откровенности, которыми дышатъ его первоначальные разсказы о судьбахъ деревенскаго, намъ всѣмъ знакомаго, тихаго очага.

— „Скучно, господа, становится въ Парижѣ!“—началъ пріятель мой, студентъ медицины:—„теперь здѣсь, точно у насъ, въ деревнѣ, осенью, въ сумерки, между волкомъ и собакой! Театры вялы, на дворѣ сѣро и сыро, въ комнатахъ холодно въ политикѣ затишье; деревья еще безъ листьевъ, и на каждомъ перекресткѣ, у каждаго угла, прохаживаются городовые... Поѣдемте на югъ, въ Бордо, въ Тулузу или въ Авиньонъ, въ какую-нибудь деревушку, на берега Гаронны или Дюрансы...“

— „Отлично!“—подхватили нѣкоторые:—„теперь въ поляхъ давно уже зелень, поселяне вынимаютъ изъ земли виноградныя лозы, а въ садахъ уже цвѣтутъ миндальныя и померанцовыя деревья“.

— „Туда, туда, какъ говоритъ Фетъ, гдѣ выше горъ „*лазури тающая нѣжность*“, и гдѣ, по словамъ Щербины, „*на раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна, и листки серебрятся оливъ*“... Да ужъ не хватить ли, господа, и подалѣе, хоть бы въ Италію, на Везувій, куда незабвенный и что-то умолкшій въ послѣдніе дни Иванъ Чернокнижниковъ водилъ любоваться природой старыхъ русскихъ сатировъ и пріановъ?“

Пошли толки о разныхъ путяхъ поѣздокъ, и кончилось тѣмъ, что, взглянувъ на часы, почти всѣ разошлись завтракать, а остались только трое: я, студентъ медицины и одинъ плѣшивый человѣкъ, носившій всегда ермолку.

— „Если вы, господа, хотите точно ѣхать на югъ Франціи, я вамъ могу дать письма къ одному моему пріятелю недалеко отъ Гренобля. Это старый служака временъ Наполеона I-го и въ душѣ деревенщина. Нѣчто въ родѣ Аѳанасія Ивановича; даже Пульхерія Ивановна у него есть! я самъ не могу туда ѣхать; жена моя больна.

А васъ тамъ примутъ хорошо. Я съ этимъ семействомъ долго жилъ на водахъ, въ Дьеппѣ, и потомъ въ Парижѣ, когда супруга Аѳанасія Ивановича начала-было слѣпнуть и онъ ее тутъ лечилъ, года три назадъ. Кажется, у нихъ порядочное имѣньице, что-то даже въ родѣ стариннаго французскаго дворянскаго зáмка сохранилось...“

Недолго думавши, мы съ Ивановымъ, упомянутымъ студентомъ, взяли свои дорожные мѣшки и отправились по ліонско-марсельской дорогѣ, задавши себѣ задачу прожить близъ Авиньона и Гренобля съ недѣлю, потомъ пробраться въ Тоскану къ выборамъ, уже знакомымъ читателю.

Мы поѣхали. Шалонъ и Маконъ, родина Ламартина, гдѣ этого поэта сильно поругиваютъ за какія-то аферы его съ виномъ, разорившія многихъ изъ довѣрчивыхъ его поклонниковъ, мелькнули передъ нами. Особенно на переѣздѣ изъ Дижона, когда мы перевалились черезъ Севенны, то вмѣсто озеръ и болотъ, окружавшихъ Парижъ, съ которыхъ поминутно взлетали дикія утки и чайки, пошли у дороги виноградники; одинъ толстый купецъ бранился вслухъ долѣе часу. „Толкуютъ про писателей!“ —говорилъ онъ:— „очень хорошо; они люди умные, я это знаю, и дочь моя любитъ Жоржъ-Занда. Но этотъ господинъ, этотъ меланхоликъ, этотъ сахарный мечтатель, съ вывороченными къ небу глазами,—сущій мазурикъ (conillion)... Въ 1848 году онъ провозгласилъ изъ парижской ратуши республику и прославился своими прокламаціями о братствѣ и равенствѣ къ народамъ! Да въ это же время онъ у меня купилъ въ долгъ на пятнадцать тысячъ франковъ бордо, и до сихъ поръ не уплатилъ ни сантима!.. А вашъ пресловутый Альфредъ-Мюссе! Что ни день, явится, бывало, въ кофейню близъ театра Фюнанбюль, потребуетъ графинъ водки да графинъ пива, сдѣлаетъ себѣ какую-то смѣсь изъ этого и пьетъ до тѣхъ поръ, пока его замертво не увезутъ къ гризеткамъ... Такъ онъ и умеръ! Хороши наши поэты! Отлично! Нѣтъ, нашъ Бонапартъ лучше; хоть чисто теперь по улицамъ ходить...“

На какой-то станціи за Ліономъ и Валансомъ, уже поздно ночью, мы высадились и переночевали въ каморкѣ у придорожнаго сержанта. Утромъ намъ привели двуколесную телѣгу, съ громадными шинами, однакоже на ресорахъ; мы разспросили дорогу, сѣли и пустились рысью по глинистому проселку къ мосье Франсуа Годаръ, что близъ Бріансона, на берегу рѣчки Шовинетъ, впадающей въ Дюрансу. Сначала было ѣхать скучновато. Но потомъ пошли маленькіе перелѣски съ свѣжими пашнями и отдѣльныя деревушки съ плодовыми садами.

Русскаго, съ перваго разу, французская деревня привлечетъ и очаруетъ. Это не нѣмецкій сборъ отдѣльныхъ, разъединенныхъ мызъ, союзъ деревень. Французская деревня, несмотря на раздробленность

земель во владѣніи поселянъ Франціи, напоминаетъ сразу деревню русскую.

Вы подъѣзжаете. За пригоркомъ виднѣется рядъ сѣренькихъ черепичныхъ кровель. Дымъ поднимается изъ трехъ-четырехъ трубъ, за развѣсистой липой. Огороды упираются въ дубовую рощу. У околицы стоитъ старая почернѣлая отъ времени корчма. Та же знаменитая бутылка, прикрѣпленная къ концу изогнутаго шеста, виситъ надъ ея крышей. А у крыльца стоятъ телѣги. Задумчивыя лошади, опустя уши и развѣсивши губы, неподвижно ожидаютъ изъ завѣтной двери засидѣвшихся хозяевъ. Вотъ и цѣловальникъ, въ фартукѣ и картузѣ, вышелъ изъ сѣней на крыльцо, плеснулъ за перила изъ кружки какою-то водицей, сталъ противъ неба и смотритъ, почесывая спину, какъ тянутся въ вышинѣ журавли подвижнымъ треугольникомъ. Пѣтухъ тихо-тихо идетъ мимо лужи, поднимая то одну, то другую ногу и таинственно-мечтательно глядя по сторонамъ; вдругъ взлетѣлъ онъ на каменный заборъ, захлопалъ пунцово-золотистыми крыльями и закукурикалъ чисто по-московски. А вотъ и мохнатая собаченка изъ-за угла наткнулась на васъ, кинулась въ сторону и, несмотря на свое чисто-французское происхожденіе, тоже залаяла по-русски... Особенно этотъ лай за границей прежде всего озадачиваетъ. Встрѣчая въ Римѣ, въ Лондонѣ и подъ Парижемъ тѣхъ же знакомыхъ воронъ и воробьевъ, слыша, какъ первые каркаютъ, и видя, какъ вторые егозятъ и выпрыгиваютъ по песку и взлетаютъ на вишни, думаешь сперва: ну, хоть эта лондонская или итальянская собака залаетъ какъ-нибудь особенно, на языкѣ Байрона или Горація! Ни чуть не бывало...

Мы ѣхали сутки, кормили два раза и еще ночевали въ какомъ-то селеніи, у священника. Хозяинъ нашъ объявилъ, что до жилища мосье Годара, его пріятеля, осталось не болѣе шести часовъ ѣзды.

Поля становились нѣсколько просторнѣе; горы уходили влѣво. На желтоватой суглинистой пахоти ходила запряженная въ борону гнѣдая лошадка; одѣтый въ синюю блузу работникъ погонялъ ее и водилъ по бороздамъ. Въ двухъ мѣстахъ, брошенные, вѣроятно, съ наступленіемъ зимы и заморозковъ, отличнаго новаго устройства плуги, съ чугунными колесами и измѣрителями на передкахъ, стояли среди начатыхъ пашень. Отдѣльные участки крошечныхъ полей были раздѣлены живыми изгородями изъ какого-то особеннаго густого и колючаго кустарника, родъ глода. На топкихъ мѣстахъ и по краямъ канавъ были вездѣ насажены вербы и правильными клѣтками кусты лозы. Когда мы проѣзжали, у тѣхъ и другихъ молодые побѣги и вѣтви прошлаго года были обрѣзаны до самыхъ стволовъ, и еще не убранные лежали въ вязанкахъ, тутъ же, на сухихъ мѣстахъ. Вербы ежегодно, рано весной, здѣсь обрѣзываютъ такъ близко къ главному

стволу, что старые пни кажутся въ февралѣ и мартѣ какими-то особенными головастыми и огромными грибами въ ростъ человѣка. Обрѣзанныя вѣтви идутъ на плетеніе корзинъ, лукошекъ и на починку плетней. У одной корчмы застали мы странствующаго музыканта, съ волынкою въ рукахъ и съ маленькою обезьянкою въ ящикѣ. Онъ гудѣлъ на волынкѣ, а двое парней-блузниковъ, должно быть, каменотесы, съ перепачканными румяными лицами, и полноикрая толстая поселянка, въ деревянныхъ башмакахъ, взявшись подъ бока, выплясывали у воротъ и по временамъ, переводя духъ, заливались хохотомъ и угощали другъ друга пинками.

— Далеко ли, друзья мои, ферма Вьё-Шатенье, имѣніе мосье Годара?—спросилъ я пляшущихъ.

Они намъ указали съ пригорка далекую синѣющую равнину, окаймленную рядомъ низенькихъ голубоватыхъ холмовъ, на одномъ изъ которыхъ, чуть видная вдали, темнѣла небольшая роща, а вправо за нею мельница махала крыльями.

— „Вотъ это и есть Вьё-Шатенье,—сказала, подбоченясь красными лоснящимися кулаками, поселянка:—вотъ тò роща каштановъ, а тò мельница! Тамъ и сидятъ старики Годары!..“

У поворота изъ широкаго поля, въ одномъ мѣстѣ, въ мелкій, но густой орѣшникъ, кусты расположились такъ живописно-пестро по пригоркамъ, образуя то сплошныя рощицы, то просторныя перемычки, что я невольно остановился.

— „Вотъ, Петръ Ильичъ, мѣстечко для охоты съ борзыми; вотъ запустить бы сюда своркy, другую плаксъ, а самимъ встать бы вонъ тамъ съ мортимерами...“

— „Да! охота вышла бы отличная! да вонъ, кстати, и заяцъ выскочилъ, точно слышалъ наши намѣренія!“

Я взглянулъ влѣво: маленькій темно-сѣрый, съ зеленоватымъ отливомъ, зайчикъ дѣйствительно несся между кустами, испуганный стукомъ нашей телѣги. Не проѣхали мы ста шаговъ, какъ изъ чащи взлетѣла стайка фазановъ, счетомъ пять-шесть, и понеслась со свистомъ, похожимъ на полетъ куропатокъ.

— А жаль, что мы безъ ружей,—сказалъ Ивановъ.

Даже возница нашъ особенно усмѣхнулся, посмотрѣвши въ небо, и свистнулъ, махнувши рукой вслѣдъ за фазанами.

Узенькая дорожка, съ желтою колеей, привела насъ прямо къ барскому дому. Тяжелыя каменныя ворота были заперты. По обѣ стороны отъ нихъ шелъ высокій каменный же заборъ, окруженный еще глубокою канавой, гдѣ, впрочемъ, воды не было, а по зеленой травѣ мирно ходила старая рыжая корова и бородатый козелъ, со звонкомъ на груди. Помня романы Вальтеръ-Скотта и Фильдинга, мы также

стали искать особой желѣзной скобы у дверей воротъ, которою гости даютъ на западѣ Европы знать хозяевамъ о своемъ приходѣ. Скоба дѣйствительно нашлась, но до того была покрыта ржавчиной, что нельзя было ея сдвинуть съ петли. Мы попробовали отпереть ворота таинственнаго зàмка прямо, упершись въ нихъ плечомъ, и они свободно отворились. Войдя во дворъ, мы увидѣли домикъ у воротъ, съ надписью: „Привратникъ“ и будку для собаки, очень красиваго устройства. Но ни привратника, ни собаки тамъ не было, и на полномъ раздольѣ въ этомъ углу двора, какъ и вездѣ въ немъ, росла густая зеленая трава. Мы подошли къ дому. Это было длинное каменное зданіе въ одинъ этажъ, крытое красною черепицей. По обоимъ концамъ его во дворъ выходили крыльца. На одномъ стояли вынесенные стулья и диванъ, вверхъ ногами, съ кускомъ ситца, молоткомъ и гвоздиками, очевидно для обивки его подушки. На другомъ, на протянутомъ шнуркѣ, сушилось бѣлье и какая-то желтая, старомодная, шелковая мантилья. Въ окна выглядывали цвѣты въ горшкахъ. Вправо отъ дома, во дворѣ стояло низенькое зданіе, должно быть, кухня. Влѣво, черезъ заборъ, виднѣлись, въ десяти шагахъ отъ дома два сарая, и между ними три или четыре стога сѣна, сложенные особымъ способомъ вокругъ воткнутыхъ въ землю шестовъ. При этомъ сѣно здѣсь берутъ, не дергая изъ общаго стога, а отсѣкая его подлѣ шеста топоромъ или даже просто отпиливая пилою, такъ что къ веснѣ стоги представляютъ травяные столбы, въ аршинъ толщиною и аршинъ въ пять или болѣе вышиною. Долго мы не знали, куда ступить, и разглядывали по сторонамъ. Въ кухнѣ, очевидно, было жилье. Изъ трубы ея поднимался дымокъ, а у крыльца было плеснуто водою...

Откуда-то выбѣжала крошечная собачка, желтенькая и косматая, въ красной попонкѣ, и залилась на насъ. Въ то же время изъ окна кухни высунулась голова въ чепцѣ, а въ слуховое окно чердака — голова въ колпакѣ, и въ одинъ голосъ обѣ спросили: „Qui est-là?“

Я назвалъ себя, обращаясь къ кухнѣ, а Ивановъ—обращаясь къ чердаку. Намъ ласково улыбнулись и попросили насъ безъ церемоній, черезъ правое крыльцо, въ залу.

Не успѣли мы въ залѣ плѣниться мягкимъ ковромъ, темными гравюрами временъ консульства и имперіи, висѣвшими по стѣнамъ, маленькимъ фортепіано, съ нотами надъ раскрытой клавіатурой, цвѣтами на всѣхъ окнахъ и огромнымъ каминомъ, у догорающаго огня котораго стояли два кресла и столъ съ газетами, какъ изъ корридора вошелъ рослый старикъ, въ знакомомъ уже намъ колпакѣ, въ красной фуфайкѣ, и въ длиннополомъ сюртукѣ, а изъ гостиной вошла въ бѣломъ фартукѣ и въ знакомомъ также намъ чепцѣ миловидная старуха, съ улыбкой и привѣтомъ на устахъ. Мы назвали себя; насъ попро-

сили сѣсть у камина. Я подалъ старику письмо. Старуха кинула въ каминъ дровъ и стала его раздувать. Пока мосье Годаръ доставалъ изъ большого, очевидно, самодѣлковаго картоннаго футляра, огромныя очки и сталъ читать письмо, я все думалъ: „Гдѣ же это ихъ слуги? Гдѣ же ихъ дворня? Отчего никого не видно, никто не снялъ съ насъ пальто, не стащилъ калошъ, и ни одно лицо, усмѣхаясь и прячась за косякъ двери, не смотритъ на насъ изъ корридора?..“

— „Вотъ видите ли“,—началъ Годаръ, свертывая письмо и накрывая его на столѣ платкомъ съ табакеркой:—„мы люди еще стараго времени, любимъ себя побаловать! Вы и письмо моего друга, вашего соотечественника, застали насъ въ хлопотахъ. Я сегодня воротился изъ города, ѣздилъ за новыми газетами на почту и привезъ женѣ обновку: купилъ отличнаго, господа, поросенка на жаркое; и вы будете его ѣсть--кстати подоспѣли! Она заохотилась его жарить сама, не захотѣла довѣрить Жанеттѣ, нашей дѣвушкѣ, а я купилъ ситцу на диванъ себѣ; старый уже за восемь лѣтъ потерся, и я хочу обить его!“

Мы ушамъ своимъ не вѣрили. Пошли толки о Парижѣ, о новостяхъ, о Россіи.

— „Да не хотите ли, господа, прогуляться у меня по саду, на хозяйство мое взглянуть, пока жена покончитъ съ своею стряпней? Роза! Иди себѣ! Бабамъ всегда пріятно ускользнуть къ любимымъ занятіямъ, не стѣсняйся! Такъ-то, господа!“

Мадамъ Годаръ, съ тою же добродушною улыбкою, въ серебристыхъ букляхъ, густо-накрахмаленномъ чепцѣ и съ засученными рукавами, ушла, еще бросивши дровъ въ каминъ, а мы отправились въ кабинетъ ея мужа.

Тутъ на стѣнахъ висѣло оружіе: старый штуцеръ, сабля, два потёртыя охотничьи ружья, патронташи и ягдташи, кромѣ того, нѣсколько трубокъ съ чубуками, бичей и роговъ. На стѣнѣ висѣлъ вѣнокъ, сплетенный изъ пшеничныхъ колосьевъ. На полкахъ и въ шкафѣ за стеклами виднѣлось нѣсколько рядовъ старыхъ книгъ. На столѣ лежала большая записная хозяйственная тетрадь. У окна стоялъ токарный станокъ.

— „Это, господа, ружье еще моего отца!“—сказалъ Годаръ:— „имъ онъ охотился еще до первой революціи, когда вся почти окрестная земля ему принадлежала, а въ деревушкѣ вотъ этой, что̀ видна подъ горой за садомъ, жили крестьяне, бывшіе нашими собственными слугами. Теперь крестьяне наши свободны, земли много перешло къ нимъ, но дичи все еще у насъ довольно, и я иногда охочусь!“

Мы вышли въ садъ. Тутъ уже поляны были очищены отъ сору, между деревьями земля была вскопана, кучи сухой травы и обломан-

ныхъ бурями вѣтокъ лежали по дорожкамъ. Цвѣтники были вспушены; виноградники вскопаны, а живая изгородь подстрижена. Съ одного мѣста сада понесло чуднымъ запахомъ меда и какого-то еще тонкаго, смолистаго благоуханія: то цвѣли миндали и абрикосы.

— „Да, господа", —говорилъ Годаръ: — „нашъ околотокъ встарину носилъ громкое имя Дофинè, которымъ облекались старшіе сыновья, наслѣдники нашихъ королей. Многимъ дофинамъ приходилось заѣзжать и въ этотъ самый домикъ, гдѣ теперь вы застали насъ, стариковъ! Времена миновали! Мой дѣдъ имѣлъ охоту въ двѣсти борзыхъ и гончихъ своръ. У него въ орѣшникахъ, вонъ въ томъ лѣсу за горою, водились дикіе кабаны, а о виноградѣ мы еще и понятія не имѣли. У отца моего, въ его молодости, при Лудовикѣ XVI, бывали каждый мѣсяцъ зимою балы; трубы играли, за обѣдомъ изъ пушекъ стрѣляли со стѣны у воротъ — тамъ въ родѣ крѣпостцы была устроена какая-то ограда. И когда однажды, во времена парижскаго террора, крестьяне наши, возбужденные сосѣдними, пришли съ криками и угрозами, вооруженные топорами и множествомъ косъ, отецъ мой заперся въ этой крѣпостцѣ и двѣ недѣли отбивался съ преданными слугами. Въ это время его отецъ, а мой дѣдъ, разбитый параличемъ, заболѣлъ отъ негодованія и стыда за свое родное дворянство, и умеръ въ креслѣ, на балконѣ, въ тѣни этого двухсотъ-лѣтняго каштана, глядя на пожары сосѣднихъ деревень и отдѣльныхъ владѣльческихъ мызъ, пылавшіе по горамъ и ближнимъ долинамъ..."

— „А вы сами не помните первой революціи?" —спросили мы.

— „Нѣтъ, я уже помню только первые дни первой имперіи. Тогда меня отвезли въ Парижъ на службу. Крестьяне наши стали свободны и поняли, что самъ хлѣбъ не упадетъ имъ въ ротъ, когда его не добудешь трудомъ. Войны имперіи отлично были придуманы: они заняли умы, унесли пылкія и безмозглыя головы, а все степенное и болѣе разумное принялось опять за плугъ и заступъ. Мой отецъ семь разъ бросалъ имѣніе и опять возвращался. Скоро отлично устроились наши участковыя полиціи, и миръ окончательно водворился у насъ въ деревняхъ. Я помню день, когда я воротился изъ германскихъ нашихъ первыхъ походовъ, и отецъ созвалъ сосѣдей на праздничный обѣдъ, по случаю моего пріѣзда. Я былъ удивленъ и опечаленъ: вмѣсто толпы слугъ, бѣгавшихъ у дѣда моего въ шелкахъ и галунахъ, въ пудрѣ и въ башмакахъ, по корридору и по двору отъ кухни, за столъ явился длинный Пьеръ, сынъ моей кормилицы, онъ же вмѣстѣ кучеръ, садовникъ и приказчикъ моего отца, въ колпакѣ и въ бѣломъ жилетѣ, сверхъ синей блузы. Я тогда не удержался и заплакалъ спроста при гостяхъ, заплакали и нѣкоторые сосѣди. Пьеръ былъ тогда нашимъ единственнымъ слугою, а его жена ходила за моею матерью, стерегла

дворъ, птичню, доила коровъ и стряпала. Отецъ мой налилъ за обѣдомъ вина, поднялъ бокалъ и со слезами сказалъ мнѣ: „Сынъ мой! пью за твое здоровье! Ты начинаешь новый вѣкъ въ жизни нашего родового Вьё-Шатеньè. Для него миновали пышность и пиршества, блескъ и богатство, гордость и спокойствіе; но ты придумаешь что-нибудь другое, новое... Я уже не придумаю ничего болѣе и умру отъ стыда за свой родъ, за сословіе, съ однимъ для тебя наслѣдствомъ— съ долгами.“ —Помню еще, что послѣ обѣда пришли изъ-за рѣки поздравить меня и наши былые крестьяне. Отецъ мой надулся; онъ тогда былъ не въ ладу съ ними, въ спорѣ за какія-то земли. Я, однако, вышелъ. Болѣе осьми лѣтъ я не видалъ ихъ и отъ души стремился взглянуть на знакомыя синія блузы и мозолистыя грубыя руки. Каково же было мое изумленіе, когда у крыльца я увидѣлъ нѣсколько молодцоватыхъ джентльменовъ въ зеленыхъ и голубыхъ модныхъ фракахъ того времени, а степенные отцы ихъ, державшіе меня нѣкогда на рукахъ, стояли съ покрытою головою, въ красивыхъ суконныхъ долгополыхъ кафтанахъ и камзолахъ, въ перчаткахъ на медвѣжьихъ своихъ рукахъ. Я имъ обрадовался, хотя немного смѣшался, и сталъ съ сыномъ бывшаго нашего пастуха, уже кончившаго науки въ сосѣднемъ городишкѣ, говорить о политикѣ... Какъ хотите, а я былъ тогда смѣшонъ! Да и многіе наши!“

— „Давно ли вы уже сами хозяйничаете?“ —спросили мы.

Русскій походъ я пролежалъ больной въ Баваріи; потомъ умеръ мой отецъ, и я воротился. Долго я боролся съ его неисчислимыми долгами. Долги и печаль о прошломъ остались мнѣ послѣ него во всемъ. Я, однако, скоро освоился. Сократилъ еще болѣе расходъ по дому. Жена моя меня поддерживала, и жизнь намъ стала уже казаться не такъ жалка и скучна. Собственный трудъ выкупилъ все. Мы расквитались съ крестьянами во всемъ, отмежевали ихъ землю отъ нашей, избавились отъ ихъ остальныхъ за землю повинностей, которыхъ мы не видали вовсе и безъ того, округлили свои собственные участки, поправили старыя строенія, и вздохнули на свободѣ лѣтъ двадцать-пять тому назадъ...“

— Какъ же вы устроились?“

„А вотъ какъ: на наши земли мы приняли на правахъ „меттеяжъ“ (половничества), какъ почти здѣсь дѣлается вездѣ, новыхъ пришельцевъ съ сѣвера, изъ Нормандіи и Бретани, гдѣ мало земель; наши прежніе поселяне кое-кто также примкнули снова къ намъ, уже на свободныхъ условіяхъ. Ну, вотъ, мы имъ дали земли, строеній, огородовъ; а они пришли съ своимъ скотомъ и орудіями. Одни пашутъ и собираютъ хлѣбъ—пшеницу, овесъ, рожь, собираютъ картофель и сѣно, а другіе воздѣлываютъ виноградники и огороды. И все, что

собирается, дѣлится пополамъ; одна часть дохода идетъ намъ, а другая имъ. Въ это время въ рабочемъ обиходѣ нарождается рогатый скотъ, лошади, овцы, ослы, а приплодъ и старый, негодный скотъ, отводятъ на рынокъ, продаютъ тамъ при свидѣтеляхъ, и доходъ снова дѣлится пополамъ. Сперва были во всемъ обманы, утайки, а теперь все идетъ какъ по маслу. И скажу вамъ, что мы, къ удивленію, съ новыми своими сосѣдями-крестьянами—друзья. Нѣтъ той возни, что̀ была прежде. Пришла осень, припасы проданы, деньги принесены, счеты свѣрены съ ихъ депутатами, и дѣло съ концомъ... Живешь припѣваючи... Оно конечно, выйдешь на крыльцо, глянешь—ни души на дворѣ и кругомъ. Деревня далеко, съ ней нѣтъ почти никакихъ непрерывныхъ сношеній, а собственной прислуги такъ мало, что и ея не видно цѣлый день... Ну, и копаешься самъ. Я люблю садъ и охоту, а жена стряпаетъ сама, говоритъ, что это чище; даже иногда стираетъ мое бѣлье... Просто скажу вамъ, тоже отъ скуки; а только такъ говоритъ!"

Въ это время мы, пройдя кусты миртовъ и лавровъ, поровнялись съ раскрытыми окнами кухни. Теплый паръ съ запахомъ кореньевъ и присмаленнаго поросенка, вырывался оттуда.

— „Франсуа! зазови своихъ гостей и ко мнѣ!"—сказала мадамъ Годаръ, высунувшись изъ кухни:—„я хочу имъ показать свое царство!" Мы вошли и застали царицу среди ея благоухающаго царства. Какая чистота, какое тонкое изящество во всемъ!

Стѣны крошечной кухни были выложены сплошь фарфоровыми, розовыми съ синими и зелеными разводами, изразцами. Просторная печь изъ тѣхъ же изразцовъ, съ чугунною плитою, была уставлена красивыми чугунными кастрюлями и горшками, изъ-подъ крышекъ которыхъ неслись вкусное клокотаніе и пары. На полкахъ стояла остальная посуда въ такомъ порядкѣ, какъ книги у строгаго любителя литературы. У дверей двѣ кадки съ водой, покрытыя чистыми салфетками. На полу ни соринки. Сама хозяйка была въ фартукѣ. Горничная ея, также въ фартукѣ, стояла въ сторонѣ и только изрѣдка, очевидно, прислуживала ей.

— „Вотъ это мои горшки, вотъ это моя вода, вотъ моя печь, ножи дрова! а вотъ и мой поросенокъ!"—проговорила мадамъ Годаръ, показывая свое царство:—утромъ я встану, соображу съ мужемъ, что намъ ѣсть, и иду сюда! Жанета между тѣмъ принесла уже воды, дровъ положила въ ящикъ у печи. Мы начинаемъ готовить все, поставимъ кастрюлю на плиту, и я тогда ухожу убирать домъ. Сама убираю свои постели, гостиную, кабинетъ мужа, залу, варю кофе, и мы его пьемъ съ Франсуа у камина. Послѣ этого онъ садится читать свои газеты, а я опять иду на кухню! Потомъ обѣдаемъ, Жанета

намъ служитъ, а тамъ и вечеръ. По вечерамъ сидимъ вмѣстѣ... Иногда у насъ бываютъ и гости... И такъ мы уже болѣе сорока лѣтъ съ нимъ живемъ! Время летитъ быстро и мы не замѣчаемъ..."

Все это мадамъ Годаръ говорила, чистя ножомъ картофель, вливая молоко въ рисовый супъ, пробуя какое-то кислое пирожное изъ яблокъ и переворачивая на сковородѣ, въ особой духовой печкѣ, поросенка...

— „Сколько же вы всего получаете дохода?"—спросили мы хозяина, снова выходя во дворъ.

— „Около десяти тысячъ франковъ!"—отвѣчалъ старикъ.

— „Да!"—шепнулъ мнѣ студентъ: „это выходитъ почти три тысячи серебромъ въ годъ! Не дурно! А сами какъ стараются и работаютъ! Это не по нашему... Ну, да и у насъ это будетъ! Дай Богъ, чтобъ скорѣе!"

Осмотрѣвъ снова садъ, гдѣ хозяинъ, въ свои старые, но бодрые и могучіе годы самъ копалъ заступомъ, обрѣзывалъ и отпиливалъ пни и сучья, и копался съ утра до ночи, отъ весны до поздней осени, мы воротились въ домъ, гдѣ уже былъ накрытъ столъ на пять приборовъ и мадамъ Роза уже похаживала въ чепцѣ съ цвѣтными лентами и безъ фартука. Кажется поросенокъ не выходилъ и у нея изъ головы. Самъ мужъ вмѣстѣ съ газетами привезъ его изъ города, живого, и какъ онъ визжалъ и пустился бѣжать, когда его развязали у кухни!...

Пока мы просматривали газеты, съ чудовищными воплями противъ какого-то мнимаго, небывалаго новаго русско-австрійскаго союза, и останавливались у стѣнъ залы, передъ старинными гравюрами, въ родѣ тѣхъ, какія еще хранятся кое-гдѣ въ южно-русскихъ старинныхъ дворянскихъ семьяхъ, съ антресолей сошелъ длинный, худой и очевидно слѣпой старикъ. Пятый приборъ былъ накрытъ для него.

— „Ахъ я забылъ васъ предупредить!"—сказалъ Годаръ:—„это мой бѣдный сосѣдъ-сверстникъ, бывшій также во время оно помѣщикомъ. Онъ сошелъ съ ума въ первую революцію, во время сельскихъ смутъ, и уже въ помѣшательствѣ ослѣпъ отъ слезъ. И было отъ чего! онъ потерялъ все: и землю, и домъ, и семейное счастье! Толпа бродягъ сожгла его усадьбу и убила его жену, въ его отсутствіе. Онъ теперь живетъ у священника на хлѣбахъ родныхъ, въ нашемъ приходѣ! Старость принесла ему утѣшеніе; теперь онъ убѣжденъ, что у насъ на престолѣ опять капеты, именно какой-то Лудовикъ XXIII, что дворянамъ возвращены прежнія права и привилегіи, что онъ опять богатъ и знатенъ, ѣздитъ въ каретѣ съ гербами и задаетъ пиры. Вчера его привезли ко мнѣ въ кабріолетѣ дѣти священника. Онъ все ищетъ у меня въ библіотекѣ, тамъ наверху, въ сундукѣ съ старымъ платьемъ, дворянскаго кафтана, чтобъ ѣхать ко двору..."

— „Во имя короля, нашего преславнаго капета, Лудовика XXIII, да благословятъ небеса эту скромную трапезу!“—сказалъ слѣпой старикъ, садясь за столъ и снимая съ головы черную шапочку и скоро затихъ, принявшись за вкусный супъ.

Обѣдъ прошелъ въ веселыхъ разсказахъ стариковъ-хозяевъ. Особенно мадамъ Годаръ оказалась остроумной собесѣдницей и смѣшила насъ, передавая черты старинныхъ дамскихъ обычаевъ своего времени. Даже Жанета поминутно хохотала и расплакалась отъ смѣха, когда хозяйка, вставши со стула, за соусомъ, начала съ салфеткою въ рукахъ присѣдать по залѣ и кланяться на всѣ бока.

А послѣ обѣда, въ гостиной, мадамъ Годаръ, раскраснѣвшаяся, присѣла къ маленькому старому фортепіано, отодвинула упавшія на лицо серебряныя букли, оправила на плечахъ красный шерстяной, съ желтыми букетами платокъ, сняла перстни и кольца, и стала пѣть тонкою, дребезжащею фистулой. Она стала пѣть: „Пошелъ мой милый въ дальній походъ!“—„Убилъ, убилъ стрѣлокъ ласточку на маленькомъ гнѣздѣ!“ и наконецъ затянула довольно недурно и съ неподдѣльнымъ чувствомъ лангедокскую поселянскую пѣсню „Капитана Пьера“. Тутъ все было—и какъ капитанъ Пьеръ былъ пригожъ и любезенъ, какъ нравился онъ дѣвицамъ, какъ увлекъ бѣлокурую Жюли, какъ ей клялся и божился въ вѣрности и какъ, наконецъ, промѣнялъ ее на свѣтскую, гордую даму. Поэма этимъ еще не кончилась и шла далѣе... Я оглянулся: помѣшанный слѣпой гость плакалъ, но какъ-то странно, не замѣчая самъ своихъ слезъ и уставя глаза въ фортепіано; хозяинъ также смигивалъ съ глазъ слезы и тянулъ, что было силъ, потухающую сигару. Онъ мнѣ кивнулъ и вышелъ со мною въ залу...

— „Вы простите моей Розѣ эту странную претензію пѣть!“—сказалъ онъ мнѣ шопотомъ:—„и главное—не смѣйтесь! Вотъ ей уже подъ семьдесятъ лѣтъ, а она все поетъ и не унываетъ; только руки стали костенѣть, не слушаются играть, и она всегда при этомъ снимаетъ кольца! Эту пѣсню про капитана Пьера она пѣла, когда еще была дѣвицей, и за ней ухаживалъ одинъ гвардейскій стрѣлокъ. Только вы ей этого не говорите, а я ее попрошу еще спѣть авиньонскую пастушку... Эту я уже люблю; и я когда-то пѣлъ ее, какъ волочился за сосѣдками...“

Старички окончательно плѣнили насъ. Мы прогостили у нихъ три дня, и потомъ съ ними же еще съѣздили къ ихъ роднымъ, въ Шато-Веръ, гдѣ въ противоположность милымъ, бездѣтнымъ старикамъ, застали огромную семью молодежи, дѣвицъ и юношей первой молодости. Хохотъ и крики встрѣтили насъ, хохотъ и крики не прерывались, пока мы гостили тамъ, и проводили насъ обратно въ дорогу. Мы попали на разъѣздъ съ имениннаго праздника. Застали дѣвицъ въ буд-

ничныхъ уже нарядахъ и безъ этикета. Въ честь нашу веселости возобновились; мы ѣздили къ какому-то водопаду, потомъ въ поле, гдѣ паслось огромное стадо мериносовъ. У костра пастуховъ составился на̀ скоро бивакъ, съ ужиномъ и танцами, подъ звуки волынки. Юноши утоптали траву полькой, а мадамъ Годаръ протанцовала тутъ же минуэтъ. Въ день отъѣзда изъ Шато-Веръ обратно въ имѣніе Годаръ, молодые сыновья помѣщиковъ и фермеровъ, то есть потомки дворянъ и крестьянъ, бывшіе зваными гостями подъ одною кровлей, устроили въ обширномъ виноградникѣ стрѣльбу въ цѣль, съ пари и призами. Явились штуцера и ружья, и громъ выстрѣловъ, съ звуками пьянино Плейеля, вокругъ котораго толпа дѣвицъ стала пѣть по-очереди народные окрестные романсы, проводили насъ...

Намъ какъ-то не ѣхалось, хотя впереди насъ ожидала поѣздка въ Италію. Особенно призадумался мой спутникъ-студентъ, который было сильно позанялся бесѣдой съ одною фермеркою-красавицей.— „Что это вы все говорили съ нею?“ —спрашивалъ я послѣ. — „Совѣтовалъ ей найти и прочесть въ переводѣ нашего Пушкина и Гоголя. Вообразите, дочь крестьянина-винодѣла, а была въ пансіонѣ въ Греноблѣ, влюблена въ Байрона и играетъ, какъ Листъ, особенно шопеновскія мазурки... Просто прелесть!“

Воротившись къ Годарамъ, мы посвятили еще два дня на осмотръ ихъ хозяйства, орудій ихъ поселянъ-фермеровъ, ихъ машинъ и особенно паровыхъ, со всѣми современными улучшеніями, и не могли на все надивиться.

Мы сидѣли на крыльцѣ, передъ заходящимъ солнцемъ, когда намъ запрягали уже хозяйскій экипажъ.

— „Да“,—сказалъ Годаръ: „теперь у насъ нѣтъ крестьянъ, нѣтъ и дворянъ, въ прежнемъ смыслѣ слова; но у насъ за то, надо сознаться, стало болѣе счастливыхъ людей. Мы бездѣтны, работать и стараться не для кого; но мы трудимся, и это наше счастіе. Предки наши завѣщали свои имущества монастырямъ; а мы съ женою свое оставляемъ во власть парижской академіи, на премію будущихъ лучшихъ сочиненій по части хозяйства и сельскаго домоводства!“

VI.

Дворянскій замокъ Виллеруа, близъ Мо.

Однажды въ Парижѣ, въ извѣстномъ заведеніи земледѣльческихъ машинъ Ганнерона, на набережной Бонди, въ одинъ изъ дней, когда для публики пускаются въ ходъ всѣ машины, разговорились о Россіи. Я хвастнулъ нашими богачами.

— „Вотъ нашъ ***, помѣщикъ NN,—сказалъ я,—купилъ во Франціи на сто тысячъ франковъ паровыхъ машинъ для хозяйства и удивляетъ насъ всѣхъ...“

Ганнеронъ отвелъ меня въ сторону.

— „Этотъ вашъ землякъ, извините меня!“ —сказалъ онъ: — „машины купилъ у меня черезъ Марсель, и вотъ ужъ пять лѣтъ мнѣ не платитъ... я ему сдѣлалъ кредитъ!“

Я покраснѣлъ.

— „Можетъ быть, онъ не въ силахъ, собирается заплатить...“

— „Каждый годъ изъ своихъ русскихъ деревень онъ ѣздитъ сюда и кутитъ въ Парижѣ. Я жду еще, не дѣйствую: онъ разорилъ и моего товарища, бѣдняка-технолога, заманивши его къ себѣ въ Россію по контракту дѣлать машины...“

— „И что же?“

— „Три года онъ его продержалъ, но прогналъ безъ платы. Тотъ началъ искъ, и безуспѣшно; въ контрактѣ простакъ мой, Жанъ ***, проглядѣлъ какую-то лазейку“...

Разговорились о паровомъ плугѣ.

— „Чтò это за диво?“ —спросилъ я Ганнерона.

— „Поѣзжайте къ другу моему, виконту де-Больни, тамъ вы это сами увидите. Виконтъ купилъ себѣ привилегію на этотъ плугъ, для Франціи, Бельгіи и Баваріи, и хочетъ купить привилегію на него и для Россіи“.

— „Опять Россія!“ —подумалъ я, вспоминая слова Ганнерона о ловкомъ покупателѣ его машинъ и недавнія похожденія работниковъ де-Велистона, столько надѣлавшія шуму близъ Тулузы, и, скрѣпя сердце, поѣхалъ въ Мо.

Весна стояла въ полномъ цвѣту. Каштаны на бульварахъ Парижа были усыпаны своими снѣжными душистыми султанами. Тюльерійскій и Елисейскій сады покрылись зеленью. Безчисленныя вереницы экипажей спѣшили за Булонскій лѣсъ, на скачку, гдѣ, по слухамъ, въ тотъ день долженъ былъ присутствовать и императоръ. У фонтана въ тюльерійской аллеѣ толпа дѣтей и взрослыхъ франтовъ играли въ мячъ. Скинувши щегольскіе сюртуки, въ однѣхъ рубашкахъ, франты преусердно давали мячу кулаками „свѣчку“ и веселый хохотъ несся далеко изъ сада, къ Луксорскому обелиску. Я сѣлъ въ вагонъ, вотъ мы внѣ Парижа, на сельскомъ просторномъ воздухѣ...

Какая разница съ Парижемъ! какой быстрый переходъ! я точно очутился гдѣ-нибудь дома, близъ Полтавы...

Вотъ рядъ мельницъ. Машутъ себѣ тихо крыльями надъ размытымъ глинистымъ косогоромъ, отражаясь въ тихомъ болотистомъ озерѣ. Такъ и кажется, что съ крылечка выглянетъ мельникъ и, снявши шапку,

поклонится лысою, запачканною въ мукѣ головою. Ошибаетесь. Во Франціи, какъ докладываетъ вамъ сосѣдъ по вагону, простолюдины кланяются нынѣ только въ старинной феодальной Вандеѣ.—Вотъ какой-то, не то городокъ, не то слободка! Куча свѣтлыхъ домиковъ съ красными черепичными кровлями, садами и огородами,—точь-въ-точь домики военныхъ поселянъ въ Чу́гуевѣ и Кременчугѣ. И опять мысли о родномъ. Съ озера, отъ мельницъ, поднялась стая куликовъ и утокъ и улетѣла чрезъ густозеленѣющія озими къ другой долинѣ.

Желѣзная дорога долго шла между двумя стѣнами холмовъ, усѣянныхъ перелѣсками и сплошными дубовыми и буковыми лѣсками.

Посмотрите въ окно вагона, гдѣ, между тѣмъ, чѣмъ дальше въ провинцію, тѣмъ больше городскіе франты и гвардейцы исчезаютъ изъ вагоновъ, а на ихъ мѣсто усаживаются старушки въ огромныхъ чепцахъ, работники съ инструментами въ мѣшкахъ и молодыя поселянки, въ перчаткахъ и съ овощами въ плетеныхъ корзинахъ. Взгляните въ окно! Желтые, лиловые цвѣты, мохнатыя волошки и бѣлая кашка устилаютъ луговины. Двѣ старухи, въ паневахъ и съ черными платками на головѣ, подоткнувшись, полютъ какую-то огородину, у деревушки, съ бѣлою чистенькою церковью. Одна, вся сморщенная, какъ фига, встала, наставила ладо́нь противъ солнца и смотритъ на насъ. Другая, еще статная и румяная,—точь-въ-точь съ картины фламандской школы въ нашемъ Эрмитажѣ. А рогъ, вмѣсто свистка желѣзной дороги, трубитъ все далѣе и далѣе...

Летятъ кругомъ васъ заборы садовъ, заборы полей, заборы лѣсовъ и городковъ. Вы жадно вдыхаете свѣжій полевой воздухъ. Распустилась сирень, цвѣтутъ яблони, зеленѣютъ тополи, длинные, серебристые, точь-въ-точь въ Полтавѣ на площади. Вы вспоминаете Пушкина:

„Чуть трепещутъ серебристыхъ тополей листы".

Еще далѣе! Вагоны налетаютъ на одинокую излучину рѣки. На песчаномъ берегу разостлано бѣлье; бабы, съ обнаженными ногами, въ водѣ, усердно хлопаютъ бѣлыми вальками. Однѣ — въ чепцахъ, другія—просто въ платкахъ на головѣ. И опять пашни и пашни! На сочной луговинѣ воткнутъ колъ, а вокругъ него ходитъ на привязи каурая кобылка. Другая мышастенькая пѣгашка таскаетъ трехугольную какую-то борону, а мосье въ синей блузѣ ходитъ за ней и куритъ трубку.

Ѣдемъ далѣе. Двѣ сосѣдки-торговки, одна въ синихъ вязаныхъ перчаткахъ, съ обрѣзанными концами на пальцахъ, а другая, вся красная отъ порядочнаго заряда vin de pays, толкуютъ о парижскихъ новостяхъ.

— „На театрѣ Жимназъ, мадамъ, идетъ не la Tireuse des cartes, а Père prodigue, и не старика Дюма, а Дюма-фисъ...“

— „А почемъ помдамуры?“—отзывается голосъ бѣлокураго, какъ солома, и съ толстыми румяными щеками солдата изъ новобранцевъ.

Кто-то „молодому ослу“ отвѣчаетъ остротой, и всѣ захохотали.

Но вотъ и Мо! Взявши подъ мышки свой дорожный мѣшокъ, я выхожу насквозь черезъ залу станціи. Каштановая аллея ведетъ къ городу.

— „А гдѣ мнѣ тутъ нанять лошадей?“

— „Далеко вамъ?“

— „Въ Виллеруа“.

— „Спросите женскій пансіонъ; за нимъ сейчасъ живетъ подрядчикъ на лошадей и экипажи“.

Я иду каштановою дорогой, мимо прибрежій Марны, любуясь исполинскою городскою водяною мельницей со шлюзами и плотиной.

Я зашелъ въ домъ подрядчика съ вывѣской на воротахъ: „Бюро почтовыхъ лошадей во всѣ мѣста департамента и далѣе;“ нанялъ кабріолетъ въ одну лошадь, расплатился впередъ за оба конца, въ Виллеруа и назадъ, и поѣхалъ.

Возница мой оказался малымъ лѣтъ тридцати, въ синей курткѣ, фуражкѣ и брюкахъ, всунутыхъ въ высокіе сапоги. Выѣхавши въ поле, онъ указалъ кнутомъ на пригорокъ, по которому сидѣли, ходили по-парно и бѣгали какія-то барышни въ странныхъ коричневыхъ шляпкахъ, въ видѣ долгоносыхъ бричекъ, и прибавилъ: —„То, мосье, нашъ пансіонъ; а вонъ то его директриса!“ —„Ныньче четвертокъ“,— прибавилъ возница,—„день каникулярный въ каждой пансіонской недѣлѣ... Сигару закурить можно?“

— „Можно...“

— „Hue! hue!“—покрикиваетъ возница на лошадку отличной караковой масти, въ хорошенькомъ чистенькомъ хомутикѣ, и колясочка быстро бѣжала по глинистому проселку. Звукъ колокола летѣлъ со стороны города, гдѣ на площади рѣзвились дѣти и ставились временные балаганы, въ ожиданіи какого-то праздника по новому императорскому календарю. Пашни зеленѣли по сторонамъ дороги, кое-гдѣ пересѣкаясь какими-то совершенно желтыми полянами съ злакомъ чуть не въ ростъ человѣка.

— „Что это такое?“—спросилъ я.

— „Масличное растеніе кольза; изъ него, мосье, дѣлаютъ масло...“

Это былъ родъ нашей сурѣпки, только улучшенной.

— „Видите ли“,—говоритъ нашъ возница:—„у насъ въ деревняхъ такъ сѣютъ; трое соберутся сѣять рожь, трое или пятеро эту кользу, а остальные пшеницу, а потомъ и дѣлятся. У насъ земли все клочками, не разгонишься...“

У какого-то поворота мы остановились. Шла новая пахать къ лѣсу. Фермеръ, въ штатскомъ сюртукѣ, съ черною собачкой, прогуливался между работниками, а работники возили по бороздамъ двѣ новенькія, окрашенныя красною и голубою красками, машины: почводробителя и сѣялку. Сѣяли гречиху. Мы проѣхали еще далѣе. Дорога шла подъ гору. Вотъ картина сѣнокоса! тѣ же бабы и мужички, тѣ же дѣти, точь-въ-точь таки, какъ у насъ въ Парголовѣ, все то же,—даже и вислоухій конь и сама *жучка*. Нѣсколько далѣе, когда уже до деревни виконта оставалось недалеко и видно было сосѣднее съ нимъ знаменитое село знаменитаго филантропа, Мантіона, одна изъ такихъ жучекъ чисто озадачила меня.

Колясочка шла тише. Возница мой, Жакъ Леру, разсказывалъ что-то о городскихъ пересудахъ. Вдругъ увидѣлъ я близъ дороги стадо испанскихъ овецъ. Стадо было головъ въ полтораста и паслось по впадинѣ дорожной канавы. Поле за канавой, засѣянное пшеницей, безпрестанно сманивало овецъ, а пастухъ спалъ на дорогѣ.

— „Какъ же онъ спитъ“,—спросилъ я Жака,—„а овцы и не трогаютъ пшеницы?“

— „Видите, mon bon petit monsieur, вонъ какъ-разъ на углу стада собачку? желтенькая вонъ такая; она-то и бережетъ! Посмотрите, посмотрите!“

Въ это время колясочка поровнялась со стадомъ, овцы зашевелились болѣе, и собачка забѣгала по окраинѣ канавы, со стороны пшеницы, изъ конца въ конецъ, лая на каждую, далѣе законной черты высунувшуюся изъ канавы голову, и шныряя, съ языкомъ до земли, отъ одного конца стада до другого.

— „Что̀ это за чудо?“

— „А вотъ видите ли, мосье, этотъ песикъ изъ породы барбетокъ, barbet. Ихъ учатъ, притравливая на отставшихъ овецъ. А потомъ они такъ привыкаютъ къ своему дѣлу, что чисто все понимаютъ. Хозяинъ легъ спать, а она бережетъ стадо. Хозяинъ иной разъ раньше уйдетъ съ поля и говоритъ ей: „Ну, паси, а тамъ приведешь домой.“ День кончился, овцы идутъ домой, и барбетка ихъ усердно гонитъ, сторожа отъ всякой потравы. Иногда хозяинъ не досчитается отставшей въ полѣ овцы. И что же бы вы думали? барбетка кинется уже ночью, и ту пригонитъ...“

Жакъ это говорилъ, стоя у стада, а угомонившаяся усталая барбетка, кудлатая, съ выпавшимъ на грудь отъ перегону язычищемъ, сидѣла, жмуря на насъ свои добрые зеленые глазки.

— „А что можно дать здѣсь за такую собаку?“

— „Да франковъ сто, если не двѣсти!“

Я вспомнилъ о нашихъ степяхъ и дороговизнѣ найма нашихъ чабановъ, пастуховъ.

Козелъ, какъ и у насъ, шелъ между тѣмъ впереди медленно тянувшагося по канавѣ стада. Полевой кобчикъ, пустельга, знакомымъ крестомъ, дрожа крыльями, стояла въ тихомъ воздухѣ. Пчелы и мотыльки сновали, весело плавая надъ медвяною поляною кользы. Ѣдемъ далѣе. По грудь въ травѣ, разумѣется, сѣянной, стоялъ человѣкъ безъ сюртука, въ одной рубахѣ, съ красными гарусными подтяжками по плечамъ, будто нашъ гувернеръ, въ жаркое лѣто вакаціи занимающій своихъ питомцевъ изученіемъ козявокъ и червячковъ. Гувернеръ этотъ, однако, не смотря на свои масаковые брюки и цѣпочку у часовъ, здѣсь просто пололъ негодныя травы... Сѣнокосъ пололъ! Что скажете вы на это, мои отдаленные пріятели, новороссійскіе и украинскіе, на Бобровкахъ и по Самарѣ считающіе свои сѣнокосы тысячами десятинъ?..

— „Та-та-та!" — закричалъ вдругъ мой возница, прискокнувъ на козлахъ и указывая на сѣренькую поляну.

— „Чтò такое?"

— „Смотрите! куропатки..."

И точно! пара куропатокъ прогуливалась по полянкѣ. Мое охотницкое сердце вздрогнуло.

— „Что же, у васъ охотятся здѣсь?"

— „О, да! Пріѣзжаютъ изъ Парижа поохотиться на зайцевъ, на куропатокъ, на голубей..."

— „На голубей?"

— „Да, виконтъ держитъ своихъ голубей и иногда устраиваетъ на нихъ охоту..."

— Что же у васъ съ собаками борзыми охотятся здѣсь на зайцевъ?"

— „Что это за борзыя?"

— „А что догоняютъ звѣря бѣгомъ...

Жакъ засмѣялся.

— „Нѣтъ, гдѣ у насъ разогнаться на звѣря! Все плетни, да села, да города. У насъ гончія есть, точно, ихъ навезутъ изъ Парижа, обложатъ лѣсокъ, а стрѣлки станутъ по краямъ; ну, и стрѣляютъ. Наѣдутъ иной разъ человѣкъ тридцать..."

— „А убьютъ?.."

— „Убьютъ штуки двѣ-три..."

Петръ Петровичъ! Гдѣ вы теперь? Слышите? А у васъ дома штукъ тридцать борзыхъ, да этакъ, послѣ другого третьяго десятка затравленныхъ зайцевъ, поднимете вы въ степи лисицу, либо легкаго, какъ клокъ перекатиполя въ осень, волка, и скачете за нимъ верстъ семь, девять, по одному направленію и, послѣ пяти-шести угонокъ, осажи-

ваете его въ имѣніи уже третьяго проскаканнаго вами сосѣда помѣщика, въ Копанскомъ или въ Геевкѣ... Раздолье, не то что здѣсь!

Мы подъѣхали къ оградѣ парка, въ глубинѣ котораго стоялъ домъ виконта де-Больни, а вокругъ него помѣщались другія хозяйственныя службы. Жакъ остановился у воротъ, поправилъ упряжь, самъ оправился и опять поѣхалъ.

— „Это жилище дворянина", —сказалъ онъ съ улыбкою: — „дворянина стараго рода!—надо быть вѣжливѣе!"

Мы ѣхали круглыми дорогами, среди свѣжей, очаровательной чащи зелени; домъ еще не показывался.

— „Вотъ прудъ", —говорилъ Жакъ: — „видите, утки на немъ плаваютъ; хорошенькія уточки! А вотъ и куры... домъ недалеко!"

Вскорѣ нашимъ взорамъ представилось двухъ этажное зданіе, окруженное полянами свѣжаго искусственнаго луга, среди стѣнъ роскошнаго дубоваго и буковаго парка. Намъ переступилъ дорогу какой-то человѣкъ, родъ плотника, съ пилой и топоромъ въ рукахъ.

— „Виконта нѣтъ дома!" —сказалъ онъ.

— „Какъ нѣтъ? У меня есть къ нему рекомендаціи".

— „Его нѣтъ дома; онъ уже болѣе мѣсяца живетъ въ Парижѣ..."

— „Какая досада!" — подумалъ я, — „жаль, что Ганнеронъ не зналъ!"

Я помедлилъ.

— „Если мосье угодно",—залепеталъ развязно плотникъ, — „я ему покажу и домъ, и все хозяйство виконта!"

— „А мосье l'intendant, управляющій, тутъ есть?" —спросилъ я.

Плотникъ посмотрѣлъ злобно въ сторону, оглянулся и кашлянулъ.

— „Я покажу лучше управителя!" —сказалъ онъ.

Я въ свой чередъ взглянулъ на Жака. Онъ уже покуривалъ трубочку и посмѣивался себѣ подъ носъ.

— „Дѣлать нечего, любезный, пойдемъ!"

Я бросилъ свой сакъ въ колясочку и пошелъ. Долго мы ходили молча. Путеводитель показалъ мнѣ двѣ-три картины въ паркѣ, нѣсколько широкихъ полянъ, и наконецъ разговорился.

— „Вотъ здѣсь дѣти пріѣзжихъ гостей, когда старикъ виконтъ бываетъ дома у себя въ деревнѣ, катаются верхомъ на ослахъ! Вотъ тутъ друзья виконта въ цѣль стрѣляютъ, купаются, а вонъ тамъ скачки устраиваютъ..."

Мы стали осматривать домъ. Плотникъ сбѣгалъ куда-то за ключами, должно быть, не безъ труда досталъ ихъ, и принесъ подъ полой. Мы вошли въ нижній этажъ. Меня такъ и обдало запахомъ нашихъ брошенныхъ, забытыхъ деревенскихъ домовъ.

— „Вы, можетъ быть, не знаете“, — замѣтилъ Пти-Пьеръ, такъ звали плотника, — „виконтъ почти не живетъ въ этомъ домѣ: онъ — аристократъ, это правда, занимается сильно политикой, и хотя легитимистъ, а въ деревнѣ все-таки не живетъ. Такое добро, такой паркъ, такой прелестный домъ, и не жить! Странные люди, мосье, — извините! — эти большіе господа, эти наши былые старые дворяне... Такъ и льнутъ въ душный Парижъ, а здѣсь злодѣевъ ставятъ въ управители... Я и бѣднякъ, а Парижа не люблю; разъ чуть тамъ съ голоду не умеръ... Воздухъ какой-то скверный!“

Съ невыразимой грустью сталъ я прохаживаться по дому виконта, разсматривая картины, штофъ и ситцы мебели, полы, камины, ручки звонковъ и ковры. На картинахъ изображены были все почтенныя дамы въ атласѣ и кружевахъ, лица хорошенькихъ румяныхъ дѣтей и сцены охоты съ собаками. Вотъ предокъ виконта въ бархатномъ кафтанѣ выступаетъ съ гончими смычками. Полы вишневаго кафтана его развѣваются, а самъ онъ трубитъ въ витой мѣдный рогъ. Толпа дворни стояла возлѣ дома и кухни, у воротъ и за воротами, провожая хозяина. Куда же все это теперь дѣлось? И отчего домъ пустъ? отчего потомокъ древняго рода, его одинокій современный обладатель, не живетъ въ немъ, и все достояніе гордыхъ предковъ въ запустѣніи?

— „Виконтъ никакъ не хочетъ обитать здѣсь, сжиться съ нашими сельскими тихими нравами!“ — говорилъ Пти-Пьеръ, внукъ кормилицы виконта, какъ онъ прибавилъ о себѣ: — „а замыслы виконта были посоперничать съ его сосѣдомъ, Монтіономъ; онъ думалъ устроить у насъ въ деревнѣ школу, лавки, быть для насъ филантропомъ...“

— „Такъ онъ легитимистъ?“ — спрашивалъ я, осматривая библіотеку виконта, его кабинетъ внизу, кабинетъ наверху, пять комнатъ для гостей, комнаты въ верхнемъ этажѣ для лакеевъ, горничныхъ, и вездѣ съ полнымъ запасомъ заплесневѣлыхъ тюфяковъ, полинялыхъ занавѣсокъ на окнахъ и старой изъѣденной молью мебели.

— „Да, онъ легитимистъ!“ — со вздохомъ отвѣчалъ Пьеръ.

— „А вы?“ — спросилъ я.

— „Я нѣтъ“, — отвѣчалъ Пьеръ, снимая фуражку, въ которой ходилъ по комнатамъ.

— „Чѣмъ же онъ занятъ, вашъ виконтъ?“

— „Ah-bahs! Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ онъ былъ въ полномъ своемъ ходу и тогда затѣялъ издавать журналъ. О, да! Онъ честный человѣкъ, по-своему! Журналъ стоилъ ему 400.000 франковъ чистыми деньгами и лопнулъ. Тогда же онъ возобновилъ и этотъ домъ. Поправка и передѣлка его стоили ему тоже до 500.000 франковъ... О! у насъ все дорого, кромѣ чести, мосье; камни, мебель, бронза и чугунъ дороже чести! Домъ былъ отдѣланъ, а онъ разоча-

ровался въ стремленіяхъ своей партіи, бросилъ все и живетъ въ Туринѣ, какъ живутъ всѣ тамъ, мосье. Жаль! Я уже присмотрѣлся къ работамъ: господа все строятся, все ломаютъ да передѣлываютъ; кончили, а послѣ и не живутъ... Живутъ негодяи, вмѣсто нихъ, сущіе разбойники... въ родѣ здѣшняго управителя!"

— „Что же за причина, однако, что всѣ ваши старые роды, ваши дворяне не живутъ въ деревняхъ, васъ не любятъ?" — спросилъ я.

— „Самолюбіе и слѣпота, мосье!" — отвѣчалъ съ невыразимымъ достоинствомъ Пьеръ и опять снялъ фуражку.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. — „Какъ дерево это называется?" — спросилъ я, не могши отличить его, ибо смотрѣлъ на паркъ съ балкона верхняго этажа.

— „Дайте вашъ портфель", — сказалъ Пьеръ: — „я вамъ запишу это слово, какъ оно пишется!"

— „А вы грамотны?"

— „Какъ же, еще бы! Я учился въ школѣ, сперва, по близости, у аббата, а потомъ въ Мо".

— „Кто же васъ туда отдавалъ?"

— „Отецъ мой, также по фамиліи Пти-Пьеръ, Эженъ Пти-Пьеръ, пахарь въ нашемъ Виллеруа".

— „И много онъ платилъ за васъ?"

— „О! пятьсотъ франковъ въ годъ! Дорогонько: да безъ этого уже у насъ нельзя.

Долго еще мы бродили по дому. Пьеръ сознался, что взялъ ключи тайкомъ у жены интенданта, управителя; что виконтъ всѣмъ позволяетъ посѣщать его домъ и даже останавливаться въ немъ, а тѣ безчестные берутъ за это и за осмотръ на водку съ добрыхъ гостей.

— „Что это за земля тамъ, за деревней?"

— Тоже земля виконта; а чудная наша земля. Доходъ—отличный. Теперь, промотавшись на свой политическій журналъ, виконтъ задумалъ поправить свои дѣла земледѣліемъ, ученымъ земледѣліемъ, на манеръ англичанъ! Накупилъ машинъ, пустилъ ихъ въ ходъ, пашетъ и сѣетъ, даже паровой плугъ купилъ и дѣлаетъ самъ такіе плуги... Но вѣдь это все изъ кабинета, изъ Парижа, за глаза; ну, и нейдетъ дѣло... А рабочіе голодаютъ, и сидятъ безъ денегъ! Управитель здѣшній и тому Жаку изъ Мо долженъ, который васъ привезъ..."

Не хотѣлось мнѣ сходить съ балкона, висѣвшаго на воздухѣ, надъ чудными рощами и лужайками стараго парка. Я какъ бы взлетѣлъ на крыльяхъ птицы и предо мною разстилались и проходили туманныя картины исторіи французскаго дворянства, его спѣсь, разъединеніе, празднолюбіе, гордыя притязанія посредственности, наслѣд-

ственная лѣнь, наслѣдственная вражда къ низшимъ слоямъ общества, и общее, повсемѣстное, невознаградимое никакими журналами и поздними союзами—паденіе...

— „Поля наши истощены затѣями не подъ силу“,—продолжалъ Пьеръ:—„луга, кормившіе чудныя породы нашего стариннаго скота, распаханы и также истощены давно! Дичь выбита, выстрѣлена и уже рѣдко раздаются у насъ въ ушахъ голоса даже жаворонковъ, утѣшавшихъ наше дѣтство“.

— „А что, развѣ у васъ и жаворонковъ бьютъ?“

„О, какъ же! Надо же угодить виконту и послать ему въ Парижъ живности, дичи, изъ его собственнаго имѣнія. Вѣдь онъ на то помѣщикъ; земля вся его, а мы только половинщики! Ну, управитель и придумалъ даже машинку для стрѣльбы жаворонковъ и такія машинки уже многіе завели близъ Парижа. Устраивается на желѣзномъ стержнѣ родъ опрокинутой концами внизъ желѣзной же подковы; она шнуркомъ обращается на шарнерѣ вокругъ стержня, а бока ея утыканы впаянными обломками зеркала, ну, охотникъ воткнетъ стержень этотъ въ полѣ или на лугу, самъ спрячется подальше въ травѣ и начинаетъ дергать шнурокъ. Подкова съ зеркальцами вертится, какъ волчокъ, и сильно блеститъ. А эта бѣдная птица, обманутая блескомъ, и начинаетъ крутиться въ воздухѣ надъ нею; считаетъ ли она ее за воду, или просто любитъ блескъ и тянется къ нему,—только къ одной машинкѣ слетаются тучи жаворонковъ и кружатся, все кружатся, какъ рой. А онъ выждетъ и пуститъ въ нихъ сряду заряда два мелкою дробью. Ну, и положитъ сразу штукъ тридцать, сорокъ. Вотъ и причина исчезанія нашей полевой и лѣсной дичи, а у виконта за то на другой день жаворонки за жаркимъ... Какое несчастіе, мосье, что нашъ Парижъ такъ близокъ теперь ко всѣмъ нашимъ деревнямъ!“

Мы сошли внизъ. Пти-Пьеръ такъ разговорился, такъ сошелся со мною, что пригласилъ меня къ своей матери на деревню закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

— „У насъ есть масло, молоко, отличный свѣжій сыръ бри! А въ деревнѣ нашей мы найдемъ винный погребъ, съ добрымъ нашимъ домашнимъ виномъ! Помѣщики наши отвернулись отъ насъ, такъ мы сами устроили. И лавка мелочная есть у насъ, со всѣмъ, что угодно купить для обихода. Мой дядя торгуетъ тутъ: есть у него и мука, и чай, и сахаръ, и конфекты, и соленое, и хлѣбъ бѣлый, на манеръ парижскаго, и нитки, и иголки, все...—“

— „Кто же покупаетъ?“

— „Мы сами, да и сосѣдніе фермеры пріѣзжаютъ и присылаютъ. Все ближе, чѣмъ въ Парижѣ или въ По! Другіе же здѣшніе поселяне снимаютъ у виконта часть земли съ половины (metayage); но болѣе

у виконта обработка земли идетъ по новому способу, наймомъ за деньги... Живется такъ весело; молодежь на зиму идетъ въ городъ каменьщиками, плотниками, землекопами..."

Жакъ поравнялся со входомъ въ деревушку и запѣлъ:

„Mon bras pressait ta taille frêle
Et souple, comme le roseau;
Ton sein palpitait comme l'aile
D'un jeune oiseau.."

Я перебиралъ въ памяти, чьи это стихи, Гюго или Беранже́, какъ отъ кучи веселенькихъ домиковъ деревушки, сверкавшихъ мнѣ издали и вблизи своими развѣсистыми вербами и черепичными или аспидными крышами, потонувшими въ зеленые сады и огороды, перерѣзалъ мнѣ дорогу высокаго роста, черноволосый господинъ, въ круглой городской шляпѣ, но въ простой синей рабочей блузѣ.

Это былъ приказчикъ виконта, его intendant, его maitre de la maison. Онъ, очевидно, уже слышалъ обо мнѣ отъ моего возницы и искалъ меня давно. Съ сердцемъ онъ вырвалъ ключи изъ рукъ Пьера, который пугливо посторонился, и снялъ, кланяясь мнѣ, шляпу. Молоко, масло и бри улыбнулись мнѣ; Пьеръ жалобно кивнулъ мнѣ головой и ушелъ въ деревню. Мы воротились черезъ паркъ къ дому виконта.

— „Что навралъ вамъ этотъ малый? Я думаю много!" — сурово сказалъ управитель: — „у нихъ языки длинные, у этой сволочи!"

— „Нѣтъ, ничего..."

— „Угодно графу посмотрѣть basse-court и мастерскія виконта?" — спросилъ управитель, какъ-то заглядывая мнѣ въ глаза.

Я отклонилъ отъ себя титло графа, назвалъ себя просто русскимъ помѣщикомъ и согласился на его предложеніе. Управитель шелъ молча, теребя въ грубыхъ, загорѣлыхъ и мозолистыхъ рукахъ ключи, и какъ-будто что-то обдумывая.

— „Вы знакомы съ виконтомъ?" — рѣзко спросилъ онъ меня.

— „Нѣтъ".

— „А думаете у него быть въ Парижѣ, или еще здѣсь?"

— „Я скоро ѣду на югъ Франціи, а потомъ домой!"

Онъ вздохнулъ.

— „Возьмите меня съ собой въ Россію. Виконтъ хорошій, но разоренный человѣкъ! У васъ же теперь освобождаютъ крестьянъ; трудъ будетъ вольный, наемный и вѣрно будутъ нуждаться въ искусномъ..."

— „Что вы здѣсь получаете?"

— „Тысячу франковъ въ годъ, на себя и на жену мою вмѣстѣ, только; да содержаніе и жилье! Маловато, какъ видите, мосье..."

— „А что бы вы взяли въ Россіи за то же самое?“

Управитель остановился и задумался.

— „По тысячѣ франковъ въ мѣсяцъ; двѣнадцать тысячъ франковъ въ годъ. Сверхъ того содержаніе, жилье, отопленіе, свѣчи, пища, вино...“

— „Я думаю шампанское, родное, veuve Klico?“

— „О, нѣтъ!“ — простодушно прибавилъ онъ: — „хоть шабли, я люблю шабли...“

— „Еще же что? Это интересно, и мнѣ нужно знать...“

— „Издержки на дорогу туда и обратно, когда пожелаю, если бы не понравилось жить у васъ...“

— „Вотъ какъ!—это не дорого!“

— „Нѣтъ, постойте-постойте“,—залепеталъ, какъ бы спохватившись управитель:—„я не знаю, куда попаду, можетъ быть, въ Сибирь, или близъ этого Севастополя... Я хотѣлъ бы, чтобъ у меня, вокругъ меня и жены моей, было общество...“

Я далъ слово позаботиться о мосье управителѣ, а онъ далъ мнѣ для памяти свою визитную карточку: *Eustasche Le-Blond, etc etc.*

Мы вошли на basse court, задній дворъ виконтова дома. Этотъ дворъ помѣщается совершенно особо, почти въ полуверстѣ отъ дома, но все въ томъ же паркѣ. Справа, при входѣ въ него, стоитъ флигель, жилье управителя, круглый каменный домикъ, родъ нашей московской будки. Слѣва идутъ каменныя же строенія, гдѣ жена управителя, рослая плотная баба, показала мнѣ фабрикацію сыра бри и хранилище молочныхъ скоповъ. Слѣва же помѣщалось зданіе, гдѣ откармливались свиньи и былъ довольно-красивый птичникъ; напротивъ—конюшня, а направо отъ того же четвероугольника—коровникъ, гдѣ между каменными стѣнами, въ теплой обширной комнатѣ, толпился десятокъ дорогихъ и дешевыхъ коровъ.

Мы пошли еще на особый дворъ. Тамъ были сложены хлѣбъ и сѣно, и шла очистка зеренъ, на вѣялкѣ, совершенно похожей на нашу бутеноповскую, и еще стараго фасона. Какой-то мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, въ часахъ съ цѣпочкой, но въ старенькомъ потертомъ балахончикѣ, цвѣту „застуженнаго киселя“, вертѣлъ ручку вѣялки, провѣвая тощее зерно мелкой пшеницы.

Управитель вынулъ изъ-подъ своей блузы серебряную толстобрюхую луковицу, глянулъ на стрѣлку и важно, педантически произнесъ:

— „Жанъ! Вотъ уже половина пятаго, а урокъ не конченъ; берегись...“

И балахончикъ усердно завертѣлъ ручку вѣялки.

— „Они у меня всегда идутъ по часамъ; иначе нельзя; народъ лѣнивый, извините...“

Я зашелъ и въ мастерскую виконта. Тамъ было пусто и мертвенно. Какой-то старикъ опиливалъ что-то въ родѣ винтика.

— „Гдѣ же вашъ плугъ паровой?“ —спросилъ я, спохватившись: „вѣдь я для него собственно и пріѣхалъ.“

— „Пойдемте...“

Мы вошли на третій дворъ, гдѣ подъ сараемъ лежалъ купленный столькими привилегіями плугъ „Чудище обло, озорно, стозѣвно и лаяй!“ пришелъ мнѣ на умъ стихъ Третьяковскаго, такъ смѣшившій Пушкина.

И дѣйствительно—это было чудище, чуть не съ гору величиной.

— „Землю-то онъ пашетъ“,—сказалъ я: „вѣрю этому! Да легко ли имъ пашется земля?“

— „А вотъ видите ли“,—началъ управитель:—„въ одномъ углу поля ставится паровой двигатель, локомобиль, а въ другомъ вкатывается тяжелая телѣга съ блоками; между ними укрѣпленъ проволочный канатъ, а по канату, когда пустится въ работу локомобиль, и ходитъ нашъ плугъ... Пойдетъ въ одну сторону? однимъ концомъ своимъ ведетъ три борозды разомъ; пойдетъ въ другую? тѣ три лемеха опускаются, а три новыя борозды ведутся другимъ его концомъ. Видите, его концы опускаются и поднимаются по волѣ, на оси, на шарнерѣ. Прогуляется онъ въ два конца: тогда телѣга переѣзжаетъ далѣе и опять вкапывается. Отлично дѣло идетъ. .“

— „А что онъ стоитъ?“

— „Безъ двигателя четыре тысячи франковъ, а съ нимъ до 10 тысячъ.“

— „И есть у васъ до него охотники?“

Управитель замялся.

— „Интересуетъ онъ свѣтъ?“

— „О, да! Многіе пріѣзжаютъ смотрѣть на него. Вотъ недавно были тутъ ваши три князя. Постойте! фамилія такая мудреная... (Онъ досталъ бумажникъ). — Да, вотъ ихъ имена: князь Немогузнайкинъ, князь Горсточка и князь Чичиковъ.“

— „Надъ вами подшутили; у насъ нѣтъ такихъ князей“.

— „Во всякомъ же случаѣ“,—торжественно заключилъ управитель:—„Франція заказываетъ намъ четыре эти плуга; самъ императоръ скоро будетъ при его испытаніи,—и виконтъ объ этомъ хлопочетъ...“

— „А журнала виконтъ болѣе не будетъ издавать?“—спросилъ я.

— „Нѣтъ! о, нѣтъ, довольно!“

Я закусилъ во флигелѣ управителя, гдѣ свиньи, кошки, телята и собаки толкались вмѣстѣ съ его дѣтьми, у нечистаго и безобразнаго камина, среди безобразной, закоптѣлой и вонючей утвари, и уже садился опять въ колясочку Жака.

— „Мосье!—такъ не забудьте же нашего условія о Россіи!“ — сказалъ мнѣ грубоватый управитель.

„Какое?“

— „На счетъ моего найма у васъ... Да если хотите,—шепнулъ онъ, наклонившись ко мнѣ:—„я вамъ сманю и приведу сотни двѣ-три рабочихъ отсюда. Наши вѣдь сущіе дураки. Стоитъ только написать позаманчивѣе контрактъ. А они сносливы: ѣдятъ мало, спятъ мало, а работаютъ много... Хорошо? Идетъ?!“

— „А слышали вы про мосье Феликса-д'Эскюдье-де-Велистана?“ —спросилъ я въ свой чередъ.

— „Слышалъ; а что онъ, бѣднякъ?“

— „Наполеонъ III, за его продѣлку съ переселенцами изъ-подъ Тулузы въ одесскій округъ, собирается, говорятъ, сослать его на галеры...“

Мосье Эсташъ Леблонъ поблѣднѣлъ и молча поклонился мнѣ, вслѣдъ колясочки, которая, подъ рукою Жака, быстро покатилась изъ роскошнаго парка виконта обратно въ Мо.

VII.

Французская деревенька близъ Тулузы.

Іюнь, 1860.

Парижъ начиналъ намъ всѣмъ надоѣдать. Вся русская колонія, съ которой я проводилъ время, сильно скучала. Мы все исчерпали, все испытали и все намъ давно пріѣлось въ пресловутомъ городѣ.

Мы бросились на знакомства съ литераторами, съ знаменитостями старой и молодой поэзіи. Съ журналистами знакомства завязались быстро. Стоило войти въ какой-нибудь кафе, гдѣ собирался кружокъ того или другого журнала.—Въ кафе Франциска I собирались сотрудники Journal des Dèbats, у Бюфона—сотрудники Constitutionnel.

Но всѣмъ намъ особенно нестерпимыми показались лица, принадлежавшія къ таинственной бандѣ полуоффиціальнаго „Конститюсіоннеля“, какъ его называетъ одна русская газета. Все господа надутые, говорятъ загадками, кривляются и безпрестанно васъ осматриваютъ съ ногъ до головы. Одинъ изъ такихъ „каленкоровыхъ манижекъ, безпощадный Ювеналъ“, даже выразился какъ-то въ спорѣ при насъ: *„Наполеонъ III и мы никогда на это не согласимся...“*— Такъ и вспомнился опять нашъ милый сѣверъ и слова одного фельетониста: *Мы всегда совѣтовали г. Костомарову не знаться съ Погодинымъ...*“ Совершенно, во вкусѣ ратниковъ „Конститюсіоннеля...“

Но что за прелесть старческое лицо Россини! Я его узналъ по фотографіи въ толпѣ посѣтителей сада Chateau des fleurs, гдѣ знаменитая лоретка и плясунья, Ригольбошь, въ тотъ вечеръ, въ одной изъ фигуръ канкана, ногою сбросила шляпу съ головы своего визави и была осыпана рукоплесканіями. Авторъ „Севильскаго Цирюльника" сидѣлъ на скамьѣ, опершись на палку, и добродушно улыбался.

Жоржъ Зандъ была въ тѣ дни въ періодическомъ, знакомомъ ей преслѣдованіи продажныхъ парижскихъ газетъ и газетокъ. Какой-то семинаристъ, ставшій главнымъ сотрудникомъ какого-то обозрѣнія, пустилъ о ней гнустную сплетню. Прошелъ слухъ, что за автора „Теверино" поднялъ голосъ лучшій изъ изгнанниковъ, Викторъ Гюго. Его письмо ходило по рукамъ!...

Гоголь вспоминался ежеминутно. Его повѣсть „Римъ", прочтенная черезъ столько лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ, производитъ до сихъ поръ сильное впечатлѣніе вѣрностью общихъ картинъ Парижа и Рима, особенно Парижа.

— „Да, господа," говорилъ небольшой кругъ слушателей: „со временемъ Гоголя много перебывало русскихъ въ Парижѣ и въ Римѣ, но лучше и ярче Гоголя никто ихъ у насъ не описалъ."

Гоголь живьемъ вынесъ впечатлѣніе о Парижѣ. Другіе тутъ старѣются, а двухъ словъ ярко о немъ не скажутъ. Напримѣръ, я столкнулся въ Парижѣ съ товарищемъ, который тамъ живетъ семь лѣтъ и ежедневно бываетъ въ которомъ нибудь изъ 28 его театровъ.

— „Что̀ же ты скажешь о парижскихъ театрахъ?" спросилъ я Сашу Д***, своего школьнаго товарища.

— „А что̀ я скажу? право не знаю... не помню ничего".

— „Какъ не помнишь?"

— „Да такъ же! когда сижу въ театрѣ, то весело и пріятно, много смѣюсь, и вообще, не пойти въ какой-нибудь вечеръ въ театръ, точно не обѣдалъ или не ужиналъ... А выйдешь, уже у подъѣзда на улицѣ все позабылъ: такая, братъ пустота, что ужасъ; ты не повѣришь! И все здѣсь такъ."

— „Такъ для чего же ты тутъ живешь?"

— „А уже, вѣрно, я самъ такой человѣкъ; втянулся, братъ, и не хочется ѣхать отсюда."

— „Ну, а есть ли тутъ на сценѣ что-нибудь въ родѣ нашего „Ревизора" или „Своихъ людей" Островскаго, или хоть такіе серьезные таланты въ числѣ актеровъ, какъ Щепкинъ и Мартыновъ?"

— „Какое тамъ! вотъ еще что вздумалъ! Да здѣсь нашего направленія и не поймутъ, а актеры—все шарлатаны и мѣднолобая посредственность. Леметръ старъ; новыхъ нѣтъ. Да развѣ ты не знаешь, что Шекспиръ и вся его школа буквально здѣсь непримѣнимы? Вотъ

за то пойди, посмотри „Histoire d'un drapeau“ и Cheval fantôme“, піесы въ духѣ наполеонидовъ! Тамъ ты увидишь и перваго консула на конѣ, и перваго императора въ снѣгахъ Россіи, и пожаръ Москвы. и походъ въ Египетъ; даже сольферинское сраженіе уже успѣли перенести на сцену!“

И дѣйствительно, я пошелъ съ цѣлой компаніей русскихъ въ Императорскій циркъ и увидѣлъ тамъ живьемъ перваго императора. „Публика неистовствовала“. Піеса составлена потому единственно, что найденъ такой человѣкъ: и носъ, и ротъ, и ростъ, и походка, и голосъ, и осанка—точь въ точь Наполеонъ I. Ну, и создали піесу: скачетъ сѣрый человѣкъ въ треуголкѣ по сценѣ и кричитъ: „Друзья! сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ!“—Нѣтъ, Щепкинъ и Мартыновъ у насъ спасовали бы на это; да и наружностью не взяли бы! Куда имъ!

И во всемъ здѣсь контрасты. На улицахъ бульваровъ играютъ кучи хорошенькихъ дѣтей, играютъ такъ беззаботно, такъ весело. Но вотъ гремятъ сотни подковъ, летитъ странный кортежъ: жандармы впереди, жандармы сбоку и сзади—это ѣдетъ императоръ. Всѣ снимаютъ шляпы и слѣдятъ его глазами.—„Ба! новыя лошади! сѣрыя, въ яблокахъ!“—„Нѣтъ, просто сѣрыя; что вы? я самъ видѣлъ...“—„Извините, въ яблокахъ...“ И споръ продолжается. А мысль переносится къ другому времени. Давно ли въ этомъ же Парижѣ гремѣли палаты и толпа спорила о другомъ: кому быть первымъ, Тьеру или Гизо?—А теперь спорятъ о лошадкахъ знаменитаго кортежа съ жандармами...

Какъ послѣднее средство отъ скуки, начинавшей насъ разъѣдать вмѣстѣ съ майскою пылью отъ уличнаго шоссе и вѣчнымъ сидѣньемъ на желѣзныхъ стульяхъ у кофеень за степенными нынѣшними газетами Парижа, надоѣвшими намъ еще въ Петербургѣ, мы выбрали хожденіе по лекціямъ университета и накинулись на нихъ со всей энергіей. Даже запаслись портфелями, бумагой и особенно карандашами для записыванія профессорскихъ чтеній.

Начали мы съ *Collège de France*. Здѣсь въ то время читали по пятницамъ знаменитый *Клодъ Бернаръ*, по вторникамъ и субботамъ—*Костъ*. На лекціяхъ Клодъ Бернара мы застали не болѣе 20 слушателей, изъ нихъ болѣе половины русскихъ и итальянскихъ медиковъ. Его чтенія—въ родѣ чтеній Пеликана въ пассажѣ, съ тѣми же опытами. (Physiologie comparée). У Коста столько же слушателей.—Но никто такъ не занялъ насъ, какъ г. *Лабуле*, юристъ, читавшій свои „Histoire et législation comparée“ по понедѣльникамъ и пятницамъ, красивый брюнетъ, лѣтъ 35-ти, съ ленточкою почетнаго легіона въ

петлицѣ, и г. *Ходзько* Александръ съ орденомъ Анны 2-й степени на шеѣ. Скажу о г. Ходзько.

Это имя дорого мнѣ съ давнихъ поръ. Игнатію Ходзько (брату профессора съ русскимъ орденомъ въ Collège de France) принадлежитъ поэтическій сборникъ „Литовскихъ Очерковъ“ (на польскомъ языкѣ), перевода которыхъ давно ожидаетъ русская литература. Пріѣхавши въ Парижъ, я тотчасъ спросилъ у знакомаго медика: „Кто замѣнилъ въ Collège de France *Мицкевича?* Кто тамъ читаетъ теперь знаменитый нѣкогда курсъ славянской литературы?“

— „Право не знаю,“ отвѣчалъ онъ мнѣ: „какой-то, говорятъ, Ходзько, также эмигрантъ...“

Слово эмигрантъ сильно заинтересовало меня. Мнѣ представился талантъ автора „Литовскихъ Очерковъ“, и я кинулся за Сену. Спрося у привратника о камерѣ, гдѣ долженъ былъ читать Ходзько, я забрался туда за полчаса. Жду, сижу, никто не появляется. Я думалъ, что ошибся, и опять пошелъ къ portier. „Нѣтъ, это и есть та самая камера!“ Я воротился и засталъ еще одного длиннаго и сухого слушателя, въ очкахъ. Наконецъ, дверь за каѳедрой отворилась и вошелъ профессоръ. Одинъ видъ его уже разсѣялъ мои ожиданія. Оправляя кокетливо на шеѣ красную ленту русскаго, заслуженнаго имъ на Кавказѣ ордена, онъ поклонился, развернулъ книгу и сконфуженный такимъ числомъ слушателей, долго не могъ говорить. Потомъ, сказавши по-французски: „У насъ сегодня, *кажется*, мало слушателей!“ прибавилъ по-русски: — „Позвольте, господа, узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить!“ Я назвалъ себя русскимъ; худощавый господинъ въ очкахъ прибавилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, что онъ — чехъ. Ходзько помолчалъ и началъ, неизвѣстно почему, уже обращаясь только ко мнѣ и исключительно говоря по-русски, слѣдующею тирадой:

— „Господа, вы, я вижу, обманулись; васъ влекла сюда на лекціи слава Мицкевича, сочиненія котораго я великолѣпно издалъ здѣсь въ Парижѣ въ 1844 году (продаются у Франка, на улицѣ Ришелье, *но* можно найти и въ Варшавѣ). Увы! на мѣстѣ великаго генія вы видите карлу... Извините, господа, я готовилъ себя къ чтенію о востокѣ: — я оріенталистъ по преимуществу. Вотъ я въ Лондонѣ издалъ переводъ изъ Кюръ-Оглу; я же завѣдываю въ Парижѣ восточными древностями. Но чтò прикажете дѣлать? — Мицкевичъ умеръ, умеръ... ну, мнѣ и предложили его каѳедру...“

Долго еще оправдывался почтенный профессоръ, точно будто мы его обвиняли. Чехъ мрачно молчалъ и кусалъ все ногти; я тоже молчалъ.

— „И такъ, радъ съ вами познакомиться!“ — началъ опять профессоръ, подавая мнѣ и чеху руку съ каѳедры и спрашивая насъ о фамиліяхъ нашихъ: мы назвали себя.

Снова оставя чеха въ сторонѣ, профессоръ снова и единственно обратился ко мнѣ: — „Ну, что новаго въ Россіи? Что дѣлается въ литературѣ? Какіе вновь явились писатели, какъ идутъ такіе-то и такіе-то журналы?“ — Я удивлетворялъ его, какъ могъ. Говорили мы долго. Но вотъ часы прозвонили, и лекція кончилась. Чехъ, не измѣняя мрачной позы, вышелъ; вышли и мы, какъ будто дѣло сдѣлали.

— „Въ слѣдующій разъ я буду читать о Бѣлинскомъ и Грибоѣдовѣ!“ — сказалъ при прощаніи профессоръ.

Мы разстались. Но я скоро уѣхалъ изъ Парижа и не слыхалъ лекціи о Бѣлинскомъ.

За-то какимъ тріумфаторомъ шествуетъ въ Сорбоннѣ знаменитый публицистъ и доктринеръ, *Сенъ-Маркъ Жирарденъ*, пѣвецъ золотого вѣка французской литературы! Когда я попалъ къ нему на лекцію, тамъ было до 2,000 слушателей. Какая разница съ бѣднымъ старикомъ Ходзько, желавшимъ читать для двухъ слушателей о Бѣлинскомъ и Грибоѣдовѣ! Пятидесятилѣтній говорунъ, блондинъ, Сенъ-Маркъ-Жирарденъ безобразенъ до крайности. Съ длинными волосами и съ ленточкой почетнаго легіона въ петлицѣ, соблазняющаго нынѣ всѣхъ передовыхъ людей современнаго Парижа, этотъ господинъ подошелъ необыкновенно къ нравамъ своихъ слушателей. Декламируя Буало (небеснаго Буало) и Расина (волшебнаго и прелестнаго Расина, какъ онъ выражается), снисходя къ этому Корнелю (добродушному, простоватому Корнелю) и восторгаясь Вольтеромъ (волканомъ, Везувіемъ современнаго человѣческаго ума, изъ котораго вышли всѣ послѣдующіе геніальные умы: Наполеонъ I, Фурье и .. Наполеонъ III, — готовъ онъ подсказать, а прибавляетъ неожиданно... и Беранже) — онъ стучитъ по столу кулаками, бьетъ себя въ грудь и вообще ведетъ себя, какъ извѣстный гоголевскій учитель въ разсказѣ городничаго. Неистовствуетъ Сенъ-Маркъ, неистовствуетъ и публика Сенъ-Марка. При мнѣ онъ читалъ о басняхъ Лафонтена и, дѣлая ежеминутно намеки на разныя новости дня, вызывалъ громовыя рукоплесканія.

Мы съ товарищами вышли изъ шумной аудиторіи въ какомъ-то опьянѣніи, точно хватили дурману.

— „Все хорошо“, — говорилъ одинъ изъ моихъ товарищей: — „одно нехорошо: зачѣмъ онъ трогаетъ такихъ людей, какъ Викторъ Гюго? Слышали, онъ пустилъ мысль, будто Гюго подкупленъ англичанами и стремится подорвать покой домашняго очага Франціи?..“

— „Немудрено, что онъ клевещетъ!“ — отозвался другой мой товарищъ: — „вчера мнѣ говорили, что всѣ статьи самого Сенъ-Марка-Жирардена въ „Journal des Debâts“, куплены только ужъ, конечно, не англичанами...“

Мѣра терпѣнія нашего истощилась, и мы снова рѣшились разстаться съ Парижемъ. Трое изъ нашего круга уѣхали въ Швейцарію, двое—вторично въ Лондонъ, одинъ—въ Италію, а я съ знакомымъ вамъ студентомъ медицины отправился на мѣсяцъ на югъ Франціи по пути въ Тулузу и Марсель. У моего товарища была цѣль: дама его сердца уѣхала въ Тулузу, а я искалъ случая снова потолкаться по французскимъ деревнямъ.

И вотъ мы опять очутились въ полѣ, среди цвѣтущихъ луговъ, зеленѣющихъ холмовъ и пашенъ. Мы ѣхали въ маленькомъ кабріолетѣ, на парѣ старыхъ лошадей, добытыхъ въ послѣднемъ городкѣ, гдѣ простились съ желѣзной дорогой и шоссе. Мы должны были, миновавъ главный путь на Тулузу, своротить въ мелёнскую долину и отыскать деревушку Les petites Barrêtes, куда укрылась сердечная страсть моего компаніона.

— „Да ты, братъ, хорошо знаешь дорогу и эту деревню?“ — спрашивалъ мой товарищъ извозчика.

— „О, да! о, да! еще бы не знать!“—отвѣчалъ тотъ, покуривая свой caporal.

Но кончилось тѣмъ, что къ вечеру цѣлаго дня ѣзды съ роздыхами и кормомъ лошадей въ разныхъ постоялыхъ дворахъ, возница въѣхалъ на какой-то косогоръ, посмотрѣлъ во всѣ стороны, поохалъ и объявилъ, что онъ сбился съ дороги и попалъ, вмѣсто Barrêtes, въ Сенъ-Люкъ. До вечера оставалось еще часа три. Жаръ стихъ, жаворонки звенѣли надъ гречихой и желтыми полянами кользы, дорога раздваивалась внизъ по косогору: вправо шла она къ лѣсу, а влѣво — къ большому селу, съ каменною церковью, окаймленному рѣкой и садами.

— „А это же что за деревня?“

— „Это—Сенъ-Люкъ! Баретъ тоже недалеко, да надо ѣхать туда черезъ рѣчку, а недавно на ней разорвало и снесло мостъ; жители еще не поправили; въ бродъ же—опасно...“

— „Та же дорога къ Манилову, съ Маниловкою и Заманиловкою!“—сказалъ, шипя отъ досады, мой товарищъ и крикнулъ:—„Ну, дружище, ступай въ Сенъ-Люкъ!“

Мы поѣхали.

— „Что же ты думаешь тамъ дѣлать? Слышишь, рѣка вышла изъ береговъ, дожди шли большіе? какъ мы переѣдемъ?..“

— „А Богъ съ вами!“—грустно отвѣчалъ онъ:—„оставайтесь въ Сенъ-Люкѣ, а я и въ бродъ переправлюсь одинъ... Генріета завтра ѣдетъ къ дядѣ въ Тулузу.“

Чтò было дѣлать! „любовь преградъ не знаетъ“. Мы доѣхали до маленькой таверны въ Сенъ-Люкѣ, съ проклятіями отпустили коварнаго

возницу; пріятель мой рѣшился оставить всѣ вещи на мое попеченіе, а самъ пошелъ, не говоря ни слова, къ рѣкѣ.

— „Куда же ты?“

— „Переплыву и пойду пѣшкомъ въ Баретъ; всего семь верстъ...“

— „Ну, я тебя одного не пущу; и я пойду“.

— „А вещи?“

— „Отдадимъ ихъ въ гостиницѣ хозяину...“

Онъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку. Мы пошли, разспросивши о дорогѣ; подошли къ рѣкѣ: бѣловатая, а скорѣе мутно-желтая вода быстро катилась въ берегахъ; не было видно ни одной лодки. Мы пожали плечами и пошли вдоль берега, ища мѣста поуже. Въ полуверстѣ оттуда мы подошли къ одинокому домику, крытому красною черепицей и окруженному огородомъ и садомъ. Мы постучались у воротъ; никто не откликался. Мы перелѣзли черезъ заборъ и огородомъ прошли къ дому.

— „Дѣдушка Этьеннъ въ полѣ!“ — отвѣчала дѣвочка, встрѣтившая насъ на крыльцѣ. Мы пошли назадъ.

Въ вечернихъ сумеркахъ, со стороны поля, намъ показался, дѣйствительно, согбенный старичекъ лѣтъ подъ девяносто, въ красномъ жилетѣ, въ сѣрыхъ суконныхъ сапогахъ и въ красной шапочкѣ на бѣлыхъ, какъ пухъ, волосахъ. Онъ шелъ съ палкой...

Едва онъ поравнялся съ нами, мы обратились къ нему съ просьбой помочь намъ переправиться черезъ рѣку.

— „А кто вы такіе?“

— „Путешественники; спѣшимъ къ товарищу въ Петитъ-Баретъ.“

— „Можно, можно! лодка у меня есть!“ — сказалъ онъ, лукаво поглядывая на насъ: — „только вы ночью собьетесь съ дороги: у насъ подъ Тулузой множество тропинокъ, которыя скрещиваются въ разныхъ направленіяхъ.“

Онъ пошелъ въ свой домъ, досталъ ключъ и повелъ насъ къ рѣкѣ, гдѣ лодка была на цѣпи заперта на замокъ, между двухъ столбовъ.

— „Вы не русскіе ли?“ — спросилъ дѣдушка Этьеннъ, довезя насъ уже до половины желтосѣрой, бурлившей рѣки.

— „Русскіе...“

— „Я сейчасъ угадалъ!“

— „Почему же?“

— „По вашей отвагѣ и какому-то безпечному спокойствію...“

— „А вы знаете Россію?“

— „Да, я чуть-чуть самъ не очутился у васъ недавно.“

— „Гдѣ же?“

— „Двое моихъ внуковъ отправились къ вамъ въ Одессу, чтобы сдѣлаться вашими крестьянами...“

— „Какъ такъ?"

— „Ихъ сманилъ здѣшній аферистъ „де-Велистанъ."

— „Де-Велистанъ Эскюдье?"

— „Да... и вы его знаете?"

— „Знаемъ по газетамъ..."

— "А!.."—и старикъ съ злобною ироніей посмотрѣлъ на насъ. Взявши деньги за перевозъ, онъ сухо разстался съ нами. Мы пошли по указанной тропинкѣ и шли долго. Сначала было еще ничего: дорога кое-какъ освѣщалась отблескомъ заката. Но скоро земля стала незрима подъ ногами. Мы попали въ стѣны высокихъ хлѣбовъ. Сыростью охватила насъ быстро наступившая темнота. Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ и остановились.

— „Ну, я далѣе не пойду!"—сказалъ я товарищу:—„воротимся лучше..."

Отчаянію бѣднаго влюбленнаго не было предѣловъ. Онъ упалъ на землю и, ругаясь, проклиналъ весь свѣтъ.—„Какъ! ѣхать столько верстъ, быть у самой цѣли и не достичь ея... а завтра *она* уже ѣдетъ!"

— „Нѣтъ!"—крикнулъ онъ и кинулся въ отчаяніи снова по дорогѣ впередъ.

Насилу догналъ я его и образумилъ, доказавши, что намъ лучше воротиться къ старику Этьену и упросить его провести насъ въ Баретъ.

Мы воротились, чуть опять не сбившись съ пути у самой уже рѣки, долго кричали и звали лодку. Наконецъ, въ потьмахъ плеснуло весло, и дѣдушка Этьенъ неслышно подплылъ къ намъ, весело покрякивая и посмѣиваясь.

— „Ага, господа русскіе! сбились-таки съ дороги, я же вамъ говорилъ! Что же вамъ нужно?"

Мы на чистоту сознались, что есть у насъ особая, сердечная причина спѣшить въ Птитъ-Баретъ, обласкали его, наговорили ему кучу любезностей, сторговались съ нимъ, и онъ рѣшился запречь своего Коко, лично доставить насъ по назначенію и даже помочь свиданію съ цѣлью нашей поѣздки, такъ какъ въ той деревнѣ былъ у него знакомый и близкій ему человѣкъ.

Мы неожиданно узнали, что рѣка, верстою ниже, была мелка. Этьеннъ запрягъ коня въ телѣгу, перевезъ насъ въ бродъ, и мы отправились, по сыроватому узкому проселку, шагомъ. Взошелъ мѣсяцъ и ярко освѣтилъ окрестности; ярко освѣтились и наши души, чутко настроенныя нежданными преградами романтическаго похожденія...

Коко выступалъ ровнымъ, тихимъ шагомъ.

Мы ѣхали по берегу небольшого озера въ концѣ котораго свѣтились огоньки.

— „Это—Птитъ Баретъ?" нетерпѣливо спросилъ мой компаньонъ.

— „Нѣтъ, о нѣтъ еще! Мы—на половинѣ дороги!"

— „Вы, кажется, сказали, что ваши племянники..."

— „Да, вотъ бѣдные мои племянники, тѣ попали къ вамъ въ Россію. Видите ли, не всѣмъ везетъ счастье: покойная сестра такъ обѣднѣла, что за десять лье въ Тулузѣ носила по курицѣ на рынокъ. Земля имъ досталась плохая, сырая; подъ виноградъ не годилась. Они сперва сѣяли пшеницу..."

— „Лопатами копали землю подъ пшеницу?" иронически спросилъ я, вспоминая тысяче-десятинные посѣвы херсонскихъ и екатеринославскихъ степей.

— „Да, лопатами; у насъ зачастую лопата замѣняетъ у бѣдняковъ плугъ, на который трудно скопить денегъ, да и земли только на лопату хватитъ. Ну, вотъ пшеница не удалась. Они стали разводить скотъ: скотъ пропалъ. Сестра пристроила сыновей въ Сенъ-Люкъ, а сама черезъ годъ умерла. Жаль ее! Тутъ пошли все горести. Сыновья сестрины, мои племянники, люди сильные и честные, сперва пошли каменщиками въ Парижъ, а потомъ рѣшились стать въ ряды колонистовъ и отправиться въ Америку. Тутъ прошли слухи о томъ, что въ Россію требуются работники.

— „Ну-съ?"

— „Вотъ, наша одна департаментская газета и напечатала статью, въ которой говоритъ: къ чему ѣхать нашимъ колонистамъ въ Америку и въ Полинезію? лучше ѣхать въ Россію; тамъ же французовъ любятъ, и всякій французъ въ былыя и недавнія еще времена тамъ сейчасъ получалъ мѣсто воспитателя юношества..."

— „Эти времена прошли..."

— „Пусть такъ! Но вотъ наши закопошились. Мой племянникъ по мужской линіи, Франсуа Пусонъ, пріѣхалъ и привезъ мнѣ эту газету. Мы ее читали зимою, при свѣтѣ камина. Онъ задумался. Вдругъ опять прошелъ новый слухъ. Извѣстный у насъ и уважаемый прожектеръ въ Тулузѣ, мусье Феликсъ д'Эскюдье-де-Велистанъ снесся съ Россіею черезъ какое-то агентство на югѣ и сталъ, получа заказы, набирать колонистовъ въ Россію. Это было въ 1858 году, лѣтомъ. Осенью мои племянники уже поладили съ нимъ и въ Тулузѣ у нашего же земляка, нотаріуса Фабра, совершили условіе по формѣ..."

— „Въ чемъ же состояло это условіе?"

— „О, условіе, отличное для нихъ, да плохо вѣрилось въ ихъ надежды. Во-первыхъ, земли обѣщано вдоволь и такой, что унавоживать не надо никогда: это близъ вашей Одессы. Потомъ работать имъ три дня въ недѣлѣ на владѣльца, а три дня на себя... Это наше metteyage, разберите его только повнимательнѣе! Переѣздъ, орудія, сѣмена,—все обѣщано отъ владѣльца и предложено впередъ, не говоря

уже о рабочемъ скотѣ, даже карманныя деньги по 100 или, кажется, по 150 фран. на каждаго.“

— „И карманныя деньги?“

— „Клянусь честью! Мы сами, послѣ ихъ отъѣзда, читали ихъ условіе; оно ходило у насъ по рукамъ, въ спискахъ. Его выпустилъ другъ Фабра, другой нотаріусъ, Дель-Касо! Да что еще! во время неурожая, владѣлецъ обязывался всю колонію кормить даромъ и снова дать имъ сѣмена... Это условіе—у насъ небывалое!“

— „Да, у насъ это принято вездѣ, во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ.“

— „Мы этого не знали. Оговорена случайность заразы, въ случаѣ дурного климата и этой случайности, владѣлецъ обязывался даромъ ихъ доставить обратно домой. Ужъ извѣстно—русскіе; извините, господа, вѣдь вы всѣ еще дикари, казаки, богачи и привередники, любите щегольнуть великодушіемъ. Съ колонистовъ требовалось непремѣннымъ пунктомъ доброе поведеніе, а имъ, наконецъ предоставлялось право содержать скотъ, въ количествѣ. въ какомъ только они пожелаютъ... Ну, и отправились они!“

— „И что же?“

— „Мы ихъ проводили со слезами и благословеніями. Vivent les seigneurs russes! восклицали переселенцы за послѣднимъ прощальнымъ обѣдомъ: они дики и странны, но добры! Мы ихъ видѣли въ театрахъ въ Парижѣ, на сценѣ!—Условіе заключено на восемь лѣтъ. И вотъ уѣхали племянняки мои, Франсуа Пусонъ изъ подъ Мирамона, съ двумя дочерьми невѣстами, Франциской и Анной, и другой мой племянникъ отъ второго брака сестры моей, Жанъ Рималью, съ женою также изъ гаронскаго департамента, а вслѣдъ за ними поѣхали еще 6 семействъ, всего около 30 человѣкъ. Когда они прибыли въ Россію, мы тотчасъ получили письмо. Писали супруги Рималью, что они счастливо пріѣхали въ Одессу, что консульство наше тамъ подтвердило актъ ихъ условія; что они пока помѣстились въ собственномъ домѣ помѣщика, къ которому пріѣхали, въ самомъ городѣ Одессѣ, а потомъ также въ домѣ его въ деревнѣ; что ихъ кормятъ отлично, ласкаютъ; что люди помѣщика ихъ не касаются, что даже поставщикъ припасовъ на ихъ столъ — избранный ими самими и утвержденный владѣльцемъ французъ. Вмѣстѣ съ ними де-Велистанъ прислалъ помѣщику изъ Франціи, на счетъ послѣдняго купленные, улучшенные плуги и прочія орудія, знакомыя имъ. Земля оказалась превосходною; климатъ отличный, теплый, почти какъ въ Нормандіи; одарили ихъ богато. Хлѣбъ въ первый же годъ уродился баснословно и они продали много пшеницы уже въ свою собственную пользу. Стали они знакомиться и съ туземными жителями, крестьянами. Жена

моя, старуха, разъ читала мнѣ письмо отъ внучки нашей, Анны Пусонъ, что за нею даже приволокнулся какой-то богатый гвардеецъ, бывшій въ отпуску по сосѣдству. А отецъ ея писалъ мосье де-Велистану, что всѣ самыя пылкія ихъ надежды превзойдены и что они увидѣли много радостнаго на опытѣ и еще болѣе ждутъ впереди, скучаютъ же только по одному: по родичамъ и родинѣ! Д'Эскюдье де-Велистана осадили сотни новыхъ желающихъ и онъ опубликовалъ статью о своемъ успѣхѣ... Я былъ въ Тулузѣ у префекта, возилъ его дѣтямъ сливъ въ подарокъ (его семья жила у меня на дачѣ два лѣта) и увидѣлъ на улицѣ Урсулы, гдѣ живетъ мосье д'Эскюдье, въ домѣ подъ № 8 (какъ у насъ хорошо узнали его адресъ!) цѣлую ярмарку. Его осаждали предложеніями особенно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ переселенцевъ, ушедшихъ съ моими племянниками, именно, Жанъ Фурманнъ, выслалъ своей матери въ Мирамонъ, въ первый же годъ, двѣсти франковъ въ подарокъ и два фунта отличнаго душистаго чаю, какого у насъ не знаютъ... Наши собрались ѣхать, чтобы дѣлиться съ такой легкой руки русскими Крезами. И вдругъ..."

— „И вдругъ что же?"

— „И вдругъ общее рвеніе охладѣло. Прошелъ слухъ, что вышли какія-то недоразумѣнія. Какія-то дрязги затѣяло наше консульство; сбили нашихъ колонистовъ, и вышелъ неожиданный скандалъ... Мы неуспѣли опомниться, какъ въ минувшую осень наши Крезы, большею частью, воротились обратно..."

— „Что же такое вышло?"

— „А вотъ постойте! мы уже пріѣхали. Поищемъ вамъ квартиры, а завтра я доскажу вамъ остальное, если вы встанете рано; мнѣ надо домой..."

Сѣдовласый дѣдъ спрыгнулъ съ телѣги, какъ мальчикъ, и повелъ лошадь въ поводу. Мы осмотрѣлись. По сторонамъ шли домики и сады, прерываемые полянами и огородами.

— „Это Птитъ-Баретъ?"

— „Именно такъ, Птитъ-Баретъ и есть... Отправимся къ мосье Жувену..."

— „Кто это такой?"

— „Мой пріятель, здѣшній священникъ, молодой еще человѣкъ, но отличный малый; я у него всегда останавливаюсь; онъ у меня купилъ корову..."

Мосье Жувенъ впустилъ насъ. Усталые, мы отказались отъ ужина и скоро заснули на мягкихъ тюфякахъ. Дѣдушка Этьеннъ, устроя своего Коко въ стойлѣ, также пришелъ къ намъ, постлалъ себѣ постель на полу у дверей и долго раздѣвался, скидывая съ себя кучу какихъ-то, не то кофтъ, не то жилетовъ, и въ концѣ все-таки ока-

зался весь окутанный фланелью. Онъ очень живо напоминалъ намъ французскихъ гувернеровъ-стариковъ въ Россіи, подъ конецъ своей жизни становившихся поварами у своихъ питомцевъ, когда послѣдніе въ свой чередъ становились самостоятельными, по смерти батюшки и матушки. Дружный тройной храпъ огласилъ маленькую комнату приходскаго аббата. Я думалъ встать рано, но проспалъ долго. Мосье Этьеннъ уѣхалъ чѣмъ-свѣтъ; исчезъ до зари и мой товарищъ: вѣроятно ему не спалось долго.. Онъ ушелъ на поиски Генріетты.

Когда я проснулся, то первое, что озадачило меня, это были окна, закрытыя особаго рода рѣзными ставнями. Въ золотыхъ сумеркахъ комнаты, отливаясь въ мерцающихъ лучахъ, виднѣлись по стѣнамъ маленькія картинки, раскрашенныя красками, точь-въ-точь у насъ въ деревенскихъ комнатахъ, а у окна съ надворья давно, какъ жукъ, гудѣлъ чей-то голосъ, будто кто-то сидѣлъ на завалинкѣ, кашлялъ, пересмѣивался съ подходившими къ нему пріятелями, напѣвалъ и шутилъ, и какъ будто кого ожидалъ. Когда я совершенно очнулся, то кто-то вздохнулъ, отошелъ и, удаляясь въ глубь двора или сада (я не могъ хорошо рѣшить, куда выходило окно), запѣлъ въ полголоса какую-то пѣсню.

Вслѣдъ за тѣмъ послышались слова ближе къ дому: „Pajalistée, pajalistée, Ivan Ivanisch!“ и хохотъ нѣсколькихъ лицъ покрылъ эти восклицанія. Я быстро одѣлся, наскоро умылся приготовленною водой и когда выходилъ въ сѣни, то же незнакомое лицо на дворѣ пѣло знакомый напѣвъ и выговаривало:

„На улисъ
Двѣ курисъ
Съ пѣтукомъ дируцца;
„А баришь,
Красавишь,
Смотрѣтъ да сміуцца..“

Неожиданная картина представилась моимъ глазамъ. На крыльцѣ домика сидѣлъ чернокафтанный аббатъ; нѣсколько человѣкъ фермеровъ изъ сосѣднихъ дворовъ стояли у крыльца и держались, какъ говорится, за животики, а по двору ходилъ въ широчайшихъ хохлацкихъ синихъ шароварахъ и въ мерлушковой бараньей шапкѣ рыжеватый парень, горланя: „*На улисъ двѣ курисъ съ пѣтукомъ дируцца*“ и ломаясь на всякія манеры.

Когда я вышелъ изъ сѣней и поздоровался съ мосье аббатомъ, онъ отрекомендовалъ мнѣ веселаго парня.

— „Это бывшій вашъ колонистъ изъ одесскаго округа; рекомендую вамъ его—веселый малый!“

Веселый малый опять совершилъ колѣнцо, круть-верть, и, покры-

ваемый хохотомъ земляковъ, сказалъ мнѣ, снявши сѣрую шапку и комически раскланиваясь.

— „Pajalistée, Ivan Ivanisch! Ah! kak vi pojivait? Schort vosmy!“

Хохотъ не прерывался. Аббатъ торжественно указалъ мнѣ на него и съ гордостью замѣтилъ:

— „А малый однако превосходно изучилъ вашъ казацкій языкъ. Какъ вы находите?“

— „О, да! о, да! Превосходно!“

Я подошелъ ближе къ парню, который оказался Мишелемъ Шевалье (да извинитъ ему и проститъ знаменитый публицистъ и землякъ его за такое неумѣстное употребленіе имени своего всуе).—Мы вошли въ садъ, все еще провожаемые умильными взорами фермеровъ: я, аббатъ и Мишель Шевалье. Служка аббата принесъ туда кофе. Мы усѣлись на лужайкѣ.

— „Я очень радъ, мосье,“ — обратился ко мнѣ аббатъ,— „что судьба привела мнѣ увидѣть у себя въ гостяхъ русскаго синьора (ужъ почему я былъ для него синьоромъ, не знаю!). Этотъ малый восхищалъ меня своими разсказами о Россіи, я многому не вѣрилъ, а теперь могу убѣдиться въ истинѣ.—Поговорите, поговорите съ нимъ!—Вашъ товарищъ—въ гостяхъ у моей прихожанки, Мари Леру. Онъ скоро будетъ сюда; не безпокойтесь—*они счастливы*...“

„Ай да аббатъ!“—подумалъ я:—„помогаетъ нашему роману...“

Мы разговорились съ Мишелемъ Шевалье.

— „И такъ, вы были въ Россіи?“

— „Былъ...“

— „Вмѣстѣ съ Рималью и Пусономъ?“

— „Да...“

— „Отчего же вы уѣхали оттуда?“

— „Закутилъ: vodka, vodka!—Eh, barine, na vodka! eh!...“

Аббатъ слѣдилъ за мною во всѣ глаза.

— „Ну, этого быть не можетъ!“ —перебилъ я:—„вы шутите! У кого вы поселились въ одесскомъ округѣ?“

— „Chez messieurs Syrôf et Englaisof; ce sont de très braves gens!“

— „Хорошо ли вамъ было у нихъ?“

— „Какъ вамъ сказать? Отлично; лучше не выдумаешь! Наша колонія, какъ пріѣхала, сперва вела себя отлично. Сначала мы жили въ Одессѣ, а потомъ въ селѣ Ильинкѣ (à Illinká), въ домѣ помѣщика“.

— „Что же, вы охотно работали?“

— „О! какъ волы, мосье, какъ волы?“

— „А именно?“

— „Мы вставали рано, работали, завтракали, потомъ опять работали, послѣ обѣда опять...“

Аббатъ вмѣшался, умильно вздохнувши:

— „Скажите, пожалуйста, вѣдь Одесса возлѣ казаковъ, а казаки вѣдь это сибирцы (ce sont de sibiriens)?“

— „Да, около того. Скажите же, мосье Мишель Шевалье, что вамъ въ особенности понравилось въ Россіи?“

— „Видите ли, mon petit monsieur, я былъ, до отъѣзда въ Россію при одной странствующей труппѣ мирамонскихъ актеровъ. Моя доля всегда состояла въ исполненіи ролей веселыхъ и влюбленныхъ людей... Поэтому, господа... крракъ! я влюбился по уши въ Россію! Тамъ все хорошо: и люди, и небо, и земля, и водка! Oh, la delicieuse vodka!“

— „Такъ вы таки познакомились и съ нашимъ національнымъ напиткомъ?“

— „Oh, dites moi ça! Na vodka, na vodka! И чуть скажешь это, уже гг. Сировъ и Энглезовъ [1]) сейчасъ въ карманъ и даютъ все, что просите!“

— „Разскажите же, прошу васъ, что вамъ еще понравилось?“

Мосье Мишель всталъ, ухватилъ себя за полотнища синихъ шароваръ и, разведя ихъ до чудовищной ширины, сказалъ:

— „Tiens! Какъ, напримѣръ найдете вы это? потомъ это? (Онъ снялъ шапку съ огненно-рыжихъ кудрей). Отъ этихъ штановъ прохладно; отъ этой шапки тепло. Но это еще ничего не значитъ! Нѣтъ, я вамъ скажу, что первые замѣнятъ вамъ, въ случаѣ нужды, палатку и парусъ, а вторая—подушку... Я уже испыталъ...“

— „Ну, а климатъ какъ вы нашли?“

— „Климатъ? Какъ бы вамъ сказать... Не дуренъ! Въ первое лѣто налетѣли-было такіе кузнечики, grand comme ça! (Онъ указалъ на руку, почти до локтя!) Какъ ихъ зовутъ? Постойте! Да—sarrantschá! именно sarrantschá!

— „Да вы отлично выговариваете!“—замѣтилъ я.

Мосье Michel не выдержалъ себя отъ похвалы, нагнулся къ моему уху и сказалъ двѣ фразы такъ бойко, какъ только бойко ихъ удалось записать всѣми буквами въ отчетъ о путешествіи по Россіи Александру Дюма...

Аббатъ сурово покрутилъ носомъ.

— „О, что вы ни говорите, господа, о Россіи, а все-таки, извините, вы все еще—казаки! Да, именно, казаки!“

— „Что же тутъ обиднаго?“

— „Какъ? Казаки?!“—И аббатъ дико захохоталъ.—„Да позвольте васъ спросить обоихъ: вы оба почти русскіе, вы вполнѣ, а вотъ онъ—

---

[1]) Гг. помѣщики Зиро и Энглези.

почти! Отвѣчайте мнѣ: правда ли, что у васъ простой народъ передъ пасхой рѣжетъ католиковъ и кровью ихъ мажетъ свои хлѣбы?— Вы не сознаетесь?—А?—А правда ли, что всѣ ваши grands seigнieurs имѣютъ цѣлые гаремы, какъ у вашихъ друзей и сосѣдей турокъ?—Вы смѣетесь? Не даромъ же въ такую отсталую страну потребовались наши колонисты... Вѣдь только теперь, когда это сознаніе пришло къ вамъ, будетъ у васъ настоящее хозяйство...“

Мы молча вышли на улицу.

Аббатъ все ждалъ съ моей стороны возраженій, но я „не тѣмъ исполненъ былъ“. Меня занималъ вопросъ, отчего эта громкая колонія такъ нежданно разошлась. Аббатъ вызвался мнѣ показать деревушку; но за нимъ кто-то пришелъ и онъ на время оставилъ меня одного на руки Мишеля, который безъ него вдругъ потерялъ форсъ и пошелъ тихо и сумрачно.

— „Скажите мнѣ“,—началъ я:—„отчего разошлось ваше дѣло?“

Онъ оглянулся. Мы шли между огородами, среди которыхъ мелькали уединенные домики Птитъ-Барета.

— „Вотъ видите ли, тутъ замѣшалась политика“, — началъ онъ разсудительно и вмѣстѣ таинственно:—„клянусь вамъ, добрый господинъ, намъ у васъ было хорошо. Мы ѣли много мяса, отличный бѣлый хлѣбъ, пили кислое здоровое питье изъ хлѣбной муки, имѣли винныя порціи и сосѣдніе нѣмцы-колонисты говорили, по праздникамъ сходясь съ нами, что французы съѣдятъ своихъ господъ. Все шло хорошо, мы жили въ чистыхъ каменныхъ жилищахъ (спросите ирландцевъ, какъ тѣ живутъ въ первые годы въ Полинезіи и въ Африкѣ или Америкѣ!), у насъ даже былъ очень часто, при малѣйшей нуждѣ, докторъ съ визитами! Мы начали хозяйство на новый ладъ, вводили новые плуги, бороны, сѣялки, особыя сноровки въ каменной и столярной работѣ. Всѣхъ насъ ласкали истинно и искренно, а въ Одессѣ жена одного русскаго боярина (d'un grand bojar russe!) сманивала меня даже въ гувернеры къ своему сыну, за 2.000 франковъ въ годъ! Подумайте это! Мы были въ восторгѣ! По праздникамъ, признаюсь, куликали дружною семьей... И вдругъ...“

— „Что же заставило васъ нарушить контрактъ для возврата на родину, когда вы не соблазнились его нарушить даже для жены боярина...“

Парень остановился и взялъ меня за пуговицу.

— „Это останется между нами?“

— „Да, если желаете...“

Онъ привелъ меня къ самому забору.

— „Сюда вмѣшалась *политика*...“

— „Какъ такъ?“

— „Именно политика.—Изъ нашихъ корреспонденцій, изъ тулузскихъ газетъ, кричавшихъ у насъ о нашемъ контрактѣ *выше* узнали...“

— „Ну??“

— „Понимаете ли, mon bon monsieur? въ Россіи теперь уничтожается это servage, ну, а мы явились какъ бы продолжать его. Понимаете? три дня работы на насъ, и три дня на господина! Вѣдь это настоящее servage!!“

— „Какой вздоръ! Да вѣдь это въ то же время и ваше metteyage: вы у себя здѣсь дѣлитесь за землю доходомъ, а тамъ у насъ—работай...“

— „Ну,“—прибавилъ со вздохомъ Мишель:—„извините, это показалось нашему консульству въ Одессѣ дѣйствительно такъ, какъ я вамъ сказывалъ, и оно, вмѣшавшись въ наши дѣла съ мосье Сировъ и Энглезовъ, расторгло контрактъ... Что дѣлать! честь дороже денегъ!“

Я былъ изумленъ этою исповѣдью.

— „А убытки вашихъ землевладѣльцевъ и г. Эскюдье де-Велистана?“

— „Убытки были больше; но что дѣлать? Этого требовали честь и достоинство времени, и нашъ бравый *шефъ*, нашъ императоръ, никогда бы не попустилъ этого!“

Мы пошли далѣе. Отставной русскій колонистъ и бывшій французскій провинціальный актеръ шелъ съ достоинствомъ, мелькая своими синими уморительными шароварами и изрѣдка заглядывая мнѣ въ лицо. Вдругъ въ концѣ улицы, у какой то лавочки съ вывѣской оленя и бутылки, послышался крикъ по-русски: „Александръ Сергѣичъ, Александръ Сергѣичъ! гдѣ ты?“—Это звалъ меня мой компаньонъ. Не успѣлъ я откликнуться и поворотить къ нему, какъ Шевалье Michel нежданно загородилъ мнѣ дорогу, снялъ шапку и, хватая меня за руки, сталъ молить:

— „Добрый господинъ! Сжальтесь надо мною! Возьмите меня снова въ Россію. Признаюсь вамъ: я здѣсь умру съ голода; я неспособенъ жить тутъ. Я вчера узналъ въ Сенъ-Люкѣ о вашемъ проѣздѣ, сегодня рано услышалъ, гдѣ вы, отъ дѣдушки Этьена, и стерегъ васъ съ самой зари у здѣшняго аббата. Возьмите меня, ради имени Христа и святой Маріи! Я готовъ ѣхать вашимъ лакеемъ, рабомъ; я готовъ служить вамъ собакой, лошадью! Возьмите меня! я чувствую, что у васъ я могу составить свое счастье, а здѣсь... здѣсь... въ этомъ родимомъ краѣ... при этомъ *третьемъ*... еще въ солдаты попадешь... а я люблю пожить, пожить люблю...“

И онъ заплакалъ.

Подошелъ мой компаньонъ. Мы потолковали. Я передалъ разсказъ о вмѣшательствѣ консульства въ дѣло о закабаленіи въ рабство ко-

лоніи, гдѣ былъ этотъ парень. Но мой товарищъ, озлобленный донельзя нежданною сценою съ Генріеттой (онъ засталъ коварную даму своего сердца на колѣняхъ громаднаго гвардейскаго вольтижера),— сказалъ мнѣ наотрѣзъ:

— „Все здѣсь, дружище, мерзость и фальша! Все здѣсь блеститъ снаружи, но гнило и подло внутри. У насъ здоровѣе живется... Поѣдемъ скорѣе домой! Да какъ бы устроить поѣздку напрямикъ, такъ чтобъ и въ Парижъ не заѣзжать!“

Мы вѣжливо отказали мосье Мишелю. Онъ поклонился, усмѣхнулся, крякнулъ и пошелъ, выплясывая, подобравши, въ видѣ женской юбки, свои штаны и напѣвая во все горло: „На улисъ двѣ курисъ“ и т. д.

Когда мы, нанявши коня у аббата, уѣзжали, вся деревушка Петитъ-Баретъ провожала хохотомъ бывшаго русскаго колониста: онъ ходилъ вверхъ ногами.

VIII.

Отъ Парижа до Тосканы.

Флоренція, 2 (14) марта 1860 г.

Изъ Парижа до Флоренціи ѣзды столько же теперь, какъ у насъ, положимъ, отъ Москвы до Тамбова, то-есть, за вычетомъ стоянокъ, около двухъ дней. Одинъ изъ русскихъ пріятелей моихъ по Парижу, вольнослушатель парижской медицины, уговорился со мною и мы поѣхали сперва на югъ Франціи, гдѣ прожили около недѣли въ двухъ помѣстьяхъ близъ Марсели, а потомъ пустились черезъ Сардинію въ Тоскану, ко дню назначенной всеобщей подачи голосовъ.

Рано утромъ вагоны ліонской желѣзной дороги застучали по извилистымъ рельсамъ вдоль излучинъ марсельскаго прибрежья. Алое утро загоралось по бѣлокаменнымъ уступамъ окрестныхъ скалъ. Желтый берегъ, усыпанный ракушками, широкою каймою бѣжалъ справа у рельсовъ. Засинѣло тихое, чуть подернутое туманами море, на немъ замелькали бѣлые паруса. Вотъ опять тоннель; вотъ снова желѣзная дорога взбѣгаетъ на крутизны. Кругомъ, по бокамъ дороги, идутъ отвѣсные, громадные обрывы. Становится еще свѣтлѣе. Пошла зелень. По скаламъ цѣпляются плющи. Справа у берега потянулись сады и бѣлокаменныя, крытыя розовою черепицею, красивыя дачи. Пахнетъ фіалками. Что это? Какія-то сѣрыя, огромныя деревья, безъ листьевъ, мелькаютъ, осыпанныя розовыми цвѣтами. Я наклоняюсь къ маконскому купцу, который съ вечера все бранилъ своего земляка Ламар-

тина, за аферы его съ виномъ, и спрашиваю, что это такое?—„Миндальныя и абрикосовыя деревья!"—отвѣчаетъ онъ, зѣвая и потягиваясь съ просонья. Вотъ выступаетъ весь Марсель, съ каланчами, скалами и тѣми же сплошными розовыми кровлями бѣлыхъ домовъ. — „Что абрикосы и миндальныя деревья!"—заключилъ мнѣ французъ уже самъ собою: „вы посмотрите туда, въ море; видите скалу и на ней замокъ, родъ крѣпости? Видите? Ну, это же тотъ знаменитый замокъ Ифъ, гдѣ былъ заключенъ, по словамъ Дюма, Монте-Кристо! Вѣдь Дюма подѣльнѣе Ламартина... Какой у него у самого былъ зàмокъ, просто чудо!" Съ моимъ спутникомъ-студентомъ я въ Марсели какъ-то разошелся въ улицахъ, и когда, черезъ два часа, снова ѣхалъ съ нимъ по желѣзной дорогѣ до Тулона, спросилъ его: „Что онъ нашелъ особенно любопытнаго въ городѣ?" Онъ отвѣчалъ: „Удивляюсь, какъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ могъ прославить здѣшнія мыла! Сущая гадость! Я купилъ кусокъ, умылся имъ, побрился — и едва оттеръ свои щеки одеколономъ. Щиплетъ, какъ шпанская муха! А вотъ одно чудо такъ я нашелъ!"—„А что?"—„Давно ли назначены выборы въ Италіи? А на пристани, куда я протолкался взглянуть, какъ выгружаютъ французы нашу степную пшеницу, какой-то старикъ носитъ попугая и тотъ выкрикиваетъ уже окликъ во вкусѣ Гарибальди: „Italia sia, Italia sara!" (Италія есть, Италія будетъ!) и толпа ходитъ за нимъ... Вотъ такъ французы!"

И вотъ мы въ почтовомъ дилижансѣ перевалились въ Сардинію, мы въ Италіи. На границѣ насъ кое-какъ осмотрѣли въ таможнѣ. Это было снова рано по утру. Сардинскій пикетъ стоялъ у моста, гдѣ началось королевство „перваго солдата итальянской независимости." Карабинеры, опершись на ружья, въ маленькихъ зеленыхъ, на парижскій ладъ, фуражкахъ, à la chasseur d'Afrique, курили трубочки. Офицеры пустились срывать нашимъ дамамъ-сопутницамъ съ заборовъ и дарить на память, на воздухѣ круглый годъ цвѣтущія розы. — „Есть у васъ сигары?"—„Нѣтъ!"—„Есть шелковыя ткани?"—„Нѣтъ; а за то есть книги!"— „Какія?"—„Папа и конгрессъ".—„Кардиналы и Гарибальди."—„И моя лепта въ итальянскую кассу..."—„Подвысь!" И мы проѣхали мысленный сардинскій шлагбаумъ, разумѣется въ умѣ только произнеся это русское слово...

Какая разность съ русскими снѣгами, морозами и туманами въ настоящіе ясные, свѣтлые дни чудной итальянской весны!

Что это? Соловей гремитъ въ ракитникѣ, или какъ тутъ зовутъ эту блѣдно-зеленую плакучую иву... Кругомъ голубыя, лиловыя, розовыя, а далѣе гребнями, все бѣлыя и бѣлыя, переходящія въ серебряныя гряды, горы. По скатамъ горъ къ морю идутъ зелено-пепельные лѣса, дубравы—какъ вы думаете, чего? Оливковыхъ деревьевъ! Каждое

дерево усыпано только-что поспѣвшими черными ягодами. Это наши маслинки. Въ окно желтобокой кареты видны въ глубинѣ долинъ, по сторонамъ дороги, клѣтками перегороженные дворики и сады. Въ садахъ цѣпляются по рѣшеткамъ виноградныя лозы; и опять летятъ навстрѣчу вамъ цвѣтущія миндальныя и абрикосовыя рощи. А это что? Боже правый! Въ февралѣ, когда въ Москвѣ на Ильинкѣ еще ходятъ блинники съ отмороженными носами, а въ Петербургѣ дворники еще и не думаютъ браться за свое весеннее солнце для изгнанія льда, то-есть за ломъ и лопату,—въ этомъ самомъ февралѣ, въ этотъ самый день передъ вами сады апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ, осыпанныхъ настоящими апельсинами и настоящими лимонами. Ужъ не изъ милютиныхъ ли лавокъ это навезли сюда ихъ и развѣсили по вѣткамъ? — Нѣтъ, подойдите, посмотрите! Эти золотые и оранжево-золотые плоды дѣйствительные, и въ самомъ дѣлѣ сидятъ и дозрѣваютъ тутъ въ темнозеленыхъ, густыхъ и лоснящихся листьяхъ. Мы обѣдали съ студентомъ въ маленькой тавернѣ близъ моря, въ одномъ изъ маленькихъ городковъ, гдѣ перепрягали нашихъ лошадей. Гарсонъ за дессертомъ отправился прямо въ садъ; по пути выполоскалъ въ фонтанѣ салфетку и развѣсилъ ее на заборѣ; потомъ вытеръ руки, сорвалъ пять апельсиновъ съ низенькаго, свѣжаго, коренастаго деревца, и принесъ ихъ намъ въ подолѣ, прямо съ листьями и вѣточками. — „Когда они у васъ поспѣли?“ — „Уже въ январѣ; да мы не рвемъ всѣхъ!“ — „Отчего?“ — „Куда ихъ дѣвать! Видите сколько!“—сказалъ онъ, указывая на садъ, какъ иная наша беззубая, сѣдая ключница указываетъ въ урожайный годъ на густо-усыпанный плодами вишенникъ, который и взрослыхъ лакомитъ, и дѣтей подзадориваетъ, и воробьевъ манитъ съ утра до ночи. — „Да кромѣ того, для лучшаго вкуса мы иные плоды оставляемъ по два года на деревѣ. И странно: прошлогодніе апельсины выходятъ еще лучше, когда новые станутъ созрѣвать между ними! Такъ и выходитъ, что старые уже созрѣли, а новые между ними начинаютъ цвѣсти!“

Въ Ниццѣ мы пробыли нѣсколько долѣе. Это чисто земной рай, или скорѣе европейская оранжерея, теплица. Здѣсь теперь болѣе 800 человѣкъ русскихъ. Идешь по улицѣ — савояръ наигрываетъ и, выплясывая, насвистываетъ „камаринскую“. Вы остановились у магазина цвѣтовъ. Сзади васъ подходитъ толпа разряженныхъ дамъ. Вы думаете, что все это донны и синьоры. Ничуть не бывало. Это наши милыя калужскія и полтавскія барыни и барышни. Разговоръ идетъ по-русски: „Вы, мадамъ, знаете, чей это магазинъ цвѣтовъ?“ — „Нѣтъ...“ — „Ай, ай, ай! Да это Альфонса Карра, автора „Осъ“... Онъ самъ своею особою пріѣхалъ сюда, занялся и здѣсь коммерціей, имѣетъ тутъ чудную виллу на арендѣ, издаетъ тутъ своихъ „Guepres„

и каждый день его можно видѣть въ окно кафе-Американъ, гдѣ онъ длинный, сухой и съ сѣдою бородой, читаетъ газеты...“

— „Ахъ, очень радъ, медамъ“, — вмѣшивается, также по-русски, въ разговоръ незнакомокъ мой спутникъ-студентъ: — „я давно изъ Россіи, а здѣсь, говорятъ, у васъ и газеты русскія есть, и частыя сношенія съ Россіей. Нельзя ли здѣсь у кого-нибудь достать мнѣ, страннику, прочесть романъ Гончарова „Обломовъ“. Дамы съ недоумѣніемъ осматриваютъ его съ ногъ до головы и молча расходятся...

— „Александръ Сергѣевичъ, а посмотрите сюда!“ — говоритъ мнѣ мой сопутникъ, когда мы выбрались изъ Ниццы пѣшкомъ въ маленькую прогулку въ горы: — „вотъ картина, такъ картина!“

И дѣйствительно, между скалами, по гладкимъ пустырямъ, глушили исполинскіе, въ ростъ человѣка, кактусы, длинные, съ иглами, узловатые, игольчатые и въ видѣ какихъ-то тростей, точно иной разъ у насъ простоватые лопухи застилаютъ глухую поляну надъ прудомъ у сада. Кактусы, которые у насъ растутъ только за стеклами!

Уѣзжая изъ Ниццы, мы разговорились съ кондукторомъ-старикомъ, воевавшимъ за Италію еще при Карлѣ-Альбертѣ.

— „Бываетъ въ Ниццѣ снѣгъ?“

— „Въ десять лѣтъ иногда бываетъ, разъ или два..“

— „Какъ же онъ бываетъ?“

— „А вотъ какъ! Тутъ жилъ, лѣчился отъ простуды, одинъ вашъ землякъ, морской офицеръ, и при немъ былъ деньщикъ. Ну, офицеръ и поручилъ ему прибѣжать сказать, когда выпадетъ снѣгъ. Офицеръ этотъ прожилъ тутъ пять лѣтъ, выздоровѣлъ и не видалъ снѣгу. Разъ только пошли какія-то крупы, вѣтромъ, что ли, ихъ съ горъ понесло, деньщикъ и прибѣжалъ: „Капитанъ, говоритъ, снѣгъ идетъ!“ Но пока капитанъ вышелъ, крупы растаяли и кругомъ все зеленѣло, и розы цвѣли.“

Не могъ мой спутникъ не подтрунить и надъ княжествомъ Монако. Когда мы втянулись изъ Ниццы опять въ горы и пустились ихъ гребнемъ въ Генуу, это княжество, то-есть городокъ, съ собственнымъ своимъ княземъ, сталъ виденъ у ногъ нашихъ, въ долинѣ, на берегу моря. Кондукторъ сталъ что-то съ насмѣшкой шептать моему товарищу и толкать его подъ бокъ, а студентъ сталъ толкать меня. Дѣло было на имперіалѣ, наверху кареты.

— „Что, Александръ Сергѣевичъ, кондукторъ говоритъ, что у этого князя 800 душъ подданныхъ, и что онъ имѣетъ свой дворъ, свой штабъ и свое войско! Какъ это вамъ покажется! Вотъ сказать бы вашему сосѣду Андрееву, у котораго двѣ тысячи душъ крестьянъ, а ходитъ себѣ смиренно въ мерлушковомъ халатѣ, да больныхъ му-

жиковъ самъ лѣчитъ! Посмѣялся бы, я думаю, не мало этому княжеству, которое едва и въ микроскопъ отсюда увидишь...“

Мы мчались по пятнадцати верстъ въ часъ, на чудныхъ громадныхъ лошадяхъ, цугомъ: двѣ въ дышлѣ и три на выносъ безъ форейтора въ шорахъ, на однѣхъ возжахъ. Ночью слышалось только хлопанье исполинскаго бича съ козелъ; да громъ колесъ по бѣлѣющемуся шоссе, при блескѣ томной подруги всѣхъ мечтателей, луны, посреди мелькающихъ горъ и пропастей и въ запахѣ цвѣтущихъ померанцевъ и абрикосовъ. Опять заря, опять алыя пятна по горамъ. Ямщикъ, то-есть не нашъ, а здѣшній, въ широкой шляпѣ ла-Кавуръ, иной разъ затянетъ въ полумракѣ, перепрягая лошадей, пѣсню. Вслушаешься, чистѣйшій Маріо. Такъ и повѣетъ всѣми тонкостями Лучіи и Трубадура, повергавшихъ петербургскихъ любительницъ въ сладкіе обмороки очарованія... А иной разъ вдругъ земля налѣво и направо на грядахъ и маленькихъ пашняхъ пойдетъ красная, какъ шафранъ. „Это что такое?“ — „Это, какъ слѣдуетъ“,—говорятъ вамъ,—„это самая плодородная почва!“

Но вотъ и Генуа, гдѣ въ минувшемъ году было столько воинственнаго шуму и движенія.

— „Вотъ городъ“,—заключилъ мой спутникъ, обозрѣвая его съ вершины мраморной церкви Воскресенія,—„на который особенно изливается краснорѣчіе такъ называемыхъ „путешественниковъ ради памятниковъ“ или обозрѣвателей монументовъ всякаго рода!“

— „А что, вы не любите этого рода туристовъ?“

— „Боже упаси отъ нихъ! На цѣлыхъ страницахъ описываютъ какую-нибудь трещину въ конюшнѣ Калигулы, когда и самъ Калигула не стоитъ трехъ буквъ въ исторіи Кайданова! А иные еще между памятниками ударяютъ на описаніе природы. Кто не видалъ этихъ памятниковъ, изъ описанія ихъ не пойметъ, а кто видѣлъ... скажетъ: да, это любопытно; но люди, среди которыхъ стоятъ эти гробовые мраморы и граниты, право любопытнѣе ихъ самихъ. Напримѣръ, подобный господинъ пріѣдетъ и сейчасъ бухъ въ обморокъ отъ собора въ Миланѣ; всталъ и давай его размазывать. Напуститъ столько скуки, что не озѣваешься за цѣлый день, прочитавши его разсказъ! А замѣтилъ ли онъ у подножія этого собора оборваннаго голыша, съ протертыми локтями? Узналъ ли онъ, прослѣдилъ ли онъ его жизнь? Прочелъ ли онъ на углу переулка, насупротивъ этого собора, уморительно-простодушную, бѣдную умомъ, но и чуждую напряженности афишу, съ каррикатурой народа на современную политику? Нѣтъ, Генуи я потому боюсь, что о ней слишкомъ много писали эти туристы памятниковъ!“

Изъ Генуи мы выѣхали снова моремъ, на винтовомъ неаполитан-

скомъ пароходѣ, въ ночи, за день до знаменитыхъ выборовъ народа въ Тоскану. Море покачивало. Въ общей каютѣ сидѣли у стола двѣ дамы венеціанки, въ черномъ, одна молодая, красивая, съ пышными волосами и ясными, большими, черными глазами, а другая сѣдая старуха. Онѣ всю ночь не спали, сидѣли молча, ни съ кѣмъ не заговаривая и изрѣдка вздыхая.

— „Куда вы ѣдете?“—спросилъ я ихъ передъ разсвѣтомъ.

— „Бѣжимъ изъ отечества, изъ Венеціи...“

— „Куда?“

— „Въ Тоскану...“

— „Отъ австрійцевъ?“

— „Да... Наша вся молодежь, даже десятилѣтніе мальчики бѣжали и бѣгутъ въ Сардинію!“—заключила старуха:—„двое моихъ сыновей убѣжали во Флоренцію, я болѣе полугода не получала отъ нихъ писемъ, думала, что они погибли, узнала, что австрійская полиція письма вскрывала и сожигала, и рѣшилась съ нею... съ дочерью моею... тоже ѣхать изъ бѣдной Венеціи! Ахъ, мосье, что за жизнь теперь въ нашей несчастной Венеціи!“

Гарсонъ при буфетѣ парохода былъ сардинецъ, изъ волонтеровъ, отслужившихъ знаменитую кампанію съ Гарибальди и раненый подъ Сольферино. Онъ намъ разсказывалъ о походахъ въ горахъ, называлъ Гарибальди великимъ человѣкомъ и кончилъ словами: „когда же мы услышали объ отреченіи этого великаго героя, мы сказали: наше дѣло кончено, и многіе изъ насъ рѣшились переселиться въ Америку. Поѣхалъ и я, да не доѣхалъ... У Гибралтара корабль нашъ разбило. Я выскочилъ изъ воды въ одной рубахѣ Пропали мои бумаги, деньги, все. И вотъ, господа, я теперь вамъ служу за столомъ... Я очень радъ вамъ служить; но наше время воротится, и мы еше увидимъ великую бороду передъ безбородыми тедесками...“ Великая борода, разумѣется, былъ все тотъ же Гарибальди.

Въ углу общей каюты сидѣлъ въ широкой, черной шляпѣ и въ башмакахъ съ пряжками винодѣлъ изъ Венеціанской области, купецъ и землевладѣлецъ вмѣстѣ. Всю ночь отъ него не отходилъ мой пріятель, студентъ. Они толковали о Россіи, и купецъ все его разспрашивалъ о ходѣ нашего крестьянскаго вопроса.

— „Вотъ какъ здѣсь слѣдятъ за нашими дѣлами!“—сказалъ мнѣ утромъ студентъ:—„онъ знаетъ даже по фамиліи главныхъ изъ членовъ, руководящихъ у насъ крестьянскимъ вопросомъ! Только что меня изумило: онъ австрійцевъ не совсѣмъ бранитъ, говоритъ, что съ ними ничего, управишься; что ему не надо Италіи, лишь бы ему спокойно было, а то вотъ, говоритъ, теперь цѣны на вино упали,

плохо, нечѣмъ жить, и все удивлялся, что у насъ такъ мы сами горячо взялись за дѣло крестьянскаго вопроса...“

— „Что же вы ему на это?“

— „Я ему сказалъ: берегитесь, вы въ опасности! Онъ поблѣднѣлъ, чуть не вскочилъ. А что? говоритъ. Если, говорю, услышитъ васъ этотъ гарибальдинецъ, онъ васъ за бортъ выкинетъ... Купецъ всталъ, перешелъ къ дамской каморѣ и уже не отходилъ отъ нея.“

Мы въ Ливорно, то-есть въ Тосканѣ.

Едва ступили на берегъ, намъ стали тыкать въ руки прокламаціи. Что это? Объявленія всякаго рода передъ роковою всемірною подачею голосовъ.

И мы пошли изъ отеля толкаться по тихимъ еще улицамъ. Это было въ субботу, 10-го марта. Но 11-го съ утра было иное...

Народъ толпами стоялъ на площадяхъ и перекресткахъ. Въ четырехъ частяхъ города и въ одномъ изъ предмѣстій, входящемъ въ черту его, были открыты собранія для подачи голосовъ. Мы пошли на главную городскую площадь, Piazza d'Arme. Тутъ уже не было возможности протолкаться. Десятки тысячъ народа толпились здѣсь и по окрестнымъ улицамъ. Національная гвардія, въ синихъ кафтанахъ и сѣрыхъ брюкахъ, подъ ружьемъ, оберегала ратушу, hotel de ville. какъ ее здѣсь зовутъ. Когда мы пришли кое-какъ къ послѣдней, ея окна увѣшаны были до четвертаго этажа гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ. Собственно зала присутствія ея во второмъ этажѣ, куда ведетъ наружная широкая каменная лѣстница. Солдаты стояли у дверей вверху и внизу у лѣстницы, впуская снизу изъ толпы по тридцати человѣкъ на лѣстницу. Въ залѣ изъ вошедшихъ допускали къ столу по пяти человѣкъ въ разъ. Меръ города, маркизъ д'Аначіоло, сидѣлъ за столомъ, предъ деревянной урной, собственно четыреугольнымъ ящикомъ. Дежурный чиновникъ ратуши держалъ руку надъ отверстіемъ урны. Подходящаго спрашивали объ имени, свѣряли это имя со спискомъ избирателей по алфавиту, и меръ говорилъ: „Вы можете бросать билетъ; откройте ему урну!“ Чиновникъ отнималъ руку отъ отверстія и избиратель бросалъ письменный или печатный билетъ. Это мы все узнали въ три, четыре минуты, стоя въ толпѣ. Глаза всѣхъ устремлены были на дверь и окна ратуши. Тишина на площади была изумительная, сравнительно съ числомъ народа и съ цѣлью собранія этихъ потомковъ Гракховъ и Цицерона. Изрѣдка въ толпѣ раздавался отдѣльный громкій говоръ или споръ. Но остальные начинали шикать или просто окликали „баста!“ — „молчать!“ и мигомъ все стихало. Петръ Ильичъ сталъ шептаться съ какимъ-то длиннымъ монахомъ. По движенію блѣдныхъ губъ послѣдняго я догадался, что разговоръ шелъ о судьбѣ Тосканы. Монахъ передалъ ему, что за два дня до

этого болѣе зажиточные жители Ливорна и Флоренціи напечатали на свой счетъ и стали раздавать бѣднымъ жителямъ билетики для объявленія своего желанія о присоединеніи или неприсоединеніи къ Сардиніи. Иные печатали двѣ, другіе три и четыре тысячи. На билетикахъ противнаго Сардиніи мнѣнія значилось: *„Regnum separatum.“* На билетикахъ партіи прогресса было напечетано. *„Unione alla monarchia constituzionale del Re Vittorio Emmanuele.“* Монахъ протянулъ руку къ двумъ, тремъ изъ толпы и взялъ у нихъ намъ на показъ билетики. Это были уніонисты. У одного надпись соединенія была отпечатана на гербѣ Сардиніи, въ сѣромъ крестѣ на красномъ щитѣ, окаймленномъ зеленымъ ободкомъ. У другого та же надпись была отпечатана просто на бумагѣ, покрытой тройнымъ цвѣтомъ Италіи, полосами: красною, бѣлою и зеленою. У третьяго на билетикѣ красовалась сама Италія, въ видѣ героя, съ золотымъ знаменемъ, на которомъ отпечатаны были тѣ же слова соединенія...

Мы стали вглядываться въ толпу. Таинственная народная поэма, влекущая къ себѣ въ настоящую минуту взоры всей Европы, читалась нами воочію, въ подлинникѣ цѣликомъ...

Это не была, господа, Италія 1848 года, Италія Гверацци и Мадзини, Италія красныхъ клубовъ и уличныхъ грабителей, строившихъ сегодня баррикады противъ герцоговъ, а завтра за герцоговъ противъ предводителей самаго народа. Мы не видали ни зловѣщихъ знаменъ террора, ни краснаго колпака, взятаго на топоръ. Продажные фигляры не били себя въ грудь, заклиная толпу идти за собою къ оскорбленію сосѣдей и къ дѣлежу чужой собственности. На всѣхъ углахъ прибиты были сотни воззваній, гдѣ, послѣ завѣтныхъ словъ: „Livornesi!!!“ или „Concittadini!!“—говорилось: „Довольно намъ мечтать объ отдѣльныхъ республикахъ, крошечныхъ княжествахъ и маленькихъ отдѣльныхъ политическихъ самолюбіяхъ. Довольно намъ увлекаться золотыми философскими утопіями. Обратимся къ дѣйствительности. Италія раздробленная—это Италія бѣдности, униженія, мѣщанскихъ дрязгъ, общаго тупоумія, лѣни, неподвижности, междоусобій всякаго рода и общаго разсѣянія. Италія должна соединиться, чтобъ стать сильной, чтобъ пойти по пути прогресса. Италія была, Италія есть и будетъ. Небо указываетъ намъ ближайшій практическій путь...“ Кругомъ, вдоль четырехъ сторонъ площади и особенно передъ зданіемъ ратуши, стояли городскія дамы и дѣвицы, и женщины простого сословія. Всѣ были разряжены и молча смотрѣли на роковую дверь. Только у каждой на груди или на плечѣ былъ наколотъ билетъ, подобный тѣмъ, которые несли къ урнѣ избиратели. Нечего было вглядываться въ эти дамскія знамена: слова каждаго начинались магическою строкой *Unione alla monarchia constituzionale.* Я говорю, не-

чего было вглядываться, потому что все, начиная отъ оконъ магазиновъ, до надписей названій улицъ, говорило объ этомъ. Купцы выставляли портретъ Виктора-Эммануила въ костюмѣ зуава, съ надписью: „Le nouveau caporal des Zouaves, premier soldat de l'indépendance Italienne." А улицы переименованы уже давно и старыя доски съ ихъ именами на углахъ замѣнены другими. Улица Фердинанда въ Ливорнѣ называется теперь улицею Виктора-Эммануила; улица Grand Principe названа Сольферино; улица Маріи-Антоніи — Манджента; улица великаго герцога Леопольда названа улицею Риккасоли, теперешняго правителя Тосканы. Мимо насъ проталкивались мальчишки лѣтъ по десяти и осьми. И у нихъ на шапкахъ приколоты были надписи: „Unione alla" и т. д.

„Италія въ лицѣ Тосканы, синіоры, хочетъ теперь показать Европѣ, что она созрѣла и поняла рядъ горькихъ опытовъ, посланныхъ ей судьбою!" — сказалъ намъ старикъ-книгопродавецъ, узнавши, что мы русскіе.

— „Боже, еслибъ ваша родина увидѣла насъ теперь и оцѣнила наше терпѣніе! Вѣдь это, господа, чернь, дикая и увлекающая вездѣ чернь... А посмотрите, какъ она идетъ вотировать — точно исповѣдываться въ храмъ!" — продолжалъ старикъ, протирая очки: — „Я многое здѣсь видѣлъ! Я видѣлъ здѣсь красныхъ въ 1848 г. Они только намъ нагадили. Это были все подлецы и обманщики, безъ средствъ и дарованій, съ одною крѣпкою глоткой... А теперь, посмотрите на этихъ дамъ, на этихъ дѣтей, на этихъ избирающихъ... Вглядитесь въ эту толпу! Вы ее не знаете, а я знаю... Вотъ сынъ погребщика; въ будни онъ носитъ блузу и красную беретту, колпакъ, а теперь онъ надѣлъ фракъ, бѣлый галстухъ и шляпу, и смотрите, идетъ съ своимъ билетикомъ, какъ подъ вѣнецъ. Вотъ, оборванный нищій-старикъ, босикомъ и въ бумажной шали, и тотъ идетъ класть голосъ въ голоса міра. Сегодня тутъ провезли мимо меня на телѣгѣ пятерыхъ больныхъ изъ богадѣльни: и тѣ хотѣли непремѣнно идти, положить свой голосъ... Нищіе, старики, больные, дѣти, молодые люди — всѣ мы теперь за одно: мы научились горькимъ опытомъ, и обдуманно, тихо идемъ теперь къ своей цѣли!.."

Онъ не договорилъ. Толпа засуетилась и раздвинулась. На крыльцо ступилъ щегольски одѣтый господинъ съ дамою и пошелъ въ залу. — „Кто это?" — спросилъ я. — „Это англійскій консулъ! Онъ попросился присутствовать здѣсь, какъ частный человѣкъ..."

Толпа вотировала весь день воскресенія, 11-го числа, и съ утра до пяти часовъ вечера 12-го. Мы ходили по улицамъ. Вездѣ было чинно. Только въ окнахъ магазиновъ кое-гдѣ выглядывали каррикатуры на австрійцевъ, да брошюры и афиши, съ заглавіями: *Il funerali dell'*

impero Austriaco, morto di gangrena. Мой пріятель-студентъ отправился въ кукольную комедію близъ почтамта, гдѣ арлекинъ и пьерро побивали тедесковъ. А я сѣлъ на скамьѣ, на площади у мраморной статуи, гдѣ всегда играютъ дѣти. Былъ чудный вечеръ. Дѣти по прежнему бѣгали по кремнистому шоссе чудной площади, играли въ бары, перекидывались камешками и апельсинами, хохотали и не подозрѣвали, какую судьбу готовила имъ въ будущемъ отчизна въ эти мгновенія...

Въ сосѣдней улицѣ послышалось какое-то движеніе. Я всталъ и наткнулся на торжественное шествіе избирателей съ урной изъ предмѣстья, изъ села Арджента. Идя шагъ за шагомъ, съ знаменами и музыкой, толпа молча, безъ всякихъ возгласовъ, несла урну своего участка для присоединенія къ другимъ урнамъ въ ратушу, гдѣ между тѣмъ особою коммиссіею отъ народа, при свидѣтеляхъ и подъ начальствомъ мера и губернатора, окончательно считались и повѣрялись голоса...

Вообразите общій восторгъ, когда за присоединеніе къ Сардиніи оказалось 22,000 голосовъ, а противъ присоединенія около 200...

Городъ мгновенно покрылся флагами. Толпа зажгла факелы и пошла по улицамъ, съ пѣснями и музыкой.

По отчету полиціи, при этомъ „не сдѣлано ни одного неприличія и ни одного проступка противъ нравственности и общаго уваженія къ торжеству минуты“, какъ выражался одинъ изъ бюллетеней губернатора.

P. S. Сегодня, 14-го марта, воротившись изъ Флоренціи въ Ливорно, я засталъ въ городѣ снова флаги Италіи въ окнахъ всѣхъ домовъ. На рейдѣ палили изъ пушекъ и корабли убраны были флюгерами. На площади, передъ домомъ губернатора, стояла молча громадная толпа, слушая музыку. Оркестръ гренадерскаго полка игралъ увертюру Фенеллы. Ливорнцы, подобно всей Тосканѣ, праздновали день рожденія короля Сардиніи. Еще слово. Въ городѣ, на углахъ улицы явилась прокламація извѣстнаго Гверацци, который недавно ругалъ Сардинію, ея министерство и короля, а теперь говоритъ: „Сардинія молодецъ, и ея король и графъ Кавуръ еще лучше! Соединяйтесь съ ними!“—Афишу эту изорвали вездѣ, оплевали и исписали примѣчаніями такого рода: „ты, Гверацци, насъ увлекалъ буянить въ 1848 г., а теперь метишь прислужиться нашему будущему правительству! Собака ты и негодяй, и не показывай сюда глазъ. — Ливорнцы.“

IX.

Венеція.

14/2-го апрѣля, 1860.

Кто испыталъ таможенныя притѣсненія въ Неаполѣ и въ Римѣ, тому нипочемъ всякія другія дорожныя непріятности. Такъ думалъ я, переѣхавши снѣжныя вершины римскихъ Аппенинъ и печальными, запустѣлыми долинами Романьи приближаясь отъ Флоренціи къ Болоньѣ. Дикость и бѣдность этой части отошедшихъ отъ Папской области владѣній таковы, что въ иныхъ локандахъ по дорогѣ, въ то время, какъ дилижансъ останавливался, не было возможности достать глотка чистой воды и куска свѣжаго хлѣба. Люди и свиньи тутъ живутъ вмѣстѣ, а безчисленное множество праздниковъ и поборовъ для духовенства оторвали всѣ лучшія рабочія силы отъ плодоносныхъ полей. Мрачнѣе этихъ горъ и долинъ, съ темными озерами и жесткими корчавыми кустиками, я не видалъ ничего подобнаго. Бѣлое шоссе, извиваясь между ущельями и рёбрами голыхъ скалъ, въ виду молчаливыхъ громадныхъ вершинъ, увѣнчанныхъ снѣгами, одно придаетъ здѣсь видъ разнообразія мѣстностямъ, во вкусѣ ландшафтовъ суроваго Сальватора-Розы. Римскій мальпостъ также тѣсенъ и невыносимъ, какъ и неаполитанскій. Хуже ихъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Пока эта желтобокая и желтопузая дыня, или скорѣе, нелѣпая продолговатая тыква, знакомая намъ по украинскимъ разсказамъ Нарѣжнаго, тащилась по узенькой ленточкѣ плохого шоссе, на каждомъ спускѣ, въ нѣсколько аршинъ склона, тормозя свои колёса, едва встрѣчался подъемъ въ гору, откуда-то съ боку, изъ ущелья, какъ изъ норы, выползали пары воловъ и впряженныя впереди лошадей тащили тыкву на цѣпяхъ. Едва городокъ, и опять досмотры паспортовъ и клади. Наконецъ мы въѣхали въ долину викаріатства, отпавшаго отъ папы. Это дали намъ почувствовать, на первомъ же перевалѣ, огромныя разноцвѣтныя афиши, приклеенныя на каждомъ шагу, изъ которыхъ каждая начиналась уже завѣтными словами: „Regnando Vittorio Emmanuell.“ Наконецъ колеса тыквы застучали, въ сумеркахъ, по улицамъ обширнаго, ярко-освѣщеннаго газомъ города, гдѣ вдоль всѣхъ улицъ, непрерывною крытою галереею шли такіе же каменные портики, какъ у насъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, крытые корридоры гостиныхъ дворовъ. Это здѣсь собственно крытые троттуары, причемъ, надъ безконечной вереницей сквозныхъ аркадъ, идутъ вторые этажи домовъ. Толпа весело сновала по улицамъ. Въ освѣщенныхъ окнахъ магазина выставлялись тысячи блестящихъ товаровъ. „Какой это городъ?“ —спросилъ я кондуктора.

„Болонья, синьоръ! Наша свободная Болонья! Вотъ домъ нашего временного правительства, вотъ нашъ соборъ, а вотъ домъ нашего знаменитаго композитора Россини, который, впрочемъ, въ послѣдніе годы папскаго владычества здѣсь, бросилъ свою родину и живетъ въ Парижѣ!..“

Въ Болоньѣ дышется уже всею широтою груди. На утро трактирный гарсонъ отдалъ намъ отчетъ, что въ Тоскану и Романью уже вступили сардинскія войска, а здѣшнія отправились въ Ломбардію, что король сардинскій уже принялъ присоединеніе областей Эмиліи, что здѣсь уже произошли выборы въ новый соединенный парламентъ Турина, что выбранные депутаты уже отправились вчера въ Сардинію, и что вся новая, возрожденная сѣверная Италія торжествуетъ. Этого мы ничего не знали въ Римѣ, гдѣ только глухо поговаривали о томъ, что вотъ, дескать, Викторъ-Эммануилъ намѣренъ принять присоединеніе Эмиліи, что папа ему грозитъ отлученіемъ отъ церкви, и чуть ли это отлученіе не готово къ подписи въ Ватиканѣ.

— „А какъ папа отлучитъ вашего короля отъ церкви?“—спросилъ я гарсона.

— „И пусть отлучаетъ! Это уже старая пѣсня! Онъ самъ по себѣ, то-есть нашъ папа—добрый человѣкъ; да кардиналы его допекаютъ, особенно этотъ Антонелли, когда изволите знать! Вѣдь у каждаго кардинала есть на кормленіи своя провинція или свой городъ; ну, коли провинція отпала, значитъ денегъ негдѣ уже взять; ну, и сбиваютъ нашего добраго Пія IX. Да только врядъ-ли это отлученіе ему пройдетъ даромъ. У насъ, въ Романьѣ, народъ такъ озлобился противъ кардиналовъ, что, повѣрите ли?—(тутъ сѣдовласый гарсонъ оглядѣлся по комнатѣ!)—повѣрите ли... пересталъ ходить даже въ церкви... Такъ развѣ тутъ отлученіе подѣйствуетъ?.. Да у насъ ни одинъ аббатъ не рѣшится и прочесть этого отлученія, хотя бы изъ Турина и позволили это дѣлать... Сказано, теперь для насъ, что кардиналъ, что австріецъ, что продажный неаполитанскій солдатъ—все одно, и не подходи! Да тедески еще и лучше тѣхъ двухъ, а уже римскіе монахи да неаполитанскіе солдаты... хуже ихъ нѣтъ ничего! Вѣдь неаполитанское войско все изъ лаццарони; наемщикъ, какъ есть! Въ 1848 году эти лаццарони утромъ построили въ Неаполѣ баррикады противъ короля, вечеромъ ихъ продали и стали стрѣлять по своимъ коноводамъ! Сказано, продажныя души! А у насъ, синьоръ, не то: у насъ будетъ начальникомъ Гарибальди...“

— „А гдѣ теперь Гарибальди?“

— „Въ Туринѣ, синьоръ, въ Туринѣ; его выбрала теперь своимъ депутатомъ Ницца, и нашъ герой теперь въ простомъ сюртукѣ поѣхалъ

сидѣть на скамейку депутатовъ... Говорятъ... да, нѣтъ... я боюсь говорить..."

— „Ничего, ничего!.. пожалуйста, что̀ такое?"

Гарсонъ пошелъ къ двери, заглянулъ въ нее, заперъ, воротился и продолжалъ шепотомъ:

— „Видите ли, я при австрійцахъ сидѣлъ три раза въ темной, на селедкахъ и безъ воды, и мёлъ улицы за свой языкъ... Что̀ дѣлать? Родина! Вѣдь я былъ въ сношеніяхъ еще съ Сильвіо-Пеллико... Э! герой тоже былъ! Замучили его теперь. Это отецъ по духу Гарибальди... Ну, такъ что же я хотѣлъ вамъ сказать?.. Да, говорятъ, что когда Викторъ-Еммануилъ возьметъ и Римъ этимъ лѣтомъ, къ осени, то столицу перенесутъ въ Капитолій. Наше сборное королевство назовутъ новою римскою имперіей, а изъ монаховъ, которыхъ въ Римѣ болѣе, чѣмъ прочихъ жителей, Гарибальди подѣлаетъ солдатъ..."

— „Хороши будутъ солдаты; вѣдь они не знаютъ обращаться съ оружіемъ."

— „А! Это для гарнизона, синьоръ, для гарнизона ихъ подѣлаютъ солдатами, не болѣе..."

Такъ объяснялся гарсонъ, бывшій въ сношеніяхъ съ героемъ страждущей Италіи, Сильвіо-Пеллико. А во Флоренціи мнѣ прямо объявилъ мой театральный сосѣдъ по одному изъ представленій въ оперной залѣ Пергола: — „Видите ли, какъ мы думаемъ, по поводу этого отлученія, пришедшаго къ намъ вчера изъ Ватикана! Пій IX думаетъ, что онъ также можетъ быть могущъ и страшенъ, какъ тотъ папа, кажется, Григорій, отлучившій нѣкогда нѣмецкаго императора Генриха и заставившій его прійти босикомъ къ своей двери умолять о прощеніи, въ дырявомъ рубищѣ и съ головою, покрытою пепломъ. Пусть онъ помнитъ, что тотъ же еще нѣмецкій императоръ и въ тѣ еще отдаленные вѣка одумался и пошелъ съ войскомъ на своего судью-отлучителя, и еслибы не норманнъ Робертъ Гюискаръ, призванный папою на помощь, то плохо бы ему пришлось. Да наконецъ припомните — извините! я можетъ быть не вполнѣ ясно помню эту исторію! припомните, что защитникъ-то этотъ, Робертъ Гюискаръ, также пощипалъ своего защищаемаго и порядкомъ потормошилъ и ограбилъ Римъ... А теперь, послѣ недавняго плѣна двухъ предшественниковъ этого добраго, Пія IX, прямо взятыхъ въ Римѣ, въ раззолоченныхъ покояхъ квиринала и отвезенныхъ во Францію, въ революцію 1792 года, и потомъ по приказу перваго Наполеона, что стоитъ будетъ *отлученному* грѣшнику Виктору-Эммануилу явиться въ тотъ же Ватиканъ или просто послать для этого того же другого *отлученнаго* грѣшника Гарибальди, уже знакомаго съ римскими улицами, какъ съ своими пятью пальцами, еще по 1848 г., и отослать Пія IX безъ дальнѣйшихъ

околичностей, въ Мадридъ, въ Іерусалимъ, или хоть къ его пріятелю, королю неаполитанскому? Чтò вы на это скажете, синьоръ? Да я первый для этого, какъ таковой же отлученный, стану въ отрядъ простымъ солдатомъ, если этому отряду дадутъ такое порученіе!.. А! постойте, слушайте! началась хорошенькая арія! Каковъ нашъ театръ! А въ Римѣ такого нѣтъ! Все кардиналы не позволяютъ..."

По Флоренціи, со смѣхомъ и прибаутками, толпа газетныхъ разсыльныхъ разносила при мнѣ папское отлученіе. Мальчишки бѣгали за ними въ-запуски, вертѣлись кубаремъ, покупали огромныя бѣлыя афиши съ отлученіемъ, прорывали въ нихъ дыры для рукъ, надѣвали на себя эти „отлученія" въ видѣ жилетовъ, колпаковъ, куртокъ и панталонъ, и расхаживали такъ предъ дворцомъ Питти и, въ толпѣ разряженныхъ щеголей и дамъ, по площади, предъ знаменитою Флорентинскою галереею.

— „Это тѣ же папскія индульгенціи!" —слышалось въ толпѣ прелестныхъ эминенти: —„Что значитъ двуличіе и натянутость! Тамъ за деньги продавалась совѣсть пасомыхъ; здѣсь изъ-за земныхъ разсчетовъ продается собственная совѣсть. И какъ мало нужно было Лютеру, чтобы однимъ дуновеніемъ тогда разрушить подобный карточный домикъ!.. А теперь въ каждомъ дитяти эти слѣпые люди создаютъ себѣ Лютеровъ... Бѣдный папа, бѣдный Пій IX! Это ли герой 1847 года? это ли любимецъ народа, въ 1848 году, слушавшій откровенія старика Чичероваккія?.. Какъ скоро миновала эта любовь и эти очарованія!.."

А разносчики мрачнаго „отлученія" вскрикивали на всѣ лады:

— „Вотъ „римская хлопушка" для мухъ, синьоры и синьорины! кому весело, пусть купитъ, прочтетъ, и ему станетъ еще веселѣе!

— „Кто дастъ всего два байокка, смѣло можетъ купить себѣ право на отлученіе отъ Рима! Да здравствуетъ отлученіе и Лютеръ!"

— „Вотъ, господа, веселый листокъ; вотъ дорога къ блаженству; вотъ смѣхъ за два байокка, вотъ дружба съ Гарибальди; вотъ первая страница нашей новой исторіи!.."

Такъ потѣшалась шаловливая Флоренція, этотъ прелестный лучшій ребенокъ Италіи, скинувши съ себя австрійскія пеленки и во всевозможныхъ проказахъ расправляя свои отерпнувшія долгимъ гнетомъ усердной нянюшки руки и ноги. И грозное отлученіе весело покупалось и разносилось въ карманахъ даже тѣми, которые съ Иваномъ Александровичемъ Чернокнижниковымъ, глубоко-уважаемымъ мною поэтомъ, украсившимъ одинъ намъ знакомый альбомъ, могли сказать:

„Мы явились къ тебѣ издалека,
Посмотрѣть на владѣнья твои...
Нѣтъ въ карманѣ у насъ ни байокка..." и т. д.

Я зашелъ въ магазинъ знаменитыхъ флорентинскихъ соломенныхъ издѣлій купить шляпу. Продавецъ, взявши деньги, завернулъ проданную мнѣ шляпу въ два листа того же папскаго отлученія. Въ кабинетѣ для чтенія, близъ Hôtel de la Grande Bretagne, недалеко отъ Lungo-Arno, я встрѣтился съ петербургскимъ актеромъ, г. Б***, недавно оставившимъ Россію. Онъ спѣшилъ въ Неаполь:

— „Что, тепло теперь въ Неаполѣ, давно уже началась тамъ весна?"—спрашивалъ онъ.

— „Да, весна давно началась. Тамъ уже новая пшеница выше колѣнъ и лёнъ отцвѣлъ, что бываетъ у насъ на югѣ Россіи только въ концѣ іюля. Тепло-то, тепло тамъ, да скверно жить... Только и видишь въ Неаполѣ нищихъ да солдатъ, а въ Римѣ солдатъ да монаховъ,—длинными процессіями ходятъ на всѣхъ переулкахъ..."

Въ это время съ улицы раздался веселый хохотъ. Толпа студентовъ, взявшись за руки, шла и распѣвала національный гимнъ. Я невольно перенесся мысленно къ былой судьбѣ той же Флоренціи, гдѣ нѣкогда также царили мракъ и терроръ, и мнѣ пришли на умъ звучные стихи автора Савонароллы:

„Въ столицѣ Медичи счастливой,
Справлялся странный карнавалъ..."

Времена настали другія. Римъ и Неаполь пустѣютъ, а юная Италія Кавура и Гарибальди, подъ знаменами Виктора-Эммануила, цвѣтетъ и оживляется небывалою красотою и весельемъ.

Въ театрѣ Пергола давали „Севильскаго Цирюльника." Разряженная и пышная публика въ ложахъ и креслахъ рѣшительно почти не слушала пѣнія и шепотъ ея разговоровъ превращался постоянно въ гудѣніе самаго бойкаго весенняго роя пчелъ.

— „Неужели у васъ такой обычай?"—отнесся я чрезъ барьеръ къ капельмейстеру.

— „Э, синьоръ! Теперь такія времена мы переживаемъ, что поневолѣ языкъ рвется говорить. Вонъ и я въ первомъ актѣ размахался смычкомъ, а суфлеръ колотитъ мнѣ въ будочку и подалъ оттуда бумажку. Смотрю, письмо! Распечаталъ, а пріятель мнѣ пишетъ изъ кофейни по сосѣдству, что пришли новыя газеты съ пароходомъ изъ Франціи, что Англія и Пруссія не будутъ противиться нашему соединенію съ Піемонтомъ, и признаютъ за нами право совершившагося дѣйствія... Такъ какъ же тутъ не говорить? Я едва домахался своей палочкой, передалъ письмо свое скрипкамъ, тѣ—флейтамъ, флейты—барабанамъ, а теперь уже письмо въ ложѣ моей жены, въ третьемъ ярусѣ — видите, какая куча столпилась въ той ложѣ! Это читаютъ записку моего пріятеля изъ кофейни! Гдѣ же тутъ слушать музыку?.."

Изъ Болоньи идетъ уже по всей сѣверной Италіи сѣть желѣзныхъ дорогъ. Я и спутникъ мой, русскій студентъ медицины по парижскому университету, пересѣли въ спокойные вагоны и помчались въ Венецію. Я забылъ сказать, что семейство русскихъ, генералъ Л. съ своей свояченицей, мои спутники по Берлину и Парижу, нашли насъ въ Неаполѣ, у новыхъ кратеровъ на Везувіи и, сообща намъ свои похожденія по Италіи, ѣздили съ нами также въ Римъ. Но это передается мною въ особомъ письмѣ о Римѣ и Неаполѣ. И такъ, мы съ студентомъ отправились черезъ Александрію и Миланъ въ Венецію, чтобы посѣщеніе Турина оставить отдѣльно себѣ, такъ сказать, на закуску.

И вотъ мимо дверецъ нашихъ понеслись снова плоскія равнины, съ квадратиками виноградныхъ и шелковичныхъ садовъ, съ отдѣльными виллами и городками, бѣлѣющими издали и вблизи изъ молодой зелени распускающихся рощъ и новыхъ садовъ. Бородатые кондукторы стали выкликать на станціяхъ интересныя имена:

— „Модена, синьоры, Парма! Кому нужно вставать въ Пармѣ? Скорѣе!.. Двѣ минуты остановки!“

— „Пьяченца, Страделла, Вогерра!..“

Дорожные собесѣдники по вагону, между тѣмъ, пускались безъ устали въ разговоры. Поминутно, по указанію спутниковъ изъ мѣстныхъ жителей, толпа бросалась къ окнамъ, и какой-нибудь чумазый и черный, какъ жукъ, весь заросшій волосами фермеръ, или молоденькій берсальеръ, побывавшій въ Крыму, а теперь украшающій своею широкою шляпою, съ черными перьями, кантониръ-квартиры на мѣстѣ прошлогоднихъ битвъ, какъ нѣкогда украшалъ собою страницы иллюстрацій, по стычкѣ у Малахова Кургана, начинаютъ объяснять:

— „Вотъ, господа, Кастеджіо!.. Смотрите, вотъ это все поле, между этими тихими теперь виноградниками и шелковичными деревьями, было въ прошломъ году покрыто трупами нашихъ, трупами французовъ и многими, многими трупами австрійцевъ! Вотъ отъ этой долинки, чрезъ эти ручьи шли французы, а по этимъ домикамъ, до послѣдняго чердака и слухового окна, засѣли австрійцы... Но мы ихъ выбили, мы ихъ выбили, синьоры, и по кровавой рѣкѣ вошли въ этотъ городокъ! Самъ императоръ уже за насъ боялся, будучи далеко отсюда... Но какой-то генералъ махнулъ знаменемъ, мы вспомнили, что послѣдній часъ насталъ, что осталось или побѣдить и стать свободною Италіей, или пойти въ австрійскіе рудники, ринулись впередъ, и побѣдили...“

Мелькнула Александрія.

— „Тутъ, въ сторону, синьоры, идетъ вѣтвь желѣзной дороги въ городокъ Акви, говорилъ намъ старикъ-фермеръ, державшій на колѣняхъ розовое дитя, которое у него уже второй часъ спало подъ громъ

и свисты локомотива: въ этомъ городкѣ, въ минувшее лѣто, жилъ временно Кошутъ и устраивалъ свой легіонъ венгерскихъ волонтеровъ. У него было уже пять тысячъ отборныхъ юношей, когда грянула вѣсть о мирѣ въ Виллафранкѣ. Онъ у меня покупалъ для отряда хлѣбъ и мясо.“

Когда мы проѣзжали мимо Пармы, откуда передъ войной бѣжала герцогиня, и кто-то упомянулъ имя полковника Анвити, убитаго послѣ войны толпой въ кофейнѣ, никто изъ ѣхавшихъ въ вагонѣ не одобрилъ буйства черни.

— „Страшно было видѣть, господа“,— продолжалъ тотъ же фермеръ: — „какъ толпа красныхъ колпаковъ издѣвалась надъ тѣломъ измѣнника за прежнія его подлости! страшно! я самъ въ это время былъ въ Пармѣ и видѣлъ дѣло своими глазами... Вообразите, его почти живого рѣзали на части... Душа содрогается за человѣка! Но, подумайте, вѣдь это чернь, звѣри; а этотъ звѣрь, если его убійцы были свирѣпыми волками, былъ хуже гіены, вырывающей тѣла мертвецовъ изъ могилъ на съѣденіе... Онъ ѣлъ плоть и духъ живыхъ людей, продавая чужеземцамъ свое отечество!“

Предъ въѣздомъ въ Миланъ, когда какая-то дама, нагнувшись къ мужу, спросила, глядя на поле, какой это городокъ видѣнъ вблизи, и мужъ произнесъ магическое „*Маджента*“, всѣ пассажиры такъ быстро кинулись въ вагонѣ къ окну, не смотря на темноту ночи, что чуть не раздавили и самой дамы, и ея маленькаго сына. Такъ волшебны донынѣ для итальянскаго уха всѣ завѣтныя имена прошлогоднихъ битвъ, мѣстностями которыхъ, какъ нарочно, пролетаютъ вездѣ вагоны желѣзныхъ дорогъ сѣверной Италіи. Поэтому каждый поѣздъ до сихъ поръ здѣсь представляетъ веселую и торжественную прогулку по знаменитому пути, гдѣ разыгралась судьба новой Италіи... Страделла, Кастеджіо, Вогерра, Мортара, Маджента, Миланъ, Тревиліо, Дезенцано и наконецъ самое магическое имя Сольферино—всѣ эти мѣста вы видите вблизи рельсовъ изъ оконъ вашего вагона...

— „Сольферино-то — Сольферино, Александръ Сергѣевичъ“,—говорилъ мнѣ мой сопутникъ, — „это хорошо, и мы его увидимъ, да вотъ бѣда! говорятъ, что если нѣтъ на нашихъ паспортахъ особой „визы“ австрійскаго посольства для проѣзда въ Венецію, то насъ далѣе новой границы австрійской, у крѣпости Пескіеры, изъ Ломбардіи, туда не пустятъ...“

— „Вы шутите...“

— „Вотъ посмотрите!“

Дѣйствительно, наши паспорты снабжены были визами для проѣзда — глухо — въ Австрію, мой въ Петербургѣ отъ самого австрійскаго посланника, а моего пріятеля студента — въ Парижѣ отъ такого же

посланника. Но надо было имѣть еще разрѣшающую надпись, особо, для проѣзда, въ нынѣшнія времена, въ Венецію надпись отъ консуловъ австрійскихъ въ Римѣ или въ Туринѣ, съ послѣднихъ мѣстъ отъѣзда путешествующихъ по Италіи. Но въ Туринѣ мы еще не были, а въ Римѣ, по незнанію, этого не сдѣлали; въ Миланѣ же австрійскаго посольства, какъ извѣстно, теперь нѣтъ. Потолковали мы, да по русскому обычаю и рѣшили наудачу: авось пропустятъ! Рѣшено и сдѣлано. Чемоданы свои мы для безопасности бросили въ Миланѣ (въ чемоданахъ мы имѣли порядочную кучу каррикатуръ итальянскихъ на тедесковъ!) и пустились налегкѣ, въ чемъ были.

Проѣхали Бергамо и Брешію миновали. Вотъ Дезенцано, послѣдній постъ Ломбардіи. Поѣздъ пріостановился, какъ будто собираясь съ духомъ, чтобы пуститься далѣе, къ австрійцамъ, которые тутъ же за рѣкою. Влѣво разстилается чудное Гардское озеро По краямъ его голубыя горы. Даль уходитъ туманною, очаровательной панорамой. Рѣзвыя лодочки, съ бѣлыми парусами, бѣгутъ во всѣ концы по синему зеркалу водъ. А посрединѣ озера островокъ. Швейцарія! чудная сказка, да и полно! „А это что за башня и стѣны на островкѣ?" — спрашиваемъ мы. „Австрійская крѣпость!" — отвѣчаетъ сосѣдъ, съ вытянутымъ уже отъ тоски и озлобленія лицомъ. При этомъ сѣромъ пятнѣ на розово-лазурной, дымчатой картинѣ я невольно вспомнилъ объ изреченіи одного писателя, кажется, Байрона, который нѣмцевъ и англичанъ, въ Италіи, среди антично красивыхъ итальянцевъ, называетъ статуями съ отбитыми носами...

И такъ, австрійскій таможенно-полицейскій осмотръ у насъ не за горой. Въ указателѣ итальянскихъ желѣзныхъ дорогъ „Orario pel viaggiatore alle strada ferrate", подъ статьей: „Corse da Milano per Venezia", сказано, что въ Пескіерѣ стоятъ полчаса, *а иногда и часъ...* Роковое предвѣстіе! Иногда и часъ, а какъ не часъ, а недѣля, пока въ Туринъ и обратно съѣздитъ паспортъ для разрѣшенія?

Мы пріѣхали въ Пескіеру.

„I passaporti, signori!" — произнесъ нѣмецкимъ выговоромъ рыжій бакенбардистъ, съ австрійскими гербовыми пуговицами на зеленомъ вицъ-мундирномъ сюртукѣ, появившись у оконъ вагона: — „не выходить, пока не сдадите на ревизію паспортовъ..."

Я отдалъ свой и почему-то засидѣлся долго въ вагонѣ, какъ вдругъ прибѣжалъ мой сопутникъ и давай кричать:

— „Вы тутъ все сидите, а тамъ, смотрите, въ бюро, какая исторія! Двухъ поселянъ, возвращавшихся въ Венецію, арестовали, тремъ французамъ изъ Ліона не даютъ пропуска; хотя мы заплатили за мѣста до Венеціи, но наши паспорты тоже отложили къ сторонѣ! Идите скорѣе!.."

Мы пошли! И точно. Два поселянина, въ синихъ блузахъ, были задержаны и, краснѣя отъ волненія и испуга, съ опущенными головами, стояли, подъ вѣдѣніемъ усатаго гренадера, за какою-то рѣшеткой, тутъ же у бюро. А французы кричали во все горло.

— „Что вы кричите, meine Herren, что вы орёте здѣсь, Donner Wetter?“ — вопилъ въ свой чередъ длинный и бѣлокурый австрійскій бюрократъ: — „у васъ нѣтъ визы нашего консульства въ Туринѣ!“

— „Такъ что же изъ этого, что же изъ этого, sacre-papier“? — надсѣдался французъ, поболѣе другихъ, въ бархатной курточкѣ и съ сигарой въ зубахъ.

— „Да тоже, что вотъ вашъ паспортъ, и мы васъ не пустимъ...“

— „Не пустите, не пустите, ventre de biche? Хорошо же! значитъ, мнѣ надо воротиться въ Дезенцано и ждать тамъ визы?“

— „Ja wohl! въ Дезенцано...“

— „Ну, такъ слушайте же, это прижимки, деспотизмъ! я напишу въ Парижъ, во всѣ газеты... Да, да!.. Мы, французы — свободная нація, не то, что вы, сшитые изъ сотни клочковъ! Да, да! Я поѣду, но знайте, пока привезутъ мой паспортъ, съ новою визою, хотя изъ Франціи одна австрійская виза у меня уже есть, — я не потеряю времени даромъ, sacre nom d'un chien! Знайте, въ эти три-четыре дня, я каждый день по три раза буду брать осла, да, нанимать длинноногаго и вислоухаго осла, и на немъ буду ѣздить оттуда по сосѣдству смотрѣть на поле сольферинское, гдѣ мы васъ въ прошломъ году поколотили... Прощайте! Я сдержу слово...“

И разбѣшенный французъ выскочилъ изъ бюро съ товарищами, а черезъ пять минутъ поѣхалъ, со встрѣчнымъ венеціанскимъ поѣздомъ, обратно въ Дезенцано, откуда, я забылъ сказать, видна отлично башня и роковое поле сольферинское, какъ на ладони. Замѣчательно, что когда мы ѣхали черезъ пять дней обратно и остановились въ Дезенцано, я навелъ справки: отвергнутый французъ все еще не получалъ своего паспорта изъ Турина и ежедневно, дѣйствительно, по обѣщанію, на ослѣ верхомъ ѣздилъ въ Сольферинскую долину. Съ другого уже дня слухъ о его продѣлкахъ разнесся по окрестности, и огромная толпа мальчишекъ, хлопая въ ладоши и съ пѣснями стала, въ пику австрійцамъ, постоянно сопровождать его въ любопытныхъ поѣздкахъ.

Намъ было тоже послѣдовалъ отказъ: но мы спаслись, по непостижимой прихоти судьбы. Едва французы вышли изъ бюро, долговязый досмотрщикъ отеръ крупный потъ со лба и щекъ своихъ, и уже наморщилъ-было брови, взявшись за наши паспорты, отложенные имъ, по неполнотѣ ихъ, къ сторонѣ. Но въ это время свиснулъ локомотивъ, уносившій французовъ. Чиновникъ быстро шагнулъ сквозь густую толпу публики, ожидавшей своихъ паспортовъ, выскочилъ изъ

двери, крикнулъ, почти сквозь слезы, вслѣдъ французовъ: „Es ist Schweinerei, meine Herren! Развѣ это моя вина, что вы меня оскорбляете?“ Воротился опять въ бюро, медленно взялъ наши паспорты, снова провелъ рукою по лбу и по волосамъ, возвелъ къ намъ потускнѣлые глаза и, хлопнувши паспортами по столу, сказалъ:

— „Что же мнѣ дѣлать, господа! Развѣ я пишу здѣсь законы? Вотъ вы и русскіе, а пропустить я не могу; есть экстренныя предписанія! Нельзя!..“

— „Ну, хоть на три дня, хоть на недѣлю пустите?“

Чиновникъ подумалъ.

— „На три дня можно; es geht! Только болѣе нельзя; на себя беру отвѣтственность! Гдѣ вы остановитесь?“

Мы назвали отель. Онъ что-то записалъ у себя въ книгѣ, помѣтилъ наши паспорты и выдалъ намъ виды.

Нечего, разумѣется, вамъ прибавлять, что въ Венеціи ежедневно, куда мы прибыли въ тотъ же вечеръ, неизвѣстно зачѣмъ, у нашихъ воротъ сталъ появляться какой-то австрійскій солдатъ, пошепчется-пошепчется, въ нашихъ глазахъ, съ нашимъ дворникомъ и уйдетъ, а на третій день просто уже расположился у воротъ, на скамейкѣ, какъ будто для отдыха или созерцанія красотъ природы, и тамъ сидѣлъ пока мы уѣхали.

Но на станціи въ Дезенцано еще былъ случай. Насъ спросили, есть ли у насъ поклажа. Мы сказали, что нѣтъ, а есть одни маленькіе сакъ-вояжи со съѣстнымъ. Ступайте въ комнату таможеннаго осмотра и ихъ „покажите!“ сказали намъ чиновники. Мы пошли. Тамъ опять шумъ, раздаются уже чистѣйшія британскія побранки и слова: „god demm your yes.“

Бранился и спорилъ съ таможенными англичанинъ, юноша лѣтъ 27, красавецъ и лордъ, членъ парламента, имѣющій обычай путешествовать и брать для этого отпуски ежегодно. Онъ ѣхалъ черезъ Венецію въ греческій архипелагъ. Перебранка шла изъ-за маленькой дорожной ванночки, sitzbad, съ которою, по совѣту докторовъ, юноша нигдѣ не разлучался. Досмотрщики находили, что ванна товаръ, значитъ, не можетъ быть отнесена къ дорожнымъ вещамъ пассажировъ и должна быть оплачена пошлиной, а юноша, заложа руки въ карманы и стоя въ положеніи готоваго боксировать, кричалъ, коверкая французскія, нѣмецкія и даже итальянскія фразы, что хотя ванночка и пустяковъ стоитъ, а особенно пошлина за нее, но онъ не заплатитъ, не заплатитъ потому, что такое требованіе есть прижимка мирныхъ путешественниковъ, деспотизмъ, что онъ не платилъ за нее ни „at Varsovie“, ни „at Rome“, ни „at Paris and Naple“...

— „Что же мы будемъ съ вами дѣлать?“ — говорили снова въ

раздумьѣ нѣмецкіе бюрократы:—„такъ сказано въ нашемъ листѣ; въ листѣ ванна не составляетъ вещи изъ пассажирской поклажи, значитъ составляетъ товаръ и должна...“

— „Не заплачу, go one to the dexil! Не заплачу! это безчестно, это прижимка туристовъ, и я не заплачу во имя правды и совѣсти честнаго человѣка: платить за ванну вездѣ—дорого, а безъ нея больной человѣкъ не обойдется!“

Поднялись опять крики; ванну выхватили-было изъ кожаннаго чехла и потащили въ особое бюро, гдѣ пряталось все, признаваемое контрабандой. Въ это время, вѣроятно, узнавши о происшествіи этомъ отъ другихъ, явился тотъ же злополучный бѣлокурый обозрѣватель паспортовъ, съ паспортомъ англичанина въ рукѣ, опрометью кинулся къ старшему таможенному офицеру и почти вслухъ шепнулъ ему по-нѣмецки: „Да бросьте этого господина!.. Отдайте ему его ванну!..“ — послѣднихъ словъ я не разслышалъ. До меня долетѣли только звуки: „Это — англичанинъ“ и „флотъ.“ — Ужъ не сказалъ ли онъ такъ: „Господа, вѣдь это англичанинъ; я по его паспорту узналъ это; развѣ вы хотите, чтобы черезъ недѣлю же ихъ флотъ пожаловалъ въ нашу злополучную Венецію отомстить за эту проклятую ванну своего соотечественника?“...

Ванну торжественно отдали англичанину. И какъ вы думаете, чѣмъ кончилъ этотъ бриттъ? Онъ спросилъ: „Сколько пошлины однако слѣдовало заплатить вамъ за эту вещь?“ Чиновники отвѣчали: „Пять франковъ.“ Англичанинъ вынулъ пятифранковаго наполеона и, отдавая его какому-то оборванному нищему, прибавилъ: „Грабить туристовъ ни, ни!—о, ни, ни!—это безчестно, и я не поддамся, давать взятокъ мы не даемъ никому, а что меня пять франковъ не раззорятъ, то вотъ они тебѣ, my dear friend!“

— „Да“, замѣтилъ мнѣ на это мой товарищъ: „Австрійцы что-то пріуныли здѣсь передъ французами и англичанами; за то, я думаю, на своихъ здѣшнихъ вѣрноподданныхъ вымещаютъ свой позоръ и свои неудачи!“

Получа свои паспорты и осмотрѣнные саквояжи, мы двинулись въ путь. Одно только заняло австрійскаго коммиссара въ саквояжѣ моего спутника, это зеленый сыръ, завернутый въ бумагу. Коммиссаръ долго обнюхивалъ, и морщась отъ его остраго запаха, разсматривалъ его, вѣроятно, подозрѣвая въ немъ отраву или что-нибудь вообще опасное для спокойствія „цванцигеровъ“, въ обладаніи ихъ венеціянскимъ своимъ вассальствомъ.

А между тѣмъ въ вагонахъ вдругъ произошла уже замѣтная перемѣна. По Сардиніи и Ломбардіи все ѣхало весело, хохоча, куря, болтая и безъ умолку занимая другъ друга анекдотами. Здѣсь же

вдругъ, говорю, во всѣхъ отдѣленіяхъ, какъ по заказу, наступила гробовая тишина. На выѣздѣ изъ Пескіеры оберъ-кондукторъ крикнулъ въ окна вагоновъ: „Nicht rauchen! Non fumare!“ и сигары у всѣхъ вылетѣли сами собой за дверцы. Всѣ сидѣли съ опущенными головами; никто не говорилъ ни слова; даже ни у кого не было на колѣнахъ книги или развернутаго листа болтливой газеты, этого вѣчнаго неизмѣннаго друга каждаго обитателя на западѣ, въ Туринѣ и въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ Берлинѣ...

Чрезъ двѣ станціи пассажировъ въ вагонахъ убыло значительно. Пріискивая средства покурить тайкомъ (не забудьте, вездѣ на западѣ, кромѣ австрійскихъ владѣній въ Италіи, есть особые вагоны для желающихъ курить!), мы заглянули въ одно изъ отдѣленій, гдѣ сидѣла всего одна дама съ тремя маленькими дѣтьми, и получили отвѣтъ, что курить можно. Въ Веронѣ мы пересѣли туда, но не курили вплоть до Венеціи, потому что дама, пользуясь тѣмъ, что насъ никто не могъ подслушать, разсказала намъ такія любопытныя вещи, что намъ было не до куренія...

— Да, господа русскіе, говорила намъ полушепотомъ, то вздыхая, то мгновенно заливаясь жгучими, какими-то порывистыми слезами, эта прелестная, двадцати-семилѣтняя красавица, жена фермера изъ окрестностей Падуи: да, господа русскіе, вы счастливѣйшая нація въ эту минуту. На васъ и на ваши дѣла домашнія теперь смотритъ вся Европа, а мы оплакиваемъ прошлое... У насъ на каждое слово готово пятьдесятъ шпіоновъ; съ каждаго франка, полученнаго съ нашей земли, съ капиталовъ, съ дома, съ лавки, мы отдаемъ теперь австрійцамъ ровно три четверти поборами всякаго рода и званія. Мы разорены, унижены; намъ запрещаютъ любить свою родину, молиться за своихъ родныхъ! Солдаты стоятъ лагеремъ въ каждомъ нашемъ домѣ, и вездѣ подозрѣнія... Вездѣ подозрѣнія! Мы веселы, поемъ на улицѣ, у своего окна, у своей двери, а они справляются съ календаремъ и запрещаютъ намъ, говоря, что это мы поемъ въ честь имянинъ Гарибальди, Кавура, Мадзини или кого нибудь, о комъ мы и не думаемъ!.. Вы спрашиваете, весело-ли теперь въ Венеціи?.. А, господа! A Venezia non vi sono che lagrime e prigioni!.. A Venise il n'y a que des larmes et prisons...“

Наша сопутница замолчала, поправила головку дитяти, спавшаго у нея на колѣняхъ, и стала опять говорить:

— „Венеція?.. Вы хотите ее теперь видѣть?! Лучше туда не ѣздите! А, вы себѣ представить не можете, что̀ теперь дѣлается съ нашей Венеціей! Вообразите себѣ только что умершаго, любимаго вами друга, положеннаго передъ вами въ гробъ,—вотъ наша Венеція! Не ищите тамъ ни прежняго блеска, ни прежней жизни. Этого ничего

тамъ болѣе нѣтъ! Нѣтъ тамъ ни веселостей, ни молодежи; а у каждаго памятника старины, еще привлекающаго изрѣдка такихъ же туристовъ, какъ вы, поставлены наши ренегаты, на откупѣ австрійцевъ, и передаютъ имъ, вмѣстѣ съ флоринами, раздаваемыми щедрыми путешественниками за обзоръ рѣдкостей, каждое подслушанное у нихъ слово!.. Эмиграція изъ Венеціи, съ прошлаго года, началась громадная, небывалая, безпримѣрная въ лѣтописяхъ нашей Италіи, и о ней мало пишутъ въ свободныхъ государствахъ! Вообразите! кто только могъ или можетъ бѣжать, убѣжалъ и бѣжитъ... Бѣгутъ студенты, молодежь, фермеры, даже дѣти, десяти и девяти лѣтъ, бѣгутъ въ Сардинію! Бросаютъ школы и безъ паспортовъ и позволенія родителей бѣгутъ въ Миланъ и Туринъ... Сосѣдніе деревни и городки за Пескіерой и Гардскимъ озеромъ полны этихъ небывалыхъ эмигрантовъ... Падуанскій университетъ, гдѣ еще годъ назадъ было двѣ тысячи студентовъ, закрытъ; австрійцы пустили слухъ, что его закрыло правительство за вольный духъ, — а дѣло-то въ томъ, по просту сказать, что всѣ двѣ тысячи этихъ молодыхъ людей перешли исподоволь границу, и служатъ давно въ войскахъ Виктора-Эммануила... Старики и старухи бѣгутъ теперь изъ Венеціи въ Сардинію..."

— „Кому же оставляютъ эмигранты свои имѣнія?"

— „Кому?... Проклятымъ тедескамъ, разумѣется!"

Послѣднія слова наша спутница произнесла съ такою запальчивостью и съ такимъ сверканіемъ черныхъ, большихъ и налитыхъ кровью глазъ, что по-неволѣ жалко стало, при взглядѣ на нее. Бѣдная женщина! Она сама выпила чашу политическихъ страданій...

— „Вы видите этихъ дѣтей?" — спросила она, снова залившись слезами и гладя по головкамъ трехъ малютокъ, спавшихъ въ вагонѣ и у нея на колѣняхъ: это будущіе плательщики австрійцамъ за своихъ отцевъ! Это будущіе Ламарморы, Риккасоли и Гарибальди! О, дай-то Господи! Будучи въ пансіонѣ, въ Веронѣ, думала ли я, когда моя старая мать привозила мнѣ конфекты и цвѣты, что мы доживемъ до такой поры?.. Да, господа: знайте, что мой братъ взятъ на дняхъ съ улицы Венеціи въ Вѣну и заключенъ въ Шпильбергѣ, а мой отецъ... мой отецъ!.."

Новыя рыданія не дали ей договорить. Успокоивши бѣдную коекакъ, мы услышали слѣдующее:

— „Мой старый отецъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ торговцевъ въ Падуѣ; нѣсколько разъ занималъ почетныя мѣста по муниципальному городскому управленію, и еще два года назадъ студенты пѣли ему серенаду за помощь одной семьѣ, разоренной отъ крушенія корабля съ товарами близъ Венеціи. И что же? Во время прошлогодней войны, когда дошелъ до насъ слухъ о битвѣ при Мад-

жентѣ и о томъ, что французы и сардинскій король вступаютъ уже въ Миланъ, мой отецъ случайно забылъ двѣ свѣчи на окнѣ своемъ, выходившемъ на улицу въ Падуѣ, гдѣ свободно господствовали австрійцы; его схватили въ ту же ночь съ постели, заковали въ кандалы и отправили сперва въ Верону, а потомъ въ Австрію... Семидесятилѣтній старикъ, любимецъ города, написалъ намъ въ ноябрѣ, что въ мѣстѣ его заключенія выпалъ снѣгъ, стало страшно холодно, что онъ отморозилъ два пальца на ногахъ, которые у него вовсе отпали, и просилъ прислать теплой одежды. Мы ударили тревогу. Письмо стало извѣстно; пришли солдаты и взяли его. А вслѣдъ затѣмъ, въ декабрѣ, мы получили отъ постороннихъ извѣстіе, что отца опять привезли по сосѣдству къ намъ, въ Верону, что его судятъ съ другими за политическій заговоръ, и наконецъ, что онъ осужденъ на смерть!.. Вообразите положеніе нашей матери и всей семьи!.. Но, какъ случилось остальное, я уже не знаю, а только въ томъ же декабрѣ, здѣшній астрійскій листокъ нежданно объявилъ, что ночью, наканунѣ Рождества, пятеро осужденныхъ на смерть и въ томъ числѣ и мой отецъ разбили въ крѣпости, въ Веронѣ, двери казамата и ушли, вмѣстѣ съ двумя часовыми, изъ которыхъ, какъ мы узнали послѣ, одинъ былъ венгерецъ, а другой славянинъ изъ Галиціи... Черезъ три дня взводъ солдатъ явился на нашу ферму, гдѣ мы жили съ мужемъ и дѣтьми... и... и взяли моего мужа... Я потеряла голову!.. О, это были ужасные дни!.. Весь январь и февраль мужа моего пытали въ Веронѣ, а потомъ выпустили на свободу... Онъ вышелъ вечеромъ за ограду нашей фермы, когда мы были уже снова вмѣстѣ, обнялъ меня и, сказавши: „Прощай, оставайся тутъ и устрой пока дѣла безъ меня, чтобы хоть клочекъ земли остался нашимъ дѣтямъ, которые ни въ чемъ не виноваты, береги ихъ тутъ, а я не могу здѣсь быть съ тобою!“ пѣшкомъ и посторонними тропинками ушелъ черезъ границу, въ Ломбардію... Въ февралѣ австрійцы по границѣ вездѣ уже устроили правильный кордонъ и ловлю эмигрантовъ. Поймавъ дѣтей, сѣкутъ ихъ, а поймавъ взрослыхъ, отправляютъ ихъ по дальнимъ крѣпостямъ... Сущая охота на зайцевъ! Стрѣляютъ дробью по женщинамъ даже! А старуха мать моя, шестидесяти-семи лѣтъ, когда мы узнали уже, что отецъ, убѣжавшій отъ казни изъ Вероны, живетъ въ Ниццѣ, перешла границу въ платьѣ нищей, на телѣгѣ добралась до Милана, гдѣ тысячи нашихъ бѣжавшихъ фермеровъ дѣйствительно ходятъ нищими и работаютъ поденно, и оттуда уѣхала къ моему отцу. Мужъ написалъ мнѣ, двѣ недѣли назадъ, что служитъ гарсономъ въ Туринѣ, въ одномъ отелѣ... Я вотъ это къ нему, подъ видомъ поѣздки на богомолье въ Миланъ, и съѣздила, собравши кое-какъ деньжонокъ, и просила взять меня и дѣтей къ себѣ!.. Да не беретъ, все ждетъ чего-то, говоритъ: живи тамъ...

А чего ждать? Поля наши и села пустѣютъ... Одни австрійскіе солдаты шатаются по деревнямъ...

Этотъ печальный голосъ затихъ на одной изъ крошечныхъ станцій близъ Понте-ди-Брента. Наша сопутница, понукаемая грубоватымъ кондукторомъ, вышла, мы подали ей полусонныхъ дѣтей; она махнула намъ потёртымъ и пожелтѣлымъ зонтикомъ, — и мы полетѣли далѣе.

Съ грустными впечатлѣніями подъѣзжали мы къ столицѣ дожей. Какъ-то мы ее найдемъ? Какъ-то увидимъ эти классическія знаменитости: площадь св. Марка, каналы, дворецъ дожей, гондолы и гондольеровъ, съ пѣснями, которымъ подражалъ еще нашъ водевилистъ, г. Кони, авторъ баркароллы: „Гондольеръ молодой, ты мнѣ пѣсню запой!“ Венецію воспѣвали Байронъ и Викторъ Гюго, Куперъ и великій авторъ „Венеціянскаго купца“. Вотъ лагуны, вотъ Адріатическое море! желѣзная дорога, на 222 аркахъ, летитъ тѣмъ же моремъ надъ волнами къ морской царицѣ. Имена Шейлока и Марино-Фаліеро, Отелло и Яго невольно приходятъ на умъ. Площадь св. Марка — первое чудо въ свѣтѣ! шепчетъ память, начитавшаяся нѣмецкихъ задовъ, гдѣ между прочимъ значится, что въ этой волшебной Венеціи 150 водяныхъ улицъ, то есть каналовъ, въ видѣ довольно широкихъ рѣкъ, и на этихъ каналахъ 380 перекидныхъ каменныхъ мостовъ. Въ ней же, въ этой Венеціи, 400 кофеенъ, мѣстъ свиданія и визитовъ всей Венеціи, полныхъ съ утра до вечера. „Печальная дама-фермерша изъ Падуи преувеличивала вѣрно; не можетъ быть, чтобы Венеція была пуста! 400 кофеенъ и до 50,000 гондольеровъ... Гондольеры! Какая только чета въ концѣ русскихъ и иностранныхъ романовъ не уѣзжала къ нимъ въ полночь плавать по улицамъ и смотрѣть на луну! Помилуйте, вы идете съ лѣстницы дома и ея послѣднія ступени уже покрыты водой, извощики-лодочники, даже тутъ есть омнибусы-гондолы. Лодочникъ ѣдетъ и кричитъ на перекресткѣ встрѣчному „пади!“—Восемь театровъ, дворцы, музеи, соборы, да это блаженство!...“

Такъ думалъ я, прилетѣвши въ Венецію и въ первомъ отелѣ набросавши всѣ эти строки, только что прочтенныя вами. Я писалъ долго съ вечера, въ громадной комнатѣ, гдѣ блистала бронза, ковры устилали полъ, вездѣ сіяли бархатъ и мраморъ. А въ Миланѣ еще, какъ нарочно, въ исполинскомъ кабинетѣ для чтенія я встрѣтилъ пріятеля доктора, и тотъ, зазвавши меня домой, далъ мнѣ прочесть послѣдній нумеръ Русскаго Вѣстника, съ прелестною повѣстью г. Тургенева *На-канунѣ*, гдѣ также дѣйствіе частію происходитъ въ Венеціи, въ ея лучшія времена. „Нѣтъ“, думалъ я, уже въ четыре часа ночи туша свѣчу: „падуанская дамочка преувеличивала! Какъ? А Venezia

non vi sono che lagrime e prigioni! Это она начиталась Сильвіо-Пелліко; быть не можетъ!...“

Я утромъ проснулся поздно. Мой товарищъ-студентъ всталъ рано, обѣгалъ уже и оплавалъ весь городъ и пришелъ сумрачный.

— „Что вы?“ —спросилъ я его. Онъ сталъ противъ меня.

— „Боже мой, Боже мой!“ —началъ онъ: „Дама права! Венеція —это скорѣе болонское городовое кладбище, чѣмъ Венеція, знакомая намъ по книгамъ съ дѣтства! Вообразите, на узенькихъ улицахъ и площадяхъ ходятъ одни нищіе, да австрійцы; кофейни пусты; театры закрыты давно. Вездѣ мокро и сыро; пресловутыя гондолы, покрытыя форменнымъ чернымъ сукномъ, плаваютъ, какъ пловучіе гробы. Пѣсень гондольеровъ нѣтъ; я спросилъ—отчего? —говорятъ, что запрещены уже два года. Холодъ и пустота у каждаго подъѣзда; дворцы богачей, и въ томъ числѣ нашей знакомой Таліони, брошены и въ запустѣніи. Соленая волна обмываетъ и разрушаетъ каждый уголъ, каждый фундаментъ мрачныхъ нежилыхъ палаццовъ, а ремонта уже не полагается. Голодные гондольеры и разнощики живности уныло навязываются на каждомъ шагу .. Мокрицы и сороконожки ползаютъ по стѣнамъ безлюдныхъ улицъ и шевелятся въ мутно зеленой водѣ... А въ нашемъ отелѣ, гдѣ сто шестнадцать комнатъ и пять залъ бывшаго какого-то дворца, купленнаго подъ отель, на доскѣ всего два имени постояльцевъ—ваше да мое, и то въ одной клѣткѣ. Табль-д'отъ сегодня готовятъ на насъ на двоихъ, и самъ хозяинъ, отъ скуки, вызывается быть нашимъ факиномъ и съ нами пуститься въ осмотръ города.

X.

Туринъ.

22/10 апрѣля 1860.

За то, какая разница Туринъ, этотъ веселый, свѣтлый новый городъ, этотъ второй полюсъ новой Италіи. Продолжаю мое письмо въ шумномъ отелѣ, на улицѣ Карла-Альберта, недалеко отъ квартиры Гарибальди. Отель съ низу до верху биткомъ набитъ туристами. За табль-д'отъ его ежедневно садятся до 200 человѣкъ! а иногда еще и въ двѣ смѣны. Все толкуетъ о политикѣ, о палатахъ, куда уже ломится толпа взглянуть на Кавура, Гарибальди и бывшихъ правителей Болоньи, Тосканы, Модены и Пармы, занявшихъ уже тамъ мѣста въ качествѣ простыхъ депутатовъ отъ недавно-правимыхъ ими областей.

Но, позвольте, я отвлекаюсь. Скажу еще два слова о бѣдной и

запустѣлой Венеціи. На утро, послѣ нашего пріѣзда туда, мы увидѣли полицейскаго солдата у нашихъ воротъ и рѣшились ускорить осмотръ города. Тутъ уже австрійская полиція не церемонилась. Еще при въѣздѣ въ городъ, выйдя уже изъ вагоновъ, мы это почувствовали въ проходной комнатѣ, гдѣ пріѣзжавшихъ пропускали сквозь строй сержантовъ, отбирая у каждаго паспорты, а взамѣнъ ихъ выдавая квитанціи на 24 часа пребыванія въ городѣ, и каждому входящему чиновникъ-коммиссаръ, прежде всего, изъ-за прилавка выкрикивалъ: „J vostri capelli!“ то есть, шляпы долой! а самъ стоялъ въ простой статской фуражкѣ. Мы пустились въ зыбкой гондолѣ по каналамъ, осмотрѣли два-три собора, базилику св. Марка, мосты, публичный садъ, дворецъ дожей съ знаменитыми „колодцами“, то есть подводными тюрьмами, „мостъ вздоховъ“; побродили передъ золотымъ львомъ и звонящими бронзовыми звонарями на башнѣ у сигнальнаго колокола городскихъ часовъ; поглядѣли на три знаменитыя мачты, гдѣ теперь развѣваются знамена Австріи, пришли домой, увидѣли снова полицейскаго солдата у воротъ, и рѣшили скорѣе ѣхать. Мой спутникъ даже озлобился и, выходя изъ подземныхъ тюремъ дворца дожей, гдѣ привратникъ полунѣмецкими, полуитальянскими фразами объяснялъ намъ, какъ тутъ казнили преступниковъ—что вотъ этакъ посадятъ обвиненнаго въ эту сырую и темную яму, на этотъ камень, придетъ аббатъ, исповѣдуетъ его, потомъ потянутъ за веревку и задушатъ его, а тѣло вынесутъ вотъ сюда, въ окно,—мой спутникъ, повторяю, выходя изъ этихъ тюремъ, излилъ свой гнѣвъ даже на знаменитую базилику св. Марка:

— „Помилуйте! Да что же тутъ замѣчательнаго? Куча разнокалибернаго мрамора, награбленнаго въ языческихъ и христіанскихъ храмахъ и дворцахъ, свезена сюда и нагромождена безъ вкуса! Что это! Сущій сундукъ помѣщицы Коробочки, куда въ нѣсколько поколѣній навалено и натащено всякаго добра и хлама. Ничего нѣтъ тутъ изящнаго! Дорого, это правда, и было красиво, можетъ быть, тогда—за двѣсти или триста лѣтъ назадъ... Эка штука! наломать мраморныхъ колоннъ, карнизовъ и капителей въ греческихъ капищахъ и навезти ихъ сюда съ египетскими порфирами и гранитами вмѣстѣ! Этимъ могли хвастать дожи, а не мы... То ли дѣло миланскій соборъ, эта чудная, эта сказочная гора бѣлаго мраморнаго кружева и несущихся въ воздухѣ готическихъ шпицовъ и статуй! Нѣтъ, и этимъ Италія Виктора-Эммануила выше Италіи австрійцевъ!...“

— „Вы преувеличиваете, мой милый! не грѣшно ли? Венеція!... Да вѣдь это священное имя всемірной поэзіи! Вы кощунствуете... Виновата ли Венеція, что австрійцы разогнали ея жителей, убили

своей полиціей ея богатство, а своимъ Тріестомъ ея торговлю? Это развѣнчанная царица, это красавица на своемъ пятидесятомъ году..."

— „Коробочка, Коробочка!" повторялъ мой спутникъ, ничего не слушая: „и кромѣ тюремъ-колодцевъ ничего въ ней нѣтъ особо-замѣчательнаго! Жаль, что нѣтъ здѣсь теперь нашего пріятеля, русскаго генерала Л*. Впрочемъ, напишу ему въ Римъ, что площадь св. Марка—дѣло пустое, ничуть не лучше нашей площади передъ Александринскимъ или Михайловскимъ театрами, даже менѣе послѣдней,—и одного баталіона на ней не поставишь для ученія развернутымъ фронтомъ—а внутренняя площадь въ парижскомъ Пале-ройялѣ въ десять разъ лучше и красивѣе ея... Я говорю безъ шутокъ!"

Мы пробыли въ Венеціи еще два дня, побродили по ея узенькимъ, смраднымъ и сырымъ улицамъ и площадямъ, поплавали въ ея мрачныхъ гондолахъ, которыхъ мой товарищъ называлъ черными пловучими гробами, поглядѣли на Лидо, на гавань, гдѣ въ туманѣ мелькали англійскіе и французскіе паруса, и пустились обратно.

— Гдѣ же вы видѣли въ Венеціи сороконожекъ и мокрицъ? спросилъ я озлобленнаго камрада.

— „Какъ гдѣ! Вездѣ, на всякомъ шагу, на каждой стѣнѣ! И я удивляюсь, какъ тутъ могутъ долѣе жить люди. Ну, разъ уже дѣды ихъ сдѣлали громадную ошибку—выстроили свою резиденцію въ болотѣ, въ царствѣ лягушекъ и стоножекъ, а дожи натащили сюда богатства, ну, пожили—потѣшились, и довольно! А то домы раскисаютъ, вездѣ плѣсень, сырость, ни одной лошади нельзя держать по узкости улицъ, а ты, современный потомокъ, поддерживай это неестественное положеніе. Да новую Венецію, по моему, выгоднѣе выстроить, чѣмъ поддерживать эту старую, въ уровень съ вѣкомъ, а на 222-хъ аркахъ по морю прокладывать къ ней рвущіяся съ берега желѣзныя дороги... Мнѣ кажется, что и хвалятъ-то ее теперь странники съ чужого голоса и боятся только порядкомъ ее ругнуть! Свинство... Туринъ лучше!"

Мы жили уже пятый день въ столицѣ Виктора-Эммануила, этомъ солнцѣ, освѣщающемъ и грѣющемъ теперь каждое больное и страждущее итальянское сердце. А мой сопутникъ все еще не унимался въ разгромѣ Венеціи, и однажды за обѣдомъ переложилъ извѣстное стихотвореніе г. Толстого о Крымѣ въ такое:

„Ротъ деретъ сухая ложка;
Я въ Венеціи, о міръ,
И пожилъ бы, хоть немножко—
Да вездѣ глядитъ вампиръ:
Скорпіонъ, сороконожка
И австрійскій вицмундиръ."

Въ первомъ же переулкѣ, въ первой кофейнѣ, мы застали кучу любопытныхъ вокругъ листка туринской веселой газетки „*Il Fischietto*", неутомимѣйшаго врага Австріи и всего австрійскаго. Эта остроумная газетка въ переводѣ значитъ „Свистунъ", имя глиняной, знакомой и намъ, русскимъ, дудочки, въ видѣ воробья, которую на праздникѣ увидите въ Миланѣ почти у каждаго ребенка въ рукахъ и губахъ. Въ веселомъ нумерѣ „Fischietto" за 15-е апрѣля 1860 г. изображены были и галльскій пѣтухъ въ мундирѣ зуава, срывающій шляпу съ австрійской совы за то, что ему не поклонилась, увѣряя, что *днемъ ничего не видитъ*, и обезьяна въ чистѣйшемъ бѣломъ полукафтанѣ цванцигера верхомъ на венеціанскомъ львѣ: маленькій лукавый звѣрекъ, полу-трусливо и полу-нагло завернувши кверху хвостъ закорючкой, огромными острыми шпорами рѣжетъ бока стараго царя звѣрей; онъ рычитъ и бѣжитъ, но уже поднялъ голову и, оглядываясь, видитъ, что не диво какое его шпоритъ, а простая мартышка... Хохотъ вокругъ листка былъ всеобщій и дружный. Даже французскіе настоящіе зуавы, игравшіе въ кофейнѣ въ особую игру въ карты,—родъ нашего трилистника—вынули изо-рта трубочки и столпились вокругъ „Fischietto". Но особенно забавна была картинка, изображавшая Гіулая, Бенедека и другихъ австрійскихъ генераловъ, въ видѣ „*волковъ, держащихъ совѣтъ объ истребленіи овецъ*". Старый волкъ держитъ рѣчь, а собратія клянутся ему подражать. Онъ говоритъ: „Giurate con me, o signori, di sterminare il genere umano! L'unione fa la forza! j lupisono tutti fratelli!" т.-е клянитесь со мною, о синіоры, уничтожить родъ человѣческій! союзъ дѣлаетъ силу; волки между собою всѣ братья!" Таковъ взглядъ Турина на Австрію въ настоящее время!

За то, какъ этотъ же Туринъ и новыя его вассальства любятъ своего короля! Безъ преувеличеній можно сказать, что Викторъ-Эммануилъ—идолъ своего новаго королевства.

— „Видите ли,"—говорилъ мнѣ вчера одинъ изъ депутатовъ новаго соединеннаго туринскаго парламента:—„у насъ теперь готоваго войска подъ ружьемъ уже 250,000; къ осени мы будемъ имѣть 300,000, и не сброду какого-нибудь, какъ въ Неаполѣ или въ Римѣ, а войска молодого, пылкаго, честнаго и полнаго того героизма, который мы видѣли въ волонтерахъ Гарибальди. Въ нашемъ королевствѣ теперь 12 милліон. жителей. Это почти что Пруссія. Да, пора дать свободу и честь этой бѣдной нашей Италіи!... Вѣдь она удобрена костями чуть не всѣхъ народовъ міра, отъ вашихъ суворовскихъ солдатъ, нѣкогда также пришедшихъ насъ защищать, до воиновъ Аттилы и зуавовъ Наполеона III, безкорыстно берущихъ у насъ теперь Савоію и Ниццу.

— „Такъ вы говорите, что у васъ очень любятъ вашего короля Виктора-Эммануила?"

— „Да, это нашъ любимецъ! это честный и добрѣйшій человѣкъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, не говоря уже о его умѣ, его энергіи, силѣ воли, стойкости убѣжденій и умѣніи выбирать людей въ свои министры! Повидимому, это просто добрякъ! отпустилъ себѣ чудовищные усы, какъ сказочный котъ-муръ, въ видѣ двухъ копій, идущихъ отъ крутыхъ румяныхъ щекъ, и даже пополнѣлъ въ послѣднее время, какъ простой фермеръ, добродушный винодѣлъ изъ-подъ Фіеренцолы или Страделлы. Повидимому, это кроткій Титъ-Андроникъ, или Горацій въ отставкѣ, разводящій лукъ и морковь! Онъ страстно любитъ охоту; а одна уже охотницкая душа—знакъ души честной, доброй и кроткой, какъ природа, среди которой питается чистѣйшими помыслами душа охотника! Мы часто видимъ, какъ онъ иногда, рано утромъ, или ночью, освободившись отъ текущихъ, клокочущихъ дѣлъ, и отъ докладовъ своихъ министровъ, на день, на другой уѣзжаетъ за Monte Capucini или въ свои притуринскіе коронные домены поохотиться въ заповѣдныхъ паркахъ или на лѣсныхъ озерахъ. Надѣнетъ себѣ сѣренькое пальто, да потертую фуражку на бекрень, возьметъ въ зубы коротенькую пѣнковую пипку, какую курятъ у насъ всѣ, отъ простолюдина до рекрута съ озеръ Комо и Гарда, а въ карманѣ, по итальянскому обычаю, положитъ головку луку и чесноку для приправы охотницкихъ завтраковъ... Ну, чисто, подумаешь, простакъ; а посмотрите, какъ его у насъ любятъ, какъ ему жертвуютъ съ охотой и состояніемъ и жизнію, для дѣлъ родины, а главное, какъ идутъ у него всѣ дѣла, безъ австрійскихъ Бенедековъ и отчизнолюбцевъ въ родѣ Буоля-Шауэнштейна! Онъ воротится съ охоты, свѣжій, веселый, съ тѣмъ же любящимъ сердцемъ и честною, горячею душою, сядетъ работать и его министры заработываются до обмороковъ, а онъ трудится безъ устали и отступленія. Я случайно видѣлъ разъ портфель его съ подписанными бумагами, который при мнѣ привезли къ Кавуру. Даже знаменитый Камилло, этотъ первый дышловой конь нашей правительственной колесницы, пожалъ плечами. Въ одну ночь король перечелъ, перемѣтилъ рѣшеніями, проектами отвѣтовъ и возраженій до полутораста объемистыхъ представленій и меморій! Вотъ отчего мы его любимъ, даже болѣе, чѣмъ любимъ—обожаемъ. Въ немъ есть что-то особенно наивное и поэтическое, въ родѣ простыхъ и первобытныхъ королей-охотниковъ прежней Германіи и Шотландіи, ставшихъ теперь уже достояніемъ сказокъ для дѣтей..."

— „У насъ, въ Россіи, слышно, что его не очень-то жалуетъ католическое духовенство, правда ли это?"

— „За отчужденіе въ казну имѣній духовенства?"

— „Да..."

— „Пожалуй, что и такъ. Не любитъ поколѣніе старыхъ аббатовъ; а молодые, новые—и въ этомъ уже за него. И это сословіе уже понимаетъ, что нельзя каждому дереву остаться при одномъ корнѣ, а надо имѣть и стволъ, и вѣтви, и листья, и цвѣтъ, и плоды. Одинъ Ватиканъ только упорно идетъ въ разрѣзъ съ прогрессомъ..."

Такъ объяснялся со мною почтенный депутатъ, не забудьте!—лѣвой стороны, чуть не одной скамьи съ Гарибальди въ новомъ парламентѣ. Онъ говорилъ по-французски, будучи однимъ изъ депутатовъ Савойи. Мнѣ сильно хотѣлось попасть въ палаты, по примѣру того, какъ я былъ въ берлинской палатѣ депутатовъ и въ новѣйшей парижской въ Луврѣ, что я уже вамъ и описалъ. Я искалъ средствъ для этого, а между тѣмъ осматривалъ городъ и окрестности..."

Туринъ, столица „перваго солдата итальянской независимости", какъ зовутъ Виктора Эммануила всѣ итальянскія гравюры, изображающія его, то въ видѣ зуава, берсальеромъ, то клянущимся на гробѣ отца сражаться за Италію, Туринъ, говорю, городъ довольно веселый и чистенькій, городъ новый, просторный и свѣтлый, и потому нисколько не похожій на старые, тѣсные, грязные и мрачные итальянскіе города. Улицы его ровны, широки, открыты для свѣжаго воздуха съ сосѣднихъ горъ; вездѣ много зелени.—Дома чистые, новой, легкой, прелестной архитектуры. А полукругомъ Альпы, которыхъ отдаленныя снѣговыя вершины замыкаютъ своимъ изображеніемъ перспективу почти каждой улицы съ сѣверной части города. Мой сотоварищъ, студентъ, обѣгавшій и обозрѣвшій ранѣе меня городъ въ первые два дня, потащилъ меня въ обширный туринскій музей, не уступающій ничѣмъ петербургской кунсткамерѣ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ, наприм. въ собраніи американскихъ, европейскихъ и азіатскихъ бабочекъ и птицъ, не говоря уже о древностяхъ египетскихъ и римскихъ, превосходящій его. Минералогическое отдѣленіе музея также замѣчательно своею обширностью и разнообразіемъ, и равняется нашему подобному музею въ горномъ корпусѣ. Въ египетскомъ музеѣ особенно замѣчательны двѣ открытыя муміи, съ обнаженными лицами трехъ-тысяче-лѣтнихъ покойниковъ, таковой же давности египетская домашняя утварь и сохранившіеся въ гробницахъ воскъ, хлѣбъ, орѣхи, сушеный виноградъ, зерна ячменя, флейты, женскія косы и тамбурины, на кожѣ которыхъ уцѣлѣли даже нитяные швы, сдѣланные за три или четыре тысячи лѣтъ до насъ. Въ римскомъ отдѣленіи меня поразилъ бюстъ Юлія Цезаря, изваянный по снятой съ него маскѣ: сухощавое лице сохранило то выраженіе, со стиснутыми зубами и презрѣніемъ въ чертахъ губъ, съ какимъ великій Цезарь палъ подъ уда-

рами враговъ и „tu quoque, Brute!“ Тутъ же стоитъ бюстъ Юліана богоотступника, говорятъ, также очень схожій съ оригиналомъ.

Доступность и простота осмотровъ туринскихъ достопримѣчательностей изумительна,—не то, что въ Римѣ или въ Неаполѣ, гдѣ на каждую залу и почти на каждый куполъ чѣмъ-нибудь любопытной церкви выдаются билеты, и то не иначе, какъ черезъ посольство туристовъ, а въ нѣкоторыя залы, по обычаю австрійскаго этикета, требуютъ даже, чтобы входили только по праздникамъ и то во фракахъ. Не такъ это тяжело въ новомъ королевствѣ Виктора-Эммануила. Напримѣръ, мы затѣяли взглянуть во дворецъ короля. Войдя съ должнымъ почтеніемъ въ жилище его, мы хотѣли оставить въ прихожей калоши.

— „Э, сеніоры,—идите въ калошахъ и въ пальто! этого мы не заставляемъ скидать, въ нашу лишнюю поживу!“ сказалъ намъ помощникъ швейцара: „это въ Римѣ или въ Неаполѣ васъ заставятъ сдѣлать, да еще на ноги вамъ, какъ въ Ватиканѣ, пожалуй, надѣнутъ иной разъ особыя туфли полстяныя, чтобъ не поцарапать будто бы паркетовъ; за снятіе же вашихъ калошъ и за снабженіе васъ туфлями своими привратники тамъ съ васъ сдерутъ... А намъ не надо! Идите! Мы на жалованьѣ... и графъ Кавуръ платитъ намъ чистыми серебряными лирами.“

Шлепая калошами, мы осмотрѣли парадныя комнаты короля и остановились у лѣстницы при входѣ въ жилыя внутреннія комнаты его. Простые камердинеры старики, съ длинными бѣлыми волосами, слуги еще страдальца Карла-Альберта, изрѣдка попадались тутъ, въ простыхъ сюртукахъ и фракахъ, добродушно понюхивая табакъ, или на крыльцѣ куря трубку и бесѣдуя съ зазѣвавшимися блузниками. Это были внутренніе дворцовые часовые. Я говорю, что мы остановились передъ входомъ въ жилые покои короля.

— „Какъ бы намъ хотѣлось посмотрѣть на внутреннія комнаты вашего короля,“—сказали мы помощнику швейцара:—„на его кабинетъ, гдѣ онъ работаетъ съ Кавуромъ, слушаетъ Гарибальди и Риккасоли, пишетъ ноты и депеши, и на его столовую, гдѣ, какъ мы слышали, собраны ружья и охотничьи рѣдкости всего свѣта...“

— „Мой товарищъ—тоже охотникъ!“—сказалъ сопутникъ мой, указывая на меня.

— „А!“

Проводникъ нашъ преклонилъ съ улыбкой голову и почесалъ у себя за ухомъ, что-то обдумывая.

— „Видите ли,“—сказалъ онъ:—„у короля точно хорошее собраніе ружей и охотничьихъ вещей; да вѣдь это только изъ любви къ охотѣ,—такъ сказать изъ парада! А вотъ у него есть потертое старое

ружьецо, которое покойный король, отецъ его, подарилъ ему, когда онъ былъ еще мальчикомъ... Это ружьецо, скажу вамъ, диво, онъ изъ него никогда не сдѣлалъ ни одного промаха и, говорятъ (я тогда еще не былъ тутъ при дѣлахъ!), постоянно возилъ его съ собою какъ послѣднюю опору, въ войнахъ съ Австріей въ 1848 и въ прошломъ году. Только вотъ что, синіоры! на счетъ вашего желанія видѣть жилыя комнаты короля... оно бы и можно... да какъ-же?.. вѣдь онъ теперь тутъ живетъ... и въ настоящую минуту чуть-ли не занимается докладомъ...“

И добрякъ-проводникъ нашъ опять почесался за ухомъ, какъ бы обдумывая: „Да, уже если вы ходите тутъ въ калошахъ, то нельзя ли мнѣ попросить короля сойти для васъ внизъ, а васъ провести пока къ нему вверхъ, посмотрѣть? А то какъ же? Развѣ таки вы такъ и уѣдете, не видѣвши ни его кабинета, ни его ружейныхъ рѣдкостей?...“

Проводникъ нашъ еще долго чесалъ за ухомъ у себя, осматриваясь по сторонамъ и раздумывая, какъ пособить горю. Но мы его вывели изъ затрудненія и, отложа осмотръ этихъ комнатъ до выѣзда короля на охоту, отправились изъ дворца домой.

Что же еще сказать о Туринѣ? Въ тѣ дни, когда мы въ него пріѣхали, вездѣ въ соборахъ и церквахъ гремѣли исполинскіе органы; толпа, колѣнопреклоненная, молилась о продленіи счастія новаго Сардино-Тоскано-Эмилійскаго королевства. Распустившіяся каштановыя, абрикосовыя и миндальныя деревья наполняли улицы тонкимъ вѣяніемъ весны. Всѣ театры были полны, вездѣ гуляли разнообразныя веселыя толпы Въ оперномъ театрѣ шла комическая буффонада „*I falsi monetari*“ (фальшивые монетчики), гдѣ мнѣ особенно понравилась пара голодныхъ бродягъ, писатель, шарлатанъ и его сантиментальная жена, тощіе старикъ и старуха, очутившіеся въ припадкѣ сильнѣйшаго аппетита на съѣстномъ рынкѣ, шаржъ чисто въ итальянскомъ вкусѣ. На одномъ же изъ подгородныхъ театровъ шла мелодрама: „*Смертъ патріота, или баррикады въ Римѣ въ 1848 году.*“ Въ этой пьесѣ все натянуто, все на ходуляхъ, отъ брадатыхъ гракховъ во фракахъ, смертельно раненыхъ на барикадахъ и умирающихъ—декламируя безцвѣтнѣйшіе стихи a-propos, до постоянно повторяемыхъ возгласовъ: „fratelli!“ Все въ этой піесѣ такъ и отзывается пресыщеннымъ до смѣшного патріотизмомъ.

Но, нѣтъ! мы не смѣялись надъ этою пьесой. Мы ее самоотверженно дослушали до конца, при крикахъ и вопляхъ безчисленныхъ зрителей, за невольными слезами почти невидѣвшихъ передъ собою завѣтной сцены Замѣчательно, что въ пьесѣ поминутно попадаются живыя имена, вездѣ повторяемыя въ городѣ; напримѣръ, тутъ является

участникомъ завязки Гарибальди, который при насъ былъ въ Туринѣ и котораго мы сами на другой день видѣли въ палатѣ депутатовъ, доставши туда мѣсто черезъ посредство друга Гарибальди, втораго депутата отъ Ниццы, г. Лауренти, занимающаго мѣсто также на скамьяхъ лѣвой крайней стороны и рука объ руку съ своимъ знаменитымъ другомъ.

О посѣщеніи нами туринской палаты разскажу подробнѣе.

На зеленой лощеной карточкѣ, присланной намъ отъ г. Лауренти, значилось: *Camera dei Deputati, sessione 1860.—Ingresso alla tribuna delle signore.*— А сбоку штемпель того числа, когда мы хотѣли быть въ камерѣ.

Палата депутатовъ здѣсь собирается въ одномъ изъ бывшихъ дворцовъ савойскаго дома, на площади Санъ-Карлино, передъ мраморной статуей Джоберти. Исполинское знамя, съ цвѣтами свободной Италіи (краснымъ, бѣлымъ и зеленымъ) развѣвается на громадномъ древкѣ надъ воротами этого зданія. Былъ первый часъ, когда мы пришли къ воротамъ, желая заранѣе занять болѣе выгодное мѣсто въ трибунѣ для публики. Засѣданіе здѣсь открывается въ два часа по-полудни; но уже множество депутатовъ было въ сборѣ, въ сѣняхъ и на площади, толковавшихъ между собою, въ оживленныхъ группахъ, и курившихъ трубки и новыя сигары „кавуръ" [1]). Всѣ почти депутаты сюда при насъ приходили запросто, пѣшкомъ, и кто въ чемъ былъ: одни въ старыхъ лѣтнихъ пальто, другіе въ сюртукахъ, третьи въ пальто зимнихъ, и всякаго рода панталонахъ. Одинъ только старикъ, съ костылемъ, пріѣхалъ въ наемной циттадинкѣ, открытой коляскѣ стараго устройства, на высокихъ рессорахъ. Это не то, что въ Парижѣ, подумалъ я, гдѣ въ Луврь съѣзжались новые депутаты Наполеона III го въ золотѣ и мундирахъ и съ кучерами въ пудрѣ, но безъ права на прежнюю свободу преній. Здѣсь депутаты подходили, раскланивались и становились въ новые кружки. Тутъ же расхаживали дамы съ дѣтьми, офицеры, работники. Послѣдніе останавливались на ходу, въ известкѣ перепачканные, съ инструментами за спиной, съ гедрами на головѣ, и съ любопытствомъ разсматривали господъ депутатовъ.

— „Вонъ-то Альфіери!"—говорили другъ другу работники, стоя почти передъ носомъ самого Альфіери.—„А вонъ, этотъ Бонъ-Кампанья! вонъ глядите, fratelli, нашъ Ламармора! вонъ Галеотти, Фарини, Риккасоли, Чальдини!... и вонъ Поэріо, Карло Поэріо!..."

— „Гдѣ Поэріо? Гдѣ?"

— „Вонъ онъ!..."

— „Неаполитанскій мученикъ?"

---

[1]) Эти „кавуры" очень вкусны, и продаются по 1 су, около 1 к. сер. за штуку.

— „Да, да!..“

— „Да развѣ онъ пріѣхалъ изъ Англіи?“

— „Пріѣхалъ и, говорятъ, выбранъ у насъ...“

Толпа разглядывала невысокаго старичка. Въ это время мимо меня прошелъ довольно полный человѣкъ, съ круглыми здоровыми щеками, въ шляпѣ и бѣломъ пальто, въ круглыхъ очкахъ и съ портфелью подъ мышкой. У меня невольно мелькнула въ головѣ мысль. „Лицо знакомое! я гдѣ-то его видѣлъ! Совершенно нашъ покойный Загоскинъ, какъ его изобразило смирдинское изданіе „Ста русскихъ литераторовъ“, кажется...“

— „Кавуръ, Кавуръ!“ зашептали въ толпѣ. — „Камиллъ Кавуръ!“ И дѣйствительно, господинъ, такъ вѣрно и не въ шутку напомнившій мнѣ собою покойнаго автора „Юрія Милославскаго“, былъ герой новой Италіи, графъ Кавуръ.

Вслѣдъ за нимъ къ воротамъ подошелъ отрядъ національной гвардіи, также раздѣлился группами, и также сталъ болтать съ депутатами; вскорѣ депутаты начали подниматься на верхъ, куда пошли и мы, — они по лѣстницѣ налѣво, а мы направо.

Когда я вошелъ въ трибуну „delle signore“, передняя часть ея была уже занята дамами, а сзади стояли мужчины. Въ суматохѣ я протиснулся впередъ, и отлично могъ разсмотрѣть съ этихъ хоръ залу и внизу лица всѣхъ депутатовъ. Послѣдніе уже наполняютъ залу. Одни разговариваютъ, переклоняясь черезъ столы и спинки скамей, съ сосѣдями, другіе пишутъ письма, третьи читаютъ огромный Times и Débats, мѣстную Perseveranza и какія-то иллюстраціи; третьи говорятъ съ президентомъ, занявшимъ уже свое мѣсто, облокотясь снизу объ его столъ, драпированный зеленымъ чуднымъ бархатомъ; четвертые подаютъ какія-то бумаги министрамъ, отдѣльно столпившимся у своего оффиціальнаго стола, или поминутно то всходятъ на верхнія отдѣленія скамей, то проходными корридорами между послѣдними спускаются внизъ. Вокругъ всей залы идетъ галлерея для публики. Тутъ въ послѣдней видны и солдаты, и блузники, и простыя поселянки. По окончаніи преній, я сталъ при выходѣ изъ этой трибуны, и видѣлъ простоту, съ какою ходитъ сюда народъ: иной поселянинъ спускался съ корзиной капусты, съ которой попалъ туда мимоходомъ, или съ связкой товара; одна старуха вышла оттуда съ груднымъ ребенкомъ. Подъ этой верхней галлереей и надъ нею прикрѣплены разноцвѣтные гербы главныхъ городовъ новаго соединеннаго королевства верхней Италіи. И какъ успѣли это нарисовать, когда всего недѣли двѣ назадъ новыя области присоединились къ Сардиніи. Вотъ Ареццо, Болонья и Эльба, съ изображеніемъ въ щитахъ ихъ коней и пчелъ! вотъ Феррара, Флоренція, Форли и Гроссето, съ изображеніемъ орла

и всадника! вотъ Ливорно (фортъ) и Лукка (съ надписью: „Libertas“)! далѣе Масса (левъ) и Модена (крестъ), Парма (опять крестъ) и Піаченца (волкъ), Пиза (снова крестъ въ полѣ щита) и Равенна (два льва), и другіе! Полъ у министерскаго стола, въ просвѣтахъ залы, между скамьями и въ проходахъ, вездѣ обитъ великолѣпнымъ мягкимъ ковромъ. На особыхъ столахъ, вокругъ президента, на эстрадѣ послѣдняго сидятъ четыре квестора секретаря. Палатскіе huissiers, то есть прислуга, большею частію сѣдовласые и почтенные господа, во фракахъ и со стальными огромными цѣпями, сверхъ фрака, на груди, и съ трехъ цвѣтными шарфами, въ видѣ перевязи, на рукахъ, ходятъ, разнося въ ожиданіи преній, письма, бумагу, бланки и просто сахарную воду по скамьямъ депутатовъ.

Пока засѣданіе еще не открылось, одинъ изъ сосѣдей моихъ по трибунѣ, завязавши со мною такъ скоро устраиваемое въ общественныхъ мѣстахъ на западѣ Европы знакомство, пустился мнѣ разсказывать, кто сидитъ въ трибунахъ и внизу въ залѣ:

— „Вотъ, видите,“ — говорилъ онъ мнѣ съ чистѣйшимъ акцентомъ итальянскаго выговора французскихъ словъ: — „на трибунѣ журналистовъ, этого рыженькаго господина съ черными усами?“

— „Вижу, онъ читаетъ, кажется, Morning Post, если я такъ читаю надпись газеты...“

— „Это же и есть корреспондентъ этой газеты. Онъ намъ оказалъ большія услуги, находясь въ минувшую войну въ нашемъ лагерѣ и передавая истинную правду о видѣнномъ въ стычкахъ нашихъ съ австрійцами; онъ вездѣ былъ подъ огнемъ и впереди, а теперь тутъ засѣдаетъ и пересылаетъ по телеграфу свои мѣткія телеграммы о нашихъ преніяхъ. Вонъ—то, рядомъ съ нимъ, сидитъ редакторъ первой и болѣе распространенной здѣшней газеты „Opinione“; у него три тысячи подписчиковъ; онъ богачъ!

Я при этомъ невольно вспомнилъ начало нашей русской журналистики и число подписчиковъ теперешнихъ нашихъ журналовъ.

Рядомъ съ нимъ, на средней трибунѣ, сидитъ корреспондентъ французской Pays, далѣе брюссельской Indépendance Belge! Вонъ—то корреспондентъ нашей клерикальной Campanella, почивающей всего на 150 подписчикахъ, въ одномъ изъ городковъ, близъ Генуи! А вонъ—то, за польскимъ корреспондентомъ какого-то прусскаго журнала, въ мѣховой шубкѣ, видите, видите вонъ того, бѣлокураго, толстенькаго господина, съ потертой и самодовольной физіономіей?

— „Вижу...“

— „Это извѣстный Галенга, въ 1848 году взявшій съ Мадзини 1,000 франковъ, чтобы убить покойнаго короля Карла-Альберта и выданный послѣ черезъ газеты повѣреннымъ Мадзини, Кампанеллою...“

— „Какъ, этотъ господинъ вызывался на такое, извините.....“

— „Подлое, именно, подлое дѣло!“

— „Да.... и теперь онъ сидитъ въ этой трибунѣ, въ палатѣ сына Карла-Альберта?..“

— „Да, сидитъ себѣ спокойно. Покойный король его простилъ, только исключилъ изъ званія первой палаты депутатовъ, а теперь онъ сидитъ въ качествѣ корреспондента громовержущаго Times... и покровительствуетъ, кажется, всего болѣе забавнику нашей палаты и любимцу нашего журнала Fischietto, вралю и краснобаю Сангвиньетти, даже по имени Apollo, если я не ошибаюсь, на дняхъ, въ своей рѣчи, тутъ въ четверть часа поднявшему всю исторію отъ ассиріянъ до ирокезцевъ и m-me Жоржъ-Зандъ... А вотъ входитъ въ лѣвую трибуну журналистовъ и самъ веселый издатель Fischietto.

Въ эту минуту дѣйствительно на висящемъ балкончикѣ лѣвой трибуны появился огромнаго роста господинъ, съ окладистою черною бородою, густыми черными кудрями, зачесанными назадъ, и съ широкою могучею грудью. Я, каюсь, съ особенною любовью посмотрѣлъ на этого почтеннаго журналиста, собрата нашихъ многоуважаемыхъ и пользующихся полною симпатіею всей нашей просвѣщеннѣйшей публики писателей, И. А. Чернокнижникова, Кузьмы Пруткова, К. Лиліеншвагера, г. Знаменскаго и Гейне изъ Тамбова, плеяду которыхъ ожидаетъ у насъ болѣе самостоятельная и яркая дѣятельность. Рослый весельчакъ, издатель Fischietto сѣлъ, окинулъ глазами залу, вынулъ листъ бумаги и, улыбаясь, сталъ чертить на ней какой-то рисунокъ, а подъ нимъ что-то писать. Чуть ли онъ не рисовалъ группы депутатовъ, увивавшихся у министерскаго стола...

— „Нѣтъ, другъ мой, Александръ Сергѣевичъ, я васъ выдамъ, не могу; пойду сейчасъ объявлю дежурному квестору, что вы корреспондентъ петербургскаго обозрѣнія и потребую для васъ мѣста въ трибунѣ журналистовъ!—шепнулъ мнѣ мой товарищъ:—какъ таки ни одного русскаго нѣтъ тамъ въ эту минуту, когда здѣсь празднуется рожденіе новаго итальянскаго, полнаго жизни и будущности, королевства...“

Я едва удержалъ своего пріятеля. Чрезъ десять минутъ, однако, онъ исчезъ и явился съ маленькимъ помощникомъ квестора, приглашавшимъ „синіора русскаго“ идти въ отдѣленіе писателей. Дѣлать было нечего. Я отправился, и былъ, признаюсь, очень радъ своему перемѣщенію: оттуда было лучше видѣть залу, президента, ораторовъ, министровъ. „Русскій корреспондентъ!“—громко произнесъ пышное и незаслуженное мною титло помощникъ квестора, входя въ прихожую журнальной трибуны. Въ самой трибунѣ мнѣ услужливо дали мѣсто у зеленаго пюпитра съ чернильницей и готовою бумагой и перьями.

— „А, очень рады, очень рады!" — заговорили мнѣ корреспонденты Harmonia и Campanella, раздвигаясь и предлагая мнѣ сѣсть ближе къ себѣ. — „Вы у насъ рѣдкая новость: какой же газеты въ Россіи вы корреспондентъ? Или вы сами русскій?"

— „Да, русскій..."

Возгласамъ и любопытству итальянскихъ литераторовъ не было конца.

— „О, ваша Россія насъ теперь удивляетъ, радуетъ, приводитъ въ восторгъ!"

Я, разумѣется, подсѣлъ къ издателю Fischietto, который, между тѣмъ, рисовалъ какого-то депутата, съ огромной головой, безпрестанно посматривая внизъ. Мы разговорились.

— „Что, у васъ любятъ смѣяться въ Россіи?" — спросилъ онъ.

Я объявилъ, что родъ веселой литературы у насъ уже получилъ право гражданства, и передалъ ему нѣсколько чертъ объ „Искрѣ", „Свисткѣ" и „Ералаши". Онъ задумался и оставилъ карандашъ.

— „Разскажите мнѣ, monsieur, о вашемъ крѣпостномъ вопросѣ! Это дѣло великое, честное для васъ, и меня сильно занимаетъ!.."

И это вездѣ. Гдѣ я ни являлся, вездѣ меня встрѣчали въ Италіи такіе вопросы. Я началъ кое-какъ отвѣчать на этотъ вопросъ, какъ вдругъ раздался звонокъ президента; палата, уже полная до краевъ, мгновенно стихла, и въ то же время взоры всѣхъ направились со скамей депутатовъ и изъ трибунъ къ лѣвой двери за президентскою эстрадой...

Вошелъ господинъ средняго роста, худощавый и бѣлокурый, въ черномъ потертомъ, обыкновенномъ статскомъ сюртукѣ, застегнутомъ по всей груди до шеи, съ широкою рыжеватою бородой, обросшей ему всѣ щеки вплоть до маленькихъ голубыхъ, впалыхъ и будто близорукихъ, но кроткихъ и нѣжныхъ глазъ, тихо и урывками взглядывавшихъ кругомъ; неловко взошелъ онъ узенькимъ проходомъ вверхъ между скамьями, и сѣлъ на крайней лѣвой сторонѣ, на 11-й скамьѣ.

— „*Гарибальди*", — пронеслось по всей залѣ.

— „Гдѣ, гдѣ онъ?" — между тѣмъ слышалось на всевозможныхъ языкахъ изъ группы дамъ, со стороны зрительской трибуны: „Гдѣ онъ? ради Бога, покажите!"

И полныя, и худощавыя донны, миссъ, mesdames, Fräulein, фрау, синіорины и леди, высунувшись черезъ золоченую рѣшетку трибуны, лорнировали героя Рима и прошлогоднихъ партизанскихъ вылазокъ въ ущельяхъ швейцарскихъ проходовъ къ Ломбардіи. Услышалъ я и отечественный возгласъ шепотомъ:

— „Дуничка! Что ты мнѣ на ногу наступила! Пусти меня прежде взглянуть на него..."

А въ верхней трибунѣ для простолюдиновъ шла просто давка.

Новый звонокъ, въ три пріема, въ президентской рукѣ, опять раздался, и зала, съ переливами возгласовъ и шопота, затихла...

Гарибальди, между тѣмъ, будто чувствуя, что и всѣ глаза, особенно сверху, устремлены на него, тихо шевеля плечами, усѣлся и, съ разгорѣвшимся румянцемъ стыдливости или скорѣе волненія, сталъ писать письмо, а потомъ уперъ глаза въ какой-то газетный листокъ и уже почти не подымалъ ихъ, пока докладчикъ какого-то отдѣленія читалъ свой докладъ. Послѣ докладчика сталъ говорить президентъ. Понимая итальянскій языкъ съ трудомъ и то въ печати только, въ книгахъ, я почти ничего не понималъ въ рѣчахъ ораторовъ. Одинъ изъ сосѣдей моихъ по журнальной трибунѣ сталъ мнѣ объяснять смыслъ рѣчей, которыхъ я здѣсь, по принятому мною правилу, не привожу, такъ какъ вы ихъ уже знаете изъ телеграммъ и печатныхъ отчетовъ западныхъ газетъ о здѣшнихъ засѣданіяхъ. Изрѣдка, подъ гулъ палаты и мѣрную рѣчь какого-нибудь оратора, мой сосѣдъ либо придвигалъ мнѣ печатный списокъ депутатовъ „Elenco alfabetico dei deputati“, указывая въ его алфавитѣ имя говорившаго, или обращалъ мои глаза внизъ, говоря:

— „Вотъ этотъ, видите ли, сухой, какъ шестъ, и обросшій узенькою бородой и узенькими усами, депутъ Ламармора-Альфонзо! Имени Ламармора обязаны мы устройствомъ нашихъ стрѣлковъ, берсальеровъ. Онъ говоритъ съ сосѣдомъ, Фарини, бывшимъ правителемъ Тосканы.“

— „А кто у васъ лучшіе ораторы?“

— „Лучшіе до сихъ поръ, въ англійскомъ смыслѣ, Кавуръ да Гарибальди: когда они встаютъ говорить, то слышно становится каждому, какъ стучатъ часы въ карманѣ и какъ сердце бьется подъ жилетомъ. А изъ такъ-называемыхъ веселыхъ говоруновъ, то-есть собственно рыцарей фразы, иногда не безъ смысла и элегатности, можно вамъ назвать Мамміани, Раттаци, Боттеро... Особенно послѣдній, видите ли, вонъ онъ сидитъ, тоже налѣво, молодой, рослый и блѣдный, красивый брюнетъ, въ золотыхъ очкахъ; онъ даже и руками машетъ, и иногда, по классическому обычаю, бьетъ въ грудь себя! Да что? это все чепуха, сравнительно, напримѣръ, съ тѣмъ, что вѣщалъ намъ въ минувшемъ году Кавуръ, а теперь сталъ изрѣдка *почтительнѣйше сообщать* палатѣ Гарибальди!..“

Въ это же засѣданіе мнѣ привелось, дѣйствительно, видѣть говорящимъ Боттеро, который, въ самомъ дѣлѣ, и руками по цицероновски махалъ, и до груди своей два раза какъ-то пальцами дотронулся. Тутъ же всталъ и передалъ почтительнѣйшее сообщеніе свое палатѣ и Гарибальди — „*генералъ Гарибальди*“, какъ его на другое утро называлъ полу-оффиціальный Opinione и „*синіоръ австрійская смерть*“, какъ его тогда же назвала Gazetta del Popolo...

Почтительнѣйшее сообщеніе, какъ вы уже вѣроятно знаете по телеграфу, состояло въ протестѣ Гарибальди, какъ депутата отъ Ниццы, противъ отдачи округа его избирателей Франціи. Эта нежданная „interpelanza“ такъ взволновала палату, что болѣе ничѣмъ уже нельзя было ее успокоить, хотя предложеніе генерала и не имѣло успѣха въ палатѣ, руководимой тонкими и лукавыми видами другого, болѣе тонкаго патріота Италіи, Кавура, какъ ни взывала при этомъ красная Gazetta del Popolo:

„O, Italia! Sante Madre nostra! vedi-la perdita di Nizza...“

На другой день я едва проснулся, какъ мой камрадъ-студентъ объявилъ мнѣ, что вечеромъ, возвращаясь изъ театра, онъ услышалъ музыку на улицѣ и засталъ серенаду студентовъ передъ окнами Гарибальди, подобную бывшей недавно здѣсь же. Студенты испросили позволеніе полиціи, наняли оркестръ національной гвардіи и явились къ воротамъ генерала, который показывался у окна, благодарилъ молодежь и объявилъ на ихъ возгласы о Ниццѣ и Савойи, что дѣйствительно правительство ихъ и его короля поступаетъ дурно, и что отдача этихъ земель дѣло недобросовѣстное и незаконное. Музыка играла передъ окнами его за полночь.

— „Я сейчасъ ходилъ нарочно туда, и отыскалъ квартиру Гарибальди!“ —прибавилъ мой спутникъ:—„онъ живетъ тутъ неподалеку; въ Comtrada di S-ta Theresa, № 15, во второмъ этажѣ, а жилъ по пріѣздѣ сюда первые дни въ Contrada di Po, въ Hôtel de la Grande Bretagne....“

— „Что же, вы являлись къ генералу, познакомились съ нимъ, по примѣру г. Берга?“ — спросилъ я.

— „Нѣтъ, побоялся; а то какъ разъ попадешь въ Fischietto; мнѣ говорили, что редакторъ его собираетъ имена всѣхъ туристовъ и туристокъ, посѣщающихъ генерала, съ намѣреніемъ ихъ опубликовать въ монструозномъ особомъ прибавленіи къ своему листку... Я только походилъ близъ его квартиры и дверей...“

Я расхохотался и вскочилъ съ постели.

— „Какъ это вы походили около дверей Гарибальди?“

— „А вотъ какъ! Я его, все равно, вчера видѣлъ и слышалъ, ну, а теперь хотѣлъ видѣть, гдѣ онъ живетъ, каковъ дворъ, лѣстница, окна его квартиры? Что за дворникъ у него? Что за люди его посѣщаютъ?..“

— „Ну, вы все это видѣли?“

— „Видѣлъ. Въ улицѣ Терезы, въ Contrada di S. Theresa, я отыскалъ № 15, и съ благоговѣніемъ приближался къ нему. Ну, думалъ я: тутъ всѣ его знаютъ! Подхожу къ № 14; у дверей лавочки, съ надписью на вывѣскѣ: „Antica fabriqua di materassi elastice“,

то-есть „Старинное издѣліе эластическихъ тюфяковъ", стояла дочь хозяина лавки.—„Гдѣ тутъ Гарибальди?"—спросилъ я, какъ слѣдуетъ по-итальянски, то-есть: „Dove il signore Garibaldi?"—Взрослая гражданка посмотрѣла на меня съ изумленіемъ, и отвѣчала: „Не знаю, спросите далѣе!" А вѣдь вчера-то и демонстрація была тутъ въ двухъ шагахъ отъ лавочки. Такова-то вся наивная Италія! Вспомните Римъ и Ливорно, гдѣ, въ оффиціальныхъ бюро на почтѣ и въ конторахъ дилижансовъ, не могли мы съ вами добиться извѣстія, есть ли уже желѣзная дорога между Піаченцей и Александріей; а вѣдь эти мѣста отъ тѣхъ городовъ не далѣе, какъ Калуга отъ нашей Тулы или Тверь отъ Москвы... Ну-съ, я оглянулся, подойдя уже къ дому, гдѣ квартировалъ герой. Противъ его оконъ, черезъ улицу кондитерская, какой-то „Christino confettiere", а рядомъ, съ боку, мясная лавка, и бараны ободранные висятъ изъ дверей на улицу... Я вошелъ во дворъ; куча камней и кирпичей лежитъ подъ сквозными въ домъ воротами, подъ которыми налѣво былъ входъ и на лѣстницу квартиры Гарибальди. Между камнями валяются битыя стклянки... Я заглянулъ въ комнатку, надъ дверью которой была надпись: „Il portinajo", привратникъ. Стражъ двора и дома спокойно спалъ на кровати, прикрытый старою зеленою кофтой. На столѣ его лежали карты и чепецъ. Два котенка играли по полу какою-то деревянною кубышкой. Не желая тревожить сонъ этого мирнаго двуногаго цербера, я снова притворилъ двери и поднялся по лѣстницѣ самъ, думая угадать этажъ и дверь, гдѣ жилъ Гарибальди, по какому нибудь блеску и особой надписи. Я поднялся до пятаго или шестого этажа, и нигдѣ не видалъ ни блеску, ни надписи съ знаменитымъ именемъ. Только на одной изъ пяти дверей по лѣстницамъ была прибита мѣдная доска съ именемъ какого-то „Signor Aprile", а на другой, уже въ самомъ верху, была гвоздикомъ прибита простая запыленная карточка, съ именемъ: „Gaspar Frechi, capitano di cavalleria" и только! А на лѣстницѣ ни души. Я походилъ, походилъ по сѣрымъ плитамъ сумрачной лѣстницы и спустился. Смотрю, въ смиренной комнаткѣ „portinajo" уже толпа, гарибальдіевъ привратникъ (оказавшійся глухимъ до невѣроятія) уже не спитъ, а наставя руку, въ видѣ трубы, къ уху, слушаетъ возгласы пришедшихъ. А пришедшіе были: два туриста-англичанина и какой-то испанецъ, изъ Африки, съ женой...

— „Синіоръ Гарибальди!"—кричали англичане и испанецъ:—„Гдѣ здѣсь живетъ синіоръ Гарибальди, и можно ли его намъ видѣть?"

— „А въ третьемъ этажѣ, господа, въ третьемъ этажѣ, вонъ по той лѣстницѣ, ступайте прямо и безъ доклада; генералъ принимаетъ всѣхъ, и теперь дома—онъ живетъ между синіоромъ Aprile и синіоромъ Гаспаромъ Фреки, capitano di cavalleria...

XI.

Римъ.

Мартъ, 1860 г.

Каждаго путешественника при въѣздѣ въ Римъ прежде всего поражаетъ неизбѣжный вопросъ, который самъ является мыслямъ: „Да гдѣ же это Римъ“, гдѣ великій, древній, вѣчный, славный и нескончаемый Римъ? Громадный омнибусъ со станціи желѣзной дороги изъ Чивита-Веккіи, везетъ васъ по страшно-узкимъ и грязнымъ улицамъ. Грязныя лавченки, пустынность тротуаровъ, скверныя мостовыя, на всемъ сѣрый, неряшливый, оборванный и потускнѣлый видъ. Огромные дома, столпившіеся въ изломанныхъ переходахъ закоулковъ; вездѣ французскія вывѣски; кучи напичканныхъ по окнамъ французскихъ и англійскихъ товаровъ—мыла, духи, цѣпочки, плохія литографіи, сукна, готовое платье, жалкія аптеки, съ богатствомъ странствующаго жида-лекаря, лечащаго все касторовымъ масломъ, мушками и горчичниками, клерикальныя тщедушныя книжонки на каждомъ шагу, а главнѣе всего—нескончаемыя толпы нищихъ и монаховъ, монаховъ и нищихъ. Вы невольно спрашиваете себя: *„Да гдѣ же это Римъ?“* И не можете надивиться лжи и преувеличенію туристовъ, заставившихъ васъ съ дѣтства влюбиться въ вѣчный и чудный городъ, котораго, по вашему мнѣнію, вовсе нѣтъ...

Нищіе и монахи въ Римѣ васъ также озадачатъ, какъ нищіе и солдаты въ Неаполѣ!.. Нѣтъ ничего гнуснѣе и назойливѣе римско-итальянскихъ нищихъ. Они васъ преслѣдуютъ, мучатъ, тревожатъ, рвутъ вашу душу и ваше терпѣніе на каждомъ шагу.

— „Боже мой! какая отвратительная страна южная Италія съ этой стороны!“—сказалъ я одному русскому писателю-туристу, умирающему отъ восторга здѣсь уже пятый мѣсяцъ.

— „Э, братецъ ты мой“,—отвѣчалъ мнѣ мой товарищъ по литературѣ:—„вѣдь это наивное нищенство, это дѣти природы, и канючатъ они милостыню только по привычкѣ!“

Хороша привычка!

Глядя на процессіи монаховъ разныхъ орденовъ, расхаживающихъ длинными вереницами и попарно по всѣмъ концамъ современнаго Рима, въ черныхъ, алыхъ, бѣлыхъ, рыжихъ, лиловыхъ и масаковыхъ кафтанахъ и широкихъ разноцвѣтныхъ шляпахъ, понимаешь сразу, откуда это берется, и рѣшаешь, что теперешнему Риму ужъ такъ, видно, и быть должно! Ходятъ себѣ монахи, въ чулкахъ и въ башмакахъ, въ шляпахъ, а иные босикомъ и съ открытой, бритой на ма-

кушкѣ головой. Рыжій, грязный капуцинъ, въ рясѣ изъ верблюжьей шерсти, едва дыша отъ жиру, тоже пробирается сторонкой и несетъ свой тучный животъ, обливаясь потомъ. Вотъ собралась кучка людей; они о чемъ-то шепчутся, почесывая въ затылкѣ. Въ рукахъ у одного французскій „Siecle“, переходящій отъ глазъ къ глазамъ пугливо напряженной толпы. А вотъ вы за городомъ. И тутъ мелькаютъ монашескіе кафтаны, уже щегольского покроя, какіе-то свѣтло-аметистовые. Только люди, носящіе ихъ, кажутся какими-то малютками, будто смотришь на нихъ съ верху колокольни. Подходишь, а это румяные и веселые ученики какой-то школы разсыпались по зеленому дерну и выглядываютъ изъ-за скалъ, какъ полевые яркіе цвѣтки. Ботанизируютъ ли они, или такъ выпущены на мгновеніе побѣгать въ запуски и отдохнуть отъ изученій несканчаемыхъ истинъ каноническаго права. Ихъ также поспѣшили одѣть въ монашескіе кафтаны, башмаки и шляпы съ завернутыми къ верху полями. И какъ странно смотрѣть на этихъ десятилѣтнихъ аббатовъ и двѣнадцати-лѣтнихъ іезуитовъ. Двое схватились бороться; одинъ потерялъ башмакъ и упирается разутою ногою въ бѣломъ прорванномъ чулкѣ, а другой мѣтитъ вцѣпиться въ волоса противника. Одинъ изъ будущихъ Антонелли забѣжалъ за кустъ шиповника, и пока длинный и тощій менторъ рѣзвой ватаги товарищей читаетъ желтовато-бурый листокъ „Harmonia“, вынулъ изъ-подъ полы огрызокъ сигары, закурилъ ее и машетъ камрадамъ поспѣшить раздѣлить съ нимъ сласти этого запретнаго банкета.

— „Отчего у васъ поля пусты и необработаны?“ — спрашивалъ я поселянъ чудной римской Кампаніи, столь живо напоминающей всякому нашу Малороссію: такія плодородныя земли и вы ихъ бросили!“

— „А вотъ видите ли“, — отвѣчалъ мнѣ, оглядываясь, сельскій либералъ: — „мы давно уже — бѣльмо въ глазу его пресвѣтлой эминенціи, кардинала нашего Антонелли!“

— „Какъ такъ?“

— „Да такъ же!.. У насъ всѣ области розданы кардиналамъ на доходъ; у каждой, знаете ли, красной шляпы есть свой городъ и свой податной округъ. Ну, кардиналы наши теперь не то, что встарину. Прежде они были изъ капуциновъ, безъ затѣй, а теперь въ красныхъ каретахъ цугомъ по Риму ѣздятъ, оси и спицы колесъ, какъ вы вѣрно изволили замѣтить, золоченыя. У каждаго свой дворецъ, свой штатъ, свои прислужники въ Римѣ, да и далѣе. Деньги нужны; ну, съ насъ и дерутъ. Какъ, значитъ, только земля кардинальская или папская, такъ всѣ и отступаются отъ нея! Силъ нѣтъ! давай кардиналу, давай и на папу, давай аббату своему, его клиру, каноникамъ. Ну, земли такъ и лежатъ, не считая еще праздниковъ, за-

прещающихъ и работать-то вдоволь! Вотъ, я въ Генуѣ былъ, да въ Марсели... Тамъ совсѣмъ другое...“

А между тѣмъ, взгляните на эту чудную, волшебную природу. Море въ десяти шагахъ лепечетъ и рокочетъ свои вѣчныя сказки. Скалы увѣнчаны гирляндами вѣчно-цвѣтущихъ розъ. Горы и горы, голубоватыя, лиловыя, дымчатыя, съ бѣлыми маковками, идутъ по краямъ небосклона. Оливковыя рощи тянутся безъ конца по скатамъ скалъ. Жирная, красноватая земля такъ и пышетъ плодородіемъ. Вонъ, копнулъ ее лѣнивый фраскатанецъ—и посмотрите, какимъ лѣсомъ миндалей, абрикосовъ и винограда зазеленѣла его усадьба! Кактусы и алое, какъ у насъ простой бурьянъ, лопухъ и чертополохъ, огромными колючими лапами выставляются тамъ и здѣсь и глушатъ себѣ дикія полянки на привольѣ. Пальма, эта рѣдкая русскому глазу, нѣжная красавица, возноситъ свою вершину надъ апельсинными и лимонными садами... Вы очарованы и этою зеленью, и этимъ лазурнымъ, ласково сіяющимъ небомъ. Вы готовы сказать съ любимымъ поэтомъ:

„Ахъ, чудное небо, ей Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!
„Подъ этакимъ небомъ невольно художникомъ станешь...
„Здѣсь люди—какъ будто не люди, какъ будто картинки
„Изъ чудныхъ стиховъ Антологіи древней Эллады!“

Вы въ полномъ экстазѣ! Память ваша, перевирая и неперевирая, припоминаетъ вамъ лучшія выраженія о томъ же Римѣ всѣхъ нашихъ дорогихъ авторовъ, Гоголя, Лермонтова, Майкова, Батюшкова. Вы даже изъ греческихъ стихотвореній похищаете примѣры. Садитесь подъ тѣнь кипариса и говорите извѣстное стихотвореніе: „Заснулъ я въ тѣни сикомора“—разумѣется не въ передѣлкѣ И. Я. Чернокнижникова...

И вдругъ попадаете снова въ грязь. Передъ вами толпа нищихъ, нищихъ римскихъ, о какихъ въ другихъ краяхъ и понятія не имѣютъ. Въ другихъ странахъ нищій—либо калѣка, либо бѣднякъ, либо убогій идіотъ, не говоря, безъ сомнѣнія, объ исключеніяхъ. Здѣсь каждый нищій — это прежде всего помѣщикъ, то-есть, землевладѣлецъ. Онъ бросилъ свой участокъ, надѣлъ шляпу, закурилъ трубку и пошелъ въ Римъ жить бродягою. Всѣ ему подаютъ милостыню: и ревностныя католическія туристки, и туристы, и папа съ кардиналами. Послѣдніе отдаютъ ему то, чтò берутъ съ послѣдней кучи его сосѣдей, непокидающихъ еще своихъ участковъ. Сѣлъ себѣ этакій господинъ-нищій въ нишѣ церковной ограды, или разлегся на мосту, или съ трубочкой гуляетъ въ саду; вы идете, а его шляпа уже у вашего носа; смотрите, онъ и лицо сморщилъ, будто три дня не ѣлъ, а трубку

продолжаетъ курить. Вы ѣдете на парѣ добрыхъ скакуновъ, а у дверецъ коляски вашей, версты на три, бѣгутъ четверо ребятъ, босикомъ, лѣтъ по двадцати каждый, бѣгутъ, вопятъ объ „una grazia" и въ назиданіе кувыркаются черезъ голову по дорогѣ, хлопая объ землю голыми пятками и толстыми икрами. У каждой двери безчисленныхъ римскихъ церквей непремѣнно сидитъ почернѣлый и позеленѣлый отъ лѣни, апатіи и гемороидальной неподвижности, еще сильный байбакъ. Все занятіе его состоитъ въ созерцаніи чего-то. Онъ глядитъ, плюетъ на полъ, изрѣдка куда-то уходя и куря подбираемыя имъ самимъ съ улицы окурки сигаръ; вы проходите изъ церкви, а онъ протягиваетъ уже назойливую руку за подачкой, будто и дѣло сдѣлалъ вамъ. Вы высаживаетесь на берегъ въ Чивита-Веккіи; двадцать загорѣлыхъ рукъ, вынутыхъ изъ жирныхъ, вонючихъ каргановъ, лѣзутъ уже за вашимъ зонтикомъ, а десятокъ дрянныхъ лодокъ топорщатся изо всѣхъ силъ, захватить вашъ чемоданъ. Вы новичекъ, вы не крикнули, не разогнали этихъ тупоумныхъ бродягъ; двадцать рукъ разобрали ваши зонтикъ, сакъ-вояжъ, калоши, по одной, шарфъ, дорожную карту и пальто; на берегу же за каждую вещь вы по таксѣ приглашаетесь заплатить по франку, а о вашемъ чемоданѣ вамъ докладываютъ, что онъ прибылъ на берегъ на десяти „взятыхъ синьоромъ" лодкахъ, и съ синьора слѣдуетъ еще получить десять франковъ. Эта наглость напрасно возмущаетъ васъ. Наивные бродяги, при вашемъ азартѣ, хохочутъ вамъ въ лицо, споря и крича подѣлятъ ваши деньги и разойдутся на новую ловлю. И это каждый день! Правительства Рима и Неаполя, какъ говорится, консолидируютъ бѣдныхъ путешественниковъ съ этою эксплуатаціею и смотрятъ на все сквозь пальцы.

Хороши еще наши соотечественницы, милыя шалуньи, какъ выразился недавно кто-то, наши судогодскія виконтессы, пирятинскія баронессы и сольвычегодскія принцессы, съ давнихъ поръ наводняющія своими неслыханно-великосвѣтскими личностями стогны, грады и веси мирной Италіи. Въ Ниццѣ, на улицѣ, я встрѣтилъ недавно савояра, который выплясывалъ голыми пятками какой-то національный плясъ въ родѣ милаго канкана изъ Шато-Флёръ въ Парижѣ, и напѣвалъ очень бойко русскую *камаринскую*. Это значитъ распространять у иноземцевъ любовь къ русскому. А въ римскихъ горахъ, близъ Пистойи, сбѣжавшія съ мокрыхъ скалъ, послѣ дождя, съ пучками горныхъ тюльпановъ аттаковали меня и моего сопутника-студента нищія дѣвочки, лѣтъ по семи, осьми, и хоромъ въ десятокъ голосовъ стали выкрикивать вокругъ насъ чистымъ русскимъ выговоромъ: „*Барышня, дайте грошикъ!*" Подумаешь, какая милая шалость! Мы остановились, озадаченные, пустились черезъ кондуктора разспрашивать дѣвочекъ, кто ихъ выучилъ этому крику, и узнали, что какая-то „синьора Pras-

covia Wassky“. Да, кстати еще. На всѣхъ общественныхъ памятникахъ Италіи, на стѣнахъ храмовъ, на высотахъ колоколень, на карнизахъ дворцовъ (на вершинѣ падающей башни въ Пизѣ, на Колизеѣ въ Римѣ, въ Помпеѣ на углу городской бани и на листахъ записныхъ книгъ въ жилищѣ пустынника на Везувіи, и въ бюро отеля Викторіи въ Венеціи) я встрѣтилъ нѣсколько именъ нашихъ компатріотовъ, повторявшихся безъ устали вездѣ и, какъ видно, также мѣтившихъ на извѣстность. Чтобы помочь послѣдней еще болѣе, выписываю, въ облегченіе имъ, эти имена здѣсь. Вотъ эти имена, набросанныя карандашемъ, выскобленныя гвоздемъ и ногтемъ въ известкѣ и въ мраморѣ Италіи: Яковъ Ивановъ, Сережа Кушакевичъ (какая наивность!), Евдокси Грыжинская, Лавръ Лавровъ, три Михайловыхъ и шесть Андреевыхъ.

Послѣ знаменитой просьбы римскихъ пейзанокъ: „барышня, дайте грошикъ!“ я былъ удивленъ, не менѣе этой просьбы, другою картиною быта современнаго Рима. Долго занималъ меня одинъ совершенно испошлившійся и исподличившійся старикашка, лѣнтяй-нищій, ходившій съ котомкой каждый день у оконъ моей римской квартиры. Я долго не могъ понять его карьеры и свойствъ его лукошка. Онъ ходилъ въ изумительно-порванныхъ, узкихъ и лопнувшихъ по всѣмъ швамъ панталонахъ; красная, загорѣлая, обросшая бѣлымъ старческимъ пухомъ и въ складкахъ, какъ у Бетрищева, шея его, съ краснымъ колпакомъ на лысой головѣ, мелькала мнѣ въ окно ежедневно. Одинъ разъ я проснулся рано, разбуженный крикомъ ословъ и лошаковъ, пришедшихъ на отдыхъ въ тѣнь моей гостиницы, на перепутьи, съ вьюками зелени и хлѣба. Смотрю, мой знакомецъ-нищій ходитъ между этими животными, суется съ котомкой то къ одному, то къ другому, куря свою трубочку,—ослы и лошаки на отдыхѣ роняютъ..., а онъ на-лету подставляетъ лукошко... Караванъ ушелъ, старикашка побрелъ съ полнымъ лукошкомъ и черезъ часъ явился уже на-веселѣ, легъ у фонтана и заснулъ. Это значитъ, онъ продалъ свой заработокъ огороднику на гряды, и легъ отдыхать, какъ будто дѣло сдѣлалъ. И это еще самые трудолюбивые изъ папскихъ лѣнтяевъ!

А сколько разъ вы наткнетесь въ Римѣ и его окрестныхъ городахъ на такую сцену? Толпа разнаго сброда стоитъ на площади весь день. Стоитъ въ фуфайкахъ, въ колпакахъ, въ какихъ-то короткихъ плащикахъ, блинообразнаго вида по жиру своему, куритъ трубочки, молчитъ, слушаетъ, что говорятъ сосѣди, куритъ и плюетъ на землю. Вся площадь заплевана. Стоятъ тутъ старики, стоятъ бабы, стоятъ и десятилѣтніе мальчики. Мальчики тоже, заложа руки въ грязные карманы узкихъ штановъ, потягиваются, курятъ трубки и плюютъ. Старики шестьдесятъ лѣтъ сряду такъ ходятъ сюда и такъ тутъ стоятъ.

Они ходили сюда еще мальчиками, а теперь ходятъ дряхлыми стариками. Только лѣни прибавилось, да сонливости на подлыя, непотребныя, даромъ изжитыя кости. Что за желтыя пухлыя лица и шеи! О чемъ они думаютъ? думаютъ ли о новыхъ судьбахъ Италіи и папы, о томъ, будутъ ли у нихъ и на тотъ годъ кардиналы и процессіи, или вмѣсто этого останется одинъ французскій дивизіонный генералъ! Они стоятъ, курятъ, плюютъ и думаютъ. Въ полдень наѣлись поленты, макароновъ, завалились подъ амбарами спать. По утру зашли въ церковь, тамъ и здѣсь сорвана новая подачка, и опять куреніе, молчаніе и сладкое ничего-недѣланіе...

Сходство съ Малороссіей дѣйствительно найдено не мною однимъ у окрестностей Рима, особенно со стороны Чивита-Веккіи. Вы ѣдете, думаете скоро увидѣть куполы, башни, развалины великаго города; вагоны мчатся, и, вмѣсто чудесъ вѣчнаго Рима, вы встрѣчаете печальныя зеленыя степи, по которымъ то тамъ, то сямъ пасутся стада мериносовъ, а одинокій загорѣлый чабанъ стоитъ, опершись на палку, и лѣниво слѣдитъ за вами издали! Вотъ землянка панскаго хутора! дымокъ вьется надъ соломенною крышей; пѣтухи дерутся у воротъ. Опять пошли поля. Чернобровый плугатарь идетъ за плугомъ, а плугъ везетъ пара воловъ. „Ой волы-жъ мои, мои волики! Горе мини зъ вами." Еще ѣдете далѣе; у дороги утлый заборъ, за заборомъ истолочена земля. Это табунъ тутъ ночуетъ. Вонъ онъ ходитъ себѣ на привольѣ, по дальнему туманному косогору. И сорока итальянская, и воробей тутъ итальянскій взлетѣли, сѣли на шестѣ и кричатъ будто не по-итальянски, а по нашему. — За Монте-Пинчіо, въ долинѣ, я увидѣлъ собачку у поселянина, точь-въ-точь нашего „сѣрка" или „рябка".

— „Цю-цю, цю-цю, на—на!" —закричалъ я на собачку, подзывая ее по-украински.

— „Э!" —замѣтилъ мнѣ землякъ, изъ римскихъ художниковъ:— „ты уже и въ самомъ дѣлѣ Римъ принялъ за Полтаву! Здѣсь, братъ, все наоборотъ; тутъ собакъ зовутъ, какъ кошекъ: кисъ-кисъ-кисъ-кисъ-кисъ; ну, онѣ и бѣгутъ!"

Онъ началъ по-кошачьи звать собачку и та къ нему точно прибѣжала.

Въ качествѣ старой дѣвы-кокетки перваго свойства, Римъ, разумѣется, сильно подражаетъ Европѣ, не смотря на громы, извергаемые на Парижъ и Туринъ. Такъ, напримѣръ, всѣ улицы пресловутаго града цезарей столь узки, что одинъ домовладѣлецъ выйдетъ, сядетъ курить на порогѣ своего дома, и колѣнями касается колѣней своего визави, тоже сѣвшаго покурить на порогѣ своего дома,—а не смотря на это, завелся въ Римѣ своего рода Итальянскій—бульваръ и Нев-

скій—проспектъ. Это знаменитая улица Корсо, шириною въ девять шаговъ, считая тутъ и тротуары; 19-го марта, не убѣги я смиренно въ Cafe Grec, папскіе сбиры, рубившіе народъ, непремѣнно прекратили бы продолженіе этихъ писемъ, вмѣстѣ съ жизнью вашего покорнѣйшаго слуги. Есть у Рима и свои Champs-Elysés, и лѣтній садъ; это знаменитый холмъ въ чертѣ города, Монте-Пинчіо, куда летятъ каждымъ вечеромъ модныя коляски, полныя разодѣтыхъ щеголей и щеголихъ, особенно послѣднихъ, изукрашенныхъ всѣми дивами современной моды, отъ кринолиновъ до короткихъ спереди и длинныхъ сзади платьевъ. Иной разъ выйдешь на Корсо или втащишься въ аллеи Монте-Пинчіо, такъ и кажется, что изъ прыгающихъ каретъ выглянутъ знакомые глаза и Мины Антоновны, и М-lle Альфонсинъ.

Демонстраціи противъ папскаго правительства въ Римѣ не менѣе любопытны. Такъ иногда имѣя въ виду, что табакъ здѣсь, какъ и во Франціи, составляетъ коронную регалію, и правительство, само поставляя курево народу, отдаетъ его продажу на откупъ, римская молодежь вдругъ положитъ между собою не курить ни сигаръ, ни трубокъ. Всѣ мгновенно бросаютъ курить на недѣлю, на мѣсяцъ. Кто не знаетъ условія, тотъ можетъ быть неожиданно изумленъ въ первомъ переулкѣ: у него вышибутъ изо рта и сигару, и трубку; тогда Антонелли въ попыхахъ; табачному товару нѣтъ сбыта, и Ватиканъ распускаетъ двѣсти или триста работниковъ съ сигарной фабрики.

— „Отчего вы, господа, не курите?“—начинаютъ стороной поговаривать молодымъ эминенти и артистамъ смиренные аббаты и папскіе долговязые сбиры.

— „Надоѣло“,—отвѣчаютъ эти господа: —„да и недавно еще, въ прошломъ вѣкѣ только, честные отцы проповѣдывали нашимъ предкамъ, что табакъ—грѣшное зелье!“

Помучатъ, помучатъ кардинальскихъ казначеевъ, да и простятъ. Смотришь, опять курятъ всѣ по всему Риму сигары.

На масляной въ этомъ году римская молодежь не исправляла въ Римѣ своего знаменитаго карнавала. Но такъ какъ Римъ безъ карнавала быть уже не можетъ, какъ и мы не можемъ быть безъ блиновъ, то, по щучьему велѣнью, вся безчисленная толпа шалуновъ собралась за городомъ, за воротами porta pia (древнее имя, впрочемъ, не отъ имени Пія IX) и стала тамъ справлять всѣ обычаи карнавала отъ уличнаго маскарада, съ конфектами изъ муки, мокколетами и бѣгомъ коней безъ всадниковъ. И что же? эта затаенная демонстрація противъ нелюбимаго Ватикана отомщена довольно замысловато. Кардиналъ Антонелли послалъ между разодѣтыми эминенти и затѣйниками-студентами прогуливаться городского *палача*, какъ есть, во всемъ пол-

номъ нарядѣ. Красный человѣкъ появился, и толпа съ ужасомъ и проклятіями разошлась.

Я шелъ на вечерній русскій чай, въ русское семейство художника г. ***, куда должны были сойтись и другіе его товарищи, почитать (тогда были завезены въ Римъ новая повѣсть Тургенева „На-канунѣ“ и драма Писемскаго „Горькая судьбина“) и потолковать о дальней родинѣ и родичахъ. Путь мой лежалъ отъ piazza-Venetia къ via Babuina, черезъ Корсо. Едва я вошелъ на послѣднюю улицу, здѣшній Невскій проспектъ (это было около 6 часовъ вечера), какъ нежданная громадная масса гуляющихъ уже изумила меня. Я зналъ, что въ тотъ день не было ни особаго праздника, ни историческаго воспоминанія. Погода тоже была не совсѣмъ теплая и ясная. Между тѣмъ публика (черни тутъ не было вовсе—да она въ Римѣ и не способна на самостоятельное движеніе въ это время) росла и росла. Щеголи, въ пальто и однихъ черныхъ сюртукахъ, куря сигары и трубки, молча становились въ ряды стоявшихъ уже такихъ же щеголей по тротуарамъ, становились и глядѣли на ѣздившихъ взадъ и впередъ дамъ и товарищей въ колясках. Никто мнѣ ничего не говорилъ прежде о замышляемой демонстраціи, и сами собравшіеся на нее повидимому не подавали о ней никакого знака, ни особыми криками, ни знаменами, какъ это я прежде читалъ въ газетахъ. Но мысль о демонстраціи мигомъ осѣнила мою голову: демонстрація читалась въ воздухѣ!

— „Что это, синьоръ, собрались и собираются эти молодые люди?“ — спросилъ я сосѣда, толстаго добряка, какъ видно изъ содержателей ресторановъ или аптеки.

— „Это, синьоръ“,—отвѣчалъ онъ:—„демонстрація противъ нашего папы, измѣнившаго народнымъ ожиданіямъ въ угоду австрійцамъ! Сегодня день св. Жозефа, и мы явились сюда заявить свое сочувствіе къ Италіи другой, тамъ за горами! Санъ-Джузеппе—имя Гарибальди и Мадзини.

Я сталъ на углу улицы Кондотти, ведущей къ пьяцца-д'эспанья, мимо кафе-грекъ, мѣста сходокъ русскихъ художниковъ со временъ Гоголя и Иванова. Толпа все прибывала. Ко мнѣ подошелъ М., русскій архитекторъ.

— „Смотрите, тутъ будетъ недоброе дѣло, рѣзня!“—сказалъ онъ шутя: — видите, папскіе Держиморды собираются по перекрёсткамъ всего Корсо...“

Въ самомъ дѣлѣ, длинные папскіе сбиры въ синихъ вицъ-мундирахъ, съ бѣлыми выпушками, въ треуголкахъ à la Napoléon I и съ огромными палашами, стали являться, будто для соблюденія обычнаго порядка на гульбищахъ, кучками по пяти и десяти человѣкъ. Вдругъ

гдѣ-то раздались крики: „Прочь! Расходитесь! гнать сволочь по домамъ! Да здравствуетъ папа!“ Въ отвѣтъ на этотъ возгласъ послышались свистки, и близъ самой щеки моей также свистнулъ какой-то господинъ, весь черный, какъ жукъ, обросшій волосами до глазъ и блѣдный! Я взглянулъ на него; онъ опустился въ свой воротникъ, присѣлъ и, дрожа отъ волненія, свистнулъ еще громче, и въ то же мгновеніе, съ другой стороны, на толпу стоявшихъ по обоимъ тротуарамъ, значитъ, и на насъ выскочила и понеслась толпа конныхъ сбировъ. Я помню только одно, что въ воздухѣ сверкали обнаженные палаши, что въ двухъ или трехъ мѣстахъ эти палаши упали и какъ бы вонзились во что-то мягкое, что сбиры ими били по лицу и по шляпамъ стоявшихъ; брызнула кровь, раздались вопли мужчинъ и женщинъ... толпа хлынула, и мы съ М. едва успѣли вскочить въ кафе-грекъ, на улицѣ Кондотти...

На Корсо продолжались еще схватки. Слышно стало въ тотъ же вечеръ, что ранены три французскіе офицера и до полутораста человѣкъ изъ римскаго общества, что убита женщина, шедшая тутъ случайно, что сбировъ также поколотили, срывали ихъ съ лошадей, топтали и угощали пощечинами, словомъ, исторія вышла скверная. Ночью еще послышались-было крики; говорили, что какая-то толпа бѣжала къ porta pia. Но скоро все стихло... Заговорилъ одинъ телеграфъ, зашумѣли и шумятъ донынѣ объ этомъ газеты.

Что-же еще сказать о Римѣ, о его жалкой современной жизни?

Проходитъ двѣ, три недѣли вашихъ странствованій по новому Риму, по Риму папъ и кардиналовъ, и передъ нами нежданно начинаетъ изъ новаго выходить старый Римъ. По словамъ поэта, онъ сперва сказывается вамъ отрывками, тамъ колонной, здѣсь портикомъ, тамъ громадными развалинами Колизея, Капитолія и Термовъ, здѣсь обширнымъ полемъ среди города, съ разбросанными по немъ мраморами, и наконецъ вы начинаете чуять Римъ былой, дѣйствительно великій, тотъ Римъ, о которомъ вы точно мечтали съ дѣтства, столицу Гракховъ, Цицерона и Цезаря. Этотъ Римъ васъ восторгаетъ, чаруетъ, уноситъ къ міру неземному, и жалкій современный Римъ, въ которомъ вы, какъ и я, какъ и всѣ, нынѣ пріѣзжающіе сюда, разочаровались, становится вамъ еще жальче...

Узкія улицы, затхлые, вонючіе переулки, грязь домовъ, помои, выливаемые прямо изъ оконъ пяти и семи-этажныхъ палаццовъ вамъ на голову, кухни, варящія въ дыму и копоти кушанья прямо на улицахъ, красныя кардинальскія кареты, съ золочеными колесами, жалкіе театры, убогія лавки и отсутствіе газетъ и литературы,—но вы всему этому готовы простить за одно нескончаемое наслажденіе: вы въ Колизеѣ, вы ходите по лѣстницамъ Капитолія, вы въ храмѣ Юпитера,

вы на форумѣ, гдѣ гремѣли трубными звуками живыя донынѣ слова: „Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?..

Вы всему этому прощаете. Нищіе, монахи, сбиры для васъ исчезаютъ. Съ гидомъ въ рукахъ, съ толстенькою желтою брошюрою „Rome en dix jours“ вы прежде всякаго англичанина начинаете обѣгать Римъ древностей. Вѣдь въ Римѣ много всякихъ Римовъ...

Если вы не были въ Римѣ и желаете знать общій видъ его, то имѣю честь доложить, что, въѣзжая въ Римъ послѣ Петербурга, Берлина, Вѣны и Парижа, точно въѣзжаешь обратно въ Москву. Это совершенно бѣлокаменная итальянская Москва, городъ раздольный и вмѣстѣ тѣсный, городъ нѣсколькихъ эпохъ, нагроможденный и вмѣстѣ перерѣзанный безконечными садами и цѣлыми площадями, даже съ именемъ „коровьихъ полей“,—словомъ, какъ мы привыкли звать Москву, со словъ Бѣлинскаго, городъ-деревня. Вырвавшись изъ тѣсныхъ, вонючихъ и темныхъ переулковъ средневѣкового Рима, вы свободнѣе вздыхаете на площадяхъ термъ Каракаллы, Колизея, Веспасіана и форума съ Капитоліемъ и Campus vaccinus. По словамъ поэта, въ Колизеѣ вы прислушиваетесь къ давно несуществующей публикѣ патриціевъ, смотрящихъ на бой звѣрей и гладіаторовъ, видите въ императорской пурпурной ложѣ Кесаря, слышите слова бойцовъ-рабовъ, идущихъ бороться на смерть. „Morituri te salutant!“ и громы тридцати-тысячной толпы потрясаютъ ваше ухо, склоненное къ великой древности. Плющи, цвѣты и цѣлыя деревья растутъ давно, тамъ, точно на небесахъ, на верху этого исполинскаго амфитеатра. Что-то вспорхнуло и полетѣло туда съ земли, на громаду камней, въ необъятныя окна, увитыя плющемъ. Вы вглядываетесь—это дикій голубь...

Я, безъ сомнѣнія, какъ и всякій смиренный туристъ, проводилъ цѣлые дни и ночи напролетъ среди этихъ живоглаголющихъ древностей перваго, великаго Рима. Я пилъ воду, цѣлые вѣка, тысячелѣтія, бьющую изъ каменныхъ фонтановъ у стѣнъ Капитолія, храмовъ Весты и Юпитера, храма Венеры и громадныхъ термъ, уже лежащихъ нынѣ внѣ города, вмѣстѣ съ развалинами цезарскихъ дворцовъ, будто убѣжавшихъ отъ новаго грязнаго и душнаго средневѣкового Рима...

Но вотъ раздается дружный звонъ, благовѣстъ ангелюса, звонъ сотни колоколовъ. Опять Москва рисуется вашему воображенію. Вы идете просторными полями, между холмовъ, усѣянныхъ виноградниками. Вы ждете видѣть замоскворѣчье, Кремль, Ивана-Великаго, пожалуй даже Стоженку и Тверской бульваръ. Нѣтъ, бѣлокаменная далеко. Вамъ пересѣкаетъ дорогу опять босой и грязный, рыжій и толстый капуцинъ, черными глазами зорко оглядывающій ваше лицо и, кажется, ваши помыслы...

Вы вспоминаете другую эпоху, видите шагающихъ отъ моря по обозженной кампанской пустынѣ другихъ частей Рима. Святой апостолъ Петръ и съ нимъ святой Павелъ идутъ къ воротамъ ихъ. „Къ римлянамъ посланіе святаго апостола Павла чтеніе" звучитъ въ вашихъ ушахъ. Вы идете по улицамъ. Церкви открыты. Кадильный дымъ летитъ на паперти и на улицы. Вотъ площадь, вотъ великое и безсмертное созданіе новѣйшихъ искусствъ храмъ Петра. На площади, передъ мѣстомъ, гдѣ мученически казненъ апостолъ, бьютъ роскошные фонтаны. Сбиры расталкиваютъ народъ. Французскій капитанъ покрикиваетъ, по модѣ современнаго Парижа: „Circulez, messieurs, circulez!" т.-е. не зѣвайте, не застаивайтесь. Что это? какіе-то средневѣковые шевалье, въ пестрыхъ лоскутныхъ брюкахъ и беретахъ, какъ карточные червонные и бубновые валеты, съ алебардами въ рукахъ, несутъ позолоченное кресло, а на креслѣ сидитъ Пій IX. Благочестивые зрители преклоняются. Преклоняюсь и я передъ завѣтнымъ когда-то обычаемъ народа. Но чужеземный взоръ является невольнымъ протестантомъ. Я подсматриваю, что всѣ эти ветхія кулисы когда-то пышной и торжественной сцены довольно жалки. Позолота и бархатъ, гербы и шелкъ на креслѣ и опахалахъ сильно потускнѣли, потерлись и отзываются ненужными оборвышами декорацій, иногда, середи бѣла-дня, переносимыхъ изъ театра въ театральныя кладовыя. Вы входите въ церковь. Молитвы склоненныхъ женщинъ и иностранцевъ безпрестанно прерываются шарканьемъ служекъ и какихъ-то тоже подержанныхъ и будто потертыхъ лакеевъ обанкрутившагося богатаго дома. Это спекулируютъ церковными стульями. Лавокъ въ Италіи въ церквахъ нѣтъ для сидѣнія, а у входа, иногда же просто среди церкви, навалены тамъ дрянные соломенные стулья. Вамъ ихъ навязываютъ, берутъ съ васъ деньги и, едва положа должный паекъ въ карманъ, жадно высматриваютъ, когда-то вы бросите свой стулъ, чтобы навязать и подпихнуть его другому. А вотъ вокругъ базилики ставятся стропила, лѣса, обтягиваются полинялымъ штофомъ. „Это что такое?" — „Готовятся для папскаго служенія на пасху!" — „Зачѣмъ же декораціи?" — „А безъ этого уже нельзя." — Приходитъ пасха. Вы думаете, что ее встрѣчаютъ здѣсь такъ, какъ у насъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ или на Прѣсненскихъ и Чистыхъ прудахъ. Ничуть не бывало. Въ первый же день вы видите уже у всѣхъ вялыя, будничныя и какія-то тоскливо скучающія лица. Магазины точно заперты. Но ваша сосѣдка моетъ у себя во дворикѣ бѣлье и развѣшиваетъ его по гвоздямъ сушиться. За то процессіи нищихъ и монаховъ по улицамъ начинаютъ двигаться еще чаще. А надъ Монте-Пинчіо, какъ у насъ на Крестовскомъ, въ заведеніи минеральныхъ водъ, взлетаетъ громадный фейерверкъ. Многіе иностранцы съѣзжа-

ются смотрѣть на эту потѣху Ватикана, по прошествіи которой долго чувствуется недостатокъ въ казнѣ у послѣдняго ежегодно...

Фейерверкъ взлетѣлъ, Пій IX далъ свое знаменитое благословеніе съ балкона Ватикана „urbi et orbi“, забывши, впрочемъ, что у него есть, въ числѣ дворцовыхъ церемоніймейстеровъ, и особые „великіе проклинатели“; на улицахъ опять все стихаетъ, у замка „св. Ангела“ тѣснится съ какимъ-то постояннымъ, тревожнымъ ожиданіемъ французская кордегардія, а на пустыя плиты тротуаровъ высыпаютъ снова нищіе и монахи.

Кое-гдѣ только протащится изнуренный, загорѣлый и какъ-то молча и пугливо взглядывающій на васъ поселянинъ, держась за хвостъ ослика, навьюченнаго всякою всячиною. Осликъ, миловидныя уши котораго любезно мелькаютъ здѣсь вамъ среди общей мертвечины, идетъ себѣ, шевелитъ брылястыми губами и своими классическими „ослиными ушами“, идетъ, поглядываетъ себѣ на васъ, на монаховъ, на нищихъ. Эти два образа васъ тутъ только и утѣшаютъ. Оселъ и поселянинъ, удержавшіеся на деревенской почвѣ Рима, кажутся, въ своемъ трудолюбіи, единственными надеждами здѣшней области...

Я какъ-то случайно попалъ тутъ на такъ называемое лютеранское кладбище, думая встрѣтить тутъ могилы какихъ-нибудь статсъ-ратовъ, гофъ-ратовъ, и вообще людей залетнаго торгующаго люда. Вообразите же чувство, овладѣвшее мною, когда противъ самаго входа, въ кругу мраморныхъ столбовъ, плитъ и мавзолеевъ, мелькнула мнѣ изъ бѣлой ниши знакомая курчавая, съ высокимъ лбомъ голова, и я прочелъ русскую простую надпись изъ 10 буквъ: „*Достойному*“, а внизу имя: *Карлъ Брюловъ.* Тутъ цѣлая уже семья русскихъ художниковъ. Подъ сѣнію кипарисовъ я нашелъ могилы незабвеннаго Штернберга, Григоровича и Давыдова... Какъ-то грустно сжалось мое сердце при мысли о покойномъ Ивановѣ и его печальномъ пріѣздѣ и кончинѣ въ Петербургѣ. Здѣсь, среди этихъ розъ и кипарисовъ, въ обществѣ Брюлова и Штернберга, ему, кажется, лучше бы лежалось...

Послѣдній вечеръ въ Римѣ я опять провелъ въ семьѣ молодежи русскихъ художниковъ. Мы вспоминали далекую Русь, говорили о Гоголѣ, о жизни его на Via felice, гдѣ онъ создавалъ свои „Мертвыя души“. Послѣ толковъ объ Ивановѣ, о новыхъ петербургскихъ художникахъ, мы стали читать отрывки изъ „Записокъ Охотника“, страшно замасленныхъ въ ходячей библіотекѣ одного изъ художниковъ.

— „А что новаго теперь въ нашей литературѣ?—Мы три года, —я пять лѣтъ,—а я шесть лѣтъ не былъ въ Россіи и не видалъ нашихъ книгъ и журналовъ...“

— „О, много, господа, новаго! Кончайте ваши дѣла и ваши работы, да пріѣзжайте!“

Кто-то принесъ въ срединѣ вечера цѣлый коробъ въ карманахъ весеннихъ травъ и цвѣтовъ изъ прогулки по окрестностямъ. Стали ихъ разбирать.

— „Вотъ“,—началъ хозяинъ квартиры:—„какъ, по римской пословицѣ, Петръ своими ключами не запираетъ здѣсь дверей ко всему любопытному, оставляя Павлу (паолъ—мелкая монета) ихъ тутъ же тотчасъ отпирать, а Русь-то однако проникла вездѣ уже и въ здѣшнихъ палестинахъ. Кстати, господа, вы видѣли въ самомъ куполѣ Петра надпись покойнаго государя: „былъ здѣсь и молился за матушку' Россію Николай Романовъ.“

На утро я выѣхалъ въ Неаполь. Пузатая, желтая, временъ Адама карета мальпоста глухо выкатилась изъ Рима. На каждыхъ пяти верстахъ стали попадаться намъ по знаменитой мощеной плитами почтовой дорогѣ Via appiana, попарно конные и пѣшіе папскіе жандармы съ ружьями на плечѣ и съ палашами.

— „Что это такое, зачѣмъ?“ —спросилъ я кондуктора.

— „А это для безопасности проѣзжихъ устроилъ святой отецъ.“

— „Что же? и безопасно?“

— „Нѣтъ, въ Анконѣ недавно ограбили мальпостъ!“

XII.

Неаполь.

Мартъ, 1860 г.

Опять розы, пальмы по скаламъ, голубыя горы на небосклонѣ съ лѣвой стороны, море съ правой, кактусы, орлы въ небѣ, виноградники, лѣса оливокъ, фіалки по откосамъ холмовъ и бѣлое—бѣлое шоссе безъ конца, уходящее вдаль и бѣгущее за вашей спиной. Лошади скачутъ мѣрнымъ галопомъ, унося желтобокую карету-тыкву, гдѣ впереди сидятъ трое, сзади шестеро, на верху опять трое, сзади послѣднихъ на крышѣ, несчетное количество сундуковъ, чемодановъ, коробокъ со шляпами, дорожныхъ мѣшковъ, а верхомъ на дышловой лошади кучеръ и на одной изъ переднихъ выносныхъ форейторъ. И кучеръ, и форейторъ уже въ нарядѣ такомъ, какого вы не ожидали: оба въ лощеныхъ высокихъ шляпахъ, въ лощеныхъ ботфортахъ и въ малиновыхъ курткахъ, съ желтыми гербами и вышитыми почтальонскими трубами сзади на фалдочкахъ. Эти господа безпрестанно выхлопываютъ длинными бичами разныя штуки, а едва карета вкатывается въ узенькія улицы придорожнаго города и мостовыя застучатъ подъ тяжелыми

копытами огромныхъ раскормленныхъ лошадей, бичи поднимаютъ такое щелканье, что слышатся въ воздухѣ и пистолетные выстрѣлы, и хлопанье лошадей, и мелкая дробь хлопушки, отгоняющей воробьевъ.

Послѣ невыносимой муки отъ осмотра нашихъ паспортовъ и нашей поклажи въ каждомъ городѣ королевства Обѣихъ Сицилій, едва мы переѣхали папскую границу, какъ пріѣхали въ крѣпость Гаэту. Опять осмотръ паспортовъ съ окриками въ окна кареты: „J vostri passaporti, signori!“ Опять вынимаются всякіе виды на доступъ въ Обѣ Сициліи. Чиновники безъ зазрѣнія совѣсти говорятъ вамъ: „На макароны, ваша милость!“ — „За что?“ — „За трудъ осмотра вашихъ бумагъ...“

Въ Гаэтѣ вышелъ изъ себя одинъ старикъ французъ, изъ Бордо, ѣхавшій съ нами въ каретѣ. Уже чиновникъ вертѣлъ, вертѣлъ его паспортъ, принюхивался къ нему, смотрѣлъ на него на свѣтъ, спрашивалъ, зачѣмъ въ подписи префекта бордосскаго почеркъ руки какъ-будто дрожащій и въ заглавіи стоитъ буква совсѣмъ несообразная,— не то *N*, *W*?

— „Виноватъ ли я, sapristi, —кричалъ французъ: — виноватъ ли я, ventre saint-gris, что нашему префекту семьдесятъ лѣтъ, что онъ префектомъ только за свою старость. А начальная буква точно N, а не W, потому что префектъ зовется Nellidié-de Meridié...“

— „Che diavolo, che bestia!—кричалъ въ свой чередъ неаполитанскій коммисаръ: — я не могу пропустить этого паспорта!“

— „Какъ не можете, palsembleu! Это паспортъ отъ имени его величества нашего императора...“

— „Нельзя! Тутъ въ подписи пограничнаго коммисарства въ Сардиніи какой-то крючекъ, и число неясно...“

— „Живодёры, подлецы, рабы!“ —шипѣлъ уже на французскомъ нарѣчіи разобиженный старикъ, раскрывая кошелекъ.

И такія сцены стали повторяться съ нами на каждомъ шагу, едва мы переѣхали порогъ богоспасаемаго неаполитанскаго королевства, гдѣ Карла Поэріо, два года тому назадъ, въ тюрьмѣ кормили перцемъ и марсельскими селедками, не давая ему воды, чтобы онъ изъ тюрьмы послалъ въ газеты Неаполя отреченіе отъ своихъ политическихъ убѣжденій.

Одну даму, ѣхавшую съ нами также въ каретѣ, чуть не арестовали за то, что купленный ею въ Ливорно для дѣтей попугай, смѣшившій насъ всю дорогу, носилъ запрещенное и треклятое въ Неаполѣ имя. Попугай былъ дѣйствительно очень забавенъ. Онъ сидѣлъ въ особомъ сундучкѣ, на цѣпочкѣ, кричалъ на станціяхъ: „Garçon! au nom de Dieu, un ver d'eau!“ охалъ и стоналъ, какъ человѣкъ перезябшій отъ дурной погоды, и произносилъ нѣсколько довольно

мѣткихъ итальянскихъ ругательствъ. Дозорный чиновникъ въ какомъ-то городкѣ, обнюхавъ всѣ ящики и закоулки въ нашей каретѣ и получа уже подачку за ловкій осмотръ паспортовъ, увидя попугая, разсмѣялся во весь ротъ, тронулъ его за носъ и добродушно спросилъ его по-итальянски: „какъ тебя зовутъ?“

— „Джузеппе Гарибальди!“ — отвѣчалъ попугай.

Чиновникъ позеленѣлъ.

— „А! Это вы нарочно его выучили!“—крикнулъ онъ и рванулъ клѣтку изъ кареты.

Мы вступились, прибѣжало еще нѣсколько ощипанныхъ чиновниковъ, не чиновниковъ, а людей въ родѣ нашихъ ливрейныхъ заспанныхъ лакеевъ, положили-было сперва отнять попугая, а потомъ арестовать барыню, впавшую между тѣмъ въ истерику, и мы едва спасли и того и другую, складчиною уплативъ этому кагалу золотой піастръ.

Но вотъ шире стали долины, море стало отливаться какою-то прозрачною, лазурью,—не лазурью, а точно воздухомъ, тѣмъ же небомъ. Пальмы стали попадаться все выше и пышнѣе. Зелень деревъ и кустовъ (помните, это начало западнаго марта, а нашъ еще февраль!) пошла сплошною, нѣжною, яркою стѣной. Огромныя широкоголовыя деревья укрываютъ долины. Поля вспаханы; комья красной земли, точно комья шеколаду, отливаются свѣжестью и сыростью недавней борозды. У самой дороги тащится плугъ, запряженный двумя парами воловъ. Даже пахарь будто не итальянецъ. Стоитъ противъ жаркаго солнца и съ аппетитомъ почесываетъ широкую, раскрытую грудь. А вотъ поле, перерѣзанное бороздками для стока дождевой воды, зеленѣетъ свѣжею, густою, шелковистою травкой.

— „Чтò это такое?“ — спрашиваю я у кучера.

— „Пшеница, синьоръ.“

— „А когда посѣяна?“

— „Въ началѣ января, синьоръ“.

Лопнула постромка выносныхъ лошадей. Тыква останавливается. Мы вылѣзаемъ изъ душной кареты расправить усталые члены и побѣгать, подышать свѣжимъ воздухомъ. Я спускаюсь съ шоссе, черезъ канаву, въ зелень пшеницы. Нѣжная травка, шелковистыми отливами которой игралъ вѣтеръ, оказывается уже почти по поясъ, выше колѣнъ. Въ нашемъ февралѣ! Кучера закуриваютъ трубочки. Я иду далѣе. Перепелъ выскочилъ изъ-подъ ногъ. Далѣе, съ обширнаго зеленаго болота, выглядываютъ вороныя головы буйволовъ. Узкіе глаза смотрятъ на васъ, кривые рога отгоняютъ мухъ и оводовъ. Ѣдемъ далѣе.

— „Это чтò такое?“

— „Ленъ...“

— „Какъ? Уже цвѣтётъ?“

— „Уже отцвѣтаетъ, синьоръ...“

„Въ нашемъ февралѣ!“ опять думаю я, припоминая, что на югѣ, на дальнемъ югѣ Россіи, въ херсонскихъ и екатеринославскихъ степяхъ, ленъ сѣютъ только въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая. Значитъ, далеко мы спустились на югъ. И мысли: гдѣ Одесса, гдѣ Ѳеодосія, гдѣ Таганрогъ? невольно толпились мнѣ въ голову.

Становится еще жарче, еще душнѣе. Уже открытыя окна купе не спасаютъ. Пошли сплошные кусты розъ, цвѣтущіе мирты и лавры.— Лавры, служащіе живою изгородью шоссейныхъ канавъ. Кактусы и голубоватые алое принимаютъ огромные размѣры. Близость Неаполя стала чувствоваться сама собою. Вотъ чаще и чаще идутъ по пути караваныословъ и лошаковъ, навьюченныя огородною зеленью, мѣшками съ хлѣбомъ и каштанами. Вотъ несется вскачь знаменитое corricolo, двуколесная телѣга, запряженная въ одну лошадь и нагруженная веселою толпою странниковъ, сидящихъ и стоящихъ въ телѣгѣ, стоящихъ на ея осяхъ, на ея ступенькахъ и даже въ невинномъ снѣ висящихъ въ особой сѣткѣ, подъ сидѣньемъ телѣги. Это *корриколо*— собственно деревенскій омнибусъ. Возница ея обыкновенно стоитъ гдѣнибудь у харчевни, въ деревушкѣ или при въѣздѣ въ городъ, и кормитъ. Выкормилъ и хлопаетъ бичемъ. Подходитъ сѣдокъ; ему уступается почетное мѣсто на скамьѣ телѣги рядомъ съ хозяиномъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и почетное право заплатить за извозъ, положимъ до Неаполя верстъ за пять или за десять, десять байоковъ, около гривенника. Сѣдокъ сѣлъ, но хозяинъ еще не трогается съ мѣста. Надо-де и другимъ дать возможность прокатиться. Подходятъ разныя лица: толстый фермеръ съ дочкою, два работника съ ближней кузницы, рыбакъ, еще два рыбака (какъ извѣстно, видящихъ своихъ товарищей издалека!), вдвое толстый противъ фермера аббатъ. Эти всѣ кое-какъ помѣщаются также на телѣгѣ, на ея сидѣньи. Но возница еще оглядывается, ковыряетъ въ своей трубочкѣ и не ѣдетъ. Подходитъ еще толпа пѣшеходовъ, окончившихъ нѣсколько фіаско туземнаго алеатико. Кто становится на наружный конецъ оси, кто на оглоблю, у ея сочлененія съ колесомъ, кто сзади телѣги, на подножку, держась за спины сидящихъ на телѣжной скамьѣ. Телѣга уже тронулась. Уже бичъ захлопалъ. Еще не все! Сами ѣдущіе кричатъ — остановиться. Бѣгутъ два мальчика, въ поту и запыхавшіеся отъ усталости, съ лукошками ракушекъ и грибовъ. Ихъ впихиваютъ въ сѣтку, висящую у самой почти земли, подъ телѣгою... Баста! Корриколо, скрыпя и покачиваясь, пустилась впередъ. Лошадка проворно перебираетъ крѣпкими ногами, а хозяинъ посмѣивается, куритъ изъ коротенькой трубочки и хлопаетъ бичомъ, заговаривая съ деревенскими красавицами,

также спѣшащими въ городъ. Кромѣ перваго, почетнаго сѣдока, остальнымъ предоставляется на волю заплатить полюбовно, чтò хотятъ, не менѣе впрочемъ одного байока, то-есть около нашихъ пяти копѣекъ ассигнаціями.

Мы ѣхали еще нѣсколько минутъ, среди болѣе и болѣе растущей по пути толпы, среди поселянокъ, путешествующихъ аббатовъ, не попавшихъ на corricolo, среди шумныхъ и пестрыхъ corricolo. Карета пошла нѣсколько по скату съ горы. Я нагнулся за упавшимъ листкомъ газеты, взятой на послѣдней станціи. Когда я поднялъ голову, Неаполь былъ уже у ногъ нашихъ, а передъ нами Везувій, съ клочкомъ сѣроватаго облачка на макушкѣ; то былъ дымокъ его кратера...

Первыя впечатлѣнія Неаполя счастливѣе римскихъ. Мальпостъ пробѣгаетъ почти весь городъ, мимо набережной Кіяйя, мимо Санта-Лучіи, по лучшимъ улицамъ и площадямъ. Но вы все оглядываетесь на Везувій, на обширную двуглавую гору, голубою стѣной замыкающею небосклонъ у самыхъ воротъ города. „И такъ, вотъ онъ *тотъ Везувій!* думаете вы: Везувій, который вы видѣли въ послѣднемъ дѣйствіи Фенеллы и на каждой почти картинкѣ, изображающей Италію!“ —Вы не можете отвести отъ него глазъ.

Въ первые же дни вы уже спѣшите бывать въ Портичи, этой родинѣ „Muette de Portici“, въ Помпеѣ, такъ любопытно въ двухъ изданіяхъ описанной г. Классовскимъ, и на Везувіи. Но едва наскоро сколоченные, какіе-то бренчащіе, какъ коляска помѣщицы Коробочки, вагоны желѣзной дороги подхватятъ васъ на станціи въ Неаполѣ и полетятъ вдоль изгибовъ и излучинъ залива, мимо городковъ, прилѣпившихся у подножія Везувія, едва кондукторъ выкричитъ передъ вами имена: Портичи, Резина, Торре-дель-Греко и наконецъ Помпея,—Брюловъ встаетъ передъ вами, какъ живой. Вы спѣшите въ свѣтленькую, бѣлую станціонную комнату, передъ Помпеей, увитую виноградными лозами, и уже отыскиваете знакомый видъ безсмертной картины: и небо въ черныхъ тучахъ, и падающихъ съ кровель идоловъ, и красавицу, поверженную изъ разбитой колесницы на землю, и бѣгущихъ въ испугѣ жителей, лица которыхъ вамъ знакомы съ дѣтства наизусть...

Вы спѣшите къ открытымъ улицамъ города, 1,700 лѣтъ бывшимъ подъ пепломъ.

Первое, что васъ озадачиваетъ, когда вы отъ станціи перейдете маленькую поляну, это огромная насыпь, родъ крѣпостного вала, преграждающая вашу дорогу. Вы взбираетесь на нее по лѣстницѣ и видите, что насыпь эта и есть земля, укрывающая Помпею. Когда вы подниметесь на верхъ этого длиннаго холма, старенькая ферма снова преграждаетъ вамъ дорогу. Вы опять спрашиваете себя, гдѣ же это

Помпея? Пройдя ворота фермы, вы неожиданно чувствуете, какъ забилось ваше сердце... Передъ вами узенькая улица; по бокамъ ея идутъ полуразрушенные, а иногда и цѣлые дома съ портиками, колоннадами. На бѣлой штукатуркѣ стѣнъ кое-гдѣ красной краской намалеваны вывѣски, собаки, птицы, латинскія надписи. Всѣ почти дома безъ крышъ. Это и есть Помпея... Вы проходите еще нѣсколько улицъ. Коронный сторожъ въ мундирѣ провожаетъ васъ, разсказываетъ вамъ исторію этого города, сметаетъ пыль съ мозаическихъ половъ, переводитъ, перевирая смыслъ надписей, нюхаетъ табачекъ и вамъ подставляетъ каштановую тавлинку. Вы идете по мостовой, огромные камни которой мощены за 1,700 лѣтъ назадъ; видите на нихъ даже слѣды колесной колеи, которая пробита ѣздой и толкотней тогдашняго города, тогдашнихъ людей... Долго ходите вы съ гидомъ, или, какъ я, съ книгой г. Классовскаго; вамъ грустно и вмѣстѣ необычайно любопытно. Вы вышли снова изъ странныхъ улицъ на вершину длинныхъ холмовъ, гдѣ подъ теперешними пашнями бобовъ и пшеницы лежитъ еще болѣе обширная часть невырытой Помпеи. — Всѣ лучшія древности Помпеи, вся открытая въ ней домашняя утварь,—чаши, ванны, свѣтильники, вѣсы, игральныя кости, даже съ фальшивыми свинчатками на бокахъ, шлемы часовыхъ, съ найденными въ нихъ у воротъ города черепами, и безчисленное множество стѣнной живописи, снятой очень искусно вмѣстѣ со стуками (штукатуркой)—все это хранится и показывается особо въ Неаполѣ, въ громадномъ Музео-Борбонико. Тамъ вы увидите и остатки найденнаго тѣста, и сохраненную свѣтильню въ стекляномъ фонарѣ, вынутомъ изъ погреба помпейской дамы, и черепъ самой этой дамы, съ кускомъ пепла, на которомъ обозначался оттискъ ея обнаженной груди... Живопись на многихъ стукахъ сохранилась необыкновенно свѣжо. Таковы извѣстныя крошечныя, въ три, четыре вершка величины, танцовщицы, сатиры, пляшущіе на канатахъ, фигуры Медеи и нѣсколько нагихъ пріапическихъ фигуръ. Остальное напоминаетъ наши почернѣлыя суздальскія произведенія.

Послѣ Помпеи васъ начинаетъ снова подмывать желаніе посѣтить Везувій втащиться на длинноухомъ ослѣ на его вершину, увидѣть въ очію, какъ говорится, его огненную лаву, подойти къ ней какъ можно ближе, потрогать ее даже, по здѣшнему обычаю туристовъ, палкою проводника, и самому втиснуть въ оторванный отъ нея кусокъ монету на память. Разумѣется, это вамъ легко удается, какъ и мнѣ удалось нѣсколько даже разъ. Вы берете изъ Неаполя за пять франковъ открытую цитадинку, родъ колясочки, съ тѣмъ, чтобы она васъ доставила до Резины или Портичи, подождала тамъ и отвезла васъ обратно въ Неаполь. Отъ Резины подъемъ на Везувій лучше. Ѣзды до Ре-

зины отъ Неаполя часъ; подъемъ на гору около трехъ часовъ, два часа кладется на отдыхъ на вершинахъ и на осмотръ лавы; три часа снова на спускъ внизъ. Провожатый съ осломъ стоитъ подлѣ нашего имперьяла; здѣсь предполагается оселъ и для проводника, но послѣдній только беретъ деньги, а идетъ въ гору и обратно пѣшкомъ. Я поднимался всѣ три раза ночью, потому что теперь именно ночью любопытнѣе видѣть Везувій. Въ немъ открылись новыя жерла, изъ которыхъ девятью потоками стекаетъ лава, и Везувій девятью огненными глазами, по выраженію туринскихъ газетъ, теперь смотритъ на Неаполь, и девятью потоками огненныхъ слезъ плачетъ о его страданіяхъ.

Чтобы имѣть понятіе, какъ течетъ лава и что̀ такое лава, надо себѣ прежде всего вообразить раскаленные уголья въ самоварѣ и кухонное пирожное тѣсто, которое употребляется для произведенія въ особыхъ формочкахъ разныхъ печеній. Представьте себѣ, что послѣ монотонной скучной ѣзды верхомъ въ гору, сперва по ровной, довольно исправной дорогѣ, идущей почти вплоть до эрмитажа, гдѣ живетъ монахъ, содержащій гостинницу съ отличнымъ вулканическимъ виномъ „лакрима-кристи“—я говорю почти, потому что годъ назадъ новые потоки лавы перерѣзали и эту дорогу, — потомъ страшными извилинами по пропастямъ и обрывамъ безобразно застывшей лавы вы поднимаетесь все выше и выше. Проводникъ поетъ мотивы Верди и Россини, для мѣстнаго колорита, разумѣется, заученные съ голоса самихъ туристовъ. Вотъ, наконецъ, эрмитажъ! Вы отдохнули, выпили вина, купили обломковъ лавы въ особой коробочкѣ. Идете далѣе съ новымъ спутникомъ, короннымъ карабинеромъ, котораго, по настоянію англійскаго и французскаго посольства, стало давать на каждую недѣлю по-очереди здѣшнее правительство въ прикрытіе туристовъ на Везувіи. (Въ минувшемъ году тутъ было ограблено бродягами аристократичесское британское семейство). Огненныя жерла и потоки лавы передъ вами ближе и ближе. Вы различаете, какъ уже валится грудами издалека застывающая, но еще раскаленная лава, слышите шорохъ отъ ея паденія, точно падаютъ изъ мѣшка кузнеца на землю готовые уголья. Оселъ оставленъ. Вы идете пѣшкомъ, прыгаете при свѣтѣ бѣлаго, въ сажень величиною, смоляного факела, съ груды сѣры на груду, по временамъ держась за мозолистую руку проводника, который втаскиваетъ васъ все выше и выше. Наконецъ вы начинаете съ испугомъ замѣчать, что сзади васъ, на пройденномъ и уже темномъ пространствѣ, въ щели, по которой вы шли, видна раскаленная до красна, какъ въ трубѣ самовара, куча угольевъ и дышущая легкимъ переливомъ пламени почва. Вы передъ самою лавою, то есть, передъ текущею лавою; стоите на лавѣ, застывшей всего два дня на-

задъ, толщиною въ двѣ или полторы четверти. На васъ пышетъ жаромъ, какъ на полкѣ самой знойной бани. Вы осматриваетесь. Изъ-за груды застывшей лавы, какъ изъ нагроможденныхъ въ безпорядкѣ громадныхъ камней тихо выползаетъ огненная масса, ползетъ внизъ, какъ туго-тягучее тѣсто изъ трубы повара въ подставленную форму, ползётъ, встрѣчаетъ преграду, взбирается на нее, огибаетъ ее, и скопляясь болѣе и болѣе, начинаетъ падать, то есть, тянуться въ яму или обрывъ, встрѣченный снова на пути, пониже. Падаетъ огненная лава, какъ растопленный свинецъ или, скорѣе, какъ густой медъ; только отдѣльныя ея брызги, быстро застывающія, издаютъ при паденіи звукъ посунувшихся съ угольнаго склада угольевъ. А проводникъ хохочетъ надъ вашимъ изумленіемъ, тянетъ васъ еще далѣе, на полъ-аршина къ самой огненной лавѣ. Вы закрываете лицо отъ адскаго зноя, берете палку проводника, втыкаете ее въ скопляющійся новый потокъ лавы, причемъ палка быстро, какъ спичка при треніи фосфора, загорается тонкимъ летучимъ пламенемъ; выхватываете потомъ этою же палкою клочекъ тягучей лавы, бросаете его на застывшую глыбу подальше, и въ него втыкаете монету. Черезъ часъ вы берете сѣрый оттискъ въ карманъ, но онъ еще горячъ, хотя давно уже не издаетъ пламени...

Проводникъ, полуфранцузскими, полуитальянскими фразами начинаетъ вамъ говорить о продѣлкахъ Везувія, о засыпанныхъ нагорныхъ виллахъ, о случаяхъ съ путешественниками и наконецъ о собственныхъ похожденіяхъ, какъ онъ водитъ странниковъ на Везувій уже двадцать лѣтъ и три мѣсяца, какъ влюблялись въ него у кратера разныя дамы, и какъ съ одною сорокапятилѣтнею англичанкою онъ даже въ Англію съѣздилъ, но надоѣлъ ей, и она его выпроводила, обманувъ и не заплативъ цѣны, обѣщанной ему за купленныя услуги.

Вы сошли снова въ Резину. Факелъ вашъ догорѣлъ. Возница спитъ на козлахъ коляски. Проводникъ даже охрипъ отъ разсказовъ. Вы расплачиваетесь и уже почти на разсвѣтѣ ѣдете снова въ Неаполь, гдѣ васъ встрѣчаютъ тѣ же сцены и картины, что и въ Римѣ, только еще грязнѣе и назойливѣе...

Страшное количество нищихъ здѣсь перемѣшивается съ несчетнымъ числомъ солдатъ. Неаполь теперь походитъ на городъ въ осадномъ положеніи. Вездѣ солдаты: на каждомъ шагу военный пикетъ. Всѣ въ напряженіи; всѣ ждутъ чего-то, а король никуда не показывается. Кое-гдѣ на площадяхъ и у дворцовыхъ выходовъ появляются иногда ночью даже пушки, съ кордономъ прислуги и съ горящимъ фитилемъ, какъ на бивакахъ, во время осады города. При мнѣ на главной улицѣ Неаполя, Толедо, нѣсколько разъ собирались, какъ въ

Римѣ, толпы молодежи, росли-росли тучами, прогуливаясь по тротуарамъ, и мигомъ расходились, едва показывался взводъ жандармовъ.

Я остановился близъ театра Fundum, у двери въ кукольный простонародный театръ. Театровъ маріонетокъ, такъ страстно любимыхъ здѣсь народомъ, въ этомъ мѣстѣ около десяти, на двадцати шагахъ пространства. Пестрая полинялая вывѣска колыхнулась. Нѣсколько зѣвакъ выжидали появленія на крошечномъ балкончикѣ полишинеля. И вотъ выскочилъ нашъ старый, всѣмъ любезный, знакомецъ, паяццо, по-московски Петрушка, съ краснымъ исполинскимъ носомъ и двумя горбами, и началъ чиликать, заливаясь смѣхомъ и отхватывая скороговоркой: „Господа! скажу вамъ правду: нашъ король добрый человѣкъ,—юноша, съ румяными щеками—bambitto!—только окружающіе его люди—волки и шакалы... Ха-ха, ха-ха! Ко-ко, ко-ко, ко-ко, ко... Король даетъ нищимъ деньги, а они двѣ трети подачки берутъ себѣ... Разскажу вамъ басню: слышали вы про дѣлежъ звѣрей? Слышали вы, какъ дѣлился тигръ съ зайцами и поросятами? Вотъ это-жъ мы и наши министры...“ Толпа растетъ, невидимый глазъ окидываетъ ее сквозь щель балкончика; усматриваются три солдата въ толпѣ зѣвакъ, и пискунъ-Петрушка начинаетъ пѣть на другой ладъ: „Былъ лѣнтяй, Карлино, онъ все спалъ да лежалъ, а изрѣдка кралъ платки и цѣпочки...“ (Въ толпѣ хохотъ; нѣкоторые кричатъ: „держите вора!“)—„Вотъ Карлино проснулся разъ, а ему выпалъ жребій, и его взяли въ солдаты. Баста быть королемъ лазароновъ! теперь онъ солдатъ, гвардеецъ его величества, охранитель вислоухихъ согражданъ! Вонъ онъ стоитъ между вами и смотритъ на меня!..“ (Новый хохотъ,—солдаты, ворча, уходятъ...).

На набережной валяются полуобнаженные и даже просто голые лазароны. Бронзовыя руки и спины и каменныя мозолистыя подошвы и пятки выглядываютъ изъ-за кучи бочекъ. Они толкуютъ, хлопая пятками о землю, куря и поплевывая. Послушайте, о чемъ они толкуютъ! Провожатый мой, французскій гарсонъ изъ отеля, говорящій по-итальянски, переводитъ мнѣ: „Да, чортъ бы ихъ побралъ, этихъ сардинцевъ! они совсѣмъ продались дьяволу, офранцузились. Имъ хорошо—свобода! Да за то и работы пропасть, ступай дороги мостить, землю пахать, ступай кормиться трудомъ, а не то—въ тюрьму, на галеры! Хорошо бы и намъ сюда Гарибальди; да сейчасъ этотъ собачій генералъ насъ заберетъ въ свой берсальери... А теперь хоть трава не рости! Изъ Сициліи даютъ знаки; да нѣтъ, такъ-то лучше...“ —И лежатъ на всѣхъ перекресткахъ, по всѣмъ тротуарамъ города грязные лазароны, куря, оплевывая землю на сажени кругомъ, почесываясь и ковыряя въ носу. Это почесывающееся и ковыряющее въ носу царство Тентетниковыхъ, низведенныхъ въ трипльэссенцію лѣни

и рабства систематическимъ растлѣніемъ правительственнаго мѣстнаго макіавелизма, одуряетъ васъ съ первыхъ дней. Нѣтъ силы выносить этой душевной тины, этого умственнаго убожества этихъ людей, ползающихъ съ поросятами и гніющихъ вмѣстѣ съ уличными нечистотами всякаго рода. Я смотрѣлъ по цѣлымъ часамъ на трапезу лазароновъ, когда племя этихъ курчавыхъ, бронзовыхъ, потныхъ гадовъ, сходилось ѣсть макароны у публичныхъ уличныхъ котловъ. Иной придетъ съ ложкою, другой съ обломками какой-то тарелки. Третій подставляетъ прямо къ ковшу раздавателя макаронъ дрожащія грязныя пригоршни или свой красный шерстяной колпакъ. Жирные макароны длинными, липкими нитями свѣшиваются съ пальцевъ; горячая вода сбѣгаетъ сквозь стѣнки переполненнаго колпака. Лазароны опрокидываютъ голову, раскрываютъ ротъ и, держа вверху лоснящіяся горячія ленты макароновъ, ловятъ ихъ и глотаютъ, перепрыгивая отъ радости съ ноги на ногу. Между тѣмъ, ожидающіе очереди, вокругъ котла кричатъ, потираютъ ладони, заглядываютъ въ котелъ, хохочутъ отъ нетерпѣнія, и вамъ невольно вспоминаются сцены дикихъ изъ „Робинзона-Крузе...“

А публичные писцы, которымъ неаполитанцы отдаютъ заранѣе свой умъ, свои тайны и черезъ которыхъ застраховываютъ себя отъ ученья? Эти писцы сидятъ по площадямъ, вдоль базаровъ и на перекресткахъ, у особыхъ столиковъ. Передъ каждымъ изъ нихъ стоитъ огромная чернильница съ перомъ; куча бумаги лежитъ на столѣ; самъ писецъ въ потертомъ фракѣ и круглой высокой шляпѣ. Желающіе садятся противъ него на стулѣ, торгуются съ нимъ за письмо къ отцу или къ матери, къ любовницѣ, къ другу, къ дѣтямъ и къ меценатамъ, излагаютъ свои мысли; писецъ расчеркнется, съ завиткомъ мастера, по-писарски, и пойдетъ писать... Иногда вы увидите старуху, рыдающую въ шепотливой исповѣди у такого стола, или раскраснѣвшуюся молоденькую поселянку, пишущую къ далекому „дружку“...

Неугодно ли же освѣдомиться о степени познаній этихъ подвижныхъ университетовъ и академій Неаполя? Они пишутъ безъ запятыхъ и точекъ. Я одинъ разъ сталъ разспрашивать у цѣлаго ряда таковыхъ, есть ли желѣзная дорога изъ Піаченцы въ Александрію, и получилъ въ отвѣтъ: *„эччеленца, не знаемъ!“* — Вспомните при этомъ, что всѣ государства въ Италіи въ родѣ нашихъ уѣздовъ величиною, и значитъ Піаченца съ Александріей въ отношеніи къ Неаполю тоже, что, положимъ, тверской уѣздъ въ отношеніи къ клинскому или къ подмосковному уѣздамъ. И чего же еще не знали эти писцы? Не знали о такой рѣдкости, какъ желѣзная дорога въ Неаполѣ...

Муниципальная разъединенность этой печальной Италіи вообще изумительна. Вы не только на каждомъ шагу, при переѣздѣ изъ

одного уѣздика, именуемаго здѣсь королевствомъ или герцогствомъ, въ другой, терпите отъ перемѣны монетъ, но еще и нарѣчія здѣсь въ каждой мѣстности другія. Въ Римѣ не принимаютъ неаполитанскихъ піастровъ, какъ въ Неаполѣ римскихъ байоковъ, и наоборотъ. Возьмутъ у васъ въ трактирѣ сардинскій флоринъ, и пойдутъ съ нимъ носиться, разспрашивая, какая это монета и можно ли ей вѣрить. А монета эта отчеканена всего за двѣсти верстъ оттуда...

Былъ канунъ моего отъѣзда въ Римъ и въ Сардинію. Я въ послѣдній разъ поѣхалъ къ Везувію взглянуть съ вершины его на море, на Неаполь, на городки у подножія волкана и на заходящее солнце. Я думалъ, трясясь на жидкой цитадинкѣ, вмѣстѣ съ Майковымъ:

„Въ послѣдній разъ упьюсь душой
„Дыханьемъ травъ и моремъ спящимъ,
„И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
„И Лиды ясной красотой..."

Страна пальмъ, оливокъ, розъ, волкановъ, аббатовъ, нищихъ, солдатъ, бродягъ, кукольныхъ комедій съ свободнымъ языкомъ и двухъ тощенькихъ газетъ съ языкомъ кукольныхъ комедій, прощай! Что-то тебя ожидаетъ въ будущемъ, въ грядущемъ апрѣлѣ, маѣ!?..

Съ такими мыслями я подъѣхалъ въ Резинѣ къ домику знакомаго содержателя муловъ и ословъ, съ проводниками, на Везувій, какъ услышалъ знакомый русскій голосъ и смѣхъ, выходящіе изъ маленькаго садика за дворомъ волканскаго импрессаріо. Я вошелъ въ садикъ и ахнулъ. Это была компанія за чаемъ, за настоящимъ русскимъ чаемъ. Въ лучахъ заходящаго солнца, подъ навѣсомъ миртовъ и лавровъ, сидѣли мои берлинскіе и парижскіе знакомцы, такъ нежданно встрѣченные мною здѣсь: въ годичномъ отпуску за границу, Юрій Николаевичъ Л***, его свояченица Аграфена Львовна Сконтхоржевская и Иванъ Семеновичъ Тулантьевъ, парижскій вивёръ и обжора. Антонъ, крѣпостной слуга послѣдняго, также стоялъ здѣсь, прислуживая. Я еще разъ ихъ увидѣлъ.—Кромѣ этихъ лицъ, были тутъ еще четверо незнакомыхъ мнѣ, также русскихъ, съ которыми я познакомился позже. Разбитная вдовушка, Аграфена Львовна, первая узнала меня и закричала.

— „А, Александръ Сергѣевичъ! Какими судьбами!—Господа, рекомендую вамъ: петербургскій житель и корреспондентъ... кажется, Инвалида... Да! Намъ уже писали изъ Петербурга, что вы успѣли насъ описать въ газетахъ, и меня, и мою страсть къ чаю; что я изъ Россіи вывезла пять фунтовъ... и Юрія Николаевича выставили, будто онъ на Гоголя въ Парижъ поѣхалъ каррикатуры писать! Ваши слова даже въ „Искрѣ" вызвали рисунокъ на Юрія Николаевича..."

Я былъ какъ громомъ пораженъ. Оглянулся. Л*** надувшись, сопитъ и, косясь на меня, куритъ сигару. Другія лица слѣдятъ за мною тоже съ напряженіемъ. Тулантьевъ молча ѣстъ финики съ масломъ, и тоже сопитъ, хотя въ Парижѣ объявилъ мнѣ, что пишетъ сатирическое сочиненіе о Россіи и намѣренъ его издать у Дидота или у Франка въ Берлинѣ. Одинъ Антонъ, хвалившій Наполеона за порядокъ на улицахъ, стоялъ, ухмыляясь, и тайкомъ посылалъ мнѣ поклоны черезъ голову своего господина.

— „Во-первыхъ я не петербургскій житель“,—сказалъ я, поправившись и раскланиваясь,—„и корреспондентомъ Инвалида никогда не имѣлъ чести быть! Во-вторыхъ, я питаю полное уваженіе и къ вамъ, и къ каррикатурамъ Юрія Николаевича па Гоголя, и къ вывезенному вами чаю... Въ-третьихъ...“

— „А! Покаялись!“—вскрикнула дамочка:—вотъ я вамъ за это и налью чаю! Это четвертый фунтъ мы допиваемъ! И Жоржъ на васъ не сердится! Ты на него не сердишься, Жоржъ?..“

— „Не сержусь, Агаша!“

Я взглянулъ, и Тулантьевъ, утирая жирныя щеки, также посмотрѣлъ на меня веселѣе, равно какъ и остальныя, незнакомыя лица. Одинъ Антонъ только опечалился; ему надо было отыскивать экипажи компаніи, побывавшей уже на Везувіи.

— „Садитесь пить чай! А мы уже побывали на Везувіи!“—отозвалась опять Аграфена Львовна:—я тамъ сравнила душу влюбленныхъ съ волканомъ, а любовь ихъ съ текущею лавой! Помните Бенедиктова?... „Громовержущей десницей расшаталъ я твердь небесъ!“ Какая сила! Какой огонь!“

Л*** кашлянулъ.

— „Только я ровно ничего въ Италіи дивнаго не нашелъ!“—началъ онъ, по обычаю, басомъ и немного въ носъ:—„такъ, какая-то все больше поэзія природы! Горы тамъ, знаете, море, цвѣточки какіе-то, итальянцы оборванные! Подлецъ на подлецѣ и голь на голи, какъ въ Бердичевѣ на жидовской ярмаркѣ! Ну, чѣмъ эта Италія лучше нашей Кіевской губерніи-съ, или Крыма? Что зима-то мѣсяцемъ, двумя короче бываетъ? Да вѣдь деревья все-таки съ декабря по апрѣль безъ листьевъ; такъ или нѣтъ?“

— „Такъ,“—отвѣчали мы, улыбаясь.

— „Ну, значитъ, и враки. Значитъ вѣчныхъ розъ тутъ и безоблачнаго этого неба вовсе нѣтъ! А про Кавказъ, гдѣ я служилъ, про Грузію, да про Мингрелію и упоминать нечего. Тѣ-то уже почище Неаполя и Сициліи будутъ. Что тутъ за пальмы да розы; такъ, пальмишки какія-то. Нѣтъ, посмотрѣли бы вы на пальмы по Ріону...“

— „Юрій Николаевичъ, вы ошибаетесь,“—возразилъ я:—„Италія

богата мягкостью климата своего, которымъ жаркій и сухой Кавказъ не похвалится; притомъ ея историческія воспоминанія, безчисленныя сокровища первостепенныхъ памятниковъ...“

— „Памятники, эти камушки-то, да надписи, эти мраморы?“ — крикнулъ Л*** и даже привскочилъ: — „Нѣтъ, ужъ вы меня извините! Вы гимназистовъ какихъ-нибудь можете прельщать ѣздить сюда, а не насъ. Притомъ всѣ эти памятники, соборы и храмики здѣшніе, напечатаны давно во всѣхъ книжкахъ, и я съ дѣтства ихъ знаю наизусть—и эту падающую башню въ Пизѣ...“

— „Очаровательная Пиза!“—перебила его свояченица.

— „И вашу пресловутую Венецію, которую теперь, къ счастію, австрійцы забрали въ руки и авось поочистятъ ее.“

— „Гондольеръ молодой, ты мнѣ пѣсню запой!“—перебила опять со вздохомъ Аграфена Львовна.

— И всѣ антики Рима! Ну, стоитъ ли ѣздить за тысячи верстъ смотрѣть на эти памятники, когда я ихъ могу своими, значитъ, глазами разсмотрѣть и изучить въ „Живописномъ Обозрѣніи“ и въ „Иллюстраціи?“ А на природу къ чему тутъ ѣздить смотрѣть? Въ Крымъ поѣзжайте, въ Кіевъ, въ Полтаву, въ Херсонъ, въ Кутаисъ или въ Тифлисъ! Это просто свинство, ей Богу! до того наврать, наплести, преувеличить! Еще какой-нибудь французъ, нѣмецъ можетъ расхвалить чудеса Италіи, привыкшій мѣрять землю аршинами да вершками... А то русскіе, русскіе писатели! Срамъ... А мы изволь ѣздить повѣрять ихъ, да умалчивать о ихъ лжи, да надсѣдаться тутъ отъ голоду и жить въ сырости цѣлые годы, въ комнатахъ... безъ печей!“

Одинъ изъ незнакомыхъ мнѣ собесѣдниковъ Л***, тощій и рябоватый, стриженный подъ гребенку, прибавилъ:

— „Притомъ же, ваше превосходительство, вы вѣрно изволили выразиться и о холодѣ въ домахъ, и о голодѣ.“

— „Да о голодѣ!“—утвердительно сказалъ Тулантьевъ, намазывая на хлѣбъ огромный кусокъ жидкаго сыру бри..

— „Антошка, огня!“—крикнулъ Л*** Антону Тулантьева, вошедшему въ это время съ извѣстіемъ, что экипажи поданы.

Антонъ ухмыльнулся по своему, шаркнулъ генералу ногой и полѣзъ въ карманъ своего щегольскаго зеленаго фрака за коробочкою спичекъ.

— „А наше русское или малороссійское хлѣбосольство?“—еще свирѣпѣе замѣтилъ Л***, тряся въ воздухѣ рукою и стуча объ полъ палкою съ золотымъ набалдашникомъ: — „ну, кой чортъ заставитъ меня жить въ этой тѣснотѣ, въ этихъ грязныхъ, темныхъ, сырыхъ и узкихъ улицахъ Италіи, гдѣ даже тѣни въ лѣсахъ и садахъ нѣтъ, потому что тутъ все деревья такія жидкія, оливки тамъ, да эти спички-

кипарисы! Нѣтъ, знаете, этого нашего царственнаго, роскошнаго дуба, или тамъ этой липы или кудрявой березы! Да и повернуться тутъ негдѣ, земля подѣлена клѣточками, какъ мышиныя норы; каждый участокъ обнесенъ даже заборомъ. Тьфу! Ни собакъ запустить негдѣ, ни эскадрона пустить на рысяхъ на ученье... А у насъ?"

Л*** повелъ кругомъ мутными, взволнованными глазами.

— „А у насъ?" —продолжалъ онъ:—„все просторно, все привольно, все широко и обильно... Въ городахъ тихо, въ театрахъ не свистятъ, не швыряются яблоками! Во Флоренціи даже въ мою ложу попала какая-то подлая луковица... На каждомъ перекресткѣ будка и будочникъ; сейчасъ пьянаго сведутъ въ часть!"

— „А тутъ пьяныхъ и вовсе нѣтъ!"—замѣтилъ я.

Л*** сердито помолчалъ, но ничего не придумалъ въ отвѣтъ.

— „Потомъ уваженіе къ старшимъ у насъ!"—продолжалъ онъ на это.—„А тутъ? Подлецъ гарсонъ въ трактирѣ подастъ вамъ супу, а самъ возьметъ газету, да рядомъ съ вами и сядетъ, и за тотъ же столъ, читать!.. Кондукторъ одѣтъ лучше васъ, а наступите на ногу мерзавцу-мужику на улицѣ и не попросите извиненія, посадитъ въ тюрьму, какъ простого сапожника."

— „Ну, ты уже, Жоржъ, преувеличиваешь!"—сказала Аграфена Львовна и, вставши, прибавила:—„Господа! Экипажи готовы, ѣдемте! Да и вы, Александръ Сергѣичъ, лучше съ нами поѣзжайте въ Неаполь... Нечего вамъ снова всходить на Везувій!"

Я принялъ предложеніе, и публика, выйдя изъ садика, стала размѣщаться по цитадинамъ. Л*** и рябоватый господинъ сѣли въ карету; туда же пригласили и меня. Поѣздъ двинулся. Бичи захлопали. Солнце чудно золотило послѣдними лучами море, вулканическіе городки, Резину, Портичи и Помпею, и вершину Везувія, прощавшагося со мною или съ нами своими девятью огненными, мерцающими глазами.

— „Я отъ души радъ,"—замѣтилъ шепотомъ, когда мы поѣхали, Л***: „очень радъ, что тутъ еще силенъ австрійскій штыкъ и почитается тѣнь валикаго Меттерниха! Ну, что было бы съ этимъ царствомъ бродягъ, когда бы ихъ не прижимали?"

— „Не было бы вовсе бродягъ и нищихъ!"—сказалъ я.

Рябоватый господинъ пугливо глянулъ на меня зелеными, оловянными глазами.

— „Вотъ господинъ художникъ,"—продолжалъ Л***, указывая на него:—„онъ поручится, что тутъ безъ штыка ничего не сдѣлаешь!"

Художникъ кивнулъ въ знакъ согласія, и сталъ смотрѣть тѣми же тусклыми глазами въ сторону, на пламенныя, мигавшія девять жерлъ Везувія, будто пророчившаго тутъ взрывъ другого будущаго.

— „Ну, и опять этотъ Везувій! Ну, что тутъ хорошаго, дивнаго,

по вашему! Взбирались мы туда, я пять червонцевъ за всѣхъ этихъ господъ заплатилъ изъ своего кармана! Ну-съ, точно изъ земли выпираетъ эту лаву, расплавленный значитъ песокъ тамъ, глина и каменья, и течетъ она, ползетъ, и жарко отъ нея!... Да что же изъ этого, что же изъ этого, скажите мнѣ?"

Художникъ смотрѣлъ все въ сторону.

— „Я не понимаю, однако, Юрій Николаевичъ, зачѣмъ же вы послѣ всего этого сюда поѣхали?"—спросилъ я.

Л*** нагнулся къ моему уху.

— „Эхъ, душа моя!"—отвѣчалъ онъ шепотомъ, однако на всю карету, такъ что художникъ, пользовавшійся какъ видно его довѣріемъ, слышалъ все:—„Агаша меня подбила! Ни за какія бы кавришки сюда безъ нея не поѣхалъ! Что дѣлать, орала и выла всю осень и зиму: „Ницца, говоритъ, Неаполь, Римъ, Везувій, божество"; ну, и поѣхали..."

Художникъ, нѣсколько разъ вздыхавшій и искоса поглядывавшій на Л***, вдругъ тронулъ его мизинцемъ за колѣна и сказалъ:

— „Я еще буду у васъ просить взаймы десять цѣлковыхъ; нужно —я своего Юпитера еще не кончилъ!"

— „Напомни мнѣ, Сеня, какъ воротимся въ Римъ! у меня тебѣ отказу нѣтъ; ты художническая душа! это видно!"

— „А деревня, деревня!"—продолжалъ ныть въ сумеркахъ и какъ-то пѣвуче фантазировать Л***, между тѣмъ какъ лошади звонко скакали и неслись по мостовой вдоль залива къ Неаполю, уже залитому газовыми огнями:—„Деревня! Я не могу ее равнодушно вспомнить! Вездѣ просторъ, чистый воздухъ, зелень, грибами, клубникой пахнетъ! Выйдешь въ халатѣ на крыльцо, почешешь спину, грудь, бока! Овцы идутъ на водопой, бабенка пробирается садомъ къ колодцу. Закажешь повару кулебяку съ голубями, съ буженивой, квасу выдуешь полведра. Наѣлся, заснулъ, ни мушка не жужжитъ, ни лучъ тебя не обезпокоитъ. А хлѣбосольство и радушіе сосѣдей, а вальготность во всемъ. Ну, на что мнѣ эти памятники, эти капитоліи, падающія башни, колизеи, коли ѣсть нечего; этотъ Везувій, коли тѣсно и душно, и грязно у тебя въ домѣ! На что мнѣ всѣ эти мраморы, Петры, фонтаны, коли ты принужденъ воробьевъ стрѣлять, морскихъ гадовъ ѣсть, этихъ устрицъ, да пауковъ водяныхъ, да ракушекъ, и коли нигдѣ не достанешь ковшика кисленькаго испить послѣ обѣда, не говоря уже о нашей полтавской горѣлкѣ... Эхъ, друзья вы мои, художники и литераторы! Много вы вздору напороли и намалевали про Италію! Ну, что, если бы рѣшились вы правду сказать, на чистоту, что ничего въ ней путнаго нѣтъ?... Понаѣзжали въ Ниццу, живутъ по десяти лѣтъ. А что въ ней хорошаго? Такъ себѣ, выѣденнаго яйца не стоитъ.

только что пальмы, да розы, да снѣгу не падаетъ никогда! Да я, господа, безъ снѣгу-то бы умеръ съ тоски! Ну, какъ-таки одно солнце, да солнце, выпялитъ на тебя свои буркулы и смотритъ цѣлый день, цѣлый годъ... Мерзость! Нѣтъ, ты мнѣ упади во-время, этакъ въ ноябрѣ, или хоть около Покрова; да постелюшку бѣлую, пуховую прострели по полямъ, съ алмазами! какъ Вяземскій князь пишетъ, да рѣки скуй, чтобъ скользко ребятишкамъ было, да порошу мнѣ высыпь на зайчиковъ, да лисицъ! Я на тройку сяду, за сто верстъ къ сосѣду на прямикъ покачу, не цѣпляясь за плетни, да за города на курьихъ ножкахъ, съ мятелью поспорю, поборюсь! Пусть меня на сутки въ ухабѣ замететъ, волками да голодною смертью попугаетъ... Эко диво, круглый годъ солнце! Скучно, господа, скучно безъ зимы; вотъ я тутъ весну встрѣтилъ: ни шумныхъ водопадовъ, ни тихаго таянія снѣговъ, ни овраговъ, ревущихъ по полямъ и подъ околицами!..“

— „Я, ваше превосходительство, вамъ десять цѣлковыхъ ворочу къ лѣту!“—прервалъ снова неожиданно, тревожно вздыхавшій и глядѣвшій въ сторону художникъ, а вы мнѣ еще Л***...“

— „Хорошо, Сеня, хорошо!“

Л*** крякнулъ и улыбнулся.

— „А крестьяне здѣшніе“,—продолжалъ онъ:—когда совсѣмъ уже стемнѣло и мы подъѣзжали къ въѣзду въ Неаполь; крестьяне, ну развѣ они свободны здѣсь въ Италіи, или хоть бы даже во Франціи? По бумагѣ-то они точно, пожалуй, и свободны. А на дѣлѣ, безъ этихъ громкихъ юридическихъ правъ? Все вздоръ и чепуха! Земли мало, почти вовсе нѣтъ; живутъ, какъ свиньи, въ грязи и бѣдности, всякій монахъ помыкаетъ ими, поборы на всякомъ шагу.“

Поѣздъ остановился у городскихъ воротъ. Шайка таможенныхъ досмотрщиковъ кинулась осматривать экипажи. Мы вышли освѣдомиться о товарищахъ.

Антонъ подошелъ ко мнѣ и приподнялъ шапку.

— „Я это, Александръ Сергѣевичъ, съ кучеромъ все говорилъ.“

— „Какъ же ты говорилъ?“

— „По тальянски-съ, этому легко выучиться, когда по-французски понимаешь. Pain—хлѣбъ, и тутъ pane—значитъ тоже хлѣбъ.“

Я попросилъ у Антона спички и сталъ закуривать сигару.

— „Нравится ли тебѣ, Антонъ, Италія?“

— „Нравится, теплоты пропасть. Я давича легъ пузомъ на солнцѣ, такъ даже волдыри повскакали. Шубы не надо; оно и выгоднѣе. А дома-то тулупишка дрянной, а плати семь цѣлковыхъ въ Москвѣ, да на два года, пожалуй. и не станетъ...“

— „А народъ тебѣ здѣшній нравится?“

Антонъ засмѣялся.

— „Тутошній-то? ничего! Всѣ чумазые, черноволосые да кудрявые. Только больно нечисты, какъ жиды, и чесноку пропасть ѣдятъ. Я въ Болоньѣ-съ подсосѣдилъ одну поселяночку-съ; чмокнулъ ее въ губы, такъ и понесло отъ шельмы, точно отъ козла или отъ жиденка въ Митавѣ. Да еще эти остричи, устрицы, значитъ, ѣдятъ, выглядятъ больно скверно: точно сопли, ваше благородіе...“

— „А Везувій?“

— „Волканъ-то? Этому я не вѣрю, это должно быть штука подпущена; внутри должно быть въ горѣ машина устроена, и люди сидятъ, а наружу выпираютъ эти уголья...“

— „Дома же лучше?“

— „Лучше, Александръ Сергѣевичъ, не въ примѣръ лучше!“

Мы въѣхали уже поздно въ Неаполь.

XIII.

Лондонъ.

Май, 1860.

Переѣздъ изъ Парижа въ Лондонъ въ настоящее время неимовѣрно дешевъ и скоръ: сорокъ франковъ съ лица и всего 12 часовъ времени. По желѣзной дорогѣ въ Кале вы пролетаете незамѣтно, изъ Дувра въ Лондонъ—еще быстрѣе. За то переѣздъ на пароходѣ черезъ Ламаншъ — верхъ мученія. Качка въ знаменитомъ проливѣ вѣчная. Едва вы очутитесь въ морѣ, какъ уже начинается страшная толчея; точно бѣсы кипятятъ морскую пучину. „Стюартъ“, пароходный слуга, звенитъ роковыми бѣлыми лоханками, и, волею-неволею, ставитъ передъ каждымъ эту неизбѣжную облегчительницу вашихъ неприличныхъ страданій. Иной и потерпѣлъ бы; но взглянулъ въ лоханку, и его тянетъ.

Но вотъ земля у васъ опять подъ ногами. Англійскіе, настоящіе англійскіе паровозы мчатъ васъ мимо бѣловатыхъ мѣловыхъ холмовъ Альбіона. Вамъ невольно приходятъ въ голову стихи изъ хрестоматіи гг. Галахова и Пенинскаго:

„Я берегъ покидалъ туманный Альбіона;
„Казалось онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ.“

Невысокіе пологоватые холмы отливаютъ блѣдною тусклою зеленью. Роса блеститъ на вѣткахъ кустарниковъ. Иногда паровозы пролетаютъ надъ крышами городковъ, гдѣ сотни фабрикъ дымятся и въ нихъ стучатъ молотами; какъ птицы, мелькаютъ мимо васъ встрѣчные поѣзды. Молчаливые сосѣди ваши, наконецъ, суетятся. Кондукторы выкрикиваютъ уже прямо по птичьи, какъ говорилъ Чичиковъ: „your tickets,

sirs!“ „Ваши билеты, господа!“—Изъ всей этой фразы вы разслушиваете только двѣ, три гласныя буквы. Одинъ изъ сосѣдей вашихъ крякнулъ и кисло посмотрѣлъ въ окно. Тянутся какіе-то огороды, сады, улицы; потомъ опять огороды, луга, сады, холмы, рощи, улицы, дачи... Тянется это верстъ пять, десять, пятнадцать... „Что это?“

— „О-э, Лондонъ! о-э, Лондонъ!“—отвѣчаетъ съ улыбкой и гримасой птичьяго самодовольствія вашъ сосѣдъ.

Диккенсъ, Теккерей, Лондонскія тайны, Лондонскіе воры, Темза, Джонъ-Россель, Пальмерстонъ, Непиръ, Викторія,—всѣ эти популярныя у насъ имена и понятія, разомъ приходятъ вамъ въ голову. Безсмертный Диккенсъ!.. Какъ онъ вѣрно передалъ въ предисловіи къ первой главѣ своего знаменитаго *Холоднаго Дома* этотъ туманъ, эту всеобщую сырость, всеобщій дымъ и копоть Лондона!..

Какъ теперь читаю я эти полныя дивнаго юмора страницы, въѣзжая въ оригинальный городъ.

Помните вы эту безконечную тяжбу Джорнджисъ и Джорнджисъ? Помните засѣданіе этого верховнаго суда въ Лондонѣ? Вы задыхались, читая эти страницы. На дворѣ слякоть, на улицахъ столько грязи, что будто всемірный потопъ только-что сбѣжалъ съ лица земли, и вамъ нисколько не показалось бы удивительнымъ, если бы вы встрѣтили какого-нибудь мегалозавра или плезіозавра, футовъ въ сорокъ длины, ползущаго, какъ допотопная громадная рыба-ящерица, на возвышеніе улицы Голборнъ. Дымъ съ сажею изъ трубъ огромными хлопьями стелется по улицамъ и облекаетъ, подумаешь, воздухъ въ трауръ по случаю смерти солнца. Собаки, облѣпленныя грязью, ничѣмъ не отличаются отъ этой грязи. Лошади загрязнены по самые наглазники. Недовольные духомъ джентльмены цѣпляютъ другъ друга зонтиками, локтями и падаютъ въ грязь... Туманъ вездѣ... туманъ въ истокахъ Темзы; туманъ надъ болотами Эссекса и надъ холмами мѣловогo Кента; туманъ подъ палубами барокъ, въ реяхъ и въ густой оснасткѣ кораблей; туманъ въ глазахъ и въ груди престарѣлыхъ гринвичскихъ инвалидовъ; туманъ въ чубукѣ и въ трубкѣ сердитаго шкипера; туманъ щиплетъ локти прозябшаго на палубѣ юнги... А подлѣ Темпля, въ верховномъ судѣ, такъ сказать, въ самомъ центрѣ тумана, засѣдаетъ великій лордъ-канцлеръ, и никакая густота мрака и глубина грязи не сравнится съ блуждающимъ въ потемкахъ и барахтающимся въ безднѣ недоразумѣній этимъ засѣданіемъ, подъ властью лорда-канцлера, этого самаго закоснѣлаго изъ всѣхъ сѣдовласыхъ грѣшниковъ. Судебное мѣсто мрачно и тускло; тяжелый туманъ разстилается по немъ, будто никогда не выходя оттуда. Вотъ это-то и есть верховный судъ Англіи, судъ, у котораго въ каждомъ округѣ Великобританіи есть свои ветхія зданія, свои запустѣлыя выморочныя имѣнія, въ каж-

домъ домѣ умалишенныхъ есть свои сумасшедшіе и на каждомъ кладбищѣ свои покойники...

Все это вамъ приходитъ на память. Сердце ваше невольно сжимается и въ толпѣ молча бѣгущихъ мимо васъ пѣшеходовъ вы даже узнаете ту помѣшанную на процессѣ старушонку, съ ветхими и ненужными документами въ ридикюлѣ, которая такъ уморительно прерывала засѣданія этого туманнаго суда по мрачному и безконечному дѣлу Джорнджисъ и Джорнджисъ...

Въ первый же день по пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ, я поручилъ коммиссіонеру гостиницы, гдѣ остановился (Heimarket, Panthon Hôtel), достать мнѣ билетъ въ засѣданіе палаты депутатовъ, а самъ съ русскимъ пріятелемъ, приказчикомъ одной изъ тамошнихъ нашихъ лѣсныхъ конторъ (London-Baltic), къ которому я имѣлъ письма, пустился фланировать по городу...

Десятки и сотни огромныхъ омнибусовъ, превосходящихъ числомъ парижскіе, здѣсь прежде всего васъ озадачиваютъ. Въ Парижѣ иногда по четверть часа вы ждете очереди попасть на пустое мѣсто пробѣгающихъ омнибусовъ. Здѣсь же, при трехъ-милліонномъ населеніи, мѣсто всегда есть. Уморительные кэбы (handsom's-Kab) васъ озадачиваютъ еще болѣе. Это двухколесная коляска, съ дверцами, въ одну лошадь, съ козлами назади, надъ вашею головою. Кучеръ въ лаковой шляпѣ правитъ черезъ васъ, и летитъ быстрѣе вѣтра. Это—чудная вещь. — Изъ Геймаркета мы пошли парками, вплоть до статуи Веллингтона, столько знакомой намъ, русскимъ, по своему чудовищному носу и по своимъ совинымъ глазамъ въ бѣглыхъ каррикатурахъ Понча. Едва мы прошли зданіе оперы и драматическаго театра и вступили на бульваръ, какъ къ намъ подошелъ рослый джентльменъ съ русыми бакенами, въ сѣромъ фракѣ съ протертыми локтями и въ круглой помятой шляпѣ.

— „Господа!“ —началъ онъ сперва по-польски, потомъ по-русски: —„я несчастный польскій выходецъ; помогите мнѣ! Я бѣжалъ за идеи, за убѣжденія, и вотъ тридцать лѣтъ плачу за нихъ страданіями всякаго рода...“

— „Чѣмъ вы живете?“—спросилъ я, развязывая кошелекъ.

— „Прежде былъ переводчикомъ съ польскаго въ „Times“, потомъ самъ печаталъ книги и издавалъ газету по-польски. Меня всѣ знаютъ...“

Онъ назвалъ нѣсколько извѣстныхъ именъ, въ томъ числѣ Мицкевича.

— „Какъ же теперь вы живете?“

— „Типографія моя лопнула на штрафахъ за процессы по пасквилямъ, и я живу изо дня въ день; вотъ уже шестыя сутки я пи-

таюсь одними печенками, да гнилою капустой!“—отлично выговорилъ онъ по-русски.

Я уже готовился-было дать ему полкроны, какъ товарищъ мой злобно ухватилъ меня за руку и отвелъ въ сторону.

— „Ради Бога, ни копѣйки! это—извѣстный здѣсь всѣмъ нашимъ мошенникъ Свянцицкій. Онъ прикидывается эмигрантомъ и политическимъ выходцемъ, а просто — бѣглый солдатъ изъ-подъ севастопольскихъ редутовъ. Онъ уже и здѣсь побывалъ на галерахъ. — „Свянцицкій!“—громко крикнулъ мой спутникъ, сжимая кулаки:—„я отдамъ васъ въ полицію за прошеніе милостыни; идите прочь! Помните полисмена на Стрэндѣ?.. А?“

Свянцицкій съ улыбкой поклонился намъ и ушелъ, не говоря ни слова.

— „Да-съ!“—продолжалъ Иванъ Иванычъ Прохоровъ (такъ назывался мой знакомый):—„Вы себѣ представить не можете всей изворотливости здѣшнихъ разноплеменныхъ мошенниковъ. Иной разъ на улицѣ вы встрѣтите мнимаго султана Гирея, будто бы претендента на крымскій престолъ; въ одной тавернѣ здѣсь долго привлекалъ на себя общее вниманіе мнимый Викторъ-Гюго, а въ уличномъ театрѣ за Пикадилли я познакомился съ такимъ же Ледрю-Ролленомъ, выпросившимъ у меня, новичка, пачку сигаръ и шиллингъ на извозчика...“

Мало-по-малу вы вглядываетесь въ Лондонъ и физіономія его, выходя изъ тумана и общей пестроты улицъ, начинаетъ вамъ представляться чѣмъ-то знакомымъ. Мальчишки на небережной Темзы бѣгутъ, по колѣни въ грязи, за индѣйцемъ, настоящимъ индѣйцемъ изъ Калькутты, пріѣхавшимъ на кораблѣ съ кофе, за полчаса всего назадъ. — Непостижимыя женщины, лондонскія женщины, бѣгутъ навстрѣчу вамъ и шныряютъ сзади васъ въ смѣси костюмовъ краснаго, желтаго и голубого цвѣтовъ. Вы спрашиваете себя или товарища вашего по обычаю континентальному: „какого это свойства и класса женщина? Лэди ли она, жена ли торговца, повара, кучера, священника, адвоката или служанка?“ — Товарищъ вашъ окинетъ глазами сперва васъ, потомъ ея неизбѣжныя рыжія букли, красный шейный платокъ, желтое платье, голубую шляпку и на шляпкѣ опять красныя ленты, пожметъ плечами и отвѣтитъ:—„А Богъ ее знаетъ, кто она! Лондонская *женщина*, и только! Тутъ онѣ всѣ равны, какъ мухи лѣтомъ; не узнаешь...“

Однако же не смѣйтесь очень. Одинъ костюмъ, да, пожалуй, манеры еще здѣсь точно странны. За то взгляните на этотъ полный, рослый станъ, на эти влажные, свѣтлые, голубые глаза, на эти нѣжныя, бѣлыя и румяныя щеки, на алыя, сочныя, сейчасъ ѣвшія биф-

штексъ губы... Тогда вы согласитесь, что врядъ-ли на материкѣ Европы встрѣтите столько красавицъ и породистыхъ женщинъ, какъ въ Лондонѣ.

Долго мы блуждали по Лондону съ Прохоровымъ. Онъ разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о русской лѣсной торговлѣ въ Англіи, объ отправкѣ сюда нашего мачтоваго лѣса, дубовой клёпки, сосноваго накатника на полотна желѣзныхъ дорогъ. Онъ жилъ въ Лондонѣ семь лѣтъ и знаетъ его, какъ свои пять пальцевъ.

Любовались мы съ нимъ красными гвардейцами королевы, румяными, рослыми и въ рыжихъ бакенахъ, не даромъ прозванныхъ въ Индіи и въ Китаѣ вареными раками. Любовались дымными тавернами, дымными, но красивыми женщинами, и совершенно черными отъ дыма, закоптѣлыми воробьями. „А, здравствуйте, знакомцы!“ — сказалъ я про себя, смѣясь, этимъ пернатымъ, въ Зоологическомъ саду. Подошелъ, смотрю, точно трубочисты... и носикъ замаранъ, и чубъ точно въ сажѣ, и крылья будто вышли изъ коптильной печи. Нѣтъ, наши воробьи почище...

Зоологическій садъ въ Лондонѣ богаче парижскаго Jardin des plantes. Тутъ богатое собраніе живыхъ кенгуру (двуутробокъ), попугаевъ, жирафовъ, зебровъ и змѣй. Жирные, безволосые, водные слоны, гиппопотамы, и здѣсь плещутся въ бассейнахъ и зычно ревутъ, какъ и въ Парижѣ. Но англичанинъ обрадовался, какъ всегда, что перещеголялъ своего сосѣда french dog, и успокоился. Садъ богато содержится, но въ запустѣніи. За входъ въ него берутъ деньги, но публики почти нѣтъ. Не такъ за то — въ даровомъ Jardin des plantes, этомъ любимомъ эльдорадо парижскихъ дѣтей.

Сопутникъ мой, впрочемъ, полюбя все англійское, отъ плавающаго въ крови бифштекса до эля, защищалъ и это.

— „Что вы ругаетесь?“ — замѣтилъ онъ мнѣ: — „а вчера же мы были въ загородномъ дворцѣ королевы. Она выѣхала на два дня въ Лондонъ, и оставленный на это время дворецъ вмигъ запустѣлъ, — намъ едва нашелся человѣкъ отворить дверь для осмотра ея комнатъ. Тамъ нѣтъ ничего лишняго. Такъ уже она сама живетъ; наслаждается въ своей семьѣ, открываетъ и закрываетъ, въ золотой каретѣ ѣздя по городу, парламентъ; вышивая въ пяльцахъ, мѣняетъ министровъ, когда газеты затрубятъ ужъ слишкомъ громко о ихъ дѣяніяхъ, и дѣло съ концомъ. Ни обѣдовъ, ни баловъ, ничего... Я, часто гуляя въ паркѣ, подходилъ близко къ ея собственнымъ окнамъ: слышу гремитъ рояль и какое-то дитя дѣтскимъ голосомъ вторитъ его звукамъ, напѣвая шотландскую пѣсню; кругомъ цвѣтутъ каштаны, холмы зеленѣютъ, пахнетъ свободой и весной... Цвѣты она тоже очень любитъ,

Еще вчера ватага какихъ-то матросовъ въ день своего корабельнаго праздника понесла ей почти саженный букетъ."

— „А Пальмерстона она любитъ?"

— „Да, корреспондентъ Теймса на дняхъ увѣрялъ въ лондонской хроникѣ, что самъ видѣлъ, какъ она, передъ составленіемъ бюджета расходамъ на этотъ годъ, угощала его чаемъ со сливками, и сама разливала... словомъ, строила ему куры!"

— „Тотъ же корреспондентъ, въ мою бытность въ Лондонѣ, разсказывалъ, что, въ одинъ изъ апрѣльскихъ вечеровъ, въ театрѣ поссорились, во время итальянской оперы, два слушателя. Сперва бранились они въ креслахъ, потомъ вышли въ корридоръ, сняли сюртуки, засучили рукава, и въ кругу обступившихъ ихъ другихъ зрителей, стали боксировать. Потчивали-потчивали другъ друга кулаками, расквасили одинъ другому носы, или, какъ говоритъ Диккенсъ, одинъ другому обратили носъ въ горчичницу, а глаза въ уксусницу и пошли снова на свои мѣста. Оказалось, что это были члены парламента, О** и Ю**. Такова сила обычаевъ!.."

— „Что же это за чугунныя рѣшетки въ тротуарахъ?" — спрашивалъ я Ивана Иваныча: — „отверстія для сорныхъ ямъ или окна въ подвалы?"

— „Это, батюшка, продушины для свѣта и воздуха въ новоизобрѣтенныхъ жилищахъ, въ домахъ подъ улицами. Мѣстъ нѣтъ, мѣста дороги, ну, и строятся подъ улицами, а сквозь тротуары дышатъ и получаютъ косвенные лучи Божьяго свѣта..."

— „Кто же тамъ живетъ, нищіе?"

— „Э! нищіе! Нѣтъ, извините. Изъ двухъ милліоновъ 750 тысячъ жителей Лондона каждую ночь, по счетамъ здѣшней статистики, около 100.000 человѣкъ спятъ среди лондонскихъ улицъ безъ крова, на плитахъ тротуаровъ, а изъ числа послѣднихъ каждую недѣлю, среднимъ счетомъ, двое или трое умираютъ съ голода."

Были мы съ Прохоровымъ въ знаменитомъ хрустальномъ дворцѣ, въ загородномъ паркѣ, куда, по праздникамъ, безпрестанно отправляются поѣзды желѣзныхъ дорогъ, съ двухъ концовъ Лондона. Это напоминаніе, эти остатки всемірной выставки, даже и въ теперешнемъ видѣ — по-истинѣ величественны. Вы проходите рядомъ сквозныхъ, свѣтящихся, прозрачныхъ залъ, и поражаетесь—то громадною веллингтоніей, деревомъ почти въ ростъ любой нашей колокольни, съ дупломъ, какъ подъ царь-колоколомъ; все дерево свезено и возстановлено изъ кусковъ, съ корою; то сдѣланными изъ мастики, среди живой зелени, группами въ ростъ разныхъ человѣческихъ породъ; вотъ кавказско-европейское племя, въ качествѣ голландцевъ, распивающихъ пиво; вотъ готтентоты, вотъ индѣйцы американскіе, вотъ арабы, полинезцы...

Идете далѣе и входите еще въ бо̀льшія залы; въ срединѣ одной изъ нихъ гремитъ исполинскій органъ и публика слушаетъ солиста, играющаго на немъ сонату Бетховена. Тутъ мнѣніе Ивана Иваныча о немузыкальности англичанъ какъ будто хромаетъ. Вотъ рядъ архитектурныхъ чудесъ; залы мавританскія (Альгамбра), египетскія, китайскія, византійскія и греческія временъ республикъ. Тутъ же стоятъ поясные бюсты замѣчательнѣйшихъ людей міра: вотъ Софоклъ, вотъ д'Израэли, Данте, Пальмерстонъ... и въ кругу другихъ... великій союзникъ и другъ Джонъ-Буля, Наполеонъ III...

— „А!! Бонапарты въ музеѣ свободнаго Лондона!" - почти крикнулъ по-русски возлѣ насъ толстый, рябоватый и нѣсколько хромой господинъ, съ палкой въ рукѣ. Онъ уже подслушалъ, что мы говоримъ по-русски и всячески, заходя то справа, то слѣва возлѣ насъ, заговаривалъ съ нами: — „Ну, подите, господа! Ну, не подлость ли такъ лазарничать? А еще свободная нація!.. Извините-съ! кажется, съ земляками имѣю честь говорить!"

Мы переглянулись.

— „Точно такъ!"—отвѣчалъ я.

— „А! Очень радъ! Вотъ я уже пять дней до поту лица толкаюсь по этому граду безобразія, трачусь вонъ на этихъ подлецовъ-коммиссіонеровъ (онъ свирѣпо указалъ на проводника, съ рыжими бакенбардами и съ кулаками, засунутыми въ карманы верблюжьяго пальто), а души человѣческой, то-есть нашей,—ни одной... Очень радъ, очень радъ! Я — Степанъ Петровичъ Кутанинъ, таврическій-съ помѣщикъ!"

Мы пошли въ отдѣленіе экипажей.

— „А! А! Чистыя англійскія рессоры!"—толковалъ онъ, хлопая по рессорамъ изо всѣхъ силъ:—„Ну, что тутъ?"

— „No admittance!"—мрачно замѣтилъ чичероне въ галстухѣ и рыжемъ пальто.

— „Какъ же! такъ тебя и послушаютъ! Господа! Да вѣдь это все вздоръ! такія кареты и Тацкій въ Петербургѣ и Броневскій въ Харьковѣ дѣлаютъ. А о Варшавѣ нечего и толковать! Грубо, топорно, безвкусно... А въ клубахъ *ихъ* были?" — спросилъ Кутанинъ неожиданно.

— „Нѣтъ, не былъ!"—отвѣчалъ я.

Мы пошли далѣе, осмотрѣли собраніе всевозможныхъ сельскихъ машинъ, производство иголокъ, выдѣлку хлопчатобумажныхъ нитокъ, запаслись и тотчасъ сдѣланными при насъ иголками и въ глазахъ нашихъ выпряденною шпулькою нитокъ, и уже, мимо собранія англійскихъ масляныхъ картинъ и фарфора, собирались идти въ садъ, какъ Кутанинъ таинственно кивнулъ намъ и отвелъ насъ въ уголъ:

— „Видѣли вы тутъ эмигранта N. N.?“ — спросилъ онъ.

Мы опять переглянулись.

— „Нѣтъ, не видали; мы его не знаемъ.“

— „Ну, а я его видѣлъ... Представьте! иду по Геймаркету на Страндъ, на Страндѣ идутъ двое въ сѣромъ, и одинъ такой печальный и съ чахоточнымъ лицомъ... Это, навѣрное, былъ онъ! Я за ними, за ними. Въ паркѣ къ нимъ подошли три дамы. Говорятъ по-русски и по-англійски. По-русски я только и услышалъ: „да, погода—ничего!“ а потомъ: „Читали вы диспутъ Погодина?“ и только...“

— „Ну, что же изъ этого?“ — съ досадой перебилъ Прохоровъ: — „и охота вамъ пустяки молоть!“

— „Да это, былъ, навѣрное, эмигрантъ...“

Прохоровъ позеленѣлъ.

— „Охъ ужъ надоѣдаютъ же мнѣ здѣсь наши земляки! извините!“ — сказалъ онъ: — „только вздорными пересудами и занимаются! А небось въ Кью или въ британскомъ музеѣ не были, господинъ Кутанинъ?..“

— „Ай да купчикъ!“ — подумалъ я. Полковникъ насупился, запахнулъ свой плащъ à la Кавуръ, махнулъ коммиссіонеру, сказалъ ему: „Ну, мистеръ, въ тоннель унтеръ Темза... тамъ, знаешь? унтеръ вассеръ!“ — ушелъ, кисло намъ улыбнувшись.

— „Да“, — заключилъ Прохоровъ: — „Озадачился и я здѣсь одинъ разъ, недавно. Вхожу съ пріятелемъ, тоже русскимъ купеческимъ сыномъ (онъ сюда изъ Россіи привозилъ продавать сосновыя бревна, слиперсы, подъ рельсы), въ кофейню на Геймаркетѣ, турецкую кофейню, гдѣ потребовали себѣ чаю и стали болтать. Одинъ изъ лакеевъ, тутъ бывшихъ, давай въ насъ всматриваться, тутъ вдругъ онъ подошелъ къ намъ и спросилъ по-русски:

— „Ваше благородіе, не желаете ли-съ пивца?“

— „Какъ-такъ? по-русски?“

— „Да, это былъ эмигрантъ *Данилка* изъ Крыма, съ южнаго берега, изъ Гаспры, кажется, имѣнія князя Мещерскаго. Во время войны его взяли въ плѣнъ, помѣстили въ вонючій трюмъ огромнаго корабля и потомъ высадили въ Лондонѣ. Тутъ онъ и остался. Сперва мыкалъ горе по улицамъ, милостыню у заѣзжихъ русскихъ купцовъ просилъ, а потомъ поступилъ въ турецкую кофейню и сталъ первымъ лакеемъ. И потѣха была его слушать. Бывало, съ перваго пріѣзда сюда, со скуки прійдешь туда. Данилка, именуемый товарищами *мистеръ Дэніэлъ*, обвернетъ салфеткой руку, сядетъ рядомъ на диванчикъ и давай разсказывать: „Я,“ — говоритъ, — „тутъ всю политику знаю: эти англичане, значитъ, только отводъ глазамъ дѣлаютъ, а королева у нихъ сама, сказываютъ, дѣтей грамотѣ учитъ. А Пальмерстонъ—

помѣщикъ предобрѣющій; я къ нему въ Пиль-Голль за курами ѣздилъ..." Онъ все въ такомъ родѣ говоритъ. Или вдругъ начнетъ: „Я," говоритъ, „по-аглицки читать выучился и ежедневно Теймсу эту читаю. Какъ что есть про Россію, такъ и читаю. Намеднись пишутъ въ ней такую чепуху, что просто уши вянутъ. Я не вытерпѣлъ и газету кинулъ на полъ. Подлецы! А сами хороши! Только и хорошаго, что мяса вдоволь, да пиво дешево. А нечистоплотны, какъ псы... Намеднись тоже одинъ у меня жилетку укралъ... Скучно, хочу у Брунова барона-съ опять къ барину въ деревню проситься..."

— „Въ деревню? Да вѣдь ты вольный теперь?"

— „Хороша воля! Во всемъ чужомъ хожу; фракъ, рейтузы и даже цѣпочка. А въ прошлую Филиповку хвороба напала, никто и не помогъ; такъ-таки, какъ собака, чуть не околѣлъ на улицѣ... Скверно-съ!"

Были мы съ Прохоровымъ тоже „унтеръ-Темза" въ тоннелѣ, и сильно мнѣ не понравился знаменитый этотъ проходъ подъ рѣкой. Вообразите витую лѣстницу, по которой вы спускаетесь внизъ, передъ вами безконечный корридоръ, едва освѣщенный газовыми рожками и разгороженный на двое рядомъ колоннъ. Одна половина его уже заколочена; въ нее просачивается вода. Вы идете по другой половинѣ, но и тутъ сырость очень замѣтна на полу и на стѣнахъ. Въ промежуткахъ между колоннами устроены лавки, гдѣ продаютъ всякую мелочь, транспаранты, ножики, иголки, карты, книги для дѣтей. Въ нѣкоторыхъ впадинахъ устроены театры маріонетокъ, камеръ-обскуры съ видами парламента, синопской битвы, взятія Севастополя. Паровичекъ, совершенный сколокъ съ локомобиля и всего величиною въ самоваръ, двигаетъ декораціи уморительной панорамы каррикатуръ. Но на всемъ этомъ лежитъ скука и запустѣніе. Въ безконечномъ коридорѣ мелькаютъ два-три зѣвающіе гостя и только. Тоннель брошенъ давно.

Я побывалъ еще на фабрикахъ, ѣздилъ смотрѣть флотъ, осмотрѣлъ „Левіаѳана", послушалъ лекціи отставного адвоката о юстиціи, гдѣ чтецъ въ каррикатурѣ передаетъ пріемы и ухватки англійскаго правосудія, и уѣхалъ, увезя съ собою въ платкѣ такую копоть лондонскаго каменноугольнаго дыма, что, двѣ недѣли спустя, надѣвши въ Тулузѣ фракъ, вынулъ изъ него платокъ, еще пахнувшій этимъ дымомъ.

Но я не сказалъ главнаго. Я былъ нѣсколько разъ въ лондонскомъ парламентѣ, именно въ *палатѣ депутатовъ*, знаменитомъ „House of Commons". Съ помощію любезности Данилки, угощающаго въ своей кофейнѣ многихъ депутатовъ, я получилъ отъ одного члена парламента слѣдующую записку на клочкѣ простой бумаги: „Admitto

the gallery of the House of Commons this Evening.—S. Smitfeld.—Munday, may 7, 1860.“ Съ этою запискою я могъ безпрепятственно войти въ трибуну зрителей палаты. Надо было только сдѣлать обычный смертный „хвостъ“, то есть, ждать очереди передъ дверью, пока изъ 80 мѣстъ тѣсной трибуны выйдетъ столько сидѣвшихъ, что и васъ пустятъ. Билетовъ же по числу членовъ раздается каждый вечеръ до 300. Это было 7-го мая, когда я пошелъ туда впервые. Увидя, въ нижней громадной проходной залѣ вестминстерскаго дворца, нескончаемый хвостъ по „выжидательнымъ лавкамъ“, я терялъ надежду, но сосѣдъ по мѣсту моему въ хвостѣ, французъ, сказалъ мнѣ: „Я не взялъ кроны, а у васъ есть?“ — „Есть!“ — „Ну, такъ идите назадъ, дайте швейцару, онъ васъ проведетъ боковыми ходами къ самой двери, впередъ *всѣхъ*.“ — О Англія! И тутъ берутся *взятки!?..* Я далъ два шиллинга, и румяный привратникъ ввелъ меня прямо въ трибуну...

— „*Лондонскій парламентъ!*“ — думалъ я, чувствуя дрожь въ спинѣ и вспоминая столбцы нашихъ газетъ съ отчетами о его засѣданіяхъ. Я сѣлъ на задней лавкѣ подъ самымъ потолкомъ и сталъ смотрѣть. Огромная зала была почти пуста. На лавкахъ депутатовъ было на перечетъ человѣкъ десять, не болѣе. Скамьи эти шли амфитеатромъ. Посреди залы стоялъ подъ балдахиномъ тронъ „спикера“ (говоруна), т.-е. президента, мрачнаго человѣка, въ бѣломъ парикѣ и въ мантіи. Стенографы сидѣли сзади его. На столѣ передъ нимъ лежали бумаги, портфели, книги законовъ и на бархатной подушкѣ скипетръ и корона королевы. Вскорѣ усѣлся близъ меня и французъ съ словами:

„И я досталъ крону!“

— „Гдѣ тутъ дамы?“ — спросилъ я его.

— „Вонъ противъ насъ, за рѣшеткой! ихъ не видно, потому что, по закону, онѣ сюда не допускаются: ну, ихъ и прячутъ, а пускаютъ...“

— „Что это говорятъ? Я не разслышу?“

— „Это читаютъ разныя прошенія, petitions. А вотъ теперь идетъ „tenure of Ireland bill...“

— „Кто это всталъ и говоритъ?“

— „Д'Израэли; онъ спрашиваетъ о завтрашнемъ днѣ.“

— „Что такое? Я не привыкъ и плохо ихъ тутъ понимаю.“

— „Идетъ вопросъ о сношеніяхъ Европы съ Турціей.“

— „Сдѣлайте милость, скажите: отчего такъ пусты здѣсь скамьи?“

— „Еще министровъ нѣтъ. Теперь 9 часовъ вечера; депутаты всѣ въ театрахъ, въ клубахъ. Ну, вотъ видите, все мальчики въ форменныхъ курточкахъ шныряютъ! Это телеграфные гонцы. Они чрезъ каждыя пять минутъ несутъ отъ стенографовъ отчеты о ходѣ преній

и чрезъ каждыя пять минутъ депеши выставляются въ Лондонѣ въ фойе театровъ и клубовъ. Когда войдутъ министры, то черезъ пять, восемь минутъ, и лавки депутатовъ наполняются...“

Едва онъ это сказалъ, какъ изъ-за балдахина спикера показался худенькій вертлявый старичекъ въ черной шляпѣ и въ черномъ сюртукѣ (въ засѣданіи палатъ всѣ депутаты сидятъ въ шляпахъ), и съ портфелемъ подъ мышкой сѣлъ на лавкѣ министровъ.

— „Это Джонъ Россель!“—шепнулъ мнѣ французъ.

Я сталъ смотрѣть на него въ бинокль: какъ двѣ капли воды, схожъ съ Little—Джономъ Понча.

Лишь только онъ вошелъ, съ лѣвой стороны всталъ членъ Тедфіельдъ и спросилъ: „Что сдѣлано Европой въ отношеніи къ Турціи со временъ мира?“—Джонъ Россель: „Замѣчу to the honorable and learned gentleman, что нашъ посланникъ, г. Бульверъ, по правдѣ, не сдѣлалъ ничего за эти два, три года, и ничего не могъ сдѣлать для того, чтобы наконецъ нашу страну поставить тамъ въ числѣ болѣе дружественныхъ націй—the most favoured nations!“ Онъ говорилъ тихо, но всѣ глаза и уши были къ его сторонѣ. Онъ усѣлся. Послѣ Trade-Marks, гдѣ говорилъ Milner Gibson, начался отдѣлъ преній по такъ называемому „personal explanation.“ Тутъ въ особенности отличались скучнѣйшими и длинными рѣчами Вальтеръ и Горзманъ. Ужъ они и руками махали, и какія-то бумажки со столовъ своихъ хватали. Споръ между ними шелъ о руководящей статьѣ въ Теймсѣ „leading article“, писанной Вальтеромъ, гдѣ послѣдній задѣлъ Горзмана и даже, кажется, не пощадилъ его семьи, жены и тещи. Во время этого пренія и перебранки всякаго рода вошелъ Пальмерстонъ...

Онъ вошелъ, какъ старый нѣкогда знаменитый волокита и танцоръ входитъ въ бальныя комнаты. Онъ высокаго роста, держится прямо; черный фракъ, съ иголочки, застегнутъ на всѣ пуговицы, черная шляпа надвинута на брови; изъ-подъ ея полей бѣлѣютъ серебряныя бакенбарды. Онъ шелъ, снимая съ руки перчатку. Сѣлъ и сталъ слушать, закинувши ногу за ногу... Не прошло, дѣйствительно, и четверти часа, какъ скамьи депутатовъ стали полны снизу до верху. И Пальмерстону пришлось въ этотъ вечеръ прослушать споръ Горзмана съ Вальтеромъ. Наконецъ онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на часы и всталъ, снявши шляпу.

— „I hope this discussion may end!“—сказалъ онъ:—„It has not, so far as I can see, led to any result of greater importance...“—(Надѣюсь, что этотъ разговоръ кончится; онъ не приведетъ, сколько я могу видѣть, ни къ какому важному результату...) „Я самъ былъ,—прибавилъ онъ,—долгое время цѣлью самыхъ горькихъ и ядовитыхъ нападокъ Теймса; но увы! этотъ листокъ теперь меня щадитъ. Го-

ворю: увы! потому что это недобрый знакъ, господа; это значитъ, что я выхожу изъ моды, старѣю...“

Громкій и раскатистый смѣхъ покрылъ эту старинную, знакомую еще всѣмъ по Вольтеру увертку. Пренія оживились. Пошли рѣчи по поводу „Refreshment-houses and wine licences-bill“, билль о льготахъ въ пользу домовъ для продажи вина и прохладительныхъ напитковъ. Говорили Айртонъ, Лиддель, Саломонъ и Скюлли. Послѣдній, въ подкрѣпленіе своей рѣчи, даже сказалъ двустишіе:

„That those would drink, who never drank before;
„Whil those who always drank, drink the more!“

Эта выходка снова долго покрывалась раскатами смѣха палаты. Послѣ старика, голосъ котораго напоминалъ плачъ ребенка, а фракъ сходилъ до его пятъ и куталъ его затылокъ, какъ въ кузовъ коляски, говорилъ другой, кашляющій старикъ.

— „А гдѣ же тутъ оппозиція, ея коноводы?—спросилъ я француза.“

— „Опустите ваши глаза долу“,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь,— „взгляните, гдѣ ноги д'Израэли, и вы узнаете, въ какой сторонѣ оппозиція и ея коноводы.“

Говорилъ въ то время рослый и красивый блондинъ, Гладстонъ, въ сюртукѣ бутылочнаго цвѣта съ искрой и безъ воротничковъ у галстуха. Это былъ важный министръ финансовъ „Chancelor of the Exchequer.“ Онъ приводилъ, послѣ окончанія преній свои виды и заключительныя доказательства въ пользу билля о напиткахъ, и стоя у стола, среди залы, передъ своимъ мѣстомъ на скамьѣ министровъ, съ веселою интонаціею передавалъ сказку о видѣніяхъ Геркулеса „Wisions of Hercules“—и между прочимъ сталъ пародировать легенду о добродѣтели и порокѣ „Virtue and vice.“

— „А гдѣ ноги д'Израэли?“—спросилъ меня опять французъ.

Я опустилъ глаза внизъ. О ужасъ!

Д'Израэли, идолъ мой, умнѣйшій и геніальнѣйшій изъ современныхъ англичанъ, уложилъ свои ноги со скамьи оппозиціи, визави противъ скамьи министра, прямо на столъ, въ кучу бумагъ и при какой-то фразѣ Гладстона такъ неловко оборотился къ сосѣду, взявшись за лацканы жилета, что подвинулъ каблукомъ подушку королевы...

Я воротился домой на квартиру. Въ ушахъ моихъ еще звучали голоса Джона Росселя, Пальмерстона и Гладстона.—„Такъ вотъ они каковы, эти правители судебъ міра, эти англійскіе депутаты!“—думалъ я, ложась спать.—На столѣ своемъ я нашелъ письмо изъ Малороссіи отъ старика дяди N. N.—Дядя мнѣ писалъ:

— „Всему я готовъ повѣрить! Но чтобы сапожники правили го-

сударствомъ, не повѣрю. Скажи Пальмерстону, когда увидишь его: зачѣмъ онъ задираетъ носъ? Мы англичанамъ не дадимъ хлѣба, и баста! Тогда напляшутся? Да правда ли, что тамъ машина такая есть..."

Хороши сапожники! Далеко до этихъ сапожниковъ парламентамъ и берлинскому, и туринскому, и депутатамъ въ Луврѣ, о которыхъ я вамъ писалъ.

XIV.

Дунайскія княжества.

Всѣ торопились уйти въ море, благодаря холерѣ, которая начинала усиливаться въ Екатеринославѣ, Никополѣ, Херсонѣ и въ Одессѣ.

10-го іюля въ Одессѣ между прочимъ разнеслась вѣсть о побѣдѣ итальянцевъ при островѣ Лиссѣ надъ австрійцами. Но австрійскій консулъ вывѣсилъ въ кофейняхъ депешу, гласившую, что на морѣ побѣдили не итальянцы, а австрійцы. Путаница въ слухахъ вышла невѣроятная. Одесса склонилась къ мнѣнію, что разбиты австрійцы, что въ самую Вѣну нельзя проникнуть, что между Пештомъ и Вѣною желѣзныя дороги разрушены, и что въ Галацъ оттуда болѣе пароходы ходить не будутъ. Множество путешественниковъ поэтому возвратились черезъ Херсонъ на сѣверъ, 10-го же числа. Я пожелалъ узнать, дѣйствительно ли въ Вѣну и черезъ Вѣну нельзя болѣе ѣхать. Я былъ въ Обществѣ Пароходства и Торговли, у австрійскаго консула, у агента австрійской пароходной компаніи г. Этлингера (онъ же баварскій консулъ), у банкира Эфрусси, въ редакціяхъ одесскихъ газетъ... 11-го іюля никто изъ нихъ не могъ мнѣ положительно отвѣтить на это. Тогда я рѣшился ѣхать по Дунаю...

Пароходъ вышелъ въ Галацъ, 11-го вечеромъ, Въ каютъ-компаніи было нѣсколько грековъ, русскій изъ Тифлиса, французъ изъ Кіева, еще нѣсколько русскихъ изъ Одессы. Мужчины толковали о побѣдѣ пруссаковъ при Кениггрецѣ. Дамы говорили о новомъ романѣ г. Ѳ. Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе" и о превосходномъ романѣ г. Л. Толстого „1805 годъ". Мы любовались балканскими отрогами Добруджи, фіолетовыми холмами Тульчи и Исакчи; мы съ грустью вглядывались въ пустынные, поросшіе камышами и лозою берега Дуная, по которымъ то здѣсь, то тамъ разбросаны были сѣрыя каменныя сторожевыя землянки, да кое-гдѣ виднѣлись красноштанники турецкіе солдаты, съ нѣкотораго времени зорко стерегущіе берега Румыніи. У Тульчи на берегу явился рядъ зеленыхъ палатокъ

турецкаго небольшого лагеря, съ солдатами, моющими свое бѣлье у берега, среди разбросаннаго стада черноволосыхъ буйволицъ.

Въ Галацѣ также явилась холера. Лауданумъ и нуксъ-вомика здѣсь также у всѣхъ на языкѣ. Публичный молодой садъ пустъ. Всѣ здѣсь какъ-то сконфужены, говорятъ шопотомъ. На окнахъ фотографовъ рядомъ съ портретомъ некрасиваго принца Карла Гогенцолернскаго выставленъ портретъ Кузы и его супруги.

— „Зачѣмъ же вы и Кузу по прежнему выставляете, да еще въ золотой рамѣ, разрисованнаго красками?

— А какъ *вдругъ* онъ опять сюда явится? что тогда? вѣдь Наполеонъ все можетъ.

— Что дѣлаетъ вашъ Карлъ?

— Съ солдатами все возится! Денегъ нѣтъ, хлѣбъ не уродился, пшеницу заѣла головня (зонà), ленъ пропалъ повсемѣстно, деревни пожираетъ холера, крестьяне бѣднѣютъ съ каждымъ днемъ, представляя толпы забитыхъ и запуганныхъ боярами нищихъ, о желѣзныхъ дорогахъ и помину нѣтъ, а бухарестская Палата опять увеличиваетъ войско. Теперь у насъ шесть пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ полка. Прошла молва, что Коцебу вашъ идетъ занять Княжества. Либеральныя газеты „Тромпетта“ и „Румунулъ“ грозятъ, что войска наши пойдутъ ему на встрѣчу, что слѣдуетъ взять у васъ всю Бессарабію. Жалованья войску не даютъ давно, солдаты въ такую жару, какъ видите, ходятъ въ сукнѣ, кителей лѣтнихъ нѣтъ. Многіе на часахъ падаютъ въ обморокъ. А газеты кричатъ про героевъ „солдатской ночи 11-го февраля“—про Лекку и Хараламби... Вонъ и ихъ портреты въ окнахъ...

— Сколько подписчиковъ у вашихъ журналовъ?

— У „Румунула“ 2,300, его полиція навязываетъ насильно; у „Тромпетты“ 600; издатель ея Цезарь Боліякъ, бывшій адъютантъ Кошута, издавалъ прежде „Бучумулъ“ (Труба), запрещенный Кузою. Онъ знаменитъ тѣмъ, что, по словамъ другихъ здѣшнихъ газетъ, обобралъ дорогіе камни съ короны св. Стефана, которую Кошутъ далъ было ему скрыть.

12-го іюля мы вышли въ Пештъ. На австрійскомъ пароходѣ „Софія“ ѣхало множество румыновъ, купцовъ, помѣщиковъ, пансіонеровъ бухарестскаго пансіона Севича, нѣсколько эмигрантовъ-поляковъ, въ томъ числѣ сынъ Вацлава Ржевусскаго, Эбнъ-Эмиръ-Гутапа, принявшаго нѣкогда мусульманство въ Аравіи и воспѣтаго Мицкевичемъ въ поэмѣ „Фарисъ“. Молодой Ржевусскій состоитъ теперь учителемъ въ семьѣ одного молдавскаго помѣщика, ѣхавшей съ нимъ на воды на сѣверъ Дуная, тоскуетъ по Россіи и давно просится возвратиться туда.

Но вотъ на станціяхъ пассажиры прибываютъ: все греки, турки и липоване. Вотъ красивый гористый берегъ налѣво.

— Это Карабунаръ („черный заливъ")—участокъ до 200 десятинъ, подаренный султаномъ поэту Ламартину одновременно съ Бедельгамаромъ, подареннымъ ему въ Ливанѣ. Послѣдній значитъ „домъ мѣсяца"...

— Получаетъ ли Ламартинъ отсюда доходъ?

— И еще какой! Всѣ дома въ Галацѣ строятся изъ ламартиновскаго камня; его участкомъ правитъ весьма искусно докторъ Рено.

Вотъ огромная деревня также налѣво (т.-е. на правомъ, турецкомъ берегу Дуная) по имени Бездарешты, въ 2,000 душъ русскихъ раскольниковъ, атаманъ которыхъ носитъ имя Григорія Разноцвѣтова. По берегамъ мелькаютъ красные платки женщинъ; одна изъ нихъ, въ синемъ сарафанѣ, моетъ въ Дунаѣ бѣлье: валекъ хлопаетъ, какъ и въ Россіи. Въ поляхъ желтѣютъ копны убранной пшеницы. Въ концѣ деревни на каменистой землѣ тройка рыжихъ коней бѣгаетъ, и подгоняемая мальчишкой, молотитъ разостланные кругомъ снопы, Пароходъ нашъ идетъ у берега; лодка съ парнемъ въ ситцевой рубахѣ спѣшитъ уйти изъ-подъ его носа. „Ванюха! бѣсъ те претъ подъ нѣмца!" кричитъ ему изъ камышей голый старикъ въ соломенной шляпѣ, вѣроятно его отецъ.

Далѣе Черноводы, городокъ на турецкомъ берегу, куда примыкаетъ линія кюстенджійской желѣзной дороги. Бѣлыя каменныя стѣны; поля усѣяны красными фесками, босыми ногами, оборванною сволочью, между которою виднѣются черныя лица арабовъ, два-три синихъ мундира туземныхъ властей и турецкій солдатъ часовой съ босыми ногами, въ фескѣ и съ ружьемъ на плечѣ. Особыя машины непрерывнымъ колесомъ съ черпаками тянутъ съ барокъ зерна пшеницы вверхъ на скалистый берегъ, гдѣ ее развозятъ по галлереямъ на повозкахъ ручныхъ и ссыпаютъ прямо сквозь полъ галлерей въ подставленные крытые вагоны, какъ въ закромы. Это та самая пшеница, которая въ громадномъ количествѣ теперь идетъ въ Кюстенджи изъ Княжествъ и подорвала съ 1858 и 1860 годовъ наши хлѣбные рынки на югѣ, неимѣющіе сообщенія съ нашими степями черезъ желѣзныя пути.

Насъ не пустили на берегъ ни въ Черноводахъ, ни въ Силистріи, гдѣ турки отъ насъ устроили надняхъ 15-ти-дневные карантины. Какова странность! Турки отъ русскихъ ограждаются карантинами. А черезъ кого попала въ Россію холера?

Берега румынскіе уступаютъ въ красотѣ берегамъ турецкимъ, скалистымъ, возвышеннымъ и лѣсистымъ. Румынскіе берега напоминаютъ наши песчаные, дикіе, голые и бѣдные берега Дона: ни лѣсовъ, ни

скалъ, ни оживленныхъ деревень. Чего же такъ сюда стремился Куза и чего теперь произноситъ здѣсь такія торжественныя клятвы принцъ Карлъ?

Для разрѣшенія этого лучше всего обратимся къ интересной личности, ѣдущей съ нами на пароходѣ „Sophie". Небольшого роста, сухощавый, сѣдой какъ лунь, съ черными глазами, бѣлою „наполеонкой" и бѣлыми усами, въ бѣломъ кителѣ, желтыхъ полусапожкахъ, съ звѣздой на бѣлой фуражкѣ, онъ сидитъ степенно и молча всю дорогу изъ Журжева, не сходя съ вышки парохода и ни съ кѣмъ не говоря. „Это генералъ Николай Голеско, экс-министръ внутреннихъ дѣлъ княжествъ во время революціи 1848 года и эксъ-министръ военный временнаго правительства, съ 11-го февраля по 11-е мая 1866 года, низложившаго князя Кузу", говоритъ мнѣ шопотомъ австрійскій капитанъ. Взошелъ мѣсяцъ. Сцена у крѣпости Виддина, гдѣ надули богатаго грека, ѣхавшаго съ нами, продавши ему за червонецъ мерзѣйшаго табаку, а потомъ пожаръ деревушки на валахскомъ берегу близъ Калафата, познакомили меня съ г. Голеско. Я разговорился съ нимъ сперва о новыхъ лагеряхъ 40,000 турецкаго войска подъ Силистріей, Рущукомъ и Виддиномъ, зеленыя палатки которыхъ бьютъ теперь въ глаза всѣмъ мирнымъ путникамъ Дуная, а потомъ вообще о княжествахъ. Вотъ разсказъ г. Голеско:

— Дунайскія Княжества, это край съ большою будущностью. Къ сожалѣнію, будучи членомъ двухъ революціонныхъ временныхъ правительствъ, я, въ качествѣ ихъ министра, убѣждался въ одномъ, что правительства, свергнутыя нами, стремились лишь къ тому, чтобы воцарить въ княжествахъ воровство и расхищеніе народныхъ денегъ и имущества. Въ 1848 году меня и моихъ товарищей схватили турки и назначили къ ссылкѣ на 15 лѣтъ на галеры. Цѣлый мѣсяцъ насъ везли на баркѣ по Дунаю; мы стали на мель, и сербскіе рыбаки дали намъ случай уйти во Францію, одолѣвши мусульманскаго офицера. Мы явились сюда снова послѣ крымской войны. Князя Кузу мы выбрали потому, что его выбрали наши собратья молдаване; лишь бы не отдѣляться отъ нихъ. Куза—бывшій исправникъ въ русскихъ Фокшанахъ и потомъ въ Галацѣ, попалъ въ князья Румыніи потому, что менѣе другихъ претендентовъ имѣлъ богатой родни и связей. Но мы горько ошиблись. На высотѣ румынскаго престола онъ явился тѣмъ же трактирнымъ, будничнымъ героемъ, какимъ былъ онъ, проводя прежде ночи подъ бильярдами и на бильярдахъ. Это совершенно особый типъ нашей молодой Румыніи; у него нѣтъ и не было ничего святого, никто ему не былъ близокъ, ни изъ одного сословія. Какъ мѣнялъ онъ сегодня свою добрую, нѣжную, почти ангельскаго сердца, жену на первую встрѣчную актрису, такъ онъ переходилъ отъ угод-

ничества Наполеону къ угодничеству Австріи и другимъ. Онъ страшно сорилъ казною Княжествъ. При Стирбеѣ и Бибеско, бюджетъ обоихъ княжествъ отъ 30,000,000 піастровъ возросъ до 40,000,000; Куза умудрился возвесть его до 165,000,000 піастровъ (почти до 50,000,000 франковъ), гдѣ четвертая доля поглощалась войскомъ. И что же это за войско? Еслибы онъ самъ вздумалъ его вывести въ поле въ послѣдній годъ своего княженія, оно бы ни къ чему не пригодилось: изъ 110 орудій мы нашли годными только 13 пушекъ. И все въ такомъ родѣ! Пушки онъ выливалъ дома, а сверлить ихъ посылалъ въ Англію... Опять дѣло съ греческими монастырями; онъ, повидимому, отобралъ ихъ имущества въ казну, назначивъ въ пользу ихъ вносить съ народа ежегодно по 2,000,000 піастровъ. И что же? Эти 2,000,000 вносятся, но сдѣлка никѣмъ не утверждена—такъ онъ ее и оставилъ. Народъ, раздавленный налогами, давно роптал. Министры Флореско и Кречулеско захотѣли испытать прочность князя. Въ бытность его въ Эмсѣ, прошлымъ лѣтомъ, они подослали полицію взволновать народъ въ Бухарестѣ; многіе неопытные люди поддались; по нимъ стрѣляли. Думали, что кружокъ оппозиціи также поддастся на удочку; но Росетти, издатель „Румунула", я и Братьяно поняли ловушку и не вышли къ народу. Насъ арестовали въ квартирахъ и засадили на мѣсяцъ въ тюрьму, въ однѣ камеры съ ворами. Куза возвратился и насъ освободилъ. Въ началѣ его княженія я самъ былъ его министромъ; но я не могъ сойтись съ его безцеремоннымъ образомъ правленія и въ особенности съ его способомъ тратить народныя деньги... я его оставилъ...

— Какъ же произошелъ вашъ переворотъ 11-го февраля 1866 года?

— Очень просто. Насъ, истинныхъ конституціоналистовъ, образовался сперва кружокъ въ три-четыре лица; къ намъ примкнули потомъ еще нѣсколько. Одинъ изъ насъ, Братьяно, еще за два мѣсяца до 11-го февраля уѣхалъ отъ насъ на западъ, развѣдать мнѣніе тамошнихъ дворовъ, министровъ и печати. Мы черезъ него снеслись съ Филиппомъ Фландрскимъ, но онъ, какъ Бурбонъ, былъ не по душѣ Наполеону. Его все-таки послѣ переворота предлагали, чтобъ лучше выяснить Европѣ всѣ нити, связывающія насъ вездѣ и во всемъ. Тогда мы обратились къ принцу Карлу, сперва неоффиціально, а потомъ оффиціально. Этотъ прекрасный, превосходно, истинно по-нѣмецки образованный молодой человѣкъ склонился къ нашему голосу. Молдаване хотѣли отдѣлиться, выбрать Стурдзу; на иностранцѣ все снова примирилось—и княжества въ угоду Турціи не распались. А какъ произошелъ самый переворотъ—вы вѣрно знаете. Въ домѣ Бларамберга мы собрались: тремъ офицерамъ выпалъ жребій предложить Кузѣ отреченіе и арестовать его. Знакъ платкомъ былъ поданъ кучеромъ,

везшимъ m-me Обреновичъ, урожденную Котарджи, во дворецъ князя, что онъ самъ ее везетъ и что вошелъ въ свою половину. Офицеры вошли спустя часа два и, взломавши дверь, нашли Кузу и m-me Обреновичъ вмѣстѣ... Это разведенная жена сербскаго князя Михаила-Обреновича. Княгиня Куза тутъ же узнала позорный скандалъ съ арестованнымъ супругомъ и сказала мнѣ: „Что дѣлать? Я давала совѣты князю—но они не спасли его ни отъ чего". Подписавши на спинѣ одного изъ офицеровъ готовое отреченіе, Куза ни единымъ словомъ не постарался дать понять, интересуется ли онъ послѣдствіями переворота: кто его смѣнитъ, кто послѣ него будетъ править народомъ? Отвезенный въ отнятый имъ же у грековъ монастырь Котроченно, близъ столицы, онъ пожелалъ меня видѣть и, написавши черезъ меня извѣстное заявленіе о готовности выѣхать изъ княжествъ, сказалъ мнѣ одно: „Возвратите мнѣ мой кошелекъ; въ немъ денегъ не много, но станетъ мнѣ на первое время—скажу вамъ, *мое тѣло такъ привыкло хорошо и много ѣсть*. Впрочемъ, когда капитанъ Сильонъ въ Кронштадтѣ, послѣ предложенія австрійцевъ ѣхать Кузѣ скорѣе далѣе и не скандализировать ихъ города видомъ огорченной его жены и спокойной рядомъ съ нею его фаворитки, сталъ ему говорить много горькой правды, и между прочимъ выразился: „Вы, князь, виною того, что вся казна Княжествъ была такъ дерзко расхищаема; вы всему этому давали примѣръ!"—Куза перебилъ его словами: „Ну, ну, не ворчите, и я вамъ еще пригожусь въ Европѣ; я не брошу тамъ дѣло моей страны, которая какъ-то мнѣ ближе, когда я становлюсь отъ нея дальше...

Бѣдная Румынія: Мой собесѣдникъ говорилъ о ней чуть не со слезами на глазахъ...

— Когда мы взяли въ руки правленіе и остались у его руля ровно три мѣсяца, мы съ ужасомъ увидѣли, до чего расхищалась казна. Молдавскій лакей, кельнеръ нѣсколькихъ гостиницъ, лѣтъ пять назадъ, нѣкто Либрейхъ (вы вѣрно слышали это имя?) при Кузѣ сталъ нежданно сперва телеграфнымъ ревизоромъ, потомъ вдругъ директоромъ почтъ и телеграфовъ, наконецъ, всѣ кабинетныя дѣла князя перешли въ его руки. Никто безъ него не получалъ подряда или коронная мѣста—и вдругъ у Либрейха очутился первый по богатству домъ въ Бухарестѣ, съ мебелью изъ Парижа, съ шелками изъ Ліона и съ бронзами изъ Лондона, и капиталъ въ 4 милліона піастровъ... Мы его арестовали, предали суду, а теперь къ суду черезъ него призываются и экс-министры Кузы—Флореско и Кречулеско... Я удалился отъ временного правительства съ пріѣздомъ принца Карла и теперь состою начальникомъ національной гвардіи Княжествъ...

Дополняю слова г. Голеско разсказами другихъ румыновъ.

Румынія настоящаго времени, Румынія принца Карла Гогенцоллернскаго,—говорили мнѣ, — хочетъ отнынѣ жить мирно, укрѣпляясь матеріальнымъ благосостояніемъ своего народа, а не потѣшною формировкою никому не нужныхъ и не страшныхъ армій. Чтобы уменьшить бремя военнаго бюджета, Карлъ хочетъ распустить свои шесть полковъ пѣхоты и два полка своей кавалеріи, съ ополченіемъ деробанцевъ (крестьянъ, служащихъ подъ ружьемъ по очереди, нѣсколько недѣль въ году). Вмѣсто постоянной милиціи онъ заводитъ для внутренней стражи національную гвардію, а на случай отраженія враговъ Румыніи—ландверъ на подобіе прусскаго, чтобы вся Румынія черезъ нѣсколько лѣтъ, не разоряя себя налогами на постоянное войско, стала, какъ Пруссія, вооруженнымъ народомъ, но не „постоянно-вооруженнымъ войскомъ“. Онъ хлопочетъ о томъ, чтобы въ княжествахъ распространилось воздѣлываніе новороссійской пшеницы гирки, а въ горахъ Телеги—добываніе соли. Толкуютъ, что бухарестскій университетъ подалъ ему проектъ добыванія золота въ отрогахъ валахскихъ Карпатовъ. Крестьяне платили при Кузѣ 48 піастровъ подушной и дорожной подати. Теперь подати хотятъ перевести на землю и, слѣдовательно, увеличить — въ ущербъ боярамъ. Каждый магазинъ въ Бухарестѣ платитъ около 100 р. с. подати приблизительно, причемъ за разные товары взносятъ изъ одного магазина разные оклады. Безземельные и иностранцы (въ томъ числѣ до 3,000 поляковъ, оставшихся въ княжествахъ отъ Кузы, въ видѣ всегда готоваго противъ Россіи контингента заговорщиковъ, въ видѣ землемѣровъ, учителей у помѣщиковъ, телеграфистовъ, станціонныхъ смотрителей) и пр., все-таки платятъ въ годъ подорожную подать отнынѣ до 15 піастровъ, да и какъ не брать съ „утаптывателей чужихъ дорогъ“, думаютъ теперь румыны...

Я видѣлъ принца Карла. Это высокій, бѣлокурый нѣмецкій студентъ скорѣе, чѣмъ офицеръ, хотя онъ тоже возится пока со смотрами. Окладистыя бакены окружаютъ щеки румянаго Гогенцоллерна. Вмѣсто 24 блюдъ кузовскаго обѣда, онъ велѣлъ себѣ готовить только 6.— „Что̀ дѣлаетъ вашъ принцъ?“ — „Онъ все экономизируетъ“,—отвѣчаютъ мнѣ вездѣ въ Бухарестѣ. Половина румынскихъ дѣвицъ въ него влюблена; многія при его проѣздѣ кидаютъ ему изъ оконъ букеты — нерѣдко съ своими карточками. Но молва толкуетъ, что онъ мечтаетъ о русской, далекой красавицѣ...

Я уѣхалъ далѣе въ Пештъ на томъ самомъ пароходикѣ „Излайя“, гдѣ въ статскомъ платьѣ и въ зеленыхъ огромныхъ очкахъ, во 2-мъ классѣ, съ саквояжемъ подъ мышкой, явился въ деревеньку Турно-Северино принцъ Карлъ царствовать. Вотъ и бѣлокурая пароходная кухарка Амальхенъ, которой онъ далъ, уѣзжая, цванцигеръ. — „Жаль,

что я его не поздравилъ, когда онъ сошелъ отъ меня на берегъ!" — сказалъ мнѣ капитанъ. — „Поздравите, какъ къ зимѣ будетъ ѣхать обратно!" —перебиваетъ его константинопольскій грекъ, торгующій въ Журжевѣ и ругающій румыновъ за налоги.

XV.

Въ Венгріи.

20-го іюля.

Вчера я пріѣхалъ на границу Венгріи съ Австріей, на берегъ Лейты, близъ городка Брукъ. Поѣздъ изъ Пешта мчался полями, сборъ сѣна и хлѣба съ которыхъ еще болѣе стѣснилъ въ это лѣто обстоятельства побѣжденной Австріи. Засуха съ апрѣля убила и здѣсь, какъ на югѣ Россіи, сѣнокосы. Пшеница и рожь не дали и четвертой доли обычнаго урожая; овсы пропали во всей южной Австріи. Изъ лѣса на берегу Лейты виднѣлись при заходящемъ солнцѣ огоньки; дымъ стлался въ разныхъ мѣстахъ по опушкѣ, вправо отъ чугунки. По берегу и на брукскомъ мосту стояли часовые. Изъ чащи лѣса отъ лагерныхъ палатокъ неслись звуки двухъ, попеременно игравшихъ оркестровъ трубачей. Одинъ игралъ маршъ Радецкаго, другой—маршъ изъ Нормы, потомъ раздалась какая-то венгерская національная мелодія. Здѣсь были бо́льшею частью венгерскіе полки. Австрія, очевидно, старается ладить съ Венгріей. Это очевидно и самимъ венграмъ, ясно и всякому иноземцу, попадающему сюда случайно въ это время, какъ я.

Еще въ Пештѣ вы замѣтите нѣчто особенное въ этомъ родѣ. Вы сразу почувствуете, что все здѣсь не то, что было еще недавно. Идетъ какая-то оригинальная, какъ бы незримая игра двухъ національностей, метрополіи и ей подчиненной донынѣ провинціи. Провинція поняла, что ея недавняя упорная, умная и ловко-веденная оппозиція достигла своей цѣли, что ей приходится стать изъ роли подвластной въ роль мощной руководительницы, что въ ея силахъ должны вскорѣ поглотиться, исчезнуть отживающія силы австрійскаго элемента, и рѣшилась на мгновеніе стать еще болѣе дружелюбною, чтобъ потомъ сразу нанести послѣдній неизбѣжный ударъ. Это вы видите ясно во всемъ — на улицахъ Пешта, на всемъ пути Базіяша, въ Темешварѣ, Шегединѣ и въ лагеряхъ на Лейтѣ, куда ушли послѣдніе полки Бенедека. Вотъ вамъ ключъ къ уразумѣнію ненависти венгровъ къ гр. Бисмарку и къ побѣдамъ Пруссіи, отъ которой ни они, ни славяне не ждутъ свободы и самостоятельности; вотъ почему и императрица австрійская въ эту минуту находится въ Пештѣ. Въ нашъ поѣздъ, куда

сѣло два отряда волонтеровъ и рекрутовъ, городской совѣтъ посадилъ оркестръ бальной музыки—и мы летѣли, оглашаемые звуками листовскаго венгерскаго марша, а по всей дорогѣ дамы и дѣвушки махали на станціяхъ платками и накалывали на голубыя фуражки волонтеровъ вѣтки акацій и цвѣты. Венгры знаютъ, что дай они отпоръ пруссакамъ, этотъ отпоръ они дадутъ не иначе, какъ послѣ формальнаго ручательства Австріи—возвратить Венгріи конституцію 1848 года, съ отдѣльнымъ отвѣтственнымъ министерствомъ и съ отдѣльною арміей. Это послѣдній лозунгъ партіи Деака, которая отлично знаетъ, что теперешній миръ продлится не долго, что Австрія должна будетъ разорвать его, чтобъ смыть съ себя позоръ Кениггреца, и что этого она безъ Венгріи, безъ ея 50-ти-тысячной арміи не сдѣлаетъ—а помощь эта ей дастся тогда, когда она изъ нѣмецкой станетъ открыто венгро-славянскою державой.

Въ Венгріи неурожай, въ Венгріи дѣлаются вторую недѣлю безчисленныя реквизиціи сѣна, хлѣба и пр. продуктовъ—всѣ жмутся втайнѣ между собою, шепчутся, переглядываются, но ни слова ропота. Въ Вѣнѣ другое дѣло; тамъ австрійцы не стѣсняются, бранятъ чуть не вслухъ своихъ министровъ, клянутъ Бенедека (der hat uns „bene gedeckt!")—а городской совѣтъ въ Вѣнѣ, явившись лично къ императору требовать защиты Вѣны и услыхавши отъ него, что это „не ихъ дѣло"—и что напрасно они думаютъ, будто о Вѣнѣ забыли, заявилъ, что весь выходитъ въ отставку, чуть кончится война.

Еще параллель. Въ Пештѣ я видѣлъ въ день два раза императрицу въ саду дворцовомъ, гдѣ у воротъ стояли всего два бѣлыхъ драбанта въ медвѣжьихъ шапкахъ. Въ Вѣнѣ императоръ не показывается никуда. Но сегодня императрица уже отправилась въ Вѣну, получивъ извѣстіе о мирѣ.

Листокъ вѣнскій „Кикерикѝ" замѣчаетъ, что даже обезьянъ изъ Тиргартена въ вѣнскомъ Пратерѣ полиція поспѣшила перевести въ Пештъ. И точно: я повѣрилъ это самъ; обезьянъ почему-то перевезли въ Пештъ тогда же, какъ банкъ второпяхъ увезли въ венгерскую крѣпость Коморнъ, гдѣ нѣкогда столь долго держался Клапка. Въ Венгріи, въ Пештѣ, по улицамъ всѣ ходятъ въ высокихъ сапогахъ, въ сѣрыхъ венгеркахъ со шнурками; въ Вѣнѣ на венгрофиловъ смотрятъ косо, но не трогаютъ ихъ. Въ Пештѣ я поѣхалъ посмотрѣть *Палату Депутатовъ*, которая помѣщается въ зданіи національнаго венгерскаго музея. Залъ палаты имѣетъ, какъ въ лондонскомъ и въ туринскомъ парламентахъ, освѣщеніе сверху, сквозь стекляный потолокъ. Услужливый привратникъ, на вашъ вопросъ, гдѣ мѣста Деака и Этвеша, указываетъ вамъ налѣво отъ входа въ третьемъ ряду отъ каѳедры президента съ краю, въ проходѣ, пятилѣтнее постоянное мѣсто

Деака (Firenz Deak), а впереди его на второй скамьѣ—мѣсто Этвеша. Ключикъ въ ящикѣ Деака остался; привратникъ отпираетъ его: тамъ лежитъ еще забытый карандашъ... Мой спутникъ—англичанинъ—спѣшитъ его купить, и покупаетъ за талеръ... На днѣ ящика Этвеша оказываются рисунки чернилами: группа жидовъ — въ родѣ австрійскихъ чиновниковъ; у одного языкъ извивается въ видѣ змѣинаго. На стѣнѣ за трибуной президента въ драпировкѣ изъ трехцвѣтныхъ (венгерской національности) шелковыхъ знаменъ — изображена масляными красками фигура Венгріи, въ видѣ красивой и задумчивой женщины, у которой въ одной рукѣ, протянутой къ Палатѣ Депутатовъ — кодексъ законовъ, а въ другой—свертокъ, до половины развернутый, на которомъ яркими буквами написанъ вѣчный лозунгъ Венгріи: „1848 годъ"... Фотографы нарасхватъ продаютъ карточки Деака, въ честь котораго недавно городъ назвалъ его именемъ лучшую свою улицу отъ моста къ императорскому дворцу. Что сказали бы на это Меттернихъ-отецъ и Радецкій? Стоитъ проѣздомъ по улицамъ остановиться у любого фотографа и купить карточку того быстроглазаго молодого старика, который въ окнахъ фотографій изображается рядомъ въ 5—10 позахъ— и это будетъ навѣрно Францъ Деакъ. Тутъ же продаютъ карточки Бисмарка и стрѣлявшаго по немъ студента Блинда рядомъ, по 6 крейцеровъ за штуку; ихъ обоихъ обыкновенно вмѣстѣ и покупаютъ. Австрійцы итальянцамъ мстятъ нѣсколько иначе—хитрѣе. Въ Вѣнѣ, въ извѣстномъ танцовальномъ клубѣ Шперля, гдѣ чопорный вѣнскій муниципалитетъ запретилъ канканъ и гдѣ танцами завѣдываетъ офиціальный дирижеръ, съ брюшкомъ, во фракѣ, съ басомъ дивизіонера, содержатель заведенія умудрился въ углу танцовальной залы за рядомъ ширмъ устроить стрѣльбу въ цѣль, по 3 крейцера за выстрѣлъ. И какъ вы думаете, во что изощрялись надняхъ при мнѣ стрѣлять между танцами вспотѣвшіе отъ вальса и пива австріяки-бюргеры, студенты и купцы? въ картоннаго, разрисованнаго, въ настоящій ростъ, *гарибальдійца*, въ красной блузѣ и съ пѣтушьимъ плюмажемъ на шляпѣ. На груди его было изображено пылающее сердце. Въ средину этого-то сердца стрѣляли вѣнцы, впрочемъ, весьма плохо, изъ 10 разъ попадая 1 въ центръ, причемъ сзади всякій разъ выскакиваетъ надъ головой бѣднаго итальянца австрійскій флагъ. Я встрѣтилъ въ этомъ кафе французскаго военнаго доктора, M. D'Aronsohn, изобрѣтателя извѣстнаго лѣченія холеры соляною кислотой. Онъ состоитъ при штабѣ прусскаго короля, и его прислали изъ Никольсбурга въ Вѣну вчера, въ числѣ другихъ парламентеровъ. Увидѣвши продѣлку австрійскихъ буршей съ гарибальдійцемъ, онъ не вытерпѣлъ, вслухъ обругалъ Шперля, потребовалъ простой кругъ для цѣли и сталъ стрѣлять. Я послѣдовалъ его примѣру; оба мы попали вскорѣ

въ цѣль и получили отъ Шперля въ даръ по хорошенькому, въ вершокъ величиной, плюмажу разноцвѣтныхъ перьевъ, французъ—съ цвѣтами французской кокарды, я—съ русскими цвѣтами. Видя нашъ протестъ, австрійцы окрысились еще болѣе. Двое изъ нихъ бросили пистолеты, потребовали карабины съ игольчатыми зарядами (вотъ когда и на чемъ спохватились австрійцы!) и стали палить въ хвостъ и въ голову бѣднаго краснаго гарибальдійца.

Извиняясь за отступленіе, продолжаю, пока еще свѣтло въ комнатѣ домишка, куда я ушелъ изъ лагеря писать, задумавши, впрочемъ, это мое къ вамъ письмо послать не черезъ австрійскій почтамтъ, а черезъ французскій. Мой пріятель одинъ ждетъ меня снова въ Вѣнѣ; завтра онъ ѣдетъ черезъ Швейцарію въ Парижъ, и время мое письмо послать оттуда. Опасны теперь не одни австрійцы; у послѣднихъ письмо въ редакцію русскаго журнала не только можетъ быть вскрыто, но даже и еще легче—затеряно. Довольно сказать, что изъ Вѣны теперь телеграммы идутъ на Варшаву — по телеграфу черезъ108Пештъ до Кашау, а оттуда въ Краковъ, верхомъ на почтовыхъ, оставаясь по 2—3 дня въ дорогѣ до Кракова. И это съ дорого оплаченными телеграммами. Съ письмами менѣе церемонятся. А пруссаки даже не церемонятся и съ перепечаткой частныхъ фамильныхъ писемъ изъ Австріи. Вскроютъ почту, перехвативши ее на границѣ послѣдней демаркаціонной линіи между Прагой и Ольмюцемъ, сдѣлаютъ изъ нихъ извлеченія, да и печаютъ въ своихъ газетахъ, въ видѣ корреспонденцій съ австрійской границы. Это мнѣ сейчасъ говорили офицеры 7-й артиллерійской бригады на Лейтѣ, увидѣвшіе вчера въ „Kreuz-Zeitung“ свои письма къ роднымъ въ Саксонію и Силезію съ комментаріями.

Вообще въ переѣздахъ по южной Австріи теперь ничего хорошаго не испытаешь. Пока я добрался сперва до Вѣны, изъ Дунайскихъ Княжествъ, а потомъ изъ Вѣны въ Венгрію въ лагерь, откуда вамъ пишу, я переиспыталъ не мало. Вездѣ тянутся съ окраинъ Венгріи къ Вѣнѣ полки пѣхоты, волонтеры, рекруты. Въ Коморнѣ я засталъ надняхъ до 200 локомотивовъ сѣверной дороги, стянутыхъ подъ защиту крѣпости изъ боязни пруссаковъ. Тутъ же мнѣ навстрѣчу двигался съ юга изъ Италіи, вѣроятно изъ знаменитаго четыреугольника, громадный поѣздъ съ пушками разнаго вида на платформахъ товарныхъ открытыхъ вагоновъ—огромныя, толстыя, узкія, длинныя, короткія, мѣдныя, чугунныя. И гдѣ лишь на станціяхъ нашъ поѣздъ встрѣчался съ этими поѣздами, намъ не позволяли останавливаться даже для подкрѣпленія силъ въ кафе. Кондукторъ кричалъ: „halbe Minute“ — и мы мчались далѣе. Но трудно утаить шило въ мѣшкѣ. Венгры съ досадой смотрѣли на встрѣчавшіеся намъ биваки конныхъ отрядовъ

австрійцевъ, рубившихъ близъ желѣзной дороги тополи и виноградныя лозы на палатки, и косившихъ зеленѣющія нивы маиса (пшенички) на кормъ тутъ же стоявшимъ лошадямъ; но они съ торжествующею, острою радостью видѣли, какъ подъ ихъ крыло, наконецъ, прячутъ все — и пушки, и вагоны, и банкъ.

И если мнѣ пришлось, доѣхавши до одного моста (на Маршекѣ), оставить поѣздъ и идти съ нѣсколькими другими пассажирами пѣшкомъ, верстъ 7, съ сакомъ въ рукѣ (такъ-какъ мостъ на-дняхъ взорвали сами австрійцы), пока мы добыли коляску и лошадей, зато въ Вѣнѣ мы увидѣли нѣчто. Съ колокольни св. Стефана услужливый сторожъ шепнулъ намъ, указывая въ темную даль: „а это видите?“ — Что такое? — „Огни прусскихъ форпостовъ“.

XVI.

Дрезденъ.

4-го (16-го) августа, 1866 г.

Я только-что возвратился изъ Парижа черезъ Дрезденъ. Русскихъ почти не было видно въ эти два мѣсяца ни на желѣзныхъ дорогахъ, ни на публичныхъ увеселеніяхъ въ городахъ, пощаженныхъ войной. Я встрѣтилъ на югѣ Австріи двухъ корреспондентовъ русскихъ газетъ; въ Парижѣ видѣлъ въ кабинетѣ для чтенія на Итальянскомъ бульварѣ, съ *Инвалидомъ* въ рукахъ, отставного русскаго генерала; по пути изъ Киссингена въ Вѣну встрѣтилъ семью больныхъ саратовцевъ, бѣжавшихъ оттуда отъ пруссаковъ въ Баденъ-Баденъ; у стола рулетки услышалъ восклицаніе: „Ѳедя, пропалъ! послѣдніе десять червонцевъ просадилъ. Скорѣе назадъ въ Г—ку!“ да въ Вѣнѣ при разъѣздѣ изъ театра, на коемъ шла въ переводѣ извѣстная французская пошлость *Biche au bois* (Hirschkuh), двѣ какія-то дамы, безъ провожатаго, съ остриженными волосами и въ красныхъ жакеткахъ, жались въ толпѣ на тротуарѣ подъ дождемъ, и тщетно ожидая извозчика, пищали что-то по-русски. Вотъ только. За всѣ два мѣсяца нѣмецкой передряги, я болѣе нигдѣ русскаго слова не слышалъ: нашихъ соотчичей какъ метлой смели — война и паденіе курса.

Но не всѣмъ можно было возвратиться на родину. Одна почтенная русская дама, полковница М. А. Ив—ова, потерявъ мужа, три года назадъ переѣхала въ Дрезденъ, частью для поправленія своего здоровья, а главное для воспитанія трехъ своихъ дочерей, изъ коихъ старшая теперь уже кончила свое образованіе, а двѣ младшія ходятъ еще въ пансіоны; младшей изъ послѣднихъ всего девятый годъ. Минувшею весной, не предвидя никакого непріятельскаго нашествія на

мирный Дрезденъ, полковница Ив—ова поручила своихъ дочерей надзору добрыхъ знакомыхъ нѣмцевъ, и уѣхала въ свое степное имѣніе устроить нѣкоторыя дѣла. Не успѣла она прибыть въ деревню, какъ вспыхнула война, бронзовыя каски румяной и бѣлокурой прусской арміи двинулись въ Саксонію и заняли Дрезденъ.

Помните ли вы, мои далекіе соотечественники и соотечественницы, какъ прусскія газеты описывали то радушіе, съ какимъ добрые саксонцы будто бы встрѣчали прусскихъ орловъ? Пруссакамъ нечего было жаловаться. Имъ дѣйствительно давали въ занятой странѣ все, чего они требовали. Но какъ давали?—вотъ вопросъ. Представьте же себѣ положеніе трехъ описанныхъ мною русскихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ двѣ еще почти дѣти, когда въ одно скверное дождливое дрезденское утро въ ихъ дверь постучалась увѣсистая солдатская рука. При трехъ испуганныхъ дѣвицахъ была, по обычаю чужихъ краевъ, всего одна служанка. Защитить ихъ въ ту минуту было некому. Сами коренные дрезденцы ходили, потерявъ голову. Солдатъ принесъ какую-то тетрадь, чье-то категорическое предписаніе, а въ предписаніи значилось, что къ такимъ-то почтеннымъ русскимъ фрейлейнъ Ив—овымъ, отнынѣ и впредь до особаго распоряженія, въ ихъ постоянную квартиру въ Дрезденѣ и на ихъ счетъ, ставятся три прусскіе солдата... Дѣвицы потолковали, подумали и, дѣлать нечего, покорились, приняли на свой счетъ солдатскій постой, то-есть наняли для трехъ указанныхъ имъ солдатъ особую квартиру съ полнымъ содержаніемъ и то потому только, что въ собственной ихъ квартирѣ невозможно было отвести прусскимъ побѣдителямъ особой и съ отдѣльнымъ входомъ комнаты. Когда я былъ въ Дрезденѣ, бѣдненькія соотечественницы мои уже поплатились за три прусскихъ желудка нѣсколькими десятками талеровъ. А вы знаете, что по распоряженію короля-побѣдителя каждый прусскій солдатъ имѣлъ право въ занятыхъ Пруссіей областяхъ на ежедневную получку фунта мяса и двухъ порцій кофе, трехъ порцій бѣлаго хлѣба и шести или восьми—не помню—сигаръ, не считая даровой квартиры съ матрацомъ и стиркой бѣлья. Этотъ случай возмутилъ меня глубоко. Пробывъ въ Дрезденѣ всего двое сутокъ, я убѣдился, что сами дрезденцы не могли бы избавить вышеописанныхъ соотечественницъ моихъ, какъ чужестранокъ, отъ наложенной на нихъ тягости солдатскаго постоя, еслибы послѣднія вздумали протестовать. Да и кому протестовать, когда въ городѣ была теперь одна власть надъ всѣмъ—прусскій штыкъ? Но какъ пруссаки рѣшились на такое вопіющее насиліе относительно иностранцевъ и притомъ подданныхъ великой державы, которую они увѣряютъ въ своей дружбѣ къ ней? Долго я искалъ объясненія этому факту и, наконецъ, кажется, нашелъ. Гуляя вечеромъ по Брюлевской террасѣ, я познакомился съ

англичаниномъ, мистеромъ А. Р., торговцемъ стальными вещами, частымъ гостемъ Дрездена. Мы разговорились, и я ему сообщилъ описанный случай съ моими соотечественницами. Англичанинъ, слушая меня, трижды хмурилъ брови и трижды со злобой вынималъ изо рта сигару и плевалъ черезъ рѣшетку внизъ на берегъ Эльбы. „О!—сказалъ онъ: — будь этотъ случай съ англійскими миссъ, Бисмаркъ возвратилъ бы имъ ихъ талеры, взятые у нихъ обманомъ и силой на чужихъ солдатъ!" — „А не знаете ли вы, есть ли въ настоящее время въ Дрезденѣ англичане?.." — Мистеръ Р. осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ: „Не одно семейство, двадцать, тридцать семействъ постоянно живетъ здѣсь..." — „Ну и что же? имъ также ставили на постой прусскихъ солдатъ?" — „Ни одного, и это я вамъ говорю положительно, потому что еслибы хоть одна прусская нога, со штыкомъ или безъ штыка, вошла на постой здѣсь или въ другомъ мѣстѣ Саксоніи черезъ порогъ мирной и нейтральной англійской семьи, Пруссіи пришлось бы дорого поплатиться или познакомиться съ флотомъ ея величества, нашей королевы". Говоря это, торговецъ стальныхъ вещей былъ блѣденъ, голосъ его дрожалъ и въ рыжей, гордо поднятой головѣ его подъ мирною липкою Брюлевской террасы было столько увѣренности и сознанія своей силы, что я невольно вѣрилъ его заносчивой фразѣ. Да этому же, кажется, вѣрили въ ту минуту и всѣ пруссаки въ Дрезденѣ. Для американцевъ тоже, говорятъ, дѣлалось исключеніе, а для русскихъ оно дѣлалось не вездѣ, потому что не вездѣ его оффиціально требовали.

Что же вамъ сказать о Парижѣ и Берлинѣ?

Императоръ Наполеонъ при мнѣ возвратился изъ Виши въ Тюльери. Парижане шепотомъ стали передавать въ тотъ же вечеръ причину его внезапнаго возвращенія. Меня положительно увѣряли, что у императора Наполеона съ недавняго времени сталъ сильнѣе страдать позвоночный столбъ, а въ послѣдніе дни открылась новая болѣзнь — діабетъ, болѣзнь опасная, которой развитія у него по многимъ признакамъ давно ожидали, для чего его постоянно и посылали къ водамъ въ Виши, знаменитымъ по свойству излѣчивать подобныя болѣзни. Между прочимъ изъ Пиренеевъ возили ему какой-то особенный хлѣбъ съ примѣсью растеній, противодѣйствующихъ развитію болѣзни. Но лѣченіе не помогло, болѣзнь усилилась, и его увезли въ Парижъ, гдѣ тотчасъ собрался консиліумъ лучшихъ врачей. Парижане призадумались теперь надъ главнѣйшимъ вопросомъ: „Кто замѣнитъ Наполеона III въ случаѣ его кончины? Не можетъ ли исполнить искусно роль регентши императрица Евгенія, такъ часто и такъ давно уже въ ожиданіи случайныхъ катастрофъ предсѣдающая во всѣхъ тайныхъ совѣщаніяхъ мужа своего съ его министрами?" —Отвѣтъ Пруссіи на за-

явленіе императора о рейнскихъ границахъ былъ также при мнѣ полученъ въ Парижѣ. Онъ, говорятъ, сильно огорчилъ императора. И весь Парижъ какъ-то присмирѣлъ отъ этого отказа на два дня, пока я тамъ оставался. Обнаженныя до послѣдней степени безобразія и безстыдства актрисы-хористки въ фантастической *Сандрильонъ* послѣ этой вѣсти вышли на сцену какія-то тихенькія и будто скромнѣе прикрытыя. Мужчины, вмѣсто шаловливой болтовни съ кокотками и гризетками, тихо прохаживались, перешептываясь между собою. Я встрѣтился съ знакомымъ французомъ-живописцемъ. Юноша пригласилъ меня возвратиться съ нимъ на Бульвары вмѣстѣ, нанявъ карету пополамъ; мы поѣхали, и въ каретѣ онъ шепотомъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: „Слышали вы? нашъ-то... Наполеонъ... получилъ первую политическую затрещину! и отъ кого? отъ этихъ зильберъ-грошеновъ... отъ Бисмарка! Пятьдесятъ процентовъ его популярности теперь уже долой!“

За то какія небывалыя ликованія встрѣтилъ я въ Берлинѣ! 14-го (2-го) августа, во вторникъ, я съ трудомъ добрался въ трибуну собранія депутатовъ. Бѣлокурый и бритый Форкенбекъ стоялъ на своей трибунѣ. А внизу являлось необычайное зрѣлище дружбы волковъ и овецъ. Министръ финансовъ, фонъ-деръ-Гейдтъ, полный, плечистый старикъ въ каштановомъ, гладко-причесанномъ парикѣ и въ черномъ плотно-застегнутомъ сюртукѣ, добродушно похаживалъ между скамьями депутатовъ лѣвой стороны, ласково пожимая руки то сѣдобородаго, коренастаго, небольшого роста живчика Шульце-Делича, то почтительно и какъ бы косвенно, мимоходомъ, отвѣчая на остроту Вирхова, который прямо предъ моею трибуной стоялъ внизу, окруженный адептами своей партіи, очень похожій на свой портретъ, изданный въ Россіи при одномъ изъ его медицинскихъ трактатовъ, худой, черноволосый, блѣдно-желтый, въ огромныхъ очкахъ, въ сѣрыхъ поношенныхъ брючкахъ, изъ кармановъ коихъ онъ не вынималъ рукъ, говоря въ то утро даже свои быстрыя, огненныя и какъ фейерверкъ внезапныя рѣчи, въ возраженіе тому же фонъ-деръ-Гейдту. Одинъ худой, будто вышедшій изъ больницы, съ острымъ носомъ и голымъ черепомъ, демократъ Якоби молча сидѣлъ близъ Унру; фонъ-деръ-Гейдтъ прежде прошелъ мимо его и даже не кланялся съ нимъ. Якоби недавно пришлось, какъ извѣстно, высидѣть въ тюрьмѣ за новыя грубости. Въ то же засѣданіе министерская партія напустила противъ Якоби члена правой стороны Глазера, заявившаго протестъ противъ выбора Якоби въ эту новую палату. Глазеръ, обладающій фистулой еще болѣе глухою, чѣмъ фистула новаго президента палаты Форкенбека, началъ свое объясненіе. Но вся лѣвая сторона зарычала: „На трибуну! Ничего не слышно!“ и этотъ рокотъ до того напомнилъ не-

давнія бури лѣвой стороны, что Глазеръ растерялся, и хотя Форкенбекъ громаднымъ колоколомъ быстро водворилъ тишину въ палатѣ, лѣвой сторонѣ сдѣлали уступку, и палата выборъ Якоби утвердила. Министръ финансовъ не даромъ все то утро толкался между членами палаты. Въ $11^1/_2$ часовъ онъ взошелъ на свое мѣсто, порылся въ толстомъ зеленомъ портфелѣ, вынулъ оттуда три лаконическія бумаги и прочелъ, при мертвой тишинѣ въ залѣ, знакомыя уже вѣроятно вашимъ читателямъ предложенія правительства: утвердить 145 мил. тал., передержанныхъ короной въ послѣдніе безбюджетные годы на подготовку арміи къ войнѣ, и 60 мил. тал. для созданія способовъ удержать завоеванныя теперь страны въ рукахъ побѣдной Пруссіи, „такъ какъ, — выразился министръ, — предвидятся извнѣ нѣкоторыя затрудненія“. Палата заревѣла *браво*, и на моихъ глазахъ овцы единодушно признали законность требованій волковъ. При словѣ *извнѣ* берлинцы, съ коими я въ то засѣданіе познакомился и на ихъ вопросъ назвалъ себя русскимъ, подняли на меня вопросительныя очи... Увы! Чтò могли они съ ихъ министромъ видѣть угрожающаго въ русскомъ человѣкѣ, такъ безцеремонно обложенномъ ими въ Дрезденѣ (да и въ одномъ ли Дрезденѣ?) солдатскимъ постоемъ? А что опасность не грозила Пруссіи и со стороны Франціи, это подтвердилось черезъ два дня отвѣтомъ Наполеона самаго мирнаго свойства на категорическій отказъ Пруссіи подѣлиться съ сосѣдомъ на Рейнѣ.

Явился въ четвергъ въ палату Бисмаркъ, объявилъ королевскія посланія о присоединеніи Ганновера, Гессенъ-Касселя, Нассау и вольнаго города Франкфурта,—и Берлинъ загудѣлъ отъ овацій.

Я видѣлъ вечеромъ ликующихъ берлинцевъ въ Оперномъ театрѣ на новоизобрѣтенномъ патріотическомъ представленіи: Sieges-Marsch, соч. Тауберта, гдѣ всѣмъ персоналомъ оперной труппы была пропѣта предъ королемъ и его фамиліей „*Das Lied von der Majestät*“. Такъ она и названа въ афишѣ. Театръ былъ биткомъ набитъ военными всякаго мундира и чина. Публика женскаго пола была разряжена въ бархатъ, шелкъ, кружева и брилліанты. Представленіе, ознаменованное вторымъ актомъ изъ извѣстной оперы Мейербера „ein Feldlager in Schlesien“ (Лагерь въ Силезіи), гдѣ всѣ сцены состоятъ изъ появленія на рыночную городскую площадь отрядовъ разныхъ войскъ того времени изъ лагеря, виднѣющагося на высотахъ задней декораціи. Отряды являются въ мундирахъ того времени, поютъ патріотическія пѣсни того времени, славнаго для зарождавшагося могущества Пруссіи; впереди ихъ идутъ оркестры тогдашней военной музыки, съ тогдашними инструментами, исполняющими даже мотивы того времени. Унтеръ-офицеръ гренадеровъ дѣлаетъ, подъ хоръ уморительныхъ свистковъ и дудочекъ, съ трелью барабана, на сценѣ разводъ отряду своихъ сол-

датъ. Пляшутъ маркитанты и маркитантки. Проносится молва, что убитъ король. Но потомъ эта вѣсть оказывается ложною. На сценѣ идутъ новые побѣдные отряды, оркестры ихъ становятся по сторонамъ и вдругъ пять такихъ оркестровъ, въ унисонъ съ театральнымъ, начинаютъ торжественный „маршъ побѣды". Эффектъ дѣйствительно вышелъ грандіозный. Но нигдѣ публика такъ не ликовала, какъ при поднятіи занавѣса, за которымъ оказался весь персоналъ пѣвцовъ во фракахъ и пѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ черными лентами (цвѣта Пруссіи). Громадный хоръ исполнилъ: „Das Lied von der Majestät" въ стихахъ, и рукоплесканіямъ за это прославленіе послѣднихъ прусскихъ побѣдъ не было конца. Спектакль заключился апоѳеозой: *Боруссія*. На задней декораціи явился храмъ славы, съ надписями: Находъ, Кениггрецъ, Гичинъ, Ганноверъ, Кассель и Франкфуртъ. Актеръ, одѣтый Фридрихомъ Великимъ, держа за руку актрису, одѣтую Пруссіей, возлагаетъ вѣнецъ на бюстъ нынѣшняго короля Вильгельма, а внизу толпятся войска нынѣшняго времени и войска, одѣтыя въ мундиры времени Фридриха Великаго.

XVII.

Французскіе депутаты въ Версалѣ.

Парижъ, 30-го мая 1873 г.

Два дня къ ряду, понедѣльникъ и вторникъ, т.-е. 26-е и 27-е мая, я провелъ въ Версалѣ, добившись на оба эти утра мѣста въ Національномъ Собраніи. Парижане острятъ, что ни одинъ изъ 24-хъ ихъ театровъ не имѣетъ въ настоящемъ маѣ такого успѣха, какъ 25-й театръ—версальскій: извѣстно, что французское Національное Собраніе засѣдаетъ въ театрѣ, составляющемъ часть стариннаго версальскаго дворца. Проникнуть въ засѣданія этого Собранія послѣ 24-го мая, т.-е. съ паденія Тьера, нѣтъ возможности. Нѣкоторые изъ моихъ соотечественниковъ давали при мнѣ по 25 и по 50 франковъ за мѣсто въ трибунахъ для публики, и не получали таковаго. Въ понедѣльникъ мнѣ удалось получить доступъ въ трибуну иностранныхъ журналистовъ, причемъ мнѣ случилось сидѣть рядомъ съ корреспондентами „Times" и „New-York-Herald"; этихъ мѣстъ всего восемь. Во вторникъ, при посредствѣ депутата Валлона (изъ Сѣвернаго департамента), я получилъ отличное мѣсто въ трибунѣ для публики, съ лѣвой стороны (третій ярусъ ложъ), и мнѣ была отлично видна вся интересная лѣвая сторона Собранія, равно лѣвый центръ и крайняя лѣвая (лицомъ ко мнѣ), со всѣми своими знаменитыми вожаками.

Послѣ бульварныхъ демонстрацій и криковъ толпы, шедшей съ возгласами: „Vive la republique“ подъ окнами моей квартиры въ субботу, мнѣ было очень любопытно попасть въ Національное Собраніе, гдѣ я еще такъ недавно слышалъ знаменитую рѣчь Тьера, предшествовавшую его сверженію. Версальскій театръ очень напоминаетъ величиной нашъ Михайловскій. Стѣны его окрашены въ пурпуровую краску; верхній рядъ ложъ, гдѣ трибуны публики и журналистовъ, украшенъ рядомъ колоннъ; подъ нимъ—мѣста дипломатическаго корпуса и другихъ высшихъ учрежденій. Служители, отворяющіе ложи, одѣты въ мундиры, напоминающіе мундиры нашихъ капельдинеровъ: темно-зеленые фраки, съ золотомъ и красными обшлагами и воротниками. Прямо противъ трибуны журналистовъ—сцена; на сценѣ—возвышеніе, на возвышеніи, у задней стѣны, расписанной въ видѣ занавѣси красною драпировкой—мѣсто главнаго секретаря; ниже секретаря—кресло и столъ президента Собранія, Бюффе; ниже его—трибуна ораторовъ; передъ трибуной ораторовъ—скамья министровъ; вправо (глядя на сцену)—лѣвая сторона; влѣво—правая. Скамьи депутатовъ обиты краснымъ трипомъ; передъ каждымъ мѣстомъ на пюпитрахъ прибиты билетики съ именами депутатовъ. Имена послѣднихъ (не совсѣмъ вѣрно) обозначены и на планѣ Собранія, продающемся (какъ это заведено въ Берлинѣ и въ Лондонѣ), при входѣ въ Собраніе.

Засѣданія обыкновенно начинаются около 2 часовъ пополудни. Въ понедѣльникъ ожидалось чтеніе перваго посланія новаго президента республики, Макъ-Магона. Я забрался въ зданіе Собранія въ половинѣ второго. Здѣсь также есть зала „des pas perdus“, названная такъ въ память таковой же въ прежнемъ помѣщеніи парламента. Депутаты (числомъ около 700), шумно разговаривая и куря, наполняли эту залу и сосѣдніе корридоры. Наконецъ, уже въ 1/4 3-го, они стали сперва по одному, потомъ по два, по три и, наконецъ, цѣлыми группами входить въ партеръ и размѣщаться по своимъ скамьямъ. Старые министры впервые бесѣдовали и обмѣнивались отрывочными фразами съ новыми. Все въ волненіи и въ движеніи. Вотъ мелькаетъ лысина щеголеватаго, еще молодого на видъ герцога де-Брольи. Онъ садится въ срединѣ лавки министровъ. Справа у него помѣщается сѣдая голова старика Маня; слѣва—авторъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, свергнувшей Тьера, Эрну. Всѣ трое улыбаются, отвѣчая на рукопожатія членовъ большинства, провожающихъ ихъ съ нѣкоторой торжественностью на ихъ мѣста. Все на правой сторонѣ весело, счастливо и даже игриво. Слѣва—менѣе движенія и жизни; всѣ здѣсь садятся на мѣста спокойно, почти не обмѣниваясь словами. Выѣзжая изъ Россіи, я думалъ въ этой части Со-

бранія увидѣть весельчаковъ, съ небольшими усиками и бородками, вихрастыми головами и рѣзкими, угловатыми движеніями. Каково же было мое изумленіе, когда изъ трибуны журналистовъ я увидѣлъ эту лѣвую сторону: это была сплошная масса сѣдыхъ головъ, строгихъ и почти угрюмыхъ лицъ. Лысины и сѣдина здѣсь преобладаютъ. Можно почти безъ ошибки сказать, что изъ 350 членовъ лѣвой стороны не менѣе 300 человѣкъ отъ 45 до 55 лѣтъ и болѣе. Это поражаетъ всякаго новаго посѣтителя Собранія...

— „Не Макъ-Магону завѣрить страну въ поддержаніи спокойствія",—сказалъ мнѣ одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ, когда Брольи съ трибуны прочелъ посланіе новаго президента. „Фразы—надежды на Бога и на армію, и порядокъ моральный съ порядкомъ вещественнымъ—не обманутъ никого... Тьеръ не взывалъ къ арміи, а два съ половиной года сохранялъ миръ въ странѣ... За макъ-магоновскими же фразами мы знаемъ, чтò стоитъ: близкая и весьма близкая борьба трехъ претендентовъ на престолъ. Вчера ждали пріѣзда принца Наполеона; сегодня толкуютъ уже о пріѣздѣ сына Наполеона III".

Правая сторона неистово рукоплескала почти каждой фразѣ посланія Макъ-Магона. Брольи читалъ это посланіе, расхаживая по каѳедрѣ и почти не заглядывая въ бумагу, какъ бы желая тѣмъ показать, что писалъ это посланіе онъ самъ, а маршалъ Маджентскій и герой Малахова только его подписалъ. Увѣряютъ, что Макъ-Магонъ, смѣнившій вчера цѣлый рядъ префектовъ, постарается возстановить монархію во Франціи, вслѣдъ за выходомъ изъ нея послѣднихъ прусскихъ войскъ. Вспоминаютъ слѣдующія строки, написанныя когда-то Макъ-Магономъ изъ-подъ адскаго огня на Малаховомъ курганѣ, въ записочкѣ его къ Пелиссье: „J'y suis, donc j'y resterai".

Вчера почти во всѣхъ окнахъ магазиновъ Парижа появились портреты Макъ-Магона. Это старикъ, худощавый, съ небольшой лысиной, въ усахъ и въ эспаньолкѣ, съ продолговатымъ лицомъ и впалыми, близорукими глазами. Рядомъ съ Макъ-Магономъ во множествѣ магазиновъ вчера же появились фотографическія карточки графа Шамбора (очень красивый, съ окладистою бородой, господинъ, нѣсколько напоминающій актера Дюпюи) и принцевъ Жуанвильскаго (похожаго на покойнаго писателя Боткина) и Омальскаго, а также императорскаго принца. Вчера въ Собраніи мнѣ довелось видѣть, на четвертой скамьѣ праваго центра, голый черепъ и бородку Жуанвильскаго принца, все засѣданіе занимавшагося на своемъ пюпитрѣ писаніемъ писемъ.

Вчера же я былъ свидѣтелемъ сцены, которой никогда въ жизни не забуду: я видѣлъ появленіе въ версальскомъ Собраніи Тьера въ первый разъ по оставленіи имъ званія президента республики.

Вчерашнее засѣданіе началось очень поздно, а именно, въ два

часа сорокъ пять минутъ пополудни. Члены лѣвой и правой стороны, какъ бы еще утомленные сильною борьбою, происходившей между ними два дня назадъ, собирались еще медленнѣе предъидущаго дня. Мой сосѣдъ по трибунѣ показывалъ мнѣ различныя знаменитости Собранія.

— Вотъ Араго, Бенуа-д'Ази, Греви, Карно, Казиміръ Перье, генералъ Шанзи, Шодорди; вотъ сѣдая, косматая голова Кремьё; а вонъ всталъ и говоритъ съ Луи Бланомъ Жюль Фавръ...

Я разглядывалъ указываемыя мнѣ лица и замѣтилъ, что Жюль Фавръ какъ двѣ капли воды похожъ на свои портреты, только бороду онъ недавно подстригъ и держится болѣе старикомъ, чѣмъ я ожидалъ. Луи Бланъ—идолъ извѣстной части молодежи 40-хъ годовъ —лысый, худощавый человѣкъ, съ тѣми же черными, симпатическими глазами, которые поражали всякаго на портретахъ этого члена временного правительства 48-го года.

Бюффе, сутуловатый, бѣлокурый, съ просѣдью, господинъ, звонитъ въ колоколъ, величиною съ сифонъ зельтерской воды. Шумъ не прекращается. Довольно громко бесѣдуетъ вся зала: и депутаты внизу, и лица, наполняющія трибуны для зрителей. Читается протоколъ вчерашняго засѣданія. Бюффе довольно тихо (говоритъ онъ вообще вяло и неказисто) спрашиваетъ мнѣніе Собранія. Всѣ въ знакъ согласія поднимаютъ руки: протоколъ принятъ. Входитъ и битый часъ говоритъ о проектѣ новыхъ отношеній правительства къ Обществу восточной желѣзн. дороги депутатъ Клапье. Его рѣшительно никто не слушаетъ. Говоръ депутатовъ усиливается; „huissiers" разносятъ въ рядахъ депутатовъ записочки, газеты, съ отчеркнутыми мѣстами. Одни читаютъ новые журналы, другіе пишутъ письма, почти вслухъ переговариваются съ близкими и дальними сосѣдями. Старикъ-ораторъ, очевидно, сердится, что его рѣшительно никто не слушаетъ, горячится, ходитъ изъ стороны въ сторону передъ пюпитромъ по довольно обширной площадкѣ трибуны, пьетъ воду, складываетъ руки на груди, громко скажетъ: „et voila, messieurs"—всѣ смолкнутъ на мгновеніе, думая, что онъ кончаетъ, но онъ не кончилъ—шумъ и гамъ поднимаются еще пуще. . Бюффе опять звонитъ въ свой колоколъ.

— „А вотъ Руэръ",—говоритъ мнѣ на ухо мой сосѣдъ, указывая на „стараго барина" бонапартизма, важно входящаго въ средину скамей праваго центра. „Вотъ человѣкъ! вотъ ораторъ..."

Но вотъ изъ-за красной портьеры, закрывающей лѣвую дверь за эстрадой президента Собранія, входитъ, раскачиваясь, въ синей, довольно потертой жакеткѣ и въ синемъ, до шеи застегнутомъ жилетѣ, сутуловатый, плотный и черноволосый господинъ, лѣтъ 35 на видъ. Онъ пробирается къ крайней лѣвой сторонѣ и садится передъ Луи-

Бланомъ, недалеко отъ Бароде. Широкая грудь, нѣсколько курчавая, красивая, съ черной бородкой голова.

— Гамбетта!—говоритъ мнѣ мой сосѣдъ, указывая на этого господина.

И точно, это былъ Гамбетта. Какъ только онъ сѣлъ, его тотчасъ же окружили. Подошли Жюль Фавръ, Бароде, Литтре, Луи Бланъ и др. Всѣ лорнеты и бинокли изъ трибунъ обращаются внизъ, къ 13-й лѣвой скамьѣ, гдѣ у прохода между лѣвою и крайнею лѣвой садится, откинувъ на спинку скамьи свою красивую, нѣсколько тяжелую голову, Гамбетта. Вчера еще журналы увѣряли, что онъ уѣхалъ въ Марсель.

— „Вы знаете“,—говоритъ мой сосѣдъ,—„отчего этотъ негодяй (ce misérable) вездѣ изображаетъ себя не прямо, а въ профиль? Онъ кривъ на правый глазъ... Но знаете ли, какъ окривѣлъ этотъ сорвиголова (ce brigand!)?“

— „Не знаю...“

— Онъ былъ въ школѣ и хотѣлъ ее во что бы то ни стало бросить. Онъ пишетъ къ опекуну, чтобъ его тотъ взялъ. Опекунъ не соглашается. Гамбетта грозитъ выколоть себѣ глаза... Опекунъ пишетъ: не вѣрю тебѣ, а если хочешь,—то коли... Гамбетта опять пишетъ: я уже одинъ глазъ себѣ выкололъ и лежу въ больницѣ; если черезъ столько-то дней вы меня не возьмете, я выколю себѣ и другой глазъ. Опекунъ перепугался, снесся депешей съ начальствомъ школы и, убѣдившись, что этотъ сорванецъ дѣйствительно выкололъ себѣ глазъ, взялъ его изъ школы... Таковъ онъ былъ въ училищѣ мальчишкой, таковъ былъ и диктаторомъ въ 1870 году, таковъ будетъ и по сверженіи Макъ-Магона, отъ чего насъ Боже упаси... Ему ничто не свято; жизнь ему копейка. Онъ и въ шарѣ воздушномъ вылетѣлъ изъ Парижа во время осады...“

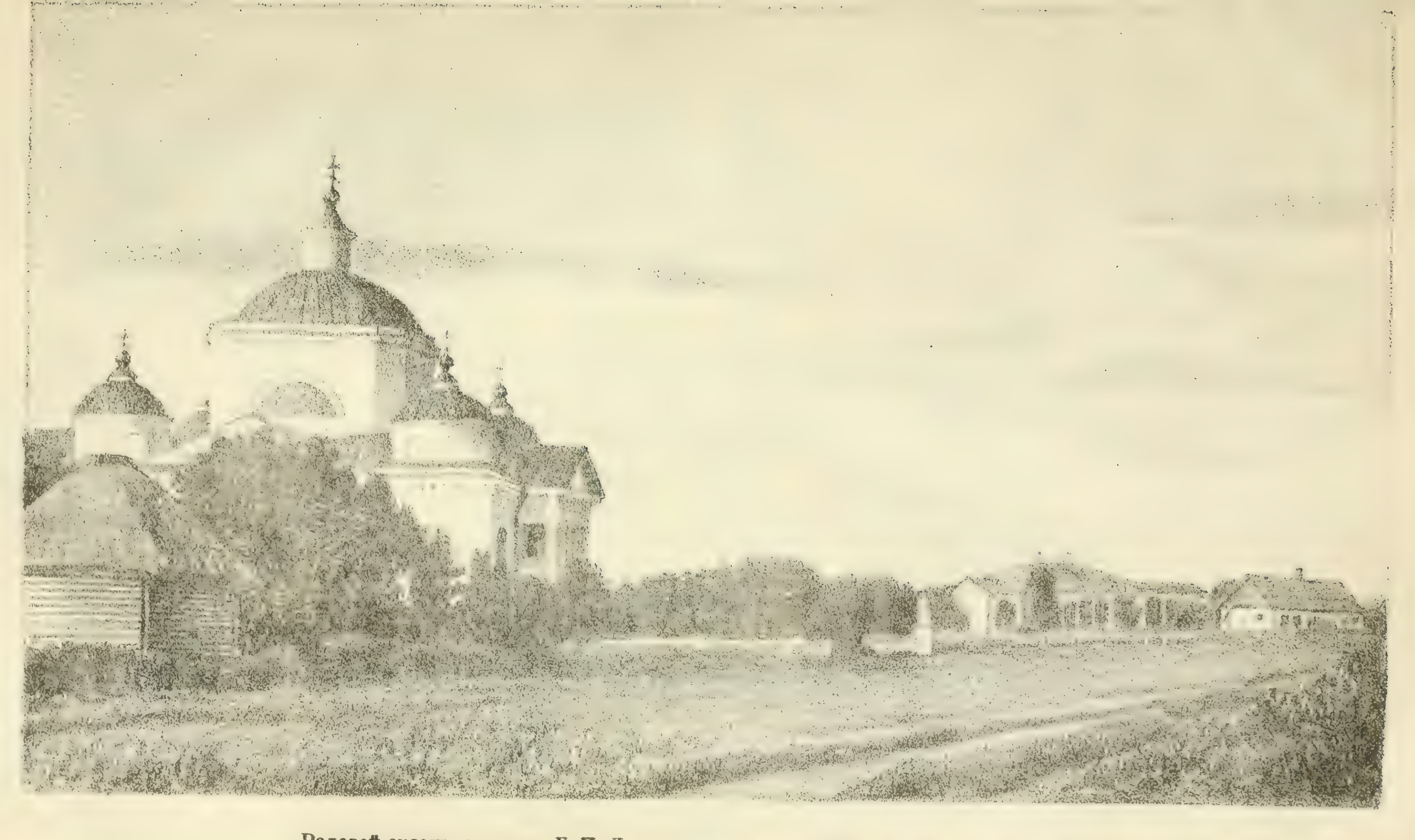
Но что это? Въ залѣ, гдѣ стоялъ неимовѣрный шумъ и гамъ и гдѣ такъ жалобно раздавались отчаянные возгласы старика Клапье, вдругъ все смолкло... Часть собранія, а именно болѣе 300 депутатовъ лѣвой и крайней лѣвой стороны, почти мгновенно встаютъ съ своихъ мѣстъ... Изъ-подъ той же красной портьеры, изъ-подъ которой за четверть часа передъ тѣмъ вошелъ Гамбетта, появляется въ сопровожденіи двухъ-трехъ членовъ (Перье, Дюфора и др.) низенькій, столь знакомый всѣмъ человѣчекъ. Та же отдутая, нѣсколько саркастически нижняя губа, тѣ же къ бровямъ причесанные сѣдые волосы, тѣ же туго накрахмаленные и подпирающіе твердыя, гладко выбритыя щеки, воротнички, тотъ же нѣсколько на-право склоненный, попѣтушьи торчащій сѣдой хохолокъ и наглухо до подбородка застегнутый черный сюртукъ. Это—Тьеръ, еще три дня назадъ президентъ

третьей французской республики... Альфонсъ I, какъ его въ шутку звали его враги.

Едва эта бѣлая, съ бѣлымъ хохолкомъ, строго и гордо посаженная на плечахъ голова показалась изъ-за трибуны оратора, вся лѣвая сторона встала и раздались долгія и громкія рукоплесканія 300 ея членовъ. Тьеръ, слегка раскланиваясь, прошелъ и сѣлъ на третьей скамьѣ лѣваго центра, на мѣстѣ № 430, второе мѣсто отъ прохода между лѣвымъ и правымъ центрами, рядомъ съ мѣстомъ г. Валлона, давшаго мнѣ доступъ въ собраніе и за часъ передъ тѣмъ увѣрявшаго меня, что Тьеръ въ этомъ засѣданіи, вѣроятно, не будетъ. Не успѣлъ Тьеръ сѣсть на скромное мѣсто депутата, какъ лѣвая сторона вновь вскочила и двукратно встрѣтила его еще болѣе дружными и продолжительными рукоплесканіями. Правая сторона сидѣла не шелохнувшись. Гамбетта особенно усердно и горячо аплодировалъ съ своего мѣста. Сѣдыя, пасмурныя лица старыхъ членовъ лѣвой и крайней лѣвой стороны повеселѣли. Одинъ дипломатъ довольно громко сказалъ въ своей ложѣ, подъ трибуной журналистовъ, указывая сосѣду на лѣвую сторону: „По совѣсти можно сказать, что патріотизмъ и сила не на правой, а на этой, лѣвой, сторонѣ.“

Тьеръ сидѣлъ не долго. Гамбетта вышелъ, сильно жестикулируя, первый; затѣмъ всталъ и Тьеръ, стоя побарабанилъ бѣлыми пальчиками по пюпитру, и ковыляющею походкой, какъ бы волоча усталую спину, тоже вышелъ.

Конецъ девятаго тома.

Родовой склепъ и могила Г. П. Данилевскаго въ селѣ Пришибъ, Харьковской губ.

... всегда, всегда душою Гдѣ я, взлелѣянный мечтою,

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯТАГО ТОМА.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

къ сочиненіямъ Г. П. Данилевскаго *).

1844.

Раскаяніе разбойника, стихотвореніе.

1845.

Привѣтъ родинѣ, стихотвореніе.

1846.

Славянская весна, стихотвореніе.
Пѣсня могильщика, стихотвореніе.

1847.

Казнь стрѣльцовъ, стихотвореніе.
Живая свирѣль, малороссійская сказка.
Тайна Мохамеда, стихотвореніе.

1848.

Дорогія слезы, стихотвореніе.
Мадонна, стихотвореніе.
Наши крылья, стихотвореніе.
Крымскій плѣнникъ, малороссійская сказка.

1849.

У колыбели, стихотвореніе.
Гвайя-Ллиръ, поэма.
Сонъ въ Иванову ночь, малороссійская сказка.

1850.

Средь моря жизненной пустыни..., стихотвореніе.
Къ графинѣ *⁎*, стихотвореніе.
Хуторокъ въ степи, стихотвореніе.
Пиръ Вальтасара, стихотвореніе.
Ричардъ III, переводъ.
Папоротникъ, малороссійская сказка.

1851.

Къ графинѣ *⁎*, стихотвореніе.
Крымскія стихотворенія.
Цимбелинъ, переводъ.

1852.

Степь, стихотвореніе.
Ни предъ одной красавицей..., стихотвореніе.
Послѣ концерта Серве, стихотвореніе.
Охъ и Ивашко, малороссійскія сказки.
Пѣсня Бандуриста, стихотвореніе.
Бѣсъ на вечерницахъ.
Херсонскія менонитскія колоніи.
Хуторъ близъ Диканьки.

1853.

Катуллъ, сцены изъ римскаго быта.
Фарисъ, пѣсня.
Снѣгурочка, малороссійская сказка.
Памяти Каратыгина, стихотвореніе.
Адвокатство женщины, эпизодъ изъ поэмы.
Дивногорскъ, очеркъ.
Слобожане, малороссійскіе разсказы:

*) Въ этомъ указателѣ года почти исключительно обозначаютъ годъ написанія пьесъ.

Введеніе, Степной городокъ, Старосвѣтскій маляръ, Слободка, Дѣдушкинъ домикъ, Хуторянка, Пельтетепенскіе панки.

1854.

Рашель, стихотвореніе.

1855.

Младенцы-утопленники, малороссійская сказка.
Пасѣчники, разсказъ.
Основьяненко, матеріалы.
Теребеневскія каррикатуры 1812 года.

1856.

Когда моя радость..., стихотвореніе.
Къ ***, стихотвореніе.
Изъ Гейне, стихотвореніе.
Вечеръ въ теремѣ Алексѣя Михайловича, разсказъ.
Первый выпускъ сокола, разсказъ.

1857.

Хуторокъ, стихотвореніе.
Чумаки, малороссійскіе очерки.

1858.

Гроза, стихотвореніе.
Изъ Мицкевича, стихотвореніе.
Элизіумъ, стихотвореніе.
Бычокъ, Дѣдовы козы, Братъ и сестра, Бѣсы, Путь къ солнцу, Лѣсная хатка, Озеро слободка,—малороссійскія сказки.
Былое и новое, Вечеръ въ Черешняхъ, Екатерина Великая на Днѣпрѣ,—разсказы.

1859.

Украинскія сказки про Куму-лисицу, Каратышку и Смерть.
Разбойникъ Гаркуша, преданіе.
Шамиль въ Малороссіи.
Четыре времени украинской охоты.
Село Сорокопановка, разсказъ.
Пенсильванцы и Каролинцы, разсказъ.
Дѣвочка, разсказъ.

1860.

Доля, малороссійская сказка.
Бюджетъ взяточника.
Феничка, разсказъ.
В. Н. Каразинъ, матеріалы.
Не вытанцовалось, повѣсть.
Письма изъ-за границы.

1861.

Resignation, стихотвореніе.
Ерунда, стихотвореніе.
Бѣглый Лаврушка, разсказъ.

1862.

Аракчеевскія поселенія на Украйнѣ.
Г. С. Сковорода, матеріалы.
Бѣглые въ Новороссіи, романъ.

1863.

Бѣглые воротились (Воля), романъ.

1864.

Харьковскія школы, матеріалы.

1865.

Харьковская письменная и словесная старина.

1866.

Украинская старина.

1867.

Новыя мѣста, романъ.
Письма изъ-за границы.

1868, 1869 и 1870.

Статьи по земской дѣятельности и другія—не вошедшія.

1871.

Прабабушка, разсказъ.

1872.

Тѣнь прадѣда, разсказъ.

1873.

Письма изъ-за границы.
Бабушкинъ рай, разсказъ.
Девятый валъ, романъ.

1874.

Къ женѣ, стихотвореніе.

1875.

Мировичъ, романъ (напечатанъ въ 1877 году).

1876.

Потемкинъ на Дунаѣ, истор. романъ.

1877.

Дѣдовъ лѣсъ, разсказъ.
Послѣдніе запорожцы, повѣсть.

1878.

. . . .

1879.

Московская чума 1770—71 годовъ.
Святочный Декамеронъ, разсказы.
На Индію при Петрѣ I, ист. романъ.
Историческія данныя о Василіѣ Мировичѣ.

1880.

. . . .

1881.

Восемьсотъ двадцать-пятый годъ, отрывки изъ неоконченнаго романа.

1882.

Княжна Тараканова, истор. романъ.

1883.

. . . .

1884.

Божьи дѣти, разсказъ.

1885.

Сожженная Москва, ист. романъ.
Титанія, стихотвореніе.

1886.

Христосъ-Сѣятель, разсказъ.
Стрѣлочникъ, разсказъ.
Поѣздка въ Ясную Поляну, разсказъ.
Знакомство съ Гоголемъ, разсказъ.

1887.

Именины прабабушки, разсказъ.
Черный годъ, романъ.

1888.

Сторія о Господѣ, разсказъ.

1889.

Московскій Дворянскій институтъ.

1890.

Н. Ѳ. Щербина, воспоминанія.
Шарикъ, разсказъ.
Царевичъ Алексѣй, отрывокъ изъ неоконченнаго истор. романа.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ДЕВЯТИ ТОМАМЪ ПОСМЕРТНАГО ИЗДАНІЯ *).

*) Римскія цифры указываютъ тома, арабскія—страницы томовъ.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

